

1811—1911.

ТОВАРИЩИ ПУШКИНА

ПО

ИМПЕРАТОРСКОМУ

ЦАРСКОСЕЛЬСКОМУ ЛИЦЕЮ.

Материалы для словаря лицейстовъ

Перваго курса 1811—1817 г.

СОБРАЛЪ И ИЗДАЛЪ

НИКОЛАЙ ГАСТФРЕЙНДЪ.

ТОМЪ I.

1) В. Д. Вольховскій.	5) С. Г. Ломоносовъ.
2) Кн. А. М. Горчаковъ.	6) Н. А. Корсаковъ.
3) Д. Н. Масловъ.	7) Гр. М. А. Корфъ.
4) В. К. Кюхельбекеръ, (отдѣльный томъ).	8) Ф. Х. Стевенъ.
	9) С. Д. Комовскій.
	10) Бар. П. Ф. Гревеницъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

Типография П. П. Сойкина Спб. Стремянная ул., № 12

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я задался мыслью написать довольно обширный трудъ подъ заглавіемъ: „Біографическій и бібліографическій словарь воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго Лицея и Царскосельскаго Лицейскаго Благороднаго Пансіона“ и ставилъ себѣ задачею внести въ этотъ словарь свѣдѣнія не только о знаменитыхъ и прославившихся воспитанникахъ Лицея, слава которыхъ служить славою и Лицею, но также и о такихъ, которые прошли свой жизненный путь въ тиши и ничѣмъ выдающимся не отличились или другими словами, о всѣхъ безъ изъятія воспитанникахъ, которые кончили полный курсъ Лицея.

Конечно, подобный трудъ долженъ былъ быть предпринятъ не мною, частнымъ лицомъ, хотя и причастнымъ Лицею, какъ его воспитанникъ, но всецѣло самимъ Лицеемъ.

Списки лицеистовъ, печатавшіеся въ прежнихъ „Памятныхъ книжкахъ Лицея“, теперь не печатаются больше. Прежніе списки далеко не полны и ошибочны. Такъ, въ „Памятной книжкѣ“ за 1886 г. при фамиліи воспитанника I курса Пушкина напечатано: „Пушкинъ Александръ умеръ въ званіи камеръ-юнкера. Служилъ въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“. Какъ будто все это важно и характеризуетъ Пушкина. Нѣтъ ни года его рожденія, ни года смерти не сказано даже, что это гениальный поэтъ, слава и гордость Россіи! Въ книжкѣ же за 1856—1857 г.г. и того нѣтъ: при имени Пушкинъ поставленъ крестъ, т. е. что онъ умеръ. Только въ книжкѣ за 1898—99 г.г. показаны даты и то только благодаря заботамъ одного лицеиста XXXI курса, прилагающаго много стараній къ пополненію этихъ списковъ.

Если таково отношеніе „Памятныхъ книжекъ Лицея“, изданія оффиціального и Лицейскаго, къ Пушкину, то что нужно ожидать относительно другихъ воспитанниковъ. Поэтому мы встрѣчаемъ въ спискахъ не только отсутствіе какихъ-либо свѣдѣній, но даже отсутствіе „отчества“ многихъ воспитанниковъ.

Слѣдовательно alma mater должна бы первая озаботиться о собираніи біографическаго матеріала о своихъ воспитанникахъ и не только о знаменитостяхъ, но и о всѣхъ своихъ дѣтяхъ, въ равной мѣрѣ дорогихъ для нея. Если же Лицей объ этомъ не заботится, то такая роль выпадаетъ на отдѣльныхъ частныхъ лицъ.

Но для частнаго лица являются нѣкоторыя непреодолимая трудности и препятствія. Всякому, кто когда-нибудь занимался біографическимъ трудомъ, извѣстны эти мытарства. Если о данномъ лицѣ вы не имѣете печатныхъ источниковъ, то вамъ приходится отыскивать потомковъ даннаго лица по всѣмъ закоулкамъ матушки Россіи и найдя, наконецъ, захудалый отпрыскъ знаменитаго предка, вы ему пишете письмо, но можно быть заранѣе увѣреннымъ, что вы не получите отвѣта или по безграмотству его или по лѣни.

Зная все это по личному горькому опыту я обратился, помѣщая формуляръ Пушкина, въ газету „Новое Время“ ¹⁾ съ просьбою ко всѣмъ лицейстамъ сообщить какія-либо свѣдѣнія объ ихъ предкахъ. *Ни одинъ лицействъ не отвѣтилъ мнѣ и никто ничего не прислалъ.* Откликнулись только двѣ женщины изъ лицейской семьи.

Когда же вашъ трудъ написанъ, отпечатанъ и поступилъ въ продажу, тогда изъ всѣхъ норъ выступаютъ съ протестами потомки, не говоря о критикѣ, которая разноситъ вашъ трудъ по всѣмъ правиламъ науки. Подобное явленіе очень живо описано графомъ М. А. Корфомъ въ письмѣ къ А. Θ. Бычкову по поводу книги „Графъ Спранскій“ (см. „Русск. Стар.“ 1902 г., т. 119, январь, стр. 169—174). Подобный казусъ былъ и со мною до напечатанія моего труда: племянникъ одного первокурсника обидѣлся, что я его дядю въ декабрьскомъ бунтѣ не выставилъ въ розовомъ свѣтѣ, какъ ему передавали словоохотливые друзья, а между тѣмъ, я упустилъ изъ виду и не напечаталъ, что этотъ дядя въ день 14-го декабря 1825 года былъ пьянъ и учинилъ шантажецъ, указавъ на одного субъекта какъ на заговорщика, чтобы не заплатить ему взятую займа у него сумму денегъ.

Вслѣдствіи разныхъ обстоятельствъ и обширности задачи, я долженъ былъ оставить мысль о составленіи „біографическаго и бібліографическаго словаря воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго нынѣ Александровскаго Лицея и Царскосельскаго Лицейскаго Благороднаго Пансіона“. Я нашелъ, что при тѣхъ условіяхъ, которыя встрѣтились мнѣ на пути, задача эта неисполнима для одного лица. Задача эта всеобъемлюща и такъ какъ я не могу объять необъятнаго, то мнѣ оставалось только сѣзуть задачи моего труда. Поэтому я ограничился только „первымъ курсомъ“ Императорскаго Царскосельскаго Лицея. Я старался собрать, по возможности весь печатный матеріалъ о каждомъ изъ воспитанниковъ перваго курса; изъ рукописнаго матеріала сюда вошли письма первокурсниковъ между собою и между ними и бывшимъ ихъ директоромъ Егоромъ Антоновичемъ Энгельгардтомъ, ихъ формулярные списки и проч. Я знаю, что формулярные списки считаются въ біографіи матеріаломъ недостаточнымъ и на нихъ смотрять съ пренебреженіемъ. Не смотря на это предубѣжденіе, они порою очень интересны, такъ на примѣръ въ очеркѣ о Яковлевѣ фор-

¹⁾ 5-го (17) мая 1899 г.—№ 8327.

мулярныя свѣдѣнія о денежныхъ наградахъ, полученныхъ имъ за кодификаціонныя работы—очень назидательны, хотя бы съ той точки зрѣнія, какъ въ прежнее время цѣнили и щедро награждали за кропотливый трудъ.

Такимъ образомъ, какъ сказано уже выше, я ограничился первымъ курсомъ. Изъ числа этихъ 29 воспитанниковъ я коснулся біографіи 28 изъ нихъ. Одинъ, о которомъ я ничего не говорю и не даю никакихъ біографическихъ свѣдѣній—это Пушкинъ. Писать о Пушкинѣ что-нибудь—не стоитъ; писать же подробно—это заняло бы нѣсколько книгъ. Однако, хотя я и не пишу біографіи Пушкина, тѣмъ не менѣе въ біографическихъ очеркахъ каждаго изъ его товарищей, группирующихся вокругъ него, мнѣ приходится упоминать о Пушкинѣ. Вотъ почему я назвалъ свой трудъ *„Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею. Матеріалы для словаря лицестовъ перваго курса. 1811—1817 г.г.“*.

При распредѣленіи біографій первокурсниковъ всего удобнѣе былъ бы алфавитный порядокъ, но я принялъ систему, которая была принята въ прежнихъ „Памятныхъ книжкахъ“ Лицея, т. е. по отмѣткамъ ихъ успѣховъ при выпускѣ изъ Лицея. Такимъ образомъ идутъ прежде всего воспитанники, окончившіе курсъ Лицея „съ чиномъ IX класса“ (титулярнаго совѣтника)—всего 9 человекъ, затѣмъ воспитанники, окончившіе курсъ „X классомъ“ (съ чиномъ коллежскаго секретаря)—всего 8 человекъ, наконецъ идутъ воспитанники, вышедшіе въ военную службу (таковыхъ Лицей выпускалъ до 1832 года, т. е. до VI курса).

Выпускаемые въ военную службу воспитанники дѣлились на двѣ категоріи: лучшихъ выпускали въ „офицеры гвардіи“, а худшихъ по успѣхамъ въ „офицеры арміи“.

Въ „офицеры гвардіи“ вышло семь воспитанниковъ, и въ томъ числѣ Вольховскій, окончившій Лицей съ первою золотою медалью, поэтому я его выдѣлилъ и поставилъ первымъ въ списокѣ, выше Горчакова, получившаго только 2-ю золотую медаль, но поставленнаго первымъ въ списокѣ кончившихъ съ чиномъ IX класса, съ которыхъ и начинается списокъ въ памятныхъ книжкахъ. Въ „офицеры арміи“ выпущено 5 человекъ. Кромѣ того я позволилъ себѣ выдѣлить изъ окончившихъ „IX классомъ“ воспитанника Кюхельбекера въ отдѣльный выпускъ моего труда.

Такимъ образомъ списокъ этотъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Офицеръ гвардіи:

Вольховскій, Владиміръ Дмитріевичъ, 1-ая золотая медаль.

Съ чиномъ IX класса:

Горчаковъ, князь Александръ Михайловичъ, 2-ая золотая медаль.
Масловъ, Дмитрій Николаевичъ, 1-ая серебряная медаль.

Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карловичъ, 3-ья серебряная медаль.
 Ломоносовъ, Сергѣй Григорьевичъ, 4-ая серебряная медаль.
 Корсаковъ, Николай Александровичъ, серебряная медаль.
 Корфъ, графъ Модестъ Андреевичъ, серебряная медаль.
 Стевенъ, Федоръ Христіановичъ.
 Комовскій, Сергѣй Дмитріевичъ.
 Гревениць, баронъ Павелъ Федоровичъ.

Х класса.

Матюшкинъ, Федоръ Федоровичъ.
 Илличевскій, Александръ Демьяновичъ.
 Яковлевъ, Михаилъ Лукьяновичъ.
 Юдинъ, Павелъ Михайловичъ.
 [Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ].
 Дельвигъ, баронъ Антонъ Антоновичъ.
 Костенскій, Константинъ Дмитріевичъ.
 Мартыновъ, Аркадій Ивановичъ.

Офицеры гвардіи:

[Вольховскій, о немъ упомянуто выше].
 Есаковъ, Семень Семеновичъ, 2-ая серебряная медаль.
 Пуцинъ, Иванъ Ивановичъ.
 Саврасовъ, Петръ Федоровичъ.
 Корниловъ, Александръ Алексѣевичъ.
 Бакунинъ, Александръ Павловичъ.
 Малиновскій, Иванъ Васильевичъ.

Офицеры арміи:

Данзасъ, Константинъ Карловичъ.
 Ржевскій, Николай Григорьевичъ.
 Мясоѣдовъ, Павелъ Николаевичъ.
 Тырковъ, Александръ Дмитріевичъ.
 Шевалье де-Касальборгоне, такъ называемый графъ Сильверій
 Броглю (Брольа).

Въ такомъ порядкѣ будутъ помѣщены въ моемъ трудѣ біографіи первокурсниковъ. Я убѣжденъ, что такой порядокъ не вызоветъ серьезныхъ возраженій, такъ какъ если есть смыслъ принять порядокъ алфавитный, то есть также смыслъ принять и такой порядокъ, которому я слѣдую. Подобнымъ порядкомъ могъ бы быть недоволенъ только Броглю, т. е. послѣдній въ спискѣ, между тѣмъ какъ въ алфавитномъ порядкѣ онъ былъ бы вторымъ въ спискѣ.

Выше я упомянулъ о „біографіяхъ“ первокурсниковъ, помѣщенныхъ въ моемъ трудѣ. Это не совсѣмъ вѣрно. Я не предполагалъ писать біографій первокурсниковъ, это просто собраніе сырого матеріала для будущаго біографа ихъ. Я старался собрать все напечатанное о нихъ, написать о каждомъ изъ нихъ біографическій очеркъ. Ограничиваясь только собираніемъ сырыхъ матеріаловъ для будущихъ ихъ біографовъ, я позволилъ себѣ только систематизировать и сгруппировать этотъ сырой матеріалъ по моему разумѣнію... Поэтому было бы ошибочно предъявлять къ этимъ очеркамъ строго научную критику и искать въ нихъ того, чего въ нихъ нѣтъ. Предоставляю другимъ дать блистательный очеркъ каждаго изъ первокурсниковъ въ отдѣльности, — дать художественно-литературную характеристику и біографію ихъ, дѣлать выводы и обобщенія. Я первый сознаю недостатки настоящей книги. Но такъ какъ я принялъ на себя только черновую работу—собрать сырой матеріалъ, то пусть другіе дѣлаютъ бѣловую. *Feci quod potui, faciant meliora potentes!* Вѣроятно даже и въ скромной долѣ собирателя сырого матеріала я также погрѣшилъ. Невозможно объять необъятное. За каждое указаніе о пропускѣ важнаго матеріала я буду весьма признателенъ критикѣ.

Что касается до приводимыхъ здѣсь документовъ, то вездѣ въ нихъ я сохранилъ правописаніе подлинниковъ.

Еще одно послѣднее сказанье... и это предисловіе будетъ закончено.

Я долженъ здѣсь принести глубокую благодарность Татьянѣ Борисовнѣ Семечкиной, рожденной Данзасъ, дочери лицеиста II курса, современника и товарища „первокурсниковъ“ — за дозволеніе украсить этотъ трудъ портретами первыхъ лицеистовъ, имѣющимися въ ея коллекціи и рисованными лицейскимъ учителемъ рисованія Чириковымъ. Она дозволила мнѣ украсить этотъ трудъ портретами слѣдующихъ первокурсниковъ: князя Горчакова, барона Дельвига, Корсакова, Матюшкина, Стевена и Яковлева. Татьянѣ Борисовнѣ я также обязанъ любезнымъ дозволеніемъ воспользоваться стихотвореніями лицеистовъ изъ принадлежащаго ей сборника „Духъ лицейскихъ Трубадуровъ“.

Я долженъ помянуть добрымъ словомъ незабвенную память Софьи Ивановны Штакеншнейдеръ, рожденной Малиновской, которая прислала мнѣ свои воспоминанія объ отцѣ, его фотографіи и два письма къ нему отъ Горчакова.

Не могу умолчать о товарищеской услугѣ, оказанной мнѣ рано умершимъ Павломъ Яковлевичемъ Дашковымъ. Онъ мнѣ дозволилъ воспользоваться, изъ своего замѣчательнаго собранія автографовъ, перепискою Е. А. Энгельгардта съ своимъ воспитанникомъ Ѳ. Ѳ. Матюшкинымъ.

О другихъ лицахъ я не упоминаю здѣсь, такъ какъ я поблагодарилъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ печатаемыхъ біографическихъ очерковъ. Приношу мою сердечную благодарность моему долголѣтнему

сотруднику Георгію Іоаннікієвичу Лещенко, а також и Николаю Івановичу Ктиторову.

Въ заключеніе я могу сказать словами лѣтописца: „Отцы и братья! Аще же гдѣ описахъ, не дописахъ или переписахъ, чтите, исправляя, Бога для, а не кляните“...

Николай Гастфрейндъ.

19-го октября 1911 г.

С.-Петербургъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВАГО ТОМА.

	СТР.
1. В. Д. Вольховскій, съ портретомъ, снимкомъ съ рукописи и факсимиле.	1—286
Письма Вольховскаго къ барону Г. В. Розену	219—286
2. Кн. А. М. Горчаковъ, съ портретомъ	287—355
3. Д. Н. Масловъ.	357—371
4. В. К. Кюхельбекеръ, отдѣльный томъ	— — —
5. С. Г. Ломоносовъ	375—398
6. Н. А. Корсаковъ, съ портретомъ	399—454
а) П. А. Корсаковъ.	440
и б) Кн. М. А. Дондуковъ-Корсаковъ	450
7. Гр. М. А. Корфъ, съ портретомъ.	455—494
8. Ф. Х. Стевень, съ портретомъ	495—516
9. С. Д. Комовскій, съ портретомъ	517—548
10. Бар. П. Ф. Гревениць	549—563

1.

ВЛАДИМІРЪ ДМИТРИЕВИЧЪ

ВОЛЬХОВСКІЙ.

(Род. 1798 г. † 7 марта 1841 г.).

ПЕРВАЯ ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

Владимиръ Золотовъ

По вѣрному замѣчанію академика Я. К. Грота „Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій былъ однимъ изъ замѣчательныхъ характеровъ въ лѣтописяхъ Лицея“. Вольховскій не только воспитанникъ перваго выпуска Царскосельскаго Лицея, но онъ является первою золотою медалью Лицея, его имя стоитъ первымъ на мраморной доскѣ Лицея и такимъ образомъ имъ открывается цѣлый рядъ именъ, удостоенныхъ золотыми медалями. Вслѣдствіе этого Вольховскій является по праву первымъ лицеистомъ, это первый изъ „первенцевъ Лицея“, какъ мѣтко назвалъ первый курсъ Лицея Яковъ Карловичъ Гротъ.

Фамилія Вольховскихъ писалась и черезъ „о“ и черезъ „а“, съ еремъ и безъ него. По поводу правописанія фамиліи лицеиста Вольховскаго академикъ Яковъ Карловичъ Гротъ (лицеистъ VI выпуска, род. 1812 † 1893 г.) дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе (см. „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, Спб. 1899 г. стр. 175): „По разсказу одного изъ родственниковъ его (Вольховскаго) оказывается, что фамилія Волховскихъ и Вольховскихъ принадлежитъ одному и тому же роду. Но Владимиръ Дмитріевичъ Вольховской съ самаго поступленія въ Лицей сталъ писать свою фамилію съ еремъ. Современникъ добавляетъ, что въ послѣднее время жизни Владиміра Дмитріевича одинъ изъ недруговъ его обратилъ вниманіе Императора Николая на такое измѣненіе, съ перемѣщеніемъ и акцента, какъ ополяченье русскаго имени и что Государь выразилъ по этому поводу свое неудовольствіе на Вольховскаго, который и безъ того въ немилости по наговору своего начальника барона Розена на Кавказѣ“. Послѣднее совершенно не вѣрно: Розенъ здѣсь не при чемъ, виною былъ Ганъ, какъ это увидимъ ниже. Это же примѣчаніе находится въ комментаріи Я. К. Грота по поводу письма Пушкина къ И. И. Мартынову 1815 г. (см. Рус. Арх. 1887 г. кн. 12, стр. 108). Сдѣлавъ это примѣчаніе, Я. К. Гротъ продолжаетъ, однако, вездѣ писать Вольховскій черезъ букву „а“, хотя слѣдуетъ замѣтить, что ошибку эту онъ исправляетъ на стр. 267 ¹⁾ гдѣ говоритъ: „слѣдовало бы по настоящему писать Вольховскій“. Мы вездѣ придерживаемся правописанія на букву „о“, какъ на основаніи вышеизложенныхъ соображеній, такъ, въ особенности, на основаніи біографіи, написанной его другомъ, родственникомъ и товарищемъ И. В. Малиновскимъ. Кромѣ того директоръ Лицея Е. А. Энгельгардъ и всѣ товарищи Вольховскаго въ письмахъ своихъ къ нему неизмѣнно пи-

¹⁾ Своего труда «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, Спб. 1899 г.

шутъ его фамилію черезъ „о“, какъ въ этомъ мы убѣдились лично изъ 76 писемъ, хранящихся въ Пушкинскомъ Музеѣ въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ. Дозволеніемъ воспользоваться этими документами я обязанъ покойному Директору Лицея Александру Петровичу Саломону. Что же касается до окончанія фамиліи Вольховскій, т. е. какъ ее писать черезъ „іі“ или черезъ „ой“, то мы не могли установить однообразія потому что, какъ товарищи, такъ и Энгельгардтъ писали ее разно. Такъ, на примѣръ, послѣдній въ своихъ первыхъ письмахъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, называлъ его просто лицейскою кличкою: „Суворчикъ“ и только когда Вольховскій окрысился, будучи въ чинѣ полковника, то Энгельгардтъ сталъ называть его сперва Вольховскій, а потомъ Вольховской.

Въ основу нашего очерка положена біографія Вольховскаго написанная И. В. Малиновскимъ и вышедшая безъ фамиліи автора, но что она принадлежитъ Малиновскому видно, какъ изъ записокъ декабриста барона Андрея Евг. Розена, такъ и изъ письма Е. А. Энгельгардта къ Матюшкину отъ 8-го августа 1844 г. (см. въ нашемъ очеркѣ о жизни Малиновскаго). Біографія эта называется: „О жизни Генераль-Маіора Вольховскаго“. Г. Харьковъ. Въ Университетской типографіи 1844 г. На другой сторонѣ отпечатано: „извлечено изъ Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, съ разрѣшенія Господина Харьковскаго и Военнаго Губернатора города Харькова Генераль-Маіора Муханова“. Этой же біографіей пользовался при составленіи своего очерка о Вольховскомъ и Я. К. Гротъ, но я привожу изъ нея заимствованія, держась ближе къ подлиннику, чѣмъ это дѣлалъ Я. К. Гротъ. Кромѣ того я сдѣлалъ много дополненій, вставокъ, выписокъ изъ статей и писемъ товарищей и Энгельгардта, которыя не были извѣстны академику Я. К. Гроту въ 1876 году, когда онъ написалъ свой біографическій очеркъ о Вольховскомъ въ статьѣ „Старина Царскосельскаго Лицея“ въ Рус. Арх. 1875 г. кн. I, (этотъ же очеркъ перепечатанъ въ книгѣ его: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“ Спб. 1899 г. стр. 70—73, подъ заглавіемъ: „Малиновскій и Вольховскій“).

Портретъ В. Д. Вольховскаго, приложенный къ настоящему очерку, принадлежитъ его родственнику г-ну Эльснеру и доставленъ мнѣ г. редакторомъ газеты „Кавказъ“ Константиномъ Николаевичемъ Бѣгичевымъ. Приношу имъ искреннюю благодарность.

Снимокъ съ рукописи В. Д. Вольховскаго 1817 года взятъ изъ альбома директора Лицея Егора Антоновича Энгельгардта, а снимокъ съ его подписи взятъ изъ одного письма его къ генераль-адъютанту барону Григорію Владиміровичу Розену. Копіи эти сняты съ разрѣшенія покойнаго директора Императорской Публичной Библіотеки Генераль-Лейтенанта Николая Карловича Шильдера и при содѣйствіи г. бібліотекаря отдѣла рукописей Ивана Афанасьевича Бычкова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Стр.

- Генеалогическія свѣдѣнія о родѣ Вольховскихъ. — Московскій Университетскій пансіонъ. — Императорскій Царскосельскій Лицей. — Отмѣтки преподавателей и гувернеровъ. — Стихи о немъ товарищей и А. С. Пушкина. — Отзывъ Илличевского. — Занятія математикою. — Взглядъ Модеста Корфа и Вигеля. — Вольховскаго скромность при посѣщеніи Лицея. — Привязанность его къ Е. А. Энгельгардту: его автографъ 1 -- 2

II.

- Поступленіе въ Гвардейскій Генеральный Штабъ. — О преподаваніи военныхъ наукъ въ Лицеѣ. — Значеніе Генеральнаго Штаба при Сухтеленѣ. — Преобразование Генеральнаго Штаба при князѣ Волконскомъ. — Производство въ чины. — Неприятности по службѣ. — Письмо Е. А. по этому поводу. — Топографическія съемки подъ руководствомъ Шуберта. — Командировка въ Бухарію. — Походъ по Витебской и Минской губерніямъ. — Письмо Е. А. Энгельгардта по этому поводу. — Командировка въ Оренбургъ и экспедиція въ Киргизъ-Кайсацкую степь. — Выходъ въ отставку и поступленіе вновь на службу. — Экспедиція для обоарѣнія пространства между Каспійскимъ и Аральскимъ морями и разбитіе Киргизскихъ разбойниковъ близъ устьевъ Сагиры и Эмбы. — Присяга Императору Константину. — Арестъ Вольховскаго 24 -- 44

III.

- Вольховскій замѣшанъ въ дѣлѣ декабристовъ. — Мнѣнія декабристовъ: Розена, И. И. Пущина, Муравьева-Апостола, Трубецкого, Бурцова, Бриггена, Аврамова, Нарышкина, Назимова, Поджіо 2-го, Бестужева-Марлинскаго и Миткова объ участіи Вольховскаго въ ихъ собраніяхъ и въ Союзѣ Благоденствія. — Мнѣніе Вольховскаго о декабристахъ и ихъ дѣятельности. — Освобожденіе отъ слѣдствія. — Присутствіе его при казни декабристовъ. — Декабристы явные и тайные, возвысившіеся до степеней высокихъ 45—51

IV.

- Поступленіе на службу къ ген.-адъют. Паскевичу. — Персидская война. — Командировка къ Персидскому Шаху за контрибуціей

Награды за Персидскую кампанію.—Мнѣніе графа Нессельроде о Вольховскомъ, высказанное Дибичу (письма Энгельгардта).—Назначеніе оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.—Военныя дѣйствія противъ турокъ 1828—1829 г.г.—Награжденіе Вольховскаго орденомъ Св. Георгія 4 ст. за взятіе крѣпости Карса.—Отношеніе Вольховскаго къ декабристамъ, находившимся на Кавказѣ.—Недоброжелательство Паскевича въ отношеніи Вольховскаго.—Взятіе Эрзерума.—Встрѣча съ А. С. Пушкинымъ.—Воспоминанія барона Торнау объ отношеніяхъ Паскевича къ Вольховскому. Письмо Е. А. Энгельгардта и болѣзнь Вольховскаго.—Изъ писемъ Е. А. Энгельгардта къ Ѳ. Ѳ. Матюшкину о Вольховскомъ

Стр.

52—78

V.

Вольховскій у отца своего въ Воронежѣ.—Эпизодъ дѣтства.—Письма И. В. Малиновскаго къ Вольховскому въ Воронежѣ.—Вольховскій снаряжаетъ въ Сибирь жену декабриста Розена, сестру И. В. Малиновскаго.—Хлопоты Вольховскаго о переводѣ съ Кавказа (письма Энгельгардта).—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Назначеніе Генеральнымъ Консуломъ въ Египеть.—Командированъ временно, въ дѣйствующую противъ польскихъ мятежниковъ армію къ 6-му пѣхотному корпусу.—Участвуетъ въ польской кампаніи 1831 г.—Въ битвѣ при Гроховѣ получаетъ чинъ генераль-маіора

79—91

VI.

Служба на Кавказѣ.—Генераль-квартирмейстеръ при баронѣ Г. В. Розенѣ.—17 ноября 1832 года назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.—Ведетъ слѣдствіе о заговорѣ противъ правительства въ Тифлисѣ.—6 апрѣля 1834 года утвержденъ въ должности начальника штаба.—Воспоминанія барона Торнау о Вольховскомъ.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Представленіе Императору Николаю Павловичу.—Письма къ барону Г. В. Розену по этому поводу.—Женитьба на Маріи Васильевнѣ Малиновской.—Письмо Е. А. Энгельгардта къ Вольховскому по поводу его женитьбы.—Письмо Е. А. Энгельгардта къ Ѳ. Ѳ. Матюшкину о свадьбѣ Вольховскаго.—Участіе въ судьбѣ свояка барона Розена-декабриста и его жены Анны Васильевны.—Взялъ ихъ сына къ себѣ.—Возвращеніе на Кавказъ.—Воспоминанія Бриммера.—Взятіе мыса Адлеръ.—Письмо Ѳ. Ѳ. Матюшкина къ Вольховскому по этому поводу.—Пріѣздъ Императора Николая I на Кавказъ.—Увольненіе отъ службы.—Письмо Е. А. Энгельгардта къ Вольховскому по этому поводу.—Взглядъ декабриста Розена и барона Торнау на дѣятельность Вольховскаго на Кавказѣ и на его увольненіе.—Шпіонство г. Васили.—Донось сенатора Гана Императору Николаю Павловичу.—Исторія съ княземъ Дадіаномъ.—Письма Вольховскаго къ своему начальнику барону Г. В. Розену.—Соприкосновенность къ декабристамъ сказалась на судьбѣ Вольховскаго.—Мнѣніе Н. Н. Муравьева-Карскаго.—Воспоминанія баронессы П. Г. Розенъ, въ монашествѣ игуменія Митрофанія.—Письмо Вольховскаго къ барону Г. В. Розену изъ с. Каменки 1839 г.

92—142

VII.

Характеристика Вольховскаго, сдѣланная его другомъ, товарищемъ и биографомъ И. В. Малиновскимъ.—Воспоминанія В. И. Сафонова.—О дружеской перепискѣ Вольховскаго.—Письма рекомендательныя къ нему: Е. А. Энгельгардта, Павла Лукьяновича Яковлева, А. С. Пушкина.—Рекомендательное письмо Вольховскаго о сынѣ Богинскаго.—Письмо Александра Егоровича Энгельгардта о денщикахъ Вольховскаго. — Черновое письмо Вольховскаго о денщикахъ.—Письма Михаила Л. Яковлева о товарищахъ (между прочимъ о празднованіи 25-лѣтія ихъ выпуска).—Письмо барона (графа) М. А. Корфа.— Письмо Ив. Ив. Пущина.—Письмо В. К. Кюхельбекера.—Письмо Н. Кошанскаго.—Письмо Павла Колошина съ припискою Ив. Ив. Пущина 143—165

VIII.

Вольховскій въ отставку.—Имѣніе. — Занятіе хозяйствомъ. — Письма Е. А. Энгельгардта къ Вольховскому.— Забота о родныхъ.—Смерть дочери. — Посѣщеніе села Каменки декабристомъ Розеномъ. — Жизнь Вольховскаго въ деревнѣ по описанію Розена.—Факты изъ частной жизни Вольховскаго, сообщенные И. В. Малиновскимъ. — Заступничество Вольховскаго за князя Дадіана, зятя его бывшаго начальника барона Г. В. Розена.—Послѣднія минуты жизни Вольховскаго. — Его смерть.—Любовь къ женѣ. — Его духовное завѣщаніе.—Мнѣніе П. А. Плетнева о Вольховскомъ.—Характеристика Маріи Васильевны Вольховской, сдѣланная племянницею ея — Софьею Ивановною Штакеншнейдеръ.—Нѣсколько свидѣній о дочери Вольховскаго.—Стихи князя Александра Ивановича Одоевскаго въ честь Маріи Васильевны.—Объ архивѣ Вольховскихъ. 166—188

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Андрианъ Андриановичъ Вольховскій	191—201
II. Графъ Петръ Корниловичъ Сухтеленъ	202—203
III. Свѣтлѣйшій князь Петръ Михайловичъ Волконскій	203—205
IV. Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Шубертъ	206—208
V. Капитанъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Вольховскій (дѣло Государственнаго Архива)	208—213
VI. Павелъ Колошинъ. (Государственный Архивъ дѣло № 16)	213—217
VII. Письма Владиміра Дмитріевича Вольховскаго къ барону Григорию Владиміровичу Розену, Начальнику Кавказскаго Отдѣльнаго Корпуса	219—286

Примѣчаніе.

Аванасій Вольховскій II	201—202

I.

Генеалогическія свѣдѣнія о родѣ Вольховскихъ.—Московский Университетскій пансіонъ.—Императорскій Царскосельскій Лицей.—Отмѣтки преподавателей и гувернеровъ.—Стихи о немъ товарищей и А. С. Пушкина.—Отзывъ Иличевского.—Занятія математикою.—Взглядъ Модеста Корфа и Вигеля.—Вольховскаго скромность при посѣщеніи Лицея.—Привязанность его къ Е. А. Энгельгардту.—Его автографъ.

„Спартанскую душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вольховскій сядетъ первой...

Пушкинъ ¹⁾).

Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій родился въ 1798 году въ Полтавской губерніи отъ весьма небогатыхъ, благородныхъ родителей. Отецъ его изъ гусаръ, въ царствованіе Императора Павла I-го былъ назначенъ, въ числѣ отличнѣйшихъ штабъ-офицеровъ арміи, къ исправленію Комиссарскихъ дѣлъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщаетъ біографъ Вольховскаго—И. В. Малиновскій, его другъ, товарищъ и родственникъ. То же самое свѣдѣніе мы находимъ въ дѣлахъ Архива Царскосельскаго Лицея, гдѣ сказано, какъ мы увидимъ ниже, что В. Д. Вольховскій былъ сыномъ Комиссіонера 8 класса. Между тѣмъ въ Архивѣ Главнаго Интендантскаго Управленія, находящемся въ Алексѣевскомъ рavelинѣ Петропавловской крѣпости въ С.-Петербургѣ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о Комиссіонерѣ 8 класса Дмитріи Вольховскомъ: нѣтъ ни формуляра его и вообще никакого дѣла о немъ. Намъ объяснили, что это могло произойти оттого, что Вольховскій былъ слишкомъ недолгое время Комиссіонеромъ ²⁾.

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова, т. II, стр. 39, изд. А. С. Суворина, 1903 г. Спб.

²⁾ Въ этомъ Архивѣ находится большое дѣло о его братѣ Адрианѣ Адриановичѣ Вольховскомъ, о которомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Объ Адрианѣ Вольховскомъ существуетъ еще особое дѣло въ Архивѣ Особой Канцеляріи Военнаго Министерства, которое осталось, къ сожалѣнію, нами не использовано, вслѣдствіе особаго взгляда помощника начальника Архива к. ас. Георгія Андреевича Соколова, который нашель, что дѣло объ

Изъ фамиліи Вольховскихъ выдѣляются два іерарха русской церкви. Въ какомъ родствѣ они находились съ Вольховскими, о которыхъ мы пишемъ, намъ неизвѣстно. Оба іерарха носили одно и то же имя. Афанасій Вольховскій I—изъ архимандритовъ Троице - Сергіевой Лавры; въ 1758 г. апрѣля 23—епископъ Тверской; въ 1763 г. мая 26—епископъ Ростовскій; скончался въ 1776 г. февраля 15 ¹⁾. Афанасій Вольховскій II—изъ архимандритовъ Юрьевского монастыря, въ 1778 г., іюля 30—епископъ Старорусскій, въ 1795 г., марта 5—епископъ Могилевскій, въ 1797 г., августа 27 уволенъ на покой въ Лубенскій Мгарскій монастырь, скончался въ 1801 году января 1 ²⁾.

Что же касается до рода В. Д. Вольховскаго, то мы можемъ дать нѣсколько краткихъ свѣдѣній о его генеалогіи. Первый, о комъ есть свѣдѣнія, изъ этого рода—дворянинъ Московскій губерніи Адріанъ Вольховскій. Его сынъ, Дмитрій Адріановичъ—отецъ лицеиста, вступилъ въ службу въ 1776 году, корнетомъ былъ въ 1781 г., поручикомъ—въ 1787 г. и Комиссіонеромъ 8-го класса—въ 1804 году. Жена его называлась—Александра Матвѣевна. У нихъ были дѣти: 1) Владиміръ (лицеистъ перваго курса), 2) Дмитрій; 3) Константинъ ³⁾; 4) Анна, род. въ 1793 г.; 5) Надежда, род. въ 1796 г.

этомъ Вольховскомъ совершенно не нужно мнѣ для біографіи Владиміра Вольховскаго; съ этимъ просвѣщеннымъ взглядомъ согласилось все остальное высшее начальство и мнѣ не дозволено было списать эти документы, хотя я ознакомился со всѣмъ этимъ «дѣломъ» въ сосѣднемъ архивѣ Главнаго Интендантскаго Управленія, гдѣ это «дѣло» включаетъ въ себя 165 листовъ, а въ Архивѣ Канцеляріи оно состоитъ изъ 20 листовъ и включаетъ въ себя опроверженіе доноса, сдѣланнаго на Вольховскаго его подчиненнымъ; почему найдено было неудобнымъ дозволить мнѣ воспользоваться этимъ дѣломъ—остается тайною помощника начальника Архива. Такъ какъ я самъ читалъ это дѣло и почему-то послѣ меня оно было прочитано помощникомъ начальника Архива, то я могу догадаться, что въ этомъ доносѣ было только одно мѣсто, которое могло смутить г. Соколова, гдѣ говорится, что Адріанъ Вольховскій, все его семейство и предки—калужные изъ Сибири. Неужели это могло смутить г. Соколова? Во всякомъ случаѣ, изъ моихъ мытарствъ по Архивамъ это, къ счастью, первый примѣръ, что архивный чиновникъ рѣшаетъ, что данные матеріалы не годятся для моего труда.

¹⁾ «Истор. Вѣстн.» 1903 г., т. XCIV, ноябрь, стр. 574; тамъ же указаніе на Бильбасова: Екатерина II, т. II, стр. 230,-- и Чтенія въ общ. истор. и древн. росс. 1882 г. кн. II, стр. 130.—Списки архіереевъ іерархіи всероссійской и архіерейскихъ кафедръ со времени учрежденія Правительствующаго Синода (1721—1895). Спб. Синодальная типографія, 1896 г., стр. 11, № 93. См. также «Русск. Арх.» 1906 г., кн. 5, стр. 6—8, статья А. Титова: «Изъ старыхъ рукописей».

²⁾ Списки архіереевъ іерархіи всероссійской... стр. 16, № 156, см. оттискъ изъ «Могилевск. Епарх. Вѣд.» 1902 г., № 5, 6, 7, ст. Платона Г'орючко: Аѳанасій Вольховскій, епископъ Могилевскій и Полоцкій, стр. 1—2, 31.

³⁾ О Константиѣ Дмитріевичѣ Вольховскомъ намъ почти ничего неизвѣстно. Въ одномъ изъ писемъ Ф. Х. Стевена къ В. Д. Вольховскому отъ 8 мая 1830 г. находится слѣдующее о немъ указаніе: «Братъ вашъ Константинъ Дмитріевичъ недѣли двѣ тому назадъ присылалъ ко мнѣ за деньгами, которыя вы назначили ему выдать, но такъ какъ у меня тогда наличныхъ не было, то я и не могъ удовлетворить его требованій;

15-го января, въ Москвѣ и 6) Ольга ¹⁾), родилась въ 1800 году ²⁾. Первоначальное образованіе Владиміръ Дмитріевичъ получилъ въ Московскомъ Университетскомъ пансіонѣ и, безъ всякой протекціи, былъ представленъ, какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ благороднаго пансіона, кандидатомъ къ поступленію въ только что основанный тогда Императорскій Царскосельскій Лицей. О жизни въ Университетскомъ пансіонѣ въ Москвѣ мы находимъ очень интересныя свѣдѣнія въ «Воспоминаніяхъ Валеріана Ивановича Сафонова». Безспорно, что многіе порядки, заведенные въ Москвѣ, въ Университетскомъ пансіонѣ были перенесены въ новосозданный Царскосельскій Лицей. Это объясняется тою лестною репутаціею, которою пользовался Университетскій пансіонъ, какъ среди общества, такъ и среди тогдашняго педагогическаго міра. Такъ, напримѣръ, образованіе литературнаго общества среди юныхъ лицейстовъ можно объяснить тѣмъ, что изъ числа тридцати воспитанниковъ перваго курса Лицея шесть человекъ поступило туда изъ Московскаго Университетскаго пансіона, «гдѣ, какъ говоритъ Я. К. Гротъ, подъ вліяніемъ и по примѣру воспитывавшагося въ немъ Жуковскаго, уже была въ значительной степени развита литературная дѣятельность: извѣстно, что Жуковскій съ товарищами еще въ бытность свою въ Университетскомъ пансіонѣ издавалъ журналы («Утренняя Заря» и др.), въ которыхъ печатались ихъ юношескіе опыты въ стихахъ и прозѣ» ³⁾). Но кромѣ этого, такъ сказать, литературнаго позаимствованія были сдѣланы еще нѣкоторыя мелкія, такъ, напримѣръ, изъ пансіона было позаимствовано средство къ обученію языкамъ въ свободное отъ занятій время: тому воспитаннику, который при французскомъ или нѣмецкомъ гувернерѣ, въ дни ихъ дежурствъ, говорилъ съ товарищами не на иностранномъ языкѣ, вручался билетъ; получившій этотъ билетъ старался вручить его товарищу, заговорившему по-русски, билетъ, оказавшійся

нынѣ же, получивъ опять нѣсколько денегъ, я непремѣнно доставлю къ нему 200 р...» въ концѣ же этого письма значится: «Деньги выданы брату вашему; онъ уже подалъ въ переходъ».

¹⁾ О сестрѣ В. Д. Вольховскаго—Ольгѣ Дмитріевнѣ между прочимъ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ отъ 28 декабря 1824 года И. М. Сивгиревъ, который говоритъ, что «вмѣстѣ съ О. Д. Вольховской ѣздили въ вознителяльный домъ къ обѣднѣ». «Рус. Арх.» 1902 г., кн. 8, стр. 551.

²⁾ За сообщеніе этихъ свѣдѣній я многимъ обязанъ покойному Виталию Владиславовичу фонъ-Руммелю, не отказавшему подѣлиться своими обширными и цѣнными познаніями въ генеалогіи и своими огромными матеріалами.

Всякій, кто обращался къ В. В., помнитъ ту сердечную доброту и просвѣщенное вниманіе, съ которыми В. В. фонъ-Руммель относился къ труженикамъ пера.

Свѣдѣнія о другомъ сынѣ Адріана Вольховскаго—Адріанѣ Адріановичѣ см. въ концѣ книги—приложеніе № 1.

³⁾ Пушкинъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ, въ кн. Я. К. Грота: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб. 1899 г., стр. 5.

къ извѣстному часу вечера у ученика, влекъ за собою для него извѣстное наказаніе.

Въ виду этихъ фактовъ и того, что нѣсколько человѣкъ изъ Университетскаго пансіона поступило въ Лицей, мы думаемъ будетъ небезполезнымъ ознакомиться здѣсь съ порядками Московскаго Университетскаго пансіона, съ житьемъ и обиходомъ этого заведенія. Поэтому мы позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь большую выписку изъ воспоминаній Валерьяна Ивановича Сафоновича, относящаяся какъ разъ къ этому періоду времени. Вотъ что онъ пишетъ: ¹⁾ «Насъ привезли прямо въ пансіонъ къ Антонскому. Это было одно изъ лучшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Оно не имѣло правъ, да и при учрежденіи его ни о какихъ правахъ и не думали. Туда охотно отдавали дѣтей, привозя ихъ со всѣхъ концовъ Россіи. Оттуда выходили во всякое время, кому куда угодно: въ военную или гражданскую службу. Тѣ, которые хорошо учились, оставались долго, держали экзаменъ для поступленія въ студенты университета и, продолжая ученіе въ пансіонѣ, ходили на лекціи въ университетъ. Директоръ Антонскій пользовался общимъ уваженіемъ, держалъ себя съ достоинствомъ, былъ человѣкъ весьма ловкій, смѣтливый. Какъ профессоръ онъ не имѣлъ большого значенія. Онъ преподавалъ сельское хозяйство. Кажется, эту кафедру выдумали для него; она вовсе не нужна была для студентовъ. Впрочемъ, полагать надобно, что онъ эту часть зналъ хорошо, самъ занимаясь хозяйствомъ. У него было прекрасное имѣніе верстахъ въ 60-ти отъ Москвы, недалеко отъ Троицко-Сергіевской Лавры, куда онъ уѣзжалъ на цѣлое лѣто, во время каникулъ. Имѣніе это было отлично устроено. Вообще Антонскій успѣлъ составить себѣ весьма хорошее состояніе, живя чрезвычайно экономно и пользуясь содержаніемъ отъ пансіона, гдѣ онъ и жилъ. По литературной части онъ извѣстенъ какъ сочинитель книги о воспитаніи, которая въ то время имѣла успѣхъ. Какъ директоръ пансіона, онъ много принесъ пользы юношеству, которое тамъ воспитывалось. Онъ управлялъ заведеніемъ болѣе 25 лѣтъ сряду. Тамъ получили воспитаніе многіе замѣчательные люди, какъ-то: Жуковский, Кайсаровы, Магницкій, Озеровъ, Милоновъ и др. Антонскаго знали во всѣхъ концахъ Россіи; онъ былъ человѣкъ весьма уживчивый въ обществѣ, умѣлъ пользоваться обстоятельствами и, главное, управлять собою: Онъ вынесъ изъ мѣста своего воспитанія нѣкоторую жесткость характера, но могъ тотчасъ совладѣть съ собою, какъ скоро являлся свидѣтель и онъ немедленно превращался въ самое кроткое существо. Съ родителями былъ онъ до крайности вѣжливъ и внимателенъ; они были ему признательны и не жалѣли подарковъ. При всемъ недостаткѣ глубокой учености, онъ далеко»

¹⁾ «Русск. Арх.» 1903 г., кн. 1, стр. 117.

превосходилъ своихъ товарищей профессоровъ въ знаніи общества и людей. Умъ его былъ гибкій и изворотливый. Его очень боялись въ пансіонѣ. Онъ умѣлъ держать всѣхъ въ должномъ порядкѣ. Бывали минуты, когда онъ позволялъ себѣ весьма жестокое обхожденіе съ подчиненными и воспитанниками и мало въ этомъ случаѣ церемонился; иногда вырывались у него такія выраженія, которыя не обличали въ немъ свѣтскаго человѣка, но осуждать его вполне нельзя. Въ такомъ обширномъ и отвѣтственномъ управленіи нельзя было не увлечься и не выразить негодованія своего въ формахъ, которыя не всегда можно было одобрить; иначе не удержался бы порядокъ. Въ пансіонѣ воспитывалось болѣе 300 юношей, и большая часть оставившихъ заведеніе всегда отзывались о немъ съ чувствомъ и признательностью. Рѣдкій изъ нихъ, проѣзжая Москву, не заходилъ въ пансіонъ повидаться съ Антонскимъ, который всегда встрѣчалъ пріѣзжаго съ особеннымъ радушіемъ. Многие занимали почетныя должности въ гражданской службѣ; большинство служило въ гвардіи. Это много льстило самолюбію Антонскаго. Онъ себѣ приписывалъ нѣкоторую долю успѣховъ ихъ въ обществѣ и по службѣ. Всѣ эти люди прославляли пансіонъ и тѣмъ привлекали туда другихъ молодыхъ людей.

Пансіонеры платили за себя сперва 400 руб., а потомъ 600 руб. ассигнаціями: сумма довольно незначительная, но по дешевизнѣ предметовъ въ то время очень достаточная. Нѣтъ сомнѣнія, что при большомъ числѣ воспитанниковъ была и экономія, и такъ какъ управленіе пансіономъ происходило совершенно на частномъ основаніи и никогда не было подъ университетскимъ контролемъ, хотя пансіонъ и именовался университетскимъ, то директоръ, конечно, и могъ распоряжаться суммами по своему произволу. Антонскій, какъ человѣкъ умный, чрезвычайно расчетливый и въ жизни воздержный, скоро составилъ себѣ очень порядочное состояніе. У него было слишкомъ 700 душъ крестьянъ и много денегъ въ билетахъ сохранной казны. Не будучи женатъ, онъ немного тратилъ при всемъ готовомъ содержаніи. Все имѣніе его досталось дѣтямъ брата его Михаила Антоновича.

Въ пансіонѣ было семь классовъ. Поступающій, по экзамену, назначался въ тотъ классъ, который по каждому предмету соотвѣтствовалъ его познаніямъ. Иногда случалось такъ, что въ одномъ предметѣ онъ былъ очень слабъ, и его помѣщали въ самомъ низшемъ классѣ седьмомъ; въ другомъ же былъ сильнѣе и его сажали въ высшій классъ, въ шестой, въ пятый, смотря по тому, какой курсъ пригоденъ былъ для его познаній въ предметѣ. Такимъ образомъ, на примѣръ, не знающій языковъ сидѣлъ въ самомъ послѣднемъ классѣ, гдѣ преподавали только начальныя правила языковъ, а по математикѣ, которую знали хорошо, находился иногда въ четвертомъ классѣ, гдѣ занимались уже геометріею и алгеброю. Это чрезвычайно способствовало успѣхамъ.

Въ новѣйшее время введенъ по гимназіямъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ совершенно другой порядокъ. Воспитанникъ вовсе не переводится въ высшій классъ, если успѣшно не выдержалъ экзамена и не имѣлъ опредѣленнаго числа балловъ по всѣмъ предметамъ и остается въ низшемъ классѣ, хотя нѣкоторые изъ преподаваемыхъ тамъ предметовъ ему хорошо знакомы и онъ долженъ будетъ напрасно повторять зады. Въ Московскомъ пансіонѣ этого случиться не могло. Знаніе предметовъ не было обязательно; каждый подвигался въ классъ по тому предмету, который былъ ему подъ силу. Срока для пребыванія въ пансіонѣ не опредѣлялось: воспитанники могли выходить изъ него, когда вздумаютъ родители. Иные находились по шести и болѣе лѣтъ, другіе оставались недолго. Поступали въ различныхъ возрастахъ; можно было поступить прямо въ высшіе классы, если юноша хорошо былъ приготовленъ, и, слѣдовательно, оставаться въ пансіонѣ недолго. Воспитанники раздѣлялись на отдѣленія по возрастамъ и успѣхамъ въ наукахъ. Было пять или шесть отдѣленій, и каждое имѣло особое свое помѣщеніе; въ двухъ отдѣленіяхъ сверхъ того помѣщались лучшіе воспитанники: одно изъ нихъ называлось полуотличнымъ, а другое отличнымъ. Попастъ въ эти отдѣленія было довольно трудно: требовалось много условій, надобно было и ученіемъ и поведеніемъ обратить на себя особенное вниманіе... Это сильно льстило самолюбію юношей. На отличныхъ смотрѣли съ большимъ уваженіемъ, которымъ воспитанники долго пользовались и по выходѣ изъ заведенія.

Насъ, говорятъ Сафоновичъ, какъ маленькихъ, помѣстили въ отдѣленіе малолѣтнихъ. Въ каждомъ отдѣленіи были особые надзиратели, которые жили тутъ же за перегородкою. Надзиратели были большею частью иностранцы для разговоровъ съ воспитанниками на иностранныхъ языкахъ; за недостаткомъ нѣмцевъ и французовъ были и русскіе. Надзиратели не всегда отличались примѣрностію своего поведенія; впрочемъ трудно было требовать совершенства отъ людей, которые рѣшались принимать на себя такія хлопотливыя и мало-выгодныя въ денежномъ отношеніи должности. Нѣкоторые изъ тѣхъ надзирателей часто подвергались насмѣшкамъ, но они немного ими оскорблялись и терпѣли, не желая потерять своихъ мѣстъ... Особенныхъ скандаловъ было однако-жъ мало. Антонскій ловко спускалъ тѣхъ, которые оказывались очень плохими. Всѣ надзиратели состояли подъ ближайшимъ наблюденіемъ инспектора. Въ это время инспекторомъ былъ нѣкто баронъ Швейнфельдъ... По крайней мѣрѣ у насъ его называли барономъ, хотя сомнительно, чтобъ такая фамилія могла пріобрѣсти баронство. Его никто терпѣть не могъ за глупое и грубое обращеніе. Антонскій имѣлъ высшую инспекцію. Онъ не часто показывался воспитанникамъ и очень хорошо дѣлалъ: его за то больше боялись и уважали. Онъ никогда не суетился, шелъ всегда тихо, рѣдко кричалъ; при по-

явленіи его можно было разслышать жужжаніе мухи. Онъ окидывалъ взоромъ классъ или отдѣленіе и спокойно уходилъ назадъ. Въ пансіонѣ наказывали рѣдко. Самое обыкновенное наказаніе было остаться безъ чаю, безъ одного, двухъ или трехъ блюдовъ за обѣдомъ или ужиномъ, безъ булки вечеромъ; болѣе сильное наказаніе—стоять во время обѣда у печки, что называлось за ослинымъ столомъ. Я не помню, чтобъ дѣтей сѣкли; если же это и случалось иногда съ нѣкоторыми, то развѣ съ самыми закоренѣлыми упрямыми или лѣнтяями. Антонскій велъ себя осторожно; онъ не хотѣлъ ссориться съ публикою, особенно съ мамоньками и тетушками, которыя не принимаютъ въ уваженіе причинъ и всегда находятъ, что ихъ сынки и племянники страдаютъ невинно и, какъ обыкновенно увѣряютъ ихъ, по чьей-нибудь злобѣ за правду.

Однимъ изъ важныхъ способовъ къ удержанію юношей въ порядкѣ было слѣдующее распоряженіе. Въ каждомъ отдѣленіи было заведено, что поведеніе воспитанниковъ оцѣнивалось ежедневно и по прошествіи недѣли, т. е. въ субботу, провинившійся въ чемъ-нибудь становился по списку ниже тѣхъ, которые вели себя хорошо. Часто стоявшіе по списку высоко становились за проступокъ послѣдними и не иначе пріобрѣтали прежнія мѣста свои, какъ по прошествіи долгаго времени, когда другіе провинившіеся очищали ихъ потерю своего старшинства. Въ каждомъ отдѣленіи первые очень дорожили своими мѣстами, съ которыми сопряжены были нѣкоторыя преимущества, заключающіяся въ томъ, что на нихъ обращено было особенное вниманіе директора и надзирателей. Всякая вина отличалась (отмѣчалась) такъ называемымъ штрихомъ; нѣкоторые имѣли по нѣсколько штриховъ въ недѣлю, сидѣли по списку и въ репетиціонныхъ комнатахъ въ числѣ послѣднихъ и мало имѣли надежды повиситься. Это были самые плохіе воспитанники... Находившіеся все время по спискамъ въ числѣ первыхъ, если при томъ они возвышались въ классахъ и уже достаточно выросли, переводились въ отдѣленіе полуетличныхъ, а оттуда, въ случаѣ открытія ваканціи, въ отдѣленіе отличныхъ, гдѣ было всего только 9 воспитанниковъ. Это была такая высокая почеть, на которую всѣ смотрѣли съ какимъ-то благоговѣніемъ. Отличные сидѣли во время завтрака, обѣда и ужиномъ (ужина) за круглымъ столомъ по срединѣ залы, между тѣмъ какъ всѣ прочіе помѣщались за продолговатыми столами по сторонамъ комнаты. Отличные по очереди имѣли обязанность слѣдить за поведеніемъ воспитанниковъ младшихъ отдѣленій, въ отсутствіи надзирателей заступали ихъ мѣста, имѣли право взыскивать съ виновныхъ. Нѣкоторые тяготились этими преимуществами; другіе, напротивъ, ими величались ¹⁾.

¹⁾ Такіе же точно порядки были заведены и въ только что основанномъ Царско-сельскомъ Лицеѣ. Н. Г.

Нельзя не отдать справедливости этому устройству. Оно поддерживало порядокъ въ заводеніи, развивало самолюбіе воспитанниковъ, частью облагораживало ихъ; о скандалахъ, которыми отличались новѣйшія заведенія, не было и слышно. Должно однако-жь приписать это самому московскому обществу, гдѣ не терпѣлось ничего слишкомъ пошлаго и грязнаго. Пансіонъ часто былъ посѣщаемъ московскою публикою. На актахъ собиравлось многочисленное общество лучшихъ городскихъ фамилій; въ пансіонѣ сверхъ того зимою бывали балы, театры и концерты. Всѣ туда ѣздили съ особеннымъ удовольствіемъ. Почти каждый воспитанникъ имѣлъ кого-нибудь знакомаго изъ пріѣзжающихъ, а не имѣвшіе ни родныхъ, ни знакомыхъ старались знакомиться и принадлежать къ порядочному кругу, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя семейства въ Москвѣ, давая у себя балы, приглашали воспитанниковъ, которые были поразвѣнѣе и любезнѣе. Многимъ хотѣлось попасть на эти балы, и они вообще старались держать себя прилично и осторожно.

Каждый годъ происходили въ пансіонѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ экзамены, которые опредѣляли степень способности воспитанника въ каждомъ предметѣ и служили основаніемъ къ переводу въ высшій классъ. Такимъ образомъ случалось, что юноша по одному предмету проходилъ выше, а по другому оставался въ прежнемъ классѣ. Послѣ экзаменовъ, продолжавшихся два или три дня, происходилъ торжественный актъ, на которомъ воспитанники выказывали свои искусства: играли на скрипкѣ, на фортепьянахъ, читали свои стихи, фехтовали. Актъ всегда начинался рѣчью... Подъ конецъ раздавали достойнымъ награды: книги, ноты, картины, разныя учебныя вещи, наконецъ старшимъ медали серебряныя и золотыя безъ имени, и съ именемъ, при похвальныхъ листахъ. Нѣкоторые воспитанники, получившіе уже золотыя медали, оставались послѣ того въ пансіонѣ еще лишній годъ. Тогда, чтобъ наградить ихъ, придумали давать имъ глобусы, въ родѣ чернилицы, которая складывалась. Послѣ этой награды вносили имя воспитанника на золотую доску въ память отдаленнаго потомства. Такихъ именъ въ мое время съ конца прошлаго столѣтія накопилось до 30.

Лѣтомъ пансіонъ пустѣлъ... Воспитанники разѣзжались на каникулы къ роднымъ, которые обыкновенно въ концѣ іюня присылали за ними людей и лошадей. Изъ 300 человекъ оставалось не болѣе 40 и даже меньше. Оставшихся переселяли въ село Всевятекое, въ 6 верстахъ отъ Москвы, гдѣ устраивался для нихъ лагерь. Они располагались въ палаткахъ и учились ружью и воинскимъ маневрамъ. Это придумано было съ цѣлью познакомить юношей съ военною службою, куда многіе поступали по выходѣ изъ пансіона, но главное — доставить имъ развлеченіе и съ пользою занять ихъ. На это время прикомандировывался къ намъ ловкій унтеръ-офицеръ для обученія ру-

жѣйнымъ пріемамъ и маршировкѣ. Команда дѣлилась на взводы, и каждый изъ нихъ по очереди содержалъ въ лагерѣ караулъ; часовые стояли на разныхъ пунктахъ днемъ и ночью по два часа... Стоянка ночью была не очень пріятна, особенно въ концѣ лагеря. Часовыхъ обходилъ рундъ для наблюденія, въ порядкѣ ли караулъ и не спитъ ли часовой. Это съ нѣкоторыми случалось; у нихъ уносили ружья, и на другой день виновный содержался на гаутвахтѣ подъ арестомъ. Утромъ занимались маршировкой, для чего далеко ходили въ поле. Въ остальное время пользовались совершенною свободою, гуляли, купались въ ручьѣ, который запруживали для возвышенія воды. Время шло для насъ очень пріятно. Антонскій съ нами не бывалъ: онъ уѣзжалъ въ свою подмосковную деревню. Такъ проживали мы до августа... потомъ перебирались въ городъ, куда со всѣхъ сторонъ начинали стекаться воспитанники предъ начатіемъ ученія. Каникулы оканчивались 15 августа; съ трудомъ принимались юноши за уроки послѣ разгульной деревенской жизни въ кругу родныхъ.

Я учился изрядно, говоритъ Сафоновичъ, полюбилъ математику и латинскій языкъ и дѣлалъ въ томъ и другомъ порядочные успѣхи. Эти предметы вообще менѣе всего нравятся дѣтямъ, и я какъ будто составлялъ замѣчательное исключеніе. Въ 12 лѣтъ я хорошо зналъ уже геометрію; на латинскомъ языкѣ я старался разговаривать и тѣмъ надобдалъ товарищамъ. Новѣйшіе языки шли очень плохо. Я не могъ составить по-французски ни одной правильной фразы: все позабылъ въ послѣднее время. Хотя и требовалось, чтобъ дѣти по иначе разговаривали между собою какъ по-французски или по-нѣмецки, но это не исполнялось, несмотря на штрафъ, которому подвергались тѣ, у которыхъ случался билетъ, доставшійся за разговоръ на русскомъ языкѣ. Нѣмецкаго языка никто терпѣть не могъ; считалось даже униженіемъ русскому дворянину говорить на немъ: всѣ колбасники и сапожники говорятъ по-нѣмецки. Помочь этому было трудно; непрерывный надзоръ былъ невозможенъ, и воспитанники всегда находили возможнымъ уклоняться отъ приказаній, не сознавая въ то время пользы отъ языковъ. Впослѣдствіи, съ лѣтами, когда являлись въ обществѣ и слышали непрерывно французскій разговоръ, они старались вознаградить потерянное время, чтобъ какъ-нибудь не осрамиться, особенно передъ дамами, вступая съ ними въ объясненія; но прошедшее трудно воротить. Большая часть воспитанниковъ советѣмъ не умѣла говорить ни по-французски, ни по-нѣмецки...

Въ 1811 году весною объявлено мнѣ, говоритъ Сафоновичъ, что я предназначаюсь для поступленія въ Императорскій Царскосельскій Лицей, который только что былъ учрежденъ. Туда потребовали лучшихъ воспитанниковъ младшаго возраста. Всего выбрано было 22 человѣка. Насъ поставили въ

рядъ. Кто-то насъ осматриваль. Я ничего не понималь, для чего меня туда назначаютъ и почему тамъ лучше, нежели здѣсь; но, видя, что я помѣщенъ въ числѣ хорошихъ воспитанниковъ, догадывался, что вѣрно тамъ будетъ мнѣ недурно; при томъ меня веселило, что перемѣню мѣсто, увижу кое-что другое, буду ближе къ Петербургу... Я ожидалъ дальнѣйшей своей участи. Прошло лѣто... Человѣкъ пять, шесть изъ нашихъ уже уѣхали въ Лицеѣ; потомъ отправились еще двое. Обо мнѣ ни слуху, ни духу; отчего я остаюсь, никто мнѣ не объясняль. Наконецъ директоръ Антонскій призваль меня къ себѣ и, выдавая мнѣ программу, о чемъ въ Лицеѣ на экзаменѣ будутъ спрашивать, приказаль приготовиться... Мнѣ назначено было ѣхать съ товарищемъ Масловымъ. Прошло послѣ этого недѣли 2—3; я вызубрилъ, что слѣдовало. Вдругъ слышу, что Масловъ уѣзжаетъ, а обо мнѣ никто ни слова... Не понимаю, что это значить и почему я не отправляюсь съ нимъ. Такимъ образомъ я остался въ пансіонѣ и не попалъ въ Лицеѣ. Вѣроятно обо мнѣ въ свое время никто не позаботился. Сначала потребовали довольно порядочное число воспитанниковъ; потомъ ваканціи быстро наполнялись, и это число было сокращено. Я остался лишнимъ, и это очень жаль: товарищами моими были бы Пушкинъ, баронъ Дельвигъ, князь Горчаковъ, Иличевскій, Кюхельбекеръ, Корниловъ, Вольховскій и многіе другіе, сдѣлавшіея впоследствии извѣстными и въ литературѣ, и на служебномъ поприщѣ ¹⁾».

Свѣдѣнія эти мы дополнимъ тѣми, которыя находятся въ матеріалахъ для исторіи Лицея И. Селезнева: вмѣстѣ предполагавшихся 20—30 человѣкъ Московскій Попечитель Голенищевъ-Кутузовъ ограничился высылкою только двухъ: Маслова и Яковлева; другіе же ученики прибыли къ экзаменамъ частнымъ образомъ, а именно: Вольховскій, Ломоносовъ, Ржевскій и Матюшкинъ ²⁾.

На вступительномъ экзаменѣ въ Лицеѣ 12 августа 1811 года Владиміръ Вольховскій, сынъ Комиссіонера 8-го класса ³⁾, получилъ слѣдующія отмѣтки за свои познанія: въ грамматическомъ познаніи языковъ: русскаго—было отмѣчено «довольно знаетъ»; французскаго—«очень хорошо»; нѣмецкаго—«не знаетъ»; въ ариметикѣ—«хорошо»; въ познаніи общихъ свойствъ

¹⁾ Воспоминанія Валерьяна Ивановича Сафонова. «Рус. Арх.» 1903 г., кн. 1, стр. 117—124.

²⁾ Матеріалы для исторіи Лицея—И. Селезневъ. 1856 г., въ Памятной книжкѣ Императ. Александр. Лицея на 1856—1857, стр. IX—X, прим. 19.—Я. Гротъ (въ статкѣ Царскосельскій Лицеѣ, въ книгѣ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, Спб. 1899 г., стр. 31) указываетъ еще на одного воспитанника, прибывшаго изъ Московскаго пансіона частнымъ образомъ—Давзаса, о которомъ въ матеріалахъ для исторіи Лицея Селезнева ничего не говорится.

³⁾ Памятная книжка... Лицея на 1856—1857, стр. 29.

тѣль, т. е. физики—«не очень»; въ начальныхъ основаніяхъ географіи и въ начальныхъ основаніяхъ исторіи — «хорошо» ¹⁾). Вольховскій былъ принятъ въ Лицей.

Свѣдѣнія о томъ, какъ шли его занятія, какъ онъ велъ себя въ Лицеѣ и какаго мнѣнія были о немъ гувернеры и профессора—мы находимъ въ дѣлахъ Царскосельскаго Лицейскаго архива. На эти дѣла не обратилъ вниманія, столь много потрудившійся питомецъ Лицея и его бытописатель академикъ Я. К. Гротъ ²⁾, а потому мы приведемъ цѣлый рядъ отзывовъ преподавателей и гувернеровъ о поведеніи и учебныхъ занятіяхъ Вольховскаго.

Въ «Спискѣ воспитанниковъ Императорскаго Лицея, изъ русскаго и латинскаго классовъ, съ показаніемъ ихъ способностей, успѣховъ и прилѣжанія» ³⁾, составленномъ профессоромъ этихъ словесностей Николаемъ Кошанскимъ, съ 23 октября 1811 года по 15 марта 1812 года, мы находимъ о Вольховскомъ слѣдующую отмѣтку: «Владиміръ Вольховскій одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ питомцевъ, кои соединяютъ всѣ потребныя способности въ лучшей степени; особенно онъ отличается примѣрнымъ вниманіемъ и примѣрнымъ прилѣжаніемъ. Разумъ его не столько остръ, сколько пронизателенъ. Въ немъ примѣтны черты не столько *genія*, сколько природнаго *дара смысла*. Успѣхи его чрезвычайны» ⁴⁾.

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдъ отъ 31 марта 1812 года, пишетъ: «Walchofsky. Fort bon étudiant, toujours deligent (,) toujours attentif. En entrant au Lycé il n'avait que très peu de connaissances de l'allemand, — mais il y supplie par le plus grand zèle» ⁵⁾. (Вольховскій очень хорошей воспитанникъ, всегда прилежный, всегда внимательный. Поступая въ Лицей, онъ имѣлъ очень мало познаній въ нѣмецкомъ языкѣ ⁶⁾, но онъ пополнилъ этотъ пробѣлъ огромнымъ рвеніемъ).

Де-Будри, родной братъ знаменитаго Марата, профессоръ французской литературы, во второмъ своемъ рапортѣ (первый не дошелъ до насъ), отъ 18 ноября 1812 года, дѣлитъ учениковъ на 4 разряда по успѣхамъ. Вольховскаго онъ ставитъ во 2-мъ разрядѣ, вторымъ съ конца; о немъ онъ даетъ слѣдующій отзывъ: «Wailchofsky. Quoi qu'il soit encore un peu en arrière, surtout pour la prononciation, il ne fait pas moins beaucoup de progrès du côté des principes, et son application est exemplaire» (хотя онъ еще немного

¹⁾ Тамъ же: «Списокъ» къ стр. XI.

²⁾ Въ замѣткѣ о Вольховскомъ въ статьѣ: «Старина Царскосельскаго Лицея». «Рус. Арх.», 1875 г, кн. I.

³⁾ См. архивъ Императорскаго Александровскаго Лицея.

⁴⁾ Въ этомъ спискѣ Кошанскій помѣщаетъ Вольховскаго двадцать пятымъ ученикомъ.

⁵⁾ Вездѣ сохраняется правописаніе подлинниковъ.

⁶⁾ Что мы видѣли выше.

отстаетъ, въ особенности въ отношеніи произношенія, но тѣмъ не менѣе онъ дѣлаетъ сильныя успѣхи въ отношеніи правилъ, а его прилежаніе образцово).

Во второмъ своемъ рапортѣ, отъ 19-го ноября 1812 года, профессоръ нѣмецкой литературы Гауоншильдъ дѣлитъ учениковъ на три класса, но выше перваго ставитъ: «*classe de ceux qui excellent*», т. е. классъ такихъ, которые превосходятъ всѣхъ остальныхъ, хотя онъ замѣчаетъ, что между этимъ классомъ и первымъ нѣтъ замѣтной разницы. Въ классъ, такъ сказать, совершенствъ онъ ставитъ по порядку: Горчакова, Есакова, Вольховскаго и подъ однимъ номеромъ: Кюхельбекера, Гревеница, Стевена, Комовскаго и Корфа. О Вольховскомъ онъ замѣчаетъ: «*Walchowsky, continue de montrer le plus grand zèle pour sa partie*», т. е. «Вольховскій по моему предмету продолжаетъ выказывать самое большое рвеніе».

Въ ноябрѣ 1812 года произошелъ въ Лицеѣ маленькій скандалъ, о чемъ мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія изъ «Журнала о поведеніи воспитанниковъ Императорскаго Лицея за ноябрь мѣсяцъ 1812 года», составленнаго гувернеромъ Ильею Пилецкимъ ¹⁾. Описаніе Ильею Пилецкимъ этого скандала изложено очень безграмотно, и мы оставляемъ его безъ поправокъ. Извлекаемъ то, что относится до Вольховскаго. Говоря о продѣлкахъ Пушкина, Пилецкій замѣчаетъ: «21-го (т. е. ноября). За обѣдомъ вдругъ началъ громко говорить, что Вольховскій г. инспектора боится, и видно оттого что боится потерять доброе свое имя, а мы говорить шалуны, его увѣщаваніямъ смѣемся». Специально же о Вольховскомъ онъ пишетъ слѣдующее: «Вольховскій. Велъ себя весьма хорошо, но при случившемся происшествіи твердость его характера поколебалась. Сіе мною замечено 23 числа въ вечеру, когда нѣкоторые воспитанники, объясняли свои претензіи, онъ потихоньку подкреплялъ (Sic) другихъ, чтобъ не отставали, ибо самъ не могъ ничего свидѣтельствовать на Г. Инспектора. На запросъ же Г. Директора оказалъ мнимое равнодушіе. 14-го (24 ?) числа цѣлой вечеръ трудился повтореніемъ съ слабыми товарищами Геометріи» ²⁾. Изъ этихъ безграмотныхъ цитатъ Пилецкаго можно сдѣлать тѣмъ не менѣе, тотъ выводъ, что уже на второмъ году своего пребыванія въ Лицеѣ Вольховскій прибрѣлъ себѣ доброе имя, т. е. считался отличнымъ ученикомъ, какъ по ученію, такъ и по поведенію.

Надзиратель по учебной и нравственной части Мартынъ Пилецкій въ своемъ отчетѣ о поведеніи и свойствахъ г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, поданномъ 19 ноября 1812 г., даетъ слѣдующій отзывъ о Вольховскомъ: «Вольховскій (Владиміръ) 14-ти лѣтъ. Съ превосход-

¹⁾ См. архивъ Император. Александр. Лицея.

²⁾ См. „Къ біографіи А. С. Пушкина“—И. А. Шлякинъ. Спб., 1899 года, стр. 17 и 19.

ными дарованіями; весьма прилѣженъ, съ внимательностію, весьма благона-
вѣнъ не требуя надзора; одаренъ глубокою провѣдательностію и силою раз-
судка; знанія его весьма основательны и прочны, но скромность его столь
велика, что достоинства его закрыты ею, обнаруживаются безъ всякаго тщесла-
вія и только тогда, когда должно или когда его спрашиваютъ. Добродушіе,
нелицемерная искренность, снисходительность ко всѣмъ, кротость, благородство
во всѣхъ поступкахъ, покорность, степенность и разсудительность составляютъ
отличныя и явственныя черты его характера всегда постояннаго. Въ обра-
щеніи онъ дружелюбенъ, уступчивъ, вѣжливъ и со всѣми одинаковъ ¹⁾».

Профессоръ русской и латинской словесности Николай Кошанскій, за
время съ 1-го августа по 15-е декабря 1813 года, повторяетъ почти до-
словно ту же аттестацію, что за время съ 23-го октября 1811 г. по 15-е
марта 1812 года. Новымъ является здѣсь только слѣдующее: «успѣхи его
особенно по латинской части также чрезвычайны». Мы имѣемъ еще отъ того
же Кошанскаго «списокъ воспитанниковъ» отъ 9-го іюля 1813 года, гдѣ
онъ подраздѣляетъ воспитанниковъ на 1) превосходныхъ, 2) отличныхъ, 3) хо-
рошихъ и 4) посредственныхъ. Вольховскій стоитъ вторымъ въ числѣ пре-
восходныхъ (первымъ—князь Александръ Горчаковъ).

Отъ 30-го сентября 1813 года мы имѣемъ еще отзывъ губернатора Чири-
кова: «Владиміръ Вольховскій: благоразуменъ, кротокъ, весьма терпѣливъ,
благороденъ въ поступкахъ, вѣжливъ, опрятенъ, рачителенъ къ своей обяза-
нности во всѣхъ отношеніяхъ и крайне любитъ ученіе». Чириковъ ставитъ
Вольховскаго третьимъ воспитанникомъ въ спискѣ.

Наконецъ, мы имѣемъ отзывъ профессора по части географіи, всеобщей
и російской исторіи Ивана Кайданова, за время съ 1-го ноября 1812 года
по 1-е января 1814 года, который даетъ слѣдующую характеристику Вла-
димира Вольховскаго: «Дарованій прекрасныхъ и наиболѣе имѣеть склонность
къ наукамъ, требующимъ размышленія; прилѣжанія примѣрнаго и успѣховъ

¹⁾ Лицейскій Журналъ. Годъ восьмой, IV, 1910—1911, стр. 26—27. Мартынъ Степановичъ Пилецкій-Урбановичъ былъ первымъ надзирателемъ по учебной и нравственной части въ Лицеѣ, куда онъ поступилъ въ 1811 г. изъ военной службы съ переименованіемъ въ титулярные совѣтники. Онъ началъ военную службу въ 1789 г., когда былъ зачисленъ еще малолѣтнимъ въ Екатеринославское казачье войско; здѣсь онъ оставался въ продолженіе 9 лѣтъ до расформированія этого войска, потомъ до 1806 г. провелъ за границей, гдѣ въ Геттингенскомъ университетѣ слушалъ лекціи; возвратившись въ Петербургъ, онъ былъ переводчикомъ при ученомъ собраніи Императорской Академіи Наукъ; черезъ три года уѣхалъ на югъ Россіи, пробовалъ служить въ приказѣ, но черезъ годъ вновь пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ получалъ мѣсто въ Лицеѣ. Въ Лицеѣ онъ оставался по 1813 г.

(Историческій очеркъ Лицея съ 1811 по 1861 г. И. Селезневъ. С.-Петербургъ, 1861 г., стр. 158—159).

прекрасныхъ. Поведенія кроткаго и благороднѣйшаго». Кайдановъ ставитъ Вольховскаго въ списокъ четвертымъ воспитанникомъ.

На этомъ кончаются свѣдѣнія, добытыя мною изъ Лицейскаго архива, такъ какъ за слѣдующіе годы въ архивѣ нѣтъ рапортовъ и аттестацій профессоровъ и гувернеровъ о воспитанникахъ.

Несмотря на свои не совсѣмъ блестящія способности въ началѣ своего ученія и на всю скромность характера, Владиміръ Дмитріевичъ, уже въ Лицеѣ, усидчивостью и трудолюбіемъ достигъ замѣчательныхъ результатовъ, соперничая въ этомъ отношеніи съ своимъ товарищемъ Горчаковымъ, будущимъ канцлеромъ. Поэтому шалуны-товарищи дали ему кличку «Sapientia», т. е. мудрость, за что онъ, по скромности, и сердился на нихъ, но такое прозвище приналежало ему, кромѣ свойствъ душевныхъ, еще и потому, что нерѣдко двумя, тремя словами онъ останавливалъ тѣхъ изъ запальчивѣйшихъ своихъ однокашниковъ, на которыхъ иногда ни страхъ, ни убѣжденія не дѣйствовали; «объ этомъ въ подробности припомнятъ всѣ его товарищи», говоритъ его біографъ-другъ. Кромѣ этой клички, онъ отъ своихъ товарищей заслужилъ прозвище «Суворочки», которое осталось за нимъ до конца жизни. Прозвище это объясняется желаніемъ Вольховскаго, по выходѣ изъ Лицея, поступить на военную службу, поэтому онъ уже въ Лицеѣ подготовлялся къ этому роду своей будущей дѣятельности. Для усовершенствованія же въ посадкѣ при обученіи верховой ѣздѣ, наблюденіе за которою при обученіи воспитанниковъ Лицея было поручено Императоромъ Александромъ I графу В. В. Левашеву, тогда командовавшему гвардейскимъ Гусарскимъ полкомъ, Вольховскій въ уединенномъ мѣстѣ Лицея приманивалъ искусно стулья и, усѣвшись верхомъ, наблюдая посадку, училъ уроки. Это не укрылось отъ его шаловливыхъ, остроумныхъ товарищей и вотъ былъ сочиненъ куплетъ и на него, въ числѣ другихъ куплетовъ ихъ школьной жизни на злобы дня:

Суворовъ нашъ
Ура! маршъ, маршъ
Кричитъ верхомъ на стулѣ...

Подтверженіе этого факта мы находимъ въ письмѣ Е. А. Энгельгардта къ Вольховскому отъ 31-го ноября (1821 г.?). Энгельгардтъ между прочимъ пишетъ: «Два письма отъ тебя получилъ, любезной Вольховской, и очень тебя за нихъ благодарю. Послѣднее отдалъ мнѣ Мандерстернъ въ той самой залѣ, въ которой ты провелъ шесть лѣтъ и *испыталъ на казенныхъ табуретахъ теорію верховой ѣзды*» ¹⁾.

¹⁾ Нашъ курсивъ.

Свѣдѣнія объ обученіи лицеистовъ графомъ Левашевымъ верховой ѣздѣ, сообщаемыя И. В. Малиновскимъ въ біографіи В. Д. Вольховскаго, не совсѣмъ точны. Въ Историч. очеркѣ Императорскаго Лицея, составленномъ И. Селезневымъ, мы находимъ, что обученіе верховой ѣздѣ началось въ Лицеѣ съ 1816 года. «По сношенію съ командиромъ лейбъ-гусарскаго полка, воспитанниковъ обучалъ верховой ѣздѣ въ пѣрвый годъ полковникъ Крекшинъ — 3 раза въ недѣлю посмѣнно, безъ постороннихъ зрителей и непременно при гувернерѣ; потомъ обученіе производилось берейторомъ, лошади были полковыя. Расходовъ тутъ Лицею не дѣлалъ никакихъ. Впослѣдствіи занятіе это прекратилось, и вступающіе въ военную службу, когда назначались въ кавалерію, готовились при полку или во второмъ кадетскомъ корпусѣ— вмѣстѣ съ обученіемъ фронту» ¹⁾. Немного иначе объясняетъ И. И. Пущинъ появленіе урока верховой ѣзды. Онъ говоритъ, что они учились у полковника Кнабенау (хотя сообщеніе Селезнева имѣетъ болѣе правдоподобія по своей оффиціальности), подъ главнымъ руководствомъ генерала Левашева. Для насъ здѣсь интересно стихотвореніе, приводимое Пущинымъ по поводу урока верховной ѣзды. Стихотвореніе это по своей игривости, легкости стиха и образности можетъ быть приписано самому Пушкину. Это стихотвореніе составляетъ одинъ изъ куплетовъ Лицейскихъ пѣсень и относится до Левашева, который, по словамъ Пущина, «и прежде того видя насъ часто въ галлеріи манежа, во время верховой ѣзды своихъ гусаръ, обращался къ намъ съ привѣтомъ и вопросомъ, когда мы начнемъ учиться ѣздить?» ²⁾ Эта сцена обученія солдатъ и разговоръ съ лицеистами запечатлѣна Пушкинымъ въ слѣдующемъ четверостишіи:

Вонjour, Messieurs. Поташе!
 Поводьемъ не играй!
 Вотъ я тебя потѣшу!
 A quand l'equitation?

Вольховскій, по наружному виду и сложенію, былъ чрезвычайно мало-силенъ, но впослѣдствіи вездѣ выносилъ тяжкіе походы и труды; лишенъ былъ свободнаго произношенія, но, начитавшись, какъ Демосеенъ избавился отъ подобнаго недостатка, Вольховскій сталъ ходить на Царскосельское озеро декламировать, набравши въ ротъ камней; а для укрѣпленія тѣлесныхъ силъ, кромѣ всякаго рода гимнастики, заучивая урокъ, носилъ на плечахъ два толстѣйшихъ лексикона Гейма.

¹⁾ Историческій очеркъ Императорскаго бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго Лицея, за первое его пятидесятилѣтіе, съ 1811—1861 годъ. Составленъ И. Селезневимъ. Спб., 1861 г., стр. 136.

²⁾ И. Майковъ. Пушкинъ. Спб. 1899 г., стр. 66—67. Записки И. И. Пущина.

«Сонъ его, по словамъ И. В. Малиновскаго, противъ обыкновеннаго краткаго школьнаго сна, былъ еще сокращенъ двумя-тремя часами — и онъ едва всего часа четыре въ сутки имѣлъ покоя; такъ потомъ продолжалъ и на службѣ. Бывали случаи на службѣ, что утомленный трудомъ, онъ приляжетъ на $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ часа, и опять принимался за дѣло. Кроткій и всегда во всемъ терпѣливый, онъ бывалъ разсерженъ, если назначенный имъ срокъ для полусна, пропускаемъ былъ тѣми, кому поручалъ разбудить себя. При всѣхъ такихъ особенностяхъ, говорить его биографъ-другъ, извѣстный всѣмъ насмѣшливый классъ школьниковъ не только не издѣвался надъ нимъ, но воспѣлъ предъ выпускомъ въ Лицейской пѣснѣ:

— Покровительствомъ Минервы «Пусть Вольховской будетъ первый...

Стихъ этотъ, о которомъ упоминаетъ И. В. Малиновскій, составляетъ одинъ изъ куплетовъ «Национальныхъ пѣсень», которыя писались сообща всѣмъ классомъ и были на всякіе случаи. Одна изъ этихъ пѣсень представляла характеристику каждаго воспитанника, и вотъ здѣсь мы находимъ куплетъ о Сувороchkѣ:

Покровительствомъ Минервы
Пусть Вольховскій будетъ первый,
Мы-жъ нули, мы нули,
Ай—люли, люли, люли.

Но въ куплетѣ, который предшествуетъ этому, находимъ мысль о равноправности ихъ всѣхъ, можно сказать—демократическую мысль:

Этотъ списокъ суши бредни
Кто тутъ первый, кто послѣдній:
Всѣ нули, всѣ нули,
Ай—люли, люли, люли.

Можетъ быть стихи на Вольховскаго были сочинены самимъ Пушкинымъ. Уже въ «Пирующихъ Студентахъ» 1814 года онъ дѣластъ намекъ на Вольховскаго, котораго выводитъ подъ именемъ спартамца, и которому президентъ воображаемой пирушки подносить «воды въ стаканѣ чистой» ¹⁾. Спартамцемъ же онъ называется товарищами за свой добровольно наложенный на себя суровый образъ жизни, о которомъ мы упомянули выше. Отголосокъ этого куплета изъ «национальныхъ пѣсень» вспомнился Пушкину при сочиненіи стиховъ 19 октября 1825 года («Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ»);

¹⁾ Къ Вольховскому это мѣсто относить Л. Н. Майковъ. См. сочиненія Пушкина т. I, академическое изданіе. Спб., 1899 г., примѣчаніе, стр. 60—61.

въ черновомъ и зачеркнутомъ отрывкѣ мы читаемъ этотъ отголосокъ, но въ отдѣлкѣ генія:

Спартанскою душой плѣвая насть,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вольховскій сядеть первой ¹⁾.

О Вольховскомъ мы имѣемъ еще отзывъ его товарища Илличевскаго. Въ письмѣ, отъ 22-го сентября 1815 года, Илличевскаго къ своему другу Павлу Николаевичу Фуссу (впослѣдствіи непремѣнный секретарь Академіи наукъ) разговоръ идетъ о трехъ портретахъ товарищей, посланныхъ Илличевскимъ Фуссу, изъ которыхъ послѣдній отгадалъ два портрета: Мартынова и Пушкина. «Третій не отгадалъ, пишетъ Илличевскій; — Et peut-on deviner ce que l'on ne soupçoit pas ²⁾? Это портретъ Вольховскаго, одного изъ лучшихъ нашихъ учениковъ, прилежнаго, скромнаго, словомъ великихъ достоинствъ и великой надежды; этого на портретѣ ты не видѣлъ, а примѣтилъ развѣ: большой носъ и большіе усы. Adieu» ³⁾.

Говоря о Карцовѣ, профессоръ математическихъ наукъ и физики, М. А. Корфъ упоминаетъ о Вольховскомъ. Сообщая, что математикѣ всѣ первокурсники учились сколько-нибудь только въ первые три года, послѣ перехода же въ старшіе классы наука эта имъ страшно надобля, а потому на лекціяхъ Карцова каждый обыкновенно занимался чѣмъ-нибудь постороннимъ. «Во всемъ математическомъ классѣ шелъ за лекціями и зналъ что преподавалось одинъ только Вольховскій.

«Сначала общая невнимательность всѣхъ прочихъ ужасно бѣсила Карцова; онъ долго бранился, жаловался, старался возстановить порядокъ и дисциплину въ своемъ классѣ; но, видя наше упорство не сдѣлаться математиками, наконецъ покорился судьбѣ или нашей непреклонной волѣ, и въ послѣднее время не вызывалъ уже никого болѣе къ отвѣтамъ, кромѣ Вольховскаго, и ни съ кѣмъ другимъ не занимался; къ выпускному же экзамену роздалъ каждому изъ насъ опредѣленные роли *aves герііque*, которыя всѣ мы превосходно выучили. Самъ онъ былъ человѣкъ не глупый, язвительный; мы любили его бесѣду, наполненную множествомъ анекдотовъ и колкостей на счетъ ближняго, т. е. Царкосельскихъ жителей, потому что при нашемъ монастырскомъ затворничествѣ мы никого болѣе не знали. Бывало, когда онъ придетъ въ классъ, всѣ соберутся вокругъ него и, до начатія уединенной его

¹⁾ Соч. А. С. Пушкина, изд. литер. фонда. Спб. 1887 г., т. I, стр. 253—256. — Соч. А. С. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина, 1903 г., т. 2, стр. 39.

²⁾ «И можно ли отгадать то, чего не знаешь?».

³⁾ «Рус. Арх.» 1864 г., стр. 959, и въ книгѣ Я. Грота: Пушкинъ, его ~~жизн.~~ тов. и наст. Спб., 1899 г., стр. 64.

бесѣды съ Вольховскимъ, помирають со смѣха отъ его вовсе не математическихъ розсказней ¹⁾).

Въ бумагахъ Пушкина въ бытность его въ Лицеѣ сохранились наброски и замѣтки разныхъ привычекъ и странностей Лицейскихъ преподавателей. Такъ, напримѣръ, по поводу профессора Карцова Пушкинъ записалъ слѣдующее его изреченіе:

Какіе-жъ вы лѣнивцы!
Ну на кого напасть?
Да нуте-ка, Вольховскій
Вы ересь понесли.
А что читаетъ Пушкинъ?
Подайте-ка сюда.
Ступай изъ класса съ Богомъ,
Назадъ не приходи ²⁾.

Поэтому мы можемъ повѣрить приведенной выше безграмотной цитатѣ Ильи Пилецкаго, изъ которой, между прочимъ, видно, что Вольховскій былъ уже настолько твердъ въ геометріи, что могъ объяснять этотъ предметъ своимъ слабымъ товарищамъ и готовить ихъ къ уроку. Конечно, подобное знаніе предмета, будь-то геометрія и физика, или другой какой-либо предметъ, было замѣчено его товарищами и послужило для шалуновъ и остряковъ къ сочиненію куплета на Вольховскаго, гдѣ онъ, хотя и не названъ, но изображается въ слѣдующихъ строкахъ:

Физика! Къ тебѣ стремлюся
Наизусть тебя учу:
Я тобою вознесуся
Перво мѣсто получу.
Хоть соскучу, хоть поплачу
Сидя за громадой книгъ,
Хоть здорвіе потрачу,
Буду первый ученикъ.

¹⁾ Записки графа Корфа, въ книгѣ Я. Грота, стр. 229—230.

²⁾ «Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина»—Д. Сапожниковъ; найдены въ имѣніи П. В. Анненкова при с. Чириковѣ, Симбирскаго уѣзда («Рус. Арх.» 1899 г., кн. 2, стр. 346—347).

Далѣе переданы шлетни, которыя сталъ разсказывать Карцовъ; все это подтверждаетъ разсказъ Модеста Корфа. Сколько юмора въ передачѣ Пушкина, какъ вѣрно схвачена и передана образно манера Карцова обращаться съ воспитанниками! Ну, на кого напасть? Конечно, на одного лучшаго ученика—Вольховскаго. И только что онъ успѣлъ открыть ротъ, какъ профессоръ огорашиваетъ его восклицаніемъ: «Да, нутека Вольховскій, вы ересь понесли». Однако, это не мѣшаетъ Карцову замѣтить, что Пушкинъ читаетъ что-то недозволенное, и онъ изгоняется торжественно изъ класса.

Какъ ни плохи эти вирши, но нельзя отказатъ имъ въ сарказмъ и въ известной долѣ правды.

Нельзя пройти молчаніемъ обстоятельства, что Вольховскій не остался чуждъ тому литературному движенію среди лицейской молодежи, которое выразилось въ изданіи школьныхъ газетъ и журналовъ, наполняемыхъ собственными поэтическими и литературными трудами воспитанниковъ Лицея. Такъ, уже въ 1812 году въ средѣ школьнаго литературнаго общества юныхъ лицействъ сталъ выходить журналъ: «*Для удовольствія и пользы*»; онъ продолжался и въ 1813 году; всего же вышло 12 нумеровъ. Издателями этого журнала были: Вольховскій, Есаковъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ, Масловъ и Яковлевъ; къ сожалѣнію, всѣ эти журналы пропали у М. И. Пущина во время ареста декабристовъ ¹⁾.

«Подъ счастливыми, говорить его биографъ-другъ, предзнаменованіями вниманія начальства, товарищескаго уваженія и любви», будучи всего 19-ти лѣтъ отъ роду, Владимір Вольховскій окончилъ курсъ Императорскаго Царско-сельскаго Лицея, съ чиномъ прапорщика гвардіи ²⁾ и съ первою золотою медалью и внесеніемъ на мраморную доску его имени ³⁾. На торжественномъ актѣ въ лицей 9-го іюня 1817 года онъ получилъ дипломъ (или свидѣтельство, къ сожалѣнію не имѣющееся у насъ) и похвальный листъ, слѣдующаго содержанія:

«Примѣрное благопріятіе, прилежаніе и отличные успѣхи по всѣмъ частямъ наукъ, которые оказывали вы во время шестилѣтняго пребыванія въ Императорскомъ Лицее, содѣлали васъ достойнымъ полученія первой золотой медали, которая и дана вамъ съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія. Да будетъ вамъ сей первый знакъ отличія, который получаете вы при вступленіи вашемъ въ общество гражданъ, знакомъ, что достоинство всегда признается и награду свою получаетъ, да послужить онъ вамъ всегдашнимъ поощреніемъ къ ревностному исполненію обязанностей вашихъ къ Государю и Отечеству».

¹⁾ См. В. П. Гасвскій: Пушкинъ въ Лицее и лицейскія его стихотворенія. «Современникъ», 1863 г., т. ХСVII, стр. 141.

²⁾ «Съ чиномъ офицера гвардіи» и въ «Главный Штабъ Гвардейскаго Корпуса». См. Пам. кн. Лицея 1856—1857 г. «Матеріалы для исторіи Лицея» И. Селезневъ, 1856 г., стр. 91 и 92.

³⁾ Столь блистательное окончаніе Лицея, съ полученіемъ первой золотой медали, имѣло впоследствии влияние на судьбу его брата. Е. А. Энгельгардтъ пишетъ Вольховскому отъ 25 іюня 1819 года: «Да здравствуетъ нашъ добрый царь! Спѣшу увѣдомить тебя, другъ мой, Владимір Дмитріевичъ, что братишко твой, во уваженіе первой золотой медали Лицейской, помѣщенъ въ пансіонъ казеннымъ воспитанникомъ. Радуюсь сердечно сему и за васъ и за нашу лицейскую медаль». (Курсивъ Энгельгардта).

Въ запискѣ М. Корфа, которая по справедливости заслуживала столь строгій отзывъ академика Л. Н. Майкова и къ которой надо относиться весьма осторожно, находятся инсинуаціи по поводу полученія Вольховскимъ первой золотой медали.

Графъ Корфъ въ своей запискѣ (отъ 1854 г.) по этому поводу пишетъ: «Князь А. М. Горчаковъ былъ выпущенъ изъ Лицея не первымъ, а вторымъ. Первымъ былъ Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ сдѣлали несправедливость, единственно, чтобы показать отсутствіе всякаго пристрастія къ имени и связямъ Горчакова. Блестящія дарованія, острый и тонкій умъ, неукоризненное поведеніе, наконецъ самое отличное окончаніе курса безспорно давали ему право на первое мѣсто, хотя товарищи любили его, за нѣкоторую заносчивость и большое самолюбіе, менѣе другихъ. Вольховскій былъ человѣкъ разсудительный, дѣльный, съ большимъ характеромъ и съ желѣзною волею надъ самимъ собою, наконецъ необыкновенно трудолюбивый, добродушный и скромный, за что мы и прозвали его <Sapientia>; но, не получивъ никакого предварительнаго воспитанія, онъ выучился всему, что зналъ, въ Лицеѣ, и отъ этого, при самыхъ неимовѣрныхъ усиліяхъ, не могъ достигнуть одинаковыхъ съ Горчаковымъ результатовъ. Последнему все давалось легко; первый каждый успѣхъ свой долженъ былъ брать приступомъ. Горчаковъ вышелъ блестящимъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ, Вольховскій на видъ очень обыкновеннымъ, хотя подъ довольно прозаическою корою у него таилось пропасть свѣдѣній, дѣльности и добра. Зато и карьеры ихъ были совершенно различны» ¹⁾).

Карьеры ихъ и нельзя сравнивать, такъ какъ они пошли по совершенно разнымъ дорогамъ. Ф. Ф. Вигель въ своимъ запискахъ, гдѣ весьма немногіе пощажены его острымъ перомъ, говоря о выпускѣ перваго курса лицейство въ 1817 году, упоминаетъ о Вольховскомъ какъ о человѣкѣ, снискавшемъ себѣ репутацію военно-ученаго (стр. 51, гл. IV, часть пятая). Слѣдовательно, и для посторонняго наблюдателя Вольховскій выдвинулся изъ ряда другихъ и заставилъ упомянуть о себѣ. О Горчаковѣ же Вигель вовсе не упоминаетъ, потому что будущій канцлеръ въ то время ничѣмъ не отличился, но зато Вигель упоминаетъ о баронѣ Корфѣ, какъ о государственномъ человѣкѣ, и дѣйствительно карьеру онъ дѣлалъ очень быстро.

Для лицейскихъ гувернеровъ и преподавателей, какъ Фотій Петровичъ Калининъ (гувернеръ и учитель чистописанія), Сергій Гавриловичъ Чириковъ (гувернеръ и учитель рисованія), врачъ Францъ Осиповичъ Пешель, преподаватель математики Яковъ Ивановичъ Карцовъ и исторіи—Иванъ Кузьмичъ

¹⁾ Записка графа Корфа, у Я. Грота, стр. 252.

Кайдановъ, — первый курсъ воспитанниковъ былъ «золотымъ вѣкомъ» Лицея, такъ какъ онъ служилъ и для нихъ дорогимъ воспоминаніемъ о времени ихъ собственной молодости, когда они еще юношами вступили въ Лицей для обученія дѣтей, принятыхъ въ него. Этими воспоминаніями они охотно дѣлились и съ послѣдующими курсами, воспитанники которыхъ, въ свою очередь, жадно слушали ихъ рассказы о Пушкинѣ и его товарищахъ. Воспоминанія этихъ лицъ «всею болѣе оживлялись, когда рѣчь заходила о Пушкинѣ, а затѣмъ о Вольховскомъ и кн. Горчаковѣ; эти имена видимо заслоняли въ ихъ памяти личность прочихъ ихъ товарищей» ¹⁾. Изъ этихъ же словъ академика К. С. Веселовскаго видно, что перечисленные лица, послѣ Пушкина, ставили на первое мѣсто Вольховскаго, а затѣмъ уже кн. Горчакова.

Вольховскій и послѣ ухода изъ Лицея не порывалъ связи ни съ Лицеємъ, ни съ его уважаемымъ директоромъ-идеалистомъ Егоромъ Антоновичемъ Энгельгардтомъ.

По словамъ И. В. Малиновскаго, въ 1838 году, ²⁾ по прошествіи 21 года отъ выпуска, Вольховскій посѣтилъ Лицей. Всѣ воспитанники окружили его, провожали по всему Лицею и непримѣтно подвели его къ мраморной доскѣ, гдѣ написано было его имя золотыми буквами. Появѣвъ намѣреніе юныхъ преемниковъ своихъ по воспитанію, онъ началъ громко читать рядъ именъ снизу и, дошедши до своего, остановился; тогда окружавшіе шопотомъ произносили его имя ³⁾. Нужно замѣтить, что онъ не только былъ первымъ

¹⁾ Воспоминанія о Царскосельскомъ Лицеѣ 1832—1838 г. академика К. С. Веселовскаго (IX курса). «Рус. Стар.» 1900 г., т. CIV, октябрь, стр. 6.

²⁾ Откуда взялъ И. В. Малиновскій указаніе на 1838 годъ—намъ неизвѣстно. Хотя, послѣ перемѣщенія съ Кавказа, Вольховскій въ 1838 г. и увѣжалъ въ отпускъ, но куда—не видно изъ документовъ, а также не видно—былъ ли онъ въ Петербургѣ (а, слѣдовательно, и въ Царскомъ Селѣ). Я. К. Гротъ упоминаетъ (см. книгу: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, стр. 71), что ему «кажется», что въ 1830 году Вольховскій посѣтилъ Лицей. Это сообщеніе можетъ быть вполне точно, такъ какъ Вольховскій въ 1830 году, проживавъ въ Воронежѣ нѣкоторое время, поѣхалъ хлопотать о себѣ въ Петербургъ, какъ объ этомъ мы увидимъ ниже (сообщаетъ декабристъ Розевъ). Я. К. Гротъ, какъ извѣстно, кончилъ курсъ лицея въ 1832 году; слѣдовательно, это посѣщеніе Вольховскимъ Лицея совпало съ пребываніемъ Грота во 2 классѣ (т. е. въ предпоследнемъ). Въ «Воспоминаніяхъ» же Алексѣя Александровича Харитонова, какъ мы видимъ, годъ посѣщенія не указанъ. Это могъ быть и 1830 г., когда Харитоновъ былъ въ 4-мъ классѣ Лицея (онъ окончилъ курсъ въ 1835 году), и это же самое посѣщеніе можетъ быть приурочено къ 1834 г., когда Вольховскій пріѣзжалъ въ Петербургъ и представлялся Императору Николаю I (это могло быть за годъ до окончанія Харитоновымъ курса Лицея). Что же касается до сообщенія Малиновскаго, что Вольховскій былъ въ Лицеѣ въ 1838 г., то фактъ этотъ не оправдывается данными біографіи Вольховскаго: нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы Вольховскій въ 1838 году пріѣзжалъ въ Петербургъ.

³⁾ «Вспоминая нашъ Лицей, говоритъ А. А. Харитоновъ, лицеистъ VII курса, я долженъ сказать, что духъ заведенія былъ превосходный: старинныя преданія поддер-

лицейстомъ, но и дѣлалъ свою карьеру въ началѣ очень быстро, перешеголявъ всѣхъ своихъ товарищей; такъ, между прочимъ, онъ первый изъ «первенцевъ Лицея» получилъ звѣзду ордена Анны 1-ой степени.

Не прерывалъ Вольховскій также и связей съ директоромъ своимъ Энгельгардтомъ, о чемъ мы можемъ судить по перепискѣ Энгельгардта съ Вольховскимъ и съ Матюшкинымъ, тоже первокурсникомъ, къ которому директоръ питалъ чисто отцовское чувство. Мы приводимъ здѣсь выдержки изъ этихъ писемъ, этими же выдержками мы иллюстрируемъ и дальнѣйшій текстъ нашего разсказа ¹⁾.

Такъ, въ одномъ изъ первыхъ писемъ Энгельгардта къ Матюшкину, онъ сообщаетъ (отъ 23 сентября 1817 года), что Вольховскій «*der eben bei mir ist*», проситъ его передать дружескій привѣтъ Матюшкину. Послѣ пожара Лицея (письмо отъ 10-го сентября 1820 года ²⁾) онъ сообщаетъ, что черезъ два дня послѣ этого горестнаго событія пріѣхали къ нему Вольховскій, Малиновскій, Саврасовъ «и мы обняли другъ друга и молча, со слезами обѣщались другъ другу, что дружба наша и любовь къ старому Лицею не исчезнуть, какъ онъ». И дѣйствительно, мы видимъ, что директоръ не забывалъ своихъ воспитанниковъ и по выходѣ ихъ изъ Лицея, и лицейсты, въ свою очередь, не забывали своего стараго директора-идеалиста Егора Антоновича Энгельгардта.

Чтобы сохранить память о своихъ бывшихъ воспитанникахъ и имѣть всегда передъ глазами вещественное воспоминаніе о нихъ, Энгельгардтъ за-

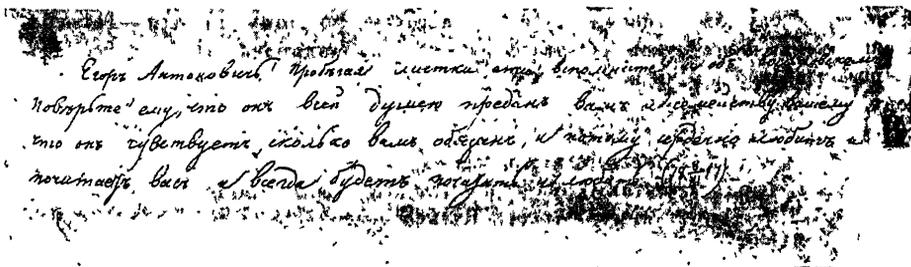
живались прежними выпускными, которые пріѣзжали не только изъ Петербурга, но и изъ болѣе дальнихъ мѣстъ, чтобы навѣстить насъ. Я помню, напримѣръ, какъ Вольховскій (1-го выпуска), который былъ начальникомъ штаба на Кавказѣ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, первымъ дѣломъ съелъ заглянуть въ родной Лицей («Изъ воспоминаній А. А. Харитонова», «Рус. Стар.» 1894 г., т. LXXXI, январь, стр. 3). Яковъ Карловичъ Гротъ въ письмѣ своемъ (среда, 22 ноября 1844 г.) къ П. А. Плетневу, по поводу присылки біографіи Вольховскаго, пишетъ: «онъ былъ знаменитъ при мнѣ уже въ Лицеѣ (Я. К. Гротъ окончилъ курсъ въ 1832 году); мы всегда говорили о немъ съ особеннымъ уваженіемъ, и анекдоты про него переходили изъ рода въ родъ...» (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», Спб. 1896 г., т. II, стр. 362). Въ другомъ мѣстѣ, въ воспоминаніяхъ своихъ о графѣ Корфѣ, Я. К. Гротъ повторяетъ ту же мысль и говоритъ: «Пушкинъ, князь Горчаковъ, Вольховскій и баронъ Корфъ—вотъ имена, которыя всѣхъ чаще произносились у насъ, когда заходила рѣчь о прошломъ Лицея; про трехъ послѣднихъ говорили, что *они идутъ въ гору*». (Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, Спб. 1899 г., стр. 88).

¹⁾ Приносимъ глубокую благодарность покойному Павлу Яковлевичу Дашкову за любезное дозволеніе воспользоваться документами его замѣчательной коллекціи автографовъ, въ данномъ случаѣ письмами Энгельгардта къ Матюшкину.

²⁾ Часть Царскосельскаго дворца и Лицея сгорѣли въ іюнь 1820 г., а поэтому ошибочно это письмо обозначено 1821 г. уважаемымъ нашимъ коллекционеромъ П. Я. Дашковымъ.

вель у себя альбомъ, гдѣ окончивающіе лицеисты, покидая стѣны своего родного заведенія, вносили, на память о себѣ, свои автографы. Одни ограничивались своею подписью, другіе писали нѣсколько прочувствованныхъ строкъ. Въ то время на такіе альбомы была большая мода. Помимо этого, для директора Лицея были дороги эти автографы, какъ воспоминанія о его ученикахъ, которыхъ онъ любилъ, какъ отецъ своихъ дѣтей. Вотъ, что вписалъ въ альбомъ Вольховскій:

«Егоръ Антоновичъ! Пробѣгая листки эти, вспомните и объ вольховскомъ Повѣрьте ему, что онъ всей душою преданъ вамъ и семейству вашему что онъ чувствуетъ, сколько вамъ обязанъ, и потому сердечно любить и почитать васъ и всегда будетъ почитать и любить. (18⁸/_{VI}17)».

Егоръ Антоновичъ! Пробѣгая листки эти, вспомните и объ вольховскомъ Повѣрьте ему, что онъ всей душою преданъ вамъ и семейству вашему что онъ чувствуетъ, сколько вамъ обязанъ, и потому сердечно любить и почитать васъ и всегда будетъ почитать и любить. (18⁸/_{VI}17)».

II.

Поступленіе въ Гвардейскій Генеральный Штабъ.—О преподаваніи военныхъ наукъ въ Лицеѣ.—Значеніе Генеральнаго Штаба при Сухтеленѣ.—Преобразованіе Генеральнаго Штаба при князѣ Волконскомъ.—Производство въ чины.—Неприятности по службѣ.—Письмо Е. А. Энгельгардта по этому поводу.—Топографическія съемки подъ руководствомъ Шуберта.—Командировка въ Бухарію.—Походъ по Витебской и Минской губерніямъ.—Письмо Е. А. Энгельгардта по этому поводу.—Командировка въ Оренбургъ и экспедиція въ Киргизъ-Кайсацкую степь.—Выходъ въ отставку и поступленіе вновь на службу.—Экспедиція для обозрѣнія пространства между Каспійскимъ и Аральскимъ морями и разбитіе Киргизскихъ разбойниковъ близъ устьевъ Сагиры и Эмбы.—Присяга Императору Константину.—Арестъ Вольховскаго.

Біографъ В. Д. Вольховскаго, И. В. Малиновскій, говоритъ, что Вольховскій, будучи удостоенъ на 19 году отъ роду, по окончаніи Лицея, чина прапорщика гвардіи, вступилъ въ службу съ новымъ пожертвованіемъ, ибо по правамъ, Высочайше дарованнымъ Лицею, имѣя возможность вступить прямо во всякій родъ военной и гражданской службы, Вольховскій избралъ Генеральный Штабъ, при поступленіи въ который долженъ былъ снова держать экзамень,—«и по весьма строгомъ испытанію въ 1817 году іюня 13, утверждень офицеромъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба и назначень состоять при Гвардейскомъ Корпусѣ». Сообщение это несовсѣмъ правильно, и вотъ почему. Въ росписаніи (начальномъ) предметовъ старшаго курса Царскосельскаго Лицея, въ рубрикѣ наукъ математическихъ, мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія: «въ 4, 5 и 6 годы: продолженіе и окончаніе математики чистой и прикладной.—Здѣсь оканчивается алгебра, проходится курсъ сферической тригонометріи и коническихъ сѣченія. Излагаются нужнѣйшія части прикладной математики, какъ-то: статика, гидравлика, артиллерія и фортификація.»¹⁾ Такимъ образомъ, науки военныя преподавались въ Лицеѣ по первоначальному плану; затѣмъ, при основаніи благороднаго пансіона, въ 1814 г.,

¹⁾ Матеріалы для исторіи Лицея—И. Селезневъ. (Памятная книжка... на 1856 — 1857 г.г. стр. 19).

мы находимъ въ числѣ предметовъ преподаванія, кромѣ математики въ довольно обширномъ размѣрѣ, отдѣльную рубрику: «военныя науки», куда входили артиллерія и фортификація ¹⁾. Въ самомъ Лицеѣ, по параграфу 75 постановленія о Лицеѣ, курсъ математическихъ наукъ, какъ мы выше сказали, долженъ былъ окончиться преподаваніемъ статики, гидравлики, артиллеріи и фортификаціи. Профессоръ физико-математическихъ наукъ Карцовъ вошелъ въ конференцію Лицея съ донесеніемъ отъ 19 октября 1815 года (дѣло передано изъ Штаб. Воен. Учебн. Зав. 1815 года № 249) о невозможности для него принять на себя преподаваніе этихъ четырехъ предметовъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что «пройдя во второмъ возрастѣ слѣдующія части чистой математики: ариметику, всѣ части геометріи, гониометрію и прямолинейную тригонометрію, алгебру до уравненія высшихъ степеней, приложеніе алгебры къ геометріи, коническія сѣченія—долженъ быть еще преподавать сферическую тригонометрію и математическую географію (въ послѣднемъ классѣ)». Относительно же обученія статики, гидравлики, артиллеріи и фортификаціи доносилъ конференціи, что «прикладная математика дѣлится на *физическую* (а) механическія науки: статику, динамику, гидродинамику и аерометрію, б) астрономическія и с) науки оптическія) и *техническую* (практическую механику, гидравлику, гидротехнику, гражданскую архитектуру, артиллерію, фортификацію и морскія науки), и что только первая часть входитъ въ кругъ его занятій ²⁾». Вслѣдствіе такого отзыва профессора, предстояло озаботиться выборомъ преподавателя для этихъ предметовъ, и въ іюнѣ мѣсяцѣ 1816 года призванъ былъ къ сему, на одинъ годъ, инженеръ-полковникъ баронъ Эльснеръ ³⁾, и для наукъ сихъ определено въ старшемъ

¹⁾ Ibid., стр. 55.

²⁾ Ibid., стр. 82—83.

³⁾ Ibid., стр. 83. Въ «Историческомъ очеркѣ Императорскаго Лицея» сказано, что къ преподаванію военныхъ наукъ приглашенъ былъ полковникъ инженернаго вѣдомства баронъ Эльснеръ, сперва приватно, а потомъ какъ отдѣльный профессоръ военныхъ наукъ по Лицею и пансіону. Онъ оставался до 1820 года (стр. 45 и 132—134). Въ своихъ запискахъ И. И. Пушкинъ говоритъ, что Эльснеръ былъ прежде адъютантомъ у Костюшки. («Л. Майковъ: Пушкинъ». Спб. 1899 г., стр. 66). Объ Эльснерѣ и о преподаваніи военныхъ наукъ въ Лицеѣ, о преподавателяхъ этихъ наукъ Сентъ-Андре и Устиновѣ (съ 1820 по 1829 г.) мы находимъ кой-какія свѣдѣнія въ «Исторіи русскаго генеральнаго штаба», составленной генеральнаго штаба генералъ-маіоромъ Н. П. Глиноецкимъ (т. I, 1698—1825. Спб. 1883 г.). Изъ письма Энгельгардта къ Вольховскому отъ 24 ноября 1832 г. видно, что Эльснеръ похороненъ 25 ноября того же года. Вотъ, что сказано въ этомъ письмѣ: «Да, чуть было не забылъ; завтра похороны бѣднаго Эльснера; онъ еще лѣтомъ ѣздилъ на теплыя воды, умиралъ дорогой, умиралъ тамъ, умиралъ здѣсь и наконецъ умеръ. Многопочтенная супруга его и мнѣ прислала билетикъ съ черною каймою, но я кажется не пойду; теперь холодно, до Литейной далеко и дѣло обойдется и безъ меня».

возрастѣ 8 часовъ въ недѣлю¹⁾). Такимъ образомъ, экзаменъ военныхъ наукъ былъ сданъ лицеистами, избравшими собѣ военную карьеру, уже въ стѣнахъ самаго Лицея, а именно 29 мая—прикладная математика, 30—полевая и долговременная фортификація и часть артиллеріи. Для лицъ же, желавшихъ поступить по квартирмейстерской части, т. е. въ нынѣшній Генеральный Штабъ, существовалъ дѣйствительно экзаменъ, но экзаменъ этотъ не имѣлъ значенія провѣрки познаній, а являлся просто проформою и имѣлъ лишь формальное значеніе. На этомъ основаніи мы полагаемъ, что И. В. Малиновскій преувеличилъ значеніе экзамена въ квартирмейстерскую часть, считая его какимъ-то самопожертвованіемъ со стороны Вольховскаго. Что же касается Высочайше дарованныхъ правъ Лицею, на которыя ссылается Малиновскій, то онѣ заключаются въ томъ, что воспитанники Лицея, желавшіе поступить въ военную службу, были сравнены съ воспитанниками Пажескаго Корпуса. Исходатайствованіе для Лицея преимуществъ Пажескаго Корпуса принадлежитъ всецѣло директору Е. А. Энгельгардту. Въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 19 мая 1817 г., на имя князя А. Н. Голицына, было сказано, что «изъ числа воспитанниковъ (Лицея), желающихъ поступать въ военную службу, отличнѣйшіе благороднымъ поведеніемъ и оказавшіе на окончательномъ экзаменѣ основательныя по всеѣмъ частямъ познанія, назначаться будутъ, также по усмотрѣнію и засвидѣтельствуванію Конференціи Лицея, въ гвардію. Таковыя при выпускѣ будутъ обучаемы въ гвардейскихъ полкахъ фронтовой службѣ и, по наученіи оной, произведутся офицерами въ гвардейскіе полки. Тѣ же изъ воспитанниковъ, пожелавшихъ вступить въ военную службу, кои слабѣе противу первыхъ въ наукахъ, преподаваемыхъ въ Лицеѣ, по выпускѣ изъ сего заведенія, отсылаются во 2-ой кадетскій корпусъ, для наученія фронтовой службѣ, и потомъ поступаютъ офицерами въ армейскіе полки»²⁾). Изъ этого рескрипта видно, что отличнѣйшіе воспитанники, имѣв-

¹⁾ Съ другой стороны, мы находимъ въ росписаніи учебныхъ часовъ въ старшемъ курсѣ (перваго выпуска), что военнымъ наукамъ удѣлено было всего больше часовъ въ недѣлю, а именно: «9 час. для преподавателя военныхъ наукъ Эльснера, который преподавалъ полевую и долговременную фортификацію и часть артиллеріи» (Историч. очеркъ Лицея, составлен. И. Селезневымъ, стр. 62). Потомъ (по 1824 г.) науки эти преподавались въ болѣе обширномъ размѣрѣ (См. Курсъ Свѣтъ-Андре,—тамъ же стр. 133). Объ этомъ же сообщаетъ и генераль-майоръ Н. П. Глиноецкій въ своей «Исторіи русскаго генеральнаго штаба» (т. I, 1698—1825. Спб. 1883 г., стр. 311—312.) Здѣсь мы можемъ замѣтить, что, по словамъ Н. Глиноецкаго, съ 1817 по 1819 г. изъ Лицея и его пансіона было выпущено въ военную службу 128 офицеровъ, но изъ этого числа, по словамъ автора, только четверо поступило въ квартирмейстерскую часть, изъ нихъ изъ Лицея—въ 1817 г. Вольховскій и въ 1820 г. Сергій Подлиневъ (2 курса). О Вольховскомъ генераль Глиноецкій замѣчаетъ, что онъ пользовался репутацией отличнаго офицера генеральнаго штаба (Тамъ же, стр. 419).

²⁾ Матеріалы для исторіи Лицея. Памятная книжка на 1856—1857 г.г., стр. 88—89.

шіе наклонность къ военной службѣ, поступали въ гвардію, слабѣйшіе—въ армію. В. Д. Вольховскій, по окончаніи Лицея, какъ первый его воспитанникъ, былъ выпущенъ въ гвардію съ чиномъ прапорщика, затѣмъ, выдержавши 13 іюня 1817 года экзамень въ управленіи Свитою, утвержденъ офицеромъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба и назначенъ состоять при Гвардейскомъ Корпусѣ.

Еще до поступленія Вольховскаго въ Генеральный Штабъ, служба по квартирмейстерской части была уже выдвинута на первый планъ назначеннымъ 31 іюля 1801 года генеральъ квартирмейстеромъ—П. К. фонъ-Сухтеленомъ, который привлекалъ въ эту часть «наиболѣе образованныхъ и способныхъ людей», чтобы «создать изъ нихъ хорошихъ съемщиковъ и картографовъ»¹⁾. «Въ отношеніи офицеровъ,—говоритъ историкъ этой эпохи, генеральъ майоръ П. А. Гейсманъ,—принимаемыхъ въ составъ свиты, Сухтеленъ руководствовался тѣмъ, чтобы они обладали достаточными математическими познаніями для производства съежекъ». Эти традиціи поддерживались и преемникомъ Сухтелена, а такъ какъ Вольховскій отличался въ Лицеѣ математическими познаніями, то не удивительно, что его влекло въ эту часть военной среды и что онъ скоро былъ принятъ. Въ числѣ своихъ новыхъ товарищей онъ нашелъ уже отличившагося на этомъ поприщѣ и выдвинутаго еще Сухтеленомъ Ф. Ф. Шуберта, съ которымъ онъ уже не прерывалъ своихъ сношеній до конца своей жизни, какъ это мы увидимъ далѣе изъ писемъ Энгельгардта. Со вступленіемъ же князя Петра Михайловича Волконскаго въ 1810 году управляющимъ свитою, а въ 1815 году начальникомъ главнаго штаба, квартирмейстерская часть подверглась коренному преобразованію²⁾ и получила стройное и правильное устройство. «Къ числу чиновъ квартирмейстерской части, состоявшихъ на службѣ въ началѣ 1812 года и приобрѣвшихъ болѣе или менѣе громкую извѣстность, принадлежатъ Толь, Дибичъ, Гартингъ, Гавердовскій, Теслевы, Шубертъ, Теннеръ, трое Муравьевыхъ, два Нейдгардта, двое князей Голицыныхъ, два Перовскихъ, графъ Строгановъ, Данненбергъ, Липранди, Ивановъ, Шербининъ и другіе.³⁾ Все это были молодые люди, въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ, усердно занимавшіеся самообразованіемъ, старавшіеся обогатить себя и изученіемъ теоріи и опытомъ, и даже заимствованіемъ того, что было полезно, отъ тѣхъ самыхъ, находив-

¹⁾ См. Столѣтіе Военнаго Министерства 1802—1902. Главный Штабъ. Составъ ген.-м. П. А. Гейсманъ. Общая редакц. ген.-лейт. Д. А. Скалона. Спб. 1902, т. IV, ч. I, кн. 2, отд. I, стр. 201, 202 и др. Біографическія свѣдѣнія о П. А. Сухтеленѣ см. въ концѣ книги: Приложение II.

²⁾ Ibid., стр. 249, 270 и другія.

³⁾ Глиноецкій (1, 240) причисляетъ къ нимъ и Ф. Берга (впослѣдствіи фельд-маршала), примѣч. П. А. Гейсмана, стр. 282.

шихся въ ихъ средѣ, ученыхъ иностранцевъ, которыхъ они же имѣли въ виду современемъ совершенно отстранить отъ дѣла, дабы самимъ занять ихъ мѣсто¹⁾). Преобразованная квартирмейстерская часть получила свое боевое крещеніе въ 12 году и оставила на полѣ брани многихъ своихъ доблестныхъ сыновъ. «Всѣ эти потери, понесенныя свитою во время наполеоновскихъ войнъ²⁾ являются весьма вѣскимъ доказательствомъ того усердія и рвенія, съ которыми молодежь, привлеченная генералами Сухтеленемъ и княземъ Волконскимъ, относилась къ службѣ, служила вѣрою и правдою, «не за страхъ, а за совѣсть». Особенныя старанія къ возможно лучшему комплектованію свиты были приложены княземъ Волконскимъ³⁾, который привлекалъ въ квартирмейстерскую часть отличнѣйшихъ офицеровъ изъ другихъ вѣдомствъ, главнымъ образомъ, изъ войскъ, проходившихъ въ то время первоклассную практическую боевую школу въ войнахъ противъ Наполеона. Этимъ князь Волконскій сближалъ свиту съ арміею, дѣлалъ армію участницею комплектованія свиты и возбуждалъ соревнованіе между самими чинами квартирмейстерской части. Онъ достигъ того, что въ войскахъ стали смотрѣть на переводъ въ свиту по квартирмейстерской части, какъ на очень почетную награду, которая дѣлалась доступною каждому, кто отличался нравственными достоинствами, образованіемъ и соответственными способностями; вмѣстѣ съ тѣмъ, сама свита перестала быть замкнутой корпораціей и всячески стремилась къ тому, чтобы оправдать то высокое положеніе, которое теперь выпадало на оя долю⁴⁾). Наконецъ, указомъ отъ 12 декабря 1815 года учрежденъ былъ Главный Штабъ (а «положеніе Канцеляріи Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества» — 16 декабря 1815 года). «Въ 1816 году были установлены испытанія для лицъ, поступавшихъ въ свиту, какъ колонновожатыми, такъ и офицерами. Первые должны были знать: русскій языкъ (правильно) и одинъ изъ иностранныхъ, географію, исторію (въ особенности русскую), ариметику, алгебру (до уравненій 3-й степени), лонгиметрію и планиметрію, полевую фортификацію и «начальную тактику», а вторые — сверхъ того: долговременную фортификацію, общія понятія изъ «высшей тактики», стереометрію плоскую и сферическую, съемку и употребленіе соответственныхъ инструментовъ и, наконецъ, имѣть понятіе о теоріи боль-

¹⁾ Ibid., стр. 282.

²⁾ Хотя Россія и принадлежала къ составу коалиціи въ 1815 году, но судьба Наполеона была рѣшена до прибытія русскихъ войскъ. Съ точки зрѣнія настоящаго изслѣдованія кампанія 1815 года особеннаго вниманія не заслуживаетъ. — Примѣч. П. А. Гейсмана, стр. 342.

³⁾ Біографическія свѣдѣнія о князѣ Петрѣ Михайловичѣ Волконскомъ — см. въ концѣ книги. Приложение III.

⁴⁾ Главный Штабъ, П. А. Гейсмана, стр. 342.

шой тригонометрической съемки»¹⁾. Для комплектованія квартирмейстерской части служило «Московское учебное заведеніе для колонновожатыхъ», основанное Н. Н. Муравьевымъ и переведенное въ 1823 году въ С.-Петербургъ²⁾, и другія заведенія и въ томъ числѣ Императорскій Царскосельскій Лицей, «въ которомъ было введено, въ 1816 году, обученіе верховой ѣзды, а также установлена кафедра военныхъ наукъ; съ 1817 до 1819 года было выпущено изъ Лицея и его пансіона въ военную службу 128 офицеровъ, изъ коихъ только четверо были произведены прямо въ квартирмейстерскую часть и одинъ вскорѣ переведенъ въ эту же часть³⁾». Весьма интересную, но строгую критику квартирмейстерской части за время съ 1816 по 1825 г., т. е. за то время, когда поступилъ въ нее Вольховскій, даетъ генерал-майоръ П. А. Гейсманъ, талантливый авторъ Истории Главнаго Штаба: «квартирмейстерская часть получила на свое укомплектованіе, съ 1816 до 1825 года, 325 офицерскихъ чиновъ⁴⁾, т. е. укомплектованіе ея въ отношеніи численною дало вполне успѣшныя результаты. Нельзя сказать того же въ отношеніи качественому, понимая качество, конечно, въ широкомъ смыслѣ. Само собою разумѣется, что въ отношеніи доблести, присущей всему вообще корпусу офицеровъ нашей арміи, свита занимала съ честью мѣсто, подобающее ей въ этой арміи, но она, въ лицѣ тѣхъ или другихъ своихъ членовъ, страдала двумя существенными недостатками. Недостатки эти были: а) *не особенно высокій* (если не сказать болѣе) *уровень образованія*, который, впрочемъ, объясняется низкимъ его уровнемъ во всемъ вообще тогдашнемъ культурномъ слоѣ русскаго народа; въ этомъ отношеніи квартирмейстерская часть стояла выше многихъ другихъ родовъ войскъ и службы, но все же и ей былъ присущъ этотъ недостатокъ; къ тому же онъ не восполнялся правильно веденнымъ (въ свое время) воспитаніемъ, каковое въ вышеуказанномъ слоѣ народа велось въ духѣ не національномъ, т. е. оторвалось отъ родной почвы; отсюда верхоглядство, космополитизмъ, пренебреженіе ко всему родному, незнаніе и непониманіе исторіи своего отечества и т. п., короче—полуобразованность въ сочетаніи съ искаженнымъ воспитаніемъ; б) *паденіе уровня дис-*

¹⁾ Приказъ по квартирмейстерской части 2 марта 1816 года, № 58. Глиноецкій, 1, 297, 398 и 411, у П. А. Гейсмана, стр. 354—355.

²⁾ См. у П. А. Гейсмана, стр. 355—360. Н. Н. Муравьевъ учредилъ общество математиковъ, состоявшее подъ его предсѣдательствомъ съ 1810—1812 г., въ которомъ слушали лекціи и готовившіеся для службы по квартирмейстерской части. (Историч. очеркъ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ 1822—1872 г.г. Спб., стр. 60).

³⁾ Лицейскіе, подлежащіе производству въ офицеры, прикомандировывались предварительно на нѣкоторое время къ войскамъ. П. А. Гейсманъ, стр. 360.

⁴⁾ 4 Генерала, 20 штабъ-офицеровъ и 301 оберъ-офицеровъ; изъ нихъ 230 начали службу въ свитѣ съ перваго офицерскаго чина. Примѣч. П. А. Гейсмана, стр. 363.

цѣлѣны, какъ слѣдствіе паденія сознанія служебнаго долга, если не во всемъ вышеуказанномъ слоѣ русскаго народа, то все же въ значительной его части.

«Оба эти недостатка находились въ извѣстной связи между собою и въ таковой же связи съ общимъ направлениемъ моральнаго и умственнаго развитія культурнаго слоя русскаго народа, а, слѣдовательно, и съ соотвѣтственными сторонами развитія всѣхъ жизненныхъ отправленій русской государственности. Въ ряду послѣднихъ первое мѣсто принадлежало всему тому, чѣмъ опредѣлялась и регулировалась внѣшняя политика Россіи и что вліяло и на внутреннія отношенія, выработывавшіяся въ то время въ нашемъ отечествѣ, каковыя, въ свою очередь, отражались и на вооруженной силѣ государства ¹⁾».

По окончаніи наполеоновскихъ войнъ, въ періодъ мирнаго времени, квартирмейстерская часть пришла въ разстройство; тѣмъ не менѣе историкъ этой эпохи, П. А. Гейсманъ, пишетъ: «не взирая на выше отмѣченное разстройство квартирмейстерской части, въ связи съ недостатками всей нашей военной системы, должно признать, что въ общемъ, она быстро поднялась, въ сравненіи съ первыми годами царствованія императора Александра I; успѣхи ея были настолько велики и существенны, что даже упомянутое разстройство не могло уничтожить того, что было сдѣлано княземъ П. М. Волконскимъ и его сотрудниками во исполненіе воли Государя.

«Служба въ свитѣ по квартирмейстерской части была вполне открыта для энергичной и самолюбивой молодежи, которая сознавала свои силы и только искала случая, гдѣ бы она могла ихъ примѣнить къ дѣлу. Этимъ рвеніемъ и умѣлъ пользоваться князь Волконскій, а равно и его ближайшіе сотрудники по квартирмейстерской части, возлагавшіе на офицеровъ свиты самыя разнообразныя и многочисленныя работы. Каждый исполнитель зналъ, что всякая его работа не пройдетъ незамѣченной и будетъ надлежащимъ образомъ оцѣнена сначала корпуснымъ оберъ-квартирмейстеромъ, а затѣмъ генераломъ-квартирмейстеромъ арміи, которые, въ свое время, сами проходили всѣ ступени квартирмейстерской службы, были преданы какъ арміи, такъ и своему роду службы, дорожили честью мундира и строго, но справедливо аттестовали своихъ подчиненныхъ. По этимъ аттестациямъ князь Волконскій знакомился съ офицерами, составлялъ себѣ понятіе объ ихъ служебныхъ достоинствахъ и недостаткахъ, что и служило ему основаніемъ для представленій къ повышенію и поощренію ихъ наградами. Для производства въ чины никакихъ, точно опредѣленныхъ и прочно установленныхъ, правилъ не было; тѣмъ не менѣе, въ рѣшеніи этого вопроса замѣчается извѣстная система; начиная съ 1815 года обращаетъ на себя вниманіе большое число колонновожатыхъ, прапорщиковъ и подпоручиковъ, которые

¹⁾ П. А. Гейсманъ, стр. 363.

по тѣмъ или другимъ причинамъ были признаны не подходящими къ службѣ въ свитѣ, но затѣмъ тотъ, кто достигъ чина поручика, могъ смѣло рассчитывать, что въ 8—10 лѣтъ службы будетъ капитаномъ свиты; если ему удавалось еще обратить на себя особое вниманіе своими работами, службою или способностями, то его перечисляли тѣмъ же чиномъ въ гвардейскій генеральный штабъ, въ которомъ, онъ, года черезъ 2—3, самое большое черезъ 5 лѣтъ, получалъ чинъ полковника на 10-мъ, 12-мъ или 15-мъ году службы. Изъ этихъ, особо отличенныхъ офицеровъ и назначались, по преимуществу, начальники корпусныхъ штабовъ и другія высшія должностныя лица. Менѣе счастливые, оставаясь въ свитѣ, достигали чина полковника на 20-мъ, иногда на 25-мъ году службы; ихъ какъ бы выдерживали въ штабъ-офицерскихъ чинахъ и въ должностяхъ оберъ-квартирмейстерскихъ, которыя, впрочемъ, считались почетными и были хорошо обставлены матеріально; изъ этихъ штабъ-офицеровъ лишь немногіе получали полки, а чаще они производились въ генерал-майоры, съ назначеніемъ комендантами или командирами бригадъ ¹⁾).

«Офицеръ, попавшій въ гвардейскій генеральный штабъ, могъ считать свою карьеру обезпеченною: съ производствомъ въ полковники, онъ получалъ мѣсто оберъ-квартирмейстера, а затѣмъ и начальника корпуснаго штаба, откуда уже въ генеральскомъ чинѣ онъ могъ быть назначенъ начальникомъ дивизіи. Не рассчитывающіе на переводъ въ гвардейскій генеральный штабъ или посвящали себя съемкамъ, отказываясь совершенно отъ высшихъ назначеній при войскахъ, или переходили въ строй, или, наконецъ, вовсе оставляли службу, рассчитывая, что она имъ ничего не дастъ въ мирное время ²⁾».

Такова была блестящая сфера того рода службы, въ которую вступилъ Вольховскій по окончаніи курса Лицея первою золотою медалью.

Но, помимо этого, этотъ родъ службы былъ не чуждъ и литературно-ученой дѣятельности, именно въ періодъ поступленія Вольховскаго, такъ какъ съ 1817 по 1819 г. въ Петербургѣ, по почину начальника штаба гвардейскаго корпуса, генералъ-майора Николая Мартемьяновича Сипягина, составилось «общество любителей военныхъ наукъ», издававшее въ этотъ періодъ довольно богатый по содержанію «Военный журналъ». Если послѣ наполеоновскихъ войнъ въ мирное время квартирмейстерская часть пережила періодъ упадка или разстройства, то съ другой стороны въ этотъ періодъ мы замѣчаемъ стремленіе къ научной разработкѣ военнаго матеріала и кипучую дѣятельность по части геодезическихъ и топографическихъ работъ.

¹⁾ Глиноецкій, I, 319—321, у П. А. Гейсмана.

²⁾ П. А. Гейсманъ, стр. 379—380.

Вольховскій принялъ дѣятельное участіе въ Военномъ Журналѣ. Окончивъ курсъ Лицея въ іюлѣ мѣсяцѣ, онъ уже въ сентябрѣ началъ свою литературную дѣятельность, сотрудничая въ журналѣ.

Въ книжкѣ № 9 этого журнала за 1817 г., стр. 51—54, мы находимъ переводъ В. Вольховскаго съ французскаго статьи подѣ заглавіемъ: «Неудачи Аѣинскаго полководца Никія при осадѣ Сиракузъ и рѣчь его предѣ начатіемъ морскаго сраженія на водахъ Сицилійскихъ съ Сиракузскимъ флотомъ» (Изъ 7 книги Фукидида). Слѣдуетъ замѣтить, что начало этой статьи было помѣщено въ книжкѣ № 8 того же журнала, стр. 48, съ замѣткою, что это вольный переводъ Ѳедора Глинки. Эти статьи имѣютъ общее заглавіе: «Переводы изъ лучшихъ древнихъ историковъ о воинскихъ дѣяніяхъ римлянъ и проч.» и, какъ видно, переводились разными лицами; такимъ образомъ, переводъ, начатый Ѳедоромъ Глинкою, изъ Фукидида, былъ продолженъ нашимъ Вольховскимъ. Въ слѣдующемъ 1818 году, въ книжкѣ № 2, стр. 31—34, находится продолженіе перевода Вольховскаго, подѣ заглавіемъ: «Бѣдственное отступленіе разбитаго Аѣинскаго войска» (изъ 7 кн. Фукидида). Наконецъ, въ книжкѣ № 3, стр. 43—47, находится окончаніе этой статьи, подѣ тѣмъ же названіемъ. Эти переводныя статьи Вольховскаго снабжены примѣчаніями. Не имѣя подѣ рукою оригиналовъ, съ которыхъ переводилъ Вольховскій, рискованно сказать, что эти примѣчанія принадлежатъ ему. Въ послѣднемъ примѣчаніи, напр., указывается на жизнеописаніе Никія, составленное Плутархомъ; есть ли это примѣчаніе французскаго автора или примѣчаніе Вольховскаго — намъ неизвѣстно. За 1819 годъ, въ книжкѣ № 3, стр. 39—46, мы находимъ переводъ В. Вольховскаго, подѣ заглавіемъ: «Осада Аварика» (изъ 7 книги записокъ Юлія Цезаря о войнѣ Галльской); окончаніе этой статьи находится въ книжкѣ № 4, стр. 29—34. Остается открытымъ вопросъ, переводилъ ли Вольховскій эту статью съ французскаго или же съ латинскаго языка; участіе Вольховскаго въ Военномъ журналѣ явилось, вѣроятно, заразительнымъ примѣромъ для его сожителя по квартирѣ Бурцова, потому что въ томъ же 1819 г. мы находимъ въ книжкѣ № 2 статью подѣ заглавіемъ: «Мысли о теоріи военныхъ знаній», «Соч. Гв. Ген. Штаба штабсъ--капитана И. Бурцова».

Въ 1818 году, августа 30, В. Д. Вольховскій произведенъ въ подпоручики, а за отличіе по службѣ въ 1819 году ¹⁾, іюля 30,—въ поручики.

¹⁾ Баронъ Андрей Евген. Розенъ въ своихъ «Запискахъ» (стр. 359) ошибочно указываетъ, что въ 1819 году Вольховскій былъ съ Бергомъ въ экспедиціи въ Хиву. Экспедиція Берга была въ 1825 году въ киргизскую степь, къ Аральскому морю. См. ниже.

Въ 1820 году съ Вольховскимъ случилась какая-то исторія, въ которой онъ не былъ лично виноватъ, но потерпѣлъ изъ за товарищей. Вслѣдствіе этого, онъ хотѣлъ перемѣнить службу и уѣхать на югъ, въ одну изъ расположенныхъ тамъ армій. Какая это исторія, — намъ не извѣстно, мы находимъ намекъ о ней въ письмѣ Энгельгардта къ Вольховскому отъ 1-го апрѣля 1820 г., гдѣ онъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: «...Мое мнѣніе на счетъ отъѣзда твоего во 2-ю ли, въ 10-ю армію, къ Киселеву ли или къ кому-либо другому, все одно и тоже—не ѣзди. 1) Сдѣсь ты при насъ, при своихъ, при друзьяхъ; тамъ ты въ чужихъ людяхъ; сдѣсь ты знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло, тамъ еще узнавать долженъ. 2) По разговору, которой я имѣлъ въ воскресеніе съ Кн. Голицынымъ, онъ очень расположенъ поддержать мой проектъ въ разсужденіи отправления года на три въ разные военные Дворы Европы. Мнѣ кажется, это лучше 2-ой арміи; ты проведешь три года пріятно и полезно, и по возвращеніи всякое мѣсто тебѣ открыто. 3) Кн. Петръ Михайловичъ Волконскій заговорилъ со мною о тебѣ сдѣсь, въ послѣдній пріѣздъ и между прочимъ—*кажется* отъ искренняго сердца сказалъ: «Я вашего Вольховскаго не только люблю, но искренно почитаю, и дай Богъ, чтобы много у насъ было ему подобныхъ. И Государь его такимъ знаетъ!.. а послѣдняя глупая Исторія тутъ онъ почти безъ вины попался — потерпѣлъ за товарищей. Но это ему никакъ вѣдѣть не можетъ».—Мнѣ бы жаль было, еслибъ ты теперь, векорѣ послѣ Исторіи, которая, какова бъ ни была, но кончена совершенно къ твоей сатисфакціи, оставилъ нынѣшнее свое мѣсто; это все будетъ походить на *une petite bouderie*; итакъ мое мнѣніе—не ѣздить. При первомъ свиданьи мы объ этомъ обстоятельнѣе поговоримъ. Желая очень, чтобы свиданье это сбылось скорѣе ¹⁾»...

¹⁾ Далѣе въ письмѣ мы находимъ нѣкоторыя интересныя подробности. Энгельгардтъ даетъ Вольховскому нѣкоторыя порученія. «Между тѣмъ посылаю къ тебѣ еще 80 полулистовъ Царскосельскихъ видовъ для раскрашиванія ихъ бистромъ, съ просьбою замѣтить почтеннѣйшимъ Г-мъ Кантонистамъ, дабы они нѣсколько тщательнѣе дѣлали свою работу. Изъ послѣдне-присланныхъ 35 листовъ есть иные *очень хорошия*, а другіе, и въ томъ числѣ особенно Каскадь, очень дурны. Это только зависитъ отъ ихъ хотѣнія и отъ нѣкотораго надзора со стороны хорошихъ рисовальщиковъ за слабыми. Сдѣлай милость, будь нашимъ въ томъ протекторомъ и меценатомъ, равно какъ и въ томъ, чтобы работа шла поспѣшно. Наши главные экземпляры Государю и проч. и пр. уже отправлены, теперь бы хотѣлось произвести продажу, чтобы выручить издержки, и что-нибудь за труды старику Лангеру. Каковъ успѣхъ и что отъ Царя и Царицы будетъ еще неизвѣстно. Прощай, другъ мой. Я надѣюсь, что буду имѣть завтра случай отправить къ тебѣ это письмо. Будь здоровъ и весель и не пропуская случая побывать у Друга твоего Е. Э.(нгельгардта). 1-го Апрѣля 1820».—Лангеръ, Валеріанъ Платоновичъ, воспитанникъ II курса, вып. 1820 г., умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника. Былъ почетнымъ вольнымъ общникомъ Императорской Академіи Художествъ и чиновникомъ особыхъ порученій при Министерѣ Народнаго Просвѣщенія.

Въ 1820 году полковнику Шуберту ¹⁾ была поручена топографическая съемка Шлиссельбургскаго уѣзда и, одновременно съ тѣмъ, кн. Волконскій предписалъ ему составить для съемки тригонометрическую сѣть, которую стараться связать съ Петербургомъ. Рядъ треугольниковъ долженъ былъ прости- раться всего на 100 верстъ; но вскорѣ Шубертъ узналъ желаніе кн. Вол- конскаго не ограничиваться этою маловажною работою, а распространить три- ангуляцію по всей Петербургской и по другимъ сосѣднимъ губерніямъ. Въ этой съемкѣ принималъ участіе и Вольховскій, хотя объ этомъ обстоятельстве въ формулярѣ его и не упоминается. Съемка эта послужила началомъ дружбы его съ Шубертомъ, продолжавшейся до кончины Вольховскаго. Какъ мы уви- димъ ниже, Шубертъ интересовался судьбой Вольховскаго, покровительство- валь ему и оказывалъ всевозможныя услуги по службѣ, будучи къ тому же дружественно расположенъ къ Энгельгардту, который и являлся какъ бы по- средникомъ между Вольховскимъ и Шубертомъ ²⁾. Когда съемка была рас- пространена на всю С.-Петербургскую губернію въ томъ же году, то въ ней также принималъ участіе Вольховскій ³⁾.

Триангуляція, чачатая генераломъ Шубертомъ въ 1820 году около Пе- тербурга и распространявшаяся постепенно по всей Петербургской губерніи, была продолжена, въ 1824 году, въ Новгородскую, гдѣ должна была послу- жить основаніемъ для хозяйственныхъ и топографическихъ съемокъ, произ-

¹⁾ «Историческій Очеркъ Дѣятельности Корпуса Воен. Топографовъ» 1822—1872. Спб., 1872 г., стр. 80.

²⁾ Біографическія свѣдѣнія о Фѣдорѣ Фѣдоровичѣ Шубертѣ см. въ концѣ книги.

³⁾ Произведенная подъ руководствомъ генералъ-маіора Шуберта съемка имѣла масштабъ 200 саж. въ дюймѣ и составляла 526 листовъ. Объ этой съемкѣ въ «За- пискахъ Военно-Топографическаго Депо» Шубертъ говоритъ, что она сдѣлана по тѣмъ же правиламъ, которыми руководствовался Теннеръ при съемкѣ Виленской губерніи, но что въ рисованіи и въ образѣ опредѣленія мѣстности сдѣланы были важныя улучшения. Въ чемъ именно состояли эти улучшения, Шубертъ не говоритъ; при сличеніи же съемокъ, существенной разницы въ отдѣлкѣ плановъ не замѣтно; объ съемки основаны на тригонометрической сѣти, брусьены отбѣллованы по одинаковымъ условнымъ знакамъ и горы вычерчены по методѣ Лемана. Можетъ быть, Петербургская губернія снята нѣсколько точнѣе Виленской, но это зависѣло отъ того, что Шубертъ, бывши начальникомъ Военно-Топографическаго Депо, имѣлъ полную возможность назначать на свою съемку только опытныхъ топографовъ, между тѣмъ какъ Теннеръ довольствовался тѣми, которыхъ ему назначали, и нерѣдко былъ въ затруднительномъ положеніи отъ недостатка хорошихъ съемщиковъ.

Полубѣловыхъ плановъ, въ верстовомъ масштабѣ, Шубертъ не составлялъ, на томъ основаніи, какъ онъ говоритъ, что улучшения въ устройствѣ мензулы и діоптреной линейки давали возможность отдѣлывать самые брусьены гораздо чище, такъ что ихъ можно было представлять Государю Императору.

Для нанесенія тригонометрическихъ точекъ на мензульные листы была принята система координатъ, извѣстная подъ именемъ системы Шуберта.

Петербургская съемка продолжалась съ 1820 по 1831 годъ, т. е. въ теченіе

водившихся въ округѣ военныхъ поселеній, а затѣмъ продолжилась по Псковской и Витебской губерніямъ. До 1826 года полевые работы производились офицерами Генеральнаго Штаба, а съ 1827 по 1832 годъ исключительно офицерами Корпуса топографовъ; самъ же Шубертъ участвовалъ въ полевыхъ работахъ только въ первые годы. На работахъ находились слѣдующіе офицеры: Генеральнаго Штаба: Поручикъ Вольховскій—въ 1820 г., Капитанъ Рокасовскій (1821—1826), Прапорщикъ Дюгамель (1820—1823), Подпоручикъ Скалонъ 3—въ 1826 г., Прапорщ. Корфъ 1—въ 1820 г. п Прапорщикъ Баронъ Ливень (1824—1825) г. ¹⁾.

Въ 1820 г., іюня 24, Вольховскій командированъ въ Бухарію при Императорской Миссіи, подъ начальствомъ г. Негри ²⁾. Нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія объ этой экспедиціи даетъ намъ г. Кубасовъ въ статьѣ своей: «П. Л. Яковлевъ (очеркъ жизни и дѣятельности)», напечатанной въ «Рус. Стар.» за 1903 г., т. 114, іюнь. Приводимъ изъ этой статьи слѣдующія данныя, заимствованныя изъ «Дѣла объ экспедиціи въ Бухарію», хранящагося въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Причины снаряженія и цѣль экспедиціи ясно изложены въ «инструкціи дѣйствительному статскому совѣтнику Негри», Высочайше утвержденной 8-го іюля 1820 года. Вотъ что, между прочимъ, читаемъ въ этой инструкціи: «Бухарія издавна состоитъ съ Россіей въ дружественныхъ и торговыхъ сношеніяхъ и неоднократно при

11 лѣтъ. На производство ея было ассигновано 290.650 рублей ассигнаціями, но изъ этой суммы сдѣлана значительная экономія. По окончаніи всѣхъ работъ, Шубертъ представилъ чистый остатокъ въ 18.037 руб., несмотря на то, что имъ были сдѣланы еще едополнительныя работы, не входившія въ смѣту, а именно: въ 1828 году произведена съемка города С.-Петербурга, въ масштабѣ 50 саж. въ дюймѣ; сдѣлана, въ двухъ мѣстахъ, связь Петербургской триангуляціи съ градуснымъ измѣреніемъ профессора Струве и, кромѣ того, выписаны изъ Мюнхена нѣкоторые астрономическіе инструменты. О количествѣ этихъ сверхсмѣтныхъ расходовъ въ дѣлахъ никакихъ свѣдѣній не сохранилось, и потому невозможно опредѣлять стоимость съемки всей Петербургской губерніи; но, вѣроятно, мы не сдѣлаемъ большой ошибки, положивъ, что квадратная верста обошлась въ 1 рубль 80 коп. серебромъ. («Историческій Очеркъ Дѣятельности Корпуса Воен. Топограф.» 1822—1872. Спб., 1872 г., стр. 160—161). Слѣдуетъ замѣтить, что въ 1820 году число съемщиковъ было 20, а количество снятаго пространства равнялось 1279,5 кв. верстѣ.

¹⁾ «Историч. Очеркъ Дѣятельности Корпуса Воен. Топогр.» 1822—1872 г., стр. 116.

²⁾ Александръ Федоровичъ Негри (род. 1784, † 1854 г.), грекъ, состоялъ съ 1815 г. на русской службѣ въ вѣдомствѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ 1818 г. находился старшимъ совѣтникомъ при А. П. Ермоловѣ во время его посольства къ Фетхъ-Али-Шаху. Впослѣдствіи, переселившись изъ С.-Петербурга въ Одессу былъ съ 1844 г. по день своей кончины вице-президентомъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. (Записки Общества, т. IV, отд. 2-е и 3-е, стр. 415—417).

Негри и Катакази, оба грека, были женаты на дочеряхъ Ипсиланти и, въ награду за преданность его, были приняты въ русскую службу съ чиномъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, будто бы соотвѣтствующаго ихъ молдаванскому званію. Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. VI, гл. VІІ, стр. 112 (изд. «Рус. Арх.»).

сылала къ Высочайшему двору своихъ посланцевъ. Мы не имѣемъ, однако, ясныхъ и положительныхъ о сей землѣ свѣдѣній. Разные важнѣйшіе предметы отвлекали вниманіе правительства и не допускали заняться оною въ особенности и послать для сего предмета дипломатическаго чиновника. Бывшій здѣсь въ 1816 году бухарскій посланникъ ¹⁾ настоятельно просилъ взаимнаго отправленія къ нимъ российской миссіи. Тотъ же посланникъ, въ семь году сюда пріѣзжавшій, возобновилъ прежнее свое домогательство, и ему дано удовлетворительное обѣщаніе. Для сего, нынѣ не токмо по поводу онаго, но и по уваженію къ тѣмъ пользамъ, кои предстоятъ для Россіи отъ ближайшихъ и тѣснѣйшихъ сношеній съ Бухаріей, благоугодно было Государю Императору повелѣть отправить ваше превосходительство въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ къ Бухарскому владѣльцу Миръ-Гейдеръ-Хану». Запасшись высочайшей грамотой и подарками, миссія въ іюнѣ же мѣсяцѣ выѣхала, во главѣ съ А. О. Негри, и въ октябрѣ достигла Оренбурга. Тамъ, для охраны миссіи отъ всякихъ случайностей на предстоящемъ ей долгомъ и не безопасномъ пути по пустыннымъ степямъ, былъ снаряженъ конвой изъ 550 человекъ (200 человекъ пѣхоты, 200 казаковъ, артиллерія, прислуга и отрядъ изъ башкирцевъ). Въ октябрѣ мѣсяцѣ миссія выступила подъ охраной конвоя изъ Оренбурга. Вмѣстѣ съ ней отправилось и нѣсколько человекъ опытныхъ топографовъ и натуралистовъ, такъ какъ экспедиціи поручено было, во время своего путешествія по неизслѣдованнымъ мѣстностямъ, «обозрѣвать всѣ тѣ мѣста, равно на всемъ пути съ возможною подробностью описывать горы, озера, болота, рѣки и ручьи, лѣса, кустарники и качество почвы земли, относительно къ заведенію хлѣбопашества»; также рекомендовалось производить по пути этнографическія, астрономическія, метеорологическія и иныя научныя изслѣдованія и наблюденія («помимо наблюденій особыхъ» ²⁾). Съ миссіею Вольховскій находился за границею съ 10-го октября того же года по 12-ое мая 1821 года, за что въ 24 день августа 1821 года повелѣно ему отъ щедротъ Александра Благословеннаго производить пенсіонъ по 500 рублей ассигнаціями въ годъ.

По возвращеніи изъ командировки Вольховскій удостоился личнаго доклада Александру I ³⁾.

¹⁾ Диванъ-Беги-Азимжанъ-Муминжановъ, который былъ посланъ ханомъ въ Россію и въ 1820 г., между прочимъ, для ходатайства объ отмигнѣ тарифа и о присылкѣ въ Бухару русскаго консула.

²⁾ «Рус. Стар.», 1903 г., т. 114, іюнь, стр. 633—634.

³⁾ Въ другой разъ онъ имѣлъ счастье представиться въ кабинетѣ въ 1834 году уже другому Императору—Николаю Павловичу, когда явился съ донесеніями по дѣламъ Кавказа.

Результаты экспедиции въ общихъ чертахъ были такъ охарактеризованы Негри во всеподданнѣйшемъ докладѣ: «. . . теперь мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія о Бухаріи, которая, хотя и издавна производитъ важный торгъ съ Россіей, но не была довольно извѣстна; ...освобождены изъ рабства нѣсколько россиянъ и, наконецъ, отклонено удовлетворительнымъ образомъ настояніе бухарскаго правительства объ отиѣнѣ тарифа нашего, на Азіатской границѣ существующаго» ¹⁾. «Не входя въ изложеніе научныхъ результатовъ экспедиціи и прочихъ подробностей, говоритъ Кубасовъ, позволимъ себѣ рекомендовать интересующемуся читателю обстоятельную книжку объ этомъ путешествіи, составленную однимъ изъ участниковъ миссіи барономъ г. Мейендорфомъ: <Voyage d'Orenbourg à Bouhara, fait en 1820> (Paris, 1826 ²⁾).

Письмомъ отъ 10-го сентября 1820 года Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину, что «Вольховскій отправился съ посольствомъ въ Бухарію; я этому очень радъ: 1) это отличіе; 2) это удалить его на нѣкоторое время отсюда, гдѣ все послѣ послѣдняго происшествія ³⁾ нѣсколько было ему грустно; 3) это нѣсколько поправить его финансы и, наконецъ 4) путешествіе довольно любопытное». Отъ 21-го сентября того же года онъ сообщаетъ: «Между тѣмъ получилъ я и отъ Вольховскаго письмо изъ Оренбурга; они благополучно туда доѣхали, теперь отправляются далѣе на верблюдахъ, а не на собакахъ ⁴⁾,—въ сопровожденіи 500 казаковъ и 4-хъ вухекъ» ⁵⁾. Въ письмѣ отъ 21—27-го іюня 1821 г. Энгельгардтъ пишетъ: «пришло и письмо отъ Бухарскаго Вольховскаго. Онъ благополучно окончилъ свое путешествіе, посольство возвратилось уже въ Оренбургъ и онъ надѣется быть сдѣсь въ августѣ, радъ буду съ нимъ опять увидѣться, всегда радъ, но нынѣ болѣе, нежели прежде, потому, что чугуниниковъ ⁶⁾ стало очень мало вокругъ меня».

¹⁾ См. И. Кубасовъ, стр. 636.

²⁾ «Если не ошибаемся, замѣчаетъ Кубасовъ, это—единственная книжка, въ которой излагаются труды нашей миссіи въ Бухару. Она представляетъ обширный изящно изданный томъ (въ 500 стр.), снабженный иллюстраціями, отличной картой и богатыми подробностями о научныхъ результатахъ экспедиціи».

³⁾ Т. е. Семеновской исторіи, вслѣдствіе чего призазомъ Россійскимъ арміямъ отъ 2-го ноября 1820 года Семеновскій полкъ былъ распределенъ по разнымъ полкамъ арміи.

⁴⁾ Намекъ на путешествіе Матюшкина на собакахъ въ тундрахъ восточной Сибири.

⁵⁾ Алексѣй Ѳеодоровичъ Кожанскій говорилъ Н. Н. Муравьеву о посольствѣ въ Бухарію, отправившемся подъ предводительствомъ Негри, что «отрядъ, состоящій изъ 400 человекъ и двухъ орудій, провожаетъ ихъ. Негри, говорятъ, чрезвычайно боится, заготовленія же ихъ въ дорогу были огромныя». (Записки Н. Н. Муравьева, 1 апрѣля 1821 г.—«Рус. Арх.», 1888 года, кн. I, стр. 83).

⁶⁾ Такъ назывались лицейсты отъ чугунныхъ колець, розданныхъ Энгельгардтомъ на память по окончаніи ими курса Лицея.

Командировка Вольховскаго въ Бухарію была, вѣроятно, пріятна ему и потому, что въ числѣ участниковъ ей былъ Павелъ Лукьяновичъ Яковлевъ ¹⁾, братъ его товарища по Царскосельскому Лицею—Михаила Лукьяновича.

Объ этой экспедиціи мы имѣемъ кой-какія свѣдѣнія изъ писемъ П. Л. Яковлева изъ Киргизской степи и Бухары къ Екатеринѣ Ивановнѣ Измайловой, напечатанныхъ въ журналѣ ея мужа: «Благонамѣренный», за 1824 г.. № 1. Къ сожалѣнію, письма эти не упоминаютъ о Вольховскомъ. Въ первомъ письмѣ изъ залива Сыръ-Дарьи, Камышлы, 16-го ноября 1820 г., Павелъ Лукьяновичъ Яковлевъ сообщаетъ, что они идутъ уже 36 дней, «идемъ непрерывно степью... видимъ одно небо—видимъ киргизовъ, верблюдовъ... 36 дней одно и то же!» «Мы встаемъ съ зарею... Раздается барабанный бой—раздались крики верблюдовъ: ихъ вьютъ. Вособразите 500 верблюдовъ среди поля; кибитки уже сложены; сундуки, тюки, всѣ вещи въ безпорядкѣ разбросаны по землѣ. Киргизы въ ужасныхъ малахаяхъ ворочаютъ тяжести. Мы всѣ на коняхъ. Наконецъ, верблюды навьючены, и мы ѣдемъ; впереди казаки, потомъ пѣхота, артиллерія, верблюды, телѣги... все тянется по необозримой степи. Въ 1-мъ часу приваль. Отдыхаемъ, ѣдимъ, пьемъ; потомъ не останавливаемся уже до мѣста, гдѣ назначенъ ночлегъ. Киргизы—вожаки обыкновенно ѣдутъ впереди, степь такъ имъ знакома, какъ вамъ—Невскій проспектъ. Подъѣзжая къ мѣсту ночлега, всѣ разсыпаются по полю, и всякій выбираетъ мѣсто для своей кибитки. Суeta, безпорядокъ; крики людей, верблюдовъ, ржаніе коней, бляніе барановъ. Черезъ полчаса всѣ кибитки поставлены, и всѣ принимаются за утоленіе голода и жажды» ²⁾. Вообще Яковлевъ даетъ очень много интересныхъ картинъ этого военно-научнаго похода; онъ рисуетъ картины отдыха, стоянокъ, ночлега, жизнь лагеря, бытъ бухарцевъ и проч.—«Нынѣшній день мы отдыхаемъ»,—писалъ П. Л. Яковлевъ отъ 16-го ноября 1820 г.,—«Полюбуйтесь нашимъ лагеремъ! Какая пестрая, живая картина, какое разнообразіе и дѣятельность! Тамъ двадцать солдатскихъ кибитокъ и передъ ними ружья, поставленные пирамидами съ навѣшанными на нихъ сумами, тесаками, киверами. Солдаты, одѣтые по домашнему, бѣгаютъ кругомъ огней, хохочутъ, варятъ кашу, смѣшавъ другъ друга. Тамъ башкирцы бреютъ другъ другу головы тупыми ножами: бреющійся страдалецъ корчится, бреющій хладнокровно исполняетъ свое дѣло. Другая группа башкирцевъ кушаетъ издохшую вчера лошадь и хвалитъ ее сладкое мясо. Тамъ—киргизы: иной дудитъ въ чибызу (дудку), другой подшиваетъ подметки за-

¹⁾ О Павлѣ Лукьяновичѣ Яковлевѣ смотри отдѣльную замѣтку въ біографіи его брата—Михаила Лукьяновича.

²⁾ «Благонамѣренный», 1824 г., XXV, стр. 23.

хромавшему верблюду. Наши натуралисты, сидя передъ своими кибитками, навиваютъ чучела воронъ и мышей. Казаки, подъ шатрами изъ пикъ своихъ, безопасно наклоняясь къ пылающему саксолю (кустарнику), поютъ про своихъ богатырей. Около кибитокъ разбросаны тюки, сундуки, мѣшки. Вдали чернѣются казачьи пикеты и стада лошадей и верблюдовъ. Вечеромъ картина перемѣняется. Липъ пробьютъ зорю, все затихло; кой-гдѣ мелькаетъ огонекъ... и унылое «слушай!» разносится по лагерю отъ часоваго къ часовому. Нынѣшнюю ночь къ голосамъ ихъ присоединилось еще вытье нѣсколькихъ десятковъ волковъ. Уныло и страшно, какъ... при представленіи мелодрамы» ¹⁾. Наконецъ, миссія прибыла въ Бухару. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого, въ письмѣ отъ 15 января 1821 г., Яковлевъ описалъ на страницахъ «Благонамѣреннаго», съ свойственнымъ ему юморомъ, этотъ городъ, его достопримѣчательности и обитателей. Яковлевъ пишетъ: «70 дней шли степью... и 20 октября вступили въ святой городъ Бухару» (стр. 27). Насколько трудны были тогда пути сообщенія, и какъ долго шли письма, видно изъ словъ Яковлева, что «ихъ депеши варваръ киргизъ, степной фельд-егерь, везъ почти два мѣсяца» ²⁾. Объ этой же экспедиціи въ Бухару мы имѣемъ кой-какія свѣдѣнія въ письмѣ Е. А. Энгельгардта къ Матюшкину отъ 9 февраля 1821 г.,—въ припискѣ «отъ 12 февраля» Энгельгардтъ пишетъ: «Отъ Вольховскаго получилъ я донесеніе изъ Бухарской степи на берегу реки Сыръ-Дарьи, 900 верстъ за Оренбургомъ; по сіе время путешествіе ихъ довольно щастливо,—набѣговъ и нападѣній отъ горцовъ не имѣли, а Вольховской сидитъ на верблюдѣ и командуетъ авангардомъ».

Въ 1821 и 1822 г.г. Вольховскій находился въ походахъ съ гвардіею въ Витебской и Минской губерніяхъ. За это время имѣемъ письмо къ нему отъ Е. А. Энгельгардта, интересное въ томъ отношеніи, что Энгельгардтъ делѣялъ мысль сдѣлать Вольховскаго профессоромъ военныхъ наукъ въ Лицеѣ. Это видно изъ слѣдующихъ строкъ письма, писаннаго 31 ноября 1821 г. ³⁾:

¹⁾ «Благонамѣренный», 1824 г., XXV, стр. 25—26.

²⁾ Далѣе Яковлевъ описываетъ городъ Бухару и бытъ бухарцевъ. Интересующіеся этими свѣдѣніями могутъ обратиться къ журналу «Благонамѣренный», 1824 г., № 1.

³⁾ Письмо это безъ года, но изъ текста видно, что оно относится до пребыванія Вольховскаго въ Минскѣ, а изъ формулара намъ извѣстно, что Вольховскій вмѣстѣ съ гвардіею былъ въ походѣ въ Витебской и Минской губерніяхъ 1821—1822 г.г. и вернулся въ Петербургъ осенью 1822 г., слѣдовательно, письмо Энгельгардта отъ 31 ноября безъ обозначенія года могло относиться только къ 31 ноября 1821 года, а не 1822, такъ какъ тогда его уже не было въ Минскѣ. О выстушеніи гвардіи въ походъ мы имѣемъ свѣдѣнія изъ письма К. Я. Булгакова къ брату отъ 8 апрѣля 1821 г. Булгаковъ указываетъ, что войска начали выступать 20 апрѣля 1821 г. и что квартира В. К. Михаила Павловича была въ Витебскѣ, а В. К. Николая Павловича въ Луцкѣ. («Рус. Арх.» за 1902 г., кн. 12, стр. 517).

«Я вѣрю, что не можетъ быть пріятно жить въ Минскѣ, не имѣя настоящаго или дѣльнаго дѣла; при томъ и тутъ вѣроятно, какъ и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда ваша братья Саранча нагрязнула, дороговизна во всемъ. Съ васъ берутъ серебромъ, а вамъ платятъ бумагою.—Нѣкоторое время у насъ ходили военные слухи, всю армію посылали на Турокъ, но нынѣ это опять позатихло, были ли тѣ слухи пустые *on dit*, или перемѣнили планы, или нынѣшняя тишина такая, какъ обыкновенно предъ сильною грозою предшествуетъ, я не берусь рѣшить; впрочемъ, сколько я ни врагъ войны и другъ мира, но признаюсь, что почти бы нынѣ согласился на войну противъ Турокъ, съ тѣмъ только, чтобы война не кончилась завоеваніемъ какой-нибудь ободранной голодной области или вѣчнымъ миромъ, который нарушится черезъ шесть мѣсяцевъ, а истребленіемъ Турецкаго Правительства, которое мнѣ кажется между Европейскими державами терпимо быть не можетъ. Я бы препроводилъ ихъ въ Африку. — Въ числѣ причинъ, побуждающихъ меня желать скорѣе войны, есть и Лицейская, Лицейская?! Такъ точно; у меня все на сердцѣ мысль и желаніе видѣть (*Sic*) тебя въ Лицеѣ на каедрѣ профессоромъ военныхъ наукъ, а для сего мнѣ необходимо нужно, чтобы ты сдѣлалъ компанію, испыталъ на дѣлѣ войну и познакомился со всѣми тѣми частями военнаго ремесла, о коихъ въ книгѣ ничего не сказано или сказано пустое. Этотъ планъ такъ вкорѣнился (*Sic*) во мнѣ, что я себя (*Sic*) никакъ иначе тебя не воображаю, какъ сотрудникомъ моимъ и сотрудникомъ истиннымъ, а не наемнымъ учителемъ. Чемъ (*Sic*) долѣе я занимаюсь своимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе удостоивряюсь въ истиннѣ эпитафа Песталоцціа: *es giebt auf der Welt kein schöneres geschäft als Menschen bildung*;—всякое другое занятіе имѣетъ результатъ или проходящій или частный, а мое дѣло простираетъ благословеніе свое на будущія поколѣнія, на будущіе вѣка.—Повоюй, братъ, а потомъ пріѣзжай въ Царское Село, *wir vollen Menschen bilden*»...

Августа 2-го 1822 года В. Д. Вольховскій произведенъ въ штабсъ-капитаны и возвратился въ С.-Петербургъ ¹⁾. Въ 1823 году, іюля 11, за маневры подъ Краснымъ Селомъ объявлено ему Высочайшее благоволеніе; въ 1824 году, въ январѣ мѣсяцѣ, съ особыми порученіями командированъ въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ и Всемилоствѣйше пожаловано ему на путевыя издержки 200 червонцевъ; здѣсь съ 24 февраля по 29-ое марта состоялъ при военной экспедиціи, отправленной въ Киргизъ-Кайсацкую степь,

¹⁾ Въ Петербургѣ онъ занялъ мѣсто въ Главномъ Штабѣ, какъ это видно изъ письма Энгельгардта къ Кюхельбекеру отъ 14 сентября 1823 г. («Рус. Стар.», 1875 г., т. XIII, іюль, стр. 374), который пишетъ: «Вольховскій очень занятъ управленіемъ цѣлаго отдѣленія Главнаго Штаба» (хотя этихъ свѣдѣній нѣтъ въ формулярѣ Вольховскаго).

и былъ при разбитіи и преслѣдованіи кочевыхъ мятежниковъ, за что Всеми-
лостивѣйше награжденъ 13-го августа того же года орденомъ Св. Владиміра
4-й степени ¹⁾).

Въ письмѣ отъ 5-го февраля 1824 г. Энгельгардтъ сообщаетъ
Матюшкину: «Еще одинъ дюжій чугуинникъ у меня убылъ: Вольховскій отпра-
вленъ въ Оренбургъ съ особеннымъ порученіемъ. Онъ уѣхалъ назадъ тому
6 дней, жаль и съ нимъ было разставаться, но нечего дѣлать—и у птицы
изъ гнѣзда улетаютъ пташки, когда оперятся».

Съ 10-го іюня по 19-ое іюля того же 1824 года Вольховскій нахо-
дился въ Гвардейскомъ корпусѣ подъ Краснымъ Селомъ, гдѣ за отличное
исполненіе своей обязанности объявлено ему Высочайшее благоволеніе;
въ 1825 году, марта 29, пожалованъ капитаномъ; въ 1825 же году, мая 17,
Вольховскій вышелъ въ отставку. По словамъ Розена, «онъ сдѣлалъ это,
полагая быть полезнѣе въ гражданской службѣ, гдѣ имѣлъ бы меньше расхо-
довъ и больше средствъ помогать ослѣпнувшему отцу; но мѣсто, обѣщанное
ему Оленинымъ, президентомъ Академіи, было между тѣмъ отдано другому.
Начальникъ Штаба Гвардейскаго Корпуса А. И. Нойдгардтъ упрасивалъ его
оставаться въ военной службѣ и словесно и письменно отговаривалъ его отъ
отставки и съ радостью содѣйствовалъ къ назначенію его опять въ прежнюю
военную службу» (Записки, стр. 360). Въ отставку, какъ значится въ фор-
мулярѣ, онъ вышелъ въ 1825 году, мая 17 дня, а принятъ былъ вновь на
службу въ томъ же году августа—25-го, а августа 27-го командированъ въ
экспедицію для обозрѣнія пространства между Каспійскимъ и Аральскимъ
морями и въ это время былъ при разбитіи Киргизскихъ разбойниковъ близъ
устьевъ Сагира и Эмбы.

Итакъ, зимою 1825 года Вольховскій—бывшій въ это время капи-
таномъ и служившій въ Гвардейскомъ Генеральномъ Штабѣ—участвовалъ въ
ученой экспедиціи въ Киргизскія степи, къ Аральскому морю ²⁾). Началь-
никомъ этой экспедиціи,—состоявшейся нарочно зимою, когда нерастаявшій
снѣгъ могъ служить къ утоленію жажды людямъ и вьючнымъ животнымъ въ
безводной Киргизской степи,—былъ полковникъ Главнаго Штаба Бергъ. Изъ
Главнаго же Штаба, кромѣ Вольховскаго, въ экспедиціи участвовали: баронъ

¹⁾ Объ этой экспедиціи упоминаетъ А. Е. Розень (Записки, стр. 360), что она
была подъ начальствомъ полковника Г. Мейендорфа, но ошибочно называетъ «въ Бухару»,
слѣдовало бы въ Хиву.

²⁾ Николай Игнатьевичъ Шенигъ, ѣдучи въ Таганрогъ въ 1825 году, встрѣтилъ
въ Торжкѣ (въ числѣ другихъ) своего товарища капитана Вольховскаго, ѣдущаго въ
Оренбургъ для экспедиціи въ киргизскую степь (вмѣстѣ съ полковникомъ Бергомъ, гра-
фомъ Александромъ Толстымъ—адъютантомъ Дибича). См. Воспоминанія Николая
Игнатьевича Шенига. «Рус. Арх.», 1880 г., III (?), стр. 268.

Ливень и А. О. Дюгамель. Кроме того, товарищами Вольховскаго въ этой экспедиціи были изъ морскаго вѣдомства капитанъ-лейтенантъ Анжу и лейтенантъ Подчерковъ, отъ Путей Сообщенія — капитанъ Загоскинъ, Графъ Александръ Толстой—адъютантъ генерала Дибича (впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода), наконецъ, астрономъ Леммъ и докторъ Эверсманъ ¹⁾. Въ «Историческомъ Очеркѣ Дѣятельности Корпуса Военныхъ Топографовъ» ²⁾ мы находимъ нѣкоторые дополнительные свѣдѣнія объ этой экспедиціи. Въ 1823 году, подъ начальствомъ полковника Берга, сдѣлано обзорѣніе Малой орды Киргизской степи. Карта обзорѣнія составлена квартирмейстерской части: капитаномъ Тимофеевымъ и прапорщикомъ Балкашинымъ, инженеръ-поручиками Артюховымъ, Тарасовымъ и артиллеріи прапорщикомъ Карелинымъ. Осмотрѣнное пространство заключаетъ около 220.000 кв. верстѣ.

Въ 1825 году, по Высочайшему повелѣнію, командированы были къ Аральскому морю, подъ начальствомъ Свиты Его Величества по Квартирмейстерской части полковника Берга: капитанъ Вольховскій, подпоручикъ Дюгамель, прапорщ. баронъ Ливень, поруч. гр. Толстой, инженеръ путей

¹⁾ Въ «Вѣстникѣ Всемирной Исторіи» за 1901 годъ, № 5, въ статьѣ г. В. Н.— «Намѣстники и генераль-губернаторы Царства Польскаго», мы находимъ слѣдующій формуляръ Берга (стр. 210):

«Генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи, графъ Федоръ Федоровичъ Бергъ, родился въ 1793 г. (1794?), воспитывался въ Дерптскомъ университетѣ, въ службу вступилъ юнкеромъ въ Либавскій пѣхотный полкъ въ 1812 г., участвовалъ въ 14-ти сраженіяхъ; въ 1814 году былъ уже капитаномъ Генеральнаго Штаба; въ 1820 г. переименованъ въ коллежскіе совѣтники и, какъ хорошо знавшій иностранные языки, съ такимъ успѣхомъ служилъ по дипломатической части, что вскорѣ же получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и званіе камергера; въ 1822 г. (Sic) имѣлъ порученіе упорядочить положеніе Киргизъ-Кайсацкой степи, уничтожить разбойничьи шайки, возстановить сообщеніе съ Дальнимъ Востокомъ, собрать свѣдѣнія о пространствѣ между Аральскимъ и Каспійскимъ морями; произведенъ въ генераль-майоры, съ зачисленіемъ въ свиту; 13 августа 1826 г. оказалъ особенныя отличія при осадѣ Браилова; подъ его руководствомъ были сдѣланы 1828—1830 г.г. съемки части Болгаріи, Румыніи и Балканскихъ горъ и карта, послужившія руководствомъ при военныхъ операціяхъ; въ 1831 году участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ, за что былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты и сдѣланъ генераль-адъютантомъ; назначенъ генераль-квартирмейстеромъ Главнаго Штаба и произведенъ въ генераль-отъ-инфантеріи въ 1843 году; въ Венгерской кампаніи состоялъ при австрійскомъ императорѣ 8 мѣсяцевъ 1849 года, въ восточную войну 1853—1856 г.г. сначала командовалъ войсками въ Эстляндіи, а потомъ былъ генераль-губернаторомъ въ Финляндіи и командующимъ тамъ войсками; 26 августа 1856 г. возведенъ въ графское достоинство; назначенъ намѣстникомъ Царства Польскаго 19 октября 1863 г., возведенъ въ фельдмаршалы 28 октября 1866 года, пробылъ намѣстникомъ до смерти 8 января 1874 года».

Къ сожалѣнію, въ этомъ перечнѣ служебной дѣятельности Ф. Ф. Берга вкралась ошибка или описка въ отношеніи года экспедиціи для обзорѣнія пространства между Каспійскимъ и Аральскимъ морями. Это не 1822 г., какъ пишетъ г. В. Н., но 1825 г., какъ указано въ формулярѣ Вольховскаго.

²⁾ «Историч. очеркъ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ» 1822—1872 г.г., стр. 183—184.

сообщенія капитанъ Загоскинъ, инженеръ поручикъ Тафаевъ, подпоручикъ Ячменевъ, флота капитанъ - лейтенантъ Анжу, лейтенантъ Подчерковъ и 12-го класса астрономъ Леммъ.

Доставленное полковникомъ Бергомъ военно-топографическое обозрѣніе степи между Каспійскимъ и Аральскимъ морями и пространства отъ Гурьева до Астрахани, составлено было глазомѣрно съ помощью компаса и одометра. Маршруты заключаютъ около 1.600 вер. Во время подобныхъ путешествій или экспедиціи, предпринимавшихся разными вѣдомствами для изслѣдованій окраинъ нашего обширнаго отечества, правительство наше пользовалось случаемъ для научныхъ изысканій; такимъ образомъ и въ данный періодъ времени (т. е. съ 1823 по 1832 г.) правительствомъ совершены были также астрономическія работы. Такъ, въ концѣ 1825 и въ началѣ 1826, при экспедиціи къ Аральскому морю, подъ начальствомъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части полковника Берга, чиновникъ Военно-Топографическаго Депо Леммъ опредѣлилъ секстантомъ географическое положеніе 28 мѣсть на Оренбургской линіи, въ Киргизской степи, на восточномъ берегу Каспійскаго и на западномъ берегу Аральскаго моря ¹⁾).

Экспедиція началась съ того, что участники ея собрались въ октябрѣ 1825 г. въ Уральскѣ, гдѣ ихъ приняли самымъ гостепріимнымъ образомъ. Казаки давали имъ безпрестанные обѣды съ шампанскимъ и превосходною свѣжею икрою. Войско, входившее въ составъ этой экспедиціи, включавшее въ себя баталіонъ пѣхоты, двѣ пушки и нѣсколько сотенъ казаковъ, собралось, между тѣмъ, въ крѣпости Сарайчикъ, верстахъ въ 25—ти отъ Каспійскаго моря. Полковникъ Бергъ со своимъ штабомъ отправились туда лишь въ послѣднихъ числахъ ноября, чтобы ускорить работы по съемкѣ, которыя еще оставалось докончить. Сюда же 6 или 8 декабря курьеръ привезъ имъ неожиданное извѣстіе о кончинѣ Императора Александра и о восшествіи на престолъ Великаго Князя Константина. Это страшное извѣстіе тѣмъ болѣе поразило участниковъ экспедиціи, что они даже не знали о болѣзни Государя. Тотчасъ же отслужили панихиду, потомъ молебенъ, присягнули къ вѣрности Императору Константину. А на другой день отрядъ экспедиціи двинулся въ путь, перешель Уралъ,—который давно уже былъ покрытъ льдомъ,—и направились въ глубь степей по направленію къ Востоку. Экспедиція шла по берегу Каспійскаго моря, вдоль его острововъ, оторванныхъ отъ материка, чрезъ лѣса тростника. Она сильно страдала отъ чрезмѣрнаго холода, ибо термометръ падалъ на 30° по Реомюру. Иногда было просто невыносимо, когда

¹⁾ «Историч. очеркъ дѣятельности корпуса военн. топогр.» 1822—1872. Примѣч. VI, къ стр. 152.

холодъ сопровождался вѣтромъ и снѣжною мятежью. Ночью приходилось спать въ войлочныхъ палаткахъ. Когда прошли тростниковые лѣса и не стало, такимъ образомъ, этого естественнаго топлива, то пришлось жечь колеса и оси отъ телѣгъ, въ которыхъ везли съѣстные припасы, по мѣрѣ того, какъ они пустѣли. Ученой экспедиціей былъ, между прочимъ, рѣшенъ вопросъ объ относительномъ уровнѣ водъ между морями Каспійскимъ и Аральскимъ. Не доходя 200 верстъ отъ Хивы, экспедиція повернула обратно ¹⁾. Всего ушло на эту экспедицію изъ Сарайчика и обратно 80 дней, и участники экспедиціи все это время пребывали въ полномъ невѣдѣніи относительно тѣхъ событій, которыя послѣдовали въ Россіи и Петербургѣ послѣ смерти Императора Александра I. Участники экспедиціи около трехъ мѣсяцевъ были увѣрены, что въ это время царствуетъ Константинъ. Капитанъ Вольховскій, какъ извѣстно, оказался замѣшаннымъ, по показанію заговорщиковъ, въ бунтѣ декабристовъ, и когда экспедиція прибыла въ Сарайчикъ, его уже ждалъ фельдъ-егерь, имѣвшій приказаніе доставить Вольховскаго въ Петербургъ, гдѣ засѣдала слѣдственная комиссія ²⁾.

¹⁾ Практическіе результаты экспедиціи Берга къ Аральскому морю въ 1825 и 1826 г.г. выяснились только во время зимняго похода въ Хиву въ 1839 году подъ начальствомъ В. А. Перовскаго. Экспедиція Э. Э. Берга намѣтила въ Хиву два пути: первый шель по восточной сторонѣ Аральскаго моря, а второй на Куля-Ургенчъ, по западной; первымъ путемъ до Хивы было 1400 верстъ, а вторымъ 1320 верстъ. Этотъ аослѣдній путь говорить И. Н. Захарьинъ, рекомендовался какъ лучшій и болѣе удобный, и на немъ, въ случаѣ похода на Хиву, были намѣчены, тѣмъ же Бергомъ, два пункта для постройки укрѣпленій: первый при впаденіи въ рѣку Эмбу рѣчки Аты-Джаксы (или Аты-Якши), а второй у Акъ-Булака—оба, какъ оказалось впоследствии, крайне неудобные: первый по отсутствію вблизи корма, а второй по своей нездоровой водѣ. И вотъ эти - то роковыя свѣдѣнія, составленныя какъ бы нарочно фонъ-Бергомъ, и заставили генерала Перовскаго предпочесть именно второй путь и позаботиться объ устройствѣ на немъ, въ намѣченныхъ мѣстахъ, двухъ укрѣпленій. Говоря далѣе о неудачной экспедиціи Перовскаго, г. Захарьинъ замѣчаетъ: «первымъ погубителемъ этой экспедиціи былъ, несомнѣнно, генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Э. фонъ-Бергъ, который далъ «совѣтъ лукавый» относительно пути на Хиву и даже намѣтилъ два пункта для укрѣпленій; но на указанномъ пути изъ Оренбурга до Эмбы оказались такіе глубокіе овраги, чрезъ которые по нанесенному снѣгу довелось устраивать понтонные мосты, и только такимъ образомъ переправлять черезъ эти овраги артиллерію». Изъ двухъ укрѣпленій не годилось, какъ мы говорили уже, ни одно: въ *Чушка-Куль* вода оказалась настолько пагубною для здоровья людей, что первое время, люди подозрѣвали, не отравлена ли она Хивинцами?... На второмъ пути отъ Эмбы къ Акъ-Булаку (или *Чушка-Кулю*) встрѣтились двѣ высокія горы, которыхъ не знали даже названія и о самомъ существованіи коихъ не подозрѣвали, и лишь киргизы султана Айчувакова объяснили господамъ «ученымъ» отряда, вооруженнымъ топографическою картою фонъ-Берга, что въ первой горѣ масса мѣди, а потому она и называется Бакыръ, а вторая гора названа по имени убитаго на ней батыря Али... (См. «Зимній походъ въ Хиву 1839 года».—И. Н. Захарьинъ. «Рус. Арх.», 1891 г., кн. 4, стр. 525—526 и 583).

²⁾ «Автобіографія Александра Осиповича Дюгамеля». «Рус. Арх.», 1885 г., т. 2, стр. 184—187.

III.

Вольховскій замѣпанъ въ дѣлѣ декабристовъ.—Мнѣнія декабристовъ: Розенъ, И. И. Пущина, Муравьева-Апостола, Трубецкого, Бурцова, Бриггена, Аврамова, Нарышкина, Назимова, Поджіо 2-го, Бескужева—Марлинскаго и Митькова объ участіи Вольховскаго въ ихъ собраніяхъ и въ Союзъ Благоденствія.—Мнѣніе Вольховскаго о декабристахъ и ихъ дѣятельности.—Освобожденіе отъ слѣдетвія.—Присутствіе его при казни декабристовъ.—Декабристы явные и тайные, возвысившіеся до степеней высокихъ.

Если судить по запискамъ декабристовъ, то Вольховскій является членомъ тайнаго общества. Такъ, декабристъ баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ въ предисловіи къ статѣ «Декабристы на Кавказѣ», составляющей часть записокъ Михаила Ивановича Пущина 2, говоритъ, что изъ числа членовъ тайнаго общества, не осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ въ 1826 году, многіе впослѣдствіи служили и отличились на Кавказѣ, особенно въ Персидскую и Турецкую войну 1827 и 1828 г.г. (какъ-то: Шиповъ, Бурцовъ, Раевскій, Миклашевскій), и въ числѣ ихъ Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій, который затѣмъ былъ оберъ-квартирмейстеромъ всего Кавказскаго корпуса.

Въ своихъ «Запискахъ» тотъ же Розенъ сообщаетъ, что Вольховскій былъ принятъ капитаномъ Бурцовымъ въ тайное общество, имѣвшее цѣлью распространить общественное благоденствіе; члены обязывались, каждый по своимъ силамъ, распространять полезныя знанія, занимать должности самыя трудныя и даже низшія по чину и званію, чтобы и въ такихъ мѣстахъ дѣйствовать въ пользу справедливости и безкорыстія. Члены не скрывали этой цѣли отъ лицъ, достойныхъ имъ содѣйствовать, и поступали тайно только тамъ, гдѣ недоброжелательство или невѣжество могло имъ противопоставить препятствія.—«Въ 1821 году, говоритъ Розенъ, видѣлся я съ нимъ (Вольховскимъ) въ первый разъ въ Минскѣ, потомъ въ Вильнѣ, въ кругу молодежи, всегда кроткій и смиренный умѣлъ онъ отклонить пустословіе, умнымъ взглядомъ и словомъ останавливалъ онъ непристойныя выходки, защищалъ жертву злословія, или уходилъ, когда карты и вино замѣняли разговоръ. Не имѣя никакой помощи изъ родительскаго дома, жилъ онъ чрезвычайно умѣ-

ренно и расчетливо въ артели съ Бурцовымъ, Семеновымъ, Искрицкимъ и Колошинымъ; отъ своего жалованья и наградныхъ денегъ дѣлился онъ съ отцомъ своимъ ¹⁾.

Товарищъ Вольховскаго по Лицею Иванъ Ивановичъ Пушинъ ²⁾ говорить слѣдующее: «Еще въ лицейскомъ мундирѣ я былъ частымъ гостемъ артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александръ и Михайло), Бурцовъ, Павелъ Колошинъ и Семеновъ. Съ Колошинымъ я былъ въ родствѣ. Постоянные наши бесѣды о предметахъ общественныхъ, о злѣ существующаго у насъ порядка и о возможности измѣненія, желаемого многими въ тайнѣ необыкновенно сблизили меня съ этимъ мыслящимъ кружкомъ: я сдружился съ нимъ, почти жилъ въ немъ. Бурцовъ, которому я больше высказывался, нашелъ, что по мнѣніямъ и убѣжденіямъ моимъ, вынесеннымъ изъ Лицея, я готовъ для дѣла. На этомъ основаніи онъ принялъ въ общество меня и Вольховскаго, который, поступивъ въ Гвардейскій Генеральный Штабъ, сдѣлался его товарищемъ по службѣ. Бурцовъ тотчасъ же узналъ его, понялъ и оцѣнилъ» ³⁾.

«Вольховскій, по словамъ Пушина, присутствовалъ въ совѣщаніи, бывшемъ у Пушина въ 1823 г., при выборѣ членовъ въ Сѣверную Управу (Думу), но въ дальнѣйшемъ—по обществу никакого участія не принималъ, потому что все послѣднее время находился въ откомандировкѣ по службѣ». Такъ показывалъ И. И. Пушинъ слѣдственной комиссіи верховнаго уголовного суда надъ декабристами.

Можно, конечно, спорить, насколько мыслящій кружокъ, о которомъ говорить Пушинъ, былъ здравомыслящимъ, и насколько члены кружка понимали исторію и бытъ своей родной страны, но для насъ, въ настоящемъ случаѣ, все это не важно. Интересно то, что Иванъ Ивановичъ Пушинъ, баронъ Розень, А. С. Гангебловъ удостовѣряютъ, что Вольховскій былъ членомъ тайнаго общества, а Розену и Пушину это должно было быть извѣстнымъ по по ихъ родственнымъ связямъ съ нимъ ⁴⁾.

¹⁾ Записки Декабриста. Стр. 359 и 360.

²⁾ Записки И. И. Пушина I-го о Пушкинѣ см. въ книгѣ Л. Н. Майкова: Пушкинъ, Спб. 1899 года, стр. 69.—И. И. Пушинъ—коллежскій ассесоръ, род. въ 1798 г., † 3 Апрѣля 1859 г., въ селѣ Марьино, близъ Бронницъ.

³⁾ См. также Воспоминанія А. С. Гангеблова. «Рус. Арх.», 1886 г., кн. 6, стр. 25 (258, 267 и 268).

⁴⁾ Въ свойство съ «Вольховскимъ» они оба вошли впоследствии, такъ какъ Иванъ Малиновскій, товарищъ Пушина I-го и Вольховскаго, былъ женатъ на сестрѣ Пушина, Марьѣ Ивановнѣ, а сестра Малиновскаго—Анна Васильевна, была замужемъ за барономъ Андреемъ Евгеньевичемъ Розеномъ (декабристомъ); другая же сестра Малиновскаго, Марія Васильевна, вышла (въ 1834 году) замужъ за Вольховскаго; въ свою очередь, Малиновскій, похоронивъ первую свою жену, женился на родственницѣ Вольховскаго—Екатеринѣ Федосѣевнѣ Зинкевичъ.

Насколько правдивы и искренни показанія Розена и Пущина 1-го — оставимъ на совѣсти ихъ. Вольховскій не призналъ себя солидарнымъ съ ними, какъ мы увидимъ ниже.

Отставной подполковникъ Муравьевъ-Апостоль, полковникъ князь Трубецкой¹⁾, Бурцовъ и фонъ-деръ Бриггенъ показали верховной тайной комиссiи, что знаютъ Вольховскаго за члена тайнаго общества.

Мы уже знаемъ со словъ Ивана Ивановича Пущина, что Вольховскій былъ привязанъ, вскорѣ по выходѣ изъ Лицея, въ члены этого кружка, при посредничествѣ его товарища по Гвардейскому Генеральному Штабу Бурцова, съ которымъ онъ и жилъ вмѣстѣ на квартирѣ, по словамъ полковника Аврамова. Въ свою очередь Аврамовъ удостовѣряетъ, что о принадлежности Вольховскаго къ тайному обществу ему извѣстно только со словъ Бурцова, который до 1819 года былъ офицеромъ того же Гвардейскаго Генеральнаго Штаба; слѣдовательно, изъ этого мы можемъ, между прочимъ, заключить, что и Вольховскій жилъ съ нимъ на квартирѣ до 1819 года.

Обращаясь къ характеристикѣ Вольховскаго на основанiи отзывовъ другихъ декабристовъ, данныхъ ими на слѣдствiи верховнаго уголовного суда, мы воспользуемся свидѣнiями, находящимися въ особомъ дѣлѣ «о капитанѣ генеральнаго штаба Вольховскомъ», хранящемся въ Государственномъ Архивѣ за № 240 (I.—V). Кромѣ перечисленныхъ нами лицъ, о Вольховскомъ упоминають еще Нарышкинъ, Назимовъ, Поджіо 2-ой, Вестужевъ-Марлиевскій, Митьковъ и др.

Нарышкинъ²⁾, Михаилъ Михайловичъ, зналъ, что Вольховскій членъ тайнаго общества (Союза Благоденствiя), а также находился въ сношенiяхъ съ нѣкоторыми членами въ 1821, 1822 и 1823 гг. Въ эти годы Вольховскій посѣщаль какъ его — Нарышкина, такъ и Ивана Пущина, князя Евгенiя Оболенскаго, Семенова и Никиту Муравьева. Послѣ же 1824 года, за отъѣздомъ его, Нарышкина, изъ Петербурга, ему неизвѣстно, съ кѣмъ изъ членовъ капитанъ Вольховскій сохранялъ свои сношенiя.

Вообще, по мнѣнiю Нарышкина, Вольховскій въ послѣднiе годы мало участвовалъ въ дѣйствiяхъ общества, находясь неоднократно въ продолжительныхъ командировкахъ по службѣ. По словамъ Нарышкина, политическiя мнѣнiя Вольховскаго были всегда умѣренныя.

¹⁾ Князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой былъ полковникомъ лейбъ-гв. преображенскаго полка, дежурный штабъ-офицеръ 4 пѣхотнаго корпуса; † 22 ноября 1860 г. въ Москвѣ.

²⁾ Полковникъ Тарутинскаго полка, умеръ 2 января 1863 года, похороненъ въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ.

Назимовъ, Михаилъ Александровичъ ¹⁾, никогда не бывавшій на совѣщаніяхъ общества, не знавшій, изъ кого именно оно состояло и въ чемъ оно заключалось, встрѣчалъ въ 1823 году очень рѣдко Вольховскаго, и то какъ гостя, у Пущина и Нарышкина, гдѣ не говорилось о дѣлахъ общества, а разговоры велись большею частью о постороннихъ вещахъ: о книгахъ, о новостяхъ, не касающихся общества. По мнѣнію Назимова, Вольховскій былъ весьма кротокъ и въ словахъ воздержанъ и, насколько онъ понималъ его, политическія мнѣнія Вольховскаго клонились къ монархическому конституціонному правленію. Но и это Назимовъ не можетъ сказать утвердительно, но скорѣе гадательно, такъ какъ Вольховскій никогда не высказывался ему и не обнаруживалъ своихъ политическихъ идеаловъ, а потому Назимовъ и не знаетъ, въ чемъ заключалась прикосновенность его къ обществу, а равно и того, съ кѣмъ изъ членовъ общества онъ былъ впоследствии въ пріятельскихъ сношеніяхъ.

Александръ Викторовичъ Поджіо 2-й (отставной подполковникъ) въ 1823 году встрѣтился съ Вольховскимъ у Пущина на главномъ совѣщаніи общества, на которомъ приступлено было къ выбору членовъ Главной Управы. Здѣсь Поджіо встрѣтился съ многими незнакомыми до сего членами общества и по маловажному участию Вольховскаго въ разговорахъ не обратилъ на него никакого вниманія, а потому и не можетъ знать его мнѣній. Въ этомъ собраніи были выборы членовъ, а такъ какъ Поджіо пріѣхалъ на собраніе позже всѣхъ, то ему ничего не извѣстно о мнѣніяхъ Вольховскаго, если бы ихъ онъ даже и высказывалъ. По пріѣздѣ Поджіо, собраніе, окончивъ изложеніе правилъ пріема членовъ, сейчасъ же приступило къ избранію членовъ Главной Управы, послѣ чего всѣ вскорѣ разѣхались. Поджіо добавляетъ, что на этомъ совѣщаніи о республиканскомъ правленіи не разсуждали, по крайней мѣрѣ, послѣ пріѣзда его на засѣданіе. По его словамъ, Вольховскій былъ въ сношеніяхъ, какъ казалось Поджіо, болѣе всего съ Никитою Муравьевымъ и Нарышкинымъ.

Александръ Александровичъ Бестужевъ-Марлинскій ²⁾ говоритъ, что онъ у Пущина въ Петербургѣ «съ роду» не бывалъ и потому ничего не можетъ знать о томъ, бывалъ ли у него Вольховскій или нѣтъ. О сношеніяхъ Вольховскаго съ тайнымъ обществомъ тоже ничего не слышалъ и встрѣтился съ нимъ только въ Москвѣ въ 1825 году, въ маѣ мѣсяцѣ, у Ивана Пущина, но Пущинъ представилъ Вольховскаго не какъ члена общества, но какъ товарища по Лицею. Здѣсь Бестужеву пришлось увидѣть Воль-

¹⁾ Штабсъ-капитанъ лейбъ-гв. конно-піонернаго эскадрона.

²⁾ Штабсъ-капитанъ лейбъ-гв. драгунскаго полка, адъютантъ Герцога Александра Виртембергскаго, убитъ на Мысѣ Адлеръ у Чернаго моря, на Кавказѣ, въ 1837 г.

ховскаго мелькомъ, такъ что онъ не могъ узнать даже его мнѣній; разговоръ былъ объ экспедиціи въ Бухарію, куда приглашали Вольховскаго, и онъ съ Вестужевымъ собирався было взять вмѣстѣ мѣсто въ дилижансѣ, чтобы ѣхать въ Петербургъ, но Вольховскій поторопился и выѣхалъ одинъ, и Вестужеву съ этихъ поръ не приходилось даже слышать о немъ. Что же касается до совѣщаній общества въ 1823 году, то, какъ «простой» членъ, Вестужевъ не могъ имѣть о нихъ не только никакихъ свѣдѣній, но даже не могъ быть на нихъ.

Митьковъ, Михаилъ Фотіевичъ ¹⁾, говоритъ, что, помимо того, что онъ зналъ Вольховскаго членомъ общества въ 1821 году, онъ видѣлъ его въ собраніи общества у Пушина, при образованіи Думы, т. е. въ 1823 году, о чемъ намъ извѣстно уже изъ словъ предыдущихъ лицъ. Кроме того, Митьковъ сообщаетъ, что Вольховскій вмѣстѣ съ прочими членами былъ у него на совѣщаніи, гдѣ рѣшено было присоединить къ правиламъ общества новую задачу, а именно стараться изыскивать средства для введенія конституціи.

Всѣ приведенные отзывы объ участіи Вольховскаго въ тайныхъ обществахъ можно резюмировать въ слѣдующихъ положеніяхъ. Вольховскій былъ членомъ тайнаго общества «Союза Благоденствія», состоялъ въ сношеніяхъ съ обществомъ послѣ 1821 года и участвовалъ въ совѣщаніяхъ, бывшихъ въ 1823 году у Пушина и другихъ членовъ, объ учрежденіи Сѣверной Управы или Думы, причемъ членами выбраны князь Трубецкой, Никита Муравьевъ и князь Оболенскій и прибавлено къ правиламъ общества слѣдующее: стараться изыскивать средства къ введенію конституціи. Теперь возникаетъ вопросъ о степени участія Вольховскаго въ дѣлахъ общества. Какъ человекъ положительный, серьезнаго ума, — недаромъ же носилъ въ Лицеѣ кличку «Sapientia», — онъ не могъ увлекаться утопіями, а потому, когда юношескій пылъ простылъ, Вольховскій отшатнулся отъ сообщества съ членами этого кружка; къ тому же частыя отлучки не давали ему возможности ни видѣться съ ними, ни узнавать дальнѣйшую эволюцію ихъ мысли, которая, какъ мы знаемъ, дошла до кульминаціонной точки глупости, разразившись открытымъ бунтомъ, въ которомъ горсть подонковъ «Союза Благоденствія» дурачила солдатъ и чернь, выдавая конституцію за «жену Константина Павловича».

Въ бумагахъ верховнаго уголовного суда сохранилась слѣдующая интересная исповѣдь Вольховскаго: «Лѣтомъ 1818 года предложено мнѣ было вступить въ Союзъ Благоденствія, общество, имѣвшее цѣлію благотвореніе и нравственное усовершенствованіе членовъ, съ условіемъ ничего не дѣлать противнаго правительству. Слѣдующія лица мнѣ извѣстны были какъ члены

¹⁾ Полковникъ Лейбъ-Гв. Финляндскаго полка, † 23 октября 1849 г., въ Красноярскѣ.

общества: Гвардейскаго Генеральнаго Штаба офицеры: Бурцовъ, Павелъ Колопинъ, Никита Муравьевъ; Конной артиллеріи Пущинъ; Л.-Гв. Московскаго полка Михайла Нарышкинъ; Л.-Гв. Егерскаго полка Семеновъ и Горскинъ; вмѣстѣ съ ними я видѣлъ иногда и нѣкоторыхъ другихъ, но точно не могу сказать, были ли они членами общества или нѣтъ; изъ находившихся не въ С.-Петербургѣ называли мнѣ членами: Гвардейскаго Генеральнаго Штаба полковника Муравьева, брата его Михайла Муравьева и Петра Колошина. Цѣль Союза, сколько она мнѣ была открытою, я дѣйствительно нашелъ не противозаконною ни дѣломъ, ни намѣреніемъ, но съ другой стороны вскорѣ я увидѣлъ, что общество сіе вовсе бездѣтельно и нимало не соотвѣтствовало пышно возвѣщаемому назначенію своему, почему участіе мое въ ономъ стало постепенно ослабѣвать, а съ 1820 г. совершенно прекратилось; въ 1821 же году, по возвращеніи моемъ изъ похода въ Бухарію, мнѣ сказывали, что и весь союзъ разрушился; послѣ чего какъ объ ономъ, такъ и объ вакомъ другомъ тайномъ обществѣ я уже ничего ни отъ кого не слышалъ. Всегда обнаруживаемая мною прямая преданность Престолу и долгу службы и присяги моей не позволила вѣроятно никому рѣшиться сдѣлать мнѣ какое-либо злоумышленное предложеніе: иначе обо всемъ мнѣ извѣстномъ я почелъ бы за священную обязанность довести до свѣдѣнія моего начальства.—Гвардейскаго Штаба капитанъ Вольховскій».

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что дежурный генералъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества отъ 1-го августа 1826 года за № 1310 увѣдомилъ Военнаго Министра, что начальникъ Главнаго Штаба полагаетъ заключающіяся въ обвинительной запискѣ обстоятельства, до капитана Вольховскаго относящіяся, оставить безъ дальнѣйшаго изысканія.

По злой ироніи судьбы, при казни Павла Ивановича Пестеля, Кондратія Федоровича Рылѣва, Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола, Михаила Павловича Бестужева-Рюмина и Петра Андреевича Каховскаго присутствовалъ, въ числѣ прочихъ должностныхъ лицъ, и Гвардейскаго Генеральнаго Штаба штабсъ-капитанъ Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій и нѣсколько еще солдатъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, Вольховскій былъ освобожденъ отъ дѣла о декабристахъ. Такихъ декабристовъ, какъ Вольховскій, можно было набрать тысячи. Многія изъ лицъ, прикосновенныхъ къ обществу и бывшихъ его членами, занимали, какъ и Вольховскій, впослѣдствіи важныя должности въ государствѣ:

¹⁾ См. «Записки декабриста барона Андрея Евгеньевича Розена», стр. 144.—При казни были: протоіерей П. Н. Мысловскій, плацъ-маіоръ Е. М. Подушкинъ, плацъ-адъютантъ Николаевъ, фейерверкеръ Соколовъ, Петербургскій плацъ-маіоръ А. А. Болдыревъ и городской полиціймейстеръ.

Граббе, Гурко, Н. Н. Муравьевъ (на Кавказѣ), Михаилъ Горчаковъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, Петръ Колошинъ (начальникъ департамента), Илья Бибиковъ (при Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ), Кавелинъ (Военный генералъ-губернаторъ въ С.-Петербургѣ), Л. В. Перовскій (Министръ Внутреннихъ Дѣлъ), князь Меншиковъ (Морской Министръ), Литке (воспитатель великаго Князя Константина Николаевича), а также Шиповъ, Ростовцевъ (впослѣдствіи графъ), Моллеръ, князь Долгорукій, А. А. Жандръ (впослѣдствіи первоприсутствующій сенаторъ), А. С. Грибоѣдовъ и проч.

Мы не видимъ причины сомнѣваться въ правдивости показанія Вольховскаго, такъ какъ изъ того, что мы знаемъ уже о немъ, ясно вытекаетъ, что, будучи занятъ дѣломъ, получая дальнія и продолжительныя командировки, то въ Оренбургъ, то въ Бухару, то на Каспійское и Аральское моря,—онъ не имѣлъ фактически возможности заниматься пустыми академическими преніями объ измѣненіи строя Россіи, объ облагодѣтельствованіи русскаго народа такими благами, о которыхъ народъ и не помышлялъ, и не просилъ; и, наконецъ, Вольховскій былъ настолько уменъ и серьезенъ, что понялъ утопію своихъ друзей и, можетъ быть, единомышленниковъ въ своей юности (не забудемъ, что онъ кончилъ курсъ Лицея 19-ти лѣтъ отъ роду); то, что казалось очень разумнымъ мальчику, могло оказаться пустыми бреднями человѣку взрослому и пожившему уже на свѣтѣ. Поэтому Вольховскій былъ освобожденъ, и арестъ его не повліялъ сейчасъ же на его службу, хотя соприкосновенность къ декабристамъ и испортила ему въ концѣ его блестящую карьеру, какъ это мы увидимъ ниже.

Ниже мы приводимъ въ прибавленіи подлинное «Дѣло о Вольховскомъ», извлеченное изъ Государственнаго Архива, въ томъ видѣ, въ какомъ оно сохранилось въ дѣлахъ слѣдственной комиссіи Верховнаго Уголовнаго суда надъ декабристами.

IV.

Поступленіе на службу къ ген.-адъют. Паскевичу.—Персидская война.—Командировка къ Персидскому Ш.ху за контрибуціей.—Награды за Персидскую кампанію.—Мнѣніе графа Нессельроде о Вольховскомъ, высказанное Дибиччу (письма Энгельгардта).—Назначеніе оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.—Военныя дѣйствія противъ турокъ 1828—1829 г.г.—Награжденіе Вольховскаго орденомъ Св. Георгія 4 ст. за взятіе крѣпости Карса.—Отношеніе Вольховскаго къ декабристамъ, находившимся на Кавказѣ.—Недоброжелательство Паскевича въ отношеніи Вольховскаго.—Взятіе Эрзерума.—Встрѣча съ А. С. Пушкинымъ.—Воспоминанія барона Торнау объ отношеніяхъ Паскевича къ Вольховскому.—Письмо Е. А. Энгельгардта и болѣзнь Вольховскаго.—Изъ писемъ Е. А. Энгельгардта къ Э. Э. Матюшкину о Вольховскомъ.

Въ 1826 году, сентября 1-го, Вольховскій назначенъ состоять при генераль-адъютантѣ Паскевичѣ, подъ начальствомъ коего и находился во время всей кампаніи до славнаго мира Россіи съ Персією; при этомъ случаѣ Вольховскій употребленъ для переговоровъ съ Персією, гдѣ и доказалъ свои дипломатическія способности.

Отправляя на Кавказъ Вольховскаго, Сухтеленъ 7-го сентября 1826 года писалъ Паскевичу: «Позвольте Вамъ рекомендовать г. Вольховскаго, какъ лучшаго офицера генеральнаго штаба (*du corps de l'état major*), я думаю, что онъ достоинъ Вашего довѣрія. Онъ имѣлъ несчастіе быть названнымъ въ фатальномъ дѣлѣ заговора, хотя ни въ чемъ лично не былъ замѣшанъ, но тѣмъ не менѣе это ему повредило. Радуюсь за него, что онъ, служа подъ Вашимъ начальствомъ, будетъ имѣть счастливую возможность вполне возстановить свое служебное положеніе. Насколько я знаю, за нимъ нѣтъ сколько-нибудь важныхъ проступковъ» ¹⁾).

¹⁾ Князь Щербатовъ: «Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность», т. II, Спб., 1890 г., стр. 123. Подлинникъ письма см. *Ibid.*, въ приложеніяхъ, на стр. 104—106. Впрочемъ, Сухтеленъ письма свои раздавалъ на руки разновременно отъѣзжавшимъ къ Паскевичу офицерамъ, то Ашу, то Опперману, то Ламсдорфу, а, наконецъ, и Вольховскому, съ приказаніемъ собственноручно передать ихъ своему генералу. *Ibid.*, стр. 124.

Уѣзжая въ Персію, Вольховскій изъ Москвы писалъ Энгельгардту; къ сожалѣнію, это письмо не дошло до насъ (такъ какъ всѣ бумаги Энгельгардта затерялись), но зато мы имѣемъ отвѣтное письмо Энгельгардта, отъ 21 октября 1826 года, которое начинается такъ: «Недосугъ, право, недосугъ. Типографія Адмиралтейства требуетъ непременно сегодня еще окончанія 3-й главы Путешествія Ванкувера, которое перевозжу я съ англійскаго, и безъ того не выдастъ мнѣ 225 рублей, мнѣ за то слѣдующихъ, право, недосугъ! Но представляется случай чрезъ Шевича писать къ Вольховскому— подождетъ Адмиралтейство. —Здравствуй, братъ Суворчикъ въ Персію! Спасибо тебѣ за писемцо твое изъ Москвы и за подтвержденіе добрыхъ вѣстей о назначеніи твоёмъ къ Паскевичу, который пришолъ, увидѣлъ, побѣдилъ. Жаль, что ты не поспѣлъ на первое блестящее дѣло. Намъ здѣсь радовали разказами (Sic) о твоёмъ полковничествѣ; кто слышалъ, кто самъ читалъ представленіе, кто даже приказъ, а на повѣрку вышло, что не тутъ то было. Впрочемъ, не велика бѣда, будь только живъ, да здоровъ, а чины и кресты отъ тебя не уйдутъ, ты ихъ нагонишь. Говорятъ, что ты теперь будешь находиться не у Паскевича, а у Бенкендорфа,—лучше-ли, хуже-ли—не знаю, но и послѣдняго хвалятъ. Будь только живъ да здоровъ въ краю нездоровья, и подавай намъ иногда вѣсточку отрадную о себѣ и только о себѣ, ибо о дѣлахъ вашихъ станутъ говорить реляціи, газеты и пр.»¹⁾

Подъ начальствомъ Паскевича Вольховскій принималъ участіе въ экспедиціи за Араксомъ (съ 22 октября по 1-ое ноября 1826 года), при пре-

¹⁾ Въ дальнѣйшихъ строкахъ письма Энгельгардтъ сообщаетъ разныя свѣдѣнія о лицахъ, о празднованіи 19 октября; сообщаетъ, между прочимъ, о Пушкинѣ, о своихъ дѣлахъ, о своемъ семействѣ. Въ припискѣ сообщаетъ, что Пушкинъ возвращенъ въ Петербургъ. Оканчивается письмо такъ: «Прощай, любезный Вольховскій! кажется, почти не надобно тебѣ сказать, что я по гробъ пребуду вѣрнымъ другомъ, Егоръ Энгельгардтъ». Слѣдующее письмо Энгельгардта было также изъ С.-Петербурга, отъ 14-го ноября 1826 года, переполненное разными чвостями лицейскими и своими, домашними. Между прочимъ, онъ пишетъ: «Отставной полковникъ Иванъ Малиновскій донесъ, что просящійся охотою въ фельдмаршалы юнкеръ Пушкинъ отправляется завтра въ Персидскую армию и предлагаетъ свои услуги для доставленія Суворчику писемъ— какъ не написать?» (Изъ этихъ словъ письма можно заключать, что Пушкинъ еще въ Петербургѣ имѣлъ намѣреніе посѣтить Кавказъ и лично видѣть военныя дѣйствія, иначе бы ему незачѣмъ было брать писемъ къ Вольховскому; между тѣмъ существуетъ мнѣніе, что Пушкинъ, живя съ Раевскимъ въ Крыму, вдругъ возмѣлъ мысль прокатиться на Кавказъ). Дальше Энгельгардтъ обращается къ Вольховскому съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ: «Что же ты подѣлываешь? Доволенъ ли перемѣною начальника? Былъ ли въ дѣлѣ? Побѣдилъ или побѣжденъ? Живъ или убитъ? съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя обо всемъ, что до тебя касается, извѣщенія. Вамъ, вѣроятно, не велятъ писать сюда о дѣйствіяхъ арміи; но я и не хочу ничего знать о ней, а только о тебѣ,—это, кажется, подъ запрещеніе не подходитъ».—Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ, что братъ Вольховскаго, о поступленіи котораго въ Лицей мы упоминали въ началѣ, «медвѣдевалъ и дикъ», и что Энгельгардтъ никакъ не можетъ его назвать къ себѣ.

слѣдованіи непріятели. Съ 12-го мая по 8 іюня 1827 года—въ походѣ къ монастырю Эчміадзину и при переходѣ черезъ горы Акзибіокъ и Безобдалъ; здѣсь іюня 9, въ четвергъ, по путевымъ запискамъ Грибоѣдова значится: «Лагерь подъ Эриванью. Гассанъ Ханъ съ 3 тыс. Кутали и Карапахами собирается напасть на наши транспорты. Гвардія отправляется въ экспедицію. Вольховскій съ колокольни видитъ пыль вдали» ¹⁾. Съ 15 по 28 іюня—въ походѣ отъ Эчміадзина къ гор. Нахичевани; 29 іюня—при рекогносцировкѣ крѣпости Аббасъ-Аббада, подъ усиленнымъ прикрытіемъ и обложеніемъ сей крѣпости; по поводу приближенія войскъ къ крѣпости Аббасъ-Аббаду Н. Н. Муравьевъ сообщаетъ о Вольховскомъ слѣдующее: «Изъ крѣпости пріѣзжалъ къ намъ парламентаръ; съ нимъ вмѣстѣ отправили капитана Вольховскаго, переодѣтаго въ татарское платье, дабы проводить его до крѣпости и осмотрѣть ровъ; но его не допустили близко подѣхать и сказали, что будутъ по немъ стрѣлять. Персіане на сдѣланное имъ предложеніе о сдачѣ отказались, намѣреваясь защищать» ²⁾. Съ 1 по 8 число іюля—при осадѣ этой крѣпости до сдачи оной, а 5 числа въ дѣйствительномъ сраженіи при Джеванъ-Булакѣ съ персидскими войсками, предводительствованными принцемъ Аббасъ-Мирзою, при разбитіи и преслѣдованіи ихъ; съ 22 іюля—въ походѣ отъ Аббасъ-Аббада до селенія Карадабы; съ 26 августа—въ походѣ отъ означеннаго лагеря до монастыря Эчміадзинъ, а оттуда 9 сентября—при движеніи на Аракъ до селенія Келгорхое; 14—при рекогносцировкѣ крѣпости Сардаръ-Аббада, а потомъ по 20 число—при осадѣ и взятіи сей крѣпости; 22—въ походѣ къ Эривани; съ 24 сентября по 1 октября—при осадѣ и взятіи сей крѣпости; съ 7 по 19 октября—въ походѣ отъ Эривани въ Тавризъ.

Съ 2 декабря 1827 года по 3 февраля 1828 года (возвратился въ свои границы 23 марта) онъ былъ откомандированъ къ Персидскому Шаху, въ г. Тегеранъ, для вывоза оттуда 10.000.000 рублей серебромъ контрибуціи ³⁾. Твердость и искусство, съ которыми онъ настаивалъ передъ персид-

¹⁾ Полное собр. соч. А. С. Грибоѣдова, подъ редакцію И. А. Шляпкина. Спб., 1889 г., т. I, стр. 113; см. также 361.

²⁾ Записки Н. Н. Муравьева (лѣто 1827 г.).—«Рус. Арх.», 1889 г., кн. II, стр. 309.

³⁾ Объ этой контрибуціи говорить, между прочимъ, въ своихъ запискахъ Н. Н. Муравьевъ («Рус. Арх.», 1889 г., стр. 227).—А. С. Грибоѣдовъ въ своихъ путевыхъ запискахъ отмѣчаетъ: «Декабря 15. Движеніе (войскъ) въ Міане, которымъ подкрѣплена миссія Вольховскаго». (Полное собр. соч. А. С. Грибоѣдова, подъ редакцію И. А. Шляпкина. Спб., 1889 г., т. I, стр. 38, «Хронологическая канва»).—К. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату, изъ С.-Петербурга, отъ 14 марта 1828 г., сообщаетъ: «Сейчасъ пушечная пальба провозглашаетъ миръ съ Персією». Въ письмѣ же отъ 15 марта 1828 г. онъ пишетъ: «Грибоѣдовъ пріѣхалъ вчера и привезъ трактатъ. Фонтоны мнѣ свазывалъ, что мы получаемъ отъ Шаха 80 милліоновъ рублей (на ассигнаціи) и что послѣдній срокъ 1831 года для послѣдняго платежа. Я былъ сегодня у своего князя

скимъ правительствомъ на выполненіи сего обѣщанія, уничтожили всѣ колебанія и уклоненія, начинавшія возникать по этому дѣлу. Объ этой миссіи Вольховскаго мы находимъ нѣкоторыя подробности въ письмѣ А. С. Грибоѣдова къ Вольховскому, изъ Тавриза, отъ 10—22 января 1828 г. ¹⁾. Вотъ, что писалъ Грибоѣдовъ:

«Любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ. Пользуюсь отвѣтомъ г. Магдональда ²⁾, чтобы вамъ дать знать о себѣ и о нашихъ. Переговоры прерваны, послѣ многихъ толковъ, пустыхъ, какъ съ персіянами всегда бываетъ.

Репорты ваши въ копіи всѣ препровождены къ Е. И. Величеству.

Сначала генераль былъ недоволенъ вашимъ соглашеніемъ съ Муэтеми-домъ, по смыслу котораго мы должны отступить за Аратъ, а потомъ уже получить деньги. Но послѣ того е. высокопр. разсудилъ, что все это персидская уловка: потому что вы не имѣли повелѣнія трактовать. Ничего въ такомъ родѣ не писано въ Тейранъ, что бы могло дать поводъ тамошнему министерству для исходатайствованія чрезъ васъ перемѣны нашихъ условій. Старья штуки.

(т. е. у князя Александра Николаевича Голицына), который мнѣ сказывалъ, что Государь очень доволенъ трактатомъ, который написанъ весьма основательно. Радуюсь и для самого дѣла и для Обрѣзкова, ибо онъ вѣроятно былъ редакторомъ и не останется безъ примѣрной награды. Поздравляю тебя съ симъ пріятнѣйшимъ для каждаго Русскаго событіемъ. Сегодня молебень во дворцѣ во второмъ часу. Поѣду непремѣнно... Сейчасъ возвратился изъ дворца. Вотъ новости. Паскевичъ сдѣланъ графомъ Эриванскимъ, съ пожалованіемъ ему милліона. Обрѣзкову Анну I степени, а невѣстѣ его въ приданое 300 тысячъ. Красовскому 100 тысячъ. О другихъ еще не вышло; но говорятъ, что на армію 5 милліоновъ. Славныя награды, достойныя Русскаго царя». Въ письмѣ отъ 16 марта: «Вотъ какія вчера еще до свѣдѣнія моего дошли милости. Грибоѣдовъ, привезшій трактатъ, пожалованъ въ статскіе совѣтники, получилъ алмазные знаки ордена Св. Анны 2-го класса и четыре тысячи червонныхъ. Сухтеленъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ, и говорятъ 50 тысячъ. Бенкендорфъ (т. е. младшій братъ шефа жандармовъ, Константинъ Христофоровичъ) пріѣхалъ, ему дана аренда на 24 года» («Рус. Арх.», 1903 г., IX, стр. 110 и 111). По поводу заключенія этого мира Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ выдумалъ каламбуръ: въ обществѣ говорилъ о персидскомъ мирѣ, какъ о весьма выгодномъ для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, ибо сверхъ провинцій получили много тумановъ (каждый 8 руб. мѣдью). «Я согласился, говорить Булгаковъ, въ выгодахъ нашихъ, но спорилъ, что и для персіянъ миръ былъ очень выгодный. Киселевъ приступалъ все, почему? Потому что мы исправили даже ихъ влиять, освободивъ ихъ отъ множества тумановъ. Волковъ скажетъ, что душно; а здѣсь нашли, что хорошо». Письмо отъ 23 апрѣля 1828 г. (Ibid., стр. 120).

¹⁾ Письмо это напечатано въ «Литературномъ Вѣстникѣ» (изд. Русскаго Библиологическаго Общества), т. VII, 1904 г., кн. 2, стр. 12—14.—Первоначально письмо это появилось въ № 93 «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», за 1891 г., куда оно было доставлено «внукомъ М. В. Вольховской, барономъ Розень». Такъ сказано въ примѣчаніи въ «Литературномъ Вѣстникѣ», но, по нашему мнѣнію, это совершенно невѣрно. Розень могъ приходиться М. В. Вольховской племянникомъ, а не внукомъ, такъ какъ онъ былъ сыномъ ея сестры, Анны Васильевны.

²⁾ Англійскій министръ при персидскомъ дворѣ.

Увѣрены ли вы, любезный другъ, что девьги точно въ Казбинѣ? Мы въ этомъ сомнѣваемся. Можетъ быть, транспортъ воротили въ столицу чрезъ другія ворота.

Нащеть шумнаго приѣма Гамасъ-Али-Мирзы, мое мнѣніе слѣдующее: когда шахъ узналъ, что дѣла доведены къ концу съ Аббалъ (Аббасъ ?)—Мирзою и медлить исполненіемъ долга невозможно, то онъ сыгралъ новый актъ, какъ будто наслѣдникомъ недоволенъ, хочетъ назначить другого, и мы потерявши два мѣсяца выгаданнаго—охотно сбавили наши требованія, чтобы совершенно въ просакъ не попасться. Благодаря Бога, вышло иначе. На генерала это подѣйствовало, какъ надобно. Онъ крѣпко досадовалъ на безопасность его шахскаго величества... На дняхъ выступаемъ на Тейранъ.

Между прочимъ замѣчу вамъ одно: къ чему вы были такъ снисходительны, и зажились съ этимъ народомъ? Такимъ образомъ миссія ваша совершенно измѣнилась, и можетъ быть подала нѣкоторую надежду Шаху или Муэтелеминду на большую проволочку. Такъ кажется, но вы на самомъ мѣстѣ лучше знаете, что дѣлать.

Генералъ очень много о васъ заботился, и всё мы очень, очень желаемъ васъ видѣть, по мнѣ хоть и безъ денегъ.

Для ускоренія высылки перваго транспорта, совѣтую вамъ пригрозить имъ извѣстіемъ, что если мы достигнемъ до Зенгана, не встрѣтя денегъ, то при дальнѣйшемъ движеніи впередъ, не можемъ оставить позади себя шаткое народонаселеніе, неувѣренное, кому оно принадлежать будетъ, и тогда... объявленъ будетъ навсегда принадлежащимъ—Россіи.

Мы напрасно впередъ не пошли прежде. Я это знаю, но причинъ найдется много. Правленіе здѣшнее удивительно какъ мало приспособлено къ мѣстнымъ соображеніямъ. По какой это желтой или зеленой книгѣ состроено? Одинъ человекъ, распорядительный и глупый, при немъ нѣсколько писцовъ и рассыльныхъ чиновниковъ гораздо бы лучше соотвѣтствовали цѣли.

Генералъ тоже не совсѣмъ доволенъ. Нащеть должныхъ поборовъ онъ рѣшилъ, чтобы болѣе не вѣзять ихъ, а только натурою для продовольствія, и пр.

Эристовъ получилъ Александровскую ленту.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ назначенъ шефомъ Грузинскаго гренадер. полка.

7-й Карабинер. переименованъ Эриванскимъ. Вотъ вамъ всё наши новости. Прощайте, любезный и почтенный другъ, весь Вашъ А. Гр.>.

Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину (въ письмѣ отъ 20 марта 1828 г.) слѣдующее о Вольховскомъ: «Я имѣлъ и имѣю великія радости: два письма отъ *Вольховскаго*, одно изъ *Тегерана* (каковъ ?), куда былъ онъ посланъ отъ Паскевича для переговоровъ съ Шахомъ и одно изъ *Туркменчая* (гдѣ подписанъ

миръ), куда привезъ онъ первую половину контрибуціи—десять милліоновъ серебрянныхъ монетъ. Вольховскій самъ, по обыкновенію своему, о томъ, что онъ сдѣлалъ,—не говоритъ, но здѣсь идетъ объ немъ такая слава, что у меня сердце прыгаетъ отъ радости. Кромѣ наотличнѣйшаго объ немъ представленія отъ Паскевича, графъ Нессельроде по части дипломатическихъ переговоровъ написалъ къ Дибичу официальное отношеніе, въ коемъ говоритъ, что онъ долгомъ поставяетъ обратить вниманіе его (Дибича) на особенныя заслуги капитана Вольховскаго, для переговоровъ съ Шахомъ употребленнаго, который своимъ благоразуміемъ, твердостью и отличнѣмъ вообще въ семь дѣлъ поведеніемъ имѣлъ не только важнѣйшее вліяніе на хорошій успѣхъ мирныхъ переговоровъ, но долженъ почестся главнымъ виновникомъ перемены мыслей Шаха и блистательнаго и выгоднаго для насъ мира, почему и просить графа Н. Дибича донести о семъ отъ имени его Государю Императору. Увидимъ, что Богъ пошлетъ, а «сердце Царево къ рудѣ Божіей». Между тѣмъ нашъ Суворчикъ-полковникъ, Анненскій кавалеръ съ алмазами и съ золотою шпагою. Это все за прежнія дѣла, а за послѣднія вѣроятно, что дадутъ ему денегъ; Паскевичъ получилъ милліонъ, Обрѣзковъ (или лучше сказать его невѣста) получила 800 тыс. рублей, Грибоѣдовъ 50 тыс. рублей; говорятъ, что еще и многіе другіе получили денежныя награжденія».

Всемиловнѣйшія награды Вольховскаго въ этотъ періодъ его службы были слѣдующія: за сраженіе 5 іюля 1827 г. при Джеванъ-Булакѣ—орденъ Св. Анны 2-й степени; за осаду и взятіе 14 сентября крѣпости Сардаръ-Абада—объявлено Монаршее благоволеніе; за осаду и взятіе 1 октября крѣпости Эриванъ—орденъ Св. Анны 2-ой степени, украшенный алмазами. За отличное исполненіе командировки произведенъ марта 4 дня 1825 года въ полковники.

За это время мы имѣемъ нѣсколько писемъ Энгельгардта къ Вольховскому. Въ письмѣ изъ С.-Петербурга, отъ 30 сентября 1827 года, Энгельгардтъ пишетъ: «Виноватъ я предъ тобою, любезный Суворчикъ, что такъ долго замедлилъ отвѣтомъ на послѣднее твое письмецо; сказать тому причину не умѣю, день за днемъ уходилъ, а письмо все не писалось. Извиняться не стану, ты меня знаешь! Полно. Я былъ очень обрадованъ, получилъ извѣстіе, что ни картечи, ни ядра, ни лихорадки до тебя не касались; дай Богъ и впредь то же самое. Между тѣмъ все тщетно ищу тебя—въ донесеніяхъ о нашихъ анти-персидскихъ подвигахъ. Признаюсь, что лучше бы желалъ тебя видѣть гдѣ бы то ни было, нежели на Араксѣ и такъ далѣе, но поелику тобѣ уже надобно быть тамъ, то по крайней мѣрѣ желалъ бы слышать про тебя, желалъ бы видѣть какой-нибудь твой успѣхъ. Развѣ ваша братья штабскіе офицеры тамъ не употребляютъ, ничего не дѣлаютъ? Не понимаю». Въ

письмѣ отъ 23 ноября того же года Энгельгардтъ пишетъ: «Ура, братъ Суворчикъ! поздравляю съ Абадь-Абасомъ, Эриваномъ, Таврисомъ, Св. Анною и лаврами, а болѣ всего съ тѣмъ, что ты познакомился съ ядрами и пулями только по ихъ свисту, а непосредственнаго съ ними прикосновенія и знакомства не завелъ. Это народъ глупый и не разбирающій людей, о коемъ Суворовъ говорилъ:—пуля дура! а Marechal de Saxe полагалъ: ce sont de sottes pillules indigestes! Слава Богу, что пилюли эти до тебя не доходили. Кажется дѣло ваше пошло на ладъ и на мировую; это лучше! и мы здѣсь производили безвредную пальбу, въ честь вашимъ геройскимъ подвигамъ, дайте намъ теперь случай попалить въ честь мира, да возьмите съ персовъ какъ можно болѣе денегъ и какъ можно менѣе земли, первыя всегда годятся и надобны, а послѣдней у насъ и безъ того уже много. Прибывшіе сюда отъ васъ рассказывали, а я слушалъ и радовался—какъ ты занятъ по уши дѣломъ и какъ Паскевичъ тебя безпрестанно употребляетъ. Дай Богъ впредь, для доброй славы Лицея и лицейскихъ, которые въ нынѣшнее царствованіе препорядочно выказываются» ¹⁾. Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 22 марта 1828 года, мы имѣемъ еще нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о Вольховскомъ, которыя, по нашему мнѣнію, не безынтересны для его біографіи. «Какъ не написать,—пишетъ Энгельгардтъ,—нѣсколько строчекъ къ тебѣ, любезный Суворчикъ, въ отвѣтъ на послѣднее твое письмецо изъ Туркменчая! Какъ не сказать тебѣ, сколько я радовался Тегеранской твоей посылкѣ и щастливому

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ онъ сообщаетъ новости о товарищахъ Вольховскаго по Лицею и, между прочимъ, приводитъ экспромтъ Пушкина 19 октября: «Богъ помощь вамъ друзья моя...» и прибавляетъ: «Тутъ, какъ видишь ты, есть слово для *всѣхъ*». Мы позволимъ себѣ выписать изъ этого письма нѣсколько строкъ, хотя и не относящихся до Вольховскаго, но характерныхъ для обрисовки того времени и людей. Онъ пишетъ: «И на меня вышла добрая полоса; 31 октября состоялся сенатскій указъ, коимъ уничтожается комитетъ, который въ продолженіе семи лѣтъ подъ предводительствомъ почтеннаго И. И. Мартынова всячески старался найти меня въ чемъ-нибудь виноватымъ, но не нашелъ ничего. Генералъ Демидовъ, котораго я не знаю и который меня не знаетъ, вошелъ въ главное управление Лицея и увидѣвъ между прочимъ по бумагамъ переписку комитета съ правленіемъ Лицея о 2^{1/2} копѣйкахъ, найденныхъ излишне издержанными экономомъ, потребовалъ къ себѣ все дѣло и по разсмотрѣнію онаго, удостовѣривъ въ совершенной пустотѣ и неосновательности притязаній комитета, взялся за меня хлопотать; представлялъ великому князю, представлялъ сенату, развозилъ записки и наконецъ добился до того, что комитетъ уничтоженъ и запрещеніе на такъ называемое имѣніе мое снято. Въ наши времена эгоизма, это примѣръ рѣдкій, ибо нынѣ люди и о друзьяхъ немного прилагаютъ труда, а до чужихъ имъ и совершенно и дѣла нѣтъ. Съ Демидовымъ я познакомился нѣсколько дней послѣ окончанія дѣла и появленія сенатскаго указа. Объ немъ разсказываютъ много странностей; я ихъ не знаю, а знаю только, что я рѣдко находилъ людей, чувствующихъ столь живо разницу между справедливостью и несправедливостью. Я ему очень много обязанъ; теперь могу надѣяться предъ смертію расплатиться съ 42 тыс. рублями долгу, которые нажилъ въ тридцать лѣтъ службы. Жаль только, что съ смертію Александра, Царское Село и дома тамъ въ дѣвѣ упали».

окончанію 10-ти милліоннаго дѣла! Ты очень хорошо дѣлаешь, что увѣряешь о неучаствованіи твоёмъ во всѣхъ блистательныхъ результатахъ мирныхъ переговоровъ; къ счастью есть здѣсь люди, которые это понимаютъ лучше тебя и отдаютъ тебѣ вездѣ громко справедливость. Графъ Нессельроде, въ особомъ офиціалномъ отношеніи къ Дибичу пишетъ, что онъ долгомъ поставляетъ: обратить его вниманіе на отличные при переговорахъ труды и заслуги капитана Вольховскаго, который своимъ благоразуміемъ, дѣятельностью и вообще достойнымъ уваженія поведѣніемъ (Sic) въ семь дѣлъ, имѣлъ важнѣйшее вліяніе на столь скорый и блистательный успѣхъ переговоровъ, о чемъ просить онъ (гр. Н.) донести отъ имени его Государю Императору.—Первое о томъ извѣстіе подалъ мнѣ генераль Бергъ и по взятымъ послѣ справкамъ, оно оказалось вѣрнымъ. Мы съ Стевеномъ ¹⁾ въ маленькомъ нашемъ семейственномъ кругу выпили послѣднюю у меня оставшуюся бутылку бургонскаго за здравье гр. Нессельроде и полковника Вольховскаго. Спасибо, Суворчикъ, что поддержалъ славу лицейскую! Дай Богъ случаевъ впредь, а ты кажется случаевъ не упустишь, а за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадутъ. Ужели изъ персидскихъ милліоновъ и тебѣ не отсыпятъ нѣсколько мѣшечковъ, чтобы имѣть podporку на черный день>... ²⁾ Далѣе въ письмѣ Энгельгардтъ пишетъ Вольховскому: «Вчера видѣлъ я генерала Германа, который получилъ дивизію или бригаду или армію, не знаю что, и идетъ бить турокъ; дай Богъ въ добрый часъ! Хотя я вообще не великой любитель войны, но нынѣшнюю турецкую одобряю. Не пошлютъ ли тебя туда? Или ужъ ты останешься для наблюденія за персами.— Не худо бы и на турокъ посмотреть; впрочемъ про то командиры знаютъ».

Отголоски персидскаго похода, въ которомъ принималъ участіе Вольховскій, довольно скоро достигли далекой Сибири и доставили большую радость И. И. Цущину, находившемуся тогда въ Иркутскѣ; это видно изъ письма его отъ декабря 1827 г., изъ Иркутска, къ Е. А. Энгельгардту: «Гдѣ и что съ нашими добрыми товарищами? Я слышалъ только о Суворочкѣ, что

¹⁾ Товарищъ Вольховскаго по I курсу Царскосельскаго Лицея, Федоръ Христіановичъ Стевень, умеръ 12 (24) августа 1851 г., въ Остенде, въ чинѣ тайнаго совѣтника и должностію товарища министра статсъ-секретаря великаго княжества Финляндскаго.

²⁾ Въ томъ же письмѣ Энгельгардтъ сообщаетъ свѣдѣнія о братѣ Вольховскаго: «о братѣ твоёмъ мы оба съ Штевеномъ, а болѣе всего онъ, хлопотали, но этого чудака и калачемъ не заманишь; онъ кажется рѣшился оставаться невидимкою, и предложеніе дать ему денегъ, въ коихъ онъ теперь, при отпавленіи въ походъ, вѣрно имѣетъ великую надобность, не могло его убѣдить явиться къ Штевену, который по сему рѣшился опять съѣздить къ нему въ казармы. Какое будетъ сей поѣздки послѣдствіе, я не примину тебѣ сообщить; быть можетъ, что и самъ Штевень рѣшится написать къ тебѣ нѣсколько строчекъ». Братъ Вольховскаго, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не кончилъ ни благороднаго пансіона, ни Лицея.

онъ воюеть съ персіанами, не знаю, правда ли это, — да сохранить его Богъ и васъ» ¹⁾).

Въ 1828 году, мая 13, В. Д. Вольховскій назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, при Паскевичѣ, потомъ продолжалъ кампанію съ неуспыннымъ рвеніемъ и примѣрнымъ самоотверженіемъ.

Съ 14 по 19 іюня 1828 года Вольховскій находился въ походѣ отъ укрѣпленія Гумровъ къ крѣпости Карсу и при перестрѣлкахъ, имѣвшихъ мѣсто при этомъ слѣдованіи; 19—при усиленной рекогносцировкѣ этой крѣпости и при разбитіи непріятельской кавалеріи и выбитіи непріятели изъ шанцовъ; 20 іюня подъ начальствомъ Сакена — во время рекогносцировки Карса ²⁾; при взятіи укрѣпленнаго непріятельскаго лагеря и зарѣчныхъ предмѣстій близъ Карса, когда «часть карабинеръ, подъ командою полковника барона Фридерикса, очистила мгновенно всю береговую сторону предмѣстья», но бастионъ Юсуфъ-Паши, прилегавшій къ болоту, держался упорно; тогда, по словамъ историка этой войны Ушакова ³⁾, «оберъ-квартирмейстеръ полковникъ Вольховскій первый бросился туда съ 20-тью ⁴⁾ гренадерами и овладѣлъ имъ, вмѣстѣ съ четырьмя бывшими тамъ пушками, которыя тотчасъ обращены были на крѣпость и дѣйствовали вдоль восточной стѣны».

Объ этомъ событіи мы находимъ слѣдующія строки въ письмѣ Энгельгардта къ Вольховскому отъ 19 октября 1828 г.: «Какимъ-то благопріятнымъ вѣтромъ занесло въ мою уединенную келію № 247 «Русскаго Инвалида», котораго я никогда не читаю и даже не вѣдаю. Случайно взглянулъ на развернутый листокъ—вижу: *полковникъ Вольховскій*, и листокъ уже мнѣ не чужой! Читаю: *П. В. съ 20 гренадерами овладѣлъ съ примѣрною рѣшимостью бастиономъ и обратилъ немедленно четыре на ономъ находяшіяся непріятельскія пушки во флангъ трехъ башенъ крѣпости и*

¹⁾ К. Я. Грогъ: «Изъ Лицейской старины». («Историч. Вѣстникъ», августъ, 1905 г., т. СІ, стр. 433—434).

²⁾ Объ этой, вѣроятно, рекогносцировкѣ упоминаетъ Н. Н. Муравьевъ, говоря, что «при обзорѣ крѣпости Карса Сакенъ взялъ съ собой нѣсколько человекъ конныхъ; въ числѣ ихъ, кромѣ Муравьева, поѣхали Ренненкампфъ, Вольховскій и др.». Изъ Памятныхъ Записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго. Первое взятіе русскими войсками города Карса («Рус. Арх.», 1877, 3, стр. 326).

³⁾ Ушаковъ. «Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи въ 1828 и 1829 г.г.» Спб., 1836 г., ч. I, стр. 232, гл. VII.—Событіе это у Ушакова отмѣчено 23 іюня, между тѣмъ въ формулярѣ указано 20 іюня и то же число у Н. Н. Муравьева-Карскаго («Рус. Арх.», 1887 г., т. I, стр. 236). По поводу этого Ушакова генераль Н. Г. Залѣтсовъ въ своихъ «Запискахъ» («Рус. Стар.», 1903 г., т. СХІV, іюнь, стр. 533, гл. VIII) замѣчаетъ слѣдующее: «дежурный генералъ Ушаковъ, креатура Паскевича, авторъ описанія его подвиговъ въ Азіатской Турціи, былъ весьма обыкновенный труженникъ».

⁴⁾ Иванъ Малиновскій въ біографіи своего друга невѣрно цитируетъ это мѣсто вообще и въ частности ошибочно упоминаетъ о 27-ми гренадерахъ.

пр. и пр., выстрѣлы П. В. произвели необыкновенный успѣхъ и т. д. Люблю «Инвалида», люблю Воейкова, не взирая на всѣ доказательства его глупости, выставляемыя Булгариннымъ и Гречемъ. Какъ не любить Воейкова, онъ хвалить моего Суворчика!—а на Суворчика сердить, или по крайней мѣрѣ всячески заставляя себя на него сердиться; никакъ не хотѣлъ къ нему писать, пока не получу отъ него писемца—трехъ словъ: живъ, здоровъ и люблю Е. А., какъ прежде.

«Не въ моготу стало, увидѣлъ твое имя, увидѣлъ тебя на бастіонѣ, и все прошло и перо въ руку и здравствуй, Суворчикъ! Бога поблагодарилъ за то, что тебя спасъ, а тебя благодарю за то, что о тебѣ читалъ, и отъ добрыхъ людей слышу. Могъ бы ты и самъ написать нѣсколько строчекъ, хоть карандашемъ, если нѣтъ пера,—да въ этомъ мы съ тобою раздѣлаемся, когда прѣдемъ опять къ намъ. Когда это будетъ, Богъ вѣдаетъ; но я готовъ—ждать лишь бы опять тебя увидѣть здороваго... Напиши, Суворчикъ, слова два, три о старинѣ, о себѣ, я не хочу знать *вашихъ* дѣлъ; дай Богъ *вамъ* успѣха какъ по нынѣ! Я хочу только знать *тебя*, знать какъ тебѣ живется. Напиши, Суворчикъ. Сегодня 19 октября—бывало въ старину веселый день, день дружбы. Я слышалъ о какихъ-то сборахъ, Яковлевъ что-то хлопоталъ; не знаю, сладилъ-ли онъ сходку или нѣтъ. Да и сходиться нѣкому; кого не стало,—кто въ отлучкѣ, кто отчуждался, отшатнулся. Скучно-грустно. Прощай, Суворчикъ, обрадуй скорѣй письмецомъ стараго твоего друга. Егоръ Энгельгардтъ».

Мѣстная печать, въ лицѣ «Тифлискихъ Вѣдомостей», не осталась глуха къ этому эпизоду и помѣстила статью, подъ заглавіемъ: «Современная исторія», гдѣ говоритъ: «При взятіи крѣпости Карса штурмомъ, подъ предводительствомъ графа Паскевича-Эриванскаго, когда колонна генераль-маіора барона Остенъ-Сакена подъ картечнымъ огнемъ изъ угловыхъ бастіоновъ, съ примѣрною отважностію бросилась въ предмѣстіе и на лѣвый бастіонъ, и вырвала оныя изъ рукъ изумленнаго непріятели, овладѣвъ 4-мя орудіями и 5-ю знаменами; но первый бастіонъ, называемый Юсуфъ-паша, вооруженный 4-мя орудіями, не переставалъ еще производить картечный огонь»,—тогда, «подведя на самое близкое разстояніе два нашихъ орудія, и сдѣлавъ по оному нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ, генераль-маіоръ баронъ Остенъ-Сакенъ поручилъ оберъ-квартирмейстеру полковнику Вольховскому съ 20-ю гренадерами овладѣть симъ бастіономъ, который исполнилъ сіе съ примѣрною рѣшительностію и немедленно обратилъ непріятелискія орудія во флангъ трехъ сосѣдственныхъ башенъ крѣпости»... «Выстрѣлы полковника Вольховскаго съ бастіона Юсуфъ-Паши, съ содѣйствіемъ двухъ нашихъ орудій, близъ онаго расположенныхъ генераль-маіоромъ барономъ Остенъ-Сакенымъ, произвели необыкновенный

успѣхъ; непріятель хотя и открылъ сильный картечный огонь по войскамъ, шедшимъ къ форштадту Байрамъ-Паши и къ Карадагу, но выстрѣлы его не были столь вѣрны и уронъ съ нашей стороны незначителенъ» ¹⁾. Дальше въ той же статьѣ говорится: «пальба полковника Вольховскаго съ бастіона Юсуфъ-Паши способствовала тому, чтобы заставить умолкнуть все крѣпостныя башни, обращенныя въ Карадагу» ²⁾. Въ дальнѣйшемъ дѣйствиі нашихъ войскъ при взятіи самой крѣпости «войска наши, занявшія форштадтъ, гдѣ, выдержавъ нѣсколько картежныхъ выстрѣловъ, взлѣзли на башни близъ крѣпостныхъ воротъ и, овладѣвъ 25 пушками и тремя знаменами, бывшими на оныхъ, отбили ворота по распоряженію полковника Вольховскаго» ³⁾. Объ этомъ же событіи упоминаетъ Н. Н. Муравьевъ-Карскій ⁴⁾: «при взятіи Карса, при штурмѣ съ третьей стороны, два унтеръ-офицера подбѣжали къ воротамъ и стали вламываться въ оныя, но въ то самое время граната, пущенная, вѣроятно, отъ нашей батареи, на коей находился Сакенъ или Вольховскій, поразила обоихъ въ головы, и они пали на мѣстѣ, но вмѣсто того другіе перелѣзли черезъ стѣну и также отперли ворота». За взятіе 23 іюня штурмомъ крѣпости Карса, Вольховскій Всемиловѣйше пожалованъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени. Это была очень рѣдкая награда, такъ какъ, по словамъ Муравьева, ее получили всего четыре или пять человекъ: Муравьевъ, полковники Фридериксъ и Вольховскій и капитанъ Черноглазовъ—42 Егерскаго полка.

Этотъ Георгіевскій крестъ принесъ Энгельгардту большую отраду, какъ это видно изъ письма его къ Вольховскому отъ 30 января 1829 года, гдѣ онъ пишетъ: «За Богомъ молигва, а за Царемъ служба не пропадаютъ!— Поздравляю тебя отъ искренняго сердца съ полученіемъ блага крестика тески моего; теперь и я нахожу, что ваша персо-турецкая кампанія довольно порядочный имѣетъ успѣхъ: ты получилъ побѣдоносный крестъ, а я сверхъ радости о томъ, получилъ еще табакерку съ надписью, за которую очень тебя благодарю; это уже пятая въ моей коллекціи съ твоимъ именемъ. Не понимаю, какъ и гдѣ валялась эта добрая вѣсть, которую мы получили здѣсь не прежде прошедшей субботы, т. е. 26 числа сего мѣсяца. Могла бъ и скорѣе дойти! Такъ какъ ты въ это время можешь быть уже успѣлъ износить одну ленточку, то посылаю тебѣ при семъ другую, и при ней *лавровый листокъ* отъ деревца, которое посадилъ я когда былъ еще женихомъ, въ

¹⁾ «Тифлисскія Вѣдомости», 1828 года, № 11, статья: «Современная исторія».

²⁾ «Тифлисскія Вѣдомости», 1828 г., № 12, продолженіе статьи.

³⁾ «Тифлисскія Вѣдомости», 1828 г., № 12, статья: «Современная исторія».

⁴⁾ «Первое взятіе русскими войсками города Карса» (іюнь 1828 г.). Изъ памятныхъ записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго (писано въ 1831 г.).—«Рус. Арх.», 1877 г., т. I, стр. 346 (см. также стр. 326, 340 и 349).

1800 году. Когда возвратишься къ намъ, то не пожалѣю и цѣлой вѣточки Между тѣмъ по принадлежности, мы съ Стевеномъ, въ нашемъ семейственномъ кругу пили за твое здоровье отъ себя и отъ Лицея, который тебя также благодарить за то, что добрую его славу поддерживаешь» ¹⁾).

Съ 16 по 23 іюля Вольховскій находился въ походѣ отъ Карса къ крѣпости Ахалкалахъ, черезъ хребетъ Чалдырскихъ горъ, при рекогносцировкѣ и обложеніи оной 23 іюля, а 24 — при штурмѣ; съ 1 по 5 августа находился въ походѣ изъ Ахалкалахъ къ крѣпости Ахалцыхъ, черезъ хребетъ горъ, отдѣляющій сіи санджаки; сего же числа—при усиленной рекогносцировкѣ Ахалцыха и развитіи непріятельской кавалеріи; 9 августа — при пораженіи 30 т. корпуса предводительствованнаго Кока-Махметъ-Пашею и Мустафа-Пашею; съ сего числа — при осадѣ крѣпости Ахалцыха; 15 — при взятіи штурмомъ Окой; 17 августа—въ экспедиціи съ генераль-лейтенантомъ княземъ Вадбольскимъ къ крѣпости Адхуръ и при занятіи 18 числа оной; съ 14 по 17 сентября—въ слѣдованіи изъ Ахалцыха къ крѣпости Ардаганъ; 1 октября возвратился въ свои границы. Декабря 3-го 1828 года объявлено ему Высочайшее благоволеніе Его Императорскаго Величества за отличіе, оказанное имъ въ сраженіи противъ турокъ ²⁾. Въ воздаяніе мужества и храбрости, оказанныхъ при покореніи и взятіи крѣпости Ахалцыха, Всемило-стивѣйше пожалованъ золотою шпагою, съ надписью «за храбрость», въ 1-й день января, и орденомъ Св. Владимира 3-й степени—въ 29-й день апрѣля 1829 года.

Въ войну 1828 и 1829 г.г. съ Персією и Турцією Вольховскій занималъ отвѣтственный постъ, по званію своему оберъ-квартирмейстера всего Кавказскаго корпуса, и поэтому являлся самымъ приближеннымъ лицомъ къ Паскевичу и Ермолову. — И вотъ тутъ-то онъ проявилъ все величіе своей души, весь запасъ своей любви къ своимъ единомышленникамъ молодости и

¹⁾ Въ письмѣ этомъ интересны строки, относящіяся до Лицея. Энгельгардтъ сообщаетъ Вольховскому слѣдующее: «Горизонтъ нашего Лицея прояснился: на прошедшей недѣлѣ Государь удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ и кажется былъ вѣсѣмъ очень доволенъ, благодарилъ генерала (Гольдгоеръ, 1824—1840 г.г.), разговаривалъ съ воспитанниками и общалъ впредь чаще посѣщать. Между прочимъ также сказалъ, что желаетъ, дабы болѣе и преимущественно выходили изъ Лицея въ гражданскую службу, для которой Лицей собственно учрежденъ. Изъ сего слѣдуетъ, что всѣ толки и опасенія, что Лицей поставленъ будетъ на военную ногу совершенно не основательны и что Лицей, вѣроятно, останется такъ, какъ есть».

Письмо оканчивается слѣдующими трогательными словами: «Прощай, любезный Суворчикъ, будь здоровъ; это главное, прочее все найдется, и извѣдай иногда хотя двумя строчками о своемъ житьѣ-бытьѣ, это необходимо нужно для спокойствія и утѣшенія искренняго твоего друга. Егоръ Энгельгардтъ. Что твои глаза?» (Въ это время у Вольховскаго болѣли глаза, которыми онъ страдалъ еще въ Лицеѣ).

²⁾ См. «Тифлисскія Вѣдомости», 1828 г., № 26, «Высочайшіе приказы».

товарищамъ. Онъ сдѣлался ангеломъ хранителемъ всей довольно многочисленной семьи декабристовъ ¹⁾, поступившихъ по Высочайшему милосердію на Кавказъ рядовыми, чтобы на полѣ брани омыть кровью свои грѣхи молодости, а своею храбростью, защитою родины и смертью доблестнаго воина вернуть и возстановить свое честное имя въ потомствѣ.

Съ радушіемъ и полною готовностью облегчить положеніе отнесся В. Д. Вольховскій къ пріѣзду Михаила Ивановича Пушина, переведеннаго рядовымъ на службу въ Тифлисъ. Онъ ждалъ его пріѣзда, помѣстилъ на первыхъ порахъ у себя и потомъ хлопоталъ за него. Точно также принялъ онъ живѣйшее участіе въ судьбѣ барона Розена, переведеннаго рядовымъ на Кавказъ,—но это участіе можетъ быть объяснено тѣмъ, что Розенъ приходился ему шуриномъ. (См. «Рус. Арх.», 1908 г., кн. II, стр. 462—463, въ примѣч.).

Что касается до его служебнаго положенія, то Вольховскій входилъ въ составъ комитета по квартирмейстерской части, вмѣстѣ съ полковниками: Коцебу и Эксгольмомъ. На обязанности ихъ лежало: 1) описаніе дорогъ по всѣмъ направленіямъ, гдѣ армія предназначено дѣйствовать или по коимъ военныя обстоятельства заставляютъ оную двигаться; 2) соображеніе способовъ края, въ которомъ войска должны проходить, и 3) собраніе свѣдѣній о народахъ, живущихъ въ провинціяхъ, гдѣ будетъ война, и о расположеніи ихъ къ намъ и персядскому правительству,—однимъ словомъ—полное географическое и статистическое описаніе сихъ странъ ²⁾.

А вотъ, что говоритъ Н. Н. Муравьевъ объ исполненіи Вольховскимъ своихъ обязанностей: «Во время слѣдованія колоннъ, заботливостью полковника Вольховскаго, нашего оберъ-квартирмейстера, присылались къ намъ описанія дорогъ, по коимъ намъ идти. Точность сихъ описаній, сдѣланныхъ по разспросамъ была разительна, и мы всегда знали напередъ о всякой канавѣ, которая могла остановить движеніе колонны, и брали заблаговременно мѣры для поправленія дороги; знали, гдѣ есть кормъ подножный, вода, гдѣ обозы могли строиться въ нѣсколько линій или идти по одиночкѣ; гдѣ могла быть въ тѣснѣнѣ продолжительная остановка, во время коей баталіоны могли не дожидаться въ ружьѣ, а расположиться на привалъ. Словомъ, все было при-

¹⁾ См. «Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 г.г.». Разсказъ Михаила Ивановича Пушина 2-го, съ пред. бар. Андрея Евгеньевича Розена. («Рус. Стар.», 1884 г., т. XXI, февраль). Такъ, изъ разсказа Михаила Ивановича Пушина 2-го мы видимъ, что когда онъ и Коновницынъ представились Паскевичу, то послѣдній сдалъ ихъ на руки Вольховскому, который, по приказу Паскевича, повелъ ихъ къ Ермолову. Раевскій и Ермоловъ приняли ихъ очень радушно.

²⁾ Кн. Щербатовъ: «Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность», т. II, стр. 211—212.

думано и приспособлено къ порядливому движенію войскъ, и мы симъ, безъ сомнѣнія, были обязаны Сакену» ¹⁾).

Но, несмотря на свою близость къ Паскевичу, Вольховскій въ концѣ концовъ подвергся опалѣ со стороны ревниваго къ своей славѣ Паскевича. Опалѣ этой подвергся также и начальникъ штаба Сакенъ. Вотъ, что говоритъ по этому поводу въ своихъ запискахъ Михаилъ Ивановичъ Пущинъ 2-ой:

«Начальникъ штаба Сакенъ ²⁾ былъ съ Паскевичемъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но въ Тифлисѣ случилось происшествіе, посѣявшее подозрѣніе въ Паскевичѣ противъ Сакена. Приходъ почты въ Тифлисѣ, какъ вездѣ въ провинціи, составлялъ предметъ живого интереса, и я часто, по полученіи почты, отправлялся къ Сакену и помогалъ ему ее разбирать. Распечатывалъ газеты, указывалъ на статьи, которыя могли его интересовать. Однажды, разсматривая *Journal des Débats*, я указалъ на одну корреспонденцію изъ Петербурга, гдѣ, между прочимъ, сказано было о Паскевичѣ—что онъ обыкновенныхъ способностей, и что успѣхъ его кампаній должно приписать способностямъ его начальника штаба и многихъ лицъ, сосланныхъ на Кавказъ за участіе въ заговорѣ 14 декабря. Сакенъ долженъ былъ относить журналы и газеты къ Паскевичу, я совѣтовалъ ему скрыть этотъ журналъ, зная подозрительность Паскевича; но Сакенъ, какъ рыцарь благородства, замѣтилъ, что это не будетъ достойно его откровеннаго поведенія къ Паскевичу, что онъ, напротивъ, укажетъ ему на эту статью, которую нельзя никому другому приписать, какъ только завистникамъ его въ Петербургѣ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано; но скоро оказалось, что у Паскевича вмѣсто прежней съ нимъ откровенности появилась натянутость въ отношеніяхъ съ нимъ, и подозрѣнія парализовали открытыя его дѣйствія.

«Десять дней послѣ отдѣленія отъ насъ Муравьева, говоритъ Пущинъ 2-ой, онъ (т. е. Муравьевъ) прислалъ реляцію о своей побѣдѣ вмѣстѣ съ Бурцовымъ: у турокъ отбиты знамена, вся артиллерія, множество плѣнныхъ, такъ что подъ Ахалцыхомъ нѣтъ непріятели, и что онъ съ Бурцовымъ возвращается въ Карсъ. Кажется, что слѣдовало праздновать побѣду, но вмѣсто

¹⁾ Колонна двигалась изъ Гумровъ (1828 г.) въ Ахалкалакъ. Если Н. Н. Муравьевъ приписываетъ это Сакену, то потому, что Сакенъ былъ начальникомъ штаба и Вольховскій былъ ему подчиненъ, но это обстоятельство, какъ видно изъ словъ Муравьева, нисколько не умаляетъ качествъ Вольховскаго, какъ квартирмейстера, который заранѣе изслѣдовалъ мѣстность, по которой должны были идти войска.—(Изъ записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго. «Рус. Арх.» 1893 г., т. III, кн. II, стр. 347—348). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что, по словамъ Н. Н. Муравьева, реляцію о покореніи Ахалцыха писалъ Вольховскій. («Рус. Арх.» 1894 г., кн. 3, стр. 410).

²⁾ Баронъ Дмитрій Ерошеевичъ Остенъ-Сакенъ, впоследствии графъ и членъ Государственнаго Совѣта.

того Паскевичъ разразился гнѣвомъ на Сакена и Вольховскаго, упрекая ихъ въ томъ, что они своею интригою вырвали у него побѣду; а когда возвратились Муравьевъ и Бурцовъ, то вмѣсто солдатскаго спасибо, стали критиковать ихъ маневры, выговаривать за значительную потерю людей, которая, напротивъ, была самая ничтожная. Неудовольствіе его, наконецъ обрушилось и на меня...¹⁾

Вообще Паскевичъ «при всѣхъ своихъ неотъемлемыхъ достоинствахъ, не жаловалъ людей самостоятельныхъ и никому изъ окружающихъ его не позволялъ» свое сужденіе имѣть²⁾.

«Наконецъ, за то, что Сакенъ на изнуренныхъ лошадахъ не могъ захватить отступающаго отъ Эрзерума Сераскира по винѣ самого Паскевича, пропустившаго удобный моментъ и давшаго непріятелю время удрасть, Паскевичъ обрушился на Сакена и велѣлъ его судить въ 24 часа.

«Судъ, говорить М. Пущинъ 2-ой, опредѣлилъ строгій выговоръ Сакену за небуквальное исполненіе приказанія главнокомандующаго и вялое преслѣдованіе непріятеля; сверхъ того опредѣленъ ему былъ домашній арестъ и увольненіе отъ должности начальника штаба.—Вотъ какъ отозвался на Сакенѣ № Journal des Débats» (ibid., стр. 329). О своемъ отъѣздѣ изъ арміи Пущинъ говоритъ: «Прощаясь со мною, Паскевичъ былъ особенно любезенъ и,

¹⁾ «Рус. Стар.» 1884 г., т. ХLI, февраль, стр. 326 и 327: «Декабристы на Кавказѣ».

²⁾ «Севастополь и его защитники въ 1855 г.»—Изъ Записокъ Н. А. Крыжановскаго («Рус. Стар.» 1886 г., т. L, май, стр. 431).—О «капризахъ» Паскевича—см. также въ запискахъ Н. Н. Муравьева («Рус. Арх.» 1889 г., кн. 2, стр. 315). Здѣсь разсказывается, что при извѣщеніи Паскевичемъ генерала Сипягина о побѣдѣ надъ Аббасъ-Мирзою ему не могли угодить ни Вольховскій, ни Грибоѣдовъ, ни Муравьевъ. Этому послѣдняго онъ обвинилъ даже въ желаніи умалить его заслуги изъ преданности его къ А. П. Ермолову. (См. также кн. 4, стр. 586; кн. 9, стр. 80 и 81). О нерѣшительности Паскевича сообщаетъ также Н. Н. Муравьевъ. Такъ, по настояніямъ Сакена и Вольховскаго Паскевичъ собирался идти со всѣми собранными при Ардаганѣ силами атаковать турокъ въ Арданудѣ, такъ какъ носились уже слухи, что непріятель потянулся къ Ахалцыху. «Двинулись по направленію Ахалцыхской дороги. Вдругъ приказъ остановиться. Мы съѣхались къ главнокомандующему. Онъ былъ встревоженъ, то задумывался, то приказывалъ мнѣ одному идти съ частью отряда, говоря, что съ другой вернется къ Карсу, то опять самъ собирался со всѣми силами идти по первому назначенію. Наконецъ все приказаніе переѣвилось; часть выступившихъ войскъ возвратилась даже изъ авангарда и мнѣ одному велѣно было идти съ остальными войсками». (См.: «Изъ записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго». Апрель—июнь 1829 г. «Рус. Арх.» за 1894 г., кн. 4, стр. 516—517).—Тотъ же Муравьевъ еще сообщаетъ и о слѣдующемъ случаѣ нерѣшительности Паскевича. «По полученіи отъ князя Бегутова извѣстія о занятіи предмѣстій Ахалцыха Аджарцами (1829 г.), Паскевичъ, ходя по комнатамъ, всѣмъ разсказывалъ происшествіе сіе съ преувеличеніемъ; оберъ-квартирмейстера полковника Вольховскаго отъ себя не отпускалъ, поминутно диктовалъ ему повелѣнія, особливо въ полки и отдѣльныя части войскъ по всей Грузіи расположенныя, дабы шли какъ можно поспѣшнѣе къ Ахалцыху и самъ же рвалъ ихъ» («Изъ записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго». 1829 г. «Рус. Арх.» за 1894 г., кн. 3 стр. 383).

между прочимъ, сказалъ, чтобы я писалъ къ нему, если мнѣ въ чемъ встрѣтится бѣда или нужда, что онъ всегда готовъ притти мнѣ на помощь, но... расположеніе это измѣнилось, когда онъ увидѣлъ, что я такъ долго предъ выѣздомъ оставался у Сакена, тогда еще арестованнаго и оставленнаго всеми клеветрами Паскевича. Абрамовъ, котораго Сакенъ питалъ какъ змѣю на груди, первый былъ предателемъ его, перенося разговоры семейные, очень часто невыгодные на счетъ Паскевича.

«Въ день выѣзда моего изъ лагеря, я отъ Паскевича зашелъ проститься къ Сакену, котораго палатка стояла какъ зачумленная; довольно долго оставался у него, пока онъ писалъ письмо къ женѣ своей, а въ это время, какъ мнѣ послѣ сказали, Паскевичъ все поджидалъ моего выхода отъ Сакена. Вышедъ отъ него, я сѣлъ на лошадь, не выдавъ уже болѣе Паскевича, и поскакалъ за выѣхавшими прежде пашами». (ibid, стр. 333¹).

«Непостижимо, говорить Розенъ, откуда и отчего возродилась ненависть къ нему (Вольховскому) Паскевича? Никогда Вольховскій не открывалъ этой причины, даже не намекалъ оной; однажды спросилъ онъ преемника своего по должности, только что прибывшаго прямо изъ Варшавы:—вспоминаетъ-ли меня фельдмаршалъ?—«Онъ никому не скрываетъ, что онъ васъ ненавидитъ»,—былъ отвѣтъ. Десять лѣтъ послѣ того я могъ себѣ объяснить это дѣло: во время Венгерской войны, когда генералъ Д. Е. Сакенъ назначенъ былъ принять тамъ участіе и средоточить главные резервы, то фельдмаршалъ въ часъ негодованія сказалъ—одну я сдѣлалъ глупость въ жизни, что на Кавказѣ не велѣлъ повѣсить Сакена и Вольховскаго.—Сакенъ, достойный и храбрый генералъ, былъ у него начальникомъ штаба, когда Вольховскій былъ у него оберъ-квартирмейстеромъ; они оба имѣли безпрестанные съ нимъ сношенія, получали и исполняли его приказанія;—всегда бѣда подчиненному, который бываетъ свидѣтелемъ промаховъ тщеславнаго начальника»²).

Продолжая службу подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго графа Паскевича, Вольховскій при занятіи 27 іюня крѣпости Эрзерума удостоился Высочайшаго благоволенія. — Государь Императоръ, во вниманіе къ особеннымъ трудамъ, въ продолженіе войны съ Оттоманскою Портою 1828 и 1829 годахъ понесеннымъ, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ему наравнѣ съ прочими, не въ счетъ, годовое жалованье³).

¹) О М. И. Пушкинѣ см. ст. Е. Г. Вейденбаума: «Декабристы на Кавказѣ». «Рус. Стар.» 1903 г., т. СХІV, іюнь, стр. 484—485; 492—493; а также: А. С. Гангелбовъ: «Воспоминаніе декабриста». Москва, 1886 г., стр. 199, 200, 203 и 207.

²) «Записки», стр. 360 и 361.

³) Взятію Эрзерума предшествовали слѣдующія военныя операціи съ участіемъ Вольховскаго. «Съ 15 мая Вольховскій былъ въ движеніи къ Ардагану; 13 іюня—въ походѣ чрезъ Саганлускій хребетъ до рѣки Инжасу и диверсія къ непріятельскомъ укрѣ-

Во время этого похода произошла, какъ извѣстно, встрѣча двухъ товарищей: Пушкина и Вольховскаго. Поѣздка Пушкина ¹⁾ на Кавказъ столь интересна, что мы позволимъ себѣ остановиться на ней.

Во время поѣздки Пушкина на Кавказъ въ 1829 году, онъ познакомился съ молодымъ человѣкомъ Н. Б. Потокскимъ ²⁾, съ которымъ Пушкинъ и прѣхалъ въ Тифлисъ, а черезъ нѣсколько дней отправился въ армію, находившуюся подъ Эрзерумомъ, гдѣ былъ его товарищъ В. Д. Вольховскій.

Пушкинъ, дриближаясь въ хребту Саганъ-ду (древняго Тавра), увидѣлъ нашъ лагерь, расположенный на берегу Карса-чая; черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ въ палаткѣ Раевского. Въ этотъ же день (13 іюня) войска получили повелѣніе идти впередъ. Въ 5 часу войско выступило. «Я ѣхалъ, говорить Пушкинъ, съ Нижегородскимъ Драгунскимъ полкомъ, разговаривая съ Раевскимъ, съ которымъ уже нѣсколько лѣтъ не видался. Настала ночь; мы остановились въ долинѣ, гдѣ все войско имѣло приваль. Здѣсь имѣлъ я честь бы представленъ графу Паскевичу.

пленному лагерю Гачки-Паши до урочища Дели-Муса-Фурви; 15 и 16—при занятіи высотъ, окружающихъ укрѣпленный непріятельскій лагерь Гачки-Паши и рекогносцировка оная; 19—при поражении непріятельской конницы, вышедшей изъ лагеря Гачки-Паши и совершенномъ разбитіи и разсѣяніи главныхъ силъ Эрзерумскаго Сераскира, занявшихъ подъ личнымъ его начальствомъ при селеніи Коинлы крѣпкую позицію; 20—при овладѣніи приступомъ укрѣпленнаго лагеря трехъ бунчужнаго Гачки-Паши при урочищѣ Мемендюзъ и разбитіи всѣхъ находившихся въ ономъ войскъ; 22 и 23—въ походѣ къ крѣпости Гассанъ-Кале и при занятіи оной; съ 24 по 26—въ походѣ къ гор. Эрзеруму и перестрѣлкѣ при занятіи лагернаго мѣста въ пяти верстахъ отъ сего города и 27—при занятіи укрѣпленной высоты Топъ-Дагъ, лежащей передъ Эрзерумомъ, а вслѣдъ затѣмъ города и крѣпости».

¹⁾ «Путешествіе въ Арзрумъ», Пушкина; издано на Кавказѣ къ Пушкинскому юбилею Евгеніемъ Густавовичемъ Вейденбаумомъ, уважаемымъ мѣстнымъ литераторомъ и знаткомъ Кавказа и снабжено цѣнными и интересными комментаріями его, вмѣстѣ съ «Хронологическою канвою къ путешествію Пушкина на Кавказъ въ 1829 году», которая сдѣлала бы честь и столичнымъ ученымъ. Приношу глубокую благодарность Е. Г. Вейденбауму за доставленіе мнѣ этой брошюры.

²⁾ На Кавказѣ съ 1901 года стало выходить «изданіе центральной книжной торговли въ Тифлисъ», подъ общимъ заглавіемъ: «Кавказовѣдніе». (Исторія. — Этнографія. — Путешествія. — Литература. Подъ редакцію Е. Г. Вейденбаума). Первый томъ этого изданія подъ заглавіемъ: «Кавказскіе Этюды». — «Исслѣдованія и замѣтки Е. Г. Вейденбаума» присланы мнѣ авторомъ. Здѣсь находится, между прочимъ, интересная для меня статья: «О пребываніи Пушкина на Кавказѣ въ 1829 году», напечатанная первоначально въ изданіи редакціи газеты «Кавказъ»: «Кавказская поминка о Пушкинѣ». Тифлисъ. 1899 г. Въ этой замѣчательной и высоко-интересной статьѣ Е. Г. Вейденбаумъ разбираетъ, между прочимъ, воспоминанія Н. Б. Потокскаго («Рус. Стар.» 1880 г., іюль, стр. 576—584) и относится къ нимъ критически: во-первыхъ, потому, что они писались черезъ 50 лѣтъ послѣ встрѣчи съ Пушкинымъ; во-вторыхъ, что автору въ то время было меньше 20 лѣтъ. Е. Г. Вейденбаумъ указываетъ даже на разногласіе у Потокскаго съ рассказомъ самого поэта (стр. 238). «Очевидно, говорить авторъ, что Пушкинъ и Потокскій встрѣтились въ пути случайно, что это было одно-

«Я нашелъ графа дома, передъ бивачнымъ огнемъ, окруженнаго своимъ штабомъ. Онъ былъ веселъ и принялъ меня ласково. Чуждый воинскому искусству, я не подозрѣвалъ, что участь похода рѣшилась въ эту минуту. Здѣсь увидѣлъ я нашего Вольховскаго, запыленнаго съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами. Онъ нашелъ, однако, время побесѣдовать со мною, какъ старыи товарищъ. Здѣсь увидѣлъ я и Михаила Пущина, раненаго въ прошломъ году. Онъ любимъ и уважаемъ, какъ славный товарищъ и храбрый солдатъ. Многіе изъ старыхъ моихъ пріятелей окружили меня. Какъ они перемѣнились! Какъ быстро уходитъ время!

Neu fugaces, Posthume, Posthume,
Labuntur anni... ¹⁾.

«Я воротился къ Раевскому и исцевалъ въ его палаткѣ» ²⁾.

Пушкинъ однако вскорѣ вернулся въ Тифлисъ, недовольный Паскевичомъ; онъ сказалъ своему другу П. С. Санковскому, издателю и редактору «Тифлисскихъ Вѣдомостей»: «Ужасно мнѣ надоѣло вѣчное хожденіе

изъ тѣхъ мимолетныхъ знакомствъ, которыя не оставили въ памяти поэта никакого слѣда, тогда какъ на восторженнаго, романически настроеннаго юношу встрѣча съ прославленнымъ поэтомъ произвела впечатлѣніе настолько глубокое, что черезъ полвѣка она одна осталась въ его памяти, затмивъ всѣ остальные подробности». Редакторъ сочиненій А. С. Пушкина П. А. Ефремовъ (т. VIII, стр. 555) также дискредитируетъ воспоминанія Н. Б. Потокскаго, но ошибочно указываетъ, что они были напечатаны въ 1888 г. въ «Рус. Стар.», вмѣсто 1880 г. Касаясь пребыванія Пушкина во Владикавказѣ, Е. Г. Вейденбаумъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что Пушкинъ ничего не говоритъ о своихъ знакомствахъ во Владикавказѣ, между тѣмъ, Н. Б. Потокскій рассказываетъ, что поэтъ присутствовалъ на многолюдномъ обѣдѣ у коменданта генерала Скворцова и даже писалъ мѣломъ въ честь его на дверяхъ стихи, изъ которыхъ Потокскій припоминаетъ только четыре строчки и то приблизительно (стр. 244). Далѣе мы воспользуемся критическими замѣчаніями высокоуважаемаго Е. Г. Вейденбаума, когда будемъ ниже цитировать воспоминанія Потокскаго о пребываніи Пушкина на Кавказѣ, — (см. кн. Л. Н. Майкова: Пушкинъ. Спб. 1899 г., стр. 378—397. — См. также ст. Е. Г. Вейденбаума, подъ заглавіемъ: «Пушкинъ на Кавказѣ въ 1829 г.» «Хронологическая канва» къ путешествію Пушкина въ Эрзерумъ въ 1829 г. — «Рус. Арх.» 1905 г., кн. 4, стр. 675—680).

¹⁾ Цитата изъ Горация: «Увы, о Постумъ, Постумъ, исчезаютъ быстро бѣгущіе годы», или въ вольномъ переводѣ: «Увы, Постумъ, Постумъ, бѣгутъ мимолетныя дни».

²⁾ «Путешествіе въ Арзрумъ». А. С. Пушкина, гл. третья. Нѣсколько замѣчаній о пріѣздѣ Пушкина на Кавказъ въ армію Паскевича находится въ интересныхъ «Запискахъ» генерала Э. В. Бриммера, напечатанныхъ въ «Кавказскомъ сборникѣ», изданномъ при Военно-историческомъ отдѣлѣ Кавказскаго окружнаго штаба, подъ редакціею И. С. Чернявскаго, подъ заглавіемъ: «Служба артиллерійскаго офицера, воспитывавшагося въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и выпущеннаго въ 1815 г.». Здѣсь говорится: «...когда, 26 іюня войска подошли къ Эрзеруму и открыли огонь по городу, Паскевичъ со штабомъ стоялъ вблизи батареи Бриммера, а Пушкинъ стоялъ передъ главнокомандующимъ на чистомъ мѣстѣ одинъ. Вдругъ грянулъ выстрѣлъ изъ батареи 21 бригады. Пушкинъ вскрикиваетъ: «славно!» Главнокомандующій спрашиваетъ: «куда пошало?» Пушкинъ, обернувшись къ нему: «прямо въ городъ!» — «Гадко, а не славно», сказалъ Паскевичъ. (Т. XVII).

на помочахъ этихъ опекуновъ, дядекъ; мнѣ крайне было жаль разстаться съ моими друзьями, но я вынужденъ былъ покинуть ихъ. Паскевичъ надоѣлъ мнѣ своими любезностями; я хотѣлъ воспѣть геройскіе подвиги нашихъ молодцовъ кавказцевъ, это славная часть нашей родной эпопеи, но онъ не понималъ меня и старался выпроводить изъ арміи...» Уѣжая изъ Тифлиса, ¹⁾ Пушкинъ сказалъ Н. Б. Потокскому: «Когда будете въ арміи, то прошу передать мои поклоны друзьямъ моимъ: Вольховскому, Раевскому и другимъ». Г. Потокскому представилась, такимъ образомъ, возможность на мѣстѣ узнать подробности неудовольствія между Паскевичемъ и Пушкинымъ. Вотъ, что онъ передаетъ: «По прибытіи въ станъ арміи, изъ первыхъ посѣтилъ Влад. Дм. Вольховскаго, человѣка мнѣ очень близкаго. Отъ него я узналъ нѣкоторыя подробности о ссорѣ Паскевича съ Пушкинымъ. Мнѣ передавали, что когда Александръ Сергѣевичъ прибылъ въ армію, Паскевичъ принялъ его очень радушно и даже велѣлъ поставить ему палатку возлѣ своей ставки.

«Разумѣется, Александра Сергѣевича болѣе влекла къ себѣ задушевная бесѣда съ товарищемъ по Лицею Вольховскимъ и друзьями Раевскимъ и Муравьевымъ (?). У нихъ то онъ проводилъ все свободное время и рѣдко посѣщалъ свою палатку. До того онъ рыскалъ по лагерю, что иногда посланные отъ главнокомандующаго звать Пушкина къ обѣду не находили его. При всякой же перестрѣлкѣ съ непріятелемъ, во время движенія войскъ впередъ, Пушкина видѣли всегда впереди скачущихъ казаковъ или драгунъ, прямо подъ выстрѣлы. Паскевичъ неоднократно продупреждалъ А. С., что ему опасно зарываться такъ далеко, и совѣтовалъ находиться во время дѣла неотлучно при себѣ, точь въ точь какъ будто адъютанту. Это всегда возмущало пылкость характера и нетерпѣніе Александра Сергѣевича Пушкина—стоять сложа руки и бездѣйствовать. Онъ, какъ будто нарочно, дразнилъ главнокомандующаго и, не слушая его совѣтовъ, при первой возможности, скрывался отъ него, и являлся гдѣ-нибудь впереди въ самой свалкѣ сраженія ²⁾. Послѣ всего этого, вышла открытая ссора—между И. Ѳ. Паскевичемъ и А. С. Пушкинымъ. Наконецъ, главнокомандующій, вида, что А. С. явно удаляется отъ него, призвалъ его къ себѣ въ палатку (во время доклада бумагъ Вольховскимъ) и рѣзко объявилъ:

¹⁾ О разныхъ датахъ пребыванія Пушкина на Кавказѣ можно найти свѣдѣнія въ «Хронологической канвѣ» къ путешествію Пушкина въ Эрзерумъ въ 1829 г., входящейся въ ст. Е. Вейденбаума: «Пушкинъ на Кавказѣ въ 1829 г.».—«Рус. Арх.» 1905 г., кн. 4, стр. 674—680.

²⁾ А. С. Гангеловъ («Рус. Арх.» 1886 г., т. II, кн. 6, стр. 253) сообщаетъ, что Пушкинъ былъ посланъ къ Паскевичу отъ Раевского съ донесеніемъ, въ видѣ ординарца.—См. также ст. Е. Г. Вейденбаума: «Декабристы на Кавказѣ».—«Рус. Стар.» 1903 г., т. СХІV, июнь, стр. 499.

— «Господишь Пушкинь! Мнѣ васъ жаль, жизньъ ваша дорога для Россіи; вамъ здѣсь дѣлать нечего, а потому совѣтую немедленно уѣхать изъ арміи обратно, и я уже велѣлъ приготовить для васъ благонадежный конвой».

«Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій передалъ мнѣ,—говорить Г. Потокскій, что А. С. порывисто поклонился Паскевичу и выбѣжалъ изъ палатки, немедленно собрался въ путь, попрощавшись съ знакомыми и друзьями, въ тотъ же день уѣхалъ. Вольховскій передавалъ мнѣ подъ секретомъ еще то, что одною изъ главныхъ причинъ неудовольствія главнокомандующаго было нерѣдкое свиданіе А. С. съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, находящимися въ арміи рядовыми. Говорили потомъ, что нѣкоторыя личности шпионили за поведеніемъ Пушкина и передавали свои наблюденія Паскевичу, разумѣется, съ прибавленіями, желая тѣмъ выслужиться»¹⁾.

По поводу этихъ воспоминаній Е. Г. Вейденбаумъ вполне резонно замѣчаетъ: «Потокскій повторяетъ то, что тогда говорили въ арміи. Но сомнительно, чтобы онъ слышалъ это отъ самого Вольховскаго. Такой серьезный, сдержанный и осторожный человекъ, какъ Владиміръ Дмитріевичъ, никогда не рѣшился бы сообщить почти мальчику, хотя бы и подъ секретомъ, такія вещи, о которыхъ тогда было опасно говорить. Вольховскій самъ имѣлъ несчастіе быть названнымъ въ заговорѣ 14 декабря и хотя лично ни въ чемъ не былъ замѣшанъ, но, тѣмъ не менѣе, это ему много вредило по службѣ. Откуда-бы, впрочемъ, не заимствовалъ свои свѣдѣнія Потокскій въ нихъ есть доля истины. Но открытой ссоры Пушкина съ Паскевичемъ они все-таки не объясняютъ, и потому употребленное Потокскимъ слово *ссора* надо считать простымъ lapsus calami. Припомнимъ, прежде всего, что во время поѣздки на Кавказъ Пушкинь состоялъ подъ тайнымъ надзоромъ. Паскевичъ, разрѣшивъ ему пріѣздъ въ армію, принялъ на себя надзоръ за его поведеніемъ и сношеніями и для этого старался, по возможности, не отпускать его отъ себя. М. И. Пущинъ рассказываетъ, что «Пушкинь не могъ изъ вѣжливости оставить Паскевича, который не хотѣлъ отпускать его отъ себя не только во время сраженія, но на привалахъ, въ лагерѣ, и вообще всегда, на всѣ герас и въ свободное отъ занятій время за нимъ посылалъ и порядочно—по словамъ Пушкина—ему надѣлъ». Держа Пушкина около себя, тщеславный военновачальникъ, ставившій свои сраженія наравнѣ съ побѣдами Александра Македонскаго и знаменитѣйшихъ римскихъ полководцевъ, быть можетъ, раз-

¹⁾ «Встрѣча съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ въ 1824 и 1829 гг.». Воспоминанія Н. Б. Потокскаго. «Рус. Стар.» 1880 г., т. XXVIII, июль, стр. 582—583.—См. также у Пущина 2-го («Декабристы на Кавказѣ», стр. 330), гдѣ онъ передаетъ слова Раевского, что въ числѣ окружающихъ Паскевича, «находятся подлецы и трусы, которые передаютъ ему небывалыя вещи.»—См. также: «Дневникъ», Адриана Моисеевича Грибовскаго (род. 26 августа 1767 г. † 28 января 1834 г.). «Рус. Арх.» 1899 г., т. I, стр. 75.

считывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что поэтъ проникается величіемъ подвиговъ новаго Македонскаго героя и не откажется быть его пѣвцомъ.

«Во время похода къ Эрзеруму Паскевичъ не имѣлъ возможности держать поэта подъ постояннымъ наблюдениемъ. Пушкинъ проводилъ большую часть времени съ Раевскимъ и считалъ себя какъ бы прикомандированнымъ къ Нижегородскимъ драгунамъ. Общество его составляли, кромѣ Раевского, Левъ Пушкинъ, Юзефовичъ, Семичевъ, Пушинъ и др... Онъ чувствовалъ себя вполне привольно среди этихъ людей. Но съ занятіемъ Эрзерума эта свободная жизнь окончилась: 10 или 11 іюля Раевскій со всею кавалеріею ушелъ въ походъ, и Пушкинъ разстался съ самыми близкими ему людьми. Въ первыхъ числа іюля выѣхалъ изъ Эрзерума и М. И. Пушинъ, которому было поручено доставить въ Тифлисъ плѣннаго Сераскира и пашей. Неизвѣстно, самъ ли Пушкинъ не пожелалъ слѣдовать за Раевскимъ, или же Паскевичъ нашелъ предлогъ отклонить его отъ этого. Какъ бы то ни было, но поэтъ остался одинъ, и 7 іюля, когда Паскевичъ перешелъ изъ лагеря въ городъ и занялъ помѣщеніе во дворцѣ Сераскира, поэту пришлось сдѣлаться его гостемъ. Къ этому времени, вѣроятно, и должно отнести замѣчаніе Пушина о надобвшемъ поэту обязательномъ посѣщеніи главнокомандующаго. Веселые пиры въ палаткѣ Раевского, приправленные живою, непринудительною и остроумною бесѣдою, замѣнились официальными обѣдами, на которыхъ малочинный Пушкинъ занималъ, конечно, не первыя мѣста. Надо думать, что и бесѣда была мало занимательна: Паскевичъ былъ въ это время очень высокаго мнѣнія о своихъ военныхъ дѣйствіяхъ и говорилъ только о нихъ; можно представить себѣ, какъ несносны были эти обѣды для Пушкина»...

«Въ совокупности всѣхъ этихъ причинъ, кажется мнѣ, говоритъ Е. Г. Вейденбаумъ, должно искать причину отъѣзда Пушкина. Самый городъ Эрзерумъ, послѣ осмотра его достопримѣчательностей, не могъ, конечно, соблазнить на дальнѣйшее пребываніе въ немъ».

«Несомнѣнно, что Пушкинъ и Паскевичъ не питали симпатіи другъ къ другу. Первый, во время похода, имѣлъ достаточно поводовъ убѣдиться въ непопулярномъ самолюбіи, можно сказать, въ самообожаніи Паскевича, въ его высокомерно-презрительномъ отношеніи къ подчиненнымъ. Если онъ чего-нибудь не замѣтилъ самъ, то друзья его и знакомые, конечно, не преминули просвѣтить его. Всѣ они, и баронъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, и Н. Н. Раевскій, и В. Д. Вольховскій, и М. И. Пушинъ, — всѣ вскорѣ покинули службу подъ начальствомъ Паскевича или добровольно, или вынужденно, унеся глубокое чувство горечи и неудовольствія противъ него ¹⁾).

¹⁾ «Кавказскіе этюды». — Исслѣдованія и замѣтки Е. Г. Вейденбаума, стр. 254—256. Нахожденіе Пушкина среди русскаго воинства, въ доблестныхъ войскахъ, воевавшихъ

Авторъ «Воспоминаній о Кавказѣ и Грузіи» баронъ Торнау¹⁾, между прочимъ, рассказываетъ слѣдующій эпизодъ, относящійся къ жизни Вольховскаго на Кавказѣ: «полковника Вольховскаго потребовали однажды ночью къ графу Паскевичу. Явившись на зовъ его съ привычною скоростью и не зная за собою вины, онъ въ первое мгновеніе совершенно растерялся отъ приѣма главнокомандующаго. Вольховскому нерѣдко случалось заставать Паскевича въ раздраженномъ состояніи духа, но никогда до сей поры, онъ не видалъ его въ такомъ бѣшенствѣ. Со сжатыми кулаками бросился онъ къ нему навстрѣчу и, задыхаясь отъ гнѣва, произнесъ: «Ахалцыхъ!» Измѣривъ кабинетъ быстрыми шагами, онъ снова подскочилъ, и, сдѣлавъ надъ собою усиліе, окончилъ начатую фразу словами: «взять турками!»

— «Не можетъ быть!—вырвалось у Вольховскаго.

— «Какъ это: не можетъ быть?—крикнулъ главнокомандующій. — Я имѣю официальный рапортъ... вотъ онъ.—И въ шаръ скомканная бумага полетѣла на полъ изъ его руки.

«Въ это время вошелъ начальникъ Штаба, баронъ Дмитрій Ерооевичъ Остенъ-Сакенъ, котораго тоже успѣли поднять съ постели. Паскевичъ обратился къ нему.

«Вольховскій воспользовался этой минутой, поднялъ смятую бумагу, разгляделъ ее и сталъ читать про себя. Прочитавъ отъ кого рапортъ, онъ тотчасъ подумалъ, не вкралась ли въ него неясность, ввергнувшая Паскевича въ заблужденіе; доносилъ Хертвинскій воинскій начальникъ, майоръ Педяшъ, храбрый офицеръ, но страстный охотникъ писать много и краснорѣчиво, употребляя слогъ своего собственнаго изобрѣтенія.

«Въ началѣ донесенія стояло: «феврала, 20 дня; Ахалцыхъ турками взять»,—запятая, —фактъ выраженный такъ ясно, такъ положительно, что

на Кавказѣ, дало ему высокое понятіе о драгоцѣнныхъ качествахъ русскаго солдата. Ограничившись своимъ описаніемъ похода въ Эрзерумъ, которое разочаровало его поклонниковъ, ожидавшихъ поэтическихъ поэмъ объ этой войнѣ, Пушкинъ вынесъ изъ похода преклоненіе передъ доблестью солдатъ и офицеровъ, исполнившихъ свой долгъ передъ Царемъ и Отечествомъ. Подтвержденіе этого мы находимъ въ запискахъ А. О. Смирновой, которая передаетъ слѣдующее разсужденіе Пушкина: «Война—ужасная необходимость», сказалъ однажды Пушкинъ, «но она даетъ поводъ къ высокимъ подвигамъ подвигамъ храбрости, самоотверженія, патріотизма. Въ эти страшные часы въ этихъ подвигахъ проявляются чувства долга. Я былъ свидѣтелемъ этого, когда былъ въ Эрзерумѣ съ Паскевичемъ. Наши солдаты, наши молодые офицеры, перемѣна въ ихъ настроеніи до и послѣ дѣла производили на меня сильное впечатлѣніе. Конечно я видѣлъ битвы только издали, но не могу сказать, до чего трогали меня лица солдатъ, идущихъ на бой и возвращающихся оттуда, а также погребеніе. Ни хвастовства, ни фразерства нѣтъ въ нашихъ войскахъ».

¹⁾ «Воспоминанія о Кавказѣ и Грузіи».—«Русскій Вѣстникъ» 1869 г., февраль, стр. 413—414.

Паскевичъ не продолжая читать, въ порывѣ досады смялъ рапортъ и тотчасъ послалъ будить оберъ-квартирмейстера и начальника штаба. Послѣ запытой слѣдовало: «арміею подъ начальствомъ Ахметъ-бека аджарскаго, состоящаго изъ такого-то числа пѣхоты, конницы и артиллеріи» — затѣмъ исчисленіе начальниковъ частей, потомъ изложеніе распоряженій, сдѣланныхъ княземъ Бебутовымъ для защиты крѣпости. Вольховскій перевернулъ страницу, въ концѣ которой отыскалъ вторую запятую, и послѣ нея утѣшительныя слова: «во блокаду». «О чемъ Вашему Сіятельству всепочтительнѣйше имѣю честь довести»!

«Тѣмъ временемъ, въ разговорѣ главнокомандующаго съ начальникомъ штаба безпрестанно слышались слова: «все потеряно». Съ паденіемъ Ахалцыха безспорно должна была рушиться надежда на успѣшный ходъ будущей, такъ хорошо подготовленной кампаніи.

— «Не все еще потеряно, позволилъ себѣ произнести Вольховскій, скромнымъ голосомъ.

— «Это что еще! — крикнулъ Паскевичъ.

— «Извольте, Ваше Сіятельство, взглянуть на конецъ рапорта, Ахалцыхъ не взять турками, онъ ими только блокированъ и смѣло можно полагать, что князь Бебутовъ устоитъ противъ непріятеля, пока Муравьевъ и Бурцовъ подойдутъ къ нему на выручку».

«Паскевичу пришлось смутиться отъ напрасно надѣланной имъ тревоги».

Вольховскій «выносилъ на своихъ плечахъ всѣ приготовленія къ рѣшительной экспедиціи противъ Кази-Мехмета. Несмотря на то, что на немъ лежали всѣ должности, начальника штаба и оберъ-квартирмейстера... дѣло шло не останавливаясь». Онъ былъ неутомимо трудолюбивъ, добросовѣстенъ и отличался неизмѣнно-настойчивымъ терпѣніемъ... Вникая самъ во все, онъ предпочиталъ вмѣсто укора, собственнымъ трудомъ исправить невольную ошибку подчиненнаго и ни въ какомъ случаѣ не позволялъ себѣ рѣзкихъ выраженій. Между тѣмъ, самое легкое, можно сказать, дружеское замѣчаніе съ его стороны смущало... болѣе крикливыхъ и оскорбительныхъ «распеканій», которыми многіе начальники того, да и позднѣйшаго времени имѣли привычку надѣлать своихъ подчиненныхъ, полагая этимъ способомъ внушить къ себѣ страхъ и уваженіе. А происходило это отъ того, что Вольховскій, въ сознаніи своего достоинства, не чувствовалъ надобности отпугивать отъ себя людей, чтобы не подсмотрѣли чего, и проповѣдуя строгое исполненіе служебныхъ обязанностей не обиднымъ словомъ, а честнымъ примѣромъ, внушалъ каждому человѣку глубокое уваженіе къ своему характеру.

«Не въ смыслѣ анекдота, а въ смыслѣ дѣйствительнаго факта, подтвержденнаго мнѣ многими его товарищами, — говоритъ баронъ Торнау, — привожу

слѣдующую черту, доказывающую въ какой степени онъ былъ требователенъ къ самому себѣ, когда дѣло касалось службы. Не имѣя довольно времени на исполненіе обязанностей, лежавшихъ на немъ въ Малоазіатскую кампанію 1829 года, онъ рѣшился тратить на сонъ не болѣе шести часовъ въ сутки, и потому каждый разъ, когда его одолѣвала усталость, отмѣчала минуты, проведенныя въ дремотѣ для вычета ихъ общаго итога изъ ночного сна. Подобнаго рода точность было бы позволено отнести къ излишнему педантству или къ желанію отличить себя чѣмъ-нибудь особеннымъ, если бы цѣль и побужденіе, руководившія Вольховскимъ въ этомъ случаѣ, не были лишены всякаго личнаго расчета. Многотерпѣливый страдалецъ чужого, неимоვნно раздражительнаго самолюбія, онъ кончилъ тѣмъ, что былъ удаленъ изъ арміи, когда имъ же подготовленные успѣхи позволили обойтись безъ него» (ibid., стр. 425—426).

Изъ письма Энгельгардта къ Вольховскому отъ 5 сентября 1829 года мы узнаемъ о болѣзни Вольховскаго, вслѣдствіе чего онъ долго не писалъ Энгельгардту, что вызывало законное неудовольствіе со стороны послѣдняго на своего воспитанника. Вотъ, что пишетъ Энгельгардъ по этому дѣлу: «Рѣшительно было рѣшился на тебя сердиться, любезный Суворчикъ, не писать къ тебѣ, оклеветать тебя вездѣ и Богъ вѣсть что надъ тобою произвести за постоянное твое молчаніе—и крѣпился довольно долго, но вчера мнѣ Шубертъ сказалъ, что ты боленъ и отправляешься обратно въ Тифлисъ для правленія здоровья. Куда дѣвалась досада, куда гнѣвъ? Куда намѣреніе отнюдь не писать къ тебѣ, пока не получу отъ тебя посланія? Все это исчезло и вотъ уже я, помираясь совершенно съ тобою, пишу къ тебѣ, и между нами будь сказано, въ надеждѣ, что тебѣ пріятно будетъ побесѣдовать со мной.—Теперь, на досугѣ, ты уже вѣрно найдешь время отвѣчать мнѣ и вознаграждать за долгое лишеніе сего удовольствія, длиннымъ письмомъ и пространымъ донесеніемъ о своемъ житьѣ бытъѣ и обо всемъ до тебя относящемся. Чѣмъ же ты боленъ? Шубертъ говоритъ, что ты страдаешь грудью,—да вѣдь въ старые годы у тебя грудь не страдала, а были всегда хлопоты съ глазами. И то и другое непріятно, однако если непремѣнно надобно избрать одно изъ двухъ, то лучше, или по крайней мѣрѣ менѣе худо, имѣть больные глаза, нежели большую грудь. Напиши мнѣ подробно, что дѣлается съ твоею грудью; не грузъ ли навѣшенныхъ на грудь тебѣ крестовъ ее придавилъ? или то, что все это, какъ говорится, грудью взято? Получилъ ли ты мое письмо въ февралѣ, со вложеніемъ Георгіевской ленточки»¹⁾.

¹⁾ Въ этомъ же письмѣ интересны разсужденія Энгельгардта о политикѣ: «Насъ долго занималъ здѣсь вашъ Хозревъ-Мирза; но теперь уже онъ долженъ былъ уступить

Слѣдующее письмо Энгельгардта, отъ 17 ноября 1829 года, интересно во многихъ отношеніяхъ. Такъ, во-первыхъ, Вольховскій обидѣлся, или лучше сказать окрысился на то, что Энгельгардтъ его постоянно называетъ лицейскою кличкою: «Суворчикъ» и, вѣроятно, просилъ его въ письмѣ отъ 23 октября 1829 года, не дошедшемъ до насъ, дальше не употреблять это прозвище. Письмо Энгельгардта начинается слѣдующими словами: «Какъ ни жаль мнѣ, любезный, добрый мой Вольховскій, что ты не позволяешь мнѣ называть тебя прежнимъ, лицейскимъ еще прозвищемъ, но будь по твоему!» Во-вторыхъ, мы находимъ въ этомъ письмѣ, кромѣ подробностей о жизни воспитанниковъ 1 курса, товарищей Вольховскаго, еще очень интересную замѣтку о Пушкинѣ, брошенную Энгельгардтомъ мимоходомъ. Помимо подробностей о себѣ и о своемъ семействѣ, Энгельгардтъ опять возвращается къ болѣзни Вольховскаго. Участіе это и совѣты его трогательны, какъ совѣты родного отца къ своему сыну. Вотъ, что онъ пишетъ: «Письмо твое отъ 23 октября я получилъ, и хотя очень обрадовался полученію, но не столько содержанію, и именно состоянію твоего здоровья. Пушкина я никогда не вижу; онъ даже на улицѣ избѣгаетъ встрѣчи со мною, и такъ подробностей о твоёмъ житьѣ-бытьѣ никакихъ не получалъ ¹⁾, знаю только по рассказамъ нѣкоторыхъ, оттуда пріѣхавшихъ и по твоему письму, что твое здоровье очень разстроено. Помогай Богъ твоему, *лучшему въ Тифлисъ* доктору добраться до твоей печени и исправить ее,—но, прошу извиненія у Тифлискихъ Г-дъ Эскула-

мѣсто другому, занимательнѣйшему предмету—миру. Теперь куда ни послушай, только и слышишь людей, опредѣляющихъ рѣшительно, на какомъ основаніи онъ долженъ быть заключенъ. Я въ это не вмѣшиваюсь, про то старшіе знаютъ, но мнѣ кажется, что если когда-нибудь былъ удобный случай вытѣснить турецкое правительство изъ Европы и освободить отъ ужаснаго и постыднаго для человѣчества ига, народы проживающіе въ прекраснѣйшей, плодороднѣйшей странѣ Европы, то это теперь. Дѣло нами уже сдѣлано, надобно только, чтобы прочіе кабинеты отложили свой эгоизмъ (Sic). свое рѣшовагіе и соединяся *откровенно*, совершили великое дѣло человѣчества. Но этому вѣроятно не бывать; у семи нянекъ дитя обыкновенно бываетъ безъ глазъ. И такъ, были бы бѣдные греки свободны и самостоятельны, и получили бы мы нѣсколько сотъ возовъ съ червонцами и піястрами въ вознагражденіе нашихъ убытковъ и проторовъ военныхъ; а Дарданеллы я бы совѣтовалъ подкопать и взорвать на воздухъ, чтобы впредь не мѣшали.—Чу, не хотѣлъ я вмѣшиваться въ политику, а между тѣмъ какъ вижу не хуже другого толковалъ о томъ чего не понимаю. Не сказывай никому, что и я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло». Оканчивается письмо такъ: «Прощай, любезный Вольховскій, хоть пиши, хоть не пиши, а я уже не могу отстать отъ старой привычки любить тебя отъ всего лицейскаго сердца, какъ любилъ тебя прежде твой вѣрный другъ Егоръ Энгельгардтъ».

¹⁾ Вѣроятно, въ письмѣ отъ 23 октября Вольховскій писалъ Энгельгардту, что онъ (Энгельгардтъ) могъ получить свѣдѣнія о немъ отъ Пушкина, который, какъ всѣмъ извѣстно, встрѣтился съ нимъ на Кавказѣ, о чемъ и рассказалъ въ своей «Поѣздкѣ въ Арзрумъ». Самъ Энгельгардтъ въ письмѣ отъ 5 сентября 1829 г. писалъ Вольховскому: «Не видалъ ли ты Пушкина? Онъ поѣхалъ къ вамъ кажется за запасомъ. За этимъ

повь, не много полагаюсь на ихъ искусство; кто изъ хорошихъ врачей захочетъ туда захватить? У насъ на святой Руси все образованіе и вся ученость заключается въ Петербургѣ; тамъ ученые и полуученые выются въ лучахъ двора, какъ лѣтомъ мошки въ лучахъ солнца, а въ другіе города, особливо въ отдаленные, отправляются уже тѣ только, которые никакъ не могли попасть въ здѣшнюю кучу; отправляются туда для полученія чинишка или по какимъ-нибудь другимъ расчетамъ. Мы долго и много толковали о тебѣ и твоемъ положеніи съ Шубертомъ, который кажется тебѣ искренно преданъ и принимаетъ *доброе* участіе въ тебѣ, и мы, осмотрѣвъ со всѣхъ сторонъ всѣ, сколько намъ извѣстныя обстоятельства, находимъ, что лучше бы всего тебѣ какою-нибудь хорошею манерою изъ того края выбратся, коего климатъ никакъ не удобенъ для поправленія твоего здоровья, и гдѣ по всей вѣроятности не мошешь (Sic) ты имѣть тѣхъ способовъ лѣчиться, какъ напримѣръ здѣсь, гдѣ лучшіе опытнѣйшіе врачи, и друзья твои въ состояніи будутъ доставить тебѣ тѣ способы къ поправленію твоего здоровья, коихъ ты тамъ между чужими и въ глуши не найдешь.—Шубертъ хотѣлъ еще о томъ подумать, а какой будетъ окончательный результатъ о томъ я тебя увѣдомлю. Между тѣмъ, ты бы мнѣ, безъ отлагательства, написалъ, что думаешь ты о нашемъ планѣ, который мы считаемъ очень хорошимъ. Будучи здѣсь, тебѣ гораздо легче будетъ высмотрѣть себѣ такое мѣсто, гдѣ бы и при разстроенномъ здоровьѣ могъ ты посвятить дѣятельность свою и способности на какое-либо общепольное занятіе по службѣ, болѣе соотвѣтствующее твоему положенію и желаніямъ, нежели мѣсто оберъ-квартирмейстера въ мирное время и въ нездоровомъ краю. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю по сему предмету нѣсколькихъ отъ тебя строкъ. Письма твоя ко мнѣ кажется вѣрнѣе всего дойдутъ, если ты вложишь ихъ въ обертку на имя Ф. Ф. Шуберта.

«О Шульцѣ не знаю, что тебѣ и сказать; я его давно давнымъ уже не видалъ, но слышалъ, что онъ ѣдетъ съ кѣмъ-то въ чужіе края, и что ему обѣщали мѣсто при какомъ-то посольствѣ,—правда-ли, или нѣтъ, не знаю.—Коль скоро увижу его, то не премкну сообщить ему свѣденія отъ тебя полученныя. Кажется, что и его Кавказъ и *Закавказіе*—устрашаютъ; меня бы туда и калачемъ не заманило ¹⁾).

дѣло не станеть, есть о чемъ воспѣвать; что то дастъ онъ намъ». Въ этомъ отношеніи Энгельгардтъ ошибался, какъ и всѣ тогдашніе журналисты. Въ предисловіи къ своему путешествію Пушкинъ пишетъ: «*Искать вдохновенія* всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудою: вдохновенія не сыщешь; оно само должно найти поэта. Пріѣхать на войну съ тѣмъ, чтобъ воспѣвать будущіе подвиги, было бы для меня съ одной стороны слишкомъ самолюбиво, а съ другой—слишкомъ непристойно. Я не вмѣшиваюсь въ военныя сужденія. Это не мое дѣло».

¹⁾ По поводу этого Шульца мы имѣемъ письмо Энгельгардта къ Вольховскому отъ 15 сентября 1829 года слѣдующаго содержанія: «Любезный Вольховскій. Все лицей-

О жизни Вольховскаго на Кавказѣ мы находимъ также еще нѣкоторыя свѣдѣнія въ перепискѣ директора Лицея Энгельгардта съ Матюшкинымъ.

«О нашихъ лицейскихъ мало новаго, кромѣ Георгіевскаго креста, который наконецъ явился на груди давно уже заслужившаго оный нашего Суворчика—Вольховскаго; ты знаешь, вѣроятно, что онъ находится оберъ-квартирмейстеромъ при графѣ Паскевичѣ»—писаль Энгельгардтъ своему ученику Матюшкину отъ 25 февраля 1829 года.

Отъ 18 ноября 1829 года онъ пишетъ: «Вольховскій въ Тифлисъ въ чахоткѣ». Нѣсколькими строками ниже онъ продолжаетъ:

«Вотъ и всѣ; съ прочими дѣло идетъ кое-какъ хорошо, и съ Вольховскимъ было повезло: Анна съ брилліантами, шпага за храбрость, полковникъ, Владимиръ 3-й, Георгій 4-й и Оберъ-Квартирмейстеръ отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса; но всѣ эти почести стоили ему здоровья; онъ долго и слишкомъ долго крѣпился и перемогался, наконецъ уже стало не въ моготу: онъ принужденъ былъ возвратиться въ Тифлисъ, гдѣ теперь лежитъ со всеми признаками чахотки. Богъ знаетъ, какіе тамъ врачи,—досадно еслибъ они ухаживали нашего Суворчика; а онъ было попалъ на стезю, чтобы прославить Лицей. Я теперь хлопочу, чтобы его какъ-нибудь сюда выписать; авось-либо удастся здѣсь при хорошей врачебной помощи и ухаживаніемъ выправить его». Въ томъ же письмѣ мы читаемъ: «Пушкинъ пріѣхалъ... отъ него мы узнаемъ подробности о Вольховскомъ, у коего онъ жилъ въ Тифлисъ». Въ письмѣ отъ 6 февраля 1830 года онъ замѣчаетъ: «Бѣдный Вольховскій при своемъ оберъ-квартирмейстерствѣ, хотя и поймалъ въ продолженіи кампаніи Анну съ алмазами, Владимира 3-го, Георгія 4-го, золотую шпагу за храбрость и чинъ полковника, но потѣрялъ здоровье; онъ страдаетъ чрезвычайно глазами и грудью и теперь въ отпуску въ Воронежѣ». Въ письмѣ отъ 7 апрѣля 1830 года Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину: «Вольховскій, нашъ Суворчикъ, получилъ отпускъ для излѣченія себя; онъ теперь живетъ въ Воронежѣ у родныхъ и при ихъ холѣ и искусствѣ находящагося тамъ хорошаго врача, надѣится возвратитъ потерянное здоровье».

ское тебѣ не чуждо, а потому и увѣренъ я, что ты употребашъ все отъ тебя зависящее, чтобы помочь бывшему лицейскому гувернеру, надворному совѣтнику Шульцу, которому графъ Эриванскій чрезъ Ивана Павловича Шапова общалъ потребовать его къ себѣ и употребить его. Это человѣкъ, котораго можно употреблять и за котораго стоитъ похлопотать.—Я болѣе ничего не прибавляю и болѣе тебя не прошу.—Знай, что дѣлать. Я надѣюсь, что ты получилъ мое письмо на прошедшей недѣлѣ чрезъ Шуберта отправленное, а болѣе еще надѣюсь, что ты увѣдомишь меня нѣсколькими строками о своемъ здоровѣи и житьѣ-бытьѣ. Прошай, любезный Суворчикъ, твой вѣрный другъ Егоръ Энгельгардтъ».—Шульцъ былъ гувернеромъ съ 1824—1829 г.

Вольховскій у отца своего въ Воронежѣ.—Эпизодъ дѣтства.— Письма И. В. Малиновскаго къ Вольховскому въ Воронежѣ.— Вольховскій сваряжаетъ въ Сибирь жену декабриста Розена, сестру И. В. Малиновскаго.— Хлопоты Вольховскаго о переводѣ съ Кавказа (письма Энгельгардта)—Пріѣздъ въ Петербургъ.— Назначеніе Генеральнымъ Консуломъ въ Египеть.— Командированъ, временно, въ дѣйствующую противъ польскихъ мятежниковъ армію къ 6-му пѣхотному корпусу.— Участвуетъ въ польской кампаніи 1831 года.— Въ битвѣ при Гроховѣ получаетъ чинъ генераль-маіора.

Въ февралѣ 1830 года мы застаемъ Вольховскаго въ Воронежѣ, гдѣ онъ находится у престарѣлаго отца, удрученнаго болѣзнию. Здѣсь будетъ кстати привести фактъ сыновней любви Вольховскаго. За нѣсколько лѣтъ предъ этимъ, когда у отца, пріѣхавшаго нарочно въ С.-Петербургъ, сняли съ глазъ катаракты, Владиміръ Дмитріевичъ имѣлъ сердечное утѣшеніе—быть своему отцу отрадой: въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль неразлучно жилъ съ нимъ въ темной комнатѣ, пока настало назначенное врачами время, когда отецъ его могъ безопасно глядѣть на свѣтъ дневной; на это время Вольховскій какъ бы исчезъ изъ круга Лицейскихъ товарищей и тщательно скрывалъ отъ нихъ этотъ подвигъ сыновней любви.

Къ пребыванію Вольховскаго въ Воронежѣ относятся нѣкоторыя письма его друга Малиновскаго. Очень интересно письмо его отъ 22 января 1830 г. Вотъ, что онъ ему пишетъ изъ Каменки:

«Любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ! Суворочка и Sapiaientia! Еслибъ ты не отгадалъ, что Малиновской тотъ же Лицейской козакъ, то вѣрно не родилась бы у тебя щастливая мысль своротить на *г. Изюмъ* (въ село Каменку 7 верстъ по большой дорогѣ. Мы всѣ кромѣ дади и брата Осипа въ деревнѣ и ты будешь первымъ Лицейскимъ гостемъ, какъ я радъ буду принять тебя для того, чтобы отдать откровенной отчетъ моихъ дѣяній Sapiaentiae.

«Твое письмо доставлено было ко мнѣ съ фольянтною почтою блеснулъ твой почеркъ и я отъ радости, что ты бывши въ отпуску не проѣдешь меня, о чемъ уже зналъ чрезъ проѣзжихъ съ Кавказа, поцѣловалъ ручку моей

дамы въ кадрили-французѣ.—Приѣзжай! (Sic) Зъ длинныхъ недѣли до половины февраля постараюсь сократить исполненіемъ возложенныхъ на меня порученій—буду дома или въ Изюмѣ спрости Предводительской дворецъ и ты найдешь съ тѣми же живыми чувствами, но при весьма крутыхъ, отъ усердія къ исполненію должности, обстоятельствахъ отъ души тебѣ преданнаго И. Малиновскій...

«Ты ничего не пишешь, у кого ты въ Воронежѣ у кого изъ родныхъ и съ братомъ ли Гренадеромъ? До приѣзда скажи еще слово—жить съ надеждою утѣшно, но ожиданіе томительно—приѣзжай скорѣе».

Какъ видно изъ письма Малиновскаго отъ 1 марта 1830 г., Малиновскій собирался самъ приѣхать къ нему въ Воронежъ. Въ этомъ письмѣ интересна еще слѣдующая фраза: «Вообрази, Анна Васильевна ѣдетъ непременно къ мужу,—а дитя остается». Это говорится о его сестрѣ—баронессѣ Розенъ, которая уѣзжала къ мужу въ Сибирь. Въ письмѣ же отъ 22 марта 1830 г. онъ пишетъ изъ Изюма: «Послѣднее письмо твое вознаградило меня за 180 верстъ путешествія и замѣнило свиданіе съ тобою;—рѣчки воротили меня.—Еслибъ не по обязанности службы опасался, чтобы не засѣсть въ Воронежѣ, то я бы воды не побоялся.—Итакъ увидится (?) должно намъ, но когда и гдѣ не знаю,—до совершеннаго возобновленія сообщенія.

«Если ты сверхъ обязанности не оставляешь Батюшку еще рапортуешься больнымъ, то стало быть тебѣ нельзя и отъѣхать;—а что ты не ворочаешься на Кавказъ я радъ,—ибо видѣлъ проѣздомъ чрезъ Харьковъ Нумерса и онъ пояснилъ мнѣ твои обстоятельства—но душевно желалъ бы тебя самага видѣть, слышать и даже осязать бакины.

«Ты сдѣлаешь христіанское дѣло для брата Андрея твоимъ приѣздомъ;—обстоятельства забли молодца,—и физика и психа все страдаетъ въ немъ, нельзя ли разговѣвшись прикатить — ты поемѣшься, если скажу, что тебѣ легче (:)—служба по выборамъ дворянъ хуже службы (присяжной) или по собственному выбору,—дьявольская отвѣтственность и бездна порученій. Всѣмъ домомъ благодаримъ тебя за память твою—и я твой навсегда И. Малиновскій.

«(P. S.). А у насъ все не по людски: поднимаются обыкновенно изъ холодныхъ странъ въ теплыя,—а сестра А. В. отъ тепла къ холоду и путешествіе далѣе не отлагаетъ, какъ до лѣтней дороги.—Ты бы ее засталъ на мѣстѣ и мы бы отправили имъ по спасибо¹⁾».

Въ письмѣ же изъ Изюма отъ 3 мая 1830 г. Малиновскій писалъ: «Знаешь ли что послѣднее письмо твое, любезной Вольховской, еще сильнѣе

¹⁾ Адресъ: «Его Высокоблагородію Милостивому Государю Владимиру Дмитріевичу Вольховскому. Въ гор. Воронежѣ. Грузинскаго корпуса г-ну оберъ-квартирмистру».

заставило почувствовать мою неудачу обнять тебя въ Воронежѣ». Такимъ образомъ, изъ этого письма мы видимъ, что Малиновскому не удалось встрѣтиться въ Воронежѣ съ Вольховскимъ. И въ этомъ письмѣ Малиновскій возвращается къ судьбѣ своей сестры—баронессы Розенъ и рисуетъ намъ тѣ нравственныя муки, которыя переживало все семейство Малиновскихъ въ это горестное для нихъ время: «Ты былъ счастливъ, пишетъ Малиновскій къ Вольховскому, что послѣ многихъ лѣтъ встрѣтилъ вмѣстѣ съ родными день праздника;—а мы въ нашемъ горе боялись встрѣтятся взорами. Зайди взглянуть въ Москвѣ, въ домъ Сенатора Малиновскаго скажутъ, когда будутъ и гдѣ остановились?—всѣ кромѣ брата и меня ѣдутъ провожать Анну Васильевну къ мужу до Москвы.—Взгляни и разгадай, чѣмъ можно еще уменьшить всю горечь горя!»

Вольховскій принялъ горячее участіе въ судьбѣ сестры своего товарища—Малиновскаго. Проѣздомъ черезъ Москву въ 1830 г. ¹⁾ онъ встрѣтился съ нею и оказалъ ей неоцѣненныя услуги при сборахъ ея въ Сибирь къ мужу своему Розену. Такимъ образомъ, декабрьское возмущеніе, помимо того, что принесло лично Вольховскому много хлопотъ и нравственныхъ потрясеній, дало ему возможность проявить свои душевныя, христіанскія добродѣтели, проявить любовь свою къ ближнему. Это мы и видимъ въ участіи его въ судьбѣ жены и ребенка декабриста Розена. Вотъ, что пишетъ по этому поводу Розенъ въ своихъ запискахъ: «Изъ прощающихся съ нею (Анною Васильевною, баронессою Розенъ) послѣднія минуты (передъ отъѣздомъ изъ Москвы), случился тутъ предъ самымъ отъѣздомъ хорошій и близкій знакомецъ съ юныхъ лѣтъ первый воспитанникъ перваго выпуска изъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея Гвардейскаго Генеральнаго Штаба полковникъ В. Д. Вольховскій. Жена моя не хотѣла уѣхать первая, посадила сына въ карету и благословила его, когда тронулась карета, она сѣла въ свою коляску и изъ тѣхъ же воротъ повернула въ противную сторону». Но здѣсь случилась задержка: коляска сломалась и ей пришлось вернуться. Этотъ случай былъ замѣченъ Вольховскимъ, и онъ позаботился о починкѣ экипажа, который и былъ готовъ черезъ три часа. «Можно себѣ представить, какъ эти три часа показались безконечными для бѣдной матери; въ первую минуту она хотѣла послать воротить карету, но одумалась, припомнивъ взаимную борьбу перваго разставанія. В. Д.

¹⁾ Въ Москвѣ Вольховскій былъ въ первыхъ числахъ мая, какъ это видно изъ письма Ангельгардта къ Вольховскому отъ 2 мая 1830 г., въ которомъ онъ пишетъ: «По твоимъ расчетамъ, ты въ первыхъ числахъ сего мѣсяца въ Москвѣ, а потому я сіи строки отправляю къ Данзасу, съ препорученіемъ навѣдываться о твоёмъ прибытіи и доставить тебѣ мое письмецо. Между 15 и 20 числомъ и я думаю выѣхать отсюда въ Москву, а потомъ далѣе въ Пермь, и такъ легко быть можетъ, что мы еще въ Вѣлокаменной увидимся, чтобы (Sic) меня весьма радовало».

Вольховскій, въ которомъ она тогда не могла предугадать будущаго брата и отца для своего сына, проводилъ ее послѣдній, а далѣе провожалъ ее Господь» (Записки Розена, стр. 242—244).

Пребываніе Вольховскаго въ Воронежѣ было вызвано не только желаніемъ повидаться съ отцомъ, но и стояло въ связи съ размолвкою его съ Паскевичемъ и неизбежными вслѣдствіе этого неудовольствіями по службѣ. Хотя у насъ нѣтъ писемъ Вольховскаго, относящихся до этого періода его жизни, но изъ отвѣтныхъ писемъ Энгельгардта къ нему мы можемъ себѣ представить его тогдашнее положеніе. Въ письмѣ отъ 29 Января 1830 г. Энгельгардтъ отвѣчаетъ Вольховскому: «Письмо твое изъ Воронежа отъ 17 сего мѣсяца (т. е. января 1830 г.) я получилъ спустя 10 дней, слѣдовательно, довольно изправно, и если мое посланіе почта повезетъ также скоро, то ты кажется получишь оное къ 10 февраля. Сказать тебѣ имѣю мало, и утѣшительнаго ничего. По препорученію твоему я справлялся здѣсь на щетъ участи твоего письма къ Сухтелену, — оно тебѣ ни къ чему не поможетъ и по совѣту знающихъ дѣло совѣтую тебѣ: обыкновеннымъ чередомъ представить *тамошнему* начальству законное свидѣтельство о болезни, и на основаніи онаго просить *тамъ* о продолженіи отпуска *то же мѣсяцъ, отъ котораго данъ былъ первый*. Теперь другого ничего дѣлать нельзя и не должно, и объ опредѣленіи какомъ-либо здѣсь думать нѣчего (Sic). Что развѣ дастъ Богъ впредь.—Поѣзжай въ Кременчугъ ли, или оставайся въ Воронежѣ, какъ хочешь и какъ лучше, но только займись основательно поправленіемъ своего здоровья, это главное, а прочее все пустякъ, и при хорошемъ здоровьѣ можно философски многое переносить. Я говорю изъ собственнаго опыта: съ чистою совѣстью и хорошимъ здоровьемъ можно быть довольнымъ даже въ несчастіи и при самыхъ непріятнѣйшихъ обстоятельствахъ; и такъ, — у тебя совѣсть чиста; поправь здоровье и ожидай спокойно, что судьба тебѣ присудитъ. Наконецъ все къ лучшему; покойникъ Карамзинъ написалъ мнѣ въ мою памятную книжку:

«Мы видимъ счастья тѣнь въ мечтахъ земнаго свѣта;
«Есть счастье гдѣ-нибудь—нѣтъ тѣни безъ предмета!»

Въ *post-scriptum*'ѣ письма замѣчаетъ: «Федоръ Федоровичъ (т. е. Шубертъ) тебѣ кланяется и тебя любитъ. Я писалъ съ его совѣта». Оканчивается письмо слѣдующими замѣчательными строчками: «Прощай, любезный Вольховскій, я какъ всегда былъ такъ до могилы, а велитъ Богъ, и за оною буду вѣрнымъ твоимъ другомъ Егоръ Энгельгардтъ».

Это довольно туманное начало письма, неопредѣленность выраженій его объясняется другимъ письмомъ Энгельгардта, отъ 12 февраля 1830 г., въ которомъ онъ пишетъ: «Послѣднее мое письмо къ тебѣ, любезный Вольховскій,

я написалъ въ странномъ какомъ-то и необыкновенномъ во мнѣ расположеніи духа; меня такъ напугали перечитываніемъ писемъ на почтѣ и пр. и пр., такъ нарекомендовали крайнюю осторожность во всемъ и пр. и пр., что я самъ не зналъ какъ и что писать.—Теперь кажется горизонтъ твоихъ дѣлъ прояснился и я могу тебѣ понятнѣе и обстоятельнѣе объяснить, что дѣлается, а именно: письмо твое Гр. С. ¹⁾ хотя и получилъ и совершенно одобряетъ во всемъ твои поступки, но по врожденной и непреоборимой своей робости и нерѣшительности, не рѣшился пустить оное въ ходъ. Вѣроятно ты теперь уже получилъ отъ него, какъ кажется, *безимянную* записку, содержащую совѣтъ просить о продолженіи твоего отпуска, тамшнее свое начальство съ представленіемъ законныхъ свидѣтельствъ о болѣзни. Вотъ все, на что могъ онъ рѣшиться, и болѣе отъ него не ожидай! Но дѣло тѣмъ не испорчено, а можетъ быть еще улучшено; Ф. Ф. Ш. ²⁾ доставилъ твое письмо въ подлинникъ Чернышеву, который показалъ оное въ добрый часъ Царю; оно со вниманіемъ прочтено, и какъ кажется принято хорошо и *будетъ уважено*; но, дѣло это не можетъ быть круто поворочено, а требуетъ осторожности и времени, чтобы выручить тебя оттуда, не оскорбляя и не раздраживъ тамшняго большака. По всемъ собраннымъ мною, съ трехъ разныхъ сторонъ, согласныхъ между собою, и потому вѣрнымъ, свѣдѣніямъ, мнѣніе здѣсь совершенно въ твою пользу и тебѣ хотятъ помочь, но только съ соблюденіемъ осторожности. И такъ, я полагаю, что получивъ продолженіе отпуска, котораго тебѣ отказать не могутъ, ты долженъ терпѣливо выжидать, что Богъ поплетъ здѣшнимъ командирамъ на умъ, для тебя сдѣлать, — а они къ тебѣ хорошо расположены. Я же съ своей стороны не упущу случая напоминать и понукать, и если нужно увѣдомлять тебя о томъ, что дѣлается»... Наконецъ, въ письмѣ отъ 2 мая 1830 г. мы читаемъ слѣдующее: «Стевенъ очень много обрадовалъ меня, любезный Вольховскій, сообщеніемъ твоего письма, изъ коего я увидѣлъ, что здѣшнія общія изволенія исполнены; это не всегда бываетъ. Теперь дѣло на ладу и нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени ты будешь опять у насъ, ибо съемка казенныхъ лѣсовъ и пр. есть не что иное, какъ способъ выручать тебя безъ шума изъ Кавказа. Ф. Ф. Шубертъ поручилъ мнѣ тебѣ сказать, чтобы ты былъ спокоенъ, все пойдетъ на ладъ. Я также видѣлся вчера съ Нейдгардтомъ ³⁾

¹⁾ Графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ.

²⁾ Федоръ Федоровичъ Шубертъ.

³⁾ Нейдгардтъ, Александръ Ивановичъ, род. 1784 г., † 1845 г. Въ апрѣлѣ 1830 г. назначенъ исправляющимъ должность генераль-квартирмейстера Главнаго Штаба Его Величества. Съ началомъ возмущенія въ Царствѣ Польскомъ былъ назначенъ генераль-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи; въ 1841 г. былъ назначенъ главноуправляющимъ Закавказскаго края и командующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ. См. Энциклопед. воен. и морск. наукъ, составл. подъ ред. Леера, стр. 347.

занимающимъ теперь мѣсто Сухтелена; и онъ очень хорошо къ тебѣ расположенъ и общалъ мнѣ все отъ него зависящее употребить въ твою пользу. Итакъ, я считаю это дѣло конченнымъ и, спасибо Богу и добрымъ людямъ, за правду стоящимъ, хорошо конченнымъ».

Изъ всѣхъ приведенныхъ выдержекъ изъ писемъ Энгельгардта видно, что Вольховскій во время своего пребыванія въ Воронежѣ усиленно хлопоталъ о своемъ перемѣщеніи съ Кавказа ¹⁾. Чтобы попасть въ Воронежъ къ своему отцу, онъ испросилъ у Паскевича отпускъ въ 1829 году съ 3 декабря на три мѣсяца, т. е. по 3 марта 1830 г. Въ это время онъ и хлопоталъ о своемъ перемѣщеніи. Въ формулярѣ сказано: «февраля 16, 1830 г. предписано ему (т. е. Вольховскому) дожидаться въ Воронежѣ повелѣнія главнокомандовавшаго отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ объ отправленіи къ новому назначенію». Это показываетъ намъ, что хлопоты друзей Вольховскаго въ Петербургѣ увѣнчались успѣхомъ: ему было предписано оставаться въ Воронежѣ и дожидаться извѣщенія отъ Паскевича, такъ какъ о перемѣщеніи его долженъ былъ увѣдомить непосредственный начальникъ. Формуляръ продолжаетъ: «по полученіи коего (т. е. повелѣнія) съ разрѣшенія начальства прибылъ въ С.-Петербургъ». Въ Петербургѣ 22 ноября 1830 г. назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Египеть, но временно командированъ въ дѣйствующую противъ польскихъ мятежниковъ армію къ VI пѣхотному корпусу.

Намекъ, какимъ образомъ случилось это назначеніе, мы находимъ въ «Запискахъ декабриста».

Въ 1830 году Вольховскій поѣхалъ въ отпускъ, проводилъ жену Розенъ въ Москву, а къ зимѣ спѣшилъ въ Петербургъ. «Когда онъ, говоритъ Розенъ, представлялся Дибичу въ Мраморномъ дворцѣ, то какъ только Графъ Забалканскій увидѣлъ его входящаго, то устранилъ много генераловъ, стоявшихъ впереди, и съ распростертыми объятіями встрѣтилъ прибывшаго Вольховскаго, и предложилъ ему другую службу въ другомъ мѣстѣ; тогда готовились дѣйствовать сперва противъ Людовика Филиппа, послѣ — противъ поляковъ.— Вольховскій былъ произведенъ въ генералы на тридцатомъ году своей жизни,

¹⁾ Живя въ Воронежѣ, Вольховскій не погрязъ въ тинѣ провинціальной жизни, но интересовался, кромѣ своихъ служебныхъ дѣлъ, дѣлами общественными, литературными новинками и книгами. Книги, какъ видно, служили ему утѣшеніемъ во время пребыванія у старика отца, въ Воронежѣ. Комиссіонеромъ по доставкѣ ему книгъ по его реестрамъ и отсылѣ ихъ въ Воронежъ былъ его товарищъ Ф. Х. Стевенъ. Объ одной изъ подобныхъ комиссій Стевенъ сообщаетъ ему въ письмѣ, отъ 8 мая 1830 г.: «Еще до полученія послѣдняго письма вашего, любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ, я отправилъ нѣсколько книгъ, а именно: Contes de Guizot, Vorübungen, Robinson, книга для чтенія дѣтей, пѣною всего на 29 р. 40 к., по данному адресу въ Воронежъ; о реестрѣ же другимъ подобнымъ книгамъ я ничего не зналъ и потому не могъ приложить; но если вы желаете, то легко таковой и нынѣ отправить по почтѣ».

назначенъ былъ находиться при отдѣльномъ корпусѣ, коимъ командовалъ баронъ Г. В. Розень, съ которымъ ближе познакомился» (Записки, стр. 361). Здѣсь декабристъ баронъ Розень ошибается: Вольховскій получилъ чинъ генерала не по милости Дибича, а взялъ генеральскія эполеты съ боя подъ Прагою, на Гроховскихъ поляхъ, гдѣ подъ нимъ была убита лошадь (какъ это будетъ видно ниже).

Нѣкоторыя подробности пребыванія Вольховскаго въ Петербургѣ мы находимъ въ письмѣ Энгельгардта къ Матюшкину отъ 22 января 1831 г. Энгельгардтъ пишетъ: «Суворчикъ нашъ было къ тебѣ покатылъ; его назначили нашимъ Генеральнымъ Консуломъ въ Египеть; порученіе пріятное само собою, но болѣе еще по лѣстнымъ отзывамъ начальниковъ и приему самаго Царя, который при представленіи публично подошелъ къ Вольховскому и, взявъ его руку, сказалъ: «Мнѣ пріятно возобновить личное съ вами знакомство; ваша отличная служба и достоинство мнѣ извѣстны, я умѣю ихъ цѣнить. Вы въ полной мѣрѣ оправдали ожиданія, какія должно было на щетъ вашъ (Sic) имѣть, по способностямъ вашимъ и *по отличному воспитанію*, какое вы получили. Поминайте мои слова». God save the king! Скромнаго Вольховскаго оцѣнили, какъ должно, и *воспитанію* его отдали справедливость! God save the king!» Далѣе въ этомъ же письмѣ Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину еще слѣдующее: «Вольховскій уже снаряжался совѣмъ въ путь къ Пирамидамъ, какъ вдругъ вспыхнула Варшавская блажь и дурь; и вмѣсто Александріи его отправили въ Польшу оберъ-квартирмейстеромъ при генералѣ Нейдгардтѣ. Съ Богомъ! Кажется наши молодцы скоро уймуть сумозбродныхъ ляховъ; и если не помѣшаютъ генеральскіе эполеты,—нашъ Суворчикъ еще нынѣшнимъ лѣтомъ можетъ отправиться въ Александрію. Если увидишься съ нимъ, то не забудь мой ему поклонъ» (въ то время Матюшкинъ былъ съ эскадрою въ Средиземномъ морѣ). Отъ 18 марта 1831 года онъ пишетъ: «Суворчикъ нашъ тоже въ Польшѣ, вмѣсто того чтобы быть Генеральнымъ Консуломъ въ Эгиптѣ онъ сдѣлался оберъ-квартирмейстеромъ при одномъ изъ корпусовъ, дѣйствующихъ противъ ляховъ. Дай Богъ въ добрый часъ!—Изъ письма моего, въ январѣ къ тебѣ пущеннаго, ты знаешь все, что съ нимъ дѣлалось и сдѣлалось».

За время нахождения Вольховскаго въ дѣйствующей арміи противъ польскихъ мятежниковъ мы имѣемъ нѣсколько писемъ къ нему Энгельгардта, интересныхъ какъ по взглядамъ на поляковъ, такъ и въ отношеніи дѣлъ самого Вольховскаго. Въ письмѣ отъ 28 марта 1831 года Энгельгардтъ пишетъ: «Богъ тебѣ на душу положилъ, любезный Вольховскій, обрадовать меня своимъ письмецомъ. Ты знаешь меня, знаешь что *ты* мнѣ, и такъ я не имѣю надобности сказать тебѣ о моемъ безпокойствѣ, зная тебя окружен-

нымъ ядрами, пулями и тысячами смертей. Ближе же къ тебѣ подходило! Слава Богу, что ты уцѣлѣлъ; Онъ же да поможетъ и впредь, чтобы удары всѣ проходили выше или ниже тебя. Не оставляй меня долго безъ вѣсточки о себѣ; какъ бы ни были велики недосуги, но все найдется минута свободная, чтобы въ нѣсколькихъ строкахъ сказать старому Директору-другу, что Вольховскій живъ, цѣлъ и помнить его и любить; это нужно мнѣ для спокойствія душевнаго.

«Отъ всего сердца желаю, чтобы надежда твоя исполнилась — que le combat finisse, faute de combattants (Sic! combattants); это надобно желать для насъ, для человѣчества и даже для нынѣшнихъ нашихъ непріятелей поляковъ, хотя они и не стоятъ того, чтобы много объ нихъ жалѣть. Едва ли можно найти что-нибудь глупѣе и безразсуднѣе ихъ предпріятія; всю эту варшавскую революцію можно описать словами, которыя Франклинъ предлагалъ написать на надгробный камень одного мнимо-больнаго, который умиралъ себя лекарствомъ: I was well, would be better, took physick and—died, т. е. *Я былъ здоровъ, захотѣлъ быть здоровѣе, принялъ лекарство и—умеръ*. Это точно исторія варшавскихъ патриотовъ!—Я не сомнѣваюсь, что ихъ усмирять, но жаль и досадно, что отъ ихъ безразсудности разстроится совершенно процвѣтающее истинно благодѣяніе этого края, гдѣ Самодержавный Царь *добровольно* подалъ любопытный примѣръ самоотверженія.—Варшавская Конституція была *первая* въ Европѣ данная *Государемъ, добровольно*, своимъ подданнымъ. Что будетъ съ Варшавцами, не знаю; но не могу не сожалѣть о несчастныхъ заблужденныхъ въ нашихъ такъ называемыхъ польскихъ губерніяхъ, которые, какъ видно изъ опубликованнаго вчера манифеста, также начали бунтовать и крамольничать; та же сказка: I was well, would be better, took physick and—died.

— «Да полно говорить о полякахъ, и о дѣлахъ, которыя обдѣлаются безъ насъ, про то старшие знаютъ.— Я былъ съ Романомъ Федоровичемъ ¹⁾ у Родофиникина ²⁾, чтобъ узнать какъ состоитъ твое египетское дѣло; вотъ

¹⁾ Баронъ Романъ Федоровичъ фонъ-дербъ-Остенъ—Сакенъ родился въ 1792 г., † въ 1864 г., въ теченіе 54 лѣтъ принималъ дѣятельное участіе въ разрѣшеніи политическихъ вопросовъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ («Рус. Энцикл. Слов.», изд. Березинымъ, т. III, стр. 310); былъ женатъ на дочери Е. А. Энгельгардта, Бетси-Елизаветѣ, род. въ 1805 г. Очень интересный отзывъ о немъ даетъ въ своихъ воспоминаніяхъ за время съ 1849 по 1852 г. графъ Оттонъ де-Бре, который пишетъ: «При сношеніяхъ съ нѣмецкимъ правительствомъ, какъ редакторъ бумажъ извѣстнаго баронъ Остенъ-Сакенъ, пользующійся славою осторожнаго и тонкаго стилиста и человѣка, основательно знакомаго съ положеніемъ дѣлъ Германіи» («Рус. Стар.» 1902 г., т. СХІХ, янв., стр. 127, статья: «Императоръ Николай I и его сподвижники»).

²⁾ Родофиникинъ, Константинъ Константиновичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ; былъ нашимъ консуломъ въ Сербіи, позднѣе, въ теченіе продолжительнаго вре-

что онъ намъ сказалъ: *espérant ravoir. Mr. de Volchovsky, nous ne songeons nullement à lui trouver, ni même à chercher, un remplaçant; la place lui est conservée vacante et nous attendons qu'il vienne la prendre. Il n'y a que deux obstacles que nous reconnoissons comme valables, savoir: les epaulettes de général, ou un boulet de canon. Je vous prie de dire cela de ma part à Mr. de Volchovsky. (Въ надеждѣ получить господина Вольховскаго, мы вовсе не домогаемся имѣть или сыскать ему замѣстителя; мѣсто, предназначенное ему, остается вакантнымъ и мы ждемъ, чтобы онъ его занялъ. Существуютъ только двѣ преграды, которыя мы признали бы существенными, а именно: генеральскія эполеты или пушечное ядро. Я прошу Васъ все это передать отъ меня господину Вольховскому).*

— «Это кажется довольно ясно и положительно, и по всему, что сказалъ намъ Родофиникинъ въ продолженіе разговора, кажется, что онъ говоритъ искрѣнно. Итакъ, окончивай скорѣй усмиреніе ляховъ, явись сюда и поѣзжай въ Египтъ». Кромѣ этого письма слѣдуетъ обратить вниманіе еще на письмо отъ 28 апрѣля 1831 г. ¹⁾. Въ этомъ письмѣ Энгельгардтъ опять возвращается къ вопросу о назначеніи Вольховскаго въ Египетъ. Вотъ, что онъ ему пишетъ: «По полученіи предидущаго твоего письма, любезный Вольхов-

мени, управлялъ въ С.-Петербургѣ Азіатскимъ департаментомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ былъ членомъ Совѣта и наконецъ директоромъ государственнаго архива. Изъ дневника П. Г. Дивова, отъ 16 мая 1838 г., мы извлекаемъ слѣдующія интересныя строки: «Я прочелъ къ иностранныхъ газетахъ, что въ отсутствіе гр. Нессельроде министерствомъ иностранныхъ дѣлъ будетъ управлять Родофиникинъ. Это было несправедливо со стороны графа, но онъ не могъ не удовлетворить честолюбія человѣка, завѣдующаго всѣми его денежными дѣлами. Такъ - то все дѣлается на этомъ свѣтѣ» («Рус. Стар.» 1902 г., т. СХ, июнь, стр. 636). Наконецъ, Дивовъ въ своемъ дневникѣ, отъ 30 мая 1838 г., пишетъ слѣдующее: «Сегодня, въ 4 часа утра, скончался г. Родофиникинъ, проболевъ всего 4 дня. Созванъ Совѣтъ департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ я предсѣлательствовалъ, какъ старшій въ чинѣ; рѣшено сообщить о смерти Родофиникина Сенату и предсѣдателя совѣта министровъ. Члены совѣта заблаговременно предложили мнѣ вести временно свѣщенія съ дипломатическимъ корпусомъ. Рѣшено послать графу Нессельроде въ Карлсбадъ курьера съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ. Это огромная потеря для вице-канцлера. Это также большая потеря и для службы, такъ какъ онъ былъ весьма свѣдущъ и ловокъ въ дѣлахъ... Юня 3. Сегодня хоронили Родофиникина въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Присутствовали члены Государственнаго Совѣта, дипломатическій корпусъ и всѣ служащіе въ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Я видѣлъ на похоронахъ также графиню Нессельроде» («Рус. Стар.» 1902 г., т. 110, июнь, стр. 637). Родофиникинъ умеръ на 78 г., слѣдовательно, онъ родился въ 1760 г., погребенъ въ Духовской церкви Александро-Невской Лавры. «Жена Родофиникина, Ю. К. Родофиникина, урожденная Фелейзенъ, была сестрою секретаря великой княгини (Маріи Павловны) Веймарской». (Изъ Записокъ М. С. Сабининой. «Рус. Арх.» 1901 г., 6, стр. 265).

¹⁾ Письмо это въ коллекціи автографовъ Пушкинскаго Лицейскаго Музея неправильно помѣщено послѣ письма отъ 26 ноября 1831 г. подъ № 20, между тѣмъ какъ оно должно предшествовать письму отъ 8 юня 1831 г. за № 18.

скій, въ коемъ поручаешь ты мнѣ подумать и посовѣтоваться здѣсь объ Эгипетскомъ твоемъ дѣлѣ, я переговорилъ напередъ съ Шубертомъ, который тебя искренно благожелательствуетъ, и въ дѣлахъ толкъ знаетъ. Онъ былъ того мнѣнія, что неопредѣлительное твое положеніе при арміи, подвергая тебя всеѣмъ трудностямъ и опасностямъ, — и неприятностямъ войны, не представляеть почти никакой надежды особенно отличиться и получить какую-либо награду, тѣмъ болѣе что изъ сихъ послѣднихъ всеѣ, какія можно имѣть въ твоемъ чинѣ, уже есть у тебя; посему считалъ онъ благоразумнымъ взяться за Эгипетъ, полагая при томъ, что это тебѣ въ мнѣніи вреднымъ сдѣлаться не можетъ. За симъ собирались мы съ Р. Ф. Сакеномъ переговорить съ Родофи (ни)кинымъ и обще съ нимъ положить чтѣ и какъ сдѣлать, чтобы склонить Гр. Несльрде потребовать тебя. Но вчера пришедшее письмо твое перемѣнило планъ нашихъ операцій; ты находишь за лучшее оставаться еще тамъ—да будетъ воля твоя! Желаю тебѣ порядочнаго, положительнаго занятія, а вамъ всеѣмъ счастливаго успѣха въ благополучномъ окончаніи весьма труднаго дѣла, къ которому точно (,) какъ говоришь ты (,) нужны общая всеѣхъ рѣвность и усердіе.—Жаль, что ты, единственно для частнаго моего любопытства, не означилъ мнѣ, въ какомъ качествѣ? при комъ находишься? По всегдашнему нашему правилу со всеѣми моими сынками, я никакъ не хочу знать о дѣлахъ вашихъ по службѣ, но это кажется относится лично къ тебѣ самому и потому должно быть мнѣ извѣстно»...

Былъ слухъ, что будто Вольховскаго вездѣ преслѣдовала какая-то роковая неудача, такъ что его появленіе считалось дурною примѣтою, и солдаты прозвали его «чернымъ ворономъ». Это объясняется тѣмъ, что у него были черные, какъ смоль, волосы и смуглое лицо ¹⁾. Съ такими мыслями отнеслись къ пріѣзду Вольховскаго для участія въ усмиреніи польскихъ мятежниковъ.

1831 года ²⁾, февраля 7, Вольховскій находился въ генеральномъ сраженіи при корчмѣ Ваверъ, гдѣ получилъ контузію въ колѣно лѣвой ноги; и февраля 8,—въ сраженіи съ мятежниками праваго фланга у Кавензина; 13—въ генеральномъ сраженіи и пораженіи мятежниковъ подъ Прагою на Гроховскихъ поляхъ, гдѣ подъ нимъ убита лошадь. По этому поводу мы имѣемъ письмо Энгельгардта къ Θ. Θ. Матюшкину, въ которомъ онъ сообщаетъ ему слѣдую-

¹⁾ См.—Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лиц. тов. и настав. Спб. 1899 г., стр. 73.

²⁾ «Въ 1831 г. онъ находился въ дѣлахъ съ польскими мятежниками: съ 2 на 3 февраля—при отраженіи экспедиціи при Пневникѣ; 5—въ сраженіи при Добрѣ корпуса генералъ-адъютанта барона Розена 1-го при преслѣдованіи мятежниковъ отъ Венгрова чрезъ Ливъ и Станиславовъ; 6—въ авангардномъ дѣлѣ съ мятежниками между Станиславовымъ и Окуневымъ».

шее: «...Сейчасъ получаю отъ Вольховскаго письмо; онъ между прочимъ пишетъ: «Я здоровъ и цѣлъ; 7-го с. м. сертукъ мой имѣлъ честь быть прострѣленнымъ, а 13-го ядромъ убило подо мною лошадь, вблизи генерала Толя; его адъютанты помогли мнѣ вытащиться изъ подъ моего коня и пр. и пр. Всѣмъ нашимъ лицейскимъ братскій поклонъ».

Къ этому Энгельгардтъ прибавляетъ слѣдующія строки: «Это письмо отъ 1 марта, изъ Станиславова, близъ Праги;—идуцій сильно по разлившейся Вислѣ ледъ не позволяетъ ничего предпринимать, но конецъ близокъ». (Письмо Энгельгардта отъ 18 марта 1831 г.).

VI корпусъ, которымъ командовалъ баронъ Розенъ при Гроховѣ и въ которомъ находился Вольховскій, состоялъ изъ 36 орудій, 17 баталіоновъ, 9 эскадроновъ и 300 казаковъ. Лѣвымъ крыломъ командовалъ генералъ Кшикинъ, а правымъ генералъ Влодекъ; резервъ подъ командою генерала Муравьева по дорогѣ въ Окуневъ состоялъ изъ двухъ ротъ саперовъ, 6 баталіоновъ съ 6 орудіями, одного кавалерійскаго полка и 20 резервныхъ орудій; 2 баталіона VI корпуса были расположены въ Окуневѣ, въ Сѣдлецѣ и въ Венгровѣ. На долю барона Розена выпала честь начать битву при Гроховѣ въ 9 час. утра. Баронъ Розенъ началъ наступленіе, направивъ 5 батарею 24 дивизіи (полки Брестскій, Виленскій и баталіонъ Литовскаго) противъ Ольховой рощи. Среди грома выстрѣловъ и подъ градомъ ядеръ и картечей, колонны VI корпуса храбро понеслись въ атаку. Зная, что на нихъ, состоящихъ на половину изъ русскихъ и литовцевъ, не вполне полагались¹⁾, они хотѣли выказать себя достойными полнаго довѣрія, какъ сослуживцевъ

¹⁾ Г. И. Филипповъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о Литовскомъ корпусѣ барона Розена замѣчаетъ, что онъ (корпусъ) казался слишкомъ ненадежнымъ, такъ какъ состоялъ изъ уроженцевъ западной окраины; офицеры были большею частью поляки и въ полкахъ слышенъ былъ польскій языкъ. («Рус. Арх.» 1883 г., кн. 5, стр. 125).—Такъ же о Литовскомъ корпусѣ думали и поляки, что мы видимъ изъ воспоминаній генерала Клементія Колачковскаго, который говоритъ: «Итакъ намъ предстояло выступить изъ Варшавы съ этими двумя дивизіями кавалеріи, не имѣя парковъ и боевыхъ снарядовъ, идти къ Брестъ-Литовску, овладѣть этимъ пунктомъ и тутъ только приступить окончательно къ сформированію нашего войска. Изъ этого пункта намъ предстояло напасть на мѣсто стоянки Литовскаго корпуса, разъединить его отряды, обезоружить одни изъ нихъ, склонить другихъ перейти на нашу сторону, внести востаніе въ Литву и т. д. Лелевелъ и демократическая партія рассчитывали навѣрняка на то, что, при нашемъ появленіи, Литовскій корпусъ присоединится къ намъ со своей артиллеріей и знаменами. Правда, въ этомъ корпусѣ было немало молодыхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ поляковъ, но большая часть солдатъ и унтеръ-офицеровъ были русины и литовцы, отличавшіеся отъ насъ языкомъ, религіей, обычаями и издавна преданные своему знамени. Почти всѣ дивизионные, бригадные, полковые, баталіонные и даже ротные командиры были русскіе или нѣмцы. Склонить ихъ на нашу сторону было дѣломъ не легкимъ. Кромѣ того, командовавшій корпусомъ генералъ Розенъ принялъ необходимыя мѣры предосторожности, изъ коихъ одна, весьма важная, состояла въ томъ, что онъ перевелъ многихъ офице-

своихъ, такъ и фельдмаршала. Овладѣніе этою рощею представляло важную стратегическую задачу. Неустрашимая атака русскихъ встрѣтила сильный отпоръ со стороны поляковъ. Какъ извѣстно, роща эта нѣсколько разъ переходила въ рукъ въ руки. Въ полдень, большая часть рощи была въ рукахъ русскихъ. Дибичъ, раздосадованный тщетными усиліями VI корпуса, двинулъ ему въ подмогу 3 дивизію Палена и карабинерную бригаду. Начальство надъ этими войсками онъ поручилъ графу Толю и Нейдгардту. До 2 час. по полудни успѣхъ боя при всей храбрости русскихъ еще колебался, хотя видимо сталъ клониться на нашу сторону. Тогда Дибичъ двинулъ 8 баталіоновъ карабинеръ и гренадеръ и одержалъ побѣду подъ Гроховымъ, и роща была взята, а сраженіе получило названіе битвы исполиновъ, гдѣ пало 8 т. убитыхъ и раненыхъ ¹⁾.

За отличіе, оказанное въ Гроховской битвѣ, В. Д. пожалованъ въ генераль-маіоры 3 іюня 1831 г. со старшинствомъ съ 13 марта того же года съ перечисленіемъ въ Генеральный Штабъ ²⁾.

Пожалованіе Вольховскому чина генераль-маіора было пріятною вѣстью для Энгельгардта и вызвало съ его стороны письмо отъ 8 іюня 1831 г. на другой день по напечатаніи въ «Инвалидѣ» приказа о чинопроизводствѣ Вольховскаго. «Наконецъ дождался я, пишетъ Энгельгардтъ, печатнаго удостовѣренія доброй вѣсти, дошедшей до меня назадъ тому уже болѣе двухъ недѣль черезъ адъютанта Дежурнаго Генерала Потапова. Сомнѣваться въ основательности сего извѣстія нельзя было, но пока не напечатано въ Инвалидѣ, и самая правда не есть правда. Итакъ я очень прилежно читалъ Инвалида (котораго кромѣ того никогда не вижу) и наконецъ, вчера читаю—полковникъ Вольховской—Генераль-Маіоръ.—Поздравляю *Ваше Превосходительство* отъ всей души! И справѣдливо, чтобъ *первая* золотая медалъ. Лицея была бы первымъ Превосходительствомъ. Спасибо тебѣ, спасибо начальникамъ. Не лишнее бы было, еслибъ ты мнѣ для Лицейскаго моего Архива доста-

ровъ поляковъ въ другіе корпуса, во внутреннія губерніи Россіи и замѣнилъ ихъ коренными русскими офицерами.—Изъ всего этого вытекаетъ, что надежда привлечь Литовскій корпусъ на нашу сторону или возможность обезоружить его принадлежала къ числу тѣхъ несбыточныхъ мечтаній, которыя были порождены революціей». («Рус. Стар.», 1902 г, т. СХ, іюнь, стр. 569. Польша въ 1814—1831 гг.. Изъ воспоминаній генерала Клементія Колачковскаго).

¹⁾ Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 гг. Ф. Смита. Переведено съ нѣмецк. гвардейскимъ штабсъ-капитаномъ Квитницкимъ. Спб. 1863 г., т. I, стр. 404, 405, 407 и 411.

²⁾ Описаніе сраженія подъ Гроховымъ. («Архивъ Военно-Ученаго Комитета», № 3152 (34259), отд. 2). Что касается до старшинства съ марта, то это, вѣроятно, по ошибкѣ вмѣсто февраля, такъ какъ битва подъ Гроховымъ была 13 февраля 1831 г. Вольховскій получилъ чинъ генераль-маіора за Грохово, поэтому и старшинство его должно считаться съ 13 февраля, а не марта.

вилъ маленькое свѣдѣнье, или лучше еще копію съ представленія о тебѣ; мнѣ бы весьма хотѣлось знать, за какое дѣло и пр. ты произведенъ. При таковой вѣрной оказіи я бы также узналъ можетъ быть, чѣмъ ты нынѣ тамъ? при какомъ корпусѣ? и пр. По моимъ расчетамъ ты былъ у Розена; нынѣшнее производство твое не перемѣститъ ли тебя?—Третьяго дня отправился отсюда графъ Паскевичъ, для занятія мѣста Дибича; дай Богъ въ добрый часъ! А пора бы кончить эту проклятую войну, коей блистательнѣйшій результатъ не можетъ замѣнить всѣхъ тѣхъ жертвъ, которыя уже принесены и безъ сомнѣнія еще принесутся. Къ несчастію по обстоятельствамъ внѣшнимъ и внутреннимъ нельзя оставить начатое дѣло—его надобно кончить, и такъ, дай Богъ въ добрый часъ и къ скорому концу!» Оканчивается письмо слѣдующими словами: «Прощай, любезный Генераль-маіоръ, я какъ былъ, такъ и пребуду твой вѣрный другъ Егоръ Энгельгардтъ». Въ припискѣ находимъ слѣдующую фразу: «Египта уже тебѣ не видать; жаль!»

Послѣ Грохова Вольховскій участвовалъ 19 и 20 марта въ сраженіяхъ между Прагою и Дембе-Вельками и въ отступленіи, сражаясь съ многочисленнымъ непріятелемъ, отъ Вавра до Дембе-Вельки и потомъ чрезъ Калущинъ до селенія Поляки; 29 того же марта—въ дѣлѣ при рѣчкѣ Мухавцѣ при деревнѣ Иганѣ, близъ города Сѣдлеца и отраженіи многочисленнаго непріятеля, дѣлавшаго стремительныя нападенія въ теченіе цѣлаго дня. За отличіе въ сраженіяхъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 1-ой степени ¹⁾. По Высочайшему приказу отъ 31 декабря 1831 года Вольховскій получилъ польскій знакъ отличія за военныя достоинства 2-ой степени; того же года въ 13 день сентября Высочайшимъ приказомъ, назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса.

¹⁾ Въ іюлѣ мѣсяцѣ находился въ Литвѣ, при преслѣдованіи отряда Дембянскаго отъ Бѣловежской Пуци до Цехановца, потомъ опять перешелъ въ Царство Польское; 12 августа—при рекогносцировкѣ Прагскихъ укрѣпленій; 16 августа—въ дѣлѣ съ корпусомъ Ромарино между Крынки и Мендзиржечь; 17—въ дѣлѣ съ онымъ же корпусомъ при нападеніи его на Мендзиржечь, 21—при отраженіи нападенія корпуса Ромарино на городъ Брестъ-Литовскій; 22 августа по 5 сентября—при преслѣдованіи корпуса Ромарино отъ Брестъ-Литовска чрезъ Коцкъ и Куровъ до Австрійской границы.—Во время сего движенія находился въ дѣлахъ: 3 сентября при Ополѣ, Вржеволовицѣ и Юзефовѣ, 4 между Свециховымъ и Раховымъ и при деревнѣ Косинѣ, что противъ Завихоста, и потомъ при деревнѣ Боровѣ, 5 числа—при вогнаніи означеннаго корпуса въ Галицію. Объ этихъ событіяхъ также сообщаетъ К. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату (Спб. 14 сентября 1831 г.): ...«Орловъ увѣдомилъ меня, что Розень два раза въ Ополѣ и Раховѣ совершенно разбилъ Ромарину и такъ, что тому не оставалось болѣе ничего, какъ искать спасеніе свое въ Галицію, гдѣ онъ положилъ оружіе съ 15 тысячами человекъ и 30 пушками». («Рус. Арх.» 1903 г., кн. 12, стр. 575).

VI.

Служба на Кавказѣ. — Генераль-квартирмейстеръ при баронѣ Г. В. Розенѣ. — 17 ноября 1832 года назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. — Ведеть слѣдствіе о заговорѣ противъ правительства въ Тифлисѣ. — 6 апрѣля 1834 года утвержденъ въ должности начальника штаба. — Воспоминанія барона Торнау о Вольховскомъ. — Приѣздъ въ Петербургъ. — Представленіе Императору Николаю Павловичу. — Письма къ барону Г. В. Розену по этому поводу. — Женитьба на Маріи Васильевнѣ Малиновской. — Письмо Ш. А. Энгельгардта къ Вольховскому по поводу его женитьбы. — Письмо Е. А. Энгельгардта къ Ѳ. Ѳ. Матюшкину о свадьбѣ Вольховскаго. — Участіе въ судьбѣ свояка барона Розена-декабриста и его жены Анны Васильевны. — Взялъ ихъ сына къ себѣ. — Возвращеніе на Кавказъ. — Воспоминанія Бриммера. — Взятіе мыса Адлеръ. — Письмо Ѳ. Ѳ. Матюшкина къ Вольховскому по этому поводу. — Приѣздъ Императора Николая I на Кавказъ. — Увольненіе отъ службы. — Письмо Е. А. Энгельгардта къ Вольховскому по этому поводу. — Взглядъ декабриста Розена и барона Торнау на дѣятельность Вольховскаго на Кавказѣ и на его увольненіе. — Шпіонство г. Василия. — Доносъ сенатора Гага Императору Николаю Павловичу. — Исторія съ княземъ Дадіаномъ. — Письма Вольховскаго къ своему начальнику барону Г. В. Розену. — Соприкосновенность къ декабристамъ сказалась на судьбѣ Вольховскаго. — Мнѣніе Н. Н. Муравьева-Карскаго. — Воспоминанія баронессы П. Г. Розенъ, въ монашествѣ игуменіи Митрофаніи. — Письмо Вольховскаго къ барону Г. В. Розену изъ с. Каменки 1839 г.

Новое назначеніе по окончаніи достопамятной Польской кампаніи 1831 г перенесло Вольховскаго опять на Кавказъ, — гдѣ кругъ дѣятельности его сталъ обширнѣе. Лестныя награды, въ короткое время имъ полученныя въ Польшѣ, свидѣтельствуютъ о полезности этой дѣятельности. Отъ 4 декабря 1831 года ¹⁾ Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину: «...Ты безъ сомнѣнія ешь, что Суворчикъ нашъ—Генераль-Маіоръ и Генераль-Квартирмейстеръ при Розенѣ въ Грузіи; это хорошо, но что еще лучше,—Царь объ немъ отзывается отлично»... Отъ 28 мая 1832 года онъ пишетъ: «...Вольховскій Генераль-Маіоръ въ звездѣ (польской) въ Тифлисѣ при Розенѣ»...

¹⁾ Какъ мы выше сказали, Вольховскій былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса 13 сентября 1831 г. Вскорѣ, по назначеніи, онъ прибылъ на Кавказъ, какъ это видно изъ письма къ нему Энгельгардта отъ 26 ноября того же года, адресованнаго уже въ Тифлисъ (мы не приводимъ этого письма, такъ какъ оно трактуеть о семейныхъ дѣлахъ и не представляетъ общественнаго интереса).

Хотя назначеніе на Кавказъ и было лестно для Вольховскаго въ служебномъ отношеніи, но лично для него возвращеніе въ Грузію было неособенно пріятно, вѣроятно, по воспоминаніямъ о службѣ его съ Паскевичемъ. Объ этомъ можно заключить изъ письма Энгельгардта отъ 22 сентября 1832 года, въ которомъ въ отвѣтъ на письмо Вольховскаго, намъ неизвѣстное, онъ высказываетъ свой взглядъ, довольно интересный, на службу вообще: «...Здравствуй, Вольховскій, и спасибо тебѣ, что въ пылу ратныхъ и въ хлопотахъ гражданскихъ дѣлъ не забываешь стараго чугунаго директора ¹⁾ и радуешь его иногда нѣсколькими строками. Въ схиимической моей жизни только и отрады, какъ отъ чугуниика прійдетъ добрая вѣсточка.—Какъ ни мало завидна картина твоихъ занятій и театра ихъ, гдѣ вы, подобно Данаидамъ хлопочете о наполненіи сосудовъ, которые никогда не наполняются, но у тебя одно великое утѣшеніе — начальникъ доброжелательный, благородный, который тебя понимаетъ, любитъ и довѣряетъ. Во всѣхъ родахъ службы у насъ тѣ же ненаполняемые Данаидовскіе сосуды, вездѣ тѣ же хлопоты, тѣ же недостатки подъ другими видами, но не вездѣ начальники Розены. Многихъ могъ бы я назвать, которые служатъ истинно для добраго дѣла, стараются, бьются какъ рыба объ ледъ, чтобы препятствовать злу и споспѣшествовать добру, но— не везетъ; начальники съ високаго верху смотрятъ на всю массу, и не умѣютъ, или не хотятъ входить въ подробнѣйшее разсмотрѣніе обстоятельствъ, а ради (?—рады) только если—*какъ-нибудь* дѣла обдѣлываются скорѣе, и потому даже негодуютъ на добраго рѣвностнаго слугу, который не *какъ-нибудь*, но *какъ должно* хочетъ вести дѣло; онъ слыветъ безпокойнымъ челоуѣкомъ, и можетъ почестъ себя щастливымъ, если только оставятъ его въ совершенномъ забвеніи и не вытурятъ вонъ, чтобы замѣнить его челоуѣкомъ *какъ-нибудьскимъ*. Эта порода людей чума въ нашей службѣ и... да, полно, заговорился, и сталъ самъ черпать воду рѣшетомъ.—Нѣтъ, любезный Вольховскій, хоть и не лежитъ у тебя сердце къ Грузіи и безконечнымъ ея дѣламъ, но крѣпись, держись пока у тебя тамъ начальникъ челоуѣкъ и другъ и не забудь старую поговорку: вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ ²⁾»...

¹⁾ Чугуннымъ директоромъ называетъ себя Энгельгардтъ потому, что при выпускѣ I курса онъ роздалъ имъ на память чугуныя кольца, о чемъ, впрочемъ, было уже упомянуто выше.

²⁾ Сообщая далѣе въ этомъ письмѣ равныя свѣдѣнія о товарищахъ Вольховскаго по Лицею, Энгельгардтъ сообщаетъ ему также не безынтересныя свѣдѣнія о судьбѣ самого Лицея: «...О старой родинѣ: Лицеѣ... спальня (Sic) комнатки всѣ выломаны, вышла одна огромная зала, въ которой стоятъ 100 кроватей; къ прежнимъ 50 воспитанникамъ прибавлено еще столько же, за которыхъ родители платятъ по 2000 рублей въ годъ. Ихъ на праздники отпускаютъ домой въ городъ, на мѣсяцъ и болѣе.—Лучше ли это или хуже, не смѣю судить; но семейственная эта, безпѣнная, сердечная связь между

Въ этотъ періодъ службы Вольховскій находился въ четырехъ экспедиціяхъ, въ 47 перестрѣлкахъ и 6 дѣлахъ ¹⁾ и участвовалъ при взятіи штурмомъ заваловъ въ Гимринской тѣсинѣ и при занятіи селенія Гимры.

Здѣсь Вольховскому пришлось заняться разработкой спуска, на которомъ стѣны или завалы преграждали Гимринскую тѣсинну. Получивъ благопріятныя свѣдѣнія, баронъ Г. В. Розенъ выступилъ изъ Караная, такъ какъ взятіемъ заваловъ открылся путь къ Гимрамъ. По поводу взятія этихъ заваловъ баронъ Розенъ писалъ военному министру графу Чернышеву: «Равномѣрно былъ при семъ въ полной мѣрѣ полезенъ Генераль-Маіоръ Вольховскій. Предварительно собравъ свѣдѣнія о всемъ, что могло служить къ успѣху, онъ не упустилъ изъ виду ни малѣйшаго предмета, относящагося до продовольствія

молодыми людьми, для которыхъ въ продолженіе 6 лѣтъ Лицей былъ Миромъ (Sic) разрушена (здѣсь, кажется, описка у Энгельгардта. Онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что Лицей для его воспитанниковъ является не *мирнымъ* жилищемъ, но своимъ лицейскимъ *миромъ*, замѣняющимъ вселенную, что такъ поэтично выражено Пушкинымъ:

...«намъ цѣлый міръ чужбина;
Отечество намъ Царское Село»);

приверженность къ Лицею исчезаетъ. Они будутъ выходить какъ изъ корпусовъ, не оглядываясь, и забудутъ о Лицеѣ, не доѣхавъ еще до Заставы. Жаль! Въ наши безчувственныя, головныя, иссохшія отъ ума и эгоизма времена, надобно бы хранить все то, что возбуждало, сохраняло сердечность»...

¹⁾ Съ 11 по 28 іюля мѣсяца былъ въ экспедиціи противъ Галгаевцевъ и перестрѣлкахъ, бывшихъ въ продолженіе оной: 17—при отраженіи хищниковъ, сдѣлавшихъ близъ деревни Вешти нападеніе на фуражировъ, посланныхъ отъ отряда; 19 и 20—при занятіи горы Гай; въ экспедиціи противъ чеченцевъ съ 5 августа по 6 октября и бывшихъ во время ея перестрѣлкахъ; 5 августа—при возвращеніи въ лагерь отряда при разореніи селенія Пханъ-Кичу; 15—при слѣдованіи арьергарда отряда черезъ Гайтинскій лѣсъ; 22—при переходѣ черезъ Аргунъ и слѣдованіи отряда къ деревни Шали; 23—при взятіи приступомъ укрѣпленнаго селенія Герменчука и занятіи его; сентября 1—при занятіи селенія Автура; съ 7 по 15 сентября—въ экспедиціи къ селенію Беной и бывшихъ при семъ случаѣ перестрѣлкахъ; 7—при нападеніи на чеченскіе кутаны въ Маюртупскомъ лѣсу; 8—при перестрѣлкѣ во время перехода черезъ рѣку Гудермесъ; съ 9 по 11 сентября командовалъ отрядомъ, командированнымъ къ Беною, при чемъ былъ въ перестрѣлкѣ при занятіи деревни Сентури и слѣдованіи отряда къ селенію Белгатою, при переходѣ черезъ рѣку Аксай и въ дѣлѣ при занятіи высотъ Бенойскихъ и самого селенія Беной; 10—при отраженіи непріятеля во время слѣдованія отряда обратно изъ селенія Беной къ селенію Белгатою; 12—командовалъ арьергардомъ при слѣдованіи отряда къ селенію Центорой; 13—находился при отраженіи непріятеля при селеніи Гурдали и перестрѣлкѣ его съ арьергардомъ отряда; 14—въ перестрѣлкахъ при слѣдованіи отряда къ селенію Хошкельды; съ 6 октября по 27 того же мѣсяца—въ экспедиціи къ селенію Гимрамъ; 15 октября—при занятіи передовыхъ непріятельскихъ заваловъ; 17—при взятіи штурмомъ заваловъ въ Гимринской тѣсинѣ, равно и отраженіи скопища Гамзадъ-Бека; 18—при занятіи селенія Гимры.—Мы придерживаемся въ словѣ Гимры правописанія формулярнаго списка Вольховскаго, хотя это слово пишется также и Гумры, и такъ пишетъ знатокъ Кавказа—Е. Г. Вейденбаумъ въ своей интересной статьѣ: «Декабристы на Кавказѣ». («Рус. Стар.» 1903 г., т. СХІV, іюнь, стр. 487).—Гумры—нынѣшній городъ Александрополь.

войскъ, сохраненія и успокоенія раненыхъ, а личныя обозрѣнія его мѣстоположеній подъ огнемъ непріятельскимъ облегчали повсюду слѣдованіе войскъ¹⁾».

Дѣйствія Вольховскаго при занятіи Гимринскихъ заваловъ подробно изображены въ отношеніи Розена къ военному министру отъ 20 сентября 1832 года. «Генераль-маіоръ Вольховскій, читаемъ мы въ этомъ отношеніи, видя невозможность достигнуть до Веноя безъ большаго сопротивленія и имѣя на таковой случай предварительное мое приказаніе, остался ожидать прибытія моего къ Белгатаю. Выступивъ въ три часа пополудни и слѣдуя по тому же горному гребню, я къ 10 часамъ также прибылъ къ Белгатаю. Жители онаго, видя усиленіе передоваго отряда, обѣщали изъявить покорность, почему, оставивъ деревню сію, направился я къ переправѣ черезъ Аксай. Съ нашей стороны спускъ къ оному простирался на пространствѣ ста пятидесяти саженой весьма крутымъ каменистымъ берегомъ, покрытымъ густымъ кустарникомъ. На противную сторону надобно было взбираться на продолженіе 1¹/₂ версты по узкой весьма крутой дорожкѣ, густымъ лѣсомъ въ глубокихъ оврагахъ, непріятель въ большомъ числѣ занималъ вершины оныхъ; самую же тропинку сдѣлалъ непроходимую заваломъ, огромными засѣками, для обстрѣливанія которыхъ обрубилъ крутизны овраговъ. Очевидно представлялись намъ едва преборимыя затрудненія но вся медленность могла только умножить оныя и дала бы время непріятелю собраться еще въ большемъ числѣ, ибо со всѣхъ окрестностей вооруженные жители въ виду нашемъ слѣшили туда. По устроеніи на лѣвомъ берегу батареи и открытіи съ оной сильнаго огня по мѣстамъ, гдѣ былъ замѣченъ непріятель, приказано было начать переправу войскамъ передоваго отряда, усиленнаго генераль-лейтенантомъ Вельяминовымъ баталіонъ 40-го и ротю 43-го Егерскихъ полковъ. Въ головѣ атакующей колонны шелъ Бутырскій пѣхотный полкъ съ застрѣльщиками; всего находилось 40 слѣдившихся охотниковъ Грузинскаго коннаго полка, потомъ слѣдовалъ 1-ый баталіонъ 41 Егерскаго полка, за онымъ саперная рота съ тремя горными единорогами и 4 кегорновыми мортирками²⁾; далѣе кавалерія, баталіонъ 40-го и рота 43 Егерскихъ полковъ. Съ самаго начала подъема непріятель встрѣтилъ генераль-маіора Вольховскаго сильнымъ ружейнымъ

¹⁾ Акты, собраныя Кавказскою археологическою комиссіею. Томъ VIII, изданъ подъ редакціей д. с. с. Ад. Берже. Тифлисъ. 1881 года. Время управленія генераль-адъютанта барона Г. В. Розена, 1831—1837 г.г., стр. 561 и 565, № 441. Отношеніе барона Розена къ графу Чернышеву отъ 22 октября 1832 г., № 303.

²⁾ Вѣроятно, орудія эти получили свое названіе отъ знаменитаго инженера 17 столѣтія барона Менно Ванъ-Кегорна (Baron Menno van Coehorn), голландскаго генерала отъ артиллеріи и главнаго начальника всѣхъ крѣпостныхъ строеній въ соединенныхъ областяхъ и губернатора Фландріи (род. 1641 г., ум. 17 марта 1704 г.). Хотя этотъ великій инженеръ оборонялъ несравненно болѣе крѣпостей, чѣмъ осаждалъ, а

огнемъ на ближайшемъ разстояніи, будучи самъ скрытъ на вершинахъ овраговъ за частыми деревьями. Сіе не удержало храбрыхъ войскъ нашихъ, они безостановочно подавались впередъ, сколько трудность мѣстоположенія позволяла. Часть Бутырскаго полка шла по направленію дорожки, пробираясь черезъ самый густой кустарникъ; ибо засѣлки были совершенно непроходимы, а другая часть сего полка, выѣстѣ съ грузинами, слѣдовала правѣе, сбивая непріятеля съ вершины овраговъ. По проходѣ передовыхъ войскъ, непріятель снова появился на флангахъ нашихъ, такъ что въ продолженіе слѣдованія всей колонны безпрестанно нужно было снова принять оный. Густота лѣса и глубина овраговъ доставила оному немедленное убѣжище. Саперы, командуемые штабъ-капитаномъ Богдановичемъ, съ приятною неустрашимостью, подъ выстрѣлами непріятеля разбирали завалы, расчищали дорогу, такъ что къ тремъ часамъ пополудни артиллерія и кавалерія вышли на открытое мѣсто, находившееся за подъемомъ. Далѣе на продолженіи версты нужно было переходить глубокую балку, заросшую густымъ лѣсомъ. Непріятель засѣлъ въ ономъ, занималъ окружныя высоты и встрѣтилъ колонну нашу сильнымъ оружейнымъ огнемъ, но вскорости былъ сбитъ и разсѣянъ. По выходѣ на открытое мѣсто, около трехъ верстъ простиравшееся до Веноя, кавалерія послана была для преслѣдованія непріятеля, который, разсѣявшись въ кустахъ, старался остановить оную стрѣлбою на близкое разстояніе, но храбрые всадники Грузинскаго и Закавказскихъ конныхъ полковъ вскорости опрокинули всю толпу непріятельскую и загнали въ овраги съ значительною потерей. Послѣ сего генераль-маіоръ Вольховскій безпрепятственно занялъ деревню Веной. Немедленно сдѣлано было распоряженіе для отысканія пушекъ. Находившійся при оныхъ караулъ изъ Лезгинъ Кази-Муллы оттащилъ ихъ на $\frac{1}{4}$ версты отъ деревни и бросилъ въ обрывистый оврагъ, имѣвшій глубины до шестидесяти саженой. Къ счастью еще замѣтны были на травѣ слѣды орудій. Спущенная въ оврагъ команда вскорѣ отыскала оныя въ самой глубинѣ оврага безъ лафетовъ, которые были сожжены наканунѣ прибытія моего, во время переправы передового отряда и подъема онаго на противоположный берегъ. Жители разныхъ селеній толпами приближались къ другому рукаву Аксая, если не съ намѣреніемъ оставить лагерь, то дабы не допустить остальными войсками подкрѣпить генераль-маіора Вольховскаго; но батарея, выставленная генераль-лейтенантомъ Вельяминовымъ на правомъ флангѣ лагера,

потому весьма мало сдѣлалъ усовершенствованій для осадъ, тѣмъ не менѣе и здѣсь онъ ввелъ въ употребленіе малыя мортирки, которыя можно переносить на рукахъ «и изъ параллели множествомъ гранатъ гнать осаждающихъ съ прикрытаго пути, между тѣмъ какъ большими мортирами сего сдѣлать невозможно» («Военный журналъ», 1812 г., кн. 10, стр. 1—3).

и весьма удачное распоряженіе (?—расположеніе) по его приказанію стрѣлковъ нашихъ, остановило и прекратило предпріятіе ихъ. 10-го числа на разсвѣтъ генераль-маіоръ Вольховскій приступилъ къ поднятію орудій, что и было совершенно удачно исполнено подъ руководствомъ штабсъ-капитана Богдановича. Для доставленія къ отряду оба орудія уложены на одинъ лафетъ горнаго единорога, а сей несли на рукахъ; между тѣмъ деревня Веной съ большею частью полей совершенно истреблена ¹⁾).

Въ 17 день ноября 1832 года Владиміръ Дмитріевичъ Высочайшимъ приказомъ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.

Эти успѣхи Вольховскаго радовали и утѣшали Энгельгардта, въ подтвержденіе чего мы имѣемъ письмо его къ Вольховскому отъ 24 ноября 1832 г.; въ которомъ очень интересны первыя строки: «Хотя и запретилъ мнѣ въ прежніе годы полковникъ Вольховскій употреблять старое Лицейское прозвище, но—воля Вашего Превосходительства, я не стерплю хоть одинъ разокъ не привѣтствовать тебя по старинному: здравствуй Лицейской Суворчикъ! Спасибо тебѣ, что ты и въ Тегеранѣ и въ Гимри и на голой стени и въ непроходимыхъ крутизнахъ и ущеліяхъ не забываешь отставнаго директора; спасибо! Обыкновенно я не читаю военныхъ реляцій, онѣ мнѣ скучны и я ихъ не понимаю; но вашъ чудесный походъ, или вѣрнѣе назвать, полетъ, я читалъ и перечитывалъ въ Инвалидѣ, и съ вами пробирался сквозь пропасти и съ вами лазалъ по скаламъ. Это дѣло богатырское. Радуюсь, что вамъ удалось, радуюсь, что Кази-Муллы нѣтъ, но болѣе всего радуюсь, что ты цѣлъ вышелъ изъ этого свинцоваго и чугунаго дождя. Я вижу, что тебя сдѣлали начальникомъ штаба; не понимаю, въ гражданской моей глупости, хорошо ли это, но долженъ полагать, что это родъ производства, милости, отличія. Если такъ, то поздравляю и желаю впредь. Много вы тамъ сдѣлали, много перемогли и перетерпѣли, но мнѣ все кажется, будто рѣшетомъ воду черпаете, пока есть тамъ горы и горцы, не быть покою; вѣдь всѣхъ не переколешь и не перестрѣляешь, а доколѣ этого не будетъ, то все будетъ старая пѣснь. Кази-Муллу убили, а на мѣсто его явится другой и третій Мулла, и опять сражайся, и опять полѣзай на смерть, и что хуже всего, то не придумаешь какъ бы лучше. Развѣ внучата наши увидятъ тамъ покой и миръ, когда образованіе проникнетъ въ ущелье горъ и дикари сдѣлаются людьми ²⁾». И Марлинскаго

¹⁾ Отношеніе отъ 20 сентября 1832 г., № 173. «Акты», собранные Кавказскою Археологическою Комиссіею, т. VIII; издано подъ ред. Берже. Тифлисъ, 1881 г., стр. 690—691.

²⁾ Какимъ вѣщимъ, пророческимъ словомъ звучатъ эти строки! И дѣйствительно, послѣ Кази-Муллы—Шамиль, послѣ Шамиля—недавнее возстаніе всего Кавказа въ дни освободительнаго движенія. А образованіе еще и до сихъ поръ не проникло въ ущелье горъ, и дикари не сдѣлались еще и теперь людьми.

убили? А я только съ великимъ удовольствіемъ прочелъ его Амалать-Бека, живую картину вашей тамъ жизни и всѣхъ ея ужасовъ. Я его не зналъ лично, но читалъ кое-что изъ его пера, не могу не жалѣть о смерти его. Если образованный человѣкъ mit Kopf und Herz, вездѣ пріятное явленіе, то въ вашей дичи это неоцѣненное сокровище».

Розень — декабристъ объясняетъ назначеніе Вольховскаго слѣдующимъ образомъ. Когда баронъ Г. В. Розень былъ назначенъ командовать отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, то онъ предложилъ Вольховскому мѣсто начальника штаба. «Въ этой должности,—говоритъ Розень,—Вольховскій служилъ 6 лѣтъ въ самое трудное время, когда фанатикъ Казимулла и ученики его постоянно раздували пламя войны и возмущенія, когда ежегодно русское оружіе присваивало себѣ часть берега Чернаго моря и проникало все далѣе въ горы съ другой стороны, съ берега Каспійскаго до горъ Дагестанскихъ».

За отличное усердіе къ службѣ, мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлахъ экспедицій 1832 года противъ горцевъ, и за неуспѣшную дѣятельность, съ которою исполнялъ многотрудныя занятія по своей должности, Вольховскій награжденъ былъ въ 27 день іюля 1833 года орденомъ Св. Анны 1-й степени. Эта награда вызвала слѣдующія прочувствованныя строки въ письмѣ Энгельгардта къ Вольховскому отъ 13 августа 1833 года. «Давно уже не былъ я порадованъ подаркомъ на день моего рожденія, такъ какъ вчера, извѣстіемъ о новой твоей звѣздѣ. Отъ искренняго сердца поздравляю тебя и Лицей и отставнаго директора съ симъ событіемъ... Боже, Царя Храни!»¹⁾.

¹⁾ Не только старый директоръ Лицея интересовался успѣхами на жизненномъ поприщѣ своихъ воспитанниковъ, но ихъ судьбою интересовалось все семейство Энгельгардта и его почтенная супруга Марья Яковлевна. Такъ, въ письмѣ Энгельгардта отъ 24 ноября 1832 г. мы читаемъ между прочимъ:... «Она (Марья Яковлевна) мнѣ очень приказывала тебѣ отъ нее править поклоны, и сказать, что она тебя генераломъ со звѣздой точно также любить, какъ любила когда ты былъ «лицейской воспитанникъ съ золотомъ медаліею». Марія Яковлевна (Марія—Августа), рожд. Уайтекеръ (Whitaker), род. 8 февраля 1778 г., ум. 13 февраля 1858 г., на четыре года раньше своего мужа и 80 лѣтъ отъ роду, а не на 71 году, какъ это сказано у К. Я. Грота («Историч. Вѣстн.», 1905 г., т. СІ, іюль, стр. 93). Въ «Рус. Арх.» (1906 г., кн. 10, стр. 320) П. И. Бартенева, со словъ В. Е. Энгельгардта, сообщаетъ, что лицейскій Энгельгардтъ (т. е. Егоръ Антоновичъ, директоръ Лицея), женатъ былъ на дочери почтъ-директора Гапа, жена котораго (т. е. Гапа, слѣдовательно, теща Энгельгардта) потомъ вышла замужъ за англичанина Уайтекера, а мать ея (т. е. жены Гапа) была баронесса фонъ-дёръ-Паленъ, сестра извѣстнаго графа Петра Алексѣевича. Свѣдѣнія эти невѣрны, какъ это мы доказали въ замѣткѣ, напечатанной въ «Рус. Арх.» за 1907 г., кн. 4, стр. 653, на основаніи личнаго осмотра нами фамильнаго склепа Энгельгардтовъ на Смоленскомъ Лютеранскомъ кладбищѣ въ Спб. Изъ воспоминаній В. Е. Энгельгардта о своемъ отцѣ—директорѣ Лицея («Рус. Арх.», 1872 г., 7 и 8, стр. 1478)—видно, что Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ женился въ 1800 г. на вдовѣ Екатерининскаго почтъ-директора Гапа, урожденной Витекеръ. Отецъ ея былъ англичанинъ и банкиръ, а мать баронесса фонъ-дёръ-Паленъ. То же самое говоритъ Ник. Энгельгардтъ въ статьѣ: «Давніе эпизоды». VIII. «Воспитатель Пушкина».—«Истор. Вѣстн.», 1911 г., августъ, т. СХХV.

Въ 1833 году на Кавказѣ обнаружился заговоръ противъ русскихъ, имѣвшій цѣлью изгнаніе ихъ совершенно изъ Грузіи. Въ слѣдственной комиссіи, наряженной для разслѣдованія обстоятельствъ заговора, участвовалъ и Вольховскій. За постоянное, примѣрное и неутомимое въ продолженіе десяти мѣсяцевъ занятіе въ слѣдственной комиссіи о злоумышленномъ заговорѣ противъ правительства ¹⁾ и за дѣятельное трудолюбіе при собираніи и сводѣ матеріаловъ для составленія проектовъ относительно горцевъ ему была исхodataйствована, по представленію командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, у Государя Императора, 29 іюля 1834 года, аренда по двѣ тысячи рублей серебромъ въ годъ на двѣнадцать лѣтъ, а Высочайшимъ именнымъ указомъ на имя министра финансовъ, состоявшимся во 2 день августа того же года, Всемилостивѣйше повелѣно вмѣсто аренды, не въ примѣръ другимъ, производить ему изъ государственнаго казначейства въ теченіе двѣнадцати лѣтъ по двѣ тысячи серебромъ ежегодно.

Вольховскій утвержденъ начальникомъ штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса 6 апрѣля 1834 года.

«Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій, говоритъ баронъ Торнау, соединялъ въ своемъ лицѣ двѣ должности, начальника штаба и оберъ-квартирмей-

¹⁾ Объ этомъ заговорѣ почему-то умолчалъ его біографъ И. В. Малиновскій, — вѣроятно, не пропустила тогдашняя цензура. Въ «Актахъ», собранныхъ Кавказскою Археологическою Комиссіею, подъ редакціею Ад. Берже, въ томѣ VIII мы находимъ: «Дѣло о грузинскомъ заговорѣ». Отношеніемъ барона Розена къ графу Чернышеву, отъ 14 декабря 1832 г., № 77 (Акты, № 275, стр. 391, 392, 397), онъ увѣдомляетъ его, что «3 декабря 1832 г. около 5 часовъ пополудни, братъ грузинскаго гражданскаго губернатора Князь Евсѣй Палаваидовъ явился къ и. д. Начальника Штаба Генераль-Маіору Вольховскому и подалъ ему доносъ о существованіи заговора для изгнанія русскихъ изъ Грузіи». Мы не станемъ передавать этотъ эпизодъ, — интeресующіеся найдутъ его въ «Актахъ»; замѣтимъ здѣсь, что сейчасъ же были арестованы учитель Додаевъ, князь Абхазовъ и другіе, и слѣдствіе было поручено начальнику Грузинскаго ливейнаго баталіона генераль-маіору Байкову, исполняющему должность начальника штаба генераль-маіору Вольховскому и командіру Кавказскаго сапернаго баталіона полковнику Тратилевичу.

Вотъ, что писалъ Императоръ Николай I къ князю Паскевичу, отъ 29 декабря 1832 года (10 января 1833 года), изъ С.-Петербурга, по поводу этого заговора: «Въ Тифлисѣ у насъ, было, пошли большія пакости; но, благодаря Бога, во время все открылось. Былъ заговоръ фамиліи Арбаліановъ и Эристовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ изъ дворянъ перерѣзать г. Розена и всѣхъ русскихъ и Грузію сдѣлать независимую. Дѣло таялось болѣе году; ген.-маіоръ кн. Чевчевадзе былъ всему извѣстенъ и, кажется, игралъ во всемъ дѣлѣ роль, сходную съ Михайлою Орловымъ по дѣлу 14 декабря. Всѣ почти схвачены, и дѣлается строгое слѣдствіе; но все лучшее дворянство къ оному не причастно, и съ большимъ неудовольствіемъ узнали, что нужно было схватить сіи лица за преступленія, которыя впрочемъ имъ еще неизвѣстны». Князь А. П. Щербатовъ, т. V, его книги: «Генераль-Фельдмаршалъ кн. Паскевичъ, его живыя и дѣятельность». СПб. 1886. (Приложенія).

стера, потому что баронъ фонъ-дербъ-Ховень ¹⁾, получившій назначеніе замѣстить его въ послѣднемъ изъ этихъ званій, еще не прибылъ... Генерала Вольховскаго я засталъ въ канцеляріи генеральнаго штаба, занимавшей длинную залу въ первомъ этажѣ штабнаго дома, на Эриванской площади ²⁾; въ смежной залѣ помѣщалась чертежная; далѣе этихъ двухъ комнатъ генеральный штабъ не распространялся. Въ концѣ залы сидѣлъ за письменнымъ столомъ сухощавый, сутуловатый, средняго роста, черноволосый генераль, котораго умные черные глаза вопросительно слѣдили за мной, пока я къ нему подходилъ; потомъ они быстро опустились: это была его всегдашняя привычка. Вольховскій во всю жизнь не могъ избавиться отъ врожденной застѣнчивости и рѣзко смотрѣлъ въ глаза только человѣку, имѣвшему несчастье его разсердить». Когда авторъ воспоминаній приблизился, генераль вѣжливо приподнялся.

«Вашему Превосходительству имѣю честь явиться!» и т. д.

«Въ нѣсколькихъ словахъ, тихимъ голосомъ и слегка краснѣя отъ застѣнчивости, Вольховскій разспросилъ меня, гдѣ я прежде служилъ, какія порученія исполнял, бывалъ ли на съемкѣ и занимался ли въ канцеляріи.

Получивъ отрицательный отвѣтъ на послѣдній изъ своихъ вопросовъ, онъ пожелалъ узнать, гдѣ я воспитывался.

— Въ Царскосельскомъ Лицейскомъ пансіонѣ, выпущенъ въ 1828 году.

— А!—произнесъ Вольховскій,—такъ мы товарищи по заведенію, хотя вы не застали нашего выпуска...—Протянувъ мнѣ руку, онъ прибавилъ:

— Надѣюсь, мы сойдемся, и вы не откажетесь отъ должности, для которой я васъ предназначаю, хотя ею никогда не занимались. Въ Царскомъ Селѣ насъ приготовляли къ военной и гражданской службѣ, поэтому вы должны умѣть свободно писать по русски» ³⁾...

Вольховскаго авторъ воспоминаній характеризуетъ въ другихъ мѣстахъ, какъ человѣка, «обладавшаго даромъ оцѣнивать людей довольно вѣрно» (*ibid.*, стр. 407), «имѣвшаго свой собственный взглядъ на вещи и подчасъ умѣвшаго

¹⁾ Баронъ Христофоръ Христофоровичъ фонъ-дербъ-Ховень (род. 3 мая 1794 г., † 9 марта 1890 г.) въ 1833 г., 17 июня, назначенъ исправляющимъ должность квартирмейстера отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, а по случаю отпуска генерала Вольховскаго исполнялъ его должность, а также во время отлучекъ барона Розена управлялъ всею военною частью на Кавказѣ. («Рус. Арх.», 1890 г., кн. 6, стр. 286—287. Некрологъ.)

²⁾ Домъ этотъ декабристъ Розень называетъ «большимъ инженернымъ домомъ». Стр. 346.

³⁾ Воспоминанія о Кавказѣ и Грузіи («Рус. Вѣстн.» 1869 г., февраль, стр. 405—406). Баронъ Федоръ Федоровичъ Торнау былъ воспитанникъ бывшаго благороднаго пансіона Императорскаго Царскосельскаго Лицея, X выпуска, 1828 года, умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта Генеральнаго Штаба. Былъ военнымъ агентомъ при посольствѣ въ Вѣнѣ. Памятныя книжки Императорскаго Александровскаго Лицея: 1886 года, стр. 135, и 1895/6 г., стр. 159.

настоять на своей волѣ» (ibid., стр. 408); называетъ его человѣкомъ «мягкимъ и вѣжливымъ въ обращеніи съ подчиненными, снисходительнымъ къ увлеченію молодости, но весьма взыскательнымъ въ дѣлахъ чести и служебной службы», въ отношеніи котораго «надо было держать себя чрезвычайно осторожно» (ibid., стр. 411).

Пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1834 году, 19 февраля, Вольховскій удостоился представиться Императору Николаю Павловичу ¹⁾, о чемъ онъ и спѣшитъ увѣдомить письмомъ своего начальника, барона Григорія Владиміровича Розена. Письмо ²⁾ это интересно въ томъ отношеніи, что показываетъ глубокія познанія и правильный, всеобъемлющій взглядъ Императора Николая Павловича на разныя части подвластной Ему Россіи и тотъ восторгъ и благоговѣніе, которые вынесъ Вольховскій изъ личной аудіенціи у Государя.

<19 февраля 1834 года мнѣ назначено было представиться Государю Императору, но только сегодня я удостоился сего счастья. Его Величество изволилъ сказать, что Онъ прочелъ уже предположенія Вашего Высокопревосходительства и вообще одобряетъ оныя, но не находитъ возможнымъ отдѣлать для Кавказскаго края новыхъ войскъ, и не надѣется, чтобы для предположенныхъ въ I періодъ шести отрядовъ нашлись достаточно способные начальники, которые дѣйствовали бы согласно между собою, почему и предпочитаетъ предварительно провести линію отъ Ольгинскаго редута къ Геленджику и ограничиться на первый разъ дѣйствіями прочихъ закубанцевъ ближайшихъ къ оной, прокладывая между тѣмъ и береговое сообщеніе по Абхазіи и далѣе къ Геленджику и Анапѣ, къ чему и приступить и въ нынѣшнемъ году. Предположенія о переформированіи корпуса, Его Величество соизволилъ одобрить, но съ тѣмъ, чтобы Князя Варшавскаго полкъ оставался пѣхотнымъ, а Тифлисскій—Егерскимъ; Линейные баталіоны получаютъ образованіе, испрошенное Вашимъ Высокопревосходительствомъ, но будутъ именоваться Кавказскими, Черноморскими и Грузинскими. Рабочія команды назначаются въ полки, но не въ видъ ротъ—особенныхъ. Предположенную систему дѣйствій противъ горцевъ Его Величество изволилъ также одобрить. Казенныхъ крестьянъ Кав-

¹⁾ Въ 1834 году, 8 апрѣля, былъ въ С.-Петербургѣ и представлялся Императрицѣ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ и другими.—См. «Дневникъ Пушкина». Соч. А. С. Пушкина. Спб., 1887 г., т. X, стр. 205.

²⁾ На письма Вольховскаго указалъ мнѣ Владимір Ивановичъ Саитовъ, столь много помогающій труженикамъ пера своими огромными библіологическими познаніями. Пользуюсь случаемъ принести В. И. Саитову, покойному Владиміру Петровичу Ламбицу, а равно и Ивану Афанасьевичу Бычкову—мою глубочайшую благодарность. За дозволеніе же воспользоваться этими письмами и другими документами не могу не выразить глубокой благодарности покойному директору Императорской публичной библіотеки Н. К. Шильдеру, котораго любезность, готовность служить богатствами библіотеки и своими огромными историко-литературными талантами и указаніями—извѣстны всѣмъ.

казской области соизволяетъ обратить въ казакъ (Sic), если не встрѣтятся особенныхъ препятствій со стороны министерства финансовъ. Вотъ краткое, не полное и можетъ быть не совсѣмъ точное изложеніе всего мною слышаннаго. Я былъ изумленъ, съ какою быстротою и внимательностью Его Величество такъ скоро ознакомился съ симъ краемъ: какъ превосходно о всемъ судилъ Онъ и какимъ прекраснымъ русскимъ языкомъ. Это достопамятный для меня день: я видѣлъ Государя достойнаго первой въ свѣтѣ Имперіи. Подробности всего слышаннаго не могу описать, лично буду имѣть честь сообщить оныя. Меня Его Величеству благоугодно было удостоить милостивымъ вниманіемъ своимъ».

О той же самой, вѣроятно, аудіенціи у Государя мы находимъ описаніе въ письмѣ то же къ Розену (№ 8), безъ означенія года и числа: «предыдущее письмо мое къ Вашему Высокопревосходительству писалъ я почти въ изнеможеніи отъ хлопотъ служебныхъ, общественныхъ и домашнихъ: не знаю найдете ли оное довольно вразумительнымъ. Теперь считаю нужнымъ сообщить еще нѣкоторыя подробности: при представленіи моемъ Государь послѣ обыкновеннаго привѣтствія изволилъ сказать: всего фоліанта вашего я не успѣлъ еще прочесть, но разсмотрѣлъ собственныя предположенія барона Григорія Владиміровича. Я совершенно одобряю оныя и проч. Въ заключеніи Его Величество присовокупилъ, что изволилъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, по которымъ поручилъ графу Чернышеву спросить у меня поясненій по возвращеніи моемъ изъ Ревеля... Государь прочелъ Ваши бумаги прежде графа Чернышева и главнѣйшія обстоятельства изволилъ уже рѣшить, какъ я имѣлъ честь Вамъ сообщить. Сіе ясно показываетъ, съ какою неизмѣрною дѣятельностью Государь самъ всѣмъ занимается и какъ мало имѣютъ вліянія въ важныхъ обстоятельствахъ самыя приближенныя къ нему лица»...

Письмо (№ 10) отъ 3 апрѣля 1834 года, изъ С.-Петербурга:

«Сегодня я имѣлъ счастье представиться Государю ¹⁾: Его Величество изволилъ мнѣ изуточно объяснить всѣ свои предположенія, изложенныя въ отношеніи къ Вашему Высокопревосходительству г. военнаго министра отъ 4 числа сего мѣсяца за № 305, отправляемомъ къ Вамъ съ сегодняшнимъ фельдъегеремъ. Я буду имѣть честь въ подробности сообщить все мною слышанное отъ Его Величества, что меня исполнило еще большаго удивленія къ высокимъ достоинствамъ Его: предварительно считаю нужнымъ увѣдомить Васъ, что Государю непремѣнно угодно, чтобы дѣйствія наши за Кубанью были начаты въ семъ году проложеніемъ Галенчинской линіи и проч.»... ²⁾

¹⁾ Вѣроятно, при отъѣздѣ, чтобы откланяться.

²⁾ Объ этомъ писалъ А. А. Вельяминовъ къ Ермолову отъ 26 іюня 1836 г., изъ Ставрополя: «...не мудрено мнѣ было предвидѣть, что при нашихъ весьма ограни-

1834 годъ знаменателенъ въ жизни Вольховскаго тѣмъ, что онъ въ этомъ году женился на сестрѣ своего товарища Марѣ Васильевнѣ Малиновской, на сестрѣ которой былъ женатъ бароць Андрей Евгеніевичъ Розенъ декабристъ. Свое намѣреніе жениться на сестрѣ своего товарища Малиновскаго Вольховскій выразилъ уже въ письмѣ къ Энгельгардту отъ 11 октября 1833 года. Письмо это до насъ не дошло, но мы имѣемъ отвѣтное письмо Энгельгардта отъ 5 ноября 1833 года, въ которомъ говорится слѣдующее <Письмо твое отъ 11 октября получилъ я третьяго дня; оно дошло до меня скорѣе, нежели мое къ тебѣ; да и было зачѣмъ ему спѣшить прибытіемъ сюда. Доброе дѣло, братъ Суворчикъ, и благословляю тебя отъ всего сердца на оное. Выборъ твой хорошъ во всякомъ отношеніи, и изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ кандидатокъ, я не знаю ни одной, которая бы могла войти въ сравненіе съ твоею Машинькой. Она роду-племени добраго, воспитана Анною Андрѣвной ¹⁾, почтеннѣйшею женщиною, которую я знаю, выросла въ тишинѣ, въ отдаленности, привыкла, aux privations, отказывать себѣ во всемъ, что можетъ называться прихотью; она одарена талантами необыкновенными и—лицейскаго поля ягодка! Что же тутъ еще прибавить? Состояніе? Она его имѣетъ; изъ общаго имѣнія ей выдѣлено по нынѣ 200 душъ ревизскихъ, которыя при нынѣшней ревизіи составляютъ почти 300 душъ; къ ея участку принадлежатъ двѣ большія богатія пустоши и около 500 десятинъ лѣсу, такъ что, исключая невидимыхъ несчастій, можно доходы ея считать отъ 8 до 10 т. рублей. Къ тому прибавится еще наслѣдство Анны Андрѣвны, которая безъ сомнѣнія наградитъ близкую сердцу ея питомицу и племянницу, преимущественно предъ прочими. Благословляю тебя отъ всего сердца и увѣренъ, что выборъ твой хорошъ и что вы будете счастливы. Я тотчасъ по полученіи твоего письма полетѣлъ къ доброй Аннѣ Ивановнѣ ²⁾, которая при вступленіи моемъ въ комнату встрѣтила меня словами: «Je vois à votre mine ce que vous avez à me dire». И мы въ другую комнату и толковать, судить и обсуживать и радоваться доброму дѣлу. Оттуда побѣжалъ къ Ивану—дома нѣтъ. Оставилъ ему строгій приказъ—явиться ко мнѣ немедленно; часа черезъ два онъ прискакалъ; я вручилъ ему твое письмо, и онъ—читать, съ радости плакать и ну меня целовать. Спасибо тебѣ, другъ мой, что ты доставилъ мнѣ

ченныхъ средствахъ нельзя исполнить этого въ одинъ годъ. Я сказалъ это Вольховскому при проѣздѣ его изъ Петербурга чрезъ Ставрополь; но какъ онъ объявилъ мнѣ, что это есть воля Государя, то мнѣ оставалось употребить зависящія отъ меня усилія, чтобы выполнить какъ возможно больше». («Рус. Стар.», 1896 г., т. LXXXVIII, декабрь, стр. 567).

¹⁾ Анна Андреевна Самборская, тетка Малиновскихъ.

²⁾ Личность эта намъ совершенно неизвѣстна.

эту пріятную, сердечную минуту; я давно давнымъ не былъ такъ доволенъ. Спасибо тебѣ, что меня не обошелъ! Иванъ теперь ладить ѣхать прямо въ Ревель, гдѣ теперь Анна Андрѣевна — въ согласіи нѣтъ сомнѣнія, и такъ черезъ дней десятокъ мы тебѣ пишемъ: пріѣзжай подѣ венець (Sic)! Ура! Онъ впрочемъ самъ хотѣлъ къ тебѣ написать нѣсколько строкъ, которые долженъ принести до отправленія сего письма, отправляемаго по твоему наставленію чрезъ экстра-почту. Вѣроятно къ Новому Году ты здѣсь, и мы тряхнемъ стариной; — тамъ свадьба, пироги, медъ, пиво, веселье, а тамъ — ты уѣдешь опять. Жаль, что не увидимъ твоей семейной жизни; но нѣчего дѣлать, дружба дружбой, а служба службой. Авось Богъ какъ-нибудь еще сведетъ насъ и наградитъ меня радостью увидѣть лицейскихъ внучатъ¹⁾. Въ концѣ письма находится приписка И. В. Малиновскаго, который писалъ вообще довольно непонятнымъ стилемъ; чтобы не испещрять письма разными знаками, мы приведемъ его безъ всякихъ помѣтъ съ нашей стороны, воспроизводя въ точности подлинникъ. «Точно ты сама Sapiientia, что рекомендуешь обдумать — я давно объ этомъ думалъ и надумался, я вчера былъ счастливѣе, нежели бы мнѣ самому суждено такое счастье. Егоръ Антоновичъ можетъ тебѣ засвидѣтельствовать, что пишу не на вѣтеръ — думалъ самъ отправит(ь)ся съ письмомъ въ Ревель, но какъ здѣсь збываю въ казну мызу Бѣлозерку — и завязывается дѣло съ народомъ военнымъ, то лишилъ себя быть ради строгаго исполненія своихъ обязанностей — быть радостнымъ курьеромъ. — Чрезъ три дни жду письма, которое по экстра-почтѣ къ тебѣ посиѣшу отправить. А какъ надо говорить безъ обвиняковъ — то скажу, что ты будешь счастливъ — а она не знаю — развѣ, что ты переѣмнишься, а то бы поручился. Сестра въ Сибири свидѣтельствуешь — и объ род.; что сердце занято, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія оно бы никуда годно не было, а къмъ самъ спросишь (?)²⁾. Житейскія потребности не возбраняютъ намъ раздѣлить съ тѣмъ чувствомъ, ко-

¹⁾ Далѣе въ письмѣ говорится о разныхъ слухахъ по поводу передвиженія въ высшей администраціи; такъ какъ это касается отчасти и Вольховскаго, то приводимъ въ примѣчаніи эту часть письма; вотъ, что онъ пишетъ: «У насъ здѣсь, какъ обыкновенно, ходятъ разные слухи, пустые ли или дѣльные, не знаю. — Розена назначаютъ военнымъ генераль-губернаторомъ сюда, на мѣсто Эссена, въ Ригу на мѣсто Палена; для насъ бы желалъ имѣть Розена здѣсь, для него желаю ему быть въ Ригѣ, а для тебя — лучше бы ему оставаться гдѣ онъ теперь. На мѣсто его публика назначаетъ въ Тифлисъ Вельяминова; говорятъ доброй человекъ и хорошій генераль, ты бы вѣроятно и съ нимъ ужился, но надобно еще познакомиться, обжиться, — а съ Розеномъ это уже все сдѣлано. Дай Богъ, чтобы Розенъ остался съ тобой».

²⁾ Вѣроятно, Малиновскій хотѣлъ выразить эту туманную фразу ту мысль, что сестра невѣсты Вольховскаго, Анна Васильевна Розенъ, своимъ пребываніемъ въ Сибири, вмѣстѣ съ сыльнымъ мужемъ, служить доказательствомъ высокихъ нравственныхъ правилъ, пріобрѣтенныхъ въ семейномъ кругу, а также является яркимъ примѣромъ семейнаго счастья и привязанности къ мужу.

торое могу доказать тебѣ цифрами.—У нее есть свое собственное яко у сестры противу братьевъ вд(в)ое числомъ и качествомъ и желаніе твое достаточно ограничено, чтобы поручится (?) тебѣ, что въ Украинѣ 200 душъ дадутъ 10 т. въ годъ дохода. Кончаю чѣмъ начать надо было. Твой другъ какъ зналъ прежде и навсегда. Иванъ Малиновскій. А ты не думай, чтобы мы тебѣ здѣсь съ Фрицомъ чего Лицейскаго не наготов(или)». Далѣе продолжается письмо Энгельгардта съ очень характеристичнымъ комментариемъ на приписку Малиновскаго: «Вотъ тебѣ и Малиновскаго приписка; помоги тебѣ Богъ ее разобрать. Но поелику успѣхъ въ этомъ нѣсколько сомнителенъ по качеству рукописи, то считаю не лишнимъ сказать тебѣ, что Ивану теперь отсюда отлучиться никакъ нельзя и что онъ твое завѣтное письмо съ припискою отъ насъ обѣихъ (sic) отправилъ къ Аннѣ Андрѣевнѣ въ Ревель; чрезъ недѣлю отвѣтъ здѣсь и отправляется къ тебѣ».

По поводу женитьбы Вольховскаго мы имѣемъ письмо Ѳедора Христіановича Стевена къ Вольховскому. Мы приводимъ это письмо полностью, такъ какъ, помимо взгляда Вольховскаго на бракъ, выраженнаго въ этомъ письмѣ Стевеномъ, мы находимъ нѣсколько мелкихъ чертъ ихъ товарищескихъ отношеній. Вотъ это письмо: «Малиновскій, зная мою приверженность къ вамъ, любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ, сообщилъ мнѣ извѣстіе до васъ касающееся, которое меня искренно обрадовало. Я помню Марью Васильевну только ребенкомъ; но она воспитана попеченіемъ весьма нѣжной и умной тетки, выросла въ кругу (?) почтеннаго семейства и кажется не избалована слишкомъ счастливыми обстоятельствами.—При выборѣ вашемъ вы руководствовались разсудкомъ, и таковой выборъ безъ сомнѣнія гораздо основательнѣе сердечнаго; посему, не сомнѣваясь въ будущемъ семейственомъ счастіи, которое по качествамъ вашимъ вы вполне заслуживаете, я отъ всего сердца поздравляю васъ и уже впередъ радуюсь при мысли присутствовать на свадьбѣ, отъ которой я надѣюсь не исключать стариннаго товарища и друга вашего. Предчувствуя, какъ будто, что вамъ придется пощеголять, я купилъ вамъ отличную звѣзду и французскую ленту ¹⁾); за первую заплатилъ я 75 руб., а за 2 ар. 2 вер. ленты 30 руб.—Посланныя къ вамъ предъ симъ вещи вы конечно уже получили, равно какъ и счетъ онымъ. Посему вы остаетесь мнѣ теперь должными всего 214 руб. 29 коп. ²⁾. Егоръ Антоновичъ и Мали-

¹⁾ Т. е. онъ подразумѣваетъ ленту французскаго муара ордена Св. Анны 1-й степени.

²⁾ Какъ видно, Стевень нерѣдко исполняетъ порученія Вольховскаго. Такъ, выше мы видѣли, что онъ приобрѣталъ и высылалъ разныя книги по реестрамъ Вольховскаго; въ только что приведенномъ письмѣ Стевень предупреждаетъ желанія Вольховскаго и покупаетъ ему ленту и звѣзду и вообще Стевень велъ денежныя дѣла Вольховскаго, на что мы имѣемъ указанія въ припискѣ Стевена на письмѣ Малиновскаго къ Воль-

повскій къ вамъ не давно писали и вѣрно сообщили все, что можетъ васъ здѣсь интересовать; о себѣ же не могу вамъ сказать ничего, кромѣ того, что я всегда останусь искренно васъ любящимъ и почитающимъ Стевенъ. С.-Петербургъ. 2 Декабря 1833 г.—P. S. Звѣзда и лента уже отправлены двѣ недѣли тому назадъ».

Въ письмѣ отъ 19 февраля 1834 г. Вольховскій сообщаетъ барону Григорію Владиміровичу Розену, своему начальнику: «Я получилъ дозволеніе ѣхать въ Ревель, дабы жениться до поста; почему по первому весеннему пути надѣюсь обратнo отправиться къ вамъ».— Анна Васильевна, жена декабриста Розена, уѣзжая въ Сибирь къ мужу, какъ мы уже знаемъ, передала своего сына Евгенія на воспитаніе своей сестрѣ Маріи Васильевнѣ.—«Въ 1834 году, говоритъ Розенъ, получилъ я извѣстіе о кончинѣ отца моего... Вѣсть печальная смѣнилась въ ту же недѣлю вѣстью радостною: свояченица моя Марія Васильевна Малиновская была съ теткою ¹⁾ и съ сыномъ моимъ въ Ревелѣ; она успѣла еще повидаться съ умирающимъ отцомъ моимъ, который зналъ и любилъ ее. Тогда рѣшилась ея участь: она вышла замужъ за достойнѣйшаго человѣка, за Владиміра Дмитриевича Вольховскаго, пріѣхавшаго изъ Кавказа... Я радовался отъ всей души за обоихъ супруговъ, они вполне заслуживали такого взаимнаго счастья, столько же радовался и за сына моего» (стр. 302). Съ особенною радостью, какъ мы выше видѣли, встрѣтилъ вѣсть о женитьбѣ Вольховскаго его бывшій директоръ Е. А. Энгельгардтъ. Энгельгардтъ не могъ не подѣлиться этою счастливою вѣстью со своимъ самымъ любимымъ питомцемъ «Федернелке». Поэтому объ этомъ событіи, какъ вѣрный другъ липецкой семьи, онъ сообщаетъ отъ 29 ноября 1833 года своему прежнему ученику и товарищу Вольховскаго—Матюшкину, въ слѣдующихъ словахъ: «Слушай: нашъ старшина, Суворчикъ, Sapientia, Вольховской женихъ! а невѣста его—Маша Малиновская. Я вчера отправилъ къ нему вѣсть о ея согласіи и вслѣдствіи того онъ вѣроятно прибудетъ сюда въ февралѣ или даже ранѣе. Свадьба будетъ въ Ревелѣ, гдѣ теперь живетъ Анна Андрѣевна; и мы съ тобою туда ѣдемъ пировать». Самъ Вольховскій сообщаетъ въ письмѣ изъ Петербурга, отъ 13 марта 1834 года, своему начальнику, барону Григорію Владиміровичу Розену: «совершивъ благополучно въ Ревелѣ свадьбу свою на дняхъ возвращаюсь я сюда». Какъ видно изъ писемъ Михайла Лукьяновича Яковлева, на свадьбѣ Вольховскаго шаферами были самъ Яковлевъ и Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ—

ховскому отъ 13 января 1872 г. Стевенъ писалъ Вольховскому: «Присланныя чрезъ Толстого тысячу рублей ваши я получилъ и отдалъ въ бавкѣ. Брату Вашему, котораго съ отъѣзда Вашего только разъ видѣлъ, далъ я 60 руб., а Егору Антоновичу за зрительную трубу 100 руб.; почему за Вами всего 160 руб.»

¹⁾ Анна Андреевна Самборская.

товарищи - однокурсники по Царскосельскому Лицею (см. письмо отъ 11 іюня 1835 г.). Вмѣстѣ съ женою, Вольховскій получилъ и сына ея сестры, родители котораго были въ Сибири. Маленькому Евгенію онъ замѣнилъ отца и воспиталъ его съ своими дѣтьми, съ одинаковою любовью и ласкою. Онъ возвратилъ его въ 1837 году, 10 ноября, въ Тифлисѣ, когда отецъ Евгенія— Розенъ пріѣхалъ въ Грузію служить рядовымъ по Всемилоствивѣйшему разрѣшенію Императора Николая I.

Вольховскій, не будучи еще женатымъ, принималъ горячее участіе, какъ мы выше видѣли, въ судьбѣ баронессы Розенъ, когда она собиралась къ мужу въ Сибирь (см. Записки Розена, стр. 244). Когда же сталъ своякомъ государственному преступнику Розену, то и тогда онъ оказывалъ ему, какъ равно и другимъ декабристамъ, свою помощь, о чемъ говоритъ декабристъ Розенъ. Такъ, напримѣръ, въ 1834 году Мусинъ-Пушкинъ (генераль-маіоръ свиты Его Величества) былъ командированъ въ Сибирь. При проѣздѣ его черезъ Курганъ, гдѣ жилъ Розенъ, послѣдній подалъ прошеніе о дозволеніи купить участокъ земли для занятія сельскимъ хозяйствомъ.— «Въ этомъ же году,—говоритъ Розенъ,—пріѣхалъ въ Петербургъ командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ и по дружбѣ къ славному свояку моему В. Д. Вольховскому представилъ ту же просьбу мою прямо Императору при личномъ свиданіи; тогда Государь только замѣтилъ, что Розенъ хочетъ жить въ Сибири помѣщикомъ—однако на вторичное представленіе Мусина-Пушкина воспослѣдовало разрѣшеніе: чтобы близъ города отвели каждому изъ насъ по 15 десятинъ пахотной земли»... (стр. 303).

Объ этихъ же обстоятельствахъ болѣе подробныя свѣдѣнія мы находимъ въ книгѣ А. И. Дмитріева-Мамонова: «Декабристы въ Западной Сибири» (Спб., 1905 г., стр. 145—146).

А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ говоритъ, что Розенъ въ 1835 году обратился къ графу Мусину-Пушкину съ просьбою исходатайствовать ему разрѣшеніе на покупку земли на 10,000 руб. Вслѣдствіе этой просьбы, Бенкендорфъ запросилъ генераль-губернатора Западной Сибири Сулима, который отвѣтилъ, что онъ не встрѣчаетъ препятствій къ удовлетворенію просьбы Розена.

«Одновременно съ этимъ ходатайствомъ Андрея Евгеніевича, начальника штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генераль-маіоръ В. Д. Вольховскій, женатый на родной сестрѣ баронессы Розенъ, представилъ командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса записку, въ которой просилъ дозволить баронессѣ Аннѣ Васильевнѣ Розенъ купить для себя въ Курганскомъ округѣ участокъ земли, употребивъ на такую покупку до 10,000 руб. съ тѣмъ, чтобы, поселившись на этой землѣ и устроивъ хозяйство, имѣть возможность дать дѣтямъ, прижитымъ въ Сибири, средства къ существованію и предметъ трудолюбія.

Заявленіе, данное А. Е. Розеномъ генераль-маіору Мусину-Пушкину, и сдѣланное по этому заявленію графомъ Бенкендорфомъ сношеніе съ генераль-губернаторомъ Западной Сибири, не были доложены Его Императорскому Величеству, такъ какъ докладъ по запискѣ В. Д. Вольховскаго, представленной командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генераль-адъютантомъ барономъ Гр. Вл. Розеномъ военному министру, графу Чернышеву, состоялся ранѣе, и на него уже послѣдовала Высочайшая резолюція.

18 марта 1835 г. графъ Чернышевъ увѣдомилъ генерала Сулиму, что Государь Императоръ по всеподданнѣйшему его докладу записки генераль-маіора Вольховскаго «изволилъ найти неудобнымъ дозволить г-жѣ Розенъ купить землю въ 10,000 руб., ибо по цѣнамъ, существующимъ въ Сибири, она можетъ приобрести на сію сумму обширное пространство земли, для обработки, которой необходимо должна будетъ нанимать постороннихъ людей или отдавать въ наймы, а сіе, давъ ей нѣкоторый видъ помѣщицы и поставивъ ея въ необходимость входить въ сношенія разнаго рода, по положенію ея неприличныя, было бы несообразно цѣли существующихъ правилъ о государственныхъ преступленіяхъ и женахъ ихъ, за ними послѣдовавшихъ въ Сибирь».

Не было ли это ходатайство Вольховскаго также причиной неудовольствія Императора Николая Павловича?

Въ 1835 году, съ 21 января по 7 апрѣля, во время отсутствія командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генерала-отъ-инфантеріи, генераль-адъютанта барона Розена I въ С.-Петербургѣ и по случаю болѣзни бывшаго начальника 19 пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанта Фролова, Вольховскій управлялъ Закавказскимъ краемъ и завѣдывалъ войсками, за Кавказомъ расположенными. Того же года, въ 21 день апрѣля, объявлено было ему Высочайшее благоволеніе за отлично-усердную и ревностную службу; въ томъ же году пожалованъ ему отъ Персидскаго Шаха орденъ Льва и Солнца 1-й степени¹⁾; 1836 года Всемиловнѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ²⁾, о чемъ послѣдовало увѣдомленіе дежурнаго генерала Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества къ командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, отъ 8 декабря того же года за № 7998.

Съ 1835 года, 30 августа, мы имѣемъ два письма Энгельгардта къ Вольховскому. Одно письмо было вручено Энгельгардтомъ академику Шегрену

¹⁾ О дозволеніи его принять и носить по установленію воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе, изъясненное въ отношеніи г. военнаго министра къ командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, отъ 11 іюля 1835 года, № 4567.

²⁾ На полученіе XX—лѣтнаго знака отличія безпорочной службы, по смерти его, найдены всѣ документы изготовленными.

для передачи Вольховскому въ видѣ официальной рекомендаціи, другое было дружественнымъ письмомъ къ Вольховскому, въ которомъ онъ также рекомендовалъ ему академика Шегрена. «Въ награду же за твое объ немъ попеченіе, пишетъ Энгельгардтъ, посылаю тебѣ при семъ лицейскій помянокъ,— шесть лѣтъ. Хотя ты не изъ числа отличнѣйшихъ пѣвцовъ, но не менѣе того тебѣ приятно будетъ имѣть у себя этотъ остатокъ прежняго добраго времени; а можетъ быть еще и есть у васъ какой-нибудь хоръ кантонистовъ, которые могли бы даже и спѣть. Пусть бы чувства и звуки, наполнявшіе въ 1817 году залу Лицея, раздались въ 1835 году въ Тифлисъ. *По секрету* скажу тебѣ, что одинъ изъ здѣшнихъ цензоровъ никакъ не рѣшался позволить напечатаніе этихъ стиховъ, и что я принужденъ былъ прибѣгнуть къ бывшему лицейскому, Семенову ¹⁾, который уже не могъ отказаться — дать свое разрѣшеніе. Конечно, при томъ духѣ, или точнѣе сказать *бездушнѣ*, которое нынѣ царствуетъ въ Лицеѣ, эти чувства прежнихъ временъ, которымъ восхищался неоднократно нашъ добрый Царь-Отецъ Александръ, уже не у мѣста. Начальство давно уже запрѣтило воспитанникамъ пѣть и знать шесть лѣтъ.— Жаль!» ²⁾

Декабристъ Розенъ, переведенный въ 1837 году на Кавказъ, въ Грузію, встрѣтилъ въ семействѣ Вольховскаго самый радушный пріемъ. «В. Д. Вольховскій родственно привѣтствовалъ насъ и дружески укорялъ насъ за то, что мы не остановились на его квартирѣ; я видѣлъ предъ собою въ лицѣ заслуженнаго начальника штаба того же скромнаго, безукорнаго, дѣятельнаго слугу отечества, какимъ онъ былъ во всю жизнь свою, какимъ готовился быть съ самаго начала своего труднаго поприща, какимъ я видѣлъ его въ 1821 и 1822 г.г. въ Вильнѣ и въ Родошковицахъ, гдѣ всѣ, которые знали его хорошо въ то время, видѣли въ немъ мужа съ истинными достоинствами и съ правомъ стоять въ ряду мужей, описанныхъ Плутархомъ» («Записки дек. Розена», гл. 14, стр. 344).

О службѣ Вольховскаго на Кавказѣ и объ его отношеніяхъ къ корпусному начальнику находимъ замѣтки у Бриммера, въ его «Запискахъ артиллерійскаго офицера». Нужно замѣтить, что эти замѣтки представляютъ Вольховскаго нѣсколько въ иномъ видѣ, немного несогласномъ съ тѣмъ его обра-

¹⁾ Это, вѣроятно, воспитанникъ 2 курса, вып. 1820 года, Василій Николаевичъ Семеновъ, умерш. въ 1863 году, въ Женевѣ, въ чинѣ тайнаго совѣтника и должности члена военно-учебнаго комитета.

²⁾ Эти интересныя строки указываютъ намъ, съ одной стороны, на тѣ невзгоды, которыя Лицей переживалъ при военномъ управленіи, а съ другой стороны, показываютъ строгости цензуры въ отношеніи такой невинной пѣсни Дельвига, какъ «Шесть лѣтъ промчались»... Въ то же время мы узнаемъ изъ этихъ строкъ, что уже за нѣсколько лѣтъ до 1835 г. въ Лицеѣ перестали пѣть этотъ Лицейскій гимнъ Дельвига.

зомъ, который создаетъ въ сознаниі читателя настоящій очеркъ. «Вольховскій, говоритъ Бриммеръ, пользовался полною довѣренностью Розена. Оберегая эту довѣренность, какъ свою собственность, онъ ревниво глядѣлъ на всѣхъ приближенныхъ къ корпусному командиру, опасаясь чтобы расположеніе къ другому лицу не умалило его значенія. Вольховскій былъ умный честолюбецъ». Во время экспедиціи обнаружилось скрытое недоброжелательство Вольховскаго къ Вельяминову. Послѣдній во время экспедиціи распорядился самостоятельно. «Генералу же Вольховскому, какъ начальнику штаба, приближенному и довѣренному лицу, не могло быть пріятно постоянное уваженіе, оказываемое Розеномъ къ словамъ и предложеніямъ Вельямина. И вотъ почему между умными и благородными людьми тоже пробѣгаетъ черная кошка. Какъ человекъ ни умно мыслить и разсуждаетъ, но дѣйствуетъ почти всегда по характеру» (стр. 154). «Вслѣдствіе этого иногда между этими лицами нарушалась гармонія невидимо для всѣхъ, не въ ущербъ государственнаго дѣла—нѣтъ, что надобно было дѣлать, то дѣлалось и дѣлалось дѣльно и хорошо,—но нарушавшаяся гармонія вредила душевному расположенію, пріятнымъ отношеніямъ и можетъ быть подчиненнымъ» (стр. 153). У Бриммера на этой почвѣ съ Вольховскимъ разыгралась такая исторія. Однажды утромъ Бриммеръ былъ у корпуснаго командира и по выходѣ отъ него встрѣтился съ Вольховскимъ. «Мое посѣщеніе, пишетъ Бриммеръ, корпуснаго командира въ раннее время показалось ему (Вольховскому), ревнивому къ довѣренности барона, преступленіемъ противъ дисциплины, а главное преступленіемъ de lèse Majesté противу его особы. Дойти до особы корпуснаго командира мимо него?! Неслыханно! Тутъ можно сказать, что всякій человекъ судить другого по своимъ понятіямъ, вытекающимъ изъ его собственнаго характера. Вольховскій былъ благородный, честный, образованный генералъ, но когда онъ принесъ къ подписи корпуснаго командира представленіе о наградахъ и Григорій Владиміровичъ противъ меня хотѣлъ написать—къ слѣдующему чину, т. е. въ полковники, начальникъ штаба взялъ на себя (смѣлость?) сказать, что я еще молодъ и что это будетъ обидно артиллеристамъ, коихъ я обгоняю. Молодъ! а я по службѣ былъ на два года старше его—я съ 1815, онъ съ 1817 г. Mais c'est un excellent officier, il faut l'avancer. Государю будетъ очень пріятно, если за военныя дѣла будутъ представлять къ Станиславу». И Бриммера наградили Станиславомъ 3-й степени, хотя онъ имѣлъ уже орденъ Св. Анны 2-й степ. (стр. 163) ¹⁾.

Служба Вольховскаго на Кавказѣ въ роли начальника штаба кавказскаго отдѣльнаго корпуса не удовлетворяла его, какъ служба болѣе канцелярская,

¹⁾ Въ видахъ безпристрастія мы привели и этотъ отзывъ. Audiatur et altera pars.

чѣмъ боевая. Мирныя занятія по должности начальника штаба сопряжены были, какъ и всякая другая служба, съ разнаго рода столкновениями и неприятностями, онъ даже мечталъ совершенно покинуть этотъ родъ занятій и готовъ былъ промѣнять свою канцелярскую службу на чисто боевую дѣятельность съ ядрами, стычками, биваками и т. п. Объ этомъ онъ писалъ Энгельгардту въ 1836 году; хотя мы не имѣемъ въ рукахъ этого письма, но мы можемъ догадаться о его содержаніи изъ отвѣтнаго письма Энгельгардта отъ 27 іюня 1836 года. Письмо это одно изъ самыхъ интересныхъ въ коллекціи сохранившихся писемъ Энгельгардта къ Вольховскому: оно объясняетъ намъ то, что писалъ Вольховскій Энгельгардту, и въ то же время даетъ цѣлое міровоззрѣніе Энгельгардта по разнымъ вопросамъ и рисуеъ его интеллигентнымъ и передовымъ человѣкомъ своего времени. Нѣкоторые взгляды, высказанные въ этомъ письмѣ, имѣютъ много общаго со взглядами графа Л. Н. Толстого. Въ виду всего изложеннаго, мы приводимъ это письмо безъ сокращеній:

«Спасибо и премного спасибо тебѣ, мой доброй *Лицейской* Вольховской, за твою сердечную приписку къ письмуцу доброй Анны Андреевны. У тебя, писавши, навернулись слезы, а я, читая плакалъ; да плачь—это мнѣ милѣе и отраднѣе всякаго веселья. Осужденный доживать остаточекъ земныхъ дней моихъ въ безчувственной нравственной атмосферѣ столицы, въ этомъ душевномъ холодѣ, гдѣ забнуть и сердце и душа, такіе сердечные отголоски столь же пріятны и благодѣтельны, какъ бываетъ одинокому путнику на снѣжной сибирской тундрѣ, во время вьюги и мороза, наѣхать на теплую гостепріимную юрту, гдѣ можетъ онъ отогрѣть оледѣвѣвшія свои кости. Онъ кости, а я сердце! Холодно у насъ, грустно, любезный другъ, и еслибъ нѣкоторые изъ нашихъ Лицейскихъ не помогали бы мнѣ иногда такими воспоминаніями, сердце дружбой отогрѣвать, то я бы совсѣмъ пропалъ. Только нынѣ и жизни у меня, что воспоминаніе о тѣхъ счастливыхъ дняхъ, которые *жилъ* я нѣкогда, посреди мира (Sic) мною около себя созданнаго, посреди юныхъ, свѣжихъ сердець, не остывшихъ еще въ большомъ мирскомъ быту, умѣвшихъ еще любить, умѣвшихъ еще чувствовать благородный восторгъ, не стыдящихся показывать, что у нихъ есть сердце и чувство. Сердце высшій даръ божества; въ этомъ священномъ хранилищѣ достоинства человѣка только существуютъ, вѣра, надежда, любовь, признательность, самоотверженіе и все вообще истинныя добродѣтели наши, которыхъ нынѣшніе великосвѣтскіе, такъ называемые *образованные* люди, знаютъ только по имени. Они съ какимъ-то презрительнымъ сожалѣніемъ смотрятъ на прежнихъ сердечныхъ людей, и если иногда принимаютъ видъ чувства, то это только дѣлаютъ притворно и по расчету холодной безчувственной головы, для достиженія какой нибудь *яческой* цѣли. Въѣкъ чувственности (чувствительности?) прошелъ и съ нимъ исчезло и исче-

заетъ мало-по-малу, все то прекрасное, величественное, что произведено было вдохновеніемъ сердца. Нынѣ все сосредоточивается въ головѣ, а сердцу бѣдному уже мѣста нѣтъ; отъ того то нынѣшніе люди сдѣлались не человѣками, а какими-то холодными, расчетливыми существами, знающими только свое Я; это центръ, предметъ, движущая сила всѣхъ дѣйствій ихъ, которыя всѣ только къ этому относятся. У нихъ все въ головѣ; они все разложили, истолковали до того, что у нихъ остались только пустыя опредѣленія, а предметъ исчезъ; они доумствовались до того, что уже ничему не вѣрятъ, ничего не чувствуютъ, ничего не любятъ—кромѣ себя, не имѣютъ иной на свѣтѣ цѣли, кромѣ своей мнимой пользы.—Жалкія творенья! чѣмъ они будутъ жить подь старость? На что обратятъ взоръ, когда рушатся ихъ воздушныя предпріятія и расчеты? Кто же тогда будетъ любить ихъ, никого не любившихъ? Нѣтъ, пусть посмотрятъ съ презрительною улыбкою на старожилы съ чувствомъ прошлаго сердечнаго вѣка,—я люблю мое сердце, все, что я можетъ быть сдѣлалъ добраго на свѣтѣ, все было дѣйствіе его; я люблю мое сердце, люблю тѣхъ человѣковъ, у которыхъ сохранилось сердце, и вотъ почему люблю тебя, доброй мой Вольховской, и благодарю тебя отъ всего сердца за твой сердечный окликъ, за эту теплую юточку, которую ты мнѣ поставилъ въ холодной нравственной тундрѣ, на которой я здѣсь прозябаю.—Да обрадуетъ тебя Богъ подь старость когда-нибудь такимъ же сердечнымъ отголоскомъ, какимъ ты меня обрадовалъ. А чтобы тебѣ тогда этотъ отголосокъ также былъ по сердцу, то храни крѣпко память прежняго; перебирай иногда, какъ нынѣ ты сдѣлалъ, старыя воспоминанія, чтобы не состарѣлись. Такія воспоминанія магчатъ сердце; да и слезка не мѣшаетъ: *le fil de la vie a besoin, comme tout autre fil, d'être mouillé de tems en tems, pour ne pas dessécher; la providence nous accorda pour cela les larmes du souvenir!*

«Что то скажетъ нынѣшнее наше 19 октября? Четверть столѣтія отъ основанія Липецка; это бы надобно праздновать особенно. Но, большая часть коренныхъ ветерановъ разсѣяны по земному шару: ты въ Тифлисѣ, Горчаковъ въ Вѣнѣ, Матюшкинъ на Черномъ морѣ, Ломоносовъ въ Бразиліи, Jeannot ¹⁾ на Байкалѣ, Малиновской въ Изюмѣ, Корниловъ гдѣ-то въ Германіи, Бакунинъ въ Владимірѣ, Масловъ въ Москвѣ; шестеро подь чернымъ крестомъ, а изъ остальныхъ наберется человѣкъ 7 или 8. Не великъ кружокъ, а собраться надобно, и прихватить сколько возможно 2-го и 3-го курса. Жаль бы было отстать отъ этой старинной повадки! И она оживляетъ чувство и согрѣваетъ сердце.

Что скажу я тебѣ о твоемъ раздумьѣ на шеть военнаго ремесла? Ты знаешь мой образъ мыслей на этотъ шеть. Всякой здоровой, широкоплечій,

¹⁾ Такъ звали, какъ извѣстно, Ив. Ив. Пущина еще со школьной скамьи въ Липецкѣ.

неученой и особенно не разсуждающій человекъ можетъ быть отличный у насъ офицеръ, и потому я всегда жалѣлъ и жалѣю, когда люди, имѣющіе другія, высшія нравственныя и умственныя достоинства, посвящаютъ трудъ и жизнь на это машинальное бездушное дѣло. Издали мнѣ казалось, что твое положеніе иное; я полагалъ, что на томъ мѣстѣ, которое ты занимаешь при благомыслящемъ, доброжелательномъ человекѣ, управляющимъ цѣлымъ огромнымъ краемъ, тебѣ представится тысячу случаевъ содѣйствовать къ устройству въ этомъ краѣ лучшаго порядка, къ улучшенію положенія жителей и пр. и пр. Если я въ этомъ не ошибаюсь, то кажется мнѣ напрасно ты бы оставилъ службу, въ которой приобрѣлъ себѣ доброе имя и можно сказать, имѣлъ блистательный успѣхъ. *Le mieux est toujours l'ennemi du bien.*— Я не знаю подробностей твоихъ отношеній и потому о положеніи твоёмъ судить не могу; но скажу тебѣ только по собственному опыту, что по всякой службѣ встрѣчаются непріятности, неудовольствія; какъ не кинь, а все клинь. Что же касается до являющейся иногда охотѣ, или лучше сказать прихотѣ, пошататься опять подъ ядрами, на бивакахъ и пр., то это вѣроятно только отъ хандры въ уединеніи и разлукѣ—иначе какъ бы могъ человекъ, чувствующій такъ, какъ ты, желать участвовать въ дѣлѣ, основанномъ на ужасахъ, убійствахъ, раззореніи. — Фридерихъ великій сказалъ: *le char de la guerre roule et s'arrête toujours dans une vallée de misère, d'horreurs, de mort, et la plus brillante victoire militaire n'est que la lueur d'un incendie destructeur.* Нѣтъ, Вольховской, не тебѣ таскаться по бивакамъ и наводить пушки на подобныхъ себѣ и подставлять себя подъ выстрѣлы; такъ называемая военная храбрость качество очень обыкновенное, происходящее или отъ отсуствія разсудка, или отъ безчувственности и иступленія, или отъ лихорадочнаго честолюбія, т. е. кресто и чино и славолубія. Нѣтъ, Вольховской, ты не долженъ желать такъ называемой военной славы, биваковъ и пушекъ, *il y a assez de gens qui ne sont bons qu'à être chair à canon*, пусть они лѣзутъ на убой, а ты можешь принести болѣе и благотѣльнѣе пользы, мирными занятіями, даже не скидывая военнаго кафтана. — Такъ на примѣръ могъ бы ты приобрести незавыдаемую славу гражданскую; еслибъ удалось тебѣ разтолкать флегматическаго Шульца, который по сіе время не могъ собраться отвѣчать мнѣ на письмо мое, въ концѣ января, чрезъ тебя къ нему писанное. Я просилъ его сообщать мнѣ кой-какія свѣденія объ успѣхахъ земледѣлія въ тамошнемъ краѣ, о которомъ мы почти ничего не знаемъ, между тѣмъ какъ вѣрно тамъ происходитъ много любопытнаго. Потормоши этого нѣмца и заставь его слушаться прежняго командира. — Еще гдѣ-то тамъ въ вашемъ обширномъ околоткѣ обретается нѣкто *Ребровъ*, отличный сельскій хозяинъ, сдѣлавшій очень много хорошаго, да все боль-

шею частью подъ спудомъ. Между прочимъ я слышу, что онъ сдѣлалъ очень удачные и въ большомъ видѣ опыты уводненія луговъ и полей. Изложеніе способовъ, употребленныхъ имъ при томъ было бы величайшее благодѣяніе для большой части Южной Россіи, страдающей отъ всегданныхъ засухъ. Безъ сомнѣнія и кромѣ того у него много другихъ полезныхъ нововведеній, а мы ихъ не знаемъ. Бывшій въ Пятигорскѣ и Кисловодскѣ толстый теска мой, Энгельгардтъ, который съ нимъ знакомъ, бывъ здѣсь прошлою зимою, далъ мнѣ къ нему письмо, которое я тотчасъ отправилъ при моемъ прошеніи, да и онъ какъ нѣмецъ вышерѣченный—ни гу-гу! Нельзя ли какъ-нибудь его заставить. Если надобны ему кромѣ удовольствія содѣйствовать къ общепольному доброду дѣлу, какія-нибудь другія побужденія, то скажи ему, что черезъ каждые три мѣсяца Министръ финансовъ представляетъ Государю Императору записку о тѣхъ особахъ, которыя содѣйствовали къ успѣху Земледѣльческой Газеты, доставленіемъ статей или свѣденій; что Царь самъ, если и не со-всѣмъ читаетъ, но заглядываетъ въ эту газету и что нѣкоторыя особы уже получали изъявленіе благодарности за такое доставленіе.—Вотъ тебѣ двѣ задачи гражданскія; есть на чемъ отличиться, а если успѣешь, то право будетъ пользы болѣе, чѣмъ отъ биваковъ, пушекъ и сраженій и побѣдъ.

Какое же Иванъ Мадиновскій? Внукой меня подарилъ. Конечно, vaut mieux tard que jamais. И у насъ народонаселеніе идетъ своимъ чередомъ; въ Маѣ Наталья произвела маленькую Сакененочку, а 3 іюля и Бетси послѣдовала ея примѣру¹⁾. И того по нынѣ цѣлый десятокъ своихъ кровныхъ внучатъ, которые какъ будто говорятъ мнѣ: убирайся, дѣдушка, намъ мѣсто надобно на свѣтѣ. Пожалуй, я не прочь, лишь бы отправили, а пожалуй,

¹⁾ Бетси (Елизавета) род. 4 іюня 1805 г., вышла замужъ 3 ноября 1826 г., за барона Романа Федоровича фонъ-деръ Остенъ-Сакена, родивш. въ 1792 г. и служившаго при гр. Нессельроде (былъ старшимъ совѣтникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ чинѣ дѣйств. т. с.). Бетси умерла въ Неаполѣ 11 февраля 1873 г. Другая же сестра ея, Наталія (Луиза), род. 16 ноября 1806 г., была замужемъ за А. Ф. Остенъ-Сакеномъ, вѣроятно родственникомъ или даже роднымъ братомъ Романа Федоровича. Наталья умерла 8 марта 1845 г., оставивъ пятерыхъ дѣтей. Баронъ Александръ Федоровичъ фонъ-деръ Остенъ-Сакенъ, ливонскій уроженецъ, получилъ начальное воспитаніе въ Могилевѣ, откуда отправился за границу и кончилъ курсъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ; посѣщалъ Фелленберга (въ Швейцаріи) для изученія сельскаго хозяйства; провелъ нѣсколько мѣсяцевъ у Песталотци и потомъ еще четыре года оставался то въ Швейцаріи, то въ Італіи, Франціи и Германіи. Прибывъ оттуда, вступилъ въ Лицей (28 л.) въ 1817 г. Въ этомъ же году назначенъ былъ и бібліотекаремъ. Онъ служилъ все время управленія Энгельгардта, до 1824 года. («Историч. очеркъ Имп. Лицея», съ 1811—1861. Составилъ И. Селезневъ. Спб., 1861 г., стр. 163).

Князь Лобановъ-Ростовскій («Русская Родословная книга», т. 2, стр. 423) указываетъ еще двухъ дочерей Энгельгардта, кромѣ Елизаветы и Наталіи, Анну (Августу), род. 13 мая 1804 г. и умершую 29 декабря 1831 г., дѣвицей,—и Ольгу, родив. 7 декабря 1812 г.

что и пора, уже 2-ой годъ седьмага десятка считаю. Долго жить, много видѣлъ и едва-ли что-либо новаго или лутчаго увижу. Незнаю, отъ меня ли это, или отъ нынѣшняго свѣта, а мнѣ что то очень не по сердцу то, что вижу и слышу,—скучно, пошло, холодно.—Пора-бы право надѣтъ дощатой халатъ да лечь отдохнуть.

Ты кажется знакомъ былъ съ Киселевымъ? Онъ теперь у насъ кажется въ дѣло пойдетъ—если не ошибаюсь, то его прочать въ Министры Финансовъ. Я не знаю его, а всѣ говорятъ, что онъ человѣкъ и доброй, и умной, и доброжелательной, такихъ людей намъ надобно.—Ему теперь поручено на опытъ управленіе казенными крестьянами въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, и онъ вмѣсто того что у насъ обыкновенно вновь вступающіе мѣчутся и кидаются тотчасъ на перемѣны, нововведенія и пр. чтобы выказаться, по нынѣ только что старается узнавать свою часть и навербовать себѣ добрыхъ сотрудниковъ. Между прочимъ онъ зазвалъ нашего Пальчикова ¹⁾ изъ Пскова, и поручилъ ему объѣздить губернію, узнать подробно положеніе крестьянъ, недостатки его и способы поправленія, и потомъ ему представить свои соображенія. Это поступокъ умнаго дѣльнаго человѣка.--Если ты съ нимъ знакомъ, то можетъ быть черезъ годъ можно будетъ около него найти занятіе болѣе тебѣ приличное; а между тѣмъ приструнь Шульца и Реброва, и кого только найдешь изъ сельскихъ хозяевъ, чтобы сообщали мнѣ вск подноготную тамошнюю.

Кстати о порученіяхъ: что дѣлаеть мой чухонецъ Шегренъ? Если онъ теперь у васъ, то скажи ему при моемъ поклонѣ, что я недавно осматривалъ препорученную мнѣ его комнату съ имуществомъ и нашелъ все въ должномъ порядкѣ. Каково теперь его здоровье, т. е. глаза? Едва ли вашъ климатъ и его работо-любіе способны къ поправленію глазъ его. А жаль бы Шегрена; онъ того десятка, какихъ немного, знаетъ дѣло, любитъ его и радуется успѣхамъ науки.

Однако я что-то разписался; ужъ второй листъ на исходѣ. Надо знать совѣсть,—т. е. кончить. Прощай, любезной Вольховской, милой твоей подругѣ сердечной отъ меня и старухи моей поклонъ. Почтеннѣйшей Аннѣ Андреевнѣ прошу вручить приложенное писемцо съ нашимъ общимъ почтеніемъ.—Прощай, поминай всегда старину и стараго вѣрнаго тебѣ друга.

Егоръ Энгельгардтъ > .

Вольховскій участвовалъ въ экспедиціи съ 4 апрѣля по 11 іюля 1737 г., предпринятой подъ личнымъ начальствомъ самого Розена для покоренія Це-

¹⁾ Владиміръ Петровичъ Пальчиковъ, восп. 2 курса, вып. 1820 г., кончавъ курсъ десятымъ классомъ.

белды, занятія мыса Адлера (Константиновскаго)¹⁾ и возведенія на немъ укрѣпленія. «Въ теченіе этой экспедиціи 30 апрѣля былъ при движеніи отъ Сухумъ-Кале къ Цебельдѣ; 3 мая—при занятіи подошвы горы Агышъ, при перестрѣлкѣ и прогнаніи Цебельдинцевъ на вершину означенной горы; 5 мая—при перестрѣлкѣ съ Цебельдинцами при спускѣ съ горы Апіянчъ; 10—при перестрѣлкѣ съ непріятелемъ при выборѣ пастбишныхъ мѣстъ; 11—при перестрѣлкѣ и выбитіи Цебельдинцевъ изъ заваловъ и уничтоженіи четырехъ ауловъ въ окрестности деревни Антыпырь; 17—при перестрѣлкѣ съ Цебельдинцами при открытіи мѣстъ, удобныхъ для водооя; со 2—7 іюня—при десантѣ войскъ на мысъ Адлеръ и занятіи его, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, продолжавшимся весь день, при чемъ до прибытія на берегъ г. корпуснаго командира командовалъ десантными войсками». Предварительно занятія мыса, Г. В. Розенъ отправилъ Вольховскаго и командующаго отрядомъ военныхъ судовъ при восточномъ берегу Чёрнаго моря, контръ-адмирала Эмонта для подробнѣйшаго обозрѣнія мыса и опредѣленія на мѣстѣ способа его занятія. Посланные нашли, что самымъ наилучшимъ способомъ будетъ высадка десанта, съ чѣмъ согласился и Розенъ²⁾. Въ ночь на 3 іюня къ мысу направилась эскадра подъ командою контръ-адмирала Эмонта, составившаяся изъ 11 разнаго ранга военныхъ судовъ и 6 купеческихъ. 7 іюня эскадра приблизилась къ берегу и построилась въ боевую линію въ 250 саженьяхъ отъ него и, бросивъ якоря, спустила всѣ гребныя суда, въ числѣ 41, для высадки десанта, причемъ по непріятельскимъ окопамъ открыла сильную канонаду, благодаря которой первая часть десанта высадилась почти безъ потерь. Генералъ-майоръ Вольховскій, сойдя съ первою частью десанта на берегъ, занялъ опушку лѣса застрѣльщиками четвертаго баталіона Мингрельскаго Егерскаго полка и милиціонерами Гурійскими, Имеретинскими и Мингрельскими, въ числѣ ста

¹⁾ Во время сраженія при мысѣ Адлерѣ Александръ Александровичъ Бестужевъ 2-й находился «въ должности адъютанта при Вольховскомъ и нѣсколько разъ напрашивался идти въ пѣнь застрѣльщиковъ. Генералъ замѣтилъ ему, что никакой нѣтъ надобности подвергать себя опасности, что тамъ начальниковъ довольно, а еще прибавилъ—у Васъ и безъ того довольно славы!—но Бестужевъ просилъ неотступно, громко, при свидѣтеляхъ, и когда дѣло завязалось и загорѣлось все живѣе, когда выстрѣлы черкесскіе раздавались все чаще, все ближе, когда надобно было дать приказаніе къ отступленію всей пѣни застрѣльщиковъ, то Вольховскій не могъ не отправить Бестужева. Здѣсь, какъ извѣстно, Бестужевъ былъ изрубленъ черкесами, на 37 году отъ рожденія» («Записки декабриста», стр. 366 и 367). Достоинно замѣчанія, что, оповѣщая своего начальника барона Григорія Владиміровича Розена о дѣйствіяхъ при мысѣ Адлерѣ, Вольховскій нигдѣ не выставляетъ себя изъ присущей ему скромности. Онъ не упоминаетъ и о смерти Бестужева 2-го.

²⁾ Отношеніе отъ 29 мая 1837 г., № 97,—лагерь при деревнѣ Келасуры. (См. «Акты», собранные Кавказскою Археологическою Комиссіею, т. VIII, подъ редакціею Ад. Берже. Тифлисъ. 1881 годъ, № 347, стр. 462).

пятидесяти человекъ, подкрѣпивъ при томъ застрѣльщикомъ еще одною ротою того же баталіона. Пользуясь чрезвычайно густымъ лѣсомъ, поросшимъ высокимъ бурьяномъ и колючкою, горцы приблизились къ нашей цѣпи и завязали сильную перестрѣлку. Тутъ генералъ-маіоръ Вольховскій подкрѣпилъ Егерей и милиціонеровъ еще тремя ротами того же полка. Между тѣмъ вторая, а потомъ и третья части десантныхъ войскъ, одна за другою, были благополучно высажены на берегъ. Егеря и милиціонеры, получивъ подкрѣпленіе, двинулись было впередъ, но были остановлены горцами на 'завалѣ, впереди аула, находящагося при самомъ выходѣ изъ лѣса. Сначала они отступили черезъ пересѣченный оврагами и заросшій колючками лѣсъ назадъ, но затѣмъ, подкрѣпленные, по распоряженію Вольховскаго, 5 ротами Тифлискаго Егерскаго полка, двинулись снова впередъ и заставили горцевъ вовсе оставить лѣсъ. Другую часть десанта Розенъ отправилъ къ устью рѣки Мздымты, причемъ непріятель былъ отбѣсненъ и отсюда, а занятая мѣстность была предположена для устройства укрѣпленія. Въ посланномъ, послѣ занятія Адлера, отношеніи къ военному министру Розенъ пишетъ: «Покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство при докладѣ Государю Императору всего здѣсь (въ отношеніи) мною изложеннаго довести до Всемилостивѣйшаго свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, что успѣхомъ въ исполненіи Высочайшей воли, какъ при покореніи Цебельды, а равно при занятіи мыса Адлера, я особенно обязанъ неутомимой дѣятельности Начальника Штаба ввѣреннаго мнѣ корпуса Генералъ-Маіора Вольховскаго, который съ извѣстною его предусмотрительностью содѣйствовалъ мнѣ, сколько въ приуготовленіяхъ къ началу Высочайше повелѣнной экспедиціи, равномѣрно и къ приведенію въ исполненіе всѣхъ видовъ предначертаній для оной» ¹⁾).

Таково официальное описаніе занятія береговой полосы Кавказа и оруженія на занятой землѣ крѣпостей. Это, такъ сказать, лицевая сторона медали. Но, какъ всякая медаль имѣетъ свою оборотную сторону, такъ и въ данномъ случаѣ эти блестящіе военные подвиги имѣютъ также оборотную сторону, свою прозаическую дѣйствительность. Мы имѣемъ два письма Ф. Ф. Матюшкина къ Вольховскому, которыя показываютъ намъ въ этихъ блестящихъ подвигахъ оборотную сторону медали и рисуютъ намъ мрачныя, печальныя картины этой войны. Письма Матюшкина нельзя заподозрить въ извращеніи фактовъ, потому что Матюшкинъ былъ однокурсникомъ Вольховскаго по Лицею и, кромѣ того, другомъ его; затѣмъ, принимая участіе въ войнѣ, какъ морской

¹⁾ Ibid., стр. 870, № 747. Отношеніе отъ 10 іюня 1837 г., № 138.—См. также всеподданнѣйшій рапортъ барона Розена отъ 11 іюня 1837 г., № 139. Лагерь на мысѣ Адлерѣ. Ibid., стр. 872, № 748.

офицеръ, а не сухопутный, онъ могъ быть болѣе безпристрастнымъ въ оцѣнкѣ дѣйствій сухопутныхъ войскъ и критикѣ распоряженій армейскаго начальства. По роду своей службы, какъ морекой офицеръ, онъ не могъ имѣть антагонизма къ сухопутнымъ войскамъ, такъ какъ флотъ былъ призванъ содѣйствовать армейскимъ войскамъ при занятіи Черноморскаго побережья Кавказа: военныя суда дѣлали демонстраціи, высаживали десанты и увозили больныхъ и увѣчныхъ. Дружба съ дѣтства между Матюшкинымъ и Вольховскимъ ругается намъ, что въ этихъ интимныхъ, дружественныхъ письмахъ находится одна голая правда. Въ письмѣ отъ 30 октября 1837 г., изъ Сухумъ-Кале, на фрегатѣ «Брайловъ», Матюшкинъ пишетъ:

«Любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ.

Быть такъ близко и не написать къ тебѣ двухъ строкъ было бы грѣшно.— И кажется эти строчки будутъ довольно большія, не отъ того, чтобы было о многомъ писать, но не отправить же къ тебѣ бѣлой листъ бумаги.

Не удалось мнѣ съ тобою видѣться у черкесскихъ береговъ, фрегатъ не былъ готовъ, не удастся съ тобою увидѣться и на будущей годъ, ибо если Богъ вѣлитъ счастливо воротиться въ Севастополь; ѣду въ Петербургъ съ намѣреніемъ оставить флотъ. Въ отпускъ ужъ подалъ на 4 мѣсяца, давно бы уѣхалъ, если бы не твой Симборскій. При всемъ образованіи и умѣ его, если хочешь, не видалъ я безтолковѣе человѣка. Ноябрь мѣсяцъ, а онъ насъ держитъ въ морѣ—для чего ей Богу не знаю. У этихъ береговъ, въ это время, гдѣ нѣгдѣ укрыться, сегодня цѣлы, а завтра какъ Богъ велитъ.

Не скажу тебѣ, что я слышалъ объ немъ отъ нашихъ и отъ вашихъ—скажу тебѣ, что видѣлъ.

По требованію его для перевоза войскъ присланы четыре лучшихъ фрегата; онъ назначилъ 15 октября, мы пришли,—онъ откладываетъ до 1 ноября. теперъ не лѣто, день, часъ, дорогъ—ему представляютъ это: онъ и слышать не хочетъ—псыпаетъ дорожки въ крѣпостцѣ своей пескомъ, выкладываетъ камышками вѣзеля и моритъ людей. Я только что высадилъ 180 больныхъ съ Ардлера (Sic), въ Бомбары.—Ты бы ужаснулся при видѣ этихъ несчастныхъ—отъ нихъ пахло падалью, платъя, белья они я думаю съ самого Тифлиса не перемѣняли, 8 ф. масла и нѣсколько фунтовъ крупъ и сухари вотъ все, что на нихъ было отпущено—я отдѣливъ ихъ какъ чумныхъ, помѣстилъ ихъ въ батарею они пробыли у меня 4 дня и вотъ другой день, какъ мою батарею, насѣкомые (впи съ позволенія сказать) па лущкахъ, на борту миллионы.— Не бережетъ, не бережетъ онъ людей.

Я у него обѣдалъ и когда въ разговорѣ я ему сказалъ, что онъ крѣпость отдѣлываетъ съ роскошію, что уже это не редутъ противъ Черкесъ, а

сильная приморская батарея, которая своихъ погубила уже болѣе чѣмъ когда нибудь положить(тъ) непріятелей. Онъ не мало не обидясь моимъ неумѣстнымъ, если хочешь, замѣчаніемъ, сказалъ только: «всѣмъ извѣстно, что война требуетъ денегъ и людей—черезъ 50, черезъ 20 лѣтъ не спросятъ сколько легло людей, сколько стоитъ крѣпость,—но кто ее строилъ». — Ваше Превосходительство спросилъ я, кто строилъ Гибралтаръ?... Кто строилъ Свеаборгъ?... Онъ мнѣ не умѣлъ отвѣтить и тѣмъ кончился разговоръ о крѣпости, которая сдѣлала болѣе вреда намъ, чѣмъ Черкесамъ: до 300 говорятъ есть бѣжавшихъ (болѣе частью поляки) и говорятъ также, что болѣе часть помещена въ числѣ умершихъ, которыхъ и безъ того много.

Да впрочемъ Богъ съ нимъ, съ Симборскимъ, жалуйся на него, не жалуйся придется терпѣть изъ за Прохв. вотъ ноябрь, а онъ еще не свозилъ войскъ. По его счетамъ у него ихъ въ крѣпости 2350, а по нашимъ 1700 и чуть ли наши счеты не вѣрнѣе.

Да,—вотъ что я тебѣ хотѣлъ сказать, Вольховскій, на будущій годъ—будетъ разомъ заниматься весь берегъ, позволю обратитъ вниманіе твое на очень важной предмѣтъ, а именно на выборъ мѣста укрѣпленіямъ;—въ военномъ отношеніи; какъ самъ знаешь, дѣло мастера боится,—а въ отношеніи колоніи или засѣленія позволю мнѣ сказать два слова.

Прочти всѣ путешествія и исторіи новыхъ колоній и засѣленій Европейцовъ въ Азіи, Африкѣ особливо же Новой Голандіи и Мадагаскарѣ (какъ новѣйшія) и ты увидишь, что сначала всегда большая смертность и рѣдко, чтобы кто изъ первыхъ пересѣленцовъ пожалъ то, что онъ посѣялъ. — Причиною тому почва земли (:) стройся на камнѣ, на пескѣ и ты будешь здоровъ, но не копайся на *нетроганномъ* жирномъ и влажномъ черноземѣ.

Лѣтъ пять тому назадъ я былъ съ бригамою на станціи въ Патрасѣ (гнѣздо такое же лихорадочное, какъ крѣпость св. Духа) топографическое его положеніе совершенно сходно съ Ардлеромъ, почему мнѣ и пришло въ голову писать къ тебѣ.

Патрасъ былъ одинъ изъ любимыхъ Каподистриемъ городовъ, онъ его создалъ и выстроилъ.

Каподистрия меня жаловалъ и позволялъ мнѣ иногда спорить и высказывать свободно свои мнѣнія.—Я ему откровенно объявилъ, что выборъ мѣста новаго города самой неудачной, что онъ выстроенъ на какомъ то чумномъ грунтѣ, что старый Патрасъ напротивъ того находясь въ 1 верстѣ совершенно здоровое мѣсто. Чему жъ вы это приписываете, спросилъ меня президентъ. Почвѣ земли отвѣчалъ я, Старой Патрасъ выстроенъ на камнѣ, а Новой на сыромъ черноземѣ вездѣ на 4 и 5 футахъ вода.

Президентъ задумался и то что я сказалъ гипотезою онъ доказалъ сначала примѣрами, а потомъ (онъ былъ и докторъ) и самымъ разборомъ свойствъ почвъ. — Прибавивъ, смѣясь: «Ну, капитанъ, если Вамъ случится въ какой-нибудь части свѣта дѣлать новое засѣленіе—помните черноземъ, избѣгайте его *réveiller une terre vierge* значить (ъ) вдыхать ядъ.—Я сдѣлалъ ошибку, другой разъ не сдѣлаю».—Ваше Превосх., сказалъ я, удобства для торговли окупають лихорадку.

Дай Богъ, чтобы крѣпость св. Духа не похоронила свой гарнизонъ — и дай Богъ, чтобы рѣчка не снесла бы и ее, какъ не толсты брустверы Симборскаго. Каменная, т. е. Горная рѣчка весною и лѣтомъ большая разлица. Крѣпость св. Духа выстроена на самой рѣкѣ.

Подѣлись со мною Сухумскою скукою и прочти мое письмо.

Прощай, каковы мои двѣ строчки?—Марья Васильевнѣ, Аннѣ Андреевнѣ мое почтеніе—велика-ли у тебя семья?—если (Sic) у тебя Фединька? Дай Богъ ему счастья, которое мнѣ на роду не написано.

Ваничку ¹⁾, если Богъ велитъ счастливо воротиться въ Севастополь, я увижу въ Каменкѣ.—Нельзя не захватить къ закадычному.

Прощай. Матюшкинъ (Sic) по прежнему, не знаю какъ Вольховскій, давно отъ тебя писемъ не было.—30 Октября. Сухумъ-Кале.

(P. S.) Объ нашихъ ничего тебѣ не могу сказать, я съ 10-го сентября въ Морѣ, а то Мишка ²⁾ не оставляетъ письмами.

У Арллера я пораспросилъ о тебѣ, Марья Васильевнѣ, Аннѣ Андреевнѣ, о Вашемъ житѣ бытѣ у... у какого то Иванъ Ивановича, впрочемъ чело-вѣка которому радъ будешь не токмо въ лѣсахъ Черкесскихъ, но и въ столицѣ. Онъ Начальникъ Штаба, что-то такое, у Симборскаго—въ лихорадкѣ и въ постелѣ Шведская фамилія».

Въ письмѣ же отъ 8 ноября 1837 г., также изъ Сухумъ-Кале, на фрегатѣ «Брауловъ» Матюшкинъ даетъ слѣдующее интересное описаніе оборотной стороны обладанія крѣпостью Адлеръ:

«Вотъ тебѣ и другое писаніе изъ Сухума наконецъ кончилось Ваше Адлеровское дѣло, и я привезъ на своемъ фрегатѣ и Г. Симборскаго съ Штабомъ и 6 ротъ Мингрельскаго полка.

Каковъ долженъ быть фрегатъ скажешь ты полтора баталіона съ двадцати дневною провизією вмѣщаетъ, а я тебѣ скажу каковы должны быть баталіоны

¹⁾ Иванъ Васильевичъ Малиновскій.

²⁾ Михаиль Лукьяновичъ Яковлевъ.

и роты! вотъ тебѣ выписочка, не знаю въ какомъ комплектѣ они вышли изъ Тифлиса, но вотъ, что я привезъ:

1-го бат.	1	Карабинерн. рота	47	рядовыхъ	всѣхъ	на	всѣхъ	63
„	1	Егерскія	„	32	„	„	„	40
„	2	„	„	32	„	„	„	40
„	3	„	„	29	„	„	„	42
4-го „	11	„	„	41	„	„	„	52
„	12	„	„	43	„	„	„	51

Итого въ 1^{1/2} баталіон. 224 „ „ „ „ 288

228 ¹⁾ съ офицерами, денщиками и нестроевыми, рассчитай, во сколько обошлась Адлеровская фортеція и деньгами и людьми и какая польза?—въ двухъ верстахъ хоть сто судовъ выгружайся—цынготной гарнизонъ не посмѣетъ сдѣлать вылазки. Прости меня если я не въ духѣ, но вотъ 8 ноября я не въ гавани и не на дорогѣ въ Петербургъ.

Прощай, больше не буду писать, боюсь тебя разсердить и 1-е мое письмо тебѣ было не совсѣмъ пріятно.

Съ Симборскимъ я прожилъ три дня въ каютѣ, не понимаю, что онъ такое: самой вѣжливой, скромной человекъ, очень начитанъ, обо многомъ и если хочешь обо всемъ исключая своего Адлера судить очень здраво—я былъ твердо увѣренъ, что съ нимъ повздорю, но вышло противное мы разстались нельзя лучше и все-таки я ему не прощаю 8 ноября.

Прощай—будемъ живы увидимся. Мое почтеніе Аннѣ Андрѣевнѣ, Марѣ Васильевнѣ. Прощай. Пиши. Матюшкинъ».

Послѣ занятія мыса Адлера Вольховскій участвовалъ: 9 іюня при отраженіи атаки горцевъ на лѣвый флангъ аванпостовъ, прикрывавшихъ лагерь; 10—при прогнаніи непріятеля на лѣвомъ берегу рѣки Музымты артиллерією съ брига Аяксъ, и, въ то же время, при пораженіи непріятеля, собравшагося противъ лѣваго фланга и центра передовой цѣпи, огнемъ артиллеріи и ружейнымъ, при чемъ перестрѣлка продолжалась до вечера; 12 іюля—при перестрѣлкѣ на рѣкѣ Музымтѣ; 14 и 15—при перестрѣлкѣ съ горами въ цѣпи, прикрывавшей лагерь. За успѣшное содѣйствіе при занятіи Мыса Константиновскаго (Адлера) 11 августа объявлено ему Высочайшее благоволеніе (за № 818).

Этимъ кончается дѣйствительное военное поприще Вольховскаго, въ продолженіе котораго онъ находился на 6-ти штурмахъ, въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ и перестрѣлкахъ былъ до 80-ти разъ, въ 55-ти походахъ и въ 3-хъ степныхъ экспедиціяхъ, сопряженныхъ съ извѣстными опасностями.

¹⁾ По всѣмъ вѣроятіямъ—описка, слѣдуетъ 288.

Въ бытность Государя Императора въ 1837 году въ Закавказскомъ краѣ, въ Высочайшемъ приказѣ 1837 года, въ 9-ый день октября, «за примѣрный порядокъ и отличное устройство, найденные Государемъ Императоромъ при осмотрѣ того числа штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса», и въ приказѣ по корпусу отъ 23 ноября (за № 97), «за отличный порядокъ и устройство, найденные Государемъ Императоромъ во время Высочайшаго путешествія по Кавказскому краю, при осмотрѣ представленныхъ Его Величеству 1, 3 и 4 линейныхъ ротъ Грузинскаго Линейнаго № 15 баталіона, въ вѣдѣніи начальника штаба состоявшаго», — объявлено ему Высочайшее благоволеніе.

Въ 1837 году, ноября 9, Высочайшимъ приказомъ назначенъ командиромъ 1-ой бригады 3-ей пѣхотной дивизіи. Назначеніе это, какъ и понималъ Вольховскій, было немилостью къ нему, какъ это мы увидимъ ниже. Вотъ почему въ письмѣ Энгельгардта къ Матюшкину, отъ 6 іюля 1838 г., мы находимъ слѣдующія строки: «Суворчикъ пишетъ ко мнѣ, что для поправленія здоровья онъ просилъ себѣ отпуска на годъ; отказано, и велѣно отправиться немедленно къ своему мѣсту въ Литвѣ. Жаль Суворчика». Въ формулярѣ значится: «по причинѣ приключившейся во время пути болѣзни, о которой представилъ законное свидѣтельство, прибылъ къ должности 6 іюля 1838 года».

Вслѣдъ за письмомъ къ Матюшкину отъ 6 іюля 1838 г. Энгельгардтъ написалъ и къ Вольховскому очень длинное письмо отъ 10 іюля того же года. Въ этомъ письмѣ Энгельгардтъ высказываетъ свой взглядъ на перемѣщеніе Вольховскаго изъ Кавказа въ Россію, журитъ его, даетъ ему совѣты и утѣшаетъ его, рисуя ему картины будущаго. Мы извлекаемъ изъ этого письма то, что относится непосредственно до Вольховскаго:

«...Нѣтъ надобности тебѣ сказать, какъ поразила и глубоко сокрушила меня первая вѣсть о сдѣлавшейся съ тобой перемѣной; нѣтъ также надобности увѣрять тебя, что я ни одной минуты не сомнѣвался въ томъ, что ты лично не могъ поколебаться ни на волосъ отъ правилъ чести, благородства и добросовѣстности въ исполненіи своихъ обязанностей; это утѣшало меня, и успокаивало на щетъ *внутренней* твоей будущности, но *внѣшняя*, та, на которую смотреть толпа, по которой судить человѣка, — она не утѣшительна! Привыкши еще со скамьи лицейской говорить съ вами всеми от(к)кровенно, я скажу тебѣ, другъ мой, что мнѣ кажется, ты въ этомъ дѣлѣ не правъ: либо ты *не* зналъ всѣхъ происходящихъ у васъ безпорядковъ, либо зналъ и не возставалъ противъ нихъ. Въ обѣихъ (Sic) случаяхъ ты виноватъ, ибо обязанность твоя была, знать что происходитъ, и дѣлать все отъ тебя зависящее для предупрежденія или прекращенія зла. Отношенія къ начальнику, хотя бы и другу и благодѣтелю тутъ не должны имѣть мѣста: дружба друж-

бою, а служба службою. Долгъ дружбы не знаетъ, и зятевства не признаетъ. И такъ, по сердцу и совѣсти ты можешь быть правымъ, но по результатамъ виновать, а свѣтъ судить по результатамъ.—Помоги Богъ тебѣ по вторичной осенней просьбѣ получить отпускъ,—даже бы и отставку, ибо послѣ такого произшествія тебѣ въ службѣ едва ли сдобровать. Но будь остороженъ въ этихъ прошеніяхъ, чтобы не подать вида недовольства, прозорства и тѣмъ еще увеличить негодованіе. Не торопись; потерпи, поноси,—время великой лѣкаръ!

«Достальное о твоёмъ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ мы обсудимъ и обговоримъ на словахъ, при свиданіи; писать хорошо, а переговорить лучше. Авось Богъ сведетъ насъ осенью; тогда тряхнемъ стариной и потолкуемъ обо всемъ.

«Съ истиннымъ удовольствіемъ вижу изъ твоего письма и изъ полученнаго вчера отъ Малиновскаго, что ты не унываешь, не расстроены. Такъ и надо: Montaigne кажется говорить: *C'est un spectacle vraiment edifiant que celui de l'homme de bien luttant contre le sort et opposant à ses coups un front serein, le calme d'une bonne conscience.*

«За семейныя твои подробности очень тебя благодарю. Я на себѣ испыталь, какое утѣшеніе, какое благополучіе, имѣть миръ, спокойствіе, любовь въ своемъ домѣ. Ты ихъ имѣешь: жена добрая, милая; дѣтки здоровыя, хлѣбъ насущный обезпеченъ—можно быть счастливымъ вездѣ и при всѣхъ переломахъ судьбы. — Что то предполагаетъ Ангелъ Хранитель — всей семьи, почтенная Анна Андрѣевна? Съ вами ли останется или съ Анной Васильевной ¹⁾? Первое кажется бы лучше для нее; ей въ ея лѣта необходимы для здоровья множество удобствъ, которыхъ не можетъ доставить ей бѣдная Анна Васильевна, обязанная жить сообразно съ положеніемъ и состояніемъ несчастнаго мужа своего.—Скажи доброй Аннѣ Андрѣевнѣ отъ насъ объихъ (Sic) здѣсь стариковъ, что мы ее все по прежнему любимъ, уважаемъ и очень часто добрыми искренними желаніями упоминаемъ ²⁾).

¹⁾ Баронесса Розенъ, жена декабриста.

²⁾ Въ этомъ письмѣ находимъ слѣдующія строки, относящіяся до Лицея: «Покройникъ Лицей болѣе и болѣе тускнеть. Уши вянуть и слезы навертываются, коли слышешь, какъ выѣшніе воспитанники отзываются объ немъ и о тамошнемъ начальствѣ. Только 4½ первые курса сохранили еще прежній духъ привязанности и уваженія къ заведенію. Теперь уже и курсовъ нѣтъ; Лицей вышелъ школа, въ которой 115 человѣкъ переходить изъ класса въ классъ и чрезъ каждые 1½ года выпускаются; нѣтъ товарищества, нѣтъ духа Лицейскаго, всѣ только думаютъ о томъ, какъ бы скорѣе выбраться, а вырвавшись, говорятъ *risque* (Sic) *prendre* о Лицѣ. Жаль!» Кончается же это письмо слѣдующими прочувственными строками: «Прощай, любезной другъ; поцелуй (Sic) отъ насъ объихъ (Sic) милую свою хозяйку и малютокъ, а какъ онѣ подрастутъ, то расскажи имъ, что есть у нихъ старикъ-дѣдушка, старинной и вѣрной твой другъ. Егоръ Антоновичъ».

«Въ 1839 году, февраля 16, Вольховскій уволенъ отъ службы за болѣзнію, съ мундиромъ и пансіономъ одной трети оклада, опредѣленнаго уставомъ 6 декабря 1827 года, и по службѣ всегда аттестовался достойнымъ и способнымъ»¹⁾).

Въ письмѣ къ Вольховскому отъ 3 марта 1839 года Энгельгардъ утѣшаетъ его въ перемѣнѣ судьбы, философствуетъ по этому поводу и даетъ наставленія жить въ настоящемъ воспоминаніями о прошедшей жизни, которая,

¹⁾ Докладная записка объ увольнении въ отставку Вольховскаго была препровождена княземъ Варшавскимъ 23 генваря 1839 года за № 500 къ военному министру графу А. Н. Чернышеву.

Прошеніе объ увольнении отъ службы по болѣзни было подано Вольховскимъ 15 октября 1838 г. (г. Вильна), на трехъ гербовыхъ листахъ, цѣною два рубля каждый.

Докторское свидѣтельство (на гербовомъ листѣ въ два рубля) за № 363, за подписью дивизіоннаго доктора, коллежскаго совѣтника Колоколова и штабъ-доктора 1 пѣхотнаго корпуса, статскаго совѣтника Богинскаго, удостовѣряетъ, что Вольховскій отъ усиленныхъ занятій «сраждаетъ съ давняго времени геморойдальными припалками, происходящими отъ разстройства плототворныхъ органовъ, какъ то: труднымъ пищевареніемъ (Dispersia), частыми запорами (Obstirpatio alvi), венозными напуханіями въ ректумѣ (Tubercula Haemorrhoidalia) и многими другими». Генераль-штабъ-докторъ арміи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Хинонъ (?) за № 125 замѣчаетъ, что болѣзни эти «не составляютъ недуговъ неизлѣчимыхъ и не дѣлаютъ его совершенно разстроеннымъ», и потому отнесеніе пенсіона при отставкѣ, по его мнѣнію, не подлежитъ, какъ сказано въ свидѣтельствѣ, къ § 34 устава о пенсіяхъ, Высочайше въ 6 день декабря 1827 года утвержденаго, и имѣетъ право на получение того пенсіона только по § 35 того же устава. (Г. Варшава. Генварь 1839 г.).

Изъ «Выписки изъ списка уволенныхъ отъ службы съ пенсіономъ видно, что Вольховскій уволенъ, за болѣзнію, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети оклада, опредѣленнаго уставомъ 6 декабря 1827 г., т. е. въ 1,000 рублей (подписаль: дежурный генераль Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества генераль-адъютантъ Клейнмихель). Предположено же было, согласно §§ 14 и 34 устава о пенсіяхъ, за означенную службу и по болѣзни его исходатайствовать пенсію изъ двухъ третей оклада, опредѣленнаго уставомъ 6 декабря 1827 года (жалованья Вольховскій получалъ 2,293 руб. 40 коп. Столовыхъ, по званію бригаднаго командира—5,000 рублей).

По расчету начальства, съ 13 іюля 1817 года по 1 января 1838 года службы его было 21 годъ, 5 мѣсяцевъ и 18 дней.

За Вухарскій походъ и другіе ему прибавлено 4 года, 2 мѣсяца и 10 дней.

Итого службы его было 25 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ и 28 дней.

Изъ онаго числа лѣтъ вычитается за:

1) бытность въ отставкѣ, съ 17 мая по 25 августа 1825 года,—3 мѣсяца и 8 дней.

2) въ отпуску болѣе 4 мѣсяцевъ, съ 30 октября 1824 г.—4 мѣсяца и 28 дней.

Итого 8 мѣсяцевъ и 6 дней были высчитаны изъ общей суммы и осталось службы его 24 года, 4 мѣсяца и 24 дня. (Дѣло 1839 г., подъ № 338, св. 1226, 3 стола 1 отдѣленія Инспекторскаго Департамента, объ увольнении отъ службы командира 1 бригады 3 пѣхотной дивизіи, генераль-маіора Вольховскаго (Владиміръ Дмитріевъ)).

Дѣло объ увольнении отъ службы Вольховскаго было вытребовано изъ общаго архива Главнаго Штаба, въ Москвѣ, за что приношу глубочайшую благодарность покойному бывшему начальнику Главнаго Штаба Виктору Викторовичу Сахарову и его превосходительству Петру Александровичу Фролову, а также его превосх. г. бывшему начальнику общаго архива Александру Николаевичу Андроникову.

будучи чиста и безупречна, дастъ ему силы спокойно перенести настоящее и при измѣнившихся обстоятельствахъ начать новую жизнь. Вотъ, что пишетъ Энгельгардтъ:

«Ты уволень, другъ мой! Поздравляю, потому что это сходно съ справедливымъ твоимъ желаніемъ; жалю, потому что ты бы могъ быть еще долго полезнымъ другимъ, а теперь будешь служить только себѣ и своимъ. Жаль! Нечего дѣлать; видно нашла темная полоса жизни; нашла, и пройдетъ опять и будетъ опять свѣтло. Вѣдь и Божье солнышко иногда, особливо у насъ сѣверныхъ, совсѣмъ покрыто густымъ сѣрымъ облакомъ и нѣтъ его, и невѣжи (Sic) не горюють, что не стало солнца, нѣтъ уже его. А глядишь, повернулъ вѣтеръ, подулъ съ другой стороны, туча прошла и солнышко опять тутъ, въ полномъ своемъ блескѣ, и грѣетъ и живить природу. Такъ то и доброй человѣкъ; и на него находятъ на пути жизни такія темныя тучи и не даютъ ему дѣйствовать и творить добро, — это отдыхъ, время которымъ должно воспользоваться для провѣрки моральныхъ, совѣстныхъ своихъ самоотчетовъ. Если они удовлетворительны, если старый, безпристрастный судія, чистая совѣсть, не упрекають ни въ чемъ, то можно спокойно обождать перемены вѣтерка и удаленія тучи, и тогда съ новыми силами приняться за доброе дѣло. Нашъ Пушкинъ гдѣ-то сказалъ:

Если жизнь тебя обманетъ,
 Не печалься, не сердись!
 Въ день унынія смирись! (:)
 День веселья, *вѣтеръ*, настанетъ.
 Сердце въ будущемъ живетъ;
 Настоящее уныло:
 Все мгновенно, все пройдетъ. (;)
 Что прошло (пройдетъ), то будетъ мило ¹⁾.

«Это очень справедливо, — если, глядя назадъ, тамъ все чисто и свѣтло, то очень легко переносить удары судьбы и наслаждаться прошедшимъ. Прошедшее твое чисто; живи, утѣшайся въ немъ до поры до времени, пока туча настоящая пройдетъ, и тогда съ возобновленными силами пріймись опять исполнять долгъ человѣка — гражданина. — На меня много находило тучъ, и густыхъ, черныхъ, — прошли. Я глядѣлъ назадъ, жилъ въ прошедшемъ и дождался опять солнышка. Оно, правда, и теперь для меня какъ бы вечернее, — не очень свѣтло и не слишкомъ грѣетъ; — однако и я вѣдь на вечерѣ,

¹⁾ Стихотвореніе это написано въ 1825 г. въ альбомѣ Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ, вышедшей впоследствии замужъ за барона Б. А. Вревскаго. — (Сочиненія А. С. Пушкина: 1) изд. Лит. Фонда, т. I, Спб., 1887, стр. 347, и 2) изд. А. Суворина, т. II, 1903 г., ред. П. А. Ефремова, стр. 15; *ibid.*, т. VIII, стр. 218).

такъ и будетъ съ меня, а какъ иногда покажется грустно, холодно въ людяхъ, такъ я оглядываюсь назадъ, на свою Лицейскую стѣнку, и въ возпоминаніи прошлаго отогрѣю опять сердце, и сносно настоящее.

Заболтался я про настоящее и прошлое.—Что же твое настоящее? Что дѣлаешь ты? Что жена, дѣти? Что почтенная Анна Андрѣвна? Расскажи мнѣ на досугѣ все подробно. Гдѣ же собственно будетъ твое жительство, главная квартира? Вѣроятно въ деревнѣ, помѣщикомъ. У васъ тамъ хорошо быть земледѣльцемъ; ваша земля благодарна, благодарнѣе здѣшной земли; но и здѣшняя земля все еще благодарнѣе людей свѣтскихъ, отъ которыхъ я часто убѣгаю и прячусь въ свои кусты и деревцы, и забываю на часъ людское».

По поводу назначенія Вольховскаго бригаднымъ командиромъ Розенъ-декабристъ говоритъ: «человѣку, который участвовалъ во всѣхъ главнѣйшихъ экспедиціяхъ, столько лѣтъ находился въ этой странѣ (на Кавказѣ) и зналъ ее хорошо, который совершенно чуждъ былъ даже мысли о корысти, совѣстливо исполнялъ свою обязанность, такому человѣку дали бригаду въ окрестностяхъ Мивска» (стр. 361) ¹⁾.

«До выѣзда моего изъ Вѣлаго Ключа,—говоритъ декабристъ Розенъ,—получилъ я письмо отъ В. Д. Вольховскаго, въ которомъ онъ писалъ,—что при непріятной перемѣнѣ въ его службѣ онъ радуется, по крайней мѣрѣ, что новое его назначеніе не можетъ мнѣ теперь пренятствовать остановиться на его квартирѣ (такъ какъ декабристъ Розенъ былъ рядовымъ). Въ передней его я не видѣлъ ординарца и вѣстового, какъ бывало прежде... Мнѣ сначала грустно было видѣть В. Д. лишеннаго прежней должности и средствъ продолжать полезно службу въ странѣ, гдѣ онъ прослужилъ лучшіе годы своей жизни съ совершеннымъ самоотверженіемъ. Онъ не обижался, не оскорблялся новымъ назначеніемъ и когда я замѣтилъ ему, что начальникъ штаба не можетъ отвѣчать за корпуснаго командира, что неудовольствіе на послѣдняго не должно распространяться на перваго, то онъ возразилъ мнѣ—что косвеннымъ образомъ отвѣчаетъ и начальникъ штаба. По разстроенному здоровью хотѣлъ онъ оставить Кавказъ за годъ передъ тѣмъ, но бывъ лично обязанъ барону Г. В. Розену, не хотѣлъ покинуть его въ такое время, и рѣшился выждать Высочайшій смотръ, чтобы раздѣлить съ любимымъ начальникомъ

¹⁾ На стр. 350 декабристъ Розенъ замѣчаетъ, что корпусный командиръ баронъ Г. В. Розенъ былъ назначенъ сенаторомъ—мѣсто и должность не по чину его, потому что младше его генералы были членами Государственного Совѣта. Начальникъ штаба, В. Д. Вольховскій, былъ назначенъ бригаднымъ командиромъ—также мѣсто не по званію, потому что начальники штабовъ, на правахъ дивизіонныхъ начальниковъ, по переименованіи получали начальство надъ дивизіями. Слѣдовательно, оба назначенія показывали неудовольствіе или наказаніе.

все, что могло случиться, какъ прежде раздѣлялъ съ нимъ славу боевую, труды правленія и награды и благодарности Царскія. Безъ ропота, безъ сожалѣнія готовился онъ къ новой должности, прослуживъ 20 лѣтъ въ Гвардейскомъ Генеральномъ Штабѣ, онъ не занимался фронтовою службою, но для своего новаго назначенія, ежедневно сталъ брать уроки въ ружейныхъ приемахъ. Когда я откровенно выразилъ мое мнѣніе, что я тотчасъ подалъ бы въ отставку, выждалъ бы время когда все объяснится, и тогда опять вступилъ бы въ службу, то онъ съ этимъ не согласился, въ твердомъ убѣжденіи, что должно всегда и вездѣ служить отечеству,—и то, что онъ оставитъ службу въ одномъ случаѣ, если убѣдится, что лишень будетъ всѣхъ средствъ быть полезнымъ. Бригада его стояла въ дѣйствующей арміи, гдѣ ожидали его большія неприятности, по личной ненависти къ нему Фельдмаршала Паскевича» (стр. 358—359) ¹⁾—«...Но именно въ такихъ случаяхъ выказывается достоинство и характеръ человѣка: безъ ропота, безъ жалобы, безъ отвѣта, готовъ онъ былъ служить вездѣ, какъ онъ прежде не возносился, не гордился при возвышеніи своемъ, такъ теперь не обижался униженіемъ. Въ Пятигорскѣ я жилъ съ нимъ два мѣсяца подъ одною крышею; встрѣчалъ тамъ явную противоположность ему, смѣщенныхъ съ должностей генераль-адъютанта и атамана Кавказскаго—тайный червь точилъ ихъ сердце, всегдашній разговоръ ихъ былъ о нанесенной имъ обидѣ, они сами себя мучили. Вольховскій никогда не вторилъ ихъ жалобамъ, у него на умѣ были не звѣзды, не аксельбанты, не деньги, онъ думалъ о существенной пользѣ, которую могъ принести повсюду, гдѣ находился. Прослуживъ больше года на новомъ мѣстѣ, убѣдившись, что всякій другой генераль фронтвикъ и шагистикъ голосистый, могъ быть полезнѣе его въ бригадѣ, вышелъ въ отставку»... (стр. 361 и 362).

Въ письмѣ отъ 24 января 1839 года Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину: «Суворчикъ нашъ въ опалѣ, ему велѣно командовать бригадою въ Гродно. Онъ былъ здѣсь, хлопоталъ о назначеніи его не въ фронтвики, а въ какое-нибудь дѣльное дѣло—не тутъ то было. Онъ долженъ былъ отправиться и оттуда подаетъ въ отставку. Жаль; онъ бы могъ еще долго быть полезнымъ; да у насъ та бѣда,—какъ попалъ разъ въ опалу, такъ ужъ не выбьешься изъ подъ нее» ²⁾.

¹⁾ Г. И. Филипсонъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», сообщая о погромѣ, разразившемся на Кавказѣ, между прочимъ упоминаетъ, что «начальникъ корпуснаго штаба Вадковскій назначенъ былъ командиромъ армейской бригады въ Россіи». Это былъ не Вадковскій, а Вольховскій. Здѣсь, вѣроятно, не столько ошибка, какъ описка Филипсона, которую редакция «Рус. Арх.» тоже пропустила («Рус. Арх.», 1883 г., кн. 6, стр. 255).

²⁾ Далѣе въ письмѣ, между прочимъ, Энгельгардтъ замѣчаетъ: «У меня былъ лицейскій обѣдикъ: Суворчикъ, Корфъ, Стевень и Малиновскій съ женами, Комовскій одинъ безродный».

Какъ на причину опалы Вольховскаго, академикъ Я. К. Гротъ указываетъ на то, что во время посѣщенія Императоромъ Николаемъ въ 1837 году Закавказья были найдены разныя упущенія по управленію краемъ, поэтому кара постигла и начальника штаба Владиміра Дмитріевича Вольховскаго. Къ этому нужно прибавить, что баронъ Розень былъ смѣненъ съ должности командира корпуса по доносу барона Гана Императору Николаю Павловичу. Вольховскій же, безъ всякой вины, какъ начальникъ штаба Кавказскаго корпуса, слетѣлъ за компанію съ своимъ начальникомъ. Съ переводомъ же его бригаднымъ командиромъ въ западныя губерніи, онъ попалъ подъ начальство нерасположеннаго къ нему князя Паскевича-Варшавскаго, о характерѣ котораго мы знаемъ уже по запискѣ Михаила Ивановича Пущина 2-го.

Воспользуемся воспоминаніями барона Торнау, видѣвшаго Вольховскаго по назначеніи его бригаднымъ генераломъ. Будучи вытребованъ въ С.-Петербургъ Государемъ, послѣ двухлѣтняго плѣна у кабардинцевъ, баронъ Торнау отправился въ путь.

«На дорогѣ, пишетъ онъ, я столкнулся недалеко отъ города Ельца съ генераломъ Вольховскимъ, ѣхавшимъ изъ Динабурга ¹⁾, гдѣ онъ командовалъ бригадою, въ Полтавскую губернію, съ намѣреніемъ, испросивъ отставку, служить по выборамъ. Онъ узналъ насъ ночью по черкесскимъ шапкамъ, остановился на станціи, приказалъ подать чаю и просидѣлъ нѣсколько часовъ, подробно распрашивая обо всемъ. Послѣ нареканій, павшихъ на него за безпорядки, будто бы терпимые въ кавказскихъ войскахъ, въ которыхъ онъ, это я могу засвидѣтельствовать, совершенно былъ безвиненъ, все честолюбіе этого умнаго, скромнаго и честнаго человѣка, всегда предпочитавшаго истинную пользу наружному блеску, ограничивалось желаніемъ получить въ своей родной губерніи мѣсто предсѣдателя гражданской палаты. Онъ достигъ своего желанія, но, къ общему сожалѣнію, умеръ нѣсколько лѣтъ спустя. Мнѣ онъ предсказалъ въ ту ночь довольно вѣрно ожидавшую меня служебную будущность и очень совѣтовалъ не возвращаться болѣе на Кавказъ. Я не послушалъ его опытнаго совѣта и раскаялся потомъ, когда въ сороковомъ году, безъ проку и безъ пользы потерявъ здоровье въ черноморской береговой экспедиціи, долженъ былъ выѣхать изъ Крыма полуживой» ²⁾.

¹⁾ Вольховскій былъ назначенъ командиромъ 1-ой бригады 3-ей пѣхотной дивизіи 9 ноября 1837 года, но, какъ сказано въ его формулярѣ, прибылъ къ оной по включившейся во время пути болѣзни, о которой представилъ законное свидѣтельство, 6 іюля 1838 года. Баронъ Торнау полагаетъ эту бригаду въ Динабургъ, баронъ Розень (декабристъ)—въ Минскѣ, а Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ—въ Гродно. Гдѣ же находилась эта бригада?

²⁾ «Воспоминанія Кавказскаго офицера, 1835—1838 гг.», часть вторая, М., 1864 г., стр. 171.

Исторія увольненія барона Григорія Владиміровича Розена и его начальника штаба Владиміра Дмитріевича Вольховскаго настолько интересна, что мы позволимъ себѣ остановиться на ней подробнѣе (не касаясь, однако, подробностей, чуждыхъ Вольховскому).

Кара, обрушившаяся на начальника отдѣльнаго Кавказскаго корпуса барона Григорія Владиміровича Розена и начальника его штаба Владиміра Дмитріевича Вольховскаго, была слѣдствіемъ доноса сенатора барона Павла Васильевича Гана ¹⁾, доноса слишкомъ поспѣшнаго, непродуманнаго, слишкомъ прямолинейнаго, недостаточно обслѣдованнаго и притомъ изъ той области, въ которой доносчикъ былъ некомпетентенъ. Декабристъ Розенъ такъ объясняетъ это дѣло: «Система централизаціи, желаніе имѣть въ различныхъ краяхъ у иноплеменныхъ обитателей все одинаковое управленіе гражданское, одну форму судоустройства, общее раздѣленіе страны на губерніи и уѣзды, заставили отправить сенатора Гана ²⁾ въ Тифлисъ, чтобы тамъ на мѣстѣ собрать все нужныя свѣдѣнія и составить новый проектъ. Какъ водится, сенатору даны были особыя чиновники и секретари, люди все незнакомые съ новою страной, и пошли писать!.. Не знаю, что они писали, знаю только, что страна была раздѣлена на губерніи и уѣзды, повсюду явились новые чиновники, и судьи, и исправники, судили разноплеменныхъ горцевъ, не понимавшихъ ни языка, ни суда. Сенаторъ и чиновники его могли бы составить такой же проектъ въ Петербургѣ или въ Костромѣ, или у себя дома, все равно, — онъ былъ готовый вездѣ ³⁾. Такіе гости въ отдаленной странѣ отъ центра правительства, вдали отъ высшей власти, невольно становились особымъ центромъ происковъ; услужливыхъ людей всегда и вездѣ довольно, они предлагали свои мнѣнія, свои заключенія и писали доносы. Кто изъ гостей не слушалъ ихъ, тотъ старался самъ вывѣдывать; одинъ изъ такихъ попалъ въ Манглисъ ⁴⁾, въ

¹⁾ Впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта.

²⁾ Не объ этомъ ли Ганъ выразился Ермоловъ въ письмѣ къ князю Воронцову, что членъ Государственнаго Совѣта Ганъ долженъ заключать собою породу шарлатановъ (выдающихъ чужія мысли, дѣла—за свои)?—«Рус. Арх.», 1890 г., кн. 2, стр. 206. Письмо отъ 1 іюля 1847 г.

³⁾ В. Толстой къ числу затруднительныхъ обстоятельствъ, тормозившихъ дѣятельность Воронцова на Кавказѣ, относитъ то, «что прежнія правила управленія были все отмѣнены преобразованиемъ, которому присвоилось имя барона Гана; къ прибытію же князя отъ всего этого преобразования остались однѣ вывѣски, указывающія мѣстонахожденія разныхъ присутствій или управленій». В. Толстой: «Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ».—«Рус. Арх.» за 1877 г., кн. 11, стр. 297—298.

⁴⁾ «По красотѣ мѣстоположенія Манглисъ не уступаетъ Вѣлому Ключу, имѣя предъ нимъ даже нѣкоторыя преимущества, какъ напримѣръ прекрасную сосновую рощу посреди самого урочища, живописную рѣчку Алгетку и, въ полтора верстахъ, замѣчательный древній храмъ, принадлежащій къ числу первыхъ христіанскихъ памятниковъ въ Закавказскомъ краѣ». (См. Воспоминанія А. М. Фалѣева. «Рус. Арх.», 1891 г., кн. 12, стр. 475):

штабъ-квартиру Эриванскаго Карабинернаго полка, нашелъ тамъ злоупотре-
бленія, преувеличилъ ихъ, приписалъ ихъ и другимъ войскамъ Кавказскаго
корпуса, и вотъ откуда взять былъ матеріалъ для очерка положенія всего
края» (стр. 351 и слѣд.).

Изъ писемъ Вольховскаго къ своему начальнику, барону Григорію Вла-
диміровичу Розену ¹⁾, мы узнаемъ, кто былъ доносчикомъ; это—секретарь се-
натора барона Гана, г. Базили. Еще до катастрофы, Вольховскій (отъ 23 сен-
тября 1837 г.) извѣщалъ своего начальника о шпіонствѣ Базили въ Ман-
глисѣ. Кой-что объ этомъ мы въ выдержкахъ привели изъ записокъ дека-
бриста Розена. Вотъ, что Вольховскій писалъ, между прочимъ, въ этомъ
письмѣ: «До Вашего Высокопревосходительства дошло свѣдѣніе о странномъ
посѣщеніи въ Манглисѣ г. Базили. Я объяснялся о семъ съ сенаторомъ Га-
номъ, который утверждалъ, что никогда не посылалъ его, просилъ даже въ
случаѣ если кто изъ его чиновниковъ гдѣ явится безъ вида отъ Вашего
Высокопревосходительства и предписанія отъ него, задерживать и представлять
военному начальству. На другой день г. Базили былъ у меня и увѣрялъ,
что онъ былъ въ Манглисѣ проѣздомъ въ Цилку, дѣлалъ тамъ вопросы по
обычаю всѣхъ путешествующихъ лицъ безъ всякаго замысла и вообще возвра-
тился оттуда съ весьма выгоднымъ впечатлѣніемъ отъ всего, что тамъ видѣлъ.
Это довольно вѣроятно: г. Гану нѣтъ никакой надобности вникать въ поло-
женіе войскъ, и едва ли какое либо другое властвующее лицо нуждается
имѣть здѣсь своихъ шпіоновъ: впрочемъ это еще болѣе объяснится». Къ
сожалѣнію, это объяснилось катастрофою, низвергнушею корпуснаго начальника
барона Григорія Владиміровича Розена и его начальника штаба—Вольховскаго.

Государь Николай Павловичъ, путешествуя въ 1837 году по Кавказу,
былъ все время въ хорошемъ расположеніи духа, но при приближеніи къ
Тифлису у Государя расположеніе духа переѣнилось, вслѣдствіе поданнаго
сенаторомъ Ганомъ доноса на злоупотребленія въ Эриванскомъ Карабинерномъ
полку, и на другой день, на парадномъ разводѣ отъ этого полка случилась
катастрофа съ командиромъ полка, флигель-адъютантомъ княземъ Александромъ
Леоновичемъ Дадіаномъ ²⁾, зятемъ корпуснаго командира: Государь приказалъ

¹⁾ Письма эти помѣщаются вслѣдъ за этимъ біографическимъ очеркомъ.

²⁾ Князь Дадіанъ былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ 16 іюля 1829 г.,
лишенъ этого званія 11 октября 1837 года, высланъ въ Вятку въ 1840 году и про-
щенъ въ 1856 году. Повелѣвъ сорвать флигель-адъютантскіе аксельбанты съ Дадіана,
Императоръ Николай I пожаловалъ ихъ сыну Г. В. Розена, поручику Александру Гри-
горьевичу, который однако лишился званія флигель-адъютанта 25 іюля 1842 г. Вѣроятно,
про этого Розена упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. М. Еропкинъ, говоря, что
«при взятіи Варшавы и укрѣпленія Воля графъ Толь видѣлъ, какъ первый на брустверъ
вскочилъ Лейбъ-Гв. Преображенскаго полка прапорщикъ баронъ Розентъ, сынъ бывшаго

военному губернатору Брайко сорвать аксельбанты съ полкового командира, что и было сейчас же исполнено, и отправить его съ фельдъ-егеремъ въ Бобруйскую крѣпость, съ отдачею подъ судъ ¹⁾).

Въ нѣсколькихъ письмахъ Вольховскаго къ своему начальнику, барону Григорію Владиміровичу Розену, изъ Тифлиса, мы находимъ нѣкоторыя пред-

кавказскаго намѣстника («Рус. Арх.», 1878 г., т. 2, 179). Другой сынъ Розена, Дмитрій въ 1840—1841 г.г. служилъ адъютантомъ въ канцеляри Московскаго генераль-губернатора князя Д. В. Голицына (о чемъ упоминаетъ графъ М. Д. Бутурлинъ.—«Рус. Арх.», 1897 г., 10, стр. 250).

¹⁾ Объ этомъ много писано въ разныхъ историческихъ журналахъ, напримѣръ—въ «Русской Старинѣ», а потому не приводимъ этихъ подробностей. Бриммеръ въ своихъ «Запискахъ» о разжалованіи князя Дадіана замѣчаетъ: «всемирно на разводѣ опозоренный полковой командиръ былъ козлищемъ, вынесшимъ наказаніе за грѣхи всѣхъ полковыхъ командировъ, которыхъ обстоятельства края вынуждали употреблять солдатъ на работу и для собственныхъ надобностей; при этомъ легко вкрадывавшіяся злоупотребленія превращались въ обычай. Громовымъ ударомъ не искоренились злоупотребленія; они продолжались и продолжаютъ, но такъ какъ жертвой искупленія былъ зять корпуснаго командира, то наказаніе пало и на него. Высшая власть края потеряла въ уваженіи немыслящаго народа; le prestige c'est fondu отъ громового удара». Бриммеръ сообщаетъ затѣмъ много интересныхъ подробностей относительно неудовольствія Императора Николая на барона Розена. Интересенъ эпизодъ, случившійся съ баронессою Гань,—эпизодъ, игравшій, быть можетъ, нѣкоторую роль въ дѣйствіяхъ Гана противъ Розена. «Передъ тѣмъ (поѣздкой Государя на Кавказъ) присланъ былъ для введенія гражданскаго управленія въ Закавказьѣ сенаторъ баронъ Ганъ, прибывшій съ своею супругою. Черезъ нѣсколько дней баронесса Ганъ поѣхала съ визитомъ къ баронессѣ Розенъ (урожденная графиня Зубова). Послѣдняя ежедневно утромъ до 3 часовъ занималась съ дѣтьми и въ это время никогда никого не принимала, а пріемъ начинался съ 3 часовъ до 5. Это знало все Тифлисское общество и согласовало съ тѣмъ свои визиты. Баронесса Ганъ, не освѣдомившись, въ которомъ часу принимаетъ супруга старшаго начальника въ краѣ, или думая, что c'est bon pour les autres, пріѣхала около 2 часовъ. Камердинеръ докладываетъ, что баронесса занимается съ дѣтьми и принимаетъ съ 3 часовъ. Приказываетъ непременно доложить. «Намъ строго приказано не беспокоить баронессу во время ея занятія съ дѣтьми». Приказаніе повторяется: непременно доложить о пріѣздѣ баронессы Ганъ. Камердинеръ пошелъ. Докладывавъ ли онъ или нѣтъ, неизвѣстно, но принесъ отвѣтъ: «приказали извиниться, что занята съ дѣтьми». Какъ! баронесса Розенъ не приняла баронесу Ганъ! Das ist ja unerhört! Выводовъ изъ этого не буду дѣлать никакихъ»,—замѣчаетъ Бриммеръ. («Кавказскій Сборникъ», т. XVII, гл. XVII, стр. 27—32).—О нестроеніяхъ въ Грузинскомъ гренадерскомъ полку, замѣченныхъ Государемъ во время поѣздки по Кавказу, мы находимъ свѣдѣнія у Г. И. Филиппсона, въ его «Воспоминаніяхъ», причемъ отвѣтственнымъ лицомъ за эти нестроенія явился полковой командиръ князь Дадіанъ. «Проѣзжая черезъ Горійскій уѣздъ, гдѣ былъ расположенъ Грузинскій гренадерскій полкъ, Государь увидѣлъ въ лѣсу солдата, котораго онъ принялъ сначала за туземца. Солдатъ былъ въ рубищахъ, напоминающихъ солдатскую шинель и палаху. На вопросъ Государя, солдатъ отвѣчалъ, что онъ третій годъ пасетъ свиней своего полкового командира, а прежде пять лѣтъ былъ въ угольной командѣ. Это чрезвычайно разсердило Государя. Вѣроятно, еще прежде ему было доложено о многихъ другихъ дѣйствіяхъ полковника князя Дадіана по командованію полкомъ. Этотъ штабъ-офицеръ былъ нисколько не хуже другихъ полковыхъ командировъ, но онъ былъ женатъ на дочери барона Розена, которымъ тоже Государь былъ недоволенъ». («Рус. Арх.» за 1883 г., кн. 6, стр. 254—255).

вѣстники и подготовку этого горестнаго событія. Здѣсь раньше, чѣмъ нанести бѣзчестіе Розену, въ лицѣ его зятя, князя Дадіана, взяли за Вольховскаго, въ лицѣ маіора Золоторева, который, какъ можно понять изъ письма Вольховскаго, былъ родственникомъ его жены и командиромъ Грузинскаго линейнаго № 15 баталіона. Баталіонъ этотъ былъ подчиненъ Вольховскому. Клевета, распускаемая о командирѣ баталіона, падала поэтому и на Вольховскаго, какъ его начальника и, можетъ быть, родственника. Въ письмѣ отъ 14 октября 1837 года Вольховскій пишетъ: «Зная всѣ заботы и огорченія, обременяющія Ваше Высокопревосходительство, едва рѣшаюсь еще нанести Вамъ безпокойство; но по обязанности службы и долгу совѣсти не могу не довести до Васъ о печальномъ нашемъ здѣсь положеніи. Справедливый гнѣвъ Государя насъ постигнулъ, но кажется намъ готовить новую бѣду. Слухи самые преувеличенные разпространяются о неблаговоленіи Его Величества къ нашему несчастному корпусу: на счетъ маіора Золоторева, командира Грузинскаго линейнаго № 15 баталіона, вчера разгласили, что по принесенной на него жалобѣ нижними чинами Государь Императоръ повелѣлъ немедленно сорвать съ него эполеты и разжаловать въ солдаты.

Слухъ сей произвелъ общее безпокойство въ городѣ; при всей увѣренности моей въ благоустройствѣ сего баталіона я не могъ нетерзаться при мысли о семъ несчастіи; но представьте безпокойство бѣдной жены моей при настоящемъ ея положеніи? Впрочемъ личныя мои чувства были вскорѣ потушены опасеніемъ гораздо важнѣйшимъ, какое впечатлѣніе произведутъ подобныя разглашенія на нижнихъ чиновъ и даже Г.г. офицеровъ при нѣкоторыхъ мѣрахъ строгости нынѣ необходимыхъ для искорененія послабленій и злоупотребленій, вкоренившихся здѣсь въ теченіи многихъ лѣтъ и никогда не престававшихъ (Sic)? Сіе пробудило меня стараться узнать, отъ кого произошелъ столь злонамѣренный разговоръ; розысканіе мое остановилось на г. Базили, секретарѣ г. сенатора барона Гана; какъ увидѣть изволите изъ отношенія моего къ Его Превосходительству, которое при семъ представляя на благоусмотрѣніе Ваше, считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего о странныхъ поступкахъ самого г. сенатора. Всѣ утверждаютъ, что въ домѣ его происходятъ безпрестанные самые невыгодные разговоры о здѣшнемъ начальствѣ. Одинъ изъ первыхъ подчиненныхъ моихъ, состоящій въ близкихъ сношеніяхъ съ г. Ганомъ, всегда до сего покорный, осмѣлился безъ всякаго повода съ моей стороны, нанести мнѣ чувствительную неприятность; разумѣется, что я не упустилъ тотчасъ поставить его на настоящую ногу, оставивъ безъ примѣрнаго наказанія единственно дабы не умножать заботъ Вашихъ. Въ городѣ гласно говорятъ о ходѣ доноса г. Базили на князя Дадіана, при чемъ нѣкоторые утверждаютъ будто бы г. сенаторъ нашелся въ необходимости пред-

ставить гр. Орлову доносъ г. Базили, потому что будто бы я уже прежде отправилъ оный къ г. Военному Министру. Чистота моихъ правилъ, поступковъ и намѣреній извѣстны Вамъ, почему я лично оставляю безъ вниманія сіи коварныя сплѣтны, но немогу неопасаться, чтобы подобныя злонамѣренныя происки нераспространили и внѣ Тифлиса безпокойства въ войскѣ и въ народѣ, столь здѣсь легковѣрномъ. Безъ сомнѣнія, дѣйствующія въ семъ лица неимѣютъ намѣренія произвести настоящаго возмущенія, но въ подобныхъ обстоятельствахъ часто случается совѣмъ другое нежели интриганты предполагаютъ; народъ вообще легко взволновать, но успокоить трудно. Впрочемъ Ваше Высокопревосходительство лучше меня можете оцѣнить, въ какой степени могутъ быть основательны мои опасенія, обнаруживая же Вамъ оныя, я полагаю исполнить долгъ вѣрноподданнаго Государю и преданнаго Вамъ подчиненнаго».

Копія съ отношенія г. начальника штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, къ г. сенатору барону Павлу Васильевичу Гану, 14 октября 1837 г. за № 145:

«Вчерашняго числа распространились въ Тифлисъ на счетъ проѣзда Государя Императора черезъ Анануръ, штабъ-квартиру подчиненнаго мнѣ Грузинскаго Линейнаго № 15 баталіона, слухи, самыя горестныя для меня и могущіе имѣть самыя вредныя послѣдствія. Принявъ немедленно мѣры къ узнанію, кто оныя распространилъ, я освѣдомился, что секретарь Вашего Превосходительства Базили вчера въ домѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофиникина рассказывалъ, что при проѣздѣ Государя Императора черезъ Анануръ нѣсколько нижнихъ чиновъ означеннаго баталіона принесли жалобу на своего баталіоннаго командира маіора Золоторева, въ слѣдствіе коей Его Императорское Величество изволилъ разжаловать сего штабъ-офицера, и повелѣлъ сорвать съ него эполеты.

«Сей рассказъ сдѣлался предметомъ общаго разговора въ Тифлисъ и, безъ сомнѣнія, достигнетъ и до нижнихъ чиновъ. Вашему Превосходительству конечно небезъ—извѣстно, что воѣмъ воинскимъ чинамъ дозволено приносить жалобы только при инспекторскихъ смотрехъ и что всякая жалоба, иначе принесенная, принимается за ослушаніе и сообразно съ сѣмъ наказывается: посудите по сему, какое послѣдствіе можетъ нынѣ имѣть рассказъ г. Базили? не произведетъ ли оный въ нижнихъ чинахъ убѣжденія, что строгія мѣры въ подобныхъ случаяхъ принимаемыя начальствомъ, суть произвольныя, когда и самъ Государь Императоръ изволилъ принимать жалобы и немедленно взыскивать съ начальниковъ? не можетъ ли сіе имѣть послѣдствіемъ ропота, отъ коего столь близко къ неповиновенію и возмущеніямъ? Ваше Превосходительство знаете, сколь часто самыя ничтожныя при-

чины имѣли гибельнѣйшія послѣдствія, но въ настоящемъ случаѣ опасность не маловажная. Почему за отсутствіемъ Г-на корпуснаго командира считаю долгомъ посѣшнить довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства о поступкѣ г. Базили, покорнѣйше прося почтить меня увѣдомленіемъ о томъ, что Вамъ угодно будетъ по сему предпринять: ибо въ случаѣ возобновленія столь злонамѣренныхъ и опасныхъ разсказовъ нельзя ручаться, чтобы не обнаружилось между войсками безпокойство и неповиновеніе. При семъ присовокупляю, что, озабочиваясь единственно о пользѣ общей, я оставляю безъ всякаго вниманія поношенія нанесеннаго Г-мъ Базили мнѣ, какъ начальнику Г. маіора Золоторева, и увѣренъ, что и сей штабъ-офицеръ по извѣстному мнѣ благородству чувствъ своихъ презреть заочное обруганіе, къ коему онъ не подалъ никакого повода, вѣроятно незная даже о существованіи г. Базили. Вѣрно: Начальникъ Штаба генераль-маіоръ Вольховскій».

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 16 октября 1837 г., мы находимъ еще нѣсколько интересныхъ штриховъ о дѣятельности г. Базили и сенатора Гана. Вотъ, что Вольховскій сообщаетъ барону Григорію Владиміровичу Розену:

«Послѣ письма моего къ Вашему Высокопревосходительству отъ 14 числа сего мѣсяца у насъ ничего особеннаго не случилось, кромѣ того, что я получилъ новыя доказательства въ чернотѣ поступковъ г. сенатора.

«Его Превосходительство разсказывалъ барону Ховену, будто бы принужденъ былъ подать доносъ на князя Дадіана, потому что я угрожалъ г. Базили, что онъ будетъ солдатомъ.—Напротивъ, признавая объясненія сего послѣдняго удовлетворительными, я такъ былъ съ нимъ учтивъ, что онъ просилъ позволеніе посѣщать домъ мой: 7 числа я объявилъ и г. сенатору, что объясненія г. Базили признаю удовлетворительными. Послѣ того подполковнику Вильбрагаму г. сенаторъ говорилъ, что онъ представилъ доносъ, исполняя данныя ему наставленія; и наконецъ Профессору Коху объявилъ, что онъ самъ послалъ г. Базили въ Манглисъ для развѣдыванія!! И такъ г. сенаторъ, принявъ на себя обязанность тайно развѣдать о злоупотребленіяхъ въ Эриванскомъ полку, старался между тѣмъ усыпить внимательность начальства, дабы оно не могло само принять мѣръ къ исправленію оныхъ и чтобы удачнѣе нанести намъ ударъ, но за что? Это можетъ объяснить одна совѣсть г. сенатора.

«Отвѣта на отношеніе мое къ г. сенатору о разглашеніяхъ Базили я не имѣю; но слава Богу, что у насъ не произошло еще ничего особеннаго худого. Между солдатами носятся толки о разныхъ немилостяхъ Государя противъ здѣшняго начальства, но приняты мѣры, чтобы занятіями по службѣ и бдительнымъ надзоромъ остановить сіе, а между тѣмъ, если можно, то захватить кого-либо изъ разглашателей».

Въ результатъ подобныхъ дѣйствій Гана и его приспѣшниковъ было то, что корпусный командиръ, баронъ Розенъ, оставилъ Кавказъ, а съ нимъ вмѣстѣ и начальникъ штаба—Вольховскій ¹⁾).

Небезынтересно будетъ ознакомиться съ впечатлѣнiемъ, вынесеннымъ Императоромъ Николаемъ I изъ поѣздки на Кавказъ, и со взглядомъ его на барона Г. В. Розена и князя Дадіана, изложенными въ письмахъ Государя къ Паскевичу. «Новочеркасскъ, 21 Октября (3 Ноября) 1837 г. Окончивъ благополучно мою поѣздку на Кавказъ, полагаю, что тебѣ любопытно будетъ имѣть понятіе объ общемъ впечатлѣнiи, на меня произведеннымъ тѣмъ, что я въ короткое время успѣлъ видѣть или слышать. За Кавказомъ вообще христіане народъ предобрый, благодарный за всякое добро и способный ко всѣмъ будущимъ видамъ правительства. Армяне полезны, но великіе проныры и почти подобные Польскимъ Жидамъ; они намъ вѣрны по расчету, ихъ надо вести твердо, справедливо, но безъ всякаго баловства. Татары храбрые, усердные, жадные наградъ, но «не введи насъ во искушеніе». Ихъ должно вести справедливо и твердо. Новопріобрѣтенные Персіане, Курды и Турки смиренны, благодарны за добро, но требуютъ еще большей осторожности въ обращеніи съ ними. Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ семь краѣ столько различныхъ составныхъ частей, что ежели вездѣ нужны умные и честные исполнители, то тѣмъ паче здѣсь. Но, къ несчастью, убѣжденія, что сіе непрѣмное условіе къ общему благоустройству здѣсь исполнено, у меня нѣтъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, немногіе изъ управляющихъ поняли и свою обязанность или даже чистыми названы быть могутъ. Общая зараза своекорыстія, что всего страшнѣе, достигла и военную часть до невѣроятной степени, даже до того, что я вынужденъ былъ сдѣлать неслышанный примѣръ на собственномъ моемъ флигель-адъютантѣ. Мерзавецъ сей, командиръ Эриванскаго полка князь Дадіанъ, обратилъ полкъ себѣ въ аренду и столь нагло, что публично держалъ стада верблюдовъ, свиней, пчельни, винокуренный заводъ, на 60 тыс. пудовъ сѣна захваченный у жителей сѣнокосъ, употребляя на все солдатъ; въ полку при внезапномъ осмотрѣ найдено 534 рекрута, съ прибытія въ полкъ не одѣ-

¹⁾ Въ то время ходили слухи, что преемникомъ Розена будетъ графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, тогдашній Оренбургскій генераль-губернаторъ. По поводу этихъ слуховъ Перовскій написалъ очень интересное письмо къ А. Я. Булгакову, гдѣ высказалъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ на Кавказѣ. Вотъ, что онъ писалъ отъ 7 декабря 1837 г.: «увольненіемъ Розена и недовольствомъ Государя вполне оправдываются слухи, приходящіе изъ тамошняго края: тамъ все вверхъ дномъ, какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ управленіи. Тамъ надобень, конечно, человекъ даровитый и благонамѣренный, но главное—неретивый или по крайней мѣрѣ такой, который бы не отличался особенною дѣятельностью. Излишествомъ трудолюбія тамъ выкопаешь себѣ могилу, прежде чѣмъ удастся возстановить порядокъ. Могу ошибиться, но таково мое мнѣніе касательно Кавказа». («Рус. Арх.», 1878 г., кн. 5, стр. 35).

тыхъ, не обутыхъ, частію босыхъ, которые всё были у него въ работѣ, то есть ужасъ! За то я показалъ, какъ за неслыханныя мерзости неслыханно и взыскиваю. При полномъ разводѣ, объяви его вину, велѣлъ военному губернатору снять съ него флигель-адъютантскій аксельбантъ, арестовать и съ фельдъегеремъ отправить въ Бобруйскъ для преданія къ суду, даромъ что женатъ на дочери бѣднаго Розена; сына же его, храбраго и добраго малаго, взялъ къ себѣ въ адъютанты.

«Другой мерзавецъ, полицеймейстеръ въ Тифлисъ, полковникъ Мищенко, пьяница, воръ, имѣлъ дерзость взять на себя содержаніе почты въ городѣ, держа полицію въ совершенномъ безпорядкѣ; я его отставилъ за нетрезвое поведеніе. Бѣдный Розенъ исполненъ благихъ намѣреній, но его непомятая слабость причиной большей части золъ; ибо хорошо дѣлаютъ тѣ только, кои изъ собственнаго подвига то дѣлаютъ, взыскивать же онъ не умѣетъ. Однако надо отдать ему справедливость, что на него лично никто не жалуется, но всё говорятъ про его слабость. Онъ произвелъ прекрасныя вещи; дороги, имъ проложенныя или пролагаемыя, точно Римскія работы; крѣпость Гумри меня изумила и годилась бы составлять часть Новогоріевска, какъ выборомъ мѣста, расположеніемъ, такъ и изящностью работъ, при столь малыхъ способахъ. Край вездѣ покоенъ, такъ что всё ѣздятъ безъ конвоя, даже по самой границѣ и до Владикавказа. Доходы много поднялись, хотя при лучшемъ порядкѣ еще болѣе возвыситься должны; словомъ, повторяю, онъ дѣлалъ по крайнему разумѣнію, но его не переродись, и порокъ его все портитъ. Стало, себя виню, что не умѣлъ лучше выбрать». (Князь А. П. Щербатовъ, т. V (приложеніе): «Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность». Спб. 1896 годъ).

О томъ же событіи (катастрофѣ съ Дадіаномъ) Императоръ, по пріѣздѣ въ Москву, разсказалъ графу А. Х. Бенкендорфу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Не могу сказать вамъ, чего стоила моему сердцу такая строгость, и какъ она меня разстроила; но въ надеждѣ, поражая виновнѣйшаго изъ всѣхъ, собственнаго моего флигель-адъютанта и зятя главноуправляющаго, спасти прочихъ полковыхъ командировъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ подобнымъ же злоупотребленіямъ, я утѣшался тѣмъ, что исполнилъ святой свой долгъ. Здѣсь это было бы дѣйствіемъ самовластнымъ, бесполезнымъ и предосудительнымъ; но въ Азіи, удаленной огромнымъ разстояніемъ отъ моего надзора, при первомъ моемъ появленіи передъ Закавказскою моею арміею, необходимъ былъ громовой ударъ, чтобы всѣхъ утѣшить и, виѣтъ, чтобы доказать храбрымъ моимъ солдатамъ, что я умѣю за нихъ заступиться. Впрочемъ, я вполне чувствовалъ весь ужасъ этой сцены и, чтобы смягчить то, что было въ ней жестокаго для Розена, тутъ же подозвалъ къ себѣ сына его, преображенскаго

поручика, награжденнаго Георгіевскимъ крестомъ за Варшавскій штурмъ, и назначилъ его моимъ флигель-адъютантомъ, на мѣсто недостойнаго его шурина». («Записки графа Бенкендорфа». «Историч. Вѣстникъ» за 1903 г., т. ХСІ, февраль, стр. 466).

Графъ М. С. Воронцовъ, бывшій, спустя много лѣтъ, намѣстникомъ Кавказа, выразился, что изъ всѣхъ управленій этимъ краемъ, послѣ Ермолова, самая дѣятельная и полезная администрація была въ бытность барона Г. В. Розена; похвала эта распространяется и на Вольховскаго, какъ начальника штаба и бывшаго правой рукой барона Г. В. Розена ¹⁾).

Но, помимо этого, въ судьбѣ Вольховскаго играла роль древняго фатума—прикосновенность его къ декабрьскому заговору, прикосновенность, которая не была забыта, хотя онъ и оправдалъ себя и доказалъ всей своей службой и жизненной карьерой, что онъ вѣрный слуга престола и отечества.

Кромѣ этого, неудовольствіе Императора Николая Павловича на Вольховскаго можно объяснить вообще неудовольствіемъ Императора на Генеральный Штабъ, къ которому принадлежалъ Вольховскій. Въ своихъ воспоминаніяхъ Г. И. Филиппсонъ пишетъ: «Новый Императоръ прогнѣвался на это вѣдомство (т. е. Генеральный Штабъ), изъ котораго многіе офицеры знали о тайныхъ обществахъ или играли тамъ видную роль. Какъ и всегда они были самыя даровитыя молодые люди между своими сослуживцами и могли принести большую пользу въ будущемъ. Жизнь и карьера ихъ были безвозвратно испорчены»... ²⁾

Здѣсь небезынтересно будетъ привести мнѣніе Паскевича о служившихъ вмѣстѣ съ нимъ лицахъ, имѣвшихъ отношеніе къ заговору 14 декабря. По поводу отношенія графа Чернышева о нахожденіи при Паскевичѣ сотника Сухорукова ³⁾ Фельдмаршалъ отвѣчаетъ письмомъ отъ 16 января

¹⁾ Бриммеръ о смѣщенныхъ генералахъ отвѣчается такъ: «оба умные, достойные уваженія, пробывшіе шесть лѣтъ и хорошо ознакомившіеся съ краемъ; и когда приобретенная опытность начала примѣняться къ дѣламъ для пользы края—ихъ смѣнили въ наказаніе». («Записки», «Кавказскій Сборн.», т. XVII, стр. 32).

²⁾ «Рус. Арх.», 1883 г., кн. 5, стр. 106.

³⁾ Е. Г. Вейденбаумъ въ ст. «Декабристы на Кавказѣ» («Рус. Стар.», 1903 г., т. СХІV, июнь, стр. 499 и 500) сообщаетъ слѣдующія подробности относительно судьбы Сухорукова: «Повѣдка на Кавказѣ Бутурлина, имѣвшая такія неблагоприятныя послѣдствія для декабристовъ, отразилась такимъ же образомъ и на судьбѣ одного изъ прикосновенныхъ, именно В. Д. Сухорукова. А. И. Чернышевъ имѣлъ противъ него какое-то неудовольствіе еще съ того времени, когда разрабатывалось положеніе объ управленіи Донскимъ войскомъ. На Кавказѣ Сухоруковъ получилъ за храбрость владимирскій крестъ и золотое оружіе. Эти отличія не спасли его, однако, отъ преслѣдованій всеишняго начальника Главнаго Штаба. Вскорѣ послѣ проѣзда Бутурлина, у Сухорукова, по распоряженію изъ Петербурга, былъ произведенъ обыскъ, при чемъ въ бумагахъ его оказались записки о военныхъ дѣйствіяхъ кавказскихъ войскъ въ турецкую кампанію. Находясь

1830 г. ¹⁾: «Въ числѣ бумагъ, опечатанныхъ у сотника Сухорукова, находится историческое описаніе войны 1828 и 1829 гг., составленное имъ по моему приказанію. Употребленіе Сухорукова къ такому порученію, когда онъ, какъ извѣстно, замѣшанъ въ происшествіи 14 декабря и находится подъ секретнымъ надзоромъ, не должно удивлять васъ, м. г., ибо въ одинаковомъ съ нимъ разрядѣ находились («такъ исправлено Фельдмаршаломъ, а написано было «находятся»,—примѣчаніе князя Щербатова, біографа Паскевича) многіе служившіе при мнѣ, какъ-то: генераль-маіоръ Бурцовъ, полковникъ Леманъ, поручики Пущинъ, Искрицкій и *полковникъ Вольховскій былъ въ замѣчаніи* ²⁾ («такъ исправлено рукою Фельдмаршала; въ представленномъ же ему брьюлонѣ имя полковника Вольховскаго, безъ всякихъ объясненій стояло первымъ послѣ г. Бурцова. Сдѣлавъ означенное объясненіе, Фельдмаршалъ приписалъ было, но затѣмъ зачеркнулъ слѣдующія любопытныя слова: «они оправдали довѣріе по службѣ, но многіе изъ нихъ не оставили прежнихъ мыслей». Слова эти, конечно, могли бы погубить отличившихся на войнѣ декабристовъ, которые остались въ живыхъ»,—замѣчаетъ князь Щербатовъ)» ³⁾.

Дружескія связи Вольховскаго съ декабристами на Кавказѣ, его родственныя связи съ декабристомъ-своякомъ Розеномъ—могли тоже повліять на его судьбу, быть предметомъ доноса Гана на счетъ его. Не забудемъ, что генераль Н. Н. Раевскій за приглашеніе къ обѣду декабриста Чернышева былъ

этой было придано такое важное значеніе, что Чернышевъ по Высочайшему повелѣнію запросилъ Паскевича: на какомъ основаніи состоятъ при немъ Сухоруковъ и почему находятся у него записки о войнѣ съ Турціей?»

«Объясненіе, сдѣланное Паскевичемъ, не заключавшее въ себѣ ни одного слова въ защиту Сухорукова, рѣшило его судьбу. Чернышевъ перевелъ его въ одинъ изъ донскихъ полковъ, стоявшихъ въ Финляндіи, гдѣ онъ и скончался въ сороковыхъ годахъ въ томъ же чинѣ сотника».

¹⁾ По поводу отвѣта Паскевича Е. Г. Вейденбаумъ замѣчаетъ: «Паскевичъ поступилъ и въ этомъ случаѣ также, какъ въ дѣлѣ Раевского. Онъ успѣшилъ сложить часть отвѣтственности на другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бросить тѣнь подозрѣнія на тѣхъ именно лицъ, услугами коихъ наиболѣе пользовался во время войны». (Ibid., стр. 500).

²⁾ Курсивъ подлинника, а не нашъ.

³⁾ Князь Щербатовъ: «Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ». Спб., 1894 г., т. III, стр. 328.—См. также: «Пушкинъ и его современники». Спб., 1908 г., вып. 8, стр. 9, ст. Е. Г. Вейденбаума: «Кавказскіе знакомцы Пушкина».—Е. Г. Вейденбаумъ, приводя эти же самыя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Паскевича къ лицамъ, причастнымъ къ заговору 14 декабря, дѣлаетъ слѣдующаго рода замѣчаніе, касающееся Вольховскаго. Мы приводимъ его слова, какъ вполне вѣрный взглядъ на отношенія Паскевича къ декабристамъ и рисующія намъ затѣмъ Паскевича въ отношеніи къ Вольховскому, какъ къ своему ближайшему сотруднику. Е. Г. Вейденбаумъ говоритъ: «В. Д. Вольховскій, корпусный оберъ-квартирмейстеръ, блестятельно выполнившій свои обязанности въ турецкую кампанію, не значился въ официальномъ спискѣ прикосновенныхъ. Паскевичъ счелъ, однако, необходимымъ напомнить Чернышеву, что Вольховскій былъ въ замѣчаніи по дѣлу декабристовъ». («Рус. Стар.», 1903 г., т. СХІV, іюнь, стр. 500).

арестованъ на гауптвахтѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что дружба Вольховскаго съ декабристомъ Розеномъ, своимъ своякомъ, могла быть поставлена какъ преступленіе ¹⁾. Наконецъ, не надо забывать, какъ мы только что видѣли, что Вольховскій не пользовался расположеніемъ Паскевича, напротивъ, былъ ненавидимъ имъ. Паскевичъ же пользовался особымъ расположеніемъ Императора Николая Павловича, который называлъ его отцомъ-командиромъ и сохранилъ къ нему расположенность свою до конца жизни. Поэтому не будетъ натяжкою предположить, что Паскевичъ свою неприязнь къ Вольховскому передалъ Императору Николаю Павловичу, который, будучи предубѣжденъ противъ него, не нашелъ нужнымъ щадить Вольховскаго, когда кара постигла его начальника. Здѣсь могла быть выдвинута связь его съ декабристами, прикосновенность его къ декабрьскому возмущенію, и ему, оправданному и обѣленному уже, обстоятельства эти могли быть поставлены на счетъ, когда представился случай.

По поводу доноса сенатора Гана на барона Розена и князя Дадіана, Н. Н. Муравьевъ въ своихъ «Запискахъ» даетъ другую версію этой несчастной исторіи. Говоря о томъ, что Вадковскій просваталъ свою дочь за флигель-адъютанта полковника К—на, онъ замѣчаетъ: «Въ проѣздъ Государя черезъ Грузію... въ 1837 г. К—нъ, пріятель Дадіана, зятя барона Розена, далъ себя дружески принять имъ и сдѣлалъ тѣ донесенія, которыя имѣли послѣдствіемъ несчастіе Дадіана и сверженіе барона Розена» (стр. 203 ²⁾). Упомянувъ о томъ же К. еще въ другомъ мѣстѣ, по поводу другихъ подобныхъ порученій, Муравьевъ дѣлаетъ такое заключеніе о К—нѣ: «Онъ долженъ быть отличный служивый; но я бы никакъ не поручился за чистоту намѣреній и прямое самоотверженіе въ дѣйствіяхъ» ³⁾.

¹⁾ Что декабрьскіе отголоски имѣли вліяніе на судьбу Вольховскаго, вполне раздѣляется, какъ мы уже видѣли, Е. Г. Вейденбаумомъ—знатокомъ Кавказа и бытописателемъ его.—Пользуюсь случаемъ, чтобы поблагодарить Е. Г. Вейденбаума за цѣнныя указанія для біографіи Вольховскаго и за ралудное желаніе подѣлиться своими богатими познаніями по Кавказовѣднью, которое въ лицѣ его имѣетъ блестятельнаго знатока края и солиднаго литератора и историка Кавказа.

²⁾ Н. Н. Муравьевъ по поводу Кавказа приводитъ свой разговоръ съ Исленьевымъ съ увольненія Розена и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ слова декабриста Розена объ обычаѣ командировъ заставлятъ солдатъ работать на нихъ.

— «Баронъ Розенъ тамъ начальствовалъ, сказалъ Исленьевъ, и дурно кончилъ». — «Баронъ Розенъ, — сказалъ я, — былъ почтенный человекъ, который зналъ край и хорошо имъ правилъ; дай Богъ, всякому другому на его мѣстѣ также управиться».

— «Не правда ли, сказалъ Исленьевъ, какой былъ почтенный человекъ баронъ Розенъ? Я его тридцать лѣтъ какъ знаю; его несчастье, что Государь проѣхалъ въ Грузію въ его командованіе; случись это въ командованіе Паскевича или Ермолова, то же самое бы было. У меня дядя служилъ въ ливні при Екатеринѣ; онъ говорилъ, что войска въ томъ краю всегда занимались постройками и работами, отвлекающими ихъ отъ строевой службы, что это неизбѣжно въ томъ краю»... (Изъ записокъ Н. Н. Муравьева. Май 1842 г.—«Рус. Арх.», 1895 г., кн. 2, стр. 200).

³⁾ «Рус. Арх.», 1895 г., кн. 2, стр. 212.

Этот таинственный К. былъ никто иной, какъ Александръ Андреевичъ Катенинъ. «Онъ посѣдѣлъ въ полку въ буквальномъ смыслѣ слова и къ нему было тоже Царское слово: «На Кавказѣ дѣлаются мерзости, сказалъ Николай I.—Одинъ изъ моихъ флигель-адъютантовъ, зять главнокомандующаго, держать свой полкъ на барщинѣ и тиранить моихъ храбрыхъ кавказцевъ. Повѣжай, узнай, правда ли это и скажи мнѣ все безъ утайки». Катенинъ отправился, узналъ истину и высказалъ ее Государю безъ всякаго послабленія» ¹⁾. Дочь барона Розена, Прасковья Григорьевна, въ монашествѣ игуменія Митрофанія ²⁾, указываетъ цѣлую систему, сѣтъ интригъ, имѣвшихъ цѣлю вызвать недовольство Государя. По ея словамъ, «боевыя и административныя заслуги отца вызвали зависть главнѣйше со стороны министровъ, предъ честолюбіемъ которыхъ онъ не преклонялся, они (министры) начали мстить ему и временемъ къ тому избрали путешествіе Императора на Кавказъ. Подъ видомъ необходимо нужной подготовки для приема Его Величества, для осмотра войскъ и проч. была, по предложенію графа Чернышева, назначена коммиссія и послана къ отцу какъ бы для помощи, а между тѣмъ этой коммиссіи дана была тайная инструкція съ направленіемъ на шпіонство. Мѣсяцевъ за шесть до пріѣзда Государя пріѣхалъ въ Тифлисъ флигель-адъютантъ Катенинъ и сенаторъ баронъ Ганъ». Едва только Государь успѣлъ пріѣхать въ Тифлисъ, какъ эти лица стали дѣйствовать, «и пошла въ дѣйствіе, говоритъ Прасковья Григорьевна, тайная работа шпіоновъ, присланныхъ, чтобы потопить отца». Былъ сдѣланъ Государю доносъ о злоупотребленіяхъ со стороны жены Розена, происходившихъ, будто бы, вслѣдствіе гордаго обхожденія и вмѣшательства въ дѣла по управленію. Доложили о злоупотребленіяхъ князя Дадіана, а самому князю посовѣтовали сказаться больнымъ и не являться на парадъ. Такимъ образомъ, недовольство Государя и катастрофа на парадѣ, по этой версіи, были подготовлены рядомъ тайныхъ дѣйствій недоброжелательей Розена. О дальнѣйшей судьбѣ Дадіана Прасковья Григорьевна передаетъ слѣдующее. «Изъ Вобруйской крѣпости онъ былъ сосланъ въ Вятку, откуда черезъ два мѣсяца возвращенъ съ разрѣшеніемъ жить въ имѣніи отца и вмѣстѣ съ семействомъ поселился въ подмосковной» ³⁾.

Очень характерно письмо Вольховскаго, писанное уже въ отставку, изъ имѣнія его Каменки, отъ 18 августа 1839 года, гдѣ онъ кается въ своихъ мнимыхъ прегрѣшеніяхъ передъ своимъ начальникомъ и оканчиваетъ этимъ

¹⁾ См: «Изъ записокъ «старога преображенца» — князя Н. К. Имеретянскаго». — «Рус. Стар.» 1901 г., т. CV, мартъ, стр. 574.

²⁾ Была игуменей Серпуховскаго Владычнаго монастыря.

³⁾ «Записки баронессы П. Г. Розенъ, въ монашествѣ Митрофанія». — «Рус. Стар.» за 1902 г., январь, т. СІХ, стр. 39—43.

воплемъ чистой, непорочной души всѣ счеты съ Кавказомъ. Мы не можемъ себѣ отказать въ удовольствіи привести его здѣсь безъ всякаго сокращенія. Вотъ это письмо:

«Милостивый Государь

баронъ Григорій Владиміровичъ.

«Богу угодно было наказать насъ потерю младшей дочери нашей—прекрасное здоровое дитя утѣшавшее насъ Ангельскою добротою своею — въ короткое время погубило перенеся жесточайшія мученія отъ внутренняго воспаления. По милостивому расположенію, которымъ все семейство Ваше удостоивало насъ, Ваше Высокопревосходительство, конечно примите участіе въ горести нашей.

«Въ благопріятнѣйшія минуты жизни моей нерѣдко вспоминалъ я о бренности человѣческой и ничтожности всѣхъ земныхъ благъ: но внезапная кончина малютки нашей, и въ то же время потеря брата моего, ѣхавшаго ко мнѣ съ Кавказа, заставляють меня еще болѣе о семъ думать. Какъ необходимо быть всегда готовымъ къ великой минутѣ, которая всякаго столь неожиданно можетъ постичь; дабы же осталось небезплоднымъ настоящее мое испытаніе, я со вниманіемъ разсмотрѣлъ прежнюю жизнь мою и стараюсь по возможности загладить многіе проступки свои; между прочимъ считаю себя виновнымъ и передъ Вами. Вамъ извѣстно, что я подвергся особенному неблаговоленію за безпорядки обнаруженные на Кавказѣ въ 1837 году: будучи въ Петербургѣ я ничего предосудительнаго для Васъ не говорилъ, но въ оправданіе свое объяснялъ, что принятіе строжайшихъ мѣръ независимо отъ меня, и что начетъ положенія Эриванскаго Карабинернаго полка мы равно были въ заблужденіи. Судя по свѣтски меня въ семъ случаѣ трудно обвинить, но совѣсть иначе говорить, хотя дѣйствительно я неоднократно представлялъ Вамъ о необходимости принять строжайшія мѣры противъ излишняго хозяйства, но я долженъ былъ говорить гораздо настойчивѣе, тогда бы вполне соблюлъ обязанность свою къ Государю и къ Вамъ, достойному, добрѣйшему начальнику, отъ котораго я долженъ былъ стараться отвращать все что могло ему вредить, особенно не долженъ я былъ смотрѣть съ столь непростительною недѣятельностію на положеніе Манглиса: но слабодушіе, мелочные расчеты удержали меня, и посему будучи вполне виновнымъ во всемъ потомъ послѣдовавшемъ я недолженъ былъ ни въ чемъ оправдываться. Вблизи видѣвши столько разъ все благородство правилъ Вашихъ, чистоту намѣреній, забвеніе всѣхъ собственныхъ выгодъ для пользы общей, пользовавшись столько времени самымъ благосклоннымъ расположеніемъ Вашимъ, мнѣ слѣдовало безмолвно покориться участи своей, если бы даже былъ

я и менѣ виновенъ. Поправить поступка моего противъ Васъ немогу иначе какъ прибѣгнувъ къ неограниченному добросердечію Вашему: простите меня, какъ человѣка слабого, но не злобнаго, долго служившаго Вамъ съ сердечнымъ усердіемъ и по нынѣ душевно Васъ уважающаго. Непрошу объ отвѣтъ на сіи строки: я увѣренъ въ великодушіи и добротѣ Вашей, и даже не писалъ бы къ Вамъ, если бы откровенное сознаніе вины не было нужно для успокоенія совѣсти, столь справедливо меня укоряющей.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть,

Милостивый Государь,

Вашего Высокопревосходительства,

покорнѣйшимъ слугою

Владиміръ Вольховскій».

18 Августа 1839.

С. Каменка.

VII.

Характеристика Вольховскаго, сдѣланная его другомъ, товарищемъ и биографомъ—И. В. Малиновскимъ. — Воспоминанія В. И. Сафоновича. — О дружеской перепискѣ Вольховскаго. — Письма рекомендательныя къ нему: Е. А. Энгельгардта, Павла Лукияновича Яковлева, А. С. Пушкина.—Рекомендательное письмо Вольховскаго о сынѣ Богинскаго.—Письмо Александра Егоровича Энгельгардта о денщикахъ Вольховскаго. — Черновое письмо Вольховскаго къ неизвѣстному о денщикахъ.—Письма Мих. П. Яковлева о товарищахъ (между прочимъ о празднованіи 25-лѣтія ихъ выпуска).—Письмо барона (графа) М. А. Корфа.—Письмо Ив. Ив. Пущина.—Письмо В. К. Кюхельбекера. — Письмо Н. Кошанскаго.—Письмо Павла Калошина съ припискою Ив. Ив. Пущина.

Биографъ Вольховскаго, его товарищъ и родственникъ И. В. Малиновскій, даетъ слѣдующую характеристику его, какъ военнаго: «Никогда никто не слыхалъ отъ него привычныхъ выраженій: мы были, мы сдѣлали!—Если случалось завлечь его въ разговоръ о его походахъ, тогда онъ всегда безлично объяснялъ свои подвиги. Однажды въ минуту самодовольствія, выставлялъ, какъ одно изъ счастливейшихъ воспоминаній о своей службѣ на Кавказѣ, то, что число умершихъ нижнихъ чиновъ въ отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ, уменьшаясь постепенно, въ его время дошло до одной третьей доли противъ прежняго; и еще разъ въ искренней родной бесѣдѣ съ М*** называлъ блаженнѣйшею минутою въ жизни своей, когда послѣ одного изъ штурмовъ въ быструю кампанію, при Фельдмаршалѣ графѣ Паскевичѣ, онъ могъ дать до 150 тяжело-раненымъ въ палаткахъ на сухой соломѣ спокойный ночлегъ.—Я пришелъ, говорилъ онъ, ночью къ нимъ, они стонали, но сердце мое было покойно.—Я сдѣлалъ для нихъ все, что могъ!»

Другой товарищъ Вольховскаго по Московскому университетскому пансіону, Валерьянъ Ивановичъ Сафоновичъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» даетъ намъ очень живую и интересную характеристику Вольховскаго и въ нѣсколькихъ строкахъ описываетъ намъ всю его жизнь, начиная съ пребыванія въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ и кончая его смертью. Въ виду дружественныхъ связей, не прекращавшихся въ теченіе всей ихъ жизни, «Воспоминанія» Сафоновича приобрѣтаютъ особенный интересъ для біографіи Воль-

ховскаго; поэтому мы полагаемъ, что будетъ небезынтересно познакомиться здѣсь съ этими воспоминаніями Сафоновича, хотя въ сущности Сафоновичъ ничего новаго не сообщаетъ о Вольховскомъ. Вотъ, что онъ пишетъ:

«Изъ числа моихъ прежнихъ товарищей я больше всѣхъ любилъ Вольховскаго, попавшаго въ 1811 году въ Лицей. Это была старинная дружба, которая поддерживалась даже перепискою. Онъ вышелъ изъ Лицея въ іунѣ 1817 года, получивъ съ княземъ Горчаковымъ, нынѣшнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, золотую медаль. Вольховскій поступилъ офицеромъ въ гвардейскій генеральный штабъ, а кн. Горчаковъ началъ службу 9 классомъ по дипломатической части. Первый отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ, и вскорѣ дали ему занятіе, которое мало оставляло ему свободнаго времени. Онъ очень рѣдко заходилъ ко мнѣ. Я былъ раза два у него въ штабѣ. Мы почти никогда не могли сойтись подольше и потолковать другъ съ другомъ: Онъ притомъ былъ большой нелюдимъ, убѣгалъ общества, былъ очень застѣнчивъ и непрерывно краснѣлъ. Я начиналъ отставать отъ него. Онъ весь предался службѣ, шелъ довольно быстро, попалъ потомъ на Кавказъ, получилъ должность оберъ-квартирмейстера, дошелъ до генеральскаго чина, отличался на войнѣ, получилъ много орденовъ; но вскорѣ его не взлюбилъ Паскевичъ, услышавъ, что нѣкоторые успѣхи въ войнѣ приписываютъ Вольховскому. Онъ лишилъ его мѣста оберъ-квартирмейстера. Вольховскій пріѣхалъ въ Петербургъ, сталъ искать какого-нибудь назначенія и получилъ его генеральнымъ консуломъ въ Александрію, въ Египетъ. Въ это время открылась Польская кампанія, и Вольховскаго вмѣсто Египта отправили въ Польшу подъ начальство и въ распоряженіе Дибича, но едва онъ туда пріѣхалъ, какъ Дибичъ вскорѣ умеръ, и на мѣсто его назначенъ Паскевичъ, недоброжелатель Вольховскаго. Трудно сему послѣднему было оставаться въ Польской арміи. Онъ снова сталъ хлопотать о переводѣ его куда-нибудь и, къ счастью, получилъ при баронѣ Розенѣ должность начальника штаба Кавказскаго корпуса. Здѣсь онъ получилъ новыя отличія и сильно пошелъ въ гору; но въ пріѣздѣ на Кавказъ Императора Николая счастье его оставило. Императоръ нашелъ много злоупотребленій при управленіи барона Розена; съ зятя его, князя Дадіана, командовавшаго тамъ полкомъ, велѣлъ публично сорвать флигель-адъютантскіе эполеты за употребленіе нижнихъ чиновъ на свои работы и другіе безпорядки. Вольховскаго лишилъ мѣста начальника штаба и назначилъ бригаднымъ командиромъ въ войска, въ Южной Россіи стоявшія. Это былъ жестокій для него ударъ и совершенная царская немилость. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ похлопотать, нельзя ли какъ-нибудь поправить обстоятельства; старался оправдаться тѣмъ, что онъ, какъ подчиненное лицо, не въ правѣ былъ вмѣшиваться въ распоряженія корпуснаго командира, а тѣмъ менѣе противоѣствовать ему ¹⁾; но военный министръ князь Чернышевъ объявилъ ему, что Государь и имени его слышать не хочетъ. Такимъ образомъ Вольховскій, не успѣвъ ни въ чемъ, долженъ былъ отправиться къ своей командѣ и тамъ, захворавъ горячкою, вскорѣ умеръ 40 съ небольшимъ лѣтъ отъ роду ²⁾. Въ бытность его въ Петербургѣ онъ иногда заходилъ ко мнѣ, всегда также скромный, застѣнчивый и скучный. Быстрыя карьеры рѣдко удаются, я это замѣтилъ на многихъ личностяхъ ³⁾.

¹⁾ Не на это ли обстоятельство намекалъ Вольховскій въ письмѣ къ Розену, которое приведено въ концѣ предыдущей главы?

²⁾ Это явная ошибка Сафоновича.

³⁾ Воспоминанія Валеріана Ивановича Сафоновича. «Рус. Арх.» 1903 г., кн. 2, стр. 178—179.

Шесть лѣтъ, безвыѣздно проведенныхъ въ стѣнахъ Лицея, такъ сдружили воспитанниковъ перваго курса между собою, что и по выходѣ изъ Лицея эта дружба сохранялась до гробовой доски, и связь многихъ изъ нихъ поддерживалась дружескою перепискою. Что касается Вольховскаго, то, хотя мы и не имѣемъ его писемъ, но можемъ судить, что онъ дѣятельно поддерживалъ переписку съ товарищами, по большому количеству отвѣтныхъ къ нему писемъ его друзей. Помимо писемъ его товарищей, мы имѣемъ 37 писемъ бывшаго директора Лицея Е. А. Энгельгардта, обнимающихъ періодъ времени отъ іюня 1819 года по сентябрь 1840 г. Съ многими изъ этихъ писемъ Энгельгардта мы познакомились въ текстѣ. Въ этихъ письмахъ Энгельгардтъ рисуется намъ всю жизнь Вольховскаго, начиная съ выхода его изъ Лицея и почти до самой смерти. Не имѣя писемъ самого Вольховскаго къ Энгельгардту, мы поэтому позволили себѣ дѣлать большія выдержки изъ писемъ Энгельгардта къ Вольховскому, столь характерныхъ для послѣдняго. Въ нихъ Энгельгардтъ является для насъ не только умнымъ передовымъ членомъ своего времени, но и замѣчательно сердечнымъ и отечески расположеннымъ другомъ-наставникомъ къ Вольховскому. Помимо семейныхъ, интимныхъ вопросовъ въ этихъ письмахъ затрагиваются вопросы общественные, политическіе; въ особенности много въ нихъ говорится о судьбѣ Лицея, не говоря уже о томъ, что почти въ каждомъ письмѣ мы находимъ свѣдѣнія о разныхъ служебныхъ и жизненныхъ перемѣнахъ въ средѣ первенцевъ Лицея—товарищей Вольховскаго. Обращался Энгельгардтъ къ Вольховскому, когда послѣдній занялъ высокій административный постъ и съ рекомендаціями, просьбами; такъ онъ рекомендуетъ ему Шегрена, какъ ученаго, ѣдущаго для изслѣдованія Кавказа; рекомендуетъ также бывшаго гувернера въ Лицеѣ Шульца, который поступилъ на Кавказъ на службу; хлопочетъ, какъ редакторъ «Земледѣльческой Газеты», о привлеченіи сотрудниковъ, о чемъ проситъ Вольховскаго и даже предлагаетъ ему, по выходѣ въ отставку, сотрудничать въ этой газетѣ.

Съ разнаго рода ходатайствами и просьбами встрѣчаемся мы и въ письмахъ къ Вольховскому его товарищей и ихъ родственниковъ. Такъ, напримеръ, братъ товарища Вольховскаго, Михаила Лукьяновича Яковлева—Павелъ Лукьяновичъ, обратился къ Вольховскому съ очень интереснымъ письмомъ, въ которомъ находятся нѣкоторыя свѣдѣнія о семействѣ Яковлевыхъ. Письмо это изъ Москвы, отъ 18 мая 1828 года. Въ немъ онъ пишетъ: «Здравствуй, любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ! Поздравляю тебя съ побѣдами, почестями, — и желаю чтобъ судьба довела тебя до всевозможнаго человѣческаго благополучія. При свиданіи съ Александрой Петровной я узналъ отъ нее, что ты въ Тифлисѣ и здоровъ. Искренно признаюсь тебѣ, что я не сталъ бы докучать тебѣ письмомъ, еслибъ не нужда,

нужда кровная. У меня двоюродный братъ служить юнкеромъ въ Мингрельскомъ полку. Имя его Павелъ Лукичъ Бухваловъ. Около года, ни батюшка-мой, ни старуха мать его не имѣютъ о немъ, Бухваловъ, никакого извѣстія. Потрудись ради Бога и стариковъ, развѣдать, гдѣ онъ, что съ нимъ дѣлается? и увѣдомь меня. Я же все живу въ Москвѣ, и служу въ Межевой Канцеляріи ревизоромъ. Пишу тебѣ по прежнему, зная, что почести не перемѣнятъ тебя. Увѣдомь же, ради Бога о Бухваловѣ, и, если возможно, если онъ живъ, помоги ему: онъ уже лѣтъ шесть или болѣе юнкеромъ. Мать его родная сестра батюшкѣ. Москва наша украшается все болѣе и болѣе. Изъ товарищей твоихъ теперь здѣсь никого нѣтъ, т. е. перваго выпуска. Братъ Мишель въ Петербургѣ, служитъ при Сперанскомъ Надворнымъ Совѣтникомъ. — Дельвигъ недавно проѣзжалъ черезъ Москву съ женою своею. Пушкинъ опредѣленъ въ Собственную Канцелярію Его Величества и поѣхалъ въ походъ. Вотъ все, что знаю о твоихъ товарищахъ. Прости и порадуй насъ строчкой о Бухваловѣ.

Твой преданный *Павелъ Яковлевъ*».

На оборотѣ написано: «18-мъ въ полку унтеръ - офицеромъ въ числѣ дворянъ».

Съ такого рода письмомъ обратился къ Вольховскому и А. С. Пушкинъ. «Обращаюсь къ тебѣ, почтенный мой Владиміръ Дмитріевичъ, съ дружеской и покорнѣйшей просьбою: Графъ Забѣла ѣдетъ служить въ Грузію подъ твоимъ начальствомъ. Друзья и родственники просятъ для него твоего покровительства и благорасположенія, которое и необходимо ему въ его положеніи. Знаю, что мое представительство въ этомъ случаѣ совершенно лишнее; но я радуюсь случаю издали напомнить тебѣ о старомъ, лицейскомъ товарищѣ, искренно тебѣ преданномъ.

Посылаю тебѣ послѣднее мое сочиненіе, Исторію Пугачевского Бунта. Я старался въ немъ изслѣдовать военныя тогдашнія дѣйствія и думалъ только о ясномъ ихъ изложеніи, что стоило мнѣ немалого труда, ибо начальники дѣйствовавшія (sic) довольно запутанно, еще запутаннѣе писали свои донесенія, хвастаясь или оправдываясь ровно безтолково. Все это нужно было сличать, повѣрять etc., мнѣніе твое касательно моей книги, во всѣхъ отношеніяхъ было бы мнѣ драгоцѣнно ¹⁾).

Будь здоровъ и счастливъ. *А. Пушкинъ*.

22 іюля 1833 года (слѣдуетъ 1835). Спб.»

¹⁾ Къ этому письму академикъ Я. К. Гротъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Подлинное письмо получилъ я въ подарокъ отъ почтенной вдовы Владиміра Дмитріевича—Маріи Васильевны Вольховской, рожденной Малиновской—сестры другого лицейскаго товарища Пушкина. Въ 1833 году, когда писано это письмо, Вольховскій былъ

Если Вольховскій получалъ письма, въ которыхъ ему рекомендовали разныхъ лицъ и просили его обратить свое вниманіе на такого-то и такого-то, то и Вольховскій съ своей стороны не чуждался похлопотать за другихъ. Такъ, на одномъ изъ писемъ его товарища Федора Федоровича Матюшкина (изъ Сухумъ-Кале, фрегатъ «Браилловъ», отъ 30 октября 1837 г.) мы находимъ на чистой страницѣ черновой набросокъ письма Вольховскаго слѣдующаго содержания: «М. Г. Як. Ив. По благосклонному вниманію, которымъ нѣкогда Вы меня удостоивали, приб. къ Вамъ съ просьбою, исполненіе коей кажется не можетъ Васъ много затруднить, (а мнѣ доставить ¹). По просьбѣ ст. сов. Багинскаго, штабъ Доктора 1-го пѣх. корпуса, въ коемъ имѣю честь служить, сынъ его опредѣленъ кандидатомъ 1-го кадетскаго корпуса; но какъ въ семь корпусѣ чрезмѣрно много кандидатовъ, то Г. Богинскій не имѣетъ надежды, чтобы сынъ его, имѣющій уже 11 лѣтъ отъ роду, могъ поступить въ комплектъ до достиженія опредѣленнаго къ сему возраста. Въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ кандидатовъ гораздо менѣе, еще не сформирована одна кадетская рота и притомъ доставленіе (сына) отсюда въ Полоцкъ гораздо удобнѣе и сопряжено съ меньшими издержками, нежели въ Петербургъ. По симъ причинамъ Г. Багинскій—уже просилъ Васъ, М. Г., о перемѣщеніи сына его въ число кандидатовъ Полоцкаго кадетскаго корпуса, позвольте къ сему присоединить и мое поборнѣйшее ходатайство — благоскл. съ полнымъ (?) уваженіемъ к... Вы изволите много обязать съ отличн. почт. и соверш. преданн. имѣющаго честь быть Вашимъ, М. Г., покорнѣйш. слуг...»

Къ числу достоинствъ Вольховскаго нужно причислить чувство безпристрастія, съ которымъ онъ относился къ желающимъ поступить на службу на Кавказъ, если бы даже эти лица были его друзьями или родственниками его друзей. Какъ на такой примѣръ мы можемъ указать на Льва Сергѣевича Пушкина. Когда Л. Пушкинъ пожелалъ вступить на службу въ Грузію, онъ, вѣроятно, обратился съ этою просьбою къ Вольховскому, такъ какъ въ одномъ изъ писемъ Вольховскаго къ барону Г. В. Розену, отъ апрѣля 1834 г., Вольховскій напоминаетъ Розену, что онъ дѣлалъ ему нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ докладъ о желаніи служить въ Грузіи г. Пушкина «брата знаменитаго поэта сего имени». Баронъ Розень приказалъ Вольховскому увѣдомить Л. Пушкина, что онъ согласенъ принять его на службу въ Грузію на общемъ

начальникомъ штаба на Кавказѣ. Здѣсь во всей точности сохранены правописаніе и пунктуациі автографа». («Русская Старина» 1890 г., т. LXV, январь, стр. 104).—Сынъ Я. К. Грота, профессоръ Константинъ Яковлевичъ Гротъ впадаетъ въ ошибку, заявляя въ переизданной книгѣ своего отца (Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, Спб., 1899 г., стр. 175 и 176), что будто бы письмо печатается «впервые». Но зато К. Я. Гротъ дѣлаетъ очень важное исправленіе въ годѣ этого письма: это не 1833 г., но 1835 г. Водяной знакъ бумаги—1834 года (см. тамъ же, стр. 176).

¹) Слова, заключенныя въ скобки, въ черновикѣ зачеркнуты.

основани для всѣхъ опредѣляющихся въ этотъ край чиновниковъ. Вслѣдствіе этого, Л. Пушкинъ «записался», т. е. опредѣлился на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которое на счетъ его должно было сдѣлать запросъ Розену о переводѣ его въ Грузію. Здѣсь-то и проявилось безпристрастіе Вольховскаго къ брату его однокурника и друга. Вольховскій писалъ Розену: «Осмѣливаюсь просить Васъ о благосклонномъ отзывѣ, хотя впрочемъ не полагаю, чтобы изъ него вышелъ особенно способный чиновникъ, но онъ будетъ для общества человѣкъ пріятный, если (впрочемъ) не слишкомъ предастся безнравственному поведенію, къ коему (,) какъ я здѣсь слышалъ (,) онъ склоненъ нѣсколько ¹⁾».

Сердечная доброта Вольховскаго не ограничивалась своимъ кругомъ и своей средой, но распространялась и на лицъ, стоявшихъ ниже его въ служебномъ отношеніи. Такъ, мы имѣемъ въ коллекціи писемъ Пушкинскаго Лицейскаго Музея письмо Александра Егоровича Энгельгардта ²⁾, сына ди-

¹⁾ Несмотря, однако, на такой отзывъ Вольховскаго, Л. Пушкинъ довольно блистательно проходилъ службу на Кавказѣ. Изъ формуляра Л. Пушкина видно, что, получивъ образованіе въ благородномъ пансіонѣ при главномъ педагогическомъ институтѣ, но не кочивъ въ немъ курса, поступилъ въ 1824 году на службу въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; въ 1826 г. онъ былъ уволенъ въ отставку, а 14 марта 1827 г. поступилъ юнкеромъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ; въ 1827 г. онъ находился въ походѣ отдѣльнаго кавказскаго корпуса подъ личнымъ начальствомъ генерала Паскевича, затѣмъ графа Сухтелена и, наконецъ, съ декабря 1827 г. по февраль 1828 г., въ походѣ подъ командой барона Розена, а въ началѣ 1829 г.—опять подъ личнымъ начальствомъ Паскевича. Во второй половинѣ 1829 г. и въ 1830 г. былъ въ отпуску въ Москвѣ, въ 1831 г. былъ переведенъ въ Финляндскій драгунскій полкъ, съ которымъ принялъ участіе въ подавленіи польскаго возмущенія. Въ 1832 г., 17 декабря, уволенъ отъ службы капитаномъ; въ 1834 г., 14 апрѣля, опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, это и есть тотъ моментъ, который указанъ нами выше въ письмѣ Вольховскаго; но Пушкинъ, вмѣсто того, чтобы проситься въ Грузію, 30 іюля того же года былъ уволенъ, по прошенію, изъ министерства. Наконецъ, въ 1836 г., 13 іюля, Пушкинъ снова поступилъ въ военную службу съ чиномъ штабъ-капитана по кавалеріи, съ состояніемъ при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ, а 26 декабря былъ прикомандированъ къ Гребенскому казачьему полку; съ 1837 г. по 1841 г. принималъ участіе во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ, гдѣ онъ «приобрѣлъ извѣстность лихова боевого офицера и пользовался большою популярностью». Дальнѣйшая судьба Л. Пушкина для насъ не интересна. (См. Л. Н. Майковъ: Пушкинъ. Спб. 1899 г., стр. 23; и тамъ же—его формуляръ, стр. 37—40).

²⁾ Александръ Егоровичъ Энгельгардтъ, воспитанникъ благороднаго пансіона Царско-сельскаго Лицея, III курса, вып. 1820 г. (серебряная медаль); умеръ въ чинѣ полковника 22 декабря 1844 г., служилъ въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскомъ полку. Въ письмѣ Энгельгардта къ Матюшкину, отъ 4 декабря 1831 г., мы читаемъ: «Чари женился на Демидовой, которая кромѣ врожденныхъ безчисленныхъ добрыхъ качествъ, имѣетъ еще около тысячи таковыхъ же ей принадлежащихъ въ Курской губ. Это имѣетъ «физиономію». Онъ теперь поѣхалъ съ своею женою въ свои водчины». Князь Лобановъ-Ростовскій прибавляетъ, что Александръ Егоровичъ, вице-директоръ комиссаріатск. д-та воен. министерства, род. 10 сентября 1801 г., † 22 декабря 1843 г.; жена—Анна Григорьевна Демидова, замужемъ за нимъ съ 23 августа 1831 г., † 1840 г. (Кн. Лобановъ-Ростовскій: «Русская родословная книга». Спб. 1895 г. Т. I, стр. 1851; и т. II, стр. 423).

ректора лица, къ Вольховскому, по поводу судьбы денщиковъ Вольховскаго, оставшихся послѣ его отставки. Хотя мы не имѣемъ самого письма Вольховскаго къ А. Е. Энгельгардту, котораго въ семьѣ называли Чари, но на отвѣтномъ письмѣ Чари, на свободныхъ полутора страницахъ, находится собственноручный черновой набросокъ письма Вольховскаго къ неизвѣстному лицу, по всемъ вѣроятіямъ—кому-либо изъ комиссаріата, съ ходатайствомъ объ этихъ денщикахъ. Вотъ, что писалъ А. Е. Энгельгардтъ къ Вольховскому:

«Любезный Владиміръ Дмитріевичъ.

«Письмо твое отъ 21 апрѣля получилъ я сегодня, почему оно такъ долго было въ дорогѣ, мнѣ не извѣстно, но въ доказательство моей готовности служить старому пріятелю немедля отвѣчаю.

«Порученія твои нисколько не изгладились изъ моей памяти. Прочитавъ въ приказѣ объ твоей отставкѣ, я просилъ въ Инспекторскомъ Департаментѣ о причисленіи денщиковъ твоихъ къ Воронежской комиссіи, но получилъ въ отвѣтъ, что Департаментъ самъ назначеній имянныхъ не дѣлаетъ; денщики же поступаютъ въ ближайшіе баталіоны внутренней стражи, изъ которыхъ назначенія дѣлаются баталіоннымъ командиромъ по требованію нашего департамента. Въ слѣдствіе чего въ тоже время послано отъ насъ чрезъ Инспекторскій департаментъ къ Капцевичу требованіе о назначеніи 29 служителей въ Воронежскую Ком. — Я же на дняхъ писалъ Управляющему полковнику Арнольди, чтобы просилъ баталіоннаго командира о назначеніи въ числѣ 29 твоихъ бывшихъ людей. Если они еще у тебя, то сдай не медля и напиши отъ себя къ Арнольди письмо, объяснивъ ему выше мною сказанное. Я надѣюсь, что все сладится.

«Дѣло о снятіи запрещенія къ величайшему моему сокрушенію еще не кончено, а почему,—самъ не понимаю; Департаментъ предписалъ Комиссіи передъ самымъ твоимъ отъѣздомъ освободить имѣніе, но исполнительнаго рапорта по сіе время не получено; сегодня же посылаю строжайшее подтвержденіе о немедленномъ донесеніи, почему дѣло задержано. Надѣюсь, что и это не замѣдлитъ оковчаніемъ.

«Извини худыя успѣхи мои въ наставленіяхъ великаго Колинича ¹⁾ и нескладность, но писать, когда тормозятъ подрядчики, чиновники, курьеры и проч., ей, ей не возможно, а почту упустить не хочется.—Кланяйся Малиновскому и засвидѣтельствуй мое почтеніе Марьи Васильевнѣ.

Душевно преданный и радушный къ услугамъ А. Чари.

12 Маія 1839».

¹⁾ Калиничъ, Фотій Петровичъ, род. въ 1788 г., † 15 сентября 1851 г.; былъ гувернеромъ въ Лицеѣ.

Свободныя полторы страницы этого письма заняты слѣдующимъ собственноручнымъ черновымъ наброскомъ: «М. Г. по (полученіи) ¹⁾ увольненіи моемъ отъ службы (остались) просилъ я участія (?) б. Вице-Директора Комиссаріатскаго Департамента, многолѣтняго пріятеля моего Александра Егоровича Энгельгардта ²⁾ о зачисленіи въ Комиссаріатское вѣдомство четырехъ состоявшихъ при мнѣ деньщиковъ Ивана Кашева, Федора Сералина, Дмитрія Заякина и Логина Кирилова, которые отъ долговременнаго нахожденія въ званіи деньщикомъ сдѣлались малоспособными къ строевой службѣ, но по Комиссаріату могутъ быть весьма полезны (по отличной) какъ люди (благонадежные по) отличной (нравственности своей и усердію своему) поведенія. Александръ Егоровичъ отвѣчаетъ мнѣ, что (онъ) на сношеніе его о семь Инспекторскій Департаментъ отозвался, что оный никакихъ имянныхъ назначеній не дѣлаеть, но что сіе зависитъ отъ командировъ баталіоновъ внутренней Стражи, въ которые представляются деньщики; почему дабы дать возможность моимъ деньщикамъ получить желаемое мною назначеніе (онъ) Ал. Егоровичъ (отнесся къ) требоваль объ опредѣленіи въ Управляемую Вами Комиссію 29 служителей, я къ Вамъ, М. Г., отнесся, чтобы Вы просили батал. Командира о назначеніи въ сіе число и моихъ бывшихъ деньщиковъ. Въ слѣдствіе сего на дняхъ, отправляя сихъ людей въ Воронежъ, осмѣливаюсь присовокупить и мою покорнѣйшую просьбу не отказать въ благосклонномъ Вашемъ къ сему содѣйствіи; для людей сихъ поступленіе подъ начальство Ваше (б. избавлен. чрезъ то тяг. строевой службы, а наиболѣе возможности быть зачисленными опять въ деньщики Богъ знаетъ къ кому, еъ какому) будетъ особеннымъ щастіемъ и наградою за усердную при мнѣ службу. Вы же приобрѣтете (весьма) во всѣхъ отношеніяхъ способныхъ и благонадежныхъ служителей, коими безъ сомнѣнія Комиссаріатское вѣдомство не слишкомъ богато. Съ отличн...

«При семъ осмѣливаюсь принести Вамъ, М. Г., искреннѣйшую, живѣйшую благодарность за обязательное вниманіе къ ходатайству моему по дѣламъ покойнаго батюшки моего; Вы довершите одолженіе Ваше скорѣйшимъ разрѣшеніемъ послѣдняго дѣла по отборному сорту и возможнымъ по оному сокращеніемъ взыскані...» ³⁾.

¹⁾ Зачеркнутыя въ черновикѣ слова поставлены нами въ скобкахъ.—Письмо это, вѣроятно, писано Вольховскимъ къ Арнольди.

²⁾ Изъ этихъ словъ оказывается, что А. Энгельгардтъ былъ въ комиссаріатскомъ департаментѣ вице-директоромъ и, слѣдовательно, былъ въ гражданскомъ чинѣ, а между тѣмъ въ памятныхъ книжкахъ Лицея значится, что А. Энгельгардтъ умеръ въ чинѣ полковника Л.-Гв. Преобр. полка. (Памятная книжка за 1856—57 г., стр. 220; памяти, кн. за 1886 г., стр. 126, а также и въ книжкѣ за 1907 г.).

³⁾ Какое дѣло отца Вольховскаго—намъ неизвѣстно. Въ архивѣ интендантскаго управленія я ничего не нашелъ объ отцѣ Вольховскаго.

Въ письмахъ Ѳедора Ѳедоровича Матюшкина, какъ мы уже выше видѣли, сообщались разныя интересныя подробности о морской экспедиціи къ берегамъ Кавказа. Другой товарищъ Вольховскаго, Петръ Ѳедоровичъ Саврасовъ, сообщалъ ему въ 1827 г. о разныхъ подробностяхъ своей жизни. Точно также и другіе товарищи Вольховскаго, какъ Александръ Павловичъ Бакунинъ, Сергѣй Григорьевичъ Ломоносовъ, Ѳедоръ Христіановичъ Стевень, Иванъ Ивановичъ Пущинъ, Семень Семеновичъ Есаковъ—сообщали ему о житьѣ-бытьѣ и знакомили его какъ съ событіями и случаями своей жизни, такъ и съ разными перемѣнами на жизненномъ поприщѣ и семейными обстоятельствами другихъ товарищей. Такъ, напр., Михайль Лукьяновичъ Яковлевъ сообщалъ ему дважды подробный списокъ служебнаго положенія каждаго изъ ихъ товарищей, въ письмахъ отъ 1829 г. и 1835 г. Помимо этихъ двухъ писемъ, есть еще письмо Яковлева изъ С.-Петербурга, отъ 4 января 1826 г., гдѣ онъ также сообщаетъ о служебномъ положеніи своихъ товарищей; письмо очень интересно по юмористической характеристикѣ ихъ, какъ вѣрно замѣчаетъ баронъ Дельвигъ въ своей припискѣ къ этому письму, но не менѣе интересна и сама приписка барона Антона Антоновича Дельвига.

«С.П.В. 4 Генваря 1826.

«Лишь только ты уѣхалъ изъ Петербурга, молва прошла, что ты полковникъ!—Мы молвѣ тотчасъ повѣрили, потому что не находили тутъ ничего несбыточнаго; а еще болѣе убѣдились въ томъ, когда свитскіе офицеры подтвердили общіе слухи: но черезъ мѣсяцъ рѣшительно сказали, что ты все *пане Капитане* и мы, подосадуя на молву, пожелали тебѣ отъ души всѣхъ возможныхъ благъ въ будущемъ!

«Письмо твое къ Дельвигу насъ очень порадовало, хоть передавать вѣсти съ береговъ рѣки Чараканей (?) на берега Невы и не такъ то легко и удобно, но тѣмъ пріятнѣе должна быть всякая отъ тебя вѣсть, когда ты найдешь удобный случай сказать намъ что-нибудь о себѣ.

Наши, кромѣ Дельвига во все время были здоровы, да и самъ Антонъ начинаетъ оправляться, ты помнишь, я думаю, его всегдашнюю болѣзнь лихорадку: она-то недавно потревожила его тучность.

Саврасовъ сдалъ было роту; но полковникъ его сдѣланъ на дняхъ бригаднымъ и ржему опять приходится хлопотать съ ротой.

Малиновскаго давно не видалъ,—онъ здоровъ, не совсѣмъ веселъ, по причинѣ, которая должна быть тебѣ слишкомъ извѣстна. Долго ли онъ у насъ пробудетъ и того не знаю.

Корфъ занятъ, занятъ, занятъ,—я съ нимъ рѣдко вижуся.

Корниловъ щеголяетъ съ Анною въ петлицѣ, и она *придаетъ еще болѣе* важности его массивной фигурѣ.

Тырковъ укатилъ въ свои помѣстья, но скоро возвратится.

Объ Есаковѣ вѣтъ ни слуху, ни духу, и о Мясоѣдовѣ также; отъ Матюшкина есть вѣсти. Онъ здоровъ. Вотъ все, что я знаю.

Комовскій, лисичка по прежнему—служить хорошо, кромѣ должности по Смольному Монастырю, онъ участвуетъ (*sic!*) въ занятіяхъ по Министерству Просвѣщенія.

Мартыновъ—Столоначальникъ, Кавалеръ Анны 3-й степени. Чего жъ ему больше?

Илличевскій, какъ путешественникъ, наблюдатель, маршируетъ по Петербургу съ золотыми очками, безъ которыхъ ничего не значили бы его проницательныя очи.—Представленъ къ Владимірскому кресту, а ему очень хочется быть Кавалеромъ разныхъ орденовъ. Честолюбія у Алексѣя Дамьяновича довольно, мы это съ тобой давно знаемъ.

Стевень улетѣлъ на родину.

Костенскаго никто не видитъ. Или онъ ходитъ подъ шляпкой невидимкой или... или... не прид(ум)аю, что сказать.

Юдинъ, Гревеницъ; Гревеницъ, Юдинъ *und weiter nichts*.

Посмотримъ, что Яковлевъ теперь скажетъ объ Яковлевѣ:

1. Онъ тебя съ прошедшими праздниками и Новымъ годомъ поздравляетъ и всѣхъ благъ жолаетъ.

2. Что онъ любитъ тебя по прежнему.

3. Что ему не удастся много поясить, потому что занять дѣломъ, и наконецъ,

4. Что онъ пересталъ на время влюбляться.

P. S. Недавно видѣлся съ твоимъ братомъ. Столкнулись голодные въ ресторанѣ. Молодецъ!

Льва Сергѣевича давно не видѣлъ, онъ не унываетъ, горюетъ, хотъ и есть о чемъ.

Комиссію Дмитрія исполнимъ, какъ только Стевень возвратится изъ Финляндіи ¹⁾).

«Милый другъ, письмо твое едва было получено, сейчасъ доставлено Яковлеву, для круговой передачи, но Яковлевъ не показывалъ его никому. И до того ли ему? Онъ пьетъ съ шампанскимъ сженку и каждый день влюбляется въ новую красоту. Насилу я его, отъѣздомъ Льва Пушкина, убѣдилъ написать къ тебѣ вышеслѣдующее письмо оригинальное, совершенное въ своемъ родѣ.—Жена моя тебѣ очень кланяется, желаетъ здоровья и побѣдъ, я тоже. Насилу пишу, я уже около двухъ мѣсяцевъ болѣнъ. Пиши и люби.»

¹⁾ Эти три P. S. написаны какъ будто бы не рукой Яковлева; приписка же сдѣлана, вѣроятно, Дельвигомъ.

Обращаетъ на себя вниманіе письмо Яковлева изъ С.-Петербурга, отъ 11 іюня 1835 г., также съ юмористической характеристикой товарищей. Подписано оно № 39, т. е. номеромъ комнаты или келіи, которую Яковлевъ занималъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ. Онъ пишетъ слѣдующее:

«Весьма радъ, что нашелъ случай поговорить съ тобою, не чрезъ почту, а чрезъ отъѣзжающаго пріятеля моего Куликовского.

Благодарю тебя за милое письмо твое отъ 27 марта, и за воспоминаніе шаферовъ. Кстати о Матюшкинѣ, какъ о шаферѣ. Онъ переведенъ, по желанію Лазарева въ Черноморскій флотъ и чрезъ двѣ недѣли совсемъ съ нами раскланивается. Общій слухъ носился, что онъ женится на дочери Англійскаго генерала Форбаса, на милой и богатой, но слухъ этотъ не подтвердился, ибо Матюшкинъ и руками и ногами былъ противу брачнаго союза. А дѣло это весьма подозрительное. Познакомился онъ съ ними въ Мальтѣ, завелъ переписку. Его ласкали и пріѣхали даже въ Питеръ, а онъ тутъ то и на попятный дворъ. Мы все его бранили, уговаривали, убѣждали, потому что отъ него одного зависѣло рѣшеніе этого дѣла, но онъ не внималъ нашимъ убѣжденіямъ.— Не знаю его намѣреній; знаю, что все удивляются его упрямству.— Похоже ли это на Федернелку?

Говора о Лицейстахъ, я тебѣ показываю какъ будто Китайскія тѣни.— Ты я думаю припомнишь этихъ молодцовъ, которые рассказываютъ о томъ и о семъ съ прибаутками; а вотъ Иванъ Ивановичъ прощается съ своею милой подругой, а вотъ славный побѣдитель, Генераль Забалканск., а вотъ etc. etc.

— Ну, такъ слушай теперь мои розказни.— О Матюшкинѣ статья кончена.

Корфъ—идетъ въ гору, любимъ всеми и постоянно держится Лицейскаго круга, не измѣняя 19 октября.

Ломоносовъ—на дняхъ прибылъ въ попыхахъ изъ Лондона.— Назначается повѣреннымъ въ дѣлахъ, въ Бразилію. Онъ ничего не перемѣнился и также твердитъ о Лицеѣ, о братствѣ.

Бакунинъ—овдовѣлъ. Хозяиничаетъ и заботится не о пріобрѣтеніи почестей, а существеннаго.

Иличевскій—купилъ домъ за 60/т. р., а старый продалъ.— Вѣдняя худѣтъ и упалъ совсѣмъ духомъ.— Я иногда его разшевеливаю, но не на долго. Онъ живетъ совершеннымъ отшельникомъ и безпрестанно лечится.

Масловъ—живетъ по прежнему. Было у него недавно горе— умерла дочь.

Мартыновъ—начальникъ отдѣленія въ Департ. Народнаго Просвѣщенія.— Трудится съ утра до вечера.— Ужасно похудѣлъ.— Сидитъ дома и не видится даже съ Лицейстами.

Юдинъ—Проговоривали (?), что женится, но не правда. Онъ сдѣлался доступнѣе.— Не пугается насъ.— Бываетъ у Корфа, при свиданіи подшучиваетъ по прежнему, такъ что думаешь, что онъ все въ Лицейскомъ сергукѣ.

Стевень — твердить, что брачный союз необходимъ и уговариваетъ всѣхъ холостяковъ непремѣнно жениться. Онъ поживаетъ очень хорошо.

Гревеницъ — всѣ (все) съ прежними страстями къ бабочкамъ и букашкамъ. Служить хоть несчастливо, но на хорошемъ счету.

Пушкинъ. — Ему далъ Богъ второго сына, по имени Григорія. — Давно съ нимъ не видался и потому не знаю, что съ нимъ дѣлается, знаю только то, что онъ давно ничего не пишетъ, и нуждается въ деньгахъ.

Яковлевъ — живетъ по прежнему, ни шатко, ни валко, ни на сторону. — Вспоминаетъ о друзьяхъ своихъ, ограничивается короткимъ кругомъ знакомыхъ и не мечтаетъ ни о богатствѣ, ни о почестяхъ, полагаясь на то, *что будетъ, то будетъ!*

Мое усерднѣйшее почтеніе Милостивой Государынѣ Аннѣ Андреевнѣ и Марьѣ Васильевнѣ. Не забудь поцѣловать за меня милого племянника. № 39 ¹⁾». Въ письмѣ отъ 24 ноября 1836 г. Яковлевъ описываетъ празднованіе 25-лѣтія ихъ курса и сообщаетъ нѣкоторыя подробности о Пушкинѣ, по поводу недочитаннаго имъ стихотворенія на 19 октября, которыя не вполне совпадаютъ съ тѣмъ, что извѣстно изъ статьи В. Гаевского «О Лицейскихъ годовщинахъ». Въ виду этого, мы позволимъ себѣ помѣстить это письмо здѣсь.

«Здравствуй, любезный другъ Владиміръ Дмитріевичъ. Спасибо за письмо твое отъ 8 октября и за увѣдомленіе о полученіи Словаря о Святыхъ...

19 число октября предполагалось праздновать въ самомъ Лицеѣ, по случаю минувшаго двадцатипятилѣтія, но не состоялось. Энгельгардтъ предлагалъ, чтобы первый выпускъ праздновалъ вмѣстѣ со вторымъ и третьимъ выпускомъ, но и это не склеилось. И такъ 19 число праздновалось по обыкновенію, между нами. Прежде всего надо сказать тебѣ, что къ этому времени пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ деревни Мясоѣдовъ и натворилъ много чудесъ. Онъ вытащилъ изъ норы Гревеница, который никогда не являлся къ намъ на праздникъ и отыскалъ Мартынова, словомъ дѣйствовалъ мастерски. Всѣхъ насъ въ сборѣ было одиннадцать человекъ: Юдинъ, Мясоѣдовъ, Гревеницъ, Яковлевъ, Мартыновъ, Корфъ, Пушкинъ, Илличевскій, Комовскій, Стевень, Данзасъ. — Уже съ прошлаго года положено собираться въ этотъ день къ обѣду, а потому и прибыли всѣ ко мнѣ на квартиру къ 4-мъ съ половиною часамъ. Комовскій сдѣлалъ намъ сюрпризъ. Онъ явился къ намъ въ собственномъ Лицейскомъ мундирѣ, который у него до сихъ поръ хранится. Кромѣ того потѣшилъ онъ за обѣдомъ, показавъ письма, писанныя Кюхлемъ въ Лицеѣ къ Комовскому. Письма таинственныя, страстныя!.. Преуморительныя. — Читалъ и я письмо твое

¹⁾ Т. е. Яковлевъ. См. Гротъ: Пушкинъ..., стр. 286.

отъ 8 октября, въ которомъ ты просилъ меня поклониться всѣмъ—скотобратцамъ¹⁾.—Порученіе нельзя было лучше выполнить. Всѣ наши въ Петербургѣ находящіеся были въ сборѣ и я за одинъ разъ всѣмъ отвѣсилъ поклонъ.

Примѣтно старѣемъ мы! Никто лишняго уже не пьетъ, никто съ избыткомъ сердца не веселится. Впрочемъ время провели мы весьма пріятно.—Всѣ разошлись чинно въ 10-мъ часу.—Пушкинъ было начиналъ читать стихи на 25-ти лѣтіе, но не вспомнилъ. Обѣщалъ ихъ докончить и доставить. Проходитъ мѣсяцъ, а обѣщаніе еще не выполнено. Боюсь—обманетъ.

Федору или Федервелке писалъ я подробную реляцію о праздникѣ. Онъ меня, какъ Коммисіонера, не забываетъ.

Тырковъ, по словамъ его любезнаго брата, совсѣмъ рехнулся. Онъ сидитъ запершись въ комнатѣ, вырѣзываетъ бумажки и пускаетъ ихъ на произволь вѣтра.

Съ Ломоносовымъ переписку ведетъ Юдинъ.

Масловъ поживаетъ въ Москвѣ хорошо. Но худо то, что честолюбіе начинаетъ его мучить. Видно эта болѣзнь перешла къ нему отъ Илличевского, который нынѣ поправляется, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ получилъ крестъ Владиміра 4-ой степени.

Корфъ, по словамъ нѣкоторыхъ, перемѣнился, т. е. сталъ представлять изъ себя Государственнаго человѣка; по словамъ другихъ,—въ отношеніи къ товарищамъ онъ все тотъ же.—Споръ остался нерѣшеннымъ.

Поклонись отъ меня Милостивой Государынѣ Аннѣ Андреевнѣ, Марьѣ Васильевнѣ и Аннѣ Владиміровнѣ. Нѣтъ, Анну Владиміровну покаместъ за меня поцѣлуй.

Бывшему крошкѣ Энни²⁾, разгвѣзжающему уже верхомъ въ черкесскомъ облаченіи, желаю со временемъ смирить всѣхъ непокорныхъ черкесовъ и чеченцевъ и прославить имя свое въ странахъ Закавказскихъ.

Будь здоровъ. Не забывай Лицейскаго старосту.

М. Яковлевъ».

Изъ писемъ другихъ товарищей обращаетъ на себя вниманіе письмо барона (графа) Модеста Андреевича Корфа. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Малиновскому (отъ 18 апрѣля 1835 г.) Корфъ упоминаетъ о двухъ письмахъ къ нему Вольховскаго, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «...недавно я какъ

¹⁾ Это шуточное названіе, заимствованное изъ одной лицейской пѣсни, которымъ называли себя лицеисты перваго курса. Въ одномъ изъ лицейскихъ журналовъ была карриатура на первокурсниковъ, нарисованная Илличевскимъ, въ которой они изображены въ видѣ разныхъ животныхъ.

²⁾ Энни—сынъ декабриста Розена, племянникъ Вольховскаго, воспитывавшійся у послѣдняго.

то... сподобился двухъ писемъ отъ Вольховскаго преуморительныхъ, если вздумаешь, что они писаны за нѣсколько тысячъ верстъ: представь, въ первомъ онъ поздравляетъ меня въ шести строкахъ съ новымъ назначеніемъ, а во второмъ въ восьми строкахъ сообщаетъ просьбу своей сестры о пенсіи. Ни слова ни о женѣ, ни о себѣ—это или слишкомъ утонченная дипломатичность или лѣнь, превосходящая мою, ибо я по крайней мѣрѣ когда примусь за перо, не могу уже кончить>... Въ настоящемъ письмѣ къ Вольховскому, отъ 17 февраля 1837 г., Корфъ вспоминаетъ объ этихъ письмахъ въ нѣсколько строчекъ и касается, между прочимъ, смерти Пушкина и того впечатлѣнія и скорби, которую произвела эта смерть на него самого и товарищей. Поэтому мы приводимъ это письмо полностью.

«Строки твои несказанно обрадовали меня, любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ, и какъ знакъ дружественной памяти, сохраняемой тобою вдалькѣ отъ старомъ товарищѣ, и какъ пріятная,—при всей своей право непростительной краткости,—въсточка о тебѣ и любезномъ твоёмъ семействѣ. Благодарю тебя искренно за участіе въ милостяхъ, которыми добрый нашъ Государь не перестаетъ осыпать меня, хотя и дивлюсь, какъ ты, въ Тифлисѣ, могъ знать 29 Января то, что случилось здѣсь только 31 Декабря и напечатано въ газетахъ гораздо позже. Но видно до тебя дошло не все, меня касающееся. Мы старѣемся, любезный другъ, и хотя мушина подъ сорокъ лѣтъ еще не старикъ, но прошли уже тѣ красные денечки, когда въ свѣтлые и исполненные будущихъ надеждъ помыслы наши не примѣшивалось никакой горькой думы о простудѣ, о діетѣ, о кашлѣ, и пр. По крайней мѣрѣ такъ со мною: труды ли, или что другое, но я очень рано похилѣлъ и теперь пишу тебѣ, едва оправившись отъ тяжкихъ страданій; я вынесъ двухмѣсячную горячку, которая привела было меня въ самое близкое сосѣдство къ дверямъ гроба и совѣмъ разстроила и безъ того уже разслабленный организмъ мой. Доктора рѣшительно требуютъ, чтобы я ѣхалъ за новыми силами, и, такъ сказать, обновиться, къ Рейнскимъ водамъ, а оттуда въ горы Швейцаріи и подъ яхонтовое небо Итали, до глубокой зимы. Но милость Государя и тутъ осѣнила меня: онъ благословляетъ меня на дальнюю поѣздку и напутствуетъ щедрымъ пособіемъ. Въ половинѣ мая я отправляюсь на полгода съ женою и дѣтьми, изъ которыхъ младшаго,—двухлѣтняго сына,—заравѣе рекомендую въ женихи твоей дочери. Надѣюсь, съ Божію помощію, что это путешествіе укрѣпитъ меня на новую, усерднѣйшую службу моему благодѣтелю: этотъ первоначальный долгъ вѣрноподданнаго обратился теперь у меня въ долгъ горячей, сыновней любви и благодарности.

При полученіи этого письма, ты будешь уже конечно знать объ нашей общей потерѣ: мы лишились Пушкина, и какимъ еще образомъ! Во время этого

происшествія, во время его смерти и похоронъ, я самъ томился еще въ мучительной болѣзни, и кто видѣлъ его, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, у моей постели, конечно не подумалъ бы, что онъ, въ цвѣтѣ силъ и здоровья, ляжетъ въ могилу прежде меня. Послѣ него осталось, кромѣ вдовы, четверо сиротъ; почти безъ всего; но общій нашъ геній-хранитель призрѣлъ ихъ щедрою своею рукою; по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ состоянію и къ средствамъ воспитанія, они имѣютъ теперь болѣе, чѣмъ при немъ ¹⁾.

О другихъ нашихъ товарищахъ не знаю, право, что тебѣ сказать. Иличевскій былъ въ ужасной ипохондріи, теперь нѣсколько оправился, но все-таки хочетъ оставить службу и ѣхать въ деревню, хоть на время. Яковлевъ дирижируетъ свою типографію и груститъ по Пушкинѣ. Рѣшеніе судьбы бѣднаго Данзаса еще не извѣстно. Юдинъ и Гревеницъ стали, конечно; со всѣмъ другіе люди, нежели какими мы ихъ знавали въ Лицеѣ; но теперь, кажется, достигли своего зенита и болѣе не перемѣняются: я ихъ обоихъ сердечно люблю, хотя и видимся мы довольно рѣдко. У Стевена нѣтъ еще дѣтей и этого одного—не достаетъ въ семейному его счастью. Въ исходѣ осени посѣтилъ насъ Мясоѣдовъ, тотъ же Лицейскій Мясоѣдовъ, и разразился надъ нами пышнымъ обѣдомъ: тутъ я встрѣтился съ Комовскимъ и Мартыновымъ, съ которыми вижуся обыкновенно только въ день 19-го октября, все еще празднуемый, но почти уже по одному преданію, безъ прежнихъ завітныхъ пѣсенъ, безъ многихъ милыхъ нашему сердцу, и будемъ отверженны,—безъ прежняго радушія: судьба и обстоятельства слишкомъ раскидали и разрознили насъ,—чтобы струны далекой молодости звучали и отдавались также согласно, какъ бывало прежде! Отъ любезнаго Ивана Васильевича я мѣсяца три уже не получалъ ни одной изъ неразборчивыхъ его грамотокъ.

Вотъ, любезный другъ, четыре страницы въ отвѣтъ на четыре твои строки. Всѣ мои благодарятъ тебя и твоихъ за память: въ семействѣ нашемъ все по старому, и слѣдственно всѣ точно также любятъ и уважаютъ тебя, какъ прежде,—отъ нихъ же первый емъ азъ,—твой навсегда Мод. Корфъ.

¹⁾ Вольховскій очень интересовался трагическою кончиной Пушкина и, какъ видно изъ отвѣтнаго письма Яковлева отъ 22 іюня 1837 г., выговаривалъ ему за несообщеніе свѣдѣній о смерти Пушкина. На это Яковлевъ ему отвѣчалъ слѣдующее: «...Ты мнѣ пеняешь, зачѣмъ я не написалъ тебѣ о горестной кончинѣ Пушкина? Вотъ мой отвѣтъ. Не писалъ я потому, что голова кругомъ шла въ то время, а когда образумился, то ужъ газеты предупредили извѣстія о его смерти. Убийца, разжалованный въ солдаты, высланъ съ жандармомъ за границу. Данзасъ нашъ, какъ секунданта Пушкина, содержался сперва на гауптвахтѣ, а потомъ по приговору суда, въ крѣпости три мѣсяца. Теперь онъ свободенъ. Журналъ Пушкина дѣйствительно я имѣю, но пересылать тебѣ его для прочтенія не нахожу удобства, потому что пересылка обойдется слишкомъ дорого».

(P. S.) Позволь къ этому безконечному посланію прибавить и просьбу: къ Вамъ пѣхала теперь княгиня Мадатова, которую ты помнишь еще вѣрно Царскосельскою Саблуковою. Призри ее въ чужой сторонѣ, по старой памяти и по любви ко мнѣ, и напиши сюда объ ней, — опять хоть четыре строки, — чтобы мнѣ можно было успокоить ея родственниковъ, которые много о ней заботятся.

J'y ai été hier à deux reprises, matin et soir, sans le trouver à la maison ou plutôt le matin faisant son antiméridienne et le soir au spectacle. C'est pourquoi je lui écris avec ce même courrier pour lui demander l'heure où je peux le voir aujourd' hui. Je ne manquerai pas de vous informer du résultat et je vous adresse ces lignes pour ne pas vous laisser dans le doute sur l'entrevue que vous nous supposez avoir eue hier.

Salut et amitié. B-ron M. de Korff. Ce 15 jeudi.

J'en reviens dans ce moment et je trouve ici un tas de papiers de la part de l'Empereur qui ne me permettent pas de quitter mon cabinet. Si donc vous voulez savoir quelque chose sur les résultats, qui du reste, hélas! ne sont nullement favorables, venez me voir. Je serai chez moi jusqu'à trois heures et demie¹⁾.

Въ коллекціи писемъ къ Вольховскому обращаетъ на себя вниманіе письмо Ивана Ивановича Пущина изъ Царскаго Села, отъ 19 сентября

¹⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ графъ Корфъ даетъ слѣдующій краткій очеркъ жизни Вольховскаго: «Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій. Первая наша золотая медаль: человекъ разсудительный, дѣльный, съ твердою, желѣзною волей надъ самимъ собою, съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ добродушный, скромный и кроткій. По всѣмъ качествамъ души и ума, мы звали его въ лицѣ Sapiientia. И этотъ человекъ, пошедшій такъ быстро, такъ достойно отстаивавшій имя *перваго* нашего воспитанника—вдругъ упалъ такъ неожиданно и, должно думать, такъ невозвратно! Онъ вышелъ изъ лица прямо въ квартирмейстерскую часть (называвшуюся тогда свитою), былъ съ Мейендорфомъ въ Бухаріи и вообще служилъ съ большимъ отличіемъ. Исторія 14 декабря, къ которой онъ, впрочемъ, былъ прикосновененъ только слышанными разговорами,—остановила было его ходъ; но послѣ краткаго заключенія все опять пошло по-прежнему. Онъ былъ посланъ съ подарками къ персидскому шаху, участвовалъ въ кампаніяхъ персидской и турецкой и въ послѣдней игралъ даже значительную роль при Паскевичѣ, пока сей послѣдній не возненавидѣлъ его именно за то, что часть его славы и успѣховъ относили къ Вольховскому. Наконецъ, онъ получилъ важное мѣсто начальника штаба Кавказскаго корпуса, но въ прошломъ году (1837 г.), когда Государь былъ лично на Кавказѣ и открылись злоупотребленія и упущенія барона Розена, монаршіи гнѣвъ палъ и на Вольховскаго.

Подробности и степень справедливости обвиненій мнѣ неизвѣстны; но кончилось тѣмъ, что Вольховскаго перевели бригаднымъ командиромъ куда-то въ западныхъ губерніяхъ, а какъ съ этимъ вмѣстѣ онъ попалъ еще и подъ начало къ ненавидящему его Паскевичу, то принужденъ былъ съ стѣснительнымъ сердцемъ совсѣмъ оставить службу. Теперь (т. е. въ 1839 г.) онъ живетъ въ отставкѣ въ деревнѣ, въ Харьковской губерніи, рядомъ съ Малиновскимъ, на сестрѣ котораго женатъ». (Изъ «Дневника» барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. 1839 г. (гл. 2).—«Рус. Стар.» 1904 г., т. 118, июнь, стр. 552—553).

1820 г. Въ этомъ письмѣ можно найти слабый намекъ на друзей ихъ, но не лицейскихъ товарищей, а вѣроятно друзей—по тайному обществу; онъ упоминаетъ о Нарышкинѣ, Оболенскомъ, Калошинѣ, Тучковѣ (?), Бурцовѣ и пр. Вотъ это письмо:

«Съ большимъ удовольствіемъ читаль письмо твое къ Егору Антоновичу, любезнѣйшій мой Вольховскій, давно мы поджидали объ тебѣ извѣстія, признаюсь, ужъ я думаль, что ты, подражая нѣкоторымъ, не будешь къ намъ писать. Извини, братъ, за заключеніе. Но не о томъ дѣло—поговоримъ вообще.

Не могу тебѣ ничего сказать важнаго, послѣ твоего отъѣзда, кажется по несчастію или по счастью все въ томъ же положеніи:—мои заботы — о ремонтѣ, кромѣ многихъ другихъ, которыя непремѣнно сопряжены съ моимъ существованіемъ. Пожелай мнѣ счастливаго конца, хотя въ этомъ дѣлѣ. Знакомые наши друзья понемногу развѣхались: Нарышкины, Оболенскіе въ Москвѣ. Тучковъ, также получивъ отставку, отправляется на родину. Калошинъ все еще въ Варшавѣ и кажется останется въ отлучкѣ больше положен. . . . ¹⁾ сроку, ибо Царь . . . правляется на со Кор. Прус. . . . Имп. Австрійскому. . . . это кругъ (?) почтен. . . тебѣ кланяется. Липейскихъ мало, очень мало. Случается потосковать — нечего дѣлать—очень чувствую, что Володи нѣтъ. Малиновскій одинъ вѣрный остался — и изрѣдко Саврасовъ. Прочіе не знаю по какимъ обстоятельствамъ не видимы.—Желаю, братъ, тебѣ всевозможнаго успѣха въ исполненіи всего возлагаемаго на тебя. Не забывай насъ и будь счастливъ—вотъ искреннее желаніе друга твоего.

Иванъ Пущинъ.

(Р. S.) Вѣрно ты читаль въ газетахъ, что Бурцовъ получилъ Анны 2-ой степени. Порадуйся.—Дай Богъ ему успѣха. Но меня удивляетъ, что я до сихъ поръ не имѣю отъ него отвѣта на письмо, которое было писано тобою. Не понимаю, что это значить. Я пишу у Егора Антоновича—. . . . не удивляйся. . . . при семь п други первомъ с они тобою б >

Когда судьба разлучила Пущина съ Вольховскимъ, и Иванъ Ивановичъ очутился въ Сибири, то и тогда онъ не забылъ своего друга Суворочку и переписывался съ нимъ при посредствѣ женъ декабристовъ, этихъ идеальныхъ русскихъ женщинъ; когда же Пущинъ былъ переведенъ на поселеніе, то онъ переписывался непосредственно съ своими родными и друзьями. Такъ, напримеръ, баронесса Розенъ, урожденная Малиновская, писала въ 1830 году

¹⁾ Точками обозначены слова, уничтоженныя печатью, которою было запечатано письмо.

со словъ Пущина его сестрамъ, гдѣ между прочимъ мы находимъ слѣдующія строки: «Всѣмъ помнящимъ его посылаетъ дружескій поклонъ, особенно единственному человѣку — Суворочкѣ». Въ письмѣ къ Малиновскому, отъ 27 ноября 1839 г., Пущинъ дѣлаетъ приписку: «Бѣдный Суворочка — онъ меня огорчилъ своимъ горемъ ¹⁾. Спасибо, другъ, что приписалъ доброе, сердечное слово... Забылъ тебѣ сказать, Вольховскій, что въ Омскѣ проѣздомъ видѣлъ Говена ²⁾ и познакомился съ женой его. Они вамъ кланяются, а я имъ надоѣлъ вопросами о васъ и все было мало...» ³⁾

Въ числѣ писемъ товарищей къ Вольховскому мы находимъ также письмо Вильгельма Карловича Кюхельбекера. Оно рисуетъ намъ то удрученное положеніе, въ которомъ находился Кюхельбекеръ послѣ отъѣзда своего изъ Грузіи. Вольховскій по добротѣ своего сердца обратился къ Кюхельбекеру съ словами дружбы и утѣшенія, и эти утѣшенія не остались безъ вліянія на впечатлительную душу Кюхельбекера. Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ къ Вольховскому, отъ 10 марта 1822 г. ⁴⁾, Кюхельбекеръ пишетъ ему слѣдующія трогательныя строки:

«Любезнѣйшій другъ, Владиміръ Дмитріевичъ.

«Благодарю тебя отъ всей души, что ты не забываешь меня. Ты первый писалъ ко мнѣ въ Грузію и не можешь вообразить, какъ меня тамъ обрадовало письмо твое. Я тутъ же отвѣчалъ тебѣ и надписалъ письмо мое въ Могилевъ, надѣюсь что ты, если и не получилъ онаго, не сомнѣвался въ моей искренности поддержать переписку съ товарищемъ, котораго не только люблю, но почитаю, коего преимущество надъ собою всегда признавалъ и чувствовалъ, хотя и не имѣлъ довольно энергіи, чтобы соре(в)новать ему. Мы пошли, мой другъ, разными путями: твой вѣренъ, надеженъ и пріобрѣтетъ тебѣ всеобщее уваженіе; мой... но почему растравлять раны разтерзаннаго сердца, разтерзаннаго упреками собственными и постороннихъ, отжив(ш)аго бесъ (Sic) надежды и честолюбія? Ты, добрый мой Вольховскій, ты въ полномъ сознаніи своего достоинства, однакоже не захотѣлъ меня еще болѣе подавить укоризнами за мое несчастіе. Ты бережешь меня и стараешься вселить въ меня упованіе на силы свои и радостную смѣлость, которая, конечно одна можетъ спасти меня, но для которой я едва ли уже не состарѣлъ. Если твои дружескіе совѣты и останутся бесполезными, потому что для меня заграждены всѣ пути трудо-

¹⁾ Въ августѣ 1839 г. умерла дочь Вольховскаго—Марія, родившаяся 13 января 1838 г.

²⁾ Вѣроятно, какъ думаетъ Малиновскій, Христофоръ Христофоровичъ, впоследствии воронежскій губернаторъ, а затѣмъ сенаторъ въ Москвѣ. Примѣчаніе профессора К. Грота.

³⁾ «Историч. Вѣстникъ» 1905 г., августъ, т. 101, стр. 436 и 438.

⁴⁾ На письмѣ помѣта карандашемъ: «получено въ Вильнѣ въ 1822 г.»

любія, если, говорю, твои совѣты и не послужатъ къ пользѣ моей: вѣрь по крайней мѣрѣ, что вѣчно буду помнить твое нѣжное участіе и гордиться имъ. Вольховскій еще во мнѣ не отчаявается: эта мысль утѣшила, подкрѣпила меня и благодарность моя къ тебѣ погаснетъ только съ жизнію. Прости! и если можешь пиши ко мнѣ.

Кюхельбекеръ».

Мы привели выше письма многихъ другихъ товарищей къ Владиміру Дмитріевичу Вольховскому. Но въ архивѣ Вольховскаго находятся еще нѣкоторыя другія письма, помимо товарищескихъ. Одни изъ этихъ писемъ не представляютъ никакого интереса, какъ, напримѣръ, письмо Николая Кошанскаго слѣдующаго содержанія:

«Salut et amitié!

Любезнѣйшему и почтеннѣйшему

Владиміру Дмитріевичу

Душевное мое привѣтствіе, честь и слава!

Сегодня я ожидалъ уже дорогихъ, или милыхъ гостей, съ такимъ желаннымъ спутникомъ, каковъ любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ; но надежда обманула...

Можетъ быть потому, что у насъ не найдутъ они ничего привлекательнаго ни для слуха, ни для взора...

Тѣмъ больше благодарю Васъ за то, что Вы доставили мнѣ удовольствіе знать, въ который день и часъ я буду имѣть честь встрѣтить прелестнѣйшихъ гостей и вновь засвидѣтельствовать Вамъ живѣйшія чувства любви и отличнѣйшаго почтенія, съ коими честь имѣю быть,

Милостивый Государь,

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Николай Кошанскій».

10 (?) ноября 1830.

Другія письма содержатъ просьбы о мѣстахъ себѣ или другимъ, какъ лицу, власть имѣющему по должности начальника штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. Но среди банальныхъ писемъ взоръ останавливается на письмѣ Колошина къ Вольховскому.

Колошина можно считать не постороннимъ лицомъ для Вольховскаго. Это его родственникъ или, вѣрнѣе говоря, свойственникъ. Чтобы это понять, нужно припомнить, что Вольховскій былъ женатъ на сестрѣ своего товарища — Марьѣ Васильевнѣ Малиновской, а его товарищъ и шуринъ — Иванъ Васильевичъ Малиновскій былъ, въ свою очередь, женатъ на сестрѣ ихъ общаго

товарища Ивана Ивановича Пущина. А Пущинъ въ своихъ запискахъ ¹⁾ говоритъ, что съ Павломъ Колошинымъ онъ былъ въ родствѣ. Слѣдовательно, въ дальнемъ родствѣ или свойствѣ былъ съ Колошинымъ и Вольховскій. Мы уже выше достаточно ясно опредѣлили участіе Вольховскаго въ декабрьскомъ заговорѣ. Но если Пущинъ ввелъ Вольховскаго въ артель, въ которой были Муравьевы (Александръ и Михайло), Бурцовъ, Павелъ Колошинъ и Семеновъ, то это было дѣломъ юности и общество это, артель, ничего предосудительнаго тогда не представляла юному, только что соскочившему со школьной скамьи Вольховскому,—это былъ только эмбрионъ или зародышъ будущаго 14 декабря. Но съ годами Вольховскій совершенно устранился, какъ мы выше доказали, отъ общества съ этими лицами и былъ привлеченъ только какъ знакомый декабристовъ. Но таковыхъ было множество—вся тогдашняя интеллигенція, сочувствовавшая-ли декабристамъ, состоявшая-ли съ ними въ родствѣ или бывшая съ ними только знакома.

Поэтому насъ не удивляетъ, что въ числѣ корреспондентовъ Вольховскаго мы находимъ Павла Колошина. Письмо Колошина отъ 8 апрѣля 1824 года, изъ Москвы, слѣдующаго содержанія:

«Исполненіе предпріятія не есть всегда нужнѣйшая вещь, иногда и самое намѣреніе уже есть великое дѣло. По сему Цезарь, Наполеонъ и по одному желанію завоевать весь свѣтъ чудными выдумщиками почитались. Такъ и я до сихъ поръ останавливался на намѣреніи писать въ Оренбурѣ: но теперь рѣшился успокоить совѣсть и нѣсколько минутъ посвятить бѣсѣдѣ съ тобою, любезный Вольховскій.—Что тебя занимаетъ въ степяхъ Киргизскихъ, обращаешься ли мыслию къ Москвѣ и Питеру.—Хладъ разольется по жиламъ, когда я въ привольѣ своемъ вздумаю если бѣ меня на подобную тебѣ службу послали, бывало и самъ переносилъ кочевье съ терпѣніемъ,—теперь жизнь казацкая послужила бы тяжкимъ наказаніемъ облѣнившемуся баловню.—Больно мнѣ было, когда я, возвратясь домой, нашелъ твою записку, но и съ тѣмъ вмѣстѣ несравненно пріятно, что помнятъ меня друзья мои.

«Послѣ долгаго ожиданія наконецъ Пущинъ прибылъ къ намъ: все тотъ же. Принялся за дѣло и думаетъ Надворный судъ свой исправить: дѣло великое—но трудное. Что до меня, то я службу оставилъ, дабы не дожидаться, чтобъ она меня оставила. Вопреки всѣмъ частымъ повтореніямъ о невозможности удержаться въ подобныхъ моему мѣстахъ, если нѣтъ сверху руки поддерживающей сильно, я полагалъ горячностью души замѣнить внутреннее достоинство если таковое для сихъ должностей нужно: но чтожь вышло?—Надорвался, бросилъ и плюнулъ, впрочемъ не знаю, надолго ли.

¹⁾ Л. Майковъ. Пушкинъ... Спб., 1899 г., стр. 69.

«Этотъ случай, въ совокупности съ прочими въ жизни бывшими—убѣждаетъ меня, что я не годенъ ни къ какой службѣ. Съ поникшею главою признаваясь въ истиннѣ сего заключенія, я имѣю однако же то великое утѣшеніе, что готовность съ моей стороны всегда была и будетъ одинакова: ибо безкорыстіе, т. е. отреченіе отъ наградъ или лучше сказать нетребованіе оныхъ во всей моей службѣ мнѣ сопутствовало.

«Наблюденіе теченія моей службы и превратностей оной показало мнѣ, что судьба и не думала никогда направлять меня по сему пути, а только, какъ она бросила меня въ Россію велѣла (?) въ мѣлкихъ чинахъ, для виду, убить нѣсколько лѣтъ моей жизни.

«Когда я буду имѣть дѣтей и внучатъ, то поправляя колпакъ и трубку, скажу имъ: друзья мои, повѣрьте мнѣ—я служилъ во всѣхъ офицерскихъ чинахъ и теперь при сѣдыхъ волосахъ только титулярный совѣтникъ,—я знаю, сколько она мало доставляетъ намъ пользы и какъ мало случаевъ оказать оную ближнему. Со всѣмъ тѣмъ знаете, что превратности оной уготовили мнѣ обстоятельства, которыя явили мнѣ истинное щастіе. Теперь, благодаря Провидѣнію, каждый мигъ есть для меня мигъ блаженства во мнѣ и для меня обитающаго (?).

«Когда ты воротишься изъ своего странствованія, долго ли тебѣ не оставлять въ покоѣ бѣднѣхъ киргизцевъ (?)? Пушкинъ къ тебѣ собирается также писать и я оставляю ему поле. Прости, другъ любезный, люби любящаго тебя Колошина».

Письмо это имѣетъ приписку Ивана Ивановича Пушкина. Пушкинъ, какъ кажется, сыгралъ и съ Колошинымъ ту же дурную шутку, какъ и съ Кюхельбекеромъ ¹⁾, введя своего родственника въ кружокъ лицъ, подготовлявшихъ 14 декабря. Пушкинъ ловко прикрывается трескучими фразами объ «общей пользѣ», о «трудѣ для пользы общественной», которыя выразились въ глумомъ пронунасіаментѣ на Сенатской площади, гдѣ въ одураченный народъ и солдатъ палили картечью. Солдатамъ недоумѣвавшимъ, для чего ихъ собрали на площадь и что такое конституція, вѣроятно, для «общей пользы» и чтобы они потрудились «для пользы общественной», сообщали, что конституція это жена цесаревича Константина! Вотъ эта интересная приписка И. И. Пушкина къ письму Колошина:

«На другой день приѣзда моего въ Москву (14 марта) комедіантъ Яковлевъ ²⁾ вручилъ мнѣ твою записку изъ Оренбурга. Не стану тебѣ расска-

¹⁾ См. мою брошюру: «Кюхельбекеръ и Пушкинъ въ день 14 декабря 1825 г.». Спб. 1901 г.

²⁾ Это была лицейская кличка Михаила Лукьяновича Яковлева, отличавшагося веселостью и буффонадами; онъ былъ также композиторомъ и переложилъ много стихотвореній Пушкина, Дельвига и др. на музыку.

зывать, какъ мнѣ приятно было получить о тебѣ вѣсточку, ты довольно меня знаешь, чтобъ судить о радости моей безъ всякихъ изъясненій.—Оставилъ я Петербургъ не такъ какъ хотѣлось, вмѣсто пяти тысячъ досталъ только двѣ и то послѣ долгихъ и несносныхъ хлопотъ. Заплатилъ тѣмъ, кто болѣе нуждались и отправился на первой случаѣ съ маленькимъ запасомъ.—Приѣхалъ сюда въ совершенно новый мѣръ—до сихъ поръ еще не могу хорошенько опомниться. Жить мнѣ у Павла прелестно, семья вся необыкновенно мила—онъ такъ счастливъ, что кажется совсѣмъ забылъ о (включекъ вырванъ) надобно надѣяться однако на время, котор(ое) возвратитъ его друзьямъ такимъ, какъ онъ б(ылъ) прежде. Онъ оставилъ службу по неприятностямъ, но вѣроятно, устроивши дѣла свои въ деревнѣ нынѣшнимъ лѣто(мъ), опять начнетъ трудиться для пользы общественной. Не вѣрь его отчаянію, можно служить, довольствуясь тѣмъ, что удастся сдѣлать хорошаго. Мой Надворный судъ не такъ дуренъ, какъ я ожидалъ. Вотъ двѣ недѣли, что я вступилъ въ должность; трудовъ бездна, средствъ почти нѣтъ. На канцелярію и на жалованіе чиновниковъ отпускаются двѣ тысячи съ небольшимъ. Ты можешь поэтому судить, что за народъ служить и слѣдовательно надобно благодарить судьбу, если они что-нибудь дѣлаютъ. Я имъ толкую о святости нашей обязанности и стараюсь собственнымъ примѣромъ возбудить въ нихъ охоту и усердіе.—Кашкинъ опредѣляется ко мнѣ заведателемъ: я его просилъ хорошо обдумать свое намѣреніе—онъ рѣшился на сей подвигъ—я ему чрезвычайно благодаренъ, авось вмѣстѣ дѣло пойдетъ дружиѣ.—Въ Москвѣ пустыня, никого почти или лучше сказать нѣтъ тѣхъ, которыхъ я привыкъ видѣть въ Петербургѣ—это сдѣлалось мнѣ необходимою.—Черевинъ бѣдный все еще не хорошъ—ждетъ денегъ отъ Семенова, а тотъ до сихъ поръ ни слова къ нему не пишетъ. — снія очень милы въ своемъ родѣ, мы иногда (собир)аемся и вспоминаемъ старину при звукахъ гитары съ волшебнымъ пѣніемъ Яковлева, который всетаки не умѣетъ себя представить.—Здѣсь Алексѣй Тучковъ, я иногда съ нимъ выдаюсь въ свободныя часы отъ занятій.—Въ Москвѣ я почти ни съ кѣмъ не знакомъ, да врядъ ли много и познакомлюсь. Приятно было по службѣ встрѣтить нѣкоторыхъ людей благородныхъ—вообще пріемомъ начальства я не могу довольно нахвалиться.—А прогоръ старшинство отказано и я остаюсь на зло всѣмъ *благороднымъ* челоуѣкомъ. Весьма равнодушно принялъ сію вѣсть присланную къ Свѣтлому празднику, всѣ прочія представленія Князя Высочайше утверждены.—Вотъ тебѣ, любезный Володя, все, что можно сказать въ тѣсныхъ предѣлахъ письма. Молю Бога, чтобъ ты, кончивши благополучно порученіе свое, порадовалъ скорѣе меня своимъ приѣздомъ. Сколько намъ нужно будетъ—потолковать—бесѣда твоя усладитъ меня—не знаю, что ты думаешь? Не знаю что ты предпримешь?

«Если тебѣ будетъ пусти грамотку ко мнѣ прежде твоего выѣзда изъ Оренбурга; по моему ращоту это письмо тебя должно непременно тамъ найти. Прощай. Будь здоровъ и счастливъ» ¹⁾).

Къ числу друзей Вольховскаго слѣдуетъ присоединить также и А. С. Грибоѣдова. Мы уже видѣли выше, что во время Персидской войны они были не только въ дружескихъ, но и въ дѣловыхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Выше мы уже приводили письмо А. С. Грибоѣдова къ В. Д. Вольховскому, въ которомъ находятся интересныя свѣдѣнія о миссіи Вольховскаго въ Тегеранъ для полученія десяти-милліонной контрибуціи. Изъ словъ комментатора этого письма, барона Розена—племянника Вольховскихъ, выходитъ, что у Маріи Васильевны Вольховской были еще другія письма Грибоѣдова, Бестужева (Марлинскаго) и проч., къ сожалѣнію они намъ неизвѣстны, а равно неизвѣстно, напечатаны ли они гдѣ-либо.

Помимо всѣхъ этихъ писемъ, мы имѣемъ цѣлую коллекцію писемъ Вольховскаго къ его начальнику, барону Григорію Владиміровичу Розену, за періодъ времени съ 1833 по 1837 г. и одно отъ 1839 г.,—всего въ количествѣ 69 писемъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ мы уже ознакомились въ текстѣ, всю же коллекцію ихъ мы печатаемъ въ приложеніи къ настоящей книгѣ. Указаніе на эту коллекцію писемъ находится въ Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1888 г., стр. 80,—и на нее, какъ мы уже выше ска-зали, обратилъ наше вниманіе глубокоуважаемый Владиміръ Ивановичъ Саятовъ.

¹⁾ Точками мы отмѣтили порванные мѣста. О дальнѣйшихъ подробностяхъ участія Павла Колошина въ тайныхъ обществахъ и заговорѣ 14 декабря см. въ концѣ книги гдѣ мы приводимъ нѣсколько неизданныхъ матеріаловъ по этому поводу. (Приложеніе VI).

VIII.

Вольховскій въ отставкѣ. — Имѣніе. — Занятіе хозяйствомъ. — Письма Е. А. Энгельгардта къ Вольховскому. — Забота о родныхъ. — Смерть дочери. — Посѣщеніе села Камонки декабристомъ Розеномъ. — Жизнь Вольховскаго въ деревнѣ по описанію Розена. — Факты изъ частной жизни Вольховскаго, сообщенные И. В. Малиновскимъ. — Заступничество Вольховскаго за князя Дадіана, зятя его бывшего начальника барона Г. В. Розена. — Послѣднія минуты жизни Вольховскаго. — Его смерть. — Любовь къ женѣ. — Его духовное завѣщаніе. — Мнѣніе П. А. Плетнева о Вольховскомъ. — Характеристика Маріи Васильевны Вольховской, сдѣланная племянницею ея—Софьею Ивановною Штакеншнейдеръ. — Нѣсколько свѣдѣній о дочери Вольховскаго. — Стихи князя Александра Ивановича Одоевскаго въ честь Маріи Васильевны. — Объ архивѣ Вольховскихъ.

Выйдя въ отставку и не имѣя своего ни родового, ни благопріобрѣтеннаго имѣнія, Вольховскій поселился въ родовомъ имѣніи своей жены въ Харьковской губерніи, Изюмскаго уѣзда, въ селѣ Стратилатовѣ ¹⁾ (по формуляру его имѣніе это находилось въ прежней Слободско-Украинской губерніи, въ Изюмскомъ уѣздѣ, въ селѣ Каменкѣ, состоящемъ изъ 238 душъ). Усадьба Вольховскаго была рядомъ съ усадьбой Ивана Васильевича Малиновскаго ²⁾. Пожизненную пенсію, полученную еще въ чинѣ поручика, въ размѣрѣ 500 р., и аренду, достигшую суммы 50 тыс. рублей, онъ обращалъ на очищеніе долговъ своего отца, на устройство дѣлъ своихъ родныхъ и на уплату подушныхъ за крестьянъ своей жены ³⁾. Такъ что послѣ его смерти жена и

¹⁾ См. у Я. К. Грота, стр. 73.

²⁾ См. Розень, стр. 400.

³⁾ Въ заключеніе своихъ воспоминаній, баронъ Розень говоритъ: «Въ краткомъ очеркѣ характера и правилъ Вольховскаго мнѣ не возможно упоминать о всѣхъ благородныхъ поступкахъ его; коснусь только одной еще черты, поражающей особенно въ наше время, когда всѣ поклоняются деньгамъ. Отцовское небольшое имѣніе, которое онъ освободилъ отъ залога, и отъ того кромѣ права наслѣдства оно должно было перейти въ его владѣніе, онъ уступилъ въ пользу братьевъ и сестры, помогаль ежегодно изъ своего жалованья, изъ коего не откладывавъ для себя ни копѣйки. Въ послѣдніе годы своей службы получилъ онъ аренду на 12 лѣтъ; при отставкѣ взялъ онъ эти деньги впередъ, употребилъ часть на улучшеніе хозяйства, а остальную отдалъ роднымъ. Въ превратностяхъ жизни всегда отрадно встрѣтить человѣка съ такою душою, съ такими правиламъ: онъ поддерживаетъ вѣру въ добродѣтель». (Стр. 363).

двое малютокъ его унаслѣдовали отъ него только доброе имя и незапятнанную славу его.

Дѣятельностью Вольховскаго въ деревнѣ послѣ отставки, его первыми шагами на поприщѣ сельскаго хозяйства и землевладѣнія—очень интересовался Энгельгардтъ. Мы имѣемъ нѣсколько писемъ его къ Вольховскому, относящихся къ этому періоду жизни послѣдняго. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 15 іюля 1839 года Энгельгардтъ пишетъ:

«Давно уже собираюсь писать къ тебѣ, любезной Вольховской, да на сборахъ прошелъ день за днемъ, недѣля за недѣлей, и письмо не писалось. Это обыкновенно бываетъ, когда начнешь откладывать. Но уже теперь принялся подъ сѣнію Лицейской, и конепъ откладкамъ.

«Начну съ поздравленія тебя съ прибылью 500 рублей годоваго дохода, который по новому статуту Ордена Св. Станислава, долженъ ты получать изъ Орденскаго Капитула. Въ этомъ статутѣ изображена благая мысль, назначить *первымъ* 30 кавалерамъ по 500 рублей пенсіи, а ты выходишь ровно тридцатый. Кажется я въ счетъ не ошибся, — впрочемъ напиши къ Николаю Пущину; служа при знакѣ безпорочной службы, онъ сродни Орденскому Капитулу, и легко можетъ тамъ взять достовѣрную справку, а 500 р. въ годъ прибавы (sic) годятся на приданое моей внучкѣ.

«Какъ же поживаешь ты тамъ межъ хохлами? Чѣмъ занимаешься? Не пустился ли уже въ сельское хозяйство? Въ такомъ случаѣ прошу покорно сообщать мнѣ любопытныя статьи для Земледѣльческой Газеты. По сію пору, кромѣ Розена въ Симферополѣ, не могъ я еще залучить ни одного Лицейскаго себѣ въ агрономическіе корреспонденты. Если же самъ еще не расположенъ, то по крайней мѣрѣ навербуй мнѣ изъ Малороссійскихъ хозяевъ кого-нибудь, дѣльнаго человѣка, кто бы написалъ о тамошнемъ бытѣ. Хлѣбопашество, садоводство, ското-пчело-овцеводство и всѣ прочія водства, домо-строительство, крестьянской бытъ и пр., все мнѣ годится, тѣмъ болѣе, что кромѣ маленькой статейки о садкѣ деревьевъ по деревнямъ, при помощи горѣлки, которую прислалъ мнѣ Иванъ, у меня въ 5 лѣтъ не было ничего почти изъ вашего края. А было бы кажется о чемъ писать.— Во всякомъ же случаѣ скажи мнѣ что *ты* дѣлаешь, привыкнувъ къ непрерывной дѣятельности по службѣ, ты вѣдь долженъ былъ наполнить чѣмъ-нибудь свободное нынѣ время. Что же ты дѣлаешь? Что дѣлаете вы всѣ тамъ?...»¹⁾

¹⁾ Въ этомъ же письмѣ Энгельгардтъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о лицейцахъ и о своемъ семействѣ. Эти свѣдѣнія такъ интересны, что мы позволимъ себѣ ихъ привести: «Мы дѣлаемъ здѣсь что дѣлали и прежде; живемъ про себя, въ уединеніи и знаемъ только своихъ дѣтей, родныхъ и Лицейскихъ. Отъ послѣднихъ мнѣ много радости; идутъ отлично и поддерживаютъ доброе имя *старога* Лицея. Съ нѣкотораго времени

По поводу приглашенія Вольховскаго сотрудничать въ Земледѣльческой Газетѣ мы находимъ въ слѣдующихъ письмахъ еще кой-какія свѣдѣнія. Такъ, въ письмѣ отъ 15 октября 1839 г. Энгельгардтъ пишетъ: «За обѣщанныя свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ въ вашемъ краю, очень благодарю; тѣмъ болѣе, что оттуда я очень мало имѣю вѣстей. Не знаю, отъ нехотѣнія ли помѣщиковъ или отъ южной лѣни, а жаль, что не знакомятся; мы бы узнали многое новое, да и они бы можетъ быть кое-чему бы у насъ научились. Мнѣ приказано подавать каждую трѣть (sic) имянной списокъ всѣмъ лицамъ, доставившимъ мнѣ статьи для газеты, и кажется объ этомъ доводится до свѣ-

даже ввелось, что начальники обращаются ко мнѣ съ просьбами снабжать ихъ *надежными* людьми изъ Лицейскихъ—*моихъ* выпускковъ. У меня въ Лицейскомъ ковчегѣ архивномъ нѣсколько писемъ и записокъ такихъ, съ требованіемъ и съ благодарностію за доставленіе. А мнѣ это какъ по-сердцу! Да то бѣда, что почти всѣ уже размѣщены; нѣкого приставлять.—Какое же *Модестъ* (т. е. Корфъ)? Тайной Совѣтникъ и 2 Владиміра Кавалеръ! и что лучше того, любимъ и уважаемъ начальниками и подчиненными.—А *Фрицки* (Стевень)—Выборгскаго Губернаторъ. *Данзасъ*—Директоръ Департамента Юстиціи; *Пальчиковъ* (2 курса)—Директоръ Канцеляріи тамъ же; *Брусилковъ* (2 курса)—Юрисконсультъ тамъ же; *Ломоносовъ*—ваше превосходительство; *Матюшкинъ*—командиръ перваго корабля по Черному морю; *Максъ* (сынъ Энгельгардта, 3 курса) у Паскевича, по собственнымъ словамъ князя, *homme de confiance* *ездеть, гдѣ надобно чело-вѣтка честнаго и толковаго*; и вѣчно на посылкахъ. Теперь онъ по какому-то важному слѣдствію въ Краковѣ.—Законодатели наши *Замятинъ* (3 курса) и *Канцельеръ* (3 курса)—Превосходительства, съ арендами, и безъ сомнѣнія скоро Оберъ-Прокуроры Севата; *Васковъ* (3 курса) и *Жадовской* (3 курса) вице-губернаторы.—Да гдѣ, всѣхъ не перечтешь. Спасибо народу Лицейскому, и благослови Господи впродѣ...

«У меня нынѣ такъ пусто, какъ не помнится чтобы было когда нибудь: Бети (дочь Энгельгардта) со всѣмъ своимъ народомъ въ Баденѣ, лѣчитъ трехъ больныхъ дѣтей; Наталія (дочь Энгельгардта) живетъ въ Кабаловкѣ, за Парголовымъ; Чари (сынъ Энгельгардта) съ женой поѣхалъ въ Ригу по какимъ то дѣламъ службы; прочіе знакомые по дачамъ и деревнямъ и такъ мы частехонка бываемъ одни одишеньки.—Утро у меня проходитъ за перомъ; кормилица моя, земледѣльческая требуетъ статей, корректуры,—скучно иногда очень, да нѣчего дѣлать; по старой повадкѣ надобно обѣдать, вечеромъ самоваръ поставить, надобно туда сюда всякіе расходы и сидишь да пишешь про навозъ да картофель; а признаться, хотѣлось бы что нибудь иное дѣлать. Только и потѣхи мнѣ, что переписка да знакомство съ мужичками,—чудо-народъ наши бородачи, *c'est le peuple du bon Dieu!* Грустно видѣть какъ не умѣючи съ ними обходятся! Обѣдаю всегда дома; три блюда, челоуѣка два, три, добрыхъ людей, старыхъ знакомыхъ, садикъ мой, цвѣты доморощенные, разговоръ о старинѣ, о прошломъ добромъ времени; къ 8 часамъ Лицейской рыцарской самоваръ, тотъ, другой прійдетъ, подсядетъ,—глядишь, промель весело вечеръ, въ 10 часовъ звонокъ, и разойдемся и въ 11 часовъ у меня въ домѣ и свѣчи нѣтъ. Утромъ въ шесть часовъ опять за работу, и такъ день за днемъ проходить, а съ днями и годы.—Домъ свой въ Царскомъ Селѣ я продалъ и заплатилъ 20 тыс. изъ числа 48 тыс. долгу, которые нажилъ въ 35 лѣтъ службы. Остальные надѣюсь заплатить, если когда нибудь получу назначенныя мнѣ 3000 десятины земли; а когда это будетъ—Богъ знаетъ. Мнѣ только и надобно, тогда готовъ надѣть дошеной халатъ.

Вотъ тебѣ мое житье бытъе; надѣюсь, что ты мнѣ напишешь о *своемъ*, и особенно о занятіяхъ твоихъ; хотъ не службою, то инымъ чѣмъ можно быть полезнымъ...».

(Свѣдѣнія, помѣщенные въ скобкахъ, принадлежать намъ).

дѣнія Царя. Очень мнѣ пріятно будетъ внести въ этотъ списокъ А. М. Мартынова. О твоихъ клеверныхъ опытахъ мы на первый случай еще не станемъ разглашать, а чтобы было доброе начало, то прошу понукнуть Ивана ¹⁾, чтобъ отвѣчалъ на мои вопросы о вырощенномъ имъ кледевинникѣ (*sic*), *Ricinus communis*. Я жду его отвѣта, чтобы прицѣпить къ нему въ Газетѣ подробное наставленіе на произрастаніе его и на способъ выдѣлыванія изъ него *хорошаго* масла. Сѣмянъ я здѣсь предлагалъ, но охотниковъ нѣтъ, а масло, какъ писалъ я Ивану, охотно покупать».

Въ томъ же письмѣ Энгельгардтъ съ особеннымъ восторгомъ встрѣчаетъ мысль Вольховскаго занять должность судьи; объ этомъ намѣреніи Вольховскаго упоминаетъ и Розень — декабристъ, какъ это мы увидимъ ниже. Къ сожалѣнію, мысль эта не была осуществлена. Вотъ что пишетъ Энгельгардтъ въ этомъ письмѣ: «Ты, подобно Гамлету, въ недоумѣніи—*to be or not to be*—быть или не быть, т. е. служить или не служить? Съ удовольствіемъ вижу, что ты рѣшился на послѣднее; такъ и должно, пока есть силы и способности надобно обращать ихъ на пользу общую. Слѣдовательно рѣшено: служить. Вопросъ: гдѣ? Какъ? О военной службѣ нѣчего говорить; уже тебѣ въ ней не сдобровать. Губернаторство... не пойдетъ также на ладъ и впрокъ. А вотъ мысль твоя вступить на поприще судьи, совершенно мнѣ по сердцу. Начни съ уѣзднаго судьи, ознакомься съ ходомъ дѣлъ, съ недостатками и пороками нижнихъ присудственныхъ мѣстъ ²⁾, а потомъ иди дальше въ Предсѣдатели Палаты, также нынѣ отъ дворянства замѣщаемыя.—Уѣздный судья въ звѣздѣ и лентѣ можетъ чрезвычайно много принести пользы, да и явленіе это будетъ совершенно новое оригинальное.—Мысль о томъ меня очень утѣшаетъ; дай Богъ сбыться! Когда получу я первое свѣденіе объ избраніи тебя, то выпью изъ моей Лицейской кружки Шампанскаго во здравіе Его Превосходительства уѣзднаго судьи. Держись этой мысли, Вольховской, она неподобна!—Къ тому же должность эта, по близости уѣзднаго города, нимало не препятствуетъ наблюдать за хозяйствомъ, устраивать свое имѣніе и даже сообщать въ Земледѣльческую Газету свѣденія о предпріятіяхъ твоихъ и успѣхѣхъ по земледѣлію. Съ нетерпѣніемъ ожидаю того времени, когда ты

¹⁾ Т. е. Ивана Васильевича Малиновскаго.

²⁾ Выраженныя въ этомъ письмѣ мысли Энгельгардта нашли себѣ яркое выраженіе въ поступкѣ И. И. Пущина, который принялъ самую низшую должность въ Московскомъ надворномъ судѣ и о которомъ Пушкинъ сказалъ слѣдующее:

«Ты освятилъ тобой избранный санъ,
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ».

19 октября 1825 г.

извѣстишь меня о твоёмъ избраніи; къ сожалѣнію, до того еще слишкомъ годъ, да вѣдь годы тоже не безъ конца, авось и доживу я до этой радости. А ты, вѣроятно, имѣя въ виду судьбу, найдешь между тѣмъ много случаевъ ознакомиться со всѣмъ, что дѣлается, чтобы *не* должно дѣлаться и что надобно дѣлать иначе и какъ бы лучше. Держись этой мысли, Вольховской, она меня восхищаетъ!»

Эта мысль такъ полюбилась Энгельгардту, что онъ возвращается къ ней въ нѣсколькихъ письмахъ. Въ этихъ письмахъ онъ старается опровергнуть доводы Вольховскаго, которые, по мнѣнію послѣдняго, препятствовали ему занять судейскую должность. Энгельгардтъ приводитъ даже подлинныя выраженія Вольховскаго, а такъ какъ подлинныя письма Вольховскаго къ Энгельгардту не сохранились, то изъ этихъ отвѣтныхъ писемъ стараго директора мы можемъ составить себѣ понятіе о томъ, что писалъ ему Вольховскій, какія онъ дѣлалъ ему возраженія и какія высказывалъ мысли. Такъ, въ письмѣ отъ 22 января 1840 г. Энгельгардтъ пишетъ:

«Теперь поговоримъ о тебѣ: «не знаю, достанетъ ли у меня твердости принять на себя бремя судѣйской тоги; годъ независимой жизни меня много избаловалъ».—Признаюсь, что видѣвъ даже эти слова, писанныя твоею рукою, я все еще сомнѣваюсь, *ты* ли это думалъ, *ты* ли говоришь. У Вольховскаго не станетъ твердости! Вольховской избаловался!? Нѣтъ, другъ мой, я знаю Вольховскаго и потому отвѣчаю, что у него станетъ твердости, что онъ не можетъ избаловаться. Онъ не того десятка, и я не позволю никому, даже и ему самому, вводить такую клевету на нашу первую медаль Лицейскую.—Поступить въ судьи или нѣтъ, не отъ тебя зависить, а отъ выборовъ и—утвержденія; но если сдѣлаютъ тебя судьбою, то ты будешь таковымъ въ полномъ объемѣ слова. Аминь! Явись на выборы, и дай Богъ въ добрый часъ».—Затѣмъ, въ письмѣ отъ 15 мая 1840 г. мы находимъ слѣдующее разсужденіе по тому же самому поводу: «Письмо твое, любезной Вольховской, я получилъ вчера и хотя по случаю отъѣзда моихъ двухъ министровъ Киселева и Канкринна, я очень занятъ тѣмъ и сѣмъ, но не менѣе того спѣшу отвѣчать, дабы отвѣтъ мой засталъ тебя въ бѣлокаменной.—Возраженія твои на проектъ служить по выборамъ судьбою, не безъ основанія; онѣ практическія, но кажется опасенія преувеличены: въ лѣсъ идти не надо бояться волковъ. Еслибъ егеръ, идя на то, чтобы избавить стада отъ этихъ хищниковъ, сталъ бы разсуждать: «вѣдь волковъ много, всѣхъ мнѣ не перестрѣлять; они хитрѣе меня, уйдутъ, скроются, да пожалуй еще на меня нападутъ и пр.,—нѣтъ, вѣрнѣе не ходить въ опасность»; еслибъ егеря всѣ такъ разсуждали, то волки бы все размножались да размножались и наконецъ бы дѣйствительно сдѣлалось невозможнымъ ихъ изтребить. Точно

также если, честные люди, вмѣсто того, чтобы взятыя гдѣ бы то ни было за изстребленіе племени плутовскаго, стануть говорить подобно егерю: «вѣдь *встѣхъ* злоупотребленій, *встѣхъ* бездѣльниковъ мнѣ не изстребить, а сунуться въ эту обузу, и самъ попадешь въ бѣду и пр.», то и нѣтъ надежды, чтобы когда-нибудь уменьшилось зло.— Не о *встѣхъ* злоупотребленіяхъ, не о *встѣхъ* бездѣльникахъ идетъ рѣчь, а о томъ, чтобъ унять, прекратить сколько можно ихъ: «Надобно только хотѣть, твердо хотѣть и постоянно хотѣть, этимъ всего достигнешь»,—говорилъ мнѣ не одинъ разъ нашъ отецъ Александръ Павловичъ; «да то бѣда, что наши честные люди любятъ покой, боятся маленькихъ неприятностей и отступаютъ, а плуты все дѣйствуютъ, успѣваютъ и берутъ верхъ».—Въ нашихъ судахъ *можно* произвести важную благотворную перемѣну; этому мы теперь имѣемъ здѣсь въ Петербургѣ разительное доказательство по Гражданской Палатѣ, славившейся классическою системою плутовства и взяточничества. Туда, по выборамъ, назначенъ Предсѣдателемъ кол. сов. Траубенбергъ, а товарищемъ нашъ Лицейской Нумерсъ ¹⁾. Они дѣйствуютъ тамъ около 8-ми мѣсяцевъ и уже эта палата приняла совершенно другую, благородную фізіономію. Секретаря и нѣсколько отличнѣйшихъ плутовъ выгнали; на мѣста ихъ опредѣлили другихъ, которые, со страха ли, или по нравственнымъ причинамъ, но не плутуютъ, не берутъ, и теперь уже о Гражданской Палатѣ идетъ вездѣ добрая молва, любо слушать. Это дѣло двухъ человѣкъ, новыхъ въ дѣлахъ, не имѣющихъ ни знатнаго имени, ни сильнаго покровительства, ни звѣздъ, а только твердое, постоянное доброе хотѣніе. Слѣдовательно: можно.— Вотъ тебѣ *мой* отвѣтъ и *мое* мнѣніе. Впрочемъ, я не знаю въ подробности вашихъ мѣстныхъ обстоятельствъ и потому представляю тебѣ, по своей *Sapientia*, сообразить все это и обсудивъ, безпристрастно положить свое рѣшеніе. Теперь слѣдуетъ Паскевичъ. Не зная, что было между нимъ и тобой, я никакъ не берусь совѣтовать — или дозволить себѣ имѣть мнѣніе на счетъ примиренія съ нимъ. Тутъ все зависитъ отъ качества и причинъ вашего разлада и отъ его характера.— Вообще въ свѣтѣ я замѣтилъ, что Вейсъ правъ, когда говоритъ: *les reconciliations ne valent pas grand chose; c'est comme une corde rompue et renouée, on sent toujours le noeud*. Впрочемъ, какое же бы могъ овъ тебѣ дать мѣсто? Развѣ Губернаторское? Не зная польскаго языка, трудно кажется управлять Польскою губерніею черезъ переводчиковъ, вѣроятно поляковъ или заполякованныхъ русскихъ. Максъ ²⁾ чрезвычайно доволенъ

¹⁾ Нумерсъ, Логгинъ Федоровичъ, восп. 2 курса, вып. 1820 г. Умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника и должности предсѣдателя Тифлисской Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда.

²⁾ Максимъ (Максимилянъ) Егоровичъ Энгельгардтъ, умеръ 21 марта 1858 г. въ чинѣ дѣйств. статскаго совѣтника, во.п. 3 курса Царскосельскаго Лицея, вып.

Паскевичемъ, который кажется любить его, и наказыль мнѣ тьму похвалъ на щеть его, когда я былъ у него здѣсь, чтобы благодарить его за опредѣленіе Макса въ Директоры Польскаго банка. — Еслибъ ты гдѣ-нибудь встрѣтился съ Паскевичемъ, то можно бы *на словахъ* anknüpfen, переговоры и потомъ уже дальнѣйшее объясненіе везти на письмѣ, а такъ, спроста, à baton rompu, писать, объясняться въ дѣлѣ, гдѣ и онъ, какъ полагаешь ты, не совѣмъ правъ,—что то дико. Писанное можно толковать и такъ и этакъ, и понимать совѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ было намѣреніе писавшаго. Подумай хорошенько». Заканчивается это письмо слѣдующими словами: «Да пора кончить болтовню. Прощай, любезной другъ; будь здоровъ со всѣми своими и не забудь при какомъ-либо своемъ рѣшеніи старой поговорки плотниковъ: трое смѣрай да единово отрѣжь; послѣ представить мудрено». Наконецъ, въ письмѣ отъ 2 сентября 1840 г.— послѣднемъ изъ коллекціи писемъ Энгельгардта къ Вольховскому, хранящихся въ Пушкинскомъ Лицейскомъ музеѣ ¹⁾, мы находимъ еще нѣсколько строкъ, показывающихъ намъ, какъ добросовѣстно и осторожно давалъ совѣты своимъ питомцамъ старый директоръ. Энгельгардтъ пишетъ: «...Виновать! Заговорился о своихъ мечтахъ; пора поговорить о твоей дѣйствительности. Я совѣтовалъ издали, не зная подробностей и потому мои совѣты суть только *примасы* для собственнаго твоего соображенія и обсужденія. Разложи безпристрастно предъ собою свои практическія и мои теоретическія мнѣнія и тогда, по надлежащемъ разборѣ тѣхъ и другихъ, рѣши, что лучше и приличнѣе».

И. В. Малиновскій говоритъ, что Вольховскій, «перешедъ въ частный помѣщичій бытъ, любилъ бесѣдовать о нововведеніяхъ по агрономіи, по управленію крестьянами, заботился объ облегченіи ихъ быта и для того опредѣлилъ Высочайше пожалованную ему пенсію на уплату за крестьянъ жены своей подушнаго». Съ своей стороны, декабристъ Розень говоритъ, что Вольховскій, выйдя въ отставку и поселившись въ деревнѣ, жалѣлъ только, что онъ по своему чину не могъ быть избранъ въ уѣздные судьи, чтобы на невидномъ мѣстѣ сдѣлать множество добра непримѣтнымъ образомъ. Тамъ, въ уединеніи,

1823 г.—Максимъ (Фридрихъ) Егоровичъ, директоръ Варшавскаго Банка, род. 18 мая 1803 г., † 21 марта 1858 г. (Князь А. В. Лобановъ-Ростовскій: Русская родословная книга. Т. II, изд. 2. Спб., 1895 г., стр. 423). Энгельгардтъ назвалъ своего сына Максимиліаномъ въ честь Баварскаго курфюрста Максимиліана (Иосифа), приславшаго ему табакерку съ брилліантовымъ вензелемъ, за услуги, оказанныя Энгельгардтомъ Баварскому посланнику въ царствованіе Императора Павла I. (См. статью Ник. Энгельгардта: «Давніе эпизоды». VIII. «Воспитатель Пушкина».—«Историч. Вѣстн.» за 1911 г., августъ, т. СХХV, стр. 460).

¹⁾ Приносимъ глубочайшую признательность за дозволеніе воспользоваться рукописями, хранящимися въ Лицейскомъ музеѣ, нашему дорогому одношанику Александру Петровичу Саломону, нынѣ покойному директору Императорскаго Александровскаго Лицея.

онъ прилежно читаль и изучаль Тезера (?) и другихъ рациональныхъ сельскихъ хозяевъ, дѣятельно старался объ улучшеніи быта крестьянскаго. Среди этихъ занятій что-то тянуло его къ берегамъ Днѣпра, ближе къ родинѣ...
..... Совершенно неожиданно постигло его горе: онъ лишился второй дочери своей, которая цвѣла здоровьемъ и красотою, уже бѣгала и начала говорить, и въ нѣсколько дней ея не стало. Онъ перенесъ этотъ ударъ съ христіанскою покорностью, утѣшалъ пораженную печалью жену и словомъ и примѣромъ ¹⁾.

Дочь, о смерти которой упоминаетъ Розенъ-декабристъ, была Марія, родившаяся 13 января 1838 г. Какъ мы видѣли изъ письма Вольховскаго къ своему бывшему начальнику, дочь Марія, о которой идетъ рѣчь, померла въ августѣ 1839 г. О смерти этой дочери онъ также оповѣстилъ своего стараго директора Энгельгардта, который въ отвѣтъ на письмо Вольховскаго написалъ ему отъ 15-го октября 1839 г. слѣдующія утѣшительныя строки: <...Съ душевнымъ участіемъ читаль я извѣстіе о потерѣ твоей, любезной Вольховской. Я схоронилъ двухъ своихъ дѣтей и двухъ внуковъ, и знаю, чего это стоитъ сердцу родительскому. Тутъ нѣтъ инаго утѣшенія, кромѣ всеобщаго отъ всѣхъ земныхъ горестей—времени. Оно, какъ благотворной елей, мало по малу изцѣляетъ всѣ раны; оно утѣшитъ и твое горе и горе бѣдной матери. Много я схоронилъ близкихъ и милыхъ сердцу: отца, мать, двухъ сестеръ, брата, тестя, тещу, зятя, и сколько друзей! Изъ 32 человекъ, коихъ лица висятъ на извѣстной тебѣ *Freundes Wand*, уже 18 въ могилѣ, да двое на отходѣ. Ужели я долженъ всѣхъ пережить? Это ужасно подумать, если остаться какъ говорили Римляне: *ultimus suorum*.—И изъ 28 лицейскихъ надъ моимъ столомъ, уже 6 человекъ выбыли и ждутъ меня тамъ, гдѣ уже нѣтъ разлуки. Да куда это я забрелъ? Полно; станемъ говорить о живыхъ!>

Далѣе въ этомъ же письмѣ Энгельгардтъ высказываетъ свои педагогическіе взгляды на воспитаніе и предлагаетъ женѣ Вольховскаго воспользоваться ими для ихъ дочери Ини (Анны): <Мой собственный народъ, здѣсь на лицо состоящій, весь здоровъ и веселъ. Иные уже охаютъ въ школѣ, другіе рѣзвятся еще дома. Насъ стариковъ утѣшаетъ сиротка нашъ Юрій Владиміровичъ ²⁾, богатырь мальчикъ, уже теперь верхъ двомъ ставитъ весь домъ, а ему только еще 14 мѣсяцевъ. Зубы идутъ никто и (не) догадывается, кромѣ развѣ какъ укусить. Желаю отъ всего сердца, чтобъ и твои малютки слѣдовали хорошему его примѣру, а доброй мамонькѣ желаю для Ини *терпѣніе и непоколебимое постоянство* въ требованіи исполненія того, что однажды сказано. Tout

1) Записки Розена, стр. 362.

2) Сынъ Владиміра Егоровича Энгельгардта.

dépend, en education, de la fermeté inébranlable dans les principes du pépé-geue. Il ne faut pas multiplier les défenses et les règles, mais une fois posées, il faut y tenir scrupuleusement»...

Баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ на возвратномъ пути съ Кавказа, заѣхавъ въ имѣніе своей жены, даетъ намъ слѣдующее описаніе жизни Вольховскаго въ имѣніи: «...Отраднo было свиданіе наше,—говоритъ онъ,—съ родными въ Каменкѣ. Здѣсь засталъ я В. Д. Вольховскаго въ отставку: онъ жалѣлъ, что не могъ продолжать службу для общей пользы, но какъ не хотѣли его употребить по способностямъ его, то онъ принужденъ былъ оставить ее въ лучшей порѣ жизни, ему было сорокъ лѣтъ, при довольномъ запасѣ знаній и опытовъ. За оказанную ему несправедливость нашелъ онъ лучшее возмездіе въ совѣсти, своей и въ семействѣ своемъ. Онъ въ деревнѣ праздности не зналъ, вставалъ рано, учился англійскому языку, читалъ много, и готовился управлять имѣніемъ жены своей по правиламъ раціональнаго хозяйства»¹⁾).

Эти усиленные занятія, эта жажда знаній и избытокъ энергіи были при-сущи Вольховскому во всю его жизнь. Еще на Кавказѣ онъ подорвалъ свое здоровье и принужденъ былъ, прежде чѣмъ покинуть навсегда Кавказъ, по-ѣхать въ Пятигорскъ «для подкрѣпленія здоровья, которое много потерпѣло отъ постоянного труда и писанія; случалось ему сиживать за письменнымъ столомъ до обморока»,—говоритъ декабристъ Розенъ (стр. 371).

Разговоръ и бесѣды съ Вольховскимъ были поучительны и интересны. Баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ, бывши вмѣстѣ съ нимъ въ Чепельскомъ хуторѣ, въ 30 верстахъ отъ Каменки, замѣчаетъ: «...бесѣды Вольховскаго въ маленькомъ домикѣ, гдѣ мы ночевали, для меня памятны; въ нихъ отражались смиреніе христіанское и добродѣтели гражданина» (стр. 398).

Анонимный авторъ разсказа о службѣ своей на Кавказѣ²⁾ даетъ слѣдующую характеристику Вольховскаго и его корпуснаго начальника: «Умный и честный, хотя для правителя такой страны, какъ Кавказъ, слишкомъ добродушный, баронъ Г. В. Розенъ, лежалъ въ Москвѣ, разбитый параличемъ; даровитый и гражданскому долгу выше всякаго себялюбія преданный В. Д. Вольховскій, другъ и Кавказскій сослуживецъ своими заслугами и высокими душевными качествами всей Россіи извѣстнаго графа Д. Е. Остенъ-Сакена, и мой горячій защитникъ, въ немилости доживалъ послѣдніе часы своей жизни предсѣдателемъ Полтавской³⁾ гражданской палаты».

1) Записки, стр. 397 и 398.

2) «Рус. Арх.» 1881 г., т. 2, стр. 246—247.

3) «А можетъ быть и Черниговской, навѣрное не помню». Оба эти предположенія невѣрны. Можетъ быть, Вольховскій и имѣлъ намѣреніе получить мѣсто предсѣдателя или управляющаго гражданской палаты. Намекъ на это мы имѣемъ въ письмѣ Але-

О частной жизни Владиміра Дмитріевича біографъ его, И. В. Малиновскій, говоритъ еще слѣдующее: «Вольховскій никогда не игралъ въ карты, и во всю жизнь не употреблялъ ни водки, ни вина. Въ той же степени укрѣпился и прочими добродѣтелями воздержанія. Еще въ юности своей, и во время своей Лицейской жизни, произвольно отказывалъ себѣ въ необходимой для другихъ пищахъ: въ мясѣ, пирожнѣмъ, чаѣ—единственно для того, чтобы пріучить себя къ лишеніямъ и не бояться ихъ въ жизни; но эта суровость къ себѣ, отнюдь не умалила въ немъ человѣколюбиваго расположенія къ другимъ, и кто изъ знавшихъ его скажетъ, чтобы онъ упустилъ хотя одинъ случай помочь собрату и дѣломъ и совѣтомъ, чтобы въ дѣлахъ правосудія, которыя ему, по его званію и мѣсту послѣдняго служенія, столь нерѣдко производить надлежало, чтобы Вольховскій, строгій другъ правды, и вѣрный исполнитель закона, не искалъ оправдать обвиненнаго или облегчить его судьбы. Въ искреннихъ пріятельскихъ бесѣдахъ участвовалъ всегда охотно, слегка оживляя разговоръ своими то веселыми, то глубокомысленными, и всегда умными замѣчаніями: нахальству и дерзости всегда у него было готово возраженіе, и при всей своей скромности былъ въ характерѣ твердъ, и въ обдуманыхъ заключеніяхъ непреклоненъ».

Для характеристики Вольховскаго приводимъ еще слѣдующій рассказъ барона Розена—декабриста: «Лѣтомъ 1840 г. онъ долженъ былъ ѣхать въ Москву по дѣламъ сестры своей. Тамъ онъ увидѣлъ любимаго и уважаемаго прежняго своего начальника барона Г. В. Розена, утомленнаго болѣзнию, а

ксандра Павловича Бакунина, который въ своемъ отвѣтномъ письмѣ къ Вольховскому, отъ 2 мая 1840 г., писалъ слѣдующее:

«Любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ.

Прибывъ въ Петербургъ при первой возможности передалъ я желаніе твое, но увы не могу сообщить тебѣ ничего удовлетворительнаго, ибо Харьковскій Управляющій не выходитъ и на Харьковское мѣсто есть нѣсколько кандидатовъ, ожидающихъ сего мѣста нѣсколько времени; но въ дѣлахъ нашего управленія я полагаю, что получение мѣста Управляющаго довольно легко, но увидѣвъ списокъ кандидатамъ и отличныя отмѣтки, сдѣланныя противу нѣкоторыхъ, убѣдился, что полученіе сихъ званій весьма затруднительно.

Искренно сожалѣю что первая попытка моя не удалась и особенно въ отношеніи къ тебѣ добрый другъ и старый товарищъ, но дѣлать нечего съ невозможнымъ. Сообщаемыя тебѣ свѣдѣнія получилъ я по приказанію графа отъ Директора нашего перваго Департамента.

Поручая себя памяти твоей прося обнять Ивана Васильевича когда соединишься съ нимъ и прося обоихъ васъ сохранить мнѣ чувства стараго нашего товарищества, остаюсь душевно тебѣ преданный.

А. Бакунинъ».

(Александръ Павловичъ Бакунинъ умеръ 25 августа 1862 г., въ Ниццѣ. Былъ тайнымъ совѣтникомъ, Тверскимъ губернаторомъ).

еще болѣе страдающаго отъ участи зятя и отъ пренебреженія, въ коемъ онъ оставленъ былъ уже два года. Вольховскій тотчасъ написалъ графу А. Х. Бенкендорфу, описалъ въ какомъ состояніи увидѣлъ своего прежняго начальника, и просилъ чтобы графъ, какъ сослуживецъ и товарищъ барона, ходатайствовалъ у Императора за заслуженнаго старца. Бенкендорфъ написалъ ему отвѣтъ съ фельдъегеремъ, и просилъ, о чемъ именно онъ можетъ просить Государя, и что онъ готовъ исполнить такое благородное заступничество. Вольховскій сообщилъ Розену все, что онъ желалъ сдѣлать для его успокоенія и уговаривалъ его откровенно сообщить свои желанія въ надеждѣ, что это будетъ исполнено готовностью Бенкендорфа. Но всѣ убѣжденія были напрасны: обиженный старецъ, прослужившій 48 лѣтъ безъ укора, не могъ рѣшиться на прошеніе, между тѣмъ фельдъегерь ждалъ отвѣта, и ждалъ напрасно. Тогда Вольховскій просилъ объ облегченіи участи князя Дадіана, сосланнаго въ Вятку; просьба эта была исполнена, и страдающій отецъ имѣлъ утѣшеніе видѣть дочь свою и зятя, которому дозволено было жить въ окрестностяхъ Москвы». (Записки декабриста, стр. 362 и 363). Приведа этотъ интересный фактъ, рисующій съ очень симпатичной стороны Вольховскаго, я долженъ, однако, замѣтить, что декабристъ Розенъ въ своихъ «Запискахъ» сообщаетъ не мало ошибочнаго, не говоря уже объ особенномъ освѣщеніи событій, касающихся заговора 14 декабря 1825 г. ¹⁾.

¹⁾ Намъ неизвѣстно, былъ ли переведенъ Дадіанъ изъ Вятки въ Москву по просьбѣ Вольховскаго, какъ это видно изъ вышеприведенной выписки о хлопотахъ Вольховскаго облегчать участь князя Дадіана, въ чемъ онъ, по словамъ Розена, успѣлъ. Изъ примѣчаній Б. Модзалевскаго къ письмамъ разныхъ лицъ къ В. Г. Чилеву мы также не видимъ, чтобы Дадіанъ былъ переведенъ изъ Вятки въ Москву («Рус. Арх.» 1904 г., т. I, стр. 130). Между тѣмъ изъ писемъ князя М. С. Воронцова къ А. П. Ермолову («Рус. Арх.» 1890 г., кн. 3) выходитъ, что Воронцовъ хлопоталъ о Дадіанѣ въ 1849 году, т. е. черезъ 8 лѣтъ послѣ смерти Вольховскаго († 1841 г.). Вотъ что пишетъ князь Воронцовъ отъ 28 января 1849 г., изъ Тифлиса: «Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я говорилъ тебѣ, любезный Алексѣй Петровичъ, что полагаю теперь возможнымъ просить Государя въ пользу Дадіана и его семейства, но предстоитъ два вопроса: первый, лучше ли теперь же написать объ этомъ или дожидаться предполагаемаго мною пріѣзда лѣтомъ въ С.-Петербургъ; второй, о чемъ именно просить можно какъ для отца, такъ и для дѣтей, ибо подробности несчастнаго ихъ пораженія мнѣ не извѣстны или, по крайней мѣрѣ, малоизвѣстны, посему я рѣшился написать письмо къ баронессѣ Розенъ, которое посылаю къ тебѣ открытое, чтобы ты оное прочиталъ, а потомъ сдѣлай милость потрудишься отдать оное баронессѣ Розенъ и ~~сказать~~ говорить съ нею хорошенько на счетъ того, когда и какимъ образомъ приступить къ дѣлу. Я имѣю причину думать, что въ Петербургѣ расположены что-нибудь сдѣлать въ пользу Дадіановыхъ, но надобно стараться, чтобы сдѣлано было какъ можно болѣе. Что вина была, объ этомъ спорить не возможно; но наказаніе слишкомъ строго и продолжается уже болѣе 10 лѣтъ. Я поступаю по вашему отвѣту и по общему твоему съ баронессою соглашенію» (стр. 345). Въ письмѣ изъ Тифлиса, отъ 17 марта 1849 г., Воронцовъ пишетъ: «Очень благодаренъ тебѣ за исполненіе моей просьбы къ баронессѣ Розенъ. Въ *ответъ* ко мнѣ она соглашается съ моимъ мнѣніемъ, чтобы стараться объ дѣлѣ

«Съ дѣтскою покорностью и любовью преданный Промыслу, онъ былъ полонъ чувства религіознаго, и убѣжденіями разума, и наукою и опытомъ обогащеннаго, укрѣплялъ свою вѣру и свою надежду на жизнь замогильную»,— говоритъ И. В. Малиновскій.— «Въ такихъ чувствахъ и помышленіяхъ застигла его послѣдняя, предсмертная болѣзнь. Послѣ кратковременныхъ, 10-дневныхъ страданій, причастившись Святыхъ Таинъ, сподобившись елеосвященія, отошелъ онъ 7 марта 1841 г. въ лучшій міръ, оставя пораженныхъ его рановременной кончиною: добрую жену, двухъ малютокъ дѣтей, родныхъ, знакомыхъ и крестьянъ, ощутившихъ благость Божію подъ его отеческими распоряженіями, оставя за собою и добрую память, неизмѣнную ему сопутницу и по ту сторону гроба».

Отъ 14 апрѣля 1841 года Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину слѣдующую горестную вѣсть: «...Вчера я получилъ извѣстіе о смерти Вольховскаго,— послѣ 8 дневной болѣзни. Послѣ выхода въ отставку— онъ жилъ въ деревнѣ жены своей въ Харьковской губерніи, пытался заниматься хозяйствомъ, да не по сердцу занятіе это мѣлочное, единообразное. Онъ скучалъ и назадъ тому около мѣсяца еще писалъ мнѣ, что хочетъ пуститься служить по дворянскимъ выборамъ, а, такъ Богъ если благословитъ, то и вступить опять въ государственную службу подъ пару губернатору Корнилову ¹⁾, о коемъ слава отличная.— Въмѣсто того— гробъ! Жаль Суворчика, онъ бы былъ полезной человѣкъ государству. Вѣдная жена съ двумя дѣтками!..»

Найдя въ женѣ своей— Марьѣ Васильевнѣ— сердечнаго друга и вѣрнаго спутника на жизненномъ пути, Владиміръ Дмитріевичъ обращается къ ней въ послѣднемъ пунктѣ своего домашняго духовнаго завѣщанія, составленнаго имъ въ городѣ Бобруйскѣ еще 17 августа 1838 года, съ слѣдующими трогательными словами: «За симъ предаю себя памяти родныхъ и друзей моихъ; отъ сердца благодарю за дружбу и любовь ихъ.— Имѣвши счастье большею частію встрѣчать справедливость и благоволеніе отъ всѣхъ, съ коими я имѣлъ близкія

Дадіана; въ Петербургѣ я буду съ душевнымъ усердіемъ объ этомъ хлопотать, и, кажется, можно надѣяться на успѣхъ» (стр. 346). Наконецъ, въ письмѣ изъ С.-Петербурга, отъ 11 августа 1849 г., Воронцовъ сообщаетъ Ермолову: «Слѣшу тебя увѣдомить, что для фамиліи Дадіана все, что Государь соглашается сдѣлать, есть принятіе дѣтей въ Пажескій корпусъ; Онъ сказалъ мнѣ, что этотъ отвѣтъ былъ уже имъ данъ на недавно поданное къ нему прошеніе и что больше этого сдѣлать не можетъ. Я очень сожалѣю, что не ~~ничего~~ ничего сдѣлать полезнаго для этой несчастной фамиліи; но дѣло это уже было не новое и рѣшено прежде, нежели мое домогательство дошло на Высочайшее разрѣшеніе; я напишу объ этомъ почтенной баронессѣ, а между тѣмъ сдѣлай милость скажи ей все, что я по этому дѣлу чувствую и что я употребилъ на это всѣ возможные старанія, но дѣло было кончено прежде меня и переимѣнить невозможно» (стр. 350 и 351). Если фактъ перевода Дадіана изъ Вятки въ Москву, по просьбѣ Вольховскаго, вѣрнѣе, какъ объ этомъ сообщаетъ декабристъ Розенъ, то ходатайство Воронцова нужно признать за вторичную попытку облегчить участь Дадіана, не увѣнчавшуюся успѣхомъ.

¹⁾ Однокашникъ его по 1 курсу въ Лицеѣ.

сношенія,—отъ сердца прощаю не многимъ, враждовавшимъ мнѣ, испрашиваю для себя снисхожденія тѣхъ, которыхъ чѣмъ либо оскорбилъ.—Благодарю лучшаго друга моего, жену мою за нѣжную любовь ея, столь улаждавшую все время совмѣстной нашей жизни.—Да благословитъ ее Всемогущій возможнымъ на землѣ счастьемъ, и утѣшитъ благополучіемъ всѣхъ близкихъ ея доброму сердцу, и особенно преуспѣваніемъ въ добрѣ дѣтей нашихъ, которыхъ благословляю и предаю благодати Божіей.—Благодарю любезное мнѣ Отечество и великихъ Вѣнценосцевъ Александра и Николая, доставившихъ мнѣ образованіе и слишкомъ щедро наградившихъ посильные труды мои для службы Ихъ.—Благодарю Провидѣніе, одарившее меня столькими благами и предохранившее отъ многихъ золъ, которымъ по неблагоразумію своему и по обыкновенному ходу вещей я могъ бы подвергнуться.—Поручаю себя благодати Божіей и за предѣлами земнаго существованія нашего: да простятся мнѣ всѣ прегрѣшенія волею или неволею сдѣланныя, дурные и суетные помыслы, столь часто волновавшіе слабое сердце, и да восхвалитъ душа моя до послѣдней минуты всесвятое имя Божіе!»

Окончимъ этотъ слабый біографическій очеркъ словами И. В. Малиновскаго, которыми онъ оканчиваетъ свою біографію В. Д. Вольховскаго. Онъ говоритъ о своемъ шуринѣ: «Предсмертныя его слова были: «Мы будемъ счастливы, мы достигли своего назначенія—какъ Тебѣ угодно, такъ и будетъ, я не ропшу, я рабъ Твой Господи! совершенно предаю себя Твоей волѣ». На чугунномъ крестѣ надъ его могилой, Харьковской губерніи, Изюмскаго уѣзда, въ селѣ Стратилатовѣ, въ оградѣ церкви Софіи Премудрости Божіей, надпись: «Одари Богъ кротость премудростію».

Мы были бы вполне вознаграждены за этотъ слабый біографическій очеркъ жизни Владиміра Дмитріевича Вольховскаго, если бы читатель вынесъ то же впечатлѣніе, что и Петръ Александровичъ Плетневъ вынесъ изъ чтенія брошюры И. В. Малиновскаго «О жизни генераль-маіора Вольховскаго». Вотъ, что говоритъ П. А. Плетневъ: «Эта небольшая біографія содержитъ одно простое исчисленіе прекрасныхъ дѣлъ человѣка, по многимъ отношеніямъ незабвеннаго... Во всю жизнь, ни въ какихъ обстоятельствахъ, не отступалъ онъ отъ тѣхъ правилъ, съ которыми вышелъ изъ Лицея. Сочинитель біографіи ведетъ читателя отъ первой эпохи въ жизни Вольховскаго до самой его кончины—и вы съ какимъ-то отраднымъ чувствомъ видите передъ собою лицо кроткаго христіанина въ душѣ, образованнѣйшаго человѣка по уму, строгаго стойка по жизни» ¹⁾).

¹⁾ Рецензія 1845 г. въ «Современникѣ», т. XXXVII,—я «Сочиненія и переписка» П. А. Плетнева. Спб., 1885 г., стр. 472.

О достойнѣйшей Маріи Васильевнѣ ¹⁾, вдовѣ Вольховскаго, и ея двухъ дочеряхъ: Аннѣ, родившейся 28 іюля 1836 года ²⁾, и Маріи, родившейся 13 января 1838 года ³⁾, сообщаетъ намъ ея племянница, Софія Ивановна Штакеншнейдеръ ⁴⁾, урожденная Малиновская, дочь Ивана Васильевича Малиновскаго, отъ второго брака его, съ племянницею Вольховскаго—Екатериною Федосѣевною Зинкевичъ. Вотъ, что намъ пишетъ Софія Ивановна: «Тетка моя Марія Васильевна Вольховская скончалась 9 сентября 1899 г. въ своемъ имѣніи. Это была чудная личность, всеѣми глубоко уважаемая, кто ее зналъ. Великолѣпно образованная, умная, сердечная, но послѣдніе три года она не вынесла всего горя, выпавшаго на ея долю, и лишилась разсудка.—Она вышла замужъ за Владиміра Дмитріевича по любви, но только 7 лѣтъ была очень счастлива: онъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ отъ тифа. Она осталась красавицею—вдовою; свои великолѣпныя косы остригла и положила въ гробъ мужа. Надѣла старческіе чепчики и 63 года ⁵⁾ прожила безупречно вдовою. Какъ свѣтъ ни золь, но объ этой святой женщинѣ никогда никто ничего не могъ сказать. У нея было трое дѣтей: дочь Марія и сынъ Владиміръ, оба умерли въ дѣтствѣ ⁶⁾, оставалась дочь Анна, которая была замужемъ за

¹⁾ М. В. Вольховская, между прочимъ, вела переписку съ Кохановскою. (См. «Изъ писемъ Н. С. Соханской (Кохановской) къ М. В. Вольховской». «Рус. Арх.» 1900 г., т. I, стр. 109—140). Письма сообщены редакціи К. П. Побѣдоносцевымъ и снабжены примѣчаниями извѣстнаго библіографа С. И. Пономарева.

²⁾ О рожденіи этой дочери В. Д. Вольховскій писалъ, отъ 29 іюля 1836 г., своему начальнику, барону Г. В. Розену, «что 28 іюля 1836 г. въ 6 час. веч. жена его родила дочь». Въ концѣ письма М. Л. Яковлева отъ 22 іюня 1837 г. мы находимъ характерныя строчки о дочери Аннѣ, у которой въ то время, вѣроятно, прорѣзывались зубы. Въ этихъ строчкахъ Яковлевъ рисуетъ намъ человѣкомъ, очень любящимъ маленькихъ дѣтей. Маленькая Анна была ему еще тѣмъ болѣе симпатична, что это былъ ребенокъ его друга, товарища по воспитанію, на свадьбѣ котораго онъ былъ шаферомъ. Письмо это оканчивается слѣдующими словами: «Милостивой Государынѣ Аннѣ Андреевнѣ и Марьѣ Васильевнѣ желаю добраго здоровья и благодарю ихъ за память о ревельскихъ шаферахъ.— Агу? Ина! Показали-ка зубки! Ахъ, какія 2 бѣленькіе зубки (Sic). Агу! Агугулюшки!»

³⁾ Померла въ августѣ 1839 г.

⁴⁾ Приносимъ глубокую благодарность уважаемой С. И. Штакеншнейдеръ, нынѣ умершей, за ея любезную помощь въ доставленіи намъ біографическихъ свѣдѣній объ ея отцѣ и родныхъ. С. И. была единственною личностью, которая откликнулась на нашу просьбу о матеріалахъ для біографіи. Ни одинъ лицестъ еще не сдѣлалъ ни одного сообщенія намъ.—30 іюля 1907 г., въ гор. Славянскѣ, скончалась С. И. Штакеншнейдеръ, урожденная Малиновская, и погребена 2 августа въ с. Каменкѣ, Изюмскаго уѣзда.

⁵⁾ Здѣсь почтенная Софія Ивановна ошибается. Если Марія Васильевна умерла въ 1899 г., то она вдовствовала 58 лѣтъ.

⁶⁾ Изъ записокъ Розена мы видимъ, что когда онъ (Розентъ) былъ переведенъ, въ 1837 г., на Кавказъ, то, по его словамъ, семейство Вольховскаго украшала одна дочь, шестью недѣлями старше его дочери и одного съ нею имени (стр. 346). Возвращаясь же изъ Бѣлаго Ключа, когда Вольховскій былъ уже уволенъ отъ должности начальника штаба, Розентъ пишетъ, что былъ радушно и искренно принятъ семействомъ свояка: «хозяйка съ двумя дочерьми, изъ нихъ поворожденная у груди и добрѣйшая тетка, общая намъ мать»...

инженеромъ Александромъ Алексѣевичемъ Носовымъ, и ее Марія Васильевна пережила на два года ¹⁾.—У Анны Владиміровны Носовой, тоже овдовѣвшей, было также трое дѣтей: Владиміръ ²⁾ и Софія, умершіе въ дѣтствѣ, и осталась одна дочь Марія, вышедшая замужъ за ветеринарнаго врача Хинджоццо—дѣтей нѣтъ».

По поводу рожденія первой дочери у Вольховскихъ мы можемъ привести очень интересное письмо Энгельгардта отъ 26 августа 1836. года. Оно характеризуетъ Энгельгардта какъ человѣка сердечнаго, нѣжнаго отца и замѣчательнаго педагога своего времени; въ этомъ же письмѣ мы находимъ взглядъ Энгельгардта на преподаваніе въ Лицеѣ въ связи съ другими учебными заведеніями; пикантны также въ этомъ письмѣ свѣдѣнія о пансіонѣ Оболенскаго, который замѣнилъ собою лицейскій благородный пансіонъ; небезинтересна также приписка, на французскомъ языкѣ, къ Аннѣ Андреевнѣ Самборской, воспитавшей жену Вольховскаго. Вотъ содержаніе этого письма, обширность котораго искупается интересомъ его содержанія:

«Ура! Вольховскій! Давно давнымъ не былъ я такъ порадованъ какъ нынѣ внучкою, которою ты меня подарилъ. Я получилъ твое письмо въ ту самую минуту, какъ сѣлся въ карету, чтобъ ѣхать къ Бетси, крѣстить у нее маленькую Бетси. Въ каретѣ читалъ и со мною въ залуски радовались Марья Яковлевна и А. Ф. Сакенъ, да глядя на насъ и наша Annette ³⁾. Приѣхавъ туда, провозгласили добрую вѣсть всей семьѣ и всѣ съ нами радовались и поручили мнѣ, отъ всѣхъ вообще и отъ каждого отдѣльно, сказать тебѣ миліоны дружескихъ желаній тебѣ, Марьѣ Васильевнѣ, и будущей невѣстѣ Аннѣ Владиміровнѣ. Жаль, что моимъ сыновьямъ не въ пору сождать (Sic) ее, надо будетъ послать одного изъ внуковъ за нее свататься. Между тѣмъ мы не преминули выпить по рюмкѣ шампанскаго за здравье милой маменьки и миленькой Аняты, съ которою непременно надобно мнѣ познакомиться; статочное ли дѣло, у моего Вольховскаго дитя, а я чтобы не поносилъ ее на рукахъ, не попестовалъ, не поцеловалъ. Нѣтъ, это должно сбыться, и сбудется; какъ? не знаю, а сбудется; не вѣкъ же тебѣ жить за тридевять земель, въ тридесятomъ государствѣ, надо и у людей добрыхъ побывать.

*

¹⁾ Такъ какъ М. В. Вольховская умерла въ 1899 г. (9 сентября), то, слѣдовательно, дочь ея умерла въ 1897 г.

²⁾ Объ этомъ внукѣ упоминаетъ Соханская-Кохановская, въ письмѣ отъ 25 ноября 1876 г., по поводу пожертвованія этимъ ребенкомъ «золотою» на братскую защиту Славянства. Она совѣтуетъ послать эту семейную драгоценность «прямо въ руки М. Г. Черныяева». («Рус. Арх.» за 1900 г., т. I, стр. 112). Объ Аннѣ Владиміровнѣ Носовой Соханская упоминаетъ Ibid., стр. 132.

³⁾ Воспитанница Энгельгардта—А. Ленцъ.

«Между тѣмъ прошу мою внучку беречь и воспитывать: пеленать слегка до груди, а плечики и ручки оставлять свободными.—Сколько возможно, приучать къ свѣжему воздуху и въ дѣтской комнатѣ — разумѣется просторной и на солнечной сторонѣ — не позволять, особенно ночью, быть многимъ людямъ.—Купать каждый день въ теплинкой водицѣ, а *не въ холодной*; это было въ модѣ, да никуда не годится, переходъ слишкомъ крутъ для нѣжнаго еще тѣла.—Передъ купаньемъ совсѣмъ распеленать и дать волю на плоской подушкѣ побарахтаться; любо глядѣть, какъ маленькое животное наслаждается такою свободою, вытягиваетъ ножки, ручки. — Люльку сдѣлать коренную русскую, т. е. не такую толчею на двухъ закругленныхъ доскахъ, которыя, порекатываясь по неровнымъ половицамъ только что мучаютъ бѣдное дитя и одурѣваютъ ее; привяжи къ потолку надежную гибкую оглоблю и къ переднему концу привѣсь корзинку или колыбель, которую будетъ качать безъ сотрясенія внизъ и вверхъ, точно такъ, какъ бы качала бы мать держа дитя на рукахъ.— Да, что это я разболтался напраслиной,—у васъ есть вашъ благодѣтельный геній - хранитель, почтенная Анна Андрѣевна, которая безъ сомнѣнія все это знаетъ лучше меня и все къ лучшему устроить. Благослови Богъ ее и васъ, большихъ и малыхъ!

«Теперь два слова о твоёмъ полу-сынѣ, Энни ¹⁾). Я совершенно твоего мнѣнія, что какъ ни былъ хорошъ найденный вами наставникъ, но мальчику непрѣменно нужно, для обработки, обдѣлки характера, нрава, воспитаніе *не* домашнее, а хорошее *общественное*, въ которомъ бы нашель онъ, въ меньшемъ видѣ то, что въ послѣдствіе встрѣтитъ въ свѣтѣ. Вопросъ: есть ли гдѣ такое воспитаніе, и гдѣ оно?—Отвѣтъ: не знаю. Въ большей части нашихъ такъ называемыхъ воспитательныхъ заведеній воспитаніе въ *истинномъ* значеніи слова нѣтъ; тамъ все ограничивается общимъ наружнымъ наблюденіемъ внѣшняго порядка и строгимъ, безотчетнымъ требованіемъ исполненія его; 300 человекъ молодежи составляютъ какъ бы одно лицо, на эту массу дѣйствуютъ какъ медведь когда въ лѣсу дуги гнетъ — гнетъ не паритъ, переломить не тужить. Много, очень много лому! да которые и согнутся безъ перелому, будутъ плохія, на дѣло не надежныя дуги. Генеральное воспитаніе всегда будетъ дурнымъ воспитаніемъ, потому что оно не входитъ въ частность характера, а обходится съ пылкимъ, горячимъ нравомъ точно также, какъ съ холоднымъ, терпѣливымъ, и съ чувствительнымъ, нѣжнымъ.—Да объ этомъ бы надобно написать цѣлую книгу и то по пустому.— Ты спрашиваешь, что думаю я о *нынѣшнемъ* ²⁾ Лицеѣ? Онъ кажется изъ

¹⁾ Сынъ Розена—декабриста и свояченицы Вольховскаго—Анны Васильевны Розень, урожденной Малиновской.

²⁾ Слово это дважды подчеркнуто Энгельгардтомъ.

всѣхъ извѣстныхъ мнѣ заведеній—*le moins mauvais*. Вотъ все, что можно допустить, впрочемъ прежняго Лицея тамъ и тѣни нѣтъ.—Гольтгеръ (Гольтгоеръ)¹⁾ доброй человѣкъ, но о воспитаніи имѣетъ столько же понятія, какъ я о кавалерійскомъ маневрѣ. Онъ воспитанъ во 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, всю жизнь свою провелъ тамъ и педагогіи научался въ дворянскомъ полку. Вступая въ Лицей, онъ объявилъ воспитанникамъ: думайте, что хотите, только будьте исправны предъ начальствомъ!!! Имъ управляетъ Оболенской²⁾, низкой фари-сей, основывающій все воспитаніе на постыдной системѣ подслушиванія за дверьми, на изловленіи и кражѣ записочекъ по ящикамъ, и даже доходилъ до того, что приучивалъ воспитанниковъ дѣлать тайные доносы на товарищей.—Слѣдствіемъ того (*Sic*), что воспитанники ненавидятъ, презираютъ начальство. Больно слышать этихъ бѣдныхъ молодыхъ людей, когда говорятъ о начальствѣ своемъ и о Лицеѣ,—сердца ихъ остыли, они не любятъ, потому что ихъ не любятъ, и съ нетерпѣніемъ рассчитываютъ, сколько дней еще имъ тамъ оставаться. Это впрочемъ во всѣхъ нашихъ заведеніяхъ, вездѣ ненависть къ заведенію и презрѣніе къ воспитателямъ.—Но Царскосельское заведеніе (я не люблю называть его Лицеємъ) не смотря на все это, все еще можетъ почестся лучшимъ; по крайней мѣрѣ, на ученіе—конечно также форменное—обращаютъ болѣе вниманія и болѣе времени, потому что тамъ нѣтъ учебныхъ шаговъ, ружей и пр. Въ числѣ выпускаемыхъ встрѣчаются образованные молодые люди, которые не смотря на все, или можетъ быть *par dépit*, сохранили какое-то собственное благородство и сами въ слухъ говорятъ, что это чувство сохранилось еще по старымъ преданіямъ прежняго

¹⁾ Гольтгеръ былъ директоромъ Лицея съ 1824 по 1840 г.

²⁾ Андрей Филипповичъ Оболенскій, сынъ священника, воспитывался въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ; на службу вступилъ въ 1814 г. старшимъ учителемъ С.-Петербургской гимназіи, откуда въ 1816 г. былъ перемѣщенъ въ благородный при Лицеѣ пансіонъ, гдѣ преподавалъ латинскій языкъ и ариметику и занималъ должность гувернера. Въ 1817 году былъ утвержденъ въ званіи помощника профессора нравственныхъ наукъ и преподавалъ логику, психологію и нравственность въ младшемъ курсѣ Лицея и низшихъ классахъ пансіона, при прежнихъ урокахъ въ немъ. Званіе гувернера пансіона онъ сохранилъ за собою по 1822 годъ и тутъ былъ перемѣщенъ на ту же должность въ Лицей, занимая съ 1824 по 1839 годъ и должность бібліотекаря. Въ 1833 году получилъ званіе профессора, а въ 1834 г. устроилъ при Лицеѣ особый приготовительный пансіонъ. Въ это время онъ былъ (съ 1829 г.) уже инспекторомъ классовъ въ Лицеѣ, оставаясь имъ по 1843 г., когда былъ, согласно прошенію, уволенъ отъ должности инспектора, такъ какъ въ 1843 г. состоялось распоряженіе о несовмѣстимости должности профессора и инспектора, и былъ переименованъ въ профессора гражданскихъ законовъ, а по выbitи адъюнкта Кеснера соединилъ въ себѣ преподаваніе финансоваго права и законовъ благоустройства и благочинія—предметовъ, оставшихся за нимъ до конца службы. Оставилъ службу въ ноябрѣ 1861 г., скончался 7 января 1871 г. (См. И. Селезневъ: «Историческій Очеркъ...» Спб., 1861 г.— и «Памяти. книжка Лицея» на 1886 г., стр. 83—84).

Лицея и вопреки всѣхъ стараній г-на Оболенскаго, которой впрочемъ умѣлъ до того ослѣпить высшее начальство, что ему недавно дали привилегіи болѣе тѣхъ, какія имѣлъ благородный нашъ пансіонъ. Ты помнишь, что пансіонъ сочли за нужное круто разрушить—вскорѣ увидѣли неудобство принимать въ Лицей совершенно не приготовленныхъ молодыхъ людей; по сему въ Лицеѣ учредили два нижніе классы, гдѣ и грамотѣ учатъ — опять не ладно. Вотъ Оболенскій выхлопоталъ себѣ позволеніе завести частный пансіонъ для такого приготовленія; онъ инспекторъ Лицея—выборъ вступающихъ зависить отъ него.—Его пансіонъ сдѣлался исключительнымъ способомъ туда попасть. Мало по малу—какъ винтъ въ деревѣ,—онъ добрался до того, что его *частному* заведенію дали не только всѣ права уничтоженнаго прежняго пансіона, но прибавили еще и то, что онъ представляетъ своихъ воспитанниковъ къ окончателъному экзамену для выпуска изъ Лицея и что они по сему экзамену выпускаются съ Лицейскими преимуществами. Г. Оболенскій уже выстроилъ себѣ огромный каменный домъ и собираетъ въ годъ по 150.000 р. доходу, а воспитываемые презираютъ его и ненавидятъ,—каково же можетъ быть его дѣйствіе на нравственное ихъ воспитаніе.

«Нынѣ хорошо отзываются объ училищѣ Правовѣдѣнія принца Ольденбургскаго. Я его не знаю, но думаю, что оно должно быть хорошо. Принцъ самъ человѣкъ благороднѣйшій, образованный и доброжелательный; у него директоромъ нѣкто Пошманъ, котораго я лично не знаю, но по отзывамъ объ немъ родителей и воспитанниковъ кажется понимаетъ свое дѣло. Инспекторомъ нашъ Лицейской профессоръ Врангель, отличной человѣкъ, которой не могъ никакъ ужиться при нынѣшней царскосельской системѣ.—Въ учебномъ курсѣ, т. е. въ расположеніи и распредѣленіи его, есть нѣкоторые промахи, да они со временемъ опытомъ поправятся. Пока принцъ самъ тутъ, это заведеніе вѣроятно будетъ хорошо,—я бы совѣтовалъ имѣть его въ виду для Эни. —Выгоды при вступленіи въ службу—тѣ же какъ и въ Лицеѣ.

«Хотѣлъ я только два слова сказать, а вышла цѣлая, впрочемъ довольно конфузная, диссертация. Не взыщи, другъ мой; я люблю съ тобой разговаривать, а какъ заберусь въ любимый свой предметъ, то не нахожу конца,—это уже старая привилегія: *les vieux pédagogues sont toujours bavards.*

«Однако надобно и совѣсть знать; вѣдь у тебя дѣла много и поважнѣе моей болтовни. Прощай, будьте всѣ здоровы, веселы, щастливы и поминайте иногда стараго вѣрнаго друга. Егоръ Энгельгардтъ».

«Два слова къ почтенной Аннѣ Андрѣевнѣ.

«*Vous pouvez aisément juger, ma digne et estimable amie, de la joie que m'a causée votre bonne nouvelle, par celle que vous ressentez, en voyant sur vos bras l'enfant de celle qui fut depuis tant d'années l'objet de*

votre sollicitude maternelle, qui fut votre véritable fille.—Ma lettre toute longue qu' elle seroit ne pourroit donc vous dire que ce que vous savez déjà sans elle, c'. a. d. que nous partageons tous votre joie du fond de nos cœurs, et que nous formons les vœux les plus sincères et les plus ardens pour la continuité du bonheur de notre chere colonie de Tiflis dont vous êtes le génie tutelaire; puissiez vous jouir encore bien longtems jouir de leur bonheur! Le ciel est juste, il vous doit cette satisfaction à vous, qui toute votre (vie?) n'avez été heureuse que du bonheur d'autrui. Je ne veux pas vous dérober par mon grimoire des momens que vous pouvez employer bien mieux avec la bonne petite maman et sa nouvelle - née, et je finis en vous priant de vouloir bien toujours conserver un petit coin dans votre souvenir amical à Votre tout dévoué Gengelhardt».

Что же касается до сына Вольховскаго—Владимира, о которомъ упоминаетъ С. И. Штакеншнейдеръ, то о немъ не упоминаетъ ни биографъ Вольховскаго—И. В. Мадюновскій, ни Я. К. Гротъ, ни формуляръ,—всѣ говорятъ только о двухъ дочеряхъ Вольховскаго. Между тѣмъ у Вольховскаго безспорно былъ сынъ Владиміръ, который родился въ концѣ лѣта 1840 года. Въ подтвержденіе этого мы можемъ привести письмо Энгельгардта отъ 2 сентября 1840 г., въ которомъ онъ пишетъ: «Отъ искрѣннаго сердца поздравляю тебя, любезный Вольховской, съ счастливымъ приращеніемъ твоего семейства; дай Богъ новорожденному *Владимиру* сдѣлаться нѣкогда добрымъ, благороднымъ человѣкомъ, по примѣру своего отца. Вотъ вамъ теперь обѣимъ (Sic), есть чѣмъ заниматься: маменька пока поиграетъ съ дочкою, а тамъ станетъ припасать приданое, душевное и вещественное, а ты станешь воспитывать Владиміра, учить—наставлять, утверждать въ добрѣ,—это лучшее ему приданое. Вѣдь и ты вступилъ въ свѣтъ только съ этимъ приданнымъ, да слава Богу! пошелъ хорошо и лучше инаго съ полною богатою кошнью.—Не смотря на мое старинное правило, не сѣтовать о томъ что было да сплыло, я не могу преодолѣть чувство просыпающееся во мнѣ, когда является опять мнѣ Лицейской вѣсткѣ, —досаду, что не мнѣ суждено воспитывать его въ томъ же мѣстѣ, гдѣ участвовалъ въ воспитаніи отца. То-то бы мнѣ потѣха, рассказывать сыну какъ тутъ жилъ его отецъ и вышелъ честнымъ, добрымъ и полезнымъ Государю и отечеству человѣкомъ. Эта мечта меня очень занимала, когда еще я жилъ въ Лицеѣ и думалъ прожить тамъ остатокъ дней своихъ и приготовить себѣ мѣстечко на устроенномъ мною новомъ кладбищѣ.—Исчезла мечта, нынѣшній Лицей мнѣ чуждъ и я приготовилъ себѣ здѣсь на Смоленскомъ кладбищѣ послѣднюю спальню» ¹⁾.

¹⁾ Объ этомъ см. интересныя подробности въ ст. К. Я. Грота: «Изъ Лицейской старины» («Историч. Вѣстн.» 1905 г., т. СІ, июль, стр. 88—89 и 93).

Для характеристики Маріи Васильевны мы приведемъ изъ записокъ декабриста Розена нѣсколько выдержекъ, показывающихъ ея доброе и любвеобильное сердце.

Когда вспыхнуло шутовское возстаніе 14 декабря 1825 г., то въ числѣ декабристовъ оказался мужъ ея сестры—Анны Васильевны—баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ. «Въ продолженіи разлуки со мною,—говорить Розенъ,—вела она (жена Розена) жизнь совершенно затворническую, посвящала себя сыну и уѣхала въ деревню на Украйну. Страданія ея увеличивались, любящіе родные скорбѣли, но не знали какъ помочь — тогда при грозившей бѣдѣ явился Ангелъ-Хранитель, младшая сестра жены моей, Марія Васильевна, юная годами, но сильная душою. Она — услажденіе сестры во время ея горести,—съ твердою вѣрою говорила ея вѣхатъ, и брала на себя сбереженіе и воспитаніе сына моего. Она умѣла успокоить жену мою и укрѣпить ее въ печальные дни, она же сняла съ нее главную заботу, единственное препятствіе къ нашему соединенію» ¹⁾, т. е. тѣмъ, что она взяла на себя заботу о ребенкѣ, съ которымъ правительство не разрѣшало вѣхатъ женамъ декабристовъ въ Сибирь къ мужьямъ. Безъ этой помощи сестры положеніе баронессы Розенъ было бы трагическое. Сыну минуло уже четыре года, взять его не позволяли, кому довѣрить его —она затруднялась, такъ какъ тетка ея по матери, А. А. Самборская, отговорила преклонностью лѣтъ и разстроеннымъ здоровьемъ, а старшій братъ, Иванъ Васильевичъ Малиновскій, не соглашался на отъѣздъ ея и всѣми возможными доводами отговаривалъ ее (Записки, стр. 243). И вотъ тутъ то сестра ея, Марія Васильевна, явилась со своимъ добрымъ сердцемъ и помощью. Расположеніе и привязанность къ своему племяннику Евгенію, она сохранила и вышедъ замужъ за Владиміра Дмитріевича Вольховскаго, который принялъ сына своего свояка какъ родного въ свое семейство и воспитывалъ его со своими дѣтьми вплоть до 1837 года, когда семейство Розена пріѣхало въ Грузію, куда Розенъ назначенъ былъ рядовымъ. Перейдя въ свое семейство, Евгеній Розенъ долженъ былъ разстаться «съ тѣми родными, съ которыми онъ гораздо тѣснѣе былъ связанъ, которые столько лѣтъ замѣняли ему отца и мать» (Ibid., стр. 344). Андрей Евгеніевичъ Розенъ встрѣтилъ на Кавказѣ, въ семействѣ Вольховскаго, тетку Анну Андреевну Самборскую, которая «нисколько не переѣхавшись, ее поддерживало счастье свояченицы моей Маріи Васильевны, которую увидѣлъ я въ первый разъ женою и матерью, ее узналъ бы я вездѣ».

Въ 1838 году, въ Пятигорскѣ, гдѣ оба семейства встрѣтились на водахъ, сынъ Розена, Евгеній, спѣлъ въ день Ангела (22 іюля) тетки пѣснь, сочи-

¹⁾ Записки декабриста, стр. 243.

ненную декабристомъ — поэтомъ, княземъ Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, и положенную на музыку пѣсни «Вотъ ѣдетъ тройка»:

Я разлучился съ колыбели
Съ отцемъ и матерью моею,
И люди грустно пѣсень запѣли
О безпріютности моею.
Но жалость ихъ—огонь бесплодный,
Жжетъ укоризненной слезой;
Лишь дѣва, ангелъ земнородный,
Простерла крылья надо мной.
Мнѣ сирому ты замѣнила
Отца и мать вдали отъ нихъ,
И въ половину облегчила
Печаль родителей моихъ.
Съ отцемъ и матерью родною
Теперь увидѣлся я вновь,
Чтобъ въ вѣкъ межъ ними и тобою
Дѣлить сыновнюю любовь ¹⁾.

Изъ записокъ барона Розена извлечемъ еще нѣсколько характерныхъ чертъ, обрисовывающихъ вдову Вольховскаго—Марію Васильевну.

«Въ 1843 году имѣлъ счастье принять въ маленькомъ домѣ (въ Большой Солдинѣ) добрѣйшую тетку А. А. Самборскую, общую мать нашу, и свояченицу мою М. В. Вольховскую съ единственною дочерью и двумя племянницами покойнаго ея мужа... Онѣ оставили теплый, ясный край, обширный домъ, все удобства жизни, чтобы съ нами раздѣлить наше уединеніе и уладить нашу жизнь въ холодномъ и сыромъ сѣверѣ. Не могу забыть встрѣчи со мною свояченицы: взглядъ ея, черты лица показывали глубокую скорбь о смерти лучшаго друга, а между тѣмъ старалась не дать ея почувствовать ни дочери, ни роднымъ, принимая участіе во всемъ, что до всѣхъ насъ касалось, а печаль скрывала въ себѣ и для себя одной»... (Записки, стр. 460).

«...Свояченица моя, М. В. Вольховская, постоянный другъ нашъ, проводила эту зиму (1853 г.) въ Петербургѣ, узнала о моей болѣзни, довѣрчиво обратилась къ князю А. А. Суворову, который исходатайствовалъ для меня Высочайшее разрѣшеніе—побывать въ городѣ Нарвѣ для посѣщенія церкви»... (Записки, стр. 468).

«...Я уже сказалъ, что всѣхъ болѣе, всѣхъ родственнѣе и милѣе, дѣлили съ нами наше уединеніе (когда онъ жилъ около Нарвы)—сестрица М. В. Вольховская и дочь ея Ина... Насъ связали не одни узы родства и дружбы, но

¹⁾ Полное собраніе стихотвореній князя Александра Ивановича Одоевскаго (декабриста). Собралъ баронъ Андрей Евгеньевичъ Розень. С.-Петербургъ, 1883 г., стр. 57 и 58.

сочувствіе ко всему возвышенному—отъ вѣры святой до исполненія обязанностей, отъ отечества до крестьянской усадьбы» (Записки, стр. 469 и 470).

Племянникъ М. В.—В. А. Штакеншнейдеръ, въ отвѣтномъ письмѣ на призывъ къ празднованію двадцатипятилѣтней годовщины XXXI выпуска Лицея, сообщаетъ о ней нѣсколько интересныхъ свѣдѣній. «Покойный тесть мой,—пишетъ онъ,—былъ влюбленъ въ Лицей, а его сестра Марія Васильевна, вдова В. Д. Вольховскаго, котораго его однокурсникъ Пушкинъ называлъ «Суворочкой», жива до сихъ поръ. Своими устными преданіями и грудю письменныхъ памятниковъ М. В. и по нынѣ поддерживаетъ въ семьѣ лицейскій духъ. Бывать у ней на поклонѣ 19 октября и въ этотъ день разсматривать лицейскія реликвіи считается обязательнымъ»¹⁾.

Въ заключеніе скажемъ, что у Вольховскаго была сестра, о пенсіи для которой онъ хлопоталъ у своего товарища барона (впослѣдствіи графа) Модеста Андреевича Корфа, и братъ, который ѣхалъ къ нему съ Кавказа и умеръ на дорогѣ, о чемъ Вольховскій сообщаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ своему начальнику, барону Григорію Владиміровичу Розену. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, который изъ братьевъ здѣсь упоминается: Дмитрій или Константинъ²⁾.

Что касается до архива и литературнаго наслѣдія Вольховскаго, то Софья Ивановна Штакеншнейдеръ сообщаетъ намъ, въ другомъ мѣстѣ своихъ драгоценныхъ воспоминаній, слѣдующее: «У тетки моей Маріи Васильевны Вольховской было много рукописей и даже дѣтскихъ рисунковъ Пушкина, но, кажется, она передала внуку Ивану Кутанову³⁾ (неразборчиво), чтобы пожертвовалъ въ музей Лицейскій». Племянникъ М. В. Вольховской, баронъ Розенъ, въ своемъ предисловіи къ письмамъ А. С. Грибоѣдова, въ № 93 «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1891 г., сообщаетъ, что послѣ смерти Вольховскаго въ рукахъ его жены остались «литературные и историческіе документы

¹⁾ «XXXI курсъ Императорскаго Александровскаго Лицея черезъ 25 лѣтъ послѣ выпуска, 1871—1896 г.». Спб., 1896 г.

²⁾ Письмо отъ 18 августа 1839 года, С. Каменка.—Г. Д. Щербаковъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» («Рус. Арх.» 1890 г., кн. 2, стр. 224) упоминаетъ, что въ Петербургѣ въ 1848 году былъ докторъ Вольховскій при первой батареѣ гв. конной артиллеріи. Родственникъ ли это или однофамилецъ — не знаемъ. Наконецъ, въ музей М. И. Глинки есть нотная тетрадь, въ которой Глинка собственноручно сдѣлалъ надпись, что романсъ на слова М. Лермонтова: «Слышу ли голосъ твой» — посвященъ Аннѣ Адриановнѣ Вольховской, съ пометкою: «Варшава 7 (19) ноября 1848 года». (См. «Новое Время» 23 апрѣля (6 мая) 1900 г., № 8675). Анна Адриановна Вольховская—это была двоюродная сестра Владиміра Дмитріевича Вольховскаго, род. 20 февраля 1825 года.

³⁾ Почтенная Софья Ивановна Штакеншнейдеръ, вѣроятно, ошибается: намъ ничего неизвѣстно о внукѣ М. В. Вольховской подъ фамиліею Кутанова. Если это былъ внукъ, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, двоюродный, а не родной.

въ видѣ рукописей. Иныя изъ нихъ еще нигдѣ не напечатаны. Письма А. С. Пушкина, въ томъ числѣ нарисованная его рукой въ бытность въ Лицеѣ картинка: «Мальчикъ на бочкѣ»; письма Грибоѣдова, Бестужева и др. Въ бытность мою въ мартѣ мѣсяцѣ сего года (1891) въ Изюмѣ, я имѣлъ случай кое-что записать со словъ М. В. и воспользоваться нѣкоторыми письмами». («Литерат. Вѣстн.» за 1904 г., VII, кн. 2, изд. Русскаго Библиологическаго Общества).

Одинъ изъ видныхъ и почтенныхъ дѣятелей Кавказа—Евгеній Густавовичъ Вейденбаумъ сообщаетъ мнѣ, что ему рассказывалъ родственникъ вдовы Вольховскаго, что, умирая, она приказала положить въ гробъ все письма своего мужа, что не удивительно, будучи не въ своемъ разумѣ. «И если это правда,—говоритъ Е. Г. Вейденбаумъ,—то исторія лишилась навсегда любопытныхъ документовъ. Тамъ же, въ Каменкѣ, хранился и архивъ Вольховскаго, но что съ нимъ сдѣлалось, не знаю».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.

(Къ стр. 3, примѣчаніе 2).

Благодаря любезности покойнаго В. В. фонъ-Руммеля, мы можемъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о генеалогіи брата Дмитрія Андріановича Волховскаго. Андріанъ Андріановичъ Волховскій ¹⁾ былъ дворяниномъ почему-то Воронежской губерніи, родился въ 1777 г. ²⁾. Изъ греческаго кадетскаго корпуса ³⁾ поступилъ прапорщикомъ въ армію въ 1794 году (октября 8 дня), переведенъ въ бывшіе флотскіе баталіоны въ 1796 г. (марта 10), произведенъ въ подпоручики въ 1797 г. (марта 10), въ поручики—въ 1799 г. (декабря 31), изъ прежде бывшихъ флотскихъ баталіоновъ, сформированныхъ по Высочайшему повелѣнію въ морскіе полки, поступилъ въ 3 морской полкъ въ 1803 году (октября 8), произведенъ въ штабъ-капитаны въ 1803 г. (декабря 24), въ капитаны—въ 1806 г. (марта 14), въ майоры—въ 1807 г. (ноября 22), по Высочайшему повелѣнію уволенъ отъ службы подполковникомъ, съ мундиромъ, въ 1810 г. (декабря 29); опредѣленъ въ Комиссаріатскій штабъ Комиссіонеромъ, съ переименованіемъ въ I классъ, и назначенъ Членомъ въ Кременчугскую Комиссаріатскую Комиссію—въ 1811 г. (апрѣля 7); за усердіе къ службѣ Г. Военнымъ Министромъ дозволено носить на мундирѣ золотыя нашивки въ 1812 г. (января 5); назначенъ Главнымъ Смотрителемъ всѣхъ госпиталей при резервной арміи, состоявшихъ въ Бѣлостокѣ,—въ 1813 г. (апрѣля 5); по поступленіи всѣхъ сихъ госпиталей во внутреннее вѣдомство Комиссаріата, поступилъ по прежнему Членомъ въ Кременчугскую Комиссаріатскую Комиссію въ 1814 г. (апрѣля 10). Переведенъ въ Санкт-петербургскую Комиссаріатскую Комиссію Смотрителемъ мундирныхъ мага-

¹⁾ Андріанъ Андріановичъ писалъ свою фамилію безъ ѣ, а такъ же значится въ формулярномъ его спискѣ; намъ неизвѣстно, какъ писалъ свою фамилію его братъ—Дмитрій Андріановичъ, между тѣмъ сынъ послѣдняго—Владиміръ Дмитриевичъ писалъ свою фамилію съ еремъ. Что касается до правописанія имени Андріанъ, то такого святаго въ святахъ православной церкви нѣтъ, есть Адріанъ; такъ какъ во всѣхъ документахъ мы находимъ имя Андріанъ, то мы и употребилиъ это имя въ такой ореографіи.

²⁾ По формулярному же его списку, составленному 25 ноября 1842 г., ему значится 64 года; слѣдовательно, онъ родился въ 1778 году. Въ этомъ же формулярѣ указывается, что онъ изъ дворянъ и уроженецъ Полтавской губерніи. Что онъ былъ дворяниномъ Воронежской губерніи можно объяснить тѣмъ, что въ этой губерніи онъ служилъ дважды: 1) въ 1824 году онъ былъ переведенъ въ Штабъ Воронежской Комиссаріатской Комиссії и назначенъ бравовщикомъ суковъ, отъ фабрикантовъ принимаемыхъ, и 2) въ 1834 году, по циркулярному предписанію Комиссаріатскаго Департамента, былъ переведенъ въ Воронежскую Комиссаріатскую Комиссію. Наконецъ, ему было пожаловано въ 1840 году 1,500 десятинъ земли, хотя не сказано—гдѣ, но можно предположить, что въ Воронежской губерніи, вслѣдствіе чего онъ и приписался къ Воронежскому дворянству.

³⁾ Вѣроятно, это то училище для иностранныхъ единовѣрцевъ, гдѣ были греки и которымъ при Екатеринѣ II завѣдывалъ графъ Алексѣй Ивановичъ Мушинъ-Пушкинъ. («Рус. Арх.» за 1901 г., 3. стр. 440).

виновъ 1815 года (мая 21); произведенъ, по Высочайшему повелѣнію, въ 6 классъ—1816 г. (декабря 20); назначенъ Смотрителемъ Санктпетербургской фабрики офицерскихъ вещей—1818 г. (юля 4). Въ воздаяніе трудовъ и усердія къ службѣ, Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Владимира 4-й степени—1819 г. (января 3), орденомъ Св. Анны 2-й степени—1820 г. (марта 25), Всемилостивѣйше пожалованъ Пенсіономъ по службѣ по 1000 р. въ годъ—1821 года (марта 25), Именнымъ Высочайшимъ указомъ, Правительствующему Сенату даннымъ, въ 4 день мая 1827 (?) года, произведенъ въ 5 классъ, со старшинствомъ со дня выслуги въ первомъ чинѣ указанныхъ лѣтъ—1820 г. (декабря 20). Переведенъ въ Штабъ Воронежской Комиссаріатской Комиссіи и назначенъ браковщикомъ суконъ, отъ фабрикантовъ принимаемыхъ,—1824 г. (августа 29); переведенъ, по предписанію Генераль-Крисъ-Комиссара, на Екатеринославскую Казенную Суконную фабрику, для исправленія разныхъ порученій, соотвѣтственныхъ его чину и званію,—1833 г. (апрѣля 14); по циркулярному предписанію Комиссаріатскаго Департамента переведенъ въ Воронежскую Комиссаріатскую Комиссію—1834 г. (мая 30); изъ оной переведенъ, по предписанію Комиссаріатскаго Департамента, на Екатеринославскую Казенную Суконную фабрику для исправленія разныхъ порученій—1835 г. (августа 7). Г. Управляющимъ Комиссаріатскимъ Департаментомъ Военнаго Министерства утвержденъ Членомъ Кременчугской Комиссаріатской Комиссіи—1836 г. (юня 6); прибылъ и вступилъ въ отправленіе сей должности—1836 г. (августа 18). Высочайшимъ указомъ, Правительствующему Сенату даннымъ, пожаловано ему въ награду 1500 десятинъ земли—1840 года (ноября 18); согласно прошенію, уволенъ отъ службы—1842 г. (декабря 30).

Андріанъ Андріановичъ Волховскій былъ въ походахъ въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, кампаній сдѣлалъ девять: въ 1805 г. (сентября 14) въ числѣ десантныхъ войскъ, высаженныхъ на островъ Руговъ, оттуда, подъ начальствомъ Генераль-Лейтенанта Графа Толстова (Sic), черезъ Шведскую Померанію, съ полкомъ выступилъ въ Герцогство Мекленбургское, потомъ въ Ганноверское владѣніе и въ 1806 году (января 27)—обратно въ предѣлы Россіи, черезъ Пруссію.

Въ служебной карьерѣ Андріана Андріановича Волховскаго были и неудачи, возникло цѣлое дѣло, по которому онъ попалъ подъ судъ. Много причинило ему это дѣло горя и тревоженій; оно началось въ 1813 году и окончилось въ 1820 году. Рапортомъ отъ 29 юля 1813 года за № 844 сообщалась Высочайшая конфирмація Его Императорскаго Величества, коею въ 23 день мая того же года повелѣно было (по дѣлу о комиссіонерѣ 14 класса Шолоковѣ) предать военному суду 4-хъ чиновниковъ и въ томъ числѣ Комиссаріатскаго Комиссіонера 8 класса Волховскаго—за ругательство помянутаго Шолокова, угрозы и битье его по лицу (другіе трое были: Леванда, Чертопудовъ и Дроздовъ). Во исполненіе таковаго Высочайшаго повелѣнія, Аудиторскій Департаментъ, съ утвержденія Г. Управляющаго Военнымъ Министерствомъ, предписалъ Каменецъ-Подольскому Коменданту надъ всѣми семи чиновниками произвести судъ совокупно, въ Каменецъ-Подольскомъ Ордонансъ-Гаузѣ. Въ виду того, что Волховскій и Леванда находились на службѣ (первый при Кременчугской Комиссіи, а второй въ Тирасполѣ), приказано было обоимъ ихъ, смѣнивъ съ должности, выслать въ судъ, и чтобы они явились къ Коменданту Генераль-Майору Гану ¹⁾.

Этимъ судомъ и слѣдствіемъ Волховскій остался недоволенъ и рапортомъ отъ 20 февраля 1817 г. онъ обратился къ Военному Министру о пересмотрѣ дѣла. Военный Министръ Коновницынъ 19 апрѣля 1817 г. за

¹⁾ Подлинное подписалъ Генераль-Аудиторъ Пановъ, по резолюціи Управляющаго Комиссаріатскимъ Департаментомъ Генераль-Майора Анина.

№ 1854 препроводилъ рапортъ Волховскаго къ Генераль-Кригсъ-Комиссару. Дежурный Генераль Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества рапортомъ отъ 20 марта 1817 г. за № 606 не нашель причинъ разсматривать вновь рапортъ Волховскаго о его невинности, такъ какъ дѣло его было конфирмовано 23 мая 1813 г., и по Всемилоствѣйшему манифесту въ 30 день августа 1814 г. онъ былъ отъ суда освобожденъ ¹⁾. Какъ мы увидимъ ниже, съ этимъ взглядомъ Волховскій не согласился. Рапортъ Волховскаго представляетъ очень большой интересъ, какъ по своимъ бытовымъ чертамъ, такъ и по судебной волокитѣ, благодаря которой онъ изъ оскорбленнаго своимъ подчиненнымъ очутился подсудимымъ; поэтому мы приводимъ эту реабилитацию полностью:

Господину Военному Министру, Генераль-Адъютанту и Кавалеру Коновницину
Комиссаріатскаго Комиссіонера 8 класса Волховскаго
РАПОРТЪ.

«Продолжая службу Его Императорскаго Величества въ одномъ полку съ 1776 года по 1797 годъ, и болѣе сорока лѣтъ по сіе время, не по желанію и выбору службы или по оной мѣста, но тамъ, гдѣ сама судьба поставитъ, постушилъ изъ полку и въ штатъ Комиссаріатскій не только безъ желанія, но даже съ горестнымъ предчувствіемъ, сколько я потерю въ такой службѣ, которая будучи мнѣ неизвѣстная, но повидимому тогда теченію дѣлъ, оная совсѣмъ не согласовалась ни съ правилами, ни съ характеромъ моимъ, видъ потерю мою противу сверстниковъ, я рѣшилъ было первой разъ воспротивиться судьбѣ моей при самомъ опредѣленіи въ Комиссаріатскій штатъ, просилъ о причисленіи меня по прежнему въ полкъ, но двукратныя прошенія мои не уважены и я принужденъ былъ тогда остаться на службѣ мнѣ не свойственной, въ которой однакожъ съ самаго причисленія непрерывно возлагались на меня самыя Экстренныя и важныя порученности, по воимъ неся обязанности и довѣренность выше чина моего. Будучи болѣе десяти лѣтъ въ полку въ поручичьемъ чинѣ 1797 года, командуя во все то время Эскадрономъ, видѣлъ какъ по сей службѣ почти не несущіе никакихъ должностей, а числящія при оныхъ, не обходили, не обѣгали меня и другихъ достойнѣйшихъ офицеровъ и успѣвали къ наградамъ; посвятить себя службѣ я чувствовалъ конечно таковыя обиды, но нисколько не ослаблялъ ни ревности, ни усердія моего къ службѣ; служба такъ долго, не измѣняя правиламъ моимъ, будучи обремененъ многочисленнымъ семействомъ, не взиралъ ни на какія собственныя мои разстройства, не искалъ и не просилъ для себя никакого мѣста по уваженію семейственнаго положенія, а безмолвно шолъ туда, куда мнѣ повелѣно было.

Въ 1805 году былъ я назначенъ къ арміи Генерала Тормасова Комиссіонеромъ; въ 1806 году остался въ Яссахъ, при Комиссаріатской Комиссіи, гдѣ по стеченію обстоятельствъ пали на меня такія обязанности, какія, смѣю сказать, превышали возможности и самое ожиданіе привести въ оныхъ въ исполненіе; но я управляя четыре мѣсяца комиссіею при арміи, будучи одинъ, ко всѣмъ исполненіемъ вмѣсто Секретарей и слѣдующихъ Канцелярскихъ чиновниковъ съ однимъ только вахтеромъ и прикомандиро-

¹⁾ Аудиторскій Департаментъ Главнаго Штаба 24 января 1817 г., за № 154, увѣдомилъ Военнаго Министра, что Волховскій освобожденъ отъ суда января 17 дня 1817 г., на основаніи Манифеста 30 августа 1814 г., по ст. 16, и что Волховскій и Чертопудовъ оставлены на службѣ. Бумаги подписалъ Дежурный Генераль Захревскій, № 63 (30).

ванными изъ полковъ писарями, перевозомъ все препятствія и привелъ все въ исполненіе, и въ тоже время выполнялъ все учрежденія отъ покойнаго г. Генераль-Фельдмаршала князя Прозоровскаго, для арміи постановляемыя, учрежденіе Госпиталей, торги для продовольствія и снабженіе оныхъ вещами и другія порученія на Комиссію отъ Его Сіятельства возлагаемыя, и Его Сіятельство входя во все подробности, самъ одобрялъ по все то время ходъ и дѣйствія Комиссіи.—Послѣ задачи мною Комиссіи, по распоряженію же Его Сіятельства, учредилось запасное депо для Молдавской арміи въ крѣпости Тираспольской, управление коего поручено мнѣ; на семь пунктѣ все дѣйствія и выполненія мои были извѣстны бывшему тогда г. Военному Министру графу Аракчѣеву.—Его Сіятельство не только одобрялъ все оныя, но входя въ существо исполненій моихъ, исходатайствовало за службу мою награжденіе; но зло, не теряющее правды и порядка, не подписаннымъ доносомъ оклеветало предъ правительствомъ дѣла мои.—Произведенное потому дѣло ясно обнаружить, какія произошли изъ сего послѣдствія.—Усильныя притязанія, наглые выводы и намѣренное допущеніе къ онымъ довѣли меня съ цѣлымъ семействомъ до невообразимыхъ оскорбленій, бѣзчестія и конечно раззоренія, повлекли и далѣе еще бѣдствія мои, болѣе шести лѣтъ мною претерпѣваемыя. Дѣло то находится въ канцеляріи Вашего Превосходительства.—Строгое разсмотрѣніе онаго не только не сведетъ меня съ пути чести, а утвердитъ конечно репутацію мою, такъ дорого стяжанную и поставитъ еще дѣйствія службы и усердія моего на особый видъ начальственнаго замѣчанія.—Въ сей всегдашней увѣренности въ правилахъ и чести моей, во время управленія моего запаснымъ депо въ Тирасполѣ, при исполненіи самыхъ обременительныхъ занятій по службѣ, присланъ ко мнѣ изъ Кременчугской Комиссіи съ вещами Комиссіонеръ 14 класса Щолоковъ, развратный, буйный, и горькой пьяница.—Я зная о его поведеніи при самомъ явленіи его ко мнѣ въ безобразномъ отъ пьянства видѣ, по должности начальника убѣждалъ его вести себя не такъ, какъ онъ велъ себя въ Балтѣ и что настоящее исполненіе службы требуетъ одной неутомимой дѣятельности и что за противное сему я непременно представлю начальству о всѣхъ его качествахъ; но онъ тотъ же день явился на службу пьянъ и непослушенъ, на другой и на третій день тоже; за что посаженъ былъ отъ меня на Гауптвахту съ тѣмъ, чтобы по надобности брать его въ магазинъ, а по минованіи оной отводить его обратно на Гауптвахту, гдѣ онъ и содержался почти до окончанія удовольствія (довольствія?) арміи. Къ великому дню Свѣтла Христова Воскресенья, онъ просилъ меня выпустить его, общалъ исправиться.—По уваженію великаго праздника я приказалъ его выпустить.—Въ день Вознесенія Господня въ 5 часу утра, когда я занимался дѣлами, вошелъ ко мнѣ квартальный офицеръ съ двумя обывателями, сказалъ: «Городничій прислалъ сказать вамъ, что Щолоковъ сихъ двухъ человекъ прибилъ, побилъ горшки въ печакъ съ кушаньемъ у нихъ приготовляемымъ».—Я послалъ вѣстоваго изъ комиссіи позвать его ко мнѣ, а самъ пошелъ на почту забрать бумаги.—Возвращаясь изъ почты, встрѣтили меня двое просителей, и вѣстовой сказалъ, что Щолоковъ его побилъ и выгналъ, нейдетъ и меня ругалъ мерскими словами; что и оба просители подтвердили. Я прийдя въ квартиру послалъ караульнаго унтеръ-офицера привести его къ себѣ, самъ занимаясь дѣломъ, въ комнатѣ моей было четыре человека офицеровъ, по службѣ пришедшихъ, при коихъ вошелъ Щолоковъ въ тулупѣ, пола одна за поясъ заткнута.—Мертвецки пьянъ, растрепанъ и въ самомъ безобразномъ видѣ.—Видъ (видя) его въ такомъ положеніи, благоразуміе воспрещало разбирать его поступокъ по жалобѣ. Я обратился къ нему сказалъ именно сими словами: «развѣ я тебя съ тѣмъ выпустилъ, чтобы ты пьянствовалъ и буйниль? да и помнишь ли ты сей великій день, когда все люди готовятся еще

на молитву? А ты уже мертво пьянь, и дѣлаешь азардничества».—Онъ началъ мнѣ дѣлать оправданія на оныя, я сказалъ ему: «о семъ я съ тобою поговорю когда ты вытрѣзвишься на Гауптвахтѣ», подошелъ къ столу, хотѣлъ писать записку о принятии его на Гауптвахту, а онъ началъ, шагая по комнатѣ, ругать меня самыми мерскими площадными словами; я при всемъ оскорбленіи, не внимая такому его лаянію, началъ писать записку, а онъ засучавъ у тулупа оба рукава по локоть, идя ко мнѣ, не только повторяя ругательства, но и произнося наглую клевету на честь мою, не опомнясь отъ сей жестокой обиды и наглой клеветы, оглянувшись, увидаль его подлѣ себя съ поднятыми кулаками, загородивъ собою мнѣ и дорогу пройти его. Я поставляю всякаго на мое мѣсто и самой законъ, противъ сего случая: остановиться ли и допустить еще бить себя или всемерно не допустить довершить злодѣяніе противу начальника въ мѣстѣ отравленія (Sic) службы предпринимаемое?—въ жестокой обидѣ и оскорбленіи, я бросился на него, и дѣйствительно не помню, ударилъ ли я его или только схватилъ за галстукъ, пока схватили его офицеры и вошли люди. Вотъ истинное происшествіе, о которомъ я представилъ по начальству и просилъ онаго, чтобы не только служба моя, но и вся жизнь была изслѣдуема: а онъ, Щолоковъ, будучи посаженъ на Гауптвахту, предупредилъ мое представленіе, послалъ рапортъ къ г. Военному Министру, умалчивая, что содержится подъ карауломъ. написалъ, что онъ вещи сдалъ и напрасно удерживается въ Тирасполѣ, и не отправляется къ своему мѣсту. Г. Военный Министръ приказалъ по рапорту Щолокова и по моему представленію учинить слѣдствіе; для чего и присланъ былъ Адъютантъ г. Генералъ-Лейтенанта Дюка-де-Ришельѣ.—Послѣдствію тому, г. Военный Министръ сдѣлалъ докладъ Его Императорскому Величеству, на которой послѣдовала резолюція: судить Щолокова арестованнаго: а г. Военный Министръ далъ особое предписаніе, что онъ разсматривая дѣло, находить ясность дѣла, нетребующую никакихъ справокъ, то чтобы дѣло безъ замедленія приведено было къ рѣшенію.—Наряженная для сужденія его Щолокова, Комиссія при Нижегородскомъ Гарнизонномъ Баталіонѣ, не пріемля въ основаніе ни слѣдствія, ни Высочайшаго по оному повелѣнію, ни предписанія г. Военнаго Министра и не допрашивая еще Щолокова, начально придиралась ко мнѣ незаконномъ видѣ и силѣ, изъ пунктовъ видимыхъ по одному разговору между Щолоковымъ и аудиторомъ, одинаково же состоянія съ Щолоковымъ, въ пьянствѣ не понимающаго ничего, не только законныхъ истинъ.—Я видя своевольство и противузаконную наглость, начально желая убѣдить Комиссію и отвратить напрасныя затрудненія, писалъ къ ней отношеніе, долженствующее бы открыть ей несправедливое притязаніе ко мнѣ и обратиться къ порядку; но она не понявъ силы отношенія моего, возвратила мнѣ оное обратно при отношеніи своемъ, написавъ въ ономъ непонятную несообразность, приложила копію съ прежде посланныхъ пунктовъ; но какъ копія та въ формѣ, въ числахъ, мѣсяцахъ и въ матеріи различна, да и открыла, что по первымъ пунктамъ я отвѣчалъ уже 1809 года Августа 29 дня на вопросные пункты, а въ присланной копіи значится, что Щолоковъ въ полномъ присутствіи Комиссіи допрашиванъ только былъ 1809 года сентября 4 дня, а сіе и утверждаетъ явно видимые притязанія ко мнѣ и по оному намѣренное отступленіе отъ настоящаго дѣла. О таковой явной игрѣ своевольства конечно я долженъ былъ тогда-же представить начальству; но дабы (не)навести излишняго затрудненія, ожидая по уваженію тому, что стеченіе дѣла поставить комиссію въ ясную обязанность дать дѣлу тому надлежащее заключеніе тѣмъ болѣе, что все то пойдетъ на разсмотрѣніе вышняго начальства; но когда Комиссія та неубѣждаясь—ни собственнымъ противузаконнымъ производствомъ, ни самою очевидностью всѣми членами поступковъ и дѣйствій Щолокова, ввела меня по дѣлу тому прикосновеннымъ и

поднесла еще на мнѣніе Баталіонному Командиру тогда уже я вынужденъ былъ отношеніе мое въ комиссію писанное и ею обращенное, ея потому ко мнѣ отношеніе и пункты, первые и вторые въ коши присланные, препроводить къ Г. Генералѣ Кригсъ Коммисару Татищеву, къ которому дѣло Щолокова долженствовало поступить на ревизію и мнѣніе, съ объясненіемъ обстоятельствъ потому и жалобою моею за таковыя противузаконныя поступки Комиссіею противу порядка и меня производимыя. Переписка та конечно откроетъ не только увѣренность мою къ властямъ, но и самое разумѣніе законныхъ истинъ и уваженіе оныхъ, каковыя обеспечивали меня, и сверхъ оныхъ представивъ такую ясную къ начальству, неповиненъ въ сердцѣ моемъ, долженъ ли я былъ въ правотѣ моей, будучи еще оскорбленъ на чести въ лицѣ Начальника, ожидать такихъ послѣдствій, какія изъ дѣла того изобрѣлъ Генералъ аудиторіатъ, миновавъ прямую силу и сущность дѣла и поведѣнія по оному, и видъ изъ вопросовъ и всей переписки ко мнѣ противу-законное отступленіе отъ настоящаго дѣла, растрату переписки со мною намѣренно выброшенной изъ дѣла.— Не только уважилъ Генералъ аудиторіатъ такое теченіе дѣла, но и согласился съ заключеніемъ произвольно тою комиссіею сдѣланнымъ, что я по дѣлу Щолокова прикосновенъ; а какъ прикосновенность къ дѣлу требуетъ настоящаго основанія по разыскиванію ли и слѣдствію я учиненъ прикосновеннымъ, или по изобрѣтенію дѣла открылась такая прикосновенность, о которой представлено начальству, и оно нашло такую законную и утвердило ее.— Чего комиссія та желая представляла Г. Генералѣ-Лейтенанту Дюка-де-Ришельѣ, чтобы Его Сіятельство предписалъ мнѣ давать такіе отвѣты, какія отъ меня комиссія требуетъ; но представленіе то Его Сіятельство нашелъ неосновательнымъ и недѣльнымъ и неутвердилъ онаго; а потому неосновательной произволь ни сколько неутверждаетъ прикосновенности, такъ какъ и матерія словъ произволомъ выведенныхъ и смѣшанныхъ безъ соображенія съ дѣломъ ни сколько неутверждаетъ сущности дѣла, а тѣмъ болѣе утвердить на томъ дерзость мою противъ Щолокова и на оной основать мое преступленіе.— По законному разумѣнію и даже порядку слѣдовало бы Генералъ аудиторіату войти въ существо и истину дѣла, изобретая оно и выдавая дерзкіе поступки мои противъ Щолокова, не упустить и причинъ къ онымъ, вывести поступки Щолоковымъ производимыя, дерзость и наглость его противу начальника на службѣ учиненную, и сверхъ того поведѣніе, правила, поступки и самая жизнь моя долженствовала быть сравнена и взвѣшена на вѣсахъ правосудія, которому совѣмъ несвойственно изобретать для виновнаго преступленія, но напротивъ неотнимать способствъ и у преступившаго.— Законы не только не возпрещаютъ таковыя соображенія, но паче еще внушаютъ оныя при рѣшеніи участи человѣка совѣми мѣрами осторожности и по совѣсти одной изыскиваемой правды; разсуждая по дѣлу сему открывается, есть ли допущено поступкамъ моимъ противу Щолокова нарушеніе чина начальія, то по разсмотрѣніи дѣла сего отвергнуть—невозможно, чтобы не утверждено было по оному поступками Щолокова разрушеніе и даже самое уничтоженіе чина подчиненности, что суть весьма не маловажно.— Генералъ-Аудиторіатъ по смерти уже Щолокова, отъ пьянства послѣдовавшей, однако же нашелъ меня не только прикосновеннымъ, но и преступнымъ за неприличной чино-началию поступокъ противу Щолокова, котораго я не только ругалъ, но и билъ по лицу и дѣлалъ угрозы и не признался еще въ таковой дерзости.— Упустивъ все вышеизъясняемое и долженствуемое по всему соображенію, въ семъ заключеніи вошелъ съ докладомъ къ Его Императорскому Величеству, что я подвергъ себя наказанію позаконамъ; но поелику я и съ прочими не сужденъ, а воинскаго устава 50-й главы во 2-мъ пунктѣ узаконено: не точію наказывать, но ниже штрафовать безъ ферунгера и воинскаго суда; то Генералъ-Аудиторіатъ и полагаетъ предать меня съ прочими

суду.—Докладъ Высочайше утвержденъ мая 23 дня 1813 года, по коему велѣно судить меня съ прочими въ Каменецъ-Подольскѣ, куда для сужденія и отправленъ.—Комиссія военнаго суда, производя судъ по формѣ, кончила дѣло августа 21 дня 1814 года, и приговоръ мнѣ въ присутствіи прочтенъ, что я по дѣлу найденъ судомъ невиненъ и потому отъ суда учиненъ свободнымъ; но я чувствую оскорбленіе, потерю здоровья и времени, семейственное разстройство, подавъ рапортъ Коменданту Г. Генералъ-Маіору Гану и просилъ приобщить оной къ дѣлу, дабы правительству могло видѣть умышленное уничтоженіе дѣла комиссіею, судившею Щолокова и удержаніе онаго у Г. Генералъ-Кригсъ-Комиссара, безъ коего утвердилъ основаніе свое Генералъ-Аудиторіатъ.—Атакованъ въ лицѣ начальника и жестоко оскорбленъ на службѣ отподчиненнаго въ изступленіи обиды моей не преступилъ мѣры законнаго обороненія, будучи въ крайней опасности, не допуская къ себѣ перваго удара, остановилъ злодѣйское противъ чести и жизни моей намѣреніе, какъ и воинскаго устава въ 156 Артикулѣ узаконено: кто прямое оборонительное супротивленіе для обороны живота своего учинить и онаго кто его къ сему принудить убьеть; оный отъ всякаго наказанія свободенъ; ибо Щолоковъ будучи болѣе 9 вершковъ росту, не имѣя еще 30 лѣтъ отъ роду, былъ готовъ нанести мнѣ ударъ: тогда законъ повелѣваетъ—сими словами: хотя кто и долженъ, ежели задранъ будетъ, столько долго уступать, елико возможно, итакъ безъсмертнаго убійства изъ страху спастись;—однакоже насупротивъ того, когда уже въ страхѣ есть и невозможно болѣе уступать, тогда не долженъ есть отъ соперника себѣ перваго удара ожидать: ибо черезъ таковой первой ударъ можетъ тако учиниться, что и противиться весьма забудеть.—Какъ разумѣть верховой судья въ изысканіи истины, то и представляю на судъ онаго произшествіе сомною случившееся, въ другомъ только видѣ; напримѣръ: неприводя сего, что я Начальникъ Щолокова и что квартира моя была домомъ, въ которомъ казна хранилась и дѣла службы производились и караулъ содержался, и что Щолоковъ въ такой важный день праздника Господня въ пьяномъ и въ безобразномъ видѣ не былъ бы приведенъ къ отвѣту за преступленіе; а полагать что я и Щолоковъ частные только, слѣдственно и равные между собою люди: но я хозяинъ дома своего, въ который бы при постороннихъ людяхъ вошелъ Щолоковъ и началъ такими оскорбительными словами ругать меня и клеветать на честь мою и потомъ засучивъ рукава съ намѣреніемъ наступалъ бить меня, и я не допуская сего побилъ бы его, связалъ и какъ съ намѣреніемъ нападающаго на честь и домъ мой, представилъ въ полицію и доказалъ бы то свидѣтелями: то я не полагаю, чтобы за то со мною можно поступить, такъ какъ съ оскорбителемъ закона и притомъ чести Щолокова, которой онъ не только не имѣлъ, но даже и не понималъ оной; но въ поступкѣ со мною есть совсѣмъ другія обстоятельства, слѣдственно и другія соображенія.—Нещастному законъ не возбраняетъ разсужденій и доводовъ къ его оправданію служащихъ; а по сему положивъ, что я поступкомъ моимъ оскорбилъ законоположеніе, но все не боляе какъ только въ непотребномъ лицѣ однаго Щолокова; теперь противъ его по всей же нераздѣльной связи напротивъ Щолокова поступки: 1) будучи пьяницею въ такой торжественный день праздника Господня до 5 часовъ утра напился мертвецки пьянъ, 2) учинилъ буйство и драку, 3) и по повозу его за то ослушался начальника, побилъ посланнаго за нимъ и разбилъ еще при постороннихъ людяхъ Начальника, 4) приведенъ къ отвѣту въ начальничью квартиру, въ которой казна хранилась и дѣла службы отправлялись, и караулъ содержался, въ непристойномъ и безобразномъ видѣ, 5) на службѣ дерзнулъ ругать жестокими и поносными словами въ лицо начальника и 6) нагло клеветать на честь его и засучавъ у тулупа рукава съ намѣреніемъ напасть на Начальника. Все сіе сообразивши, я ли болѣе оскорбилъ Щолокова и

прилагаемую ему честь его и нарушилъ права законовъ или Щолоковъ меня, существенную честь мою, лицо Начальника и законы? А къ сему судъ, судившій его Щолокова и члены онаго суда будучи одного баталіона содержащаго въ крѣпости караулъ, видѣли и знали всѣ неистовые поступки Щолокова, какъ до отдачи его подъ судъ когда онъ содержался подъ арестомъ, и потомъ будучи уже подъ судомъ производимые, чего привсей неправдѣ судившая его комиссія закрытъ не могла и что Генераль-Аудиторіатъ также видѣлъ.—Но за всѣмъ тѣмъ видя изъ присланнаго къ вашему Превосходительству рапорта Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества Г. дежурнаго Генерала въ коемъ сказано что изъ подсудимыхъ Волховскій сдѣлавшись въ собственномъ домѣ судьей, нанесъ и порокъ званію Щолоковымъ на себѣ носимому и за то по Всемиловѣйшему Манifestу августа въ 30 день изданному на основаніи 16 статьи я отъ суда освобождаюсь и остаюсь на службѣ. Не видя изъ рапорта того въ какихъ доводахъ поднесена выписка изъ дѣла Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества Г. Дежурному Генералу ибо я долженъ видѣть, чемъ опровергнуты во оной мои оправданія и чемъ уничтоженъ приговоръ суда объявившаго мнѣ до Всемиловѣйшаго еще манифеста, что я по суду найденъ невиненъ и тогда еще отъ суда учиненъ свободнымъ. Генераль-Аудиторіатъ при поступленіи къ нему дѣла, видя изъ рѣшенія суда надомною открытую, переписку судомъ надъ Щолоковымъ производимымъ уничтоженную, истрѣбовалъ ли оную по принадлежности къ дѣлу или сдѣлалъ какое на то заключеніе. Ибо Всемиловѣйшій манифестъ отпускаетъ вины преступникамъ, а я подведеніе подъ оной почитаю наказаніемъ; ибо черезъ сіе подведеніе я служба безъ наградъ, ожидалъ, и имѣлъ одно утѣшеніе, что ревностная служба моя награждаться законоположенными наградами, какъ то за свыше 40-ка лѣтнюю службу пенсією и за выслугу уже 35-ти лѣтъ въ оберъ-офицерскомъ званіи Владимірскаго ордена и семи видными для каждаго наградами удержатъ честь мою и симъ единственно утвердить уваженіе ко мнѣ въ кругу дворянскаго общества; но послѣ помѣтки въ формулярномъ спискѣ моемъ, что я былъ подъ судомъ и по Всемиловѣйшему манифесту отъ суда освобожденъ, я лишаюсь сихъ и всѣхъ правъ всею жизнею моею купленныхъ, за здѣланное въ началѣ мнѣ въ лицѣ Начальника оскорбленіе на чести безчестнымъ, развратнымъ пьяницей, преступнымъ по поведенію, жизни и дѣламъ противу службы и законовъ Щолоковымъ, я будучи не только не зазорной жизни, служба съ особеннымъ усердіемъ безпорочно болѣе сорока лѣтъ, столько времени влачимъ былъ какъ законопреступникъ, страдалъ и томимъ въ угнетеніи, потерялъ послѣднѣе здоровье и зрѣніе, умертвивъ и способности могущія бы употребиться на пользу службы, разстроился до основанія въ семейственномъ положеніи, въ преклонныхъ дняхъ жизни, лишень еще чести—единственной награды моею за долговременную и безпорочную службу, долженъ стыдиться общества, всегда цѣнившаго правила и неззорную жизнь мою и краснѣть теперь предъ собственными дѣтьми моими, которымъ, внушая прямыя должности вѣрноподданнаго, доказывалъ не примѣрами морали, а жизнь мою, трудами, строгими ко всему правилами, безвозмездною и ревностною службою утверждалъ и велъ ихъ къ прямой чести и объ законностямъ и среди сихъ искренныхъ изліаній усердія моего, ревности и долга на отца законами и природою налагаемаго; но теперь какъ могу скрыть отъ дѣтей моихъ нещастіе сіе, что я привсехъ правилахъ и усердіи моемъ лишень чести.—И за что? безъ которой жизнь нигдѣ не можетъ и не должна быть сносна; будучи безвино лишень оной въ горести представляю съ чемъ явлюсь вкругъ дворянскаго общества? съ чемъ явлюсь въ собственное семейство, и что принесу въ оное за многотрудную ревностную и усердную болѣе 40 лѣтъ продолжаемую службу, кромѣ раззоренія, скорби и униженія,

чемъ послѣ сего поощрю внушенные мною въ дѣтей правила и чемъ убѣждать ихъ могу къ онимъ?—Вотъ состояніе и скорбь выше мѣры, которое приношу предъ лице справедливости Вашего Превосходительства съ покорнѣйшею прозвобу Начальнически утвердить представляемые мною и на передъ сего мои прошенія, приказать строго разсмотрѣть всю жизнь и службу мою и естли воонныхъ изыщется, что либо унижающее прямую честь и достоинство благороднаго челоуѣка, тогда законно лишить меня всего и самой чести и подвергнуть неизбежному жребію мною заслуженному, естли же извѣщается по жизни моей, дѣламъ и службѣ, что оныя не только достойны прошенія, но напротивъ приобрѣтаютъ право уваженія оныхъ, то защитить и возратить отнятую у меня честь, снести по сему Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества съ Г. Дежурнымъ Генераломъ, чтобы Его Превосходительство допустилъ меня къ объясненію дѣла и выписки изъ онаго ученой и на разсмотрѣніе Его Превосходительства поднесенной, дабы удостоуѣриться: на чемъ основано обвиненіе мое и кто избобрѣлъ оно: ибо я осмѣливаюсь полагать, что выписка изъ дѣла Его Превосходительству представленная не заключаетъ полной силы сего дѣла, инако и рѣшеніе таковаго послѣдователы не могло.—Я основаваю сіе на томъ, что при производствѣ еще суда надомною, я видѣлъ изъ переписки Генераль-Аудиторіата крайнѣ сомнѣніе и изъ онаго тогдаже долженъ былъ заключить, что хотя я судомъ и оправданъ, но могу и затѣмъ имѣть какую либо неприятность, въ отвращеніе каковой просилъ Начальство, какъ я по всѣмъ дѣламъ моимъ оправданъ, то позволить мнѣ прибыть въ Санктпетербургъ для объясненія дѣлъ моихъ. Его Сіятельство управлявшій Военнымъ Министерствомъ князь Горчаковъ предписать—изволилъ прибыть мнѣ для объясненія дѣлъ моихъ, для чего я и приѣхалъ еще прошлаго 1815 года въ Октябрѣ мѣсяцѣ: но по нерѣшенію дѣлъ моихъ и понеизвѣстности мнѣ, что по онимъ происходило, не имѣлъ на чемъ основать мои объясненія, но нынѣ по сему рѣшенію, все выше прописанное мною наблагоуваженіе Вашего Превосходительства представить честь имѣю. Коммисаріатрѣ 8 класса Волховскій. Февраля 20 дня 1817 года».

Вѣроятно дѣло тянулось очень долго, и Волховскій очень усердно домогался возстановленія своей невинности, такъ какъ только въ 1820 году онъ добился того, къ чему стремился въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Отношеніемъ отъ 19 іюля 1820 г. за № 2636 Военное Министерство увѣдомило Коммисаріатскій департаментъ, что Государь Императоръ повелѣлъ объ исключеніи изъ формулярнаго списка бытность Волховскаго подъ судомъ.

Хотя въ формулярѣ не указана фамилія жены Андріяна Андриановича Волховскаго, но изъ документовъ, сообщенныхъ фонъ-Руммелемъ, видно, что онъ былъ женатъ на Софіи Александровнѣ Старинкевичъ. У нихъ дѣти: 1) Андріянъ, род. 7 мая 1817 г. (воспитывался въ Московскомъ университетѣ); 2) Александръ, род. 22 мая 1821 г.; 3) Николай, род. 1 мая 1826 г. ¹⁾; 4) Михайль, род. 26 іюля 1829 г.; 5) Марія, род. 1 декабря 1818 г.; 6) Екатерина, род. 11 ноября 1823 г.; 7) Анна, род. 20 февраля 1825 г.; 8) Поликсена, род. 20 сентября 1830 г.,—и 9) Аполлинарія, род. 1 января 1832 г.

Въ письмѣ Энгельгардта отъ 22 января 1840 г. мы находимъ упоминаніе о Софіѣ Александровнѣ Вольховской и ея пятнадцатилѣтней дочери. Если Софія Александровна Вольховская была дѣйствительно урожденною Старинкевичъ ²⁾

¹⁾ У Николая Андриановича былъ сынъ Павелъ, который, какъ видно изъ объявленія въ «Новомъ Времени», умеръ 16 іюля 1902 г., похороненъ на Волковомъ кладбищѣ. Былъ полковникомъ Петербургскаго Окружного Интендантскаго Управленія.

²⁾ Въ дневникѣ И. М. Свѣгирева за январь 1834 г. («Рус. Арх.» 1902, № 9, стр. 6) мы находимъ указаніе на И. А. Старинкевича, директора I гимназіи (ко-

и женою дяди В. Д. Вольховскаго, то, слѣдовательно, она приходилась ему родною теткою. Изъ ея дочерей въ 1840 году могла имѣть 15 лѣтъ Анна, родившаяся 20 февраля 1825 г. Объ этой-то двоюродной сестрѣ В. Д. Вольховскаго Энгельгардтъ и пишетъ слѣдующее: «Письмо твое, любезный Вольховской, я получилъ назадъ тому недѣлю. Я собирался посѣтить Софію Александровну Вольховскую, чтобы посовѣтоваться съ ней о твоей племянницѣ Институткѣ, а между тѣмъ первая уже и сама ко мнѣ явилась. Мы совершенно согласны съ тобой, что для молодой 15-лѣтней дѣвушки очень будетъ не ладно, оставить теперь Институтъ и переселиться въ степь, и по нашему уму-разуму рѣшили, что величайшее бы для нее было благодѣяніе, еслибъ могла она остаться тамъ въ числѣ такъ называемыхъ *пепиньерокъ*, *pépinières*, содержимыхъ на счетъ Института и употребляемыхъ помощницами классныхъ дамъ, для надзора за воспитанницами и повторенія съ ними уроковъ. Это превосходный окончательный, практическій курсъ ученія! Лучше бы ничего не надобно, и я, не ожидая твоего утвержденія, пустился хлопотать объ опредѣленіи г-жи Вистингаузенъ (?) съ просьбою о томъ; но она мнѣ, по старому знакомству, тотчасъ объявила, что не можетъ никакъ въ этомъ дѣлѣ содѣйствовать, потому что уже списокъ оставляемыхъ пепиньерокъ заключенъ и Государынею утвержденъ, такъ что ни ей, ни Вилламову, ни Новосильдову нельзя войти съ новымъ представленіемъ. Единственной способъ, которымъ бы можно было еще, *можетъ быть*, достигнуть цѣли, состоитъ въ томъ, — если бы ты, какъ дядя и опекунъ этой бѣдной сироты, обратился къ Императрицѣ непосредственно письмомъ и, описывая несчастное положеніе и молодость ея и пр. и пр., просилъ объ оставленіи ея въ числѣ пепиньерокъ. Софія Александровна общалась тотчасъ къ тебѣ объ этомъ написать и потому ты вѣроятно уже знаешь о нашемъ мнѣніи. — Видѣлъ я также Пуциныхъ, которые также не выдавъ меня, обращались къ г-жѣ Вистингаузенъ и получили тотъ же отвѣтъ. Мы съ ними положили, чтобы *дѣвушку не взять изъ Института*, гдѣ она, со многими другими, коихъ родители или родственники не скоро для пріема являются, можетъ оставаться послѣ выпуска еще мѣсяца три или четыре, пока что-нибудь рѣшится на счетъ ея будущности. Вотъ *status quo*; теперь все это зависитъ отъ успѣха твоего прошенія. Не худо бы, еслибъ ты меня *тотчасъ* увѣдомилъ объ отправленіи и содержаніи его, дабы я могъ здѣсь всшевелить (Sic) Вилламова и Новосильцова, чтобы помогали. Къ сожалѣнію и тотъ и другой тлжелы на подъемъ; добрые, почтенные люди, да въ чужой бѣдѣ мало принимаютъ участія. Авозъ, Богъ мнѣ поможетъ немного подогрѣть придворную ихъ холодность. — Опредѣленіе дѣвушки, какъ и ты полагаешь, въ какой либо частный домъ, я считаю совершенно невозможнымъ и несбыточнымъ. Кто же захочетъ взять 15-лѣтнее дитя, совсѣмъ неопытное? И чѣмъ ей тутъ быть? — Нѣтъ, объ этомъ нѣчего и думать; если нельзя ее оставить въ Институтѣ, то уже придется ее взять вамъ, въ степь».

Текстъ этого письма требуетъ разъясненій и именно по поводу этой С. А. Ели Софію Александровну Вольховскую признать за жену дяди В. Д. Вольховскаго — Андриана Андриановича, который былъ дѣйствительно женатъ на С. А. Старинкевичъ, то тогда ея дочь будетъ двоюродной се-

торый угощаль обѣдомъ Снѣгирева); это, вѣроятно, былъ родной братъ Софіи Александровны Вольховской. (См. также «Рус. Арх.» 1903, 4, стр. 540). — Другой братъ ея былъ, вѣроятно, Николай Александровичъ Старинкевичъ (род. 1784 г., † 1857 г.), состоявшій при Н. Н. Новосильцевѣ и окончившій свою службу сенаторомъ Варшавскаго департамента Сената; въ молодости занимался литературою (о немъ см. Остафьевскій Архивъ, т. II, примѣч., стр. 592—593). Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ. — «Русская Стар.» 1903 г., т. 115, августъ, стр. 441.

строй В. Д., и въ такомъ случаѣ Энгельгардтъ, называя ее племянницей, а его—дядей, ошибается; если же признать, что Энгельгардтъ, хорошо знавшій семейныя отношенія и родственныя связи Вольховскихъ, правъ, т. е.—что дочь С. А. Вольховской, дѣйствительно, приходится В. Д. Вольховскому племянницей, а онъ ей дядей, то тогда остается предположить, что С. А. Вольховская была женою одного изъ его братьевъ.

Другая отрасль рода Вольховскихъ писала свою фамилію черезъ «а». Родоначальникъ этихъ Вальховскихъ былъ Михаилъ; вѣроятно тотъ, который, будучи Нѣжинскимъ городничимъ, 5 апрѣля 1797 года былъ произведенъ изъ надворныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе совѣтники. (См. «Сенатскій Архивъ», I, «Именные указы Императора Павла I». СПб. 1888 г., стр. 151)¹⁾. Его сынъ—Яковъ Михайловичъ, род. 1793 г., † 26 сентября 1838 г. (45 лѣтъ) майоръ 3-го ластоваго экипажа. Служилъ во флотѣ съ 1808 г. Женатъ былъ на Варварѣ Ивановнѣ Латыниной, дочери инженеръ - генераль-майора. У нихъ дѣти: 1) Владиміръ, род. въ 1828 г.; 2) Константинъ, род. 26 октября 1837 г., и 3) Ольга, род. въ 1830 г.—Константинъ, капитанъ, былъ бухгалтеромъ Интендантскаго Управленія С.-Петербургскаго военнаго округа; жена его—Александра Егоровна. У нихъ дѣти: Варвара, род. 3 декабря 1874 г., въ С.-Петербургѣ; Александра, род. 23 января 1872 г., въ С.-Петербургѣ, и Константинъ, род. 2 марта 1869 г., въ С.-Петербургѣ²⁾.

Примѣчаніе къ стр. 2.

*) Вслѣдствіе недосмотра не попало на свое мѣсто примѣчаніе объ епископѣ Вольховскомъ II-мъ.

Аѳанасій Вольховскій II, уроженецъ г. Полтавы, род. въ 1741 г. Отецъ его, Павелъ, былъ священникомъ при Николаевской церкви въ Полтавѣ и умеръ въ 1764 г. Сынъ его получилъ образованіе сперва въ Тверской семинаріи (съ 1758—1763 г.г.), а затѣмъ—въ Ярославской, въ то время, когда эта семинарія состояла подъ начальствомъ его родного дяди—Аѳанасія Вольховскаго I, бывшаго тогда Ростовскимъ епископомъ. Кромѣ этого, Аѳанасій Вольховскій II обучалъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ и Кіевской академіи. По окончаніи академіи, Вольховскій около трехъ лѣтъ занималъ мѣсто своего отца, затѣмъ, овдовѣвъ, принялъ монашество въ Троицко-Ильинскомъ монастырѣ въ Черниговѣ. Въ 1776 г. о. Аѳанасій назначенъ былъ игуменомъ Новгородскаго Кириллова монастыря; въ 1781 г.—наи́стникомъ Александроневскаго монастыря въ Петербургѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, архимандритомъ—съ 1788 г.—Вяницкаго монастыря, а съ 1785 г.—Новгородскаго Юрьева монастыря. Въ 1788 г., 6 мая, назначенъ былъ епископомъ Старорусскимъ, викаріемъ Новгородской епархіи (14 июня было нареченіе, а 30 іюля—хиротонія) и 5 марта 1795 г.—епископомъ Могилевскимъ, Мстиславскимъ и Оршанскимъ, гдѣ пробылъ по 27 августа 1797 г., когда былъ уволенъ Императоромъ

¹⁾ Въ томъ же «Сенатскомъ Архивѣ» мы находимъ слѣдующее указаніе еще на одного Вольховскаго: 4 ноября 1799 года состоялся Именной указъ Императора Павла I Сенату о пожалованіи полковника Вольховскаго въ статскіе совѣтники и назначенія его Малороссійскимъ почтъ-директоромъ, съ пожалованіемъ ему по 1875 р. въ годъ изъ почтовыхъ доходовъ. (См. «Сенатскій Архивъ», I, «Именные указы Императора Павла I», СПб., 1888 г., стр. 483). О какомъ Вольховскомъ здѣсь идетъ рѣчь—намъ неизвѣстно.

²⁾ Князь Лобановъ-Ростовскій въ своей Русской Родословной книгѣ (т. 2, изд. 2, СПб., 1895 г., стр. 205) указываетъ еще на одну Вольховскую—Наталью Сергѣевну, первую супругу дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Ивановича Свѣчина, который родился 16 марта 1823 г.

Павломъ отъ управленія епархіею, съ назначеніемъ пребыванія въ Лубенскомъ Мгоргскомъ монастырѣ. Умеръ 1 января 1801 г., у своего брата—протоіерея Полтавской Николаевской церкви Андрея Вольховскаго. Наслѣдниками преосвященнаго Аѳанасія были: родной братъ—протоіерей Андрей Вольховскій, сестры: Настасья Симоновская (бывшая замужемъ за священникомъ) и Маріамна Руденкова и племянники, дѣти брата Аѳанасія—Адріана Павловича Вольховскаго.

См. Списки архіереевъ іерархій всероссійской. Стр. 116, № 156. Также—оттискъ изъ Могилевск. Епарх. Вѣд. за 1902 г., №№ 5, 6 и 7, ст. Платона Гोरючко: «Аѳанасій Вольховскій, епископъ Могилевскій и Полоцкій», стр. 1—2, 31.

Приложеніе II, къ стр. 27 (примѣчаніе 1).

Графу Петру Корниловичу Сухтелену принадлежитъ честь быть первымъ основателемъ у насъ правильныхъ съемокъ. Оцѣнивъ важное государственное значеніе съемокъ и очень хорошо понимая, что онѣ могутъ принести надлежащую пользу только въ томъ случаѣ, если будутъ производиться правильно и въ систематическомъ порядкѣ, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы придать имъ этотъ характеръ. Намѣреваясь постепенно снять все наше пограничное пространство, онъ исходатайствовалъ необходимыя денежныя средства на производство съемокъ и, несмотря на всѣ препятствія, съ которыми ему приходилось бороться, успѣлъ произвести рядъ съемокъ, охватившихъ Финляндію, Эстляндію, Лифляндію, Волинь и Подолію. Въ то время производство съемокъ лежало на обязанности офицеровъ квартирмейстерской части, число которыхъ было очень невелико и они, сверхъ того, постоянно отвлекались отъ занятій съемками почти безпрерывными войнами начала прошлаго столѣтія. При такой обстановкѣ весьма трудно было достигнуть значительныхъ результатовъ, однако же Сухтеленъ, благодаря своей энергіи, успѣлъ не только произвести помянутыя съемки, но еще и составилъ нѣсколько весьма замѣчательныхъ по тогдашнему времени картъ.

Петръ Корниловичъ Сухтеленъ родился въ 1759 году, въ Голландіи, и былъ офицеромъ въ голландскомъ инженерномъ вѣдомствѣ, когда въ 1783 г. былъ вызванъ въ Россію и былъ опредѣленъ въ русскую службу инженеръ-подполковникомъ. Въ 1787 году произведенъ въ полковники; участвовалъ въ войнѣ со Швеціей; былъ въ походахъ съ 1788 по 1790 г., въ Финляндіи, и за оказанное отличіе получилъ чинъ генераль-маіора. По окончаніи войны, нѣсколько лѣтъ занимался осмотромъ крѣпостей и составленіемъ проектовъ ихъ исправленія и сооруженія новыхъ, за что въ 1797 году получилъ чинъ генераль-лейтенанта. Въ 1799 году Сухтеленъ произведенъ въ инженеръ-генералы, а въ 1801 г. былъ назначенъ генераль-квартирмейстеромъ. Въ этомъ званіи онъ оказалъ огромную услугу государству преобразованиемъ или, лучше сказать, созданіемъ Генеральнаго Штаба (тогдашней Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части) и усовершенствованіемъ Дено картъ. Петръ Корниловичъ, состоя при особѣ Его Величества, участвовалъ въ сраженіи при Аустерлицѣ, равно какъ и во многихъ дѣлахъ войны 1806 и 1807 годовъ. Въ 1808 г. онъ назначенъ въ званіе совѣтника къ главнокомандующему нашими войсками въ Финляндіи—генералу Буксгевдену. Ему, преимущественно, Россія обязана скорымъ и почти безкровнымъ взятіемъ неприступнаго Свеаборга и многими другими успѣхами этой войны, по окончаніи которой онъ былъ отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Стокгольмъ и, за заслуги по сей должности, возведенъ, въ 1812 году, въ баронское достоинство великаго княжества Финляндіи. Петръ Корниловичъ

оставался въ Швеціи до 1813 г., сопровождалъ потомъ наслѣднаго принца Шведскаго въ Германію—въ походахъ противъ французовъ и датчанъ—и принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ битвахъ Сѣверной союзной арміи. Послѣ Парижскаго мира Сухтеленъ возвратился въ Стокгольмъ, на мѣсто нашего посла и, за заслуги въ семь званій, былъ награжденъ, въ 1822 году, возведеніемъ въ графское достоинство Финляндіи; въ 1826 г.—орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, а въ 1834 г.—алмазными къ нему знаками; скончался въ 1836 г., на 79 году отъ рожденія. Петръ Корниловичъ, ознаменовавъ себя многими заслугами, принадлежалъ къ числу ученѣйшихъ людей своего времени; онъ хорошо зналъ греческій, латинскій, голландскій, нѣмецкій, французскій и русскій языки. Искусный инженеръ и военный, онъ съ дипломатическимъ взглядомъ соединялъ многостороннія познанія, въ особенности въ нумизматикѣ и исторіи литературы и былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ извѣстными библиографами Европы. У него былъ рѣдкій минцъ-кабинетъ (который онъ уступилъ Академіи Наукъ), отличное собраніе картинъ и библіотека, принадлежавшая къ числу наибольшихъ частныхъ библіотекъ въ Россіи и состоявшая изъ великолѣпнѣйшихъ и рѣдкостныхъ изданій и манускриптовъ. Будучи генераль-квартирмейстеромъ, Сухтеленъ постоянно старался привлечь на службу по квартирмейстерской части способныхъ молодыхъ людей, предлагая имъ свое покровительство, заботясь о ихъ образованіи и оказывая имъ матеріальныя услуги, чѣмъ успѣлъ приобрести для генеральнаго штаба многихъ отличнѣйшихъ офицеровъ.

(Историческій очеркъ дѣятельности Корпуса Военныхъ Топографовъ 1822—1872. СПб. 1872. Стр. 30—31, прим.).

Приложеніе III, къ стр. 28 (примѣчаніе 3).

Свѣтлѣйшій князь Петръ Михайловичъ Волконскій родился 26 апрѣля 1776 г. Въ день крещенія своего онъ былъ зачисленъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ, а въ 1783 г. произведенъ въ вахмистры Коннаго полка. Съ 1791 г. онъ началъ дѣйствительную службу; въ 1792 г. переведенъ въ Семеновскій полкъ, а въ слѣдующемъ году произведенъ въ прапорщики. Въ 1797 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ Александру Павловичу. Въ 1801 г. князь произведенъ былъ въ генераль-маіоры и пожалованъ званіемъ генераль-адъютанта, а потомъ назначенъ товарищемъ начальника военно-походной канцеляріи, въ которой сосредоточивалось тогда управленіе всею военною частью, что доставило ему случай ознакомиться со всѣми частями многосложнаго и весьма, въ то время, запутаннаго военнаго управленія и приготовило въ немъ одного изъ тѣхъ государственныхъ мужей, которые способствовали многимъ усовершенствованіямъ въ устройствѣ русскихъ военно-сухопутныхъ силъ. Въ войну 1805 г. князь Волконскій былъ дежурнымъ генераломъ, сперва при корпусѣ Буксгевдена, а потомъ при главнокомандующемъ. Въ Аустерлицкомъ сраженіи князь, получивъ приказаніе привести въ порядокъ нашъ центръ, схватилъ знамя Фанагорійскаго полка, два раза водилъ въ бой этотъ и Рязанскій полки, отбилъ у французовъ двѣ пушки и утушилъ только многочисленности непріятели. За этотъ подвигъ онъ награжденъ былъ Георгіемъ 3-го класса. Послѣ Тильзитскаго мира князь Волконскій отправленъ былъ во Францію для изученія учрежденій французской арміи и ея генеральнаго штаба. Въ 1810 году ему ввѣрено было управленіе квартирмейстерской частью. Князя Волконскаго по справедливости можно назвать основателемъ русскаго генеральнаго штаба, находившагося тогда въ

состояніи совершеннаго младенчества. Для образованія офицеровъ генеральнаго штаба князь учредилъ училище для 40 колонновожатыхъ. Въ это заведеніе поступали молодые люди знатнѣйшихъ фамилій; курсъ ученія, кромѣ математики, заключалъ въ себѣ всѣ знанія, необходимыя для офицеровъ генеральнаго штаба. Въ 1810 г., по представленію князя, утвержденъ штатъ канцеляріи генераль-квартирмейстера и купленъ для квартирмейстерской части домъ (нынѣ главный штабъ); выписаны на значительную сумму карты иностранныхъ государствъ, заведена бібліотека и основана механическая мастерская для изготовленія астрономическихъ и математическихъ инструментовъ. Въ то же время князь издалъ «Руководство къ отправленію службы чиновъ дивизіоннаго генеральнаго штаба» и составилъ правило для квартирмейстерской части въ «Учрежденіи объ управленіи большой дѣйствующей арміи»,—опредѣливъ, такимъ образомъ, кругъ занятій генеральнаго штаба. Въ отечественной войнѣ князь Волконскій снова выступаетъ на поприщѣ брани. Убѣдясь въ несообразности первоначальнаго плана, по которому войска наши отступали въ лагерь подъ Дриссоу, князь Петръ Михайловичъ довелъ это до свѣдѣнія Государя Императора, слѣдствіемъ чего было отступление нашихъ войскъ къ Витебску. По оставленіи Москвы, князь Волконскій, въ продолженіе всей кампаніи, посылаемъ былъ къ Императору, какъ единственный довѣренный посредникъ между Монархомъ и главнокомандующимъ. Когда Императоръ Александръ рѣшилъ перенести войну за предѣлы Россіи, тогда на князя Волконскаго возложена была многотрудная обязанность начальника главнаго штаба при князѣ Кутузовѣ, а по смерти его—при Императорѣ Александрѣ. Трехлѣтняя борьба за освобожденіе Европы составляетъ апогей славы князя Петра Михайловича. Разнородность состава союзныхъ армій, неудовлетворительное устройство ихъ хозяйственной и административной частей, несогласіе въ мнѣніяхъ различныхъ военачальниковъ, — все это представляло несказанныя затрудненія въ исполненіи военныхъ соображеній. Но здѣсь-то—въ изумительной его дѣятельности—и выказались дарованія князя. Когда другіе, утомленные боемъ, отдыхали, онъ трудился въ ночной тиши, подготавливая побѣду, составляя диспозицію для преслѣдованія или для отступленія. Сколько опыта, сколько глубокаго знанія дѣла, людей, дипломатическихъ отношеній—надобно было соединить въ себѣ, чтобы сохранить общность во всѣхъ распоряженіяхъ. Довѣріе Императора Александра и союзныхъ Монарховъ, дружба главныхъ предводителей—были наградою князя за заслуги его. Въ сраженіи подъ Люденомъ онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы ускорить движеніе запоздавшихъ союзныхъ колоннъ, а во время боя принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ распоряженіяхъ; когда же объяснилась невозможность возобновить сраженіе на другой день, то въ эту критическую минуту, бывъ присланъ въ Перау, онъ одинъ сохранилъ хладнокровіе и собственноручно написалъ диспозицію къ отступленію, которая спасла союзныя войска отъ неминуемаго пораженія. За это князь произведенъ въ генераль-лейтенанты. Во время перемирія труды князя Волконскаго, по преобразованію армій, были неисчислимы. Онъ первый оцѣнилъ стратегическое значеніе выдающагося положенія Богеміи и первый предсказалъ, что близъ Лейпцига должна рѣшиться участь Наполеона. Въ Кульмскомъ сраженіи дѣятельныя распоряженія князя Волконскаго способствовали окружить Вандамма и принудить его положить оружіе. Наканунѣ перваго дня Лейпцигскаго сраженія, когда Шварценбергъ намѣревался поставить всѣ резервы между рѣками Эльстеромъ и Плейсою, князь Волконскій представилъ Государю всю несообразность подобнаго распоряженія, и только твердость Монарха спасла войска отъ гибельныхъ послѣдствій этого предположенія. Новые, тяжкіе труды ожидали князя Волконскаго по переходѣ союзныхъ армій за Рейнъ: снова предстояла

ему трудная обязанность — на каждомъ шагѣ бороться съ разномысліемъ, непрерывно обуревавшимъ вождей союзныхъ войскъ.

Къ этому присоединились затрудненія по продовольствію войскъ въ странѣ, гдѣ не было у нихъ своихъ магазиновъ, а учрежденіе ихъ было дѣломъ, представлявшимъ необыкновенныя трудности. И въ эту кампанію, какъ въ минувшую, судьба соединила имя князя Волконскаго съ событіемъ, рѣшившимъ участь кампаніи: онъ былъ во главѣ тѣхъ, которые исполнѣли опѣнили великую мысль Александра: двинуть главную армію на Парижъ, когда Наполеонъ направился на сообщенія ея. Въ сраженіи подѣ Феръ-Шампенуазомъ дѣятельности и распорядительности князя Волконскаго обязаны союзники побѣдою. Битва подѣ Парижемъ была послѣдней, въ которой участвовалъ князь Волконскій, начавъ боевое поприще подѣ Аустерлицемъ.

Во время празднествъ въ С.-Петербургѣ, по случаю возвращенія Императора Александра, князь Волконскій, помня заслуги своихъ сослуживцевъ, испросилъ у Государя милость — основать Гвардейскій Генеральный Штабъ, куда перевелъ до 20 офицеровъ квартирмейстерской части, съ присвоеніемъ имъ чиновъ наравнѣ съ офицерами старой гвардіи. 12 декабря 1815 г. князь Волконскій былъ назначенъ Начальникомъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, оставаясь притомъ управляющимъ любимую имъ квартирмейстерскою частью, которую онъ не переставалъ совершенствовать. Въ ряду многихъ важныхъ преобразованій, ознаменовавшихъ семилѣтнее управленіе князя Волконскаго Главнымъ Штабомъ, ему принадлежитъ честь учрежденія Корпуса Военныхъ Топографовъ и окончательнаго установленія правильнаго производства съемоковъ, на основаніяхъ, выработанныхъ наукою.

До самой кончины Императора Александра князь Волконскій былъ ближайшимъ его совѣтникомъ. Императоръ Николай Павловичъ назначилъ князя Волконскаго Министромъ Императорскаго Двора. И на этомъ новомъ поприщѣ онъ успѣлъ выказать необыкновенную дѣятельность. Заслуги князя были награждаемы непрерывнымъ рядомъ Монаршихъ милостей и щедротъ. Въ 1814 г. ему пожалованъ былъ орденъ Св. Владимира 1 степени. За время управленія Главнымъ Штабомъ — алмазные знаки Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, чинъ генерала отъ инфантеріи (1817 г.). Въ 1826 г. пожалована ему ежегодная пенсія въ 50.000 рублей и орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Въ 1828 году — алмазные знаки ордена Андрея Первозваннаго, въ 1830 г. — портретъ Государя Императора, украшенный брилліантами; въ 1834 г. — украшенная брилліантами трость съ надписью: «за долговременную и вѣрную службу». Въ томъ же году присвоенъ ему титулъ Свѣтлѣйшаго, король Прусскій пожаловалъ ему шпагу, а потомъ — саблю, украшенную алмазами. Въ 1837 г. пожалованы ему портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ, украшенные брилліантами. Въ 1843 г. онъ назначенъ Шефомъ Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка, а въ 1850 г. произведенъ былъ въ санъ генералъ-фельдмаршала.

Князь Петръ Михайловичъ скончался 27 августа 1852 года, на 77 году жизни. Имя князя Волконскаго останется навсегда слитымъ съ важнѣйшими событіями двухъ великихъ царствованій, но въ особенности благоговѣнно сохранится оно въ памяти Русскаго Генеральнаго Штаба и Корпуса Военныхъ Топографовъ, основанныхъ пожеланіями князя. По кончинѣ его, чинами этихъ двухъ корпусовъ собраны были, по добровольной подпискѣ, деньги, на которыя написанъ портретъ князя, помѣщающійся, съ Высочайшаго соизволенія, въ одной изъ залъ Военно-Топографическаго отдѣла Главнаго Штаба, и учреждено нѣсколько стипендій имени князя Волконскаго.

(Истор. очеркъ дѣятельн. Корп. Воен. Топограф. 1822—1872 г. СПб. 1872 г. Стр. 97—99, прим.).

Приложение IV, къ стр. 34.

Федоръ Федоровичъ *Шубертъ* былъ старшимъ изъ дѣтей и единственнымъ сыномъ извѣстнаго астронома Шуберта, который, переселившись, въ 1784 году, въ Россію, въ теченіе 37 лѣтъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и полезнѣйшихъ членовъ Императорской Академіи Наукъ и занималъ весьма почетное мѣсто въ ряду ученыхъ своего времени.

Вліяніе подобной личности на развитіе молодого человѣка должно было отразиться самымъ благотворнымъ образомъ.

Родившись въ С.-Петербургѣ, 12 февраля 1789 года, Федоръ Федоровичъ до 11-лѣтняго возраста оставался въ родительскомъ домѣ и, лишь только былъ въ состояніи составить себѣ понятіе о чемъ-либо, долженъ былъ приняться за математику. Ею и языками ограничивались домашніе его уроки; но мальчикъ не терялъ времени, занимался всякимъ мастерствомъ, приобрѣталъ, гдѣ только могъ, практическія познанія, и въ особенности занимался чтеніемъ всѣхъ книгъ, которыя ему попадались подъ руки, какъ дома, такъ и въ завѣдываемой отцемъ его библиотекѣ Академіи Наукъ. На 11 году возраста онъ былъ отданъ въ Петропавловскую школу.

Еще прежде окончанія имъ курса въ старшемъ классѣ училища, онъ поступилъ (въ іюнѣ 1803 г.) колонновожатымъ, имѣя отъ роду всего 14 лѣтъ. Перемена эта въ его положеніи, устроенная, безъ его вѣдома, отцемъ его, короткимъ знакомымъ тогдашняго генералъ-квартирмейстера, знаменитаго фонъ-Сухтелена, сначала вовсе не нравилась мальчику, привыкшему къ свободѣ и мечтавшему о морской службѣ; но ласковое обращеніе фонъ-Сухтелена и живой интересъ, который онъ умѣлъ придавать дѣятельности весьма немногочисленнаго корпуса офицеровъ, состоявшаго подъ его начальствомъ, вскорѣ сроднили Шуберта съ новыми занятіями. Въ слѣдующемъ уже году ему пришлось исполнить двѣ астрономическія командировки, вмѣстѣ съ нѣсколькими старшимъ, какъ лѣтами, такъ и по службѣ, товарищемъ его, Теслевымъ. За успѣшное исполненіе перваго изъ этихъ порученій онъ удостоился производства въ офицеры; затѣмъ, большую часть 1805 г. употребилъ на проѣздъ, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, въ Иркутскъ и обратно, въ составѣ посольства, отправленнаго въ Китай, а лѣтомъ 1806 года былъ снова занятъ астрономическими работами въ Нарвѣ и Ревелѣ; этою послѣднею командировкою оканчивается первый отдѣлъ ученой дѣятельности Федора Федоровича, къ которой онъ возвратился лишь черезъ 13 лѣтъ.

Промежутокъ этотъ занятъ чисто военною службою Федора Федоровича, къ которой тогдашнія военныя обстоятельства призывали всякаго, носившаго военный мундиръ. Участвуя во всѣхъ важнѣйшихъ подвигахъ, прославившихъ наше оружіе съ 1806 по 1814 годъ, онъ, по роду своей службы и постоянному состоянію при главныхъ квартирахъ дѣйствовавшихъ армій, при начальникахъ передовыхъ отрядовъ или отдѣльныхъ командировкахъ, могъ вынести изъ этой жизни не мало пользы для себя.

Въ 1806 и 1807 г.г. онъ былъ подъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау (гдѣ онъ тяжело раненъ); въ 1808 и 1809 г.г.—въ различныхъ дѣлахъ противъ шведовъ и при переходѣ нашихъ войскъ черезъ ледъ въ Швецію; затѣмъ ѣздилъ два раза въ Швецію парламентаромъ и въ Вѣну съ депешами въ находившуюся тамъ главную квартиру Наполеона. 1810 годъ перенесъ его на новый театръ войны—въ Придунайскія Княжества и Болгарію, гдѣ онъ находился при графѣ Каменскомъ и едва не погибъ при ужасномъ штурмѣ Руссука; потомъ опять, въ качествѣ парламентаря, былъ въ самой Шумлѣ, у великаго визиря, куда пробрался путемъ, едва ли пройденнымъ другимъ русскимъ. Въ продолженіе 1812, 1813 и 1814 годовъ онъ состоялъ

оберъ-квартирмейстеромъ кавалерійскаго корпуса барона Корфа, который во все время отступленія нашего внутрь Россіи составлялъ арріергардъ, а при преслѣдованіи французовъ—авангардъ нашей арміи; послѣ сраженія подъ Лейпцигомъ былъ награжденъ чиномъ полковника и, вмѣстѣ съ Силезскою арміею, вступилъ въ Парижъ, при чемъ Ѳедору Ѳедоровичу не разъ приходилось принимать на себя трудную роль посредника между русскимъ корпуснымъ начальствомъ и весьма недружелюбною къ намъ прусскою главною квартирою. Наконецъ, онъ пробылъ во Франціи съ 1815 до 1818 г. оберъ-квартирмейстеромъ оставленнаго тамъ корпуса графа Воронцова.

Съ возвращеніемъ изъ Франціи прекратилась его служба при войскахъ.

Въ 1819 году былъ назначенъ начальникомъ 3 отдѣленія Военно-Топографическаго Дѣла, въ 1820 году—начальникомъ тригонометрической и топографической съемокъ С.-Петербургской губ. и въ томъ же году былъ произведенъ въ генераль-майоры, а въ 1825 году назначенъ директоромъ вновь учрежденнаго Корпуса Топографовъ.

Съ этого времени вся дѣятельность генерала Шуберта до конца его жизни преимущественно заключалась въ примѣненіи необходимыхъ способовъ для геодезическихъ измѣреній и въ облегченіи и ускореніи составленія, гравированія и печатанія картъ. Изъ числа важнѣйшихъ улучшеній, введенныхъ съ 1825 по 1830 годъ по Военно-Топографическому Дѣлу, необходимо отнести приведеніе въ новый порядокъ каталоговъ Дѣла, въ составленіи которыхъ Шубертъ участвовалъ, болѣею частію, лично, или же они составлялись подъ ближайшимъ его руководствомъ. Въ это же время онъ измѣнилъ механическое черченіе проэкцій и избралъ преимущественно для всѣхъ подробныхъ картъ проэкцію Бонна, — и вообще съ этого времени всѣ проэкціи исчислялись по формуламъ, даннымъ генераломъ Шубертомъ, и наносились посредствомъ координатъ на мѣдныя доски.

Въ 1826 и 1827 годахъ онъ составилъ и издалъ для офицеровъ Корпуса Топографовъ «Руководство къ исчисленію тригонометрической съемки и для работъ Военно-Топографическаго Дѣла», съ необходимыми для сего таблицами. Книга эта, по содержанію своему, доставила ту существенную пользу, что привела въ одну систему и однообразіе всѣ производившіяся до того времени геодезическія работы; въ ней, кромѣ формулъ и таблицъ, употребляемыхъ при тригонометрическихъ измѣреніяхъ, даны всѣ правила для составленія журналовъ, а также помѣщено полное собраніе всѣхъ опредѣленныхъ до того времени астрономическихъ пунктовъ въ Россійской Имперіи. Въ декабрѣ того же года ему повелѣно быть директоромъ Гидрографическаго Дѣла Главнаго Морскаго Штаба Его Императорскаго Величества.

Въ 1831 году, за отличіе по службѣ, произведенъ въ генераль-лейтенанты и назначенъ начальникомъ тригонометрической съемки Псковской и Виленской губ. и топографической съемки Псковской губ., а въ 1833 году приступлено имъ къ хронометрической экспедиціи для опредѣленія разностей долготъ главныхъ мѣстъ Балтійскаго моря и въ теченіе лѣта самъ лично участвовалъ въ опредѣленіи 16 пунктовъ на берегахъ Финскаго и Ботническаго заливовъ и Балтійскаго моря.

Экспедиція эта имѣетъ ту особую важность, что она представляетъ собою первый опытъ астрономическаго опредѣленія пунктовъ помощью перевозки хронометровъ на пароходѣ.

Въ трудахъ этого новаго для Россіи дѣла участвовали также правительства тѣхъ государствъ, которыхъ берега омываются Балтійскимъ моремъ какъ-то: Прусское, Шведское и Датское, и всѣ первоклассные ученые отъ этихъ правительствъ, а именно: Гумбольдтъ, Шумахеръ, Бессель, Аргеландеръ и нашъ астрономъ Струве—оказывали всевозможныя содѣйствія и для общаго успѣха дѣла находились въ постоянныхъ между собою сношеніяхъ.

Съ 1834 по 1843 г. Шубертъ исправлялъ должность генераль-квартирмейстера Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, съ оставленіемъ при прежней обязанности директора В.-Т. Делю.

Въ концѣ 1843 года Фѳддоръ Фѳдоровичъ оставилъ Генеральный Штабъ, и, будучи, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ членомъ Военнаго Совѣта, принималъ въ занятіяхъ его, въ теченіе 18¹/₂ лѣтъ, самое живое участіе. Въ 1845 году, за отличіе по службѣ, произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ директоромъ Военно-Учебнаго Комитета, которымъ онъ завѣдывалъ до упраздненія онаго, въ 1859 году.

Свободное отъ этихъ занятій время посвящалось частью нумизматикѣ, а частью музыкѣ и живописи, которыя составляли съ самаго дѣтства его любимое развлеченіе. Въ 1856 году, несмотря на преклонность своихъ лѣтъ, Фѳддоръ Фѳдоровичъ снова принялся за топографическія занятія, повидимому навсегда имъ оставленныя, и, со свойственною ему энергіею, издалъ въ 1858 году самое капитальное свое по этой части сочиненіе: «Exposé des travaux astronomiques et géodésiques, exécutés en Russie dans un but géographique jusqu'à l'année 1855», содержащее въ себѣ, кромѣ вывода фундаментальныхъ точекъ, до 14,531 пункта.

Книга эта, судя по ея объему и разработкѣ драгоценныхъ матеріаловъ, собранныхъ въ продолженіе текущаго столѣтія, можетъ служить памятникомъ неутомимой ученой дѣятельности генерала Шуберта. Исполненіе этого громаднаго труда стоило автору не менѣе 5 лѣтъ усидчивой и обременительной работы. Вѣроятно, не каждый бы рѣшился на подобное предпріятіе, имѣя около 70 лѣтъ отъ роду!

По окончаніи этого труда, ученая дѣятельность генерала Шуберта не прекращалась, и, кромѣ разрѣшенія нѣкоторыхъ математическихъ вопросовъ, обращаетъ на себя вниманіе брошюра его: «О размѣрахъ и видѣ земнаго сфероида», изъ которой ясно видно, какъ обширны были свѣдѣнія автора въ математическомъ анализѣ. Генераль Шубертъ скончался 3 ноября 1865 г., на 76 году жизни.

(Историческій очеркъ дѣятельности Корпуса Военныхъ Топографовъ 1822—1872. СПб. 1872 г. Стр. 102—105, прим.).

Приложеніе V, къ стр. 51.

Государственный Архивъ. I—B, № 240

О капитанѣ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Вальховскомъ ¹⁾

Опись дѣлу о капитанѣ Вальховскомъ.

1. Вопросъ полковнику князю Трубецкому и отвѣтъ его	на	1	листѣ.
2. Вопросъ полковнику Аврамову и отвѣтъ его	„	2	„
3. Вопросъ подполковнику Матвѣю Муравьеву-Апостолу и отвѣтъ его	„	3	„
4. Вопросъ полковнику Бурцову и отвѣтъ его	„	4	„
5. Вопросъ полковнику Митькову и отвѣтъ его	„	5	„

¹⁾ Мы оставляемъ въ фамиліи Вольховскаго правописание подлинника—черезъ «а», хотя самъ Вольховскій, какъ будетъ видно ниже, подписалъ свою фамилію черезъ «о».

6. Записка военного министра къ начальнику Главнаго Штаба барону Дибичу	на	6	листѣ.
7. Показаніе капитана Вальховскаго	„	7—8	„
8. Вопросъ полковнику Нарышкину и отвѣтъ его	„	9	„
9. Вопросъ штабсъ-капитану Назимову и отвѣтъ его	„	10	„
10. Вопросъ подполковнику Поджіо и отвѣтъ его	„	11	„
11. Вопросъ штабсъ-капитану Бестужеву и отвѣтъ его	„	12	„
12. Показанія на капитана Вальховскаго	„	13	„
13. Докладная записка о капитанѣ Вальховскомъ	„	14—15	„

. Надворный совѣтникъ *НВ.*

1826 года, февраля 1 дня, Высочайше учрежденный комитетъ требуетъ отъ полковниковъ князя Трубецкаго, Аврамова и подполковника Матвѣя Муравьева-Апостола поясненія:

Какъ по имени, какого чина, гдѣ служить и нынѣ находится тотъ Вальховскій, котораго они, Трубецкой, Аврамовъ и Муравьевъ, въ числѣ прочихъ называютъ членомъ Тайнаго общества?

Означенный Вальховскій служить въ Гвардейскомъ Генеральномъ Штабѣ, а гдѣ нынѣ находится,—миѣ не извѣстно. Чина и имени его я не знаю.

Полковникъ князь *Трубецкой.*

Офицеръ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба, какъ его зовутъ, какого чина и гдѣ нынѣ находится, не знаю. Извѣстенъ миѣ былъ въ числѣ членовъ по словамъ полковника Бурцова, которой до 819 года также былъ офицеромъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба и находясь на лицо при Гвардейскомъ Корпусѣ, жилъ вмѣстѣ съ Вальховскимъ на квартирѣ.

Февраля 2 дня 1826 г.

Полковникъ *Аврамовъ.*

Вальховскій въ 1824 (?) году служилъ въ Гвардейскомъ Генеральномъ Штабѣ по квартирмейстерской части. Послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга я не имѣлъ никакихъ сношеній съ нимъ.

Отставной подполковникъ *Муравьевъ-Апост.*

1826 года, февраля 1 дня, Высочайше учрежденный Комитетъ требуетъ отъ полковника Бурцова поясненія:

Кто именно, какого чина, гдѣ служить и теперь находится тотъ Вальховскій, котораго онъ называетъ (между прочими) членомъ Тайнаго общества?

Тотъ Вальховскій, котораго я назвалъ членомъ бывшаго до 1821 г. Тайнаго общества, служить нынѣ въ Гвардейскомъ Генеральномъ Штабѣ капитаномъ и, какъ я слышалъ, находится въ Экспедиціи въ Киргисъ-Кайсацкой Ордѣ.

Полковникъ *Бурцовъ.*

1 февраля 1826 г.

1826 года, февраля 1 дня, Высочайше учрежденный комитетъ требуетъ отъ полковника Митькова поясненія:

Какъ по имени, какого чина, гдѣ служить и нынѣ находится тотъ Вальховскій, котораго онъ, Митьковъ, въ числѣ прочихъ называетъ членомъ Тайнаго общества?

Служилъ капитаномъ въ Гвардейскомъ Генеральномъ Штабѣ Его Императорскаго Величества. Какъ по имени и гдѣ нынѣ находится, не знаю.

Полковникъ *Митьковъ.*

КЪ СВѢДѢНІЮ.

Въ слѣдствіе личнаго объясненія съ вашимъ превосходительствомъ имѣю честь препроводить двѣ записки, извлеченныя изъ дѣлъ комитета о злоумышленномъ обществѣ, о штабсъ-капитанѣ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Вальховскомъ и фаненъ-юнкерѣ Нарвскаго Драгунскаго полка Скорятинѣ.

Военный министръ *Татищевъ*.

№ 528.

27 марта 1826 года
Его Превосходительству
барону И. И. Дибичу.

Помѣта карандашемъ:

Подлинное показаніе Вальховскаго
отдано къ допросамъ 7 апрѣля.

КЪ СВѢДѢНІЮ.

Лѣтомъ 1818 года предложено мнѣ было вступить въ союзъ благоденствія, общество, имѣвшее цѣлю благотвореніе и нравственное усовершенствованіе членовъ, съ условіемъ ничего не дѣлать противнаго правительству. Слѣдующія лица мнѣ извѣстны были какъ члены общества: Гвардейскаго Генеральнаго Штаба офицеры: Бурцовъ, Павелъ Колошинъ, Никита Муравьевъ; Конной Артиллеріи Пушинъ; л. гв. Московскаго полка Михайла Нарышкинъ; л. гв. Егерскаго полка Семеновъ и Горскинъ; вмѣстѣ съ ними я видѣлъ иногда и нѣкоторыхъ другихъ, но точно не могу сказать, были ли они членами общества или нѣтъ; изъ находившихся не въ С.-Петербургѣ называли мнѣ членами: Гвардейскаго Генеральнаго Штаба полковника Муравьева, брата его Михайла Муравьева и Петра Колошина. Цѣль союза, сколько она мнѣ была открытою, я, дѣйствительно, нашелъ не противозаконною ни дѣломъ, ни намѣреніемъ, но съ другой стороны вскорѣ я увидѣлъ, что общество сіе вовсе бездѣятельно и нимало не соответствовало пышно возвѣщаемому назначенію своему, почему участіе мое въ ономъ стало постепенно ослабѣвать, а съ 1820-го года совершенно прекратилось; въ 1821 же году по возвращеніи моемъ изъ похода въ Бухарію, мнѣ сказывали, что и весь Союзъ разрушился; послѣ чего какъ объ ономъ, такъ ни объ какомъ другомъ тайномъ обществѣ я уже ничего ни отъ кого не слышалъ. Всегда обнаруживаемая мною прямая преданность Престолу и долгу службы и присяги моей не позволила, вѣроятно, никому рѣшиться сдѣлать мнѣ какое-либо злоумышленное предложеніе: иначе обо всемъ мнѣ извѣстномъ я почелъ бы за священную обязанность довести до свѣдѣнія моего начальства.

Гвардейскаго Генеральнаго Штаба капитанъ *Вольховскій*.

1826 года, мая 9 дня, отъ Высочайше учрежденнаго комитета г. полковнику Нарышкину, Конно-Піонернаго Эскадрона штабсъ-капитану Назимову, подполковнику Поджо и лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка штабсъ-капитану Бестужеву вопросный пунктъ.

Въ 1823 году на совѣщаніяхъ общества у Пушина и у другихъ находился служившій въ Штабѣ Гвардейскаго Корпуса квартирмейстерской части капитанъ Владиміръ Вальховскій.—Объясните, сколько вспомнить можете, у кого и когда бывалъ Вальховскій въ 1823 году на совѣщаніяхъ общества, въ чемъ именно состояли оныя, какого онъ былъ притомъ мнѣнія и не извѣстно ли вамъ, какое впоследствии принималъ онъ участіе въ дѣлахъ общества и съ кѣмъ состоялъ въ особенныхъ сношеніяхъ?

Честь имѣю извѣстить, что капитанъ Вольховскій былъ членомъ союза Благоденствія и въ 1821, 1822 и 1823-мъ году находился въ сношеніяхъ и

посѣщалъ нѣкоторыхъ изъ членовъ онаго; какъ-то: Пуцина (Ивана); К. Оболенскаго Евгенія, служившаго въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ полку, Семенова, Никиту Муравьева именя. Кѣмъ онъ былъ принятъ, не знаю, также на какихъ именно находился совѣщаніяхъ. Сколь мнѣ извѣстно, мнѣнія его политическія были всегда умѣренныя, и кажется въ послѣдніе года капитанъ Вольховскій мало участвовалъ въ дѣйствіяхъ общества, находясь неоднократно въ продолжительныхъ откомандировкахъ по службѣ своей. По отбытіи моемъ изъ С.-Петербурга въ началѣ 1824 года мнѣ неизвѣстно, съ кѣмъ изъ членовъ капитанъ Вольховскій сохранилъ сношенія. Въ прошедшемъ 1825 году онъ также находился въ откомандировкѣ.

Полковникъ *Нарышкинъ*.

На вопросный пунктъ отъ Высочайше учрежденнаго Комитета имѣю честь отвѣтствовать:

Поелику на совѣщаніяхъ общества я никогда не бывалъ, то и не знаю, изъ кого именно состояли и въ чемъ оныя заключались. — Капитана же Владиміра Вольховскаго въ 1823-мъ году я видѣлъ весьма рѣдко, бывъ иногда у Пуцина и бывшаго лейбъ-гвардіи Московскаго полка капитана Нарышкина, гдѣ разговоры были большею частью о постороннихъ вещахъ, о книгахъ и новостяхъ, не касающихся общества. Если же, можетъ быть, при капитанѣ Вольховскомъ и говорили о дѣлахъ, касающихся общества, какихъ-либо, то не упомяну, когда именно и о чемъ. Вообще капитанъ Вольховскій былъ всегда кротокъ и воздерженъ въ словахъ и сколько я понималъ его, то политическія мнѣнія его клонились къ монархическому конституціонному правленію. Утвердительнонаго же участія его даже и въ сихъ послѣднихъ предо мною онъ не обнаруживалъ; и въ чемъ именно заключалась прикосновенность его къ обществу, я не знаю, равно и того, съ кѣмъ изъ членовъ онаго былъ онъ впоследствии въ особенныхъ сношеніяхъ.

Штабсъ-капитанъ *Назимовъ*.

Высочайше учрежденному Тайному Комитету честь имѣю донести, что въ 1823 году на главномъ совѣщаніи у Пуцина, когда приступали къ выборамъ членовъ Главной Управы, я тамъ встрѣтился со многими изъ членовъ общества, мнѣ доселѣ не извѣстными. Между прочими, о коихъ я уже Высочайше учрежденному Комитету честь имѣлъ донести, помню былъ и господинъ Вольховскій; фамилію коего хотя мнѣ тогда и сказывали, но по пресѣщенію (Sic) моихъ съ нимъ сообщеній и по маловажному тогда его вліянію въ разговорахъ вниманія моего не остановилъ особеннаго надъ нимъ. Съ тѣхъ поръ я съ нимъ нигдѣ не встрѣчался и болѣе не слыхалъ о немъ. Тогда равно съ нами приступалъ къ выбору членовъ. Въ сношеніяхъ, какъ мнѣ тогда казалось, онъ былъ болѣе съ Никитой Муравьевымъ и полковникомъ Нарышкинымъ. О мнѣніяхъ его также ничего не могу сказать. Я позже всѣхъ пріѣхалъ и по пріѣзду моему, изложивъ правила въ пріемъ членовъ, сейчасъ приступили къ избранію членовъ Главной Управы, послѣ чего вскорѣ разѣхались; а потому ничего отъ него не слыхалъ на счетъ цѣли общества. Мнѣ кажется, что на томъ совѣщаніи о республиканскомъ правленіи не разсуждали, по крайней мѣрѣ послѣ пріѣзда моего сего не было. Вотъ все, что могу сказать о капитанѣ Вольховскомъ.

Отставной подполковникъ *Поджіо*.

ОТВѢТЪ.

Я у Пуцина въ Петербургѣ не бывалъ съ роду, и потому не могу знать, бывалъ или нѣтъ у него Вальховскій. О сношеніяхъ его съ обще-

*

ствомъ тоже ничего не слыхалъ, и встрѣтился съ нимъ въ 1825 году въ Москвѣ, въ маѣ мѣсяцѣ у Ивана Пущина, но онъ мнѣ рекомендовалъ его не какъ члена, но только соученика по лицу. Видѣлъ я Вальховскаго мелькомъ, такъ что даже мнѣнїи его узнать не могъ; разговоръ былъ о экспедиціи въ Бухарію, куда его приглашали, и мы было хотѣли взять вмѣстѣ мѣсто въ дилижансѣ, чтобы ѣхать въ Петербургъ, но онъ поторопился, и болѣе съ тѣхъ поръ мнѣ слышать о немъ не удалось. Что же касается до совѣщаній общества въ 1823 году, я не могъ имѣть о нихъ свѣдѣнія, тѣмъ менѣе быть на оныхъ какъ *простой* членъ. А вслѣдствіе сего дать о нихъ понятія даже не въ состоянїи.

Штабсъ-капитанъ *Алекс. Бестужевъ.*

Показанія на капитана Гвардейскаго Генеральнаго Штаба
Вальховскаго.

Колл. ассес. Пущинъ:

...Что Вальховскій находился въ совѣщанїи, бывшемъ у него въ 1823 году при выборѣ членовъ въ Сѣверную Управу (Думу). Онъ въ послѣднее время все находился въ откомандировкѣ по службѣ, по обществу никакого участія не принималъ (въ отвѣтахъ 6 мая, пунктъ 3).

Митьковъ (на стр. 9 и въ послѣдн. отвѣт. пунктъ 4):

...Вальховскаго зналъ членомъ общества въ 1821 году и видѣлъ въ собранїи у Пущина при образованїи Думы, потомъ онъ съ прочими членами былъ у него Митькова, когда присоединено къ правиламъ общества стараться изыскивать средства для введенія конституціи.

Князь Трубецкой:

...Называетъ Вальховскаго членомъ Союза Благоденствія, въ 1818 году отставшимъ отъ онаго (на обор. 4 и обор. 33).

Фонъ-деръ Бригенъ:

...Называетъ его членомъ Союза Благоденствія.

Нарышкинъ:

...Что Вальховскій былъ членомъ Союза Благоденствія и находился въ сношенїяхъ съ нѣкоторыми членами въ 1821, 1822 и 1823 годахъ. Мнѣнія его политическія были умѣренны, и въ послѣдніе годы мало участвовалъ въ дѣйствїяхъ общества, находясь неоднократно въ продолжительныхъ откомандировкахъ.

Назимовъ:

...Зналъ Вальховскаго, что онъ членъ общества; встрѣчался съ нимъ у Пущина и Нарышкина, но не помнитъ, чтобы при немъ говорили о дѣлахъ общества. Вальховскій былъ весьма кротокъ и въ словахъ воздерженъ. Политическія его мнѣнія клонились къ монархическому конституціонному правленію; утвердительнаго же участія и въ семь послѣднемъ не обнаруживалъ.

Поджіо подполковникъ:

...Вальховскій былъ на совѣщанїи у Пущина при выборѣ членовъ въ Главную Управу. По маловажному вліянїю его въ разговорахъ Поджіо не обратилъ

своего вниманія на него и потому не знаетъ его мнѣнія. Съ тѣхъ поръ о немъ не слыхалъ.

Сверхъ того называютъ Вальховскаго членомъ общества Матвѣй Муравьевъ-Апостоль, полковникъ Бурцовъ и Аврамовъ.

Гвардейскаго Генеральнаго Штаба о штабсъ-капитанѣ
Вальховскомъ.

Вальховскій въ показаніи, представленномъ по начальству, объяснилъ, что въ 1818 году было ему предложено вступить въ общество «Союзъ Благоденствія», имѣвшій цѣлю благотвореніе и нравственное образованіе членовъ, причемъ объявлено ему было условіе, что ничего въ обществѣ противнаго правительству не заключается. Не видя въ цѣли и дѣйствіяхъ общества ничего противозаконнаго, онъ вступилъ въ оное, но вскорѣ усмотрѣвъ, что оно не соотвѣтствовало пышно возвѣщаемому назначенію своему, сталъ мало по малу охлаждаться, а въ 1820 году участіе его въ ономъ совершенно прекратилось. Потомъ въ 1821 году по возвращеніи его изъ Бухаріи, узналъ, что Союзъ разрушился и съ тѣхъ поръ ни о какомъ другомъ Тайномъ обществѣ не слыхалъ.

Показаніе коллежск. ассес. Пушина, полковника Митькова, Нарышкина, кн. Трубецкаго, Бригена, подполковника Поджіо и штабсъ-капитана Назимова.

Изъ показаній же другихъ обнаруживается, что Вальховскій былъ членомъ Союза Благоденствія и состоялъ въ сношеніяхъ съ обществомъ послѣ 1821 года и участвовалъ въ совѣщаніяхъ, бывшихъ въ 1823 году у Пушина и другихъ членовъ о учрежденіи думы, причемъ выбраны членами оной князь Трубецкой, Никита Муравьевъ и князь Оболенскій и прибавлено къ правиламъ общества слѣдующее: стараться изыскивать средства ко введенію конституціи.

Вѣрно.

Г-нъ дежурный генералъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества отъ 1 августа, № 1310, увѣдомилъ г. Военнаго Министра, что г. начальникъ Главнаго Штаба полагаетъ заключающіяся въ оной (запискѣ) обстоятельности, до капитана Вальховскаго относящіяся, оставить безъ дальнѣйшаго изысканія.

Надворный Совѣтникъ NN.

Приложеніе VI, къ стр. 165.

Слѣдующая судьба Павла Колошина не интересна для біографа Вольховскаго ¹⁾. Но такъ какъ въ нашемъ распоряженіи были бумаги Колошина, относившіяся до декабрьскаго возмущенія и хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ, въ дѣлахъ Верховнаго Уголовнаго Суда надъ декабристами, то мы считаемъ умѣстнымъ подѣлиться съ читателями этими неизданными документами. Кромѣ вопросныхъ пунктовъ, въ этихъ бумагахъ обращаютъ на себя вниманіе автобіографическая записка Колошина и прошеніе, поданное имъ на Высочайшее имя. Сперва приведемъ эти два документа.

¹⁾ Замѣтимъ, что въ «Спискѣ лицъ, кои по дѣду о тайныхъ злоумышленныхъ Обществахъ предаются по Высочайшему повелѣнію Верховному Уголовному Суду, въ силу Манифеста отъ 1 числа іюля сего 1826 г.»—не упоминается вовсе Павелъ Колошинъ.

I. «Я принадлежалъ тайному обществу подъ названіемъ Зеленой Книги или союзъ Благоденствія. Общество сіе рушилось въ 1821 году и съ тѣхъ поръ я никакому другому уже не участвовалъ (?).—О Петербургскомъ обществѣ я ничего не зналъ. Въ сношеніи съ членами онаго я не былъ и переписокъ никакихъ ни съ кѣмъ не имѣлъ. Въ Москвѣ зналъ я Пущина, который по родству даже у меня жилъ. Я неоднократно предостерегалъ его на счетъ рѣчей, слишкомъ вольныхъ и либеральныхъ, не соотвѣтствующихъ моему образу мыслей.—Я узналъ о вступленіи на престолъ Государя Императора Николая Павловича въ день самый моего отъѣзда въ деревню Владимирской губерніи. Въ Москву возвратился я 23 декабря и токмо тогда узналъ о всемъ случившемся въ Петербургѣ.—Все, что знаю, показалъ по истинѣ.—Титулярный Совѣтникъ Павелъ Колошинъ».

II. «Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь! Ободренный позволеніемъ изобразить поступки мои, повергая себя къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, я излагаю здѣсь всѣ обстоятельства, къ настоящему моему положенію относящіяся. Я молю того, кто видитъ мое сердце, да раскроетъ онъ предъ Вашимъ Величествомъ горестныя заблужденія онаго отъ неопытности и необдуманности происшедшія и вовлекшія меня и все мое злополучное семейство въ гибель и самое злѣйшее бѣдствіе, изъ которыхъ одно милосердіе Ваше, Государь, можетъ исторгнуть ихъ и меня.—Находясь въ Гвардейскомъ Генеральномъ Штабѣ, я по приказанію генерала к. Волконскаго въ февраль 1821 года командированъ былъ для особаго порученія къ Г. генералу барону Дибичу.—Черезъ нѣсколько времени проѣзжавшій чрезъ Могилевъ адъютантъ Г. Киселева—Бурцовъ, съ которымъ мы издавна по службѣ и по жительству вмѣстѣ въ Петербургѣ были дружны, извѣстилъ меня о прекращеніи и разрушеніи Союза Благоденствія. Не знаю, бумагу ли мнѣ онъ о семъ показывалъ, или объяснялъ изустно;—и такимъ образомъ въ это время я, сложивъ съ себя званіе члена, спокойно занимался возложеннымъ на меня порученіемъ—составлялъ журналъ военныхъ дѣйствій союзныхъ войскъ 1814 года отъ Рейна до Парижа, имѣя сверхъ того обязанностію давать три раза въ недѣлю уроки въ офицерской школѣ по части географіи. Въ декабрѣ того же года, окончивши данное порученіе и подавши просьбу въ отставку, я оставилъ Могилевъ и отправился чрезъ Москву въ Петербургъ, гдѣ получивъ увольненіе въ январѣ 1822 года, возвратился въ Москву, гдѣ живетъ мое семейство и гдѣ кромѣ родныхъ я почти не имѣлъ знакомыхъ, будучи съ 1812 года на службѣ. Будучи въ этотъ разъ въ С.-Петербургѣ, я видѣлся съ Пущинимъ, у отца котораго жилъ по связямъ близкаго родства, и съ Оболенскимъ, но не толковалъ ни о какихъ намѣреніяхъ или предположеніяхъ касательно общества.—Въ Москвѣ я получилъ мѣсто Совѣтника въ Гражданской Палатѣ. Осенью 1822 года пріѣхалъ кн. Оболенскій и, говоря мнѣ о моихъ занятіяхъ, упомянулъ мнѣ и объ упражненіяхъ политическихъ; но здѣсь я помню, что мой отвѣтъ заключался—что и служебныхъ занятій для меня слишкомъ много, а потому я для другихъ не имѣю особаго времени. Вину сего сложилъ онъ на Москву, гдѣ ничего хорошаго не дѣлается.—Весь этотъ годъ пошелъ безъ всякихъ отъ меня помысловъ такъ же, какъ и 1823 г.: я женился въ сентябрѣ и все время до этого не помышлялъ ни о чемъ другомъ, какъ объ ожидавшемъ меня счастьи, отравившемъ нынѣ бытіе мое и жизнь дорогой для меня жены и почтеннаго ея семейства. Переписка моя вообще была ничтожна, а въ это время, кромѣ извѣщеній о помолвкѣ и потомъ о свадьбѣ съ несчастною женою моею, ничего не было.

«Устроившись въ Москвѣ и зная, что Пущинъ намѣревался служить въ Москвѣ, я предложилъ ему жить у меня. По полученіи назначенія своего онъ въ мартѣ или апрѣлѣ 1824 года пріѣхалъ. Онъ пристально занялся

своею новою службою, а я въ началѣ мая съ женой поѣхалъ въ деревню ея Владимірской; а по болѣзни ея въ августѣ возвратился въ городъ.— Здѣсь то Пущинъ показалъ мнѣ листокъ объ обществѣ соединенныхъ и убѣжденныхъ, которыя я только тогда одинъ разъ до сей минуты видѣлъ.— Я весьма помню, что я ничего не сказалъ ему, прочтя листокъ, и онъ съ тѣхъ поръ, вѣроятно, по неотказу моему, почелъ меня участвующимъ. Часто я ему совѣтовалъ быть осторожнѣе въ рѣчахъ, и также когда вполсѣдствіи посему, такъ сказать, невольному меня сопричтенію я находился въ разговорахъ, до сего относившихся, я старался умѣрять ихъ и мысли и восторги. Далѣе, когда я видѣлся съ г. Майбородою въ первый и единственный разъ при Пущинѣ и Нарышкинѣ, я спросилъ только о томъ, что дѣлается съ Бурцовымъ, о которомъ я давно никакихъ извѣстій не получалъ, кромѣ того, что мы видѣлись съ нимъ, съ Бурцовымъ, въ Москвѣ, въ 1823 году, на весьма малое время, гдѣ я его ссудилъ деньгами 400 рублей, которые онъ мнѣ въ 1826 (?) году возвратилъ. Словомъ сказать, исключительно посвятивъ себя приведенію въ порядокъ дѣлъ семейственныхъ, все свободное время отъ службы занимавшихъ, я съ должнымъ усердіемъ исполнялъ обязанности службы и не имѣлъ ни много времени, ни ревности увлекаться обществомъ,— отъ коего отстраняя себя сколь можно, ни совѣтовъ никакихъ не давалъ и, не распространяя нимало дѣйствія онаго и полагая, что оно также рухнетъ, какъ и прежде, никого въ члены не принималъ и не приглашалъ вовсе, также никакихъ начертаній, кромѣ этого листка, не видалъ, самъ не писалъ, никакихъ пожертвованій не дѣлалъ, особенныхъ какихъ-либо занятій не имѣлъ, не искалъ узнавать ни о силахъ, ни о средствахъ общества, отъ котораго всегда далеко былъ.— Изъ всего вышеобъясненнаго, Ваше Императорское Величество, милостиво усмотрѣть изволите, что я не дѣйствіемъ своимъ виновенъ, а болѣе тѣмъ, что не довелъ о семъ до свѣдѣнія Правительства; и не былъ ни дѣятельнымъ участникомъ, а тѣмъ менѣе первенствующимъ, а инстинкторомъ, и даже весьма мало зналъ, что дѣлалось, и былъ совершенно страдательнымъ, а нынѣ страдающимъ лицомъ.— Прослуживши ровно половину жизни и лишась почти совершенно зрѣнія въ продолженіи службы, я со всѣмъ простодушіемъ и искреннѣйшею откровенностью изложилъ все содѣянное мною, чистосердечное принося раскаяніе, прося лицомъ Бога Всемогущаго, я жребій мой предаю милосерлію Вашего Императорскаго Величества.— Оставя внезапно жену 20 лѣтъ, беременную по 7-му мѣсяцу, имѣющую при себѣ однолѣтняго сына, не простившись даже съ дряхлою престарѣлою матерью, покинувъ больную тещу мою,—граф. Салтыкову,—и тетку графиню Толстую, я сдѣлалъ ихъ всѣхъ несчастными и страдающими выше всякаго описанія. Все сіе семейство... Павелъ Колошинъ. 5 января 1826 г.».

Въ этихъ бумагахъ Колошина нашлась копія съ показанія Пущина и Нарышкина, отобранная отъ нихъ при снятіи съ нихъ допроса въ слѣдственной комиссіи Верховнаго Уголовнаго Суда по дѣлу о декабристахъ, — слѣдующаго содержания:

1826 г. 12 января отъ Присутствія Высочайше учрежденнаго Тайнаго Комитета колл. асс. Пущину вопросн. пункты:

... Объясните, когда и въмъ сей Колошинъ принять былъ въ тайное общество и какое оказывалъ участіе въ дѣйствіяхъ онаго? а также, въ чемъ заключался сказанный листокъ? Кто, вообще, извѣстенъ вамъ изъ членовъ общества и кого сами вы приняли въ оныя? Ген.-ад. Бенкендорфъ.

«На сей вопросный пунктъ честь имѣю отвѣтствовать слѣдующее:— Точно показывалъ я Павлу Колошину листокъ объ обществѣ соединенныхъ и убѣжденныхъ, который заключалъ въ себѣ въ нѣсколькихъ словахъ цѣль и обязанности членовъ общества. Раздѣленіе на *соединенныхъ* и *убѣжденныхъ* было сдѣлано передъ отъѣздомъ моимъ въ Москву въ Петербургской

нашей думѣ съ тѣмъ, чтобы принимаемые члены сначала поступали въ число соединенныхъ, которые не знаютъ убѣжденныхъ, а потомъ уже они выбираться должны во вторую степень, откуда могли быть назначаемы въ члены думы. Я взялъ листокъ сей съ собой въ надеждѣ распространенія общества, но потомъ для предосторожности истребилъ его. Когда я показалъ листокъ сей Колошину, съ которымъ я по давнишнему дружеству и родству былъ очень откровененъ; то онъ прочиталъ его и сказалъ мнѣ, что ему до этого дѣла нѣтъ, а потомъ уже о семъ не было упоминаемо даже въ разговорахъ. Когда же и кѣмъ былъ Колошинъ принятъ въ Тайное общество, я не знаю, слыхалъ только отъ покойнаго Черевина, что было прежде какое-то общество, которому онъ по словамъ сего послѣдняго принадлежалъ, но которое потомъ составлявшими оно объявлено уничтоженнымъ. — Въ продолженіи пребыванія моего въ Москвѣ я никакого дѣйствія со стороны Колошина въ духѣ нашего общества не замѣчалъ, а напротивъ онъ, сдѣлавшись семьяниномъ, отклонялся даже отъ разговоровъ, немного вольныхъ, и вель себя съ чрезвычайною осторожностію. — Вотъ причина, по которой я не показывалъ его членомъ нашего общества, ибо я могу только называть тѣхъ, кои достовѣрно мнѣ извѣстны или мною приняты; а таковыхъ я никого не знаю; кромѣ поименованныхъ въ прежнихъ моихъ показаніяхъ». — Къ сему показанію кол. ас. Пущинъ руку приложилъ. — Ген.-ад. Бенкендорфъ.

1826 года 12 генваря отъ Присутствія Высочайше учрежденнаго Тайнаго Комитета г. полк. Нарышкину вопросн. пунктъ: По словамъ капитана Майборода, вы познакомили его съ Павломъ Колошинымъ, какъ съ членомъ Тайнаго общества. Знакомство сіе утверждаетъ и Колошинъ въ своемъ показаніи. Объясните, когда и кѣмъ сей послѣдній принятъ въ сочлены общества и какое оказывалъ участіе въ дѣйствіяхъ онаго, а также въ чемъ состояла на тотъ разъ бесѣда ваша съ Майбородою и Колошинымъ, при чемъ находился и Пущинъ?

Въ Присутствіе Высочайше утвержденного Тайнаго Комитета полк. Нарышкина рапортъ: «Честь имѣю извѣстить оный Комитетъ, что я зналъ о Г. Колошинѣ, что онъ находился въ тайномъ обществѣ союза Благоденствія; кѣмъ же принятъ неизвѣстенъ, и по совѣсти долженъ объявить, что впоследствии онъ совершенно оставилъ сношенія съ обществомъ. Въ то время, когда Колошинъ, Пущинъ и кап. Майборода находились у меня, сколь могу упомянуть, разговоръ былъ обыкновенный, и когда уже г. Колошинъ уѣхалъ кап. Майборода сообщилъ мнѣ и Пущину, что общество во второй арміи увеличивается и что онъ членомъ онаго, спрашивалъ меня о Москвѣ, на что я ему отвѣчалъ, что мы находимся въ совершенномъ бездѣйствіи. Полк. Нарышкинъ». Ген.-ад. Бенкендорфъ.

Въ тѣхъ же бумагахъ о Колошинѣ находятся вопросные пункты слѣдственной комиссіи по дѣлу о декабристахъ и отвѣты на нихъ Колошина. Вотъ что мы читаемъ въ этихъ документахъ.

«На данные мнѣ вопросы имѣю честь донести:

На вопросъ 3-й. Предсѣдателями и блюстителями Кореннаго совѣта, сколько я знаю, были: кн. Сергѣй Трубецкой, кн. Илья Долгорукой, графъ Ф. Толстой, Глинка: они перемѣнялись такъ, какъ и члены, которые, сколько могу припомнить, были: Глинка, кн. П. Трубецкой, Никита Муравьевъ, А. Муравьевъ, С. Муравьевъ, Бурцовъ, Бригенъ и другіе; я находился также впоследствии членомъ въ 1820, но вскорѣ отправился чрезъ Москву въ Варшаву и возвратясь (?) въ С.-Петербургъ въ генварѣ слѣдующаго года. Точнаго различія въ должности предсѣдателя и блюстителя не могу описать, но предсѣдатель, кажется, распредѣлялъ занятія и собиралъ членовъ, а блюститель долженъ былъ наблюдать за исполненіемъ. Члены были обязаны сообщать

простымъ членамъ о томъ, что положено въ совѣтѣ, но очень часто расходились, не имѣя, что сказать имъ.

«На вопросъ 4-й. Надежды общества заключались единственно въ распространеніи общества числомъ членовъ и повышеніемъ ихъ въ службѣ.— Не знаю, чтобъ кто дѣйствительно изъ высшихъ государственныхъ лицъ находился въ обществѣ, но иногда слыхалъ имена генераловъ: Ермолова, Воронцова, Мордвинова. Пособія заключались въ денежныхъ пожертвованіяхъ каждаго: я только при вступленіи взнесъ 200 руб.

«На вопросъ 5-й. Назначеннаго времени и порядка въ собраніяхъ не было, также и особеннаго для сего мѣста, а по удобствамъ помѣщенія собирались у Ник. Муравьева, у кн. Трубецкаго, у Мирковича, у Глинки, у Алекс. Муравьева, у насъ съ Бурцовымъ. Предметами разсужденія были: придуманіе средствъ къ усиленію общества, къ распространенію благотворительности и узнанію Россіи. Участвовали въ совѣщаніяхъ: двое кн. Трубецкихъ, двое Муравьевыхъ, Алекс. и Никита, двое Муравьевыхъ-Апостоловыхъ, Бурцовъ, кн. Оболенскій, Пущинъ, Кошкуль, Годаинъ, Мирковичъ, Тургеневъ, Горсткинъ, ф.-Визиныхъ двое, Бригенъ, Семеновъ, Нарышкинъ и другіе, коихъ именъ не могу вспомнить».

Вопросъ 8-й. Въ 1821 г. общество сдѣлало ложный видъ уничтоженія онаго; но съ тѣхъ самыхъ поръ оно приняло болѣе рѣшительный характеръ своего существованія. Извѣстны ли вамъ были его совѣщанія и предположенія? Гдѣ и у кого преимущественно происходили совѣщанія и кто особенно раздѣлялъ оныя?

Вопросъ 10-й. Пущинъ показывалъ вамъ листокъ объ обществѣ *соединенныхъ и убѣжденныхъ*. Не упомните ли кто былъ означенъ на семъ листочкѣ, по какому поводу и съ какимъ намѣреніемъ онъ вамъ показывалъ его?

«На вопросы 8 и 10. Въ 1821 г. какъ я имѣлъ счастье изъяснить во всеподданнѣйшемъ письмѣ моемъ Его Императорскому Величеству, извѣстившись на бумагѣ или на словахъ о разрушеніи Союза Благоденствія, я почелъ себя совершенно свободнымъ отъ вліянія всякаго общества и занимался до 1822 г. въ Могилевѣ порученіемъ, даннымъ г. ген.-л. барономъ Дибичемъ. Въ 1822 г. по выходѣ въ отставку прибылъ въ Москву (гдѣ всегда живутъ мои родные); я вступилъ въ гражданскую службу; и хотя видѣлся съ княз. Оболенскимъ, но на вопросъ о политическихъ занятіяхъ отозвался неимѣніемъ времени; такъ что дѣйствительно до мая мѣсяца одни книги русск. практическаго законодательства, а со времени вступленія въ должность, занятія по оной, не давали минуты ни заниматься другими книгами и помышлять объ обществѣ, ни о чемъ подобномъ: 1823-й годъ протекъ въ приготовленіяхъ къ женитбѣ моей.—Пущинъ, пріѣхавшій въ 1824 году, показалъ мнѣ упомянутый листокъ (NB я этого листка съ тѣхъ поръ не видалъ), на которомъ написанъ былъ prospectus общества соединенныхъ (но именъ не было вовсе) вѣроятно съ тѣмъ, чтобы присоединить меня. Не сказавъ ему, что я охотно принимаю, ни отказавши словомъ: *не хочу*, я уже открылъ эту коробку Пандоры.—Оставя всѣ замыслы, занимающіе пылкую и праздную молодость, имѣя характеръ болѣе робкій, нежели рѣшительный, отважный, замысловатый,—я въ семействѣ нашелъ истинное счастье».

Вопросъ 14. Не извѣстно ли вамъ что-либо о существованіи тайныхъ обществъ въ Малороссіи, въ Польшѣ и внѣ Россіи? Кто говорилъ вамъ о томъ?

«На вопросъ 14. Живши прежде отставки въ С.-Петербургѣ, слышалъ о Зеленой Лампѣ—въ С.-Петербургѣ и Тугендъ-Бундѣ въ Пруссіи, но никакихъ подробностей не знаю.—... П. Колошинъ».

ПИСЬМА

ВЛАДИМИРА ДМИТРИЕВИЧА ВОЛЬХОВСКАГО

КЪ

БАРОНУ ГРИГОРИЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ РОЗЕНУ,

НАЧАЛЬНИКУ

ОТДѢЛЬНАГО КАВКАЗСКАГО КОРПУСА.

Печатая ниже письма В. Д. Вольховскаго къ Григорію Владиміровичу Розену, мы нашли нужнымъ дать нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о баронѣ Розенѣ, которыя не могли войти въ текстъ біографическаго очерка о Вольховскомъ.

Григорій Владиміровичъ Розенъ началъ службу въ 1788 году, сержантомъ въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскомъ полку; въ 1797 г. произведенъ въ первый офицерскій чинъ. Съ 1805 г., въ теченіе 10 лѣтъ, находился въ дѣйствующей арміи; при чемъ въ послѣдніе годы Наполеоновскихъ войнъ, въ чинѣ генерала, имѣлъ немалое значеніе въ дѣйствующей арміи. Первое сраженіе, въ которомъ участвовалъ Розенъ, была битва при Аустерлицѣ—20 ноября 1805 года, и за этотъ первый боевой урокъ ему была Высочайше пожалована золотая шпага съ надписью: «за храбрость». Въ Шведскую войну 1809 г. баронъ Розенъ находился почти всегда въ авангардныхъ войскахъ; въ началѣ 1812 г. ему, какъ боевому генералу, былъ порученъ аррьергардъ регулярныхъ войскъ 1-ой Западной арміи. Подъ Бородинымъ баронъ Розенъ, въ чинѣ генералъ-маіора, командовалъ частью гвардіи и затѣмъ, при движеніи нашей арміи отъ Бородина, онъ со славою выполнилъ весьма трудное назначеніе начальника пѣхоты въ аррьергардѣ нашей арміи. При отступленіи Наполеона изъ Москвы, генералъ Розенъ былъ постоянно въ тѣхъ отрядахъ, которые тревожили и истребляли французскую армію. За сраженіе подъ Краснымъ 5 ноября получилъ орденъ Георгія 3-й степени. Послѣ изгнанія Наполеона изъ Россіи участвовалъ во всѣхъ главнѣйшихъ сраженіяхъ его послѣднихъ войнъ: Люценѣ, Бауценѣ, Кульмѣ, Лейпцигѣ и проч. Въ періодъ мира Европы, послѣ 1815 г., Розенъ занимался устройствомъ тѣхъ частей войскъ, которыми командовалъ. 20 февраля 1818 г. произведенъ въ генералъ-адъютанты. 11 мая 1821 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ 15 пѣхотной дивизіи. 22 августа 1826 г. назначенъ командиромъ одного изъ пѣхотныхъ корпусовъ, съ производствомъ въ генералъ-отъ-инфантеріи. Въ 1827 г., 27 октября, баронъ Розенъ былъ назначенъ командиромъ 6-го пѣхотнаго корпуса (Литовскаго), съ которымъ во время польской войны 1831 г. побѣдо-

носно участвовалъ въ сраженіяхъ при Добрѣ и Гроховѣ. Подъ Вавромъ 6 корпусъ повесъ чрезвычайный уронъ, тѣмъ не менѣе Розенъ въ непродолжительномъ времени вновь устроилъ вѣрными ему войска и за послѣднюю кампанію 1831 года удостоился одной изъ высшихъ наградъ для воина — Св. Георгія 2-ой степени. Въ 1831 же году, 13 сентября, находясь въ чинѣ генераль-отъ-инфантеріи и въ званіи генераль-адъютанта, баронъ Розенъ былъ назначенъ командиромъ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса ¹⁾).

Катастрофа, случившаяся съ барономъ Розеномъ на Кавказѣ, намъ уже болѣе или менѣе извѣстна. Оставляя Кавказъ, Розенъ былъ назначенъ сенаторомъ. Какъ объ этомъ событіи, такъ и о послѣднихъ дняхъ его жизни мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ запискахъ его дочери, игуменіи Митрофаніи. Проводивъ Государя до границы Кавказа, Розенъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Государь отставки не далъ, а назначилъ его сенаторомъ въ Москву до поправленія здоровья. Въ этотъ день съ Розеномъ случился легонькій ударъ, разбившій его параличемъ, сведшимъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ могилу. Въ Москвѣ поселились въ Петровскомъ дворцѣ, предоставленномъ Императоромъ, гдѣ Розенъ и скончался, лишенный послѣдніе дни владѣнія языкомъ, 20 августа 1841 года ²⁾). Послѣ смерти обнаружилось трогательное сочувствіе сослуживцевъ и всѣхъ его знавшихъ. За гробомъ шла многочисленная толпа; послѣ погребенія болѣе 6 недѣль на могилѣ дежурили іеромонахъ, такъ какъ многіе желали поклониться его праху и отслужить панихиду на мѣстѣ упокоенія. Императоръ приказалъ уплатить всѣ долги, которые, по словамъ дочери, простирались до 200/т. рублей; вдовѣ пожаловалъ 5/т. руб. пенсіи, а дочь назначилъ фрейлиною. (Записки баронессы П. Г. Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи. — «Рус. Стар.» за 1902 г., т. 109, январь, стр. 42—43).

¹⁾ Кавказскій календарь на 1869 г. Тифлисъ. 1868. Стр. 65—67. — «Рус. Стар.» за 1902 г., январь, т. 109, стр. 36.

²⁾ Ред. «Рус. Стар.» исправляетъ дату смерти Розена, указанную его дочерью, ссылкой на формуляръ, гдѣ показано, что баронъ Г. В. Розенъ скончался 6 августа 1841 года.

Письма генерала Вольховскаго.

Милостивый Государь,

Баронъ Григорій Владиміровичъ.

№ 1. Вчерашняго числа прибывъ сюда я имѣлъ честь сообщить Генералу Вельяминову копію съ отношенія Г. Военнаго Министра къ Вашему Высокопревосходительству касательно Высочайше утвержденнаго плана дѣйствій на Кавказѣ и то, что я удостоился словесно слышать о семъ предметѣ отъ Государя Императора. Его Превосходительство обѣщаетъ дня черезъ два окончить свое Вамъ представленіе о дѣйствіяхъ въ семъ году, которое поспѣшу привезти въ Тифлисъ. Между тѣмъ считаю нужнымъ для выигранія времени сообщить Вашему Высокопревосходительству, что при послѣднемъ представленіи моемъ Государь Императоръ изволилъ сказать, что хотя въ Персіи нынѣ покойно, но по преклонности лѣтъ Шаха положеніе оной ненадежно; почему нельзя оставлять безъ вниманія происходящее тамъ. Нынѣ Его Величеству угодно, чтобы Ваше Высокопревосходительство узнали подъ рукою о настоящей цѣли прибытія и особенно поѣздки въ Англію Персидскаго Посланника, коего разрѣшено принять къ намъ.

Весенніе входы и травы въ Кавказской области были довольно хороши, но теперь около трехъ недѣль продолжается засуха, и если она не прекратится, то область подвергнется новымъ бѣдствіямъ ¹⁾...

11 мая 1833 года. Ставрополь.

№ 2. Полагая, что нарочный сегодня отправляемый явится къ Вашему Высокопревосходительству 30 числа, осмѣливаюсь принести Вамъ усерднѣйшее поздравленіе съ симъ днемъ и искреннѣйшія желанія о совершенномъ благополучіи Вашемъ.

¹⁾ Мы опускаемъ окончаніе писемъ, а въ послѣдующихъ—и имя и отчество барона Розена.

Вчера я имѣлъ честь получить письмо Ваше отъ 22 числа: бумаги въ С.-Петербургъ отправлены въ слѣдъ за Экстра-Почтою до Ставрополя, но полагаю, что нагонять оную даже въ Владикавказъ.

Полагая, что г. Чекменевъ отправляетъ къ Вамъ газеты, я не послалъ вмѣстѣ съ Экстра-Почтою бюлетеней о здоровьѣ Государя, но узнавъ противное я прилагаю листы Сѣверной Пчелы заключающія сіи извѣстія по 3 сентября.

Я объявилъ Полковнику Баумеру о желаніи Вашемъ, чтобы онъ встрѣтилъ Васъ въ Ацхурахъ и Ахалцыхъ: онъ мнѣ сказалъ, что онъ уже писалъ къ Вамъ о положеніи жены своей, которая на дняхъ должна родить, что его задержать здѣсь нѣкоторое время. Онъ весьма желалъ бы, чтобы Вы посѣтили теперь Гумры, дабы видѣть успѣхи работъ и личнымъ обзорѣніемъ поддержать то мнѣніе, которое Вамъ угодно будетъ принять касательно новыхъ перемѣнъ въ постройкѣ сей крѣпости; такъ какъ Вы уже изволили видѣть мѣстность оной, то кажется о послѣднемъ предметѣ можно рѣшиться и по однимъ планамъ.

Вмѣстѣ съ Экстра-Почтою я представилъ Вашему Высокопревосходительству отношеніе Воен. Министра о мнѣніи Вашемъ касательно ускоренія дѣйствій за Кубанью и по берегу Чернаго моря: некомплектъ Корпуса нынѣ простирается свыше 24/т. человекъ; если въ теченіи 1837 года поступитъ достаточное число людей для укомплектованія онаго, то кажется дѣйствующій отрядъ за Кубанью можно будетъ въ 1838 году усилить 10/т. и даже 12/т.

Подполковникъ Левковичъ пріѣхалъ сюда, дабы лично увѣрить, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ принимаетъ назначеніе въ баталіонные командиры въ Гелендингъ, и проситъ только о скорѣйшемъ туда отправленіи, сообразно съ чѣмъ и заготовлены бумаги на благоусмотрѣніе Ваше.

Сей часъ былъ у меня капитанъ Мыловъ: повозками къ 15-му октябрю можно будетъ проѣхать по новой дорогѣ, выключая трехъ мѣстъ по ту сторону горъ, гдѣ не сдѣланы мосты ¹⁾).

№ 3. Будучи нѣсколько задержанъ въ Москвѣ собственными дѣлами моими я только 17 числа прибылъ сюда. На другой день имѣлъ честь представить отношенія Вашего Высокопревосходительства Г. Военному Министру, равно явился къ Графамъ Орлову, Бенкендорфу, особенно о Васъ интересовавшимся. Князь Варшавскій удостоилъ меня также благосклоннымъ приѣмомъ. 19-го числа мнѣ назначено было представиться Государю Императору, но только сегодня я удостоился сего счастья. Его Величество изволилъ сказать, что онъ прочелъ уже предположенія Вашего Высокопревосходительства

¹⁾ Безъ означенія года, числа и мѣста.

и вообще одобряет оныя, но не находит возможным отдѣлить для Кавказскаго края новыхъ войскъ, и ненадѣется, чтобы для предположенныхъ въ I-мъ періодѣ шести отрядовъ нашлись достаточно способные начальники, которые дѣйствовали бы согласно между собою, почему и предпочитаетъ предварительно провести линію отъ Ольгинскаго Редута къ Геленджику и ограничиться на первый разъ дѣйствіями противъ Закубанцовъ ближайшихъ къ оной, прокладывая между тѣмъ и береговое сообщеніе по Абхазіи и далѣе къ Геленджику и Анапѣ, къ чему и приступить и въ нынѣшнемъ году. Предположеніе о переформированіи Корпуса Его Величество вполне соизволилъ одобрить, но съ тѣмъ, чтобы Князя Варшавскаго полкъ оставался пѣхотнымъ, а Тифлискій Егерскимъ: Линейные баталіоны получаютъ образованіе испрошенное Вашимъ Высокопревосходительствомъ, но будутъ именоваться Кавказскими, Черноморскими и Грузинскими. Рабочіе команды назначаются въ полки, но не въ видѣ ротъ особенныхъ. Предложенную систему дѣйствій противъ Горцевъ Его Величество изволилъ также одобрять. Казенныхъ крестьянъ Кавказской области соизволяетъ обратить въ козаки (Sic), если не встрѣтятся особенныхъ препятствій со стороны Министерства Финансовъ. Вотъ краткое неполное и можетъ быть не совѣмъ точное изложеніе всего мною слышаннаго. Я былъ изумленъ съ какою быстротою и внимательностію Его Величество такъ скоро ознакомился съ симъ краемъ: какъ превосходно о всемъ судилъ Онъ и какимъ прекраснымъ русскимъ языкомъ! Это достопамятный для меня день: я видѣлъ Государа достойнаго Первой въ свѣтѣ Имперіи. Подробностей всего слышаннаго немогу описать, лично буду имѣть честь сообщить оныя. Меня Его Величеству благоугодно было удостоить милостивымъ вниманіемъ Своимъ. Я получилъ дозволеніе ѣхать въ Ревель, дабы жениться до поста: почему по первому весеннему пути надѣюсь обратно отправиться къ Вамъ. Изъ Ревеля буду имѣть честь подробнѣе писать Вашему Высокопревосходительству: теперь усталость вырываетъ перо изъ рукъ;—а между тѣмъ и лошади готовы.

Александра и Дмитрія Григоровичей я нашелъ совершенно здоровыми. Князь Михаилъ Александровичъ принимаетъ извѣстное Вамъ участіе въ нихъ и въ Васъ...

19-го февраля 1834 года. Тифлисъ ¹⁾.

№ 4. Совершивъ благополучно въ Ревелѣ свадьбу свою на дняхъ возвратился я сюда: Г. Военный Министръ объяснивъ мнѣ Высочайшія предназначенія о дѣйствіяхъ за Кубанью поручилъ составить о семъ предметѣ

¹⁾ Это, вѣроятно, ошибка. Письмо писано изъ С.-Петербурга.

записку, равно изложитъ мнѣніе о сообщеніи съ Грузіею посредствомъ Чернаго моря. Сегодня надѣюсь представить оныя Его Сіятельству, копіи же отправлю къ Вашему Высокопревосходительству чрезъ Графа Цукато, на дняхъ отсюда отъѣзжающаго. Генераль Клейнмихель потребоваль отъ меня соображенія о новомъ составѣ Артиллеріи Кавказскаго Корпуса, копію съ коего тоже буду имѣть честь представить Вашему Высокопревосходительству.

Проектъ о переобразованіи Корпуса, по предположенію Вашему, на дняхъ долженъ быть приведенъ въ исполненіе: Государю угодно, чтобы изъ 20-й вынѣшной дивизіи нижніе чины, получившіе Георгіевскіе кресты въ Турецкую кампанію были отправлены въ составъ полковъ своихъ въ Россію, вмѣстѣ съ знаменами тѣхъ баталіоновъ, кои образуются въ линейные: у меня спрашивали не встрѣтится ли къ сему какого препятствія; я счелъ нужнымъ отвѣчать на сіе утвердительно, дабы ускорить приведеніе въ исполненіе переобразованія Корпуса; кажется дѣйствительно нѣтъ никакого неудобства исполнить сіе, ибо потеря 100—150 старыхъ солдатъ для Корпуса не можетъ быть чувствительна.

Означенныя сдѣланныя мнѣ порученія лишали меня возможности въ сіи дни видѣть кого-либо кромѣ начальствующихъ лицъ: посему ничего другаго любопытнаго не могу сообщить Вамъ. Здѣсь полагаю остаться до Апрѣля мѣсяца, ибо прежде неуспѣю окончить частныхъ дѣлъ моихъ: потомъ путешествіе мое постараюсь ускорить по возможности.

Въ увеличеніи столовыхъ денегъ Генералу Степанову отказано; объ арендѣ и дѣтяхъ Романа Федоровича представленіе еще въ докладѣ.

Александра Григорьевича я видѣлъ, онъ здоровъ и весьма желалъ бы служить не въ Петербургѣ. Дмитрій Григорьевичъ за городомъ...

13-го Марта 1834 года. С.-Петербургъ.

№ 5. Согласно съ письмомъ моимъ къ Вашему Высокопревосходительству отъ 13-го числа сего мѣсяца честь имѣю представить: а) Записку о проложеніи Геленджикской линіи и дополненіе къ оной, составленныя по приказанію Г. Военнаго Министра. Такъ какъ Его Сіятельство изволилъ объявить мнѣ, что Государь неизволитъ находить возможнымъ для переселеній за Кубань употреблять общіе государственные доходы, а желаетъ чтобы сіе дѣлалось на доходы Закавказскіе, то я долженъ былъ по приказанію Графа Чернышева упомянуть о семъ предметѣ. б) Записку о сообщеніи съ Грузіею посредствомъ Чернаго моря составленную также по приказанію Его Сіятельства для Высочайшаго усмотрѣнія. в) О полевой пѣшей артиллеріи Кавказскаго Корпуса, составленную по приказанію Г. Дежурнаго Генерала и д) О составѣ 20-й и 21-й полевыхъ артиллерійскихъ нашихъ бригадъ,

представленную собственно мною, ибо неудобства перемѣщать безъ надобности артиллерію съ Линіи за Кавказъ и обратно столь очевидны, что я осмѣлился изложить сіе неспросясь разрѣшенія Вашего для выигранія времени, ибо кажется Государю угодно, чтобы въ нынѣшнемъ году начаты были дѣйствія за Кубанью.—Бумаги сіи я намѣревался отправить съ Графомъ Щукато, вчера выѣхавшимъ отсюда, но предпочитаю послать ихъ по почтѣ, ибо скорѣе дойдутъ.

Я писалъ къ Вашему Высокопревосходительству, что Ген. Красовскій уѣхалъ отсюда, но вчера встрѣтилъ его на разводѣ; онъ здѣсь былъ долго болѣнъ.—Здѣсь всемъ извѣстно желаніе его быть въ Грузіи, но все также говорятъ, что онъ неможетъ въ семъ успѣть: въ недавнемъ времени Великій Князь изъявилъ ему публично неудовольствіе за то, что въ 4-мъ Корпусѣ нѣтъ учебныхъ командъ.

Вчера я видѣлъ Александра и Дмитрія Григоричей. Первый говоритъ, что иногда чувствуетъ боль въ груди отъ продолжительныхъ ученій. Весьма хорошо было-бы облегчить ему на нѣкоторое время службу: переговора о семъ съ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ буду писать къ Вамъ...

19-го Марта 1834 года. С.-Петербургъ.

№ 6. Флигель-Адъютантъ Полковникъ Князь Урусовъ спрашивалъ меня о братѣ своемъ: я ему объяснилъ съ полною откровенностію, что по несчастному нраву своему онъ безпрестанно дѣлаетъ другимъ непріятности, а начальникамъ своимъ безпокойства. Объ немъ отправленъ къ Вашему Высокопревосходительству запросъ, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ одобрительнаго отзыва Вашего перевести его въ Россію на службу: родственники его просятъ Ваше Высокопревосходительство неотказать имъ въ семъ снисхожденіи: они надѣются, что возвращеніе къ нимъ послужитъ ему въ пользу во всехъ отношеніяхъ. Брату его я отвѣчалъ, что зная постоянную Вашу готовность дѣлать всякое зависящее отъ Васъ добро и видѣвши благосклонное Ваше къ нему вниманіе не сомнѣваюсь, что Вы удовлетворите ихъ желанію. Братъ его просилъ меня объяснить Вашему Высокопревосходительству, что Вы много ихъ обяжете снисходительнымъ Вашимъ отзывомъ о молодомъ Князѣ.

Вашему Высокопревосходительству вѣроятно извѣстно, что по представленію Вашему Роману Федоровичу пожалована аренда по чину; о дѣтяхъ его продолжается переписка съ Статсъ-Секретаремъ Императрицы. Генералу Степанову отказано въ увеличеніи столовыхъ денегъ...

20 Марта 1834 года. С.-Петербургъ.

№ 7. Третьяго дня Министръ Финансовъ пригласилъ меня къ себѣ и нѣсколько говорилъ о нашемъ краѣ. Подробности сего разговора буду имѣть

*

честь сообщить Вашему Высокопревосходительству впослѣдствіи, но я замѣтилъ что кажется Его Сіятельство желаетъ, чтобы въ мысляхъ Вашихъ о Кавказѣ было болѣе единства съ нимъ: по мнѣнію лицъ преданныхъ Вамъ, для успѣшнѣйшаго теченія дѣлъ необходимо сблизиться съ нимъ.

О переформированіи Корпуса будетъ на дняхъ въ Приказѣ. Производство по Корпусу вышло, при семъ честь имѣю представить Приказъ объ ономъ. Выписка изъ плана Вашего о дѣйствіяхъ въ горахъ сообщена Князю Паскевичу, который мнѣніе объ ономъ представить до отъѣзда своего въ Варшаву, назначеннаго завтрашняго числа, кажется Его Свѣтлость желаетъ, чтобы въ нынѣшнемъ году было приступлено къ продолженію Геленджикской линіи, въ такомъ случаѣ необходимо будетъ ускорить переформированіе войскъ, приведеніе въ исполненіе коего предоставляется Вашему Высокопревосходительству; руководствомъ можетъ служить проектъ переформированія пѣхоты Высочайше утвержденный въ прошедшемъ году и разосланный повсемѣстно.

Вчера я имѣлъ удовольствіе видѣть Александра и Дмитрія Григоровичей; но Князя Михаила Александровича небыло дома.—Г. Влангали очень болѣнъ, онъ собирался ѣхать въ Варшаву, но теперь утверждаетъ что поспѣшить въ Тифлисъ.

Покорнѣйше прося Васъ засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе Милостивой Государынѣ Елизаветѣ Дмитриевнѣ, съ таковымъ же и къ Вамъ, равно и

27 Марта 1834 г. С-Петербургъ.

Р. S. Въ семействѣ Г.г. Олениныхъ мнѣ рекомендованъ Г. Петровъ, весьма желающій служить въ Грузіи; объ немъ отзываются какъ о человѣкѣ честныхъ правилъ и чиновникѣ способномъ и опытномъ: посему я осмѣлился принять отъ него прилагаемую записку, писанную и переписанную имъ самимъ. Мнѣ понравился его откровенный и простой образъ объясненія: Ваше Высокопревосходительство сдѣлаете ему благодѣяніе, вызвавъ его въ Грузію на общемъ основаніи; кажется онъ можетъ быть съ пользою употребленъ. Я ему объяснилъ, что если Вы изволите согласиться потребовать его, то онъ долженъ будетъ нѣкоторое время оставаться безъ назначенія, покуда Ваше Высокопревосходительство не испытаете къ чему онъ можетъ быть способенъ.

Le Général Adlerberg intéresse particulièrement à M-r Catenene.

№ 8. Предъидущее письмо мое къ Вашему Высокопревосходительству писалъ я почти въ изнеможеніи отъ хлопотъ служебныхъ, общественныхъ и домашнихъ: незнаю найдете ли оно довольно вразумительнымъ. Теперь считаю нужнымъ сообщить еще нѣкоторыя подробности: При представленіи моемъ Государь послѣ обыкновеннаго привѣтствія изволилъ сказать: всего фоліанта.

Вашего я не успѣлъ еще прочесть, но разсмогрѣлъ собственные предположенія Барона Григорія Владиміровича. Я совершенно одобряю оныя и пр. Въ заключеніе Его Величество присовокупилъ, что изволилъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, по которымъ поручить Гр. Чернышеву спросить у меня поясненій. По возвращеніи моемъ изъ Ревеля Государь прочелъ Ваши бумаги прежде Графа Чернышева и главнѣйшія обстоятельства изволилъ уже рѣшать, какъ я имѣлъ честь Вамъ сообщить. Сіе ясно показываетъ съ какою неимовѣрною дѣятельностію Государь самъ всею занимается и какъ мало имѣютъ вліянія въ важныхъ обстоятельствахъ самыя приближенныя къ Нему лица. На нынѣшній годъ кажется Его Величеству угодно начать дѣйствія осенью въ Абхазіи, а будущюю весною за Кубанью. Первое совершенно легко исполнить, можетъ быть ненужно ли потребовать одинъ лишній транспортъ. Г. Вакульскій обѣщаль доставить свое предположеніе для сей экспедиціи. По знанію его мѣстности оно можетъ быть не бесполезно. Распредѣленіе рекрутъ кажется нужно измѣнить, и такъ какъ все баталіоны 20-й дивизіи причисляются къ Корпусу, то ихъ nebude ли полезно укомплектовать на равнѣ съ прочими войсками, безъ сего будетъ затруднительно весною 1835 года начать на линіи дѣйствія: я полагалъ бы въ Грузіи оставить некомплекта по 120 человекъ на баталіонъ, тогда бы и войска на линіи (по новому образованію) уравнились съ ними; и къ будущему году удобнѣе будетъ требовать укомплектованія всего Корпуса, урвненнаго въ числѣ людей. Такъ какъ Князя Паскевича полкъ перейдетъ въ Шушу, то женатыхъ онаго людей можно будетъ перевести въ Тифлискій полкъ. Ген. Клейнмихель говорилъ мнѣ, что сіе можно сдѣлать неиспрашивая разрѣшенія отсюда, ибо вообще желаютъ, чтобы Г.г. начальники войскъ дѣлали сами все отъ нихъ зависящее. Я съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣлъ въ Петрѣ Андреевичѣ человека отлично способнаго и несмотря на разнообразность своихъ занятій весьма ознакомившагося съ положеніемъ нашего края и Кавказскаго Корпуса.

Г. Чевкинъ неимѣлъ случая привести въ движеніе сдѣланныхъ имъ въ Грузіи замѣчаній: Михайла Александровичъ отдастъ полную справедливость преданности его къ Вамъ. О перемѣнахъ въ Главномъ Управленіи Грузіи, сколько отъ многихъ слышалъ, слухи возникали въ низшей атмосферѣ интригъ, но сверху ничего подобнаго и замѣтить нельзя было. Ген. Красовскій, какъ увѣряютъ, не въ большой милости при дворѣ и самъ обнаруживаетъ свое неудовольствіе. Онъ находится въ Петербургѣ на неопредѣленное еще время. Странно, что окружающіе Ген. Панкратьева часто въ Варшавѣ распускаютъ нелѣпыя новости о Кавказѣ, которыя какъ увѣряютъ, занимаютъ его самаго...

Письмо безъ означенія года, мѣсяца, числа и мѣста.

Поручая себя милостивому воспоминанію Вашему съ извѣстными **Вашему**

Высокопревосходительству и неизмѣнными чувствами почтенія, преданности и благодарности остаюсь на всегда всепокорнѣйшимъ слугою.

№ 9. Съ сожалѣніемъ долженъ извѣстить Ваше Высокопревосходительство, что Г. Влангали сдѣлался жертвою болѣзни своей: 30 Марта онъ скончался. Объ обеспеченіи положенія семейства его заботится Константинъ Владиміровичъ; все здѣсь оставшееся послѣ него сохранено надлежащимъ образомъ.

По сей почтѣ отправляются къ Вамъ приказъ и положеніе о переформированіи пѣхоты нашего Корпуса. Теперь изготовляется повелѣніе о дѣйствіяхъ въ горахъ: кажется Государю угодно, чтобы оныя начаты были въ текущемъ году; посему необходимо ускорить переформированіемъ войскъ, которое предоставляется совершенно Вамъ. Такъ какъ Полковникъ Говень вѣроятно много занятъ, несчтете ли Ваше Высокопревосходительство полезнымъ возложить сіе на кого-либо изъ Генераловъ въ Тифлисъ находящихся Байкова, Томашевскаго или кого другаго?

Про Романъ Федоровича Генераль Клейнмихель сказывалъ мнѣ, что онъ остается въ распоряженіи Вашемъ до назначенія Военнымъ Губернаторомъ въ Тифлисъ или другое какое мѣсто.—Къ намъ отправился на дняхъ Генераль Ланской, лишившійся дивизіи въ 1-мъ Корпусѣ. Я многихъ о немъ спрашивалъ; всѣ единогласно считаютъ его человѣкомъ благороднымъ, благонамѣреннымъ и довольно способнымъ, равно и хорошимъ военнымъ офицеромъ. Вѣроятно Генераль Реуттъ поѣдетъ въ отпускъ и во всякомъ случаѣ можетъ быть будетъ уклоняться отъ командованія въ Дагестанѣ, по новому составу Корпуса ему доставшагося.—Незамѣнитъ ли его тамъ съ пользою Г. Ланской: я спрашивалъ Ген. Клейнмихеля не встрѣтятся ли неудобства въ употребленіи его подобнымъ образомъ, и получилъ въ отвѣтъ, что онъ считаетъ сіе совершенно возможнымъ и приличнымъ, при семъ Его Пр. отозвался о Г. Ланскомъ весьма одобрительно, приписывая безпорядки бывшіе въ его дивизіи единственно тому, что онъ желалъ самъ все сдѣлать, мало прибѣгая къ содѣйствію бригадныхъ командировъ, отъ чего и произошли упущенія въ полкахъ.

Для выигранія времени я было хотѣлъ здѣсь просить объ обращеніи Анапурскаго Карантина для штаба Грузинскаго Линейнаго № 15 баталіона, но незная въ точности Вашихъ о семъ зданіи предположеній удержался отъ сего, кажется Ваше Высокопревосходительство можете приказать сдать оное, хотя временно въ Военное вѣдомство, что облегчило бы весьма формированіе новаго Линейнаго баталіона.—Не можно ли оный дать Г. Маслову, дежурному штабъ-офицеру Генерала Байкова? если онъ довольно опытенъ по строевой части: сей баталіонъ будетъ на виду и долженъ имѣть начальника, особенно надежнаго.

Г. Вице-Канцлеръ призывалъ меня къ себѣ, и говорилъ о Грузіи, Кавказѣ и Персіи. Мысли его о послѣдней согласны съ представленіями Вашими по случаю кончины Аббасъ-Мирзы. Его Сіятельство сожалѣлъ, что до отъѣзда Вашего въ Грузію Вы небыли здѣсь, дабы объясниться о видахъ Министерства о Кавказскомъ краѣ, и что и нынѣ Персидскія дѣла не дозволили Вамъ пріѣхать сюда. Кажется Вамъ необходимо нужно побывать здѣсь, дабы уничтожить могущія здѣсь быть не многія предубѣжденія и недоразумѣнія, особенно или почти единственно со стороны Министра Финансовъ, Князя Паскевича и можетъ быть по связи съ симъ послѣднимъ и отъ Г. Вице-Канцлера: удобнымъ случаемъ можетъ быть торжество предназначенное въ Августѣ мѣсяцѣ по случаю открытія памятника Императору Александру. Другія и низшія противодѣйствія Вамъ кажется ничтожны.

Генераль Адлербергъ поручилъ мнѣ словесно просить Васъ о доставленіи Г. Катенину полка, полагая что онъ не менѣе другихъ способенъ командовать онымъ. Для выигранія времени я осмѣливаюсь о семъ теперь сообщить Вамъ, ибо ненадѣюсь быть къ Вамъ прежде половины Мая: отправиться отсюда полагаю около половины нынѣшняго мѣсяца, но въ дорогѣ вѣроятно пробуду довольно долго.

Я былъ третьяго дня у Князя Михаила Александровича, и видѣлъ Александра и Дмитрія Григорьевичей: о здоровьѣ перваго Вамъ писалъ уже Князь; я могу только удостовѣрить Васъ, что о немъ прилагаются всевозможныя попеченія. Князь и Княгиня заботятся о немъ какъ о собственномъ сынѣ. Дмитрій Григорьевичъ кажется еще здоровѣе и свѣжѣе нежели былъ въ Тифлисѣ...

Г. Влудовъ призывалъ меня для объясненія о карантинныхъ линіяхъ въ Кавказскомъ краѣ: я ему сказалъ, что вѣроятно онъ вскорости получитъ отъ Васъ проектъ о семъ предметѣ, коимъ въ Комитетѣ Министровъ много занимаются.

3-го Апрѣля 1834 года. С.-Петербургъ.

№ 10. Сегодня я имѣлъ счастье представляться Государю: Его Величество изволилъ мнѣ изустно объяснить все Свои предположенія, изложенныя въ отношеніи къ Вашему Высокопревосходительству Г. Военнаго Министра отъ 4-го числа сего мѣсяца за № 305, отправляемомъ къ Вамъ съ сегодняшнимъ фельдъегеромъ. Я буду имѣть честь въ подробности сообщить все мною слышанное отъ Его Величества, что меня исполнило еще большаго удивленія къ высокимъ достоинствамъ Его: предварительно же считаю нужнымъ увѣдомить Васъ, что Государю непремѣнно угодно, чтобы дѣйствія

наши за Кубанью были начаты въ семь году продолженіемъ Геленджикской линіи. Для выигранія времени Его Величеству угодно было приказать снабдить меня копіею съ означеннаго отношенія къ Вамъ Военнаго Министра, съ тѣмъ, чтобы я предъявилъ оное Генералу Вельяминову, а сей сообразя во всѣхъ отношеніяхъ планъ дѣйствій, указанныхъ Государемъ Императоромъ на сей годъ для праваго фланга Кавказской линіи, представилъ Вашему Высокопревосходительству чрезъ меня же подробное мнѣніе о приведеніи въ исполненіе Высочайшаго соизволенія,—на дальнѣйшее Ваше утвержденіе.— Сообразно съ симъ я постараюсь ускорить проѣздъ мой до Ставрополя, выѣду отсюда около 10-го числа сего мѣсяца и изъ Москвы намѣреваюсь ѣхать впередъ, направля семейство мое черезъ Харьковъ, гдѣ имъ нужно быть.

Узнавъ, что Александру Григорьевичу гораздо легче я нарочно сегодня былъ у него, чтобы сообщить Вамъ достовѣрно объ его здоровьѣ, и съ сердечнымъ удовольствіемъ могу сказать Вамъ, что я нашелъ его въ замѣтно лучшемъ положеніи: прилагаю при семъ письмо Князя Михаила Александровича.

Государю угодно возвратить къ своему Корпусу 20-ю артиллерійскую бригаду, и вмѣсто оной даются лошади для 4-хъ орудій въ Геленджикъ, 4-хъ въ Анапу и 4-хъ для Вознесенскаго и Георгіевскаго укрѣпленій; всѣ 3 резервныя роты наши получаютъ по 18-ти легкихъ орудій, а двѣ батареинныя вмѣсто 16-ти батареинныхъ—24 легкихъ, какъ сіе изложено въ представленной мною Вашему Высокопревосходительству запискѣ.

Не зная успѣю ли писать къ Вамъ по слѣдующей почтѣ, считаю нужнымъ предварить, что не полученіе отъ меня по оной извѣстій будетъ служить знакомъ отъѣзда моего отсюда, и тогда прежде Ставрополя не буду писать, ибо надѣюсь перегнать всѣ почты...

5-го Апрѣля 1834 года. С.-Петербургъ.

№ 11. Въ день отъѣзда моего изъ С.-Петербурга 12-го числа сего мѣсяца я имѣлъ удовольствіе видѣть Барона Александра Григорьевича въ весьма уже хорошемъ состояніи здоровья: порученія Князя Михаила Александровича буду имѣть честь сообщить лично Вашему Высокопревосходительству. Отсюда отправляюсь 22-го числа, и буду стараться ускорить пріѣздъ мой въ Ставрополь, предъувѣдомивъ между тѣмъ Алексѣя Александровича о данномъ мнѣ къ нему порученіи, извѣстномъ Вамъ изъ письма моего, отправленнаго чрезъ фельдегера; письма, полученные мною отъ Графини Зубовой и Михаила Александровича при семъ предпочитаю переслать по почтѣ, ибо со мною оныя слишкомъ долго будутъ въ дорогѣ.

Г. Военный Министръ прощаясь со мною между прочимъ поручилъ мнѣ сказать Вамъ, что онъ радъ оказывать Вамъ всякое возможное съ его

стороны содѣйствіе какъ по дѣламъ службы такъ и въ личныхъ отношеніяхъ.

20-го Апрѣля 1834 года. Москва.

Сей часъ имѣлъ я душевное удовольствіе получить первое письмо Вашего Высокопревосходительства ко мнѣ отъ 22-го Марта: благосклонное Ваше участіе въ судьбѣ моей умножаетъ чувства моей къ Вамъ благодарности и преданности.

Чилева я видѣлъ въ Петербургѣ: онъ собирался въ скорости отправиться обратно.

Объ Ахлестышевѣ и Оранскомъ вѣроятно Вами получены разрѣшенія: о первомъ Г. Военный Министръ отзывался какъ о Генералѣ съ весьма хорошей стороны извѣстномъ Государю.

По желанію Джевать-Хана я просилъ Графа Бенкендорфа о переводѣ его въ одинъ изъ Гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ; осмѣливаюсь при семъ приложить письмо его къ отцу.

№ 12. Спѣшу увѣдомить Ваше Высокопревосходительство, въ подтвержденіе увѣдомленія Князя Михаила Александровича, что Александру Григорьевичу рѣшительно лучше и что онъ внѣ всякой опасности. Теперь надобно будетъ заботиться объ основательномъ возстановленіи здоровья его, о чемъ безъ сомнѣнія здѣсь приложено будетъ всевозможное попеченіе.

Вчера я еще разъ имѣлъ счастье представляться Государю; Его Величество поручилъ мнѣ между прочимъ сказать Вамъ, что онъ весьма желаетъ увидѣть Васъ, но съ тѣмъ чтобы Вы пріѣхали сюда, когда будете совершенно увѣрены въ безопасности по границѣ Персидской и на Кавказской линіи. О другихъ подробностяхъ разговора буду имѣть честь лично Вамъ доложить. — Отсюда полагаю отправиться 12-го числа; до Москвы поѣду съ женою, но если увижу что путешествіе наше пойдетъ слишкомъ медленно, то оставя ее отправлюсь впередъ.

Я уже писалъ Вашему Высокопревосходительству, что Государю угодно, чтобы дѣйствія начались у насъ нынѣшняго года непременно: не сочтете ли Вы полезнымъ назначить на Кавказскую линію гораздо болѣе рекрутъ нежели предполагалось, для надлежащаго усиленія тамошнихъ войскъ.

10-го Апрѣля 1834 года. С.-Петербургъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ я имѣлъ честь докладывать Вашему Высокопревосходительству о желаніи служить въ Грузіи Г. Пушкина, брата знаменитаго поэта сего имени. Вы изволили дозволить его, что Вы согласны на принятіе его на общемъ основаніи для всѣхъ опредѣляющихся къ намъ чи-

новниковъ. Нынѣ онъ записался въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ, и на счетъ его сдѣлано будетъ съ Вами сношеніе. Осмѣливаюсь просить Васъ о благосклонномъ отзывѣ, хотя впрочемъ не полагаю, чтобы изъ него вышелъ особенно способный чиновникъ, но онъ будетъ для общества человѣкъ пріятный если (впрочемъ) не слишкомъ предастся безнравственному поведенію, къ коему какъ я здѣсь слышалъ онъ склоненъ нѣсколько.

Въ приказѣ 6-го Апрѣля я утвержденъ начальникомъ Штаба Корпуса.— Я просилъ Васъ въ одномъ изъ писемъ моихъ о чиновникѣ Петровѣ; на благоусмотрѣніе Ваше честь имѣю представить формулярный списокъ его.

Вамъ безъ сомнѣнія извѣстно о несчастной кончинѣ Г. Влангали. — Шемиръ-Ханъ хотя неопасенъ, но тоже хвораетъ.

№ 13. Исполняя повелѣніе Вашего Высокопревосходительства представивъ бумаги полученныя по Экстра-Почтѣ, исключая самыхъ маловажныхъ или требующихъ справокъ, честь имѣю препроводить частныя письма на имя Ваше.

Баронесса Елисавета Дмитріевна вчерашняго числа въ 1-мъ часу по полудни изволила благополучно отсюда отправиться; погода покуда благопріятствуетъ путешествію Ея. Генераль Томашевскій и Княгиня Вагратіонъ тоже вчерашняго числа выѣхали. Два Зудахаринскіе жители пріѣхали сюда съ товарами и привезли отъ своего Кадія письмо къ Вашему Высокопревосходительству, въ которомъ онъ извѣщая о разбитіи Гамзида проситъ Зудахаринцовъ освободить отъ платежа пошлины съ привозимыхъ въ Тифлисъ товаровъ: я отвѣчаю ему, что Ваше Высокопревосходительство никого изъ достойныхъ неоставляетъ безъ вниманія, но пошлину по общему порядку платить необходимо.

Три Анцухца сегодня явились съ письмами къ Вашему Высокопревосходительству отъ своихъ обществъ, которыя еще не переведены; между тѣмъ я просилъ Г. Орловскаго производить имъ обыкновенное содержаніе.

Г. Случевскій нерѣшился распечатать Министерскихъ бумагъ, почему оныя и представляются Вамъ. Сюда прибыло 350 семействъ Молоканъ, подобно прочимъ нуждающихся въ содержаніи. Г. Случевскій сказывалъ, что Вы всѣмъ изволите оказывать пособія по 1 руб. сер. на семейство: я совѣтывалъ ему и нынѣ сіе исполнить, дабы незаддерживать ихъ здѣсь; ожидать же разрѣшенія Вашего невозможно, ибо остановка здѣсь ихъ совершенно растроила бы.

Сегодня получено донесеніе отъ Генер. Ланского: 14-го Сентября онъ спустился къ Гирамъ, и почти безъ потери занялъ и истребилъ оно; на обратномъ пути былъ сначала довольно живо преслѣдованъ; но съ не-

большую потерю удачно отступилъ. Шамиль держитъ въ плѣну Булачъ-Хана, дабы воспитать его въ духѣ Шаріата и собирается сдѣлать покушеніе на Хунзакъ. Генераль Ланской рѣшился сдѣлать движеніе къ Гергебили, дабы оттуда Асланъ-Хана пустить одного въ Аварію, надѣясь симъ положить конецъ проискаму Мюридовъ. Кажется соображеніе здравое. Донесеніе отъ 21 Сентября; урядникъ выѣхалъ 24-го и на другой донъ отрядъ долженъ былъ выступить: къ сожалѣнію самъ Ланской весьма опасно болѣнъ, Ген. Реуттъ тоже нездоровъ лихорадкою по словамъ урядника; Клюки командуетъ отрядомъ. Съ слѣдующимъ нарочнымъ буду имѣть честь представить сіи донесенія; нынѣ же по онымъ готовится къ подписанію Вашему отношеніе къ Военному Министру.

Дмитрій Григорьевичъ еще неприбылъ.

5-го Октября 1834 года, 10 часовъ вечера. Тифлисъ.

№ 14. Поспѣшаю представить Вашему Высокопревосходительству бумаги полученныя по тяжелой почтѣ, заготовленныя къ подпису Вашему и частныя письма къ Вамъ; изъ сихъ послѣднихъ отъ Генерала Клейнмихеля доставлено въ казенномъ конвертѣ за № 587, при семъ прилагаемомъ, и потому мною распечатано.

Изъ рапорта Полковника Клюки Ваше Высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что Ланского уже нѣтъ: кажется мы лишились достойнаго человѣка и который бы могъ со временемъ быть здѣсь полезенъ! Покуда кромѣ Реутта не кѣмъ его замѣнить.

Отъ Алексѣй Александровича нѣтъ никакихъ бумагъ, кромѣ нѣкоторыхъ текучихъ отъ 13-го Сентября изъ укрѣпленія на Абассѣ; отъ Генерала Ахлестышева тоже, но по частнымъ разговорамъ онъ дошелъ спокойно до Кодора и переправился чрезъ оный. Князь Михаилъ при отрядѣ и распустилъ войско свое.

Анцухцы, о коихъ доносилъ Вашему Высокопревосходительству въ прошедшемъ письмѣ, прибыли съ пустымъ письмомъ отъ общества своего, которое спрашиваетъ можетъ ли надѣяться на благоволеніе Ваше и защиту противъ Гамзадъ-Бека, а какой-то Базо проситъ объ удовлетвореніи за убійство отца своего назадъ тому два года. Завтра переговорю съ ними, и если увижу что они пріѣхали сюда только за подарками, то объявивъ, что просьба ихъ будетъ доведена до свѣдѣнія Вашего отправлю назадъ.

О путешествіи Баронессы Елисаветы Дмитриевны неимѣю особенныхъ извѣстій, что есть безъ сомнѣнія лучшій признакъ благополучнаго продолженія онаго. Дмитрій Григорьевичъ еще неприѣзжалъ.

Князь Николай Осиповичъ вчерашнею ночью занемогъ; у него открылось

сильное кровотеченіе носомъ, такъ что докторъ счелъ нужнымъ открыть ему кровь; впрочемъ положеніе его не представляетъ ничего опаснаго.

Въ числѣ жертвъ Дагестанскаго климата находится и Карниловичъ, умершій на пути отъ Куби къ Дербенту.

Г. Врангель и Мянцкій отправились по назначенію. Генераль Степановъ 20-го Сентября хотѣлъ отправиться изъ Ставрополя въ Аксай, гдѣ по 15-е Іюня принято только 12,659 четв. пшеницы и 405 кукурузы; онъ доставилъ копію съ донесеній Масловскаго и Иноземцова, посланныхъ туда Ген. Таубе, которыя доложаться по возвращеніи Вашемъ.

6-го Октября 1834 года, 10 часовъ вечера. Тифлисъ.

№ 15. Вмѣстѣ съ симъ имѣю честь представить Вашему Высокопревосходительству полученныя по Экстра-Почтѣ бумаги, исключая самыхъ мало-важныхъ или требующихъ справокъ.

Генераль Степановъ прибылъ въ Аксай и заботится объ ускореніи приѣма хлѣба, медленность въ чемъ приписываетъ отчасти недѣятельности довѣрителей Г. Штиглица.

Отъ Генерала Вельяминова кромѣ журнала по 23-е Сентября ничего нѣтъ любопытнаго. Изъ Дагестана тоже нѣтъ особенныхъ извѣстій. Прилагаемое письмо Князя Баратова ничего особеннаго не заключаетъ. Кодоръ перейденъ благополучно; одинъ офицеръ пріѣхалъ изъ Дранды въ сопровожденіи шести рядовыхъ.

Баронесса Елисавета Дмитріевна возвратилась сюда благополучно: письмо Ея Высокопревосходительства при семъ препровождаю.

Князь Николай Осиповичъ выздоровѣлъ и отправился на короткое время въ Горію для обревизованія тамошнихъ присутственныхъ мѣстъ и, какъ мнѣ confidenti Mement сказалъ, для объясненія и прекращенія жалобъ приносимыхъ многими лицами на самоуправные поступки Гордѣева, который третьяго дня сюда возвратился.

Розановъ меня увѣдомляетъ, что онъ назначенъ состоять въ полномъ распоряженіи Вашемъ и 2-го Октября намѣревался изъ Петербурга отправиться сюда. По словамъ его Государя ожидали 12-го Октября въ Москву для открытія Триумфальныхъ воротъ.

12-го Октября 1834 года, 11³/₄ часа вечера. Тифлисъ.

№ 16. Честь имѣю при семъ представить Вашему Высокопревосходительству все что нынѣшняя Экстра-Почта привезла любопытнаго; по Гражданской части тоже нѣтъ важныхъ бумагъ, нѣкоторыя же будутъ Вамъ доставлены по заготовленіи справокъ. Министръ Просвѣщенія возвратилъ планъ Гимназій для

передѣлки по замѣчаніямъ Департамента Публичныхъ зданій, что исполнится по Инженерной части. Отъ Генерала Ахмestyшева (?) нѣтъ новыхъ извѣстій.

Въ Инвалидѣ есть назначеніе Полковника Флигель-Адъютанта Графа Ивелича Командиромъ Апшеронскаго полка и въ передовыхъ приказахъ нѣтъ еще.—

Повторяя искреннѣйшее и усерднѣйшее желаніе благополучнаго Вамъ пути и желаемаго всѣми скорого возвращенія сюда...

25-го Генваря 1835 года, 1¹/₂ часъ по полудни.

№ 17. По отъѣздѣ Вашего Высокопревосходительства у насъ не получено никакихъ неблагопріятныхъ извѣстій, кромѣ подтвержденія слуха о появленіи Чумы въ Карскомъ Папалыкѣ: о принятыхъ вслѣдствіи сего мѣрахъ вмѣстѣ съ симъ отправляю официальное донесеніе, но въ Гуріи слава Богу все благополучно, болѣзнь обыкновенная и особенно въ деревнѣ Амаглебѣ вовсе неказалось больныхъ, хотя Англичанинъ Маро доносилъ о существованіи въ оной опасной заразной болѣзни. Отъ Г. Языкова неимѣю еще извѣстій, но оныя немогутъ заключать ничего особеннаго, ибо рапортъ Подполковника Черникова совершенно успокоиваетъ о семъ краѣ.

Соображеніе о сокращеніи смѣты на 1836 годъ неуспѣли окончить къ сей почтѣ, но по будущей непременно представится. Генералъ Интендантъ находитъ возможнымъ невыходить изъ предположеннаго для насъ тахішп, если заготовленіе продовольствія во внутреннихъ губерніяхъ будетъ возложено на здѣшнее Интендантство; вотъ единственное основаніе его соображеній по сему предмету.

Отъ Подполковника Пулло получено донесеніе о первой его Экспедиціи, которое и представляется Вашему Высокопревосходительству. О второй Экспедиціи прошу его поспѣшить своимъ донесеніемъ.

При отъѣздѣ Вашемъ Дежурный штабъ-офицеръ упустилъ поднести на подписаніе Ваше бумаги объ учрежденіи Коннаго Транспорта для дѣйствій за Кубанью, хотя оныя уже были въ чернѣ просмотрѣны мною; такъ какъ Вы изволили одобрить сіе предположеніе, то для выигранія времени я сообщилъ Генералъ Интенданту о сдѣланіи нужныхъ посему приготовленій, о чемъ испрашиваю утвержденіе Ваше.

Въ домѣ Вашего Высокопревосходительства все совершенно благополучно. Генералъ Фроловъ весьма поправляется въ здоровьи своемъ. Губернаторъ уѣзжаетъ скоро для ревизіи по губерніи, а Полк. Баумеръ для осмотра Шамахи и Трасировки Ленкорана.

31-го Генваря 1835. Тифлисъ.

№ 18. Писавши вчерашняго числа къ Вашему Высокопревосходительству чрезъ фельдегера неимѣю ничего болѣе присовокупить кромѣ взбалованнаго желанія Княгини Ціохъ: я подозрѣваю не научили ли ее священники ѣхать въ Петербургъ въ надеждѣ получить какія либо особенныя милости Государя, или просто собственное самолюбіе подстрекаетъ ее имѣть столь необыкновенное щастіе. — Незнаю изволите ли Ваше Высокопревосходительство признать удобнымъ исполнить желаніе ее, но какъ путешествіе ее въ Петербургъ и оттуда въ Іерусалимъ едва-ли обойдется менѣе 20/т., то я счелъ лучшимъ сколько возможно болѣе отклонить ее отъ сего, и во первыхъ предложилъ отправиться назадъ до полученія разрѣшенія: она непонимаетъ, что нельзя беспокоить Государя отправленіемъ ее безъ предварительнаго дозволенія; полагаетъ что сіе даже должно быть пріятно Его Величеству; считаетъ себя въ правѣ требовать таковой милости по причинѣ вступленія своего въ подданство Россійское. Такъ какъ въ случаѣ отказа будетъ весьма непріятно здѣсь оной объявить, и подвергнуться изъявленію ея неудовольствія или невымы затѣямъ, то я предпочитаю склонить ее ѣхать домой, къ чему весьма благовиднымъ предлогомъ служить Ваше отсутствіе. Такимъ образомъ неудовольствіе ее какъ нынѣ такъ и впоследствии обратится собственно на меня за худое посредничество въ пользу ее. Письмо сына ее довольно дерзко, но вѣроятно сіе болѣе происходитъ отъ неумѣнія писать, ибо Г. Сараджевъ увѣряетъ что едва могъ ясно понять смыслъ письма сего. — Хотя Ціохъ отказывается отъ казеннаго содержанія, дабы только имѣть возможность здѣсь остаться до отвѣта или даже до прибытія Вашего, но я не заставлю ее нуждаться во время пребыванія здѣсь, если впрочемъ неуспѣю убѣдить возвратиться домой. Вѣроятно Петръ Николаевичъ по выздоровленіи своемъ въ семъ будетъ согласенъ со мною, ибо онъ готовъ вполнѣ дѣлать все что признается сообразнымъ съ предположеніями и видами Вашего Высокопревосходительства.

Сюда прибыли 3 повѣренныхъ отъ 6 извѣстныхъ Казанскихъ купцовъ, дабы на мѣстѣ осмотрѣть возможно ли имѣть по Волгѣ выгодныя съ здѣшнимъ краемъ обороты, о чемъ буду имѣть честь донести Вашему Высокопревосходительству.
7-го Февраля 1835 года. Тифлисъ.

№ 19. У насъ, слава Богу, все благополучно. Все что получено по отъѣздѣ Вашего Высокопревосходительства немного любопытнаго безъ исключенія представлено Вамъ, прочее заключаетъ неисчерпаемую текущую переписку. Опасенія на счетъ Чумы къ щастію разсѣяваются; остается необъясненнымъ положеніе Абхазіи, т. е. Черкесскаго берега, откуда нѣтъ никакого новаго извѣстія по это не есть худой знакъ.

Князь Полавандовъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ Кахетію. Дигорь-Ханъ обнаружила настоящее свое намѣреніе, и успокоившись ждетъ благоприятнаго времени для своего возвращенія: прикажите ли ее отправить до пріѣзда Вашего или оставить здѣсь до онаго?

Генеральъ Леоновъ сказывалъ, что Ваше Высокопревосходительство обѣщали ему дозволить отправить брата его Подполковника Леонова на Донъ; сообразно съ чѣмъ я разрѣшилъ ему сіе сдѣлать, тѣмъ болѣе что штабъ-офицеръ сей почти совершенно помѣшанъ.

Генеральъ Реуттъ весьма слабъ здоровьемъ; весною вѣроятно захочетъ воспользоваться отпускомъ для отъѣзда на воды. Если бы сіе случилось до возвращенія Вашего, кому угодно повѣрить Дагестанъ; впрочемъ онъ пишетъ, что по слабости здоровья онъ намѣренъ проситься оставить его при одной должности Начальника Дагестана, а бригаду поручить другому, или даже онъ желалъ бы вовсе остаться безъ должности состоя по арміи но съ сохраненіемъ всѣхъ довольствій, что едва ли возможно.

Третьего дня мясо и шкура одного барана убитаго Авлабарскимъ крестьяниномъ издавали свѣтъ, что произвело здѣсь много толковъ. Доктора изслѣдуютъ сіе явленіе, безъ сомнѣнія происшедшее отъ вліянія фосфорическаго начала...

14-го Февраля 1835. Тифлисъ.

№ 20. У насъ, слава Богу, благополучно: свѣга защищаютъ отъ Горцевъ. Турки и Персіяне спокойны. Полученныя о первыхъ извѣстія представляю Вашему Высокопревосходительству официально, положеніе Персидскаго правительства изволите увидѣть изъ прилагаемаго письма Г. Турнау къ Его Превосходительству Александру Константиновичу, которое онъ почелъ обязанностію сообщить мнѣ для доклада Вашему Высокопревосходительству. На счетъ Чумы нѣтъ ничего безпокойнаго. Въ Ментреліи была фальшивая тревога какъ изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго ко мнѣ письма Генерала Ахлестышева.

По просьбѣ Французскаго Консула допускается къ Г. Милліоту французъ лѣкарь, живущій у Генерала Гессе, подъ предлогомъ надобности Милліоту устроить дѣла свои. Они пользуются симъ для передачи на почту писемъ скрытно отъ Команданта; образецъ сей корреспонденціи я имѣлъ честь уже представить Вамъ; теперь прилагаю другое письмо Мошенника Милліота, исполненное клеветы и неправды. Онъ упоминаетъ между прочимъ о разговорѣ моемъ съ Графомъ Рати-Мантономъ который можетъ быть Летаръ по порученію Его Сіятельства передалъ ему. Но вотъ точныя подробности сего разговора: Графъ спрашивалъ меня о наказаніи, коему присужденъ Милліотъ, присовокупилъ, что онъ считаетъ весьма справедливымъ чтобы сей плутъ поработалъ въ пользу какого либо общественнаго заведенія; я ему отвѣчалъ,

что мнѣ неизвѣстна предстоящая ему участь но наслышавшись о его мошенничествахъ я полагаю, чтобы было справедливо оставить безъ наказанія чловѣка причинившаго столь значительный ущербъ Страховому Обществу и обезчистившаго множество лицъ, и что въ подобномъ случаѣ трудно оказать ему то снисхожденіе, которое обыкновенно наше правительство имѣетъ къ иностранцамъ, ибо оное принято могло бы быть за потворство къ явному мошеннику. Графъ недумалъ мнѣ приводить въ пользу Милліота права его какъ французскаго подданнаго, и о разговорѣ со мною никуда ни слова не писалъ, а сообщилъ своему Посланнику отвѣтъ мой (письменный) на запросъ его касательно приговора Милліота, на что я ему отозвался, что по существующимъ въ уголовномъ Гражданскомъ Судопроизводствѣ постановленіямъ, приговоры до окончательнаго утвержденія оныхъ высшими инстанціями никому не сообщаются. Что же честный сей Графъ пишетъ нынѣ къ Министру своему въ Парижѣ изволите усмотрѣть изъ прилагаемой копіи отношенія его отъ 6/18 сего Февраля, несмотря на постыдное содержаніе коего онъ не говоритъ о приво-димомъ Милліотомъ разговорѣ со мною. Такъ какъ письмо сего послѣдняго подано скрытнымъ образомъ на почту, то полагаю что нѣтъ никакого неудобства уничтожить оное; я бы легко могъ прекратить сію переписку, но предпочитаю допустить продолжаться оной до полученія приказанія Вашего, дабы лучше видѣть ходъ ихъ мошенничества, клонящихся кажется къ тому, чтобы во Франціи въ пользу свою надѣлать вновь шума.

Г. Языковъ возвратился изъ Гуріи, гдѣ по причинѣ несуществованія заразы онъ не счелъ нужнымъ долго оставаться. Онъ былъ въ Потіи и основываясь на разсказахъ тамошнихъ утверждаетъ, что причиною чрезмѣрныхъ болѣзней и смертности въ Черноморскомъ Линейномъ № 9 баталіонѣ неестъ единственно климатъ, но болѣе изнуреніе людей, происходящее отъ употребленія ихъ на собственныя работы Маіора Микеладзева. Сообразно съ приказомъ Вашимъ отъ 1-го Генваря сего года я частнымъ письмомъ просилъ генерала Ахлестышева прекратить сіе душегубство и увѣрить г. Микеладзева, что если болѣзни и смертность не прекратятся въ его баталіонѣ, то я буду просить у васъ позволенія лично изслѣдовать причины оныхъ и что въ случаѣ обнаруженія упущенія или злоупотребленія онъ безъ сомнѣнія неизбѣжитъ строжайшей отвѣтственности.

Изъ Тифлискаго Егерскаго полка мнѣ доставили нѣчто изъ земли и муки составленное, употребляемое нижними чинами подъ именемъ хлѣба: генераль Фроловъ отправилъ князя Волконскаго открыть кто въ семь виновенъ; кромѣ столь чрезмѣрнаго нерадѣнія о продовольствіи людей князь Аргутинскій заставилъ ихъ работать вмѣсто быковъ на мельницахъ Царскихъ Колодцевъ, о чемъ узнали по донесенію медика объ умноженіи больныхъ.

Приказъ Вашего Высокопревосходительства отъ 1-го Генваря, какъ слышно, пробудилъ многихъ изъ закоснѣлой невнимательности къ положенію людей; но нужно поддержать спасительное вліяніе онаго постояннымъ наблюденіемъ и хотя немногими примѣрами строгости.

По Гражданской части по всеѣмъ областямъ получались свѣдѣнія о подсудимыхъ и содержащихся подъ арестомъ, кромѣ Ахалцыхскаго Пашалыка и Армянской области; я счелъ нужнымъ отъ имени Вашего потребовать оныя и отъ сихъ частей.

Въ Кутаисѣ у Архіепископа Софронія украдена была значительная сумма, но найдена и воръ пойманъ. У тамошняго же Провьянтскаго Коммисіонера Кахничевскаго не оказалось около 4 т. сереб., о чемъ производится слѣдствіе.

Въ Тифлисѣ масленица прошла особенно спокойно, особенно военныхъ почти небыло (арестовано) взято Полиціею и разѣздами; но къ сожалѣнію мы лишились хотя не весьма значительнаго, но хорошаго человѣка, именно: Вашего переводчика Ковалева. По отъѣздѣ Вашемъ онъ захворалъ; чрезъ нѣсколько дней ему сдѣлалось лучше, потомъ хуже; узнавъ о семъ я просилъ Явленскаго заботиться о немъ, но несмотря на попеченія сего внимательнаго и искуснаго Медика онъ скончался 17-го числа; я оказалъ вспоможеніе семейству его на погребеніе и на первое время; записку о положеніи онаго представляю къ Вашему Высокопревосходительству по будущей почтѣ. Конечно гробъ есть общій удѣлъ нашъ, но жаль терять людей хорошихъ и которые по положенію своему какъ будто бы не были къ тому на очереди.

Съ отъѣзда Вашего изъ Ставрополя мы еще не получали о Васъ извѣстій; но отсутствіе всякихъ неблагопріятныхъ слуховъ совершенно насъ успокоиваетъ. Въ семействѣ Вашемъ все благополучно.

21-го Февраля 1835. Тифлисъ.

№ 21. Позабывъ вложить въ вчерашній пакетъ мой къ Вашему Высокопревосходительству письмо Милліота къ Пліовикету, о коемъ въ ономъ упомянуто, слѣшу нынѣ таковое представить и покорнѣйше прошу великодушно извинить сію ошибку.

22-го Февраля 1835. Тифлисъ.

№ 22. Графъ Симоничъ прислалъ сюда чиновника своего Барона Турнау и просилъ снабдить его подорожною курьерскою до С.-Петербурга; исполнивъ сіе честь имѣю доложить Вашему Высокопревосходительству, что Его Сіятельство ничего не сообщаетъ о происходящемъ въ Персіи; по словамъ же Барона Турнау власть Магомедъ-Шаха тамъ повсемѣстно признана вы-

ключая Ширазу, коего владѣтель Гуссеинъ-Али-Мирза готовится встрѣтить съ оружіемъ въ рукахъ Шахскія войска, занявшія уже Испагань. Самъ Шахъ намѣренъ идти противъ сего принца послѣ новаго года по Магометанскому численію, т. е. послѣ 10-го числа нашего Марта, и въ такомъ случаѣ Графъ Симоничъ предполагаетъ сопутствовать ему: если же Шахъ отправится къ Ширазу уже по наступленіи жаровъ, то Его Сіятельство намѣренъ возвратиться въ Тавризь. — О Гуссеинъ-Али-Мирзѣ неимѣютъ весьма выгоднаго мнѣнія по ограниченности способностей его, но онъ нещадитъ деньгами, коихъ имѣетъ много: у него есть регулярная пѣхота, весьма хорошая конница и болѣе 20 орудій артиллеріи. Первые Совѣтники его Англичанинъ Литледжонъ и Прусакъ Мивіусъ, исключенные за дурное поведеніе изъ службы Остъ-Индской компаніи; первый считается весьма способнымъ военнымъ чело-вѣкомъ, но неумѣренный пьяница. По увѣренію В. Турнау въ баталіонѣ русскихъ дезертировъ въ Персіи неболѣе 300 русскихъ бѣглыхъ, а прочіе армяне передѣтые на нашъ ладъ; впрочемъ онъ встрѣчалъ нѣсколько русскихъ слѣдовавшихъ изъ Тавриза на укомплектованіе сего баталіона. Шахъ пожаловалъ знаки Льва и Солнца 1-й степени Генераламъ Краббе, Бебутову и Реутту, и 2-й ст. Ильяшенку и Прибилю, о чемъ равно и прибытіи Г. Турнау будетъ донесено Вашему Высокопревосходительству по почтѣ.

25-го Февраля 1835. Тифлисъ.

№ 23. По милости Божіей у насъ все благополучно: ни откуда никакихъ безпокойныхъ извѣстій нѣтъ. Опасенія о чумѣ повсемѣстно прекращаются; остается необъясненнымъ положеніе Черкесскаго берега, о коемъ ничего неизвѣстно новаго.

Генераль Фроловъ почти совсѣмъ выздоровѣлъ и общаетъ въ скорости вступить въ исправленіе возложенной на него обязанности Вашимъ Высокопревосходительствомъ по управленію краемъ и войсками Закавказскими. Губернаторъ отправляется для годовой ревизіи въ Елисаветполь. Полковникъ Баумеръ отправился въ Шемаху и Ленкорань, для составленія проекта укрѣпленія первой и для разбитія втораго.

Г. Сіяльскій увѣдомляетъ меня, что онъ представилъ по почтѣ прошеніе къ Вашему Высокопревосходительству касательно предположеннаго Вами ему назначенія и проситъ ходатайства о скорѣйшемъ рѣшеніи участи его, ибо неизвѣстность о судьбѣ своей крайне разстроиваетъ его въ домашнихъ распоряженіяхъ.

Дѣло объ убійствѣ извѣстнаго Эриванскаго откупщика Калбалай - Мамиша представлено Княземъ Бебутовымъ; виновные неотысканы. Я просилъ Его Сіятельство частнымъ образомъ освѣдомиться неподозрѣваются ли въ народѣ жены или прежніе непріатели сего несчастнаго.

Генераль Ахлестышевъ писалъ мнѣ, что у нихъ прошли слухи, что Экзархъ намѣренъ посѣтить Имеретію и что Преосвященный Софроній просится въ отставку, что возбудило въ Митрополитѣ Мингрельскомъ желаніе заступитъ его мѣсто и подало поводъ къ предполагаемой Мингрельскою владѣтельницею поѣздкѣ въ Кутаисъ и Имеретію. Экзархъ объяснилъ мнѣ, что Софроній еще въ Ноябрѣ просилъ прямо Синодъ объ увольненіи своемъ и замѣщеніи кѣмъ либо изъ Русскихъ; Его Высокопреосвященство хотя полагаетъ полезнымъ посѣтить Имеретію для устройства тамошнихъ духовныхъ дѣлъ, но въ случаѣ назначенія туда русскаго Архiereя ненаходитъ нужнымъ туда самому отправиться.

28-го Февраля 1835. Тифлисъ.

№ 24. По милости Божіей у насъ все спокойно, такъ что почти не о чемъ доносить Вашему Высокопревосходительству, но боюсь что слишкомъ беспокоимъ Васъ множествомъ текущихъ бумагъ; нѣкоторыя требуютъ скорѣйшаго рѣшенія, а другія отправляемъ, дабы не накопить слишкомъ много дѣлъ къ возвращенію Вашему. Мы ненадѣемся, чтобы оное могло послѣдовать прежде Мая мѣсяца; по сіе же время неимѣемъ извѣстія о прибытіи Вашемъ въ С.-Петербургъ: изъ Воронежа письма Ваши получены третьяго дня по тяжелой почтѣ.

Недокладываю Вашему Высокопревосходительству о подробностяхъ всего, что здѣсь дѣлается по службѣ, ибо Вы изволите о всемъ получать официальные донесенія, только кажется оныхъ нѣтъ касательно Верхней Военно-Мингрельской дороги. Полковникъ Еспего давно тамъ, и вѣроятно приступилъ къ работѣ; онъ находитъ со стороны Владѣтеля полное содѣйствіе, всеми потребностями снабженъ, но Генераль Ахлестышевъ затрудняется доставить ему достаточно мастеровыхъ, которыхъ изъ другихъ частей удѣлать туда также нѣтъ возможности; но онъ обѣщаетъ сдѣлать все возможное.

Г. Поповъ возвратился вчера изъ Тавриза: отчетъ о путешествіи его заключается въ прилагаемомъ письмѣ къ Вашему Высокопревосходительству.

Миллотъ по сегодняшней почтѣ посылаетъ къ Французскому Посланнику письмо на имя Государя Императора, въ которомъ жалуясь на несправедливые съ нимъ поступки нашего правительства и утѣсненіе при слѣдствіи, проситъ быть высланнымъ за границу.

Генераль Ахлестышевъ въ частномъ письмѣ увѣдомляетъ, что Князю Михаилу пришла охота проѣхать берегомъ до Анапы; Его Превосходительство совѣтывалъ ему въ такомъ случаѣ взять съ собою Барона Турнау, дабы сей могъ дать отчетъ о краѣ семъ, впрочемъ можетъ быть это одно хвастовство со стороны Его Свѣтлости.

*

Сегодня Елисавета Дмитриевна со всемъ семействомъ была въ нѣмецкой колоніи, гдѣ подобно какъ въ 1833 году угощали Ее Адьютанты Вашего Высокопревосходительства. Мое семейство имѣло счастье въ семъ участвовать.

Генераль Фроловъ поручилъ мнѣ повергнуть себя благосклонному воспоминанію Вашему, коему и себя предавая...

7-го Марта 1835. Тифлисъ.

№ 25. Послѣдняя Экстра-Почта принесла намъ пріятныя извѣстія о благополучномъ прибытіи Вашего Высокопревосходительства въ С.-Петербургъ: оныя много порадовали здѣсь всѣхъ, почти безъ исключенія, хотя впрочемъ ожиданія общія столь онымъ соотвѣтствовали, что со времени отъѣзда Вашего небыло здѣсь касательно Васъ ни малѣйшаго неблагопріятнаго слуха.

У насъ здѣсь все благополучно; о всемъ хотя нѣсколько замѣчательномъ не упускаю доносить Вашему Высокопревосходительству офиціально, и потому неповторяю въ письмахъ моихъ. Незнаю изволите ли одобрить предположенное мною назначеніе Маіора Мадатова проводникомъ къ Авганскому Посланнику, но теперь здѣсь нѣтъ никого способнаго его; притомъ съ ними нужно говорить по Персидски. Незнаю предупреждены ли мѣстныя Начальства о проѣздѣ ихъ со стороны Министерства и о мѣрѣ приличныхъ имъ почестей, я считаю нужнымъ просить Г. Губернаторовъ, чтобы ихъ принимали съ достаточнымъ вниманіемъ, на которое они нынѣ какъ гости Государя безъ сомнѣнія имѣютъ нѣкоторое право, о семъ впрочемъ непримину по будущей почтѣ довести Вашему Высокопревосходительству, или несочтете ли нужнымъ объясниться о семъ съ Г. Вице-Канцлеромъ: если Государю угодно принять ихъ, то полезнѣе, чтобы они были довольны пребываніемъ своимъ у насъ.

При отъѣздѣ Вашемъ Вы изволили поручить Подполковнику Казасса наблюдать за здѣшнимъ Помощникомъ Почтмейстера; поданную имъ записку при семъ честь имѣю препроводить на благоусмотрѣніе Ваше.

Осмѣливаюсь также приложить письмо Подполковника Пулло, въ коемъ онъ объясняетъ послѣдствія своихъ дѣйствій: оное доставлено мнѣ упоминаемыми Джамбскомъ и Ягкою, коихъ подарилъ я здѣсь по обыкновенію.

Генераль Оранскій въ явной войнѣ съ священникомъ Ахальцыгскимъ Іосифомъ Орбеляновымъ, и представилъ Экзарху о смѣщеніи его съ должности благочиннаго, я просилъ Его Высокопреосвященство повременить симъ, ибо 'вліяніе Католиковъ слишкомъ обнаруживается въ Ахальцахъ: недавно Патера публично отняли ребенка у одной Магометанки, коей хотя мужъ прежде бывшій Католикомъ нынѣ опять возвратился къ своему исповѣдыванію

но самопроизвольно имъ неслѣдовало поступать. О семъ по собраніи свѣдѣній донесу; можетъ быть Вы изволите найдти удобнѣйшимъ перемѣстить и самаго Генерала.

Много обяжете меня поручивъ воспоминанію Князя Михаила Александровича и Супруги Его душевно мною уважаемыхъ.

14-го Марта 1835. Тифлисъ.

№ 26. Вчерашняго числа прибылъ фельдъегеръ, отправленный Вашимъ Высокопревосходительствомъ: мятели въ горахъ задержали его три дня въ Коби. Предписаніе Ваше касательно предполагаемыхъ въ семъ году дѣйствій немедленно будетъ исполнено; сегодня неотправляю моихъ отношеній боясь по поспѣшности что либо въ оныхъ пропустить. Предположенія Ваши по сему предмету совершенно одобрены; дай Богъ, чтобы другія предначертанія Ваши были столь же успѣшны; судя по приему Вашему вполне сего надѣмся и утѣшаемся что продолжительнѣйшее пребываніе Ваше въ С.-Петербургѣ будетъ вознаграждено облегченіемъ которое отъ сего послѣдуетъ для хода дѣлъ по всѣмъ отраслямъ обширнаго управленія Вашего.—Ея Высокопревосходительство Баронессу Елисавету Дмитриевну небыло надобности успокоивать на счетъ Васъ, ибо со времени отъѣзда Вашего небыло ни одного неблагопріятнаго о Васъ слуха: письма же Ваши исполнили радости и семейство Ваше и всѣхъ Вамъ преданныхъ.

Авганцы въ началѣ Апрѣля отправятся въ Петербургъ: при семъ прилагаю на благоусмотрѣніе Ваше записку о безчестномъ поступкѣ Г. Посланника, поданную Александромъ Константиновичемъ и подтвержденную свѣдѣніями, собранными Подполковникомъ Казасси; дѣлаю это не съ намѣреніемъ вредить ему, человѣку мнѣ столь чуждому и съ коимъ я въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но дабы Ваше Высокопревосходительство изволили видѣть сколь Ханъ сей заслуживаетъ мало довѣренности. Товарищъ его Мирза, происходящій изъ лучшаго племяни, кажется нѣсколько его добросовѣстнѣе, безпреставно съ нимъ ссорится и увѣряетъ, что онъ неизбѣгнетъ наказанія отъ Авганскаго правительства за всѣ свои обманы. Лазарева я полагаю дозволить Посланнику взять съ собою, ибо онъ можетъ служить хорошимъ шпиономъ; при немъ Ханъ и Мирза откровенно говорятъ и между собою бранятся. У насъ все идетъ благополучно сообразно съ данными Вами на правленіями. Абхазскій отрядъ собирается. Эриванскій баталіонъ прошелъ уже черезъ Тифлисъ, люди въ немъ молодые, мало выученные, оружіе исправно, но все прочее въ жалкомъ видѣ. Горная артиллерія весьма усовершенствована и два орудія идутъ для опыта въ Абхазію со всѣми новыми измѣненіями. Работа на дорогѣ Военно-Мингрельской началась; въ Делижанскомъ

ущельи продолжается. Къ сожалѣнію Потоцкій былъ очень болѣнъ, но теперь поправляется и рѣшился отнюдь неоставлять владѣтеля до возвращенія Вашего.

Князь Половандовъ очень просилъ доставить мѣсто Князю Паату Циціанову, мужу Симановичевой: почему я рѣшился назначить его Могольнымъ Наибомъ въ Карабахъ, о чемъ вмѣстѣ съ нимъ представляю на благоусмотрѣніе Ваше.

Царевну Феклу въ нынѣшній годъ ожидаютъ сюда; съ нею пріѣдуть сюда на время сынъ ее Димитрій, о которомъ уже распустили слухи, что онъ опять будетъ принятъ въ Гвардію.

Полковникъ Черкасовъ убѣдительно проситъ Ваше Высокопревосходительство сказать нѣсколько словъ Г. Клименту о надобности купить домъ Евреинова для помѣщенія Управленія Грузинскаго Инженернаго Округа.

Милліотъ отправилъ чрезъ Плювине просьбу въ Палату Депутатовъ о представствѣ за него какъ за французскаго подданнаго, въ которой силится доказать, что Русское правительство неимѣло права судить его и что приговоръ произнесенъ надъ нимъ несправедливый.

Радунъ занимается исключительно составленіемъ проектовъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ порученныхъ: я скажу ему, что Вы желаете получить поспѣшнѣе о Кавказской области.

Гордѣевъ готовится къ предполагаемой поѣздкѣ въ Нагорный Дагестанъ: провести его берется Анцухскій Приставъ Вачнадзе и Князь Половандовъ увѣряетъ, что это возможно. Устройвъ сіе непримину донести Вамъ. Князь Половандовъ собирается ѣхать въ Ахалцыхъ для осмотра переселенцевъ; жаль что онъ по сіе время неразстаетъ съ своимъ Грузинскимъ платьемъ, что много удерживаетъ Грузинъ въ принятіи нашей одежды, а слѣдовательно и въ сближеніи съ нами; русскихъ же всѣхъ огорчаетъ неуваженіе къ нашимъ обычаямъ.—Я боюсь, чтобы братъ его истощивъ всѣ злобныя обвиненія свои непринялся бы за сіе.

Такъ какъ въ центрѣ линіи немного будетъ пѣхоты, то несочтете ли Ваше Высокопревосходительство полезнымъ привести въ окрестности Минеральныхъ водъ, хотя на время курса, Дивизіонъ Драгунъ, которыхъ бы сіе расшевелило нѣсколько.

21-го Марта 1835. Тифлисъ.

№ 27. Пользуясь проѣздомъ фельдгегера, возвращающагося отъ Графа Симонича отправляю къ Вашему Высокопревосходительству нѣкоторыя бумаги. Фельдгегера я здѣсь задержалъ почти двое сутокъ, полагая что онъ неможетъ имѣть изъ Персіи никакихъ бумагъ, требующихъ необыкновенной поспѣшности,

и потому что ему былъ необходимъ отдыхъ послѣ продолжительнаго странствованія верхомъ. Гр. Симоничъ ничего не сообщать о происходящемъ въ Персіи; почему считаю нужнымъ приложить на благоусмотрѣніе Ваше выписку изъ письма Г. Кюдинца къ Александру Константиновичу: несочтете ли нужнымъ отнестись къ Г. Вице-Канцлеру, чтобы было предписано Его Сіятельству не оставлять Васъ безъ извѣстій о происходящемъ въ Персіи, ибо невниманіе или недогадливость въ семъ случаѣ Г. Министра лишаетъ Васъ возможности судить о настоящемъ положеніи сего пограничнаго края, и также производить здѣсь невыгодное впечатлѣніе, ибо всѣ удивляются, что Главнокомандующій здѣшній долженъ собственными средствами узнавать о происшествіяхъ въ Персіи, между тѣмъ какъ тамъ находится Миссія наша. Гр. Симоничъ требуетъ только по 500 зарядовъ на батарейныя орудія наши персіанамъ подаренныя; о распоряженіи моемъ Ваше Высочайшее Превосходительство усмотрите изъ отправляемаго нынѣ же донесенія моего: считаю противнымъ совѣсти лишиться 6000 зарядовъ, тѣмъ болѣе что оныя немогутъ иначе быть израсходованы какъ въ первой кампаніи противъ насъ; надобности большой для Персіанъ въ оныхъ невижу, и полагаю что они не составляютъ ли подарка Его Сіятельства Шаху къ новому году.

Жалобы на Мустафу-Хана со стороны Персіанъ увеличиваются: если все справедливо, то онъ дѣйствуетъ какъ Атаманъ разбойниковъ; можетъ быть не онъ виноватъ лично, но попускаетъ къ тому дѣтей и приближенныхъ своихъ. Я полагаю, что если все справедливо, то было бы полезно отдалить его сволочь отъ границы, а его самага съ семействомъ даже отправить въ Россію, или по крайней мѣрѣ не оставлять ихъ въ Мусульманскихъ провинціяхъ; иначе мы неизбѣгнемъ какихъ-либо непріятныхъ происшествій. Записку о семъ Ханъ полагаю представить Вамъ по завтрашней почтѣ.

Сходно съ предположеніемъ Вашимъ Гордѣевъ готовится отправиться въ Дагестанъ въ видѣ помощника Анцухскаго Пристава Кв. Вачнадзе, который берется доставить ему средства къ обзорѣнію тамъ разныхъ дорогъ. Онъ былъ здѣсь у меня съ Старшими Анцухскими, которыхъ я обласкалъ и которые сами просятъ о назначеніи къ нему Русскаго помощникомъ.

У насъ здѣсь все благополучно, но весна поздно наступаетъ; хотя тепло было, но по бездождію травы еще нѣтъ: въ горахъ безпрестанныя вьюги и снѣжные завалы, такъ что сообщеніе весьма затруднительно.

Ген. Ахлестышевъ собирается быть при дѣйствующемъ отрядѣ; я предупредилъ его, что вѣроятно сообщеніе съ волею Вашею будетъ, чтобы онъ по примѣру прошлаго года находился при отрядѣ до прибытія онаго въ Гаху, а вовремя лѣтнаго отдыха войскъ близъ Бомборъ возвратился бы въ

Кутаисъ для занятій по Гражданской части. У Его Превосходительства, кажется, новость въ Гуріи: оттуда доставлено въ Кутаисъ 1500 р. сер. остатковъ отъ тамошнихъ доходовъ.

Полк. Ховенъ отправилъ къ Вамъ записку объ Авганистанѣ съ картою, въ чернѣ я разсматривалъ и поправлялъ оныя, но бѣлыя Г. Ховенъ вѣроятно по недоразумѣнію отправилъ прямо отъ себя, непоказавъ мнѣ: въ дополненіе будетъ представлена записка собственно о Посланникахъ, которая можетъ объяснить всѣ ихъ распри и прочее до нихъ относящееся, дабы въ Петербургѣ могли лучше судить объ томъ, что они могутъ рассказывать другъ о другѣ.

Г. Безакъ пріѣхалъ 3-го дня сюда благополучно: отъ Маслова получилъ я письмо: онъ очень благодаренъ Вашему Высокопревосходительству за милостивый пріемъ. Здоровье Радулова мѣшаетъ окончить порученные ему проекты о Кавказской области; главнѣйшій объ обращеніи области въ войско онъ надѣется кончить къ Пасхѣ, если ему будетъ лучше; теперь же онъ хвораетъ. Генераль Козляниновъ проситъ Ваше Высокопревосходительство, если возможно исходатайствовать Полк. Семчевскому и Цебрикову, получившимъ благоволенія, просимыя имъ награды; безъ сомнѣнія онъ имѣетъ при семъ въ виду, что Ваше Высокопревосходительство въ такомъ случаѣ и ему исходатайствовали бы Ленту, ибо и онъ вмѣстѣ съ ними получилъ благоволеніе. Если Вы изволите сіе уважить, то вмѣстѣ съ симъ отправляю прежнее представленіе и отзывъ на оное Его Высочества.

Сюда прибылъ съ линіи на время Саперный Капитанъ Гернетъ, офицеръ основательный и который все время находился въ отрядѣ Генерала Вельяминова. Прилагаю при семъ записку составленную имъ объ усовершенствованіи прямого сообщенія отъ Ольгинскаго Теть-де-Пони къ Абинску: въ запискѣ сей я переимѣнилъ для ясности только нѣсколько словъ. Изъ оной Ваше Высокопревосходительство изволите увидѣть сколь малозначущи болота Аупецкія и Тлахифинскія и сколь легко сдѣлать сіе сообщеніе совершенно удобнымъ, сообразно съ мыслию Государя безъ сооруженій постоянныхъ. Гернетъ былъ съ Ген. Малиновскимъ въ Февралѣ мѣсяцѣ за Кубанью и видѣлъ сіи болота въ самое худшее время во время сильнаго разлитія Кубани, и тогда же переходилъ оба Куниса и Тиецгизъ, по сему кажется, на его мнѣніе можно полагаться. Неблагоугодно ли будетъ предписать о приведеніи въ исполненіе его предположенія, буде обѣщанное Ген. Малиновскимъ обзорніе системы всѣхъ водъ по пути къ Абинску не представитъ чего-нибудь лучшаго. Для нивелировки можно бы отправить кого либо отъ сюда по случаю предстоящаго окончанія съемки Тифлиса.

Позднее полученіе писемъ Вашего Высокопревосходительства, изъ коихъ отправленныя изъ Воронежа, изъ Москвы и отъ 26-го Февраля изъ Петербурга,

дошли сюда по тяжелой почтѣ, было причиною что здѣсь начали распространяться хотя нелѣпые, но неблагопріятные на щетъ Васѣ слухи, но съ полученіемъ послѣднихъ извѣстій Вашихъ оныя совершенно прекратились. Теперь всѣ говорятъ о времени возвращенія Вашего. Петръ Николаевичъ очень благодаренъ Вамъ за благосклонное воспоминаніе; его здоровье совершенно поправилось, но волосы на головѣ невелики, и отъ того онъ долженъ беречься простуды и откладываетъ вступленіе свое въ командованіе Закавказскими войсками.

Осмѣливаюсь покорнѣйше просить Васѣ засвидѣтельствовать мое почтеніе Его Сіятельству Князю Михаилу Александровичу и Супругѣ Его.

По Канцеляріи Вашей дѣла продолжаютъ по возможности; мелочныя обстоятельства я разрѣшаю, но о заслуживающихъ вниманія доношу Вамъ.

Къ сожалѣнію Г. Голубовъ тяжело занемогъ, и по сему по уголовной части должна быть остановка.

Поздравляю Ваше Высокопревосходительство съ приближающимися праздниками и поручая себя благосклонному воспоминанію...

21-го Марта 1835. Тифлисъ.

№ 28. Въ письмѣ, вчера отправленномъ къ Вашему Высокопревосходительству чрезъ фельдгера, возвращающагося изъ Персіи, я упустилъ доложить Вамъ о желаніи Генерала Ахлестышева, чтобы во время отсутствія его при отрядѣ въ Абхазіи управлялъ Имеретією не Полковникъ Жихаревъ, а Подполковникъ Черниковъ, который по увѣренію его по сіе время ведетъ себя отлично и можетъ служить примѣромъ исполнительности и дѣятельности. Его Превосходительство полагаетъ, что Черниковъ состоя подъ непосредственнымъ начальствомъ его лучше исполнить данныя ему приказанія нежели Жихаревъ. По пріѣздѣ изъ Тифлиса, присовокупляетъ Ген. Ахлестышевъ: «я въ три недѣли немогъ успѣть исправить всего запущеннаго въ короткое отсутствіе мое, вставая въ 2 и 3 часа утра; и къ сожалѣнію много нашель бумагъ исполненныхъ рѣшеній несоотвѣтствующихъ съ правотою и смысломъ». На сіе я отвѣчалъ Ген. Ахлестышеву, что такъ какъ Г. Жихаревъ просится на воды, то никакого нѣтъ неудобства возложить управленіе на Черникова, если Его Превосходительство въ немъ совершенно увѣренъ; при семъ я напомнилъ Закатальскую Исторію, но присовокупилъ, что поведеніе въ оной Черникова дѣйствительно можно приписать болѣзни, т. е. бѣлой горячкѣ, которой Крыловъ далъ столь вредное направленіе.

Я представилъ Вашему Высокопревосходительству записку о перемѣщеніи Полковниковъ Андроникова и Сумбатова изъ Мингрельскаго Егерскаго полка, коимъ командуеть Подполковникъ Козачковскій.—Первый хотя кажется спо-

собностей педальнихъ и наврядъ ли можетъ съ большею пользою для службы командовать полкомъ (ибо командуя короткое время драгунами допустилъ разные безпорядки), но по крайней мѣрѣ считается храбрымъ офицеромъ; второй столъ мало способенъ для строевой службы, что былъ арестованъ даже въ образцовомъ полку и прежде срока изъ онаго возвращенъ въ Корпусъ, впрочемъ по письменной части имѣеть опытность и могъ бы занимать какую либо должность по гражданскому управленію; по военной части ни познаній ни опытности никакой не имѣеть; такъ какъ нѣсколько полковыхъ командировъ старше его, то его можно перевести куда заблагоразсудите, но Андроникова старше одинъ только Катаржи, а пѣхотные Полковники всѣ моложе. Неудобно ли будетъ прикомандировать его къ образцовому полку, или къ дѣйствующему отряду дабы онъ привыкъ служить съ пѣхотою, или наконецъ перевести въ Драгуны, буде неизволите имѣть для него въ виду какого либо особеннаго назначенія.

28-го Марта 1835. Тифлисъ.

№ 29. Имѣя здѣсь празднаго фельдегера, я рѣшился отправить его къ Вашему Высокопревосходительству съ мнѣніемъ касательно предполагаемыхъ Генераломъ Вельяминовымъ подробностей для дѣйствій за Кубанью. Кажется вся цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы избавить себя отъ малѣйшихъ заботъ и провести все лѣто и осень въ совершенномъ спокойствіи въ Абинскѣ и на Атакуифѣ, но такимъ образомъ и въ сто лѣтъ мало мы успѣемъ сдѣлать для успокоенія Кавказа. Можетъ быть нежелая быть въ Экспедиціи, Алексѣй Александровичъ хотѣлъ доставить случай замѣнить себя другимъ, представивъ столь мало удовлетворительное предположеніе; Генераль Фроловъ, коему неизвѣстна происходящая нынѣ переписка о сей Экспедиціи, сказывалъ мнѣ что ему кажется, что Алексѣй Александровичъ не желалъ бы въ оной участвовать.

Вашему Высокопревосходительству извѣстно, что я всегда былъ (болѣе) почитателемъ многихъ истинныхъ достоинствъ Алексѣя Александровича; но настоящее его предположеніе съ $\frac{12}{т}$. человекъ въ теченіе цѣлаго года построить одно маловажное укрѣпленіе—привело меня въ совершенное недоумѣніе на щетъ успѣха дѣйствій его за Кубанью. Если нѣтъ возможности побудить его къ большей дѣятельности, то полагаю, что кто либо другой изъ людей способныхъ, съ большею пользою для государства, занялъ бы столь важное мѣсто командующаго войсками по линіи по причинѣ предполагаемыхъ постоянныхъ противъ Горцевъ дѣйствій, таковы суть: Князь Горчаковъ, Ген. Сакенъ, Муравьевъ и другіе болѣе Вамъ извѣстные. При настоящей же системѣ медленности и чрезмѣрныхъ требованій Алексѣя Александровича не вижу, чтобы послѣдствія могли соответствовать дѣлаемымъ пожертвованіямъ. Простите Ваше

Высокопревосходительство, что осмѣливаюсь столь откровенно говорить мысли свои: я знаю, что пишу къ начальнику снисходительному и предпочитающему общую пользу всёмъ личнымъ отношеніямъ; притомъ я привыкъ нескрывать отъ Васъ ни чувствъ, ни мыслей моихъ, покоряя впрочемъ всё сужденіа мои волѣ и рѣшенію Вашему.

Для нивелировки болотъ Аушецкихъ и Тлахафшскихъ я отправляю отсюда офицера, о чемъ по первой почтѣ донесу Вашему Высокопревосходительству.

Подполковникъ Казасси сообщилъ мнѣ, что Ваше Высокопревосходительство не дозволили Маіору Мадатову ѣхать въ Петербургъ, предвидя въ семь неудобство: узнавъ сіе я тотчасъ счелъ приличнѣйшимъ замѣнить его Шемиръ-Ханомъ. Объ Авганскихъ послахъ представляю вмѣстѣ съ симъ довольно любопытную записку: изъ оной видна вражда ихъ между собою и сколь мало можно имъ довѣрять. Я бы полагалъ на обратный путь отправить ихъ порознь, одного чрезъ Бухарію, а другаго чрезъ Персію: тогда вѣрнѣе дошелъ бы отвѣтъ Государя, ѣхавши вмѣстѣ весьма возможно, что даже одинъ изъ нихъ убьетъ другаго и будетъ рассказывать объ насъ можетъ быть вредныя недѣлости.

Впрочемъ у насъ такъ благополучно, что не о чемъ доносить Вамъ.— Мостъ на Ингурѣ начать; по совершеніи торжественнаго молебствія владѣтель самъ сдѣлалъ первый ударъ въ первую сваю.

Последнюю Экстра-Почту мы не имѣли счастья получить извѣстій отъ Вашего Высокопревосходительства. Кромѣ Генерала Козлянинова, который получилъ предписаніе объ измѣненіи въ составѣ артиллерійскихъ ротъ,—но оно мнѣ еще не сообщилъ.

Тетушка и жена моя приносятъ Вамъ живѣйшую благодарность за милое объ нихъ воспоминаніе, каковому поручая и себя...

1-го Апрѣля 1835 года. Тифлисъ.

№ 30. Сей часъ прибывшая Экстра-Почта (отъ 19-го Марта) не доставила намъ утѣшенія имѣть извѣстія отъ Вашего Высокопревосходительства; но по нѣкоторымъ стороннымъ увѣдомленіямъ видимъ, что Вы слава Богу здоровы, но по обыкновенію обременены дѣлами. Боимся, чтобы оныя Васъ долго незадержали въ С.-Петербургѣ; по нашимъ расчетамъ полагаемъ однако, что слѣдующая здѣшняя почта не должна Васъ тамъ застать.

У насъ здѣсь все благополучно, и все исполняется сообразно съ приказаніями Вашими. Петръ Николаевичъ совершенно выздоровѣлъ, съ 7-го числа намѣренъ вступить въ командованіе войсками за Кавказомъ.—Его войска дѣлають успѣхи; на дняхъ прибылъ сюда баталіонъ Мингрельскаго полка, на смѣну здѣсь бывшаго: я показывалъ оный Авганцамъ. Построенія дѣлались

по сигналамъ и бѣглымъ шагомъ—довольно хорошо. Съ линіи сегодня прибылъ сюда Тифліскій баталіонъ тотъ самый, который Вы изволили видѣть здѣсь въ прошедшемъ году; баталіонъ въ весьма порядочномъ положеніи, но людей очень мало: оставлено много по госпиталямъ. Здѣсь прошла также Кавказской Гренадерской артиллерійской бригады батарейная батарея № 2 (съ Бѣлаго Ключа на Мухровань); лошади и вообще матеріальная часть довольно хороши; движенія простыя дѣлають, но нетвердо; артиллерійское ученіе слабо. Генераль Козляниновъ общается, что въ нынѣшнемъ году устроить свою часть какъ возможно по здѣшнимъ обстоятельствамъ; отъ всякихъ же стѣснительныхъ мѣръ онъ весьма далекъ.

Слѣдователи по дѣлу Сальяккаго откупщика донесли, что оное остановилось отъ того что Индѣецъ по болѣзни неможетъ присутствовать при допросахъ свидѣтелей; я предписалъ имъ поступить въ семъ случаѣ на законномъ основаніи, а между тѣмъ отправилъ туда Г. Ганефельда, уже выздоровѣвшаго и который самъ вызвался возвратиться къ товарищамъ своимъ надѣясь присутвіемъ своимъ ускорить окончаніе дѣла, ибо изъ писемъ Герича онъ замѣтилъ нѣкоторое недоумѣніе: онъ опасается, что причиною сему не Г. Хотяновскій, который весьма худую здѣсь имѣеть репутацию, такъ что если дѣло сіе по какому либо случаю далѣе продолжится, то можетъ быть было бы полезно удалить его, какъ почитаемаго за большаго взяточника.

Полковникъ Баумеръ возвратился изъ поѣздки своей: онъ сдѣлалъ весьма основательное предположеніе для Замка въ Шемахѣ и разбилъ Ленкорань.

Войска съ линіи возвращаются по предположенію Вашему, т. е. два баталіона Эриванскаго Карабинернаго полка и два Тифліскаго.

Я кажется писалъ къ Вашему Высокопревосходительству объ отнятіи Католиками въ Ахалцыхѣ дѣтей у одной Магометанки, которой мужъ сдѣлался Католикомъ. Офіціальнаго увѣдомленія о семъ еще неимѣю, но считаю нужнымъ представить выписку изъ письма Г. Каратѣева къ Его Превосходительству Александру Константиновичу.

По дѣламъ вижу, что часто возникаютъ новыя претензіи бѣглецовъ возвращающихся изъ за границы; непризнаете ли полезнымъ назначить срокъ далѣе коего не должно будетъ удовлетворять оныхъ?

Изъ переписки Французскаго Консула съ посольствомъ его въ С.-Петербургѣ, я увидѣлъ, что Г. Тессеръ до опредѣленія къ Вамъ имѣлъ связь съ какою то дѣвицею Бронеръ (Brauner) и прижилъ съ нею дочь, которую содержать теперь отказывается. Консулъ писалъ въ Посланнику своему, что Тессеръ кромѣ жалованія имѣеть до 2000 р. сер. дохода отъ фабрики, но присовокуплялъ, что впрочемъ несовсѣмъ доволенъ имъ, какъ своимъ соотечественникомъ.

Г. Казасси сообщилъ мнѣ, что недоброжелатели Князя Николая Осиповича говорятъ много о платьѣ его, ибо по Высочайшему повелѣнію приказано всѣмъ чиновникамъ бывать въ присутствіи въ мундирахъ. Недумайте Ваше Высокопревосходительство, что это произошло отъ меня: не только Казасси, но никто ни слова отъ меня о сѣмъ неслышалъ, но Казасси боится, чтобы Г. Ризенкампфъ или кто другой не донесъ о сѣмъ; почему и просилъ хотя частно довести сіе до свѣдѣнія Вашего.

Въ представленіи о дѣйствіяхъ за Кубанью, отправленномъ съ фельд-егеремъ, я упустилъ сказать, что въ случаѣ одобренія предположенія исправить дорогу чрезъ Тлажи-Фишъ и Аушець нужно устроить Блок-гаузы для обороны оныхъ, но незатѣйливые, а простые башни изъ деревянныхъ башень, которыя кажется будутъ достаточны. Или оныя можно укрѣпить какъ посты въ Черноморіи, ибо нападенія сильнаго ожидать нельзя.

Я получилъ изъ Египта отъ Г. Дюгамеля сѣмяна длинно-волокнистой бумаги, которую Г. Шульцъ взялъ для испытанія.

4-го Апрѣля 1835. Тифлисъ.

№ 31. По частнымъ полученнымъ здѣсь извѣстіямъ Ваше Высокопревосходительство предполагали выѣхать изъ С.-Петербурга около 18-го числа сего мѣсяца; но какъ отъ Васъ мы неимѣемъ о сѣмъ извѣтія, то осмѣливаюсь еще писать къ Вамъ по нынѣшней почтѣ; казенныя же бумаги будутъ отправлены съ фельдгеремъ, который привезъ сюда Норова и котораго Петръ Николаевичъ полагаетъ отправить къ Вамъ на встрѣчу, тѣмъ болѣе что нужно испросить разрѣшеніе Ваше на счетъ Авганцовъ. Изъ уже представленныхъ Вашему Высокопревосходительству записокъ Вамъ извѣстно, что Мирза Магмудъ, объявилъ, что бумаги его товарища фальшивыя; въ послѣднее время несогласіе ихъ еще болѣе возрасло, наконецъ Мирза при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ сказалъ, что онъ въ Петербургѣ все откроетъ и что невиноватъ, что его здѣсь неспрашиваютъ. П. Н. призналъ посему необходимымъ допросить его; изъ снятаго съ него показанія и рассказовъ людей, а частію изъ словъ Гуссейнъ-Али-Хана сказывается, что они вовсе никѣмъ сюда неприсланы, но оставаясь безъ пріюта въ Персіи рѣшились выдать себя за посланниковъ. Всѣ допросы еще некончены; можетъ быть и самъ Ханъ, котораго называютъ слугою Аббасъ-Мирзы, предпочтетъ во всемъ признаваться, а между тѣмъ онъ самъ проситъ не отправлять его въ Петербургъ до объясненія дѣла.

Письмо Вашего Высокопревосходительства отъ 26-го Февраля о Гихо-Хадъ я только вчера получилъ, и потому немогу сказать согласится ли она отправиться отсюда до пріѣзда Вашего.

Мостъ на Ингурѣ начать благополучно: препятствій встрѣчается менѣе нежели предполагали. Сваи можно бить безъ желѣзныхъ башмаковъ. Первую сваю началъ вбивать самъ владѣтель послѣ торжественной церемоніи, на которой находилось все семейство его.

Коканскій Визирь съ благодарностію принялъ предложеніе слѣдовать чрезъ Персію и 2-го Апрѣля долженъ былъ отправиться изъ Гумровъ чрезъ Эривань въ Тавризь.

Изъ Баязетскаго Пашалыка 200 семействъ армянъ, татаръ и куртинъ перешло къ намъ: П. Н. согласно съ прежнимъ моимъ отношеніемъ къ Князю Бебутову предписываетъ убѣдить ихъ возвратиться обратно, объясняя, что они всякомъ случаѣ по требованію Турецкаго правительства будутъ выданы. — Кн. Бебутовъ увѣдомляетъ, что 500 семействъ тоже намѣрены сдѣлать. О причинѣ сего переселенія уже донесено Вамъ.

11-го Апрѣля 1835. Тифлисъ.

№ 32. У насъ все здѣсь благополучно; происшествій примѣчательныхъ весьма мало. Объ Авганцахъ я имѣлъ честь предварить Ваше Высочайшее вѣдомство въ письмѣ отъ 11-го числа сего мѣсяца: нынѣ представляется рапортъ Петра Николаевича и произведенное о нихъ изслѣдованіе, жоторое ясно обнаруживаетъ подлогъ ихъ: участь свою они предають милосердію правительства. Странно, что Графъ Симоничъ по сіе время не отвѣчаетъ на запросъ Вами ему сдѣланный немедленно по прибытіи ихъ сюда.

Съ симъ же нарочнымъ представляю и копію съ замѣчаній Ген. Вельяминова на предназначенныя ему за Кубанью дѣйствія, на случай если бы отправленныя имъ прямо къ Вамъ разошлись съ Вами въ дорогѣ: Его Превосходительство между прочимъ въ оныхъ говоритъ, что всего отряда его будетъ недостаточно для конвоированія транспортовъ? Конечно, пріятнѣе и безопаснѣе имѣть болѣе средствъ, но при требованіяхъ его нельзя предвидѣть конца въ успокоеніи не только всего Кавказа, но и западной части онаго. — Его Превосходительство прежде находилъ невозможнымъ составить транспортъ иначе какъ изъ Черноморскихъ подводъ; теперь увѣдомляетъ, что занимаетъ оныхъ до 2000 въ Кавказской области; полагаю, что можно бы уменьшить нѣсколько сіе число, но во всякомъ случаѣ лучше вовсе не требовать оныхъ отъ Черноморцевъ, слишкомъ и безъ того отягощенныхъ разными требованіями и нарядами.

Г. Ризенкампфъ отправляетъ къ Г. Козаченкѣ для доклада Вашему Высочайшему вѣдомству нѣсколько стекла заготовленнаго на заводѣ Завелейскаго; кажется нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ сего предпріятія, если займутся особенно простыми издѣліями сего рода столь нужными и весьма здѣсь

дорогими.—Весьма желательно, чтобы и сія отрасль промышленности водворилась за Кавказомъ въ управленіе Ваше.

Генераль Кроминъ и Графъ Ивеличъ на дняхъ прибыли сюда, и отправляются къ своимъ назначеніямъ. Языковъ ѣдетъ съ Графомъ въ Ставрополь для свиданія съ сестрою своею.

Полковникъ Баумеръ возвратился изъ поѣздки своей въ Ленкоранъ, и при первомъ извѣстіи о возвращеніи Вашемъ отправится въ Владикавказъ, сходно съ приказаніемъ Вашимъ; для соображенія для улучшенія Военно-Грузинской дороги.

Сванетская Княгиня чрезъ двѣ недѣли хочетъ отправиться отсюда, но вѣроятно постарается отложить отъѣздъ свой до возвращенія Вашего.

Послѣдняя почта доставила письма Ваши отъ 12 и 26 марта: надѣмся, что будущая тяжелая привезетъ оныя и отъ 19-го числа.

Считаю излишнимъ доложить Вашему Высокопревосходительству, что печать на конвертѣ Елисаветы Дмитріевны точно въ такомъ видѣ доставлена мнѣ Г. Чекменевымъ, почему прошу неподумать чтобы кто либо въ Штабѣ имѣлъ дерзость раскрывать письма Ея Высокопревосходительства.

17-го Апрѣля 1835. Тифлисъ.

№ 33. Полагая, что бумаги наши не могутъ застать Ваше Высокопревосходительство въ С.-Петербургѣ, отправляю оныя въ Ставрополь съ тѣмъ, чтобы оставались тамъ до прибытія Вашего: на сіе рѣшился я въ предположеніи, что Вы можетъ быть изволите пребыть нѣкоторое время на линіи и что нѣкоторые изъ нихъ касаются дѣлъ оной.

У насъ вообще все благополучно. Потоцкій, съ обыкновеннымъ своимъ усердіемъ и торопливостію было перепугалъ насъ извѣстіями объ опасной болѣзни Князя Дадіани (владѣтеля), но слава Богу кажется, это было извѣстіе слишкомъ поспѣшное, ибо въ послѣднемъ письмѣ своемъ отъ 14-го сего мѣсяца пишетъ, что у Его Свѣтлости осталась только небольшая отдышка; впрочемъ владѣтель во все время не переставалъ подписывать бумагъ и довольно твердою рукою.

Болѣзненное положеніе Радулова помѣшало ему по сіе время окончить порученныя ему Вашимъ Высокопревосходительствомъ занятія: сегодня онъ далъ мнѣ знать, что къ слѣдующей почтѣ надѣется окончить главную свою работу. Онъ сокрушается опасаясь, чтобы жалкое положеніе его небыло Вами сочтено нерадѣвнѣемъ, ибо дѣйствительно почти не выходитъ изъ постели.

На границахъ Гуріи Управляющій Кабулетомъ Эдинъ-Бекъ начинаетъ дѣлать безпорядки и захватилъ часть земли нашей. Петръ Николаевичъ относится къ Сераскиру объ удержаніи его. Сіе и подобныя безпорядки, на гра-

ницахъ Армянской области, которыя вѣроятно будутъ по временамъ возобновляться, вѣроятно побудятъ со временемъ сдѣлать и въ сихъ мѣстахъ положительное разграниченіе.

Французскій Консулъ получилъ отъ своего Министерства строгое замѣчаніе за недоставленіе въ оное срочныхъ отчетовъ по канцеляріи своей.

Послѣдняя почта отъ 2-го Апрѣля не привезла прямыхъ извѣстій отъ Васъ, надѣмся нынѣ получить оныя.

25-го Апрѣля 1835. Тифлисъ.

№ 34. Дабы не обременить Ваше Высокопревосходительство множествомъ дѣлъ по прибытіи въ Тифлисъ, рѣшаюсь и нынѣшнюю почту отправить къ Вамъ въ Ставрополь заготовленные бумаги.

Фельдгера, отправленные изъ С.-Петербурга 11 и 14 Апрѣля прибыли сюда 27 числа. Предписанія Ваши все исполнены, какъ о семъ изволите увидѣть изъ официальныхъ донесеній. Сожалѣю, что по неизвѣстности отношеній нашихъ съ Коканскимъ Ханомъ я непредугадалъ намѣреній Министерства на счетъ его Визиря, но сомнѣваюсь чтобы могла послѣдовать отъ него какая либо польза: его нужно бы призвать въ Москву, въ Петербургъ, чтобы онъ увидѣлъ величіе Россіи; проѣхавши же степями Кавказскими, Астраханскими, Оренбургскими и Сибирскими онъ мало бы былъ пораженъ могуществомъ нашимъ; притомъ обыкновенная пронырливость Азіатцовъ откроетъ ему, что все благовидныя внушенія дѣлаются отъ того, что нехотятъ принять рѣшительныхъ мѣръ.

Извѣстный Вашему Высокопревосходительству Львовъ возвратился благополучно въ Арзерумъ, письмо его ко мнѣ оттуда прилагаю на благоумотрѣніе Ваше.—Генералъ Кроминъ пріѣхалъ сюда; Петръ Николаевичъ, боясь чтобы онъ подобно Бостолилову, незавель здѣсь карточной игры, предложилъ ему отправиться въ Эривань, но онъ кажется намѣренъ ожидать здѣсь прибытія Вашего или къ оному пріѣхать сюда изъ Эривани, дабы испросить себѣ инструкцію: онъ нежелалъ бы быть въ зависимости отъ Князя Бебутова, который моложе его въ чинѣ Генерала, но по мѣсту долженъ быть его начальникомъ.

Французскому Консулу предписано доставлять подробнѣйшія извѣстія о дѣйствіяхъ нашихъ противъ Горцевъ: Посольство извѣщаетъ его, что къ прибытію Вашему соединенъ будетъ 25 тысячный отрядъ, надъ коимъ Вы примите начальство и что дѣйствія будутъ рѣшительнѣйшія прежнихъ; онъ же сообщаетъ Посольству, что Ген. Ахлестышевъ съ 10 т. выступилъ для начатія 2-го періода Черкеской Экспедиціи; о Генералѣ Вельяминовѣ совѣтуетъ получить извѣстія въ Петербургѣ, жалуясь что здѣшнее начальство слишкомъ

мнительно, и только по долговременномъ пребываніи можно составить связи достаточныя, дабы имѣть свѣдѣнія о всемъ происходящемъ въ краѣ.

Экспедиція Ген. Малиновскаго въ Февралѣ и Мартѣ кажется доказываютъ, что болота между Ольгинскимъ Редутомъ и Абинскомъ проходимы почти всегда; сіи же движенія доказываютъ необходимость истребить ближайшіе къ дорогѣ Аулы, безъ существованія коихъ Горцы немогли бы такъ скоро скопляться въ значительномъ числѣ противъ транспортовъ нашихъ.

Шамиль Гамринскій кажется хочетъ идти по стопамъ своихъ предшественниковъ; весьма бы хорошо, еслибы Унцукульцы успѣли въ самомъ началѣ остановить его, какъ о семъ пишетъ Сумбатовъ. Г. Кодионецъ писалъ къ Безаку, что Графъ Симоничъ возвращается въ Тавризъ, оставя въ Тегеранѣ Воде, а Ходзько посланъ въ Гиланъ, какъ сіе ежегодно дѣлается, для устройства тамошнихъ коммерческихъ дѣлъ. Онъ же пишетъ, что Гассанъ Али-Мирза доставленъ въ Тегеранъ и тамъ ослѣпленъ; также будто бы Графъ получилъ отъ Шаха саблю въ четверть милліона рублей ассигнаціями. Кажется это слишкомъ щедро для Персіанъ!

Алексѣй Конст. говорилъ мнѣ будто бы Без. видѣлъ у Графа письмо отъ отца Его Превосходительства, въ которомъ сей совѣтывалъ Его Сіятельству сноситься съ Вице-Канцлеромъ исключительно, несообщая ничего Вашему Высокопревосходительству о происходящемъ въ Персіи: Вы теперь болѣе можете судить возможно ли сію?

Петръ Николаевичъ поручилъ мнѣ свидѣтельствовать Вашему Высокопревосходительству свое глубочайшее почтеніе; онъ опять захворалъ лихорадкою, которая въ настоящее время года неможетъ быть опасна; Его Превосходительство продолжаетъ заниматься дѣлами.

Говоря о Ген. Кроминѣ я успѣлъ доложить, что игра картежная у насъ здѣсь совершенно затихла; вообще въ городѣ спокойно; въ Кахетіи же криво толкуютъ объ акцизѣ, но я полагаю послать туда Маіора Гринфельда, пользующагося тамъ довѣренностію, дабы объяснить настоящее постановленіе: теперь Гринфельдъ, по желанію Князя Палавандова, производитъ слѣдствіе въ Тулаверахъ, гдѣ двѣ спорящіяся стороны о садахъ надѣлали много буйства по прежнему обыкновенію своему. Здѣсь недавно застрѣлился одинъ гражданинъ по разстройству домашнихъ обстоятельствъ: примѣръ еще неслыханный!

Казасси часто сообщаетъ мнѣ разныя извѣстія, достопримѣчательныя все Вамъ сообщены или въ частныхъ письмахъ моихъ или въ официальныхъ донесеніяхъ; когда нужно было я требовалъ по онимъ объясненія: нынѣ доставленное мнѣ свѣдѣніе о Шихъ-Али-Бекѣ Ордубадскомъ считаю неизлишнимъ приложить на благоусмотрѣніе Ваше, пресокупляя что все сіи обстоятельства доведены до свѣдѣнія Князя Вобугова.

Индѣецъ явившійся къ Графу Симоничу сюда еще неприбыль: не принадлежитъ ли онъ къ шайкѣ Авганскаго Посланника? или подобно ему невздумалъ ли самъ предложить свои услуги Россіи. Авганецъ нашъ будучи подъ арестомъ по сіе время не вздумалъ обнаружить малѣйшей жалобы на малое наше уваженіе къ его высокому званію, это одно можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ обмана.

2-го Мая 1835. Тифлисъ.

№ 35. Петербургская почта отъ 23-го Апрѣля еще неприбыла, что оставляетъ насъ въ неизвѣстности о днѣ выѣзда Вашего Высокопревосходительства; но судя по предписанію Вашему къ Генералу Вельяминову полагаю что письмо сіе застанетъ Васъ уже въ Ставрополѣ.

У насъ здѣсь вообще спокойно, но менѣе нежели зимою какъ сіе обыкновенно бываетъ. Въ Гамборахъ взяли въ плѣнъ одного артиллерійста, по оплошности команды бывшей въ лѣсу съ незаряженными ружьями и отъ того обратившейся въ бѣгство при появленіи Лезгинъ. Внутри Нагорнаго Дагестана Мюриды начинаютъ опять шумѣть и дерутся между собою; объ одномъ кровопролитіи въ деревнѣ Телетп будѣтъ Вамъ донесено; но какъ сіе еще не угрожаетъ нарушеніемъ спокойствія въ Дагестанѣ Прибрежномъ, то Петръ Николаевичъ рѣшился дозволить на время Генералу Реутту съѣздить на Кавказскія воды, ибо здоровье его дѣйствительно того требуетъ. Извѣстный Вамъ Баронъ Шиллингъ тоже просилъ о семъ, но я не рѣшился его отпустить; кромѣ прежнихъ проказъ онъ недавно былъ въ Тифлисъ и хотѣлъ вызвать на дуэль Хвостова, но Казасси успѣлъ сіе отвратить и ихъ обоихъ выслалъ изъ города.

Транспортъ едва ли можно основательностію сформировать въ семь году, но какъ Ал. Алекс. находитъ возможнымъ обойтись подрядными подводами, то кажется нѣтъ особенной надобности спѣшить сформированіемъ транспорта. Ген. Васильковскій не надѣется на Маіора Плескачевскаго, а желалъ бы поручить сіе дѣло здѣшнему Полицеймейстеру Минщенкову, который вызывается на сіе если Вамъ угодно будетъ согласиться на увольненіе его въ отпускъ или вовсе отъ настоящей должности.

Слѣдствіе Сальянское кончилось; Генефельдъ и Воробьевъ возвратились; ожидаю Герича. Главный Радулова проектъ почти готовъ, но кажется по этой почтѣ не будетъ еще отправленъ.

Сюда прибылъ священникъ Симонъ и представилъ письма отъ Патріарха Ассирійскаго, пребывающаго въ Урумін, съ просьбою защитить ихъ племя отъ гоненія Персіанъ и Куртинъ; но подлинность писемъ сихъ весьма подозрительна; священникъ сей долженъ быть подосланъ однимъ Алливерди-Бекомъ, проживающимъ въ Арманской области, и который и прежде домогался вывести

изъ Персіи нѣсколько Ассиріянъ и поселить ихъ близъ себя, сдѣлаться ихъ начальникомъ. По объясненіи сего будетъ донесено Вашему Высокопревосходительству.

Подполковникъ Шостенко находится здѣсь и страдаетъ въ сильной степени Гемороемъ такъ что не оставляетъ постели. Хомутскій тоже здѣсь, и по увѣренію Генерала Гессе, тоже нездоровъ.

Графъ Рачи Мантонъ началъ извѣщать свое Министерство о дѣйствіяхъ нашихъ въ горахъ: сегодня онъ пишетъ прямо во Францію, что по неудобству Потійской пристани выбранъ для главнаго порта и пункта сообщенія съ Грузією — Голеникъ, и что Ген. Ахлестышевъ съ отрядомъ отъ 10 т. до 12 т. идетъ прологать къ оному дорогу, отбрасывая въ горы прибрежныхъ жителей, а Ген. Вельямновъ съ Сѣвера долженъ дѣйствовать въ связи съ нимъ. Графъ рекомендуетъ новый портъ сей вниманію Французской торговли.

Къ сожалѣнію всѣ три коменданта Мусульманскихъ провинцій худо оказываютъ себя. Капилети, какъ говорятъ, разыгрываетъ лотарею въ 2/т. червонцовъ и чрезъ Магалныхъ Наибовъ раздаетъ жителямъ билеты съ разрѣшенія П. Н. послалъ я Оленича удостовѣриться въ семъ и въ случаѣ справедливости при себѣ же заставить его уничтожить билеты и возвратить обратное всѣ деньги. Орловскій во время пріѣзда Краббе, подъ предлогомъ болѣзни неявился къ нему, не сдѣлавъ ему встрѣчи приличной начальнику, а по отъѣздѣ тотчасъ показался въ народѣ. Баратовъ предписалъ было опеку имѣнія Мадатовскаго выдать 15 т. серебромъ какому-то армянину за управленіе симъ имѣніемъ съ 1820 по 1823 годъ; Маіоръ Деруденко, составляющій опеку, будучи частнымъ человѣкомъ отказался сіе исполнить и какъ слышно Баратовъ старается истребить самую о семъ переписку, обнаруживающую невѣроятную его дерзость дѣлать столь явное злоупотребленіе. Маіоръ Слинко прібывшій сюда недавно обѣщалъ доставить мнѣ записку о происходящемъ въ его округѣ, которую представлю Вашему Высокопревосходительству.

Лакомбъ просилъ у Петра Н. позволеніе ѣхать въ Петербургъ. Его Превосходительство впредь до приказанія Вашего разрѣшаетъ ему только отправиться на воды, въ которыхъ онъ дѣйствительно нуждается, будучи почти всю зиму больнымъ. Для объясненія намѣреній своихъ онъ представилъ мнѣ письмо свое къ Графу Канкрину, о которомъ я уже писалъ Вамъ и которое при семъ прилагаю.

Въ надеждѣ скоро имѣть щастіе увидѣть Васъ...

9-го Мая 1835. Тифлисъ.

№ 36. Въ приказѣ отъ 21-го прошедшаго Апрѣля объявлено мнѣ Высочайшее благоволеніе; спѣшу принести Вашему Высокопревосходительству жи-

*

вѣйшую благодарность за обращеніе на меня Монаршаго вниманія, и вполнѣ чувствую милостивое Ваше расположеніе.

Мы полагаемъ Васъ въ Ставрополѣ или близь онаго: Баронесса Елисавета Дмитріевна 18-го числа выѣзжаетъ на воды. Мы всё желаемъ, чтобы и Ваше Высокопревосходительство посѣтили онныя и хотя нѣкоторое время отдохнули отъ столь чрезмѣрныхъ и многолѣтнихъ трудовъ: отсюда можно бы къ Вамъ доставлять бумаги, и дѣла мало имѣли остановки; Вы же бы избѣгли столь тягостныхъ здѣшнихъ жаровъ, особливо послѣ сѣверной прохлады.—Тетушка моя завтра выѣзжаетъ тоже туда, а съ нею и жена моя: съ разрѣшенія Петра Николаевича я полагаю проводить ихъ на нѣкоторое разстояніе.

Сальянское слѣдствіе кончено; оказывается что откупщикъ никогда не былъ въ такомъ выигрышѣ какъ въ 1826 и 1827 годахъ, но слѣдственная коммисія не пристудила еще къ открытію куда онъ скрылъ капиталы свои; сіе должно изслѣдовать въ Россіи, но наврядъ ли возможно что открыть; посему коммисія кажется хочеть о семъ представить на благоусмотрѣніе Ваше. Я къ Вамъ писалъ невыгодно о Г. Хотяновскомъ, участвовавшемъ въ коммисіи со стороны казенной экспедиціи. По возвращеніи сюда Г. Гансфюльдъ счелъ за обязанность отдать справедливость сему чиновнику, ведшему себя въ семъ дѣлѣ самымъ чистымъ образомъ. Члены коммисіи вообще недовольны Геричемъ, который будтобы по крайнему самолюбію все желалъ дѣлать по своему и отъ того дѣло протянулось болѣе надлежащаго.

Французскому Консулу доставлено письмо на имя Эскъ-Пера Графа Сюзанета, путешествующаго въ Африкѣ и Малой Азійи и который черезъ Тифлисъ долженъ проѣхать въ Москву.

Кегай Араерумскаго Сераскира прибылъ вчера въ Тифлисъ; кромѣ дѣла о Персидскомъ караванѣ онъ какъ говорятъ имѣеть особенное къ Вашему Высокопревосходительству порученіе; завтра Петръ Николаевичъ прийметъ его, причемъ буду находиться и я.

Маіоръ Слинко, бывшій въ Талышахъ съ Генераломъ Краббе, представилъ Подполковнику Казаси прилагаемую записку о тамошнихъ обстоятельствахъ, которую долгомъ считаю препроводить на благоусмотрѣніе Ваше, равно и копію съ предписанія Г. Казаси даннаго симъ послѣднимъ по порученію моему.

14-го Мая 1835. Тифлисъ.

По просьбѣ Г.г. Попова и Гр. Девирсерп я рѣшился дозволить имъ выѣхать на воды на встрѣчу Вашего Высокопревосходительства. Послѣдній сокрушается объ отставкѣ своей.

№ 37. Письмо Вашего Высочайшего Превосходительства изъ Москвы я имѣлъ честь получить 19-го числа по возвращеніи моемъ изъ Коби, до которой провозжалъ жену мою: немедленно чрезъ Барона Дмитрія Григорьевича сообщилъ я Полковнику Баумеру, уже выѣхавшему къ Вамъ на встрѣчу, чтобы онъ посрѣдился прибыть въ Питигорскъ, куда вѣроятно онъ успѣетъ явиться ко времени прибытія Вашего.

Трудно сдѣлать совершенно удобнымъ переѣздъ черезъ Кавказскія горы, но оный значительно можетъ быть улучшенъ постепенными не весьма трудными исправленіями. Необходимо также облегчить положеніе Горскихъ жителей, несущихъ самыя тягостныя повинности и сверхъ того болѣе всѣхъ другихъ жителей Грузіи платящихъ подати. Прежде они получали за перевозку одного вьюка чрезъ горы отъ 5 до 7 абазовъ, а теперь по улучшенію сообщенія платятъ только отъ 2 до 3. Сверхъ того они имѣютъ предлогъ жаловаться на то, что съ 1833 года имъ прекращенъ платежъ за работу на Военно-Груз. дорогѣ по 10 коп. ассигнац. на человѣка, потому что деньги производилсь по табелямъ Г. Гезіума нѣсколько мѣсяцовъ спустя послѣ самыхъ работъ и никогда жителямъ не доходили. Если бы Ваше Высочайшее Превосходительство нашли возможнымъ избавить сихъ жителей воемъ отъ донесныхъ податей, то сіе было бы великимъ и справедливымъ для нихъ благодѣяніемъ: по крайней мѣрѣ не благоудно ли будетъ хотя за наступающую половину года отложить или сложить сборъ съ оныхъ, производимый въ концѣ будущаго Іюня: знаю, что сіе совершенно отъ Васъ независитъ, но Вамъ можно рѣшиться на сіе, ибо въ случаѣ отказа Государя Вы можете приказать взнести сію сумму изъ денегъ, которыя можно отпустить горскимъ жителямъ за работу на Военно-Грузинской дорогѣ въ послѣднихъ двухъ годахъ и которыя вѣроятно составляютъ не менѣе 8/т. или 10/т. ассигнаціями.

Авганцы, въ предъупрежденіе воли Вашей, содержатся такъ хорошо какъ можно въ ихъ положеніи. Мирза живетъ у Оленича въ загородномъ домѣ, при коемъ пріятный садъ. Ханъ переведенъ изъ Приблия дома на квартиру Потоцкаго, хорошо устроенную и при коей тоже садикъ, недостатка они ни въ чемъ не терпятъ и даже продовольствуются роскошно; только немогутъ никуда выходить, ибо сіе было бы общественнымъ соблазномъ. Коль скоро слухи пришли о ихъ подлогѣ, то въ народѣ начали ихъ называть разбойниками, къ чему подало поводъ заносчивое поведеніе разной собранной ими здѣсь черни къ себѣ въ прислугу. Притомъ если позволить имъ ходить по городу, то весьма возможно, чтобы они сдѣлали попытку убѣжать, что за негодяевъ моглобы подвергнуть ответственности нашихъ чиновниковъ.

Проектъ Радулова уже отправленъ къ Вашему Высочайшему Превосходительству; здоровье его нѣсколько лучше.—Гордѣевъ отправился съ Анцугскимъ При-

ставомъ въ горы; весьма бы хорошо, если бы его поѣздка удалась. Познакомившись тамъ онъ могъ бы продолжить и въ послѣдствіи странствія свои, что гораздо для насъ легче нежели обозрѣніе военною силою.

Кегай Арзерумскаго Сераскира пріѣхалъ сюда хлопотать о караванѣ и просить содѣйствія Вашего къ прекращенію претензіи Персіянъ на уплату Сераскирамъ обѣщанной за грабежи Куртинъ суммы, о чемъ въ скорости будетъ донесено Вамъ.

21-го Мая 1835. Тифлисъ.

№ 38. Позвольте принести Вашему Высокопревосходительству живѣйшую благодарность за милостивое вниманіе къ семейству моему въ Пятигорскѣ: будучи столько обязанъ и душевно преданъ Вамъ я дорого цѣню всякій знакъ благоволенія Вашего.

Кагая Арзерумскаго Сераскира человѣкъ очень кроткій и сговорчивый; узнавъ, что Вы нежелаете задерживать его здѣсь, онъ тотчасъ приготовился къ дорогѣ и сего числа уже выѣхалъ, повторяя Петру Николаевичу, Александру Констановичу и мнѣ убѣдительнѣйшія просьбы ходатайствовать предъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ въ пользу Сераскира.

Петръ Николаевичъ и всѣ мы желаемъ встрѣтить Ваше Высокопревосходительство угоднымъ Вамъ образомъ: мы полагали выѣхать къ Вамъ по крайней мѣрѣ до Душета, но такъ какъ въ послѣднемъ письмѣ Вы изволили сказать, что жалеете меня увидѣть въ Тифлисѣ, то и Петръ Николаевичъ неосмѣливается беспокоить Васъ въ дорогѣ, но полагаетъ встрѣтить со всѣми Генералами и прочими чиновниками у дома Вашего, если Вамъ неблагоугодно будетъ дать другаго приказанія.

Я докладывалъ Вашему Высокопревосходительству о разграбленіи Магазеина въ Армянской области; по дознанію Поручика Гринфельда оказалось, что это одна выдумка Коммиссара Александровича, которою управленіе по доходамъ воспользовалось, дабы сдѣлать непріятность Князю Бебутову, который дѣйствительно получа представленіе онаго о столь важномъ безпорядкѣ въ области столь былъ тронутъ, что слегъ въ постелю; письмо Гринфельда къ Г. Казаси о сомѣ прилагаю; бараны о коихъ въ ономъ упоминается принадлежатъ къ числу отбитыхъ у Куртинцевъ, прошедшихъ изъ Карскаго Пашалыка чрезъ Армянскую область въ Баязетскій Пашалыкъ, и коихъ вмѣсто показанныхъ начальству 400 отбито 4,000 и сверхъ того до 100 штукъ разнаго скота и лошадей и довольно вещей, даже изъ Персидскаго каравана. Петръ Николаевичъ предписалъ, буде сіе справедливо, все возвратить Туркамъ.

Г. Казаси отправился вчера въ Елисаветполь, гдѣ одинъ житель вызвался указать ему большое количество денегъ зарытыхъ однимъ богатымъ сосланнымъ

въ Сибирь Лезгинскимъ купцомъ. Въ неизвѣстности посчастливится сіе ему, Петръ Николаевичъ поручилъ ему изъ Елисаветполя возвратиться сюда чрезъ Шемаху и Нуху, дабы доставить Вамъ свѣдѣнія о настоящемъ положеніи сихъ провинцій; между тѣмъ честь имѣю представить записки Маіора Слинко о Сальянахъ и Подполковникъ Орловскомъ и Талышинскомъ Ханствѣ: также весьма полезное и повидимому удобоисполнительное предположеніе Маіора Гринфельда о канавѣ близъ Алазани.

Бахметевъ сходно съ предназначеніемъ Вашимъ, уже отправился къ Полковнику Эперо: полагаю, что ему полезнѣе тотчасъ приняться за дѣло нежели оставаться здѣсь въ праздности и составить какія либо вредныя знакомства, къ чему здѣсь столько случаевъ.—Испрашиваю снисхожденія Вашего за неумышленную ошибку на шеть Г. Рѣдкина, котораго я согласился по представленію Генерала Гозіума командировать въ Имеретію единственно, дабы неостались безъ пользы большіе способы предоставленные Вами для Военно-Имеретинской дороги, требующей притомъ неотложнаго вниманія.

Честь имѣю при семъ представить письмо Г. Вице-Канцлера, которое будучи на конвертѣ заномеровано, было распечатано Петромъ Николаевичемъ...

№ 39. Письмо Вашего Высокопревосходительства изъ Воронежа отъ 11-го числа сего мѣсяца сейчасъ я имѣлъ честь получить, но къ сожалѣнію въ оному неприложенъ общанный Вами Высочайшій Вамъ рескриптъ. Сердечно утѣшительно всѣмъ преданнымъ Вамъ знать, что Вы возвращаетесь къ намъ съ полною увѣренностію въ милости Государя, цѣнящаго достойно труды Ваши и постигающаго положеніе края сего и всѣ предстоящія Вамъ затрудненія. Дай Богъ, чтобы для пользы общей и славы Вашей всѣ назначенія Ваши и впередъ увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ.

По сей почтѣ отправляю къ Вамъ бумаги въ Пятигорскъ, а потомъ буду сообразоваться съ извѣстіями о Вашемъ нахожденіи. Писавши 21 числа къ Вашему Высокопревосходительству чрезъ Г. Титова немѣю почти ничего особеннаго сказать.—Оленичъ возвратился изъ Нухи. Капилети, подражая своимъ предшественникамъ, дѣйствительно намѣревался разыграть свои вещи въ лотарю въ 1000 билетовъ, каждый по 2, которые Беки общали ему разобрать между собою, но когда онъ узналъ, что они билеты раздадутъ жителямъ посредствомъ Магильныхъ найбовъ, то онъ успѣшилъ отобрать всѣ билеты, нополучивши еще ни отъ кого денегъ: нынѣ онъ въ совершенномъ раскаяніи и огорченіи отъ ошибки своей въ семъ случаѣ: объ управленіи же его Оленичъ отзывается отличнѣйшимъ образомъ.

Гихо-Ханъ остается здѣсь въ ожиданіи людей своихъ изъ Сванетіи, но кажется сіе служить ей предлогомъ, дабы пробыть въ Тифлисѣ до возвра-

щенія Вашего. Сегодня она у меня была и объявила, что просьба ее ѣхать въ Петербургъ и Иерусалимъ была подложная, но настоящее намѣреніе се было увидѣть Васъ, и объяснить Вамъ, что сынъ и подвластные ее, возстали противъ нее и почти выгнали ее, дабы она ѣхала хлопотать о дѣлахъ ихъ; просьбы же ея слѣдующія: 1-е, чтобы правительство сносилось съ Сванетами не иначе какъ чрезъ нее, и ей прискорбно, что отправленные зимою миссіонеры дѣйствуютъ чрезъ посредство Князя Дадіана. 2-е, что Князь Шаховской несправедливо донесъ Вамъ на счетъ земель къ сторонѣ Кальчика находящихся и которые Вы изволили отсудить Уругіевцамъ: земли сіи древнее достояніе Сванетское и потерявъ ихъ Ціохо и подвластные ихъ лишились главнѣйшаго своего дохода; 3-е, Князь Дадіанъ распространяетъ слухи, безпокоющіе Сванетскій народъ, будто бы Кн. Шаховскій отмежевалъ ему часть земель Сванетскихъ; 4-е, Кн. Дадіанъ неудовлетворилъ ихъ вполне за приданное ее племянницы и другой родственницы бывшей замужемъ въ Мингрелии; 5-е, Она давно хотѣла вступить въ подданство Россіи, но Кн. Дадіанъ недопускалъ ее до сего, и нынѣ она готова показать услуги, которыя бы и мужчинѣ были не безславны. Князь Абхизовъ объявилъ мнѣ, что Гиго-Ханъ неоднократно упрашивала его составить для нее прошеніе къ Государю, съ изложениемъ подобныхъ просьбъ. Честь имѣю представить при семъ на благоусмотрѣніе письмо Гассанъ-Бея и записку архимандрита Антонія, доставленныя мнѣ Ген. Ахлестышевымъ. — У насъ 19-го числа было посвященіе Епископа Мингрельскаго Георгія. — Если бы точно извѣстно было время приѣзда Вашего, то онъ вѣрно остался бы здѣсь, дабы представиться Вамъ. Я далъ надлежащія на сіе отвѣты, но какъ она хочетъ здѣсь остаться до возвращенія Вашего, то я предложилъ ей на письмѣ изложить желаніе свое, дабы оно было яснѣе и можно было Вамъ представить въ случаѣ продолжительнаго отсутствія Вашего; но кажется одна цѣль се —увеличить свое вліяніе чрезъ посредство правительства.

23-го Марта 1835. Тифлисъ.

№ 40. У насъ здѣсь все, слава Богу, довольно благополучно. Особенныхъ происшествій нѣтъ: сей нарочный везетъ къ Вашему Высокопревосходительству донесеніе о желаніяхъ Сераскира. — Гиго-Ханъ, какъ мнѣ объявилъ Князь Абхазовъ, вовсе уже ничего не хочетъ просить у Вашего Высокопревосходительства, а ищетъ 1000 р. сер. подъ залогъ фермоара, пожалованнаго ей Государемъ и который было она подарила Абхазовой, дабы уплатить Князю Дадіану за 500 овецъ, которыя она должна Его Свѣтлости. — Осмѣливаюсь представить при семъ письмо ко мнѣ Потоцкаго, который спрашиваетъ будетъ ли Князь Шаховскій посланъ къ Сванетамъ: я отвѣчаю ему, что не знаю рѣ-

шительнаго соизволенія Вашего, но слышалъ, что Вамъ угодно было сію пмѣть въ виду и полагаю что если возвращенію Князя сюда незамедлится, то онъ будетъ отправленъ. — Потоцкій нѣсколько разъ писалъ ко мнѣ, что необходимо принять строжайшія мѣры для наказанія нѣкоторыхъ непокорныхъ Князей въ Самурзакано: такъ какъ время еще торпнть, то я просилъ его о семъ доложить по возвращеніи Вашего Высокопревосходительства.

Надѣюсь въ скорости имѣть счастье Васъ увидѣть.

28-го Мая 1835. Тифлисъ.

№ 41. Я имѣлъ честь докладывать Вашему Высокопревосходительству о послѣдствіи Г. Оленича въ Нуху по случаю дошедшаго сюда слуха, что Г. Капилети разыгрываетъ тамъ лотарею; нынѣ почтеннѣйше представляю рапортъ Г. Оленича объясняющій сію и свидѣтельствующій о похвальномъ управленіи Г. Капилети. Г. Казаси однако полагаетъ, что Г. Капилети рѣшился отказаться отъ лотарей, узнавъ что нѣсколько билетовъ на оную доставлены Генералу Краббе, весьма худо сію принявшему.

Г. Понинскій успѣлъ было завести несогласіе въ Драгунскомъ полку, но оно какъ изволите усмотрѣть изъ прилагаемой записки Маіора Гринфелда неимѣло большихъ послѣдствій.

Г. Рихтеръ возвратился изъ Имеретіи, но дождавшись Экспедиціи, какъ будто отъ того что невидѣлъ къ себѣ довѣренности Генерала Ахлестышева; онъ осмотрѣлъ только нѣкоторые лазареты, кои весьма одобряетъ.

Г. Казаси получилъ отъ своего офицера изъ Эривани увѣдомленію, что онъ отправляется на слѣдствіе въ Сурмалинскій Магалъ, въ коемъ будто бы жителями разграбленъ большой казенный магазинъ. Генераль Фроловъ недоноситъ еще о семъ Вашему Высокопревосходительству, неимѣя увѣдомленія отъ Князя Бебутова, который какъ видно самъ неимѣлъ еще точныхъ свѣдѣній о семъ происшествіи, которое и можетъ быть увеличено и искажено.

Погода у насъ еще почти холодная, отъ того больныхъ не такъ много, что и внушило мнѣ смѣлость просить Васъ о дозволеніи рекрутамъ идти сюда изъ Ставрополя въ теченіи Іюня, который на липіи еще сносенъ, а здѣсь они могли бы простоять до осени въ ближайшихъ полкахъ.

Изъ бумагъ видно, что Ваше Высокопревосходительство прибыли въ Ставрополь 19-го Мая и 23 еще тамъ находились; полагая что въ Пятигорскѣ изволите быть не раньше 26-го числа я рѣшился отправить къ Вамъ по сей почтѣ бумаги туда чрезъ Георгіевскъ.

Петръ Николаевичъ просилъ меня свидѣтельствовать Вамъ его глубочайшее почтеніе, съ каковымъ и я, а равно съ неограниченною преданностію честь имѣю быть.

30-го Мая 1835. Тифлисъ.

№ 42. Еще при Генералѣ Ермоловѣ предполагалось отъ Дурдурскаго поста провести прямую дорогу до Ардоне, чѣмъ разстояніе между оными сократилось бы на 6 верстѣ: Полковникъ Широкий и Смотритель сообщеній увѣрили меня, что сія прямая дорога будетъ лучше настоящей и требуетъ устройства одного только моста, но Генералъ Газіумъ находитъ оную весьма неудобною по причинѣ топкости грунта. Я поручилъ Г. Смотрителю сообщеній доложить о семъ Вашему Высокопревосходительству, съ тѣмъ неблагоугодно ли будетъ поручить осмотрѣть оную кому либо изъ могущихъ о семъ судить, впрочемъ въ хорошую погоду можно по оной, какъ увѣряютъ, безъ всякаго затрудненія проѣхать и въ тяжеломъ экипажѣ.

Ваше Высокопревосходительство изволили предписать Генералу Газіуму исправить къ 1-му Сентябрю домики въ Коби. Офицеръ Бенчаловскій увѣрялъ меня, что онъ по сіе время не получилъ о семъ никакого приказанія. Справедливо было бы исправить оныя хотя бы на счетъ Его Превосходительства.

Съ Макаровымъ по приказанію Вашего Высокопревосходительства я говорилъ о лѣсѣ, который онъ находитъ нужнымъ вырубить, и буду имѣть честь доложить въ Тифлисъ.

Полковникъ Баумеръ, какъ здѣсь говорятъ небылъ болѣнъ, но очень изнурился при исполненномъ имъ обзорѣннн дороги по Кистинкѣ, Генералъ Газіумъ намѣренъ спѣшить въ Тифлисъ, дабы отправиться съ нимъ въ Карабахъ для осмотра дороги чрезъ Геросы въ Нахичевань.

Встрѣченнаго мною на Арданскомъ посту нарочнаго изъ Тифлиса я отправилъ къ Вашему Высокопревосходительству, особенныхъ же слуховъ о происходящемъ въ Грузіи здѣсь нѣтъ. По дорогѣ все спокойно.

3-го Сентября 1835. Ларсъ.

№ 43. Я пріѣхалъ сюда вчера и какъ кажется здѣсь все спокойно и благополучно. Хлѣбъ изъ Армянской области доставляется на Вѣлый Ключъ и Манглисъ; сюда ожидаютъ въ скорости первый транспортъ: въ Персіи какъ увѣряютъ, продолжается холера и чума. Шахъ проситъ Графа Симонича пріѣхать къ нему въ Тегеранъ, полагаютъ что Его Величество опасается безпокойствъ со стороны родственниковъ своихъ, встревоженныхъ строгими мѣрами принятыми имъ противъ нѣкоторыхъ принцевъ.

8-го Сентября 1835. Тифлисъ.

№ 44. Aujourd'hui à 8¹/₂, heures du matin les deux Pières ont été retirées du precipice et seront transportées sur l'affut d'une piece de Montagne, qui elle-même sera portée par des hommes, vers les onze (11)

heures du matin je compte commencer le mouvement rétrograde; le porteur de ceci croit que je vais plus loin. Ses récits ne doivent point le faire penser a Votre Excellence. Pour alléger notre mouvement il seroit necessaire que le passage se la rivière fut occupé par les troupes du Camp.

Vol. Volchofsky.

Dans les environs du camp on voit de petets groupes de l'ennemie.

9¹/₂ du matu.

le 10 Sept.

№ 45. Испытавъ столь много милостивое расположение Вашего Высокопревосходительства осмѣливаюсь увѣдомить Васъ о благополучномъ разрѣшеніи жены моей дочерью, послѣдовавшемъ вчерашняго числа въ 6 часовъ вечера. По благосклонному соизволенію Вашему Г. Прибилъ пріѣхалъ сюда во время, и былъ весьма полезенъ совѣтами своими. Марія Васильевна покуда въ довольно хорошемъ положеніи, но какъ вообще первые дни послѣ разрѣшенія довольно опасны, то я рѣшаюсь остаться здѣсь еще нѣсколько времени, въ надеждѣ на неограниченную снисходительность Вашу, которую глубоко чувствую. 29-го Іюля 1836. Манглись.

№ 46. Отправляя къ Вашему Высокопревосходительству нѣсколько изготовленныхъ бумагъ осмѣливаюсь присовокупить, что баронесса Елисавета Дмитріевна отъ того не пишетъ къ вамъ, что за нѣсколько часовъ отправила къ Вамъ письмо чрезъ Г. Сараджева. Сегодня вечеромъ я имѣлъ честь быть у Ея Высокопревосходительства, и нашелъ всѣхъ здоровыми, неисключая и Папиньки, у которой весьма удачно вырвали зубъ.

Сейчасъ явились ко мнѣ Гг. Смитонъ и Пушкинъ и объявили о несчастіи постигшемъ чиновника канцеляріи Вашей Макарова, бывшаго съ ними въ Кахетіи на Алавердинскомъ праздникѣ и вчерашняго числа найденнаго убитымъ близъ Шүантпискаго монастыря въ 10 верстахъ по сю сторону Телава. Г. Якубовичъ приглашаетъ ихъ поспѣшнѣе возвратиться въ Телавъ, ибо присутствію ихъ необходимо при производимомъ по сему случаю слѣдствіи. Мы съ Михаиломъ Григорьевичемъ совѣтывали имъ исполнить немедленно сіе приглашеніе, и они на разсвѣтѣ отправляются туда. Кажется подозрѣнія на нихъ никакого не можетъ быть. Макаровъ уѣхалъ изъ Телава передъ ними; въ потомъ они его уже не видали. Воши всѣ остались при немъ, раненъ онъ пулею въ бокъ и кинжаломъ въ горло: возможно, что будучи не трезвъ оскорбилъ кого-либо изъ проѣзжихъ и погибъ въ происшедшей дракѣ. Съ Пушкинымъ и Смитономъ онъ немѣлъ ни малѣйшаго, по словамъ ихъ, не-

удовольствія. Якубовичъ адресуется прямо къ нимъ чрезъ нарочнаго, который ихъ догналъ въ 10 верстахъ отъ Тифлиса; онъ не пишетъ ни къ военному ни къ гражданскому начальству о высылкѣ ихъ, что еще болѣе заставляетъ надѣяться, что и онъ ихъ не считаетъ прикосновенными къ сему произшествію, но требуетъ какъ товарищей, бывшихъ вмѣстѣ съ покойникомъ до самой кончины его. Кромѣ сего несчастнаго случая у насъ нѣтъ ничего особеннаго.

Тифлисъ. 19 Сентября 1836. 10 часовъ вечера.

№ 47. Сегодня въ 8 часовъ вечера я имѣлъ честь получить записку Вашего Высокопревосходительства изъ Цхенисхале и тотчасъ представилъ письмо ваше баронессѣ Елисаветѣ Дмитриевнѣ. Такъ какъ вамъ угодно имѣть послѣднее орденомъ Княгини Тамары, то я рѣшился отправить оный не по лотучкѣ, какъ вы изволили приказать, но съ нарочнымъ, который однако едвали прибудетъ къ вамъ въ Зугдиди ранѣе 30-го числа; или 29-го встрѣтитъ васъ близъ Кутанса. Писавши къ Вашему Высокопревосходительству вчера вечеромъ также чрезъ нарочнаго я неимѣю ничего особеннаго сообщить, кромѣ того что видѣлъ Экзарха благополучно возвратившагося изъ Кахетіи и весьма довольнаго красмъ и жителями, его принимавшими весьма усердно.

Сей часъ Г. Безакъ привезъ мнѣ два рапорта генерала Краббе, которые честь имѣю приложить. Онъ же сказывалъ мнѣ, что о ходѣ Чумы извѣстія самыя благопріятныя: оная вездѣ прекращается и нигдѣ вновь непоказывается. Приѣзжащіе изъ Турціи и Персіи весьма жалуются, что выдержавъ карантинъ на границѣ они вновь проводятъ 14 дней въ Тифлискомъ карантинѣ.

Тифлисъ. 21 Сентября 1836. 9 часовъ вечера.

№ 48. Козакъ, отправленный Вашимъ Высокопревосходительствомъ изъ Зугуиди 29-го Сентября прибылъ сюда 1-го Октября въ 7 часовъ утра, въ четвергъ привезенныя имъ бумаги отправлены по Экстра-Почтѣ въ Владикавказъ. По замѣчаніямъ Вашего Высокопревосходительства объ усмотрѣнномъ Вами до Цхенисхале заготовляются кому нужно предписанія; объ исправленіи же постовъ въ Имеретіи для выигранія времени я рѣшился теперь же прямо отъ себя предварить Капитана Луккина, съ тѣмъ чтобы онъ приступалъ къ сему и до полученія предписанія Вашего, которое уже изготовляется.

Тяжелая почта получена мною вчера вечеромъ; послѣшаю отправить оную къ Вашему Высокопревосходительству, ибо оная привезла наконецъ утвержденіе Гумринскаго контракта. Вчера прибылъ сюда и Генералъ Ксхановъ, оставивъ свое семейство въ С.-Петербургѣ въ ожиданіи опредѣленія дѣтей своихъ. Генералъ Фези 3-го Сентября пріѣхалъ въ Тамань и на первомъ военномъ суднѣ, ожидавшемся изъ отряда, полагалъ стправиться къ оному въ Суджук-

скую Вухту. Его Превосходительство поручилъ мнѣ довести до свѣдѣнія Вашего, что онъ для ускоренія прибытія своего къ мѣсту назначенія полагалъ изъ Одессы отправиться въ Керчь на пороходъ, но незаставъ онаго принужденъ былъ ѣхать сухимъ путемъ чѣмъ довольно замедлилось прибытіе его въ Керчь, гдѣ за противными вѣтрами тоже оставался нѣкоторое время.

Генераль Зассъ сдѣлалъ снова два удачные набѣга, и послѣдній противъ Кореунскаго селенія въ Черноморіи. Отъ Алексѣя Александровича нѣтъ никакихъ бумагъ, и вообще по послѣднимъ двумъ почтамъ оныхъ весьма мало получено. Въ Тифлисѣ у насъ ничего особеннаго не происходитъ. Для Глм-назіи свезено довольно матеріаловъ, а Казачій постъ въ скорости долженъ быть готовъ.

Жена моя и Тетушка приносятъ Вашему Высокопревосходительству живѣйшую благодарность за благосклонное о нихъ вниманіе.

Графъ Девіеръ возвратился изъ отпуска 18-го Сентября онъ проѣзжалъ (изъ отпуска) мимо Ольгинскаго укрѣпленія, при коемъ былъ дѣйствующій отрядъ; гвардейскій офицеръ графъ Штакельбергъ сказывалъ ему, что Дмитрій Григорьевичъ здоровъ.

Тифлисъ. 2-го Октября 1836.

№ 49. Баронесса Елисавета Дмитриевна неизволить съ сямъ нарочнымъ писать къ Вашему Высокопревосходительству, ибо вчерашній нарочный повезъ къ Вамъ все что Ея Высокопревосходительство имѣла Вамъ сообщить; въ семействѣ же Вашемъ все совершенно благополучно и сегодня Ваши кажется будутъ на вечерѣ у Генеральши Леоновой. Хорунжій Борчевскій, привезшій изъ Черноморіи бумаги отъ Потоцкаго видѣлъ 20-го Сентября Дмитрія Григорьевича, привозившаго вмѣстѣ съ Нестеровымъ больнаго Врангеля въ Екатеринодаръ. Дмитрій Григорьевичъ совершенно здоровъ и Врангель не въ опасности, но чрезвычайно слабъ и Нестеровъ полагаетъ, что ему нужно долго отдыхать, чтобы опять вріидти въ силы. Я отправляю къ нему около 750 р. жалованья за Майскую треть, ибо онъ нуждается въ деньгахъ.

Графъ Цукатовъ объявилъ Борчевскому, что онъ прежде полагалъ выйдти въ отставку, но ободренный Монаршею милостію и вниманіемъ Вашимъ рѣшился остаться при нынѣшнемъ назначенія своемъ; почему и просить, чтобы приказъ объ увольненіи его былъ высланъ прямо къ нему, дабы въ веснѣ онъ успѣлъ возвратиться въ Анапу. Если вамъ угодно на сіе согласиться, то не прикажете ли должность его поручить Маіору Гринфельду—кажется это одно средство, дабы все доброе тамъ щастливо начатое—по прежнему неразстроилось бы, впрочемъ кромѣ Подполк. Окинчица Гринфельдъ кажется старшій въ Анапѣ, Абмевъ въ Джиматейскомъ Укрѣпленія и уже безъ ропота подчинялся Маіору

Пѣженцу. Гр. Цукато тоже кажется необходимо теперь усдерживать, дабы пріохотить его продолжать полезную службу свою въ Анапѣ.

Въ Тифлисскомъ полку случилось недавно ужасное происшествіе, слава Богу окончившееся благополучно: трое бѣглыхъ солдатъ схватили въ лѣсу полковаго квартирмистра Подпоручика Горшкова и привязали къ дереву, дабы уморить голодною смертію. Онъ на третій день успѣлъ оторваться и возвратился въ полкъ, гдѣ теперь боленъ. Негодяевъ этихъ отыскиваютъ.

Вмѣстѣ съ симъ представляю приказъ объ увольненіи Подпоручика Казбека для женитьбы на Г-жѣ Казбекъ. Сегодня я видѣлъ Князя Волконскаго который удивляется какъ рѣшаются выдать за него порядочную женщину. Михаилъ Казбекъ самъ жаловался Князю, что Атрепьевъ укралъ у него рубль серебромъ, и Князь считаетъ его къ сему способнымъ.

Я хотѣлъ сегодня представить Вашему Высокопревосходительству рапортъ Генераль-Интенданта со смѣтою на 1837 годъ, но Его Превосходительство не успѣлъ еще повѣрить измѣненій изложенныхъ въ заготовленномъ къ подписи Вашей отношеній къ Военному Министру: по сему нарочный завтра отправиться, и можетъ быть Елисаветъ Дмитриевнѣ угодно будетъ писать къ Вамъ.

4-го Октября 1836. Тифлисъ.

№ 50. Честь имѣю представить Вашему Высокопревосходительству донесеніе Генерала Завадовскаго объ Экспедиціи противъ Аула Хабля, при чемъ Мингрельская дружина понесла столь значительную потерю. Незнаю изволите ли одобрить смыслъ предписанія заготовленнаго Генералу Завадовскому; меня къ сему побудило сердечное соболѣзнованіе, что Мингрельцы подвергнуты такой потери какъ кажется безъ надобности, и опасеніе, чтобы сіе необезкуражило ихъ; весьма желаю въ сѣмъ ошибиться, и можетъ быть Г. Потоцкій успокаиваетъ Васъ на сей счетъ, но обыкновенно первыя встрѣчи имѣютъ большое вліяніе на духъ войскъ.

Генераль Реуттъ, кажется благоразумно поступаетъ рѣшившись сдѣлать движеніе къ Гопатлю: было бы прекрасно, если бы онъ рѣшился дойти до Ашильты, это можетъ быть бы рѣшительный ударъ Шамилю: съ содѣйствіемъ Магметъ-Мирзы и Аварцовъ это можетъ быть не представило бы особенныхъ трудностей. Самъ по себѣ я неосмѣлился писать о сѣмъ Генералу Реутту (для выигранія времени), тѣмъ болѣе что не полагаю, чтобы бумага хотя бы сегодня отсюда отправленная могла постигнуть во время, ибо она не прійдетъ къ Его Превосходительству прежде десяти дней, когда уже безъ сомнѣнія войска наши возвратятся назадъ.

5-го Октября 1836. Тифлисъ.

№ 51. Вчера возвратился сюда Полковникъ Гене: по случаю смерти Нуцаль-Хана и болѣзни Магмедъ-Мирзы немогли пробѣхать чрезъ Аварію въ Грузію онъ рѣшился скрытнымъ образомъ изъ Гергебиля чрезъ Андалу и Кейсерухъ пройти въ Закаталы, но деревнѣ Чухъ былъ узнанъ; часть жителей положила умертвить его, для чего и прислали къ нему на квартиру одного смѣлаго человѣка для совершения сего. Хозяинъ, извѣстный Вашему Высокопревосходительству, Ибраимъ отвратилъ ударъ и закололъ убійцу. Подк. Гене пользуясь происшедшимъ отъ сего смятеніемъ успѣлъ уѣхать изъ деревни въ сопровожденіи Ибраима и другаго Лезгана Ахмеда. Г. Гене успѣлъ прежде сего сдѣлать нѣкоторыя новыя обозрѣнія и собралъ дополнителныя кажется любопытныя свѣдѣнія, о дорогахъ въ Дагестанѣ. Ибраимъ ожидаетъ здѣсь возвращенія Вашего Высокопревосходительства.

Топографы бывшіе у Кахтинцовъ тоже возвратились и привезли хорошую съемку: по ихъ свѣдѣніямъ отъ Галгаевцовъ идетъ весьма удобная дорога къ Кистымъ, а отъ оныхъ въ Аварію; это согласно съ свѣдѣніями Полковника Гене. Теперь остается еще нерѣшеннымъ вопросъ: лучшее сообщеніе съ Аварією идетъ ли изъ верхней Кахетіи или изъ Бежаньянъ? Топографы осмотрѣли и урочище Орисцхали, о занятіи коего настаиваетъ Князь Палавандовъ.

П. Гене весьма хвалитъ Магмедъ-Мирзу и полагаетъ, что онъ будетъ человѣкъ совершенно полезный правительству. Онъ считаетъ его гораздо способнѣе Ахмедъ-Хана къ управленію и Аварією.

Жена покойнаго Аварскаго Хана тоже желаетъ выйти за мужъ за Магмедъ-Мирзу: это кажется самое для насъ удобнѣйшее; между тѣмъ П. Гене говоритъ будто бы Мадатовъ увѣрилъ Ахмедъ-Хана, что онъ будетъ Правитель Аваріи; впрочемъ бѣды въ этомъ нѣтъ, ибо можетъ быть по сему убѣжденію Ахмедъ-Ханъ нынѣ нѣсколько содѣйствуетъ къ безопасности Аваріи пребываніемъ своимъ вооруженными людьми на границахъ ее.

При семъ представляю рапортъ Подполковника Мадатова за № 30, сей часъ мною полученный и письмо къ нему Подполк. Норденстама. Есть два письма къ Вашему Высокопревосходительству отъ Магмедъ-Мирзы, которые отданы для перевода.

5-го Октября 1836. Тифлисъ.

№ 52. Прибывшія тяжелая и Экстра-Почта привезли отъ Генерала Вельяминова двѣ незначущія бумаги, отправляемыя къ Вашему Высокопревосходительству, по распоряженію его о заготовленіи продовольствіи и фуража для Кавказской линіи, которое я счелъ нужнымъ предварительно передать на разсмотрѣніе Г. Генералъ Интенданта; извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ за Кубанью никакихъ нѣтъ.

Генералъ Кохановъ разсказываетъ о какомъ то постѣ близъ Кисловодска пострадавшемъ отъ набѣга горцевъ. Изъ Дагестана прибылъ одинъ Чухскій старшина съ письмомъ отъ Магмедъ-Мирзы и родственникомъ своимъ, знающимъ по Арабски и который желаетъ учиться по Русски. Они остаются здѣсь до прибытія Вашего Высокопревосходительства; они выѣхали въ то время, когда Курдинскіе жители прогнали отъ своего моста Шамиля; и въ дорогѣ слышали будто Магмедъ-Мирза, Аварцы, Ануальцы, Ахмедъ-Ханъ окружили Шамиля въ Старомъ Гоцатлѣ такъ, что онъ не можетъ уйти оттуда, и поджидали прибытія нашихъ войскъ для дальнѣйшихъ дѣйствій. Дай Богъ щастливой развязки, тогда бы на нѣкоторое время не было опасеній насчетъ спокойствія въ Дагестанѣ.

Въ прошедшемъ письмѣ я пропустилъ довести до свѣдѣнія Вашего, что Полковникъ Гене проѣзжая Джарскую область видѣлъ крайнее неудовольствіе жителей на Пристава и даже на Князя Гваржидзева, которыхъ обвиняютъ въ чрезмѣрныхъ поборахъ. Въ присутствіи Полковника Гене былъ отобранъ у одного Лезгина послѣдній баранъ. Нѣкоторые жители, зная его давно по случаю поѣздокъ его въ Дагестанъ, просили доложить Вашему Высокопревосходительству о стѣсненіи своемъ. — Маіоръ Коргановъ еще не пріѣхалъ сюда.

8-го Октября 1836. Тифлисъ.

№ 53. Въ избѣжаніи слишкомъ большаго накопленія бумагъ къ возвращенію Вашего Высокопревосходительства я рѣшился нѣкоторыя изготовленные представить Вамъ съ парочнымъ.

О прошествіи близъ Кисловодска нѣтъ еще донесенія, но Г. Клементъ получилъ изъ Ставрополя отъ 2-го Октября письмо, въ которомъ говорятъ, что Генералъ Зассъ разбилъ при Кисловодскѣ сильную партію Черкесъ, у коихъ убито 10 Князей и 60 человекъ простаго званія. Съ нашей стороны нѣсколько чиновниковъ ранено, между прочимъ Мамука Орбелиановъ двумя пулями въ бокъ, но неизвѣстно опасно или нѣтъ. Если бы Ваше Высокопревосходительство неподчинили Кисловодской линіи Генералу Зассу, то безъ сомнѣнія онъ явился бы близъ Кисловодска. Пріѣзжающіе съ линіи утверждаютъ, что по общему мнѣнію два баталіона Мингрельскаго и Егерскаго полка безъ особенной пользы располагаются на лѣто и осень близъ Кинжалъ-горы, по что полезнѣе было бы имѣть ихъ на Кубани, заявъ по оной нѣсколько постовъ выше нынѣшняго послѣдняго нашего Хумаринскаго укрѣпленія.

Полк. Чайковскій доноситъ, что въ Кисловодскѣ есть уже 18 охотниковъ строиться по новому плану, и что 11 фасадовъ представлены Ген. Вельяминову на утвержденіе: неблагоугодно ли написать Его Превосходитель-

ству, чтобы сіе скорѣе было разрѣшено, дабы хозяева не потеряли времени къ постройкѣ.

Подполковникъ Евстратовъ довольно тяжело болѣвъ; Инженерныя работы Полк. Баумеръ передалъ Подполк. Коху, а Экстраординарными до прибытія Вашего согласился заниматься Подполк. Сонинъ, не принимая оныхъ формально отъ Г. Евстратова и подъ руководствомъ его.

13-го или 14-го числа мы надѣемся имѣть счастье увидѣть Васъ.

11-го Октября 1836. Тифлисъ.

№ 54. Ея Высокопревосходительству Баронессѣ Елисаветѣ Дмитріевнѣ угодно, чтобы прилагаемое письмо Ея было немедленно отправлено къ Вамъ. Исполняя сіе честь имѣю присовокупить двѣ бумаги полученныя на имя Ваше отъ Г.-Ад. Адлерберга при особыхъ объявленіяхъ почты.

Съ послѣднимъ нарочнымъ я представилъ рапортъ Г. - М. Петрова о Кисловодскомъ произшествіи, упоминаемаго въ ономъ донесеніи Г.-М. Засса еще не получено. Новаго у насъ въ Тифлисъ ничего нѣтъ, кромѣ возвращенія Гр. Юры, неуспѣвшаго получить Консульское мѣсто по желанію своему въ Италіи или Австріи и возвратившагося провести въ Грузіи остатки дней своихъ. Нарочный отправленный Вами изъ Ахалцыха прибылъ въ Тифлисъ сегодня утромъ.

13-го Октября 1836. Тифлисъ.

№ 55. Полагая, что завтрашнее утро Ваше Высокопревосходительство изволите провести въ Манглисѣ, я рѣшился представить Вамъ Экстра-Почту сегодня пришедшую: тяжелую ожидаютъ завтра къ обѣду.

Рапортъ Г.-М. Засса полученъ; хищники нагнаты имъ въ Хаскутовскомъ ущельи; и оставили на мѣстѣ 41 тѣло, въ томъ числѣ предводителя своего Нархизова и другихъ старшинъ: сіе донесеніе неприлагается, ибо къ завтрашней почтѣ готовится по оному отношенію къ Военному Министру. Фе пишетъ мнѣ, что изъ 800 Горцевъ немногіе спаслись.

Незнаю изволить ли Баронесса Елисавета Дмитріевна писать къ Вамъ; но въ семействѣ Вашемъ все благополучно.

14-го Октября 1836. Тифлисъ.

Фе мнѣ пишетъ, что Баронъ Турнау узнавъ въ горахъ и по предательству вожака своего Асланъ-Гирея задержавъ, но куда обходятся съ нимъ хорошо.

Съ рапорта Генерала Засса успѣли снять копію и онъ представляется Вашему Высокопревосходительству.

№ 56. Начавшаяся опять здѣсь дождливая погода заставляетъ опасаться, что путешествіе Вашего Высокопревосходительства будетъ продолжительнѣе нежели Вы изволили полагать; дабы воспользоваться свободнымъ временемъ до прибытія Вашего, я рѣшаюсь Зугдиди съѣздить въ Поти, если впрочемъ грязная дорога не слишкомъ утомитъ меня.

Военно-Имеретинская дорога слишкомъ дурна; весьма желательно чтобы улучшенія Вами назначенныя были окончены къ пріѣзду Государя, но кажется нынѣшняго числа рабочихъ мало. Генераль Эспехо очень заботится объ устройствѣ края и войскъ: можно надѣяться, что онъ вполне оправдаетъ выборъ Вашъ; дай Богъ, чтобы здоровье неизмѣнило ему.

№ 57. Я прибылъ къ лагерю авангарда въ 6 часовъ утра; до котораго шагами насчитано 2 версты 150 саж. Дорога нескоро будетъ разработана, но полагаю, что часа черезъ два нужнѣйшія мѣста будутъ окончены: впрочемъ я полагаю здѣсь подождать Цебельдинцовъ часа два и потомъ возвратиться. Цебельдинцы еще не пріѣзжали, но вчерашніе сюда къ намъ отпразднелись сегодня по причинѣ тумана вдаль невидно, но ночью видно было до десяти огней въ верстахъ трехъ или 4-хъ отсюда. Полагаютъ, что нѣкоторые огни были нарочно разложены. Теперь изъ авангарда посылаютъ рекогносцировку изъ двухъ ротъ пѣхоты для осмотра дороги на двѣ версты впереди. О чемъ честь имѣю донести.

2-го Мая 1837. 7¹/₂ часовъ утра.

№ 58. Въ исполненіе приказанія Вашего Высокопревосходительства представляя въ донесеніи моемъ свѣдѣнія, которыя Вамъ угодно было имѣть для предварительныхъ соображеній Вашихъ, честь имѣю почтеннѣйше присоединить.

1, Г. Контръ-Адмираль находитъ необходимымъ удержать здѣсь транспортъ Чапманъ, на случай десанта; у Ген. Вельяминава находится одинъ или даже два транспорта, пять военныхъ судовъ, 2 Голи и нѣсколько купеческихъ судовъ, коихъ 18-го Мая пароходъ Язонъ повелъ на буксирѣ къ Тиаду.— Удержаніе здѣсь Чапмана недѣли на двѣ не можетъ причинить остановки въ предпріятіяхъ со стороны Геленджика.

2, Г. Контръ-Адмираль находитъ также необходимымъ вытребовать сюда на нѣкоторое время пароходъ Язонъ—онъ чрезвычайно ускоритъ высадку и особенно можетъ облегчить обходъ на гребныхъ судахъ устья Бзыби, — еслибы Вамъ благоугодно было направить сухопутную часть отряда къ Гаграмъ, для отвлеченія вниманія непріятеля отъ пункта десанта.

3, Г. Контръ-Адмираль полагаетъ, что Черкесы весьма опасаются занятія мыса Адлера, и вѣроятно соберутся въ весьма значительныхъ силахъ для

воспрепятствованія намъ утвердиться на ономъ. Для развлеченія вниманія ихъ Его Превосходительство полагаетъ весьма полезнымъ, чтобы часть отряда сухопутно слѣдовала къ Гаграмъ и даже произвела тамъ фальшивое нападеніе. Флотъ поднявъ десантъ прибылъ бы въ Пицундскую бухту, и на гребныхъ своихъ судахъ изъ Когершахъ перевезъ бы сухопутный отрядъ черезъ устье Бзыби, что съ помощію парохода можно исполнить въ сутки или даже скорѣе; по прибытіи же войскъ къ Гаграмъ флотъ направился бы къ Адлеру, а десантъ былъ бы произведенъ въ то время какъ вниманіе непріятеля было бы развлечено приближеніемъ войскъ къ Гаграмъ. Кажется мнѣніе сіе совершенно основательно, если нельзя надѣяться посадить войска въ Сухумъ сдѣлать внезапное нападеніе на Адлеръ; во всякомъ же случаѣ Его Превосходительство предпочитаетъ (нагружать) сажать войска, предназначенныя для десанта въ Сухумъ-Калѣ, какъ мѣстѣ удобнѣйшей стоянки для флота.

4, Г. Контръ-Адмиралъ сдѣлалъ надлежащее распоряженіе для преслѣдованія Англійскаго злоумышленнаго судна. Я говорилъ съ Зубаловымъ и свѣдѣнія его сообщилъ Его Превосходительству. Зубаловъ тоже говорилъ мнѣ, что въ Тамышѣ третьяго дня ночевала турецкая Кочерма привезшая нѣсколько товаровъ и четырехъ Дагестанскихъ Муллъ и одного Цебельдинца, скрытно возвращающихся изъ Турціи, Морское вѣдомство неможетъ преслѣдовать сихъ людей, вышедшихъ на берегъ для дальнѣйшаго сухопутнаго слѣдованія. Это дѣло мѣстнаго начальства, сей случай какъ и многіе другіе доказываютъ что Закавказскій край небудетъ обезпеченъ отъ Чумы и сношенія тайныя Горцевъ съ Турками прекратятся, покуда Тамышъ и Келасуръ и подобныя пункты небудутъ подъ прямымъ надзоромъ нашимъ.

5, Въ случаѣ если Вамъ угодно будетъ назначить десантъ подрядчикъ Тергукасовъ нисколько незатрудняется въ заготовленіи солонины, которую даже готовую беретъ купить въ Сухумѣ. Бочки можетъ найти, впрочемъ и Морское вѣдомство согласно снабдить оными. Для найма судовъ и другихъ издержекъ необходимо, чтобы къ походному Коммисіонеру было выслано еще до 20/т. сер. и частію ассигнаціями, если Австрійское судно должно получить оными, но кажется оное получаетъ уплату въ Одессѣ.

6, Если Вамъ угодно нанять суда для перевозки лошадей, то ихъ нужно для сего особенно приготовить, что можетъ исполнить командиръ фрегата Штандарта капитанъ 2-го ранга Вороновъ, остающійся старшимъ на Сухумскомъ рейдѣ въ отсутствіе Г. Контръ-Адмирала. Онъ же перешлетъ предписаніе Ваше къ Г.-Л. Вельяминову, если Вамъ угодно будетъ дать оное на шестъ парохода, для сего удержанъ здѣсь тендеръ Струя, привезшій послѣдній рапортъ Г.-Л. Вельяминава: въ два или три дня Струя можетъ быть въ Геленджикъ; пароходъ оттуда можетъ прибыть въ Сухумъ въ одни сутки.

Уголья оный подымаетъ на 7 сутокъ; слѣдовательно достаточно для содѣйствія десанту и для обратнаго слѣдованія къ Геленджикъ. Если Вамъ угодно по занятіи мыса Адлера обозрѣть остальной берегъ Чернаго моря и чрезъ Кавказскую линію возвратиться въ Тифлисъ, то уже сего достаточно, дабы вытребовать сюда на время пароходъ. Въ случаѣ устройства мѣстъ для лошадей на купеческихъ судахъ вужно будетъ, чтобы сухопутныя войска помогли Г. Воронову доставкою лѣса.

7, Тендеръ Струя вышелъ изъ Геленджика 18-го Мая. Г.-Л. Вельяминовъ находился въ 8 верстахъ отъ онаго, но транспортныя суда были уже направлены къ посадѣ. Въ Геленджикѣ, какъ слышалъ командиръ Струи, Г.-Л. Вельяминовъ оставилъ 150 больныхъ и раненыхъ; увѣрили будто бы отрядъ на переходъ къ Геленджикъ потерялъ убитыми 2-хъ штабъ-офицеровъ, 16 оберъ-офицеровъ и до 200 рядовыхъ, но сіе очевидно невѣроятно, ибо если въ числѣ больныхъ находится 100 раненыхъ, то убито неможетъ быть болѣе 20 человекъ. Въ числѣ раненыхъ называютъ Полк. Кашутина.

Смѣя увѣрить Ваше Высокопревосходительство, что постараюсь настоящее порученіе Ваше исполнить по мѣрѣ силъ и разумѣнія моихъ, неувлекаясь никакими предубѣжденіями или личными соображеніями моими, кои я всегда привыкъ слѣпо подчинять волѣ начальниковъ моихъ. Г. Контръ-Адмиралъ съ полнымъ усердіемъ желаетъ исполнять всѣ повелѣнія Ваши, сколько можно замѣтить изъ всякаго слова его.

22-го Мая 1837. 9 часовъ вечера.

Фрегатъ Анни.

Кочеры Зубалова еще не прибыли въ Сухумъ, но остались за непогодою въ Апакліи.

№ 59. Въ исполненіе приказанія Вашего Экипажи Г.г. Тессера и Тумановыхъ, съ назначеннымъ Вами числомъ упряжныхъ лошадей и съ верховыми, Вашими лошадьми отправляются сего числа въ опредѣленные Вашимъ Высокопревосходительствомъ пункты.

У насъ здѣсь все идетъ своимъ порядкомъ: всѣ стараются въ точности исполнить данныя Вами приказанія. Вчера пришла въ городъ артиллерія въ отличномъ состояніи; пѣхота занимается обученіемъ, но безъ изнуренія людей, между коими число больныхъ нѣсколько уменьшилось. Ген. Гессе поручилъ мѣ доложить Вамъ, что въ его баталіонахъ по дорогѣ Государа расположенныхъ фуражки у людей съ козырьками; несочтете ли нужнымъ приказать сфуровать козырьки, которые могутъ мѣшать къ пригонкѣ ранцевъ, долженствуя укладываться подъ оными.

Извѣстія изъ Кубы при семь препровожаю: оныя отъ 10-го Сентября, дошли чрезъ Нуху: отъ Ген. Реутта № 110 и 121 полученъ вдвойнѣ чрезъ Кызляръ и чрезъ Казыкумыкъ. Съ оными нарочной отправленъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры 11-го Сентября, и говорить что видѣлъ какъ туда прибылъ Ген. Фези со всѣмъ отрядомъ; другой посланный извѣстный Вамъ, Ага-Аджи изъ Кази-Кумыка выѣхалъ 12-го числа—утверждаетъ, что 3 т. подвластныхъ Хана конныхъ и пѣшихъ отправились къ Ген. Реутту, подтверждаетъ содержаніе донесенія Маіора Ищенки присовокупляя что мятежники будучи отбиты отъ города разсѣялись, что и можно было ожидать по вступленіи Кумыкцовъ въ Юхари-Башинской Магалъ.—На базарѣ здѣсь говорятъ, что Молоканы потерпѣли и будто бы мятежники обратились и къ Шемахъ—это безъ сомнѣнія пустые слухи, ибо Ашебергъ, Оленичъ и Князь Ссваремидзевъ донесли бы о семъ—войска изъ Закаталъ тоже выступили по частнымъ извѣстіямъ. Магмедъ-Мирза по болѣзни отсталъ отъ своего войска, но чрезъ нѣсколько дней хотѣлъ отправиться за онымъ. Здѣсь Коргановъ, Арпуки и, какъ говорятъ къ сожалѣнію Аббасъ-Кули, продолжаютъ возбуждать неудовольствіе противъ начальства или лучше сказать собственно противъ Вашего Высокопревосходительства, но сколь знаю они мало находятъ сообщниковъ. Я просилъ Гринфельда наблюдать за ними.

О Кубѣ осмѣливаюсь изложить мнѣніе мое. Примѣръ строгости тамъ необходимъ. Эта провинція бунтовалась въ 1810 году; потомъ въ 1826 г., въ 1831 году была готова къ возстанію, но соединившійся тамъ сильный отрядъ для дѣйствій противъ Казы-Муллы отвратилъ сіе. Стоитъ посмотрѣть списки бековъ, которые почти все были въ бѣгахъ, въ измѣнѣ и подъ наказаніемъ. Безопасность и спокойствіе всѣхъ Мусульманскихъ провинцій требуетъ, чтобы главнѣйшіе зачинщики были казнены на мѣстѣ, а большая часть поднявшихъ оружіе выслана была на службу или поселеніе, дабы разорить мятежное гнѣздо.

Генераль Интендантъ спрашивалъ меня отношеніемъ, гдѣ нужно сдѣлать заготовленія на 1838-й годъ для дѣйствующихъ войскъ для соображенія при составленіи смѣты: я отвѣчаю, что до проѣзда Государя сего рѣшительно нельзя сказать, ибо Его Величество все увидѣвъ самъ можетъ измѣнить предположенія; но во всякомъ случаѣ я полагаю, что Закубанскій отрядъ будетъ въ такойже силѣ какъ и нынѣшній годъ, и что въ Дагестанѣ будетъ соединенъ тоже значительный отрядъ; но нельзя еще опредѣлительно сказать будутъ ли предприняты дѣйствія со стороны Абхазіи. Сей вопросъ внушилъ мнѣ мысль составить прилагаемую записку о предпріятіяхъ нашихъ въ 1838 г., которую представляю на благоусмотрѣніе Ваше.

Аббасъ-Кули огорченъ предпочтеніемъ, которое имѣлъ передъ нимъ Мадатовъ, и тѣмъ что теперь безъ него дѣла обойдутся: онъ и Кургановъ ка-

жется надѣются имѣть доступъ къ Ген. Адлербергу, коему оба они лично извѣстны; но вѣроятно Его Превосходительство знаетъ и всѣ достоинства ихъ добрыя и худыя.—Аббасъ-Кули вѣренъ намъ по расчету, но слыветъ за большаго фанатика.

Князю Палавандову я сообщалъ приказаніе Ваше касательно дороги близъ Сурама, и вѣроятно онъ успѣетъ исправить оную: отсюда къ Уральскому мосту дорога почти окончена, и какъ увѣряютъ хороша.

19-го Сент. 1837. Тифлисъ. 3 часа по полудни.

№ 60. Поспѣшаю представить Вашему Высокопревосходительству сегодня полученныя извѣстія изъ Кубы. Кажется тамъ все кончено, ибо если возмутители разсѣялись до прибытія войскъ, то по приходѣ оныхъ нетрудно будетъ возстановить спокойствіе. Опасенія Ищенкова на счетъ сношеній Гарунъ-Бека съ Гаджи-Магмедомъ едва ли основательны; въ смутныхъ обстоятельствахъ обыкновенно распространяются подобные слухи. Здѣсь Сенаторъ (Еристовъ), какъ говорятъ, по наущенію Корганова и Арцруни, между прочими небыллицами рассказываетъ будто бы по случаю безпокойствъ въ Кубѣ, Государь сюда небудетъ, но слава Богу, что Вы встрѣтите Его Величество съ благопріятнѣйшими извѣстіями. Говорятъ, что Коргановъ, Арцруни, Дмитрій Орбеліановъ, Чилаевъ, Мирзоевъ подстрекаютъ на составленіе просьбъ Государю по разнымъ предметамъ, происки первыхъ трехъ обнаруживаются разглашеніями Сенатора. Михаила Григорьевичъ хочетъ съ ними и съ Сенаторомъ объясниться о неблагоразумномъ и неприличномъ поведеніи ихъ. Я говорилъ съ Аббасъ-Кули: онъ клянется, что далекъ отъ какихъ либо интригъ, но что о личномъ неудовольствіи своемъ онъ откровенно нѣкоторымъ говорилъ: причина онаго та, что онъ вызванъ сюда, какъ лицо подозрительное, униженъ симъ во мнѣніи народа и потерпѣлъ большое разстройство въ хозяйствѣ своемъ. Ему приписываютъ будто бы онъ подстрекастъ къ неудовольствію Мухтѣнда, онъ отвергаетъ сіе: съ Мухтѣндомъ послѣ завтра я увижусь.

По приказанію Вашего Высокопревосходительства я говорилъ съ докторомъ Клавазелемъ: объявилъ ему, что Вы согласны имѣть его при себѣ, онъ съ благодарностію сіе принялъ, но отвѣчалъ, что безъ особеннаго содержанія онъ неможетъ здѣсь оставаться. Я ему совѣтывалъ объяснить свои желанія въ письмѣ къ Вамъ, которое съ переводомъ на французскій языкъ при семъ представляю: онъ проситъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи. Записку о немъ представлю вслѣдъ за симъ.

21-го Сентября 1837. Тифлисъ. 3 часа по полудни.

Честь имѣю присовокупить письмо къ Вашему Высокопревосходительству Магмедъ-Мирзы: онъ спрашиваетъ разрѣшеніе прибыть—до приказанія Вашего посланный его останется здѣсь.

№ 61. Его Превосходительство Михаилъ Григорьевичъ просилъ поспѣшнѣе отправить къ Вашему Высокопревосходительству бумаги о путешествіи Персидскаго Принца: исполняя сіе честь имѣю присовокупить, что Баронесса Елисавета Дмитріевна напишетъ къ Вамъ, потому что офицеръ, посыланый доложить объ отправленіи нарочнаго не нашелъ Ее дома, ибо Ея Высокопревосходительство проводитъ вечеръ сей у Баронессы Ганъ. впрочемъ у Васъ все здоровы.

Изъ Кубы новыхъ извѣстій и неблагопріятныхъ слуховъ нѣтъ: изъ отправляемаго же вмѣстѣ съ симъ рапорта Подполковника Лузанова Ваше Высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что изъ Баки въ Кубу отправляется уже почта обыкновеннымъ порядкомъ.

Находящійся здѣсь Англинскій Подполковникъ Вильбрагамъ, отъѣзжая въ Кахетію, отдалъ Г. Фе письмо для доставленія извѣстному Вамъ Мару. Я счелъ нужнымъ вскрыть оное, и переводъ при семъ представляю. Изъ онаго Ваше Высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что кажется сынъ Мара предназначенъ для исполненія какихъ то видовъ Англинской Миссіи и долженъ чрезъ нѣкоторое время отправиться въ Персію.

Письмо Г. Макниля къ самому Мару заключало въ себѣ только то, что Г. Макниль увидитъ и прійметъ у себя съ удовольствіемъ сына его, пользовавшись за нѣсколько лѣтъ предъ симъ гостепримствомъ у родителей его. Я бы полагалъ Г. Мара и сына его побудить вступитъ въ Русское подданство такъ какъ они имѣютъ недвижимую собственность на Россійской землѣ, что кажется сообразно съ законами, а потомъ при выѣздѣ молодаго Мара въ Персію остановить и обыскать его или вовсе непускать въ Персію; между тѣмъ нелишнее было бы и наблюдать за сими лицами.

У насъ еще продолжается дождливая погода, дорога отъ Гартискара до Анапура сдѣлалась весьма грязною, а по другимъ мѣстамъ хвалятъ оную. Ген. Газиушъ доволенъ дорогою между Сурамомъ и Ахалцыхомъ. Въ Тифлисъ пріѣхала Княгиня Мадатова и пришла сотня Грузинскаго пѣшаго полка, которую я еще невидѣлъ.

26-го Сентября 1837. Тифлисъ. 10 час. вечера.

№ 62. Нѣсколько дней неимѣя извѣстій изъ Кубы я начиналъ опасаться, не случилось ли тамъ чего либо неблагопріятнаго, но прибывшій сегодня вечеромъ нарочный доставилъ рапортъ Маіора Ищенкова и Г. Оленича

при семь отправляемые и которые совершенно успокаивают о положеніи сей провинціи. Нарочный везъ долго бумаги завеомгши въ дорогѣ лихорадкою.

До Вашего Высокопревосходительства дошло свѣдѣніе о странномъ по-сѣщеніи въ Манглисѣ Г. Базили. Я объяснялся о семь съ Сенаторомъ Ганомъ, который утверждая что никогда не посылалъ его, просилъ даже въ случаѣ, если кто изъ его чиновниковъ гдѣ явится безъ вида отъ Вашего Высокопревосходительства и предписанія отъ него, задерживать и представлять военному начальству. На другой день Г. Базили былъ у меня и увѣрялъ, что онъ былъ въ Манглисѣ проездомъ въ Цилку, дѣлалъ тамъ вопросы по обычаю всѣхъ путешествующихъ лицъ безъ всякаго замысла и вообще возвратился оттуда съ весьма выгоднымъ впечатлѣніемъ отъ всего что тамъ видѣлъ. Это довольно вѣроятно: Г. Гану нѣтъ никакой надобности вникать въ положеніе войскъ, и едва ли какое либо другое властвующее лицо нуждается имѣть здѣсь своихъ шпионовъ: впрочемъ это еще болѣе объяснится.

Въ Тифлисѣ кажется ничего нѣтъ особенно замѣчательнаго. Изъ значущихъ лицъ никто еще не пріѣхалъ для встрѣчи Государя. Жена Г. М. Келбелей-Хана пріѣхала съ намѣреніемъ просить о пенсіи. Княгиня Мадатова третьяго дня сюда пріѣхала и скоро хочетъ отправиться въ Карабахъ. Адъютантъ Его Высочества Полк. Бакунинъ сегодня пріѣхалъ и чрезъ 4 дня хочетъ далѣе отправиться до Георгіевска, гдѣ намѣренъ ожидать Государя. Драгуны сегодня пришли въ городъ. 30-го числа у насъ предполагается репетиція парада всѣмъ собраннымъ войскамъ.

28-го Сентября 1837. Тифлисѣ. 10 час. вечера.

№ 63. Сейчасъ пріѣхалъ Миницкій и сообщилъ всѣ приказанія Вашего Высокопревосходительства, которыя постараемся въ точности исполнить. Пользуясь отъѣздомъ Шемиръ-Хана, чтобы представить Вамъ письмо Магметъ-Мирзы о томъ, что Кубинскій мятежникъ Магмедъ-Хаджи пойманъ имъ.— Сегодня прибыли сюда Мустафа-Ханъ и Мехти-Кули-Ханъ.— Съ Муштейдемъ я объяснился: онъ мнѣ сказалъ, что точно нѣкоторыя лица приходили къ нему съ изъявленіемъ своихъ неудовольствій, но увѣряетъ что онъ имъ давалъ лишь добрыя совѣты и самъ кромѣ благодарности къ Вамъ ничего не можетъ имѣть. — Дай Богъ, чтобы Государь продолжалъ быть довольнымъ...

1-го Октября 1837. Тифлисѣ. 8 час. вечера.

№ 64. Изъ представленныхъ вмѣстѣ съ симъ бумагъ Ген. Реутта Ваше Высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что Генераль сей не считаетъ еще Кубинскую провинцію совершенно успокоенною, но Оленичъ прибывшій сегодня утверждаетъ, что тамъ по прежнему восстановлено совершенное спо-

койствіе. Оленичь привезъ Иса-Бека и брата его: сходно съ приказаніемъ Вашимъ они отправлены будутъ послѣ завтра въ Гори. Иса-Бекъ болѣнъ и потому дѣлается сія отсрочка. Оленичь тоже болѣнъ.

Фе уже поступилъ во фронтъ: еще до полученія приказанія Вашего онъ имѣлъ мысль сію. Г. Маницкій сообщилъ волю Вашу, чтобы корпусные музыканты были въ мундирѣ Грузинскаго Гренадерскаго полка: къ сожалѣнію ни въ продажѣ ни въ полку нѣтъ Гренадерскаго басона; онаго нужно 700 аршинъ для 36 чел. музыкантовъ. По необходимости музыканты останутся въ мундирѣ полка Князя Варшавскаго, какъ сіе и было при Его Свѣтлости.

Сегодня утромъ пріѣхалъ сюда изъ Варшавы нарочный Жандармскій офицеръ, коему велѣно ожидать Государя Императора въ Тифлисъ и вручить Его Величеству лично письмо отъ Фельдмаршала, а другія бумаги Ген. Ад. Адлербергу. Я предлагалъ ему ѣхать на встрѣчу Его Величеству, но онъ мнѣ показалъ предписаніе ожидать Его Величество въ Тифлисъ, если не застанетъ въ Екатеринодарѣ.

Камердинеръ Государя бывшій въ Екатеринодарѣ прибылъ тоже сегодня;—теплую одежду Его Величеству повезъ на встрѣчу фельдегеръ.

Мы дѣлали вчера репетицію смотра всѣхъ войскъ за городомъ: все было довольно порядочно. 4-го числа полагаемъ еще сдѣлать оную на томъ же мѣстѣ, но на случай грязи Г. Катенинъ предпочитаетъ Мадатовскую площадь. Для парада на оной сдѣлано предположеніе—я хотѣлъ представить оное Вашему Высокопревосходительству, но Г. Катенинъ просилъ вручить ему для личнаго Вамъ доставленія. Мы ожидаемъ Государя 8-го числа, въ почетномъ и городомъ караулѣ будетъ Грузинскій баталіонъ, а Эриванскій готовъ будетъ для развода съ церемоніею.

2-го Окт. 1837. Тифлисъ.

Шарванскіе и Карабахскіе беки сюда пріѣхали.

По окончаніи сего письма полученъ рапортъ П. Пулло о покореніи Гумбетовцовъ, который при семъ представляю; также и списокъ офицерамъ и урядникамъ 1-й сотни 1-го Грузинскаго полка, назначенной въ караулъ Государю Императору въ Коды.

№ 65. Приказаніе Вашего Высокопревосходительства изъ Чебухловъ отъ 6-го числа (изъ Чуб.) отправленное чрезъ Козика Подп. Эспехо получено здѣсь въ половинѣ 2-го часа, и все въ точности будетъ исполнено: 36 лошадей должны быть въ 5 часовъ въ Кодахъ, ихъ ведетъ Алисовъ, фельдегеря всѣ устали: въ число оныхъ поступили Г. Л. Брейко и Гессе, Князя Александра Леонтьевича и мои; прочихъ нашелъ Полицейстеръ. Передовый

фельдегеръ Государевъ еще неприбыль. Караулы всѣ и Почетный отъ Грузинскаго полка. Расходъ людей будетъ Вамъ доложенъ.

7-го Октября, 3 часа по полудни.

№ 66. Честь имѣю при семъ представить копію съ отношенія къ Вашему Высокопревосходительству Г.-Ад. Адлерберга о порученіи данномъ Г.-Ад. Васильчикову въ Кубинской провинціи и отношеніе сего послѣдняго ко мнѣ: я уже объяснялся съ нимъ и онъ утверждаетъ, что ему словесно приказано произвести формальное слѣдствіе. Передавъ ему имѣющіяся въ Штабѣ отдѣльн. Кавказск. Корпуса свѣдѣнія о происшествіяхъ въ Августѣ и Сентябрѣ я сообщу Г.-М. Реутту о допущеніи его къ сему и о передачѣ начатаго уже имъ самымъ изслѣдованія: словесныя мои объясненія будутъ сообразны съ Вашими мыслями.—

Теперь у меня есть къ Вашему Высокопревосходительству покорнѣйшая просьба: въ Генеральномъ Штабѣ немогутъ отыскать отношенія Г.-Ад. Адлерберга о производствѣ слѣдствія въ Кубѣ по Вашему распоряженію и о поступленіи съ виновными по полковому Уголовному Положенію. Виновать въ потерѣ сей писарь Ушаковъ, о чемъ и будетъ произведено формальное слѣдствіе; но дабы неоставаться въ беззвѣстности о точномъ смыслѣ сего повелѣнія не угодно ли взять въ Походной Канцеляріи копію онаго, чего будетъ достаточно для полноты дѣла нашего, а меня симъ много успокоить изволите.

12-го Октября 1837. 5 часовъ вечера.

№ 67. Зная всѣ заботы и огорченія обременяющія Ваше Высокопревосходительство, едва рѣшаюсь еще нанести Вамъ беспокойство; но по обязанности службы и долгу совѣсти немогу не довести до Васъ о печальномъ нашемъ здѣсь положеніи. Справедливый гнѣвъ Государя насъ постигнулъ, но кажется намъ готовить новую бѣду.

Слухи самыя преувеличенныя разпространяются о неблаговоленіи Его Величества къ нашему несчастному Корпусу: на счетъ Маіора Золотарева, командира Грузинскаго Линейнаго № 15 баталіона, вчера разгласили, что по принесенной на него жалобѣ нижними чинами Государь Императоръ повелѣлъ немедленно сорвать съ него эполеты и разжаловать въ солдаты.

Слухъ сей произвелъ общее беспокойство въ городѣ; при всей увѣренности моей въ благоустройство сего баталіона я немогъ нетерзаться при мысли о семъ несчастіи; но представьте беспокойство бѣдной жены моей при настоящемъ ее положеніи? Впрочемъ личныя мои чувства были вскорѣ потушены опасеніемъ гораздо важнѣйшимъ; какое впечатлѣніе произведутъ подобныя разглашенія на нижнихъ чиновъ и даже Гг. офицеровъ, при нѣко-

торых мѣрахъ строгости нынѣ необходимыхъ для искорененія послабленій и злоупотребленій вкоренившихся здѣсь въ теченіе многихъ лѣтъ и никогда не престававшихъ? Сіе побудило меня стараться узнать, отъ кого произошелъ столь злонамѣренный разговоръ; розысканіе мое остановилось на Г. Базили, Секретарѣ Г. Сенатора Барона Гана, какъ увидѣть изволито изъ отношенія моего къ Его Превосходительству, которое при семъ представляя на благоумотрѣніе Ваше, считаю долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего о странныхъ поступкахъ самаго Г. Сенатора. Всѣ утверждаютъ, что въ домѣ Его происходятъ безпрестанные самые невыгодные разговоры о здѣшнемъ начальствѣ. Одинъ изъ первыхъ подчиненныхъ моихъ, состоящій въ близкихъ сношеніяхъ съ Г. Ганомъ, всегда до сего покорный, осмѣлился безъ всякаго повода съ моей стороны, нанести мнѣ чувствительную непріятность; разумѣется, что я неупустилъ тотчасъ поставить его на настоящую ногу, оставивъ безъ примѣрнаго наказанія единственно дабы неумножать заботъ Вашихъ. Въ городѣ гласно говорятъ о ходѣ доноса Г. Базили на Князя Дадіяна, причемъ нѣкоторые утверждаютъ будто Г. Сенаторъ нашелся въ необходимости представить Гр. Орлову доносъ Г. Базили потому что будто бы я уже прежде отправилъ оный къ Г. Военному Министру. Чистота моихъ правилъ, поступковъ и намѣреній извѣстны Вамъ, почему я лично оставляю безъ вниманія сіи коварныя сплетни, но немогу неопасаться, чтобы подобные злонамѣренные проски нераспространили и внѣ Тифлиса безпокояства въ войскѣ и въ народѣ, столь здѣсь легковѣрномъ. Безъ сомнѣнія дѣйствующія въ семъ лица неимѣютъ намѣренія произвести настоящаго возмущенія, но въ подобныхъ обстоятельствахъ часто случается совсѣмъ другое нежели интриганты предполагаютъ; народъ вообще легко взволновать, но успокоить трудно. Впрочемъ Ваше Высокопревосходительство лучше меня можете оцѣнить въ какой степени могутъ быть основательны мои опасенія, обнаруживая же Вамъ оныя я полагаю исполнять долгъ вѣрноподданнаго Государю и преданнаго Вамъ подчиненнаго.

Копія съ отношенія Г. Начальника Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, къ Г. Сенатору Барону Павлу Васильевичу Гану 14-го Октября 1837 года за № 145.

Вчерашняго числа распространились въ Тифлисъ на счетъ проѣзда Государя Императора чрезъ Анануръ, Штабъ Квартиру подчиненнаго мнѣ Грузинскаго Линейнаго № 15 баталіона, слухи самыя горестныя для меня и могущіе имѣть самыя вредныя послѣдствія.

Принявъ немедленно мѣры къ узнанію кто оныя распространилъ я освѣдомился, что Секретарь Вашего Превосходительства Базили вчера въ домѣ

Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Радофиникина рассказывалъ, что при проѣздѣ Государя Императора чрезъ Анапуръ нѣсколько нижнихъ чиновъ означеннаго баталіона принесли жалобу на своего баталіоннаго командира Маіора Золотарева, въ слѣдствіе коей Его Императорское Величество изволилъ разжаловать сего штабъ-офицера и повелѣлъ сорвать съ него эполеты.

Сей рассказъ сдѣлался предметомъ общаго разговора въ Тифлисѣ и безъ сомнѣнія достигнетъ до нижнихъ чиновъ.

Вашему Превосходительству конечно небезъ-извѣстно, что всѣмъ воинскимъ чиномъ дозволено приносить жалобы только при Инспекторскихъ смотрахъ и что всякая жалоба иначе принесенная принимается за ослушаніе и сообразно съ симъ наказывается: посудите посему какое послѣдствіе можетъ нынѣ имѣть рассказъ Г. Васили? не произведетъ ли оный въ нижнихъ чинахъ убѣжденія, что строгія мѣры въ подобныхъ случаяхъ принимаемая начальствомъ, суть произвольныя, когда и самъ Государь Императоръ изволилъ принимать жалобы и немедленно взыскиваетъ съ начальниковъ? не можетъ ли сіе имѣть послѣдствіемъ ропота, отъ коего столь близко къ неповиновенію и возмущеніямъ? Ваше Превосходительство знаете, сколь часто самыя ничтожныя причины имѣли гибельнѣйшія послѣдствія, но въ настоящемъ случаѣ опасность неслаловажная. Почему за отсутствіемъ Г-на Корпуснаго командира считаю долгомъ послѣшить довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства о поступкѣ Г. Васили, покорнѣйше прося почтить меня увѣдомленіемъ о томъ, что Вамъ угодно будетъ по сему предпринять; ибо въ случаѣ возобновленія столь злонамѣренныхъ и опасныхъ рассказовъ нельзя ручаться, чтобы не обнаружилось между войсками безпокойства и неповиновенія. При семъ присовокупляю, что озабочиваясь единственно о пользѣ общей, я оставляю безъ всякаго вниманія поношеніе нанесенное Г-мъ Васили мнѣ, какъ начальнику Г. Маіора Золотарева и увѣренъ что и сей штабъ-офицеръ по извѣстному мнѣ благородству чувствъ своихъ презрять заочное обруганіе, къ коему онъ неподалѣ никакого повода вѣроятно незная даже о существованіи Г. Васили.

Вѣрно: Начальникъ Штаба Генераль-Маіоръ Вольховскій.

№ 68. Послѣ письма моего къ Вашему Высокопревосходительству отъ 14-го числа сего мѣсяца у насъ ничего особеннаго не случилось, кромѣ того что я получилъ новыя доказательства въ чернотѣ поступковъ Г. Сенатора.

Его Превосходительство рассказывалъ Барону Ховену, будто бы принужденъ былъ подать доносъ на Князя Дадіяна, потому что я угрожалъ Г. Васили, что онъ будетъ солдатомъ. — Напротивъ признавая объясненія сего

последняго удовлетворительными я такъ былъ съ нимъ учтивъ, что онъ просилъ позволенія посѣщать домъ мой: 7-го числа я объявилъ Г. Сенатору, что объясненія Г. Базили признаю удовлетворительными. Послѣ того Подполковнику Вильбрагаму Г. Сенаторъ говорилъ, что онъ представилъ доносъ исполняя данныя ему наставленія; и наконецъ Профессору Коху объявилъ, что онъ самъ послалъ Г. Базили въ Манглись для развѣдыванія!! И такъ Г. Сенаторъ принявъ на себя обязанность тайно развѣдать о злоупотребленіяхъ въ Эриванскомъ полку, старался между тѣмъ усыпить внимательность начальства, дабы оное немогло само принять мѣръ къ исправленію оныхъ и чтобъ удачнѣе нанести намъ ударъ, но за что? Это можетъ объяснить одна совѣсть Г. Сенатора.

Отвѣта на отношеніе мое къ Г. Сенатору о разглашеніяхъ Базили я не имѣю; но слава Богу, что у насъ непроизошло еще ничего особеннаго худаго. Между солдатами воятся толки о разныхъ немилостяхъ Государя противъ здѣшняго начальства, но приняты мѣры, чтобы занятіями по службѣ и бдительнымъ надзоромъ остановить сіе, а между тѣмъ, если можно, то захватить кого либо изъ разглашателей.

Генераль Лачиновъ сей часъ возвратился и успокоилъ насъ на щетъ благополучнаго путешествія Государя до Владикавказа; по крайней мѣрѣ мѣстныхъ трудности преодолѣны. Дай Богъ, чтобы и все прочее благополучно кончилось...

16-го Октября 1837. Тифлисъ. 7 часовъ вечера.

№ 69. Богу угодно было наказать насъ потерю младшей дочери нашей—прекрасное здоровое дитя утѣшавшее насъ Ангельскою добротою своею—въ короткое время погибло перенеся жесточайшія мученія отъ внутренняго воспаленія. По милостивому расположенію, которымъ все семейство Ваше удостоивало насъ, Ваше Высокопревосходительство конечно примите участіе въ горести нашей.

Въ благопріятвѣйшія минуты жизни моей нерѣдко вспоминалъ я о бренности человѣческой и ничтожности всѣхъ земныхъ благъ: но внезапная кончина малютки нашей, и въ то же время потеря брата моего, ѣхавшаго ко мнѣ съ Кавказа, заставляютъ меня еще болѣе о семъ думать. Какъ необходимо быть всегда готовымъ къ великой минутѣ, которая всякаго столь неожиданно можетъ постичь; дабы же осталось безплоднымъ настоящее мое испытаніе, я со вниманіемъ разсмотрѣлъ прежнюю жизнь мою и стараюсь по возможности загладить многіе проступки свои; между прочимъ считаю себя виновнымъ и передъ Вами. Вамъ извѣстно, что я подвергся особенному неблаговоленію за безпорядки обнаруженныя на Кавказѣ въ 1837 году: будучи въ Петербургѣ я ничего предъосудительнаго для Васъ неговорилъ, но въ оправданіе свое объяснялъ, что принятіе строжайшихъ мѣръ независимо отъ меня,

и что на щетъ положенія Эриванскаго Карабинернаго полка мы равно были въ заблужденіи. Судя по свѣтски меня въ семь случаѣ трудно обвинить, но совѣсть иначе говоритъ, хотя дѣйствительно я неоднократно представлялъ Вамъ о необходимости принять строжайшія мѣры противъ излишняго хозяйства, но я долженъ былъ говорить гораздо настойчивѣе, тогда бы вполне соблюлъ обязанность свою къ Государю и къ Вамъ, достойному, добрѣйшему начальнику, отъ котораго я долженъ былъ стараться отвращать все что могло ему вредить, особенно недолженъ я былъ смотрѣть съ столь непросительною недѣлятельностью на положеніе Мангліса; но слабодушіе, мелочные расчеты удержали меня, и посему будучи вполне виновнымъ во всемъ потомъ послѣдовавшемъ я недолженъ былъ ни въ чемъ оправдываться. Вблизи видѣвши столько разъ все благородство правилъ Вашихъ, чистоту намѣреній, забвеніе въ хъ собственныхъ выгодъ для пользы общей, пользовавшись столько времени самымъ благосклоннымъ расположеніемъ Вашимъ, мнѣ слѣдовало безмолвно покориться участи своей, если бы даже былъ я и менѣе виновенъ. Поправить поступка моего противъ Васъ немогу иначе какъ прибѣгнувъ къ неограниченному добросердечію Вашему: простите меня какъ человѣка слабого но незлобнаго, долго служившаго Вамъ съ сердечнымъ усердіемъ и по нынѣ душевно Васъ уважающаго. Непрошу объ отвѣтъ на сіи строки: я увѣренъ въ великодушіи и добротѣ Вашей, и даже не писалъ бы къ Вамъ, если бы откровенное сознаніе вины не было нужно для успокоенія совѣсти, столь справедливо меня укоряющей.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Высокопревосходительства, покорнѣйшимъ слугою Владиміръ Вольховскій.

18-го Августа 1839. С. Каменка.

2.

К Н Я З Ъ

АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ

ГОРЧАКОВЪ.

Князь Александръ Михайловичъ
ГОРЧАКОВЪ.

Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ.

(род. 4 іюля 1798 г., † 27 февраля 1883 г.).

«Тебѣ рукой Фортуны своенравной
Указанъ путь и счастливый, и славной;

.
И нѣжная краса тебѣ дана,
И правится блестящій даръ природы,
И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ;
Ты сотворенъ для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забавъ».

Пушкинъ.

Горчаковы ведутъ свое родословіе отъ Рюрика, Св. Владиміра, Ярослава Мудраго и Св. Михаила, князя Черниговскаго, какъ говорится въ одномъ нѣмецкомъ энциклопедическомъ словарѣ; достовѣрно же извѣстно, что Горчаковы ведутъ свой родъ отъ сына Всеволода Чернаго—князя Михаила Черниговскаго, замученнаго въ Ордѣ по приказанію Батяя 20 сентября 1244 г. (а не 1246 г., какъ сказано въ Памятной книжкѣ Лицея на 1886 г.). Князь Михаилъ вмѣстѣ со своимъ бояриномъ Ѳеодоромъ причислены къ лику святыхъ; мощи ихъ почиваютъ въ Архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ, куда они были перенесены изъ Чернигова въ 1572 г. ¹⁾ Одинъ изъ князей Горчаковыхъ, Петръ, отличился при оборонѣ Смоленска бояриномъ Шейнымъ отъ Польскаго Короля Сигизмунда III, въ 1609—11 г.г.

Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ родился 4 іюля 1798 г., въ Гапсаль, и былъ сыномъ генералъ-маіора ²⁾ князя Михаила Горчакова. Мать его, княгиня Елена Васильевна, рожденная баронесса Ферзенъ, въ первомъ бракѣ была замужемъ за Саксонскимъ барономъ Остенъ-Сакеномъ ³⁾.

¹⁾ См. Четья-Миней; см. также Словарь историческій о Святыхъ Русской церкви и Русскіе Святые—Филарета.

²⁾ Въ моментъ поступленія его въ Лицей.

³⁾ По воспоминаніямъ почтеннаго редактора «Русскаго Архива» Петра Ивановича Бартевева, княгиня Елена Васильевна Горчакова, живя въ Ревелѣ, была близка съ первымъ Бобринскимъ (сыномъ Екатерины), который благодѣтельствовалъ ей и ея дѣтямъ. Поэтому впоследствии, когда Императоръ Александръ II неблагоклонно отнесся къ

Первоначальное образование, кроме домашняго, князь Александръ Горчаковъ получилъ во второмъ классѣ уѣзднаго училища С.-Петербургской губернской гимназіи. Изъ этой гимназіи, какъ извѣстно, поступили въ Лицей Алексѣй Илличевскій и Иванъ Малиновскій. Гимназія эта существуетъ и донинѣ: это вторая гимназія, нынѣ подъ названіемъ: «Гимназія Императора Александра I», находящаяся на Казанской улицѣ, прежде Большой Мѣщанской улицѣ. Съ Горчаковымъ получилъ здѣсь образование Александръ Николаевичъ Креницынъ, знавшій также А. С. Пушкина и написавшій даже стихи на смерть Пушкина (см. «Русскій Архивъ» 1898 г., кн. 8, стр. 644, а также стр. 646—647). Изъ этой гимназіи Горчаковъ имѣлъ аттестатъ отъ 30 іюля 1811 года, въ которомъ значилось, что онъ обучался: «основаніямъ Математики, Исторіи, Географіи, Русской Словесности, языкамъ: латинскому, французскому и нѣмецкому, съ хорошимъ успѣхомъ, вель себя всегда благопрістойно и добропорядочно» ¹⁾.

Въ 1811 году былъ учрежденъ Императоромъ Александромъ I, въ Царскомъ Селѣ, Императорскій Лицей. Родители Горчакова привезли его для поступленія въ это вновь открытое заведеніе. Горчаковъ блистательно выдержалъ вступительный экзаменъ въ Лицей 8 августа 1811 года.

Отмѣтки его на этомъ вступительномъ экзаменѣ были слѣдующія: въ грамматическомъ познаніи языковъ: руссійскаго, французскаго и нѣмецкаго, а также въ ариметикѣ—«очень хорошо»; въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. физикѣ, было отмѣчено: «довольно хорошо»; наконецъ, въ начальныхъ основаніяхъ географіи и исторіи—«очень хорошо» ²⁾.

Если Горчаковъ такъ блистательно выдержалъ экзаменъ въ Лицей, то это объясняется тою солидною подготовкою, которую онъ получилъ до поступленія въ Лицей. Репутація солиднаго ученика сохранилась за нимъ и въ Лицеѣ, какъ это видно изъ аттестаций разныхъ профессоровъ и губернаторовъ Лицея.

Въ «Спискѣ воспитанниковъ Императорскаго Лицея, изъ руссійскаго и латинскаго класса, съ показаніемъ ихъ способностей, успѣховъ и прилѣжанія», профессора Николая Федоровича Кюшанскаго (род. 1781 г., † 22 февраля

постановкѣ въ С.-Петербургѣ памятника Екатеринѣ Великой, князь Александръ Михайловичъ уговорилъ Государя согласиться на постановку этого памятника. Канцлеръ руководился въ этомъ случаѣ какъ настойчивымъ желаніемъ графа А. А. Бобринскаго, такъ и признательностью къ его семейству, отъ котораго его мать была облагодѣтельствована. (См. «Русскій Архивъ» 1908 г., кн. 9, стр. 143).

¹⁾ «Матеріалы для исторіи Лицея», собранные, по порученію начальства, бібліотекаремъ Лицея И. Селезевымъ. 1856 г., примѣч. 19, стр. 10. (См. Памятную Книжку Императорскаго Лицея на 1856—57 г., Спб., 1856 г.).

²⁾ Тамъ же, приложение къ стр. 11.

1831 г.), отъ 23 октября 1811 года по 15 марта 1812 года, мы находимъ слѣдующій отзывъ: «Князь Александръ Горчаковъ, одинъ изъ тѣхъ немногихъ питомцевъ, кои соединяютъ всѣ способности въ высшей степени; особенно замѣтна въ немъ быстрая понятливость, объемлющая вдругъ и правила и примѣры, которая, соединяясь въ немъ съ чрезмѣрнымъ соревнованіемъ, прилѣжаніемъ, особенно съ какимъ то благородно-сильнымъ честолюбіемъ, превышающимъ его лѣта, открываетъ быстроту разума и нѣкоторыя черты *genia*—но сіи способности, развиваясь быстро, сильными порывами вредятъ здоровью. Успѣхи его чрезвычайны».

Но, однако, изъ числа тридцати воспитанниковъ этого списка онъ ставитъ Горчакова третьимъ, а первымъ въ этомъ списокѣ значится Павелъ Юдинъ, вторымъ Александръ Бакунинъ.

Въ другомъ списокѣ профессора Кошанскаго, за время съ 15 марта по 15 октября 1812 года, мы находимъ князя Александра Горчакова опять третьимъ воспитанникомъ изъ числа тридцати, первымъ былъ Дмитрій Масловъ, а вторымъ Владиміръ Вольховскій. Хотя въ общихъ чертахъ отзывъ похожъ на первый, но мы тѣмъ не менѣе приведемъ его здѣсь: «Князь Александръ Горчаковъ, одинъ изъ немногихъ воспитанниковъ, соединяющихъ многія способности въ высшей степени. Особенно замѣтна въ немъ быстрая понятливость, объемлющая вдругъ и правила и примѣры, которая, соединяясь съ чрезмѣрнымъ соревнованіемъ и съ какимъ то благородно-сильнымъ честолюбіемъ, открываетъ быстроту разума въ немъ и нѣкоторыя черты *genia*. Успѣхи его превосходны».

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдтъ въ своемъ рапортѣ отъ 31 марта 1812 года приводитъ фамиліи воспитанниковъ въ алфавитномъ порядкѣ и говоритъ о Горчаковѣ слѣдующее: «Gortschakof (Pr.). Excellent écolier sous tous les rapports; il fait de rapides progrès, paroît s'être toujours beaucoup occupé de ses études, et sera toujours l'un des premiers du Lycée. On est cependant forcé de lui reprocher un peu trop de sensibilité, et il demande à être traité avec beaucoup de douceur».

Профессоръ французской литературы де-Будри, братъ знаменитаго Марата, представилъ директору Лицея Малиновскому рапортъ отъ 18 ноября 1812 года объ успѣхахъ занятій воспитанниковъ Лицея. Это второй его рапортъ, первый не дошелъ до насъ. Де-Будри дѣлитъ воспитанниковъ на четыре отдѣла: въ первомъ отдѣлѣ онъ помѣщаетъ Горчакова первымъ и говоритъ о немъ слѣдующее: «Gortchakof (Pr.). Je confirme tout ce que j'en ai dit dans mon premier rapport, à l'exclusion, de la vanité, dont il s'est beaucoup corrigé. Ses progrès, ses dispositions et sa conduite lui conservent toujours la première place pour ma partie».

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдтъ 19 ноября 1812 года дѣлитъ всѣхъ воспитанниковъ на три класса или отдѣла. Выше перваго отдѣла или класса онъ помѣщаетъ такихъ, которыхъ можно назвать непревосходнѣйшими, хотя онъ и говоритъ, что разница между двумя этими отдѣлами почти неувидима. Въ отдѣлѣ или классѣ непревосходнѣйшихъ (*classe de ceux qui excellent*) онъ помѣщаетъ первымъ Горчакова и говоритъ о немъ слѣдующее: «Gortchakoff, a continué de mériter la place et les louanges que je lui ai donné dans mon premier rapport».

Мартынъ Пилецкій въ отчетѣ о поведеніи и свойствахъ г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, представленномъ директору Лицея 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Горчаковѣ: «Князь Горчаковъ (Александръ), 14-ти лѣтъ, превосходныхъ дарованій. Благородство съ благовоспитанностію, крайняя склонность къ ученію съ быстрыми въ томъ успѣхами, ревность къ пользѣ и чести своей, всегдашняя вѣжливость, нѣжность и искренность въ обращеніи, усердіе ко всякому, дружелюбіе, чувствительность съ великодушіемъ и склонность къ благотворенію суть неотъемлемыя принадлежности души его; пылкость ума и нрава его выражаютъ быстрая рѣчь его и всѣ его движенія; при всемъ томъ онъ остороженъ, проныпателенъ и скромнень. Крайняя чувствительность причиняла ему прежде много страданій, но теперь она вошла въ предѣлы умѣренности; онъ начинаетъ сносить ее со свойственнымъ ему великодушіемъ. Опрятность и порядокъ царствуютъ во всѣхъ его вещахъ» ¹⁾).

Профессоръ Кошанскій въ своемъ спискѣ воспитанниковъ отъ 9 іюля 1813 года дѣлитъ всѣхъ воспитанниковъ на четыре группы: превосходныхъ, отличныхъ, хорошихъ и посредственныхъ. Кошанскій помѣщаетъ Горчакова первымъ воспитанникомъ въ группѣ превосходныхъ.

Профессоръ Кошанскій въ своемъ спискѣ воспитанниковъ отъ 1 августа по 15 декабря 1813 года говоритъ почти тоже, что было имъ сказано въ отзывѣ за время съ 23 октября 1811 года по 15 марта 1812 года. Вотъ этотъ отзывъ: «Князь Александръ Горчаковъ, одинъ изъ немногихъ воспитанниковъ, соединяющихъ многія способности въ высшей степени. Особенно замѣтна въ немъ быстрая память, объемлющая вдругъ и правила и примѣры, которая, соединяясь съ чрезмѣрнымъ соревнованіемъ и съ какимъ-то благородно-сильнымъ честолюбіемъ, открываетъ быстроту разума въ немъ и нѣкоторыя черты *genія*. Успѣхи его превосходны». Въ спискѣ онъ ставитъ Горчакова первымъ.

¹⁾ Лицейскій Журналъ. Годъ восьмой, IV, 1910—1911, стр. 28.

Адъюнктъ-профессоръ историческихъ наукъ Иванъ Кайдановъ оставилъ намъ «Вѣдомость о дарованіяхъ, прилѣжаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея по части Географіи, всеобщей и російской исторіи отъ 1-го ноября 1812 по 1 генваря 1814 г.».

Въ этой вѣдомости дается отзывъ о двадцати девяти воспитанникахъ Лицея, такъ какъ одинъ изъ нихъ, тридцатый — Гурьевъ, былъ къ этому времени исключенъ. Въ этомъ спискѣ Кайдановъ ставитъ Горчакова первымъ и говоритъ о немъ слѣдующее: «Князь Александръ Горчаковъ. Рѣдкими и счастливыми своими дарованіями, а еще болѣе примѣрнымъ своимъ прилѣжаніемъ заслуживаетъ общую похвалу. Уроки слушаетъ съ особеннымъ вниманіемъ, имѣетъ великую охоту къ ученію, и по Исторической части оказываетъ превосходные успѣхи, соединяя счастливую свою память съ разсудкомъ. Поведенія благороднѣйшаго».

Лицейскій гувернеръ Чириковъ, разбирая «свойства и поведеніе воспитанниковъ Императорскаго Лицея», отъ 30 сентября 1813 г. даетъ аттестацію о двадцати девяти воспитанникахъ, изъ числа которыхъ онъ помѣщаетъ Горчакова пятымъ и говоритъ о немъ слѣдующее; «благоразуменъ, благороденъ въ поступкахъ, любитъ крайне ученіе, опрятенъ, вѣжливъ, усерденъ, чувствителенъ, кротокъ, но *самолюбивъ*. Отличныя его свойства: самолюбіе, ревность къ пользѣ и чести своей и великодушіе».

Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя уцѣлѣли въ лицейскомъ архивѣ. И. Селезневъ въ своемъ «Историческомъ Очеркѣ Императорскаго, бывшаго Царскосельскаго нынѣ Александровскаго, Лицея» за первое его пятидесятилѣтіе, съ 1811 по 1861 годъ (приложеніе, стр. 14), сообщаетъ еще два отзыва, которыхъ мы не нашли въ архивѣ. Это отзывы Карцова и Пилецкаго.

Преподаватель математики въ Лицеѣ, Яковъ Ивановичъ Карцовъ (родившійся въ 1784 г. и умершій 15 февраля 1836 года), говоритъ, что «Горчаковъ былъ, какъ и всегда, весьма внимателенъ, отмѣнно прилѣженъ, въ сужденіи твердъ и основателенъ; успѣхи оказываетъ быстрые и рѣшительные; велъ себя превосходно».

Второй отзывъ принадлежитъ Пилецкому. Онъ считаетъ Горчакова «весьма благонаправнымъ, благороднымъ, ревнительнымъ къ ученію и чести своей, дружелюбнымъ, весьма чувствительнымъ и пылкимъ».

Еще одно указаніе о Горчаковѣ мы находимъ въ «журналѣ о поведеніи воспитанниковъ Императорскаго Лицея за ноябрь мѣсяцъ 1812 г.» (подписанномъ 5 декабря 1812 года). Журналъ этотъ отличается своею безграмотностью и составленъ лицейскимъ гувернеромъ Ильѳомъ Пилецкимъ. Здѣсь повѣствуется, что съ 6-го по 30-ое ноября 1812 года произошло столкновение воспитанниковъ съ инспекторомъ. Пилецкій пишетъ о Пушкинѣ, что

20 ноября Пушкинъ «въ классѣ Рисовальномъ называлъ Г. Горчакова вольною польскою дамою». Противъ этого мѣста, на поляхъ, находится отмѣтка карандашемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, директора Малиновскаго: «худо».

Въ этомъ же журналѣ, подъ 15-мъ числомъ, мы находимъ упоминаніе имени Горчакова въ отзывѣ Пилецкаго о воспитанникѣ Малиновскомъ: «15 числа въ классѣ г. Куницына когда объяснялъ онъ въ нравственномъ урокѣ гордость—то г. Малиновскій сидя возлѣ меня указывалъ на Горчакова и Мясоѣдова, повторяя громко ихъ имена, сказывая: вотъ они, вотъ они. Я здѣлалъ ему предостороженствъ, что не должно лично никого осуждать, а разсматривать только самого себя, послѣ чего онъ замолчалъ и весьма великое видно было на лицѣ его сожаленіе» ¹⁾).

Слѣдуетъ замѣтить, что отмѣтокъ преподавателей и гувернеровъ за 1815 г. и далѣе уже болѣе не встрѣчается. До 1816 года оцѣнкою успѣховъ воспитанниковъ служило распредѣленіе мѣстъ въ классахъ и раздѣленіе воспитанниковъ на отдѣленія: очень хорошихъ, хорошихъ и т. д. ²⁾),—вѣроятно, въ томъ же родѣ, какъ аттестовалъ своихъ воспитанниковъ Кюманскій 9 іюля 1813 года, гдѣ онъ ихъ дѣлитъ, какъ мы знаемъ, на четыре отдѣленія: превосходныхъ, отличныхъ, хорошихъ и посредственныхъ.

Въ лицейскомъ архивѣ сохранились таблицы объ успѣхахъ и поведеніи воспитанниковъ за октябрь, ноябрь и декабрь мѣсяцы 1816 года. Отмѣтки въ нихъ произведены баллами, при чемъ высшій баллъ была единица, а ноль означалъ, что воспитанникъ не отвѣчалъ изъ того предмета, по которому онъ получилъ за это ноль.

Горчаковъ, какъ одинъ изъ первыхъ учениковъ, имѣлъ, за исключеніемъ рисованія, во всѣхъ прочихъ предметахъ, прилежаніи и поведеніи по единицѣ, но въ рисованіи нуль ³⁾).

Кромѣ приведенныхъ аттестацій о Горчаковѣ, мы имѣемъ еще отзывъ о немъ его товарища Алексѣя Демьяновича Илличевскаго, въ письмѣ къ Фуссу отъ 26 апрѣля 1812 г.—Илличевскій пишетъ: «Горчаковъ благодарить тебя за поклонъ, и хотѣлъ было писать, да ему некогда. Повѣришь ли? Этотъ человѣкъ учится съ утра до вечера, чтобы быть первымъ ученикомъ, и кажется, достигъ своего желанія ⁴⁾).

Горчаковъ принималъ также участіе въ литературной дѣятельности лицейстовъ. Такъ какъ, собственно говоря, участіе Горчакова ограничилось прозаическими

¹⁾ Къ біографіи А. С. Пушкина (малоизвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя). И. А. Шляпкина. С.-Петербургъ. 1899 г., стр. 17 и 20.

²⁾ Матеріалы для исторіи Лицея. И. Селезневъ. Примѣчаніе, стр. 14.

³⁾ Матеріалы для исторіи Лицея. И. Селезневъ. Примѣчаніе 63, стр. XLII.

⁴⁾ Гротъ: «Пушкинъ» и проч., стр. 57.

трудами, то мы не станемъ здѣсь рассказывать о возникновеніи лицейскихъ журналовъ и о поэтической дѣятельности воспитанниковъ Лицея, ибо объ этомъ мы болѣе подробно коснемся въ біографическихъ очеркахъ другихъ первокурсниковъ.

Въ 1813 году, по прекращеніи прежнихъ журналовъ, появился новый журналъ, подъ заглавіемъ «Юные пловцы». Издателями этого журнала были Пушкинъ, Дельвигъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ и Яковлевъ. Всего вышло только два номера этого журнала. Для насъ интересно, что въ этомъ журналѣ помѣстилъ свое прозаическое сочиненіе князь Горчаковъ, подъ заглавіемъ «Изяславъ». Сочиненіе это вмѣстѣ съ другими обратило на себя вниманіе гувернера Иконникова, который уже былъ къ тому времени уволенъ изъ Лицея, но тѣмъ не менѣе интересовался литературными трудами своихъ бывшихъ воспитанниковъ и самъ желалъ принять участіе въ этомъ журналѣ въ видѣ корреспондента ¹⁾).

Въ Лицеѣ Горчаковъ пользовался любовью своихъ товарищей. Ему писали посланія и Дельвигъ и Пушкинъ. Въ 1815 году Дельвигъ написалъ слѣдующее стихотвореніе къ больному тогда Горчакову:

Здравія полный фіаль Гигея сокрыла въ туманѣ;
Рѣзвый Эроть и Хариты съ тоскою бѣгутъ отъ тебя;
Блѣдная тихо болѣзнь на ложе твое наклонилась,
Сонъ смѣняется стономъ, моленьемъ друзей—тишина;
Тщетно ты слабую длань къ богинѣ младой простираешь,
Тщетно: не внемлетъ Гигея и утѣшительный взоръ
Отвратила съ уныньемъ. И скорбь надъ тобой изливается,
Съ колкой улыбкой злости, болѣзни и скуки сосудъ.

Юноша, что не сзовешь веселій и остраго Мома,—
Съ нимъ Эроть и Хариты къ тебѣ возвратятся толпой;
Лирой, звенящею радость, отгонять болѣзни и скуку,
И опрокинуть со смѣхомъ цѣлебный фіаль на тебя.
Дружба дастъ помощи руку, Вакхъ оживить твои силы;
Лила невольно промолвится, скажетъ, краснѣя: «люблю»,
Съ трепетомъ тайнымъ къ тебѣ прижимаясь невинною грудью...
И поцѣлуй увѣнчаетъ блаженное время любви ²⁾).

Пушкинъ написалъ Горчакову два посланія: одно въ 1815 году, начинающееся словами:

Пускай, не знаясь съ Аполлономъ...

и второе стихотвореніе въ 1816 году:

Встрѣчаюсь я съ осмынадцатою весной...

¹⁾ В. Гаевскій. Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія. «Современникъ» 1863 года, т. ХСVII, стр. 141—142.

²⁾ Полное собраніе стихотвореній барона А. Дельвига, изд. III, А. Суворина (1892 г.), стр. 79 и 80.—См. также «Россійскій Музеумъ» 1815 г., № 6, стр. 267 и 268, изд. Владиміра Измайлова.

Въ этихъ двухъ стихотвореніяхъ проявилась та привязанность Пушкина, та легкость, съ которою онъ дарилъ свою любовь своимъ товарищамъ. Но и въ этомъ же стихотвореніи замѣтна разница въ привязанности Пушкина къ Горчакову въ сравненіи съ другими его товарищами, напримѣръ къ Пушкину и Дельвигу.

Эти два стихотворенія не являются изліяніями дружбы, но они скорѣе свидѣтельствуютъ о товарищескихъ отношеніяхъ Пушкина къ Горчакову. Уже тогда, на школьной скамьѣ, замѣчалась рѣзкая грань между успѣхами Горчакова и Пушкина. Пушкинъ былъ плохой ученикъ, между тѣмъ какъ Горчаковъ преуспѣвалъ во всѣхъ предметахъ, достаивался похвалъ профессоровъ, и профессоръ Копанскій нашелъ даже нѣкоторыя черты генія, какъ онъ и записалъ въ своихъ отзывкахъ. Замѣтная еще въ Лицеѣ, на школьной скамьѣ, разница въ успѣхахъ между Горчаковымъ и Пушкинымъ по выходѣ изъ Лицея, на жизненномъ поприщѣ, еще болѣе рѣзко опредѣлилась, и жизненные дороги ихъ все болѣе и болѣе расходились.

Совершенно вѣрно говоритъ П. Щеголевъ («Пушкинъ» изд. С. А. Венгерова, томъ I, стр. 234): «Когда перечитываешь въ хронологическомъ порядкѣ эти посланія Пушкина къ Горчакову, то начинаетъ казаться, будто Пушкинъ гдѣ то въ глубинѣ своей души все время осторожно сравниваетъ себя съ избранникомъ счастья. Сначала образъ Горчакова, столь одареннаго и блестящаго, привлекаетъ вниманіе поэта. Все, достиженіе чего кажется легкимъ для Пушкина, все это дается Горчакову; его удачи и дарованія вѣрно сулятъ ему радости жизни, столь измѣнчивыя для поэта. Любовь, та любовь, что для юноши сказала въ такой безнадежности, стучится въ сердце избраннаго».

Въ первомъ посланіи Пушкина (въ 1815 г.) выдержанъ тонъ гораціанской простоты, такъ что Бѣлинскій вѣрно подмѣтилъ вліяніе на Пушкина поэта Батюшкова. Вотъ это стихотвореніе:

Князю А. М. Горчакову.

Пускай, не знаясь съ Аполлономъ,
Поэтъ, придворный философъ,
Вельможѣ знатному съ поклономъ
Подноситъ оду въ двѣсти строфъ;
Но я, любезный Горчаковъ,
Не просыпаюсь съ пѣтухами
И напыщенными стихами,
Наборомъ громозвучныхъ словъ,
Я пѣть пустого не умѣю
Высоко, тонко и хитро
И въ лиру превращать не смѣю
Мое гусиное перо.

Нѣтъ, нѣтъ, любезный князь, не оду
Тебѣ намѣрень посвятить:
Что прибыли соваться въ воду,
Сначала не спросившись броду,
И въ слѣдъ Державину парить?
Пишу своимъ я складомъ нынѣ
Кой-какъ стихи на именины...

Что долженъ я, скажи, въ сей часъ
Желать отъ чиста сердца другу?
Глубоку-ль старость, милый князь,
Дѣтей, любезную супругу,
Или богатства, громкихъ дней,
Крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлеченъ былъ въ путь кровавой,
Чтобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сіялъ,
Чтобъ въ битвахъ громъ изъ рукъ металлъ,
И чтобъ побѣда за тобою,
Какъ древле Невскому герою,
Всегда, вездѣ летала въ слѣдъ?
Не сладострастія поэтъ
Такою пѣсенкой поздравить:
Онъ лучше музъ на вѣкъ оставить.
Дай богъ любви, чтобъ ты свой вѣкъ,
Питомцемъ нѣжнымъ Эпикура,
Провелъ межъ Вакха и Амура!
А тамъ, когда стигійскій брегъ
Мелькнетъ въ туманномъ отдаленіи,
Дай Богъ, чтобъ въ страстномъ упоеніи
Ты, съ томной сладостью въ очахъ,
Изъ рукъ младого Купидона,
Вступая въ мрачный челнъ Харона,
Уснулъ... Елены на грудяхъ ¹⁾.

Второе посланіе Пушкина Горчакову представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Посланіе къ князю А. М. Горчакову.

Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весной;
Въ послѣдній разъ, быть можетъ, я съ тобой,
Задумчиво внимая шумъ дубравной,
Надъ озеромъ иду рука съ рукой.
Гдѣ вы, лѣта безпечности недавной?

¹⁾ Академич. изд. соч. Пушкина, т. I, стр. 145—146.

Съ надеждами, во свѣтъ юныхъ лѣтъ,
Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ;
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ неравной,
И розный намъ оставить въ мѣрѣ слѣдъ:
Тебѣ рукой Фортуны своенравной
Указанъ путь и счастливый и славной;
Моя стезя печальна и темна.
И нѣжная краса ¹⁾ тебѣ дана,
И нравиться блестящій даръ природы,
И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ;
Ты сотворенъ для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забавъ.
Онѣ пришли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора!
Спѣши любить, и счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастливъ осторожно;
Амуръ велить—и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу вѣнчай...
О, сколькохъ слезъ, предвижу, ты виновникъ!
Измѣны другъ и вѣтреный любовникъ,
Будь вѣренъ всѣмъ, плѣняйся и плѣняй!

А мой удѣлъ... но пасмурнымъ туманомъ
Зачѣмъ же мнѣ грядущее скрывать?
Увы, нельзя мнѣ вѣчнымъ жить обманомъ
И счастья тѣнь, забывшись обнимать!
Вся жизнь моя—печальный мракъ ненастья;
Двѣ—три весны младенцемъ, можетъ быть,
Я счастливъ быть, не понимая счастья.
Онѣ прошли, но можно-ль ихъ забыть?
Онѣ прошли, и скорбными глазами
Смотря на путь, оставленный на вѣкъ,
На краткій путь, усыпанный цвѣтами,
Которымъ я такъ весело протекъ,
Я слезы лью, я трачу вѣкъ напрасно,
Мучительнымъ желаніемъ горя...

Твоя заря—заря весны прекрасной;
Моя-жь, мой другъ,—осенняя заря.
Я зналъ любовь, но я не зналъ надежды;
Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ...

¹⁾ Эту «нѣжную красу» подмѣтилъ Пушкинъ еще тогда, когда Горчаковъ держалъ вступительный экзаменъ въ Лицей. Пушкинъ въ своихъ «Запискахъ» отмѣчаетъ, что Горчаковъ «былъ тогда необыкновенно милосивденъ».—(См. Записки И. И. Пущина, у Л. Н. Майкова: Пушкинъ и проч.—Спб. 1899 г., стр. 44).

Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,
Но мрачныя я грезы не забылъ.
Душа полна невольной, грустной думой;
Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
Одинъ, съ тоской, явлюсь я, гость угрюмой,
Явлюсь на часъ и одинокъ умру.
И не придетъ другъ сердца незабвенный
Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сомкнуть,
И не придетъ на холмъ уединенный
Въ послѣдній разъ любовію вздохнуть.
Уже ль моя пройдетъ пустынно младость?
Иль мнѣ чужда счастливая любовь?
Уже ль умру, не вѣдая что радость?
Зачѣмъ же жизнь дана мнѣ отъ боговъ?
Чего мнѣ ждать? Въ рядахъ забытый воинъ,
Среди толпы затерянный пѣвецъ,
Какихъ наградъ я въ будущемъ достоинъ,
И счастья какой возьму вѣнецъ?

Но что! Стыжусь! Нѣтъ, ропоть—униженье!
Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленье:
Уже ль лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье!
И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье
Мой скромный даръ и счастье друзей ¹⁾.

Объ этомъ второмъ посланіи П. Щеголевъ говоритъ слѣдующее: «Во второмъ посланіи поэтъ гораздо серьезнѣе анализируетъ счастливаго избранника и освобождается отъ заколдовывающаго вліянія необыкновенной удачливости, счастья»

Счастливый и славный путь матеріальнаго, вѣшняго счастья не плѣняетъ поэта. Ему опять все кажется, что Горчакова должна увлечь «любви прелестная пора»: вѣдь это же лучшее, что представлялось въ то время поэту-юношѣ. Ему «чужда счастливая любовь», и жизнь его такъ уныла въ сравненіи съ той, которой онъ можетъ надѣлать счастливаго избранника. Но вѣдь не отъ предопредѣленія же, не отъ рока же эта разница судебъ; вѣдь и радости жизни даются одному и отнимаются у другого не отъ того же, что одинъ родился въ сорочкѣ, а другой нѣтъ? Вотъ вопросъ, которымъ разрѣшается второе посланіе».

Въ 1817 году, 9-го іюня, Горчаковъ кончилъ Лицей по первому раз-

¹⁾ Академич. изд. соч. Пушкина, т. I, стр. 186—188.

ряду, съ чиномъ Титулярнаго Совѣтника и второю золотою медалью, и вступилъ въ гражданскую службу, опредѣлившись въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ ¹⁾).

Горчаковъ получилъ слѣдующій похвальный листъ за медаль: «Примѣрное благонравіе, прилежаніе и отличные успѣхи по всеѣмъ частямъ наукъ, которые оказывали вы во время шестилѣтняго пребыванія въ Императорскомъ Лицеѣ, содѣлали васъ достойнымъ полученія второй золотой медали, которая и дана вамъ съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія. Да будетъ вамъ сей первый знакъ отличія, который получаете вы при вступленіи вашемъ въ общество гражданъ, знакомъ, что достоинство всегда признается и награду свою получаетъ, да послужитъ онъ вамъ всегдашнимъ поощреніемъ къ ревностному исполненію обязанностей вашихъ къ ГОСУДАРЮ и Отечеству».

Покидая Лицеѣ, Горчаковъ внесъ въ альбомъ Е. А. Энгельгардта нѣсколько строкъ. Альбомъ этотъ былъ заведенъ Энгельгардтомъ для того, чтобы воспитанники при прощаніи съ директоромъ и Лицеомъ внесли туда что-нибудь отъ себя на память. Какъ извѣстно, такіе альбомы были въ модѣ въ тѣ времена, поэтому и Энгельгардтъ завелъ себѣ подобный же альбомъ. Но онъ не былъ, какъ большинство тогдашнихъ альбомовъ, сборникомъ случайныхъ записей. Альбомъ Энгельгардта могъ служить ему въ старости воспоминаемъ о питомцахъ Лицея, которые выросли и образовались на его глазахъ. Многіе изъ этихъ воспитанниковъ ограничились подписью своей фамиліи, но было также не мало и такихъ, въ особенности изъ воспитанниковъ перваго курса, которые вносили въ свои записи теплыя воспоминанія о Лицеѣ и его директорѣ; вспоминали то время, когда они учились подъ руководствомъ Энгельгардта и находили родной уголокъ въ средѣ его семейства.

Вотъ, что записалъ князь Горчаковъ ²⁾: *Ce n'est plus bonsoir ou bonne nuit, c'est adieu qu'il faut Vous dire, Егоръ Антоновичъ! Vous savez s'il m'en coûte. Je Vous ai connu et Vous ai aimé.—Puissiez Vous Vous rappeler de moi avec autant de satisfaction que j'éprouverai de jouissance à me retrouver dans le temps que j'ai passé avec Vous et les Vôtres. Gortchakof. 1817.*

О Горчаковѣ мы имѣемъ интересный отзывъ его товарища Модеста Андреевича Корфа, въ его запискѣ 1854 года. Онъ говорить:

«Князь А. М. Горчаковъ былъ выпущенъ изъ лицея не первымъ, а вторымъ. Первымъ былъ Владиміръ Дмитріевичъ Вальховскій. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ сдѣлали несправедливость, единственно, чтобы показать отсутствіе всякаго пристрастія къ имени и связямъ Горчакова. Блестяшія дарованія, острый и тонкій умъ, неукоризненное поведеніе, наконецъ самое отличное окончаніе курса безспорно давали ему право на первое мѣсто, хотя товарищи любили

¹⁾ Матеріалы для исторіи Лицея. И. Селезневъ. Стр. 90 и 92.

²⁾ Пушкинъ и его современники... СПб. 1908, вып. VII, стр. 4, статья Д. Θ. Кобеко: Альбомъ Директора Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардта.

его, за нѣкоторую заносчивость и большое самолюбіе, менѣе другихъ. Вальховскій былъ человѣкъ разсудительный, дѣльный, съ большимъ характеромъ и съ желѣзною волею надъ самимъ собою, наконецъ необыкновенно трудолюбивый, добродушный и скромный, за что мы и прозвали его «Sapientia»; но, не получивъ никакого предварительнаго воспитанія, онъ выучился всему, что зналъ, въ лицѣѣ, и отъ этого, при самыхъ неимовѣрныхъ усиліяхъ, не могъ достигнуть одинаковыхъ съ Горчаковымъ результатовъ. Послѣднему все давалось легко; первый каждый успѣхъ свой долженъ былъ брать приступомъ. Горчаковъ вышелъ блестящимъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ, Вальховскій—на видъ очень обыкновеннымъ, хотя подъ довольно прозаическою корою у него таилось пропасть свѣдѣній, дѣльности и добра. Зато и карьеры ихъ были совершенно различны»¹⁾.

Въ этой параллели Корфъ очень пристрастенъ къ Горчакову и, дѣйствительно, когда эта записка писалась, въ 1854 году, князь Горчаковъ былъ уже знаменитымъ дипломатомъ и только что былъ назначенъ посломъ въ Австрію. Какъ было не порадовать такому человѣку, какъ было не похвалить такого знаменитаго товарища. Между тѣмъ Вольховскій задолго до этой записки умеръ (1841 г.) и, конечно, не могъ ничего на нее возразить. Вольховскій, какъ извѣстно, палъ отъ разныхъ неблагоприятно сложившихся обстоятельствъ, палъ отъ интригъ и злобы людской, которая не могла простить ему, что онъ вращался среди декабристовъ, что домъ его на Кавказѣ былъ радушнымъ убѣжищемъ для нихъ, что, наконецъ, онъ былъ въ дружбѣ и въ родственныхъ связяхъ со многими изъ нихъ.

Мы не задаемся здѣсь воспроизведеніемъ полной біографіи князя Горчакова, такъ какъ это не входитъ въ цѣль нашего труда. Дѣятельность Горчакова, какъ дипломата, слишкомъ извѣстна и слишкомъ обширна, чтобы она могла помѣститься въ этомъ небольшомъ очеркѣ. Къ тому же дѣятельность его была разбираема въ разныхъ ученыхъ трудахъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Мы ограничимся поэтому свѣдѣніями, которыя даетъ намъ его формуляръ, иллюстрируя эти свѣдѣнія интимной перепиской между директоромъ Лицея Егоромъ Антоновичемъ Энгельгардтомъ и его воспитанниками, а также перепискою первенцевъ Лицея между собою.

Въ формулярѣ значится, что Высочайшимъ указомъ Горчаковъ определенъ изъ Царскосельскаго Лицея въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, съ чиномъ Титулярнаго Совѣтника,—1817 года, іюня 13-го (имѣя отъ роду 20 лѣтъ)²⁾.

Отъ 20 декабря 1817 года мы имѣемъ письмо директора Лицея Егора Антоновича Энгельгардта къ своему воспитаннику Матюшкину, гдѣ онъ

¹⁾ Я. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. СПб., 1899 г., стр. 252.

²⁾ Поэтому выходитъ, что Горчаковъ родился въ 1797 году, между тѣмъ немного выше формуляръ указываетъ, что онъ родился 4 іюля 1798 года.

сообщаетъ ему о двухъ его товарищахъ, что «Горчаковъ и Ломоносовъ съ канцелярією своею въ Москвѣ, гдѣ какъ слышно, проживуть до іюня или іюля мѣсяца». Свѣдѣніе это не находится въ формулярѣ Горчакова.

Въ 1819 году, декабря 12-го, Горчаковъ былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера.

Къ 1819 году относится, какъ извѣстно, посланіе Пушкина къ Горчакову. Это такъ называемое «Третье посланіе къ Горчакову». Вотъ оно:

Питомецъ модъ, большаго свѣта другъ,
 Обычаевъ блестящихъ наблюдатель,
 Ты мнѣ велишь оставить мирный кругъ,
 Гдѣ, красоты безпечный обожатель,
 Я провожу незнаемый досугъ.
 Какъ ты, мой другъ, въ неопытныхъ лѣтахъ,
 Опасною прельщенный суетой,
 Терялъ я жизнь, и чувства, и покой;
 Но угорѣлъ въ чаду большого свѣта—
 И отдохнуть убрался я домой.
 И, признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе
 Младыхъ повѣсь счастливая семья,
 Гдѣ умъ кипить, гдѣ въ мысляхъ воленъ я,
 Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе,
 И гдѣ мы всѣ—прекраснаго друзья,
 Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
 Гдѣ умъ хранить невольное молчанье,
 Гдѣ холодомъ сердца поражены,
 Гдѣ Вутурлинь невѣждъ законодатель,
 Гдѣ Шеппингъ—царь, а скука—предсѣдатель
 Гдѣ глупостью единой всѣ равны.
 Я помню сихъ дѣтей честолюбивыхъ,
 Злыхъ безъ ума, безъ гордости спесивыхъ,
 И, разглядѣвъ тирановъ модныхъ заль,
 Чуждаюсь ихъ укуровъ и похваль.
 Когда въ кругу Лаисъ благочестивыхъ
 Затянутый невѣжда—генераль
 Красавицамъ изношеннымъ и соннымъ
 Съ трудомъ остритъ французскій мадригаль,
 Глядя на всѣхъ съ нахальствомъ благосклоннымъ,
 И всѣ вокругъ и дремлютъ и молчатъ,
 Крутятъ усы, иль шпорами бренчатъ,
 Да взрѣдка съ улыбкою зѣваютъ,—
 Тогда, мой другъ, забытыхъ шалуновъ
 Свобода, Вакхъ и музы угощаютъ.
 Не слышу я въ то время острыхъ словъ,

Политики смѣшнаго лепетанья,
Не вижу я украшенныхъ глупцовъ,
Святыхъ невѣждъ, почетныхъ поддѣцовъ,
И мистика придворнаго кривлянья.
И ты, харитъ любовникъ своевольный,
Пріятный лжець, язвительный болтунъ,
По прежнему острякъ небогомольный,
По прежнему философъ и шалунъ,
И ты на мигъ оставь своихъ вельможъ—
И милый кругъ друзей моихъ умножь! ¹⁾

Въ этомъ стихотвореніи ярко выступаетъ различіе жизненныхъ путей Пушкина и Горчакова. Здѣсь виденъ уже разладъ между ними.

Въ первомъ посланіи Пушкина къ Горчакову блестящій образъ Горчакова привлекалъ вниманіе поэта своею удачею, своими замѣчательными способностями; все сулило ему радости жизни, и поэтъ не зналъ, что пожелать Горчакову: глубокой ли старости, любезной супруги или громкихъ дней, крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, честей—и потому выбираетъ такое пожеланіе, которое было всего желательнѣе для него самого въ тотъ моментъ: онъ ему желаетъ любовь, чтобы онъ свой вѣкъ <провелъ межъ Вакха и Амура>.

Дай Богъ, чтобъ въ страстномъ упоеньи
Ты, съ томной сладостью въ очахъ,
Изъ рукъ младаго Купидона,
Вступая въ мрачный челнъ Харона,
Уснулъ... Елены на грудяхъ... ²⁾

Во второмъ же посланіи, какъ мы видѣли, Пушкинъ уже отрѣшается отъ восторженнаго поклоненія Горчакову и уже гораздо серьезнѣе анализируетъ различіе между ними. Отдавая первенство Горчакову въ красотѣ, быстромъ его умѣ и въ миломъ нравѣ, Пушкинъ говоритъ:

Ты сотворенъ для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забавъ.
.
.
.
Твоя заря—заря весны прекрасной;
Моя жъ, мой другъ,—осенняя заря.

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Ред. П. А. Ефремова. Изд. А. С. Суворина, 1903 г., т. I, стр. 326—327.

²⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Ред. П. А. Ефремова. Изд. А. С. Суворина, 1903 г., т. I, стр. 152 и 153.

Конецъ этого стихотворенія имѣетъ такой вариантъ:

«Уснулъ... Ершовой на грудяхъ».

Пушкинъ, подъ редакціей С. А. Венгерова, т. I, стр. 231.

Кончается это стихотвореніе слѣдующими строками:

Уже ль лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье!
И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье
Мой скромный даръ и счастье друзей! ¹⁾

О третьемъ посланіи, 1819 года, говоритъ П. Щеголевъ ²⁾: «Третье посланіе написано въ 1819 году въ то время, когда товарищи уже расходились. Отношенія Пушкина становятся все сознательнѣе и сознательнѣе. Горчаковъ уже дѣлаетъ карьеру. Онъ — «питомецъ модъ, большого свѣта другъ, обычаевъ блестящихъ наблюдатель». А Пушкинъ, «красоты безпечный обожатель», проводитъ «незнаемый досугъ».

«Ты мнѣ велишь оставить мирный кругъ»,—

пишетъ Пушкинъ. Тутъ рѣчь идетъ, конечно, о совѣтѣ Горчакова Пушкину обратить побольше вниманія на карьеру и успѣхи въ свѣтѣ. Но Горчаковъ уже сталъ ясенъ для поэта: онъ не посовѣтуетъ ему больше «вновь миртами красавицу вѣнчать». Онъ предпочитаетъ скорѣй быть въ счастливой семьѣ молодыхъ повѣсъ, чѣмъ въ томъ обществѣ, которое только и признавалъ Горчаковъ. Какими необычайно рѣзкими должны были показаться именно Горчакову стихи Пушкина:

«Не вижу я украшенныхъ глупцовъ,
Святыя невѣжды, почетныхъ подлецовъ
И мистика придворнаго кривлянья».

Честолюбію и роковой удачливости Горчакова какой большой ударъ въ этомъ посланіи! Правда, добрый поэтъ смягчилъ эффектъ характеристики свѣта заключительными стихами... Но и эти стихи говорятъ, что разстоянія, которое Пушкинъ лицезѣетъ отиѣчалъ между собой и Горчаковымъ, уже не существовало».

Въ письмѣ Энгельгардта къ Матюшкину отъ 9 марта 1818 г. есть упоминаніе о Горчаковѣ.

Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину, что наканунѣ, т. е. 8 марта, у него былъ праздникъ: «прилетѣли вдругъ двое сани съ колокольчиками, остановились у двѣрей моихъ, — гляжу — вылѣзаютъ наши москвичи — Горчаковъ, Малиновской, Ломоносовъ. И радоваться и спрашивать и отвѣчать, и не слушать ни вопросовъ, ни отвѣтовъ, они здоровы и очень много тебѣ кланяются. День мы провели вмѣстѣ и очень весело, вечеромъ они поѣхали и я съ ними»...

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Вѣримова. изд. А. С. Суворина, 1903 г., т. I, стр. 198 и 200.

²⁾ Пушкинъ, подъ редакціей С. А. Венгерова, т. I, стр. 234.

Изъ письма А. Я. Булгакова изъ Москвы къ его брату, отъ 5 апрѣля 1820 г., мы узнаемъ, что Горчаковъ былъ въ это время въ Москвѣ. Булгаковъ упоминаетъ въ этомъ письмѣ, что на балу у князя Дмитрія Владиміровича Голицына (тогдашняго Московскаго Генераль-Губернатора) были въ мундирахъ трое. Въ ихъ числѣ «Славный Камеръ-Юнкеръ Горчаковъ, въ шитомъ мундирѣ, напудренный... Онъ очень плодovито рассказывалъ Князю все, что въ послѣднихъ газетахъ» ¹⁾).

А въ письмѣ отъ 10 сентября 1820 года Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину, что Есаковъ въ Варшавѣ, «тутъ же временно и князь Горчаковъ». Вѣроятно, Горчаковъ находился въ Варшавѣ, отправляясь въ Тропау.

Въ формулярѣ мы находимъ указаніе, что въ 1820 и 1821 гг. Горчаковъ находился при Управлявшемъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ въ Тропау и Лайбахѣ (т. е. Люблянахъ).

Въ 1821 году Горчаковъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владимира 4-й степени.

Энгельгардтъ въ письмѣ отъ 21 іюня 1821 г. писалъ Матюшкину: «Горчаковъ въ Лайбахѣ на конгрессѣ отличался, — пожалованъ владимірскимъ кавалеромъ и отправленъ съ посольствомъ въ Англію къ коронаціи короля».

Въ Лайбахѣ или Люблянахъ Императоръ Александръ I, встрѣтившись съ Горчаковымъ на единственной улицѣ этого города, обрадовалъ его слѣдующимъ неожиданнымъ сообщеніемъ: «Ты просишься въ Англію въ Лондонъ. И прекрасно. Я отправлю тебя туда секретаремъ нашего посольства». Это была затаенная мысль Горчакова — получить мѣсто въ Лондонѣ, но онъ не смѣлъ мечтать о подобномъ назначеніи, такъ какъ въ русское посольство въ Лондонъ посылались самые талантливые и избранные чиновники. Императоръ Александръ нашелъ Горчакова вполне достойнымъ служить въ Лондонскомъ русскомъ посольствѣ, такъ какъ онъ зарекомендовалъ себя какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея, основаннаго, какъ извѣстно, Императоромъ Александромъ, а также еще и потому, что Императоръ оцѣнилъ Горчакова какъ при разныхъ встрѣчахъ съ нимъ на конгрессахъ, а также въ бытность его въ Варшавѣ, въ свитѣ Государя ²⁾).

Въ 1822 году, іюля 27, пожалованъ въ Коллежскіе Ассесоры, со старшинствомъ съ 13 іюня 1821 года.

Опредѣленъ первымъ секретаремъ при посольствѣ въ Лондонѣ — 1822 года, декабря 2-го.

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1900 г., книга 11, стр. 351.

²⁾ Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ въ его разсказахъ изъ прошлаго. М.-скій. («Рус. Стар.» 1883 г., т. XL, октябрь, стр. 161).

Энгельгардтъ въ письмѣ къ Кюхельбекеру, отъ 14 сентября 1823 г., сообщилъ ему, что Горчаковъ въ Лондонѣ ¹⁾.

О назначеніи этомъ упоминается, между прочимъ, въ дневникъ Жуковского (стр. 163).

Въ бытность Горчакова въ Лондонѣ секретаремъ тамошняго русскаго посольства, ему было поручено передать Николаю Ивановичу Тургеневу требованіе о явкѣ его въ Россію ²⁾. По словамъ Жуковского, этою поѣздкою къ Н. И. Тургеневу Горчаковъ обратилъ на себя вниманіе начальства ³⁾. И когда Горчаковъ былъ переведенъ въ 1827 г. изъ Лондона въ Римъ, Жуковский въ видѣ утѣшенія спѣшитъ обрадовать Александра Тургенева такимъ фактомъ ⁴⁾.

Пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2 степени 1822 года, декабря 2-го.

Пожалованъ въ Надворные Совѣтники въ 1824 году, декабря 12-го.

Въ 1825 году Горчаковъ получилъ отпускъ для поправленія разстроеннаго здоровья. Возвратился онъ изъ отпуска 3 декабря того же года. Посѣтивъ для лѣченія Спа, онъ на возвратномъ пути въ Россію заѣхалъ къ своему дядѣ А. Н. Пешурову, бывшему въ то время предводителемъ дворянства въ Псковской губерніи и жившему въ своемъ родовомъ имѣніи въ селѣ Лямоновѣ. Здѣсь Пушкинъ встрѣтился съ Горчаковымъ.

«...Но невзначай, проселочной дорогою,

Мы встрѣтились и братски обнялись»...

Объ этомъ эпизодѣ сохранились воспоминанія князя Горчакова, изложенныя въ третьемъ лицѣ адвокатомъ княземъ А. Н. Урусовымъ, племянникомъ жены князя Горчакова ⁵⁾. Горчаковъ, какъ извѣстно, избѣгалъ писать собственноручно, поэтому эти рассказы были записаны съ его словъ въ 1871 году или, лучше сказать, продиктованы князю Урусову, который помѣстилъ ихъ въ «Русскомъ Архивѣ», подъ заглавіемъ: «Канцлеръ Князь Горчаковъ о Пушкинѣ ⁶⁾».

Вотъ, что говорится въ этомъ рассказѣ.

«Въ 1825 году Князь Александръ Михайловичъ возвратился въ Россію изъ Спа, гдѣ лѣчился. Онъ посѣтилъ своего дядю, Пешурова, который жилъ въ это время въ своей вотчинѣ, Псковской губерніи, въ селѣ Лямоновѣ. Пе-

¹⁾ «Рус. Стар.» 1875 г., т. XIII, июль, стр. 374.

²⁾ См. «Письма Н. И. Тургенева». Письмо отъ (27) 9 апрѣля (такъ въ оригиналѣ) 1826 г. Единбургъ.— («Русская Старина» 1901 г., т. CVI, май, стр. 242 и 243).

³⁾ См. письмо В. А. Жуковского о Н. И. Тургеневѣ. («Рус. Арх.» 1895 г., книга 9, стр. 17).

⁴⁾ Письмо отъ 6 (18) апрѣля 1828 года, изъ Петербурга—CXLVII.

⁵⁾ См. о немъ «Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова». («Русск. Старина» 1901 г., т. CVIII, ноябрь, стр. 273).

⁶⁾ Изъ письма князя А. Н. Урусова къ издателю «Русскаго Архива». СПб. 20 апрѣля 1871 года. (См. «Русск. Архивъ» 1883 г., книга III, стр. 205 и 206).

пшуровъ принималъ большое участіе въ судьбѣ Пушкина, жившаго въ изгнаніи въ деревнѣ, въ извѣстномъ Михайловскомъ. По прїѣздѣ его изъ Одессы, къ поэту былъ приставленъ полицейскій чиновникъ съ спеціальною обязанностию наблюдать, чтобы Пушкинъ ничего не писалъ предосудительнаго. Понятно, какъ раздражалъ Пушкина этотъ надзоръ. Пешуровъ, изъ любви къ нему, ходатайствовалъ у маркиза Паулуччи (тогдашняго Рижскаго генералъ-губернатора) о томъ, чтобы этотъ надзоръ былъ снятъ, а Пушкинъ отданъ ему на поруки, обѣщая, что поэтъ ничего дурнаго не напишетъ. Ходатайство имѣло успѣхъ, и Пушкинъ вздохнулъ свободнѣе.

Узнавъ о прїѣздѣ князя Горчакова, Пушкинъ тотчасъ прїѣхалъ изъ Михайловскаго въ Лямоново, и здѣсь, на проселочной дорогѣ, друзья, дѣйствительно, встрѣтились и «братски обнялись». Цѣлый день провелъ Пушкинъ у Пешурова и, сидя на постели вновь захворавшаго князя Горчакова, читалъ ему отрывки изъ «Бориса Годунова» и, между прочимъ, наброски сцены между Пименомъ и Григоріемъ. «Пушкинъ вообще любилъ читать мнѣ свои вещи», — замѣтилъ князь съ улыбкой, — «какъ Мольеръ читалъ комедіи своей кухаркѣ». Въ этой сценѣ князь Горчаковъ помнитъ, что было нѣсколько стиховъ, въ которыхъ проглядывала какая-то изысканная грубость и говорилось что-то о «слюняхъ». Онъ замѣтилъ Пушкину, что такая искусственная тривіальность довольно неприятно отдѣляется отъ общаго тона и слога, которымъ писана сцена... «Вычеркни, братецъ, эти слюни. Ну въ чему онъ тутъ?» — «А посмотри у Шекспира и не такія еще выраженія попадаютъ», возразилъ Пушкинъ. — «Да, но Шекспиръ жилъ не въ XIX вѣкѣ и говорилъ языкомъ своего времени», — замѣтилъ князь. Пушкинъ подумалъ и передѣлалъ свою сцену.

Пользуясь своимъ вліяніемъ на Пушкина, кн. Горчаковъ побудилъ его уничтожить одно произведеніе, «которое могло бы оставить пятно на его памяти». Пушкинъ написалъ было поэму «Монахъ». Князь Горчаковъ взялъ ее на прочтеніе и сжегъ, объявивъ автору, что это недостойно его имени¹⁾.

¹⁾ Я. Гротъ. «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 268. — По поводу этихъ строкъ Грота одинъ изъ новѣйшихъ комментаторовъ Пушкина, П. Щеголевъ, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Добродушный Гротъ не рѣшился сдѣлать какіе-либо комментаріи къ этимъ откровеніямъ князя». (Пушкинъ. Подъ редакцію А. С. Венгерова. Т. II, стр. 238). Если это замѣчаніе Щеголева относится къ трагедіи «Борисъ Годуновъ», которую въ разсказѣ Грота Щеголевъ подчеркиваетъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Пушкинъ, окончивъ «Бориса» осенью 1825 года, могъ ее прочесть Горчакову, который этой же осенью былъ, проѣздомъ, въ Псковской губерніи, какъ о томъ, впрочемъ, онъ сообщаетъ князю П. А. Вяземскому, въ письмѣ отъ первой половины сентября 1825 г. (В. И. Саятовъ. Пушкинъ. Переписка. Томъ I, стр. 285). — А въ письмѣ отъ 13—15 сентября того же года Пушкинъ сообщаетъ Вяземскому, что онъ кончилъ вторую часть «Бориса» (тамъ же, стр. 289). И, наконецъ, въ октябрѣ того же года онъ сообщаетъ Вяземскому объ окончаніи этой трагедіи (тамъ же, стр. 301).

То же самое повторилъ Горчаковъ, въ 1880 г., академику Якову Карловичу Гроту. Гротъ пишетъ, что Горчаковъ, «прочитавъ на память большую часть посланія его «Пускай, не знаюсь съ Аполлономъ», распространился о своихъ отношеніяхъ къ Пушкину. Между прочимъ онъ говорилъ, что былъ для нашего поэта тѣмъ же, чѣмъ la cuisinière de Molière для славнаго комика, который ничего не выпускалъ не посоветовавшись съ нею; что онъ, князь, когда-то помѣшалъ Пушкину напечатать дурную поэмю, разорвавъ три пѣсни ея; что заставилъ его выбросить изъ одной сцены «Бориса Годунова» слово «слюни», которое тотъ хотѣлъ употребить изъ подражанія Шекспиру; что во время ссылки Пушкина въ Михайловское князь за него поручился Псковскому Губернатору ¹⁾).

По этимъ хвастливымъ изліяніямъ Горчакова можно было подумать, что онъ имѣлъ огромное вліяніе на творчество Пушкина, и это можно было бы утверждать на основаніи сохранившихся разсказовъ Горчакова, но на самомъ дѣлѣ выходитъ совершенно противоположное. Когда Горчаковъ «шелъ въ гору» въ своей дипломатической карьерѣ, то Пушкинъ побывалъ въ ссылкѣ на югѣ и находился въ ссылкѣ въ Михайловскомъ. Онъ уже успѣлъ коснуться и вольнолюбивыхъ идей своей эпохи и заглянуть, хотя невольно для себя, въ тайны декабристовъ, съ большинствомъ которыхъ онъ былъ друженъ. Такимъ образомъ, имя Горчакова сіяло въ ореолѣ дипломатическихъ успѣховъ, а имя Пушкина было окружено ореоломъ мученичества правительственныхъ гоненій. Ихъ встрѣча въ Псковской губерніи еще больше разъединила ихъ. Пушкинъ писалъ князю Вяземскому въ первой половинѣ сентября 1825 года, изъ Михайловскаго:

«— Горчаковъ доставить тебѣ мое письмо. Мы встрѣтились и разстались довольно холодно—по крайней мѣрѣ съ моей стороны. Онъ ужасно высохъ—впрочемъ, такъ и должно: зрѣлости нѣтъ у насъ на сѣверѣ, мы или сохнемъ или гниемъ; первое все-таки лучше.—Отъ нечего дѣлать я прочелъ ему нѣсколько сценъ изъ моей комедіи, попроси его не говорить объ нихъ,

¹⁾ Вѣроятно, объ этой поэмѣ вспомнилъ князь Горчаковъ весною 1882 г. въ Ниццѣ. Эти воспоминанія были тогда же записаны М.-скимъ. Вотъ что въ нихъ передаетъ намъ Горчаковъ:

«Славнаго лицеиста, нашего поэта Пушкина я весьма любилъ и былъ взаимно имъ любимъ. Съ удовольствіемъ вспоминаю, что имѣлъ на него нѣкоторое вліяніе, о чемъ сужу по слѣдующему случаю.

Однажды, еще въ Лицеѣ, онъ мнѣ показалъ стихотвореніе довольно слабознаго свойства. Я ему напрямки сказалъ, что оно недостойно его прекраснаго таланта.

Пушкинъ немедленно разорвалъ это стихотвореніе.

Вскорѣ по выходѣ изъ Лицея, я посѣтилъ дорогаго нашего поэта. Онъ былъ боленъ, лежалъ въ постели, къ нему не допускали. Мнѣ не удалось съ нимъ проститься. Я уѣхалъ за границу на службу». (Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ въ его разсказахъ изъ прошлаго. М.-скій.—«Рус. Стар.» 1883 г., октябрь, томъ XL, стр. 164)..

не то объ ней заговорить, а она мнѣ опротивить, какъ мои Цыганы, которыхъ я не могъ докончить по сей причинѣ»... ¹⁾

Въ письмѣ къ тому же князю Вяземскому, отъ 15 сентября 1825 г., Пушкинъ возвращается опять къ князю Горчакову и говорить слѣдующее: «Горчаковъ мнѣ живо напомнилъ Лицей, кажется онъ не перемѣнился во многомъ—хоть и созрѣлъ и слѣдственно подсохъ.—Ты вбилъ ему въ голову что я объѣдаюсь гонѣніемъ. — Охъ душа моя—меня тошнить... но предлагаемое да ѣдятъ» ²⁾).

Въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи «19 октября 1825 года» Пушкинъ посвятилъ Горчакову, несмотря на различіе ихъ возрѣній на жизнь, прекрасную поэтическую строфу. Это была какъ бы лебединая пѣснь Пушкина, такъ какъ въ дальнѣйшемъ мы не встрѣчаемъ въ поэзіи у Пушкина упоминанія о Горчаковѣ:

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ—фортуны блескъ холодной
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
Вступая въ жизнь, мы быстро разошлись;
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись ³⁾.

Въ перепискѣ братьевъ Булгаковыхъ мы находимъ упоминаніе о Горчаковѣ.

Когда А. Я. Булгаковъ помѣстилъ своего сына Константина въ Лицейскій благородный пансіонъ, съ тѣмъ, чтобы онъ въ будущемъ перешелъ въ Царскосельскій Лицей, то, конечно, онъ услышалъ о Горчаковѣ, какъ о блистательномъ воспитанникѣ Лицея; кромѣ того, онъ слышалъ о немъ также и отъ его товарища, москвича Ломоносова.

А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату отъ 18 августа 1825 г., изъ Москвы, писалъ слѣдующее: «Я не знаю молодого Горчакова, но его всѣ откровенно хвалятъ: это лицейская птичка. Дай Богъ Костя на него походить». Костя—это сынъ А. Я. Булгакова, знаменитый своими шалостями и проказами.—А въ письмѣ отъ 2 сентября того же года, въ отвѣтъ на замѣчаніе брата, что Горчаковъ бываетъ на вечерахъ у нихъ въ Петербургѣ, А. Я.

¹⁾ Сочиненія Пушкина. Изд. Император. Академ. Наукъ. Переписка. Подъ редакц. В. И. Святлова. Томъ I, СПб., 1906 г., стр. 285.

²⁾ Тамъ же, стр. 289 и 290. См. также Сочин. А. С. Пушкина, подъ редакціей П. А. Ефремова. 1905 г. Т. VІІІ, стр. 38—39.

³⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Изд. А. С. Суворина. СПб. 1903 г. Т. II, стр. 42 и 43.

Булгаковъ пишетъ слѣдующее: «Вотъ и новое лицо у васъ на вечерахъ, Горчаковъ. Его очень хвалятъ. Я знаю сестру его, что за Хвоцинскимъ: мила, умна и прекрасна. Это одна изъ нашихъ Московскихъ красавицъ, и про брата нажужжалъ мнѣ Ломоносовъ ¹⁾».

Незадолго до 14 декабря 1825 года Горчаковъ возвратился изъ Москвы. Во время самаго бунта, когда разыгрывалась траги-комедія тогдашняго освободительнаго движенія, Горчакову пришлось проѣзжать по Сенатской площади, мимо толпы одураченныхъ солдатъ, среди которыхъ были и его два товарища по Лицею: Кюхельбекеръ и Пущинъ. Насколько не серьезенъ былъ этотъ бунтъ, показываетъ то, что Горчаковъ не обратилъ на эту толпу никакого вниманія. Онъ принялъ ее за обыкновенное сборище людей. Вотъ, что говоритъ Горчаковъ по этому поводу:

«Въ день 14 декабря 1825 года я былъ въ Петербургѣ и, ничего не вѣдая и не подозрѣвая, проѣхалъ въ каретѣ цугомъ съ фореиторомъ въ Зимній Дворецъ, для принесенія присяги новому Государю Николаю Павловичу. Я проѣхалъ изъ дома графа Бобринскаго, гдѣ тогда останавливался, по Галерной улицѣ чрезъ площадь, не обративъ вниманія на пестрыя и безпорядчныя толпы народа и солдатъ. Я потому не обратилъ вниманія на толпы народа, что привыкъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, видѣть на площадяхъ и улицахъ Лондона разнообразныя и густыя толпы народа. Какъ теперь помню, пріѣхалъ я въ Зимній дворецъ въ чулкахъ, сильно напудренный, и одинъ изъ всѣхъ собравшихся камеръ-юнкеровъ былъ въ очкахъ. Достоинно вниманія, что при дворѣ Императора Александра Павловича ношеніе очковъ считалось такимъ важнымъ отступленіемъ отъ формы, что на ношеніе ихъ понадобилось мнѣ особенное Высочайшее повелѣніе, испрошенное гофъ-маршаломъ Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ; при дворѣ было строго воспрещено ношеніе очковъ» ²⁾».

Декабристами дѣлались попытки привлечь на свою сторону князя Горчакова. Это былъ бы крупный козырь въ ихъ игрѣ. Объ этихъ попыткахъ декабристовъ говоритъ Горчаковъ: «Во время моихъ пріѣздовъ въ Петербургъ былъ однако случай, когда одинъ изъ членовъ тайнаго общества заговорилъ со мною о необходимости такого общества. Я, ничего еще впрочемъ не подозрѣвая, далъ понять мое твердое убѣжденіе, что благія цѣли никогда не достигаются тайными происками, и недосказанное предложеніе само собою замерло на устахъ моего собесѣдника».

Помимо своихъ убѣжденій, Горчаковъ былъ огражденъ отъ болѣе близкихъ сношеній съ декабристами своими частыми отлучками изъ Россіи и

¹⁾ «Рус. Арх.» 1901 г., кн. 6, стр. 204 и 208.

²⁾ Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ въ его разсказахъ изъ прошлаго. М.—скій. «Русск. Старина» 1883 г., т. XL, октябрь, стр. 165—166.

пребываніемъ въ чужихъ краяхъ, несмотря на то, что онъ былъ со многими изъ декабристовъ лично знакомъ, а съ двумя изъ нихъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ, какъ со своимъ однокурсникомъ по Императорскому Царкосельскому Лицею. Это были Кюхельбекеръ и Иванъ Ивановичъ Пущинъ. Изъ за Пущина онъ чуть было не попалъ въ число лицъ, прикосновенныхъ къ декабристамъ. Вотъ какъ рассказываетъ самъ Горчаковъ объ этомъ эпизодѣ.

«Достоинно вниманія, что предъ самымъ 14 декабря 1825 года я былъ въ Москвѣ. Здѣсь князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, между прочимъ, весьма мнѣ хвалилъ моего товарища по Царкосельскому Лицею, Ивана Ивановича Пущина, служившаго въ то время въ Москвѣ въ уголовной палатѣ и воевавшего противъ взятокъ. Князь Голицынъ между прочимъ предложилъ мнѣ, зная, что я ѣду въ Петербургъ, ѣхать въ одной коляскѣ съ Пущинимъ, туда, какъ впоследствии оказалось, спѣшившаго (спѣшившимъ?) по дѣламъ тайнаго общества, о чемъ, т. е. о настоящей цѣли поѣздки Пущина, князь Голицынъ, конечно, ничего не зналъ.

«Совершенно случайно я выѣхалъ изъ Москвы не съ Пущинимъ, а съ графомъ Алексѣемъ Бобринскимъ. Поѣзжай я въ одномъ экипажѣ съ Иваномъ Ивановичемъ Пущинимъ, конечно, такъ либо иначе, но я оказался бы въ числѣ *прикосновенныхъ*; по крайней мѣрѣ меня бы навѣрное за знакомство въ эти дни съ Пущинимъ, однимъ изъ главнѣйшихъ заговорщиковъ, привлекли бы къ допросу.

«Во время пріѣзда моего изъ Лондона, — говоритъ Горчаковъ, — въ Москву и въ Петербургъ въ 1825 году, ни одинъ изъ моихъ товарищей по Царкосельскому Лицею, членовъ тайнаго общества, не заговаривалъ со мною о дѣлахъ сего общества. Потому, что всѣмъ и каждому изъ нихъ я твердилъ, что питомцамъ Лицея, основаннаго Императоромъ Александромъ Павловичемъ, не подобаешь, ни прямо, ни косвенно, идти противъ августѣйшаго основателя того заведенія, которому мы всѣмъ обязаны».

Чтобы покончить съ декабристами, мы, опережая событія, скажемъ здѣсь что, по совѣту Горчакова, Императоръ Александръ II въ 1856 г. даровалъ въ память своей коронаціи, амнистію всѣмъ политическимъ ссыльнымъ и возвратилъ изъ Сибири тѣхъ декабристовъ, которые оставались еще въ живыхъ въ 1856 году, съ возвращеніемъ имъ чиновъ, званій и права жительства въ Россіи. Горчаковъ считалъ ихъ людьми замѣчательно умными и даровитыми, изъ которыхъ многихъ, какъ мы уже сказали, онъ зналъ лично. Это знакомство было причиной, что Горчаковъ попалъ въ списки III-го отдѣленія, и покойный Мезенцовъ передавалъ ему, что онъ многіе годы значился въ этихъ спискахъ съ такою отмѣткою: «князь Александръ Горчаковъ не безъ способностей, но не любитъ Россіи».

Изъ всѣхъ декабристовъ Горчакову былъ особенно симпатиченъ Михайлъ Ивановичъ Пущинъ, о судьбѣ котораго онъ доложилъ Императору Александру II-му въ 1857 году, въ Кисеянгенѣ, гдѣ былъ и Пущинъ. Императоръ велѣлъ розыскать дѣло о представленіи Пущина къ Георгію, сдѣланномъ 40 лѣтъ назадъ графомъ Паскевичемъ. Пущинъ получилъ Георгія и мѣсто коменданта крѣпости ¹⁾).

Въ 1827 году, іюля 24, Горчаковъ былъ перемѣщенъ первымъ секретаремъ къ миссіи въ Римъ.

Въ томъ же году ему было пожаловано 500 червонцевъ голландскихъ.

Энгельгардтъ въ письмѣ къ Вольховскому отъ 30 сентября 1827 г. сообщаетъ нѣкоторыя подробности о Горчаковѣ. Вотъ, что онъ пишетъ:

«Отъ Горчакова я получилъ два письма, онъ оставляетъ Лондонскую миссію и ѣдетъ въ Римъ первымъ секретаремъ посольства. Совершенно разстроенное его здоровье принудило его просить о семъ переводѣ, при которомъ бы онъ много потерялъ, еслибъ не оказали ему милость «не въ примѣръ другимъ» оставить при немъ Лондонское жалованье, т. е. вдвое того, что по общему положенію слѣдуетъ ему получать въ Римѣ. Лондонскій климатъ уморилъ бы его конечно, но и Римскій не слишкомъ здоровъ: бѣдный Кюрсакъ тамъ погибъ. Но такъ какъ при Римской миссіи дѣла очень мало, то онъ надѣется въ самые лѣтніе мѣсяцы, когда Понтинскія болота болѣе всего испаряются, получить отпускъ во Флоренцію или Пизу. Онъ намѣренъ тамъ заняться изученіемъ Греческаго языка, который можетъ сдѣлается также дипломатическимъ». Въ другомъ письмѣ, отъ 23 ноября 1827 года, Энгельгардтъ писалъ Вольховскому: «Спѣшу кончить (письмо) дабы написать еще письмо къ Горчакову въ Римъ, куда онъ перепросился по причинѣ разстроеннаго своего здоровья. Я посылаю къ нему съ отправляющимся туда завтра поутру курьеромъ, мѣдную вызолоченную медаль лица, вмѣсто золотой, которую украли у него съ прочими вещами въ Лондонѣ; онъ очень удивится открывая мой пакетъ, найтти свою потерю; если не подлинникъ, то по крайней мѣрѣ совершенно похожую на оный копію».

Въ 1828 году, апрѣля 17-го, Горчаковъ перемѣщенъ въ Берлинъ совѣтникомъ посольства.

Это перемѣщеніе не ускользнуло отъ пытливаго вниманія Константина Яковлевича Булгакова, этого неутомимаго бытописателя своего времени. Въ письмѣ К. Я. Булгакова къ брату, изъ С.-Петербурга, отъ 23 апрѣля 1828 года, мы читаемъ: «Князь Горчаковъ изъ Рима переведенъ совѣтникомъ

¹⁾ См. Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ въ его разсказахъ изъ прошлаго. М.—скій. «Рус. Стар.» 1883 г., томъ XL, октябрь, стр. 164—167, 170 и 172.

Посольства въ Берлинъ, а въ Римъ первымъ секретаремъ назначенъ Фурманъ изъ Верна¹⁾).

Декабря 3-го 1828 года Горчаковъ былъ пожалованъ въ званіе Камергера.

30 того же декабря онъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ во Флоренціи и Луккѣ²⁾).

Такъ какъ Энгельгардтъ зорко слѣдилъ за карьерою своихъ воспитанниковъ, то это пожалованіе въ Камергеры и повышеніе въ должности не могли пройти незамѣченными, ибо всякій успѣхъ его бывшихъ воспитанниковъ былъ для него радостнымъ событіемъ, о которомъ онъ сейчасъ же сообщалъ своимъ корреспондентамъ, Вольховскому и Матюшкину. Такъ, отъ 30 января 1829 года онъ пишетъ Вольховскому: «Горчаковъ произведенъ въ Камергеры и назначенъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Флорентинскомъ и Тосканскомъ дворѣ; это порядочно».

Въ 1829 году (25 февраля) Энгельгардтъ сообщалъ Матюшкину, находившемуся тогда на эскадрѣ въ Средиземномъ морѣ: «Горчаковъ въ твоёмъ сосѣдствѣ, по крайней мѣрѣ ближе къ тебѣ, нежели къ намъ; онъ повѣреннымъ въ дѣлахъ во Флоренціи».

Изъ перениски Вольховскаго съ своими товарищами мы можемъ указать на письмо безъ подписи, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, принадлежащее Стевену, отъ ноября 1829 г., гдѣ упоминается о Горчаковѣ. Это родъ формулярныхъ свѣдѣній о своихъ товарищахъ въ шуточномъ тонѣ. Вотъ, что мы читаемъ въ этомъ письмѣ:

«Князь Горчаковъ. Коллежскій Совѣтникъ, Камергеръ, орденовъ Св. Анны 2 ст. и Владиміра 4 ст. кавалеръ. Повѣренный въ дѣлахъ во Флоренціи. Здоровье его, какъ слышно, нынѣ нѣсколько лучше; онъ пишетъ сюда весьма рѣдко и то токмо къ одному—Юдину, котораго, чтобы видѣть, надобно искать въ Бюргеръ-Клубѣ, гдѣ, за стаканомъ пива, съ цыгаркою во рту онъ въ дыму табачномъ декламируетъ стихи Шиллера».

Энгельгардтъ извѣщаетъ Матюшкина, въ письмахъ отъ 7 апрѣля 1830 г. и 22 января 1831 г., о томъ, что Горчаковъ все еще находится повѣреннымъ въ дѣлахъ во Флоренціи.

¹⁾ «Рус. Арх.» 1903 г., кн. 9, стр. 120.

²⁾ Къ пребыванію Горчакова во Флоренціи относится письмо князя Вяземскаго къ А. Я. Булгакову, отъ 5 декабря 1832 г., въ которомъ мы читаемъ: «На дняхъ приниоу тебѣ копію выписокъ изъ письма безрукаго Остермана къ Горчакову, нашему повѣренному въ дѣлахъ во Флоренціи. («Рус. Арх.» 1879 г., 6, стр. 239). Въ чемъ заключались эти письма Остермана къ Горчакову—намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

Въ 1831 году, ноября 15 дня, Горчаковъ былъ пожалованъ въ Коллежскіе Совѣтники, со старшинствомъ съ 12 декабря 1830 года.

Отъ 1831 года, декабря 4-го, мы имѣемъ письмо Энгельгардта къ Матюшкину, въ которомъ онъ сообщаетъ ему, что «Горчаковъ во Флоренціи, умираетъ». По всѣмъ вѣроятіямъ, Горчаковъ въ это время могъ быть боленъ, но не при смерти, хотя болѣзнь его могла быть и очень серьезною.

Еще раньше своего письма къ Матюшкину Энгельгардтъ сообщалъ Вольховскому отъ 26 ноября 1831 года слѣдующее:

«О Горчаковѣ плохія извѣстія, онъ *очень* боленъ». А въ слѣдующемъ году (1832), 22 сентября, онъ сообщаетъ Вольховскому: «Горчаковъ послѣ тяжелой болѣзни, теперь ищетъ силъ въ морскихъ волнахъ въ Ливорнѣ, гдѣ съѣхался съ Чари ¹⁾, который повезъ туда больную свою жену и намѣренъ зиму провести съ Горчаковымъ во Флоренціи.

Матюшкину Энгельгардтъ продолжаетъ сообщать свѣдѣнія о Горчаковѣ въ цѣломъ рядѣ писемъ.

Въ письмахъ къ Матюшкину отъ 28 мая 1832 года и 31 октября того же года Энгельгардтъ сообщаетъ, что «Горчаковъ по прежнему повѣреннымъ въ дѣлахъ во Флоренціи». А Вольховскому онъ пишетъ отъ 24 ноября 1832 года: «На прошедшей недѣлѣ получилъ я два письма, одно изъ Пороса отъ Федьки Матюшкина, а другое отъ Горчакова изъ Ливорно, куда послали его для укрѣпленія нервовъ въ морѣ».

Въ 1832 году, марта 7-го, Горчакову пожалованъ годовой окладъ жалованья, въ 3000 рублей, въ 250 пейсовъ нидерландскихъ.

Въ 1833 году, января 1-го, онъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3 степени.

А въ томъ же году, августа 22-го, получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ.

По Высочайшему повелѣнію опредѣленъ Совѣтникомъ посольства въ Вѣнѣ—7 ноября 1833 года.

Высочайше разрѣшено принять и носить Командорственный Крестъ Токанскаго ордена Св. Іосифа—20 января 1834 года.

Исправлялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ въ Вѣнѣ съ 22 мая по 3 октября 1834 года.

Пожалованъ въ Статскіе Совѣтники 4-го сентября 1834 года.

Пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Станислава 2-й степени со звѣздою—5 декабря 1834 г.

По случаю отсутствія посла изъ Вѣны, управлялъ дѣлами посольства:

¹⁾ Чари—сынъ Энгельгардта, Александръ Егоровичъ.

съ 20 іюня по 24 іюля и съ 21 августа по 2-ое октября 1835 года и съ 4-го іюня 1836 по 3-е апрѣля 1837 года.

Энгельгардтъ писалъ Вольховскому отъ 27 іюня 1836 г.: «Горчаковъ въ Вѣнѣ»; а немного раньше, въ письмѣ отъ 30 августа 1835 г., онъ писалъ Вольховскому:

«Вчера я имѣлъ отъ Горчакова письмо и рисунокъ маленькаго памятника, который поставилъ онъ бѣдному нашему трубадуру Корсакову, подъ густымъ кипарисомъ близъ церковной ограды во Флоренціи. Этотъ печальный подарокъ меня очень обрадовалъ».

Въ награду отлично-ревностной службы Всемилостивѣйше пожалована Горчакову, 8 марта 1837 года, золотая табакерка, украшенная брилліантами, съ вензелевымъ изображеніемъ Имени Его Императорскаго Величества.

По случаю отсутствія посла изъ Вѣны, управлялъ дѣлами посольства съ 29 іюня по 3-е августа 1837 года.

Высочайшимъ указомъ отъ 26 апрѣля 1837 года уволенъ отъ должности Совѣтника посольства въ Вѣнѣ.

Къ этому времени относится характеристика его, сдѣланная его товарищемъ по Лицею, графомъ Модестомъ Андреевичемъ Корфомъ. Вотъ, что Корфъ написалъ въ своемъ дневникѣ:

«Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ. Самыя блистательныя дарованія, самое отличное окончаніе школьнаго курса, острый и тонкій умъ — словомъ все, что нужно для блестящей карьеры, служебной и свѣтской. Онъ прямо изъ Лицея пошелъ въ дипломатію и всю почти жизнь свою провелъ внѣ Россіи, при разныхъ миссіяхъ. Последнее мѣсто его, въ чинѣ Статскаго Совѣтника, было Совѣтникомъ Посольства въ Вѣнѣ; но отсюда, по волѣ Государя, онъ въ прошломъ году причисленъ къ Министерству. При выпускѣ изъ Лицея онъ получилъ вторую золотую медаль, но во всѣхъ отношеніяхъ заслуживалъ первую» ¹⁾.

Высочайшимъ Именнымъ Указомъ отъ 25 іюля 1838 года Горчаковъ уволенъ, согласно съ прошеніемъ его, вовсе отъ службы, съ пожалованіемъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.

Это событіе особенно поразило Энгельгардта. Въ письмѣ отъ 6 іюля 1838 года онъ пишетъ Матюшкину: «Горчаковъ, Богъ вѣсть какъ, но лишился своего мѣста при Вѣнскомъ посольствѣ; вмѣсто него назначенъ другой, а онъ, говорятъ, ѣдетъ сюда. Что будетъ съ его женитьбой съ Музиною-Пушкиною, не вѣдаю».

¹⁾ Изъ дневника барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. 1839 г. Гл. II. («Рус. Стар.» 1904 г., CXVIII, іюнь, стр. 551).

А въ письмѣ къ Вольховскому отъ 10 іюля 1838 года Энгельгардтъ писалъ:

«Горчаковъ хотѣлъ было жениться на вдовѣ Мусиной-Пушкиной, но сбылось ли или нѣтъ, не знаю; на мѣсто его Кавалеромъ Посольства въ Вѣнѣ назначенъ кто то другой и такъ Горчаковъ теперь безъ мѣста. Онъ не ладилъ съ Татищевымъ. Я не могъ еще узнать подробностей, а дѣло это для бѣднаго Горчакова плохо; онъ жилъ однѣмъ жалованьемъ. Кажется онъ долженъ сюда прѣхать; я такъ ему совѣтовалъ по совѣту добрыхъ людей».

Въ письмѣ къ Матюшкину отъ 24 января 1839 года Энгельгардтъ вновь возвращается къ вопросу объ оставленіи Горчаковымъ своего мѣста. Онъ пишетъ: «О прочихъ нашихъ (т. е. лицахъ I выпуска) почти нечего сказать, кромѣ развѣ о Горчаковѣ, который сдѣлалъ превеликую глупость—думалъ испугать подачею въ отставку и получилъ ее тотчасъ. Теперь онъ не знаю гдѣ, съ женою, у которой только имѣніе дѣтей, малѣ по малу въ совершеннѣйшее вступаютъ, у нее останется ничего, а у него подавно ¹⁾. Не знаю, что съ ними будетъ, но Горчакова жаль, онъ былъ на хорошей стезѣ».

Такимъ образомъ, изъ сопоставленія этихъ писемъ мы можемъ заключить, что въ промежутокъ времени между 6 іюля 1838 года и 24 января 1839 года состоялась свадьба Горчакова.

О женитбѣ Горчакова мы имѣемъ свѣдѣнія въ письмѣ его отъ 10 іюля 1854 года, изъ Вѣны, къ протоіерею Базарову, гдѣ онъ пишетъ:

«...Въ Вѣнѣ была заря моего угасшаго счастья. Въ здѣшней церкви насъ вѣнчали, и съ того дня я теперь въ первый разъ входилъ въ нее»...²⁾

Горчаковъ, какъ извѣстно, женился на графинѣ Маріи Александровнѣ Мусиной-Пушкиной, рожденной княжнѣ Урусовой. Ее мужъ былъ графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ ³⁾.

Въ 1838 году, августа 22-го, Горчаковъ получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ.

По Высочайшему указу, 1839 года, октября 24, опредѣлено, съ чи-

¹⁾ Это немного расходится съ слѣдующими свѣдѣніями, сообщаемыми въ письмѣ К. Я. Булгакова къ брату (изъ С.-Петербурга, отъ 3 апрѣля 1820 г.): «Козодавлева оставила все свое имѣніе княгинѣ Щербатовой; но мужнино, коймъ она пользовалась по смерти, отойдетъ Горчаковымъ; это душъ 700, и нашему камеръ-юнкеру хорошо будетъ жить».—«Рус. Арх.» 1902, кн. 11, стр. 358.

²⁾ Свѣтлѣйшій князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ. Изъ воспоминаній о немъ его духовника, Протоіерея І. І. Базарова. («Рус. Арх.» 1896 г., кн. III, стр. 340).

³⁾ См. «Рус. Арх.» 1900 г., кн. 3, стр. 396; «Рус. Арх.» 1883 г., кн. 3, стр. 205 и 206, письмо племянника Горчакова, кн. А. И. Урусова.—Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова. «Рус. Стар.» 1901 г., т. CVIII, ноябрь, стр. 273.—Записки А. О. Смирновой. «Рус. Арх.» 1895 г., кн. 7, стр. 324.

номъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, въ вѣдомство Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Отъ 1840 года мы имѣемъ письмо Эгтельгардта къ Вольховскому (отъ 2 сентября), гдѣ онъ писалъ: «Горчаковъ все еще сидитъ у моря и ждетъ погоды, т.-е. какого либо приличнаго мѣста. Жена его очень мила и любезна».

Высочайше повелѣно ему быть чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Виртембергскомъ Дворѣ—въ 1841 году, декабря 5.

Въ семь званиі вручилъ кредитивныя грамоты Его Величеству Королю Виртембергскому—въ 1842 году, марта 26 (5 апрѣля н. ст.).

Пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Станислава 1 степени въ 1844, году, марта 25.

Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ—1844, года, августа 22 дня.

Всемилоствѣйше пожалованъ въ Тайные Совѣтники—1846 года, іюля 1.

Высочайше разрѣшено принять и носить пожалованный Его Величествомъ Королемъ Виртембергскимъ, по случаю бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Ольги Николаевны, орденъ Виртембергской короны большого креста—1846 года, августа 8.

Его стараніями Великая Княгиня Ольга Николаевна была засватана за Виртембергскаго Наслѣдника Принца Карла, какъ сказано въ одномъ изъ нѣмецкихъ энциклопедическихъ словарей.

Высочайше повелѣно производить, въ прибавокъ къ получаемому имъ жалованью, еще по 4443 рубля сер. въ годъ—1847 года, іюля 22.

Всемилоствѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 1-ой степени—1848 года, марта 13.

Во вниманіе къ отлично-ревностной службѣ, Всемилоствѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 2-ой степени большого креста—1849 г., марта 23.

Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ, при грамотѣ за № 88,—1849 года, августа 22.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, № 21, назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Германскомъ Союзѣ—1850 года, января 29.

Къ этому времени относится письмо Жуковского къ Д. П. Северину, отъ 11 марта 1850 года, изъ Баденъ-Бадена, въ которомъ онъ пишетъ слѣдующее: «Видѣлъ тамъ (во Франкфуртѣ) и любезнаго Князя Горчакова, къ которому у меня весьма лежитъ сердце ¹⁾».

¹⁾ «Рус. Стар.» 1902 г., т. СХ, іюнь, стр. 516.

Высочайше разрѣшено принять и носить Датскій орденъ Данеброга 1-ой степени—1852 года, августа 11.

Находился, по дѣламъ службы, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ съ 23 января (4 февраля н. ст.) по ⁹/₂₁ февраля и съ 20 мая (1 іюня н. ст.) по 20 сентября (2 октября н. ст.) 1852 года и съ ¹³/₂₅ іюня по ¹⁸/₃₀ октября 1853 года.

Въ ознаменованіе Монаршаго благоволенія къ трудамъ и особеннымъ заслугамъ его по званію чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Виртембергскомъ Дворѣ и при Германскомъ Союзѣ, Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла—1853 года, апрѣля 14.

За время пребыванія Горчакова въ Штутгартѣ сохранились весьма интересныя воспоминанія его духовника, протоіеря І. І. Базарова ¹).

Протоіерей Базаровъ въ 1850 году, по случаю кончины своей жены, впервые познакомился съ княгинею Горчаковой, къ которой онъ обратился со своимъ горемъ.

«Княгиня,—говорить Базаровъ,—имѣла нѣжное сердце и потому могла и умѣла утѣшать и поддерживать мою падающую бодрость въ эти тяжелые дни» ²).

Княгиня Горчакова уговаривала его пріѣхать съ дѣтьми къ нимъ въ Баденъ, обѣщая самыя материнскія заботы о его малюткахъ, и, дѣйствительно, когда впоследствии Базаровъ былъ переведенъ въ Штутгартъ, она была нѣрѣдко любящей матерью для его дѣтей.

Въ 1853 году въ Баденъ-Баденѣ скончалась княгиня Горчакова. Эта кончина сблизила Базарова съ княземъ Горчаковымъ. Базаровъ говоритъ, что эта смерть такъ глубоко потрясла Горчакова, что ему пришлось потомъ больше года утѣшать и поддерживать его сначала устными бесѣдами, а потомъ, когда его перевели въ Вѣну посланникомъ, письмами. Черезъ это Базаровъ сталъ въ семействѣ Горчаковыхъ не только своимъ, но даже больше, такъ какъ во время отсутствія князя онъ долженъ былъ замѣнить мѣсто отца и воспитателя дѣтей князя ³).

Въ 1853 году, лѣтомъ, въ Баденѣ, у князя Горчакова заболѣлъ корью его сынъ Константинъ, а старшаго сына Михаила перенесли въ другой домъ, къ теткѣ его, княгинѣ Радзивилль ⁴). Когда Константинъ сталъ поправляться,

¹) См.: «Рус. Арх.» 1896 г., кн. 3, стр. 329—350; «Рус. Стар.» 1901 г., т. CV, мартъ, стр. 528, 530, 534, 544 и 549.

²) См. Воспоминанія протоіеря І. І. Базарова. («Рус. Стар.» 1901 г., т. CV, мартъ, стр. 528 и 530).

³) «Рус. Стар.» 1901 г., т. CV, мартъ, стр. 549.

⁴) Рожденная княжна Софія Урусова, сестра жены Горчакова.

то заболѣла его мать, княгиня Марія Александровна Горчакова, и притомъ такъ сильно, что къ ней потребовали ея духовника, протоіерея Базарова. Вотъ какъ описываетъ Базаровъ кончину княгини Горчаковой.

«Княгиня,—говоритъ Базаровъ,—часто говорила мнѣ, что у ней два грѣха на душѣ, это—сильная боязнь смерти и чрезмѣрная любовь къ дѣтямъ и что она больше всего страшится этой минуты, когда ей придется умирать и разставаться съ дѣтьми. Вотъ эта минута настала. Княгиня умирала въ полномъ сознаніи приближающейся смерти. Но это спокойствіе, съ какимъ она встрѣчала приближающуюся минуту разставанія и съ жизнью и съ дѣтьми, меня поразило особенно, когда она сама объявила, что отказывается отъ послѣдняго утѣшенія видѣть дѣтей, такъ какъ младшій лежалъ еще въ постели, а старшаго она боялась ввести въ домъ, чтобы онъ не заразился отъ младшаго. И вотъ эта-то слабая женщина, такъ боявшаяся смерти и такъ любившая дѣтей, съ геройствомъ материнской любви заочно благословляетъ своихъ любимцевъ и съ спокойствіемъ души, повторяя слова Евангелія: «просите и дастся вамъ, ищите и обряцете», отходить въ другую жизнь, гдѣ ожидало ее полное исполненіе ея христіанскихъ надеждъ, обильное удовлетвореніе ея исканій правды, мира и любви на землѣ ¹⁾).

«Эта смерть ²⁾),—говоритъ протоіерей Базаровъ,—и такая смерть любящей и любимой супруги и была та таинственная операція Промысла, которая должна была пробудить дремавшую дотолѣ вѣру въ душѣ князя. Операція эта была тяжелая и, чтобы перенести ее, нужны были время, и долгая, трудная работа духовнаго врача надъ залѣченіемъ этой раны. Въ первыя минуты овдовѣвшій князь предавался полному отчаянію. По счастью онъ былъ добрый и нѣжный отецъ ³⁾).

Князь Горчаковъ въ своемъ безвыходномъ горѣ обрѣлъ утѣшеніе въ религіи. Онъ нашель духовнаго руководителя въ протоіереѣ Базаровѣ, съ которымъ онъ съ этого времени и поддерживалъ переписку.

«Не оставьте,—писаль Горчаковъ,—молитесь о нашей преставившейся! Непрестанно перечитываю Матеея главу VII. Особенно поразилъ меня стихъ 11-й, не позволяющій намъ предаваться какому либо сомнѣнію объ исполненіи стиха 7-го, который добрая моя Маша троекратно, въ послѣднія минуты, ясно зывала съ вѣрою и надеждою. Желалъ бы очень, чтобы вы потрудились означить мнѣ еще нѣсколько главъ изъ Новаго Завѣта, призванныхъ къ

¹⁾ Свѣтлѣйшій князь А. М. Горчаковъ. Изъ воспоминаній о немъ его духовника, протоіерея І. І. Базарова. «Рус. Арх.» 1896 г., кн. 3, стр. 329—330.

²⁾ Княгиня М. А. Горчакова скончалась ^{6/18} июня 1853 г., въ Бадень-Баденѣ; погребена въ Сергіевской пустынѣ, близъ Петербурга.

³⁾ Мы пропускаемъ очень трогательныя подробности о подготовкѣ сына Горчакова—Константина—къ извѣстію о смерти его матери. Тамъ же, стр. 330—331.

особому вліянню на теперешнее положеніе души моеѣ. Оно вамъ вполне раскрыто» ¹⁾).

Вскорѣ послѣ этого Горчаковъ писалъ Базарову: «Голосъ вашъ всегда меня утѣшаетъ или по крайней мѣрѣ на время смягчаетъ терзающую скорбь. Вы знаете путь къ мысли, сердцу. Да благословитъ Господь ваши старанія и поможетъ намъ достигнуть цѣли. Благодарю за молитвы и церковныя, и частныя. Нами здѣсь ежедневно возсылаются къ Всевышнему Утѣшителю. Книга о вліянніи молитвъ на успокоеніе душъ усопшихъ укрѣпила вѣру мою. Выводы автора ясны, и словами Спасителя надежды обращаются въ извѣстность. Если я совершенно успокоюсь насчетъ загробнаго состоянія отовваннаго моего ангела, можетъ быть *предстоящую* мнѣ жизнь приму съ большою покорностью» ²⁾).

Въ письмѣ отъ 28 іюля 1853 года Горчаковъ пишетъ: «Благодарю васъ за письмо. Отыскалъ и отмѣтилъ строки въ Евангеліи. Здоровье поправляется. Душевныя силы въ томъ же изнеможеніи, часто, особо къ вечеру, обладаетъ совершенное отчаяніе. Оно безразсудно и грѣшно, чувствую; но не могу. Молитесь за насъ и не забывайте преставившуюся, за обѣдню. Она такъ жарко просила вашихъ молитвъ и молитвъ церкви о успокоеніи души. Данная вами мнѣ молитва и крестъ съ дровомъ ³⁾, которому покойная прицасалась охладѣвшими устами, нѣсколько меня подкрѣпляютъ, когда къ нимъ прибѣгаю въ минуты совершеннаго безсилія. Узнать — какъ молиться мнѣ еще предстоитъ. Вы мнѣ поможете очистить зароспій путь».

Наконецъ, въ письмѣ Горчакова къ протоіерею Базарову отъ 7 октября 1853 года замѣчается уже болѣе спокойное настроеніе души князя. Онъ пишетъ Базарову:

«Благодарю васъ отъ души за воспоминаніе о Мишѣ въ день его ангела. Онъ собирается самъ благодарить васъ за присланное житіе св. Михаила. Праотець мой имѣлъ духовникомъ отца Іоанна. И насъ Господь благословилъ руководителемъ на пути истины таковаго же имени и достоинства. О, еслибы позволено было видѣть и въ этомъ знакъ Его благодатнаго указанія нашего спасенія! По неизмѣриму Его милосердію ко мнѣ, недостойному во всѣхъ отношеніяхъ! Духъ мой нѣсколько успокоился. Грусть душевная тоже. Молитва и чтеніе книгъ въ этомъ направленіи поддерживаютъ меня въ самыхъ тяже-

¹⁾ Письмо отъ 23 іюня 1853 г., изъ Бадена. Ibid., стр. 330.

²⁾ Ibid., стр. 331.

³⁾ Этотъ крестъ, по словамъ Базарова, князь сохранилъ при себѣ до конца жизни. Когда, за годъ до его смерти, Базаровъ посѣтилъ его въ Баденѣ, онъ повелъ его въ свою спальню и показалъ этотъ крестъ и эту молитву, висѣвшіе надъ его кроватью, прибавивъ при этомъ: «видите, я ваши уроки не забываю!» («Рус. Арх.» 1896 г., кн. 3, стр. 332).

лыхъ минутахъ. Жажду бесѣды Вашей. Въ теченіе сего мѣсяца возвращусь въ осиротѣлый домъ мой. Я принялся вновь за исповѣдь Св. Августина и нахожу теперь въ немъ то, что въ первыхъ порывахъ грусти не могъ открыть. Сего утра читалъ разговоръ его съ матерью, смерть ея и чувства и разсужденія его при семъ случаѣ (конецъ 9-й главы). Какая возвышенная правда! Молю Господа, да позволить и мнѣ достигнуть такого расположенія души. Прошу и вашихъ молитвъ у Престола Его» ¹⁾).

Базаровъ снабжалъ князя Горчакова многими душеспасительными книгами, которыя способствовали укрѣпленію его вѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ дали ему возможность легче перенести утрату его жены. Возвращая Базарову книжку «Христіанскаго Чтенія», Горчаковъ писалъ: «Съ умиленіемъ прочелъ статью о Разрушителѣ смерти. Блажени мертвіи, умирающіе о Господѣ. Вспомнянулъ о послѣднихъ минутахъ усопшаго моего ангела и болѣе утвердился въ надеждѣ, что Господь милостиво принялъ ее въ нѣдро Свое» ²⁾).

Въ 1854 году, мая 19/31, по Высочайшему повелѣнію Горчаковъ отправился, по дѣламъ службы, въ С.-Петербургъ.

Изъ С.-Петербурга Горчаковъ отправленъ въ Вѣну, для временнаго управленія тамошнимъ посольствомъ; по сему случаю Всемилостивѣйше повелѣно производить ему, въ добавокъ къ получаемому имъ жалованью, еще по 2000 рублей сер. въ мѣсяць—1854 года, іюня 5.

Назначеніе Горчакова временнымъ управляющимъ посольствомъ въ Вѣнѣ объясняется тѣмъ, что было найдено невозможнымъ оставить тогдашняго русскаго посла въ Вѣнѣ, барона Мейендорфа, представителемъ Россіи при вѣнскомъ Дворѣ, потому что онъ былъ женатъ на сестрѣ Австрійскаго министра Буоля, который былъ враждебно настроенъ противъ Россіи. Время 1853 и 1854 г.г. было самое тревожное для Россіи; какъ извѣстно, главными врагами нашего отечества были Франція и Англія, а центръ тяжести восточнаго вопроса находился въ Вѣнѣ. Поэтому было совершенно невозможно держать въ Вѣнѣ барона Мейендорфа, и выборъ палъ на князя Горчакова. Впрочемъ, самъ князь вполнѣ понималъ это, но, находясь еще подъ впечатлѣніемъ смерти жены, онъ не старался домогаться этого мѣста и всякій разъ, когда до него доходили намеки на возможность для него занять мѣсто посланника въ Вѣнѣ, онъ неизмѣнно отвѣчалъ, что если Богу угодно послать его на это дѣло, онъ приметъ этотъ долгъ съ смиреніемъ, но безъ всякаго честолюбія.

— «Вы не можете себя представить,—говорилъ онъ протоіерею Базарову,—что я былъ прежде и чѣмъ сталъ теперь. Въ молодости я былъ такъ

¹⁾ «Рус. Арх.» 1896 г., кн. 3, стр. 332.

²⁾ Тамъ же, стр. 333—334.

честолюбивъ, что одно время носилъ ядъ въ карманѣ, рѣшаясь отравиться, если меня обойдутъ мѣстами».

По словамъ самого князя Горчакова, онъ былъ посланъ въ Вѣну на конференцію по выбору самого Императора; между тѣмъ Нессельроде хотѣлъ посадить туда Бруннова. Нессельроде, отправляя Горчакова на конференцію, ограничился самыми поверхностными инструкціями ¹⁾.

Въ Вѣнѣ Горчакову пришлось бороться съ Австріей, которая тайно сочувствовала Европейской коалиціи противъ Россіи; въ Вѣнѣ Горчаковъ оказалъ громадныя услуги родинѣ, «отстаивая всеми средствами дипломатической изворотливости ея интересы отъ ненависти тайныхъ подкоповъ и темныхъ замысловъ коалиціи. Въ два года этой тяжелой, непрестанной борьбы, князь Горчаковъ закалился какъ дипломатъ, но страдалъ, какъ русскій, видя необходимость послѣ неудачной войны заключить невыгодный миръ. Онъ и тутъ старался смягчить тяжелыя условія мира, войдя въ сношеніе съ Морни, который могъ прямо дѣйствовать на Луи Наполеона. Но утомленіе и недоевѣріе, преобладавшіе въ Петербургѣ,—говоритъ *Journal de S. Pétersbourg*,—не позволили осуществиться этой попыткѣ. Князь Горчаковъ долженъ былъ подчиниться приказаніямъ, предписывавшимъ ему принять ультиматумъ державъ. Онъ, однако, отказался подписать свое имя подъ трактатомъ, противъ котораго протестовалъ его патріотизмъ» ²⁾.

Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ, при грамотѣ за № 92,—1854 года, августа 22.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству за № 110 назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Дворѣ Его Величества Императора Австрійскаго—1855 года, іюня 8.

На мѣсто Горчакова въ Штутгартѣ былъ назначенъ В. П. Титовъ, бывшій до войны посланникомъ въ Константинополь ³⁾.

Объ этой порѣ Горчакова въ запискахъ его современницы мы находимъ слѣдующую его характеристику:

Въ Штутгартѣ «я встрѣтила въ первый разъ князя А. М. Горчакова, который въ то время былъ посломъ въ Вѣнѣ. Онъ былъ живой, разговорчивый и любезный человекъ. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, роста выше средняго, фигура довольно полная, волосы слегка сѣдые, коротко остриженные,

¹⁾ Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ въ его разсказахъ изъ прошлаго. М.-скій. «Рус. Стар.» 1883 г., т. XL, октябрь, стр. 168—169.

²⁾ Некрологъ. «Историч. Вѣстникъ» 1883 г., апрѣль, т. XII, стр. 245—247.

³⁾ Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова. «Рус. Стар.» 1901 г., т. CXV, мартъ, стр. 557.

и на головѣ плѣшь. Въ Штутгартѣ онъ пріѣхалъ всего на одинъ день, къ именинамъ великой княгини. Понятно, что онъ былъ душою общества» ¹⁾).

Обратимся къ даннымъ, которыя намъ сообщаетъ формуляръ Горчакова.

Во вниманіе къ постоянной ревностной, полезной службѣ его и особеннымъ трудамъ во время пребыванія его въ Вѣнѣ при происходившихъ тамъ переговорахъ, Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго—1855 года, іюля 1.

По Высочайшему повелѣнію находился, по дѣламъ службы, въ Штутгартѣ съ ⁶/₁₈ іюля по 20 іюля (1 августа н. ст.) 1855 года.

Съ Высочайшаго соизволенія отправился, по дѣламъ службы, въ С.-Петербургъ—1856 года, марта ³/₁₅.

Въ бытность Горчакова посланникомъ въ Вѣнѣ на него выпала трудная задача быть представителемъ Россіи во время Крымской кампаніи. На этомъ посту его застала кончина Императора Николая I. Его дипломатическія способности и твердость характера, проявленныя имъ въ Вѣнѣ во время восточной войны, обратили на него вниманіе только что вступившаго на престолъ Императора Александра II, и послѣдствіемъ этого было назначеніе его на постъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, за № 76, Горчаковъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ—1856 года, апрѣля 15.

Интересныя подробности передаетъ князь Горчаковъ по поводу своего назначенія министромъ иностранныхъ дѣлъ.

«Въ 1856 году, послѣ заключенія Парижскаго трактата, который я отказался подписать, Государь Александръ Николаевичъ призвалъ меня въ Петербургъ, осыпалъ знаками вниманія и благоволенія и просилъ меня занять постъ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

«Я рѣшительно отказывался.

«Любопытно, что графъ Нессельроде, узнавъ отъ меня о моемъ рѣшительномъ отказѣ принять портфель министра иностранныхъ дѣлъ, сказалъ мнѣ:

«Совершенно напрасно Вы, князь, отказываетесь отъ мѣста министра. Теперь въ Россіи министру иностранныхъ дѣлъ, послѣ заключенія парижскаго мира, *совершенно нечего будетъ дѣлать*».

«Такъ оригинально смотрѣлъ Нессельроде на положеніе своего преемника. Вскорѣ послѣдовало новое объясненіе со мною Государя Императора. Ово произошло предъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ.

¹⁾ Изъ Записокъ Марфы Степановны Сабининой, 22 іюля 1854 г.—«Рус. Арх.» 1901 г., кн. 3, стр. 522.

«Государь Александръ Николаевичъ уговаривалъ меня принять портфель министра. Я продолжалъ отказываться, говоря, что въ настоящее трудное время, пламенно любя Отечество, я чувствую себя слишкомъ слабымъ, чтобы занять предлагаемое мѣсто.

«Неужели Вы думаете, князь, что я менѣ люблю Россію, чѣмъ Вы, и менѣ желаю ей добра?—сказалъ Государь. Но я нуждаюсь въ помощи, въ хорошихъ совѣтникахъ. Помогите мнѣ. Исполните мою просьбу».

«Извѣстно, что Императоръ Александръ Николаевичъ говорилъ весьма убѣдительно и краснорѣчиво. Я уступилъ. Но, прежде чѣмъ оставить кабинетъ Государя, который меня обнялъ въ знакъ своей признательности, я обратился съ просьбою къ Его Величеству:

«Государь! возложите на меня собственноручно крестъ!

«Государь отступилъ назадъ и удивленными глазами взглянулъ на меня; видимо тѣнь неудовольствія промелькнула по его прекрасному лицу.

«Какой крестъ, какой крестъ?!» спросилъ Его Величество.

«Не звѣзды прошу я у Васъ, а крестъ, буквально крестъ, Ваше Величество. Снимите съ одного изъ образовъ Вашихъ крестъ и возложите на меня. Да даруетъ онъ мнѣ силы къ поднятію того креста великихъ трудовъ, которые Вы возлагаете на меня съ обязанностію министра иностранныхъ дѣлъ».

«Лицо Государя просвѣтлѣло удовольствіемъ. Онъ вынесъ мнѣ изъ софійской комнаты небольшой серебряный крестикъ и, возлагая на меня, сказалъ:

«Примите это, князь. Этотъ крестъ всюду меня сопровождалъ. Да укрѣплятся ваши силы»¹⁾).

Высочайше повелѣно выдать единовременно 12 тысячъ серебромъ на переѣздъ изъ Вѣны въ С.-Петербургъ и на обзаведеніе—1856 г., апрѣля 14-го.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, Всемилостивѣйше повелѣно ему отправиться съ Его Императорскимъ Величествомъ въ Варшаву, а оттуда по дѣламъ службы въ Вѣну—1856 г., мая 4-го.

Высочайше разрѣшено принять и носить Прусскій орденъ Чернаго Орла—1856 г., мая 30-го.

По возвращеніи въ С.-Петербургъ, вступилъ по прежнему въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ—1856 г., іюля 12-го.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, за № 174, произведенъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники—1856 г., августа 26-го.

Въ 1856 году получилъ установленную въ память войны 1853—1856 г.г. медаль темной бронзы на Андреевской лентѣ.

¹⁾ Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ въ его рассказахъ изъ прошлаго. М.-скій. («Рус. Стар.» 1883 г., октябрь, т. XL, стр. 170—172).

Высочайше повелѣно быть членомъ Сибирскаго Комитета — 1856 г., ноября 12-го.

Избранъ Почетнымъ Членомъ Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ—1856 г., декабря 29-го.

Высочайше разрѣшено принять и носить иностранные ордена:

Испанскій—Золотого Руна—1857 г., 8—20 февраля.

Папскій—Пія IX, большого креста,—1857 года, февраля 9-го.

Греческій—Спасителя, большого креста,—1857 года, марта 8—20.

Французскій—Почетнаго Легіона, 1 степени,—1857 года, мая 11—23.

Всемиловѣйше назначенъ Членомъ Кавказскаго Комитета—1857 г., марта 14-го.

Всемиловѣйше пожалованъ въ 1857 году, апрѣля 17, кавалеромъ ордена Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 1 степени, при слѣдующей грамотѣ:

«Нашему Министру Иностранныхъ Дѣлъ, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Князю Горчакову.

«Дипломатическія способности, познанія по сей части пріобрѣтенныя Вами многолѣтнимъ пребываніемъ при разныхъ Дворахъ Европы въ качествѣ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго Министра Нашего, въ особенности же дѣйствія ваши въ продолженіи Вѣнскихъ конференцій 1855 года, рѣшили Нашъ выборъ назначеніемъ васъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ: Вы вступили въ управленіе онымъ въ то важное время, когда исполненіе условій только что заключеннаго Парижскаго мира требовало неуспышной бдительности и предусмотрительности. Возникшія вскорѣ въ семъ отношеніи недоразумѣнія могли снова омрачить едва прояснившійся политическій горизонтъ Европы; но вы, руководимые опытностію и постигая чистосердечныя желанія Наши упрочить общее спокойствіе, умѣли благоразумно отвратить послѣдствія тѣхъ недоразумѣній и утвердить дружественныя отношенія Россіи со всѣми державами.

«Такія заслуги даютъ вамъ полное право на орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра первой степени, а Намъ доставляютъ особенное удовольствіе онымъ васъ украсить.

«Препровождая при семъ орденскіе знаки, пребываемъ къ вамъ навсегда Императорскою милостію Нашею благосклонны».

На подлинной Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «АЛЕКСАНДРЪ».

Контросигнировалъ Канцлеръ Орденовъ Графъ Адлербергъ.

Въ С.-Петербургѣ.

Апрѣля 17 дня 1857 года.

Высочайше разрѣшено принять и носить иностранные ордена:

ГанOVERскій—Гвельфовъ, большого креста,—1857 года, іюня 1-го.

Бельгійскій—Леопольда, 1 степени,—1857 года, іюня 21-го.

Гессенскій—Людвига, большого креста,—1857 года, іюня 21-го.

Баварскій—Св. Губерта—1857 г., 11—23 іюля.

Саксенъ-Веймарскій—Бѣлаго Сокола, большого креста,—1857 года, іюля 15—27.

Турецкій—Меджидіе, 1 степени,—1857 года, іюля 27 дня.

Саксенъ-Альтенбургскій—Саксенъ-Эрнестинскаго Дома, большого креста,—1857 года, августа 3-го.

Баденскій—Вѣрности—1857 года, августа 15-го.

По случаю бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Великаго Князя Михаила Николаевича съ Великою Княжною Ольгою Ѳеодоровною, Всемилостивѣйше пожалованъ перстень съ солитеромъ—1857 года, августа 16-го.

Высочайше разрѣшено принять и носить иностранные ордена:

Датскій—Слона—1857 года, сентября 5—17

Австрійскій—Св. Стефана, большого креста,—1857 года, сентября 20 (2 октября н. ст.).

Саксонскій—Зеленой Короны—1857 г., сентября 24 (6 октября н. ст.).

Портретъ Шаха Персидскаго, 1 степени, съ лентою,—1857 г., окт. 26-го.

Тосканскій—Св. Іосифа, большого креста,—1857 года, декабря 1-го.

Неаполитанскій—Св. Фердинанда—1858 г., іюня 4.

По Высочайшему повелѣнію находился въ путешествіи съ Его Императорскимъ Величествомъ съ 8 августа по 22 сентября 1858 года.

Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго—1858 года, августа 30-го.

При слѣдующей грамотѣ:

«Нашему Дѣйствительному Тайному Совѣтнику, Министру Иностранныхъ Дѣлъ, Князю Александру Горчакову.

«Призвавъ васъ къ управленію Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ, Мы съ полнымъ довѣріемъ ожидали полезныхъ послѣдствій общаго направленія политики Нашей по указаннымъ вамъ отъ Насъ предначертаніямъ. Упроченныя послѣ заключенія мира дружественныя сношенія Россіи съ Европейскими Державами пріобрѣли уже вамъ право на Нашу признательность. Нынѣ труды ваши ознаменовались новымъ значительнымъ успѣхомъ, чему служатъ доказательствомъ договоры, подписанные въ Айхунѣ и Тянь-Цзинѣ, коими прекратились давнія недоразумѣнія наши по пограничнымъ дѣламъ съ Китаемъ и открыто новое поприще для дружескихъ и торговыхъ сношеній нашихъ съ сямъ Государствомъ. Въ справедливомъ возмездіи за столь достохвальное служеніе ваше Престолу и Отечеству, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, знаки коего при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею навсегда благосклонны».

На подлинной Собственной Его Императорскаго Величества рукою написано: «АЛЕКСАНДРЪ».

Въ Москвѣ.

30 августа 1858 г.

Мысли, выраженные въ этомъ рескриптѣ, вполне отвѣчали настроенію общества. Выразителемъ взглядовъ тогдашняго общественнаго мнѣнія можетъ служить дневникъ В. А. Муханова, въ которомъ мы читаемъ слѣдующій восторженный отзывъ о Горчаковѣ:

«Въ немъ соединены блестящій, оригинальный умъ съ прекраснымъ сердцемъ, и преданность престолу съ соблюденіемъ пользы общей, сила убѣжденія съ готовностью принять всякое основательное мнѣніе. Онъ помнитъ добро, зло—никогда, и Богъ одарилъ щедро дарами и сокровищами Своими эту избранную природу»¹⁾.

По Высочайшему повелѣнію находился въ путешествіи съ Его Императорскимъ Величествомъ съ 28 сентября по 19-ое октября 1859 года.

Высочайше разрѣшено принять и носить иностранные ордена:

Алмазные знаки Прусскаго ордена Чернаго Орла—1859 года, окт. 12-го.
Сардинскій—Анонсиады—1859 г., ноября 4-го.

Шведскій—Серафимовъ—1860 г., въ маѣ.

Ольденбургскаго Дома—Петра-Фридриха-Людвига—1860 года, августа 7-го.
Португальскій—Башни и Меча, большого креста.—1860 г., юля 23-го.

Получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ, при грамотѣ за № 11,—1860 года, августа 22-го.

По Высочайшему повелѣнію находился въ путешествіи съ Государемъ Императоромъ съ 28 сентября по 20-ое октября 1860 года.

За 1861 годъ сохранилось письмо князя Горчакова къ своему товарищу И. В. Малиновскому. Письмо это интересно во многихъ отношеніяхъ; во-первыхъ—потому, что оно собственноручно писано Горчаковымъ, а, какъ известно—Горчаковъ не любилъ писать, а диктовалъ своимъ секретарямъ; во-вторыхъ—изъ него видно, что Горчаковъ нашелъ время при всѣхъ своихъ занятіяхъ отвѣтить своему школьному товарищу; наконецъ, въ этомъ письмѣ Горчаковъ высказываетъ свой взглядъ на службу по выборамъ, распространяется о политическомъ положеніи Россіи въ то время и сообщаетъ ему свои мысли по поводу занимаемаго имъ поста. Вотъ это письмо отъ 23 іюня 1861 года:

«Любезный другъ Иванъ Васильевичъ,

Сердечно обрадованъ былъ твоимъ письмомъ отъ 4 іюня и немедленно сообщилъ находящимся здѣсь Лицейстамъ: Матюшкину, Корффу и двумъ Дан-

¹⁾ Изъ Дневника В. А. Муханова. 1858 г. («Рус. Арх.» 1896 г., кн. 10, стр. 177).

засамъ (Борисъ Карловичъ, хотя не того курса, совершенно нашъ по чувствамъ). Какъ ты, и я вѣренъ старой дружбѣ и старымъ воспоминаніямъ. Исповѣдь свою ты могъ высказать съ чистымъ сердцемъ и спокойною совѣстью. На ту службу, на которую ты себя посвятилъ, я смотрю какъ на приносящую самую существенную пользу Государю и отечеству, хотя она менѣе звучитъ. Чѣмъ болѣе умственные силы будутъ развиваться внутри Имперіи, тѣмъ вѣрнѣе Россія наша укрѣпится и разовьется въ благоденствіи. Дай Богъ тебѣ силы и здоровья продолжать. Братская мысль моя будетъ тебѣ всегда сопутствовать. Моей исповѣди тебѣ не посылаю, но прошу принять старую фигуру мою въ прилагаемой карточкѣ. Если не покажусь тебѣ красивъ, то твоя вина, за чѣмъ ты не даль случая показаться тебѣ до истеченія болѣе 40-лѣтней разлуки. Благодаря Бога, духъ бодръ и не унываетъ, голова свѣжа, но физическія силы истощаются. Времена трудныя, какъ всѣ переходныя. Будущность Россіи огромна, путь не легокъ; но я надѣюсь, что достигнемъ цѣли, и въ этой надеждѣ укрѣпляетъ меня вблизи дознанная великая душа Государя и пламенная любовь его къ своей Россіи.

«Что до меня касается, стараюсь исполнить долгъ свой и если болѣе не успѣваю сдѣлать, то не вина воли или недостатокъ преданности, а развѣ разумнѣя. О Брогліо ничего не знаю, кажется онъ не въ живыхъ. Тѣло Егора Антоновича еще съ нами, но духа его нѣтъ болѣе; лѣта совершенно уничтожили память. Онъ живетъ на дачѣ у дочери своей Сакенъ, спокойно, но безъ сознанія и когда изрѣдка случается мнѣ бывать у него, онъ всякій разъ спрашиваетъ: зачѣмъ я въ Петербургѣ?

«Сынъ твой очень мнѣ понравился ¹⁾. Я готовъ былъ принять его въ Министерство. Но онъ ускользнулъ изъ рукъ моихъ на Амуръ, что ему впрочемъ не повредило. Лучшимъ доказательствомъ, что начальство имъ довольно и цѣнитъ его, служитъ то, что онъ отправляется или даже отправленъ уже съ довѣренною миссіею отъ непосредственнаго своего начальства въ Сѣверо-Американскіе Штаты, гдѣ я его сильно рекомендовалъ нашему посланнику.

«Прощай, да сохрани тебѣ Господь! Пожалуйста увѣдомь меня словомъ о полученіи сего письма.

Горчаковъ» ²⁾.

Всемилоствѣйше повелѣно Горчакову быть Вице-Канцлеромъ—1862 г., апрѣля 17-го.

¹⁾ Это, вѣроятно, Антонъ Ивановичъ Малиновскій. См. о немъ нашъ біографическій очеркъ объ Иванѣ Васильевичѣ Малиновскомъ.

²⁾ Подлинное письмо хранится въ селѣ Каменкѣ, Харьковской губерніи, у Павла Ивановича Малиновскаго. Мы получили копію отъ дочери Ивана Васильевича Малиновскаго—Софіи Ивановны Штакеншнейдеръ.

Всемилоствѣйше пожалованы алмазные знаки ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго—1862 г., августа 30.

Высочайше разрѣшено принять и носить алмазные знаки Баденскаго ордена Вѣрности—1863 г., февраля 27-го.

Всемилоствѣйше пожалованъ портретъ Государя Императора, украшенный брилліантами, на Андреевской лентѣ, для ношенія въ петлицѣ,—1864 года, апрѣля 19-го,—при слѣдующемъ раскриптѣ:

«Князь Александръ Михайловичъ! Постоянно стремясь по указаніямъ Моимъ къ упроченію на твердыхъ основаніяхъ дружественныхъ отношеній Россіи къ иностраннымъ Державамъ, вы не переставали вполнѣ оправдывать питаемое Мною къ вамъ довѣріе, и важныя Государственныя заслуги ваши неоднократно вызывали изъявленіе искренней Моей къ вамъ признательности. Нынѣ вы приобрѣли новое право на оную, когда въ истекшемъ году политическія затрудненія, возбужденныя польскими возстаніями, грозя неприкосновенности правъ Россіи и нарушеніемъ общаго мира, могли замедлить развитіе предпринятыхъ для благосостоянія Имперіи Государственныхъ преобразованій во внутреннемъ ея устройствѣ; вниманіе Мое обращено было главнѣйше на охраненіе достоинства Россіи и законныхъ правъ ея. Въ вашей опытности, въ пламенной любви вашей и преданности къ Престолу и Отечеству Я нашель достойнаго исполнителя Моихъ намѣреній и желаній. Отвративъ грозившія Россіи политическія столкновенія и незаконныя попытки вмѣшательства въ ея дѣла, цѣль ревностныхъ трудовъ, Мною на васъ возложенныхъ и усердно вами понесенныхъ, была достигнута къ чести и славѣ Россіи, составляющимъ Мою главную заботу. Въ справедливомъ вниманіи къ этимъ новымъ доблестнымъ заслугамъ вашимъ и въ знакъ особаго Моего къ вамъ благоволенія, жалую вамъ препровождаемый у сего портретъ Мой, брилліантами украшенный, для ношенія въ петлицѣ на Андреевской лентѣ. Пребываю къ вамъ навсегда благо-склоннымъ».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«Искренно васъ любящій и благодарный

АЛЕКСАНДРЪ».

С.-Петербургъ.

19 апрѣля 1864 г.

По Высочайшему повелѣнію находился въ путешествіи съ Его Императорскимъ Величествомъ съ 25 мая по 11 іюля 1864 года и, по дѣламъ службы, заграницею съ 22 августа по 24 октября того же года.

Высочайше разрѣшено принять и носить иностранныя ордена: Нассаускаго Дома—Золотоу Льва—1864 года, августа 13-го.

Мексиканскій—Гваделупы, 1 степени,—1864 года, декабря 27.

Независимости Черногоріи, 1 степени,—1865 г., февраля 18.

Нишанъ-Ифтигаръ, пожалованный Тунисскимъ беемъ въ 1865 году.

Нидерландскій—Льва, 1 степени,—1865 г., мая 19.

Турецкій—Османіе, 1 степени,—1866 г., марта 30-го.

По случаю бракосочетанія Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича съ Ея Высочествомъ Великою Княжною Марією Теодоровною, Всемилостивѣйше пожалованъ перстень съ солитеромъ—1866 года, октября 28.

Находился въ отсутствіи изъ С.-Петербурга съ 16 мая по 15 іюня 1867 года.

Всемилостивѣйше возведенъ въ званіе Государственного Канцлера Иностранныхъ Дѣлъ 1867 г., іюня 13-го, Высочайшимъ рескриптомъ слѣдующаго содержания:

«Князь Александръ Михайловичъ! Въ настоящій день совершившагося пятидесятилѣтія служенія вашего, Я съ особеннымъ удовольствіемъ обращаюсь воспоминаніемъ ко всему пройденному вами поприщу и къ заслугамъ, коими вы его ознаменовали. Съ юныхъ лѣтъ, оказанными вами успѣхами и отличіемъ между воспитанниками Императорскаго Царскосельскаго Лицея, вы запечатлѣли память о первомъ выпускѣ изъ сего учрежденія, впослѣдствіи же оправдали цѣль и желаніе Августѣйшаго его основателя, блаженныя памяти Императора Александра I-го, предназначавшаго сему заведенію быть расадникомъ государственныхъ мужей нашего отечества.

«Посвятить себя дипломатическому поприщу, вы, при постепенномъ занятіи различныхъ должностей въ посольствахъ и миссіяхъ нашихъ при нѣсколькихъ Европейскихъ Дворахъ, вскорѣ приобрѣли необходимую въ политическимъ дѣлахъ опытность, не преставаая обращать на себя вниманіе отличнымъ исполненіемъ лежавшихъ на васъ обязанностей. Состоя въ качествѣ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Виртембергскомъ Дворѣ, вы имѣли случай выказать особенную твердость въ смутное время 1848 года и снискали довѣріе къ себѣ блаженныя памяти Родителя Моего Императора Николая I. Отозванный изъ Стутгардта къ занятію должности посланника нашего при Австрійскомъ Дворѣ, вы, въ званіи перваго уполномоченнаго при бывшихъ въ Вѣнѣ переговорахъ во время Крымской войны, особеннымъ рвеніемъ къ пользѣ и сохраненію достоинства Россіи, среди сильной противъ нея коалиціи, доказали вашу пламенную любовь къ отечеству и преданность Престолу. Призвавъ васъ въ 1856 году къ управленію Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, Я съ полнымъ къ вамъ довѣріемъ рассчитывалъ на содѣйствіе ваше къ упроченію мирныхъ сношеній Моихъ со всеми иностранными державами и на полезное участіе ваше въ совѣщаніяхъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Не преставаая вполне оправдывать мои ожида-

нія, вы въ теченіе одиннадцати лѣтъ неоднократно являли доказательства твердаго направленія нашей политики, отвращеніемъ грозившаго нашему отечеству нарушенія мира. Вся Россія торжественно признала заслуги ваши, когда въ 1863 году, вы, въ исполненіе Моихъ предначертаній, силою слова обезоружили подымавшихся на насъ враговъ и тѣмъ запечатлѣли имя ваше на скрижаляхъ будущей лѣтописи нашего отечества. Цѣня доблестныя заслуги сіи, Я неоднократно изъявлялъ вамъ Мое монаршее благоволеніе и признательность. Нынѣ, въ день празднованія вами полувѣкового служенія вашего, Мнѣ особенно пріятно почтить оное возведеніемъ васъ въ высшее въ гражданской службѣ званіе Государственнаго Канцлера иностранныхъ дѣлъ, и выразить надежду на многолѣтнее еще продолженіе вами управленія ввѣреннымъ вамъ Министерствомъ и участіе въ государственныхъ дѣлахъ.

«Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклоннымъ». На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: *«Искренно васъ любящій и благодарный АЛЕКСАНДРЪ»*. Вильно, 13 іюня 1867 г. ¹⁾.

О дальнѣйшей карьерѣ князя Горчакова мы узнаемъ изъ формулярнаго его списка, составленнаго въ 1883 году ²⁾.

Въ 1868 году, 7 января, Высочайше разрѣшено Горчакову принять и носить золотую цѣпь къ Ольденбургскому ордену заслугъ Петра-Фридриха-Людвига.

Въ 1869 году, августа 22, получилъ знакъ отличія безпорочной службы за 1 лѣтъ, при грамотѣ за № 1.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, Всемилостивѣйше пожалованъ, съ нисходящимъ потомствомъ, титуломъ «Свѣтлости».

¹⁾ Кромѣ этого, мы находимъ въ формулярѣ еще слѣдующія свѣдѣнія:

«Получалъ жалованья 40.000 рублей.

Пенсіи: 800 руб. по ордену Св. Андрея Первозваннаго и 600 руб. по ордену Св. Владимира 1 степени.

Имѣлъ казенную квартиру.

Въ походахъ противъ непріятели и въ самыхъ сраженіяхъ не былъ.

Въ штрафахъ, подѣ слѣдствіемъ и судомъ не былъ.

Въ отпускахъ былъ: 1828 г., іюля 3, — для поправленія разстроеннаго здоровья; возвратился 3-го декабря того же года.

Въ отставкѣ *былъ*, съ награжденіемъ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, съ 25 іюля 1838 по 24 октября 1839 года.

Вѣроисповѣданія православнаго; изъ дворянъ; и у него самого, и у родителей имѣнія какъ родового, такъ и благопріобрѣтеннаго *не было*; былъ вдовъ».

Отъ брака съ М. А. Музиной-Пушкиной, рожденной княжной Урусовой, у Горчакова были два сына: старшій, Михаилъ, родившійся 24 августа 1839 года, въ Москвѣ, въ 1879 году былъ посланникомъ въ Мадридѣ (скончался въ С.-Петербургѣ, 12 іюля 1897 г.; погребенъ въ Сергіевской пустынѣ, близъ Петербурга), а второй сынъ, Константинъ (род. въ 1841 году), былъ Шталмейстеромъ Высочайшаго Двора.

²⁾ Формуляръ этотъ былъ мнѣ доставленъ при любезномъ содѣйствіи моего товарища Николая Валеріевича Чарыкова, за что приношу ему искреннюю благодарность.

При этомъ послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, который будетъ приведенъ ниже.

Съ назначеніемъ Князя А. М. Горчакова на постъ Министра Иностран-ныхъ Дѣлъ создано новое направленіе нашей внѣшней политики. Изучивъ, за время пребыванія своего въ Вѣнѣ, двуличный образъ дѣйствій Австріи въ Крымскую войну, Горчаковъ сблизился съ Франціею и Италіею, чему особенно помогла встрѣча Императора Александра II съ Наполеономъ III въ Штутгартѣ. Сблизившись съ Франціею и Италіею, Горчаковъ расторгнулъ, въ 1860 году, союзъ Россіи съ Австріею. Положеніе Россіи къ этому времени было охарактеризовано Горчаковымъ въ его знаменитой нотѣ отъ 21 августа 1856 г. и въ не менѣе знаменитыхъ словахъ его, что «Россія не ворчитъ. Россія собирается съ силами (*La Russie ne boude pas. La Russie se recueille*)» ¹⁾. Онъ старался въ политикѣ говорить языкомъ твердымъ и энергичнымъ, когда это требовалось интересами Россіи и восточныхъ христіанъ ²⁾. Онъ поставилъ себѣ цѣлю, чтобы русская дипломатія поддерживала миръ и равновѣсіе, потому что нарушеніе мира и вообще всякое осложненіе въ Европѣ выводило бы Россію изъ миролюбиваго положенія, которое, по мнѣнію Горчакова, могло бы дать Россіи возможность окрѣпнуть и усилиться посредствомъ внутренняго развитія. Такимъ образомъ, когда вспыхнула война въ Италиі, Горчаковъ озаботился о локализациі войны въ Ломбардіи, не давъ вспыхнуть пожару на Рейнѣ.

Во время польскаго мятежа Горчаковъ стоялъ за примирительную политику маркиза Велепольскаго.

По поводу его дипломатическихъ шаговъ во время польскаго мятежа,

¹⁾ По поводу этой горделивой фразы Горчакова князь В. П. Мещерскій въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что Горчаковъ, «хотя и началъ свою министерскую карьеру со словъ «*La Russie ne boude pas, mais se recueille*» (Россія не будируетъ, но сосредоточивается), но я не запомню министра, который бы такъ далеко былъ отъ роли изобразителя этого *recueillement* Россіи, какъ князь Горчаковъ. Всегда въ суетѣ, всегда себя слушающій, всегда собою любующійся,—когда онъ ходилъ, какъ-будто двери, передъ нимъ открывавшіяся, казались ему недостаточно для его фигуры высокими, когда онъ говорилъ, какъ-будто показывалъ, что слишкомъ мало ушей его слушаютъ, когда онъ занимался дѣлами своего вѣдомства, онъ электризовывалъ себя ошущеніемъ, что его слушаетъ не докладчикъ, а вся Европа,—словомъ онъ жаждалъ около себя побольше свѣтовыхъ эффектовъ, побольше шума дипломатической суеты, и упоеніе своимъ положеніемъ подчасъ доводилъ до такого *fortissimo maestoso*, что Бисмаркъ называлъ *ni plus ni moins* какъ *rolisson'омъ*».

²⁾ Горчаковъ первый въ своихъ дѣлахъ сталъ употреблять выраженіе: «Государь и Россія», между тѣмъ какъ прежде въ сношеніяхъ съ Европейскими дворами упоминалось только объ одномъ Императорѣ и совершенно игнорировалась сама страна Россія. Самъ Нессельроде говорилъ Горчакову: «мы знаемъ только одного царя, намъ дѣла нѣтъ до Россіи».—Кн. Алекс. Михаил. Горчаковъ въ его разсказахъ изъ прошлаго. М.—скій. («Рус. Стар.» 1883 г., октябрь, т. XL, стр. 168).

мы имѣемъ отзывъ графа Михаила Николаевича Муравьева, который не вполне сочувственно относился къ Горчакову ¹⁾. Онъ пишетъ: «Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, князь А. М. Горчаковъ, въ полномъ смыслѣ слова говорунъ, но имѣющій однако же желаніе и стремленіе быть русскимъ. Онъ уступалъ Европѣ въ то время, когда долженъ былъ дѣйствовать, и въ существѣ держался системы г. Валуева, т. е. полагалъ необходимымъ дать Царству Польскому, не исключая и западныхъ губерній, полную отдѣльную автономію. Но, когда, въ 1863 году, заговорила вся Россія и, можно сказать, требовала отъ Правительства самостоятельности и твердаго отпора Европѣ на все столь унижительныя и обидныя простираемыя къ Россіи требованія и когда дѣла въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ шли удовлетворительно, т. е. мятежъ видимо былъ подавленъ, тогда только князь Горчаковъ рѣшился дать самостоятельный отзывъ европейскимъ державамъ и отказать во всехъ ихъ требованіяхъ. Нельзя не отдать ему полной справедливости въ этомъ дѣйствіи. Онъ этимъ поступкомъ вышелъ изъ среды Долгорукихъ и заслужилъ общую похвалу и расположеніе Россіи, но впоследствии, не взирая на это, онъ склонялся опять къ упомянутымъ выше сподвижникамъ... ²⁾. Ему нужно было расположеніе ихъ для поддержанія себя на сколькомъ по-

¹⁾ Горчакову былъ извѣстенъ взглядъ М. Н. Муравьева на его дипломатическую дѣятельность; онъ читалъ записки Муравьева въ подлинникъ и даже говорилъ о нихъ Императору Александру.—«Рус. Стар.» 1883 г., октябрь, т. XL, стр. 174.

Можно здѣсь замѣтить, что также недобрительно относился къ политикѣ Горчакова и графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій. Съ своей стороны, и Горчаковъ не сочувствовалъ дѣятельности Муравьева, какъ генераль-губернатора Восточной Сибири, они даже были врагами между собою. По словамъ барона Врангеля, вражда эта «разгорѣлась изъ-за пріобрѣтенія графомъ рѣки Амура и побережья Тихаго океана, вопреки приказаніямъ князя Горчакова, который боялся столкновенія изъ-за этого съ Англією, Соединенными Штатами и Китаемъ. Онъ утверждалъ, что вся Сибирь ничего не стоитъ, не имѣть будущности и что никакого выхода въ океанъ не нужно, имѣя Камчатку. Вражда между ними была такъ велика, что они не кланялись другъ другу... Дошло до того, что разъ въ Государственномъ Совѣтѣ князь Горчаковъ назвалъ его во всеуслышаніе измѣнникомъ отечеству, требовалъ отдачи его подъ судъ, но Императоръ Николай самъ заступился за Н. Н. Муравьева».

Будучи враждебенъ политикѣ графа Н. Н. Муравьева, Горчаковъ отправилъ графа Путятина въ Японію, который не только не поддержалъ домогательствъ Муравьева, но отдалъ Японцамъ «безъ всякаго повода южную часть Сахалина съ заливомъ Анива, съ баснословными рыбными ловлями, а также Лаперузовъ проливъ—единственный нашъ выходъ въ океанъ». По словамъ Врангеля, «въ политикѣ Дальняго Востока Горчаковъ мало понималъ, имѣлъ предвзятая идеи, но считалъ себя непогрѣшимымъ. Нѣсколько лѣтъ спустя мы убѣдились, что сдѣлали ошибку,—говоритъ Врангель,—и насилу уговорили Японію возвратить намъ бухту Аниву, отдавъ ей за это Курильскіе острова. Нынѣ въ третій разъ, по Портсмутскому договору, мы вновь отдали южную часть Сахалина Японіи».—Воспоминанія барона А. Е. Врангеля. («Новое Время». Суббота, 15 (28) января 1911 г., иллюстрированное прибавл. № 12516).

²⁾ Т. е. Валуевъ—Министръ Внутреннихъ Дѣлъ—и князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ—шефъ жандармовъ.

прищѣ, ибо въ концѣ 1864 года значительно было поколеблено довѣріе къ нему Государя его неосторожными разговорами и неумѣреннымъ самолюбіемъ во время пребыванія Государя заграницей, такъ что одно время онъ самъ думалъ, что не останется на мѣстѣ» ¹⁾).

Въ другомъ мѣстѣ Муравьевъ писалъ о Горчаковѣ слѣдующее: «Въ Петербургѣ, въ началѣ марта мѣсяца 1863 г. князь Горчаковъ склонилъ Государя къ изданію манифеста объ амнистіи всѣхъ поляковъ, которые положатъ оружіе къ 1-му мая. Мѣра эта послужила къ вѣщшему поощренію ихъ къ мятежу. Они увидѣли изъ нея страхъ, обуявшій наше правительство, а западныя державы еще болѣе стали настаивать на исполненіи прежнихъ ихъ требованій на счетъ Польши. Дѣла въ Царствѣ Польскомъ—Западномъ краѣ болѣе и болѣе запутывались и усложнялись: насилія, грабежи, неистовства, производимыя мятежными шайками надъ русскими, захваченными вездѣ врасплохъ, увеличивался обуявшій наши правительственные лица страхъ...» ²⁾. Петербургское правительство «тогда только рѣшилось говорить самостоятельно, отстаивая интересы Россіи, когда принятыми мною энергическими мѣрами видимо ослабился мятежь въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ, такъ что въ половинѣ іюля 1863 года нашъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ князь Горчаковъ, видѣвшій съ одной стороны общее возбужденное въ Россіи чувство оскорбленной народности и патріотизма, а съ другой—сильно подавляемый уже мятежь въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ, рѣшился энергическими нотами отвергнуть всѣ нахальные требованія Западныхъ державъ и польской заграничной эмиграціи, которая образовалась въ видѣ польской официальной власти, почти признаваемой иностранными державами. Съ изданіемъ рѣшительнаго категорическаго отзыва князя Горчакова Западнымъ державамъ начали упадать и надежды польскихъ революціонеровъ, такъ что уже въ августѣ мѣсяцѣ 863 г. принятыя мѣры къ подавленію мятежа возымѣли полный успѣхъ» ³⁾).

¹⁾ Графъ Михайль Николаевичъ Муравьевъ. Гл. III.—«Рус. Стар.» 1883 г., т. XXXVII, январь, стр. 150.

По этому поводу очень интересныя свѣдѣнія находятся въ письмѣ Федора Ивановича Тютчева отъ 27-го іюля 1864 г.—О князь Горчаковъ онъ сообщаетъ слѣдующее: «...какъ вѣжета, она (Императрица) не скрываетъ предъ нимъ нѣкотораго презрѣнія, возбуждаемаго въ ней наивными, смѣшными сторонами этого столь добраго и столь умнаго человѣка, который, къ сожалѣнію, не способенъ понять, какое впечатлѣніе производитъ онъ на другихъ, особенно на женщинъ, чье честолюбіе (vanité) рѣшительно не согласуется съ его честолюбіемъ». («Рус. Арх.» 1899 г., кн. 9, стр. 152).

²⁾ Гр. Михайль Николаевичъ Муравьевъ. Записки его объ управленіи Сѣверо-Западнымъ краемъ и объ усмиреніи въ немъ мятежа 1863—1866 гг.—«Рус. Стар.» 1882 г., т. 36, ноябрь, стр. 391.

³⁾ Тоже. «Рус. Стар.» 1882 г., т. 36, декабрь, стр. 624.

Нерѣшительность дѣйствій Горчакова въ подавленіи польскаго мятежа въ самомъ его началѣ можно объяснить неготовностью правительства къ войнѣ. Объ этомъ пишетъ Никитенко въ своемъ дневникѣ, отъ 7 и 11 іюня 1863 г.: «Горчаковъ говорилъ Тютчеву ¹⁾, что великій князь дѣйствуетъ въ Варшавѣ по инструкціямъ, отсюда посылаемымъ, которыя велятъ ничего не предпринимать крутого, ибо это можетъ произвести какой-нибудь рѣшительный взрывъ въ Варшавѣ и тѣмъ возбудить Европейскія державы двинуться тотчасъ въ Польшу, а мы должны всячески выиграть передъ войной время, необходимое намъ для окончательныхъ приготовленій» ²⁾.

Горчаковъ не гнушался также и печатнымъ словомъ. Когда Государь поручилъ Погодину написать статью въ отвѣтъ на французскія клеветы (это, кажется, было возраженіе на статью *Revue des deux Mondes*), Горчаковъ одобрилъ эту статью и рѣшилъ напечатать ее сперва по русски въ «Русскомъ Инвалидѣ» или въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», а потомъ перевести въ «*Journal de St. Pétersbourg*» ³⁾

Вообще можно сказать о Горчаковѣ, что онъ былъ сторонникомъ свободы русской печати въ отношеніи иностранной политики ⁴⁾.

Во время польскаго мятежа Горчакову пришлось опираться съ одной стороны на волю Государя и патріотизмъ русскаго общества, а съ другой стороны отражать коалицію Европейскихъ державъ. Онъ возставалъ противъ какого-либо иноземнаго вмѣшательства въ русскія дѣла. Его дипломатическія ноты прославили его и сдѣлали его очень популярнымъ въ Россіи. Отъ этого времени сохранился слѣдующій рассказъ: «Въ наиболѣе критическое время князь Горчаковъ, ходя по своему кабинету съ лордомъ Напиромъ и герцо-

¹⁾ Кстати объ этомъ Тютчевѣ. Вотъ какъ характеризовалъ Федоръ Ивановичъ Тютчевъ князя Горчакова въ письмѣ отъ 25 мая 1857 года: «Его натура положительно не изъ заурядныхъ и обладаетъ гораздо болѣшими внутренними достоинствами, чѣмъ наружными. У него сливки снизу, а молоко сверху». («Рус. Арх.» 1899 г., кн. 4, стр. 656). А въ письмѣ отъ 10 августа 1861 г. Тютчевъ пишетъ: «Онъ (Горчаковъ) по временамъ бываетъ очень серьезнымъ, болѣе внутренно, чѣмъ внѣшнимъ образомъ». («Рус. Арх.» 1899 г., кн. 8, стр. 592). Нѣсколько лѣтъ спустя (отъ 11 августа 1866 г.), по поводу пріѣзда въ Петербургъ Мантейфеля и убѣжденія Горчакова, что онъ устраиваетъ съ нимъ великія дѣла, Тютчевъ замѣчаетъ: «Никто никогда не заслуживалъ больше, чѣмъ милый князь, чтобы къ нему примѣнили извѣстный стихъ Андрѣ Шенье: *L'illusion féconde habite dans son sein*» (въ его душѣ живутъ блага заблужденія); въ нашемъ случаѣ оспаривать можно было бы только одно, принимая во вниманіе послѣдствія: именно благотѣльность этихъ заблужденій». («Рус. Арх.» 1899 г., кн. 9, стр. 158).

²⁾ «Рус. Стар.» 1891 г., т. LXIX, мартъ, стр. 731—732.

³⁾ Дневникъ Никитенки. 7 іюня 1863 г. («Рус. Стар.» 1891 г., т. LXIX, мартъ, стр. 730).

⁴⁾ См.: За много лѣтъ. Воспоминанія неизвѣстнаго. 1844—1884 г. («Рус. Стар.» 1895 г., т. LXXXIII, февраль, стр. 139).

гомъ Монтебелло послѣ бурнаго объясненія, подошелъ къ окну и, указывая на площадь Зимняго дворца, сказалъ: «Видите этотъ дворецъ и эти памятники,—ну, такъ вотъ ваши флоты могутъ явиться, чтобы все это бомбардировать, сжечь, истребить: Россія отнесется къ этому совершенно равнодушно, и никогда вы не сломите ея сопротивленія» ¹⁾).

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ 1864 году Горчаковъ старался спасти Данию, а въ 1868 году пытался поддержать существованіе Германскаго Союза, который трактатомъ 1815 года былъ поставленъ подъ гарантію Европы. Но это ему не удалось, и такъ какъ Австрія и Пруссія одинаково стремились къ главенству въ Германіи и ея объединенію, то ему пришлось выбирать между Австріей и Пруссіею. Горчаковъ остановился на Пруссіи, какъ государствѣ, имѣвшемъ больше шансовъ на успѣхъ и менѣе пунктовъ, гдѣ интересы Пруссіи сталкивались бы съ интересами Россіи.

Во время Франко-Прусской войны Россія держала строгій нейтралитетъ, но сама эта война окончательно нарушала порядки, созданныя трактатомъ 1856 года. Поэтому Горчаковъ потребовалъ уничтоженія постановленій Парижскаго мира 1856 года, по которому Россіи было воспрещено имѣть военный флотъ въ Черномъ морѣ.

Достойно замѣчанія, что раньше, чѣмъ это рѣшеніе состоялось, Императоръ Александръ II созвалъ совѣтъ подъ личнымъ своимъ предѣдательствомъ изъ нѣкоторыхъ приближенныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ были: военный министръ Д. А. Милютинъ, П. А. Валуевъ, князь С. Н. Урусовъ, кн. А. М. Горчаковъ и др. Совѣтъ этотъ пришелъ къ тому убѣжденію, что, конечно, слѣдуетъ уничтожить этотъ позорный для Россіи Парижскій трактатъ, но, однако, всѣ, а въ томъ числѣ и военный министръ, полагали, въ видахъ осторожности, совершенно необходимымъ, прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, предварительно свестись съ державами, подписавшими Парижскій трактатъ.

«— Если дѣйствовать такъ, какъ здѣсь совѣтуютъ,—сказалъ князь Горчаковъ весьма горячо,—то это значитъ—отказаться отъ самой цѣли, это значитъ—ничего не получить, ничего не добиться. Должно просто заявить всей Европѣ, что Россія, по отношенію къ Черному морю, разрываетъ Парижскій трактатъ 1856 г., и такимъ заявленіемъ великій фактъ совершится». — «Я вполне согласенъ съ княземъ Горчаковымъ»,—сказалъ Государь Александръ Николаевичъ, вставая. И, такимъ образомъ, одинъ изъ всего совѣта, властью и волею своею державною Государь совершилъ великое дѣяніе ²⁾).

¹⁾ «Journal de St. Pétersbourg» 1883 г., № 57.

²⁾ Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ въ его разсказахъ изъ прошлаго. М.-скій. («Рус. Стар.» 1883 г., т. XL, октябрь, стр. 177).

По поводу отмены Парижскаго трактата и способа, какимъ Горчаковъ достигъ своей цѣли, рассказано, между прочимъ, англійскимъ дипломатомъ Баронетомъ Сэромъ Горациемъ Румбольдомъ, въ его мемуарахъ, подъ заглавіемъ: «Recollections of a diplomatist». Мы позволимъ себѣ извлечь изъ этихъ воспоминаній дипломата нѣсколько строкъ объ этомъ циркулярѣ Горчакова отъ 31 октября 1870 года (объ отменѣ статей Парижскаго трактата о Черномъ морѣ).

Рѣшительное выступленіе кн. Горчакова было подготовлено предварительными переговорами графа Игнатьева съ Аали-пашою, но первоначально предполагалось обратиться къ державамъ съ предложеніемъ полюбовно столковаться объ отменѣ устарѣвшаго трактата, но позднѣе князь Горчаковъ совершенно былъ прельщенъ тономъ, усвоеннымъ Бисмаркомъ при переговорахъ съ Жюлемъ Фавромъ въ Феррьерѣ, и объяснилъ, что именно такого тона и слѣдуетъ придерживаться великой державѣ. Хотя Великобританская миссія въ Петербургѣ всемирно старалась убѣдить руссійское министерство иностранныхъ дѣлъ, что нарушеніе Парижскаго трактата вызоветъ въ Англій большое недовольство и можетъ оказаться чреватымъ серьезными послѣдствіями, русское правительство, сильною поддержкою Германіи, упорствовало въ занятой позиціи. Хотя дипломатическая конференція, состоявшаяся въ январѣ 1871 г., въ Лондонѣ, въ одномъ изъ своихъ протоколовъ въ мягкой формѣ и выставила платоническое положеніе, что никакая держава не въ правѣ слагать съ себя обязательствъ, принимаемыхъ по международному трактату, помимо согласенія съ остальными договорившимися державами, но на это порицаніе въ Петербургѣ никто и вниманія не обратилъ. Императоръ Александръ II по поводу отмены Парижскаго трактата приказалъ отслужить торжественное молебствіе, отправился въ Петропавловскій соборъ, долго молился у гробницы Родителя и, выходя изъ собора, высказался передъ святою въ томъ смыслѣ, что теперь душа Императора Николая найдетъ себѣ успокоеніе. Въ заключеніе, по поводу подписанія предварительныхъ условій мира съ Франціею, между Императорами Вильгельмомъ и Александромъ состоялся обмѣнъ извѣстныхъ телеграммъ, гдѣ Пруссія выражала своему русскому союзнику признательность за усилія локализовать театръ войны, а Императоръ Александръ высказывалъ надежду, что слава и счастье обѣихъ странъ будутъ и впредь обезпечиваемы дружбою, объединяющею обѣихъ государей ¹⁾.

По этому поводу Горчаковъ удостоился получить слѣдующій рескриптъ:

«Князь Александръ Михайловичъ! нынѣ минуло ровно пятнадцать лѣтъ съ того дня, какъ подписанъ Парижскій трактатъ, на который Россія выну-

¹⁾ «Историч. Вѣстн.» 1909 г., августъ, т. 117.

ждена была согласиться въ силу обстоятельствъ. Съ тѣхъ поръ ходъ событій, совершившихся въ Западной Европѣ, настолько поколебалъ основанія сего международнаго договора, что на одной лишь Россіи оставалось соблюденіе тягостныхъ для ея достоинства условій, имѣвшихъ предметомъ ограниченіе исконныхъ ея правъ на Черномъ морѣ. Эти событія, измѣнившія во многомъ положеніе дѣлъ въ Европѣ и ослабившія тѣмъ самымъ обязательную силу Парижскаго трактата, внушили Мнѣ мысль заявить иностраннымъ державамъ всю неправомѣрность условій, которыя не только наносили ущербъ ея матеріальнымъ интересамъ, но оскорбляли съ тѣмъ вмѣстѣ Государственное и національное ея достоинство. Выполненіе Моей мысли принадлежитъ вамъ. Вы открыли первыя по сему предмету сношенія циркулярною нотою 19—31 октября минувшаго года. Напрасныя опасенія, вызванныя въ нѣкоторыхъ иностранныхъ кабинетахъ симъ первымъ сообщеніемъ, поставили васъ въ необходимость разсѣять всѣ недоразумѣнія ближайшимъ разъясненіемъ истиннаго смысла Моихъ чистосердечныхъ намѣреній, основанныхъ на чувствѣ справедливости и на постоянномъ Моемъ стремленіи оберегать честь и достоинство Россіи. Благодаря вашимъ усерднымъ и просвѣщеннымъ стараніямъ, вопросъ, казавшійся одно время спорнымъ, настолько былъ уясненъ, что онъ могъ быть разсмотрѣнъ въ собранномъ на сей конецъ международномъ совѣщаніи, въ настоящемъ его видѣ и значеніи. Спокойное обсужденіе дѣла повело къ тому благопріятному исходу, который заключилъ переговоры Лондонской конференціи. Заслугою вашею въ семъ случаѣ, имѣющею для Отечества значеніе историческое, вы ознаменовали блистательное продолженіе всей предыдущей вашей дѣятельности. Услуги, оказанныя вами Престолу и Отечеству во время польскаго мятежа 1863 года, когда вы съ полнымъ успѣхомъ противодействовали притязательнымъ попыткамъ посторонняго вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи; затѣмъ увѣнчанныя нынѣ тѣмъ же успѣхомъ труды ваши по Черноморскому вопросу, опѣнены по достоинству общимъ признательнымъ сочувствіемъ всѣхъ вашихъ соотечественниковъ, дорожащихъ честью и самостоятельностью Русской земли.

«Во вниманіе къ столь достохвальнымъ вашимъ заслугамъ, Я признаю справедливымъ украсить носимое вами и нисходящимъ вашимъ потомствомъ княжеское достоинство титуломъ Свѣтлости. Даруя вамъ сіе высшее отличіе, Я желаю, чтобы это доказательство моей признательности напоминало вашему потомству о томъ непосредственномъ участіи, которое съ самаго вашего поступленія въ управленіе Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, принимаемо было вами въ исполненіе Моихъ мыслей и предначертаній, клонящихся непрестанно къ обезпеченію самостоятельности и упроченію славы Россіи.

«Съ особенною къ вамъ признательностью и благоволеніемъ пребываю навсегда къ вамъ благосклонный».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Искренно васъ любящій и благодарный АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С.-Петербургѣ, марта 18-го дня 1871 года.

Послѣ Франко-Прусской войны Горчаковъ, заботясь о мирѣ и равновѣсіи, оказалъ нравственную поддержку Франціи, дабы она не была низведена изъ первоклассной державы во второстепенныя и не потеряла бы своего вліянія въ концертѣ великихъ державъ. Но, заботясь о мирѣ, онъ въ то же время старался помириться съ Австрією, слѣдствіемъ чего было свиданіе трехъ Императоровъ въ Берлинѣ, въ сентябрѣ 1872 года.

Равнымъ образомъ онъ старался поддерживать миролюбивыя сношенія и съ Англією. Онъ полагалъ, что расширеніе русскаго вліянія въ средней Азіи можетъ явиться стимуломъ для англичанъ болѣе дорожить русскою дружбою.

Горчакова занималъ весьма интересный вопросъ о «нейтральной полосѣ», которую въ Центральной Азіи предстояло установить между Россією и Великобританіей. Вотъ что говоритъ по этому поводу секретарь англійскаго посольства Румбольдъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Этого рода соглашеніе было намѣчено въ переговорахъ, происходившихъ между канцлеромъ и лордомъ Кларендономъ въ Баденъ-Баденѣ миновавшимъ лѣтомъ, и фактически явилось точкою отправленія для существующаго и нынѣ соглашенія относительно Афганистана. То были дни расцвѣта славы генерала Черняева, котораго Императоръ Александръ II только что отозвалъ изъ Туркестана за излишнее рвеніе. «Эго центрально-азиатскій Фернандъ Кортесъ», глумился надъ Черняевымъ прусскій военный агентъ Швойницъ; но хотя Черняевъ и другіе «безпокойные умы» и подворглись въ этомъ случаѣ гласному неодобренію со стороны императорскаго правительства, тѣмъ не менѣе именно они заложили прочную основу для господства Россіи надъ Среднею Азією»¹⁾.

Въ 1871 году, іюня 3/15, Высочайше разрѣшено принять и носить Турецкій орденъ Османіе 1-й ст., съ алмазными украшеніями.

Въ томъ же году, 1/13 іюля, Высочайше разрѣшено принять и носить Виртембергскій орденъ Короны 1-й ст., съ алмазными украшеніями.

Въ 1872 году, августа 29 (10 сентября н. ст.), Высочайше разрѣшено принять и носить алмазные знаки Австрійскаго ордена Св. Стефана.

По Высочайшему повелѣнію находился въ путешествіи съ Государемъ Императоромъ за границую, съ 17 мая по 18 іюля 1873 года, а съ сего

¹⁾ Воспоминанія дипломата Румбольда.—«Историч. Вѣстн.» 1909 г., августъ т. 117.

числа, съ Высочайшаго соизволенія, оставался за границею по 3 ноября 1873 года.

Въ 1873 году, іюня 18/30, Высочайше разрѣшено принять и носить Бразильскій орденъ Круперо (южнаго креста) 1-й степени.

Въ 1874 году, января 11, по случаю бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Маріи Александровны съ Его Королевскимъ Высочествомъ Герцогомъ Эдинбургскимъ, Всемилоствивѣйше пожалованъ перстень съ солитеромъ.

По Высочайшему повелѣнію находился въ путешествіи съ Государемъ Императоромъ за границею, съ 19 апрѣля по 10 ноября 1874 года.

Въ 1874 году, сентября 1, Высочайше разрѣшено принять и носить Мекленбургъ-Шверинскій орденъ Вендской Короны 1-й степени, украшенный брилліантами.

Въ 1875 году, марта 25, Высочайше разрѣшено принять пожалованное Его Величествомъ Королемъ Испаніи Донъ-Альфонсомъ XII-мъ, декретомъ отъ 13 Марта 1875 года, достоинство графа Испаніи, съ нисходящимъ потомствомъ.

Съ Высочайшаго соизволенія, находился въ путешествіи съ Государемъ Императоромъ съ 26-го апрѣля по 20-е іюня, а съ сего числа, съ Высочайшаго соизволенія, оставался за границею по 22 ноября 1875 года.

По Высочайшему повелѣнію находился въ путешествіи съ Государемъ Императоромъ за границу: Берлинъ, Эмсъ, Югенгеймъ, Веймаръ и обратно чрезъ Варшаву въ Петергофъ, съ 28 апрѣля по 28 іюня 1876 года.

1877 года, мая 21-го, по Высочайшему повелѣнію сопровождалъ, въ путешествіи, Государя Императора въ Румынію, гдѣ оставался до возвращенія Его Императорскаго Величества изъ-за Дуная въ Бухарестъ, откуда прибылъ съ Его Величествомъ въ С.-Петербургъ 10 декабря того же года.

Въ 1877 году, декабря 5-го и декабря 16, Высочайше разрѣшено принять и носить ордена: Румынской звѣзды 1-й степ. и Японскій—Восходящаго Солнца, на лентѣ 1-й степ., со звѣздою 2-й степ.

По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, отправился въ Берлинъ для участія въ конгрессѣ.

Возвратился въ С.-Петербургъ 6-го іюля 1878 года.

Съ Высочайшаго соизволенія, находился за границею съ 25-го іюля по 29 ноября 1878 г. и съ 6-го іюня по 23 ноября 1879 года.

Въ 1879 году, августа 22, получилъ знакъ отличія безпорочной службы за LX лѣтъ.

4 апрѣля 1881 г. Горчакову Всемилоствивѣйше пожалованъ осыпанный брилліантами портретъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича и Государя Императора Александра Александровича, для ношенія на груди, при Высочайшемъ рескриптѣ, который приведемъ ниже.

Когда въ 1875—76 гг. возникли осложненія на Востокѣ, то Горчаковъ весьма сильно хлопоталъ о миролюбивомъ ихъ разрѣшеніи. Какъ на особенно удачный шагъ его дипломатической дѣятельности, можно указать на его рѣшительныя дѣйствія во время Сербско-Турецкаго конфликта. Благодаря Россіи, Сербія была спасена отъ турецкаго погрома. Вотъ что мы читаемъ объ этомъ у Горчакова, въ его воспоминаніяхъ: «Императоръ Александръ II

жилъ въ Ливадіи, гдѣ находился и Горчаковъ, Милютинъ и др. министры. Когда Горчаковъ получилъ депешу Карцева о вторженіи турокъ въ Сербію, то онъ ее немедленно доложилъ Императору и былъ приглашенъ на совѣщаніе. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ министровъ не предложилъ рѣшительнаго шага для спасенія Сербіи.—«Тогда я всталъ,—говоритъ Горчаковъ,— и съ полною рѣшимостію заявилъ: «Ваше Величество! Теперь не время словъ, не время сожалѣній: наступилъ часъ дѣла. Вотъ приготовленная уже мною телеграмма нашему послу въ Константинополь».—Смыслъ телеграммы былъ таковъ: повелѣвалось послу нашему немедля объявить Оттоманской Портѣ рѣшительную волю Государя Императора, что если турки не остановятся тотчасъ же въ своемъ стремленіи на Бѣлградъ и не выступятъ изъ предѣловъ Сербіи, то посолъ нашъ въ 24 часа долженъ оставить Константинополь. — «Я согласенъ съ твоимъ предложеніемъ», — сказалъ Государь, вставая и закрывая совѣтъ.

«Телеграмма—ультиматумъ была отправлена, объявлена Портѣ, турки остановились, вышли изъ Сербіи, и Сербія была спасена» ¹⁾.

Такова была воля Александра II. Эти домогательства Россіи были удовлетворены на Лондонской конференціи (январь—мартъ) 1871 года.

Въ Московскомъ обществѣ опасались, что эта конференція ни къ чему не приведетъ. Одинъ изъ современниковъ записалъ, что «въ публикѣ начинаютъ быть недовольны уклончивымъ тономъ депешъ нашего канцлера князя Горчакова и опасаются, какъ бы на будущей конференціи мы не были слишкомъ уступчивы» ²⁾.

Въ Русско-Турецкую войну 1877—78 гг. Горчаковъ былъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Баронъ Врангель замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что уже тогда дни неограниченной власти князя были сочтены, что «вліяніе его при Дворѣ сильно пошатнулось, что Государь совѣтуется болѣе съ Гирсомъ» ³⁾.

Горчаковъ вмѣстѣ съ графомъ Николаемъ Павловичемъ Игнатьевымъ былъ творцомъ Санъ-Стефанскаго договора.

Весною 1878 года Горчаковъ заболѣлъ и, едва поправившись, отправился на конгрессъ въ Берлинъ. Берлинскій трактатъ 1878 года Горчаковъ считалъ самою темною страницей своей жизни.

По этому поводу онъ говорилъ: «Берлинскій трактатъ 1878 г. я считаю самою темною страницей въ моей жизни. Когда я вернулся изъ Бер-

¹⁾ Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ въ его разказахъ изъ прошлаго. М.—скій. «Рус. Стар.» 1883 г., т. XL, октябрь, стр. 179.

²⁾ Изъ памятныхъ тетрадей С. М. Сухонина. 1 декабря 1870 г.—«Рус. Арх.» 1894 г., кн. 6, стр. 250.

³⁾ Изъ воспоминаній барона А. Е. Врангеля, гл. 1.—«Новое Время». Суббота, 15 (28) января 1911 г., иллюстрирован. прибавл. № 12516.

дина въ Петербургъ, я именно такъ и выразился о Берлинскомъ трактатѣ въ моемъ мемуарѣ, поданномъ мною Государю Императору. Въ этой всеподданѣйшей запискѣ я написалъ такъ: «Берлинскій трактатъ есть самая черная страница въ моей служебной карьерѣ».—Государь Императоръ Александръ Николаевичъ изволилъ приписать къ этимъ строкамъ собственноручно: «И въ моей также» ¹⁾).

И дѣйствительно на этомъ конгрессѣ Горчаковъ не стоялъ на высотѣ своего призванія.

Также и два помощника его, Убри и графъ Шуваловъ, тоже не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ, и если можно еще извинить Горчакова, который, по дряхлости лѣтъ, уже не могъ состязаться съ Европейскою дипломатіею, то о Шуваловѣ и Убри этого нельзя сказать,—они были все-таки моложе Горчакова.

Но не только печальное, а прямо-таки позорное воспоминаніе связано съ именемъ Горчакова по поводу Берлинскаго конгресса. На одномъ изъ самыхъ важныхъ засѣданій этотъ русскій дипломатъ, не умѣвшій различать географическія карты, всунулъ Виконсфилду ту свою карту, на которой были отмѣчены максимальныя уступки Россіи. Такимъ образомъ, онъ выдалъ важнѣйшую государственную тайну такому противнику, какимъ былъ Дизраэли. Самъ же руководился картой, на которой были отмѣчены границы требованій по Санъ-Стефанскому договору. Благодаря этой роковой ошибкѣ, русскіе интересы изрядно пострадали.

Не даромъ поэтому Бисмаркъ въ своихъ запискахъ такъ жестоко потѣшается надъ Горчаковымъ, хвастливымъ и тщеславнымъ, мнившимъ себя вершителемъ судебъ Европейскихъ народовъ. «Честный маклеръ» утверждаетъ даже, что именно онъ тогда отстоялъ честь Россіи ²⁾).

Послѣ Берлинскаго конгресса Горчаковъ, огорченный результатами конгресса и дѣйствіями Бисмарка, ищетъ коалиціи съ Франціею противъ Германіи, но терпитъ пораженіе изъ-за Бисмарка.

Кромѣ дипломатической дѣятельности, Горчаковъ принималъ участіе въ разработкѣ государственныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ то время. Такъ, напримѣръ, при освобожденіи крестьянъ онъ подалъ голосъ съ большинствомъ, но, какъ извѣстно, Императоръ Александръ II согласился съ мнѣніемъ меньшинства; но зато въ другомъ вопросѣ, а именно — о привилегіяхъ колонистовъ, разбивавшемся въ Государственномъ Совѣтѣ, Горчаковъ стоялъ за со-

¹⁾ «Рус. Стар.» 1883 г., т. XL, октябрь, стр. 179. Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ въ его разсказахъ изъ прошлаго. М.—скій.

²⁾ Изъ французской газеты «Matin». — См. «Новое Время» за 12 октября 1908 г., № 11705.

храненіе ихъ привилегій, дарованныхъ Екатериною II, между тѣмъ какъ всѣ члены Государственнаго Совѣта полагали, что возможно отмѣнить льготы; дарованныя Екатериною II колонистамъ по отправленію воинской повинности. Государь не согласился съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, а согласился съ единоличнымъ мнѣніемъ Горчакова.

Съ 1880 года Горчаковъ жилъ постоянно въ Баденъ-Баденѣ, а дѣлами Министерства завѣдывалъ его племянникъ Николай Карловичъ Гирсъ († 14 января 1895 года). Какъ извѣстно, сестра князя Горчакова, княгиня Елена Михайловна Кантакузень, была тещею Н. К. Гирса ¹⁾.

4 апрѣля 1881 г. Горчакову были Высочайше пожалованы, какъ мы видѣли выше, портреты Императоровъ Александра II и Александра III, при слѣдующемъ рескриптѣ:

«Князь Александръ Михайловичъ.

«Нынѣ исполнилось двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Бозѣ почившій Родитель Мой, Императоръ Александръ Николаевичъ призвалъ васъ къ занятію одной изъ важнѣйшихъ обязанностей въ Государствѣ, возложивъ на васъ въ трудную эпоху заключенія Парижскаго трактата управление Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ. Занимая въ теченіе четверти вѣка этотъ важный постъ, вы, во всѣхъ случаяхъ, были вѣрнымъ выразителемъ великодушныхъ мыслей и намѣреній Нашего возлюбленнаго Государя и точнымъ исполнителемъ Его мудрыхъ предначертаній. Стоя на стражѣ русской чести и русскихъ интересовъ и слѣдуя во внѣшней политикѣ указаніямъ Незабвеннаго Моего Родителя, вы не только успѣли возстановить подобающее значеніе Россіи въ средѣ великихъ европейскихъ державъ, но и достигли, безъ жертвъ и кровопролитія, отмѣны стѣснительныхъ для насъ послѣдствій тяжкой крымской войны. Въ Бозѣ почившій Императоръ нашелъ въ вашей испытанной опытности и патриотизмѣ вѣрнаго и преданнаго истиннымъ интересамъ Россіи сотрудника, когда Онъ съ полнымъ торжествомъ вывелъ наше любезное отечество изъ затрудненій, порожденныхъ притязаніями иностранныхъ кабинетовъ на вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла, и вы вполне оправдали Его высокое довѣріе неусыпнымъ стараніемъ вашимъ къ поддержанію миролюбивыхъ сношеній съ европейскими правительствами. Это дало намъ возможность насладиться въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ благами мира и заняться великими преобразованіями, составляющими нашу гордость и славу минувшаго Царствованія. Подъ вашимъ просвѣщеннымъ руководствомъ расширились и укрѣпились наши отношенія къ восточнымъ и средне-азіатскимъ государствамъ и выяснились политическіе и торговые наши интересы въ этихъ

¹⁾ См. Свѣтлѣйшій князь А. М. Горчаковъ. (Изъ воспоминаній о немъ его духовника). Протоіерея І. І. Базарова.—«Рус. Арх.» 1896 г., кн. III, стр. 346.

отдаленныхъ странахъ. Наконецъ, дѣятельное участіе, принятое вами въ великомъ дѣлѣ возрожденія христіанскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ, созданномъ по великодушнѣ мысли Моего возлюбленнаго Родителя, усиліями и жертвами русскаго народа и окончательно признанномъ Европою на Берлинскомъ конгрессѣ, свидѣтельствуетъ о постоянныхъ и полезныхъ трудахъ вашихъ на служеніе Престолу и Отечеству. Благоговѣя предъ священною памятію незабвеннаго Моего Родителя и исполняя вмѣстѣ съ тѣмъ влеченіе собственнаго сердца, Я съ особеннымъ удовольствіемъ препровождаю при семъ къ вамъ, для пошенія на груди, осыпанный алмазами портретъ въ Возѣ почившаго Императора и Мой. Да послужитъ онъ выраженіемъ Моей глубокой признательности и уваженія къ вашему доблестному служенію, а также воспоминаніемъ о Томъ, съ Которымъ вы, въ теченіе четверти вѣка, раздѣляли труды на благо горячо Имъ любимой Россіи».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Искренно уважающій васъ АЛЕКСАНДРЪ». Гатчина. 4 апрѣля 1881 г.

22-го марта 1882 г. былъ данъ новый Высочайшій рескриптъ на имя Государственнаго Канцлера, Свѣтлѣйшаго Князя Горчакова, слѣдующаго содержанія: «Князь Александръ Михайловичъ. Слабость здоровья и преклонныя лѣта принудили васъ искать въ продолжительномъ пребываніи за границею отдохновенія отъ плодотворныхъ трудовъ, которыми ознаменована ваша блистательная государственная дѣятельность. Съ глубокою грустью убѣждаюсь, что состояніе вашего здоровья не дозволяетъ вамъ возвратиться къ непосредственному завѣдыванію Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, Я рѣшаюсь, согласно вашему желанію, окончательно освободить васъ отъ управленія симъ Министерствомъ, сохраняя вамъ высшее въ Имперіи гражданское званіе Государственнаго Канцлера.—При этомъ Я чувствую душевную потребность вновь выразить вамъ горячую благодарность за оказанныя вами въ продолженіе почти шестидесятипятилѣтняго служенія Престолу и Отечеству доблестныя и славныя государственныя заслуги, многократно и торжественно засвидѣтельствованныя рескриптами незабвеннаго Родителя Моего, высоко цѣнными Мною, стяжавшія вамъ признательное уваженіе соотечественниковъ и запечатлѣвшія имя ваше на страницахъ исторіи.—Молю Всевышняго, чтобы Онъ продлилъ жизнь вашу на многіе годы и дозволилъ Мнѣ долго еще пользоваться мудрыми совѣтами вашей опытности въ государственныхъ дѣлахъ, на благо Россіи».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Искренно уважающій васъ и благодарный АЛЕКСАНДРЪ».

22-го марта 1882 года.

Гатчина.

Высочайшимъ Именнымъ Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 28-го марта 1882 года, Горчаковъ Всемилостивѣйше уволенъ, согласно желанію, по совершенно разстроенному здоровью, отъ лежащихъ на немъ обязанностей по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, съ оставленіемъ въ званіяхъ: Государственнаго Канцлера и Члена Государственнаго Совѣта.

Горчаковъ умеръ въ Баденъ-Баденѣ, 27 февраля 1883 года, на 86 году жизни.

Какъ понимали Горчакова современные ему дипломаты—можно видѣть изъ мемуаровъ секретаря англійскаго посольства въ Петербургѣ Баронета Румбольда. Онъ говоритъ: «Князь Горчаковъ былъ остроумнѣйшій, но и самый поверхностный, какъ я склоненъ думать, изъ государственныхъ людей. Я рѣдко уходилъ отъ него, не запомнивъ какое-нибудь мѣткое словечко, которое не упускалъ сообщать въ частной перепискѣ лорду Кларендону. Къ несчастію, тщеславію князя Горчакова дѣлало его доступнымъ пагубнымъ вліяніямъ. Le petit ministère, какъ называли близкихъ князю чиновъ его канцеляріи, въ значительной степени своимъ положеніемъ были обязаны беззащитной лести передъ княземъ. Величайшею слабостью князя была страсть къ стилю, и, несомнѣнно, самъ онъ искусно владѣлъ перомъ.

«Старикъ Тютчевъ—поэтъ и остроумецъ—окрестилъ Горчакова прозваніемъ «Нарциссъ чернильницы»¹⁾, и, дѣйствительно, любуясь на собственные вышесказанные и тонко отдѣланные фразы, князь способенъ былъ за этотъ же талантъ прощать и серьезные грѣшки даровитымъ своимъ сотрудникамъ. Тѣ случаи, какіе я имѣлъ въ послѣдующіе годы ознакомиться съ письменными произведеніями русскихъ дипломатическихъ канцелярій, заставляютъ меня думать, что высокія литературныя достоинства, достигнутыя въ составленіи дипломатическихъ документовъ во дни Жюмини, Гамбургера, Жеребцова и др., не нашли себѣ достойныхъ подражаній».

Румбольдъ въ своихъ мемуарахъ обращаетъ еще вниманіе на тщеславіе Горчакова, который, по его словамъ, охотно выслушивалъ самую низкую лесть и придавалъ ей значеніе. «Я былъ освѣдомленъ о необыкновенномъ, прямо-таки ребяческомъ, тщеславіи князя черезъ моего давнишняго пріятеля по Карлсруэ и Бадену, Талейрана. Теперь же онъ занималъ постъ посланника при Россійскомъ дворѣ, и я попрежнему оставался съ нимъ на дружеской ногѣ. Талейранъ, который самъ особеннымъ благоволеніемъ со стороны князя

¹⁾ Тютчевъ называлъ Горчакова «Нарциссомъ собственной чернильницы», желая дать понять этимъ, что Горчаковъ бывало напишетъ острое, хлесткое слово и самъ любитъ имъ. Висмаркъ же называлъ Горчакова нѣмцемъ, такъ какъ мать его была рожденная Ферзень.—См. ст. Графъ Нессельроде (отецъ и сынъ). «Рус. Арх.» 1905 г., кн. 8, стр. 482.

не пользовался, увѣрялъ, что нѣтъ такой лести, которая бы въ Горчаковѣ возбуждала чувство гадливости. «Tenez lui sur son vieux nez, — выразился Талейранъ далеко не дипломатично, — а grands coups d'encensoir, il n'en aura jamais assez» (Бейте его по старому его носу широкими взмахами кадила—кажденеіе никогда ему не надоѣдаетъ)»¹⁾.

Румбольдъ такъ описываетъ Горчакова: «Полный, невысокаго роста, почти не обличавшій признаковъ старчества, на которое онъ любилъ ссылаться, съ пытливымъ взоромъ, который плохо прикрывался золотыми очками, князь щеголялъ старомодными повадками и манерами, но произвелъ на меня съ перваго же раза очень благопріятное впечатлѣніе и впоследствии показывалъ мнѣ такую благосклонность, что я сохранилъ о немъ самыя пріятныя воспоминанія»²⁾.

Горчакову суждено было судьбою быть «последнимъ другомъ», пережившимъ всѣхъ своихъ товарищей-однокурсниковъ, о которомъ Пушкинъ сказалъ:

«Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
 Докучный гость, и лишній, и чужой,
 Онъ вспомнить насъ и дни соединеній,
 Закрывъ глаза дрожащею рукой...

¹⁾ Румбольдъ приводитъ здѣсь анекдотъ объ одномъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Горчакова—Катакази. Онъ рассказываетъ, что Катакази спутался съ дамою еврейскаго происхожденія, носившей романтическую фамилію Фитцджеремъ де-Бервикъ, и настолько былъ ею увлеченъ, что имѣлъ глупость на ней жениться. Этотъ бракъ называлъ сильнѣйшее негодование патрона Катакази. «Отнынѣ,—объявилъ ему князь Горчаковъ,—вы теряетесь для меня въ толпѣ!»— «Въ толпѣ почитателей вашей свѣтлости»,—нашелся сказать опальный.—«А все-таки вы умный человѣкъ»,—вдохнулъ канцлеръ.—«Пріѣзжайте сегодня ко мнѣ обѣдать». Такимъ образомъ, благодаря своей находчивости, лукавый грекъ остался на мѣстѣ».

Вѣроятно, этотъ же анекдотъ, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями, передаетъ князь В. П. Мещерскій. Онъ говоритъ, что «князь Горчаковъ очень любилъ, слушая другихъ, музыку восхваленія и лести. А какъ онъ эту музыку цѣнилъ, доказалъ, между прочимъ, мною припоминаемый эпизодъ съ однимъ изъ чиновниковъ его канцеляріи, коего сѣрые дни ничего ему не предвѣщали хорошаго въ будущемъ. Однажды, утромъ, по обыкновенію въ домашнемъ неглиже, съ бархатной шапочкой на головѣ, великолѣпный князь спустился въ свою канцелярію для моціона и проходилъ между своими подчиненными, каждому жалюя или улыбку или слово. Видитъ онъ, у окна стоитъ одинокаго нѣкто К., и вдругъ останавливается передъ нимъ и, сдѣлавъ недовольное лицо, говоритъ ему: «Jeune homme, vous ne faites rien, vous vous perdez».

К. дѣлаетъ поклонъ и отвѣчаетъ:

«Oui, mon prince, je me perds, mais dans la foule de vos adorateurs».

Лицо князя вдругъ просвѣтлѣло.

«Bien répondu, — сказалъ князь и пошелъ далѣе. Эти слова К. онъ запомнилъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ, для всѣхъ неожиданно, К. былъ назначенъ посланникомъ въ Вашингтонъ.—(Мои воспоминанія. Князь В. П. Мещерскій. «Гражданинъ» 1910 г., 17 января, № 3, стр. 8).

²⁾ Воспоминанія дипломата Румбольда.—«Историч. Вѣстн.» 1909 г., августъ, № 8, т. 117.

Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальной.
Его проведь безъ горя и заботъ» ¹⁾.

Михайловское, 1825.

Хотя въ глубинѣ своего сердца Горчаковъ сохранилъ свою вѣру и религиозныя убѣжденія, однако, онъ отдавалъ дань свѣтскимъ удовольствіямъ и преклонялся предъ красотою женщинъ. Еще Пушкинъ въ молодости предсказывалъ Горчакову:

«Дай Богъ любви, чтобъ ты свой вѣкъ,
Питомцемъ нѣжнымъ Эпикура,
Проведь межъ Вакха и Амура!
А тамъ, когда стигійскій брегъ
Мелькнетъ въ туманномъ отдаленъи,
Дай Богъ, чтобъ въ страствомъ упоеньи
Ты съ томной сладостью въ очахъ
Изъ рукъ младаго Купидона,
Вступая въ мрачный чолнъ Харона,
Уснулъ... Ершовой на грудяхъ» ²⁾.

Это подмѣтилъ другой поэтъ—князь П. А. Вяземскій, который написалъ князю Горчакову стихотвореніе и переслалъ ему изъ Эмса въ Баденъ-Баденъ 14 мая 1875 года. Здѣсь въ это время Горчаковъ ухаживалъ за племянницею Миклашевскаго, графиней Александрой Андреевной Олсуфьевой. Въ свою очередь, князь П. А. Вяземскій въ началѣ XIX столѣтія ухаживалъ въ Москвѣ за ея бабушкою, Марією Павловною, рожденною Авериною, замѣчательною красавицею своего времени. Вотъ это шуточное стихотвореніе:

«Великій канцлеръ дѣлъ сердечныхъ
(О дипломатіи ужъ я не говорю!)
Извѣстно, множествомъ дѣяній безупречныхъ
Приносите вы давъ отчизнѣ и Царю.

* * *

Но и красавицамъ не чуждо вамъ служенье:
И тутъ вы опытный и зоркій дипломать,
И прелесть женскую, и все ея значенье
Угадывать привыкъ вашъ прозорливый взглядъ.

* * *

¹⁾ «19-го октября 1825 г.»—Сочин. А. С. Пушкина. Редак. П. А. Вфремова, изд. А. С. Суворина, 1903, т. II, стр. 46.

²⁾ Сочин. Пушкина. Изд. С. А. Венгерова, т. I, стр. 231.—Слово «Богъ» (въ первой строкѣ) въ академич. изданіи пишется съ маленькой буквы.

Вашъ Бадень съ давнихъ поръ кравицами славень,
Но въ ихъ созвѣдїи есть свѣтлая звѣзда,
Которой чудный блескъ игривъ и своенравень
И, сердцу разъ мелькнувъ, въ немъ свѣтитъ навсегда.

* * *

Любуюсь на нее я, и заочно глядя,
Не нужно мнѣ назвать ту милую звѣзду;
Вы сами скажете: ей Миклашевскій дядя,
И въ васъ счастливаго соперника найду» ¹⁾.

Эмсъ, 14 (26) мая 1875 г.

Эти соблазны свѣта заставляли протоіерея Базарова все чаще замѣчать, что въ Горчаковѣ пробуждался «ветхій человѣкъ». «Отдаваясь всецѣло политикѣ, онъ какъ будто со страхомъ оглядывался на свое недавно прошедшее и, благоговѣя предъ святынею религиозныхъ убѣжденій, скорѣе уклонялся отъ нихъ, чѣмъ искалъ обновленія ихъ въ душѣ своей...

«Князь Горчаковъ былъ въ глубинѣ души человѣкъ вѣрующій, и если онъ не провелъ во всей полнотѣ этихъ убѣжденій въ жизни своей, то причиною этого была та жизненная обстановка, которая увлекла его блестящій умъ въ соблазны свѣта. Тщеславія въ немъ не было ²⁾, и онъ его не любилъ; но блескъ генія увлекалъ его до конца жизни. Съ развитымъ вкусомъ ко всему изящному онъ стоялъ выше всего обыкновеннаго. Патриотъ въ высшей степени этого слова, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ преданнѣйшій слуга своего Государя. Какъ христіанинъ, онъ прежде всего былъ покорный сынъ церкви. Какъ семьянинъ, онъ былъ нѣжнымъ отцомъ и любящимъ супругомъ. Какъ общественный человѣкъ, онъ на самой высотѣ своего величія не измѣнилъ своихъ отношеній къ людямъ, которыхъ онъ почему-либо цѣнилъ и уважалъ, а потому всѣ тѣ, которые имѣли случай сблизиться съ нимъ, уважали въ немъ эту черту его характера и за то любили его. Закрывъ глаза на человѣческія слабости, о которыхъ и въ Писаніи говорится, что нѣтъ человѣка, который бы не согрѣшилъ, еслибы и одинъ только день былъ

¹⁾ «Рус. Арх.» 1900 г., кн. I, стр. 148. То же стихотвореніе напечатано въ «Рус. Стар.» 1892 г., т. LXXVI, декабрь, стр. 678.

По словамъ барона А. Е. Врангеля, «прекрасный полъ у князя Горчакова игралъ вообще большую роль». Во времена Горчакова, говоритъ Врангель, «пропѣталъ у насъ, какъ никогда и нигдѣ, страшный непотизмъ. Безъ протекцій разныхъ бабушекъ и тетюшекъ...—рѣдко кому былъ ходъ по службѣ, а когда выступали протекторами члены царской семьи, то идиота зачисляли въ геніи, а мошеника въ честнѣйшіе люди.—Отрывки изъ моихъ воспоминаній. Баронъ А. Е. Врангель. Гл. 1.—«Новое Время». Суббота, 15 (28) января 1911 г., иллюстр. прибавл. № 12516.

²⁾ Протоіерей Базаровъ здѣсь, кажется, увлекается: мы уже выше видѣли, что, по словамъ англійскаго дипломата Румбольда, Горчаковъ былъ очень тщеславенъ и, вслѣдствіе этого, былъ доступенъ каждой лести.

житія его на землѣ, мы можемъ съ національною гордостью сказать, что свѣтлѣйшій князь Горчаковъ былъ знаменитый сынъ своего отечества» ¹⁾).

Вообще вопросы культа были не чужды Горчакову. По словамъ протоіерея Базарова, онъ въ 1865 году такъ увлекался цвѣтущею эпохою Франціи, что мечталъ создать и въ Россіи Мазарини и Ришелье, а въ шутку или полусерьезно называлъ Василія Борисовича «нашъ Кардиналъ Бажановъ» ²⁾).

При Горчаковѣ была учреждена духовная миссія въ Іерусалимѣ. Въ этомъ дѣлѣ Канцлеръ принималъ горячее участіе ³⁾).

Князю Горчакову принадлежитъ переустройство Государственнаго Архива: въ Москвѣ. Интересующіеся этимъ сооружеіемъ найдутъ интересныя подробности въ статьѣ А. Ѳ. Гамбургера: «О Московскомъ Главномъ Архивѣ» («Рус. Стар.» 1884 г., т. 42, апрѣль, стр. 119). Замѣтимъ здѣсь, что для переустройства этого архива пришлось продать за бездѣлицу въ частныя руки старинное зданіе Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Колпашномъ переулкѣ, у Троицы на Хохловкѣ. Оно представляло собою вѣковѣчное допетровское зданіе съ обширнымъ дворомъ ⁴⁾).

Какъ извѣстно, въ средѣ лицейской семьи еще въ 1860 году возникла мысль увѣковѣчить память Пушкина. Окончательно же мысль эта созрѣла въ день лицейской годовщины 19 октября 1870 года, когда и было рѣшено образовать, изъ среды лицействова, комитетъ для постановки памятника великому Пушкину. Въ этотъ комитетъ вошло много старыхъ лицействова. Въ числѣ членова комитета отъ перваго курса были графъ Корфъ и Матюшкинъ; также было предложено вступить въ Комитетъ и князю Горчакову. Съ этимъ поручеіемъ отправились къ Горчакову Константинъ Карловичъ Гротъ и Н. А. Шторхъ, «но князь Горчаковъ не нашелъ возможнымъ согласиться на ихъ просьбу, ссылаясь на свои занятія и, кажется, на свое здоровье» ⁵⁾).

Передъ отъѣздомъ своимъ въ Москву на открытіе памятника Пушкину академикъ Гротъ посѣтилъ, 8 мая 1880 года, князя Горчакова. «Онъ былъ,—говорить Гротъ,—не совѣмъ здоровъ; я засталъ его въ полудлежащемъ положеніи на кушеткѣ или длинномъ креслѣ; ноги его и нижняя часть туло-

¹⁾ Свѣтл. кн. Александръ Мих. Горчаковъ. (Изъ воспоминаній о немъ его духовника). Протоіерея І. І. Базарова.—«Рус. Арх.» 1896 г., кн. III, стр. 350.

²⁾ «Русская Старина» 1901 г., т. 108, октябрь, стр. 88.

³⁾ См. «Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова».—«Рус. Стар.» 1901 г., т. VI, май, стр. 286—288.

⁴⁾ «Рус. Арх.» 1898 г., кн. 4, стр. 535.

⁵⁾ Я. Гротъ. «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 170; см. *Ibid.*, статью его подъ заглавіемъ: «Историческій очеркъ сооружеія памятника Пушкину», стр. 163—172.

вища были окутаны одѣяломъ. Онъ принялъ меня очень любезно, выразилъ сожалѣніе, что не можетъ быть на торжествѣ въ честь своего товарища>... (дальше Гротъ описываетъ воспоминанія Горчакова о Пушкинѣ, что мы уже привели подъ 1825 годомъ). «Перейдя потомъ къ политикѣ, — говоритъ Гротъ дальше, — онъ (Горчаковъ) коснулся послѣдней турецкой войны и упомянулъ, что вовсе не хотѣлъ ея. Прощаясь со мной, онъ поручилъ мнѣ передать лицеистамъ, которые будутъ присутствовать при открытіи памятника его знаменитому товарищу, какъ сочувствуетъ онъ оконченному такъ благополучно дѣлу и какъ ему жаль, что онъ лишенъ возможности принять участіе въ торжествѣ» ¹⁾).

Если князь Горчаковъ не особенно дружелюбно относился къ памяти своего великаго однокурсника Пушкина, то зато онъ увѣковѣчилъ память директора Лицея Е. А. Энгельгардта. Въ 1877 году Горчаковъ пожертвовалъ 16 тысячъ рублей для учрежденія въ Лицеѣ стипендіи «въ благородномъ воспоминаніи о Е. А. Энгельгардтѣ». Энгельгардтъ, какъ извѣстно, былъ вторымъ директоромъ Лицея, при которомъ первокурсники окончили свое образованіе въ Лицеѣ. Послѣ же смерти Горчакова его два сына, Константинъ и Михайлъ, въ 1883 году учредили стипендію имени самого князя Горчакова, на проценты съ капитала въ 16 тысячъ рублей. Лицей увѣковѣчилъ память князя Горчакова помѣщеніемъ его портрета въ своемъ актовомъ залѣ, рядомъ съ портретомъ Пушкина. Хотя Горчаковъ окончилъ курсъ Лицея, однако своихъ сыновей онъ не опредѣлилъ въ это учебное заведеніе, онъ предпочелъ для нихъ университетъ. По этому поводу интересна переписка Горчакова съ своимъ духовникомъ, протоіереемъ Базаровымъ.

Протоіерей Базаровъ былъ не только духовникомъ всей семьи Горчакова, но и воспитателемъ его двухъ сыновей. Кромѣ преподаванія имъ Закона Божія, Горчаковъ послѣ смерти своей жены поручилъ ему общій надзоръ за воспитаніемъ своихъ двухъ сыновей, гдѣ онъ долженъ былъ слѣдить за гувернерами и другими преподавателями. Отлучаясь часто по дѣламъ службы, Горчаковъ ввѣрялъ своихъ дѣтей попеченіямъ протоіерея Базарова, который съ ними часто предпринималъ экскурсіи; такъ, напримѣръ, между прочимъ они ѣздили на Констанцское озеро. Когда же Горчаковъ былъ назначенъ въ Вѣну, и дѣти его должны были переселиться къ нему изъ Штутгардта и, слѣдовательно, выйти изъ-подъ надзора протоіерея Базарова, то Базаровъ подалъ Горчакову мысль: «не хорошо ли было бы теперь, когда дѣтямъ недостаетъ материнскаго попеченія и когда отецъ по новымъ своимъ обязанностямъ едва ли будетъ имѣть достаточно времени вести ихъ воспи-

¹⁾ Я. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Стр. 268—269.

таніе лично, помѣстить ихъ въ учебно-воспитательное заведеніе въ Россіи, особенно въ Лицей, изъ котораго вышелъ самъ знаменитый ихъ родитель».

Въ отвѣтъ на это предложеніе, Горчаковъ написалъ изъ Вѣны, отъ 9 августа 1854 года, слѣдующее интересное письмо, гдѣ выразился его взглядъ на Царскосельскій Лицей:

«Послѣднее письмо ваше—новое для меня доказательство пастырскаго и, осмѣлюсь прибавить, дружескаго расположенія вашего ко мнѣ и къ сиротамъ моимъ. Важный предметъ, къ которому онъ относится, причинилъ уже мнѣ немало тяжкихъ думъ и борьбы душевной. Все сообразивъ, я остановился на мысли, доколѣ есть возможность, оставить дѣтей у себя до университета. Въ бытность мою въ Петербургѣ я оглядѣлся, взвѣсилъ <pro и contra> и выбралъ, по моему убѣжденію, меньшее зло. Въ этихъ лѣтахъ поручить мнѣ ихъ некому, т. е. такимъ образомъ, чтобы долгъ былъ исполненъ, какъ сердце мое понимаетъ и какъ я обѣтовалъ умирающей матери. Замѣчаніе ваше совершенно справедливо: дѣтей, а именно Мишу, окунуть въ Русскую воду должно... Вы ихъ поняли, можетъ быть, лучше самого отца. Но въ этой водѣ безъ пристрастія много мутнаго, того, отъ чего послѣ души омыть нельзя. Это впрочемъ, не будь сказано въ укоръ Россіи: то же происходитъ вездѣ и во всѣхъ общественныхъ заведеніяхъ вдали отъ родительскаго глаза. Отъ односторонности же можно вылечить постепенно, гдѣ бы ни производилось воспитаніе. Занятія мои, правда, многочисленны; но при образѣ жизни моей, посвятивъ себя исключительно долгу, останется довольно времени для высшаго надзора за дѣтьми. Комнаты имъ будутъ отведены рядомъ со мною; одна дверь отдѣлять насъ будетъ днемъ и ночью. Конечно большую беру на себя отвѣтственность и не знаю, достаточно ли силъ моихъ; но и тутъ, какъ во всемъ, полагаюсь на милость и благодать Божію, столь чудно меня поддерживающія какъ въ опустѣломъ семейномъ быту, такъ и въ трудныхъ государственныхъ обязанностяхъ. Болѣе чѣмъ когда-либо приходятъ теперь минуты, гдѣ сердцу необходимо отдохнуть, гдѣ присутствіе дѣтей будетъ мнѣ великимъ облегченіемъ. Не этимъ эгоистическимъ началомъ я единственно руководствуюсь, но тѣмъ, что, мнѣ кажется, душа княгини будетъ отъ того покойнѣе. Сердце дѣтей легче предохранится отъ преждевременной порчи, а «Русскій духъ», сжали не весь, мыслію и обычаемъ они вдохнуть въ домъ моему, гдѣ бы онъ географически ни находился. Такъ какъ причины, побуждающія меня, чисты, сколько я могу разобрать ихъ источникъ, то надѣюсь, что и Всемогущій Богъ поддержитъ меня Своимъ благословеніемъ»¹⁾.

¹⁾ Свѣтлѣйшій князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ. (Изъ воспоминаній о немъ его духовника). Протоіерея І. І. Вазарова.—«Рус. Арх.» 1896 г., кн. III, стр. 340 и 341.

Къ одной изъ сестеръ князя Горчакова относятся стихи Пушкина подъ заглавіемъ: «Красавицѣ, которая нюхала табакъ», написанные имъ въ 1814 г. Вотъ это стихотвореніе:

«Возможно ль? Выѣсто розъ, Амуромъ насажденныхъ,
 Тюльпановъ гордо наклоненныхъ,
 Душистыхъ ландышей, ясиновъ и лилей,
 Которыхъ ты всегда любила
 И прежде всякій день носила
 На мраморной груди своей,—
 Возможно ль, милая Климена?
 Какая странная во вкусѣ перемѣна!
 Ты любишь обонять не утренній цвѣтокъ,
 А вредную траву зелену,
 Искусствомъ превращену
 Въ пушистый порошокъ!
 Пускай уже сѣдой профессоръ Геттингена,
 На старой кафедрѣ согнувшися дугой,
 Вперивъ въ латынщину глубокій разумъ свой,
 Раскашлявшись, табакъ толченый
 Пихаетъ въ длинный носъ изсохшею рукой,
 Пускай молодой драгунъ усатый,
 По утру сидя у окна,
 Съ остаткомъ утренняго сна,
 Изъ трубки пенковой дымъ гонить сѣроватый;
 Пускай красавица шестидесяти лѣтъ,
 У грацій въ отпуску и у любви въ отставкѣ,
 Которой держится вся прелесть на подставкѣ,
 Которой безъ морщинъ на тѣлѣ мѣста нѣтъ,
 Злословить, молится, зѣваетъ
 И съ вѣрнымъ табакомъ печали забываетъ.
 А ты, прелестная! Но если ужъ табакъ
 Такъ нравится тебѣ... О, пылъ воображенья!
 Ахъ, еслибъ, превращенный въ прахъ
 И въ табакеркѣ въ заточеньи,
 Я въ персты нѣжные твои попалъ бы могъ!...
 Тогда бъ, въ сердечномъ восхищеньи,
 Рассыпался на грудь, подъ шалевый платокъ...
 И даже, можетъ быть... Но, что! Мечта, пустая!
 Не будетъ этого никакъ!
 Судьба завистливая, злая!
 Ахъ, отчего я не... табакъ!»¹⁾

Возникаетъ очень интересный вопросъ, къ которой изъ четырехъ сестеръ Горчакова это стихотвореніе относится. По поводу его Иванъ Ивановичъ

¹⁾ Академич. изд. сочин. А. Пушкина, т. I, изд. 2. Спб., 1900 г., стр. 33—34.

Пушкинъ въ своихъ Запискахъ ¹⁾ о Пушкинѣ говоритъ, что стихотвореніе «Красавицѣ, которая нюхала табакъ» «писано къ Горчакова сестрѣ, княгинѣ Еленѣ Михайловнѣ Кантакузиной. Вѣроятно, она и не знала и не читала этихъ стиховъ, плодъ разгоряченнаго молодого воображенія».

В. П. Гаевскій въ своей статьѣ: «Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія» ²⁾ по поводу этого стихотворенія замѣчаетъ, что оно было написано «къ сестрѣ лицейскаго товарища поэта, князя А. М. Горчакова, А. М. Кантакузенѣ» (Александрѣ Михайловнѣ). Можно предположить, что это простая типографская ошибка, такъ какъ за княземъ Кантакузеномъ была замужемъ не княжна Александра Михайловна, но княжна Елена Михайловна.

Академикъ Майковъ въ своихъ комментаріяхъ къ стихотвореніямъ Пушкина ³⁾ говоритъ, что лицо, къ которому обращено было это стихотвореніе, не была вторая сестра князя Горчакова—Елена, но четвертая его сестра—княжна Софія, родившаяся въ 1802 году (скончалась въ 1836 г.); она была впоследствии замужемъ за Абрамомъ Петровичемъ [Хвоцинскимъ. Это та Хвоцинская, о которой писалъ А. Я. Булгаковъ къ брату изъ Москвы 2 сентября 1825 года, что она «мила, умна и прекрасна. Это одна изъ нашихъ Московскихъ красавицъ» ⁴⁾.

Мы не касаемся здѣсь комментаріевъ о самомъ стихотвореніи, о взглядѣ Вѣлинскаго, объ откинутыхъ стихахъ, потому что все это не входитъ въ нашу задачу, и отсылаемъ читателей къ книгѣ: «Пушкинъ», подъ редакціей С. А. Венгерова, т. I, Спб., 1907 г., стр. 124—126.

Другое стихотвореніе Пушкина, того же года, написанное по французски, подъ заглавіемъ «Stances», обращено къ той же княжнѣ Горчаковой, по увѣренію В. Гаевского. Но странно то, что въ самомъ стихотвореніи Пушкинъ обращается не къ Еленѣ, Александрѣ и Софіи, а къ Евдокіи (Eudoxie) ⁵⁾. Вотъ это стихотвореніе:

Stances.

1. Avez-vous vu la tendre rose,
L'aimable fille d'un beau jour,
Quand au printemps à peine éclore,
Elle est l'image de l'amour?

¹⁾ Записки И. И. Пущина о дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ. См. Л. Майковъ: Пушкинъ и т. д. Спб., 1889 г., стр. 61.

²⁾ «Современникъ» 1863 г., т. ХСVII, стр. 175.

³⁾ См. Сочин. Пушкина. Изд. Императорск. Академіи Наукъ, т. I, изд. 2, Спб., 1900 г., стр. 54.

⁴⁾ «Русск. Арх.» 1901 г., вн. VI, стр. 208.

⁵⁾ См. также «Стихотворенія А. С. Пушкина», подъ редакцію П. А. Ефремова. Спб., 1905 г., изд. А. С. Суворина, т. VIII, стр. 12.

2. Telle à nos yeux, plus belle encore,
Parut Eudoxie aujourd'hui;
Plus d'un printemps la vit éclore,
Charmante et jeune comme lui.

3. Mais, hélas! Les vents, les tempêtes,
Ces fougueux enfants de l'hiver,
Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchaîner l'eau, la terre et l'air.

4. Et plus de fleurs, et plus de rose,
L'aimable fille des amours
Tombe fanée, à peine éclore:
Il a fui, le temps des beaux jours!

5. Eudoxie, aimez! Le temps presse;
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse,
Que de l'amour on sent les feux? ¹⁾

У г. Венгерова приведенъ буквальный переводъ этого стихотворенія, который мы здѣсь и помѣщаемъ:

Видѣли-ли вы нѣжную розу,
Милую дочь прекраснаго дня,
Когда весною, едва распустившись,
Она являетъ собою олицетвореніе любви?
Такой нашимъ взорамъ, еще болѣе прекрасная,
Предстала сегодня Евдокія.
Не одна еще весна увидитъ какъ она расцвѣтетъ,
Она, столь-же очаровательная и юная какъ весна.
Но, увы! Вѣтры и бури,
Эти сердатые дѣти зимы,
Скоро разразятся надъ нашей головой,
Скуютъ воду, землю и воздухъ.
И нѣтъ (тогда) больше цвѣтговъ, нѣтъ больше розы;
Любезная дочь любви,
Едва распустившись, упадетъ на землю увядшая!
Оно скрылось время прекрасныхъ дней.
Евдокія, люби! Время торопить,
Пользуйся счастливыми днями.
Развѣ въ хладной старости
Чувствуешь пламень любви? ²⁾

Не задаваясь здѣсь библиографією литературы о Горчаковѣ, укажемъ только на нѣкоторые источники: 1) Сборникъ, изданный въ память двадцати-

¹⁾ Академич. изд. сочиненій Пушкина. Т. I, изд. 2. Спб., 1900 г., стр. 35.

²⁾ Пушкинъ, подъ редакцію С. А. Венгерова, т. I, стр. 126.

пятнадцатилетняго управления Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ Государственнаго Канцлера, Святѣйшаго Князя Александра Михайловича Горчакова, 1856—1881. СПб. 1881 г.; 2) «Къ исторіи Русско-Французской дружбы» (переводъ съ нѣмецкаго)—о князѣ Горчаковѣ. («Русск. Старина» 1891 г., т. LXXII, декабрь, стр. 687—712); 3) Дневникъ Никитенко. («Русск. Стар.» 1892 г., т. LXXIII, январь, стр. 173); 4) Императоръ Александръ II и Франція въ 1875 г. (переводъ съ франц.), ген. Ле-Фло. («Русск. Стар.» 1892 г., т. LXXIII, январь, стр. 198—216); 5) Памятная книжка Императорскаго Александровскаго Лицея на 1886 годъ. Стр. 109—115. Некрологъ Горчакова; 6) Русскіе Современные дѣятели. Сборникъ портретовъ замѣчательныхъ лицъ настоящаго времени съ біографическими очерками.—Д. И. Лобановъ, томъ I, изд. А. О. Баумана, СПб., 1876 г.; 7) Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ въ его разсказахъ изъ прошлаго. М.—скій. («Русск. Стар.» 1883 г., т. XL, октябрь, стр. 159—180); 8) О Московскомъ Главномъ Архивѣ. Изъ записокъ А. Θ. Гамбургера. («Русск. Стар.» 1884 г., т. XLII, апрѣль, стр. 197—217); 9) Газеты за 1867 г.: «Петербургскій Листокъ», № 90; «Русскій Инвалидъ», № 186; «С-Петербургскія Вѣдомости», № 164; «Сынъ Отечества», № 136; «Сѣверная почта», № 130; «Биржевыя Вѣдомости», №№ 158 и 159; «Виленскій Вѣстникъ», № 68; «Московскія Вѣдомости», №№ 132 и 133; «Голосъ», №№ 161 и 163. 10) Преждевременный Австрійскій некрологъ русскаго Канцлера. «Голосъ» 1869 г., № 348; 11) 1871 г.: «Воскресный Досугъ», № 13; «Нива», № 42; 12) «Иллюстрированная Недѣля» 1875 г., № 11; 13) 1876 г.: «Газета А. Гатцука», № 10; «Живописное Обзорѣніе», № 1; 14) «Journal de St. Pétersbourg», № 135, отъ 15 (27) іюня 1867 года (о 50-лѣтнемъ юбилеѣ); Ibid., о 25-лѣтнемъ юбилеѣ Министерства (№ 100, отъ 15 (27) апрѣля 1881 г.); Ibid., о смерти (№ 57, отъ 1 (13) марта 1883 г.; 15) «Наблюдатель» 1894 г., №№ 1 и 2, путь къ Берлинскому трактату. Б. К. П.; 16) «Русск. Арх.» 1893 г., кн. 5, стр. 24—28,—«Летучія воспоминанія Севастопольца», Д. В. Ильинскаго; 17) «Русск. Арх.» 1897 г., кн. 1,—изъ Дневниковъ В. А. Муханова.

3

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
МАСЛОВЪ.

Дмитрій Николаевичъ Масловъ.

(Род. 1799 г., † 13 февр. 1856 г.).

«...Въ Лицеѣ мы его называли по перу и по дару слова нашимъ «Карамзинимъ».

Графъ М. А. Корфъ.

Дмитрій Николаевичъ Масловъ, род. въ 1799 г., сынъ майора ¹⁾, первоначальное образованіе получилъ въ Московскомъ Университетскомъ пансіонѣ, откуда, вмѣстѣ съ Яковлевымъ, былъ доставленъ прямо въ Лицей, вслѣдствіе распоряженія Министра Графа Разумовскаго о комплектованіи Лицея нѣкоторыми казенными воспитанниками Московскаго Университетскаго пансіона. Другіе же его товарищи по пансіону, выбранные для поступленія въ Лицей, Вольховскій, Ломоносовъ, Матюшкинъ и Ржевскій ²⁾, почему-то не были официально командированы съ нимъ, а прибыли въ Лицей частнымъ образомъ изъ родительскихъ домовъ. Въ числѣ этихъ воспитанниковъ былъ еще Сафоновичъ, но начальство, отправляя другихъ, совершенно забыло о немъ. Вслѣдствіе этого, онъ не попалъ въ Лицей. Сафоновичъ оставилъ намъ нѣкоторые воспоминанія о пансіонѣ и его воспитанникахъ.

Масловъ прибылъ изъ Москвы съ слѣдующимъ аттестатомъ, отъ 4 сентября 1811 г., выданнымъ изъ Московскаго Университетскаго пансіона; въ немъ значилось, что онъ обучался: Закону Божію и Священной Исторіи, Ариметикѣ и началамъ Геометріи, начаткамъ Русскаго слога, Французскому и Нѣмецкому Синтаксису, Натур. Исторіи и Физикѣ, Географіи, Исторіи и Рисованію. При публичномъ экзаменѣ получилъ въ награду двѣ книги.

Масловъ выдержалъ 11 сентября 1811 г. экзаменъ въ Императорскій Царскосельскій Лицей. Его отмѣтки на экзаменѣ были слѣдующія: въ грамматическомъ познаніи языковъ: россійскаго, французскаго, нѣмецкаго и въ ариметикѣ онъ получилъ отмѣтку «хорошо»; въ познаніи общихъ свойствъ

¹⁾ Матеріалы для исторіи Лицея. И. Селезневъ. 1856 г., стр. 29. См. Памятную книжку Лицея на 1856—57 г.

²⁾ По словамъ Грота, въ числѣ этихъ воспитанниковъ былъ и Данзасъ (см. ст. Грота: «Царскосельскій Лицей», въ книгѣ его: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 31).

тѣль (т. е. физики) получилъ отмѣтку «имѣеть познанія»; въ начальныхъ основаніяхъ географіи и исторіи—«очень хорошо». Такимъ образомъ, онъ очень блистательно сдалъ вступительный экзамень.

Объ успѣхахъ его въ наукахъ и поведеніи въ продолженіе шестилѣтняго пребыванія въ Лицеѣ мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ Лицейскаго Архива. Такъ, наприм., за время съ 23 октября 1811 г. по 15 марта 1812 г. профессоръ Латинской и Россійской словесности Николай Кошанскій аттестуетъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Дмитрій Масловъ, одинъ изъ тѣхъ питомцевъ, который при рѣдкихъ способностяхъ, имѣеть даръ понятливости и здраваго размышленія столько, что можетъ чувствовать цѣну прилѣжанія и пользу познаній почему успѣхи его отлично хороши и надежны совершенно». Кошанскій въ спискѣ ставитъ Маслова двадцать восьмымъ воспитанникомъ.

Профессоръ французской словесности де-Будри въ своемъ отзывѣ отъ 18 ноября 1812 г., раздѣляя воспитанниковъ на четыре отдѣленія, ставитъ Маслова во второе и даетъ слѣдующую характеристику: «Maslof. Il a fait des progrès asses (?) sensibles et je ne puis que me louer de son application; mais sa prononciation ne se perfectionne point, faute de pratique. J'en prends occasion pour rappeler ici que, tant que les élèves ne s'entretiendront point comme au Gymnase avec des gouverneurs qui parlent purement les langues étrangères, ce défaut de prononciation de quelques-uns d'entre eux ne disparaîtra que difficilement».

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдтъ отъ 31 марта 1812 г. говоритъ слѣдующее: «Masloff. Il n'avoit pas beaucoup, cultivé l'allemand avant d'entrer au Lycée, et malgré cela il fait beaucoup de progrès, et l'on doit espérer qu'il sera bientôt des premiers de sa classe pour cette langue».

Въ своемъ второмъ рапортѣ, отъ 19 ноября 1812 г., Гауеншильдтъ распредѣляетъ воспитанниковъ на рубрики или классы: классъ, такъ сказать, самыхъ превосходныхъ (classe de ceux qui excellent), затѣмъ идутъ—первый, второй, третій и четвертый классы. Гауеншильдтъ помѣщаетъ Маслова въ первый классъ или рубрику вторымъ ученикомъ, хотя замѣчаетъ, что нѣтъ существенной разницы между этимъ классомъ и предыдущимъ, т. е. превосходныхъ. Наравнѣ съ Масловымъ (т. е. вторыми учениками) онъ помѣщаетъ Малиновскаго, Мартынова и Ломоносова, третьимъ ученикомъ—Матюшкина, а первыми учениками этого перваго класса онъ ставитъ Пушкина и Илличевского. Вотъ что говоритъ Гауеншильдтъ о Масловѣ: «Masloff, sa conduite et son zèle qui lui ont méritées mes louanges dans mon premier rapport sont restées les mêmes, cependant il a tout comme plusieurs autres bien besoin de s'exercer dans la prononciation de la langue allemande, ce qui pourra se faire dès que nous aurons un gouverneur de cette nation».

Мы имѣемъ еще отзывъ Николая Кошанскаго съ 15 марта по 15 октября 1812 г.—Масловъ поставленъ имъ первымъ во главѣ списка. При этомъ Кошанскій говоритъ: «Дмитрій Масловъ, одинъ изъ тѣхъ немногихъ питомцевъ, которые, съ рѣдкими способностями соединяютъ даръ понятливости и здраваго размышленія столько, что могутъ чувствовать цѣну прилѣжанія и пользу познаній. Въ немъ примѣтны нѣкоторые черты здраваго *вкуса, гения и дара смысла*. Успѣхи его, особенно въ словесности Россійской, чрезвычайны».

Мартынъ Пилецкій въ отчетѣ о поведеніи и свойствахъ гг. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, представленномъ 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Масловѣ: «Маславъ (Sic) (Дмитрій). 16-ти лѣтъ. Съ весьма хорошими дарованіями. Благонравіе и прилежаніе его таковы, что не требуютъ ни надзора ни пониманій. Благородство, искренность, скромность, особенно покорность, степенность, разсудительность и чувствительность съ отиѣннымъ добродушіемъ, суть отличныя его достоинства. Въ обращеніи обходителенъ, одолжителенъ, ко всѣмъ равно вѣжливъ; рѣчь его мужественна, занимательна и остроумна. Къ россійской словесности и математикѣ имѣетъ отличную склонность» ¹⁾.

Николай Кошанскій въ аттестаціи воспитанниковъ отъ 9 іюля 1813 г., раздѣливъ ихъ на четыре отдѣла: превосходныхъ, отличныхъ, хорошихъ и посредственныхъ, помѣщаетъ Дмитрія Маслова четвертымъ въ рубрикѣ превосходныхъ воспитанниковъ (первый Горчаковъ, второй Вольховскій, третій Есаковъ, а пятый Иличевскій).

Наконѣцъ, въ аттестаціи съ 1-го августа по 15 декабря 1813 г. Кошанскій помѣщаетъ Маслова четвертымъ въ своемъ списокѣ и повторяетъ почти дословно аттестацію, данную въ 1812 г.

Профессоръ историческихъ наукъ и географіи Иванъ Кайдановъ въ своемъ списокѣ о дарованіяхъ, прилежаніи и успѣхахъ воспитанниковъ съ 1 ноября 1812 г. по 1 Января 1814 г. помѣщаетъ Маслова вторымъ и пишетъ: «Дмитрій Масловъ. Дарованія имѣетъ прекрасныя, здравое сужденіе и счастливую память. Присоединяя къ сему примѣрное прилѣжаніе оказываетъ превосходные успѣхи, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ одинъ изъ числа самыхъ лучшихъ воспитанниковъ. Въ поведеніи кротокъ, степененъ и благороденъ».

Что касается до поведенія Маслова, то мы имѣемъ отзывъ гувернера Чирикова отъ 30 сентября 1813 г., гдѣ онъ ставитъ Маслова девятымъ и замѣчаетъ о немъ: «Благоразуменъ, вѣжливъ, усерденъ, опрятенъ, ревнителенъ къ пользѣ своей, любитъ весьма ученіе, но самолюбивъ».

¹⁾ Лицейскій Журналъ. Годъ восьмой, IV, 1910—1911, стр. 34—35.

Другой отзывъ о Масловѣ мы находимъ въ безграмотномъ рапортѣ гувернера Ильи Пилецкаго. Здѣсь описывается маленькій скандалчикъ, разыгравшійся по поводу столкновенія воспитанниковъ съ инспекторомъ. Пилецкій пишетъ: «Маславъ (Sic). Въ теченіи цѣлаго мѣсяца велъ себя весьма скромно и благопристойно, съ свойственною ему осторожностью; но 21-ое числа узналъ я отъ одного воспитанника, что онъ весьма дѣятельно участвовалъ въ здѣланномъ противу Г. Инспектора заговорѣ. Что тѣмъ болѣе подтверждается 23-мъ числомъ, когда выговаривали воспитанники Г. Инспектору свои обиды, то онъ не имѣвъ что сказать, ходилъ кругомъ ихъ и потихоньку говорилъ: ну тѣ ребята не рабѣйтѣ, дружнѣе. Сіе я самъ слышелъ. На запросъ же Г. Директора, что онъ о семъ делѣ думаетъ, паки принялъ свою скромность, утверждая вмѣстѣ съ нѣкоторыми, что видно Г. Инспекторъ виноватъ, когда другіе товарищи жаждутся» ¹⁾).

Всѣ эти отзывы какъ нельзя лучше оправдываютъ слова Я. К. Грота, который замѣтилъ, что «Масловъ принадлежалъ къ числу самыхъ способныхъ воспитанниковъ» ²⁾. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Масловъ примкнулъ къ партіи болѣе развитыхъ воспитанниковъ, которые образовали въ своей средѣ родъ литературнаго общества и занялись стихотворствомъ и изданіемъ литературныхъ сборниковъ; объ этомъ болѣе подробно у насъ сказано въ біографическихъ очеркахъ Кюхельбекера и Корсакова. Тамъ было уже указано, что толчокъ къ литературнымъ занятіямъ былъ данъ ихъ инспекторомъ Мартыномъ Степановичемъ Пилецкимъ-Урбановичемъ. Уже черезъ годъ по вступленіи въ Лицей, т. е. въ 1812 г., являются два лицейскихъ журнала, а именно: первый подъ заглавіемъ «*Для удовольствія и пользы*» и второй—«*Неопытное перо*». Въ числѣ издателей этого перваго лицейскаго журнала былъ Масловъ; другими-же издателями были Вольховскій, Есаковъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ и Яковлевъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, эти издатели были вмѣстѣ съ тѣмъ и авторами помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ статей. Изданіе этого журнала продолжалось и въ 1813 г.; всего вышло 12 номеровъ. Къ сожалѣвію, оба эти журнала не сохранились. Въ 1813 г. явился новый журналъ «*Юные пловцы*», издателями котораго были Пушкинъ, Дельвигъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ и Яковлевъ; вышло всего два номера.

Какъ видно изъ этого перечня, въ числѣ издателей послѣдняго журнала Масловъ не значится; но участіе въ этомъ журналѣ Масловъ все-таки принималъ, какъ это мы видимъ изъ слѣдующихъ данныхъ.

¹⁾ Брошюра И. А. Шляпкина: Къ біографіи А. С. Пушкина. 1799—1899. Спб., 1899 г., стр. 18.

²⁾ Я. Гротъ: «Старина Царскосельскаго Лицея» («Русск. Арх.» 1875 г., т. I, стр. 480)—и его же: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 71.

Алексѣй Николаевичъ Иконниковъ, одинъ изъ гувернеровъ Лицея, очень любимый воспитанниками, уже по оставленіи имъ Лицея получилъ отъ издателей журнала «Юные пловцы», въ подарокъ, экземпляръ этого литературнаго труда. Изъ отвѣтнаго благодарственнаго его письма, гдѣ перечисляются авторы и ихъ статьи, мы узнаемъ, что въ этомъ журналѣ статья подъ заглавіемъ «Гренобль» принадлежитъ Маслову ¹⁾).

Хотя въ 1813 г. послѣдовало запрещеніе воспитанникамъ издавать литературные труды, но запрещеніе это послужило только къ большому развитію литературной дѣятельности лицействова. Съ прекращеніемъ въ 1813 г. «Юныхъ пловцовъ» начали появляться отдѣльные сборники произведеній лицействова, что не помѣшало, однако, возникнуть новому журналу, подъ заглавіемъ «*Лицейскій мудрецъ*», въ которомъ приняли участіе Корсаковъ, Илличевскій, Пушкинъ, Мартыновъ и Ржевскій. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, какое участіе принималъ въ этихъ литературныхъ шалостяхъ Масловъ, такъ какъ лица, въ рукахъ которыхъ находятся обрывки лицейскихъ журналовъ, слишкомъ ревниво оберегаютъ ихъ отъ постороннихъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ, Масловъ очень много писалъ въ лицейскихъ журналахъ, такъ какъ, по словамъ Модеста Андреевича Корфа, «въ Лицеѣ мы его называли по перу и по дару слова нашимъ *Карамзиннымъ*» ²⁾).

Слова Корфа о томъ, что Маслова называли въ Лицеѣ Карамзиннымъ, подтверждаются однимъ куплетомъ «національныхъ лицейскихъ пѣсенъ», гдѣ мы находимъ слѣдующую строфу, относящуюся до Маслова:

«Нашъ Карамзинъ
Изъ ста корзинокъ
Помаду смазать хочетъ».

Въ другой, также «національной пѣснѣ», гдѣ каждые два стиха оканчиваются припѣвомъ:

«Мы-жь нули,
Мы нули,
Ай люли, люли, люли», —

мы находимъ слѣдующія вирши:

«Просвѣщенемъ Масловъ свѣтитъ
Въ титулярство Масловъ мѣтитъ».

¹⁾ См. В. Гаевскій: «Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія». («Современникъ», ХСУІІ, Спб., 1863 г., стр. 141—142).

²⁾ Изъ дневника барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа, 1839 г. (глава ІІ). — «Русск. Стар.» 1904 г., т. СХУІІІ, июнь, стр. 554.

И, дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, шалуны не ошиблись: Маслоу получилъ при выпускѣ изъ Лицея чинъ титулярнаго совѣтника.

Къ фактамъ лицейской жизни Маслоу можно отнести участіе его въ одномъ спектаклѣ, данномъ въ стѣнахъ Лицея,—по всѣмъ вѣроятіямъ въ 1812 г. (такъ какъ принимавшій участіе въ этомъ спектаклѣ Иконниковъ въ 1813 г. былъ уже уволенъ изъ Лицея). Вотъ что говорить объ этомъ эпизодѣ Модестъ Андреевичъ Корфъ:

«Литераторъ и писатель, Иконниковъ сочинялъ для насъ, въ началѣ нашего лицейскаго поприща, небольшія пьесы, которыя разыгрывались нами, съ ширмами вмѣсто кулисъ и въ форменныхъ нашихъ сюртукахъ и мундирахъ, передъ всею царскосельскою публикою. Помню, что въ одной такой пьесѣ, названной кажется «розою безъ шиповъ» и относившейся къ тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ, главную роль занималъ нашъ товарищъ Маслоу, но послѣ перваго дѣйствія ему сдѣлалось дурно, и тогда во второмъ продолжалъ за него, безъ всякаго предупрежденія зрителей, самъ сочинитель пьесы, не только съ другою совсѣмъ фигуурою и пр., но даже и въ другомъ, партикулярномъ своемъ костюмѣ, а къ тому-же и мертвецки пьяный. сбивая всѣхъ другихъ актеровъ, потому что зналъ только главные моменты и не помнилъ ни точныхъ словъ ни репликъ. Мистифицированной публикѣ должно было самой догадаться, что Маслоу и Иконниковъ, въ такихъ разныхъ видахъ,—одно и то же лицо» ¹⁾.

Для любопытныхъ отмѣтимъ здѣсь, что, по воспоминаніямъ первокурсника Малиновскаго, комната Маслоу значилась подъ № 18 и выходила ко дворцу; въ этомъ флигелѣ (обращенномъ ко дворцу) были комнаты, начиная съ № 6 по 20 ²⁾.

Маслоу кончилъ Лицей въ 1817 г., 9 іюня, съ чиномъ девятаго класса (титулярнаго совѣтника) и съ серебряною медалью (первою), и поступилъ въ Государственную Канцелярію ³⁾.

Покидая навсегда Лицей, Маслоу внесъ въ альбомъ Энгельгардта, на память о своемъ пребываніи въ Лицеѣ, нѣсколько прочувствованныхъ строкъ. Онѣ настолько интересны, что мы позволимъ себѣ ихъ привести. Вотъ что онъ писалъ: «Егоръ Антоновичъ! лучшую, можетъ статься—счастливейшую часть моей жизни провелъ я въ Лицеѣ, и находясь подъ Вашимъ начальствомъ увѣрился, что *повиновеніе* и *должность* могутъ быть несравненно

¹⁾ Записка графа М. А. Корфа. 1854 г. (См. Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 243).

²⁾ См. Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», стр. 286, примѣчанія и дополненія профессора К. Я. Грота.

³⁾ «Материалы для исторіи Лицея». И. Селезневъ, 1856 г., стр. 92. (См. Памятную книжку Лицея на 1856—1857 г.).

пріятнѣ самой *независимости*. Теперь оставляю мѣсто моего воспитанія осыпанный вашими благодѣяніями, и питаю сладкую для меня надежду, что Вы не усумнитесь въ вѣчной непритворной къ Вамъ благодарности Дмитрія Маслова» ¹⁾).

По окончаніи Лицея Масловъ отправился въ Москву и когда онъ въ скоромъ времени возвращался оттуда, то встрѣтился, недалеко отъ Москвы, съ своимъ товарищемъ Матюшкинымъ, ѣздившимъ въ Москву къ своей матери прощаться передъ отправленіемъ въ кругосвѣтное путешествіе. Вотъ какъ описываетъ Матюшкинъ эту встрѣчу: «На станціи *Ранно* я имѣлъ удовольствіе увидѣть одного изъ старыхъ моихъ товарищей, Маслова. Онъ выѣхалъ 24-мя часами прежде меня изъ Москвы. Мы ѣхали нѣсколько станцій вмѣстѣ; но въ Бронницахъ онъ получилъ прежде меня лошадей, и такимъ образомъ мы разстались. Мнѣ запрягли послѣ, и очень худыхъ. Я видѣлъ, что мнѣ не проѣхать на нихъ и половины дороги: нечего дѣлать, надобно отъ нихъ какъ-нибудь избавиться. Къ счастью, ночевали по близости цыгана; первому, мнѣ встрѣтившемуся, я сунулъ полтину въ руки, и онъ, подошедъ къ извозчику, пророческимъ голосомъ ему объявилъ, что если онъ сегодня побѣдетъ, то одна лошадь у него падетъ. Ямщикъ такъ испугался, что тотчасъ распрягъ телѣгу и нанялъ за себя тройку. Вскорѣ я догналъ Маслова, перегналъ его и двумя днями ранѣе его, 30-го, увидѣлъ Царское Село» ²⁾).

О разныхъ служебныхъ перемѣнахъ въ жизни Маслова мы находимъ кое-какія свѣдѣнія въ письмахъ директора Лицея Е. А. Энгельгардта къ его двумъ любимымъ ученикамъ-первокурсникамъ—В. Д. Вольховскому и Ѳ. Ѳ. Матюшкину. Дружеская переписка эта можетъ служить богатымъ матеріаломъ при обзорѣ служебной дѣятельности бывшихъ питомцевъ Энгельгардта на разныхъ поприщахъ, а также и въ частной ихъ жизни. И если-бы у насъ не было формулярныхъ или другихъ свѣдѣній о жизни первокурсниковъ Лицея, то мы могли-бы составить себѣ нѣкоторыя понятія о ихъ служебной и общественной дѣятельности по однимъ только письмамъ Энгельгардта къ Вольховскому, Матюшкину и другимъ. Поэтому мы здѣсь воспользуемся письмами Энгельгардта и прослѣдимъ по нимъ жизнь Маслова въ разные періоды его служебной, общественной и частной дѣятельности.

Въ письмѣ отъ 10 сентября 1820 г., къ Матюшкину, Энгельгардтъ пишетъ: «Масловъ все еще маслитъ волосы и получилъ Владимира».

¹⁾ Списано мною изъ альбома Е. А. Энгельгардта, находящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

²⁾ Я. К. Гротъ: Пушкинъ и пр., стр. 78.

Въ письмѣ Энгельгардта къ В. К. Кюхельбекеру отъ 14 сентября 1823 г. мы читаемъ: «Масловъ занимаетъ важное мѣсто въ государственномъ совѣтѣ»¹⁾).

Въ письмѣ отъ 28 февраля 1824 г. Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину: «Масловъ наконецъ получилъ Анну на шею».

Въ письмѣ отъ 25 февраля 1829 г. Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину: «Масловъ писалъ мнѣ изъ Москвы; ему было предлагали здѣсь мѣсто, но какія-то домашнія обстоятельства не позволяютъ ему сюда ѣхать. Говорятъ, будто-бы у него идетъ какое-то сватовство». Слухъ этотъ подтвердился, какъ это видно изъ письма Энгельгардта отъ 5 сентября 1829 г., къ В. Д. Вольховскому, гдѣ говорится: «Масловъ женился на дочери Мертваго и съ тѣхъ поръ говорятъ пересталъ сапожною ваксою чернить волосы». Товарищъ Маслова Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ въ своей дружеской перепискѣ съ В. Д. Вольховскимъ сообщалъ послѣдному довольно часто разныя свѣдѣнія о служебномъ и семейномъ положеніи его товарищей. Свѣдѣнія эти написаны въ шутливомъ тонѣ и вполне гармонируютъ съ лицейскою кличкою Яковлева—«Паясъ», т. е. паяцъ. Въ концѣ ноября 1829 г. онъ сообщаетъ о Масловѣ слѣдующее: «Масловъ, Коллежскій Совѣтникъ, ордена Анны 2 ст. и Владимира 4 ст. кавалеръ хотѣлъ прійхать (Sic) въ Петербургъ на службу и уже поручилъ мнѣ собрать остатки богатой его мебели; но раздумалъ и— женился на М-ше Мертваго, которая какъ говорятъ, весьма милая и любезная особа».

О женитбѣ Маслова упоминаетъ старый директоръ въ письмѣ отъ 7 апрѣля 1830 г., къ Матюшкину: «Масловъ наконецъ дѣйствительно женился на своей старой любви, дѣвицѣ Мертваго, которая долго ему отказывала, но наконецъ, видя, что никто не является, согласилась». Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 22 января 1831 г., Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину: «Масловъ женатъ, *père de famille*, сидитъ въ Грановитой палатѣ и обтираетъ пыль». А въ письмѣ отъ 4 декабря того же года онъ сообщаетъ: «Масловъ почтенный отецъ семейства (Sic); женатъ на Мертваго въ Москвѣ». Въ письмѣ же отъ 28 мая 1832 года сообщаетъ еще слѣдующее: «Масловъ въ Москвѣ,—женатъ на Мертвагѣ (Sic) и церемонится съ женою». Почти то же самое сообщаетъ онъ Вольховскому отъ 23 сентября того же года: «Масловъ церемонится въ Москвѣ съ своей женой». 30 іюля 1833 г. Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину, что «Масловъ и Бакунинъ съ кучей дѣтой, первой въ Москвѣ, а второй въ деревнѣ»;—и въ томъ же письмѣ онъ шлетъ «Маслову поклонъ». Изъ письма Яковлева къ В. Д. Вольховскому отъ 11 іюня 1835 г. мы узнаемъ кое-что о Масловѣ. Яковлевъ пишетъ: «Ма-

¹⁾ «Русск. Стар.» 1875 г., т. XIII, іюль, стр. 374.

словъ живетъ по прежнему. Было у него недавно горе—умерла дочь». А въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 24 ноября 1836 г.: «Масловъ поживаетъ въ Москвѣ хорошо. Но худо то, что честолюбіе начинаетъ его мучить. Видно эта болѣзнь перешла къ нему отъ Илличевскаго, который нынѣ поправляется, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ получилъ крестъ Владимира 4 степени». Въ письмѣ отъ 6 октября 1839 г., къ Вольховскому, Энгельгардтъ жалуется на то, что онъ осиротѣлъ съ отъѣздомъ его любимаго Стевена въ Выборгъ и что у него остался только одинъ Комовскій. «... Прочіе первокурсные—заняты, — пишетъ Энгельгардтъ,—нѣкогда (Sic) имъ думать объ отставномъ старомъ директорѣ. Масловъ и Бакунинъ уже нѣсколько времени какъ прибыли сюда на службу, но я ихъ еще не видалъ. Надѣюсь увидѣть хоть на сходкѣ лицейской, если рѣшится пріѣхать» (т. е. 19 октября).

Масловъ въ это время (2 августа 1839 г.) перешелъ въ Государственный Совѣтъ, къ своему товарищу Модесту Корфу. Вотъ что говоритъ о немъ Модестъ Андреевичъ Корфъ въ своемъ дневникѣ отъ 1839 г.: «Дмитрій Николаевичъ Масловъ. Статскій Совѣтникъ, съ 2 нынѣшняго августа исправляющій должность статсъ-секретаря въ департаментѣ законовъ. Одинъ мой выборъ его въ эту должность доказываетъ уже высокое мое о немъ мнѣніе. Въ Лицеѣ мы его называли по перу и по дару слова нашимъ «Карамзиннымъ». Потомъ, служа долго въ Москвѣ товарищемъ предсѣдателя Коммерческаго суда, онъ умѣлъ приобрести общую любовь и уваженіе купечества. При всемъ томъ онъ имѣетъ разныя странности, дѣлающія изъ него порядочнаго оригинала. Онъ женатъ на дочери сенатора Мертваго и имѣетъ двухъ дѣтей»¹⁾.

Въ письмѣ къ Вольховскому отъ 15 мая 1840 г. Энгельгардтъ сообщаетъ, что Масловъ былъ у него (Энгельгардта) одинъ разъ утромъ, а въ письмѣ отъ 2 сентября того же года пишетъ, что «Масловъ возвратился изъ отпуска и статсъ-секретарствуетъ». О производствѣ же Маслова въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Энгельгардтъ сообщилъ Вольховскому еще 22 января 1840 г., въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Статсъ-секретарь Масловъ произведенъ въ превосходительство». Между тѣмъ, въ письмѣ къ Матюшкину отъ 14 апрѣля 1841 г. Энгельгардтъ, перечисляя служебное положеніе первокурсниковъ, съ гордостью пишетъ: «Нашъ народъ лицейской идетъ славно»—и указываетъ на Маслова, что онъ—статсъ-секретарь, т. е. государственнаго совѣта. Нѣкоторый свѣтъ на отношенія Маслова по службѣ къ своему товарищу-начальнику Корфу проливаетъ Яковлевъ въ письмѣ къ Вольховскому отъ 25 января 1841 г. Яковлевъ пишетъ: «Мусье Масловъ Маславиости здоровъ, выдерживаетъ свой

¹⁾ Изъ дневника барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. 1839 г. (гл. 2).—«Рус. Стар.» 1904 г., т. 118, июнь, стр. 554—555.

прежній характеръ, т. е. политичное (написано: политишное) обращеніе все то же, особенно въ отношеніи къ его начальнику-товарищу». Наконецъ, въ письмѣ отъ 12 сентября 1841 г., къ Матюшкину, Энгельгардтъ опять сѣтуетъ на то, что старые лицеисты забыли его, что «Корфъ, Масловъ, Бакунинъ, Яковлевъ слишкомъ заняты, нѣкогда (Sic) о старомъ директорѣ помянуть».

Нѣкоторыя свѣдѣнія о Масловѣ мы находимъ въ замѣчательнѣйшихъ Запискахъ И. И. Пущина о Пушкинѣ. Изъ этихъ Записокъ мы узнаемъ, во первыхъ, что Масловъ занимался статистикою; слѣдовательно, мы можемъ предположить, что Масловъ занимался Политико-Экономическими изслѣдованіями вообще и статистикою въ частности. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ словъ Пущина видно, что Масловъ былъ не чуждъ либеральнаго и освободительнаго движенія начала XIX вѣка и былъ своимъ человѣкомъ въ средѣ декабристовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эпизодъ, рассказанный Пущинимъ, въ которомъ участвовалъ Масловъ, затрагиваетъ Пушкина и показываетъ стремленіе Пушкина принять участіе въ совѣщаніи декабристовъ. Вотъ что говоритъ Пущинъ: «Самое сильное нападеніе Пушкина на меня по поводу общества было, когда онъ встрѣтился со мною у Н. И. Тургенева, гдѣ тогда собрались всѣ желавшіе участвовать въ предполагаемомъ изданіи политическаго журнала. Тутъ, между прочими, были Куницынъ и нашъ лицейскій товарищъ Масловъ. Мы сидѣли кругомъ большого стола. Масловъ читалъ статью свою о статистикѣ. Въ это время я слышу, что кто-то сзади беретъ меня за плечо. Оглядываюсь—Пушкинъ! «Ты что здѣсь дѣлаешь? Наконецъ поймалъ тебя на самомъ дѣлѣ», шепнулъ онъ мнѣ на ухо и прошелъ дальше. Кончилось чтеніе. Мы встали. Подхожу къ Пушкину, здороваюсь съ нимъ; подали чай, мы закурили сигарки и сѣли въ уголокъ. «Какъ же ты мнѣ никогда не говорилъ, что знакомъ съ Николаемъ Ивановичемъ? Вѣрно, это ваше общество въ сборѣ? Я совершенно нечаянно зашелъ сюда, гуляя въ Лѣтнемъ саду. Пожалуйста, не секретничай; право, любезный другъ, это ни на что не похоже! «Мнѣ и на этотъ разъ легко было безъ большого обмана доказать ему, что это совѣсъ не собраніе общества, имъ отыскиваемаго, что онъ можетъ спросить Маслова, и что я самъ тутъ совершенно неожиданно». «Ты знаешь, Пушкинъ, что я отнюдь не литераторъ. и вѣроятно удивляешься, что я попалъ нѣкоторымъ образомъ въ сотрудники журнала. Между тѣмъ это очень просто, какъ сейчасъ самъ увидишь. На дняхъ былъ у меня Николай Тургеневъ; разговорились мы съ нимъ о необходимости и пользѣ изданія въ возможно свободномъ направленіи; тогда это была преобладающая его мысль. Увидѣлъ онъ у меня на столѣ недавно появившуюся книгу m-me Stael: «*Considérations sur la révolution française*» и совѣтовалъ мнѣ попро-

бовать написать что-нибудь о ней и изъ нея. Тутъ же пригласилъ меня въ этотъ день вечеромъ быть у него,—вотъ и я здѣсь»¹⁾.

Разъ мы уже упомянули здѣсь о Пушкинѣ, то добавимъ, что въ полномъ собраніи сочиненій Пушкина не находится ни стиховъ, ни писемъ его къ Маслову.

Что касается свѣдѣній о служебномъ положеніи Маслова, движенія его по службѣ, то мы можемъ дать объ этомъ достовѣрныя данныя, извлеченныя нами изъ его формулярнаго списка. По поступленіи, 9 іюня 1817 г., въ Канцелярію Государственнаго Совѣта, Масловъ, по Высочайше подтвержденному, въ 31 день декабря 1817 г., дополнительному штату Государственной Канцеляріи, опредѣленъ, 18 февраля 1818 г., на вакансію протоколиста; награжденъ единовременною выдачею 600 рублей—4 апрѣля 1819 г.; перемѣщенъ на вакансію младшаго письмоводителя—29 августа 1819 года; опредѣленъ письмоводителемъ въ домъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества воспитанія бѣдныхъ дѣтей, съ оставленіемъ при прежней должности—6 января 1820 г.; пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4 ст.—27 мая 1820 г.; уволенъ отъ должности письмоводителя по дому Императорскаго Человѣколюбиваго Общества воспитанія бѣдныхъ дѣтей—3 февраля 1821 г.; произведенъ въ коллежскіе ассесоры—9 іюня 1821 года; съ Высочайшаго соизволенія поступилъ на вакансію экспедитора—22 марта 1822 г.; получилъ въ награду единовременно 900 рублей—23 марта 1822 г. и 900 рублей—въ ноябрѣ 1823 г.; пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2 ст.—20 февраля 1824 г.; получилъ въ награду единовременно 800 рублей—17 апрѣля 1824 г.; Высочайшимъ указомъ, на имя Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія послѣдовавшимъ, назначенъ Совѣтникомъ въ Коммисію сооруженія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя—7 мая 1824 г.; по закрытіи Коммисіи сооруженія храма, поступилъ въ число членовъ Комитета, по дѣламъ оной Высочайше учрежденнаго—29 апрѣля 1827 г.; объ отличной службѣ въ Коммисіи сооруженія въ Москвѣ храма имѣется особое свидѣтельство; произведенъ въ надворные совѣтники—9 іюня 1826 г.; произведенъ въ коллежскіе совѣтники—16 ноября 1828 г.; Высочайшимъ рескриптомъ, на имя предсѣдателя Комитета по дѣламъ о сооруженіи въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя 11 ноября 1828 г. послѣдовавшимъ, повелѣно оный Комитетъ закрыть; чиновниковъ же бывшей коммисіи причислить къ Герольдіи, съ выдачей имъ единовременно годовыхъ окладовъ,—каковая Высочайшая воля исполнена 29 апрѣля 1829 года. Но оны, Масловъ, къ Герольдіи не причисленъ, а оставленъ, съ Высочайшаго соизволенія, при предсѣдателѣ по особымъ порученіямъ, до того времени, пока кончатся всѣ дѣла по бывшей коммисіи храма. По предложеніямъ главноначальствовавшаго экспедиціе Кремлевскаго строенія, было ему поручено:

¹⁾ См. Л. Майковъ: Пушкинъ. Спб., 1899, стр. 72 и 73.—«Записки И. И. Пущина о дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ».

1) приѣмъ коннозаводскихъ дворцовыхъ имѣній: Хорошевскаго, Гавриловскаго и Александровскаго—2 января 1830 года; 2) за болѣзнію секретаря экспедиціи, исправленіе его должности—6 іюня 1830 года; 3) имѣть съ 1-го сентября 1830 года главный надзоръ за производствомъ дѣлъ по канцеляріи бывшей экспедиціи—25 августа 1830 года; 4) находится при тайномъ совѣтникѣ, сенаторѣ кн. Урусовѣ, по завѣдыванію дѣлами бывшихъ коннозаводскихъ имѣній Хорошевскаго, Гавриловскаго и Александровскаго. Изъ вѣдомства конторы уволенъ 1 ноября 1831 года; опредѣленъ въ число чиновниковъ, при Московскомъ военномъ генераль-губернаторѣ состоящихъ—7 ноября 1831 года; уволенъ для поступленія въ должность по выбору дворянства—21 мая 1832 года; въ общемъ дворянскомъ собраніи Московской губерніи избранъ кандидатомъ въ предсѣдательское званіе Московской палаты гражданскаго суда въ оба департамента—13 мая 1832 года; по Высочайшему указу утверждень товарищемъ предсѣдателя Московскаго Коммерческаго суда—20 мая 1833 года; пожалованъ въ статскіе совѣтники—31 декабря 1833 г.; получилъ знакъ отличія безпорочной службы за 15 лѣтъ—22 августа 1835 года; пожалованы знаки ордена Св. Анны 2 ст., Императорскою короною украшенные—29 августа 1836 года; пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3 ст.—25 августа 1838 года. Именнымъ Высочайшимъ указомъ, Государственному Совѣту даннымъ, повелѣно быть исправляющимъ должность Статсъ-Секретаря въ Департаментѣ Законовъ Государственнаго Совѣта—2 августа 1839 г.; Всемилостивѣйше пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники—27 декабря 1839 года; въ награду отлично-усердной и ревностной службы Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Станислава 1 ст.—16 апрѣля 1841 года; получилъ знакъ отличія безпорочной службы за 20 лѣтъ—22 августа 1841 года; Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 1 ст.—1 января 1844 года; получилъ знакъ отличія безпорочной службы за 25 лѣтъ—22 августа 1844 года; во вниманіе къ дѣятельной и усердной службѣ, Всемилостивѣйше пожалована аренда 1500 рублей сер. въ годъ, на 12 лѣтъ—16 августа 1845 года; во вниманіе къ отлично-усердной службѣ, Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 2 ст. большого креста — 28 декабря 1846 года; Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 1 ст., Императорскою короною украшеннаго—30 декабря 1848 года; Высочайшимъ указомъ, Правительствующему Сенату даннымъ, Всемилостивѣйше повелѣно быть директоромъ департамента разныхъ податей и сборовъ—11 іюня 1849 года; по засвидѣтельствованію Министра Финансовъ объ отлично-ревностной и полезной службѣ, Всемилостивѣйше пожалованъ въ тайные совѣтники—8 апрѣля 1851 года.

Въ формулярѣ не указано, на комъ онъ былъ женатъ, но зато перечисляются его дѣти, находившіяся при немъ при составленіи формуляра, въ 1849 г.:

сынъ Николай, 17 лѣтъ, и дочери: Елизавета, 14 лѣтъ, Ольга, 11 лѣтъ, и Софія, 9 лѣтъ; всѣ православнаго вѣроисповѣданія. У Маслова было родовое имѣніе въ Московской губерніи, Клинскаго уѣзда—169 душъ, а за женою своею, рожденною Мертваго, онъ получилъ въ приданое 400 десятинъ. Что касается до его содержанія, то онъ получалъ: жалованья—1715 руб. 52 коп., столовыхъ 1715 руб. 52 к., прибавочнаго содержанія—2568 руб. 96 коп., наконецъ, аренды 1500 руб., итого 7500 рублей.

Въ заключеніе приведемъ воспоминанія Валеріана Ивановича Сафоновича о Масловѣ, которому, какъ мы знаемъ, онъ приходился товарищемъ по Московскому университетскому пансіону. Вотъ что онъ пишетъ: «Жизнь моя сдѣлалась самою безцвѣтною. По службѣ не было никакого движенія; общество не составляло для меня особыхъ приманокъ: я посѣщалъ нѣкоторыхъ знакомыхъ моихъ, но безъ душевнаго къ нимъ влеченія. Чаще другихъ я видѣлся съ лицеистами перваго выпуска, Масловымъ, Корниловымъ, Яковлевымъ, Матюшкинымъ. Мы собирались виѣстѣ раза три въ недѣлю то у одного, то у другого и проводили вечера за картами. Въ особенности страстнымъ игрокомъ былъ Масловъ (директоръ департамента податей и сборовъ): онъ могъ играть всю ночь на пролетъ по самой маленькой игрѣ. Мы всѣ удивлялись, какъ онъ могъ выносить, при своихъ служебныхъ занятіяхъ, такой странный родъ жизни; притомъ онъ любилъ хорошо поѣсть. Это и отозвалось ему: онъ вдругъ захворалъ и умеръ. Со смертію его собранія наши прекратились: онъ былъ душою ихъ»¹⁾.

Дмитрій Николаевичъ Масловъ умеръ 13-го февраля 1856 г., въ чинѣ дѣйствительнаго²⁾ тайнаго совѣтника³⁾.

¹⁾ Воспоминанія Валеріана Ивановича Сафоновича. — «Рус. Арх.» 1903 г., т. 5, стр. 96.

²⁾ См. Памятную книжку Лицействъ. Изданіе собранія курсовъ и преподавателей Императорскаго Александровскаго Лицея. 19 октября 1907. Стр. 5.—Хотя ни откуда не видно, что онъ былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

³⁾ По формулярному списку, Маслова, составленному въ 1849 г., значится ему 50 лѣтъ отъ роду; слѣдовательно, онъ родился въ 1799 г. Эту дату мы и приняли въ нашемъ біографическомъ очеркѣ. Но если обратиться къ «Отчету о поведеніи и свойствахъ Г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея», составленному надзирателемъ по учебной и нравственной части Мартыномъ Степановичемъ Пилецкимъ-Урбановичемъ въ ноябрѣ 1812 г., гдѣ возрастъ Маслова опредѣляется въ 16 лѣтъ, то выходитъ, что Масловъ родился не въ 1799 г., а въ 1796 г. Будучи, такимъ образомъ, старше годами всѣхъ своихъ товарищей, Масловъ выдѣлялся еще и своимъ высокимъ ростомъ. Этотъ высокій ростъ былъ отмѣченъ въ шутовскихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ. Такъ, напр., въ «Описаніи паясовъ» и въ стихотвореніи «Паясы» (1813 г.) мы встрѣчаемъ два одинаковые стиха о немъ:

«А тамъ высокій и рогатый,
Какъ башня, Масловъ возстаетъ».

(См. К. Я. Гротъ: Пушкинскій Лицей. Стр. 213 и 314).

4.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ КАРЛОВИЧЪ
КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ.

ОТДѢЛЬНЫЙ ТОМЪ.

5.

СЕРГѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ
ЛОМОНОСОВЪ.

Сергѣй Григорьевичъ Ломоносовъ.

(Род. 1799 года, † 13 октября 1857 г.).

«Человѣкъ способный и умный, но еще болѣе хитрый и пронырливый»...

Гр. М. Корфъ.

Сергѣй Григорьевичъ Ломоносовъ, сынъ Генераль-Майора ¹⁾, получилъ первоначальное свое образованіе въ Петербургскомъ частномъ пансіонѣ вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ ²⁾.

Потомъ Ломоносовъ помѣщенъ былъ въ Московскій университетскій пансіонъ.

Какъ извѣстно, въ 1811 году во вновь открытый Царскосельскій Лицей было прислано семь воспитанниковъ Московскаго университетскаго пансіона. Собственно говоря, только два воспитанника были присланы оффиціально отъ этого пансіона, остальные пятеро воспитанниковъ прибыли въ Лицей какъ бы частнымъ образомъ изъ родительскихъ домовъ. Это были: Вольховскій, Данзасъ, Матюшкинъ, Ржевскій и Ломоносовъ ³⁾.

Въ 1811 году, 12 августа, Ломоносовъ держалъ вступительный экзаменъ въ Лицей. На этомъ экзаменѣ онъ получилъ слѣдующія отмѣтки: въ грамматическомъ познаніи языковъ: русскаго и французскаго — «хорошо», нѣмецкаго — «не знаетъ»; въ ариметикѣ — «хорошо», въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. физикѣ — «не очень»; зато изъ начальныхъ основаній географіи и исторіи — «очень хорошо» ⁴⁾.

За время пребыванія Ломоносова въ Лицеѣ сохранились отмѣтки профессоровъ и гувернеровъ, какъ о его поведеніи, такъ и о его занятіяхъ науками и языками.

Профессоръ Россійскаго и Латинскаго классовъ Николай Кошанскій за время съ 23 октября 1811 года по 15 марта 1812 года даетъ слѣдующій отзывъ о Ломоносовѣ въ своемъ «Спискѣ воспитанниковъ Императорскаго

¹⁾ Матеріалы для исторіи Лицея. И. Селезневъ, 1856 г., стр. 29. См. Памятную книжку Императорскаго Александр. Лицея на 1856—57 годъ.

²⁾ См. Сборникъ «Складчина» 1874 г., статью академика Я. Грота: «Первенцы Лицея и его преданія», стр. 367,—а также: Я Гротъ. «Пушкинъ, его лицейск. товарищи и наставники». Спб., 1899 г., стр. 47, статья: «Царскосельскій Лицей».

³⁾ См. Я. Гротъ. «Пушкинъ, его лицейск. товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 31.

⁴⁾ Матеріалы для исторіи Лицея. И. Селезневъ, 1856 г., отдѣльный листъ къ стр. XI примѣчаній.

Лицея изъ Россійскаго и Латинскаго классовъ, съ показаніемъ ихъ способностей, успѣховъ и прилѣжаній». Въ этомъ спискѣ изъ тридцати воспитанниковъ Кошанскій ставитъ Ломоносова двадцать третьимъ и говоритъ о немъ слѣдующее: «Сергѣй Ломоносовъ, одинъ изъ числа тѣхъ питомцевъ, кои обращаютъ на себя вниманіе и способностями и прилѣжаніемъ. Его успѣхи въ обоихъ частяхъ и тверды и очень хорошо значущи».

Въ другомъ спискѣ Кошанскаго, за время съ 15 марта по 15 октября 1812 года, изъ числа тридцати воспитанниковъ онъ его ставитъ двадцатымъ и говоритъ слѣдующее: «Сергѣй Ломоносовъ, имѣетъ очень счастливыя способности, и довольно размышленія, но мечтая слишкомъ много о своихъ, немногихъ прежде имъ прибрѣтенныхъ знаніяхъ, увольняетъ себя совершенно отъ прилѣжанія, и даже вниманія: почему и успѣхи его въ обоихъ языкахъ, которые могли бы быть превосходны и можетъ быть поставили бы его въ числѣ первыхъ, едва только превышаютъ посредственные».

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдтъ, отъ 31 марта 1812 года помѣщаетъ всѣхъ воспитанниковъ въ алфавитномъ порядкѣ и говоритъ о Ломоносовѣ слѣдующее: «Lomonosoff. Marque beaucoup de disposition et de bonne volonté. Il donne un bon exemple par sa conduite, et s'il est encore un peu arriéré dans l'Allemand, c'est qu'il n'a donné jusqu'ici que peu de temps à cette étude».

Профессоръ французской литературы де-Будри отъ 18 ноября 1812 года дѣлитъ всѣхъ воспитанниковъ на четыре отдѣла. Онъ помѣщаетъ Ломоносова въ первомъ отдѣлѣ и говоритъ о немъ слѣдующее: «Lomonossoff, toujours le même et toujours très appliqué».

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдтъ въ своемъ второмъ рапортѣ отъ 19 ноября 1812 года подраздѣляетъ воспитанниковъ на три отдѣла; выше перваго отдѣла онъ ставитъ еще особую группу—наилучшихъ воспитанниковъ: «Classe de ceux qui excellent». О Ломоносовѣ онъ говоритъ слѣдующее: «Lomonossoff, qui étoit encore un peu arriéré dans l'Allemand, a montré tout (? tant) de bonne volonté et d'application, qu'il a fait bien plus de progrès dans ce semestre, que je n'avois droit d'espérer».

Мартынь Пилецкій въ «Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ Г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея», представленномъ директору Лицея 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Ломоносовѣ: «Ломоносовъ (Сергѣй), 14-ти лѣтъ ¹⁾). Весьма хорошихъ дарованій, весьма благонравенъ и крайнѣ трудолюбивъ. Благородство, обходительность, степенность, осторожность,

¹⁾ Если принять это указаніе Пилецкаго, то выходитъ, что Ломоносовъ родился въ 1798 г. Между тѣмъ К. Я. Гротъ въ своей книгѣ «Пушкинскій Лицей» (стр. 83) указываетъ на тотъ же годъ, что и мы—1799.

искренность, услужливость, усердіе въ исполненіи своихъ обязанностей, порядкъ, опрятность и вообще благоправіе не требующее надзора, сдѣлались свойственными ему качествами. Онъ столь благоразумень, что вспыльчивость его совершенно въ его власти, но говоря съ ревностію занимается. Любитъ чтеніе, но не иное, какъ о важныхъ и полезныхъ предметахъ и особенно историческое; знакомится и съ любопытствомъ прилбпляется къ тѣмъ, которые также разсуждаютъ о чемъ-нибудь полезномъ и важномъ, иначе онъ склоненъ къ уединенію, однако же, безъ задумчивости и угрюмости. Невинное разсѣяніе, пріятныя прогулки и благоразумныя бесѣды необходимо должны поддерживать духъ его и силы. Примѣтно въ немъ пристрастіе къ собственному мнѣнію, но вообще видно въ немъ рѣшительное желаніе усовершенствовать нравственныя и умственныя свои силы съ благимъ намѣреніемъ быть полезнымъ человѣкомъ» ¹⁾.

Въ списокѣ воспитанниковъ изъ класса Россійской и Латинской словесности профессора Николая Кошанскаго, отъ 9 іюля 1813 года, воспитанники также раздѣлены на нѣсколько группъ: первая—«превосходные», вторая—«отличные», третья—«хорошіе» и четвертая—«посредственные». Кошанскій помѣщаетъ Ломоносова въ группу «отличныхъ» воспитанниковъ пятымъ изъ числа девяти воспитанниковъ этой группы.

Наконецъ, Кошанскій въ своемъ «спискѣ» за время съ 1 августа по 15 декабря 1813 года изъ числа 29 воспитанниковъ ставитъ Ломоносова тринадцатымъ и говоритъ о немъ слѣдующее: «Сергѣй Ломоносовъ, имѣетъ очень счастливыя способности, и довольно размышленія, но мечтая слишкомъ много о своихъ немногихъ прежде имъ приобретенныхъ знаніяхъ, удовольняетъ себя совершенно отъ прилбжанія и даже вниманія: почему и успѣхи его въ обоихъ языкахъ, которые могли бы быть превосходны и можетъ быть поставили бы его въ числѣ первыхъ, едва только превышаютъ посредственные».

За тотъ же годъ мы имѣемъ отзывъ гувернера Чирикова, который въ своемъ списокѣ подъ заглавіемъ: «Свойства и поведеніе воспитанниковъ Императорскаго Лицея», отъ 30 сентября 1813 года, говоритъ о Ломоносовѣ слѣдующее: «Сергѣй Ломоносовъ. Благоразумень, кротокъ, вѣжливъ, опрятенъ, весьма терпѣливъ, выполняетъ рачительно свои обязанности во всѣхъ отношеніяхъ и весьма любитъ ученіе».

Въ заключеніе приведемъ отзывъ профессора Ивана Кайданова изъ его «Вѣдомости о дарованіяхъ, прилбжаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея по части Географіи, всеобщей и россійской Исторіи отъ 1 Ноября 1812 года по 1 Января 1814 г.». Въ этой вѣдо-

¹⁾ Лицейскій Журналъ. Годъ восьмой, IV, 1910—1911, стр. 33.

мости изъ двадцати девяти воспитанниковъ Кайдановъ ставитъ Ломоносова третьимъ воспитанникомъ и говоритъ о немъ слѣдующее: «Сергѣй Ломоносовъ. Имѣеть особенныя дарованія и охоту къ историческимъ наукамъ. Слушая уроки съ великимъ вниманіемъ, и читая лучшія историческія сочиненія оказывается примѣтнымъ образомъ прекрасные успѣхи. Въ краткихъ историческихъ его сочиненіяхъ задаваемыхъ мною нѣкоторымъ воспитанникамъ, видны хорошія историческія свѣдѣнія и здравое сужденіе. Поведенія кроткаго и благороднаго».

Кромѣ этихъ отзывовъ профессоровъ, слѣдуетъ включить сюда также и отзывъ гувернера Ильи Пилецкаго, подписанный 5 декабря 1812 года. Это выписка изъ довольно безграмотнаго «Журнала о поведеніи воспитанниковъ Императорскаго Лицея за Ноябрь мѣсяць 1812 года». Въ отзывѣ разсказывается про столкновеніе воспитанниковъ съ инспекторомъ. Вотъ что повѣствуетъ Пилецкій объ участіи въ этомъ эпизодѣ Ломоносова: «Ломоносовъ. Въ теченіи цѣлаго мѣсяца, велъ себя очень хорошо, старался многократно оказывать помощь слабымъ своимъ товарищамъ въ повтореніи геометріи, сносилъ всѣ укорызы отъ товарищей за то, что неучаствовалъ въ обвиненіи Г. Инспектора, какъ-то Мясоѣдовымъ, Гурьевымъ, Кихельбекеромъ и другими; кои всевозможное прилагали стараніе и его вовлечь, въ сію исторію»¹⁾.

Какъ мы уже сказали выше, Ломоносовъ получилъ свое первоначальное воспитаніе въ Московскомъ Университетскомъ пансіонѣ, который славился развитымъ литературнымъ вкусомъ и трудами своихъ воспитанниковъ на литературномъ поприщѣ. Въ этомъ пансіонѣ были развиты между воспитанниками литературные труды. Инициаторомъ этихъ литературныхъ трудовъ былъ въ свое время Жуковский.

Перейдя въ Лицей, Ломоносовъ очутился среди лицъ, которымъ не чуждо было литературное направленіе Московскаго университетскаго пансіона. Директоръ Лицея Малиновскій и профессоръ русской словесности Кошанскій были питомцами Московскаго Университета. Все это располагало Ломоносова примкнуть къ тому интеллигентному кружку лицейской молодежи, которая прославилась своей любовью къ литературѣ и которая въ стѣнахъ Лицея упражнялась въ стихосложеніи. Страсть къ стихотвореніямъ, сочинительству— была, конечно, дѣтской забавой, но въ то же время ей нельзя отказать въ своемъ родѣ важномъ значеніи на развитіе умственныхъ дарованій. Изъ этихъ юношескихъ упражненій выработались такіе поэты, какъ Пушкинъ, Дельвигъ, Кюхельбекеръ, Илличевскій, Корсаковъ и др. Казалось бы, что Ломоносовъ долженъ былъ примкнуть къ литературному кружку юныхъ лицейстовъ и

¹⁾ Къ біографіи А. С. Пушкина. (Малоязвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя). И. А. Шляпкина. Спб., 1899 г., стр. 18.

всепѣло отдаться творчеству какъ въ поэзіи, такъ и въ прозѣ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ близокъ къ Пушкину, что можно заключить изъ того, что на одномъ изъ раннихъ писемъ Пушкина, а именно отъ 27 марта 1816 года, къ князю Петру Андреевичу Вяземскому, мы находимъ собственноручную приписку Ломоносова слѣдующаго содержанія: «Je remets à la poste prochaine le plaisir de vous entretenir, mon cher Prince. Votre dévoué—S. Lomonossov» ¹⁾).

Но, вопреки ожиданіямъ, мы не находимъ Ломоносова въ числѣ поэтовъ и прозаиковъ Лицея. Въ издававшихся тогда лицейскихъ журналахъ Ломоносовъ не участвовалъ, и его фамилія не появлялась подъ стихотвореніями и статьями въ этихъ журналахъ. Намъ неизвѣстны стихотворенія Ломоносова, хотя нельзя предположить, чтобы онъ остался совершенно чуждымъ литературной жилкѣ. Онъ былъ знакомъ съ тогдашними поэтами, переписывался съ ними, и они ему посылали свои поклоны; кромѣ князя Вяземскаго, онъ былъ знакомъ съ Василіемъ Львовичемъ Пушкинымъ, который въ письмѣ къ своему племяннику, лицеисту Пушкину, отъ 17 апрѣля 1816 года, изъ Москвы, между прочимъ писалъ: «Скажи Ломоносову, что не похвально забывать своихъ пріятелей; онъ написалъ къ Вяземскому предлинное письмо, а мнѣ и поклона нѣтъ. Скажи однако, что хотя я и пеняю ему, но люблю его душевно» ²⁾).

Въ томъ же году, 27 марта, въ письмѣ Пушкина къ князю П. А. Вяземскому мы находимъ слѣдующую приписку: «Ломоносовъ Вамъ кланяется».

Далѣе въ этомъ письмѣ слѣдуетъ собственноручная приписка Ломоносова на французскомъ языкѣ, о которой у насъ упоминалось выше ³⁾).

Академикъ Гротъ даетъ довольно неблагопріятную характеристику Ломоносова. Онъ говоритъ, что «за расположеніе къ пронырству его въ Лицеѣ прозвали кротомъ» ⁴⁾).

Впрочемъ Гротъ повторяетъ то, что записано было товарищемъ Ломоносова барономъ (впослѣдствіи графомъ) М. А. Корфомъ. Вотъ что записалъ Корфъ въ своемъ дневникѣ въ 1839 году о Ломоносовѣ: «Человѣкъ способный и умный, но еще болѣе хитрый и пронырливый: въ Лицеѣ по этимъ свойствамъ мы называли его кротомъ» ⁵⁾).

¹⁾ «Русск. Арх.» 1874 г., кн. I, стр. 114.—См. также: Пушкинъ. Переписка. В. И. Саятова. Т. I, стр. 4.—Мы придерживаемся орѳографіи, приведенной у г. Саятова.

²⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Императ. Акад. Наукъ. Переписка. Подъ редакц. В. И. Саятова. Спб., 1906 г., т. I, стр. 4.

Я. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 47.

³⁾ Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Императорской Академіи Наукъ. Переписка. Подъ редакцію В. И. Саятова. Спб., 1906 г., т. I, стр. 2—4.

⁴⁾ Я. Гротъ. Пушкинъ и пр.—Спб., 1899 г., стр. 71.

⁵⁾ Изъ дневника барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. 1839 г. (гл. 2). «Рус. Стар.» 1904 г., т. СХVIII, июнь, стр. 555.

Передъ выпускомъ Ломоносовъ внесъ нѣсколько прочувствованныхъ строкъ въ альбомъ Энгельгардта. Вотъ что онъ написалъ: «Le poids des bienfaits est pénible à supporter—mais il est doux de devoir à l'amitié. Tu m'as procuré plus d'un an de bonheur et de plus l'espérance de l'être toute ma vie, car tu m'as tracé le chemin qui mène à la félicité. J'étais content, j'étais tranquille, quand tes conseils dirigeoient mes pas, quand ta sagesse supléoit à mon insuffisance, quand ton oeil calme maîtrisoit les mouvements impétueux d'un coeur prompt à s'emflammer. Temps que j'ai passé sous le toit de l'amitié! Courts moments de félicité, qui m'avaient consolé de l'absence de mes parents les plus chers, pouvois-je croire que vous deviez vous envoler avec une telle rapidité? Soirées charmantes, entretiens instructifs, épanchements délicieux vous n'existez donc plus que dans mon coeur! Terrible réalité tu détruis mon bonheur. Que vais-je devenir—tu ne m'abandonneras pas; tes conseils me guideront toujours, tu veilleras sur moi. O mon bienfaiteur, mon véritable ami! Je dois m'arracher de tes bras. Combien de sentimens m'agitent à présent. La douleur, les larmes qui baignent mon visage en vous traçant ces lignes m'empêchent de continuer. Reçois donc la juste tribut de ma sincère reconnaissance. Puissé-je pouvoir surtout te la témoigner en me rendant chaque jour plus digne de son amitié! Adieu donc, ô mon guide, ô mon ami. Je ne cesserai de faire des vœux pour ta félicité. — Adieu. Dieu Protecteur veille sur lui! Votre dévoué ami S. Lomonosoff. 1817.—7 Juin. Sarskoié-Sélo. Lycée-Impérial» ¹⁾).

Ломоносовъ окончилъ курсъ Лицея съ четвертою серебряною медалью и чиномъ IX класса (титularнаго совѣтника) и выпущенъ былъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ—9 іюня 1817 года ²⁾).

По Высочайшему указу опредѣленъ изъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ съ чиномъ Титулярнаго Совѣтника—1-817 года, іюня 13.

Директоръ Лицея Энгельгардтъ, интересуясь судьбою своихъ воспитанниковъ, писалъ Матюшкину 20 декабря 1817 года, «что Горчаковъ и Ломоносовъ съ канцелярією своею въ Москвѣ, гдѣ, какъ слышно, проживуть до іюня или іюля мѣсяца».

Въ этомъ же году на Ломоносова обрушилась крупная семейная неприятность. Объ этой неприятности извѣщаетъ Энгельгардтъ Матюшкина въ письмѣ отъ 26 декабря 1817 года: «Мать Ломоносова выходитъ за какого-то

¹⁾ Пушкиль и его современники. Спб., 1908 г., вып. VII. См. Д. О. Кобко: Альбомъ директора Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардта, стр. 10—11.

²⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезнева. 1856 года, стр. 92. «Памятная книжка Лицея на 1856—57 гг.».

Грязовскаго, который 10-ю годами моложе ее. Ломоносовъ очень много объ этомъ хлопоталь, говорилъ, писалъ и—наконецъ помирился»¹⁾).

Въ 1818 году Ломоносовъ «былъ употребленъ въ Канцеляріи Статсъ-Секретаря графа Каподистрія и находился при немъ во время поѣздки его въ Москву, по случаю Высочайшаго тамъ пребыванія блаженныя памяти Императора Александра I».

Въ коллекціи писемъ, обращенныхъ къ Вольховскому, находится письмо Ломоносова отъ неизвѣстнаго года, приуроченное къмъ-то къ августу 1826 г. Намъ кажется, что это невѣрно. Въ формуляръ Ломоносова не обозначено, что онъ находился въ Москвѣ въ 1826 году. Вѣроятно, лицо, сдѣлавшее помѣтку на письмѣ, что оно будто бы писано въ 1826 году, предполагало, что Ломоносовъ могъ быть въ Москвѣ съ канцелярією графа Нессельроде во время коронаціи Императора Николая I. Если бы это было такъ, то формуляръ Ломоносова отмѣтилъ бы подобный фактъ, между тѣмъ въ формулярѣ даже не упоминается о 1826 годѣ. Намъ кажется, всего правдоподобнѣе было бы приурочить это письмо въ 1818 году, когда Ломоносовъ былъ въ Москвѣ съ канцелярією графа Каподистрія, о чемъ, какъ мы видѣли, и упоминается въ формулярѣ Ломоносова. Вотъ это письмо Ломоносова къ Вольховскому:

«Спѣшу увѣдомить тебя, любезный Вольховскій, что черезъ недѣлю, а много черезъ двѣ, отправляюсь въ Москву, дабы тамъ во время пребыванія Государя Императора находиться при Канцеляріи Графа Нессельроде. Ты можешь представить себѣ сколь велика радость моя. Буду съ родными, а въ службѣ открывается дорога. — Мнѣ бы хотѣлось видѣться съ тобою, но право не знаю какъ. Передъ отъѣздомъ буду еще разъ въ Ц. С. Если бы тебѣ можно было пріѣхать проститься со мною. Путешествіе въ Москву вводитъ меня въ новыя издержки, а деньги опять на исходѣ. Если твои финансы въ лучшемъ состояніи, то пришли мнѣ 150 рублей. — Только прошу тебя себя не разстройвай. Насъ сегодня пять человекъ лицейскихъ у Егора Антоновича, жаль, что ты не пріѣхалъ умножить число старыхъ Ветерановъ.

Прощай. Гвардейской свиты фельдмаршалъ кланяйся Гревеницу.

Тебѣ преданный

Сергѣй Ломоносовъ».

¹⁾ Здѣсь будетъ вполне уместно привести слѣдующее. Въ Историческомъ Очеркѣ Императорскаго... Лицея за первое его пятидесятилѣтіе, составленномъ И. Селезевымъ (Спб., 1861 г., стр. 75) говорится, что въ 1819 г. надворная совѣтница Грязовская (съ первымъ бракъ супруга генералъ-маіора Ломоносова), въ знакъ признательности къ Лицею и Пансіону за воспитаніе сыновей предоставила въ пользу того и другого прекрасное, весьма цѣнное собраніе сочиненій во всѣхъ родахъ; изъ него 423 тома поступили въ бібліотеку Лицея, а 54—въ пансіонъ.

Въ 1818 году Ломоносовъ причисленъ къ Канцеляріи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

По Высочайшему указу опредѣленъ въ Миссію въ Филадельфію въ должность секретаря посольства—1818 года, мая 18.

Объ этомъ мы находимъ указаніе въ письмѣ Энгельгардта къ Матюшкину отъ 9 марта 1818 г.: «Ломоносовъ нашъ опредѣленъ къ посольству къ Соединеннымъ Штатамъ въ Вашингтонъ и отправляется съ нашимъ посланникомъ, Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Полѣтика (Sic), чрезъ три недѣли. Они поѣдутъ діагональю чрезъ Европу сухимъ путемъ, потомъ въ Англію, а оттуда въ Америку».

Въ письмѣ къ тому же Матюшкину изъ Царскаго Села, отъ 10 сентября 1820 года, гдѣ описывается пожаръ Лицея, Энгельгардтъ упоминаетъ о мѣсто-пробываніи своихъ бывшихъ питомцевъ и между прочимъ пишетъ: «Ломоносовъ въ Филадельфіи».

О своемъ пребываніи въ Америкѣ Ломоносовъ писалъ С. Д. Комовскому изъ Вашингтона въ письмѣ отъ іюня мѣсяца 1820 года, которое Комовскій получилъ 30 августа. Письмо это очень интересно и можетъ служить для характеристики Ломоносова: тутъ мы находимъ его взглядъ на представительный образъ правленія, бывшій тогда новинкою въ Европѣ; интересенъ также его взглядъ на тюрьмы. Вотъ это письмо:

«Сегодня получилъ я, любезный Комовскій, дружеское письмо твое отъ 2 марта, на которое спѣшу отвѣчать наскоро. Радуюсь сердечно, что ты доволенъ службою, а что лучше, судьбою. Дай Богъ всеѣмъ лицейскимъ счастья: благополучіе одного простирается на всеѣхъ. Я не могу жаловаться на судьбу свою, доволенъ совершенно своимъ начальникомъ, который способствуетъ, сколько ему возможно, содѣлать пребываніе мое въ здѣшнемъ краѣ пріятнымъ и полезнымъ. Съ другой стороны имѣю случай удовлетворить природное любопытство и пріобрѣсть новыя идеи отъ обозрѣнія всего здѣсь достопамятнаго. Съ декабря мѣсяца жилъ я въ Вашингтонѣ, и хотя соскучился въ ономъ отъ недостатка хорошаго общества и лишенія всеѣхъ удовольствій, изобилующихъ въ городахъ европейскихъ, но имѣлъ случай изслѣдовать ходъ здѣшняго правительства, о которомъ трудно имѣть ясное понятіе, не видѣвши онаго съ близи. Красны бубны за горами! Представительный образъ правленія имѣетъ болѣе неудобностей, нежели полагаютъ сочинители конститутцій, которыя вошли въ такую моду въ Европѣ. Что хорошо на бумагѣ или по теоріи,—трудно, часто невозможно въ исполненіи.

«Ты желаешь имѣть извѣстія о здѣшнихъ ученыхъ обществахъ и богоугодныхъ заведеніяхъ. На досугѣ постараюсь собрать надлежащія свѣдѣнія и удовлетворить твоему любопытству. Скажу тебѣ вообще, что богоугодныя заве-

денія довольно въ хорошемъ состояніи, особенно сличая оныя съ нашими. Но замѣчено, что преступники наслаждаются въ тюрьмахъ слишкомъ хорошимъ содержаніемъ. Заключение не служитъ имъ наказаніемъ и многіе празднoлюбцы находятъ свой расчетъ проводить время въ смиренныхъ домахъ, гдѣ они на всемъ готовомъ. Отъ сего мягкосердія происходятъ пагубнѣйшія слѣдствія. Заключение, вмѣсто того, чтобы исправить нравственность преступниковъ, поощряетъ ихъ къ новымъ преступленіямъ. Извѣстно, что со времени введенія въ Соединенныхъ Штатахъ сей системы мягкосердія число преступленій увеличилось невѣроятнымъ образомъ.

«Прощай, любезный другъ: спишу, какъ ты видишь. Въ другой разъ на свободѣ побесѣдую съ тобой. Поклонись всѣмъ лицейскимъ, и не забудь напомнить обо мнѣ въ Царскомъ ¹⁾. Поклонись любезнѣйшему Сергѣю Гавриловичу ²⁾.

Весь твой

С. Ломоносовъ.

«Ты у меня просилъ бездѣлицу на память: посылаю тебѣ медаль Вашингтона. Не пишу къ Матюшкину за недостаткомъ времени» ³⁾.

Въ письмѣ отъ 12 февраля 1821 года Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину: «Ломоносовъ изъ Филадельфіи кланяется; онъ объѣхалъ съ посланникомъ всѣ Соединенные Штаты, видѣлъ Ниагарской славной водопадъ и пр., и пр.; можетъ быть къ осени приѣдетъ сюда на свиданіе, т. е. вѣроятно назадъ не поѣдетъ».

Наконецъ, въ письмѣ отъ 21 іюня 1821 года Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину: «Ломоносова я ожидаю изъ Америки нынѣшнею осѣнью».

И, дѣйствительно, мы находимъ въ формулярѣ, что Ломоносовъ былъ отозванъ къ дѣламъ Коллегіи въ 1821 году, марта 1-го, и пожалованъ въ коллежскіе ассесоры, со старшинствомъ съ 1821 года, іюня 13-го.

Приѣздъ Ломоносова въ Россію въ 1821 году подтверждается письмомъ К. Я. Булгакова къ брату, отъ 9 декабря 1821 года, гдѣ мы читаемъ: «Изъ Америки приѣхалъ Ломоносовъ, секретарь посольства, прекрасный малый. Онъ уже раза два былъ у меня, любитъ очень Петра Ивановича ⁴⁾. Нашъ Американецъ ⁵⁾ выѣдетъ оттуда непременно въ началѣ мая» ⁶⁾.

Живя въ Петербургѣ въ 1822 г., Ломоносовъ усиленно посѣщалъ Петербургское высшее общество, часто бывалъ на дачѣ у К. Я. Булгакова, гдѣ

¹⁾ Т. е. Энгельгардту и его семейству.

²⁾ Лицейскому гувернеру и учителю рисованія Чирикову.

³⁾ Гротъ. Пушкинъ, его лиц. товарищи и наставн., стр. 256—257.

⁴⁾ Т. е. Полетику, большого пріятеля бр. Булгаковыхъ, русскаго посланника въ Америкѣ.

⁵⁾ Вѣроятно, подразумѣваетъ Полетику.

⁶⁾ «Рус. Арх.» 1903 г., кн. 1, стр. 91.

онъ часто на обѣдахъ встрѣчался съ Северинымъ, Шиллингомъ и другими ¹⁾, бывалъ также на балахъ во дворцѣ, вмѣстѣ съ Тургеневымъ и другими ²⁾. Наконецъ, Ломоносовъ наканунѣ своего отъѣзда въ Парижъ на должность третьяго секретаря посольства обѣдалъ у Константина Яковлевича Булгакова вмѣстѣ съ графомъ Воронцовымъ, Бальшемъ, Бруновымъ, Лазаревымъ, Александровымъ и Манычаръ ³⁾.

Въ 1822 году, генваря 13, пожалованъ въ званіе Камеръ-Юнкера.

Это пожалованіе не понравилось Энгельгардту, и онъ пишетъ Матюшкину отъ 22 декабря 1822 г.: «Ломоносовъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры; туда дорога! Онъ этому чрезвычайно радъ и отправляется въ Москву, можетъ быть послѣдуетъ примѣру Бакунина».

Ломоносовъ, пріѣхавъ изъ Америки, очень обрадовалъ Энгельгардта, привезя для минералогическаго кабинета Энгельгардта разныхъ минераловъ. Объ этомъ кабинетѣ Энгельгардтъ писалъ Матюшкину въ письмѣ отъ 21 іюня 1821 года: «Кабинетъ минеральной устроенъ прелѣстнѣйшимъ образомъ въ полукруглой комнатѣ, гдѣ въ твое время стояли клавикорды и былъ пѣвческій классъ.—При семъ случаѣ долженъ я напомнить тебѣ, что весьма бы было прилично, если бы ты привезъ для сего вновь образованнаго Кабинета нѣсколько сибирскихъ рѣдкостей: штуфъ, камней, окаменѣлостей или тому подобнаго; разумѣется *редкостей*, то есть такихъ вещей, которыя не совсѣмъ обыкновенны и находятся во всѣхъ кабинетахъ. Ломоносовъ уже сдѣлалъ маленькое начало и обѣщалъ продолженіе по пріѣздѣ».

Про этотъ же кабинетъ Энгельгардтъ упоминаетъ и въ письмѣ къ Матюшкину отъ 2 января 1822 года, что «Ломоносовъ привезъ 24 образца сѣверо-американскихъ рудъ».

Въ 1823 году, февраля 6, Ломоносовъ былъ назначенъ третьимъ секретаремъ при посольствѣ въ Парижѣ, о чемъ Энгельгардтъ сообщалъ Кюхельбекеру въ письмѣ отъ 14 сентября 1823 года, гдѣ онъ писалъ, что «Ломоносовъ въ Парижѣ» ⁴⁾. Въ томъ же году Ломоносовъ былъ отправленъ, на время, въ Мадридъ, къ графу Булгари, бывшему тамъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, и посланъ былъ курьеромъ къ генералу Бутурлину, находившемуся тогда при осадѣ Кадикса.

Въ 1823 году, октября 1, пожалованъ кавалеромъ испанскаго ордена Карла III малаго креста и въ томъ же году отправленъ былъ курьеромъ изъ Мадрида въ Россію и потомъ курьеромъ изъ С.-Петербурга въ Парижъ.

¹⁾ Письмо К. Я. Булгакова къ брату отъ 20 іюня 1822 г.—«Рус. Арх.» 1903 г., кн. 2, стр. 213.

²⁾ Письмо К. Я. Булгакова отъ 13 декабря 1822 г.—Тамъ же, кн. 3, стр. 328.

³⁾ Письмо отъ 19 мая 1823 г.—Тамъ же, кн. 4, стр. 449.

⁴⁾ «Рус. Стар.» 1875 г., т. XIII, іюль, стр. 1874.

О пребываніи Ломоносова при повѣренномъ въ дѣлахъ въ Испаніи было извѣстно К. Я. Булгакову изъ письма самаго Ломоносова. К. Я. Булгаковъ въ письмѣ изъ С.-Петербурга, отъ 18 іюля 1823 г., извѣщалъ своего брата, что Ломоносовъ «сбирался ѣхать въ Гипшанію, гдѣ будетъ временно при повѣренномъ въ дѣлахъ гр. Булгари»¹⁾; а въ письмѣ отъ 17 августа того же года К. Я. Булгаковъ извѣщалъ брата, что «Lomonossoff a écrit le 3 de Bayonne. Il doit être arrivé à Madrid le 7»²⁾. Очень интересныя подробности сообщаетъ К. Я. Булгаковъ о неумѣннѣ Ломоносова путешествовать. Въ письмѣ отъ 25 мая 1823 г. К. Я. Булгаковъ пишетъ брату: «Вчера отправился Ломоносовъ прямо отъ меня, прощаясь рыдалъ и въ горѣ обнялъ Оленьку³⁾, которую цѣлый вечеръ дразнили. Куда скучны прощанья! Видно, что Ломоносовъ немного еще путешествовалъ на сухомъ пути: ни уложиться, ни убрать ничего не умѣеть и вѣрно бы растерялся дорогой, если бы Климъ не устроилъ»⁴⁾.

Въ 1824 году, апрѣля 5, Ломоносовъ пожалованъ былъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4 степ., въ 1825 г., марта 2 (14), отправленъ былъ курьеромъ изъ Парижа въ С.-Петербургъ, въ іюлѣ получилъ французскій орденъ Почетнаго Легіона, а 4 августа того же года былъ пожалованъ въ надворные совѣтники.

Только что пріѣхавъ изъ Парижа, Ломоносовъ первымъ долгомъ посѣтилъ дружески расположенное къ нему семейство К. Я. Булгакова. Здѣсь онъ нашелъ ихъ всѣхъ говѣющими и сталъ съ ними говѣть, какъ это видно изъ письма К. Я. Булгакова къ брату отъ 24 марта 1825 года⁵⁾.

Въ апрѣлѣ 1825 года Ломоносовъ очутился уже въ Москвѣ, какъ это видно изъ письма А. Я. Булгакова къ брату. А. Я. Булгаковъ сообщаетъ брату, что онъ только что собирался одѣвать шинель, какъ является къ нему Ломоносовъ, прозванный имъ Американцемъ, по мѣсту своего первоначальнаго служенія. Съ Ломоносовымъ Булгаковъ ѣздилъ представляться принцу Оранскому, супругу Великой Княгини Анны Павловны, будущему Королю Нидерландскому⁶⁾. Изъ переписки Пушкина съ Пушкинымъ видно, что въ это время Ломоносова товарищи ждали въ Москвѣ. Такъ, напримѣръ, Пушкинъ извѣщалъ 12 марта 1825 года: «Мы ждемъ Ломоносова на дняхъ изъ Парижа», а 2 апрѣля онъ писалъ: «Мы ждемъ сюда Дипломата Ломоносова, который уже въ Петербургѣ». (Сайтовъ, Переписка, т. I, стр. 190 и 200).

¹⁾ «Рус. Арх.» 1903 г., кн. 4, стр. 459.

²⁾ Тоже, стр. 466.

³⁾ Шумлянская, сводную сестру братьевъ Булгаковыхъ, дочь ихъ матери.

⁴⁾ «Рус. Арх.» 1903 г., кн. 4, стр. 405.

⁵⁾ «Рус. Арх.» 1903 г., кн. 6, стр. 174.

⁶⁾ «Рус. Арх.» 1901 г., кн. 6, стр. 176. Письмо А. Я. Булгакова къ брату отъ 27 апрѣля 1825 г.

Въ 1828 году, февраля 28, Ломоносовъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2 степени, и въ томъ же году онъ получилъ 29 февраля отпускъ на двѣ недѣли. О пребываніи Ломоносова въ это время въ Россіи сообщаетъ Энгельгардтъ Вольховскому (въ письмѣ отъ 22 марта 1828 г.): «Ломоносовъ пріѣхалъ изъ Парижа; тотъ Ломоносовъ какъ и прежде».

Въ 1829 году, апрѣля 24, опредѣленъ первымъ секретаремъ при миссіи въ Вашингтонѣ, а 12 октября того же года пожалованъ въ коллежскіе совѣтники. О назначеніи Ломоносова въ Америку сообщаетъ К. Я. Булгаковъ довольно интересныя подробности своему брату, въ Москву, отъ 29 апрѣля 1829 года: «Киселевъ назначенъ секретаремъ въ Парижъ на мѣсто Ломоносова, который давно просился въ Америку, и я чаю, теперь попадетъ» ¹⁾). На возраженіе брата, что подобное назначеніе смахиваетъ скорѣе на ссылку, К. Я. Булгаковъ въ письмѣ отъ 11 мая того же года разъясняетъ брату, что «Ломоносовъ самъ просился въ Америку, и совсѣмъ это не ссылка, болѣе 2 лѣтъ я объ этомъ хлопоталъ. Его заставила нужда оставить Парижъ, иначе онъ никогда свои дѣла не поправитъ. Правда, что онъ игралъ, но не въ азартныя игры, а въ вистъ съ Талейраномъ, Аглицкимъ посломъ и такими тузами, кои натурально играли не по 25 и лучше его; вотъ тутъ онъ проигралъ» ²⁾).

Энгельгардтъ такъ же, какъ и А. Булгаковъ, находилъ это назначеніе страннымъ. Энгельгардтъ писалъ Вольховскому отъ 5 сентября 1829 года: «Ломоносовъ опять отправился въ Сѣверную Америку первымъ секретаремъ посольства. Странно!»

Въ 1829 году Ломоносовъ пріѣхалъ въ Россію, и, какъ видно, не спѣшилъ на свой постъ. К. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату отъ 9 сентября 1829 г. сообщаетъ: «Вчера пріѣхалъ Ломоносовъ изъ Парижа» ³⁾). Какъ онъ не усталъ, но просидѣлъ съ нами до полуночи вмѣстѣ съ Кокоскинымъ. Ломоносовъ не прежде собирается въ Москву какъ съ первымъ путемъ. На прощаньѣ хочетъ пожить съ нами» ⁴⁾).

Какъ видно изъ писемъ А. Я. Булгакова, Ломоносовъ очень понравился Московскому высшему обществу, гдѣ, впрочемъ, у него были родственныя и свѣтскія связи. Его сестра бывала у Булгакова; такъ, наприимѣръ, въ

¹⁾ «Рус. Арх.» 1903 г., кн. 10, стр. 331.

²⁾ Ibid., стр. 333.

³⁾ Кстати о Парижѣ. Еще въ бытность свою въ Парижѣ, Ломоносовъ оказалъ дружеское одолженіе семейству Булгаковыхъ тѣмъ, что по своему официальному положенію, какъ чиновникъ посольства, онъ велѣлъ наложить печати на имущество умершаго ^{15/27} іюня князя Сергѣя Долгорукова. Сообщая объ этомъ брату, К. Я. Булгаковъ писалъ 1 іюля 1829 г.: «Дай о семъ знать его женѣ съ нужными предосторожностями. Хотя они въ послѣднее время не жили вмѣстѣ, но смерть веѣхъ сближаетъ и мертвыхъ обыкновенно сожальютъ». («Рус. Арх.» 1903 г., кн. 10, стр. 340).

⁴⁾ «Рус. Арх.» 1903 г., кн. 10, стр. 350.

письмѣ отъ 30 декабря 1829 года Булгаковъ говорить, что у него на балу она восхищалась живыми картинами ¹⁾).

Ломоносовъ былъ настолько интереснымъ собесѣдникомъ, что на балу у Московскаго Генералъ-Губернатора ему поручали занимать знатныхъ иностранцевъ. Такъ А. Я. Булгаковъ пишетъ брату своему въ Петербургъ отъ 28 октября 1829 года: «Ломоносова вчера у Голицына Гумбольдтъ замучалъ вопросами о Парижѣ» ²⁾).

Въ числѣ знакомыхъ Ломоносова были такія интересныя личности, какъ А. И. Тургеневъ и В. А. Жуковскій.

А. И. Тургеневъ въ письмѣ отъ 5 сентября 1829 года писалъ В. А. Жуковскому: «Заходилъ сейчасъ къ Ломоносову, дабы онъ могъ писать тебѣ, что меня видѣлъ» ³⁾).

Ломоносовъ былъ въ курсѣ всѣхъ свѣтскихъ сплетней и всѣхъ исторій Московскаго высшаго общества. Такъ, напримѣръ, онъ рассказывалъ А. Я. Булгакову, что свадьба Соковниной разошлась, а женихъ ея, Бобринскій, «ѣдетъ въ Парижъ ou il a donné rendez vous à Lomonossoff» ⁴⁾).

На время отсутствія посланника нашего въ Копенгагенѣ (барона Николаи) Ломоносовъ былъ назначенъ туда повѣреннымъ въ дѣлахъ—1830 г., апрѣля 29-го. Исправлялъ эту должность съ 4 мая 1830 года по 18 апрѣля 1831 года. За исправленіе этой должности объявлено ему Высочайшее благоволеніе, а отъ Его Величества Короля Датскаго награжденъ брилліантовымъ перстнемъ въ 1831 году.

Какъ видно изъ писемъ братьевъ Булгаковыхъ и Энгельгардта, Ломоносовъ очень долго проживалъ въ Петербургѣ. Такъ, напримѣръ, Энгельгардтъ писалъ Матюшкину отъ 6 февраля 1830 года: «Ломоносовъ здѣсь уже съ полгода и все собирается ѣхать въ Америку,—къ посольству, и на Вас. Остр., въ домъ Флетчера, но понынѣ ни туда, ни сюда не попалъ» ⁵⁾).

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 7 апрѣля 1830 года, къ тому же Матюшкину, Энгельгардтъ писалъ: «Ломоносовъ живетъ здѣсь уже около года, все отправляется къ посольству въ Соединенные Штаты и все остается здѣсь»

К. Я. Булгаковъ, въ свою очередь, писалъ къ брату еще отъ 2 января 1830 года: «Ломоносовъ обѣдалъ у насъ съ Манычаромъ» ⁶⁾).

¹⁾ «Русск. Архивъ» 1901 г., кн. 11, стр. 383.

²⁾ Тамъ же, стр. 366.

³⁾ Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ.—«Рус. Стар.» 1903 г., т. СХV, августъ, стр. 445.

⁴⁾ Письмо А. Я. Булгакова отъ 22 ноября 1829 г.—«Рус. Арх.» 1901 г., кн. 11, стр. 375.

⁵⁾ Въ домѣ Флетчера на Васильевскомъ Островѣ жилъ Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ.

⁶⁾ «Рус. Арх.» 1903 г., кн. 11, стр. 411.

А отъ 8 января 1830 года онъ пишетъ о Ломоносовѣ слѣдующее: «Я возилъ (на балъ во дворецъ, въ апартаменты Государыни) камеръ-юнкера Ломоносова, который ничего подобнаго въ Тюильрійскомъ замкѣ и у герцогини Бордоской не видалъ. Онъ былъ въ совершенномъ восхищеніи... За ужиномъ сѣлъ я возлѣ Перовскаго и Ломоносова» ¹⁾).

Наконецъ, въ письмѣ отъ 22 января 1831 г. Энгельгардтъ сообщалъ Матюшкину: «Ломоносовъ—повѣренный въ дѣлахъ въ Копенгагенѣ».

Въ 1830 году, 28 октября, Ломоносовъ опредѣленъ первымъ секретаремъ посольства въ Лондонѣ, о чемъ Энгельгардтъ увѣдомляетъ Матюшкина письмомъ отъ 4 декабря 1831 года: «Ломоносовъ въ Лондонѣ 1-г Secretaire de légation».

Въ 1831 году, августа 22-го, Ломоносовъ пожалованъ въ званіе Камергера.

А въ 1832 году, декабря 6, ему пожалованы знаки ордена Св. Анны 2 степени съ Императорскою короною.

Энгельгардтъ въ письмѣ къ Вольховскому отъ 22 сентября 1832 года писалъ: «Ломоносовъ въ Парижѣ; болѣе о немъ ничего не знаю», а Матюшкину 28 мая и 31 октября 1832 года Энгельгардтъ писалъ: «Ломоносовъ въ Лондонѣ» ²⁾).

Въ 1833 году, августа 22-го, Ломоносовъ получилъ знаки отличія безперочной службы за XV-лѣтнее достоинство.

Въ 1834 году, августа 28, пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владимира 3 степени. Въ этомъ же году А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ дочери отъ 24 мая 1834 года писалъ, что Ломоносовъ въ Лондонѣ ³⁾).

Живя въ Лондонѣ, Ломоносовъ имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ и оказывалъ своимъ знакомымъ англичанамъ дружественныя услуги при пріѣздѣ ихъ въ Россію и рекомендовалъ ихъ своимъ друзьямъ, въ числѣ которыхъ были такіе вліятельные и хлѣбосольные пріатели, какъ братья Булгаковы, въ Петербургѣ—Константинъ, а въ Москвѣ—Александръ. Вотъ что, между прочимъ, писалъ К. Я. Булгаковъ изъ С.-Петербурга 19 августа 1833 г. своему брату въ Москву: «На дняхъ ѣдутъ къ вамъ, а потомъ въ Одессу, еще два Англичанина, рекомендованные мнѣ Ломоносовымъ и коимъ я также далъ письма къ тебѣ. Они вчера были у меня и очень мнѣ понравились. Оба лорды, одинъ Lord Ranelagh, а другой Louthek, одинъ постарѣе, а другой молодой человекъ, и, кажется, добрые люди. Обласкай ихъ, угости, познакомь съ Москвою, дай имъ кого-нибудь, чтобы показать, что есть любо-

¹⁾ «Рус. Арх.» 1903 г., кн. 11, стр. 413.

²⁾ Это видимое противорѣчіе объясняется тѣмъ, что Ломоносовъ могъ быть въ Парижѣ, будучи посланъ туда курьеромъ.

³⁾ «Рус. Арх.» 1906 г., кн. 7, стр. 409.

пытнаго и замѣчательнаго, однимъ словомъ, сдѣлайте, чтобы они васъ полюбили, а это вамъ не трудно. Я имъ даль почталіона до самой границы, но и ты имъ окажи всякое возможное пособіе, дабы поддержать рекомендацію Ломоносова»¹⁾).

Ломоносовъ сообщалъ также Булгаковымъ о разныхъ происшествіяхъ въ Лондонской русской колоніи. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ Булгакову о дуэли князя Трубецкого съ Толстымъ²⁾).

К. Я. Булгаковъ въ письмѣ отъ 22 августа 1832 года писалъ брату: «Посылаю тебѣ выписку для объясненія доброму Черткову и успокоенія его. Кончилось все хорошо и если князь Ливенъ донесъ о семъ (это вѣроятно), то конечно такъ, что не будетъ имѣть для обоихъ молодыхъ людей послѣдствій, тѣмъ болѣе, что сынъ его былъ секундантомъ. Все таки жаль, что Русскія въ чужомъ городѣ поссорились. Эта исторія была уже въ Англійскихъ газетахъ. Я послалъ тотчасъ выписку графу Нессельроде, чтобы его предупредить»³⁾).

Точно также Ломоносовъ сообщалъ Булгакову о пріѣздѣ въ Лондонъ его знакомыхъ: такъ, напримѣръ, онъ сообщилъ о пріѣхавшемъ въ Лондонъ Дмитріи Сергѣевичѣ Ланскомъ, который долженъ былъ подвергнуться операциі отъ каменной болѣзни, но былъ такъ слабъ, что умеръ до операциі⁴⁾).

Въ 1835 году, 16 марта, по Высочайшему повелѣнію опредѣленъ повѣреннмъ въ дѣлахъ въ Бразиліи. Въ письмѣ Михаила Лукьяновича Яковлева къ Вольховскому отъ 11 іюня 1835 года онъ сообщаетъ Вольховскому о Ломоносовѣ слѣдующее: «Ломоносовъ — на дняхъ прибылъ впоныхахъ изъ Лондона. Назначается повѣреннмъ въ дѣлахъ въ Бразилію, онъ ничего не перемѣнился и также твердитъ о Лицеѣ, о братствѣ». Письмо это Яковлевъ подписалъ «№ 39», а, какъ извѣстно, это былъ номеръ его комнаты въ Лицеѣ, окно которой выходило въ ограду лицейскаго садика⁵⁾).

Въ Лицеѣ Ломоносовъ занималъ крайнюю комнату, подъ номеромъ 20, окнами къ дворцу. Рядомъ съ нимъ, въ номерѣ 19, жилъ его товарищъ Корниловъ⁶⁾).

1) «Рус. Арх.» 1904 г., кн. 2, стр. 266.

2) Это тестъ князя Н. А. Орлова. Толстой, вѣроятно, Яковъ Николаевичъ, какъ говоритъ П. И. Бартеневъ.

3) «Рус. Арх.» 1904 г., № 1, стр. 81 и 82; здѣсь же, на стр. 82, французское письмо Ломоносова по поводу дуэли.

4) См. письмо К. Я. Булгакова къ брату. Спб. 15 ноября 1833 г.—«Рус. Арх.» 1904 г., № 2, стр. 276.

5) См. Я. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 286.

6) Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 286.

По поводу этого же назначенія Ломоносова въ Бразилію К. Я. Булгаковъ писалъ своему брату: «Лола, сирѣчь Ломоносовъ, очень доволенъ своимъ бригадирствомъ; вотъ бы вы ему невѣсту сыскали, а то одному скучно будетъ ѣхать въ Бразилію, только мудрено будетъ найти охотницу въ такую даль» ¹⁾).

Въ томъ же году, 25 мая, Ломоносовъ былъ пожалованъ чиномъ Статскаго Совѣтника. А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ своей дочери, княгинѣ О. А. Долгорукой, писалъ 3 іюня 1835 года, изъ Москвы: «Ломоносовъ, американецъ, произведенъ въ Статскіе Совѣтники и братъ пишетъ мнѣ: жешите его въ Москвѣ, чтобы не скучно ему было въ Америкѣ» ²⁾).

По всеѣмъ вѣроятіямъ, Ломоносовъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ былъ *persona grata* и пользовался особенными преимуществами; такъ, напримеръ, ему нужно было ранѣе, чѣмъ отправиться на мѣсто своего служенія въ Бразилію, побывать, по своимъ дѣламъ, въ Москвѣ, и вотъ мы читаемъ въ его формулярѣ: «Ломоносовъ командированъ былъ для занятій по дѣламъ службы въ Московскій Главный Архивъ, не отчисляя его отъ Бразильской миссіи—1835 года, мая 30-го; возвратился изъ сей командировки въ С.-Петербургъ и отправленъ курьеромъ въ Парижъ—1835 г., 8 октября. Такимъ образомъ, чтобы получить пятимѣсячный отпускъ, Ломоносову была придумана командировка въ Москву, для занятій въ Главномъ Архивѣ.

Въ пріѣздъ свой въ 1835 году Ломоносовъ, кажется, въ первый разъ, послѣ отъѣзда своего за границу, присутствовалъ на лицейскомъ обѣдѣ 19-го октября. Комовскій увѣдомлялъ Яковлева отъ 18-го октября 1835 г., «что Ломоносовъ уѣхалъ въ Кронштадтъ, но непременно хотѣлъ воротиться къ лицейскому обѣду». Вѣроятно, по поводу этой же сходки и пріѣзда въ Петербургъ Ломоносова Корфъ писалъ Яковлеву отъ 18 октября безъ обозначенія года: «Пріѣхалъ Ломоносовъ; я думаю, что послѣ такого долгаго времени, всеѣмъ столько же, какъ и мнѣ, пріятно бы было увидѣться съ нимъ въ нашей дружеской бесѣдѣ,—мнѣніе, которое вѣрно и ты, любезный Михайло Лукьяновичъ, вполне разделяешь. Но я не знаю, гдѣ онъ живетъ; можетъ быть тебѣ это извѣстно и тогда не дашь ли ему знать о нашей завтрашней сходкѣ? Я истинно бы обрадовался свиданію съ нимъ.

Твой Модестъ».

Въ 1836 году, 20 іюля, Ломоносовъ вступилъ въ исправленіе должности повѣреннаго въ дѣлахъ въ Бразиліи, о чемъ Энгельгардтъ увѣдомлялъ Вольховскаго письмомъ отъ 27 іюня 1836 года: «Ломоносовъ въ Бразиліи». Еще не доѣзжая Бразиліи, Ломоносовъ отправилъ письмо къ А. Я. Булга-

¹⁾ «Рус. Арх.» 1904 г., кн. 4, стр. 573.

²⁾ Тамъ же, 1906 г., кн. 9, стр. 95.

кову. По поводу этого письма А. Я. Булгаковъ пишетъ своей дочери, княгинѣ О. А. Долгорукой: «J'ai reçu une lettre, devinez d'où et de lui? Vous ne tomberez jamais dessus, aussi je vous dirai que la lettre est datée du grand Océan en vue de l'île de Madère. Vous vous doutez qu'elle vient de Lomonossoff, ce n'est plus la lettre d'un diplomate, fin et rusé et aimable, maist d'un véritable et enragé marin, navigateur, il ne me parle que de la mer, des vents et du punch; il paraît qu'il est toute la journée entre ce liquide et l'eau salée» ¹⁾.

Кромѣ А. Я. Булгакова, Ломоносовъ всего чаще писалъ къ Юдину, своему товарищу и сослуживцу. Объ этомъ Яковлевъ упоминаетъ въ письмѣ отъ 24 ноября 1836 года, Вольховскому: «Съ Ломоносовымъ переписку ведетъ Юдинъ».

Въ 1838 году, 22 августа, Ломоносовъ получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XX-лѣтнее достоинство.

Въ 1839 году, іюля 2, Ломоносовъ пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, а 15-го іюля того же года Энгельгардтъ уже сообщалъ Вольховскому: «Ломоносовъ—ваше превосходительство».

Въ 1841 году, марта 11, Ломоносову Высочайше повелѣно быть Полномочнымъ Министромъ при дворѣ Его Величества Императора Бразильскаго. Въ томъ же году, 13 декабря, Высочайше позволено принять и носить Бразильскій командорственный орденъ Южнаго Креста.

Вскорѣ послѣ назначенія Ломоносова посланникомъ Энгельгардтъ въ письмѣ отъ 14 апрѣля 1841 года, перечисляя Матюшкину его товарищей, которые пошли въ гору, съ особенною торжественностью пишетъ: «...посланникъ (envoyé extraordinaire et ministre—plénipotentiaire) въ Бразилии Ломоносовъ». А въ письмѣ отъ 12 сентября 1841 г. Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину: «На прошедшей недѣлѣ меня очень обрадовало длинное посланіе посланника Ломоносова изъ Rio Janeiro. Онъ здоровъ, доволенъ и имъ довольны, тамъ и здѣсь. Дай Богъ всегда такъ быть». И впоследствии Ломоносовъ также переписывался со своимъ старымъ директоромъ, какъ это видно изъ письма Энгельгардта къ Матюшкину отъ 7 января 1845 г.; въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, пишетъ: «Спасибо отдаленные не забываютъ: Горчаковъ, Ломоносовъ, Малиновской, Бакунинъ кромѣ отъѣзда къ 19 октября, иногда радуютъ меня письмецомъ».

Въ 1843 году, 10 апрѣля, Ломоносовъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Станислава 1 степени. Въ томъ же году, 22 августа, получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXV-лѣтнее достоинство, при грамотѣ № 231.

¹⁾ Письмо А. Я. Булгакова къ своей дочери, кн. О. А. Долгорукой, отъ 3 августа 1836 г.—«Рус. Арх.» 1906 г., кн. 11 (стр. 465 и 466).

Въ 1843 году, 23 ноября, Ломоносову Всемилостивѣйше повелѣно быть Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ при томъ же дворѣ Его Величества Императора Бразильскаго.

Въ 1846 году, января 12, Высочайше позволено принять и носить бразильскій орденъ Розы большого креста.

Въ 1847 году, 5 декабря, Ломоносовъ Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 1 степени.

Въ 1848 году, 11 марта, Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству № 49 назначенъ Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ при Португальскомъ дворѣ.

Въ 1849 году, 20 іюня, Высочайше позволено Ломоносову принять и носить Баварскій орденъ Св. Михаила большого креста.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, 2 августа 1850 г. № 151, произведенъ въ Тайные Совѣтники, со старшинствомъ съ 27 іюля 1850 г. Въ томъ же году, 22 августа, получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXX-лѣтнее достоинство, при грамотѣ за № 1239, а 7 ноября того же года Высочайше позволено принять и носить Португальскій орденъ Христа 1 степени.

Въ 1852 году, 11 марта, Ломоносову Всемилостивѣйше пожалована золотая, украшенная брилліантами, табакерка, съ портретомъ Его Императорскаго Величества.

Въ 1853 году, 16/28 апрѣля, съ Высочайшаго соизволенія отправился, по дѣламъ службы, въ С.-Петербургъ, а 6 декабря того же года Высочайшимъ приказомъ, отданнымъ по гражданскому вѣдомству, № 240, Ломоносовъ назначенъ Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ при Нидерландскомъ дворѣ. По этой должности онъ получалъ жалованья 19.050 рублей серебромъ.

Въ 1855 году, 22 августа, Ломоносовъ получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXXV-лѣтнее достоинство, при грамотѣ за № 88.

Въ 1856 году, 22/14 апрѣля, во вниманіе къ отлично-усердной и полезной службѣ, Ломоносовъ Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Равноапостольнаго князя Владимира 2-ой степени.

Въ 1856 году получилъ установленную въ память войны 1853—1856 г.г. медаль темной бронзы на Владимирской лентѣ ¹⁾.

Въ формулярѣ Ломоносова, составленномъ въ 1830 году, было сказано, что у него есть родовое имѣніе въ Смоленской губерніи въ 250 душъ, а

¹⁾ Не есть ли это описка въ формулярѣ? Намъ кажется, что эта медаль давалась на Андреевской лентѣ.

въ формулярѣ за 1857 годъ сказано, что у него нѣтъ ни родового, ни благопріобрѣтеннаго имѣнія. Кромѣ того, въ формулярѣ мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія объ его отпускахъ:

1828 года, февраля 29—на двѣ недѣли.

1829 года, октября 17—на 28 дней.

1842 года, сентября 22, съ Высочайшаго соизволенія—на восемь мѣсяцевъ и являлся на срокъ.

1843 года, іюля 17, съ Высочайшаго соизволенія—на неопредѣленное время; явился къ посту своему 12 іюля 1844 года.

1847 года, марта 3-го—на лѣто; явился 28 августа того же года.

1855 года, 16 іюня, отправился къ минеральнымъ водамъ въ Германію и Бельгію; возвратился къ своему посту 9 августа того же года.

1856 года, въ октябрѣ мѣсяцѣ, Высочайше разрѣшено ему отлучиться отъ поста своего до марта мѣсяца 1857 года; отпускомъ воспользовался 13 ноября—12 декабря 1856 года.

Сергій Григорьевичъ Ломоносовъ умеръ въ 1857 году, 13/25 октября, и погребенъ въ Греческой церкви гор. Ливорно, прямо противъ алтаря. Церковь эта находится на Ливорнскомъ Греческомъ кладбищѣ, близъ Porta San-Marco. Въ церкви мы находимъ надгробную плиту со слѣдующею надписью: «Здѣсь погребенъ Тайный Совѣтникъ Сергій Григорьевичъ Ломоносовъ, чрезвычайный посланникъ при Нидерландскомъ дворѣ, скончался во Флоренціи 13 (25) октября 1857» ¹⁾.

Въ «Памятной книжкѣ лицействовъ, изд. собранія курсовыхъ представителей Императорскаго Александровскаго Лицея, СПБ., 1907 г.», на стр. 4, упоминается еще, что Ломоносовъ «умеръ въ имѣніи Санъ-Данелло, близъ Флоренціи». Это, вѣроятно, описка: вмѣсто «Санъ-Данелло» нужно читать «Санъ-Донатто», т. е. имѣніе Демидова князя Санъ-Донатто.

Ломоносовъ не чуждъ былъ и литературы. Такъ, онъ написалъ статью «Событія въ области Пара», съ подписью «С. Л.». Объ этой статьѣ писалъ князь Вяземскій Плетневу въ 1841 году ²⁾. Она предназначалась Плетневымъ для третьяго номера «Современника», о чемъ Плетневъ писалъ, 11 мая 1841 г., Я. К. Гроту ³⁾.

Пушкинъ не оставилъ намъ стиховъ или посланій, обращенныхъ къ своему товарищу Сергѣю Григорьевичу Ломоносову, но зато мы имѣемъ посланіе Пушкина къ брату Ломоносова, Николаю Григорьевичу, умершему въ 1853 г. Стихотвореніе это написано Пушкинымъ въ 1814 году и напечатано въ

¹⁾ См. «Русскія надгробія въ Греческой церкви города Ливорно» (сообщилъ о. Протоіерей Левинцій).—«Рус. Арх.» 1892 г., кн. 2, стр. 272.

²⁾ См. Сочиненія Плетнева, т. III, стр. 393.

³⁾ См. Переписку Грота съ Плетневымъ, т. I, стр. 349.

«Россійскомъ Музеумѣ» 1815 года, № 3. А въ посмертномъ изданіи приведенъ только отрывокъ этого стихотворенія, подъ заглавіемъ: «Путешественнику» и съ выноскою: «Авторъ писалъ это 14-ти лѣтъ».

Вотъ это посланіе:

Къ Н. Г. Ломоносову.
И ты, любезный другъ, оставилъ
Надежну пристань тишины,
Челнокъ свой весело направилъ
По влагѣ бурной глубины;
Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно свѣтять небеса,
Ладья крылатая пустилась—
Расправить *счастье* паруса.
Дай Богъ, чтобъ грозной непогоды
Вблизи ты ужасъ не видалъ,
Чтобъ бурный вихорь не вздувалъ
Предъ челнокомъ шумящи воды;
Дай Богъ, подъ вечеръ, къ берегамъ
Тебѣ пристать благополучно
И отдохнуть спокойно тамъ
Съ *любовью, дружбой* неразлучно!
Нѣтъ, ты не можешь ихъ забыть!
Но что! Не скоро, можетъ быть,
Увижусь я, мой другъ, съ тобою
Укромной хаты въ тишинѣ:
За чашей пунша круговую
Подъ часъ вспомнишь обо мнѣ;
Когда жъ пойду на новоселье
(Заснутъ вѣдь общій всѣмъ удѣлъ),
Скажи: «Дай Богъ ему веселье!
«Онъ въ жизни хоть любить умѣлъ»¹⁾.

Ефремовъ упоминаетъ еще о третьемъ Ломоносовѣ, который, кажется, замѣчательнъ только тѣмъ, что былъ женатъ на дочери знаменитой актрисы К. С. Семеновой, воспѣтой Пушкинымъ и впоследствии вышедшей замужъ за князя Гагарина.

¹⁾ Сочиненія Пушкина. Академич. изданіе, т. I, изд. 2, Спб., 1900 г., стр. 54. И тамъ же, стр. 72, комментарія Л. Н. Майкова.—См. также комментарія П. А. Ефремова въ изд. сочиненій Пушкина А. С. Суворина. Спб., 1905 г., т. VIII, стр. 15.— А также—изд. литерат. фонда. Спб., 1887 г., т. I, стр. 37.

Въ 1901 году, 5 января, я обратился къ племяннику С. Г. Ломоносова—Алексѣю Михайловичу Ломоносову, лицеисту XXVI курса, выпуска 1863 года (декабрь) ¹⁾, съ просьбою сообщить мнѣ какія-либо біографическія свѣдѣнія о его дядѣ. Алексѣй Михайловичъ Ломоносовъ отъ 6 января 1901 года отвѣтилъ мнѣ любезнымъ письмомъ, изъ котораго я приведу здѣсь нѣкоторыя выдержки. «...Матеріалъ для біографіи дяди и моего благодѣтеля воспитателя Сергѣя Григорьевича Ломоносова остался крайне ничтожный; это переписка съ моею матерью интимнаго характера въ послѣдніе годы жизни въ Гагѣ и въ Ливорно, когда онъ уже болѣлъ очень серьезно и подагра давала себя знать... Самый интересный расцвѣтъ его жизни—это пребываніе въ 30-хъ или въ началѣ 40-хъ годовъ въ Соединенныхъ Штатахъ Секретаремъ при нашемъ Посланникѣ Полетикѣ и затѣмъ въ Лондонѣ и наконецъ назначеніе дяди Посланникомъ въ Бразилію въ 40-хъ годахъ при Донѣ Педро II, который былъ съ нимъ очень друженъ и учился у дяди по русски. Многое пропало изъ его переписки съ сестрою Елизаветою Григорьевною Гореткиной у Александры Николаевны Дурновой ²⁾, которымъ писалъ длинныя письма съ впечатлѣніями. Вообще онъ не лѣнивъ былъ писать и этимъ приобрѣлъ себѣ много друзей въ новомъ и старомъ свѣтѣ. За одну изъ своихъ обратныхъ поѣздокъ при представленіи Императору Николаю I онъ поднесъ суточный уловъ всѣхъ алмазовъ въ породѣ, пожалованный ему Бразильскимъ Императоромъ во время посѣщенія округа Тежухо мѣстечка Діаминтини въ Минасъ-Гераесъ; Николай I благодарилъ дядю и велѣлъ передать въ музей Горнаго Института, гдѣ посейчасъ сохраняются переданные образцы алмазовъ въ итаколумитѣ (порода). Вообще при Португальскомъ дворѣ его любили, особенно къ нему милостива была Королева Португальская Марія ди Глорія, которая часто къ себѣ приглашала къ обѣду. Онъ плавалъ съ Герцогомъ Лейхтенбергскимъ на островъ Мадейру вмѣстѣ съ Брюловымъ, который набросалъ стоquis его поѣздки верхомъ въ горы. Картина у насъ (въ рамкѣ) въ деревнѣ. Затѣмъ дядя получилъ повышение и былъ назначенъ въ Голландію Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Уполномоченнымъ Министромъ. Государыня Анна Павловна была къ нему очень милостива, но онъ не могъ привыкнуть къ климату и не пробывъ 3-хъ лѣтъ скончался 13 октября 1857 года въ Санъ-Донато близъ Ливорно, гдѣ похороненъ въ греческомъ монастырѣ. Былъ знатокъ португальскаго языка, по отзывамъ говорилъ какъ португалецъ и былъ большой

¹⁾ Алексѣй Михайловичъ Ломоносовъ кончилъ курсъ Лицея XII классомъ, былъ коллежскимъ совѣтникомъ и чиновникомъ особыхъ порученій при Государственномъ Банкѣ. Ум. въ Спб., 14 июля 1907 г. Онъ былъ страстный петрографъ, т. е. минералогъ.

²⁾ Вѣроятно, это—супруга Николая Дмитриевича Дурнова, родного племянника Николая Никитича Демидова.

гастрономъ, обѣды его славились, у него былъ отъ папы римскаго поваръ португалецъ, котораго онъ взялъ камердинеромъ и платилъ ему большія деньги, помню готовилъ прекрасно, особенно рисъ что-то около 25 видовъ. Былъ другомъ Прянишникова и Толстова, былъ знатокъ и любитель животныхъ».

Материалами для біографіи С. Г. Ломоносова могутъ служить слѣдующія дѣла, находящіеся въ Москвѣ, въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ:

1) Объ увольненіи въ отпускъ Тит. Сов. (надв. сов.) Камеръ-Юнкера Сергѣя Ломоносова—по 1829 г. (IV—14. 1822 г. № 11).

2) Объ опредѣленіи въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ Сергѣя Ломоносова (IV—1. 1817 г. № 17).

3) Объ опредѣленіи Тит. Сов. Сергѣя Ломоносова секретаремъ миссіи въ Филадельфіи (IV—4. 1818 г. № 9).

4) Объ утвержденіи Тит. Сов. Сергѣя Ломоносова въ должности секретаря Посольства въ Филадельфіи (IV—4. 1820 г. № 12).

5) Объ отзывѣ изъ Вашингтона секретаря Посольства Тит. Сов. Сергѣя Ломоносова (IV—4. 1821 г. № 3).

6) О назначеніи 1-мъ секретаремъ Кол. Сов. Сергѣя Ломоносова при Лондонскомъ Посольствѣ (IV—4. 1830 г. № 3).

7) О выдачѣ отпавл. курьеромъ Ломоносову денегъ (IV—34. 1823 г. № 1 и IV—34. 1828 г. № 1).

8) О пожалованіи Кавалеромъ орд. Св. Владиміра 4 ст. Кол. Ассес. Ломоносова (IV—9. 1824 г. № 14).

9) О дозволеніи Камеръ-Юнкеру Ломоносову носить Испанскій орденъ Карла III (IV—9. 1823 г. № 12).

10) О пожалованіи Надв. Сов. Ломоносову орд. Св. Анны 2 ст. (IV—9. 1828 г. № 27).

11) О пожалованіи Кол. Ассес. Сергѣя Ломоносова въ Надв. Сов. (IV—7. 1825 г. № 26).

12) О пожалованіи Надв. Сов. Сергѣя Ломоносова въ Кол. Сов. (IV—7. 1829 г. № 30).

13) О пожалованіи Тит. Сов. Сергѣя Ломоносова въ Камеръ-Юнкеры (IV—8. 1822 г. № 4).

14) О жалобѣ посланнаго курьеромъ изъ Парижа Ломоносова на Прусскую таможду въ Эккартсбергъ (II—5. 1822 г. № 25).

6.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
КОРСАКОВЪ.

Николай Александрович
КОРСАКОВЪ.

Николай Александровичъ Корсаковъ.

(1800, † 1820).

I.

Всякому, кто занимался библиографическими и біографическими изслѣдованіями, извѣстно, съ какими трудностями сопряжено составленіе біографіи лица, мало извѣстнаго въ исторіи и литературѣ. Трудности эти увеличиваются, когда о такомъ мало извѣстномъ лицѣ нѣтъ никакихъ печатныхъ свѣдѣній.

Въ такомъ положеніи находился я при собираніи біографическихъ и библиографическихъ свѣдѣній во время составленія жизнеописанія первокурсника Царскосельскаго Лицея Николая Александровича Корсакова. Поэтому всякій пойметъ мою радость, когда я прочелъ въ концѣ декабря 1899 года въ «Новомъ Времени» объявленіе о созывѣ «конгресса» рода Корсаковыхъ на 9 января 1900 года. Я послѣшилъ обратиться съ письмомъ къ этому собранію представителей рода Корсаковыхъ и просилъ ихъ сообщить мнѣ біографическія данныя объ одномъ изъ ихъ родоначальниковъ или, лучше сказать, объ одномъ изъ ихъ предковъ—Николаѣ Александровичѣ Корсаковѣ. Выѣсто отвѣта и сообщенія какихъ либо біографическихъ подробностей, я получилъ, почти черезъ годъ (12 декабря 1900 года), курьезный «протоколъ засѣданія 9 января 1900 года». Протоколъ этотъ настолько интересенъ и курьезенъ, что я его помѣщаю здѣсь.

Онъ гласитъ слѣдующее: «На восьмое собраніе членовъ Россійскихъ Дворянскихъ родовъ Корсаковыхъ, Римскихъ-Корсаковыхъ и Князей Дондуковыхъ-Корсаковыхъ, назначенное на 9 января 1900 года въ С.-Петербургѣ, въ домѣ С.-Петербургскаго Дворянства, прибыли нижеслѣдующіе представители названныхъ родовъ:

Георгій Сергѣевичъ	} Корсаковы.
Павелъ Ассигкритовичъ	
Дмитрій Александровичъ	

Василій Александровичъ	}	Римскіе-Корсаковы.
Александръ Александровичъ		
Сергѣй Александровичъ		
Алексѣй Александровичъ		
Ипполитъ Владиміровичъ		
Михаиль Михайловичъ и Евгеній Матвѣевичъ		

Предсѣдателемъ Собранія былъ избранъ Александръ Александровичъ Римскій-Корсаковъ, а секретаремъ Михаилъ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ.

Засѣданіе собранія было открыто въ 4 ч. 35 мин. по полудни.

1. Предсѣдатель поздравилъ Собраніе съ десятилѣтнемъ съѣздовъ послѣ перваго съѣзда въ 1890 году въ Москвѣ.

Предсѣдатель доложилъ Собранію привѣтственные телеграммы отъ отсутствующихъ сородичей: отъ Князя Владиміра Дондукова-Корсакова изъ Романова Могилевской губерніи, отъ Петра Корсакова изъ Пскова, отъ Николая Римскаго-Корсакова изъ Тамаріа (Франція) и отъ Михаила Корсакова изъ Дно (Псковская губернія). Дмитрій Александровичъ Корсаковъ передалъ съѣзду привѣтствіе отъ Ивана Ассигкритовича Корсакова.

2. Дмитрій Александровичъ Корсаковъ доложилъ Собранію, что ему удалось собрать много интересныхъ матеріаловъ по исторіи родовъ Корсаковыхъ, Римскихъ-Корсаковыхъ и Князей Дондуковыхъ-Корсаковыхъ и что въ настоящее время уже возможно приступить къ его (sic) обработкѣ.

На обсужденіе Собранія поставленъ былъ вопросъ, что именно желательно имѣть: «толковую родословную» или обстоятельную «исторію родовъ Корсаковыхъ, Римскихъ-Корсаковыхъ и Князей Дондуковыхъ-Корсаковыхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинулся вопросъ и о средствахъ для изданія сего труда.

Собраніе постановило:

Просить Дмитрія Александровича Корсакова навести справки въ типографіяхъ о приблизительной стоимости различныхъ изданій, а также просить распорядителей снестись съ сородичами для выясненія числа желающихъ (sic) приобрести предполагаемое изданіе.

3. По предложенію Дмитрія Александровича Корсакова Собраніе постановило выразить благодарность всѣмъ сородичамъ, приславшихъ (sic) ему матеріалы по исторіи родовъ.

4. Собранію было доложено письмо Николая Андреевича Гастфрейндъ съ просьбою сообщить біографическія и бібліографическія свѣдѣнія о воспитанникѣ перваго курса Императорскаго Царскосельскаго Лицея Николаѣ Андреевичѣ (sic) Корсаковѣ, для составляемаго имъ словаря лицействовъ.

Собраніе постановило отвѣтить, что имѣемая свѣдѣнія объ указанномъ

сородичѣ будутъ помѣщены въ предполагаемомъ изданіи матеріаловъ исторіи родовъ Корсаковыхъ, Римскихъ-Корсаковыхъ и Князей Дондуковыхъ-Корсаковыхъ.

5. Собраніе единогласно постановило послать телеграмму Князю Владимиру Михайловичу Дондукову-Корсакову съ выраженіемъ благодарности за труды его въ бытность членомъ-распорядителемъ.

6. Такъ какъ у собравшихся участниковъ фамиліной вспомогательной кассы не оказалось требуемаго уставомъ числа голосовъ, то Собраніе участниковъ кассы признано несостоявшимся.

Постановлено назначить второе собраніе участниковъ кассы въ теченіе Января мѣсяца сего года, по усмотрѣнію распорядителей, о чемъ своевременно извѣстить всѣхъ участниковъ кассы.

7. Собраніе поручило г.г. распорядителямъ благодарить Г. С.-Петербургскаго Предводителя Дворянства за разрѣшеніе его собраться въ домѣ Дворянства.

8. По окончаніи всѣхъ подлежащихъ дѣлъ Предсѣдатель объявилъ Собраніе закрытымъ.

Подписали:

Предсѣдатель Собранія А. Римскій-Корсаковъ.

Секретарь М. Римскій-Корсаковъ.

В ѣ р н о:

С. Р. Корсаковъ».

Изъ этого протокола видно, что ко мнѣ относится только параграфъ 4-й, который могъ быть сообщенъ мнѣ болѣе приличнымъ и деликатнымъ способомъ—письмомъ, избавивъ меня отъ чтенія неинтересныхъ для меня подробностей этого протокола. Въ этомъ параграфѣ 4-мъ находится курьезъ, а именно: смѣшеніе моего имени и отчества съ именемъ и отчествомъ Корсакова. Предокъ рода Корсаковыхъ назывался не Николаемъ Андреевичемъ, а Николаемъ Александровичемъ. Если всѣ біографическія свѣдѣнія, собираемыя родомъ Корсаковыхъ, будутъ редактироваться также небрежно, какъ параграфъ 4-й ихъ протокола, то придется наткнуться на еще большіе курьезы и ошибки.

Я не могу понять, почему бы родъ Корсаковыхъ не могъ бы подѣлиться со мною біографическими свѣдѣніями о Николаѣ Александровичѣ Корсаковѣ до изданія въ свѣтъ ихъ матеріаловъ по исторіи родовъ Корсаковыхъ, Римскихъ-Корсаковыхъ и Князей Дондуковыхъ-Корсаковыхъ. Ущербъ отъ этого не могло быть для ихъ монографіи, а между тѣмъ они оказали бы любезность біографу одного изъ ихъ предковъ и не заставили бы напрасно ждать выхода въ свѣтъ ихъ монографіи, которая вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ не появляется въ печати, но трудъ этотъ вышелъ въ литографированномъ видѣ, о чемъ ни одинъ изъ представителей рода Корсаковыхъ не счелъ даже нужнымъ увѣдомить меня, не говоря уже о присылкѣ мнѣ его, хотя бы

*

для просмотра; такъ какъ трудъ этотъ за неизмѣнимъ средствъ на напечатаніе его былъ только отлитографированъ и въ такомъ видѣ разосланъ только представителямъ родовъ, то я и не могъ знать о его существованіи. Эту халатность и крайнюю нелюбезность къ человѣку, который занялъ жизнеописаніемъ ихъ предка, можно объяснить только тѣмъ, что имъ совѣстно было сознаться, что они ничего не знаютъ о своемъ предкѣ. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ мнѣ показали этотъ трудъ,—это толстый отлитографированный фоліантъ, гдѣ каждый родъ различается особымъ писарскимъ почеркомъ (способъ этотъ очень удобенъ въ печати, гдѣ возможны разные шрифты, но запутанъ въ рукописи, гдѣ почерки, хотя бы и разные, легко смѣшиваются). Въ этомъ трудѣ объ интересующемъ меня Корсаковѣ находится всего одна строка, а именно: «Николай Александровичъ воспитанникъ Императорскаго Царекосельскаго Лицея другъ Пушкина» и больше ничего. Составитель не воспользовался даже тѣмъ скуднымъ матеріаломъ, который находится въ печатной литературѣ, и не указалъ даже дня и года его рожденія и смерти, которые легко было извлечь изъ его формуляра. Такимъ образомъ, торжественное и величавое опредѣленіе собранія, что «имѣя свѣдѣнія объ указанномъ сородичѣ будутъ помѣщены въ предполагаемомъ изданіи матеріаловъ исторіи родовъ», оказалось пуфомъ или благими намѣреніями, которыми, какъ извѣстно, вымощенъ адъ. Не лучше ли, не проще ли и не честнѣе ли было сказать просто, что у сородичей нѣтъ никакихъ матеріаловъ о Николаѣ Александровичѣ Корсаковѣ. Но они сочли лучше ограничиться своею величавою, но комическою фразою, допустивъ, однако, ошибку въ отцествѣ своего сородича.

Представители рода Корсаковыхъ также не соблаговолили сообщить мнѣ какихъ-либо біографическихъ свѣдѣній объ отцѣ лицеиста. Его отецъ, Александръ Корсаковъ, былъ отставнымъ гвардіи прапорщикомъ, какъ это видно изъ «Памятной книжки Императорскаго Александровскаго Лицея за 1856—1857 г.г.». Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя имѣлись въ литературѣ о немъ; не было даже извѣстно его отчество. Только благодаря статьѣ Ф. А. Бычкова: «Изъ переписки М. Н. Загоскина» (см. «Рус. Стар.» 1902 г., т. III, августъ, стр. 349—361), гдѣ впервые помѣщены письма другого сына Александра Корсакова, Петра, къ М. Н. Загоскину, въ которыхъ Петръ Александровичъ Корсаковъ упоминаетъ о своемъ отцѣ, мы узнаемъ отчество послѣдняго—Степановичъ. Не зная же его отчества и руководствуясь его именемъ или, лучше сказать, инициаломъ, легко было принять его за другого Корсакова.

Только благодаря статьѣ Ф. А. Бычкова выяснилось, что онъ назывался Александромъ Степановичемъ и умеръ въ 1832 году. Обращаясь къ литографированному фоліанту о родѣ Корсаковыхъ и проч., мы находимъ въ немъ только слѣдующую фразу: «349—274 (стр. 308), Александръ Степановичъ

«сержантъ лейбъ-гвардіи, уволенъ отъ службы прапорщикомъ»¹⁾). Мы познакомимся съ нимъ ниже, изъ писемъ его сына къ Загоскину. Скажемъ здѣсь, что онъ былъ слѣпъ уже въ 1816 году и, поселившись въ деревнѣ, нашелъ заботливый уходъ за собою со стороны своего сына Петра.

О его слѣпотѣ мы находимъ интересныя свѣдѣнія въ монографіи о родѣ князей Дондуковыхъ-Корсаковыхъ, гдѣ сообщается слѣдующее: «Александръ Степановичъ служилъ въ Петербургѣ, въ Лейбъ-Гвардіи Преображенскомъ полку. Однажды онъ со взводомъ солдатъ шелъ по улицѣ и внезапно остановился, потому что ничего не видѣлъ глазами: онъ ослѣпъ—долженъ былъ выйти въ отставку и лечиться. Кажется, лѣтъ шесть онъ ничего не видѣлъ, потомъ его вылечилъ какой-то еврей, и онъ сталъ видѣть; но по прошествіи трехъ лѣтъ онъ снова ослѣпъ и остался такимъ до конца жизни. Еще до первой слѣпоты Александръ Степановичъ Корсаковъ женился на дѣвицѣ Рязановой, дочери одного изъ главныхъ учредителей Сѣверо-Американской компаніи. Отъ этого брака родились сыновья: Петръ, Александръ, Михаилъ, Николай и дочери: Екатерина и Варвара. Позже Александръ Степановичъ былъ

¹⁾ Изъ этого списка мы извлекаемъ слѣдующія генеалогическія свѣдѣнія о родѣ Корсакова въ восходящемъ порядкѣ:

- 272—291 Степанъ Тимофѣевичъ (стр. 29).
- 221—161 Тимофѣй Александровичъ воспитывался въ Сухопутномъ Шляхетскомъ Корпусѣ съ 1732 г. по 1738 г., † въ 1759 г. (стр. 22).
- 161—123 Александръ Гавриловичъ (стр. 17).
- 123—79 Гаврила Никитачъ отставленъ отъ полковой службы (братъ Юсіфа Никитича, дворянина Обонежской патины, въ 1699 г. (стр. 14).
- 79—53 Никита Ильичъ—значится дворяниномъ въ Новгородскихъ книгахъ 1622 г. (стр. 9).
- 53—33 Илья Филипповичъ значится дворяниномъ въ Новгородскихъ книгахъ 1606 г. (стр. 6).
- 33—21 Филиппъ Семеновичъ (стр. 3).
- 21—11 Семень Васильевичъ. Въ 1527, 1528 и 1529 г.г. жалованъ помѣстьями въ землѣ Новгородской (стр. 3).
- 11—6 Василій Михайловичъ, онъ же Васюкъ Михайловичъ, находился въ числѣ боярскихъ дѣтей, сопровождавшихъ Великую Княжну Елену, дочь Іоанна III, въ Литву въ 1495 году. Въ 1500, 1505 и 1508 пожалованъ помѣстьями въ землѣ Новгородской (стр. 2).
- 6—5 Михаилъ Ѳеодоровичъ (стр. 2).
- 5—2 Ѳеодоръ Венцеславичъ (стр. 2).
- 2—1 Венцеславъ или Вячеславъ Сигизмундовичъ прибылъ изъ Польши въ Россію 9-го Января 1390 года, въ числѣ сопровождавшихъ невесту Великаго Князя Московскаго Василя Дмитриевича—Великую Княжну Софью Витовтовну. Отъ него пошелъ въ Россіи родъ Корсаковыхъ. Потомки его (№ 94, 95 и 96—сыновья Семена Дмитриевича: Григорій, Ѳеодоръ и Воинъ Семеновичи.—Ibid., 16, стр. 9—11) показали въ своей родословной, что родъ ихъ воспріялъ начало въ предѣлахъ Римскихъ, вслѣдствіе чего 15 мая 1677 года имъ было дозволено съ ближайшими родственниками писаться Римскими-Корсаковыми («Общ. Герб.» кв. I, 83, и II, 52).
- 1 Жигмундъ или Сигизмундъ Корсакъ, родомъ Чехъ, подданный Римскаго Императора, пришелъ въ Литву при Витовтѣ.

женатъ вторично, у него отъ второго брака были дѣти: Тимофѣй и Елена. Личность почтеннаго старца Александра Степановича Корсакова была весьма замѣчательна; онъ былъ въ семьѣ настоящій патріархъ» ¹⁾).

Въ литографированномъ «Спискѣ лицъ рода Корсаковыхъ, Римскихъ-Корсаковыхъ и князей Дондуковыхъ-Корсаковыхъ съ краткими біографическими свѣдѣніями», хранящемся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, мы находимъ перечисленіе дѣтей Александра Степановича Корсакова (№ 349, стр. 38), а именно: Михаилъ, получившій потомъ фамилію князя Дондукова-Корсакова (№ 425), Петръ Александровичъ (№ 426), Николай Александровичъ (№ 427), Александръ Александровичъ (№ 428), Тимофѣй Александровичъ (429) и дочь Елена Александровна (№ 129; род. въ 1802 г., умерла въ 1844 г., была замужемъ за княземъ Владиміромъ Николаевичемъ Голицынымъ). Въ этомъ спискѣ, къ сожалѣнію, не указаны двѣ дочери Александра Степановича отъ перваго брака—Екатерина и Варвара; о нихъ указываетъ въ своей монографіи князь Алексѣй Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ (стр. 72); съ другой стороны въ только что приведенномъ литографированномъ спискѣ не указано, что дѣти Александра Степановича—Тимофѣй и Елена происходятъ отъ второго брака. Что же касается дочерей Екатерины и Варвары, то о Варварѣ намъ ничего не извѣстно, о Екатеринѣ же можно извлечь кое-какія свѣдѣнія у Плетнева. Въ перепискѣ Плетнева съ Гротомъ, въ письмѣ отъ 3 апрѣля 1843 г., мы находимъ слѣдующія строки: «Всеобщій разговоръ (на вечерѣ у Юрьевича) былъ о магнетизмѣ и ясновидѣніи, что занимаетъ теперь весь городъ по случаю исцѣленія Висковатовой (сестры князя Дондукова) Пашковымъ. Дама эта была лишена употребленія ногъ девять лѣтъ. Теперь она ходитъ. Предсказываетъ, что ей надобно ослѣпнуть и умереть черезъ годъ. Но она скоро получитъ особенный даръ предсказывать въ ясновидѣніи другимъ, почему и проситъ непременно пользоваться тѣмъ, что она можетъ открыть» (т. II, стр. 48—49). Къ этимъ строкамъ издатель переписки дѣлаетъ примѣчаніе, въ которомъ впадаетъ въ странную ошибку, называя сестру князя Дондукова-Корсакова—Екатерину Александровну Висковатову «рожденной княжной Дондуковой-Корсаковой» (т. II, примѣч. стр. 874), между тѣмъ какъ она была рожденной просто Корсаковой. По словамъ автора примѣчанія, сеансъ состоялся 26 февраля 1843 г., а послѣ 12 сеанса Висковатова стала ходить, несмотря на преклонные годы (за шестьдесятъ лѣтъ), она выздоровѣла и пережила даже Пашкова (Андрей Ивановичъ, род. 1792, † 1850). Изъ этого примѣчанія мы видимъ, что Екатерина Александровна родилась послѣ 1783 г. (такъ какъ ей въ 1843 году было за шестьдесятъ лѣтъ).

¹⁾ «Родъ князей Дондуковыхъ-Корсаковыхъ», 1886 г., кн. Алексѣя Михайловича Дондукова-Корсакова, стр. 72.

II.

«Приблизься, милый нашъ пѣвецъ,
Любимый Аполлономъ,
Воспой властителя сердецъ
Гитары тихимъ звономъ:
Какъ сладостно въ стѣсенну грудь
Томленье звуковъ льется!»

Пушкинъ.

Николай Александровичъ Корсаковъ род. въ 1800 году, сынъ отставного гвардіи прапорщика ¹⁾ Александра Степановича Корсакова и жены его, рожденной Рязановой, дочери одного изъ главныхъ учредителей Сѣверо-Американской компаніи; въ Императорскій Царскосельскій Лицей поступилъ при его открытіи, въ 1811 г.—Корсаковъ выдержалъ экзаменъ въ Лицеѣ 1-го августа и получилъ слѣдующія отмѣтки: въ грамматическомъ познаніи языковъ: російскаго — «хорошо»; французскаго — «очень хорошо»; нѣмецкаго — «не знаетъ»; въ ариметикѣ и въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т.-е. физикѣ — «хорошо»; въ начальныхъ основаніяхъ географіи и въ начальныхъ основаніяхъ исторіи — «очень хорошо».

Вскорѣ по поступленіи Корсакова въ Лицей его посѣтили родственники: въ періодъ времени съ 29 октября по 6 ноября 1811 г. коллежскій ассесоръ Корсаковъ, какъ это видно изъ краткой вѣдомости № 2, а въ періодъ времени съ 6 по 13 ноября — прапорщикъ Корсаковъ; вѣроятно, это были два его брата.

Чтобы обрисовать, какъ шло ученіе, мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія объ успѣхахъ въ наукахъ Корсакова въ Лицеѣ, съ характеристиками, сдѣланными преподавателями и воспитателями. Профессоръ Россійской и Латинской словесности Николай Кошанскій въ представленномъ имъ спискѣ воспитанниковъ изъ Россійскаго и Латинскаго классовъ, съ показаніемъ ихъ способностей, успѣховъ и прилежанія за время съ 23 октября 1811 года по 15 марта 1812 года, ставитъ Корсакова въ спискѣ двадцатымъ ученикомъ изъ тридцати и пишетъ: «Николай Корсаковъ столько счастливъ памятью и одаренъ понятливостью, что съ перваго взгляда, обнявъ изъясненіе въ мысляхъ, считаетъ себя свободнымъ отъ вниманія и кажется не чувствуетъ пользы постояннаго прилѣжанія.—Однакожь успѣхи его въ обоихъ языкахъ довольно хороши». Тотъ же самый отзывъ дословно повторяетъ Кошанскій и въ отчетѣ

¹⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, II. Селезнева, 1856 г., стр. 29, въ Памятной книжкѣ Императорскаго Александровскаго Лицея на 1856—1857 г.

отъ 20 ноября 1812 г., за время съ 15 марта по 15-ое октября 1812 г., причеъ въ отчетѣ помѣщаетъ Корсакова двадцать вторымъ ученикомъ.

Мартынъ Пилецкій въ отчетѣ о поведеніи и свойствахъ г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, представленномъ Директору Лицея 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Корсаковѣ: «Корсаковъ (Николай) 12-ти лѣтъ съ весьма хорошими дарованіями, имѣетъ живое воображеніе, острой, бѣглою пронипательной умъ и щастливую память; но пылокъ и слишкомъ рѣзовъ и развлеченъ, чтобы быть основательнымъ и порядочнымъ; полагаясь на свои способности, особливо на память, онъ недовольно прилѣжаетъ къ ученію, обнимаетъ предметы скоро и болѣе поверхностно; оттого онъ нерадивъ, крайне неосмотрителенъ, неопрятенъ, непостояненъ, нескроменъ. Нравственность его была весьма испорчена, вѣрность его была вовсе ненадежна, худыя наклонности и привычки помрачали въ немъ благородство; но искреннее намѣреніе и желаніе себя исправить, скоро можетъ возстановить его, тогда оно распространить благотворное свое вліяніе на всѣ его поступки и дать по крайней мѣрѣ лучшее употребленіе рѣдкому его искусству притворяться, слишкомъ ему свойственному, чтобы онъ могъ совершенно потерять его. Впрочемъ къ похвалѣ его можно сказать то, что онъ пользуется разсудкомъ и совѣтами въ познаніи своихъ слабостей и чѣмъ болѣе получаетъ сего познанія, тѣмъ примѣтнѣе въ немъ стремленіе къ усовершенствованію себя, въ чемъ можетъ онъ здѣлать быстрые успѣхи, но съ опасностію впасть въ лицемѣріе, вообще онъ съ нѣкотораго времени весьма исправился» ¹⁾).

Гувернеръ Чириковъ въ своемъ отчетѣ отъ 30 сентября 1813 г., озаглавленномъ: «Свойство и поведеніе воспитанниковъ Императорскаго Лицея», пишетъ: «Николай Корсаковъ весьма *пылокъ, непризнателенъ, скрытенъ, нерадивъ, неопрятенъ, насмѣшливъ*; впрочемъ усерденъ, услужливъ, ласковъ. При большихъ способностяхъ къ ученію и самонадѣванію, менѣе прочихъ прилагаетъ старанія» ²⁾).

За этотъ же годъ Профессоръ Россійской и Латинской словесности даетъ намъ слѣдующія свѣдѣнія о способностяхъ, прилежаніи и успѣхахъ за время съ 1-го августа до 15-го декабря 1813 г.: «Николай Корсаковъ столько щастливъ памятью и одаренъ понятливостію, что съ перваго взгляда, обнявъ въ мысляхъ изъясненіе, считаетъ себя свободнымъ отъ вниманія и кажется, не чувствуетъ пользы постоянного прилѣжанія, однакожь успѣхи его въ обоихъ языкахъ довольно хороши» ³⁾).

Тотъ же Кошанскій въ своемъ собственноручномъ отчетѣ отъ 9 іюля 1813 г. дѣлитъ всѣхъ воспитанниковъ на 4 категоріи: 1 — превосходные, 2 — отличные, 3 —

¹⁾ «Лицейскій журналъ». Годъ восьмой, IV, 1910—1911 г.г., стр. 29.

²⁾ Въ отчетѣ Чириковъ ставитъ Корсакова двадцать шестымъ.

³⁾ Въ этомъ спискѣ Кошанскій помѣщаетъ Корсакова восемнадцатымъ ученикомъ.

хорошіе и 4—посредственныя. Николая Корсакова онъ ставитъ 4-мъ въ 3-ю категорию, т. е. хорошихъ воспитанниковъ (всего же здѣсь помѣщено 9 учениковъ).

Профессоръ историческихъ наукъ Иванъ Кайдановъ въ «Вѣдомости о дарованіяхъ, прилѣжаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея по части географіи, всеобщей и россійской исторіи отъ 1-го ноября 1812 г. по 1-ое генваря 1814 г.» пишетъ о Николаѣ Корсаковѣ слѣдующее (причемъ ставитъ его въ вѣдомости девятымъ ученикомъ): «Дарованій прекрасныхъ, возбуждая въ немъ всегда охоту къ ученію, я замѣтилъ, что онъ оказываетъ лучшіе успѣхи въ сравненіи съ прежними. Поведеніе его также лучше и благороднѣе, нежели каково было прежде».

Иностранные преподаватели дали слѣдующіе отзывы о Корсаковѣ. Такъ, профессоръ нѣмецкой литературы Фридрихъ де-Гауеншильдъ отъ 31 марта 1812 г. даетъ слѣдующій отчетъ о воспитанникахъ на французскомъ языкѣ (на которомъ, впрочемъ, и преподавалась нѣмецкая литература):

«Korsakoff. C'est un écolier qui n'auroit qu'à vouloir pour être parmi les premiers de sa classe, il est doué d'une mémoire peu commune et de beaucoup de jugement; mais il se borne à l'apparence et n'approfondit rien. Il semble avoir un peu de dissimulation dans le caractère et lorsqu'il peut détourner ses collègues, c'est pour lui un passetemps fort agréables».

Профессоръ французскаго языка де-Будри въ своемъ второмъ отчетѣ (первый не дошелъ до насъ), отъ 18 ноября 1812 г., дѣлитъ воспитанниковъ, по ихъ успѣхамъ, на «отдѣленія»: ко второму отдѣленію онъ причисляетъ Корсакова, о которомъ онъ пишетъ слѣдующее: «Korsakof. Il ne m'(?), apperçois pas que ses progrès répondent à ses facultés, aux quelles il doit la place qu'il occupe ici; car il a de fréquentes distractions en classe et je suis plus d'une fois obligé (é) de le rappeler, à l'ordre. Il seroit bien plus avancé s'il vouloit prendre une bonne résolution».

Наконецъ, Гауеншильдъ въ своемъ второмъ отчетѣ, отъ 19 ноября 1812 г., дѣлитъ воспитанниковъ на 3 степени и лучшихъ воспитанниковъ выдѣляетъ въ категорию такихъ, которыя стоятъ выше даже 1-ой степени, хотя онъ тутъ же замѣчаетъ, что разница между этими двумя степенями почти не ощутительна. Корсакова онъ помѣщаетъ во 2-ую степень, между вторыми учениками, и говоритъ о немъ слѣдующее: «Korsakoff, dont la bonne volonté n'égalait point les facultés que la nature lui a accordées, m'a depuis surpris par son gout naissant pour les études, et beaucoup de progrès».

Кромѣ этихъ отмѣтокъ, были, конечно, и другія, не дошедшія до насъ. Изъ статьи Я. К. Грота о графѣ Корфѣ.¹⁾ мы находимъ одну отмѣтку о

¹⁾ Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 87.

воспитанниках Лицея, гдѣ упоминается Корсаковъ. Причина, вызвавшая эту отмѣтку, такъ пуста, что ее нельзя даже назвать шалостью, — это просто проявленіе дѣтской рѣзвости, — но характерно окончаніе этой отмѣтки, въ которой выражено полное безплодіе всѣхъ увѣщаній Пилецкаго и фіаско всѣхъ его педагогическихъ рессурсовъ, при совершенномъ отсутствіи какого-либо нравственнаго вліянія гувернера на воспитанниковъ. Вотъ что сказано въ этой отмѣткѣ:

«Воспитанники: Корфъ, Данзасъ, Корниловъ, Корсаковъ и Гурьевъ во время прогулки отставали отъ своихъ товарищей и, идучи мимо дворца, разсматривали пойманныхъ бабочекъ и производили шумъ. Слова и увѣщанія гувернера Ильи Степановича Пилецкаго, чтобы они сохранили тишину и наблюдали порядокъ, нимало не имѣли на нихъ дѣйствія».

Изъ всѣхъ отзывовъ воспитателей и преподавателей о Корсаковѣ вытекаетъ то убѣжденіе, что это былъ юноша очень даровитый, замѣчательныхъ способностей, хватавшій все на лету и безъ особеннаго труда усваивавшій себѣ преподаваемые предметы. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Корсаковъ сталъ въ числѣ первыхъ воспитанниковъ, образовавшихъ въ стѣнахъ Лицея литературный кружокъ, гдѣ они упражнялись въ стихотворствѣ. Конечно, общаго литературнаго значенія этотъ кружокъ не могъ имѣть; для общества онъ являлся только шалостью учениковъ, но для исторіи Лицея, для исторіи жизни учениковъ въ стѣнахъ Лицея — эти шалости имѣли огромное значеніе, кружокъ является замѣчательнымъ фактомъ или явленіемъ въ жизни воспитанниковъ I-го курса Царскосельскаго Лицея, развившимъ въ нихъ поэтическое дарованіе и любовь къ литературѣ. Эти школьныя шалости дали толчокъ и послужили стимуломъ къ расцвѣту поэтическихъ талантовъ Пушкина, Дельвига, Кюхельбекера, Корсакова, Илличевского и др. Но судьба ихъ поэтическихъ дарованій была различна: Пушкинъ въ силу своего гениальнаго творчества затмилъ не только всѣхъ своихъ лицейскихъ товарищей, но всѣхъ предшествовавшихъ и послѣдующихъ русскихъ поэтовъ, хотя въ Лицеѣ Пушкинъ, какъ поэтъ, уступалъ первенство Илличевскому. Не будь натура Пушкина столь гениальна, другіе поэты его школьной семьи заняли бы подобающее имъ мѣсто на русскомъ Парнасѣ. Кюхельбекеръ, Дельвигъ, Корсаковъ — не затерялись бы среди современныхъ поэтовъ. Лучи славы Пушкина затемнили ихъ, а земныя невзгоды лишили ихъ дальнѣйшаго развитія. Илличевскій, проявивъ поэтическій талантъ въ Лицеѣ, заглохъ и ничѣмъ не выдѣлился въ жизни; Кюхельбекеръ много писалъ и боролся въ жизни, но несчастное событіе 14 декабря 1825 года, гдѣ онъ попался какъ куръ во щи, прекратило официально его поэтическую дѣятельность, хотя онъ продолжалъ свою поэтическую и писательскую дѣятельность въ казематахъ и на поселеніи въ Сибири, и только неумолимая смерть скосила этого энергиче-

скаго бойца на литературномъ поприщѣ. Дельвигъ умеръ слишкомъ рано, не проявивъ всего своего таланта. Наконецъ, Корсаковъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, не высказавъ всего того, что заключалось въ его высокоодаренной натурѣ, и если судить по началу его литературной дѣятельности, то мы потеряли въ немъ даровитаго человѣка и замѣчательнаго поэта.

Корсаковъ, по выходѣ изъ Лицея, прожилъ всего три года. Поэтому весь интересъ жизни Корсакова заключается въ тѣхъ 6-ти годахъ, которые онъ прожилъ въ Лицеѣ; въ этомъ періодѣ заключается альфа и омега всей его поэтической дѣятельности. Вслѣдствіе этого, остановимся нѣсколько подробнѣе на дѣятельности лицейстовъ въ стѣнахъ своего заведенія и, въ особенности, на поэтическомъ творествѣ и литературной дѣятельности Корсакова въ стѣнахъ Лицея.

Всякому извѣстно изъ записокъ Ив. Ив. Пущина, что сейчасъ же по вступленіи въ Лицей толчекъ къ поэтической дѣятельности лицейстовъ данъ былъ Кошанскимъ, который, по окончаніи одной лекціи, предложилъ имъ описать розу стихами. Какъ извѣстно, Пушкинъ раньше всѣхъ остальныхъ и, вѣроятно, удачнѣе другихъ, сдѣлалъ описаніе розы стихами. Это предложеніе Кошанскаго дало первый толчекъ къ поэтической дѣятельности лицейстовъ. Всѣ они взапуски пустились писать стихи и, если не всѣ сдѣлались Пушкинными и Иличевскими, то для многихъ это было началомъ ихъ стихотворной дѣятельности; не всѣ, конечно, могли вдругъ овладѣть стихомъ — напр. для Кюхельбекера стихосложеніе являлось камнемъ преткновенія — но всѣ стали другъ передъ другомъ шеголять своими стихами и, наконецъ, все-таки овладѣли стихомъ. Для насъ не важно, что стихи эти съ точки зрѣнія литературной не имѣли большого значенія, но намъ важно, что стихи эти создавались въ Лицеѣ и въ нихъ выразился поэтической талантъ этихъ мальчиковъ, которымъ они всецѣло обязаны Кошанскому.

Второю причиною, послужившею къ развитію литературной дѣятельности лицейстовъ, было распоряженіе, въ самомъ началѣ курса, о запрещеніи воспитанникамъ выѣзжать изъ Лицея, т. е. отлучаться за предѣлы Царскаго Села. Поэтому весь остальной міръ сталъ для нихъ <чужбиною>, и Царское Село олицетворяло имъ все отечество. Эта мысль прекрасно выражена Пушкинымъ въ одной изъ строфъ стихотворенія <19 октября 1825 г.> — <Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ>:

«Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!

Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ —

Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,

Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.

Куда бы насъ ни бросила судьбина,

И счастье куда бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
Отечество намъ Царское Село».

Но эта неприятность имѣла для нихъ въ будущемъ благотворное значеніе: она сблизила ихъ, сдружила, сроднила на всю жизнь. Вслѣдствіе этой замкнутости отъ всего остального міра, въ самыхъ стѣнахъ заведенія развилась въ ихъ кругу шумная жизнь, способствовавшая заполнять ихъ досуги и служившая для нихъ развлеченіемъ. Послѣ дѣтскихъ военныхъ игръ устраивались домашніе спектакли. Душою этихъ спектаклей былъ А. Н. Иконниковъ, внукъ знаменитаго актера Дмитревскаго, писавшій для лицействъ даже театральныя пьески. Изъ пьесъ Иконникова уцѣлѣла въ рукописи комедія въ одномъ дѣйствіи «Добрый Помѣщикъ», написанная для М. Л. Яковлева, отличавшагося мимическимъ талантомъ. Въ ней участвовали: Масловъ, Пущинъ, Костенскій, Илличевскій, Яковлевъ и *Корсаковъ*. До содержанія комедіи, до крайности наивнаго, намъ нѣтъ дѣла. Она представлена была 30 августа, въ день именинъ Императора Александра, а послѣ нея пропѣты Яковлевымъ съ хоромъ, сочиненные Иконниковымъ же куплеты ¹⁾. Но домашніе спектакли прекратились уже въ 1812 году, по распоряженію графа А. К. Разумовскаго, Министра Народнаго Просвѣщенія.

Въ 1815 году эти спектакли возобновились. Кромѣ того, лицеисты посѣщали въ Царскомъ Селѣ домашній театръ графа В. В. Толстого.

Но самымъ интереснымъ событіемъ въ жизни Лицея было образованіе литературнаго кружка среди лицействъ и изданіе ими журнала. Событіе это случилось такимъ образомъ: Мартынъ Степановичъ Пилецкій, инспекторъ Лицея, предложилъ учредить собраніе всѣхъ молодыхъ людей, которыхъ общество найдетъ довольно способными къ исполненію должности сочинителя, и чтобы всякій членъ сочинилъ что-нибудь въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, двухъ недѣль, безъ чего его выключать. Это остроумное предложеніе Пилецкаго дало огромные, благотворные результаты; оно не только наполнило досуги лицействъ, но оно придало къ ихъ досугамъ плодотворную дѣятельность, дало имъ разумную цѣль и способствовало подъему ихъ творчества. Нѣтъ причины говорить, что лицеисты ухватились съ радостью за это предложеніе. На этихъ общихъ бесѣдахъ каждый изъ воспитанниковъ долженъ былъ рассказать что-нибудь, вымышленное имъ или вычитанное изъ какой либо книги; такимъ образомъ, помимо пріятнаго препровожденія времени, эти бесѣды служили къ развитію воображенія и вызывали на свѣтъ Божій за-

¹⁾ Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія. В. Гаевскій. «Современникъ» 1863 г., т. ХСVII, стр. 138.

пасъ творческихъ силъ; и съ этой стороны эти бесѣды развивали въ ученикахъ склонность къ литературѣ. По мѣрѣ накопленія такихъ разсказовъ, анекдотовъ, стиховъ и проч. образовался достаточный запасъ матеріаловъ, который требовалъ для себя болѣе обширную аудиторію; поэтому вполне естественно явилась потребность утилизировать этотъ запасъ литературныхъ произведеній и, какъ логическое слѣдствіе этой мысли, явилась потребность основать журналъ, гдѣ бы могли помѣщаться литературныя произведенія, читанныя на этихъ бесѣдахъ.

И, дѣйствительно, мы видимъ, что 3-го декабря 1811 г. явился первый листъ перваго лицейскаго журнала подъ названіемъ: «Вѣстникъ»; намъ пріятно констатировать, что издателемъ этого перваго лицейскаго журнала былъ Николай Корсаковъ. По словамъ В. Гаевского, Корсаковъ еще раньше этого «Вѣстника» издавалъ лицейскія газеты, о чемъ, впрочемъ, упоминается въ этомъ «Вѣстникѣ». Намъ не должно удивлять, что Корсаковъ явился издателемъ лицейскаго журнала, такъ какъ его братъ въ то время принималъ дѣятельное участіе въ литературѣ и былъ затѣмъ самъ редакторомъ журнала.

«Есть поводъ думать, — какъ справедливо замѣчаетъ В. Гаевскій, — что еще до изданія этого листка, хотя и выставленъ на немъ № 1, существовали другіе, потому что въ немъ дважды упоминается о «Лицейскихъ газетахъ», которыя издавалъ тотъ же Корсаковъ». Не имѣя, во время составленія нашего труда, подъ руками этого «Вѣстника»¹⁾, мы воспользовались поверхностнымъ описаніемъ его, сдѣланнымъ В. Гаевскимъ. «Первая страница, говоритъ В. Гаевскій, занята извѣстіемъ о ссорахъ и примиреніяхъ между лицами, для насъ не интересными. Описаніе это переполнено ошибками противъ смысла и грамматики и свидѣтельствуетъ о невысокомъ уровнѣ образованія юношества, поступившаго въ Лицей. За извѣстіями слѣдуетъ «Смѣсь», въ которой помѣщены: недурное для 12-ти-лѣтняго возраста, и, вѣроятно, первое стихотвореніе Иличевского «Сила времени» и «Отрывокъ изъ грозы С—тъ Ламберта», переведенный съ французскаго Кюхельбекеромъ. Последнее стихотвореніе, переведенное, сколько можно догадаться, изъ поэмы Ламберта *Les Saisons*, такъ плохо, что даже не имѣетъ смысла, и помѣщено въ насмѣшку надъ переводчикомъ, слабо знавшимъ русскій языкъ». Въ последнемъ отдѣлѣ этого листка, подъ заглавіемъ «Разныя извѣстія», находится предложеніе Пилецкаго, о которомъ мы сказали выше. Листокъ этого перваго лицейскаго журнала остался недописаннымъ, но охота, возбужденная толчкомъ Пилецкаго, къ литературнымъ занятіямъ не заглохла въ средѣ юныхъ лицейцевъ. Кружокъ юношей, выказавшихъ свое рвеніе къ литературнымъ занятіямъ, не заглохъ, но напротивъ горячо принялся за задуманное ими дѣло. Уже въ слѣдующемъ 1812 г. появились

¹⁾ См. К. Я. Гротъ: Пушкинскій Лицей (1811—1817). Спб., 1911 г., стр. 244—248.

вдругъ два журнала, раздѣлившіе кружокъ лицействовъ-писателей на два лагеря. Одинъ лагерь, къ которому принадлежали Вольховскій, Есаковъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ, Масловъ и Яковлевъ, издавали журналъ «Для удовольствія и пользы», выходившій не только въ 1812 г., но и въ 1813 г., въ количествѣ 12 номеровъ. Ко второму лагерю принадлежали Пушкинъ, Дельвигъ и Корсаковъ. Они издавали журналъ подъ заглавіемъ: «Неопытное Перо», вышедшій въ нѣсколькихъ номерахъ, гдѣ было помѣщено первое стихотвореніе «Роза», написанное по предложенію профессора Кошанскаго, о чемъ мы говорили выше. Къ сожалѣнію, оба эти журнала не сохранились. Въ 1813 г. явился новый журналъ «Юные Пловцы», въ которомъ, однако, Корсаковъ не принималъ участія. Начальство Лицея нашло, что изданіе журналовъ и литературныя занятія для пополненія этихъ журналовъ отвлекаютъ воспитанниковъ отъ ученія; поэтому оно запретило имъ издавать журналы. Но запрещеніе это не остановило лицействовъ въ ихъ рвеніи къ литературнымъ трудамъ: сейчасъ же въ 1813 г., по прекращеніи журнала «Юные Пловцы» на 2 номеръ, появляются отдѣльныя изданія или отдѣльныя тетради сочиненій членовъ этого кружка.

Несмотря на запрещеніе, въ 1813 г. сталъ издаваться новый лицейскій журналъ, подъ заглавіемъ «Лицейскій Мудрецъ». Инициаторами этого журнала были: Данзасъ, Корсаковъ, Мартыновъ и Ржевскій. Журналъ выходилъ неправильно, но просуществовалъ, съ небольшими промежутками, въ продолженіе трехъ лѣтъ, т. е. до конца 1816 г., то прекращаясь, то возобновляясь, что вызвало бездну эпиграммъ. По словамъ В. Гаевского, содержаніе уцѣлѣвшихъ четырехъ номеровъ «Лицейскаго Мудреца» не занимательно, потому что они имѣютъ совершенно мѣстный и слишкомъ личный характеръ. Главное участіе въ журналѣ принимали: Корсаковъ, сочинявшій стихотворенія и статьи отъ редакціи, Илличевскій, которому принадлежатъ карикатуры и большая часть эпиграммъ, затѣмъ Дельвигъ и Данзасъ. Объ участіи двухъ послѣднихъ свидѣлствуютъ слова на оберткѣ журнала: «Печатать позволяется. Цензоръ баронъ Дельвигъ. Въ типографіи К. Данзаса». Въ составъ журнала входили: такъ называемая «изящная словесность», иногда критика и смѣсь съ карикатурами.

«Предметами каррикатуръ были преимущественно товарищи, въ особенности Кюхельбекеръ, и возбуждавшій безпощадныя насмѣшки своею анекдотическою ограниченностью М—въ (Павель Николаевичъ Мясоедовъ) ¹⁾, ко-

¹⁾ О немъ упоминаетъ Пушкинъ въ письмѣ изъ Читы къ Энгельгардту отъ 14 марта 1830 г., а комментаторъ этихъ писемъ К. Я. Гротъ въ примѣчаніи замѣчаетъ, что Мясоедовъ извѣстенъ былъ особенно по сатирическимъ статьямъ и иллюстраціямъ въ лицейскихъ журналахъ. «Историч. Вѣстн.» 1905 г., т. СІ, августъ, ст. К. Я. Грота: «Изъ Лицейской старины».

тому Дельвигъ совѣтовалъ по этой причинѣ праздновать свои именины въ день «усѣкновенія главы». Особенно доставалось М—ву по поводу сочиненія его о восходѣ солнца, сочиненія, о которомъ говоритъ г. Бартеневъ въ біографіи Пушкина, и начатаго выраженіемъ: «Блеснулъ на западъ румяный царь природы». Оно вызвало остроумную эпиграмму Илличовскаго, которая долго приписывалась Пушкину, и довольно злую статью въ «Лицейскомъ Мудрецѣ».

По словамъ В. Гаевского, большая часть журнала занята шуточными стихотвореніями и «національными пѣснями», заключающими намеки, имѣющіе значеніе лишь для кружка, въ которомъ составились. Съ этимъ мнѣніемъ можно не согласиться и можно было бы возразить очень многое.

Журналъ «Лицейскій Мудрецъ» долго считали потеряннымъ вмѣстѣ съ бумагами, оставшимися послѣ умершаго въ Италіи Корсакова.

«Но г. Гаевскій въ 1863 году пользовался и этимъ журналомъ, по крайней мѣрѣ уцѣлѣвшюю частью его, и вкратцѣ сообщилъ ея содержаніе. Теперь она, въ числѣ другихъ бумагъ, передана мнѣ покойнымъ Матюшкинымъ», говоритъ Я. К. Гротъ.

Сохранившійся «Лицейскій Мудрецъ» составляетъ небольшую тетрадь или книжку въ формѣ продолговатаго альбома, въ красномъ сафьянномъ переплетѣ. На лицевой сторонѣ переплета, въ золотомъ вѣнкѣ читается заглавіе и подъ нимъ означенъ годъ: «1815».

Въ январѣ этого года воспитанники перешли въ старшій курсъ, а возобновленный журналъ сталъ выходить осенью и продолжался еще въ началѣ 1816 года. Въ этотъ періодъ явилось четыре номера, которые всѣ и содержатся въ описанной книжкѣ. Въ концѣ каждаго раскрашенные рисунки работы Илличовскаго, представляющіе то воспитанниковъ, то наставниковъ въ разныхъ сценахъ, отчасти описанныхъ въ статьяхъ журнала. Издателями, по словамъ Матюшкина, были: Данзасъ (будущій секундантъ Пушкина) и Корсаковъ. Статьи по большей части писаны красивымъ почеркомъ перваго, почему въ началѣ книжки и означено: «Въ типографіи Данзаса». Изъ прибавленной къ этому шутки: «Печатать позволяется. Цензоръ Баронъ Дельвигъ», можно заключить, что этотъ товарищъ, всѣми уважаемый за свою основательность, просматривалъ статьи до переписки ихъ начисто. Почти вся проза принадлежитъ, кажется, самому Данзасу; по крайней мѣрѣ, во 2-мъ уже номерѣ онъ бранитъ своихъ читателей за то, что они ничего не даютъ въ журналъ, и грозитъ имъ, что если это будетъ продолжаться, «если, говоритъ онъ, ваши Карамзины не развернутся и не дадутъ мнѣ какихъ-нибудь смѣшныхъ разговоровъ: то я сдѣлаю вамъ такую штуку, отъ которой вы не скоро отдѣляетесь. Подумайте. — Онъ не будетъ издавать журнала? — Хуже. —

Онъ натреть ядомъ листочки Лицейскаго Мудреца. — Вы почти угадали: я подарю васъ усыпительною балладою г. Гезеля» (то-есть Кюхельбекера). Последній то подъ приведеннымъ именемъ, то съ намекомъ на пристрастіе къ дерптскимъ студентамъ или на дурное произношеніе русскаго языка, служить постояннымъ предметомъ насмѣшекъ на страницахъ «Лицейскаго Мудреца». Одна изъ статей любопытна, какъ современное свидѣтельство о толкахъ, которые возбуждало недавнее паденіе Наполеона. Она имѣетъ форму письма къ издателю, подъ заглавіемъ: «Занятіе Наполеона Буонапарте на Нортумберландѣ». Авторъ воображаетъ, что онъ, плывя на одномъ кораблѣ съ эксъ-императоромъ, отдѣленъ только перегородкою отъ его каюты и видитъ сквозь щелку все, что онъ дѣлаетъ: «властелинъ Франціи, бичъ вселенной, родоначальникъ великой династіи Наполеонидовъ... поймалъ двѣ крысы, и бросивъ межъ ними кусокъ сахару, занимался тѣмъ что эти твари ссорились и дрались за него съ остервененіемъ!.. Порадовавшись удали французской крысы, онъ ихъ опять запираетъ въ свой ящикъ и, гуляя по комнатѣ, говоритъ: «Oh, le maudit vieillard de Blücher! il m'a fait bien du mal... Bien mal fait d'avoir quitté Elbe. J'avais tout ce que je voulais. Mon unique plaisir à présent composent ces deux rats, que je fais combattre; aujourd'hui c'est le Français qui a le dessus, j'en suis bien aise... Бѣдный монархъ: тебя разбили, посадили на корабль и везуть въ вѣчную тюрьму, а твое утѣшеніе въ двухъ крысахъ!»

Стоитъ также упомянуть объ одной мысли въ статьѣ «Апологія». Авторъ защищаетъ слѣдующимъ образомъ вызовъ въ Россію иностранныхъ преподавателей: «Стоялъ я столбнякомъ въ лѣсу и думалъ, помнится мнѣ, о томъ, какъ бы выгнать всѣхъ профессоровъ чужестранцевъ изъ матушки Русской земли, а на мѣсто ихъ поставить въ университеты Самоѣдовъ и Чукчей. Ахъ, постойте, любезные чтецы, я перерву мой рассказъ коротенькимъ размышленіемъ. Какую пользу это принесетъ Россіи, а особенно намъ, школьникамъ? Теперь въ классахъ говорятъ о правахъ естественныхъ, а преподаютъ только теорію; а подъ профессорствомъ г. Чукчи мы, раздирая ногтями мясо кобылье, повторяли бы естественное право на самой лучшей практикѣ».

Стихотворная часть «Лицейскаго Мудреца» принадлежитъ, по преданію, Корсакову, Илличевскому и др. На пародію «Пѣвца» Жуковскаго и одну эпиграмму Илличевскаго уже указалъ г. Гаевскій въ одной изъ статей своихъ. Всего любопытнѣе переписанныя въ этомъ журналѣ *національныя тѣсни* (замѣчательное для того времени названіе) перваго курса. Анненковъ нашелъ отрывки изъ нихъ между автографами Пушкина и передалъ въ своихъ «Матеріалахъ» немногіе оттуда куплеты. Г. Гаевскій сообщилъ другіе отрывки. По свидѣ-

тельству Пушкина, знаменитый поэт принималъ участіе въ сочиненіи національныхъ пѣсень, которыя, какъ извѣстно, сочинялись сообща.

Въ слѣдующемъ куплетѣ:

«Но кто нѣмецкихъ бредней томъ
 Покроетъ вѣчной пылью?
 Пилецкій, пастыръ душъ съ крестомъ,
 Иконниковъ съ бутылью»...

покойный Матюшкинъ признавалъ себя авторомъ послѣдняго стиха. О лицахъ, къ которымъ относится это мѣсто, было уже не разъ упоминаемо въ печати. Выраженіе «нѣмецкія бредни» намекаетъ на героя пѣсни Гауеншильда, профессора нѣмецкой литературы, который одно время исправлялъ должность директора. Какъ онъ, такъ и другіе два наставника, рядомъ съ нимъ названные, достаточно уже охарактеризованы, со словъ графа Корфа, В. П. Гаевскимъ и Анненковымъ ¹⁾.

Кромѣ этихъ журналовъ и разныхъ сборниковъ отдѣльныхъ авторовъ, былъ изданъ сборникъ, переписанный въ 1814 г. Пушкинымъ, подъ заглавіемъ: «Жертвы Мому» или «Лицейская Антологія». Вся эта тетрадь стихотвореній написана преимущественно на Кюхельбекера и большинство стихотвореній принадлежитъ Пушкину и Илличевскому. Кромѣ всѣхъ этихъ журналовъ, издавался еще журналъ каррикатуръ, въ которомъ участвовали Илличевскій, Мартыновъ и Пушкинъ; гувернеръ и учитель рисованія Чириковъ былъ руководителемъ этого журнала.

Такимъ образомъ, если Илличевскій былъ душою всѣхъ этихъ журналовъ, то и Корсаковъ не отставалъ отъ него и имѣлъ свою инициативу въ изданіи журнала «Лицейскій Мудрецъ», въ которомъ Корсаковъ помѣщалъ статьи отъ редакціи, являясь редакторомъ этого журнала, а Дельвигъ—цензоромъ, К. Данзасъ олицетворялъ собою типографію, въ которой печатался этотъ журналъ, т. е., другими словами, онъ самъ лично, четкимъ почеркомъ, переписывалъ этотъ журналъ. Какъ онъ составлялся, какъ онъ редактировался этимъ интеллигентнымъ кружкомъ лицейстовъ, всего лучше видно изъ воспоминаній Пушкина въ стихотвореніи своемъ «19-го октября 1825 года»:

«...Златые дни, уроки и забавы,
 И черный столъ, и бунты вечеровъ,
 И нашъ словарь, и плески мирной славы,
 И критика лицейскихъ мудрецовъ!...» ²⁾

¹⁾ Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, стр. 35—38.

²⁾ «Черный столъ» находился въ столовой Лицея отдѣльно отъ общаго стола и служилъ трапезою наказанныхъ. «Словарь», по компетентному замѣчанію академика

Къ сожалѣнію, мы не видѣли журнала «Лицейскій Мудрецъ», когда составлялись эти біографическіе очерки, и вообще все лицейскія бумаги академика Я. К. Грота оказались для насъ недоступными. Нынѣ эти бумаги напечатаны его сыномъ, профессоромъ К. Я. Гротомъ, въ книгѣ подъ заглавіемъ: «Пушкинскій Лицей (1811—1817). Бумаги I курса». Спб. 1911 г.

Въ этой книгѣ напечатаны лицейскіе журналы и въ томъ числѣ «Лицейскій Мудрецъ», въ № 1 котораго находится стихотвореніе Корсакова «Нѣтъ, нѣтъ» (стр. 262), а въ № 4—«Ich Schwitze» (стр. 297).

Вообще въ этихъ журналахъ вся проза и стихи появлялись безъ подписей авторовъ. Мы можемъ указать, что эти два стихотворенія принадлежатъ Корсакову, потому что мы имѣемъ пять стихотвореній Корсакова, писанныхъ имъ въ Лицеѣ и помѣщенныхъ въ сборникъ «Духъ Лицейскихъ трубадуровъ», на заглавномъ листѣ котораго обозначенъ 1833 годъ, т. е. это, вѣроятно, годъ, когда этотъ сборникъ былъ переписанъ начисто. Рукопись этого сборника принадлежала К. К. Данзасу, а нынѣ принадлежитъ его племянницѣ, Татьянѣ Борисовнѣ Сѣмечкиной, дочери Бориса Карловича Данзаса, воспитанника 2-го курса Лицея.

Первое стихотвореніе Корсакова въ этомъ сборникѣ озаглавлено: «Наташѣ»¹⁾.

Наташя была крѣпостная дѣвушка въ труппѣ домашняго театра, имѣвшаяся у одного изъ Царкосельскихъ жителей, камергера, графа Варфоломея Васильевича Толстого. Въ 1814 году, когда завелась эта группа, лицеисты посѣщали представленія домашняго театра графа Толстого и засматривались на очень милостивую, но плохую актрису, изображавшую первую любовницу труппы.

Пушкинъ написалъ о ней:

«Ты—не наслѣдница Клероны²⁾,
Не для тебя свои законы

Я. К. Грота, составлялся воспитанниками и заключалъ въ себѣ характеристику всехъ лицъ, принадлежавшихъ къ составу Лицея.—«И критики лицейскихъ мудрецовъ», т. е. сотрудниковъ журнала «Лицейскій Мудрецъ». (Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, Я. К. Грота. Спб., 1899 г., стр. 144).

¹⁾ Стихотвореніе это перепечатано К. Я. Гротомъ въ своей книгѣ «Пушкинскій Лицей» изъ такъ называемой «тетради Матюшкина», гдѣ оно имѣетъ подпись Корсакова. К. Я. Гротъ въ примѣчаніи указываетъ, что это стихотвореніе относится къ дочери вназя Кочубея, какъ и Пушкинское «Къ Наташѣ». Такимъ образомъ, по мнѣнію К. Я. Грота, оказывается, что Гаевскій, Майковъ, П. А. Ефремовъ и другіе комментаторы ошиблись, приписывая это стихотвореніе къ крѣпостной актрисѣ Толстого. Къ графинѣ (а не внажкѣ) Наташѣ Викторовнѣ Кочубей (род. 1801, † 24 января 1855 г.), бывшей впоследствии замужемъ за графомъ А. Г. Строгановымъ, относится стихотвореніе Пушкина «Измѣны». Мы придерживаемся комментаторовъ, которые относятъ это стихотвореніе къ крѣпостной актрисѣ Наташѣ.

²⁾ Знаменитая французская актриса (род. 1723, † 1803 г.). Странно, что П. А. Ефремовъ въ т. VIII, редактируемыхъ имъ сочиненій А. С. Пушкина въ примѣчаніи къ этому

Владѣлецъ Пинда начерталь,
 Тебѣ немного Богъ послалъ:
 Твой голосокъ, тѣлодвиженья,
 Нѣмыя взоровъ обращенья
 Не стоять, признаюсь, похваль
 И шумныхъ плесковъ удивленья;
 Жестокой суждено судьбой
 Тебѣ актрисой быть дурной...
 Но, Хлоя, ты мила собой!
 Тебѣ во слѣдъ толпятся смѣхи,
 Сулятъ любовникамъ утѣхи.
 Итакъ, вѣнцы—передъ тобой,
 И несомнительны успѣхи» ¹⁾.

Ее то и звали «Наташей», и «сердце страстное плѣнилось» ею какъ у Пушкина, такъ и у Корсакова. Указаніе на 1814 годъ, когда начались спектакли, даетъ намъ возможность приурочить стихотвореніе Корсакова, обращенное къ «Наташѣ», къ 1814 году, т. е. къ тому же году, къ которому относится и стихотвореніе къ ней же Пушкина; вотъ это стихотвореніе Корсакова:

Н а т а ш ѣ.

«О радость! восхищенье!
 Сего дня воскресенье,
 И чувства въ упоеньѣ
 Къ обѣднѣ я лечу!

Я видѣлъ тамъ Наташу
 И страсти выпилъ чашу...
 Любовь кто можетъ нашу
 Прервать?... но мнится, чу!

Вотъ колоколь раздался,
 Народъ весь зашатался,
 Съ женою попъ разстался
 И въ церкви весь причеть.

О Господи! я грѣшной,
 Къ спасенію безпечной!
 Наташа, другъ сердечной,
 Одна меня влечеть».

стихотворенію (стр. 12) говорить, что стихотвореніе относится къ крѣпостной актрисѣ, красивой, но плохой, которую, однако, Пушкинъ уподобилъ знаменитой французской Клеронъ. Изъ самаго текста стихотворенія ясно, что г. Ефремовъ ошибается, такъ какъ Пушкинъ не уподоблялъ Наташу французской актрисѣ Клеронъ и только говорить, что она «не наследница Клероны», т. е. ни въ чемъ не похожа на Клероны.

¹⁾ Сочинен. А. С. Пушкина, 2 академ. изд., 1900, стр. 39, «Къ молодой актрисѣ».

Остальные четыре стихотворенія являются юмористичными, шуточными пьесами, рисующими Корсакова весьма милымъ шутникомъ, жизнерадостнымъ весельчакомъ. Но и среди этого веселья «кудрявый нашъ пѣвецъ съ огнемъ очей, съ гитарой сладкогласной» роняетъ намъ мысли, достойныя вниманія въ устахъ мальчика 16—19 лѣтъ. Въ этомъ отношеніи интересно ниже приводимое стихотвореніе «Нѣтъ, нѣтъ», въ которомъ онъ рисуетъ свой идеаль, рисуетъ то, чего бы онъ не хотѣлъ совершить и то, что ему хотѣлось бы достигъ, т. е. чтобы въ спокойномъ убѣжищѣ онъ былъ бы всегда достойнымъ счастья, и даже чтобы ему всѣ завидовали въ его счастья.

Н ѣ т ь! Н ѣ т ь!

«Ты хочешь, чтобъ я вновь пустился,
Любезный другъ, въ сей шумный свѣтъ,
Кричалъ, гремѣлъ и суетился,—
Нѣтъ! Нѣтъ!

Ты хочешь, чтобы полнъ отваги,
Наемный будучи Поэтъ,
Я разумъ ставилъ въ контръ бумаги,—
Нѣтъ! нѣтъ!

Чтобъ для ассесорскаго чину,
Готовъ былъ всякому сонеть,
Чтобъ льстилъ вельможѣ-господину,—
Нѣтъ! нѣтъ!

Чтобъ франтомъ въ общество пустился,
Имѣлъ тьму слугъ и тьму каретъ,
Былъ bel-esprit, шутилъ, рѣзвился,—
Нѣтъ! нѣтъ!

Ты хочешь, чтобы въ глупомъ спорѣ
Рѣшалъ всѣ ссоры (игры) пистолетъ,—
Чтобъ былъ я съ разумомъ въ раздорѣ,—
Нѣтъ! нѣтъ!

А я хочу, чтобы въ спокойномъ
Убѣжищѣ я былъ всегда,—
Былъ въ счастья зависти достойномъ,—

Да! Да!»

Слѣдующее стихотвореніе: «Какъ не такъ» является сатирой на нравы, продажность людей, ихъ лицемеріе, плутовство и на литературный зарабо-

токъ изъ-за стараго фрака. Но въ немъ онъ даетъ и мораль, т. е. высказываетъ свой идеаль. Идеаль этотъ очень прямолинеенъ, какъ и подобаеть юношѣ, не столкнувшемуся еще съ жизненною этикою. Онъ требуетъ голой правды и говорить: оставьте обняки, лучше правдою живите... какъ думаете, такъ и говорите... если человекъ—дуракъ, то и говорите ему или другимъ, что онъ дуракъ. Вотъ это стихотвореніе:

Какъ не такъ.

«Фи! вы курите табакъ,
Вы читаете газеты —
Вѣчно слышу отъ Лизеты.

— Да, сударыня, такъ, такъ,—
Здѣсь, сударь мой, не кабакъ,
Киньте трубку и газеты.—
Какъ не такъ!

Важно нюхая табакъ
И рукой по брюху глядя,
О дѣлахъ Плутыгинъ лада

Мнѣ киваетъ такъ и сякъ:
Вы, я чаю, не дуракъ,
Говорить въ бумажкахъ ¹⁾ глядя.—
Какъ не такъ!

Разъ, съ закутанной кой-какъ
И уродливою харей,
Я сошелся на бульваръ —

Не съ пѣвцемъ ли?—точно такъ.
Онъ за оды просить ффракъ,
Хоть немного и постарѣ.—
Какъ не такъ!

Други киньте обнякъ,
Лучше правдою живите:
Какъ вы говорить хотите,
То и говорите такъ.
Пусть дуракъ у васъ дуракъ,
А Плутыгину твердите:
Какъ не такъ!>

¹⁾ Вѣроятно—«въ бумажникъ глядя»?

Стихотвореніе «Ich schwitze», т. е. «Я потѣю», тоже является сати-рою на нравы, на людскія погрѣшности, при видѣ которыхъ автора прошибаетъ потъ,—потъ негодованія, и онъ потѣетъ—Ich schwitze!

Онъ требуетъ отъ всякаго, кто «чѣмъ-нибудь гордится», чтобы онъ самимъ дѣломъ доказалъ свои права на гордость, и въ отвѣтъ слышитъ: Ich schwitze, т. е. я потѣю.

Другой поэтъ-критикъ всѣхъ ругаетъ, все критикуетъ, о всѣхъ судить, но Корсаковъ требуетъ, чтобы онъ доказалъ сперва, что онъ самъ поэтъ, такъ какъ пустымъ вралемъ быть не годится, и въ отвѣтъ отъ прижатого къ стѣнѣ критика-поэта онъ слышитъ: Ich schwitze, т. е. я потѣю.

Наконецъ, перебравъ людей разныхъ категорій, званій, положеній и качествъ, которые кричатъ о добродѣтели: вотъ я!.. вотъ мы!.. сдѣлали то-то и то-то,—онъ кидаетъ имъ въ лицо: «о вы, лисицы; дойдетъ до дѣла, говорятъ: Ich schwitze, т. е. я потѣю».

Ich schwitze.

«Если посмотришь на людей,
На взглядъ орлы, трусишки въ дѣлѣ,
Гдѣ обѣщанія друзей?
У всѣхъ семь пятницъ на недѣлѣ.
Гдѣ, гдѣ французъ? съ земли долой!
Но лишь сошлись при Австерлицѣ,
Всѣ стороной, бочкомъ домой,

Ich schwitze.

Вотъ я за васъ похлопочу!
И чинъ и мѣсто вамъ доставлю,
Министромъ сдѣлать васъ хочу,
На путь блистательный направлю.
Послушать каждаго, во лжи,
Всякъ чѣмъ-нибудь своимъ гордится,
Да дѣломъ самымъ докажи.

Ich schwitze.

Иной не зная ни аза,
Прослылъ вдругъ критикомъ-поэтомъ
И кто ни попадись въ глаза,
Всѣхъ судить, всѣхъ рядить предъ свѣтомъ.
Да докажи, что ты поэтъ,

Пустымъ вралемъ быть не годится.
Что скажете намъ зоишь въ отвѣтъ?
Ich schwitze,

Такъ всякой, Царь ли, музыкантъ,
Министръ, купецъ, солдатъ, бродяга,
И скоморохъ комедіантъ,
И набожный монахъ и скряга
О добродѣтели кричатъ:
Вотъ я!.. вотъ мы!.. о, вы лисицы;
Дойдетъ до дѣла, говорятъ:
Ich schwitze».

Въ этомъ стихотвореніи, на нашъ взглядъ, есть намеки на лицейскую жизнь, на домашнія, такъ сказать, дразги. Это видно въ особенности въ первомъ куплетѣ. Онъ жалуется на людей, т. е. на своихъ же товарищей, что если посмотрѣть на нихъ, то на взглядъ—орлы, а между тѣмъ на дѣлѣ—всѣ трусишки, т. е., вѣроятно, не поддержали его въ какой-либо шалости, хотя и поддакивали ему въ началѣ,—на взглядъ—орлы, но когда нужно приступить къ дѣлу, т. е. начать шалость, то и оказались всѣ трусишками—«гдѣ обѣщанія друзей?» Когда Корсаковъ затѣвалъ въ Лицеѣ свой журналъ, то всѣ обѣщали въ немъ сотрудничать, но когда пришло время, то ни у кого не оказалось готоваго матеріала, поэтому гдѣ же обѣщанія друзей? А все потому, что «у всѣхъ семь пятницъ на недѣлѣ». Даже Пушкинъ и тотъ не сдержалъ слова, не исполнилъ обѣщанія сотрудничать, можетъ быть измѣнивъ даже другу, участвуя въ другомъ журналѣ, издаваемомъ въ Лицеѣ другимъ товарищемъ. «Гдѣ, гдѣ французъ?»—воскликаетъ Корсаковъ, называя Пушкина его лицейскою кличкою. «Съ земли долой!», т. е. пропалъ для Корсакова, пропалъ для его журнала. А Пушкинъ былъ завиднымъ соавторомъ для Корсакова, онъ уже тогда пользовался авторитетомъ между товарищами, какъ самый начитанный поэтъ и поэтому могъ считать свой вкусъ въ поэзіи особенно авторитетнымъ; не даромъ въ «національныхъ пѣсняхъ» существуетъ о немъ куплетъ:

«А нашъ французъ
Свой хвалить вкусъ
И матерщину поретъ».

Но такъ оставить дѣла нельзя, обманутый редакторъ Корсаковъ ищетъ своихъ сотрудниковъ-обманщиковъ. «Но лишь сошлись», и гранулъ бой подъ Аустерлицемъ, и, какъ Наполеонъ въ 1805 году разбилъ при

Аустерлицъ полки Императоровъ Александра I и Франца I, такъ и здѣсь, въ Лицеѣ, Корсаковъ одержалъ бы побѣду, но, на его бѣду, «всѣ стороны бочкомъ домой» стали улепетывать, возглашая «Ich schwitze». Выраженіе «бочкомъ домой» чисто лицейскаго изобрѣтенія и происхожденія. Одинъ изъ ихъ товарищей, Тырковъ, никогда не ходилъ прямо, а всегда «бочкомъ»; о немъ сохранился куплетъ въ «національныхъ пѣсняхъ», сочинявшихся сообща, воспитанниками перваго курса Лицея, слѣдующаго содержания:

«Танцуетъ здѣсь
 Quadrille Française,
 Впередъ бочкомъ на балъ,
 А Шишкинъ князь,
 Надъ нимъ смѣясь
 На флейтахъ скачетъ въ залъ».

Даже Энгельгардтъ, бывший директоръ Лицея, вспомнилъ, по прошествіи многихъ лѣтъ, объ этомъ дефектѣ Тыркова. Въ письмѣ къ Матюшкину отъ 25 февраля 1829 г. Энгельгардтъ, сообщая Матюшкину о его товарищахъ и о посѣщеніи его Малиновскимъ, пишетъ: «онъ засталъ у меня Тыркова, который пришолъ бочкомъ ¹⁾ просить, чтобы я нарисовалъ ему планъ и фасадъ и сочинилъ смѣту и описаніе новаго дома, который намѣренъ построить въ своей водчинѣ». Въ «національныхъ же пѣсняхъ» Тыркову достался довольно неудачный куплетъ:

«Помогли Тыркову чорты (?),
 Вездѣ ноль онъ и четвертый (?),
 Всѣ, всѣ нули,
 Ай люли, люли, люли!»

О «критикѣ-поэтѣ», что говорится въ третьемъ куплетѣ или строфѣ, который судить и рядить обо всемъ и обо всѣхъ, можно сказать, что это тоже намекъ на Лицей. Здѣсь выведенъ Илличевскій, затмевавшій въ Лицеѣ славу Пушкина, но въ жизни, по выходѣ изъ Лицея, ничѣмъ не выказавшій себя, и даже его безспорный поэтическій талантъ въ Лицеѣ заглохъ и ничего не далъ намъ, кромѣ маленькой книжки-сборника стихотвореній подъ заглавіемъ: «Опыты въ антологическомъ родѣ» (1827 г.). Въ «національныхъ пѣсняхъ» онъ удостоился получить слѣдующіе стихи:

«Вотъ Сибирякъ,
 Медвѣдъ простякъ,
 Валяется въ постелѣ».

1) Курсивъ Энгельгардта.

«Сибирякомъ» онъ названъ потому, что отецъ его былъ губернаторомъ въ Томскѣ, хотя подъ кличкой «Сибирякъ» К. Я. Гротъ («Пушкинскій Лицей», стр. 225) предполагаетъ А. А. Корнилова.

Наконецъ, въ послѣдней строфѣ намъ слышится также отголосокъ лицейской жизни. Это въ словахъ: «И скоморохъ комедіантъ». Подъ такимъ прозвищемъ извѣстенъ былъ воспитанникъ Яковлевъ, о которомъ въ «національныхъ пѣсняхъ» пѣвалось:

«Брось свои подь столъ законы,
Яковлевъ, иди въ буфоны».

Здѣсь «законы» и «буфоны» поставлены не для рифмы только. Въ дѣйствительности Яковлевъ любилъ смѣшивать и потому получилъ прозваніе «буфона»; умѣлъ передразнивать, играть на сценѣ и былъ композиторъ, прожившій на музыку много произведеній Пушкина, Дельвига и другихъ. Поэтому въ другомъ куплетѣ «національныхъ пѣсенъ» мы находимъ такую строфу:

«Вотъ музыкантъ
Комедіантъ
Пастора представляетъ».

Кличка «буфонъ», «паясъ» осталась за Яковлевымъ и по выходѣ изъ Лицея. Въ дружеской перепискѣ между товарищами I курса мы часто встрѣчаемъ эту кличку. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ *Θ. X. Стевена* ¹⁾ къ Вольховскому отъ 1829 г. мы находимъ слѣдующую характеристику Яковлева: «Яковлевъ. Надв. Сов., Св. Владимира 4 ст. и Св. Анны 3 ст. кавалеръ; холостъ и паясъ (т. е. паяцъ) по прежнему; но поясъ *du beau monde*, ибо въ прошедшую зиму ѣздилъ каждый вечеръ на балы къ *M-me Миротморцовъ* и прч., шилъ себѣ модный фракъ съ длиннымъ лифомъ и повязываетъ галстугъ *à la rapillon*».

Наконецъ, пятое стихотвореніе Корсакова, озаглавленное: «Что за радость», тоже имѣетъ въ себѣ обличительную нотку; въ немъ видится уже разочарованность, вѣроятно, отъ неаккуратности сотрудниковъ его журнала, разочарованность отъ ихъ измѣнъ и всякихъ житейскихъ невзгодъ ихъ кейлейной жизни. Вотъ это стихотвореніе:

¹⁾ Письмо это безъ подписи; оно заключаетъ въ себѣ служебныя характеристики всѣхъ товарищей. Хотя такія характеристики товарищей сообщалъ Вольховскому и Яковлеву, но мы думаемъ, что это письмо было написано Стевеномъ, такъ какъ онъ обращается къ Вольховскому на «вы»,—это характерная черта всѣхъ писемъ Стевена, между тѣмъ какъ остальные товарищи обращаются къ нему на «ты».

Что за радость.

«Пусть несчастный человекъ
Безъ таланта бьется вѣкъ,
Чтобы взять уже подъ старость
Съ чистой музы поцѣлуй
Тьфуй, фуй, фуй,
Что за радость.

Я не пью Пермесскихъ водъ,
Не пишу гремящихъ одъ.
Ахъ! не въ приемахъ жизни сладость!
Всякъ по мнѣ на Феба плюй;
Тьфуй, фуй, фуй,
Что за радость».

Вотъ все, что намъ осталось отъ поэзіи Корсакова. Не великъ его поэтический багажъ, но и въ этомъ немногомъ можно видѣть проблески веселаго, жизнерадостнаго, остроумнаго таланта. Намъ не извѣстно, печаталъ ли онъ свои произведенія въ журналахъ того времени или ограничивался только помѣщеніемъ своихъ стиховъ въ лицейскихъ журналахъ. При обилии стихотворцевъ среди лицейстовъ и такихъ замѣчательныхъ, какъ Илличевскій и Пушкинъ, съ первенствомъ Илличевского надъ Пушкинымъ, не говоря о прочихъ, Корсаковъ можетъ быть и не обратилъ на себя вниманія товарищей въ такой степени, какъ два названныхъ выше. Понятно само собою, что въ тотъ моментъ, когда лицеисты сознали себя настолько сильными поэтами, что могли выступить на судъ публики, издательская дѣятельность ихъ въ Лицеѣ прекратилась сама собою за неимѣніемъ желающихъ давать свои труды, статьи и стихи на судъ товарищей, когда для нихъ была открыта обширная арена русской поэзіи, и ихъ слушала огромная аудиторія русскаго образованнаго общества.

Гораздо большее значеніе Корсаковъ имѣлъ какъ пѣвецъ, виртуозъ на гитарѣ и композиторъ. И Пушкинъ вспомнилъ о немъ не какъ о поэтѣ, но какъ о пѣвцѣ и виртуозѣ. Въ бытность же Пушкина въ Лицеѣ, онъ обратился къ своему товарищу Корсакову со слѣдующими стихами, въ пьесѣ подъ заглавіемъ: «Пирующіе студенты», изображающей яркую, игривую, но не бывалую, воображаемую пирушку лицейстовъ:

«Приблизься, милый нашъ пѣвецъ,
Любимый Аполлономъ,
Воспой властителя сердець
Гитары тихимъ звономъ:

Какъ сладостно въ стѣсненну грудь
 Томленью звуковъ льется!
 Но мнѣ ли страстью вдохнуть?
 Нѣтъ, пьяный лишь смѣется» ¹⁾.

За этими стихами въ лицейской рукописи этого стихотворенія и въ сборникѣ «Духъ лицейскихъ трубадуровъ» слѣдуетъ строфа, выкинутая въ рукописи Московск. Публичн. Музея, въ которой мы читаемъ:

«Не лучше ль, Роде записной,
 Въ честь Вахковой станицы
 Теперь скрипѣть тебѣ струной
 Разстроенной скрипицы?
 Запойте хоромъ, господа,
 Нѣтъ нужды, что нескладно!
 Охрипли!... Это не бѣда!
 Для пьяныхъ все вѣдь ладно» ²⁾.

Покойный академикъ Л. Н. Майковъ въ своихъ комментаріяхъ на лицейскіе стихи Пушкина замѣчаетъ, что «авторъ сравниваетъ Корсакова съ знаменитымъ скрипачемъ того времени, имѣвшимъ въ 1803—1811 годахъ чрезвычайный успѣхъ въ Россіи, Петромъ Роде (родился въ 1774 г., ум. въ 1830 г. въ Бордо)». Намъ кажется, что это не совсѣмъ такъ. Не отрицая, что Корсаковъ могъ играть на скрипкѣ, намъ думается, что все-таки первенствующимъ музыкальнымъ инструментомъ у Корсакова была гитара, чрезъ которую онъ и прославился среди своихъ товарищей и о чемъ ясно упоминаетъ Пушкинъ въ 8 строфѣ «Пирующихъ студентовъ» въ столь пылкихъ и восторженныхъ выраженіяхъ. Въ вставной же строфѣ о скрипачѣ Роде говорится о скрипкѣ и то въ пренебрежительномъ тонѣ. Если сравнить обѣ строфы, то выйдетъ противорѣчіе. Если о гитарѣ Корсакова Пушкинъ говоритъ: «какъ сладостно въ стѣсненну грудь томленью звуковъ льется»... и «воспой владельца сердецъ гитары тихимъ звономъ», то ясно, что Пушкинъ не могъ смѣшать такой гитары съ скрипкою Роде, которая къ тому же у подражателя Роде была не совсѣмъ въ порядкѣ: «не лучше ль... теперь скрипѣть тебѣ струной разстроенной скрипицы». Во всякомъ случаѣ скрипъ «струны разстроенной скрипицы» не льетъ въ сердца «томленью звуковъ» и не есть «гитары тихій звонъ». Поэтому намъ думается, что здѣсь подразумѣвается другой товарищъ Пушкина, плохо игравшій на скрипкѣ, хотя бы, напримѣръ, Яковлевъ, который былъ также

¹⁾ 2-ое академ. изд. Соч. А. С. Пушкина, т. I, стр. 48.

²⁾ Тамъ же, стр. 59 (а не 57, какъ указано въ примѣчаніяхъ на стр. 67). См. также Соч. А. С. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, т. I, стр. 48, т. VIII, стр. 14—15.

композиторъ и, вѣроятно, игралъ на скрипкѣ. Мнѣ кажется, можно быть хорошимъ пѣвцомъ и композиторомъ, какъ Яковлевъ, но плохо играть на скрипкѣ. Намъ также не вполне понятна фраза Л. Н. Майкова о Корсаковѣ: «но главное, чѣмъ онъ отличался, это были его музыкальныя способности: онъ прекрасно игралъ на скрипкѣ и былъ отчасти композиторъ».

Откуда взялъ Л. Н. Майковъ, что Корсаковъ «прекрасно игралъ на скрипкѣ»? Скрипка и гитара—два разныхъ инструмента, ихъ трудно смѣшать. Не эта ли прекрасная игра на скрипкѣ заставила Л. Н. Майкова приписать Корсакову и вставную строфу Пушкина, гдѣ говорится о Роде?

Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, намъ кажется вполне вѣрнымъ мнѣніе П. О. Морозова, который отнесъ эту строфу вторично къ Яковлеву ¹⁾, а не къ Корсакову, какъ у Л. Н. Майкова.

Изъ стихотвореній, которыя были положены на музыку Корсаковымъ, извѣстны только два: оба стихотворенія Пушкина 1812 года. Первое, подъ заглавіемъ: «Пѣсня», помѣщено первымъ въ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина. Первая строфа этого стихотворенія и была положена на музыку Корсаковымъ; она распѣвалась лицеистами на два голоса, подъ звуки гитары, на которой игралъ, вѣроятно, самъ Корсаковъ. Вотъ эта строфа:

«О, Делія драгая,
Спѣши, моя краса!
Звѣзда любви золотая
Взошла на небеса,
Безмолвно мѣсяцъ покатился.
Спѣши! Твой Аргусъ удалился,
И тронулъ сонъ его глаза» ²⁾.

Другое стихотвореніе, положенное Корсаковымъ на музыку, также принадлежитъ Пушкину. Оно называется «Къ Машѣ» и написано къ сестрѣ товарища Пушкина—Баронессѣ Марѣ Антоновнѣ Дельвигъ. Стихотвореніе это отъ 1816 года и, какъ извѣстно, слѣдующаго содержанія:

«Вчера мнѣ Маша приказала
Въ куплеты рѣмы набросать
И мнѣ въ награду обѣщала
Спасибо въ прозѣ написать.

¹⁾ См. стр. 33 Соч. А. С. Пушкина, изд. Литер. Фонда, т. I. Спб. 1887 г.

²⁾ См. Сочиненія А. С. Пушкина подъ ред. П. А. Ефремова, т. VIII, стр. 2—4, 5.—См. также В. Давскаго: Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія. «Современникъ» 1863, т. 97, стр. 159.

Спѣшу исполнить приказанье,
Года не смѣю погодить:
Еще семь лѣтъ—и обѣщанье
Ты не исполнишь, можетъ быть.

Вы чинно, молча, сложа руки,
Въ собраньяхъ будете сидѣть
И, жертвуя богинѣ скуки,
Съ вокзала въ маскарадъ летѣть.

И ужъ не вспомните поэта...
О, Маша, Маша, поспѣши
И за четыре мнѣ куплета
Мою награду напиши!> ¹⁾

Объ этомъ стихотвореніи рассказываетъ въ своихъ запискахъ Иванъ Ивановичъ Пущинъ ²⁾: «стихи эти написаны сестрѣ Дельвига, премилой, живой дѣвочкѣ, которой тогда было семь или восемь лѣтъ. Стихи сами по себѣ очень милы, но для насъ имѣютъ свой особый интересъ. Корсаковъ положилъ ихъ на музыку, и эти стансы пѣлись тогда юными дѣвицами почти во всѣхъ домахъ, гдѣ Лицей имѣлъ право гражданства».

Литературные вкусы Корсакова могли развиваться подѣ влияніемъ его брата Петра Александровича, который, какъ мы уже видѣли выше, былъ самъ литераторомъ. Переводчикъ съ голландскаго языка, впервые познакомившій русское общество съ голландскою литературою и нидерландскими поэтами, драматургъ, романистъ и публицистъ, Петръ Александровичъ, во время пребыванія его брата въ Лицеѣ, издавалъ съ 1-го января по іюль 1817 г. журналъ подѣ заглавіемъ: «Русскій Пустынникъ, или наблюдатель отечественныхъ нравовъ» (2 части, 26 №№). За прекращеніемъ этого журнала, онъ сталъ издавать другой журналъ, какъ бы продолженіе перваго: «Сѣверный Наблюдатель, нравственное, сатирическое, литературное и полемическое изданіе на 1817 г.» (съ іюля, 2 ч., 26 №№); участвовалъ, между прочимъ, у Греча въ «Сѣверной Пчелѣ». Все это бесспорно способствовало къ развитію литературнаго вкуса и любви къ литературнымъ занятіямъ его брата въ Лицеѣ. Какъ стихотворецъ, онъ и въ этомъ отношеніи могъ быть полезенъ своему брату лицеисту. Вообще можно сказать, что лицеисты имѣли связи съ литературнымъ и журнальнымъ міромъ и внѣ стѣнъ заведенія. Кромѣ Корсакова,

¹⁾ 2 академич. изд. соч. А. С. Пушкина, т. I, стр. 161; также соч. А. С. Пушкина ред. П. А. Ефремова, т. VIII, стр. 47.

²⁾ Въ книгѣ Л. Н. Майкова «Пушкинъ...», стр. 61.

имѣвшаго брата писателя, другой воспитанникъ, Мартыновъ, имѣлъ въ лицѣ своего отца писателя и стихотворца ¹⁾; Илличевскій чрезъ своего друга Фусса былъ близокъ съ академіею; наконецъ, Пушкинъ былъ знакомъ съ Державинымъ, Карамзинимъ, Жуковскимъ, Вяземскимъ—со всѣми корифеями тогдашней литературы. Даже И. И. Дмитріевъ (род. 1760, † 1837) интересуется только что выпущеннымъ изъ Лицея Пушкинымъ,—слѣдовательно, зналъ его уже въ Лицеѣ. Онъ пишетъ А. И. Тургеневу: «Радуюсь, слыша хорошія вѣсти о Пушкинѣ. Завтра буду у дяди его по зову и праздновать съ тетушкинымъ прїѣздомъ и выздоровленіе племянника» ²⁾. Не даромъ Пушкинъ сказалъ:

«Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.
И Дмитріевъ не былъ намъ хулитель,
И быта русскаго хранитель,
Скрижалъ оставя, намъ внималъ,
И музу робкую ласкалъ».

«Онѣгинъ», гл. VIII, строфа 2.

Если Пушкинъ сказалъ это про себя, то безъ особенной натяжки можно распространить это и на всѣхъ его товарищей, выказавшихъ свой поэтической талантъ въ Лицеѣ. Эти связи съ литературнымъ міромъ способствовали развитію ихъ поэтическихъ талантовъ и дали лицеистамъ толчекъ къ попыткѣ выступить передъ большею аудиторіею, выступить съ своими стихотвореніями на судъ публики, на судъ общества. Такимъ образомъ, уже въ 1814 году Пушкинъ увидѣлъ въ «Вѣстникѣ Европы» ³⁾ свое первое напечатанное стихотвореніе «Другу стихотворцу», съ подписью: «Александръ Н. К. Ш. П.», а въ 1815 году появилось, уже за полною его подписью, стихотвореніе «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» ⁴⁾. Но, какъ бы то ни было, первымъ изъ лицеистовъ, который сталъ помѣщать свои стихи въ журналахъ, даже раньше Пушкина, былъ Кюхельбекеръ, напечатавшій свое стихотвореніе: «На новый бюстъ» Е. И. Величества, поставленный въ залѣ Благороднаго Собранія въ

¹⁾ См. нашъ биографическій очеркъ о лицеистѣ Аркадіи Ивановичѣ Мартыновѣ.

²⁾ Іюля 9-го дня 1817 г. Москва. Незданныя письма И. И. Дмитріева къ А. И. Тургеневу. Сообщ. П. Н. Тургеневъ. «Русск. Стар.» 1903 г., т. 116, декабрь, стр. 713.

³⁾ «Вѣстникъ Европы», издаваемый Владиміромъ Измайловымъ, часть LXXVI; Москва, универс. типограф.; 1814 г., іюль, № 13, стр. 9—12.

⁴⁾ Въ «Трудахъ общества Любителей Россійской словесности»,—какъ сказано въ книгѣ Я. К. Грота. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники (стр. 6), между тѣмъ въ «Описаніи Пушкинскаго Музея Императорскаго Александровскаго Лицея... С-П-Бургъ, 1899 г., стр. 113 указывается, что это стихотвореніе напечатано въ Россійскомъ музеумѣ ила Журналѣ Европейскихъ новостей, издаваемомъ Владиміромъ Измайловымъ, Москва, универс. типограф., 1815 г., часть 2, за апрѣль, май и іюнь, стр. 129.

Москвѣ, въ «Сынѣ Отечества» 1814 г., въ № 3. Слѣдовательно, стихи Кюхельбекера напечатаны въ мартѣ 1814 года, а Пушкина—въ іюль. И другіе воспитанники помѣщали свои стихотворенія въ журналахъ. Такъ, одновременно съ Пушкинымъ помѣстилъ свое стихотвореніе и Илличевскій. По этому поводу Я. К. Гротъ замѣчаетъ: «Изъ писемъ Илличевского мы видимъ далѣе, что посылать свои произведенія въ Московскіе и Петербургскіе журналы, даже еще во время пробыванія въ младшемъ курсѣ, было между лицеистами перваго приѣма дѣломъ обыкновеннымъ. Кромѣ сочиненій Пушкина, уже печатались также труды Дельвига, Кюхельбекера, Яковлева, Пуцина и самого Илличевского. Послѣдній пытался даже поставить въ Петербургѣ на сцену свой переводъ какой-то оперы и затѣвалъ большія литературныя предпріятія, какъ напримѣръ, изданіе Новаго Плутарха для юношества и составленіе біографіи математика Эйлера. По всему видно, что стремленіе создать что-нибудь крупное, капитальное было общею чертою молодыхъ лицейскихъ авторовъ. Пушкинъ также, за полтора года до выпуска, затѣваетъ большое сочиненіе. 16 января 1816 года Илличевскій сообщаетъ: «Онъ пишетъ теперь комедію въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, подъ названіемъ Философъ. Планъ довольно удаченъ, и начало, то есть первое дѣйствіе, до сихъ поръ только написанное, обѣщаетъ нѣчто хорошее; стихи—и говорятъ нечего, а острыхъ словъ сколько хочешь». Отъ этого только начатаго Пушкинымъ труда не осталось никакихъ слѣдовъ; конечно онъ, будучи недоволенъ своимъ планомъ, скоро бросилъ работу и принялся за поему *Русланъ и Людмила*, первыя пѣсни которой были, какъ извѣстно, написаны еще въ Лицеѣ ¹⁾». Такимъ образомъ, связи лицействова съ писателями начались уже сейчасъ же по поступленіи въ Лицей. Такъ, Илличевскій въ письмѣ къ Фуссу отъ 11 октября 1815 г. сообщаетъ, что, написавъ пьесу для театра, онъ надѣется увидѣть ее на сценѣ, благодаря своему знакомству съ Петромъ Александровичемъ Корсаковымъ—«стихотворцемъ и чиновникомъ, служащимъ при театрѣ», братомъ его товарища Николая Корсакова. Въ 1815 году Пушкинъ писалъ тоже къ отцу ²⁾ своего товарища Ивану Ивановичу Мартынову по поводу написаннаго имъ, по инициативѣ Мартынова, стихотворенія на пріѣздъ Государя ³⁾. Иванъ Ивановичъ Мартыновъ былъ самъ писатель и переводчикъ Лонгина «О высокомъ»; по словамъ Корфа, «очень нерѣдко бывалъ въ Царскомъ Селѣ, почасту испытывалъ насъ, задавалъ намъ сочиненія, просматривалъ ихъ и даже не разъ читывалъ, вмѣсто Кошанскаго лекціи русскаго и латинскаго языка» ⁴⁾; кромѣ того онъ

¹⁾ Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, стр. 35.

²⁾ А не брату, какъ пишетъ Гротъ.

³⁾ Тамъ же, стр. 174.

⁴⁾ Записки графа Корфа, Ibid., стр. 237.

былъ директоромъ департамента у Министра Народнаго Просвѣщенія и Попечителя Лицея, графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго. Въ своихъ запискахъ онъ увѣряетъ, что составлялъ проектъ учрежденія Лицея и что рѣчь, сказанная на его открытіи директоромъ Малиновскимъ, была написана имъ, Мартыновымъ»¹⁾). Принимая въ соображеніе эти литературныя связи лицейстовъ, мы не удивляемся, что уже въ Лицеѣ воспитанники Дельвигъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ, Яковлевъ, Пушкинъ печатали свои стихотворенія въ издававшихся тогда журналахъ. Эти журналы были: въ Москвѣ—«Вѣстникъ Европы», «Россійскій Музеумъ» (оба издавалъ Владиміръ Измайловъ) и Труды Общества Любителей Россійской словесности, а въ Петербургѣ—«Сынъ Отечества», Греча и «Сѣверный Наблюдатель», П. А. Корсакова.

Какъ бы то ни было, но связи лицейстовъ съ литераторами имѣли вліяніе какъ на развитіе ихъ вкуса къ стихотворенію и выработкѣ ихъ поэтическихъ дарованій, такъ и по выходѣ изъ Лицея эти связи открыли имъ дорогу въ журналы, къ которымъ дорога была уже протоптана въ стѣнахъ Лицея. Печатаемъ лицейстами своихъ стиховъ въ журналахъ положенъ былъ конецъ лицейскимъ журналамъ. Они прекратились, когда писатели-лицейсты получили обширную аудиторію, когда ихъ произведенія стали появляться въ заправскихъ журналахъ и когда ихъ стали читать не одни только товарищи, но вся образованная публика.

Въ 1817 году, іюня 9-го, Корсаковъ окончилъ курсъ Лицея съ чиномъ IX класса (титулярнаго совѣтника) и серебряною медалью (четвертою, всѣхъ же серебр. медалей было пять) и Высочайшимъ именнымъ указомъ опредѣленъ изъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ титулярнымъ совѣтникомъ 1817 г., іюня 13-го, съ жалованіемъ 800 руб. въ годъ.

14-го іюня Корсаковъ принялъ присягу и подписалъ «клятвенное» обѣщаніе, хранящееся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ.

Вскорѣ по поступленіи на службу Корсаковъ, а вмѣстѣ съ нимъ Горчаковъ и Ломоносовъ, пожелали повидаться съ родителями и поэтому обратились съ просьбою къ князю Голицыну, чтобы онъ ходатайствовалъ за нихъ предъ Нессельроде объ отпускѣ. Вслѣдствіе этого, князь Александръ Голицынъ обратился съ письмомъ, отъ 10 іюня 1817 г., къ графу К. В. Нессельроде, слѣдующаго содержанія: «Изъ числа назначенныхъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, сходно желанію ихъ, въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ бывшихъ воспитанниковъ Императорскаго Лицея титулярные совѣтники: кн. Александръ Горчаковъ, Сергѣй Ломоносовъ и

¹⁾ Ibid., стр. 292—296.

Николай Корсаковъ, не видавъ въ теченіе шестилѣтняго пребыванія въ Лицеѣ отсутствующихъ родителей своихъ, желаютъ нынѣ имѣть съ ними свиданіе; находя сіе желаніе ихъ справедливымъ, я побуждаюсь покорно просить Ваше Сіятельство о дачѣ имъ нужнаго на отъѣздъ дозволенія.» По поводу этого письма писалъ графу Нессельроде о томъ же Убри. Прося объ отпускѣ этимъ тремъ бывшимъ воспитанникамъ: Горчакову, Ломоносову и Корсакову, Убри особенно ходатайствуетъ о Ломоносовѣ и Корсаковѣ, вѣроятно, принимая горячее участіе въ ихъ судьбѣ. Вотъ это письмо: «J'ai l'honneur d'envoyer à Votre Excellence deux lettres du Prince Galizin qui nous annoncent une belle recrue. Ces jeunes gens se presenteront en partie au Comte de Nesselrode mercredi à la Chancellerie entre midi et une heure. — Il vous prie de préparer les papiers qui les concernent d'après les lettres du P-ce Galitzin: Gortschakoff va à Reval et reste encore ici une huitaine de jours. Lomonosoff va à Moscou et veut partir mercredi soir. Korsakoff va dans le gouvernement de St. Pétersbourg et partira vendredi.—Ce seroit m'obliger que de préparer pour les deux derniers des passeports pour 28 jours.—Je vous remercie beaucoup pour le cachet (? cachet или cochet?) et pour le storoj (сторожь?) que vous avés (z?) envoyé à Sacken et je me recommande pour un Jesdowoy quand cela pourra s'arranger. Votre très humble serviteur

Oubri

Le 11 Juin.

Наконецъ вопросъ объ этихъ отпускахъ былъ оформленъ и вылился въ слѣдующую officialную бумагу:

«1817 года іюня въ 14 день по указу Его Императорскаго Величества въ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ по отношенію Тайнаго Совѣтника князя Голицына къ Управляющему Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ отъ 10 сего мѣсяца объ увольненіи въ отпускъ изъ числа назначенныхъ по Высочайшему Е. И. В. повелѣнію въ сію Коллегію бывшихъ воспитанниковъ Императорскаго Лицея титулярныхъ совѣтниковъ князя Александра Горчакова, Сергѣя Ломоносова и Николая Корсакова для свиданія съ родственниками; опредѣлено: помянутыхъ чиновниковъ, уволивъ на 28 дней князя Горчакова (въ) Эстляндскую, Ломоносова въ Московскую, а Корсакова въ С.-Петербургскую губернію, снабдить ихъ каждого надлежащимъ паспортомъ, слѣдующія же съ каждого за употребленную на производство сего дѣла вмѣсто гербовой простую бумагу 4 листа по 4 руб. и печатныхъ пошлинъ съ одной исходящей по рублю, всего съ трояхъ 15 руб. взыскавъ, записать въ приходъ, для исполненія чего сообщить въ отдѣленіе каз. тек. и счетн. дѣлъ съ сего опредѣленія копію». — (Подписано по сему: Графъ Нессельроде, Правитель Канцеляріи Полѣновъ, Секретарь Огіевскій).

19-го сентября того же года по указу Его Императорскаго Величества въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ опредѣлено: «титularнаго совѣтника Николая Корсакова причислить къ Канцеляріи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и производить на основаніи Высочайшаго именнаго указа отъ 13-го августа 1806 года жалованье, положенное по оной Канцеляріи, присвоенное не лицамъ, а мѣстамъ, то есть по двѣсти пятьдесятъ рублей въ годъ съ 1-го числа сентября сего года изъ общихъ коллежскихъ суммъ.» (Подписанъ по сему: Графъ Нессельроде, Правитель Канцеляріи Полѣновъ, Секретарь Огіевскій).

Какъ извѣстно въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, какъ и въ бывшей Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, чтобы попасть въ Канцелярію Министерства, нужно держать экзаменъ и только по выдержаніи этого экзамена принимаются чиновники въ Канцелярію, откуда уже и распредѣляются по посольствамъ за границу. Вѣроятно, Корсаковъ выдержалъ такой экзаменъ и сталъ служить въ канцеляріи, что и внесено въ его формуляръ.

Намъ неизвѣстно, что дѣлалъ Корсаковъ до отправленія своего за границу. Если онъ живалъ въ Петербургѣ, то, вѣроятно, встрѣчался съ товарищами и въ особенности въ день лицейской годовщины 19-го октября. Къ сожалѣнію В. П. Гаевскій въ своей статьѣ «Лицейскія годовщины», изъ странной скромности, не упоминаетъ объ этихъ интимныхъ сторонахъ годовщинъ, находя это неинтереснымъ для читателей такого либеральнаго журнала какъ «Отечественныя Записки».

Вѣроятно, въ этотъ же періодъ времени (1817—1819) онъ свелъ знакомство и въ мірѣ музыкантовъ, что очень понятно, такъ какъ музыкальные таланты влекли Корсакова къ знакомству съ музыкантами и композиторами. Влеченіе это переходило въ дружбу. Такія дружескія отношенія мы находимъ у Корсакова къ Алексію Николаевичу Верстовскому (род. 1799†1866), который былъ моложе Корсакова на три года. Когда завязалась ихъ дружба—мнѣ не извѣстно. Но дружба эта была сильна, хотя и кратковременна. Изъ письма его брата, Петра Александровича Корсакова къ М. Н. Загоскину отъ 25 Января 1830 года мы видимъ, что Петръ Корсаковъ рассчитываетъ на Верстовскаго во имя дружбы его къ умершему его брату. Самъ П. Корсаковъ пишетъ Загоскину:

«Еще слѣдуетъ одна просьба: поклониться отъ меня нашему Орфею-Верстовскому и попросить его, въ память дружбы къ умолкшему на вѣки *кудрявому тѣщу* Николаю Корсакову, написать музыку хоровъ и романса моей «Гедвиги» съ тѣмъ гениальнымъ искусствомъ, которое отличаетъ его мелодію въ твоёмъ необыкновенномъ твореніи Панъ Твердовскій».

Наконецъ, 19 сентября 1819 года Корсаковъ, какъ сказано въ его формулярѣ, помѣщенъ канцелярскимъ служителемъ при Римской Миссіи. Это

выраженіе «Канцелярскій служитель» звучитъ какъ-то странно и даже обидно для человѣка, окончившаго высшее учебное заведеніе. Корсаковъ могъ быть «причисленъ» къ миссіи, могъ быть «прикомандированъ», могъ быть отправленъ въ Римъ «чиновникомъ на усиленіе» и проч., но не «Канцелярскимъ служителемъ». Или это древнее названіе, въ родѣ причисленнаго, или это должность, упраздненная теперь, или это, наконецъ, описка или неудачное выраженіе—«служащій при канцеляріи», обратившееся въ «канцелярскій служитель».

Уѣзжая въ Римъ, Корсаковъ оставилъ запись въ альбомѣ Е. А. Энгельгардта ¹⁾ отъ 20 ноября 1819 года слѣдующаго содержанія:

«Бду въ Римъ, почтенный и любезный Егоръ Антоновичъ,—Богъ знаетъ, вернусь ли,—Богъ знаетъ, увижу ль опять мѣста, гдѣ провелъ много счастливыхъ и пріятныхъ дней, подъ Вашимъ начальствомъ. Теперь могу сказать, не боясь, чтобы слова мои приписаны были какимъ-нибудь личнымъ видамъ, что истинныя отческія попеченія Ваши и милости ко мнѣ будутъ записаны по гробъ въ душевной книгѣ моей, и что до послѣдней минуты будетъ помнить Васъ Вамъ сердцемъ преданный Н. Корсаковъ. 20 Ноября 1819.»

Николай Александровичъ Корсаковъ умеръ 26-го сентября 1820 года во Флоренціи ²⁾.

Незадолго до смерти наступило улучшеніе въ его здоровьи, какъ это видно изъ писемъ Энгельгардта къ Матюшкину. Такъ въ письмѣ отъ 10 сентября 1820 г. Энгельгардтъ сообщаетъ: «Корсаковъ въ Римѣ и очень страдаетъ грудью», а въ другомъ письмѣ, отъ 21 сентября, т. е. за 5 дней до кончины Корсакова, Энгельгардтъ пишетъ: «Я получилъ письмо отъ Корсакова,—онъ былъ при смерти боленъ, бѣднякъ, но, слава Богу, поправился и просить всѣмъ старичкамъ много много поклоновъ отъ него править и просить, чтобы иногда объ немъ поминали» ³⁾. Подобное улучшеніе болѣзни передъ смертью, возвращеніе надежды на жизнь, способность заниматься умственнымъ трудомъ очень часто встрѣчается у чахоточныхъ больныхъ.

Корсаковъ умеръ отъ чахотки. Можно думать, что первые признаки этой болѣзни проявлялись уже въ Лицеѣ. Послѣднія минуты жизни Корсакова были очень трогательны. Ихъ такъ передаетъ В. Гаевскій со словъ бывшаго директора лица Егора Антоновича Энгельгардта.:

¹⁾ Альбомъ хранится въ Императорской Публичной Библиотекѣ, куда былъ пожертвованъ барономъ Ө. Р. Остенъ-Сакеномъ; изъ него мы и выписываемъ эти строки.

²⁾ Письмо К. Я. Булгакова къ брату изъ Спб., отъ 3 ноября 1821 г. («Рус. Арх.» 1902 г., кн. 11, стр. 390).

³⁾ Изъ этихъ словъ можно заключить, что Корсаковъ перенесъ серьезную болѣзнь въ Римѣ и чтобы переѣхать нездоровый климатъ Рима на лучшій, онъ переѣхалъ, или его перевезли, во Флоренцію, гдѣ онъ и скончался.

«За часъ до смерти онъ сочинилъ слѣдующую надпись для своего памятника, и когда ему сказали, что во Флоренціи не съумѣютъ вырѣзать русскія буквы, онъ самъ начертилъ ее крупными буквами, и велѣлъ скопировать ее на камень, вотъ эта надпись:

«Прохожій, поспѣши къ странѣ родной своей!

Ахъ! грустно умирать далеко отъ друзей» ¹⁾!

Бывшій директоръ Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ приписываетъ смерть Корсакова климату Рима. Такъ въ письмѣ къ В. Д. Вольховскому отъ 30 сентября 1827 г., Энгельгардтъ вспоминаетъ мимоходомъ о Корсаковѣ: говоря, что Горчаковъ промѣнялъ лондонскую миссію на римскую, онъ замѣчаетъ: «Лондонскій климатъ уморилъ бы его конечно, но и Римскій не слишкомъ здоровъ, бѣдный Корсаковъ тамъ погибъ». Въ письмѣ же Энгельгардта къ Вольховскому отъ 30 августа 1835 года, мы читаемъ: «Вчера я имѣлъ отъ Горчакова письмо и рисунокъ маленькаго памятника, который поставилъ онъ бѣдному нашему трубадуру Корсакову, подъ густымъ кипарисомъ близъ церковной ограды во Флоренціи. Этотъ печальный подарокъ меня очень обрадовалъ».

Наконецъ вновь вѣсточка о покойномъ Корсаковѣ проникла и была услышана «и въ темныхъ пропастяхъ земли», и въ снѣговыхъ «тундрахъ Сибири», какъ это видно изъ письма ²⁾ Вильгельма Карловича Кюхельбекера къ В. А. Жуковскому отъ 10 ноября 1840 года изъ крѣпости Акши, Иркутской губерніи, Нерчинскаго округа, гдѣ онъ рассказываетъ, что сестра его Julie, будучи во Флоренціи, сорвала для него съ гроба Корсакова помаранцевый листокъ.

Листокъ этотъ Кюхельбекеръ хранилъ какъ реликвию, какъ святыню, вмѣстѣ съ портретомъ матери, съ единственною дошедшею до него рукописью отца, съ послѣднимъ письмомъ и застежкой отъ манишки Пушкина и съ письмомъ Жуковского.

И Пушкинъ не остался глухъ къ смерти своего товарища. Онъ написалъ въ 1821 году прелестное стихотвореніе: «Гробъ юноши».

Гробъ юноши.

« Сокрылся онъ,
Любви, забавъ питомецъ нѣжной;
Кругомъ него глубокій сонъ
И хладъ могилы безмятежной...

¹⁾ В. Гаевскій, статья о Дельвигѣ, «Современникъ», 1853 г., № 2, февраль, стр. 70 (отдѣлъ критика).

²⁾ «Рус. Арх.» 1871 г., стр. 177.

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
Когда весной въ тѣни деревь
Онѣ кружились на свободѣ;
Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
Не слышенъ ужъ его припѣвъ.

Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили межъ собой:
«И мы любили хороводы,
Блистали также въ насъ умы;
Но погоди, приспѣють годы,
И будешь то, что нынѣ мы;
Какъ намъ, о міра гость игривый,
Тебѣ постынетъ бѣлый свѣтъ:
Теперь играй...» Но старцы живы,
А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.
И безъ него друзья пируютъ,
Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ
Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
Изъ милыхъ жёнъ, его любившихъ,
Одна, быть можетъ, слезы льетъ,
И память радостей почившихъ
Привычной думою зоветъ...
Къ чему?

Надъ ясными водами
Гробницы мирною семьей,
Подъ наклоненными крестами,
Таятся въ рощѣ вѣковой.
Тамъ, на краю большой дороги,
Гдѣ липа старая шумить,
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ бѣдный юноша лежитъ.

Напрасно блещетъ лучъ денницы,
Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
И вокругъ безчувственной гробницы

Ручей журчить и шепчетъ лѣсъ;
Напрасно утромъ за малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идетъ и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаетъ:
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой...»¹⁾.

¹⁾ Соч. А. С. Пушкина, изд. Лит. Фонда, т. I, стр. 250—251.—Соч. А. С. Пушкина под редак. П. А. Ефремова изд. А. С. Суворина, 1903 г., т. I, стр. 412—413, а также т. VIII (1905 г.) стр. 160—163.

У Ефремова воспроизведенъ набросокъ этого стихотворенія, изъ котораго мы приведемъ слѣдующій отрывокъ:

«... Но старцы живы,
А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.
И безъ него друзья пируютъ,
Ужъ многихъ полюбить успѣвъ,
И друга рѣдко именуютъ
Въ бесѣдѣ черноокихъ дѣвъ.
Изъ вѣтреницъ, которыхъ очи
Онъ прежде втайнѣ привлекалъ,
Которымъ онъ во мракѣ ночи
Младая бѣдня посвящалъ,
Изъ милыхъ женъ, его (мавившихъ),
Одна, быть можетъ, слезы льетъ
И въ память радостей почившихъ
Привычной думою зоветъ.
(Не воззоветъ!.. Его гробница
Уединенна и темна;
Надъ нею спитъ ночная птица,
Вблизи ея журчатъ волна).
Къ чему?..

Надъ ясными водами
Гробницы въ роцѣ вѣковой,
Съ ихъ суевѣрными крестами,
Таятся тихую семей.

.
За ними на краю дороги
Въ тѣни березъ одна стоитъ...
Нашъ бѣдный юноша сокрытъ.
Ласкается ли лучъ децницы,
Луна ли ходить (среди небесъ),
И вокругъ безчувственной гробницы
Волна журчить и шепчетъ лѣсъ —
Не выдетъ онъ взглянуть на горы,
Осеребривъ лунной,
(Не улыбнется онъ), и взоры
Не встрѣтять утра надъ рѣкой.»
.

Графъ Модестъ Корфъ въ своемъ «Дневникѣ» даетъ слѣдующую характеристику своего друга и однокурсника Корсакова: «Николай Александровичъ Корсаковъ былъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ, блестящихъ молодыхъ людей нашего выпуска. Прекрасный музыкантъ, пріятный и острый собесѣдникъ, напитанный ученіемъ, которое давалось ему очень легко, съ даромъ слова и пера, онъ угасъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, находясь при Тосканской миссіи. Прахъ его погребенъ во Флоренціи. Это одна изъ самыхъ чувствинныхъ (sic! чувствительныхъ) потерь, которую понесъ нашъ выпускъ, и имя Корсакова, если бы Провидѣніе продлило его жизнь, было бы вѣрно однимъ изъ лучшихъ нашихъ перловъ»¹⁾.

Наконѣцъ въ 1825 году, 19 октября, въ день Лицейской годовщины, Пушкинъ не забылъ умершаго поэта - Корсакова въ своей чудной элегіи: «Ревянетъ лѣсъ багряный свой уборъ». Онъ пишетъ:

«Я пью одинъ, и на берегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуютъ...
Но многіе ль и тамъ изъ васъ пріруютъ?
Еще кого не досчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей гласъ умолкъ на братской переключкѣ?
Кто не пришелъ? кого межъ вами нѣтъ?»

Пушкинъ отвѣчаетъ, намекая на Корсакова:

«Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ,
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерталъ надъ русскою могилой
Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ,
Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылой
Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ»²⁾.

¹⁾ Изъ «Дневника» барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа, 1839 г. (гл. 2). «Рус. Стар.» 1904 г., т. 118, июнь, стр. 552.

²⁾ Строфа этой элегіи, относящаяся къ Корсакову, въ первоначальномъ видѣ имѣла варианты; приведенная выше строфа исправлена Пушкинымъ. Въ началѣ читалась такъ: 1 стихъ: «онъ не придетъ кудрявый нашъ пѣвецъ»; 4 стихъ: слово «дружескій» было зачеркнуто и сверху вписано: «Нашихъ русскихъ музъ»; рѣзецъ, но и это зачеркнуто и оставлено «дружескій»; 5 стихъ: «не начерталъ надъ раннею могилой». Наконѣцъ въ 8 стихѣ: «Сынъ сѣвера на берегу чужомъ»... Автографъ принадлежитъ Императорскому Александровскому Лицею, куда былъ подаренъ Михаиломъ Лукьяновичемъ Яковлевымъ (см. у Я. К. Грота: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники.» Спб. 1899 г. стр. 142—154).

Не забылъ Пушкинъ своихъ шести умершихъ товарищей въ «Лицейской годовщинѣ» 1831 г. Эти товарищи были: Ржевскій (1817), Корсаковъ (1820), Костенскій (1831), Дельвигъ (1831), Есаковъ (1831) и Саврасовъ (1831). Между прочимъ Пушкинъ вспоминаетъ о нихъ:

«Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ;
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой —
И всѣхъ мы братски поминали»...

(19 октября 1831 г.
А. Пушкинъ).

Петръ Александровичъ Корсаковъ родился 17 августа 1790 года, „кажется въ деревнѣ“, какъ говоритъ Кукольникъ, редакторъ Иллюстраціи и близкій пріятель Корсакова ¹⁾, и уже въ пеленкахъ считался сержантомъ Преображенскаго полка. При вступленіи Императора Павла I-го на престолъ, Петръ Александровичъ, какъ считавшійся тогда въ военной службѣ, долженъ былъ явиться въ столицу, но онъ не явился и былъ исключенъ изъ полка. Служба сухопутная окончилась такимъ образомъ для П. А. фіаско, но его съ молодыхъ еще лѣтъ неодолимая страсть влекла къ морской службѣ. По собственному желанію онъ сталъ изучать математику и на 14-мъ году могъ держать экзаменъ на гардемарина. Въ 1804 году отправлялась экспедиція кругомъ свѣта, подъ командою капитанъ-лейтенанта Н. Ф. Крузенштерна. Цѣль этой экспедиціи была не только ученая, но вмѣстѣ и торговая, поэтому начальникомъ всей экспедиціи назначенъ былъ Н. П. Рязановъ (родной дядя П. А.). Страсть къ морю и жажда новыхъ познаній, которыя П. А. надѣялся приобрѣсти въ путешествіи, такъ сильно заняли его юное воображеніе, что онъ немедленно обратился къ дядѣ своему съ просьбою взять его съ собой. Николай Петровичъ Рязановъ очень любилъ П. А. и охотно согласился на его желаніе, переговорилъ о намѣреніи взять его съ собой какъ съ отцемъ П. А., такъ и съ капитаномъ Крузенштерномъ; оба были согласны, и дѣло казалось конченнымъ; вдругъ отецъ его, любя горячо и много сына первенца своего задумался и не рѣшился на такую долгую съ нимъ разлуку. Какъ ни горько было для П. А. получить отказъ, но онъ съ сыновнею покорностью исполнилъ отцовскую волю. Спустя нѣсколько лѣтъ, а именно, съ 1807 по 1810 г., онъ находился при миссіи нашей въ Голландіи. Трехлѣтнее пребываніе его въ Голландіи смѣло можно назвать романомъ. Положеніе П. А. въ Голландіи было незавидное. Властолюбіе Наполеона уже встрѣтило сильное противоудѣйствіе въ политикѣ Императора Александра. Борьба неминуемая, какъ громоносная туча на горизонтѣ, наводила на однихъ ужасъ, на другихъ недоумѣніе, тѣснившее душу возможностью разнообразныхъ послѣдствій.

¹⁾ См. Иллюстрацію, еженедѣльные изданія всего полезнаго и изящнаго. 1846 г., ч. II-я, т. II-й № 6, стр. 83—85. Мы приводимъ почти дословно этотъ обширный некрологъ, написанный Кукольникомъ, дополняя его свѣдѣніями изъ разныхъ другихъ источниковъ

Перевороты европейскіе возмущали одинъ за другимъ самое безпристрастнаго зрителя; каково же было на все это смотрѣть П. А., согрѣтому и любовью къ отечеству, и состраданьемъ къ человѣчеству. Въ удѣлѣвшихъ письмахъ его живо отражаются всѣ чувствованія, какія волновали его прекрасное сердце при видѣ поработенныхъ Нидерландовъ.

Въ 1808 году, находясь при миссіи въ Голландіи, П. А. присутствовалъ однажды на балѣ у короля Людовика Бонапарта. Тогда былъ въ модѣ эскезъ. П. А. ангажировалъ одну изъ придворныхъ красавиць, поставилъ ее въ первую пару; одинъ изъ королевскихъ адъютантовъ сталъ во вторую, но его дама, ревнуя о первенствѣ, хотѣла непременно стать въ первую, чѣмъ и заставила адъютанта обратиться съ просьбою, нельзя ли обмѣняться мѣстами; „я бы, можетъ быть, и согласился на этотъ обмѣнъ, отвѣчалъ П. А., но что скажетъ моя дама?“ адъютантъ безъ дальнѣйшихъ околичностей рѣшился взять съ боя мѣсто. Дѣло дошло до объясненія и на другое утро назначена дуэль въ загородномъ паркѣ. Но, къ удивленію П. А., часа за два до условнаго срока, является курьеръ и требуетъ его къ королю. П. А. проводилъ въ королевскій кабинетъ, гдѣ находился король и адъютантъ.—„Я нахожусь вынужденнымъ“,—сказалъ король, „попросить васъ г-нъ Корсаковъ, отвѣчать мнѣ искренно: готовы-ли вы простить г-ну Н. вчерашнюю его дерзость“.—„Весьма охотно“,—отвѣчалъ П. А. „Такъ извольте извиниться“, сказалъ король, обращаясь къ своему адъютанту: „вы забыли, что поданные Россійскаго Императора Александра I-го вездѣ имѣютъ первое мѣсто, и молитесь Бога, чтобы объ этомъ не узналъ Императоръ Наполеонъ, а то вамъ худо будетъ“. Въ томъ же 1808 году П. А. ѣздилъ курьеромъ въ Россію съ извѣстіемъ о взятіи адмирала Сенявина въ плѣнъ англичанами съ флотомъ, тогда состоявшимъ изъ 9-ти линейныхъ кораблей и одного фрегата.

Какъ видно изъ нѣкоторыхъ частныхъ писемъ его, въ Амстердамскомъ обществѣ назначались дни, въ которые собирались одни только Голландцы и Русскіе, и гдѣ правиломъ общимъ было говорить не иначе какъ по-русски. Въ одинъ изъ такихъ дней, а именно, 28 ноября того же 1808 года, г-нъ Бетлингъ, бывший прежде русскимъ консуломъ въ Амстердамѣ, позвалъ къ себѣ нѣсколько голландцевъ и русскихъ, находившихся въ то время при миссіи: общество это составляли товарищъ по торговлѣ г-на Бетлинга шестидесяти лѣтній старикъ г-нъ Цигенбейнъ, уроженецъ Московскій П. А. Корсаковъ, Лопкаревъ, Струве, самъ хозяинъ, родомъ изъ С.-Петербурга, жена его нѣмка, но понимавшая по-русски, 12-ти лѣтняя дочь ихъ, пѣвшая русскія народныя пѣсни и разговаривавшая изрядно для 10-ти мѣсячной ученицы на языкѣ нашемъ, сверхъ того два или три голландца, которые также понимали по-русски.

Прекрасный, на манеръ Петербурга изготовленный, обѣдъ былъ прелюдіею веселаго вечера, который они должны были провести; случай привелъ, что П. А. сѣлъ за столomъ возлѣ юной Шарлоты, дочери г-на Бетлинга, въ продолженіи всего обѣда П. А. разговаривалъ съ прекрасною собесѣдницею своею, которая, какъ видно, съ перваго раза пріятною наружностью своею привлекла его къ себѣ не на шутку. Забавнѣе всего, что вечеръ заключился игрою въ дурачки. Это была первая ихъ встрѣча. Но съ этого дня П. А. сталъ посѣщать чаще семейство Бетлинга, а въ 1809 году, на 19-мъ году отъ рожденія, былъ женихомъ прелестной Ш. Ф. Бетлингъ.

Лѣто 1809 года П. А. проводилъ у отца своей невѣсты, извѣстнаго Амстердамскаго негодіанта Фридриха Бетлинга, въ Бефервейскомъ его замкѣ „Oudmeresteen“, и здѣсь же онъ началъ изучать голландскій языкъ; причину, заставившую его изучать этотъ языкъ, онъ подробно описываетъ въ разборѣ своемъ „о Катсѣ, извѣстномъ поэтѣ Голландскомъ“ (см. Иаковъ Катсъ поэтъ, мыслитель и мужъ совѣта, стр. 4). Въ 1809 году П. А. ѣздилъ курьеромъ

въ Россію съ извѣстіемъ о собранномъ флотѣ Англичанъ при берегахъ Нордъ-Голландіи и намѣреніи ихъ идти въ Финскій заливъ.

Въ 1810 году, Голландія находилась въ самомъ бѣдственномъ положеніи; частыя наводненія, а равно и Франція разоряли бѣдныхъ Голландцевъ; все это побудило старика Бетлинга, не смотря на несовершеннолѣтіе дочери своей Шарлоты, поспѣшить ея замужествомъ. Свадьба была въ маѣ мѣсяцѣ 1810 года; лѣто это молодые супруги проводили у отца въ Бефервейскомъ его замкѣ „Oudmeresteel“, а осенью, въ послѣднихъ уже числахъ октября, возвратились въ Россію, въ Порховской уѣздъ, село Бурити, принадлежавшее родителямъ П. А.; въ деревнѣ они провели около шести недѣль, а послѣ, въ декабрѣ, переѣхали въ Петербургъ.

Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда изъ Голландіи, а именно, въ началѣ 1811 года, скончался г-нъ Бетлингъ. Изъ родныхъ супруги П. А. въ Петербургѣ находились двѣ родныхъ ея тетки, изъ коихъ одна была замужемъ за Ламздорфомъ, а другая за барономъ Альбедилемъ; теща П. А. устроивъ дѣло свое по торговлѣ въ Голландіи, въ концѣ 1811 года переѣхала въ Россію и первое время своего пребыванія здѣсь въ столицѣ жила на ихъ бѣду, въ домѣ у дѣтей своихъ. На бѣду, сказали мы, потому что неспокойный нравъ тещи и возрѣнія ея на жизнь и обязанности скоро нарушили супружеское счастье и довели кроткаго, великодушнаго П. А. до того, что онъ принужденъ былъ согласиться на разводъ. Этому домогалась теща. П. А. былъ женатъ по кодексу Наполеона; контрактъ замѣнялъ всѣ обряды. Но въ Россіи дѣло это должно было принять законное направленіе. Разводъ разрѣшенъ въ 1813 году; но замѣчательно, что до воспослѣдованія рѣшенія, П. А. жилъ въ одномъ домѣ съ женой, она не разъ, читая книгу, прибѣгала къ мужу съ разными вопросами и называла его по прежнему Пьеромъ. Судьба преслѣдовала легкомысленную; она вторично вышла замужъ (за Будденброка), но принуждена была развестись и со вторымъ мужемъ. П. А., какъ по всему замѣтно, любилъ свою первую жену искренно.

Вся переписка съ нею уцѣлѣла до сего времени (говорить Кукольникъ), и, судя по той заботливости, съ какою онъ (Корсаковъ) хранилъ ее, можно безъ затрудненія угадать, что часто и въ позднѣйшее время онъ любилъ обращаться мыслью своею къ прошедшему и, пробѣгая строки, которыя чертила рука нѣкогда нѣжно любимой имъ женщины, онъ, можетъ быть, вспоминалъ свою прежнюю жизнь, которая также имѣла свои пріятности и наслажденія. Изъ статьи В. Р. Зотова „Петербургъ въ сороковыхъ годахъ“¹⁾ мы узнаемъ, что Корсаковъ въ 1812 году поступилъ въ ополченіе, гдѣ сошелся съ отцемъ Зотова. Поступивъ потомъ въ массонскую ложу св. Михаила, они остались друзьями до смерти Корсакова.

Въ 1818 году П. А. вступилъ во второй бракъ съ г. Буткевичевой²⁾. Первое время послѣ свадьбы своей они жили въ Петербургѣ, а потомъ переѣхали въ деревню, гдѣ и находились постоянно, навѣщая изрѣдка только столицу. Еще доказательствомъ добраго сердца П. А. и любви къ нему первой супруги Ш. Ф. служить то, что, когда, въ 1818 году, женатый уже во второй разъ, пріѣхалъ онъ въ одинъ домъ рекомендовать свою супругу и тамъ встрѣтилъ Ш. Ф. въ разводѣ уже и съ Будденброкомъ, она увидѣвъ его, отъ радости вскрикнула: Пьеръ! и бросилась къ нему на шею. П. А. былъ глубоко тронутъ, но указалъ на вторую жену, и въ этомъ движеніи заключался весь краснорѣчивый отвѣтъ его. Ш. Ф. сильно опечалилась; П. А. поспѣшилъ ее утѣшить и обѣщался навсегда остаться ей другомъ. Спустя два года послѣ

¹⁾ Историч. Вѣстн. 1890 г., т. 39, февраль, стр. 331—335.

²⁾ Александра Ивановна Буткевичъ—помѣщица Новгородской губерніи Тихвинскаго уѣзда.

свиданья этого, она вышла замужъ за г-на Адамовича; но вскорѣ послѣ родовъ скончалась отъ чахотки.

За время пребыванія П. А. въ своей деревнѣ въ селѣ Буриги, Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда, мы имѣемъ нѣсколько писемъ его къ его другу и пріятелю М. Н. Загоскину, извѣстному романисту ¹⁾. Такъ, въ первомъ письмѣ отъ 3 іюня 1816 г. мы находимъ восторженный отзывъ Корсакова о прибытіи его въ свое родное село и о томъ впечатлѣніи, которое произвело на него пребываніе на лонѣ природы послѣ долгихъ странствованій по заграницѣ.

„Милый и незабвенный другъ Мишелюшка, пишетъ Корсаковъ, хотя и не удалось мнѣ тотчасъ по прибытіи моемъ въ обитель мира отдать пріятную для сердца моего дань дружеству; однакоже надѣюсь, что братъ Саша увѣдомилъ о томъ милаго моего Мишеля; я убѣдительно его объ этомъ просилъ.

Итакъ, мой другъ, наконецъ сбылись пріятныя мечты моего воображенія:

Я, покинувъ шумный кругъ,
Улетѣлъ туда, гдѣ вѣетъ
Воздухъ родины моей;
Гдѣ родимые пенаты
Кровь мой тихій, небогатый
Средь наслѣдственныхъ полей
Кроткимъ счастьемъ освѣняютъ,
Домосѣда защищаютъ
Отъ опасныхъ свѣтскихъ буръ!

Написавъ, между прочимъ, и эти стихи къ общему знакомцу нашему. а моему старому дружищу Потемкину ²⁾, за мѣсяцъ передъ отъѣздомъ моимъ изъ вашего пекла, я не воображалъ, чтобы все, мною придуманное, могло такъ счастливо, такъ пріятно исполниться.

Хвала Богу, благословившему меня за долгое, долгое, мое терпѣніе!“

„Другъ мой! ты самъ имѣешь нѣжныхъ, примѣрныхъ родителей: ты знаешь имъ цѣну. У меня одинъ только отецъ ³⁾—и тотъ еще лишень зрѣнія. Я служу ему проводникомъ, я плачѣю ему сыновнею любовію за устройство моего благосостоянія, за образование сердца моего и ума, за тѣ примѣры сыновней преданности, которыми онъ, вмѣсто пустыхъ словѣстныхъ наставленій, училъ мою молодость!—Понимаешь ли ты всю полноту моего удовольствія? Такъ, мой другъ, можетъ быть, ты одинъ и твои братья и сестры поймутъ меня!

Кромѣ того еще имѣю я въ утѣшеніе мое надежду поправить не только здоровье мое, но и самый характеръ мой, который отъ безпрестанныхъ мнѣ козней начиналъ изъ филантропическаго превращаться въ мизантропическій. Боже мой! и мысль о томъ пугаетъ меня, перестать любить мнѣ подобныхъ, можетъ быть и любезныхъ мнѣ!—Ужасно! И отъ чего?—Отъ злодѣйства нѣкоторыхъ!

Нѣтъ, мой другъ, лучше злобнымъ поклониться
И бѣжать, пока злой духъ
Заразитъ насъ не успѣетъ...

¹⁾ Одно письмо Корсакова къ Загоскину отъ 24 октября 1824 г. напечатано въ „Раутѣ“ Н. В. Сушкова, кн. 3., (Москва 1854), стр. 307—308.—Всѣ эти письма напечатаны Иваномъ Аванасъевичемъ Бычковымъ въ „Рус. Стар.“ за 1902 г. т. СХІ, Августъ, стр. 349—361.

²⁾ По всѣмъ вѣроятіямъ графу Сергію Павловичу Потемкину (род. 1787†1858), драматическому писателю, большому любителю театра, примѣч. И. А. Быčkova.

³⁾ Александръ Степановичъ Корсаковъ (†1832).

Добрые друзья мои, какъ ты! какъ почтенные твои родители, какъ милое твое семейство, не позабудутъ меня—иногда удостоить грамоткою; а до другихъ мнѣ и дѣла нѣтъ!

Здѣсь—пусть буду я забытымъ
Злобой, завистью людей,
Пусть умру для нихъ безвѣстный,
Лишь бы, кровнымъ всѣмъ любезный,
Жилъ я въ памяти друзей.
Здѣсь тихонько, осторожно
Прошепчу Сильвановъ стихъ:
„Гдѣ намъ лучше жить возможно,
Если не въ кругу родныхъ?“

Прочитавъ сіе, я увѣренъ, что на слѣдующей почтѣ и милой Мишель мой скажетъ привѣтливое да вѣрному его деревенскому, а потому и искреннему другу Петру Корсакову.

Еще разъ скажи мое почтеніе батюшкѣ, матушкѣ, братцамъ, сестрицамъ и любезнѣйшей твоей супругѣ ¹⁾, которая, и не бывъ еще мнѣ извѣстна, уже любезна, потому что дѣлаетъ счастье добраго моего Мишеля, которому повторю то же, что и Потемкину:

Будь здоровъ, не забывай,
Веселись, пиши, прощай!

Мараль-ли ты когда-либо въ твоихъ брульонахъ бумагу, подобно этому бѣдному, мною измаранному, письму?²⁾

Жизнь въ деревнѣ, какъ видно, не улыбалась П. А. Хотя онъ интересовался литературою и въ особенности произведеніями своего друга Загоскина, но ему приходилось работать и для своего пропитанія. Въ письмѣ изъ Усадища Захонье отъ 15 іюля 1816 года очень интересно слѣдующее разсужденіе Корсакова по поводу критики, помѣщенной въ „Сынъ Отечества“ за 1816 г. (часть 31, № 27) на балладу Катенина Ольга (переложеніе Бюргеровой баллады Ленора). Онъ пишетъ: „критики я еще не читала, отъ того, что благодѣтель нашъ и почтеннѣйшій братъ Гречъ ²⁾ (котораго надо-бы поспѣчь) вдругъ, оставяя благодѣянія свои на нынѣшнемъ полугодіи, прекратилъ неизвѣстно почему присылку своего журнала. Вѣроятно, однакожь, что въ этомъ болѣе виноваты мои петербургскіе коммисіонеры. Опять таки, по пословицѣ, не хлѣбу ходить за брюхомъ, не Гречу за Корсаковымъ, но брюху за хлѣбомъ, Корсакову за Гречемъ, который даромъ, безъ платежа квартиры, снабжалъ мое умственное чрево своимъ умственнымъ хлѣбомъ“...

О своемъ пребываніи въ деревнѣ, житьѣ-бытьѣ и хлопотахъ деревенскихъ Корсаковъ сообщаетъ Загоскину въ письмѣ отъ 18 іюля, вѣроятно, 1816 г. изъ села Буриги слѣдующее: „Строеніе барскаго моего дома, въ усадищѣ Захонь, на берегахъ извиистой Шелони, поостановилось немного за сельскою нашею меженью и такъ называемою страдною порою, т. е. временемъ уборки хлѣба.—Видишь ли, другъ мой, что и я, недавній предъсимъ горожанинъ, знакомлюсь уже съ лексикономъ поселянъ! Боюсь, чтобы скоро не начать писать языкомъ моихъ древнихъ Шелонскихъ республиканцевъ, что же до разговора, то иногда,—вѣроятно отъ желанія быть внятнѣе добрымъ моимъ крестьянамъ,—я забываюсь и говорю совершенно ихъ на-

¹⁾ М. Н. Загоскинъ былъ женатъ на Аннѣ Дмитріевнѣ Васильцовой, прим. И. А. Вычкова.

²⁾ Н. И. Гречъ, издатель „Сынъ Отечества“, род. 1787†1867 г.

рѣчимъ. Хорошо, что нѣту здѣсь на то время какого-нибудь Шинкова: онъ бы зачалъ мнѣ такихъ пріема два-три изъ грамматики, отъ которыхъ бы и въ глазахъ посоловѣло“.

Проходили годы, друзья, вѣроятно, переписывались между собою, но письма эти не дошли до насъ. Мы имѣемъ письмо Корсакова изъ Петербурга, гдѣ онъ, вѣроятно, былъ временно, отъ 18 мая 1824 года, въ которомъ находимъ отголоски его деревенской жизни: „И провинціалъ твой, любимый другъ, сдѣлался, подобно тебѣ, отцемъ семейства: трое прелестныхъ амуровъ увѣнчали его счастливый бракъ, и наконецъ, послѣ бурныхъ дней столичной мятели, отдохнулъ и онъ въ мирной пристани стороны родимой, забывая помалу театральныя сцены, литературныя ненависти, тупое остроуміе недѣльныхъ журналовъ и тому подобныя утѣшенія литераторовъ.— Кто бы увѣрилъ меня, наслаждавшагося скромною радостью жителя полей, что Ѡемида, слѣбая Ѡемида, сдѣлается рушительницею моего спокойствія. Какъ бы ты думалъ. Сперва, по ея милости, попалъ я, какъ дворянинъ, въ уѣздные суды моей округи; а потомъ попалъ самъ, какъ помѣщикъ, въ котти уѣзднаго суда, палаты и, наконецъ, въ бездну юстиціи— въ Правительствующій Сенатъ.— Тутъ узналъ я справедливость пословицъ. Одна изъ нихъ говорить:

Le vrai malheur des hommes d'ici-bas—

Est d'avoir femme et procès sur les bras ¹⁾).

За первую я, конечно, долженъ благодарить Провидѣніе, какъ за кладъ а за второй... Но къ чему роптать прежде времени. Не помню ты, или Шамшевъ, говоривалъ: Il faut être philosophe... и я слѣдую вашему правилу:

„Молчу, покорствую и въ томъ всю славу мѣрю“.

Пока правосудіе не разрѣшитъ онѣмѣлаго языка моего, позволь хоть мысленно обнять тебя такъ же крѣпко, какъ ты въ старину сжималъ руку друга твоего и побратима П. Корсакова“.

Эти же воспоминанія о деревенскомъ житьѣ не оставляютъ его и въ 1830 г., такъ, мы имѣемъ письмо его изъ гор. Порхова, усадище Законье, отъ 26 января, гдѣ онъ пишетъ Загоскину, намекая на свою нужду въ деньгахъ; посылая ему свою трагедію „Гедвига и Ягеллонъ“ на просмотръ и для постановки ея на Московской сценѣ; онъ замѣчаетъ: „При семъ случаѣ, заботясь, какъ говорятъ французы, о томъ, что они называютъ le spirituel de la chose, n'oubliez pas aussi le temporel ²⁾), по несчастью, тоже не маловажную вещь въ семъ мѣрѣ нужды и недостатковъ карманныхъ, гдѣ честь честью, а и благостыня благостынею“.

Въ этомъ письмѣ мы находимъ также отголоски его деревенской жизни. „Ты прежде меня ознакомился съ званіемъ отца семейства; но и я не отсталъ отъ тебя: трое живыхъ амуровъ à la lettre, четвертый на мази и пятый во гробѣ: вотъ мои произведенія въ пользу народонаселенія Россіи. Много радостей, милый дружище, но много и заботъ, особливо кому не всегда routé по дѣламъ хозяйства. Ты живешь на деньгахъ, и потому не знаешь, что это за звѣрь—деревенская экономія. Сегодня пожаръ, завтра неурожай, послѣзавтра упадокъ цѣнъ на продукты и, наконецъ, опись имѣнія, заложеннаго по праву російскаго благороднаго дворянства въ опекуновомъ совѣтѣ или заемномъ банкѣ; а кушать-обѣдать надобно; а вила рюмку поднести доброму гостю необходимо; а не одѣтому выѣхать со-вѣстно, и тому подобныя тысячи тысячъ нуждъ и необходимостей образованнаго общества, неизвѣстныхъ на островахъ Тихаго моря Отаити и Овайги, гдѣ вмѣсто домовъ, стоящихъ намъ нѣсколько тысячъ рублей серебромъ или ассигнаціями, живутъ въ шалашахъ, покрытыхъ банановыми листьями;

¹⁾ Т. е. истинное несчастье людей это имѣть жену и судебную тяжбу.

²⁾ Т. е. заботясь о духовномъ, не забывайте и матеріальнаго.

гдѣ вмѣсто аглицкаго или, что еще дороже, русскаго сукна, посятъ платье Адама и Евы; гдѣ не знаютъ ни ломбардовъ, ни банковъ, ни гражданскихъ палатъ, безъ которыхъ бы мы пропали, а съ которыми все-таки пойдемъ когда-нибудь по міру etc.. etc., etc.. и сколько вылилось бы еще etcetera, если-бы опасность превратить письмо къ другу въ огромную диссертацию не остановила потока сихъ этцетеръ при самомъ ихъ началѣ“.

О той же жизни въ деревнѣ мы находимъ свѣдѣнія въ письмѣ его изъ Порховскаго уѣзда, село Захонье, отъ 18 ноября 1832 года.

„Что сказать о себѣ. Жизнь моя течетъ въ единообразіи, къ коему обрелка меня судьба: тогда какъ бывшіе мои товарищи теперь министрами и мало-мало губернаторами. Но когда и они, и я дойдемъ до философской цѣли нашего странствія, то, вѣроятно, и имъ также,—какъ и мнѣ, такъ же, какъ и недавно переселившемуся въ вѣчность доброму отцу моему Александру Степановичу—не болѣе сажени земли нужно будетъ для вѣчнаго покоя. Боюсь одного чтобы къ вечеру дней не втащили меня подростующія дѣти въ метель, отъ которой я такъ постоянно устранился. Признаюсь что начинать будетъ поздненько: но чего не рѣшится сдѣлать отецъ пятирѣхъ милыхъ херувимовъ, въ которыхъ красота тѣлесная есть еще меньшее достоинство? *Bon gré, mal gré il faudra que l'amour propre cède à l'amour paternel*¹⁾. Ты, мой безцѣнный другъ, не прерывалъ теченія своей службы и потому не можешь чувствовать, какъ трудно человѣку моихъ лѣтъ идти опять въ рекруты и попасть (можетъ быть) подъ команду къ какому нибудь писарю, котораго нѣкогда самъ я грамотѣ учиваль.. *De la philosophie, et encore une fois de la philosophie!* Вотъ совѣтъ который даетъ не совсѣмъ худое сердце довольно стрепитовому уму. Да не говорить ли и пословица: *Il faut toujours laisser faire ce qu'on ne peut pas empêcher*²⁾).

Симъ заключаетъ нынѣшнюю бесѣду съ тобою неместный другъ твой по душевнымъ чувствамъ и почитатель по великимъ твоимъ дарованіямъ не совсѣмъ еще остылый къ міру пустынный Петръ К(орсаковъ)“.

Петръ Корсаковъ съ 1823 г. по 1826 г. служилъ по выборамъ и жилъ въ уѣздномъ городѣ Порховѣ; время же съ 1826 г. по 1835 г. онъ провелъ со всѣмъ семействомъ у себя въ деревнѣ. Здѣсь жизнь его протекала мирно и спокойно. Переходя отъ занятій по хозяйству къ заботамъ о воспитаніи дѣтей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ все свободное время посвящалъ занятіямъ литературнымъ. Можно упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ литературныхъ трудахъ Корсакова, написанныхъ имъ въ деревнѣ. Такъ въ 1817 году онъ писалъ Загоскину: „не знаю, другъ мой, угодилъ ли на тебя присылкою послѣдней статьи о учителяхъ нашихъ, гдѣ, кажется, и Кассимовцу на грибы досталось“. Комментаторъ писемъ Корсакова къ Загоскину, многоуважаемый Иванъ Афанасьевичъ Бычковъ, замѣчаетъ, что здѣсь, вѣроятно, разумѣется одна изъ двухъ статей Корсакова въ издававшемся въ 1817 году имъ, вмѣстѣ съ М. Н. Загоскинымъ и Похорскимъ, журналѣ „Сѣверный наблюдатель“: „Совѣтники“ (№ 9, стр. 275—278) или „Кого больше. Кто полезнѣе“ (№ 13, стр. 401—408). Статьи подписаны псевдонимомъ Корсакова „Русскій Пустынный“. Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ Загоскину, что онъ высылаетъ ему окончаше статьи: „Краткая исторія свободы тисненія во Франціи“, напечатанной въ Сѣверномъ наблюдателѣ за 1817 г. № 6—18; въ концѣ статьи (въ № 18) стоитъ подпись П. Крскв. Вмѣстѣ съ нею онъ посылалъ нѣсколько стихотвореній; далѣе въ этомъ же письмѣ онъ замѣчаетъ: „Если бы зналъ, какихъ трудовъ будетъ мнѣ стоить сей историческій отрывокъ, то лучше бы вовсе не предпринималъ его. Болѣе двадцати увражей прочелъ и

¹⁾ Т. е. какъ никакъ, самолюбіе должно будетъ уступить родительской любви къ дѣтямъ.

²⁾ Т. е. незабѣжнаго не отвратишь.

изъ выписокъ принужденъ создать нѣчто цѣлое, Слава Богу, что кончилъ! Теперь займусь присылкою тебѣ какой нибудь веселенькой статьи для нравовъ или политическихъ діалоговъ Джона-Буля съ министрами, присовокупляя къ нимъ нѣсколько забавныхъ анекдотовъ“. Кромѣ того въ 1817 году Корсаковъ издавалъ журналъ: „Русскій Пустынникъ“, или „Наблюдатель отечественныхъ нравовъ“, гдѣ въ свою очередь участвовалъ Загоскинъ, который побранивалъ Русскаго Пустынника въ статьяхъ, написанныхъ буквами А. Б. и т. д. Въ 1830 году, какъ мы уже выше сказали, Корсаковымъ была написана трагедія „Гедвига и Ягеллонъ“ или „Судъ Божій“ изъ польской исторіи. Нечего говорить, что всѣ произведенія Загоскина, написанныя имъ за это время, были всѣ прочитаны Корсаковымъ и послужили темами для ихъ дружественной переписки за этотъ періодъ. Кукольникъ—авторъ біографіи П. Корсакова — говоритъ: „Можно сказать безпристрастно, что онъ подавалъ собою примѣръ истиннаго гражданина, трудясь постоянно, и какъ нѣжный отецъ семейства и какъ ревностный членъ общества. Нужно ли говорить, что распредѣливъ себѣ кругъ занятій, онъ удалилъ себя отъ вѣчной спутницы многихъ людей—скуки, и былъ истинно счастливъ, окруженный нѣжно любимымъ семействомъ, которое не могло не платить ему тою же привязанностью“. Въ 1835 году Корсаковъ переѣхалъ въ столицу со всѣмъ своимъ семействомъ, гдѣ и жилъ до самой своей кончины. Здѣсь 30 января 1837 года онъ потерялъ вторую жену свою Александру Ивановну, рожденную Буткевичъ. Въ 1838 году П. А. удостоился поднести Ея Величеству Аннѣ Павловнѣ, Королевѣ Нидерландской, первый свой трудъ, напечатанный тогда отдѣльно: „Очеркъ Голландской литературы“. Это сочиненіе его было принято королевою со всею благосклонностью. Для нея пріятно было видѣть своего соотечественника, занимающагося литературою страны ея, литературою, которой произведенія оставались до сихъ поръ вовсе неизвѣстными для Россіи. Ея Величество, приложивъ при рескриптѣ на имя его перстень, украшенный брилліантами, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзывалась о трудѣ П. А., находя его сочиненіе тѣмъ болѣе достойнымъ вниманія, что онъ первый обратился къ Голландской литературѣ, и имѣя возможность познакомиться съ нею во время своего пребыванія въ Голландіи, не упустилъ этого случая.

Въ 1841 году Русская эскадра подъ начальствомъ вице-адмирала О. П. Литке, въ которой участвовалъ Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, посѣтила Голландскіе острова. Въ этой эскадрѣ находился и старшій сынъ П. А. мичманомъ.

У него было письмо отъ П. А. къ Ея Величеству Аннѣ Павловнѣ; съ этимъ письмомъ онъ удостоился получить частную аудіенцію у королевы; представленный секретаремъ Ея Величества Шульцемъ, онъ совершенно потерялся при видѣ королевы: столько въ ней было величія во взорѣ и еще больше доброты и благосклонности. Проведя въ свой рабочій кабинетъ, королева спрашивала мичмана о семейныхъ дѣлахъ отца его, принимала во всемъ, касающемся не только до него, но даже членовъ его семейства, самое живѣйшее участіе, и когда узнала, что П. А. находится во Франціи въ Гаврѣ-де-Грасѣ, на минеральныхъ водахъ, поручила сыну написать къ нему, чтобы онъ на возвратномъ пути своемъ въ Россію избралъ дорогу черезъ Голландію, съ тѣмъ, чтобы доставить Ея Величеству случай видѣть его. Въ то же время, говоря о трудѣ подъ заглавіемъ: „Очерки Голландской литературы, Фонделя и Катса.“¹⁾, королева тутъ же разбирала и читала наизусть лучшія мѣста этихъ двухъ знаменитыхъ поэтовъ. Аудіенція продолжалась около полутора часа.

1) Трудъ этотъ выполненъ П. Корсаковымъ.

Ея Величество, выразивъ свое желаніе видѣть П. А. въ Голландіи, этимъ не ограничила своего высокаго расположенія, и сверхъ письма, написаннаго сыномъ по ея приказанію, Ея Величество изволила отправить къ нему о томъ же собственноручное письмо. Нужно ли говорить, что П. А. при первой возможности успѣшилъ исполнить ея желаніе и, возвращаясь изъ Франціи, поѣхалъ въ Голландію, гдѣ и удостоился быть принятымъ у Ея Величества.

Съ 1835 года, или немного позже, П. А. Корсаковъ назначенъ цензоромъ ¹⁾ и въ этой должности оставался до самой кончины. По литературной надобности я познакомился съ нимъ, говорить Кукольникъ, и съ перваго свиданія полюбилъ его всею душою. Я нашелъ въ немъ человѣка съ дѣвственными чувствами, на которыхъ зло не оставляло даже слѣда; въ нѣскольکو мгновеній послѣ сильнаго огорченія, онъ опять былъ веселъ, спокоенъ и снисходительно извинялъ виновника огорченія иногда за то, за что бы другой мстилъ всю жизнь. Готовность его на услугу каждому превосходить вѣроятность. П. А., какъ обязанный врачъ, считалъ долгомъ во всякое время, пору, погоду, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, поспѣшать на помощь ближнему. Никогда не скучалъ онъ и не тяготился работой. Литература наша, въ которой такъ мало писателей, но за то безчисленное множество пишущихъ, отнимала у него по наружности все время; не смотря на то, срочныя и безсрочныя изданія ценсоровались съ удивительною быстротою, охотно и безпристрастно. По естественному чину природы, любя однихъ болѣе нежели другихъ, онъ не стѣснялся своими привязанностями. Ни одинъ изъ лучшихъ писателей нашихъ, не имѣлъ ничтожнаго случая пожаловаться на его несправедливостъ. О другихъ не знаю, но увѣренъ, что то же можно сказать и въ отношеніи къ всему пишущему міру. Ценсурныя занятія, казалось, должны были поглощать всю его дѣятельность; правда, случались дни, когда изъ угожденія своему нѣжно любимому семейству и вмѣстѣ исполняя долгъ свѣтской учтивости, онъ иногда садился въ карету съ корректурнымъ листомъ журнала, иногда въ гостяхъ улучалъ минуту, чтобы уединиться въ чужомъ кабинетѣ и просмотрѣть ценсурныя корректуры, но все это дѣлалось безъ жалобъ, безъ ропота, незамѣтно, тихо, покойно...

Въ послѣдній годъ въ встрѣчахъ съ П. А. я, говорилъ Кукольникъ, замѣчалъ въ немъ какую-то тайную тоску, которую разгадать было трудно; потому что по наружности онъ былъ здоровъ и крѣпокъ. Скоро объяснилось, что эта тайная тоска была предчувствіемъ близкой разлуки съ нѣжнолюбимыми семьею и друзьями. П. А. захворалъ и страдалъ не долго. И въ страданіяхъ, низводившихъ его въ могилу, онъ сохранилъ тѣ же высокія качества души, которыми была украшена его прекрасная жизнь. П. А. скончался 11 апрѣля 1844 г. ²⁾.

О его семьѣ сохранилъ весьма теплыя воспоминанія В. Р. Зотовъ, который въ своей ст. „Петербургъ въ 40 годахъ“ пишетъ: „Въ домѣ П. А. я встрѣчалъ всегда самый радушный пріемъ. Его милыя, образованныя дочери ³⁾ оказывали большое вниманіе начинающему писателю, хотя въ ихъ

¹⁾ В. Р. Зотовъ говоритъ по поводу прекращенія журнала Корсакова „Сѣверный Наблюдатель“: „Журналъ не пошелъ—и Корсаковъ обратился къ службѣ, какъ единственному занятію, дающему обезпеченный кусокъ хлѣба въ Россіи“ Въ бытность свою цензоромъ Корсаковъ цензуровалъ также и сочиненія Пушкина. (В. Зотовъ, стр. 332).

²⁾ Иллюстрація. Еженедѣльное изданіе всего полезнаго и изящнаго 1846 г. ч. II, т. 2, № 6, стр. 83—85.

³⁾ Въ числѣ ихъ была Лидія, авторъ стихотворенія „Бредина и Волны“, съ которой былъ знакомъ Плетневъ. (См. переписку Плетнева съ Гротомъ, письмо Плетнева отъ 19 ноября 1840 г., т. I, стр. 140 и примѣч., стр. 670).

гостиной собирались люди, составившіе себѣ литературную извѣстность, какъ напр. Кукольникъ, драмы котораго не сходили тогда со сцены».

Въ каталогахъ находятся подъ именемъ Корсакова слѣдующія книги: 1) Собраніе путешествій, предпринятыхъ агентами Лондонскаго общества Африканскихъ открытій во внутренность сей части свѣта Ледія да, Лукаса, Гуттона, Мунго-Парка и Горнемана; переводъ, 2 тома. П. 1807. 8.—2) Храмъ славы истинныхъ героевъ. П. 1813. 8. Кромѣ этого сочиненія, Корсаковъ подъ вліяніемъ мировыхъ событій 1812 г., написалъ нѣсколько стихотвореній на разныя побѣды, не мало торжественныхъ гимновъ, кантатъ и пр.—3) Стихи къ балету.—4) Торжество Россіи, соч. Вальберха и Огюста. П. 1814. Корсаковъ перевелъ оперу Изуара „Жюконда“ или искатели приключеній“, о ней упоминаетъ въ своихъ запискахъ Ипполитъ Оже.—

5) Маккавей, трагедія, взятая изъ Іудейской исторіи въ 3 д. въ стихахъ. П. 1815. 8.—6) Русскій Пустынникъ, или наблюдатель отечественныхъ нравовъ, съ 1 января по 1 іюль 1817 г. 2 ч. (26 №№) П. 8.—7) Продолженіе его—„Сѣверный Наблюдатель“, нравственное, сатирическое, литературное и политическое изданіе на 1817 годъ съ 1 іюля мѣсяца, 2 ч. (26 №№) П. 1817 г. 8.—8) Очеркъ Голландской литературы П. 1838 г.—9) Іаковъ Катсъ, поэтъ П. 1839 г.—10) Приключенія бѣднаго сироты, повѣсть. П. 1839 г.—11) Креолка и Европеецъ, романъ. П. 1839 г.—12) Жизнь и приключенія Робинзона Крузе, Дефо, 2 ч. П. 1842—1843 съ рисунками.—13) Воспоминанія слѣпного, Араго. 2 ч. П. 1844 г.—По поводу двухъ послѣднихъ книгъ, В. Р. Зотовъ въ своей ст. „Петербургъ въ сороковыхъ годахъ“ говоритъ, что Корсаковъ, желая увеличить свои средства „давалъ свое имя разнымъ книгопродавческимъ, хотя и полезнымъ предпріятіямъ, какъ переводы „Робинзона Крузе“ Дефо (1843 г., 2 части) и „Воспоминанія слѣпного“ Араго (1844 г. 2 части). Эти переводы только редактировались Корсаковымъ, а работали надъ ними другія лица. Переводъ Робинзона съ англійскаго подлинника былъ даже и хорошимъ дѣломъ, такъ какъ въ то же время вышелъ другой, съ нѣмецкой передѣлки Кампе. А между тѣмъ этотъ второй переводъ, принадлежащій Межевичу, въ скоромъ же времени достигъ третьяго изданія (1842, 1846 и 1859 г.г.), тогда какъ лучшей трудъ Корсакова, не имѣлъ успѣха. Habent sua fata libelli“.

14) Опытъ Нидерландской Антологіи. 2 ч. П. 1844 г.—15) Участвоваль въ изданіи „Маяка“ (съ 1840). Біографія Корсакова въ Иллюстраціи ч. II (1846 г. № 6) (см. Справочный Энциклопедическій словарь т. VI, стр. 856).

Къ этому нужно прибавить, что журналъ „Маякъ“ издавался С. А. Бурачкомъ ¹⁾: здѣсь въ т. 22 этого журнала, за 1845 г., въ статьѣ самого редактора подъ заглавіемъ: „Критическій обзоръ народнаго значенія Вселенской Церкви на Западъ и на Востокъ“ посвящено нѣсколько страницъ обзору хода русской литературы, гдѣ находится нѣсколько несправедливыхъ замѣчаній на счетъ литературной дѣятельности В. А. Жуковскаго съ упреками въ томъ, что духъ его „все-таки римскій, а не русскій“ (глав. 4, критика, стр. 95). Такъ какъ Жуковский жилъ въ это время за границею, и не могъ знать объ этой литературной вылазкѣ на его счетъ, то князь П. А. Вяземскій ²⁾ пипеть ему изъ Петербурга, отъ 12 апрѣля 1846 г.: „а хочешь ли знать, что о тебѣ говорится на Святой и Православной Руси. На, читай“ и посылаетъ ему извлеченіе изъ Маяка и вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляетъ: „этотъ журналъ нынѣ уже не издается и, какъ слышно, запрещенъ за излишнее свое православіе. Соболевскій ³⁾ сказалъ однажды:

¹⁾ Степанъ Андисимовичъ Бурачекъ, род. 1800 г., † 1876; генералъ-лейтенантъ корпуса корабельныхъ инженеровъ.

²⁾ Петръ Андр. Вяземскій род. 1792 г., † 1878.

³⁾ Сергій Александровичъ, извѣстный бібліографъ.

„Сочиненіе: Маякъ
Издаетъ большой дуракъ
По прозванію Корсакъ,
Помогаетъ дурачекъ
По прозванію Бурачекъ“¹⁾.

Не мѣшаетъ прибавить, что говоритъ относительно Маяка и тогдашняго направленія литературы В. Р. Зотовъ: „Несмотря на всѣ старанія Отечественныхъ Записокъ направить эстетическіе вкусы читателей на истинный путь, партія „Сѣверной Пчелы“ и „Библиотеки для Чтенія“ была еще очень сильна и имѣла многочисленныхъ приверженцевъ. А къ нимъ въ 1840 г. присоединился еще „Маякъ“—этотъ представитель „оппозиціи, застоя и мракобѣсія“, какъ его называлъ Апполонъ Григорьевъ. Но о тлетворной цѣли и позорной дѣятельности этого журнала критикъ могъ говорить прямо только двадцать лѣтъ спустя (въ журналѣ „Время“ 1861. № 5), а въ тогдашнюю эпоху открыто возстать противъ него было не легко, такъ какъ онъ прикрывалъ свои ретроградныя тенденціи благочестіемъ, православіемъ и народностью, и распространялъ идеи обскурантизма, какъ говоритъ Грибоѣдовъ: „все подъ личиною усердія къ царю“. Дѣятельное участіе такого честнаго и добродушнаго писателя, какъ Корсаковъ, въ такомъ журналѣ объяснялось въ старомъ ополченцѣ, помимо его шовинистскаго направленія, желаніемъ увеличить свои средства доходами по изданію“... „Но появленіе имени уважаемаго цензора, какъ редактора неуважаемаго журнала во всякомъ случаѣ было неудобно и едва ли прилично. Имя второго редактора С. Бурачка, выставляемое на обложкѣ „Маяка“ не смягчало неприятнаго впечатлѣнія, производимаго ретроградными выходками журнала подъ флагомъ цензуры. Бурачекъ, несмотря на всѣ усилія обратить на себя вниманіе разными выходками противъ просвѣщенія и прогресса, не имѣлъ никакого значенія въ журналѣ. Этотъ полупомѣшанный обскурантъ, не разъ лечившійся въ пріютахъ для душевнобольныхъ и пѣвшій пѣтухомъ на крышѣ своего домика, на окраинѣ Васильевскаго острова, такъ и умеръ не оставивъ себѣ никакого литературнаго имени, не смотря на свое редакторство. Нелюдимъ, мрачнаго вида, онъ почти вовсе не появлялся въ гостиной своего товарища по редакціи, гдѣ въ послѣднее время преобладающая роль принадлежала Кукольнику“. Чтобы покончить совершенно съ П. А. Корсаковымъ, мы воспользуемся еще тѣмъ, что пишетъ о немъ въ своихъ запискахъ Ипполитъ Оже. Онъ сообщаетъ между прочимъ, что дирекція Императорскихъ театровъ поручила ему постановку Жюконды, которую перевелъ нъ русскій языкъ одинъ изъ служившихъ при театрѣ Петръ Корсаковъ, это былъ братъ того Корсакова, адъютанта барона Розена, который содѣйствовалъ Оже вступленію его въ русскую службу. „Я скоро подружился съ переводчикомъ, пишетъ Оже, а въ 1860 г. когда я жилъ въ Герѣ (гдѣ пишу эти воспоминанія) я познакомился съ его сестрой княгиней Еленой Голицыной, и опять свидѣлся съ адъютантомъ, который въ то время уже былъ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Петръ же Корсаковъ умеръ въ Петербургѣ въ 1844 г. Когда я во второй разъ пріѣхалъ въ избранное мною отечество, онъ уже былъ очень боленъ²⁾. По словамъ В. Р. Зотова, Корсаковъ „былъ человѣкъ умный“, „былъ вполне образованный и истинно добрый человѣкъ“.

Другой братъ Корсакова былъ *Михаилъ Александровичъ Корсаковъ*. Впослѣдствіи князь Дондуковъ-Корсаковъ. Изъ воспоминанія Николая Ивановича Андреева узнаемъ, что изъ его 5-й роты пансіонеръ Михаилъ Але-

¹⁾ Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ. Сообщилъ И. А. Вычковъ («Рус. Стар.» за 1902 г., т. 112, октябрь, стр. 207).

²⁾ „Рус. Арх.“ 1877 г. 2, стр. 254.

ксандровичъ Корсаковъ выпущенъ въ Преображенскій полкъ прапорщикомъ ¹⁾.

Въ запискахъ Ипполита Оже мы находимъ, что Михаилъ Александровичъ Корсаковъ способствовалъ этому французу поступить въ русскую службу, такъ какъ онъ былъ адъютантомъ у барона Розена ²⁾. И впоследствии доброта Корсакова вызвала сердечныя воспоминанія и благодарности у лицъ, которымъ онъ оказалъ услуги. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ А. П. Ермолова къ Н. В. Шимановскому мы читаемъ слѣдующее: „Скажи мое почтеніе князю М. А. Дондукову-Корсакову, который припомнилъ меня. Я любилъ его еще молодымъ человѣкомъ, а послѣ онъ доказалъ мнѣ самымъ пріятнымъ образомъ свое доброе расположеніе. Мнѣ помнится, я сказывалъ тебѣ, что онъ хлопоталъ о сиротахъ моихъ. Они тебѣ кланяются, безпрестанно помнятъ“ ³⁾.

Весьма любопытна исторія превращенія Михаила Александровича Корсакова въ князя Дондукова-Корсакова. Родъ князей Дондуковыхъ происходилъ отъ калмыцкаго князя Дондукъ-Омбо. Въ 1742 г., когда умеръ Омбо, жена его кабардынка Джанъ ушла съ дѣтьми и частью своего улуса въ Кабарду. Вызванная оттуда русскимъ правительствомъ въ Петербургъ, она съ семействомъ приняла въ 1743 г. ⁴⁾ (1744 по Брокгаузу) православіе и фамилію Дондуковыхъ съ княжескимъ титуломъ. Обѣ эти даты не вѣрны, какъ это видно изъ дневника Ивана Михайловича Сиѣгирева, который записалъ 17 сентября 1861 г. слѣдующую замѣтку: „Я заѣхалъ къ Н. П. Розанову, который нашелъ въ дѣлахъ Консistorіи, что въ 1742 г. крещена была ханша Дундукъ съ тремя дочерьми и четырьмя сыновьями. Она назвала въ Святомъ крещеніи Софіей и дочери—Вѣрою, Надеждою, Любовью, сыновья—Петромъ, Алексіемъ, Іоною и Филипомъ. Ей дано княжество Дундуково“ ⁵⁾. Изъ этой цитаты Сиѣгирева можно заключить, что ханша была крещена въ Москвѣ, и что совершенно невѣрно Энциклопедическіе словари называютъ ее Вѣрою Дондуковою ⁶⁾, между тѣмъ какъ ее звали Софьею; въ этихъ же словаряхъ ошибочно обозначено, что Іона былъ пятымъ сыномъ Вѣры Дондуковой, между тѣмъ по версіи Сиѣгирева выходитъ, что всѣхъ сыновей было четыре, и Вѣра была не матерью Іоны, а сестрою, такъ какъ мать звали Софіею.

Изъ сыновей княгини Дондуковой Іона (1733—1781) былъ послѣднимъ владѣтельнымъ княземъ калмыцкимъ, за отказъ отъ своихъ улусовъ онъ получилъ отъ Императрицы Екатерины II въ 1774 г. мѣстечко Романово Оршанской провинціи Могилевской губерніи (бывшее имѣніе князя Радзивилла). Іона былъ женатъ на Маріи Васильевнѣ Корсаковой (1762—1831), происходящей изъ другой линіи рода Корсаковыхъ. У нихъ была дочь Вѣра Іоновна, род. въ 1781 г.: въ этомъ же году умеръ ея отецъ князь Іона, оставивъ свою жену 18-лѣтней вдовою, а за нѣсколько мѣсяцевъ раньше Іоны умеръ братъ ея Алексѣй. Послѣ смерти мужа Дондукова начала хлопотать объ отдачѣ ей улусовъ князя Алексѣя, но вмѣсто улусовъ ей была дана пенсія въ размѣрѣ 1000 рублей въ годъ, а дочери ея Вѣрѣ было пожаловано 50000 рублей для выдачи въ день совершеннолѣтія съ нарощими

¹⁾ Пансіонерами назывались тѣ, которые жили у баталіонныхъ начальниковъ. („Рус. Арх.“ 1879 г., 10, стр. 178).

²⁾ Рус. Арх. 1877 г., 2, стр. 254.

³⁾ „Рус. Арх.“ 1906 г., кн. IX, стр. 75 и 76. Сиротки Ермолова это были незаконныя его дѣти.

⁴⁾ См. Настольный Энциклопедическій Словарь товарищества братьевъ А. и И. Гранатъ, т. IV, стр. 1573.

⁵⁾ „Рус. Арх.“ 1905 г., кн. I, стр. 121.

⁶⁾ Кромѣ Словаря Гранатъ см. Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, т. XI, стр. 17.

на нихъ процентами. Вѣра вышла замужъ въ 1801 г. за бывшаго кавалергарда Никиту Ивановича Корсакова ¹⁾, и по ходатайству ея матери въ 1802 г. Высочайшимъ указомъ отъ 15 июля Корсакову было дозволено именоваться княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. Князь Никита Дондуковъ-Корсаковъ передъ женитьбой вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго совѣтника; женившись, онъ проводилъ зиму въ Петербургѣ, а лѣто проводилъ въ родовой имѣнн с. Полоная, Порховскаго уѣзда, рядомъ съ имѣніемъ Александра Степановича Корсакова с. Буричи, за сына котораго, Михаила Александровича, онъ впоследствии выдалъ свою дочь.

У князя Никиты Ивановича Дондукова-Корсакова и его жены Вѣры Ионовны была единственная дочь Марія Никитишна, родившаяся 12 апрѣля 1803 года. Рожденіе дочери разстроило здоровье Вѣры Ионовны и Дондуковы-Корсаковы уѣхали за границу, гдѣ и пробыли болѣе двухъ лѣтъ. О нихъ упоминаетъ Александръ Яковлевичъ Булгаковъ въ письмѣ къ своему брату Константину изъ Неаполя отъ 11 (23) апрѣля 1805 г., что въ числѣ другихъ ѣдутъ въ Россію князь Дондуковъ (ex-Korsakoff) съ женою, и что Дондуковъ поручилъ ему переслать женины бриліанты, съ которыми Булгакову пришлось возиться, не зная куда ихъ направить ²⁾.

Княгиня Марія Никитишна Дондукова-Корсакова 5 ноября 1819 г. вышла замужъ за капитана Преображенскаго полка Михаила Александровича Корсакова (род. 1794, † 1869 г.). Это былъ родной братъ нашего лицейста Корсакова. Князь Никита Ивановичъ Дондуковъ-Корсаковъ обратился съ ходатайствомъ о передачѣ зятю своему княжескаго титула и фамиліи Дондуковыхъ, на что послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе 10 сентября 1820 г., а 26 июня 1829 года титулъ и фамилія распространены были на все нисходящее потомство Михаила Александровича Корсакова ³⁾.

Біографическія свѣдѣнія о Дондуковѣ-Корсаковѣ не входятъ въ рамки этой біографіи ⁴⁾. Замѣтимъ только, что съ 1833—1842 г.г. онъ былъ попе-

¹⁾ См. Настольный Энциклопедич. словарь товарищества братьевъ А. и И. Гранатъ т. IV, стр. 1573 и Энциклопедическ. Словарь Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 17.

²⁾ „Рус. Арх.“ 1899 г., кн. 8, стр. 478 и 489.

³⁾ См. родъ князей Дондуковыхъ-Корсаковыхъ, 1886 г. Исслѣдованіе Алексея Михайловича Дондукова-Корсакова, а также сборникъ біографій кавалергардовъ 1762—1801, подъ редакціей С. Панчулидзева. Спб. 1904 г., стр. 444—447.

⁴⁾ Кстати, проведемъ здѣсь нѣсколько мелкихъ фактовъ, относящихся къ Дондукову, разбросанныхъ въ перепискѣ Плетнева съ Гротомъ. Большинство изъ нихъ относится до его свѣтской жизни, блистательныхъ баловъ, даваемыхъ имъ, раутовъ, великосвѣтскихъ приемовъ, на которыхъ бывалъ и Плетневъ. Такъ, напримеръ, въ письмѣ отъ 27 ноября 1841 г. Плетневъ писалъ: „Получилъ отъ Дондукова печатное приглашеніе pour une soirée, въ субботу. Это у него первый балъ для большого свѣта. Дочь уже на выданъ (Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ, т. I, стр. 447). Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 29 ноября, Плетневъ описываетъ самый балъ: „Пошелъ обѣдать къ П. Максимовичу. Отъ него къ Александрѣ Осиповѣ. Былъ и Порошинъ. Послѣ чего въ 11 часу, я увезъ Порошина, чтобы, захвативъ домой, одѣться на балъ къ князю Дондукову-Корсакову; между тѣмъ моста не было. Но я рѣшился во что бы то ни стало быть тамъ. Такъ какъ, кромѣ бѣлаго галстука, никакихъ не послѣдовало нововведеній въ моемъ туалетѣ, то и не трудно было исполнить препріятіе это. Мы съ Григорьемъ вдвоемъ переѣхали на лодкѣ и сѣли смиренно на одного извозчика. За нѣсколько шаговъ отъ пылавшаго въ огняхъ дома и сошелъ съ дрожжекъ, чтобы чванный швейцаръ не задумалъ прогнать меня отъ подъѣзда. На лѣстницѣ встрѣтилъ я уже уѣзжающихъ (это было 12 часовъ) Нессельрода, Полетику и Дегаю. Въ первой комнатѣ попался мнѣ Юрьевичъ (отъ него я узналъ, что и къ Вамъ медаль отправлена), съ которымъ и пошелъ между гостей. Входя въ танцевальную залу почти въ дверяхъ, увидѣлъ знакомую мнѣ даму Светунову, урожд. графиню Сологубъ (бывшую фрейлину Елены Павловны). Едва я успѣлъ раскланяться съ ней, обращивъ глаза на говорившаго съ нею кавалера въ мундирѣ и вижу Михаила Павловича. Балъ былъ очень оживленъ и со вкусомъ устроенъ. Хозяинъ съ

чителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа ¹⁾, а съ 1835 по 1862—вторымъ вице-президентомъ Академіи Наукъ (съ 7 марта 1835 г.). Странно, что П. О. Морозовъ въ изданіи соч. Пушкина Литературнаго Фонда допускаетъ двѣ ошибки (см. т. VII, стр. 378), называя князя Дондукова-Корсакова Михаиломъ Андреевичемъ, вмѣсто Александровичемъ и въ указатель (стр. XXIV, повторивъ эту ошибку, дѣлаетъ другую, называя его Дундуковъ, между тѣмъ какъ въ письмѣ Пушкина (стр. 378) его фамилія написана правильно. Въ этомъ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 26 апрѣля 1835 г. Пушкинъ писалъ: „на Академіи наши нашель черный годъ: едва въ Россійской почилъ Соколовъ, какъ въ Академіи Наукъ явился вице-президентомъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, Фокусникъ, а Фуссъ его паясъ. Кто-то сказаль, что куда одинъ, туда и другой; одинъ кувыркается на канатѣ, а другой подъ нимъ на полу“ ²⁾. Въ письмѣ же къ П. А. Плетневу, отъ 11 октября 1835 г. Пушкинъ, говоря о полученномъ изъ цензуры „Путешествіи въ Арзрумъ“, пишетъ: „Ужели залягаетъ меня о(слено)къ Никитенко и забодаетъ быкъ Дундукъ?“ ³⁾. Это шуточное искаженіе фамиліи въ дружескомъ письмѣ не доказываетъ еще, чтобы Пушкинъ не зналъ бы правописанія этой фамиліи. Поэтому намъ кажется страннымъ, что П. О. Морозовъ въ указателѣ сохранилъ это исковерканное правописаніе. Въ знаменитой эграммѣ Пушкина мы встрѣчаемъ этого же Дундука, на это зато эпиграмма и опять-таки шуточная форма. По поводу этой эпиграммы позволимъ себѣ привести то, что сообщаетъ П. О. Морозовъ по этому поводу: „Въ годичномъ собраніи

Анненской дентой по жилету. Всѣ почти послы и наши министры тутъ были. Звано 400 человекъ. Сначала я рѣшила было досидѣть до ужина, но стало скучновато и въ 3 часу я опять по прежнему манеру отправилась съ Григорьемъ же домой“ (Ibid. т. I, стр. 449). Въ другомъ письмѣ отъ 5 декабря 1842 г. Плетневъ пишетъ: „Въ послѣднемъ письмѣ и не успѣлъ тебѣ ничего сказать о балѣ князя Дондукова. У него хоть небольшіе биваютъ балы, но со вкусомъ. Это единственные въ Петербургѣ балы, исключая придворныхъ, гдѣ присутствуютъ ученые: тамъ я сошелся съ Фуссомъ и Струве“ (Ibid. т. I, стр. 655). Не мѣшаетъ обратить вниманіе еще на слѣдующія характерныя строки Плетнева, который пишетъ Гроту отъ 15 августа 1845 г.: „Князь Дондуковъ-Корсаковъ большой мастеръ на денежные предпріятія. Онъ ими составилъ себѣ и дѣтямъ огромное состояніе независимо отъ женитбы, которая дала ему княжество Дондучество и богатство“ (Ibid. т. II, стр. 516). Упоминаетъ Плетневъ въ своей перепискѣ съ Гротомъ и о нашемъ Корсаковъ-лицейскѣ, причемъ между прочимъ приводимъ стихъ Пушкина въ искаженномъ видѣ: „Пожалуйста, повидайся съ Дондуковымъ и постарайся съ нимъ сблизиться.—Вѣдь онъ брать лицейскаго чернокудраваго пѣвца съ гитарой сладкогласной, который лежитъ въ Италіи прекрасной. Да и самъ онъ очень добрый человекъ“ (Письмо Плетнева отъ 1 августа 1845 г. Ibid. т. II, стр. 564).

¹⁾ По поводу оставленія Дондуковымъ-Корсаковымъ должности Попечителя, мы находимъ въ перепискѣ Плетнева съ Гротомъ нѣкоторые свѣдѣнія о его примѣнѣ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 24 февраля 1842 г. Плетневъ изъ Спб. писалъ: „Григорій Волконскій заступитъ мѣсто Дондукова“ (Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ, т. I, стр. 496). Въ другомъ письмѣ отъ 29 апрѣля 1842 г. Плетневъ писалъ: „Пріѣхаль изъ заграницы князь Григорій Волконскій. будетъ слѣдовательно важная у насъ перемена въ дѣлахъ. Онъ назначенъ Попечителемъ, вмѣсто Дондукова, который самъ вышелъ (Ibid. стр. 526).

²⁾ Письмо это проверено нами по изданію ссчн. Пушкина подъ редакціею П. А. Ефремова, т. VII, стр. 591—592. Странно, что П. А. Ефремовъ, такъ яростно нападаящій на П. О. Морозова и разящій всѣхъ комментаторовъ Пушкина, помѣстилъ на стр. 592 ошибочное примѣчаніе о Дондуковѣ-Корсаковѣ, что это—„князь Михаилъ Андреевичъ“. Не Андреевичъ, а Александровичъ, какъ мы уже выше замѣтили по поводу ошибки г. Морозова, такимъ образомъ, на всякую старуху бываетъ проруха. Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ т. VIII, стр. 616 г. Ефремовъ исправляетъ свое ошибочное заимствование комментарія у возлюбленнаго своего г. Морозова.

³⁾ Соч. А. С. Пушкина изд. Литературн. Фонда т. VII, стр. 385. Мы исправили это письмо по Ефремову т. VII, стр. 616. Г. Морозовъ читаетъ: „Неужели“, его же другъ Ефремовъ—„Ужели“, г. Морозовъ стыдливо печатаетъ: „О . . . къ“, г. Ефремовъ пропечатываетъ это всѣми буквами: „осленокъ“.

академіи, 29 декабря 1836 г., Пушкинъ былъ съ А. А. Краевскимъ, и тамъ, указывая ему на М. А. Дондукова-Корсакова, шепнулъ: „а вѣдь сидитъ то на моей эпиграммѣ! ничего, не больно,—не вертится!“ Эпиграмма эта была написана въ сентябрѣ 1835 года:

„Въ академіи наукъ
Засѣдаетъ князь Дундукъ.
Говорятъ, не подобаетъ
Дундуку такая честь;
Отчего-жь онъ засѣдаетъ?—
Оттого, что можетъ сѣсть“.

Послѣдній стихъ представляетъ не передѣлку Пушкинскаго, а вариантъ „для дамъ“, слышанный А. А. Краевскимъ отъ самаго Пушкина¹⁾.

Нелюбовь Пушкина къ кн. Дондукову-Корсакову объясняется тѣми столкновениями, которыя имѣлъ Пушкинъ съ цензурнымъ комитетомъ, который былъ подъ предсѣдательствомъ кн. Дондукова-Корсакова, какъ, напримѣръ, можно указать на слѣдующую выдержку: „любопытно, что нѣкоторые Тютчевскіе стихи показались сомнительными тогдашней цензурѣ, и Пушкину пришлось о нихъ переписываться. 25 июля 1836 г. цензоръ Крыловъ извѣстилъ Пушкина, что, „князь Михаилъ Александровичъ (Дондуковъ-Корсаковъ) желаетъ видѣть №№ XV и XVI мелкихъ стихотвореній автора въ Мюнхенѣ, ибо обѣ статьи сіи пропущены комитетомъ въ его отсутствіи“. Пушкинъ представилъ требуемыя стихотворенія и 28 июля получилъ отъ Крылова такое увѣдомленіе: „стихотвореніе“ подъ № XVI „Два демона“ и проч. предложено было княземъ Михаиломъ Александровичемъ снова въ сегодняшнемъ засѣданіи, и комитетъ призналъ справедливѣе не допустить сего стихотворенія, за неясностью мысли автора, которая можетъ вести къ толкамъ весьма неопредѣленнымъ. Относительно замѣчанія вашего на предлагаемыя въ № XVII точки, „что цензура не тайкомъ вымарываетъ и въ томъ не прячется“, долгомъ почитаю присоединить съ своей стороны, что цензура не въ правѣ сама публиковать о своихъ дѣйствіяхъ; тѣмъ болѣе она не въ правѣ дозволить посторонніе на это намеки, въ которыхъ смыслъ можетъ быть не одинаковъ“²⁾.

Старшимъ сыномъ Михаила Александровича Дондукова-Корсакова, былъ князь Александръ Михайловичъ, генераль-адъютантъ, главно-начальствовавшій гражданскою частью на Кавказѣ и командовавшій войсками Кавказскаго военнаго округа и проч. (род. 1821 г., † 1893 г.)³⁾.

¹⁾ Соч. А. С. Пушкина Литерат. Фонда, т. VII, стр. 418. Г. Ефремовъ т. VII, стр. 676 преспокойно заимствовалъ все это у своего друга г. Морозова, по обыкновенію своему, не указавъ на источникъ заимствования. Впрочемъ онъ исправилъ Дондукова-Корсакова въ Дондукова, а въ другомъ мѣстѣ вмѣсто запятой поставилъ тире. (См. также т. VIII, стр. 616 и 617).

²⁾ И. А. Шляпкинъ. Изъ незаданныхъ бумагъ Пушкина. Спб. 1903 г., стр. 259, 262, 284. („Рус. Арх.“ 1903 г., 2, стр. 497). См. Лѣтопись жизни Ф. И. Тютчева, статья Валерія Брюсова (стихи Тютчева печатались въ „Современникѣ“. Стихотвореніе № 16 „Два демона ему служили“ (Наполеону), относится ко времени до 1836 года).

³⁾ Слѣдуетъ прибавить, что у князя Михаила Александровича, кромѣ этого сына, были еще три дочери, о которыхъ мы находимъ свѣдѣнія въ перепискѣ Плетнева съ Гротомъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 2 марта 1846 г. Плетневъ писалъ изъ Спб.: „Никогда не слыхивалъ я, чтобы дочь Дондукова была выдана за Лаврова. Должно быть тутъ недоразумѣніе. Старшая его дочь—въ тотъ годъ, какъ мы были въ Венденѣ (т. е. въ 1843 г.) вышла за графа Сиверса, владѣтеля знаменитой руины. А о свадьбѣ другой и слуху здѣсь не было“. (Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ т. II, стр. 694). Въ другомъ письмѣ, отъ 10 (22) августа 1864 г., когда Плетневъ жилъ на дачѣ близъ Парижа онъ писалъ: „Бывалъ у насъ и князь М. А. Дондуковъ-Корсаковъ, пока не переѣхалъ въ свою Псковскую деревню. Его семейство, жена и три взрослыхъ дочери, такъ полюбили жену мою, что и дня не проходило, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не навѣщалъ насъ“ (Ibid., стр. 684).

7.

БАРОНЪ (ГРАФЪ)

МОДЕСТЪ АНДРЕЕВИЧЪ

КОРФЪ.

Баронъ (графъ)
Модестъ Андреевичъ
КОРФЪ

Баронъ (Графъ), Модестъ Андреевичъ Корфъ.

(Род. 11 сентября 1800 г., † 2 января 1876 г.).

Способности обыкновенныя. Недостатокъ ихъ выкупается большимъ трудолюбіемъ. Человѣкъ, которому всегда и во время благопріятствовали необычайное счастье.

Баронъ М. А. Корфъ изъ дневника его за 1839 г. «Русск. Стар.» 1904 г., т. 118, іюнь, стр. 550—551.

Родъ бароновъ Корфовъ приобрѣтаетъ извѣстность отъ барона Іоанна Альбрехта Корфа, родившагося въ 1697 г., умершаго въ 1766 г. Онъ былъ приближеннымъ герцогини курляндской Анны Іоанновны, которая, при восшествіи своемъ на російскій престолъ, вывезла его изъ Курляндіи мѣста его родины. Ему поручались особенно щекотливыя политическіе переговоры въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалась ловкость и изворотливость, затѣмъ онъ былъ сдѣланъ президентомъ Академіи Наукъ. Это мѣсто пришлось ему по душѣ и онъ выказалъ на этомъ посту всю свою энергію и весь свой творческій талантъ. Академія ожила отъ спячки и дѣятельно принялась за всестороннюю научную дѣятельность, поощряемая своимъ неутомимымъ президентомъ. При немъ была предпринята вторая экспедиція на Камчатку съ тѣмъ, чтобы посѣтить берегъ Америки и опредѣлить положеніе Японіи къ Камчаткѣ, а также изслѣдовать морской путь между Ледовитымъ Океаномъ и Камчатскими водами. При немъ и по его мысли Академія стала работать надъ новымъ изданіемъ уложенія царя Алексѣя Михайловича, кромѣ того были изданы и указы съ 1714 по 1725 г. и послѣдующія законоположенія. Въ то же время Академія занялась собираніемъ историческихъ матеріаловъ для жизнеописанія царей Іоанна Грознаго (Васильевича), Михайла Федоровича и Алексѣя Михайловича. При личномъ участіи барона Корфа приступлено было къ составленію первой русской грамматики и словаря и было образовано ученое общество для очищенія и усовершенствованія русскаго языка, при посредствѣ правильныхъ переводовъ замѣчательныхъ иностранныхъ сочиненій. Но этимъ не ограничивалась его дѣятельность: онъ старался привлечь въ Россію заграничныхъ ученыхъ и въ свою очередь посы-

лалъ за границу русскихъ молодыхъ людей для изученія естественныхъ и математическихъ наукъ и иностранныхъ языковъ; въ числѣ этихъ молодыхъ людей былъ и знаменитый впослѣдствіи Ломоносовъ, который прислалъ ему изъ Германіи свою извѣстную оду «На взятіе Хотина»; Корфъ тотчасъ же напечаталъ ее и поднесъ Императрицѣ. Онъ собиралъ для Академіи разныя научныя коллекціи, и составилъ себѣ великолѣпную бібліотеку, которою пользовались всѣ современные ему знаменитости, писавшіе о Россіи (нынѣ эта бібліотека находится въ Гельсингфорскомъ университетѣ), онъ поручалъ академикамъ составлять біографіи замѣчательныхъ русскихъ людей того времени. Такая плодотворная его дѣятельность для Россійской Академіи продолжалась всего 5¹/₂ лѣтъ; онъ лишился президентства по проискамъ Бирона, который боялся его вліянія на Императрицу Анну Іоанновну, и былъ посланъ за границу посланникомъ въ Копенгагенъ, затѣмъ онъ былъ въ Стокгольмѣ, и опять въ Копенгагенѣ, гдѣ и умеръ 70 лѣтъ отъ роду въ 1766 году.

Дѣдъ лицеиста былъ баронъ Фридрихъ-Сигизмундъ Корфъ, который, послѣ присоединенія Курляндіи къ Россіи, въ чинѣ Тайнаго Совѣтника, былъ первымъ бѣлорусскимъ губернскимъ маршаломъ.

Отецъ лицеиста былъ баронъ Гейнрихъ (Андрей) Ульрихъ-Казиміръ Корфъ, изъ помѣщиковъ Курляндскихъ; въ 80 и 90 годахъ XVIII столѣтія находился въ Прусской службѣ; переселившись въ Петербургъ въ 1797 или 1798 г., поступилъ на службу вице-президентомъ юстицъ-коллегіи (1804 г.), а въ 1819 году былъ сдѣланъ сенаторомъ и умеръ въ Петербургѣ въ 1823 г. Былъ женатъ на Ольгѣ Сергѣевнѣ Смирновой ¹⁾.

Сынъ его баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ родился въ Петербургѣ 11 сентября 1800 г. и получилъ первоначальное воспитаніе дома. По словамъ академика Я. К. Грота «въ семействѣ Корфовъ господствовалъ чисто патріархальный бытъ. Благочестіе, полное согласіе между членами семьи, гостепріимство, доброта, ласка ко всѣмъ были отличительными чертами этого быта» ²⁾.

Когда былъ основанъ Лицей въ 1811 г. отецъ Корфа, бывший тогда въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника ³⁾ привезъ своего сына Модеста къ экзамену для поступленія въ Лицей. Модестъ Корфъ держалъ экзаменъ въ Лицеѣ 12 августа 1811 г. Познанія его оцѣнены были слѣдующими отмѣтками: въ грамматическомъ познаніи языковъ: русскаго, французскаго и нѣмецкаго, а также въ арифметикѣ—«хорошо», въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. физикѣ,—«имѣеть познаніе», въ начальныхъ основаніяхъ гео-

¹⁾ Умерла въ 1843 г. и похоронена на Старо Лазаревскомъ кладбищѣ Александроневской Лавры. «Русск. Арх.» 1872, стр. 198.

²⁾ «Пушкиныя, его Лицейск. товарищи и наставники.» Спб., стр. 89.

³⁾ И. Селезневъ. «Матеріалы для исторіи Лицея 1856 г.» См. Памятн. Книжка Лицея на 1856—1857 г. Спб. 1856 г., стр. 29.

графіи и исторіи—«хорошо» ¹⁾. Такимъ образомъ 11 лѣтъ отъ роду, Корфъ поступилъ въ Царскосельскій Лицей.

Въ дѣлахъ лицейскаго архива сохранились отмѣтки профессоръ и гувернеровъ объ успѣхахъ и поведеніи его въ продолженіи лицейскаго курса. Такъ за время съ 23 октября 1811 г. по 15 марта 1812 г. мы имѣемъ «Списокъ воспитанниковъ Императорскаго Лицея изъ Россійскаго и Латинскаго классовъ, съ показаніемъ ихъ способностей, успѣховъ и прилѣжанія», составленный Николаемъ Федоровичемъ Кошанскимъ. Въ этомъ спискѣ изъ 30 воспитанниковъ Корфъ стоитъ двѣнадцатымъ; вотъ что мы о немъ читаемъ: «Баронъ Модестъ Корфъ, имѣетъ счастливыя способности и прилѣжаніе, поддерживаемое честолюбіемъ и чувствомъ собственной пользы, успѣхи его очень хороши и показываютъ, что онъ сравнится съ первыми питомцами».

Тотъ же Кошанскій за время съ 15 марта по 15 октября 1812 года изъ числа 30 воспитанниковъ ставитъ его девятымъ и повторяетъ почти дословно предыдущій отзывъ съ тою только разницею, что къ слову прилѣжаніе прибавляетъ «отличное».

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдтъ въ своемъ отзывѣ отъ 31 марта 1812 г. даетъ отзывы о воспитанникахъ въ алфавитномъ порядкѣ и говоритъ о Корфѣ слѣдующее: «Korff (B). Très bon écolier, et jamais je n'ai eu sujet de lui faire le moindre reproche. Il est toujours attentif et toujours diligent».

Профессоръ французской литературы де-Будри въ своемъ второмъ рапортѣ отъ 18 ноября 1812 г. (первый не дошелъ до насъ) дѣлитъ воспитанниковъ на четыре группы и ставитъ Корфа во вторую группу и даетъ о немъ слѣдующій отзывъ: «Korf (Baron) Toujours également appliqué; jamais le moindre reproche à lui faire; aussi fait-il assez de progrès».

Слѣдуетъ замѣтить, что академикъ Я. Гротъ въ своей біографической замѣткѣ о Корфѣ приводитъ совершенно другой отзывъ, вѣроятно, взятый изъ перваго рапорта Будри, до насъ не дошедшаго: «Il est très intelligent, fort docile et bien appliqué. Ses progrès font espérer qu'il sera toujours pour le françois un des premiers de sa classe», т. е. очень способенъ, весьма послушенъ и прилеженъ. Его успѣхи подають надежду, что по-французскому языку онъ всегда будетъ однимъ изъ первыхъ въ классѣ ²⁾.

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдтъ во второмъ рапортѣ отъ 19 ноября 1812 г. дѣлитъ воспитанниковъ на три категоріи и выдѣляетъ еще одну категорію «classe de ceux qui excellent», т. е. наилуч-

¹⁾ Тамъ же приложение къ стр. XI.

²⁾ Я. Гротъ. «Пушкиныя, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб. 1899 г., стр. 87.

шнѣнѣйшихъ воспитанниковъ, хотя и отмѣчаетъ, что разница между этою категоріею и первою совершенно незначительна. Корфъ попалъ въ эту категорію наилучшихъ воспитанниковъ въ одну рубрику съ Бюхельбекеромъ, Гревеницемъ, Стевеномъ и Комовскимъ. Самъ Гауеншильдтъ замѣчаетъ, что онъ принужденъ за ихъ трудолюбіе и поведеніе поставить ихъ въ одинъ классъ и даже подъ однимъ номеромъ.

Мартынъ Пилецкій въ отчетѣ о поведеніи и свойствахъ г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, представленномъ Директору Лицея 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Корфѣ: «Баронъ Корфъ (Модестъ) 12-ти лѣтъ. Съ хорошими дарованіями, прилѣженъ съ успѣхомъ, любитъ порядокъ и опрятность; весьма благонаравенъ, скромнъ и вѣжливъ. Въ обращеніи столь нѣженъ и благороденъ, что во все время нахождения его въ Лицеѣ ни разу не провинился; но осторожность и боязливость препятствуютъ ему быть совершенно открытымъ и свободнымъ. — Иногда немножко упрямъ съ чувствительностію» ¹⁾.

Профессоръ Н. Кошанскій въ своемъ собственноручномъ спискѣ воспитанниковъ изъ класса Россійской и латинской словесности отъ 9 іюля 1813 г. дѣлитъ воспитанниковъ на четыре группы и помѣщаетъ Корфа во вторую группу «отличныхъ» воспитанниковъ вторымъ отъ начала (первымъ Александръ Пушкинъ).

Тотъ же Кошанскій за время съ 1 августа по 15 декабря 1813 года изъ числа 29 воспитанниковъ ставитъ Корфа шестымъ и повторляетъ отзывъ, данный за время съ 15 марта по 15 октября 1812 г.

Губернеръ Чириковъ отъ 30 сентября 1813 г. въ спискѣ подъ заглавіемъ: «Свойство и поведеніе воспитанниковъ Императорскаго Лицея» даетъ о Корфѣ слѣдующій отзывъ, помѣщая его двѣнадцатымъ изъ 29 воспитанниковъ: «Баронъ Модестъ Корфъ. *Скрытность, самолюбіе* и самоудѣбіаніе суть отличныя его свойства; впрочемъ вѣжливъ, кротокъ (,) усерденъ, опрятенъ и прилѣженъ».

Наконецъ И. Кайдановъ въ своей вѣдомости «о дарованіяхъ, прилѣжаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Императорскаго Лицея по части географіи, всеобщей и Россійской исторіи» отъ 1 ноября 1812 г. по 1 января 1814 г. ставитъ Корфа изъ числа 29 воспитанниковъ восьмымъ и даетъ о немъ слѣдующій отзывъ: «Баронъ Модестъ Корфъ. Подаетъ о себѣ прекрасную надежду своими дарованіями, великою охотою къ ученію, примѣтными весьма хорошими успѣхами и своимъ благороднымъ поведеніемъ».

²⁾ «Лицейскій журналъ», Годъ восьмой, IV, 1910—1911, стр. 29.

Таковы отзывы преподавателей и гувернеров о Корфѣ, свидѣнія эти извлечены нами изъ Лицейскаго архива. Академикъ Я. Гротъ въ своей книгѣ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», въ статьѣ о Корфѣ приводитъ еще нѣкоторые отзывы другихъ преподавателей и гувернеровъ, которые не дошли до насъ и не сохранились въ Лицейскомъ архивѣ. Такъ, напримѣръ, Гротъ приводитъ отзывъ Куницына, адъюнктъ-профессора логики и нравственной философіи: «Понятіе имѣетъ острое, но съ нѣкотораго времени сдѣлался не такъ прилеженъ и болѣе разсѣянъ, а потому нѣкоторые его товарищи превзошли его успѣхами въ теченіе прошлаго года. Но какъ сіе дано ему почувствовать и какъ онъ весьма чувствителенъ къ выговорамъ, то есть надежда, что онъ скоро исправится. Въ разсужденіи поведенія, по своей скромности и благородному обхожденію съ высшими и равными, заслуживаетъ онъ всякую похвалу».

Адъюнктъ-профессоръ математики и физики Карцовъ даетъ слѣдующій отзывъ о Корфѣ: «Рачителенъ не всегда въ одинаковой степени, имѣетъ хорошія дарованія и успѣваетъ очень изрядно».

Наконецъ гувернеръ Пилецкій даетъ слѣдующій отзывъ: «Весьма благонаравенъ, скромнень, нѣсколько робокъ». Академикъ Гротъ приводитъ въ своей статьѣ еще двѣ найденныя въ лицейскихъ «спискахъ» отмѣтки, относящіяся къ Корфу: Воспитанники: Корфъ, Данзасъ, Корниловъ, Корсаковъ и Гурьевъ во время прогулки отставали отъ своихъ товарищей и, идучи мимо дворца, разсматривали пойманныхъ бабочекъ и производили шумъ. Слова и увѣщанія гувернера Ильи Степановича Пилецкаго, чтобы они сохраняли тишину и наблюдали порядокъ, ни мало не имѣли на нихъ дѣйствія». Вторая—«Воспитанникъ Корфъ, сказавшись больнымъ передъ начатіемъ класса чистописанья, остался въ аркѣ и читалъ безъ позволенія книгу «Voyage de Platon en Italie». Сіе было замѣчено г. директоромъ Василиемъ Федоровичемъ Малиновскимъ, и приказано ему отъ него сидѣть съ прочими воспитанниками въ классѣ»¹⁾.

Здѣсь слѣдуетъ прибавить выписку изъ «Журнала о поведеніи воспитанниковъ Императорскаго Лицея за ноябрь мѣсяць 1812 г.», подписаннаго 5 декабря 1812 г. гувернеромъ Ильею Пилецкимъ. Пилецкій излагаетъ довольно безграмотно столкновеніе воспитанниковъ съ инспекторомъ и указываетъ на участіе каждаго воспитанника въ отдѣльности, о Корфѣ пишетъ слѣдующее: «Велъ себя хорошо и благопристойно, онъ въ случившемся произшествіи былъ только по наговору со стороны Гурьва, но объяснясь съ г.

¹⁾ Я. Гротъ, Пушкинъ его лицейскіе товарищи и наставники. Спб. 1899 г., стр. 87 и 88.

Инспекторомъ и удостовѣрять, что грубаго ничего не было сказано, на щетъ его родителя и то никому изъ воспитанниковъ, онъ не объявлялъ ни малаго оскорбленія, ни наглости, но велъ себя съ свойственною ему вѣжливостью и благонаравіемъ» ¹⁾.

Хотя Корфъ по своимъ способностямъ могъ бы принять участіе въ литературныхъ занятіяхъ первокурсниковъ, однако онъ не примкнулъ къ ихъ литературному кружку и не принималъ, какъ видно, никакого участія въ журнальной дѣятельности юныхъ лицействовъ. Какъ это ни кажется страннымъ на первый взглядъ, однако это такъ. Ни въ одномъ изъ лицейскихъ журналовъ, издававшихся въ продолженіи ихъ шестилѣтняго пребыванія въ Лицеѣ, Корфъ не принималъ никакого участія, по крайней мѣрѣ оффиціальнаго, если можно такъ выразиться, его имя не значится ни въ числѣ издателей этихъ журналовъ, ни типографшиковъ, какъ, наприм., Данзасъ, ни цензоровъ, какъ Дельвицъ; можетъ быть онъ былъ скромнымъ и робкимъ сотрудникомъ этихъ журналовъ, но объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Такимъ образомъ Корфъ рисуется намъ какъ мальчикъ скромный, тихій, не мѣшавшійся съ буйнымъ элементомъ своего курса, куда принадлежали однако Пушкинъ, Корсаковъ, Кюхельбекеръ, Илличевскій и др., т. е. все талантливое, остроумное юношество порваго курса. Этотъ буйный элементъ лицейской молодежи, какъ извѣстно, высмѣивалъ товарищей въ «національныхъ пѣсняхъ». Досталось отъ нихъ и Корфу въ слѣдующемъ куплетѣ:

«Стевенъ, Гревеницъ, Корфенокъ,
Будутъ рыцари чухонокъ.
Всѣ, всѣ нули
Ай люли, люли».

Въ другомъ куплетѣ этихъ національныхъ пѣсенъ подъ кличкою «Морданъ-дьячекъ» тоже высмѣивается Корфъ; изъ протоколовъ лицейскихъ годовщинъ мы знаемъ, что подъ такую кличку признавалъ себя самъ Корфъ и подписывался ею на протоколахъ лицейскихъ годовщинъ, напримѣръ 1828 г. и 1831 г. Что же касается до упоминаемаго въ этомъ куплетѣ шведа, то подъ этимъ прозвищемъ былъ извѣстенъ Стевенъ, который подписался этою кличкою на протоколахъ тѣхъ же самыхъ годовъ.

«Но вотъ усачъ,
Нашъ шведъ пугачъ,

¹⁾ Къ біографіи А. С. Пушкина (малоизвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя) И. А. Шляпкинъ. Спб. 1899 г., стр. 22 и 19.

Въ сердцахъ мычить теленкомъ,
Морданъ дьячекъ
Псалма стишокъ
Горланить поросенкомъ».

Кличка «дьячекъ» была дана Корфѣ, вѣроятно, вслѣдствіе его пристрастія къ чтенію церковныхъ книгъ, что насъ не должно удивлять, потому что онъ получилъ строгое духовно-нравственное воспитаніе и вообще ихъ семейный бытъ отличался благочестіемъ. Что касается до клички Морданъ то она представляетъ французское слово mordant, т. е. кусающійся или ѣдкій, въ этомъ можно видѣть черту характера Корфа, т. е. ѣдкость, саркастичность. Кто эти клички выдумалъ, намъ, конечно, неизвѣстно, но мы не погрѣшимъ, если припишемъ выдумку ихъ Пушкину... Недаромъ Корфъ въ Лицеѣ не былъ друженъ съ нимъ, и по выходѣ изъ Лицея отношенія ихъ не сдѣлались болѣе дружественными. Поэтому насъ нисколько не удивляютъ рѣзкія сужденія Корфа о Пушкинѣ. По поводу записки Корфа съ характеристиками лицейскихъ порядковъ, ученья и товарищей академикъ Я. Гротъ говоритъ: «Характеристики весьма замѣчательныя, хотя къ сожалѣнію, и не всегда согласныя съ тѣмъ безпристрастнымъ отношеніемъ къ прошлому, какого мы были бы въ правѣ ожидать отъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ лицъ своего времени».

Въ 1817 году 9 іюня Корфъ былъ выпущенъ изъ Царскосельскаго Лицея съ чиномъ IX класса (титулярнаго совѣтника) и съ правомъ на серебряную медаль и поступилъ въ Министерство Юстиціи ¹⁾. Прощаясь съ Лицеємъ Корфъ внесъ въ альбомъ директора Энгельгардта только свою подпись: «Баронъ Модестъ Корфъ. 10 іюня 1817 г. Царское Село» ²⁾.

Въ томъ же году черезъ двѣ недѣли, т. е. 25 іюня, Корфъ началъ службу въ департаментѣ Министерства Юстиціи, на первыхъ порахъ безъ опредѣленнаго мѣста, а потомъ съ декабря мѣсяца того же года перемѣщенъ былъ переводчикомъ въ Общую Канцелярію Министерства Юстиціи.

Служба Корфа въ этомъ министерствѣ обѣщала быть очень удачною, какъ это видно изъ письма Энгельгардта къ Ѳ. Ѳ. Митюшкину отъ 20 декабря 1817 г., гдѣ мы читаемъ: «Корфъ въ люди пошелъ, онъ великой фаворитъ министра юстиціи князя Лобанова»...

Съ 1819 г. онъ перешелъ въ Комиссію Составленія Законовъ, состоя одновременно по Министерству Юстиціи. Въ Комиссіи Составленія Законовъ

¹⁾ Селезневъ. Матеріалы для исторіи Лицея, стр. 92.

²⁾ См. «Альбомъ Директора Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардта». Статья Д. Ѳ. Кобеко: Пушкинъ и его современники. Спб. 1908 г. вып. 7, стр. 9.

Корфъ оставался до самаго ея упраздненія—4 апрѣля 1826 г., гдѣ занималъ сперва должность редакторскаго помощника, а потомъ—редактора. Помимо этого на Корфа возлагалось исполненіе разныхъ обязанностей, въ 1820 г. съ 19 января по 24 мая Корфъ находился при сенаторахъ князѣ Гагаринѣ и Хитрово для дѣлопроизводства по Высочайше возложенному на нихъ изслѣдованію причинъ внесенія заразы въ Бессарабію и по ревизіи Подольской губерніи и за труды по этимъ занятіямъ награжденъ орденомъ Св. Владимира 4 степ.—3 января 1821 г. Объ этомъ Энгельгардтъ писалъ Матюшкину отъ 10 сентября 1820 г.: «Корфъ отлично служитъ и кромѣ Анны представленъ ко Владимиру», а 12 февраля 1821 г.: «Въ нашихъ нѣтъ важныхъ перемѣнъ, только что Корфъ получилъ Владимира 4-го и теперь разныхъ орденовъ кавалеръ». Въ мартѣ 1822 г. Корфъ командированъ въ Канцелярію Комитета Высочайше утвержденного по дѣламъ Бессарабскаго помѣщика Вальша для занятій ими. Въ 1823 г. 4 апрѣля Корфъ перешелъ изъ Министерства Юстиціи въ Министерство Финансовъ и состоялъ здѣсь чиновникомъ особыхъ порученій съ 21 апрѣля того же года, а потомъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ разныхъ податей и сборовъ.

Въ то же время Корфъ занимался между прочимъ переводомъ съ латинскаго языка уставовъ и привиллегій курляндскихъ, за что получилъ отъ курляндскаго дворянства табакерку съ надписью изъ алмазовъ ¹⁾.

О первыхъ годахъ службы Корфа сохранились его воспоминанія. Вотъ что записываетъ онъ объ этомъ времени въ своемъ дневникѣ. При вступленіи моемъ послѣ выпуска изъ Лицея въ 1817 г. въ министерство юстиціи, министромъ былъ еще Трошинскій, но онъ въ томъ же году смѣненъ княземъ Лобановымъ. Я дежуривалъ при немъ въ числѣ прочихъ младшихъ чиновниковъ департамента по разу въ недѣлю и болѣе. Дежурство это состояло въ томъ, что мы часу въ 8-мъ являлись къ нему въ парадномъ мундирѣ, докладывали о пріѣзжающихъ, подавали ему получаемыя бумаги и печатали конверты. Потомъ дежурный обѣдалъ всегда за его столомъ, а вечеромъ онъ отпускалъ насъ часу въ 8-мъ или 9-мъ. Можно представить, что все это бывало не очень забавно и что при механической работѣ печатанія и докладыванія князю трудно было ему ознакомиться съ нашими способностями, тѣмъ больше, что за обѣдомъ хотя мы и сидимъ вмѣстѣ, но дежурный долженъ былъ хранить самое глубокое и святое молчаніе, и князь никогда не обращалъ къ нему ни одного слова. При всемъ томъ онъ какъ-

¹⁾ И. Селезневъ. Историческій очеркъ Императорскаго, бывшаго Царскосельскаго чина Александровскаго Лицея. Спб. 1861 г. стр. 167.

то меня полюбилъ и отличать нѣсколько отъ другихъ. Между прочимъ, ему вздумалось поручить мнѣ привести въ порядокъ его бібліотеку и составить ей систематическій реестръ. Я обрадовался этому порученію, надѣясь, что оно надолго освободитъ меня отъ скучнаго переписыванія набѣло бумагъ въ департаментъ,—все, чѣмъ тогда меня занимали. Но не тутъ-то было! Вся бібліотека его сіятельства оказалась однимъ небольшимъ шкафомъ съ сотнями тремя книгъ, большею частью такихъ, которыя поднесены ему были отъ авторовъ или переводчиковъ, и моя работа, сколько ни старался ее протянуть, продолжилась не болѣе трехъ дней. Между тѣмъ, въ это время образовалась новая канцелярія при министрѣ, и все мое честолюбіе устремлено было къ тому, чтобы занять въ ней мѣсто переводчика — какъ нѣчто уже самостоятельное послѣ писарскихъ моихъ обязанностей. Кандидатовъ было много и нѣкоторымъ, въ томъ числѣ и мнѣ, задали пробныя работы. Мнѣ пришлось перевести какую-то преогромную тетрадь по провіантской части съ нѣмецкаго на русскій языкъ, и незнакомый съ техническими терминами ни на томъ, ни на другомъ языкѣ, тѣмъ меньше знакомый съ предметомъ и сущностью дѣла,—всею 17-ти лѣтъ отъ роду, едва вышедъ изъ школы, я, вѣроятно, Богъ знаетъ, что такое напуталъ. По крайней мѣрѣ, помню какъ теперь, что «Grütze» крупу, я вездѣ переводилъ безъ справки съ лексикономъ какъ вещь обыкновенную «вашею», помню по неистопимымъ насмѣшкамъ, къ которымъ подали поводъ эти «кули и пуды каши» моимъ служебнымъ товарищамъ, между которыми я слылъ, по тогдашнему выраженію, «ученымъ» что въ ихъ понятіяхъ составляло почти синонимомъ съ «безтолковымъ и негоднымъ на службу». Несмотря на то, переводъ мой,—по протекціи барона Бюллера,—оказался лучшимъ, и я получилъ желанное мѣсто, на которомъ отъ бездѣлья чуть было не погибъ для службы. Но навыкъ къ занятіямъ, не погасшій еще во мнѣ отъ Лицея, и добрые совѣты тогдашняго близкаго пріятеля нашего семейства Отто Виттенгейма внушили мнѣ мысль заняться чѣмъ-нибудь хоть не совсѣмъ служебнымъ, то по крайней мѣрѣ близкимъ къ обязанностямъ моей должности. Я перевелъ съ латинскаго языка на русскій курляндскіе статуты, законъ, и теперь еще дѣйствующій, но который приводился тогда по дѣламъ въ Сенатѣ въ разныхъ негодныхъ переводахъ, дѣланныхъ мѣстными переводчиками по частямъ.

Эта работа по связи со школьными моими занятіями была мнѣ больше по плечу, нежели «провіантская каша», и я убилъ ею, какъ говорятъ нѣмцы, сразу двухъ мухъ. Одинъ экземпляръ я поднесъ князю, и какъ переводъ, по рассмотрѣніи въ тогдашней комиссіи составленія законовъ, оказался со-ответственнымъ своей цѣли, то его велѣно употреблять въ Сенатѣ, а мнѣ 18-ти лѣтъ отъ роду, дали Анну 3-ей степени. Другой экземпляръ я представилъ

курляндскому дворянству, и оно прислало мнѣ табакерку съ вензелевымъ изображеніемъ своего шифра. Сверхъ того, за эту работу я былъ причисленъ къ комиссіи составленія законовъ, и отсюда началась настоящая моя служебная школа. Но съ княземъ Лобановымъ я все еще не разстался, продолжая числиться попрежнему у него переводчикомъ. Отъ него же я въ началѣ 1820 года былъ командированъ съ сенаторами на ревизію Подольской губерніи и Бессарабской области и по его же представленіямъ пожалованъ въ 1821 г. орденомъ Владимира 4-ой степени, а въ 1823 году — камеръ-юнкеромъ. Окончательно разстались мы уже въ маѣ 1823 года, когда я былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія въ департаментъ податей и сборовъ. Сперва за эту перемѣну службы, столько во всѣхъ отношеніяхъ для меня выгодную, онъ крѣпко на меня сердился, но потомъ, съ перемѣной обстоятельствъ и съ постепеннымъ моимъ возвышеніемъ, этотъ гнѣвъ прошелъ и, наконецъ, по назначеніи меня въ Государственный Совѣтъ, — котораго членомъ онъ оставался до самой своей кончины, — мы жили лучшими друзьями ¹⁾.

Въ 1825 году Корфъ былъ назначенъ управляющимъ дѣлами двухъ Высочайше утвержденныхъ Комитетовъ — одного для приисканія способовъ къ улучшенію состоянія городовъ, и другого — для уравниенія земскихъ повинностей.

Въ 1836 г. 4 апрѣля была закрыта Комиссія Составленія Законовъ и вмѣсто нея было учреждено II отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, во главѣ которой былъ поставленъ Сперанскій; въ эту Канцелярію Корфъ былъ назначенъ Старшимъ чиновникомъ въ чинѣ надворнаго совѣтника. Сперанскій въ средѣ остальныхъ чиновниковъ обратилъ свое вниманіе на Корфа и приблизилъ его къ себѣ, съ этого момента начинается блестящая государственная карьера Корфа. На этой должности онъ могъ выказать свой талантъ къ систематизаціи и приведенію въ стройный порядокъ множества отдѣльныхъ фактовъ, онъ выказалъ здѣсь быстроту работы и выработалъ себѣ особенный слогъ, которымъ отличались всѣ бумаги, исходящія изъ его рукъ. Отличительными качествами его слога были сжатость, ясность, выразительность и опредѣлительность, всѣ эти качества дали въ слѣдствіи Корфу прозваніе «мастерскаго золотого пера», впрочемъ всѣми этими качествами обладалъ Сперанскій, поэтому неудивительно, что эти достоинства перешли къ барону Корфу — его ученику. На долю Корфа выпало составленіе свода гражданскихъ законовъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими ли-

¹⁾ Изъ дневника барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. „Рус. Стар.“ 1904 г., т. СХVII, янв., стр. 85—87.

цами, ему приходилось приводить въ стройный порядокъ множество отдѣльныхъ фактовъ, нерѣдко стоявшихъ въ противорѣчїи одинъ съ другимъ; ему приходилось составлять историческія обзорѣнія дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ законовъ по разнымъ частямъ русскаго гражданскаго права, все это вмѣстѣ взятое вселяло въ Сперанскомъ уваженіе къ своему подчиненному, и онъ выставлялъ его какъ лучшаго своего чиновника предъ Императоромъ Николаемъ I. Если трудъ по составленію Полнаго Собранія Законовъ и и Свода Законовъ былъ колоссаленъ, то и награды за этотъ трудъ были изъ ряда вонъ выходящими: баронъ Корфъ 1-го іюля 1827 г. былъ награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника, званіемъ камергера и единовременной выдачей 5000 руб.; 19 января 1828 г.—орденомъ Св. Владиміра 3 степ.; 17-го марта; 1829 г.—чиномъ статскаго совѣтника и единовременно 3500 р.; 22 января 1830 г.—орденомъ Св. Станислава 2 ст. со звѣздой и 3500 р.; 17 января 1831 г.—двумя тысячами рублей.

Годъ 1827 былъ счастливымъ годомъ въ жизни Корфа, не только въ отношеніи его служебной карьеры, но и въ личной жизни,—въ этомъ году Корфъ женился. Энгельгардтъ, интересовавшійся судьбою своихъ воспитанниковъ какъ въ служебномъ отношеніи, такъ и въ семейной жизни ихъ, сообщаетъ В. Д. Вольховскому въ письмѣ отъ 30 сентября 1827 г. очень много интересныхъ подробностей о Корфѣ и вообще о лицестяхъ, служившихъ вмѣстѣ съ Корфомъ у Сперанскаго. Въ этомъ письмѣ Энгельгардта, слѣдуетъ обратить вниманіе на слова Государя, сказанныя Корфу; въ нихъ была выражена не только простая любезность, но и желаніе, дѣйствительно, приблизить его, что и исполнилось вскорѣ затѣмъ назначеніемъ Корфа управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ; съ этого момента Корфъ, будучи 32 лѣтъ отъ роду, и на 15 году службы, дѣлаетъ быструю карьеру и становится въ ряды приближенныхъ и довѣренныхъ лицъ Императора Николая Павловича. Вотъ что пишетъ Энгельгардтъ:

«Мы ладимъ по древнему лицейскому обычаю собраться для празднованія 19 октября. Между прочимъ въ томъ участникахъ будетъ и новобрачный Корфъ, который женился на прошедшей недѣлѣ на своей однофамилькѣ, сестрѣ жены двоюроднаго его брата, вашего полковника.—Корфу нашему везетъ крѣпко; онъ сдѣланъ камергеромъ и коллежскимъ совѣтникомъ и получилъ 5000 рублей награжденія; это очень хорошо, но что еще лучше того, онъ это заслужилъ. Я самъ отъ Сперанскаго, который довольно скупъ на похвалы, слышалъ: «Баронъ Корфъ лучшей нашъ работникъ».—Когда благодарилъ онъ за пожалованіе его въ камергеры, то Царь въ присутствіи всѣхъ, осыпалъ его похвалами и между прочимъ сказалъ: «Я желаю васъ къ себѣ приблизить и найду случай съ вами короче познакомиться».

*

Вообще наши лицейскіе, щетомъ шесть человекъ въ собственной Е. И. В. Канцеляріи отличаются; оба начальника Сперанскій и Балугіанскій вездѣ объ нихъ отлично отзываются. Дай Богъ во славу Лицея» ¹⁾).

Въ томъ же году, въ письмѣ отъ 23 ноября, Энгельгардтъ опять сообщаетъ Вольховскому объ успѣхахъ какъ Корфа, такъ и другихъ его товарищей, служившихъ въ Собственной Канцеляріи Ею Величества.

Вотъ что мы читаемъ: «Дай Богъ впредь для доброй славы Лицея и лицейскихъ, которые въ нынѣшнее царствованіе препорядочно выказываются Изъ шести человекъ нашихъ въ Собственной Канцеляріи Е. И. В. находящихся, четыре человека получили по три, а два человека по двѣ награды. Между прочимъ Корфъ, которому дали Св. Анну, камергерскій ключъ и 5000 руб. на свадьбу; прочіе кавалеры Замятинъ ²⁾, Мартыновъ ³⁾ и Капгеръ ⁴⁾, кромѣ крестовъ получили чины и денежные награды, а Яковлевъ ⁵⁾ и Эривовъ ⁶⁾ подарки»...

Энгельгардтъ въ нѣсколькихъ послѣдующихъ письмахъ къ Вольховскому и Матюшкину возвращается къ похваламъ своихъ бывшихъ воспитанниковъ, служившихъ въ Собственной Канцеляріи Государя, какъ видно и вполне понятно,—успѣхи его бывшихъ учениковъ радовали стараго директора. Такъ напримѣръ, въ письмѣ къ Вольховскому отъ 22 марта 1828 г. Энгельгардтъ писалъ: «Корфъ законодательствуетъ и возносится начальствомъ и самимъ Царемъ. Вообще 8 человекъ лицейскихъ въ Собственной Канцеляріи Е. И. В. хорошо поддерживаютъ добрую славу Лицея».

Въ письмѣ къ Матюшкину отъ 25 февраля 1829 года мы читаемъ: «Корфъ пишетъ законы; дай Богъ чтобы нашлись потомъ добрые исполнители». Когда же Корфъ получилъ звѣзду къ ордену Св. Станислава 2 ст., то Энгельгардтъ спѣшитъ обрадовать своихъ корреспондентовъ вѣстью о такой выдающейся наградѣ ихъ товарищу. Вотъ что пишетъ Энгельгардтъ Вольховскому отъ 29 января 1830 г.: «Поздравляю тебя съ первою лицейскою звѣздой! Корфъ нашъ получилъ вчера орденъ Св. Станислава 2 ст. Я еще

¹⁾ Корфъ, Замятинъ, Иванъ Христіановичъ Капгеръ были учениками Балугіанскаго см. «Михаилъ Андреевичъ Балугіанскій» (записка его дочери баронессы М. М. Медемъ) «Рус. Арх.» 1885 г., кн. II, стр. 415—432, (см. 422 и 426).

²⁾ Замятинъ, Дмитрій Николаевичъ, III курса, вып. 1823 г., членъ Госуд. Совѣта, Сенаторъ, Дѣйствительный Тайн. Совѣтн., † въ Спб., 19 октября 1881 г.

³⁾ Мартыновъ, Александръ Ивановичъ, III курса, дѣйств. статск. сов., братъ первокурсника.

⁴⁾ Капгеръ, Иванъ Христіановичъ, III курса, тайн. совѣтн., сенаторъ, † въ Спб. 24 мая 1867 г.

⁵⁾ Яковлевъ, Михаилъ Лукьяновичъ, первокурсникъ.

⁶⁾ Эривовъ, князь Дмитрій Александровичъ, II курса, вып. 1820 г., тайн. совѣтн., сенаторъ, † въ октябрѣ 1858 г.

не знаю, что получили прочіе наши лицейскіе въ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, а награждены *всѣ восемь*. Слава Богу, что попали подъ добрыхъ начальниковъ, которые умѣютъ цѣнить достоинство и труды! Сперанскій и Балугіанскій вездѣ въ слухъ говорятъ, что *лучшіе, надежнѣйшіе* у нихъ сотрудняки и работники, наши *лицейскіе*. Спасябо!»

А 6 февраля того же года Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину: «Лицейскихъ новостей есть, что сказать: Корфъ получилъ звѣзду Св. Станислава, Яковлевъ—Анну 2 степ., Мартыновъ—Владимира 4-го ¹⁾). Сверхъ того—первый (Корфъ) 5000 рублей, а прочіе по 2000 руб. награжденія».

Въ томъ же году 7 апрѣля Энгельгардтъ писалъ Матюшкину: «Корфъ въ величайшемъ фореу; недавно получилъ звѣзду Станислава»; объ этой же звѣздѣ онъ повторяетъ въ письмѣ отъ 22 января 1831 г.: «Корфъ въ гору да въ гору; ужъ онъ нынѣ Директоромъ какого-то департамента и получилъ звѣзду Станислава».

Въ 1830 году 7 октября Высочайшимъ указомъ Корфъ былъ назначенъ вице-директоромъ департамента разныхъ податей и сборовъ, а 6 мая 1831 года ему повелѣно было быть въ должности управляющаго дѣлами Комитета Министровъ ²⁾). До этого назначенія по Высочайшему повелѣнію Корфъ былъ командированъ въ канцелярію Комитета Министровъ для разбора дѣлъ, оставшихся неисполненными и недоложенными прежнимъ управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ Гежелинскимъ. 24 февраля 1831 г. Корфъ, проработавъ надъ этимъ дѣломъ немного болѣе года, представилъ Всеподданнѣйшую докладную записку объ окончаніи этого порученія, на этой запискѣ Государь написалъ слѣдующую резолюцію: «Объявляю вамъ совершенное мое удовольствіе за успѣшное исполненіе даннаго мною вамъ порученія».

11 января 1832 г. Корфъ былъ утвержденъ управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Объ этихъ успѣхахъ Корфа по службѣ Энгельгардтъ извѣщалъ своихъ корреспондентовъ Вольховскаго, Матюшкина и др., Такъ напримѣръ 18 марта 1831 г. Энгельгардтъ писалъ Матюшкину: «Корфъ удивительно въ гору идетъ; между прочимъ въ послѣднихъ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ напечатана *Собственноручная* ему Высочайшая благодарность за скорое и отличное

¹⁾ Мартыновъ Александръ Ивановичъ III курса.

²⁾ Объ этомъ назначеніи упомянулъ К. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату изъ Спб. отъ 3 мая 1831 г. «В. Корфъ назначенъ на мѣсто Гежелинскаго правителемъ дѣлъ въ Комит. Министровъ, а Свищину пожаловано 10 т. Корфъ очень хорошъ.» («Рус. Арх.» 1903 г., 12, стр. 557).

выполненіе сдѣланнаго ему порученія: онъ въ 3^{1/2} мѣсяца привелъ въ порядокъ и исполненіе запущенныя въ продолженіи трехъ или четырехъ лѣтъ Г. Гержелинскимъ (Sic) дѣла Комитета Министровъ. Кажется, ему не миновать мѣста правителя дѣлъ сего Комитета.—Ура! цвѣти Лицей! Куда ни посмотри, а наши ребята—вездѣ отличны.—Вчера еще мнѣ Сперанскій говорилъ, что лицейскіе у него лучшіе и надежнѣйшіе работники; а ихъ въ Собственной Е. И. В. Канцеляріи щетомъ 10 человекъ». Почти то же самое повторяетъ Энгельгардтъ въ письмѣ къ Вольховскому отъ 28 марта того же года: «Корфъ идетъ быстро въ гору; онъ кончилъ скоро и хорошо порученный ему разборъ дѣлъ комитета министровъ, которыя въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ были совершенно запущены и въ безпорядкѣ; за то ему было *собственноручная* благодарность въ сенатскихъ вѣдомостяхъ. Кажется не миновать мѣста правителя дѣлъ Комитета. Ура! Цвѣти Лицей!»

По назначеніи Корфа Управляющимъ Комитетомъ Министровъ Энгельгардтъ спѣшитъ увѣдомить Вольховскаго письмомъ отъ 8 іюля 1831 г., гдѣ мы читаемъ:

«Ты вѣроятно уже знаешь о поступленіи нашего Корфа на мѣсто Управляющаго дѣлами Комитета Министровъ? Это, по мнѣнію моему, одно изъ первыхъ мѣстъ по всей Руси, *первое* потому, что онъ имѣетъ личный докладъ у Государя, *второе*, потому что чрезъ его руки переходятъ всѣ важнѣйшія Государственныя дѣла, *третье*, это мѣсто даетъ ему всего около 24 т. рубликовъ жалованія; качество весьма пріятное».

Тому же Вольховскому Энгельгардтъ писалъ 26 ноября 1831 г.: «Корфъ занятъ не только по уши, но выше ушей; я боюсь, чтобъ онъ не выдержалъ, а работаетъ хорошо. Вообще наши лицейскіе почти всѣ и вездѣ идутъ хорошо; гдѣ ни послушаешь, а о лицейскихъ отзываются съ уваженіемъ». 4 декабря того же года Энгельгардтъ писалъ Матюшкину: «Корфъ правитель дѣлъ въ Комитетѣ Министровъ и въ двухъ другихъ комитетахъ, и очень на хорошемъ щету у Царя». Эти два комитета, о которыхъ упоминаетъ Энгельгардтъ были: Комитетъ для разсмотрѣнія разныхъ предположеній, относящихся до губерній, возвращенныхъ отъ Польши; о Царствѣ Польскомъ и объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ. Кромѣ того Энгельгардтъ забылъ упомянуть о секретномъ комитетѣ, въ которомъ предсѣдателемъ былъ Предсѣдатель Государственнаго Совѣта. Во всѣхъ этихъ комитетахъ Корфъ былъ производителемъ дѣлъ, въ то же время Высочайше повелѣно было Корфу присутствовать въ Комитетѣ призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Въ 1832 г. Корфъ былъ пожалованъ орденомъ Станислава 1 ст., а въ 1833 году ему было пожаловано, по представленію Сперанскаго, 15 тысячъ рублей въ награду отличныхъ трудовъ по составленію разныхъ частей Свода Законовъ.

По поводу успѣховъ Корфа по службѣ Энгельгардтъ писалъ Матюшкину въ письмѣ отъ 28 мая 1832 г.: «Корфъ въ той же звѣздѣ (Станиславской) правитель дѣлъ въ Комитетѣ Министровъ и въ великомъ ходу». Въ 1832 году 22 сентября Энгельгардтъ писалъ Вольховскому: «Корфъ въ важномъ и видномъ мѣстѣ, и спасибо ему! Носа не поднялъ, работаетъ дюжо, и помогаетъ добрымъ людямъ сколько можно. Жаль, что здоровье его плохо, онъ меня иногда навѣщаетъ, и я съ душевнымъ удовольствіемъ нахожу въ немъ еще стараго лицейскаго». А въ письмѣ къ Матюшкину отъ 23 октября 1832 г., говоря о лицейской годовщинѣ и перечисляя бывшихъ на ней первокурсниковъ, Энгельгардтъ между прочимъ замѣчаетъ о Корфѣ: «О Корфѣ ничего (sic) говорить, 24 т. р. жалованья, мѣсто знатно, милость царская. живеть какъ у Христа за пазухой, а все доброй малой». Наконецъ въ томъ же 1832 г. (31 октября) Энгельгардтъ опять повторяетъ Матюшкину: «Корфъ управляетъ Комитетомъ Министровъ».

О дѣятельности барона Корфа въ Комитетѣ Министровъ академикъ А. Ѳ. Бычковъ въ біографическомъ очеркѣ о Корфѣ говоритъ слѣдующее: «Во время управленія дѣлами комитета министровъ, графъ Корфъ, на основаніи годовыхъ отчетовъ министровъ и главноуправляющихъ и другихъ официальныхъ актовъ, составилъ «Опытъ общаго обзорѣнія всѣхъ частей государственнаго управленія за 1831 годъ». Этотъ трудъ, снабженный многочисленными таблицами, рисоваль въ числахъ положеніе государства: его финансы, производительныя силы, торговлю, промышленность, умственное движеніе, народную нравственность, военныя, сухопутныя, и морскія силы и пр., и въ этомъ кругѣ предметовъ могъ давать положительныя отвѣты на всѣ предлагаемые вопросы. Текстъ къ таблицамъ представлялъ сжатую, но живую картину всего совершеннаго въ государственномъ управленіи Россіи въ теченіе 1831 года. «Общее обзорѣніе» было представлено государю императору 9 декабря 1832 года и удостоено благосклоннымъ вниманіемъ. Къ сожалѣнію, это первая попытка сгруппировать въ одно цѣлое официальные статистическія данныя не была обнародована и, какъ кажется, не была потомъ и продолжаема»¹⁾).

6 марта 1834 г. Корфъ былъ пожалованъ въ статсъ-секретари Его Величества, а 6 декабря того же года ему повелѣно быть въ должности Государственнаго Секретаря. Объ этомъ назначеніи К. Я. Булгаковъ писалъ брату 6 декабря 1834 г.: «На мѣсто Марченко въ должность Государственнаго Секретаря баронъ Корфъ, что правителемъ дѣлъ въ Комитетѣ Министровъ. Онъ еще поздравленій хотя и не принималъ, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ²⁾».

¹⁾ Древняя и Новая Россія, 1876 г. Спб., № 4, стр. 326, статья Академика А. Ѳ. Бычкова; «Графъ М. А. Корфъ».

²⁾ «Русск. Арх.» 1904 г. кн., 3, стр. 441.

Корфъ былъ утвержденъ Государственнымъ Секретаремъ 1 января 1839 года и оставался въ этой должности до 11 апрѣля 1843 г., когда былъ назначенъ Членомъ Государственного Совѣта. За періодъ времени съ 1835 по 1843 г. г. Корфъ получилъ нѣсколько наградъ, такъ 6 апрѣля 1835 г. орденъ Св. Анны 1 степени, 31 декабря 1835 г.—тотъ же орденъ 1 степ., украшенный Императорскою короною, въ 1836 г. получилъ чинъ Тайнаго Совѣтника, въ 1839 г.—орденъ Св. Владиміра 2 степ. и въ 1841 г.—орденъ Бѣлаго Орла. Пользуясь довѣріемъ Императора Николая Павловича, Корфъ былъ почти постоянно назначаема правителемъ дѣлъ въ разныхъ секретныхъ комитетахъ, въ которыхъ Государь принималъ личное участіе.

Изъ несекретныхъ комитетовъ, въ которыхъ участвовалъ Корфъ, обращаетъ на себя вниманіе финансовый комитетъ, трудами котораго было уничтоженіе лажа и введеніе постоянной металлической монетной единицы.

Изъ переписки Энгельгардта съ Вольховскимъ и Матюшкинымъ за періодъ времени съ 1838—1841 г. мы узнаемъ нѣкоторыя подробности о Корфѣ... Мы уже знаемъ изъ письма Энгельгардта къ Вольховскому отъ 22 сентября 1832 г., что вслѣдствіе усиленныхъ занятій Корфа по службѣ, здоровье его тогда еще было плохо. Для поправленія здоровья Корфъ уѣзжалъ въ 1838 г. на югъ въ Кіевъ, о чемъ Энгельгардтъ не приминувъ увѣдомить своихъ корреспондентовъ Матюшкина и Вольховскаго. Въ письмѣ къ Матюшкину отъ 6 іюля 1838 г. Энгельгардтъ сообщалъ ему: «Корфъ поѣхалъ отдохнуть въ Кіевскую сторону; все плохо здоровьемъ, а парень душою хотъ куда», а черезъ нѣсколько дней 10 іюля Энгельгардтъ сообщаетъ Вольховскому: «Корфъ въ Кіевѣ; онъ поѣхалъ туда отдохнуть; его здоровье плохо и здѣсь онъ заваленъ дѣлами. Къ сентябрю мы его ожидаемъ».

Пожалованіе Корфу чина Тайнаго Совѣтника вызвало слѣдующія восторженныя строки въ письмѣ Энгельгардта отъ 15 іюля 1839 г. къ Вольховскому: «Каковъ Модестъ? Тайный Совѣтникъ и 2-го Владиміра Кавалеръ! и что лучше того, любимъ и уважаемъ начальниками и подчиненными». Отъ 1840 г. мы имѣемъ три письма Энгельгардта къ Вольховскому: въ первомъ письмѣ отъ 22 января мы читаемъ: «Народъ нашъ идетъ тихимъ, скромнымъ, но твердымъ шагомъ впередъ. Нашихъ ищутъ, уважаютъ и отличаютъ. Питерская публика было пожаловала Корфа въ Министры Юстиціи, слава Богу, что это былъ пустой говоръ. Во 1-хъ, было бы слишкомъ скоро и навлекло бы на него много зависти и ненависти, а во 2-хъ, я считаю нынѣшнее его мѣсто гораздо пріятнѣйшимъ и не менѣе важнымъ». Отъ 15 мая того же года Энгельгардтъ жалуется Вольховскому, что его забываютъ бывшіе его питомцы, живущіе въ Петербургѣ, такъ о Корфѣ онъ пишетъ: «Корфъ, который также не знаетъ уже гдѣ я живу, уѣхалъ на теплые воды не про-

стившись», а въ письмѣ отъ 2 сентября 1840 г. сообщаетъ: «Корфъ еще не возвращался изъ-за границы». Въ письмѣ къ Матюшкину отъ 12 сентября 1841 г. Энгельгардтъ писалъ: «Отъ Корфа, какъ на смѣхъ, всегда къ Новому Году и Пасхѣ замороженный курьеръ привозитъ два пренарядные билеты визитные».

Мы не станемъ распространяться здѣсь о дѣятельности Корфа, какъ Государственнаго Секретаря, скажемъ только, что съ самого назначенія его на эту должность Государь Николай Павловичъ сталъ поручать ему составленіе всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ актовъ, такъ какъ за нимъ установилась репутація, какъ блистательнаго докладчика дѣлъ, такъ и редактора, а по слогу и оборотамъ онъ былъ первымъ лицомъ послѣ Сперанскаго. По иниціативѣ Корфа въ 1842 г. состоялось преобразование учрежденій Государственнаго Совѣта и Государственной Канцеляріи; по его мысли и подъ его руководствомъ была составлена подробная исторія Государственнаго Совѣта.

Должность свою М. Корфъ умѣлъ окружить какимъ-то особеннымъ блескомъ; пользуясь милостью и довѣріемъ Государя, умѣлъ приобрести авторитетъ въ глазахъ самыхъ вліятельныхъ членовъ совѣта. Въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ онъ былъ добрымъ и любящимъ начальникомъ; отъ вышшаго до низшаго всѣ могли ожидать справедливаго вниманія къ своимъ трудамъ и помощь въ каждой нуждѣ. Порядокъ дѣлопроизводства доведенъ былъ до совершенства. Дѣла рѣшались безостановочно; во всѣхъ канцелярскихъ отправленіяхъ господствовала величайшая точность; переписка бумагъ отличалась щегольскимъ изяществомъ; въ должность писцовъ привлекались искуснѣйшіе каллиграфы... Вообще, баронъ Корфъ является самымъ блестящимъ, послѣ Сперанскаго и во всѣхъ отношеніяхъ выходящимъ изъ ряду вонъ государственнымъ секретаремъ.

Въ 1848 г. вскорѣ по возникновеніи іюльской революціи въ Парижѣ, Корфъ былъ назначенъ во Высочайшему повелѣнію членомъ комитета, учрежденнаго для постояннаго надзора за духомъ и направленіемъ нашего книгопечатанія. Комитетъ этотъ назывался чернымъ совѣтомъ и оставилъ въ современникахъ мрачную память о себѣ. Въ запискахъ Николая Никифоровича Мурзакевича («Русск. Стар.» 1889 г., т. LXI, февраль, стр. 232) упоминается, что, кромѣ цензуры при III отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, была еще секретная цензура изъ барона М. А. Корфа, Бутурлина и еще кого-то. «Это члены Чернаго Совѣта» еще просматривали выпущенное цензурою въ свѣтъ и вълѣдствіе ихъ особаго взгляда книгу останавливали, извлекали изъ обращенія и истребляли, угрожая въ то же время авторамъ или издателямъ». Нѣкоторыя подробности объ учрежденіи этого комитета мы находимъ въ дневникѣ Александра Васильевича Никитенко.

Подъ 25 апрѣля 1848 г. онъ записаль слѣдующіе: «Вслѣдствіе волноній въ Европѣ въ 1848 г. гр. С. Г. Строгановъ, бывшій Попечитель Московскаго университета, «движимый злобой на Министра Народнаго Просвѣщенія Уварова, который былъ причиною увольненія, представилъ Государю записку объ ужасныхъ идеяхъ, будто бы господствующихъ въ нашей литературѣ—особенно въ журналахъ. «Баронъ М. А. Корфъ, желая свергнуть графа Уварова, чтобы занять его постъ, представилъ другую такую же записку». Вслѣдствіе этого учрежденъ комитетъ подъ предѣдательствомъ морского министра кн. Меншикова и Бутурлина, Корфа, гр. Строганова (брата бывш. попечителя), Дегаля и Дубельта—для изслѣдованія направленія русской литературы, преимущественно журналовъ и для выработки мѣръ обузданія ея на будущее время. ¹⁾

Въ примѣчаніи къ дневнику барона Корфа 1820 года Петръ Ивановичъ Бартеповъ говорить, что уже въ 1820 г., т. е. черезъ три года по выходѣ изъ Царскосельскаго Лицея, баронъ М. А. Корфъ стоялъ за стѣснительныя цензурныя мѣры, а къ концу Николаевскаго царствованія ему пришлось быть дѣятельнымъ членомъ негласнаго цензурнаго комитета, въ которомъ велась рѣчь даже о цензурованіи самой святой библии ²⁾. Корфъ не всегда раздѣлялъ многія сужденія этого комитета, какъ это видно изъ дневника Никитенко, въ которомъ (17 марта 1850 г.) онъ говорить, что когда генераль-адъютантъ Ник. Ник. Анненковъ, предѣдательствовавшій въ комитетѣ послѣ Бутурлина, началъ гоненіе на журналы, то М. А. Корфъ успѣлъ доказать нелѣпость этихъ придирокъ, но принужденъ былъ уступить въ двухъ пунктахъ. Корфъ говорилъ своему брату, что все, что дѣлается въ негласномъ комитетѣ, приводитъ его въ омерзѣніе, и что онъ давно бѣжалъ бы оттуда, если бы не надежда иногда что-нибудь устроить въ пользу преслѣдуемыхъ ³⁾. Несмотря на такой отрицательный взглядъ Корфа на негласный Комитетъ, онъ относился строго къ тѣмъ сочиненіямъ, въ которыхъ усматривалъ безнравственное направленіе. Такъ напримѣръ, когда Корфъ былъ уже предѣдателемъ этого комитета, то онъ донесъ Государю, что въ Саратовскихъ Губернскихъ вѣдомостяхъ были напечатаны народныя пѣсни не совсѣмъ нравственнаго содержанія—въ видѣ матеріала для изученія нашей народности. Вслѣдствіе этого донесенія было повелѣно губернатору сдѣлать выговоръ, а цензуровавшаго газету директора гимназіи выдержать мѣсяцъ на гауптвахтѣ ⁴⁾.

О настроеніи общества и о взглядахъ государственныхъ дѣятелей того времени (1858), какъ то: Панина, Чевкина, Брока и др., повѣствуетъ Ни-

¹⁾ «Русск. Стар.» 1890 г., т. LXV, февр., стр. 384—385, стр. 400—401.

²⁾ «Русск. Арх.» 1895 г., кн. XI, стр. 351.

³⁾ «Русск. Стар.» 1890 г., т. LXV, мартъ, стр. 631—632.

⁴⁾ Тамъ же, т. LXVI, май, стр. 278—279.

китенко. Онъ говоритъ между прочимъ: «гласность и усиленіе общественнаго мнѣнія въ дѣлахъ общественныхъ они находятъ вреднымъ, особенно графъ В. Н. Панинъ ¹⁾. Панинъ, Брокъ, Чевкинъ, кажется помѣшались на томъ, что всѣ революціи на свѣтѣ бывають отъ литературы. Они не хотятъ понять, что литература только эхо образовавшихся въ обществѣ понятій и убѣжденій; что если она обращаетъ вниманіе правительства на какіе-нибудь административные беспорядки, то тѣмъ оказываетъ услугу ему самому; что надо отличать нападки на законы отъ нападковъ на неисполненіе послѣднихъ, и что нападки этого рода только возвышаютъ достоинство закона и законодательной власти» ²⁾. Это не помѣшало Никитенкѣ быть членомъ комитета книгопечатанія и служить у Панина; впрочемъ о семъ послѣднемъ Никитенко замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ отъ 15 февраля 1860 г.: «Онъ (Панинъ) постоянно противодѣйствовалъ всякому успѣху умственному, вещественному, юридическому и вообще всякому. Его привыкли считать первымъ на поприщѣ тьмы, безгласія, безправія и прочихъ подобныхъ прекрасныхъ дѣлъ» ³⁾.

Со вступленіемъ Корфъ въ комитетъ книгопечатанія роль Никитенки окончилась и Корфъ сталъ набирать своихъ членовъ въ новый главный комитетъ. Никитенко замѣчаетъ: «Корфъ ищетъ популярности, можетъ быть не слѣдовало бы съ этого начинать, чтобы не пришлось потомъ поворотить оглобли. Корфъ сдѣлалъ большую ошибку, разгласивъ между литераторами, что онъ будетъ слѣдовать либеральной системѣ. Онъ такимъ образомъ возбудилъ надежды и притязанія, которыхъ самъ не будетъ въ состояніи выполнить. Тогда придется поворотить назадъ. Корфъ слишкомъ успѣшилъ добиваться популярности, а главная ошибка, что онъ показалъ свое желаніе ея добиваться.—Уже начинается коалиція противъ новаго направленія» ⁴⁾.

А другой современникъ Корфъ—Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ въ своихъ запискахъ даетъ довольно злобный отзывъ о немъ и рисуетъ его въ черномъ свѣтѣ какъ дѣятеля цензуры въ царствованіе Николая I. Вотъ что мы читаемъ въ запискахъ Лебедева:

«Статья Погодина о поѣздкѣ въ Лавру, жалоба Филарета, статья Стасова о Главномъ Обществѣ желѣзныхъ дорогъ, жалоба управленія полу-французскаго и статья Бабста объ изслѣдованіи торговли, жалоба сенатора С—ва (человѣка ничтожнаго, слабоумнаго, разсѣяннаго и пройдохи): вотъ, говорить, причины, которыя заставили Государя, по безуспѣшности коми-

¹⁾ Дневникъ Никитенко 3 января 1858 г. «Рус. Стар.», 1890 г., т. LXVII, сентябрь, стр. 576.

²⁾ Тамъ же, стр. 580.

³⁾ «Рус. Стар.», 1890 г., т. LXVIII, ноябрь, стр. 387.

⁴⁾ «Рус. Стар.», 1890 г., т. LXVIII, октябрь, стр. 184 и 185.

тета Муханова, графа Адлерберга и Тимашева, устроить особое, независимое управление цензуры, поручивъ его, кажется въ составѣ V Отдѣленія канцеляріи, искателю мѣстъ и денегъ, барону Модесту Корфѣ.

Посмотримъ, что они сдѣлають. Эти колебанія близки къ отбѣнѣ, какъ это было въ 1842 г. въ Пруссіи, когда я говорилъ о цензурѣ съ извѣстнымъ Гитцигомъ, занимавшимъ тогда мѣсто президента цензурнаго суда. Баронъ Корфъ не организаторъ и безъ всякихъ твердыхъ основныхъ началъ въ убѣжденіи. Онъ обставитъ себя штатами и окладами и постарается сложить отвѣтственность въ строгости и ошибкахъ на мѣстные комитеты, представивъ себѣ блескъ и заслугу либерализма въ разрѣшеніяхъ, въ видѣ изъятія нѣкоторыхъ частныхъ съ модификаціями и аккомодациами въ тиши канцелярской». (Стр. 269). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

«Съ переходомъ цензуры къ бар. Корфѣ, человѣку весьма гибкому, партія надѣется утвердиться и обузданіемъ печатанія. Не знаю, какъ смотритъ баронъ Корфъ на печатаніе, и обнимаетъ ли онъ все могущество и достоинство этой четвертой государственной власти; но, служа видамъ котеріи, новый quasi - министръ приготовить смуты и образованіе дѣйствительныхъ партій, изъ которыхъ родятся броженіе, борьба, война, и за ними торжества и пораженія. Литература, журналистика сознали свое значеніе. Я писалъ бар. Корфѣ, предлагая освободить отъ цензуры извѣстныя сочиненія, извѣстныя корпораціи и извѣстныхъ лицъ и, напротивъ, усилить цензуру для статей и статейекъ, съ ожесточеніемъ осмѣивающихъ агентовъ правительства: ибо дѣйствія ихъ подлежатъ контролю инстанцій, а не печатанію, которое есть послѣдняя инстанція суда, и чиновники, не имѣющіе никакихъ огражденій въ служебномъ усугавѣ, сдѣлаются отъ этихъ публичныхъ осмѣяній безстыдными до цинизма. Баронъ Корфъ отвѣчалъ мнѣ, благодаря за сообщеніе. И только.» (Такъ же, стр. 271 ¹).

Въ 1849 году 18 октября Корфъ былъ назначенъ директоромъ Императорской Публичной Библіотеки. Онъ совершенно преобразовалъ бібліотеку и внесъ много труда въ устройство разныхъ ея отдѣловъ, онъ собралъ все, что напечатано на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ, собралъ все напечатанное о Россіи на всѣхъ языкахъ, пополнилъ многіе отдѣлы бібліотеки, ускорилъ составленіе каталоговъ и позаботился о томъ, чтобы публика могла воспользоваться съ удобствами всеми собранными богатствами. Кромѣ того бібліотека приобрѣла дорогіе и рѣдкостныя экземпляры книгъ, а также цѣлыя коллекціи рукописей и цѣлыя бібліотеки частныхъ лицъ Какъ

¹) Изъ записокъ Кастора Никифоровича Лебедева (1859 г.) «Рус. Арх.» 1900 г., кн. 10.

известно въ числѣ этихъ приобретений было древнехранилище историка М. П. Погодина, которое было куплено Корфомъ для Публичной Библиотеки за 150 тыс. рублей ¹⁾. Барона Корфа упрекали, что онъ слишкомъ дорого заплатилъ за это собраніе. Впрочемъ съ Погодинымъ Корфъ былъ какъ кажется въ дружеской перепискѣ, какъ это видно изъ письма барона М. А. Корфа отъ 2 декабря 1871 г. ²⁾. Вотъ, что говоритъ А. Θ. Бычковъ объ отдѣлѣ *Rossica*, созданномъ Корфомъ: «Отдѣленіе книгъ о Россіи на иностранныхъ языкахъ, образованное графомъ М. А. Корфомъ, росло, какъ сказочный богатырь, не по днямъ, а по часамъ... Мысль о составленіи каталога иностранныхъ книгъ, содержащихъ въ себѣ свѣдѣнія о Россіи, возникла у графа Корфа вскорѣ послѣ выхода его изъ Лицея... онъ постоянно дѣлалъ библиографическія замѣтки на особыхъ листкахъ о подобныхъ сочиненіяхъ, имъ прочитанныхъ или его интересовавшихъ... Съ назначеніемъ директоромъ библиотеки, представилась ему возможность осуществить эту давнюю свою мысль, и онъ повелъ дѣло съ свойственною ему энергіею. Прежде всего были выбраны изъ всѣхъ отдѣленій библиотеки сочиненія на иностранныхъ языкахъ, относящіяся до Россіи, и составленъ имъ алфавитный каталогъ. За симъ этотъ каталогъ съ разнаго рода дополненіями, извлеченными изъ указаній, найденныхъ въ сочиненіяхъ, былъ напечатанъ въ видѣ матеріала для полнаго каталога и разосланъ къ разнымъ ученымъ и библиографамъ съ просьбою о дополненіи его. Этимъ путемъ библиотека получила много полезныхъ указаній. Одновременно съ образованіемъ отдѣленія, завязались сношенія съ иностранными книгопродавцами не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ, объ отысканіи нужныхъ для него книгъ; начался просмотръ антикварныхъ каталоговъ, которые массою стали доставляться въ библиотеку, для приобретения недостающихъ въ отдѣленіи сочиненій; были выбраны въ разныхъ европейскихъ городахъ извѣстные книгопродавцы для покупки вновь выходящихъ сочиненій о Россіи... Послѣ десятилѣтнихъ неослабныхъ и упорныхъ стремленій собрать въ возможной полнотѣ всѣ книги, напечатанныя на русскомъ языкѣ и о Россіи на иностранныхъ языкахъ, графъ Корфъ имѣлъ полное право сказать, что «библиотека можетъ сознательно гордиться, что по обѣимъ упомянутымъ спеціальностямъ въ ней неизмѣримо болѣе, чѣмъ есть гдѣ-нибудь, и при томъ множество такого, чего нигдѣ нѣтъ, словомъ, что она, въ этомъ отношеніи, первая въ мірѣ». Устройство созданнаго графомъ Корфомъ отдѣленія было завершено изданіемъ въ 1873 году его каталога въ двухъ томахъ (*Catalogue de la section des Russica*). Въ составленіи и печатаніи этого

¹⁾ См. записки Николая Васильевича Берга. «Рус. Стар.» 1891 г., т. LXIX, февраль, стр. 272—273.

²⁾ См. «Рус. Арх.», 1872 г., стр. 214—218.

каталога графъ Модестъ Андреевичъ принималъ самое дѣятельное участіе. Какая масса карточекъ съ заглавіемъ книгъ была имъ просмотрѣна и исправлена; сколько часовъ проведено имъ въ библиотекѣ за опредѣленіемъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ вводить какую-либо книгу въ отдѣленіе иноязычныхъ писателей о Россіи, наконецъ какого вниманія и любви къ дѣлу требовало чтеніе послѣдней корректуры доставлявшихся ему листовъ каталога! Эти листы онъ читалъ и въ Петербургѣ и за границею, и всѣ они возвращались съ его поправками, а иногда съ существенными дополненіями. Желаніе дать публикѣ возможность какъ можно скорѣе пользоваться богатымъ источникомъ для изученія Россіи было у графа Корфа очень велико; онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ окончанія этого многолѣтняго труда, и былъ въ истинномъ восторгѣ, пославъ корректуру послѣдняго лисга. Необыкновенно торжественна была минута, когда небольшая депутація отъ библиотеки, имѣвшая въ главѣ настоящаго директора ¹⁾, поднесла графу экземпляръ каталога отдѣленія Russica—плодъ его заботъ и радушно привѣтствовала его съ окончаніемъ этого труда. Счастливая мысль создать подобное отдѣленіе и существенная польза, принесенная имъ дѣлу отечественной науки — были по достоинству оцѣнены Государемъ Императоромъ и 16 декабря 1861 года состоялось слѣдующее Высочайшее повелѣніе: «Государь Императоръ, желая сохранить навсегда память о заслугахъ барона Корфа для Императорской публичной библиотеки, всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ: ту залу сей библиотеки, въ коей помѣщается учрежденное, по мысли его, собраніе всего напечатаннаго о Россіи на иностранныхъ языкахъ, именовать залою барона Корфа». Это вниманіе монарха сильно тронуло графа (тогда барона) М. А. Корфа и въ этомъ признаніи своихъ заслугъ, память о которыхъ перейдетъ къ отдаленному потомству, онъ видѣлъ самую высокую для себя награду ²⁾.

Реформа Корфа коснулась также и внутренняго устройства библиотеки, до Корфа библиотека представляла пустынный и скучный сарай и почти никѣмъ не посѣщалась. Корфъ же постарался придать ей изящный, привлекательный видъ и сдѣлать ее интересною для всякой публики. «Онъ наполнилъ ея залы, говоритъ В. В. Стасовъ, на всемъ протяженіи зданія, блестящими выставками рѣдкихъ полезныхъ и любопытныхъ предметовъ и изданій, которыхъ значеніе, историческое, научное или эстетическое, было объясняемо нарочно избраннымъ для того лицомъ въ назначенные дни недѣли. Это были, въ нѣкоторомъ родѣ, маленькіе публичные курсы о множествѣ интересныхъ вопросовъ; они читались въ теченіе всего года, и привлекали постоянно толпу народа».

¹⁾ А. Ѡ. Бычкова.

²⁾ Древняя и Новая Россія, 1876 г., № 4, А. Ѡ. Бычковъ — графъ М. А. Корфъ, стр. 337—338.

На Корфа возлагались нѣкоторыя порученія литературнаго свойства, такъ напримѣръ, онъ участвовалъ вмѣстѣ съ Плетневымъ, княземъ Вяземскимъ, Тютчевымъ и Никитенко въ комитетѣ, подъ предѣлательствомъ графа Блудова, образованномъ для разсмотрѣнія посмертныхъ сочиненій Жуковскаго; ихъ тогда собирались издать. Никитенко былъ назначенъ членомъ этого комитета по Высочайшему повелѣнiю, какъ объ этомъ онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ отъ 18 октября 1855 г. ¹⁾).

Послѣ двѣнадцатилѣтняго управленія Публичной библіотекой, Корфъ 6 декабря 1861 г. былъ назначенъ исполняющимъ обязанности Главноуправляющаго II отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи. Это учрежденіе было уже знакомо Корфу, такъ какъ онъ дважды имъ управлялъ во время отсутствія графа Блудова: въ 1847 г. съ 6 апрѣля по 30 октября и въ 1858 г. съ 11 мая по сентябрь. «И здѣсь, какъ вездѣ, говоритъ А. О. Бычковъ, онъ не могъ не оставить слѣдовъ своей дѣятельности. По его мысли и подъ его руководствомъ была составлена записка объ отдѣленіи законовъ отъ постановленій и административныхъ распоряженій; этою запискою графъ Корфъ положилъ первое начало къ освобожденію свода законовъ отъ излишняго баласта, по крайней мѣрѣ, при введеніи въ его составъ новыхъ законоположеній. Послѣднія, велѣдствіе его доклада Государю Императору, должны были всѣми вѣдомствами доставляться во II отдѣленіе и не иначе, какъ съ его заключеніемъ вноситься на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. По его докладу библіотека отдѣленія одна изъ лучшихъ и весьма полныхъ библіотекъ по правовѣдѣнiю и камеральнымъ наукамъ—сдѣлалась доступною для всѣхъ, желавшихъ ею пользоваться». Наконецъ, вмѣстѣ съ А. О. Бычковымъ, онъ трудился въ продолженіи почти цѣлаго года надъ исправленіемъ русскаго текста III части свода мѣстныхъ узаконеній губерніи остзейскихъ, содержащей гражданскіе законы и отпечатанной въ 1864 году ²⁾). Этимъ учрежденіемъ Корфъ управлялъ съ небольшимъ три года: въ 1864 г. 27 февраля Корфъ былъ назначенъ предѣлелемъ департамента законовъ Государственнаго Совѣта. Въ періодъ времени съ 1843 г. по 1864 г. Корфъ получилъ слѣдующія награды: въ 1846 г. орденъ Св. Александра Невскаго, въ 1851 г. алмазные знаки къ нему; въ 1852 г.—аренду по 6000 руб. въ годъ въ теченіе 24 лѣтъ; въ 1854 г. чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; въ 1857 г. бриллиантовый перстень съ портретомъ Его Величества; въ 1859 г.—орденъ Св. Владимира I ст. Въ 1861 г.—единовременно 7143 руб. Кромѣ того въ 1864 г.

¹⁾ «Русск. Стар.» 1890 г. т. LXVI, іюнь, стр. 633.

²⁾ Древняя и Новая Россія, 1876 г. № 4, А. О. Бычковъ—графъ М. А. Корфъ, стр. 327.

Корфу было пожаловано 6034 десятины, а въ 1868 г. аренда 8000 р. въ годъ на 12 лѣтъ. Въ продолженіе вышеупомянутыхъ 20 лѣтъ Корфъ, въ качествѣ члена Государственнаго Совѣта, находился членомъ комисіи, учрежденной въ Государственномъ Совѣтѣ, для разсмотрѣнія проектовъ новыхъ уложений о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ для имперіи и Царства Польскаго (1844), и неоднократно назначался, по высочайшему повелѣнію, для разсмотрѣнія годовыхъ отчетовъ, представляемыхъ Государю Императору министрами и главноуправляющими. Въ этотъ же періодъ времени онъ состоялъ членомъ въ комитетахъ: для разсмотрѣнія устройства соляной части въ Россіи (1847); для разсмотрѣнія просьбъ, поднесенныхъ Государю отъ помѣщика Подольской губерніи графа Потоцкаго (1847); для разсмотрѣнія дѣйствій цензуры и соблюденія нашими журналами ихъ программы (1848, подъ предѣтельствомъ князя А. С. Меншикова); для постоянного надзора за духомъ и направленіемъ нашего книгопечатанія (2 апрѣля 1848; въ 1855 году онъ былъ назначенъ предѣтелемъ этого комитета); для пересмотра постановленій и учреждений по части министерства народнаго просвѣщенія (1849); для пересмотра нѣкоторыхъ постановленій опекунскаго совѣта (1855); наконецъ во многихъ секретныхъ комитетахъ, которые занимались разработкою разныхъ вопросовъ, когда-то поднятыхъ, но въ свое время не оконченныхъ, въ такъ называемомъ комитетѣ 6 декабря 1826 года. Здѣсь же слѣдуетъ указать на нѣкоторыя постоянныя обязанности, возложенныя на графа Корфа довѣріемъ Государя Императора. Такъ въ 1852 году повелѣно ему присутствовать въ департаментѣ дѣлъ Царства Польскаго Государственнаго Совѣта для разсмотрѣнія проекта гражданскаго уложенія Царства; въ 1856 году онъ былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ и членомъ главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, а въ 1857 году членомъ главнаго управленія училищъ. Около же этого времени графу Корфу было поручено образовать отдѣльно министерство цензуры, которое, впрочемъ, по разнымъ обстоятельствамъ осталось только въ проектѣ.

Корфъ мечталъ создать цензурное вѣдомство и предполагая, что его назначать во главѣ этого новаго учрежденія, онъ составилъ для него штаты съ большими окладами жалованья, что вызвало Императора Николая сказать остроумный каламбуръ. Вотъ что говоритъ В. А. Мухановъ по этому поводу въ своемъ «Дневникѣ» (отъ 9 января 1860 г.), что на балѣ у супруги Мануила Нарышкина Государь сказалъ его брату, «что онъ радъ возобновленію Главнаго Цензурнаго Комитета и по этой части имѣетъ его въ виду. Онъ прибавилъ, что представленные ему штаты сокращены и скромнѣе штатовъ Модеста, сказалъ онъ съ улыбкою: Il a ajouté que les états qu'on lui a présenté étaient modérés et plus modestes que ces de Modeste, à dit

l'Empereur en souriant» ¹⁾. О болѣе подробныхъ свѣдѣнiяхъ объ этомъ несостоявшемся Министерствѣ цензуры см. въ письмахъ барона М. А. Корфа къ А. Г. Тройницкому ²⁾. Наконецъ мнѣнiе Корфа о цензурномъ комитетѣ 2-го апрѣля выражено имъ въ своихъ запискахъ ³⁾.

Въ должности предсѣдателя департамента законовъ Государственнаго Совѣта баронъ Корфъ былъ въ продолженiе 8 лѣтъ. Плодотворная дѣятельность Корфа въ этой должности снискала ему признательность Государя и онъ получилъ нѣсколько наградъ, такъ, на примѣръ, 16 апрѣля 1867 г.—орденъ Св. Андрея Первозваннаго, который какъ разъ поспѣлъ къ празднованiю имъ пятидесятилѣтiя своей службы государству, а 1 января 1870 г.—алмазные знаки къ Андрею Первозванному.

1 января 1872 г. Корфъ былъ уволенъ отъ должности предсѣдателя департамента законовъ вслѣдствiе разстроеннаго здоровья отъ многолѣтнихъ усиленныхъ трудовъ. При увольненiи Корфа отъ службы Государь, желая почтить въ немъ одного изъ дѣятельнѣйшихъ сановниковъ Россiйской Имперiи, возвелъ его въ графское достоинство и обратился къ нему съ рескриптомъ, въ которомъ выражена Монаршая оцѣнка всей государственной службы Корфа. Вотъ что говорится въ рескриптѣ. «Я призвалъ васъ къ оной въ то время, когда законодательная дѣятельность Государственнаго Совѣта, вслѣдствiе произведенныхъ во всѣхъ отрасляхъ управленiя преобразованiй, получила широкое развитiе и особенно важное значенiе. Горячо сочувствуя направленiю и цѣлямъ этой дѣятельности, вы, неослабною энергiею и непрестанными усиленными трудами, сообщали дѣламъ ввѣреннаго вамъ департамента быстрое и вполне сообразное съ видами Моими движенiе. Обширныя ваши по законодательной части познанiя и долготѣная опытность, соединенныя съ хладнокровiемъ и безпристрастiемъ въ сужденiяхъ, съ рѣдкимъ умѣнiемъ соглашать разнообразiе мнѣнiй и разъяснять спорныя вопросы, приводили важныя и трудныя дѣла, подъ вашимъ предсѣдательствомъ разсматривавшiяся, къ правильному, государственной пользѣ соотвѣтственному рѣшенiю, стяжавъ вамъ съ тѣмъ вмѣстѣ признательное воспоминанiе всѣхъ тѣхъ, кои были призваны къ обсужденiю этихъ дѣлъ подъ вашимъ руководствомъ... Обильное столь разнообразными заслугами пятидесяти-пятилѣтнее служенiе ваше престолу и отечеству сохранить имя ваше въ благоговѣйной памяти не только

¹⁾ «Рус. Стар.» 1896 г., кн. 12, стр. 553.

²⁾ «Рус. Арх.», 1896 г., № 6.

³⁾ См. «Изъ записокъ барона (впослѣдствiи графа) М. А. Корфа». «Рус. Стар.» 1900 г., т. СІ, стр. 572 и 573.

См. также „Материалы по исторiи русской цензуры“. Сообщ. В. Бинштокъ. «Рус. Стар.», 1897 г., т. ХС, апрѣль, стр. 179, см. также мартъ и май.

вашихъ потомковъ, но и всѣхъ искренно любящихъ свою родину и ревнующихъ о ея преуспѣяніи».

Корфъ не остался чуждъ литературѣ: онъ былъ авторомъ нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній. Уже на лицейской скамьѣ онъ сталъ знакомиться съ иностранными авторами вообще по части путешествій по Россіи, а также съ историческими сочиненіями иностранцевъ о Россіи большею частью анекдотическаго характера. Конечно, въ этомъ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, хотя біографы его стараются объяснить это рвеніе къ чтенію иностранныхъ сочиненій стремленіемъ Корфа пополнить свое лицейское образованіе и заняться самообразованіемъ, потому что Корфъ считалъ, что образованіе, полученное въ Лицеѣ, недостаточно. Всего интереснѣе, что при чтеніи книгъ Корфъ на отдѣльныхъ листкахъ вписывалъ свѣдѣнія, которыя удавалось ему собрать, бібліографическія о сочиненіи и біографическія объ авторѣ. Эти занятія бібліографіей сдѣлали его извѣстнымъ не только въ Россіи, но и за границей, такимъ образомъ матеріалъ, собранный имъ о сочиненіяхъ, писанныхъ о Россіи на иностранныхъ языкахъ, могъ быть использованъ уже гораздо позднѣе, когда онъ сдѣлался директоромъ Публичной бібліотеки и устраивалъ отдѣлъ *Rossica*.

Въ первые годы послѣ окончанія Лицея Корфъ перевелъ и напечаталъ нѣсколько статей въ «Сынѣ Отечества» и другихъ тогдашнихъ журналахъ. Въ 1820 г. онъ напечаталъ первую книгу о русской стенографіи, тема эта до него никѣмъ не была затронута. Книга эта подъ заглавіемъ: «Графодромія или искусство скорописи, сочиненіе Астье, передѣланное и примѣненное къ русскому языку барономъ Модестомъ Корфомъ», имѣла слѣдующее посвященіе: «Императорскому Царскосельскому Лицею посвящена признательнымъ воспитанникомъ». Впервые объ этомъ сочиненіи сообщилъ князь В. Θ. Одоевскій, теперь это величайшая бібліографическая рѣдкость. Изъ Астье Корфъ заимствовалъ только общность системы, большая часть книги содержитъ въ себѣ совершенно самостоятельное примѣненіе къ русскому языку системы Астье, причемъ нѣкоторыя правила сокращенія, предложенныя Корфомъ по своей практичности не потеряли значенія и теперь, а тогда были совершенно новы ¹⁾. Къ этому времени относится трудъ Корфа подъ заглавіемъ: «Опытъ полнаго мнѣологическаго словаря, отрывокъ изъ котораго о четырехъ

¹⁾ Сочиненіе это было напечатано въ типографіи Н. Греча въ 8^о на 55 стр. съ семью печатными съ камня чертежами. Объ выходѣ этой книги въ свѣтъ было помѣщено въ журналѣ Сынъ Отечества за 1820 г., т. 60; № 11 стр. 217—218 объявленіе, снабженное примѣчаніемъ; что она продается въ книжныхъ лавкахъ Сленныхъ и Исаева (въ домѣ Балабина № 27) по десяти рублей, за пересылку еще прибавлялось два рубля. Упомянутое объ этой книгѣ сопровождалось небольшою рецензійей; гдѣ между прочимъ говорится, что г. Астье весьма умно и краснорѣчиво налагаетъ въ своемъ предисловіи

первыхъ божествахъ Индіи—былъ напечатанъ въ журналѣ «Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія» на 1820 годъ (см. критическія замѣтки В. Кюхельбекера въ «Невскомъ зрителѣ» 1820 г. мартъ). Несмотря на служебную дѣятельность во II отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, Корфъ нашелъ время написать довольно обстоятельную біографію объ одномъ изъ своихъ предковъ подъ заглавіемъ: «Баронъ Іоганнъ Альбертъ Корфъ. 1697—1766». Это былъ славный предокъ Корфа, о которомъ мы уже упоминали вначалѣ этой замѣтки.

Въ 1847 г. по порученію Императора Николая Павловича, Корфъ написалъ очеркъ событій 14 декабря 1825 г., очеркъ этотъ былъ напечатанъ въ 1848 году въ количествѣ 25 экземпляровъ подъ заглавіемъ: «Историческое описаніе 14 декабря 1825 года и предшедшихъ ему событій».

Въ 1854 г. вышло второе изданіе этой книги тоже въ количествѣ 25 экземпляровъ подъ заглавіемъ: «Четырнадцатое декабря 1825 года», и наконецъ только третье изданіе было выпущено съ Высочайшаго разрѣшенія для публкии, оно вышло въ 1857 г. подъ заглавіемъ: «Восшествіе на престолъ Императора Николая I». Книга эта возбудила такой интересъ, что въ нѣсколько мѣсяцевъ она была выпущена въ трехъ русскихъ изданіяхъ, и въ томъ же году она была издана за границей въ переводахъ на языки: шведскій, финскій, голландскій, французскій, англійскій, польскій и нѣмецкій (3 берлинскихъ и 4 франкфуртскихъ изданія). Здѣсь Корфу пришлось коснуться дѣятельности своихъ товарищей И. И. Пущина и В. К. Кюхельбекера. Къ сожалѣнію, Корфъ не нашелъ въ себѣ достаточно состраданія, чтобы относиться къ нимъ съ милосердіемъ.

Подъ руководствомъ и редакціей Корфа былъ составленъ рядъ монографій о разныхъ любопытныхъ предметахъ изъ иностранныхъ книгъ, касающихся Россіи; эти монографіи печатались съ 1854 г. въ Отечественныхъ Запискахъ, подъ именемъ Библиографическихъ отрывковъ. Сюда вошли статьи: изданія на иностранныхъ языкахъ «Наказа Екатерины II», «Матвѣй Мѣховскій и его сочиненіе о двухъ Сарматіяхъ», «Поездство въ Россію графа Карлейля», «Нѣсколько рѣдкихъ сочиненій, относящихся до Петра Великаго и его вѣка», «Первые иноземные путешественники по Россіи» и проч.

Капитальнѣйшимъ произведеніемъ Корфа является вышедшая въ двухъ томахъ въ 1861 году книга подъ заглавіемъ: «Жизнь графа Сперанскаго».

пользу этой системы, т. е. стенографіи. Что касается перевода, то, по словамъ рецензента, онъ очень хорошъ. «Онъ былъ затруднительнѣе перевода всякой другой книги: недовольно было изложить однѣ мысли Автора; надлежало приспособлять правила, предписываемыя имъ Французскому языку, къ свойствамъ Русскаго; надлежало изъ кафтана, спитаго на карлика, выкроить платье великану; желаемъ чтобы нашъ исполнитель могъ въ немъ ходить и дѣйствовать свободно».

Мы не входимъ здѣсь въ оцѣнку этого замѣчательнаго для своего времени труда; «Трудъ графа Корфа, говоритъ А. Θ. Бычковъ, былъ первою связною и достовѣрною біографіей Сперанскаго, составленною на основаніи многихъ письменныхъ документовъ, едва ли кому-либо теперь доступныхъ, пробѣренныхъ проникательною критикою и пролившихъ новый свѣтъ, какъ на его организаторскую дѣятельность и на его отношенія къ Императору Александру, такъ и на причины его паденія и долговременнаго пребыванія на постѣ сибирскаго генераль-губернатора». Книга эта произвела сильное впечатлѣніе на современниковъ и вызвала восторженные отзывы о ней: такъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1861 г. (№ 10, «Русская Лит.», стр. 93) мы читаемъ: «Книга графа Корфа лучшее пріобрѣтеніе нашей литературы въ 1861 г. Чего вполне не освѣтила эта книга, то дала почувствовать, и за это мы благодарны барону Корфу». Другой литературный обозрѣватель въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за тотъ же годъ (№ 10, стр. 113) замѣчаетъ въ свою очередь: «такія книги рѣдкость въ нашей литературѣ и мы еще находимся подъ ея впечатлѣніемъ.» Хотя съ другой стороны, мы находимъ и рѣзкій отзывъ о трудѣ барона Корфа у Академика Никитенко въ его дневникѣ ¹⁾.

Перу Корфа принадлежатъ еще нѣкоторыя литературныя произведенія, какъ переводныя, такъ и оригинальныя въ видѣ замѣтокъ, дополненій и т. п., разбросанныя по разнымъ русскимъ журналамъ. Изъ числа ихъ мы можемъ указать, между прочимъ, на нижеслѣдующія:

1) Записка барона М. А. Корфа о де-Сангленѣ, 1846 г. Сообщилъ М. М. Поповъ. «Рус. Стар.». 1892 г. т. LXXVI, окт., стр. 120—122.

2) Изъ записокъ гр. А. Х. Бенкендорфа (о путешествіи Императора Николая по Россіи въ 1836 г.) въ переводѣ; съ предисловіемъ барона М. А. Корфа. «Рус. Арх.». 1865 г., 1167—1178.

3) Разказы о пожарѣ Зимняго Дворца въ 1837 г. барона М. А. Корфа. «Рус. Арх.» 1865 г., 1179—1204.

4) Псевдо—переводы съ Русскаго (по матеріаламъ Императорской Публичной библ.) барона М. А. Корфа. «Рус. Арх.», 1866, 204—216.

5) Изъ бумагъ о гр. Сперанскомъ въ дополненіе къ его жизни, изданной въ 1861 г. „Рус. Арх.“. 1867, 432—455 (сообщено барономъ М. А. Корфомъ).

6) Письма Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ двумъ младшимъ ея сыновьямъ, съ введеніемъ и объяснительными примѣчаніями барона М. А. Корфа. «Рус. Арх.». 1868, 337—373.

7) Письмо Сперанскаго къ Аркадію Алексѣвичу Столыпину объ исторіи Государства Россійскаго. (сообщено барономъ М. А. Корфомъ) «Рус. Арх.». 1869, 919—920.

8) Исторія изданія въ русскомъ переводѣ сочиненій Коцебу о Свидригайлѣ (сообщено барономъ М. А. Корфомъ) «Рус. Арх.»: 1869, 613—628.

9) Замѣтка гр. М. А. Корфа о погребеніи принцессы Анны Леопольдовны. «Рус. Стар.». 1870 г., т. I, стр. 410 (это отрывокъ изъ обширнаго рукописнаго труда гр. Корфа).

¹⁾ См. Рус. Стар. 1891 г. LXIX, январь, стр. 86—87.

10) Письмо барона М. А. Корфа къ М. П. Погодину съ поправками свѣдѣній о Сперанскомъ. «Рус. Арх.». 1872, 214—216.

11) Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères de la Bibliothèque Imp. Publique, 2 vols. St. Pétersb. 1873—Imp 8° br.—Mark. 24.—

12) Достопамятная черта въ частной жизни Сперанскаго. Изъ письма графа М. А. Корфа къ издателю «Рус. Архива». Спб. 2 февр. 1870 г. «Рус. Арх.» 1884 кн. 5 стр. 55—57.

13) Переписка барона М. А. Корфа съ княземъ М. А. Оболенскимъ по поводу Московск. писемъ (журн. М-ва народн. просв. 1892 г. февраль стр. 428—438).

14) Смерть графа Сперанскаго 1839 г. Баронъ М. А. Корфъ. «Рус. Стар.». 1893 г., т. LXXX, ноябрь стр. 317—320, съ портретомъ.

По волѣ Императора Николая I на Корфа было возложено порученіе прочитатъ курсъ законовѣдѣнія Великимъ Князьямъ: въ 1847—1848 г.г. Корфъ прочелъ курсъ правовѣдѣнія Великому Князю Константину Николаевичу, за что получилъ табакерку съ портретомъ Государя, украшенную брилліантами; въ 1851 г. Корфу было поручено ознакомить герцога Георгія Мекленбургъ-Стрѣлицкаго съ государственнымъ устройствомъ Россіи; въ томъ же году онъ прочиталъ курсъ законовѣдѣнія Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, (получилъ за это брилліантовый перстень съ портретомъ Его Величества); въ 1859 г. поручено было Корфу ознакомить Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича съ начальными основаніями теоріи права и русскаго законовѣдѣнія, затѣмъ съ 1864 г. по 1870 г. онъ преподавалъ науки права Великимъ Князьямъ Александру, Владиміру и Алексѣю Александровичамъ и Николаю Константиновичу. Императоръ Александръ II, жалуя Корфу алмазные знаки Ордена Св. Андрея Первозваннаго, вспомнилъ въ рескриптѣ объ этой дѣятельности Корфа и выразилъ свое благоволеніе въ слѣдующихъ строкахъ: «По примѣру покойнаго родителя моего, поручившаго вамъ довершеніе юридическаго образованія любезнѣйшихъ моихъ братьевъ, я пригласилъ васъ къ преподаванію основаній законовѣдѣнія моимъ сыновьямъ и племяннику, и въ лицѣ вашемъ нашелъ для нихъ наставника не только богатаго знаніями и опытомъ—плодами долготѣльныхъ трудовъ и размышленій—но и неизмѣннаго въ приверженности мнѣ и моему семейству, пламенно любящаго Россію и всегда полагавшаго въ основу своего преподаванія начала правды, добра и безграничной преданности благу отчизны».

По Высочайшему повелѣнію на Корфа было возложено въ 1856 году собраніе матеріаловъ для полной біографіи и исторіи царствованія Императора Николая I. Такъ какъ одному лицу подобный трудъ былъ бы не по силамъ, то Корфъ выбралъ себѣ нѣсколько сотрудниковъ, но общая редакція принадлежала Корфу, онъ провѣрялъ и исправлялъ написанное этими сотрудниками и дополнялъ собственными своими воспоминаніями, такимъ

образомъ трудъ этотъ оказывался какъ бы написаннымъ лично и непосредственно имъ самимъ, особенное вниманіе Корфъ обращалъ на собраніе собственноручныхъ резолюцій Императора Николая Павловича ¹⁾).

Корфъ замѣчательнъ своимъ отрицательнымъ взглядомъ на Пушкина. Этотъ взглядъ выраженъ имъ въ 1854 г. въ запискѣ, написанной по поводу статьи П. И. Бартенева, напечатанной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1854 г. №№ 117—119.

Такое отрицательное, даже недружелюбное, отношеніе къ своему товарищу можно отчасти объяснить, помимо антипатіи Корфа къ Пушкину, также различіемъ ихъ характеровъ; нѣкоторыя понятія ихъ и житейскія цѣли у нихъ были слишкомъ различны, чтобы они могли въ чемъ-либо сойтись. Нельзя безусловно отрицать того факта, что въ характерѣ Пушкина могли быть черты отрицательныя не только для всякаго, кто съ нимъ сталкивался, но даже для товарища. Академикъ Я. К. Гротъ, говоря объ этомъ рѣзкомъ отзывѣ Корфа о Пушкинѣ, замѣчаетъ:.. «я позволяю себѣ думать, что въ этомъ взглядѣ есть нѣкоторое недоразумѣніе или невольное преувеличеніе» ²⁾; въ другомъ мѣстѣ Гротъ говоритъ: «Въ обширной запискѣ гр. Корфа помѣщены характеристики многихъ лицейскихъ товарищей и наставниковъ автора, характеристики весьма замѣчательныя, хотя, къ сожалѣнію, и не всегда согласныя съ тѣмъ безпристрастнымъ отношеніемъ къ прошлому, какого мы были бы вправѣ ожидать отъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ лицъ своего времени» ³⁾).

Точно также пристрастенъ взглядъ Корфа вообще на Лицей и лицейское воспитаніе. Всѣ біографы Корфа съ особеннымъ наслажденіемъ цитируютъ слова его, что онъ ничему не научился / въ Лицеѣ, какъ и вообще всѣ его товарищи, но между тѣмъ, по его же словамъ, выходитъ, что курсъ его вышелъ самымъ удачнымъ. Захлебываясь отъ восторга, біографы пускаются въ разсужденіе о самообразованіи Корфа по выходѣ его изъ Лицея. Нѣтъ ничего удивительнаго, что молодой человекъ по выходѣ изъ Лицея вмѣсто кутежей принялся за чтеніе историческихъ книгъ и сталъ дѣлать бібліографическія замѣтки. Всякій интеллигентный человекъ учится весь свой вѣкъ, дополняетъ свое образованіе во всю свою жизнь, до гробовой доски. Ему остается утѣшеніе, что онъ все же умретъ дуракомъ. Лицей при своемъ основаніи, чтобы ни говорилъ графъ Корфъ, былъ замѣчательнымъ воспита-

¹⁾ См. «Очерки и воспоминанія» Н. М. Калмыкова, «Рус. Стар.» 1891 г. т. LXX, июнь, стр. 675, т. LXXI, стр. 102.

²⁾ Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб. 1899 г. стр. 52, «Царскосельскій Лицей».

³⁾ Тамъ же, стр. 88. «Старина Царскосельскаго Лицея»—Графъ Корфъ.

тельнымъ заведеніемъ того времени, но въ зрѣломъ возрастѣ Корфъ могъ находить много недостатковъ въ Лицеѣ, которые не были замѣчены при основаніи и даже учебнымъ персоналомъ въ первые годы его жизни. Но хантъ, оплевать свою «alma mater» чисто русская черта, которой отдавъ дань и Корфъ.

Несмотря на свою рѣзкую критику Лицея, Корфъ исполнялъ всеобычаи лицейскіе:—часто собирався праздновать 19 октября—лицейскую годовщину.

Изъ лицейскихъ годовщинъ, на которыхъ присутствовалъ Корфъ, нужно указать на годовщину 1825 г. Для этой годовщины, какъ извѣстно, Пушкинъ написалъ свою элегію: «Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ»..., въ которой, упомянувъ о многихъ своихъ товарищахъ, онъ ни словомъ не обмолвился о Корфѣ. Затѣмъ Корфъ присутствовалъ на годовщинѣ Лицея въ 1828 г. Подъ протоколомъ этой годовщины онъ, наравнѣ съ другими своими товарищами, подписался своею лицейскою кличкою «Дьячекъ Морданъ.» На сходкѣ въ 1831 г. у Яковлева протоколъ ея подписали 6 человекъ, въ числѣ этихъ шести былъ Корфъ. Въ 1832 г. годовщина праздновалась на квартирѣ у женатаго брата Илличевского, въ числѣ присутствовавшихъ былъ и Корфъ. Въ 1833 г. лицейская годовщина праздновалась у Яковлева, на Екатерининскомъ каналѣ, куда онъ, по словамъ Константина Яковлевича Грота, переселился въ началѣ 1833 г., какъ видно изъ одной записочки къ нему барона Корфа (28 марта), пославшаго ему на невоселье чайный сервизъ, могущій де пригодиться «хоть на 19 октября» ¹⁾. Годовщина 1834 г. праздновалась также у Яковлева, по поводу этого празднованія сохранилась записка барона Корфа къ Яковлеву съ лаконическимъ вопросомъ: «Что прикажете? 19 октября 1834». На этой годовщинѣ присутствовалъ Корфъ вмѣстѣ съ шестью своими товарищами Стеваномъ, Пушкинымъ, Данзасомъ, Матюшкинымъ, Комовскимъ и Яковлевымъ. Къ годовщинѣ 1835 г. относится нѣсколько записокъ товарищей къ Яковлеву и между прочимъ, къ этому году К. Я. Гротъ приурочиваетъ записку Корфа по поводу приѣзда Ломоносова, о которой мы уже сказали въ біогр. очеркѣ о Ломоносовѣ. Протоколъ годовщины 1835 г. до насъ не дошелъ. Въ 1836 г. день двадцатипятилѣтія основанія Лицея справлялся у Яковлева. Протоколъ этой годовщины, какъ въ 1828 г., былъ писанъ собственноручно Пушкинымъ, подъ протоколомъ находятся собственноручныя подписи участннхъ этого торжества, тутъ подписались слѣдующіе первокурсники: Юдинъ, Мясоѣдовъ, Гревеницъ, Яковлевъ, Мартыновъ, Модестъ Корфъ, А. Пушкинъ,

¹⁾ Болѣе подробно см. въ біограф. очеркѣ о Яковлева.

Алексѣй Илличевскій, С. Комовскій, Ф. Стевень, К. Данзасъ. Этому юбилею предшествовало предложеніе Энгельгардта праздновать юбилей нѣсколькими курсамъ вмѣстѣ, о чемъ Яковлевъ письменнo сообщалъ Корфу¹⁾. Послѣ смерти Пушкина празднованіе лицейскихъ годовщинъ приняло, подѣ влияніемъ Энгельгардта, совершенно другой характеръ: вмѣсто интимной сходимки своего курса стали собираться нѣсколько курсовъ вмѣстѣ. Въ 1838 г., по предложенію Энгельгардта, собралось на квартиру къ Жадовскому въ первый разъ нѣсколько курсовъ вмѣстѣ праздновать годовщину. Подобное празднованіе нѣсколькими курсами вмѣстѣ, какъ извѣстно, не одобрялось Пушкинымъ и онъ протестовалъ противъ этой затѣи Энгельгардта, когда праздновалось двадцатипятилѣтіе Лицея въ 1836 г., въ чемъ Пушкина поддержали его товарищи, за исключеніемъ Корфа, который написалъ Яковлеву довольно длинное письмо, подписанное № 8, т. е. номеромъ комнаты, которую онъ занималъ въ Лицеѣ²⁾. Въ 1841 г. мы видимъ Корфа въ роли помощника Энгельгардта по созыву первокурсниковъ на обѣдъ, устраиваемый Энгельгардтомъ. Вотъ записка, съ которой Корфъ обратился къ Яковлеву: «Въ воскресенье, 26 октября, въ 4 часа, Энгельгардтъ устраиваетъ годичный лицейскій обѣдъ на Васильевскомъ острову, на углу 3 линіи и Большого проспекта, въ домѣ Юнкера». Въ 1851 г. праздновалась сороковая годовщина Лицея, и протоколъ ея подписали: Яковлевъ, Комовскій, Масловъ, Матюшкинъ, Данзасъ, Корфъ и Корниловъ. Съ 1860 г. праздновали годовщину первые семь курсовъ вмѣстѣ, сюда же въ видѣ гостей приглашались и первокурсники Лицея, оставшіеся въ живыхъ: Корфъ, Матюшкинъ и Комовскій³⁾.

На этихъ сходкахъ Корфъ встрѣчался съ Пушкинымъ, какъ мы видѣли уже выше. Они мирно бесѣдовали и подписывались подѣ протоколами своими лицейскими кличками. Несмотря на свой рѣзкій, недружелюбный взглядъ на Пушкина, Корфъ обратился къ нему съ письмомъ⁴⁾, гдѣ просилъ доставить работу своему знакомому (И. М. Бакунину) въ «Библіотекѣ для чтенія» Смирдина на 1834 годъ, и Пушкинъ удовлетворяетъ просьбу Корфа. Заключивается это письмо Пушкина отъ декабря 1833 г. слѣдующими стро-

¹⁾ О подробностяхъ см. въ библиографическ. очеркѣ Яковлева.

²⁾ Письмо это приведено въ томъ же очеркѣ.

³⁾ См. «Лицейскія годовщины» въ книгѣ Я. К. Грота: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники» Спб. 1899 г., стр. 81, 82, 85, 285, 287 и 301.—В. Гаевскій: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время». Отечественныя записки 1861 г., т. СXXXIX, стр. 29—41.—К. Я. Гротъ: «Празднованіе Лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ». «Новое Время» 19 октября (1 ноября) 1909 г. № 12071. И отдѣльная брошюра: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него» Спб. 1910 г.

⁴⁾ Сборникъ Бартенева «Пушкинъ» 1, 73.

ками: «Радуюсь, что на твое дружеское письмо могъ отвѣтить удовлетворительно и исполнить твое приказаніе. Сердечно благодарю за поздравленіе (о рожденіи сына Александра).—Весь твой Александръ Пушкинъ» ¹⁾). Наконецъ въ 1836 году 14 октября Корфъ, въ виду работъ Пушкина для исторіи Петра Великаго, прислалъ ему составленный имъ каталогъ иноязычныхъ сочиненій о Россіи ²⁾). На это письмо Пушкинъ отвѣчаетъ: «Вчерашняя посылка твоя мнѣ драгоцѣнна во всѣхъ отношеніяхъ и останется у меня памятникомъ. Право жалѣю, что государственная служба отняла у насъ историка. Не надѣюсь тебя замѣнить. Прочитавъ эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованныхъ книгъ мнѣ неизвѣстна. Употребляю всевозможныя старанія, дабы ихъ достать. Какое поле—это новѣйшая русская исторія! И какъ подумаешь, что оно вовсе еще не обработано, и что кромѣ насъ, русскихъ, никто того не можетъ и предпринять!—Но исторія долга, жизнь коротка, а пуще всего человѣческая природа лѣнива (русская природа въ особенности). До свиданія. Завтра, вѣроятно, увидимся у Мясоѣдова. Сердцемъ тебѣ преданный А. П.» ³⁾).

Для сооруженія памятника Пушкину былъ образованъ комитетъ, въ который вошли оставшіеся къ тому времени въ живыхъ первокурсники: Статсъ-Секретарь баронъ Корфъ и Адмиралъ Ф. Ф. Матюшкинъ. Было предположено пригласить и князя Горчакова, но онъ сослался на свои занятія и на свое нездоровье и отказался участвовать въ этомъ комитетѣ. Мѣстомъ сооруженія памятника Пушкину была избрана Москва по мысли его товарища Матюшкина. Члены комитета собирались у графа М. А. Корфа, который, несмотря на свой рѣзкій отзывъ о Пушкинѣ, все-таки желалъ потрудиться для увѣковѣченія памяти своего товарища.

Графъ Модестъ Андреевичъ Корфъ скончался въ Петербургѣ 2 января 1876 г. (послѣ болѣзни, первоначальные признаки которой обнаружались за полгода передъ смертью, во время пребыванія его за границей, въ Висбаденѣ). В. В. Стасовъ, какъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Корфа по Публичной Библиотекѣ, передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующія интересныя подробности:

«До послѣднихъ лѣтъ жизни графъ Корфъ изумлялъ своею неутомимою дѣятельностью и быстротою въ работѣ. Только этимъ его преи мужествомъ можно объяснить, какъ онъ, будучи строгимъ исполнителемъ всѣхъ родствен-

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина изд. Литературнаго фонда Спб., 1887 г. Письма, т. VII, стр. 336.

²⁾ Сборникъ Бартенева «Пушкинъ» 1, 74.

³⁾ Сочиненія А. С. Пушкина—изданіе, литературнаго фонда, Спб. 1887 г. Письма т. VII, стр. 409 и 410.

ныхъ и свѣтекыхъ обязанностей, употребляя, слѣдовательно, довольно много времени на посѣщанія и на общество, успѣвалъ исписывать цѣлыя кипы бумаги. Говорю не объ однѣхъ служебныхъ его работахъ: онъ кромѣ того, приходилъ досугъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій вести свой дневникъ, тетрадами котораго занято множество картонокъ, исполнялъ по Высочайшимъ порученіямъ разные историческіе труды и проч.»

Въ послѣдніе три-четыре года своей жизни баронъ Корфъ чувствовалъ значительный упадокъ силъ и потому, отстраняясь отъ большинства всѣхъ прежнихъ своихъ работъ и занятій, проводилъ всякій годъ нѣсколько лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ въ болѣе благоприятномъ для него климатѣ, на югѣ Германіи, всего чаще въ Висбаденѣ, и это житье за границей было ему очень полезно, значительно поддерживало его. Въ 1875 году, воротясь въ Петербургъ поздно осенью, онъ былъ уже сильно разстроенъ въ своемъ здоровьѣ, и можно было ожидать скораго конца. Несмотря на это, графъ Корфъ сохранялъ необычайную бодрость и свѣтлость ума въ теченіе болѣзни, и при каждомъ малѣйшемъ улучшеніи, приближенные находили его всегда окруженнымъ книгами и журналами, попрежнему много читающимъ и интересующимся всѣмъ новымъ въ мирѣ политическомъ, общественномъ и интеллектуальномъ.

Предсмертная болѣзнь длилась недолго. Графъ Корфъ скончался отъ старческаго упадка силъ (анеміи) 2-го января 1876 г., 75 съ небольшимъ лѣтъ отъ роду, статсъ-секретаремъ, членомъ Государственнаго Совѣта и кавалеромъ ордена Св. Андрея съ алмазами. Графство было пожаловано ему 1-го января 1872 г., въ день столѣтія со времени рожденія его глубоко любимаго учителя и наставника Сперанскаго.

Блестательная карьера Корфа не только служила предметомъ удивленія его современниковъ, но даже она являлась удивительною въ его собственныхъ глазахъ. Онъ съ особою скромностью заносилъ въ свой дневникъ различные этапы этой карьеры, умаляя въ себѣ всѣ достоинства и отрицая какую-либо протекцію въ своемъ движеніи по службѣ, хотя во всякомъ случаѣ нужно замѣтить, что по его же словамъ, отзывы его знакомыхъ и содѣйствующихъ ему лицъ имѣли большое значеніе въ его карьерѣ. Вотъ, что онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

«Какимъ образомъ сдѣлалъ я свою, можно сказать, государственную, и во всякомъ случаѣ блестящую карьеру? Это для меня самого вопросъ неразрѣшимый.

Достоинства въ службѣ могутъ быть многоразличны, но для достиженія высшихъ должностей, а еще болѣе, чтобы въ нихъ поддерживаться, нужна общая совокупность всѣхъ этихъ достоинствъ. Познанія мои ограничиваются

тѣмъ, что могло быть приобрѣтено при окончаніи курса, хотя и въ первомъ тогда заведеніи нашемъ Царскосельскомъ лицее, — но на 17-мъ году отъ роду. Чтеніе и послѣдующія почти непрерывныя занятія нѣсколько дополнили это, но глубокихъ познаній я не имѣю ни по одной часги. Воображеніе мое очень слабо, умъ довольно дѣятельный, но вовсе не трансцендентальный; особенно нѣтъ у меня présence d'esprit, столь важнаго во всѣхъ почти случаяхъ жизни, а природная застѣнчивость, хотя по возможности скрываемая и подавляемая, отнимаетъ всю возможность гдѣ-нибудь блеснуть или премиривать, что, при извѣстной дерзости, такъ часто удается и людямъ посредственнымъ.

Настоящей и особенно сильной претекціи у меня тоже никогда не было. Батюшка былъ сенаторомъ, когда это еще болѣе значило, чѣмъ теперь, но болѣзни и уединенный образъ жизни удалили его отъ всякихъ связей и отъ всякаго вліянія. Одно только мѣсто и одну только почесть получилъ я по прямому ходатайству покровителей: мѣсто переводчика въ министерствѣ юстиціи, въ 1818 г. дано мнѣ было по просьбѣ бывшаго въ связи съ тогдашнимъ министромъ, княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, барона Андрея Яковлевича Бюллера; почесть — званіе камеръ-юнкера — пожаловано мнѣ въ 1823 году по представельству покойной герцогини Виртембергской, которую просилъ о томъ нѣкто Шелинцъ (Эрнетъ), курляндецъ, пользовавшійся особеннымъ ея расположеніемъ. Затѣмъ въ томъ же 1823 году я былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ податей и сборовъ, вѣроятно, потому, что, меня издавна рекомендовалъ съ хорошей стороны тогдашнему директору Дубенскому Семенъ Филипповичъ Мавринъ; говорю, вѣроятно, потому что при самомъ открытіи ваканціи обо мнѣ между ними рѣчи не было. Наконецъ, назначеніе мое въ 1831 году управляющимъ дѣлами Комитета министровъ, или по крайней мѣрѣ побужденіе къ этому, могу отчасти приписать всегдашнимъ добрымъ обо мнѣ отзывамъ предъ тогдашнимъ председателемъ княземъ Кочубеемъ, роднаго его племянника Александра Васильевича Кочубея: другихъ связей у меня никогда не было: всѣ мои начальники любили и отличали меня. Начавъ службу въ половинѣ 1817 года, хотя и въ чинѣ титулярнаго совѣтника, но съ обязанностями простаго писца, и при томъ на 17-мъ году отъ роду, я черезъ шесть лѣтъ (въ 1823 г.) былъ уже начальникомъ отдѣленія, а меньше чѣмъ черезъ четырнадцать (въ началѣ 1831 г.) управляющимъ дѣлами Комитета министровъ, камергеромъ и въ трехъ ординахъ; въ 1832 г. пожалованъ дѣйств. ст. совѣтн., а въ 1834 г. статъ-секретаремъ и съ того же года, т. е. съ небольшого послѣ шестнадцати лѣтъ службы и 34 лѣтъ отъ роду, назначенъ въ должность государственнаго секретаря — должность, которую занималъ нѣкогда Сперанскій въ апогее своего величія и изъ которой всѣ мои предшественники переходили прямо въ члены

Государственнаго Совѣта. Теперь не минуло еще 21-го года моей службы, нѣтъ мнѣ еще 38 лѣтъ отъ роду, а я при этой должности, при званіи статсъ-секретаря, состою уже болѣе года въ чинѣ тайнаго совѣтника и имѣю двѣ звѣзды, пройдя всѣ постепенности орденовъ. И какъ все это сдѣлалось, безъ особенныхъ достоинствъ и безъ связей? Повторяю опять, что этотъ вопросъ для меня неразрѣшимъ.

Я часто составляю мысленно въ головѣ своей списокъ тѣмъ лицамъ, которымъ считаю себя обязаннымъ, а теперь хочется записать ихъ и здѣсь.

Первое мѣсто въ этомъ ряду послѣ моихъ родителей занимаетъ Семенъ Филипповичъ Мавринъ. Нѣжная любовь и попеченіе обо мнѣ съ самаго дѣтства, безчисленные одолженія, которыхъ цѣна теперь только вполнѣ мнѣ понятна, радушная готовность къ ходатайству за меня вездѣ и всегда, когда представлялся къ тому случай, наконецъ, его привязанность и неограниченное довѣріе—все это вмѣстѣ стяжало ему священныя права на мою благодарность,—чувство, которое не угаснетъ во мнѣ и къ его дѣтямъ. Примѣры такой безкорыстной истинно родительской любви въ человѣкѣ постороннемъ едва-ли даже и встрѣчается.

Отто Виттенгеймъ,—кромѣ ласковаго вниманія ко мнѣ, когда я еще былъ почти ребенкомъ, а онъ подвигался уже быстрыми шагами на поприщѣ службы, и многихъ дружественныхъ одолженій,—ревностно способствовалъ мнѣ въ переводѣ курляндскихъ статутовъ,—работѣ, которою начались мои успѣхи. Имѣвъ тогда очень мало времени свободнаго, онъ съ настоящимъ самоотверженіемъ посвящалъ цѣлыя дни на самый добросовѣстный просмотръ моихъ трудовъ, и ни тогда, ни послѣ, не напомнилъ мнѣ, ни самими даже отдаленными намеками, о своихъ одолженіяхъ.

Барону Андрею Яковлевичу Бюлеру я обязанъ полученіемъ перваго моего штатнаго мѣста—переводчика въ общей канцеляріи министерства юстиціи, на которое въ то время (въ 1818 г.) было очень много сильно покровительствуемыхъ кандидатовъ.

Ходатайству Эрнста Шепинга у покойной герцогини Виртембергской я обязанъ пожалованіемъ меня въ камеръ-юнкеры, что тогда (въ 1823 г.) было несравненно труднѣе и важнѣе теперешняго.

Мнѣ не было еще 23 лѣтъ, и я занималъ маловажное мѣсто переводчика въ министерствѣ юстиціи, какъ вдругъ—не знаю до сихъ поръ, какъ это сдѣлалось, Николай Порфиріевичъ Дубенскій предложилъ мнѣ мѣсто начальника отдѣленія въ департаментѣ податей и сборовъ, которымъ онъ тогда управлялъ. Переходъ былъ быстрый и внезапный, который вдругъ поставилъ меня на одну изъ высшихъ ступеней въ министерскомъ устройствѣ, познакомилъ и сблизилъ съ гр. Канкринимъ, далъ возможность чѣмъ-нибудь отли-

читаться, открылъ путь къ наградамъ. Потомъ, во все трехлѣтнее служеніе мое подь его начальствомъ, онъ осыпалъ меня всегда ласками, отличалъ меня передъ товарищами и пользовался всякимъ случаемъ дѣлать мнѣ добро; отзывами своими обо мнѣ онъ много содѣйствовалъ установленію моей репутаціи. Теперь онъ въ несчастіи, и я почелъ бы за высокое наслажденіе при измѣнившихся обстоятельствахъ быть ему въ чемъ-нибудь полезнымъ.

Михаиль Андреевичъ Балугьянскій любилъ и любить меня, какъ сына. Его отзывы на мой счетъ подкрѣпили и утвердили то, что началъ Дубенскій, и въ этомъ наиболѣе считаю я себя ему обязаннымъ. И теперь дружба этого почтеннаго старца мнѣ драгоценна, хотя мы рѣдко видимся.

Отношенія мои къ графу Канкрину, къ М. М. Сперанскому и къ покойному князю Кочубею были всегда хорошими отношеніями подчиненнаго къ умнымъ начальникамъ. Всѣ три, а особенно два послѣднее, исчерпывали до дна весь запасъ моего усердія и небольшихъ способностей, но зато и щедро награждали мои труды, Канкрину и Сперанскому я наиболѣе обязанъ за то доброе обо мнѣ мнѣніе, которое они внушили государю. Кн. Кочубей утвердилъ его.

Я вступилъ въ такъ называемый *большой свѣтъ* уже поздно. Родители мои имѣли свой особенный ограниченный кругъ знакомства; здоровье батюшки и склонность матушки къ уединенной жизни удаляли ихъ отъ всякихъ новыхъ связей. И прежде Лицея и послѣ выпуска оттуда, живя въ родительскомъ домѣ, я естественно держался того же круга и очень помню, что въ невинности моей не подозрѣвалъ даже, чтобы существовалъ еще какой-нибудь отдѣльный высшій кругъ, отверзтый только своимъ и закрытый для профановъ.

Два или три бала зимою во дворцѣ, на которыхъ я былъ тоже по службѣ, одинъ или два обѣда въ крѣпости у тогдашняго коменданта Сукина, стариннаго знаконца моихъ родителей; три или четыре семейныхъ праздниковъ, рожденій и именинъ у моихъ или у меня, гдѣ обѣдало нѣсколько короткихъ друзей и послѣ обѣда изрѣдка танцевали, — вотъ каковы были тогдашнія мои разсѣянія.

Эти воспоминанія болѣе всего относятся къ періоду съ 1827 по 1831 годъ. Я былъ уже тогда женатъ и жилъ въ Коломнѣ, у самой церкви Покрова на площади.

Съ 1831 г., со времени перехода моего въ Комитетъ Министровъ, многое переѣнилось. Я переѣхалъ ближе къ Зимнему дворцу, въ большую и дорогую квартиру, сталъ выѣзжать въ большой свѣтъ, который сдѣлался уже моимъ свѣтомъ.

Словомъ, мои привычки и образъ жизни совершенно измѣнились: я вступилъ уже болѣе или менѣе на чреду *d'un grand seigneur*¹⁾.

¹⁾ Изъ дневника барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. «Русск. Стар.» 1904 г. т. СХVII, янв., стр. 60—63.

Материалами для этого очерка послужили слѣдующія статьи: Академика А. Θ. Бычкова „Графъ М. А. Корфъ“ (Древняя и Новая Россія 1876 г., т. I, № 3, стр. 324—341), извлеченія изъ статьи Бычкова смотри въ Памятной книжкѣ Императорскаго Александровскаго Лицея на 1886 г., стр. 89—97.—В. В. Стасова; „Графъ Модестъ Андреевичъ Корфъ — 1800 — 1876 г.“ („Рус. Стар.“, 1876 г., т. XV, стр. 402—421).—Я. К. Гротъ; „Старина Царскосельскаго Лицея“ („Рус. Арх.“, 1876 г., т. I, стр. 481—482).

Нѣсколько словъ о Корфѣ въ запискахъ бароня Николая Александровича Корфа: „Изъ пережитаго“, („Рус. Стар.“, 1884 г., т. XLII, май, стр. 386 — 387).

8.

ФЕДОРЪ ХРИСТІАНОВИЧЪ

СТЕВЕНЪ.

Федоръ Христіановичъ
СТЕВЕНЪ.

Федоръ Христіановичъ Стевенъ

(родился 1797 г., † ¹/₁₃ августа 1851 г.).

...«Чѣмъ болѣе узнаешь этого человѣка, тѣмъ болѣе его любишь»...

(Такъ писалъ Е. А. Энгельгардтъ о Стевенѣ въ письмѣ къ В. К. Кюхельбекеру отъ 14 сентября 1823 г.).

Дѣдъ Ф. Х. Стевена ¹⁾—Вольтеръ-Вильгельмъ Стевенъ, коммерсантъ и рагманъ магистрата въ городѣ Фридрихсгамѣ, былъ женатъ на Маргаритѣ Бартрамъ, дочери Выборгскаго коммерсанта Христіана-Дидриха Бартрама и Маргариты Данненбергъ.

Отецъ Ф. Х. Стевена—Коллежскій Совѣтникъ Христіанъ-Даніилъ Стевенъ, родившійся въ 1744 году и скончавшійся въ 1815 году, состоялъ городскимъ секретаремъ, а затѣмъ управляющимъ таможеню въ городѣ Фридрихсгамѣ; былъ женатъ два раза: на Аннѣ-Христинѣ Вульфертъ и на Брунѣ. Онъ и его жена, урожденная Брунъ, были записаны выборгскими дворянами по III классу. Братъ Ф. Х. Стевена, Генераль-Лейтенантъ Александръ Стевенъ, родившійся въ 1783 году и скончавшійся въ 1842 г., былъ усыновленъ своимъ тестемъ, Финляндскимъ Генераль-Губернаторомъ графомъ Штейнгейлемъ подъ фамиліей графа Стевенъ-Штейнгейль ²⁾. Другой братъ Ф. Х. Стевена, Христіанъ Стевенъ, родившійся въ 1781 году и скончавшійся

¹⁾ За сообщеніе мнѣ формуляра и біографическихъ свѣдѣній о Стевенѣ я приношу глубокую благодарность г. Министру Статсъ-Секретарю Великаго Княжества Финляндскаго, Генераль-Маіору Августу Федоровичу Лангофу.

Кромѣ самаго формуляра, біографическія свѣдѣнія о Стевенѣ извлечены изъ книги матрикуловъ Финляндскаго Статсъ-Секретаріата и изданныхъ Оскаромъ Вазашерна родословныхъ таблицъ финляндскихъ дворянскихъ родовъ (Ворго, 1880, ч. II, стр. 512), и изъ финляндскаго біографическаго сборника Карпелана (Гельсингфорсъ, 1903, ч. II, стр. 2072), а также изъ книги Якова Аренберга подъ заглавіемъ: «Губернаторы старой Финляндіи» (отдѣльный оттискъ), на которую указалъ намъ генераль-лейтенантъ М. М. Бородинъ. Кромѣ того генераль Бородинъ высказалъ мнѣ свой взглядъ на дѣятельность Стевена въ Финляндіи, за что приносивъ историкъ Финляндіи нашу глубокую благодарность...

²⁾ Въ перепискѣ К. Я. Грота съ П. А. Плетневымъ. Плетневъ, говоря о Выборгскомъ Губернаторѣ Федорѣ Христіановичѣ Стевенѣ, упоминаетъ между прочимъ и о его братѣ: «Его родной братъ живетъ на мызѣ въ 10 верстахъ отъ Выборга, куда Губернаторъ каждое воскресенье ѣздитъ обѣдать. Губернаторъ былъ женатъ, но овдовѣлъ.

въ 1863 году въ Крыму, былъ извѣстнымъ естествоиспытателемъ и прославился, главнымъ образомъ, своими ботаническими изслѣдованіями на югѣ Россіи ¹⁾).

Федоръ Христіановичъ Стевенъ родился въ 1797 году ²⁾ отъ второго брака его отца, женившагося на дѣвицѣ Брунъ. У него были три брата и три сестры, которыя были замужемъ за Керберомъ, Бруномъ и Маркевичемъ. Изъ братьевъ—Христіанъ Христіановичъ Стевенъ, жившій въ Крыму, происходилъ отъ первой жены своего отца, урожденной Вульффертъ и былъ старшимъ въ семействѣ, такъ какъ самый старшій Антонъ умеръ въ дѣтствѣ.

Федоръ Христіановичъ Стевенъ или Фридрихъ Стевенъ, сынъ Коллежскаго Совѣтника ³⁾, поступилъ въ 1811 году въ только что созданный Лицей. Экзаменъ онъ держалъ 8 августа 1811 года и въ дѣлахъ Липейскаго архива сохранились отмѣтки его на этомъ экзаменѣ. Въ общемъ онѣ довольно хороши. Въ грамматическомъ познаніи языковъ: російскаго, французскаго и нѣмецкаго и въ ариѳметикѣ—онъ получилъ по всѣмъ этимъ предметамъ отмѣтку «хорошо»; въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. физикѣ. отмѣчено: «имѣеть познанія, но слабыя»; наконецъ, въ начальныхъ основаніяхъ географіи и исторіи—«довольно хорошо» ⁴⁾.

Его брату, женившемуся на послѣдней отрасли графовъ Штейнгелей, передано покойнымъ Императоромъ Александромъ графство и къ его собственной фамиліи присоединена фамилія Штейнгель. У графа Стевена-Штейнгеля, котораго дочь воспитывалась въ патріотическомъ институтѣ, я бывалъ прежде въ проѣздѣ на Иматру.—Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плагневимъ, т. I, Спб., 1896, стр. 294 и 295.

¹⁾ Христіанъ Христіановичъ Стевенъ былъ директоромъ Никитскаго сада въ Крыму. Въ 1826 году по смерти извѣстнаго ботаника барона Маршалла фонъ-Виберштейна, поступилъ на его мѣсто главнымъ инспекторомъ шелководства. См. «Къ столѣтнему юбилею рожденія П. И. Кеппена», ст. П. Кеппена. «Рус. Стар.» 1893 г., т. LXXVIII, апрѣль, стр. 93.

Былъ еще одинъ Стевенъ, Дѣйств. Ст. Сов., извѣстный тѣмъ, что онъ везъ отъ Нижегородскаго дворянства адресъ Государю объ отреченіи ихъ отъ крѣпостного права. По поводу его А. А. Савельевъ говоритъ, что въ документахъ Нижегородской губерніи Алексѣй Христіановичъ называется «Штевенъ», фамилія же «Стевенъ» была присвоена другой вѣтви того же рода, вышедшаго изъ Швеціи. «Рус. Стар.» 1898 г., т. XCIV, июнь, стр. 619. «Нѣсколько словъ о бывшемъ Нижегородскомъ Губернаторѣ А. Н. Муравьевѣ», ст. А. А. Савельева.

²⁾ Свѣдѣніи о годѣ рожденія Стевена, а равно какъ и о происхожденіи его отъ перваго или второго брака отца не оказалось въ дѣлахъ Статсъ-Секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго, о чемъ сообщилъ мнѣ генераль-майоръ А. Ф. Лангофъ. Свѣдѣнія объ этомъ мнѣ любезно сообщилъ покойный Членъ Государственнаго Совѣта Александръ Христофоровичъ Стевенъ. Что же касается до года его рожденія, то по формулярному списку Стевена, составленному въ 1819 году, ему показано 20 лѣтъ; слѣдовательно, годомъ его рожденія долженъ быть 1799. Если же принять въ соображеніе «отчетъ о поведеніи и свойстахъ воспитанниковъ Лицея,» составленный 19 ноября 1812 г. надзирателемъ по учебной части—Мартыномъ Пилецкимъ-Урбановичемъ, въ которомъ Стевену ко времени составленія отчета значится 15 лѣтъ, то выйдетъ, что онъ родился въ 1797 г.

³⁾ Матеріалы для исторіи Лицея И. Селезневъ 1856 г. см. памятная книжка Императорскаго Александровскаго Лицея на 1856—57 г.г., стр. 29.

⁴⁾ Тамъ же прилож. къ стр. 11.

Такимъ образомъ, выдержавъ экзаменъ, Стевенъ поступилъ въ Императорскій Царскосельскій Лицей, гдѣ и провелъ шесть лѣтъ своей юности. Въ дѣлахъ Лицейскаго архива сохранились нѣкоторыя отмѣтки о его успѣхахъ въ наукахъ и о его поведеніи.

Профессоръ русской и латинской словесности Николай Кошанскій даетъ о немъ слѣдующій отзывъ: «Фридрихъ Стевенъ, по причинѣ частаго нездоровья, не совсѣмъ замѣченъ мною со стороны способностей и прилѣжанія. Успѣхи его хороши». Изъ тридцати человѣкъ, о которыхъ Кошанскій даетъ отзывъ, онъ помѣщаетъ Стевена 10-мъ воспитанникомъ по успѣхамъ. Отзывъ этотъ относится до времени отъ 23 октября 1811 г. по 15 марта 1812 г.

Въ отзывѣ съ 15 марта по 15 октября 1812 года Кошанскій изъ 30 воспитанниковъ ставитъ его 16-мъ ученикомъ и говоритъ: «Фридрихъ Стевенъ, имѣетъ тихія способности, которыя едва примѣтны; но которыя соединяясь съ довольнымъ прилѣжаніемъ и чувствованіемъ собственной пользы, приобрѣли ему хорошіе въ обоихъ языкахъ успѣхи».

Профессоръ нѣмецкой словесности Гауеншильдъ отъ 31 марта 1812 г. въ своемъ отзывѣ перечисляя воспитанниковъ въ алфавитномъ порядкѣ; первымъ—Бакунинъ, вторымъ Броглію, третьимъ Данзасъ, и фамилію Данзасъ кончалась первая страница его отчета, но оказывается, что, написавъ свой отчетъ, онъ забылъ фамилію Стевена, поэтому на первой страницѣ сейчасъ послѣ Данзаса онъ помѣщаетъ отзывъ о позабытомъ имъ Стевенѣ. Отзывъ этотъ слѣдующаго содержанія: «Stéven. Il savait beaucoup d'Allemand avant d'entrer au Lycée. Depuis il a fait voir une sagacité peu commune. Il est très laborieux et d'un caractère doux et tranquille et il faut le compter parmi les premiers écoliers du Lycée».

Профессоръ французской литературы де-Будри въ своемъ второмъ рапортѣ отъ 18 ноября 1812 г. (первый не дошелъ до насъ) дѣлитъ воспитанниковъ на четыре отдѣла и помѣщаетъ Стевена во 2-й отдѣлъ. Его отзывъ о немъ слѣдующій: «Stewen. Il commence à réparer le temps que sa maladie lui avait fait perdre. Il se conduit parfaitement en classe et il ne néglige aucun de ses devoirs».

Наконецъ отъ 19 ноября 1812 г. Гауеншильдъ по предмету нѣмецкой литературы дѣлитъ всѣхъ воспитанниковъ на три рубрики и выше первой рубрики онъ выдѣляетъ еще одну рубрику воспитанниковъ, которыхъ называетъ превосходными (*classe de ceux qui excellent*), хотя и замѣчаетъ, что разницы между ними почти никакой нѣтъ; къ числу этихъ самыхъ, такъ сказать, превосходныхъ учениковъ относятся Горчаковъ, Есаковъ, Вольховскій и цѣлая группа воспитанниковъ: Кюхельбекеръ, Гревеницъ, Стевенъ, Комовскій и Корфъ, о которыхъ онъ даетъ коллективный отзывъ и говоритъ, что

*

за ихъ прилежаніе и за ихъ поведеніе онъ вынужденъ помѣстить ихъ всѣхъ въ эту рубрику и подѣ однимъ и тѣмъ номеромъ и прибавляетъ: «...je me rapporte à ce que j'en ai dit dans mon premier rapport».

Мартынъ Пилецкій въ Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, представленномъ Директору Лицея 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Стевенѣ: «Стевень (Фридрихъ) (лютеранскаго исповѣданія) 15-ти лѣтъ. Съ изрядными дарованіями, весьма прилѣженъ и благонравенъ, могъ бы болѣе показать свой умъ и свои способности, еслибы языкъ русскою былъ ему столь извѣстенъ, какъ природный нѣмецкой. Кротость, вѣжливость и осторожность, добродушіе, чувствительность и усердіе составляютъ главнѣйшія черты его характера» ¹⁾.

Кожанскій въ отзывѣ отъ 1 августа до 15 декабря 1813 г. изъ числа 29 воспитанниковъ ставитъ его 19-мъ и даетъ о немъ ту же характеристику, что и въ отзывѣ отъ 15 марта по 15 ноября 1812 г.

Въ другомъ отзывѣ отъ 9 іюля 1813 г. Кожанскій раздѣляетъ воспитанниковъ на четыре категоріи: на превосходныхъ, отличныхъ, хорошихъ и посредственныхъ. Онъ ставитъ Стевена восьмымъ въ категоріи хорошихъ— изъ общаго числа 9-ти воспитанниковъ, находящихся въ той же категоріи.

Профессоръ историческихъ наукъ Иванъ Кайдановъ въ своемъ отзывѣ о дарованіяхъ, прилежаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея по части всеобщей и руссійской исторіи отъ 1 ноября 1812 г. по 1-ое января 1814 г. помѣщаетъ Стевена двадцать вторымъ воспитанникомъ изъ общаго числа двадцати девяти учениковъ и говоритъ о немъ: «Фридрихъ Стевень. Дарованій не великихъ; но прилѣжанія (sic) къ ученію оказываетъ изрядные успѣхи. Поведенія очень хорошаго».

Таковы отзывы его профессоровъ. Что касается до отзывовъ губернаторовъ, то до насъ дошелъ только одинъ такой отзывъ, а именно отъ 30-го сентября 1813 г. Губернеръ Чириковъ въ списокѣ, озаглавленномъ «Свойства и поведенія воспитанниковъ Императорскаго Лицея» даетъ слѣдующій отзывъ: «Федоръ Стевень. Благонравенъ, откровененъ, усерденъ, вѣжливъ, кротокъ, очень прилѣженъ и опрятенъ».

Въ Лицеѣ Стевень занималъ комнату подѣ № 10, выходившую окнами ко дворцу ²⁾:

Сосѣдями его по этой комнатѣ были съ одной стороны Ржевскій (№ 9), а съ другой стороны Вольховскій (№ 11).

¹⁾ «Лицейскій Журналъ». Годъ восьмой, IV, 1910—1911, стр. 36—37.

²⁾ Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники»... Спб. 1899 г., стр. 286.

Въ Лицеѣ Стевенъ носилъ между товарищами кличку «шведъ», вѣроятно потому, что родъ его велъ свое происхожденіе изъ Швеціи; его также называли Фрицемъ, по его имени Фридрихъ.

Въ Лицейскихъ шуточныхъ стихотвореніяхъ и національныхъ пѣсняхъ мы находимъ нѣсколько отзвуконъ о Стевенѣ.

Такъ въ національныхъ пѣсняхъ находится слѣдующій куплетъ:

«Стевенъ, Гревениць, Корфенокъ
Будутъ рыцари чухонокъ
Мы-жъ нули, мы нули
Ай люли, люли, люли».

Безспорно къ Стевену относится также слѣдующій куплетъ:

«Но вотъ усачъ,
Нашъ шведъ пугачъ,
Въ сердцахъ мычитъ теленкомъ,
Морданъ дьячекъ
Псалма стишокъ
Горланить поросенкомъ».

Послѣдняя половина куплета относится къ Корфу.

Стевенъ не принималъ, какъ кажется, никакого участія въ поэтической дѣятельности юныхъ лицейстовъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ не случилось встрѣтить его имя среди лицейскихъ журналовъ и также ни одного стихотворенія, подписаннаго его именемъ.

Стевенъ окончилъ курсъ наукъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ 9 іюня 1817 г. съ чиномъ IX класса и поступилъ вмѣстѣ съ Комовскимъ въ Министерство Просвѣщенія (т. е. Народнаго Просвѣщенія ¹).

Прежде чѣмъ выйти изъ Лицея Стевенъ внесъ по примѣру другихъ своихъ товарищей нѣсколько строкъ въ альбомъ Энгельгардта. Вотъ эти строки на нѣмецкомъ языкѣ:

«Wer die innersten Tiefen der Seele durchschaute und nach ihren Gefühlen den Jüngling beurtheilte; der wird auch in seinem Herzen die Empfindungen gewahr werden, welche die schwere Stunde der Trennung von denen, welche er schätzt und liebet, in ihm erwecket, und welche durch Worte nimmer besonders bei der letzten Umarmung, wo das Herz nur durch Thränen redet, auszudrücken im Stande sind. Friedrich Steven. Den 11-ten Juni 1817 ²).

¹) Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезневъ 1856 г. См. Памятная книжка Лицея на 1856-57 г., стр. 92.

²) См. Пушкинъ и его современники. Спб. 1908 г., вып. 7, стр. 15. Д. О. Кобеко: «Альбомъ директора Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардта.»

Стевень опредѣлился въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія 1817 года, іюня 10/22.

Не успѣвъ еще вступить, такъ сказать, на службу, Стевень обращается къ князю Голицыну — своему начальнику, съ прошеніемъ слѣдующаго содержания, полученнымъ Министромъ 17 іюня 1817 года:

«Его Сіятельству Г. исправляющему должность Министра Народнаго Просвѣщенія Князю Александру Николаевичу Голицыну.

отъ Титулярнаго Совѣтника Федора Стевена. Прошеніе.

Воспитываясь въ Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ и потому бывши разлученъ въ теченіи шести лѣтъ отъ матери и родныхъ, живущихъ въ Финляндской губерніи, я бы желалъ, до вступленія въ должность, съ ними повидаться, и посему осмѣливаюсь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство уволить меня для свиданія съ ними въ отпускъ на двадцать восемь дней. Титулярный Совѣтникъ Федоръ Стевень. С.-Петербургъ, іюня 13-го 1817»¹⁾.

Назначенъ Старшимъ Помощникомъ Столоначальника названнаго Департамента 1818 года, февраля ¹³/₂₅.

Мы уже упоминали о письмахъ Директора Лицея Энгельгардта къ своимъ воспитанникамъ Матюшкину и Вольховскому, которымъ Энгельгардтъ сообщалъ разныя свѣдѣнія объ однокурсникахъ Матюшкина. Въ этой перепискѣ, а также и въ письмахъ бывшихъ воспитанниковъ I курса Лицея между собою, разбросаны очень интересныя біографическія подробности о каждомъ изъ нихъ. Этими письмами не только подтверждаются свѣдѣнія формуляра, но сообщаются нерѣдко комментаріи къ официальнымъ свѣдѣніямъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ Энгельгардта къ Матюшкину отъ 20 декабря 1817 г., сообщается: «Стевень и Комовскій служатъ въ нашемъ Департаментѣ, гдѣ ими весьма довольны». (Подъ «нашимъ» Департаментомъ Энгельгардтъ подразумѣваетъ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія). Тутъ не важно то, что сообщаетъ Энгельгардтъ, что они служатъ въ Департаментѣ, потому что Матюшкинъ, безъ сомнѣнія, зналъ объ этомъ и раньше письма, но тутъ важно то, что Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину, что Стевеномъ и Комовскимъ въ департаментѣ весьма довольны. Подобныя свѣдѣнія въ письмахъ Энгельгардта весьма цѣнны для біографіи, а потому мы воспользуемся ими, чтобы иллюстрировать сухія формулярныя свѣдѣнія живыми комментаріями Энгельгардта.

Въ письмѣ отъ 9 марта 1818 года Энгельгардтъ перечисляетъ Матюшкину разные города и страны, откуда ему пишутъ его бывшіе воспитанники

¹⁾ Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 2154. Пользуюсь случаемъ принести глубокую благодарность моему однокласснику—Начальнику Архива Константину Адамовичу Военскому.

I-го курса. Между прочимъ здѣсь упоминаетъ онъ о Стевенѣ, что онъ ему пишетъ изъ Финляндіи.

Отъ того же года 13 марта Энгельгардтъ оповѣщаетъ Матюшкина: «Департаментъ нашъ получилъ новое образованіе, по которому наши Стевенъ и Комовскій сдѣлались старшими помощниками столоначальниковъ съ жалованьемъ по 1000 рублей. Самъ же Департаментъ переведенъ въ Щукинъ домъ въ Чернышевъ переулокъ.»

Изъ слѣдующихъ писемъ Энгельгардта мы узнаемъ, что Стевенъ поѣхалъ путешествовать по Европѣ.

Отъ 10 сентября 1820 г. Энгельгардтъ писалъ Матюшкину: «Стевенъ путешествуетъ по Европѣ и теперь, вѣроятно, въ Франкфуртѣ».

Стевенъ поѣхалъ за границу не для развлечения, но съ ученою цѣлю. Будучи Старшимъ Помощникомъ Столоначальника при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, Федоръ Христіановичъ Стевенъ былъ отправленъ въ чужіе края для обозрѣнія иностранныхъ учебныхъ заведеній ¹⁾.

Отъ 12 февраля 1821 г.: «Стевенъ изъ Парижа шлетъ тебѣ чугунный поклонъ; по сіе время чрезвычайно радъ своей поѣздкѣ; но щастные его бумажные 800 рублей, обращенные по курсу въ 200 съ небольшимъ талеровъ, конечно скудненьки, да онъ, спасибо, не прихотливъ,—er versteht sich nach der Decke zu strecken».

Отъ 21 іюня 1821 г.: «Стевенъ писалъ мнѣ въ послѣдній разъ изъ Марселья, откуда онъ на другой день намѣровался отправиться водою въ Грецію. Но по нынѣшнимъ тамъ и во всѣхъ турецкихъ владѣніяхъ обстоятельствамъ, я сомнѣваюсь, чтобы рѣшились они туда ѣхать. Жаль, впрочемъ, что планъ ихъ путешествія такъ разстроился, и что вмѣсто поѣздки по Малой Азіи, Греціи и Турціи—они возвратятся домой просто и то еще съ довольными околичностями, потому что теперь по Черному и прилежащимъ къ оному морямъ очень опасно проѣзжать».

Въ 1821 году, іюня ¹⁰/₂₂, Стевенъ произведенъ въ Коллежскіе Ассесоры, о чемъ Энгельгардтъ въ письмѣ отъ 22 декабря того же года спѣшитъ обрадовать Матюшкина.

Въ сентябрѣ 1821 года Стевенъ нашелъ для себя болѣе выгоднымъ переимѣнить службу. Вслѣдствіе этого онъ обратился къ своему непосредственному начальнику съ слѣдующимъ прошеніемъ:

¹⁾ Историческій очеркъ Императорскаго бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго, Лицея за первое его пятидесятилѣтіе, съ 1811 по 1861 г. Составилъ И. Селезневъ. Спб., 1861 г., стр. 167.

²⁾ Намъ неизвѣстны лица, съ которыми Стевенъ путешествовалъ.

«Его Превосходительству, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, Господину Директору Департамента народнаго просвѣщенія и Кавалеру Василию Михайловичу Попову.

Отъ Титулярнаго Совѣтника Федора Стевена.

Прошеніе.

Не имѣя собственнаго достатка и никакой возможности получать пособія отъ матери, находящейся въ преклонныхъ лѣтахъ и потерявшей нынѣ послѣднее свое имущество при пожарѣ въ городѣ Фридрихсгамѣ, я принужденъ былъ жить однимъ токмо жалованьемъ по службѣ получаемомъ, каковое какъ Вашему Превосходительству извѣстно состоитъ всего изъ 1000 рублей.

Трудность, почти невозможность толь малымъ жалованьемъ удовлетворять даже самымъ нужнѣйшимъ потребностямъ жизни, заставило меня искать другое, въ семъ отношеніи, выгоднѣйшее для меня мѣсто, каковое по общанію барона Ребиндера нынѣ надежду имѣю получить при Комитетѣ о Финляндскихъ дѣлахъ.

По сему при всемъ желаніи продолжать службу подъ лестнымъ начальствомъ Вашего Превосходительства, я нахожусь въ необходимости всепокорнѣйше просить Васъ исходатайствовать у Господина Министра увольненіе мое отъ Департамента Народнаго Просвѣщенія для опредѣленія къ другой должности, благоволя при томъ представить Его Сіятельству увѣреніе чувствительнѣйшей признательности за всѣ оказанныя мнѣ благодѣянія.

Титулярный Совѣтникъ Федоръ Стевень. Царское Село 11-го сентѣбря 1821.»

На подлинникѣ положена слѣдующая резолюція, вѣроятно, самаго Министра Князя Голицына: «Увѣдомить по его желанію и дать аттестатъ. 14 сентѣбря 1821 ¹⁾».

Въ 1821 году, сентѣбря ⁴/₁₆, Стевень назначенъ сверхштатнымъ Чиновникомъ Комиссіи Финляндскихъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ. По этому поводу весьма интересныя комментаріи сообщаетъ Энгельгардтъ Вольховскому въ письмѣ отъ 31 ноября 1821 г.: «Стевень теперь гораздо въ лучшемъ положеніи: опредѣленъ по Имянному Указу въ Финляндскую Комиссію, гдѣ получаетъ на первый случай 1.500 рублей жалованья съ квартирою и проч., а въ перспективѣ имѣеть около 3.000 руб. Когда нынѣшній его начальникъ баронъ Ребиндеръ докладывалъ о немъ Государю, то Онъ отвѣчалъ: «C'est un de mes Lyceens! c'est une bonne acquisition que vous ferez, la race est excellente». Дай Богъ чаще слышать!»

¹⁾ Изъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія № $\frac{2414}{362}$ по секретному столу.

Стевенъ назначенъ переводчикомъ той же комисіи въ 1825 г., января ¹⁵/₂₇.

Назначенъ Вторымъ Экспедиціоннымъ Секретаремъ I отдѣленія Финляндской Его Императорскаго Величества Канцеляріи въ 1826 г., марта ¹⁷/₂₉ ¹⁾.

Пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4 степени 1828 г., апрѣля ¹¹/₂₃.

Товарищъ Стевена—М. Л. Яковлевъ въ письмѣ отъ ноября 1829 г. сообщалъ Вольховскому въ шуточной формѣ о служебномъ положеніи своихъ товарищей. Вотъ что онъ пишетъ о Стевенѣ: «Стевенъ 7 класса, Владиміръ 4 степени, нѣсколько постарѣлъ, но, впрочемъ, совершенно таковъ же, какъ былъ и прежде. «Quand ont est bien, il ne faut pas desirer être mieux».

Произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники въ 1830 г., августа ²/₁₄.

За 1830 г. (7 апрѣля) мы имѣемъ письмо Энгельгардта къ Матюшкину, гдѣ бывшій Директоръ выставляетъ Стевена въ видѣ безкорыстнаго дѣятеля на своемъ служебномъ поприщѣ. Онъ пишетъ: «Стевенъ потихоньку поживаетъ въ финляндскихъ дѣлахъ; беретъ хорошее жалованье, имѣетъ друга-начальника ²⁾, а о чинахъ и о побрякушкахъ мало думаетъ»...

Стевенъ назначенъ Первымъ Экспедиціоннымъ Секретаремъ I отдѣленія Финляндской Его Императорскаго Величества Канцеляріи въ 1832 г., ноября ²/₁₄.

По поводу этого назначенія ходили уже слухи и поэтому неудивительно, что Энгельгардтъ, въ письмѣ къ Матюшкину отъ 23 октября 1832 г., писалъ ему слѣдующее: «Стевенъ, кажется, долженъ поступить на мѣсто умершаго своего начальника, чухонца же, коего должность онъ уже 3-й годъ исправляетъ и который, наконецъ, умеръ, оставляя ваканцію въ 10.000 руб. въ годъ». А въ письмѣ къ Вольховскому, отъ 24 ноября 1832 г. онъ уже съ достовѣрностью сообщаетъ: «Стевенъ, по смерти своего предмѣстника, вступилъ на его мѣсто, дающее ему 10.000 руб. въ годъ жалованья».

Пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Анны 2-й степени 1835 года, января ¹/₁₃.

Произведенъ въ Статскіе Совѣтники $\frac{1836 \text{ г. декабра } 31.}{1837 \text{ г. января } 12}$

Назначенъ Выборгскимъ Губернаторомъ въ 1839 г., іюня ⁷/₁₉.

По поводу этого назначенія мы находимъ въ письмѣ Энгельгардта къ Матюшкину отъ 15 іюля 1839 г. радостное восклицаніе: «А Фрицко—Вы-

¹⁾ Къ этому времени относится письмо Яковлева къ Вольховскому отъ 4 января 1826 г., изъ котораго видно, что Стевенъ уѣхалъ изъ Спб. въ Финляндію. Яковлевъ писалъ: «Стевенъ улетѣлъ на родину».

²⁾ Начальникомъ его былъ графъ Александръ Армфельтъ и баронъ Ребиндеръ.

боргскій Губернаторъ»! Мы уже выше упомянули, что Фрицко—была Лицейская кличка Стевена, такъ какъ имя его было Фридрихъ. О томъ что Стевень-Губернаторъ, Энгельгардтъ еще разъ упоминаетъ въ письмѣ къ Матюшкину, отъ 14 апрѣля 1841 г.

Къ этому же времени относится письмо Яковлева къ Вольховскому отъ 25 января 1841 года слѣдующаго содержанія:

«Стевень пріѣзжалъ на святкахъ въ Петербургъ. Я съ нимъ очень часто видался и до сихъ поръ не нахожу въ немъ никакой перемѣны». Изъ этихъ строкъ можно заключить, что Стевень нисколько не перемѣнился и остался тѣмъ же Стевеномъ, несмотря на то, что былъ уже губернаторомъ. Высокія мѣста часто мѣняютъ товарищескія отношенія!

Свѣдѣнія о Стевенѣ, какъ о Финляндскомъ дѣятелѣ, разбросаны въ «перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ». Плетневъ, рекомендуя его Гроту, говоритъ о немъ слѣдующее: Давно мнѣ хотѣлось порекомендовать тебѣ тамошняго губернатора (т. е. Выборгскаго Губернатора Стевена). Одинъ разъ я писалъ тебѣ о немъ. Онъ товарищъ по Лицею Пушкину и показался мнѣ очень интереснымъ... Если опять поѣду по Финляндіи, то непременно заверну теперь и къ Выборгскому Губернатору. Тебѣ же совѣтую, при первомъ съ нимъ свиданіи, объявить себя однокашникомъ его и ввести его прямо въ кругъ нашихъ съ тобою отношеній» ¹⁾.

Здѣсь будетъ уместно привести взглядъ Я. К. Грота на дѣятельность Стевена, какъ Выборгскаго Губернатора. Говоря о Котенѣ, который занялъ мѣсто Выборгскаго Губернатора послѣ Стевена, Гротъ передаетъ, со словъ встрѣтившейся съ нимъ старухи, рассказъ, который косвенно характеризуетъ и Стевена. Старуха эта рассказывала Гроту, что «Котень привѣтливъ и добръ, со всѣми болтаетъ, не такъ, какъ прежній Губернаторъ Стевень», онъ (Котень) заботится самъ о крестьянахъ, не ждетъ, чтобы его просили о нихъ, не дастъ имъ умирать съ голоду» ²⁾.

Кромѣ свѣдѣній у Плетнева и Грота о Стевенѣ, какъ губернаторѣ мы находимъ также и въ перепискѣ Энгельгардта нѣсколько разбросанныхъ указаній о пребываніи Стевена въ Выборгъ.

Такъ Энгельгардтъ, въ письмѣ къ Вольховскому, замѣчалъ отъ 2 сентября 1840 г.: «Стевень бѣдной очень скучаетъ въ своемъ Выборгскомъ губернаторствѣ».

Въ другомъ письмѣ отъ 22 января 1840 г. онъ пишетъ: «Стевень въ Выборгѣ губернаторствуетъ, жаль бѣдняка въ одиночествѣ».

¹⁾ Письмо Плетнева къ Гроту, Спб., пятница, 26 марта 1841 г. См. «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», Спб. 1896 г., т. I, стр. 294 и 295.

²⁾ Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ; письмо Грота къ Плетневу изъ Выборга—четвергъ, 16 мая 1846 г., т. II, стр. 768.

Наконецъ, болѣе подробныя свѣдѣнія даетъ Энгельгардтъ также въ письмѣ къ Вольховскому, гдѣ онъ ему рисуеъ слѣдующую картину жита-бытѣя Стевена въ Выборгѣ: «Стевень бѣдной въ своемъ одиночествѣ и сиротствѣ губернаторствуетъ въ Выборгѣ. Онъ прѣѣзжалъ сюда на нѣсколько дней по дѣламъ, былъ у меня три раза и говоритъ, что заваленъ дѣлами, тѣмъ болѣе неприятными, что во всѣхъ существующей борьба между прежнимъ и нынѣшнимъ положеніями: туземцы все хотять поддерживать прежнее, вѣковое, а его высшее начальство требуетъ настоятельно послѣдняго. Ясно, что онъ тутъ въ большомъ амбарѣ ¹⁾ и что можно его извинять, если онъ не отвѣчаетъ иногда на письма, тѣмъ болѣе, что онъ и вообще не очень прилежный корреспондентъ».

Какова была дѣятельность Стевена какъ Выборгскаго Губернатора? Она была вполне безцвѣтна. Мѣстные финляндскіе историки удѣляютъ ему нѣсколько строкъ или даже нѣсколько словъ, между тѣмъ какъ о другихъ вполне незначущихъ лицахъ и дѣятеляхъ они весьма добросовѣстно собираютъ матеріалъ. О Стевенѣ такого матеріала не собрано, потому что о немъ и нечего было собирать; онъ ничѣмъ не проявилъ себя въ глазахъ финляндцевъ, у него не было такихъ политическихъ тенденцій, которыя бы шекотали ихъ національное самолюбіе. Его дѣятельность съ политической точки зрѣнія, — его русскихъ тенденцій и русскаго направленія — была также безцвѣтна, потому что, если бы это было иначе, то мѣстные финляндскіе историки выругали его, забрызгали бы грязью. Но и этого нѣтъ, никакой ругани мы не находимъ у этихъ историковъ противъ Стевена. Совершенно иное бывало съ другими русскими, которые высказывали свои русскія тенденціи. Такъ, напримѣръ, когда Я. К. Гротъ, будучи профессоромъ гельсингфорскаго университета, высказывалъ иной разъ свои русскія тенденціи, то въ его окна летѣли камни. Поэтому насъ не удивляетъ недоумѣніе Плетнева, когда Стевень былъ назначенъ товарищемъ Министра Статсъ-Секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго (о чемъ будетъ сказано ниже).

Далѣе изъ формуляра слѣдуетъ упомянуть, что въ 1840 году ^{іюля 23}/_{август. 4} Стевень возведенъ въ дворянское Финляндіи достоинство ²⁾.

Въ 1841 году декабря ¹⁶/₂₈ пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3 степени.

Въ 1842 г. ноября ⁴/₁₆ записанъ въ родословную книгу Рыцарскаго Дома подъ № 209 списка дворянскихъ родовъ.

Въ 1844 г. марта ¹/₁₃ Стевень назначенъ Товарищемъ Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго.

¹⁾ Русская транскрипція слова embaras, изъ которой Энгельгардтъ дѣлаетъ каламбуръ.

²⁾ Яковъ Аренбергъ къ статьѣ: «Губернаторы Старой Финляндіи» (отдѣльный оттискъ) говоритъ, что въ этомъ году Стевень былъ переведенъ въ финское дворянство.

Уже 2 февраля 1845 года Энгельгардтъ спѣшитъ обрадовать Матюшкина такимъ выдающимся положеніемъ своего бывшаго питомца и однокурника Матюшкина: «Изъ новостей скажу тебѣ только, что нашъ Фрицка Стевенъ, поступивъ съ Выборгскаго Губернаторства на мѣсто товарища Министра Статсъ-Секретаря Финляндскаго на прошедшей недѣлѣ представлялся Царю въ кабинетѣ Его и былъ имъ обласканъ, какъ нельзя лучше».

Объ этомъ назначеніи Стевена Товарищемъ Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія, разбросанныя въ перепискѣ Я. К. Грота съ Плетневымъ. Такъ, напримѣръ, Гротъ сообщаетъ Плетневу, что Густафъ Армфельтъ сказалъ ему: «что бывший Выборгскій Губернаторъ Стевенъ назначенъ товарищемъ графа Александра Армфельта. Его преемникомъ въ Выборгѣ называютъ Котена, который теперь въ Петербургѣ» ¹⁾.

На это письмо Плетневъ отвѣчалъ Гроту (СПБ., среда, 15 марта 1844 г.): «Возвышеніе Стевена изумило меня. Ужели во всей Финляндіи нѣтъ чело-вѣка блестящѣе его для столь значительной будущности? И кто содѣйствовалъ этому? Вѣрно Александръ Армфельтъ. Для насъ, конечно, выгодно имѣть Стевена Министромъ Финляндіи. Онъ не бывалъ далѣе Выборга, да и выросъ въ Царскомъ Селѣ, а женатъ же былъ на русской. Все это хорошо. Но есть ли у него гибкость и блескъ придворнаго? Впрочемъ, онъ не моложе графа Александра; слѣдовательно, можетъ и не приттись ему заступитъ мѣсто его» ²⁾. На это Гротъ возражаетъ Плетневу: «Мнѣ кажется, Стевенъ очень годится въ преемники Армфельта: онъ имѣлъ возможность равно узнать и Россію и Финляндію, и потому можетъ справедливо понимать ихъ взаимное отношеніе» ³⁾.

Плетневъ отвѣчалъ Гроту отъ 22 марта того же года: «Я вполне раздѣляю все, что ни сказалъ ты о шведствѣ, о Стевенѣ и умной сторонѣ финляндской политической газеты. Если сдѣлалъ я какія замѣчанія противъ Стевена, это былъ плодъ изумленія при освѣщеніи предмета, никѣмъ прежде не замѣчаемаго, и частью отъ моего предубѣжденія въ пользу ново-финляндевъ» ⁴⁾.

Въ 1845 году, апрѣля ¹⁴/₂₆ Стевенъ пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Станислава I степени.

Въ 1847 году, мая ⁵/₁₇ пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Анны I степени.

¹⁾ Гельсингфорсъ, пятница, 10-го марта 1844 года, т. II, переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ, стр. 206.

²⁾ Ibid.—т. II, стр. 209.

³⁾ Гельсингфорсъ, среда, 15 марта 1844 г. Ibid. т. II, стр. 210.

⁴⁾ Ibid.—т. II, стр. 214.

А въ 1849 году, марта ¹⁷/₂₉ произведенъ въ Тайные Совѣтники.

Если мы обратимся къ перепискѣ Энгельгардта съ его бывшими питомцами, то мы найдемъ обильный біографическій матеріалъ, который, за отсутствіемъ документовъ можетъ намъ освѣтить многое въ біографіяхъ первенцевъ Лицея. Изъ этой переписки мы видимъ, что отношенія Энгельгардта въ Стевену были очень дружелюбны. Насколько часто Стевенъ посѣщаль домъ Энгельгардта видно, напримѣръ, хотя бы изъ письма отъ 25 февраля 1829 г., въ которой Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину: «Стевенъ живетъ по прежнему; семь разъ въ недѣлю у меня отмалчивается». Стевенъ не только посѣщаль Энгельгардта часто на недѣлѣ, но даже гостилъ у него по мѣсяцамъ. Это видно изъ письма Энгельгардта къ Кюхельбекеру отъ 14 сентября 1823 г., въ которомъ читается: «Нынѣшнее лѣто жилъ у меня Стевенъ; чѣмъ болѣе узнаешь этого человѣка, тѣмъ болѣе его любишь» ¹⁾).

Энгельгардтъ въ своей перепискѣ съ бывшими воспитанниками Лицея пользовался такими посѣщеніями прежнихъ своихъ питомцевъ и заставлялъ ихъ дѣлать въ его письмахъ свои приписки. Такъ, напримѣръ, изъ письма Энгельгардта къ Матюшкину отъ 3 іюня 1827 г. мы узнаемъ, что когда Энгельгардтъ писалъ это письмо къ Матюшкину въ Камчатку, то въ этомъ письмѣ были приписки Малиновскаго, Стевена и Саврасова. Отъ 18 ноября 1829 года, говоря о Лицейской сходкѣ въ день годовщины, Энгельгардтъ перечисляетъ лицъ, живущихъ въ Петербургѣ, и упоминаетъ о Стевенѣ. Въ томъ же письмѣ онъ замѣчаетъ: «Стевенъ былъ у меня сейчасъ». Отъ 6 февраля 1830 г. Энгельгардтъ, говоря о болѣзни Саврасова, прибавляетъ: «Вчера (т. е. 5 февраля) былъ у него съ Стевеномъ; оба тебѣ посылаютъ дружескіе поклоны».

Лѣто Стевенъ обыкновенно проводилъ въ Финляндіи. Объ этихъ отлучкахъ часто упоминаетъ Энгельгардтъ въ письмахъ къ своимъ питомцамъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 5 сентября 1829 года онъ сообщаетъ Вольховскому: «Стевенъ прожилъ цѣлое лѣто въ Финляндіи и такъ откормился тамъ рѣпой, что платье узко стало; онъ возвратился на прошлой недѣлѣ къ намъ». Въ другомъ письмѣ отъ 22 сентября 1832 года онъ сообщаетъ Вольховскому: «Стевенъ забрался въ Финляндію; какъ обыкновенно не пишетъ ни строки, да и самъ не ѣдетъ; а ему слѣдовало быть сюда еще въ августѣ». Въ письмѣ отъ 10 іюля 1833 года онъ сообщаетъ Вольховскому: «Стевенъ, какъ и всегда поѣхалъ въ свою чухну на лѣто». О томъ же сообщалъ Яковлевъ отъ 4 января 1826 г. къ Вольховскому: «Стевенъ улетѣлъ на родину». А въ письмѣ отъ 6 іюля 1836 г. Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину: «Стевенъ сидитъ въ Чухнѣ и рѣпу ѣсть».

¹⁾ «Русск. Стар.» 1875 г., т. XIII, іюль, стр. 374.

Стевень оставался очень долго холостякомъ и Энгельгардту очень хотѣлось его женить, хотя Стевень нисколько не отказывался отъ женитьбы и даже былъ влюбленъ въ свою родственницу, но женитьба эта какъ то не клеилась. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ перепискѣ Энгельгардта съ Матюшкинымъ и Вольховскимъ, а также въ перепискѣ между товарищами мы находимъ очень обильный матеріаль о женитьбѣ Стевена.

Въ письмѣ Энгельгардта къ Вольховскому отъ 30 сентября 1827 года мы читаемъ: «Стевень уѣхалъ на недѣлю въ Чухонщину на свадьбу своей сестры; и ему, бѣдному, крѣпко хотѣлось бы жениться, но что то не клеится. Можетъ быть примѣръ брака Корфа поможетъ ему преодолѣть главное препятствіе. Мы намѣрены, по возвращеніи его попытаться, авось Богъ поможетъ».

Въ письмѣ отъ 23 ноября того же года Энгельгардтъ между прочимъ извѣщалъ Вольховскаго: «Корфъ женился¹⁾. Данзасъ также. Стевену крѣпко хочется послѣдовать ихъ примѣру; мы теперь затѣваемъ о томъ негоціацію; дай Богъ въ добрый часъ».

Мы упомянули выше, что Стевень былъ влюбленъ въ одну особу. Жениться на ней Стевену не позволяли разныя обстоятельства и въ особенности его близкое родство съ нею. По этому поводу Энгельгардтъ въ письмѣ отъ 22 марта 1828 г. пишетъ Матюшкину: «Вотъ и письмо отъ Штевена (Sic), чудо! Впрочемъ, бѣдный Штевень вянетъ и чахнетъ. Ты знаешь его старую сердечную болѣзнь и надежды относительно дочери Маркевича; это кончено; примѣръ Корфовой женитьбы на родной племянницѣ подаль и ему надежду успѣть; но нерѣшимость боязливаго отца, набожность Оберъ-Прокурора Синода кн. Мещерскаго и пр. и пр. и того бѣдному Стевену не позволили жениться и онъ теперь долженъ стараться изторгнуть изъ сердца то, что хранилъ и лѣлѣялъ въ ономъ столько лѣтъ. Ребиндеръ въ этомъ дѣлѣ поступалъ какъ благороднѣйшій человекъ».

Отъ судьбы не уйдешь и суженаго на конѣ не объѣдешь—это вполнѣ приложимо къ Стевену; въ концѣ концовъ онъ все-таки женился на Маркевичѣ, хотя мы видимъ много попытокъ со стороны Энгельгардта, его родныхъ, товарищей женить его на комъ-нибудь другомъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 22 января 1831 г. Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину: «Стевень живетъ теперь съ семейю; его сестра для воспитанія своихъ дѣтей переселилась сюда. Онъ все тотъ же; кажется имѣетъ намѣреніе къ тебѣ писать». Въ письмѣ отъ 18 марта 1831 г.: «Стевена мы было обще съ его сестрой старались женить, да онъ никакъ не дается подъ ладъ; видно останется eine alte Jungfer». А къ Вольховскому Энгельгардтъ пишетъ отъ 26 ноября

¹⁾ Корфъ женился на сестрѣ жены своего двоюроднаго брата.

1831 г.: «Стевена и Комовскаго вижу часто; и они что то не молодѣютъ; пора бы женить эту молодежь, пока не посѣдѣли». Отъ того же года, 4 декабря Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину: «Стевень старѣетъ; охота смертная жениться, да никакъ не соберется». Въ 1832 г. (28 мая) онъ пишетъ Матюшкину: «Стевень на прожнемъ мѣстѣ и крѣпко намѣренъ жениться». А 12 июня Энгельгардтъ извѣщалъ Матюшкина: «Стевень уѣхалъ въ Чухонію съ намѣреніемъ во что бы то ни стало жениться; но вѣроятно дѣло обойдется, какъ по нынѣ, и онъ останется eine alte Jungfer». Сообщая въ 1832 г. (24 ноября) Вольховскому, что Стевень получилъ мѣсто въ Канцеляріи Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, съ десяти тысячнымъ окладомъ, Энгельгардтъ прибавляетъ: «ужь если теперь не женится, то я его пошлю къ вамъ на Кавказъ». Въ 1833 году (13 августа) Энгельгардтъ пишетъ Вольховскому: «Стевень все еще собирается жениться и все еще холостъ. Яковлевъ также». Яковлевъ писалъ Вольховскому отъ 11 июня 1835 года: «Стевень твердитъ, что брачный союзъ необходимъ и уговариваетъ всѣхъ холостяковъ непремѣнно жениться. Онъ поживаетъ очень хорошо». Въ письмѣ отъ 27 ноября 1836 г., сообщая Матюшкину, что у Вольховскаго и у Малиновскаго родилось по дочери, Энгельгардтъ въ шутку замѣчаетъ: «Стевень отсталъ такъ, какъ и Чарп (сынъ Энгельгардта). Богъ вѣсть отъ чего у нихъ у обѣихъ (Sic) пальцы длинныя складныя; не такъ какъ у нѣкоторыхъ людей сокращенныя цилиндрики» (намекъ на короткіе пальцы Матюшкина).

Въ концѣ концовъ Стевень все-таки женился на своей кузинѣ— двоюродной сестрѣ. Онъ женился на дочери Генераль-Маіора Софіи Андреевнѣ Маркевичъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, намъ не извѣстенъ ни годъ, ни мѣсяць, когда этотъ бракъ состоялся. Можно положительно сказать, что бракъ этотъ былъ заключенъ до 24 января 1839 года, такъ какъ мы имѣемъ отъ этого числа письмо Энгельгардта къ Матюшкину, гдѣ онъ ему сообщаетъ: «У меня былъ Лицейской обѣдикъ. Суворчикъ, Корфъ и Стевень и Малиновской съ женами, Комовскій одинъ безродный». Слѣдовательно, основываясь на этомъ письмѣ, мы можемъ считать за достовѣрное, что до написанія этого письма Стевень

¹⁾ Генераль-Маіоръ Андрей Ивановичъ Маркевичъ 1-ый былъ Директоромъ 2-го кадетскаго корпуса. А въ формулярѣ его, составленномъ по 1 января 1827 г., значится, что ему было 56 лѣтъ отъ роду; слѣдовательно, онъ родился въ 1771 году. Что касается до его смерти, то въ книгѣ «Историческое обозрѣніе 2-го кадетскаго корпуса, изд. 1862 г.» сказано, что онъ умеръ въ концѣ 1832 г. послѣ 20-ти лѣтняго командованія корпусомъ. Относительно же его дочери Софіи Андреевны, жены Стевена, изъ формуляра ея отца видно, что 1 января 1827 г. ей было 25 лѣтъ; слѣдовательно она родилась 1802 г.

За сообщеніе мнѣ свѣдѣній о Маркевичѣ приношу глубокую благодарность г. Директору 2-го кадетскаго корпуса Генераль-Маіору Александру Карловичу Линдбергу.

былъ уже женатъ. Съ другой стороны, если судить по письму Модеста Андреевича Корфа, то можно думать, что Стевенъ былъ женатъ уже въ 1836 году, потому что Корфъ пишетъ Вольховскому въ письмѣ отъ 17 февраля 1837 года: «У Стевена нѣтъ еще дѣтей и этого одного—не достаетъ къ семейному его счастью».

Къ сожалѣнію, бракъ Стевена съ Софіей Андреевной Маркевичъ былъ бездѣтенъ и непродолжителенъ. Уже 15 октября 1839 года Энгельгардтъ сообщаетъ Вольховскому: «О пародѣ Лицейскомъ напишу что узнаю на сходкѣ; вѣроятно все хорошее и пріятное. Одну лишь вещь печальную сообщу, которую получилъ вчера: Стевенъ бѣдной пишетъ мнѣ изъ Выборга, что жена его *очень* больна. Мнѣ кажется у нее чахотка и ей жить нельзя. Жаль, очень жаль! Они такъ счастливы».

Жена Стевена скончалась въ сороковыхъ годахъ въ Выборгѣ 53-хъ лѣтъ отъ роду, по свѣдѣніямъ Статсъ-Секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго ¹⁾.

Въ нашемъ распоряженіи находится очень мало документовъ о Стевенѣ; мы имѣемъ всего нѣсколько собственноручныхъ писемъ его къ товарищамъ, а также одну—двѣ приписки его на письмахъ, писанныхъ другими товарищами. Какъ видно изъ приводимаго ниже письма, Стевенъ жилъ въ Петербургѣ, вскорѣ по выходѣ изъ Лицея, вмѣстѣ съ Вольховскимъ, поэтому ихъ дружба имѣла болѣе интимный характеръ, и мы находимъ нѣсколько писемъ Стевена къ Вольховскому, но въ этихъ письмахъ поражаетъ одно обстоятельство: тогда какъ всѣ однокурсники были между собою на «ты», въ письмахъ своихъ къ Вольховскому Стевенъ обращается къ нему на «вы». По отбѣздѣ Вольховскаго, его комнату у Стевена занялъ Малиновскій, вотъ почему въ одномъ изъ писемъ Малиновскаго къ Вольховскому отъ 14 ноября 1826 года мы находимъ въ письмѣ Малиновскаго приписку Стевена слѣдующаго содержания: «Если вы разберете письмо М-го (Малиновскаго), то узнаете à peu pres, что мы здѣсь дѣлаемъ; но о васъ, любезнѣйшій Вольховскій нп духу, ни слуху; это насъ тѣмъ болѣе беспокоитъ, что по всѣмъ нашимъ разсчетамъ мы уже давно могли имѣть отъ Васъ извѣстія—Вы же въ странѣ далекой, дикой и противъ непріятели весьма отважнаго,—какъ намъ о Васъ не заботиться?—Пишите, пишите поскорѣе. — Брата вашего я съ разлуки съ вами только одинъ разъ видѣлъ; но впрочемъ знаю, что онъ здоровъ.—При первой встрѣчѣ заставлю его къ вамъ писать и при удобномъ случаѣ доставлю къ

¹⁾ Если по формуляру ея отца въ 1827 году ей было 25 лѣтъ, то выходить, что она родилась въ 1802 г., приложивъ къ этому году 53 года ея жизни, мы получимъ годъ ея смерти—1855! Это невѣрно. Въ 1839 году ей было 37 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ ей не могло быть 53 года.

вамъ его письмо, и нѣсколько болѣе строчекъ отъ меня, чѣмъ я сегодня успѣлъ къ вамъ написать.—Будьте здоровы и счастливы.

Отъ всего сердца вашъ Стевень.

P. S. По требованію симъ свидѣтельствую, что Малиновскій достойный вашъ наслѣдникъ комнаты.—Кавказъ вылѣчилъ его въ корень; онъ общается и впередъ не грѣшитъ».

Переписка Стевена съ Вольховскимъ носить чисто дѣловой характеръ. Вольховскій, уѣзжая въ командировку, поручилъ Стевену заботиться объ его братѣ, о которомъ онъ и сообщаетъ ему въ письмахъ, а также Стевень исполнялъ для Вольховскаго всякія другія порученія. Изъ писемъ Стевена приведемъ здѣсь два письма, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи. Первое письмо отъ 8 мая 1830 г., а второе отъ 2 декабря 1833 г. Вотъ первое:

«Еще до полученія послѣдняго письма вашего, любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ, я отправилъ нѣсколько книгъ, а именно: «Contes de Guizot, Vorübungen, Robinson, книга для чтенія дѣтей, цѣною всего на 29 руб. 40 коп. по данному адресу въ Воронежъ; о реестрѣ же другимъ подобнымъ книгамъ я ничего не зналъ и потому не могъ прилечь; но если вы желаете, то легко таковой и нынѣ отправить по почтѣ.

«Братъ вашъ Констанція Дмит-чъ недѣли двѣтому назадъ присылалъ ко мнѣ за деньгами, которыхъ вы назначили ему выдать; но такъ какъ у меня тогда наличныхъ не было, то я и не могъ удовлетворить его требованію; нынѣ же получивъ опять нѣсколько денегъ я непремѣнно доставлю къ нему 200 руб.—Вашими сокровищами, любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ, я располагать не могу; онѣ все положены въ банкъ на ваше имя и *до возтребованія вашего*, слѣдственно чтобы получить ваши деньги нужно, чтобы вы на банковые билеты подписали на оборотѣ свое имя, впрочемъ если вамъ не нужно болѣе денегъ какъ до сего то я охотно буду платить, оныя изъ своихъ, а вы возвратите мнѣ сію ссуду при случаѣ.

«Егоръ Антоновичъ писалъ къ вамъ въ Москву чрезъ Данзаса; слѣдственно Вы уже знаете, что послѣднее письмо ваше было сообщено ему; а отъ него уже кому слѣдовало. Сердечно обрадуюсь, если узнаю, что Вы довольны новымъ назначеніемъ и особенно если оно дастъ вамъ случай пріѣхать сюда къ намъ. Вы ничего не упоминаете о своемъ здоровьѣ; надѣюсь, что это хорошій знакъ и что пріятное пребываніе въ кругу семейства вашего истребило пагубныя дѣйствія трудныхъ и продолжительныхъ походовъ.

«Изъ нашихъ давно никого не видѣлъ, но полагаю, что всѣ здоровы; Матюшкинъ возвратится сюда, какъ говорятъ, уже къ осени. У Дельвига родился сыночекъ.

Прощайте.— Остаюсь на всегда весь вашъ

Ф. Стевень.

Спб. 8 мая 1830 г.

(P. S.) Деньги выданы брату Вашему; онъ уже подалъ въ переводъ; 17 мая»¹⁾.

Другое письмо слѣдующаго содержанія:

«Малиновскій, зная мою приверженность къ вамъ, любезнѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ, сообщилъ мнѣ извѣстіе до васъ касающееся, которое меня искренно обрадовало. Я помню Марью Васильевну только ребенкомъ; но она воспитана попеченіемъ весьма нѣжной и умной тетки, выросла въ круга (Sic) почтеннаго семейства и кажется не избалована слишкомъ счастливыми обстоятельствами.—При выборѣ вашемъ вы руководствовались разсудкомъ, и таковой выборъ безъ сомнѣнія гораздо основательнѣе сердечнаго; посему, не сомнѣваясь въ будущемъ семейственномъ счастьи, которое по качествамъ вашимъ вы вполне заслуживаете, я отъ всего сердца поздравляю васъ и уже впередъ радуюсь при мысли присутствовать на свадьбѣ отъ которой я надѣюсь не исключать стариннаго товарища и друга Вашего.

«Предчувствуя, какъ будто, что вамъ придется пощеголять, я купилъ вамъ отличную звѣзду и французскую ленту; за первую заплатилъ я 75 руб., а за 2 ар. 2 вер. ленты 30 руб.—Посланныя къ вамъ предъ симъ вещи вы конечно уже получили, равно какъ и счетъ онымъ. Посему вы остаетесь мнѣ теперь должными всего 214 руб. 29 к.

«Егоръ Антоновичъ и Малиновскій къ вамъ не давно писали и вѣрно сообщили все, что можетъ васъ здѣсь интересовать; о себѣ же не могу вамъ сказать ничего, кромѣ того, что я всегда останусь искренно васъ любящимъ и почитающимъ

С т е в е н ь.

Спб. 2 декабря 1833 г.

(P. S.) Звѣзда и лента уже отправлены двѣ недѣли тому назадъ».

Еще одну приписку Стевена мы имѣемъ въ письмѣ Энгельгардта къ Матюшкину отъ 18 марта 1831 г., гдѣ Энгельгардтъ писалъ Матюшкину: «Мы сегодня съ обѣдавшими у меня Стевеномъ и Комовскимъ пили за здравіе новаго капитанъ-лейтенанта», т. е. Матюшкина, пожалованнаго этимъ чиномъ. На томъ же письмѣ Энгельгардта Стевенъ дѣлаетъ такую приписку: «Искренно обрадовался твоему производству, любезнѣйшій Федоръ Федоровичъ; лучшимъ доказательствомъ участія моего служить то, что я рѣшился приняться за перо, дабы поздравить тебя.—Помня, какъ, по полученіи Анны на шею, ты не отходилъ отъ моего зеркала и не давалъ мнѣ даже покойно бриться, я

¹⁾ Адр.: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Владиміру Дмитріевичу Вольховскому. (Помѣтка рукой Вольх.: «писано 21 іюня», т. е. Вольховскій отвѣчалъ ему 21 іюня.

весьма жалѣю, что не могу теперь служить зеркаломъ моимъ, дабы доставить тебѣ случай любоваться въ ономъ большими эполетами.—Съ Нордманомъ (?) мы часто вспоминаемъ о тебѣ; и на первомъ пароходѣ я отправлюсь въ Кронштатъ, дабы съ нимъ и съ Лавровымъ потолковать о добромъ и милымъ нашемъ Матюшкинѣ.—Весь твой Стевень».

Стевень, живя въ Петербургѣ, какъ мы уже выше сказали, былъ частымъ гостемъ у своего бывшаго директора Энгельгардта и во многомъ помогалъ ему въ устройствѣ празднованія лицейскихъ годовщинъ. Такъ, напримеръ, изъ письма Энгельгардта къ Матюшкину, отъ 29 ноября 1833 г. мы узнаемъ слѣдующее: «Здѣсь же напередъ отправимъ чугунную сходку у меня; хоть немного нашихъ, да есть, съ кѣмъ сердце отогрѣть: Стевень, Комовскій, Малиновскій, Корфъ, Яковлевъ, Илличевскій, Корниловъ,—прочіе отшатнулись».

Стевень и Комовскій, какъ видно, принимали дѣятельное участіе въ созывѣ своихъ товарищей и тѣмъ облегчали Энгельгардту хлопоты по устройству этихъ сходокъ. Такъ, въ письмѣ къ Матюшкину, отъ 24 ноября 1836 года, по поводу неудавшейся сходки этого года, Энгельгардтъ пишетъ ему, что «еслибъ были здѣсь Матюшкинъ, Малиновской, Вольховской, Корниловъ, то они бы подмогли Стевену и Комовскому устроить сходку Лицейскаго 25-лѣтія».

Какъ извѣстно, эта сходка все-таки состоялась, и первокурсники не согласились праздновать, какъ предлагалъ Энгельгардтъ, лицейскую годовщину тремя выпусками заразъ.

На этой юбилейной, двадцатипятилѣтней, сходкѣ былъ въ числѣ другихъ также Стевень.

На одной изъ сходокъ, на которой участвовалъ и Пушкинъ, а именно въ 1828 году, къ фамиліямъ подписавшихся прибавлены ихъ лицейскія клички. Стевень, какъ финляндскій уроженецъ, названъ «шведомъ» ¹⁾.

Интересна одна изъ этихъ сходокъ, бывшая въ 1824 году. Она замѣчательна для насъ тѣмъ, что состоялась въ квартирѣ у жившихъ вмѣстѣ Вольховскаго, Стевена и Яковлева. На этой сходкѣ было рѣшено по прошествіи десяти лѣтъ послѣ выпуска, т. е. въ 1827 году праздновать серебряную дружбу, а по прошествіи двадцати лѣтъ—золотую и увѣдомить о томъ отсутствующихъ товарищей, чтобы они могли прибыть къ этому сроку.

На этой сходкѣ Дельвигъ прочиталъ свое стихотвореніе:

«Семь лѣтъ пролетѣли, но дружба,
Ты та же у старыхъ друзей...»

¹⁾ О подробностяхъ см. въ статьѣ В. П. Гаевского: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время». «Отечественныя записки» 1861 г., т. СХХХІХ, стр. 29—41, а также «Лицейскія годовщины» въ книгѣ Я. К. Грота: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб. 1899 г., стр. 81—87.

Шли годы; измѣнялись жизненные пути бывшихъ воспитанниковъ Энгельгардта; большинство ихъ разбрелось по разнымъ концамъ Россіи и заграницы; очень многихъ уже не стало на этомъ свѣтѣ; наконецъ, самъ директоръ Лицея Энгельгардтъ одряхлѣлъ и сталъ не узнавать даже своихъ бывшихъ первокурсниковъ,—все это вмѣстѣ взятое давало поводъ Энгельгардту жаловаться на свою судьбу, на то, что забыли его первокурсники. Съ годами эта грустная пессимистическая нотка стала все болѣе и болѣе звучать. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ Матюшкину отъ 12 сентября 1841 года Энгельгардтъ сообщаетъ, что «Малиновскій и Стевень иногда пишутъ». А въ письмѣ отъ 7 января 1845 года Энгельгардтъ пишетъ тому же Матюшкину: «Изъ перво курсныхъ, здѣсь живущихъ у меня бываютъ только двое: Стевень часто, Комовскій иногда. Прочіе 3½ курса еще придерживаются стараго друга-директора».

Федоръ Христіановичъ Стевень скончался $\frac{1}{13}$ августа (по таблицѣ Вазашерна— $\frac{31 \text{ іюля}}{12 \text{ августа}}$) 1851 года въ Остенде въ Бельгіи, во время путешествія. Стевень не оставилъ послѣ себя дѣтей.

Оканчивая этотъ очеркъ, приведемъ отзывъ графа Модеста Андреевича Корфа о Стевенѣ:

«Федоръ Христіановичъ Стевень. Финляндскій уроженецъ съ основательнымъ умомъ, скромный, добрый и благородный, одинъ изъ лучшихъ моихъ пріятелей въ Лицеѣ. Съ самаго выпуска до сихъ поръ онъ служилъ при Финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ, а на дняхъ опредѣленъ губернаторомъ въ Выборгъ, съ пожалованіемъ въ 4 классъ. Женатъ на кузинѣ своей, дочери покойнаго начальника 2-го кадетскаго корпуса генерала Маркевича» ¹⁾.

¹⁾ Изъ «Дневника» барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. 1839 г. (гл. 2). — «Рус. Стар.». 1904 г., т. СХVІІІ, июнь, стр. 550.

9.

СЕРГѢЙ ДМИТРИЕВИЧЪ
КОМОВСКІЙ.

Сергѣй Дмитріевичъ
КОМОВСКІЙ.

Сергѣй Дмитріевичъ Комовскій

(Род. 1 іюля 1798 г. † 8 іюля 1880 г.).

«Добрый малый отличный сынъ и братъ,
и вѣрный, надежный пріятель».

М. А. Корфъ.

Свой родъ Комовскіе ведутъ отъ польскаго шляхтича Яна Космовскаго, которому Сигизмундъ III пожаловалъ въ 1621 году помѣстье въ Смоленскомъ воеводствѣ. Внуки Яна Космовскаго поступили въ русское подданство въ 1665 году, а одинъ изъ правнуковъ, Осипъ Борясовичъ, переселился въ Малороссію и сталъ писаться Комовскимъ. Собственно, Комовскіе — дворяне Черниговской губерніи, но родъ Комовскихъ внесенъ въ VI часть родословной книги С.-Петербургской губерніи ¹⁾.

Сергѣй Дмитріевичъ Комовскій, сынъ Коллежскаго Совѣтника, ²⁾ родился въ 1798 г. (именины его были 5 іюля) ³⁾, поступилъ въ только что открытый Императорскій Царскосельскій Лицей, блистательно выдержавъ экзамень 12 августа 1811 г. Отмѣтки его на этомъ экзаменѣ представляются въ слѣдующемъ видѣ: въ грамматическомъ познаніи языковъ было отмѣчено: русскаго — «очень хорошо», французскаго и нѣмецкаго — «хорошо»; въ ариѳметикѣ и познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. физикѣ — «хорошо»; въ

¹⁾ См. «Изъ бумагъ Статсъ-Секретаря А. Д. Комовскаго» (переписка его съ разными лицами). Сообщила Княгиня А. А. Голицына, Графиня Остерманъ. «Русская Старина», 1897 г., т. XC, июнь, стр. 499.

²⁾ Матеріалы для исторіи Лицея, И. Селезневъ. 1856 г. Памятная книжка Лицея на 1856 и 1857 г.г., стр. 29. Отецъ Комовскаго умеръ въ 1831 г., какъ это видно изъ письма М. Л. Яковлева къ Пушкину отъ 23 іюля 1831 г. изъ С.-Петербурга. Сочиненія Пушкина, изд. Императ. Академіей Наукъ. Переписка. Подъ редакціей В. И. Саятова. Спб. 1908 г., т. II, стр. 288.

³⁾ Въ формулярномъ спискѣ Комовскаго, какъ Правителя Канцеляріи Совѣта Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, составленномъ въ 1842 г. сказано, что отъ роду ему 42 года; а въ формулярѣ Комовскаго, выданномъ изъ Канцеляріи Государственнаго Совѣта въ 1853 г., сказано, что Комовскому 53 года, слѣдовательно, на основаніи обоихъ этихъ формуляровъ можно признать, что онъ родился въ 1800 году. На основаніи же свѣдѣній, сообщаемыхъ Мартыномъ Пилецкимъ-Урбановичемъ въ отчетѣ отъ 19 ноября 1812 г., гдѣ говорится, что Комовскому въ то время было 13 лѣтъ, должно признать годомъ его рожденія 1799 г. Между тѣмъ изъ его собственноручнаго дневника выходитъ, что онъ родился 1 іюля 1798 года (см. К. Я. Гротъ: «Пушкинскій Лицей» (1811—1817). Бумаги 1-го курса, собранныя академикомъ Я. К. Гротомъ. Спб., 1911 года, стр. 5).

начальныхъ основаніяхъ географіи и въ начальныхъ основаніяхъ исторіи—
<очень хорошо> ¹⁾.

Въ своемъ дневникѣ Комовскій замѣчаетъ, что онъ вступилъ въ Лицей
18 октября 1811 г. на 13-мъ году отъ роду.

Поступивъ въ Лицей, Комовскій пользовался уже почти съ самаго начала
расположеніемъ гувернеровъ. Отъ 6 сентября 1814 г. мы имѣемъ письмо
гувернера Чирикова къ воспитаннику Комовскому, въ которомъ обрисовы-
ваются отношенія этого воспитателя къ первокурсникамъ Лицея. Отношенія
эти были патріархальны и доброжелательны. Такъ, напримѣръ, воспользовав-
шись отъѣздомъ Чирикова въ Петербургъ для леченія глазъ, Комовскій даетъ
ему разныя порученія въ Петербургъ. Это нисколько не шокируетъ гувернера
Чирикова, напротивъ, онъ даже называетъ его уменьшительнымъ именемъ
<Комочикъ> и пеняетъ ему, что онъ не увѣдомляетъ его о Лицейскомъ
житьѣ-бытьѣ. Все письмо это настолько интересно, что мы позволимъ себѣ
его привести цѣликомъ, заимствовавъ примѣчанія къ нему у Я. К. Грота.
Вотъ что пишетъ Чириковъ Комовскому:

<Любезный Сергѣй Дмитріевичъ.

<Встревоженный Вашимъ письмомъ, полученнымъ мною 26 августа, я
поспѣшилъ на другой день къ вашимъ родителямъ, нашелъ ихъ въ добромъ
здоровьѣ и вручилъ отъ васъ письмо, писанное вами 10 августа, котораго,
по причинѣ безвыходнаго пребыванія моего въ горницѣ, прежде вручить имъ
не могъ. Батюшка вашъ увѣдомилъ меня, что въ прошедшее воскресенье
былъ въ Лицеѣ, что вы находитесь здоровы и пр. и пр. Мнѣ весьма жаль,
что никакого не получаю извѣстія въ разсужденіи моего здѣсь долгаго пре-
быванія, т. е. мнѣ бы хотѣлось знать, не гнѣвается ли на меня Степанъ Сте-
пановичъ ²⁾ и какого онъ о мнѣ по сему обстоятельству мнѣнія... даже и
Комочикъ ³⁾ меня о семъ при всей своей откровенности до сего времени не увѣдомилъ.

<Я время провождаю здѣсь въ большой скукѣ: заниматься ничѣмъ не
могу, словомъ, я бы крайне желалъ поскорѣе оставить Петербургъ и возвра-
титься къ моей должности. Глаза мои слава Богу лучше, но все слабы и я
думаю, что и по приѣздѣ моемъ въ лицей, не вдругъ примусь я за труды.

<Въ минуты, въ кои съ вами я бесѣдую, бесѣдую также съ Фотіемъ
Петровичемъ ⁴⁾ и Алексѣемъ Николаевичемъ ⁵⁾ и минуты сіи для меня

¹⁾ Матеріалы для исторіи Лицея. И. Селезневъ, 1856 годъ, прил. къ
стр. XI; см. Памятная книжка Лицея на 1856—1857 г.

²⁾ Фроловъ, инспекторъ, исправлявшій временно должность директора.

³⁾ Т. е. самъ Комовскій.

⁴⁾ Калиничевъ, учителемъ чистописанія и гувернеромъ.

⁵⁾ Иконниковымъ, тогда уже вышедшимъ изъ Лицея.

весьма пріятны, говоримъ о васъ и пр. и пр. Но извините, мы идемъ всѣ трое въ Академію Художествъ смотрѣть различныя произведенія любителей художествъ. Жаль, весьма жаль, что васъ съ нами нѣтъ. Прощайте.

«Увѣдомьте Ѳедора Ѳедоровича ¹⁾), что я нигдѣ не нашолъ такого ножа, какой ему угоденъ: всѣ тѣ кои я видѣлъ у Курапцова и у прочихъ продавцовъ, всѣ тѣ, повторяю, ножи безъ шиль, и я съ прискорбіемъ возвратился домой.

«Кланяйтесь пожалуйста (Sic) отъ меня любезнымъ вашимъ товарищамъ кн. Ал. Мих. Горчакову, Вл. Дм. Вольховскому, Сем. Сем. Есакову, Арк. Ив. Мартынову, Матюшкину и пр. — Илличевскому, Пущину и Малиновскому и пр. скажите или лучше извините меня предъ ними что я никому изъ нихъ особенно не писалъ: мнѣ по слабости глазъ моихъ опасно.

«Съ любовію къ вамъ пребываю
вашъ усердный Чириковъ.

«P. S. На будущей недѣль я буду имѣть удовольствіе васъ лично видѣть и потому вамъ надобности нѣтъ въ адресѣ» ²⁾).

Мы имѣемъ нѣсколько отмітокъ профессоровъ и воспитателей за шестилѣтній періодъ пребыванія Комовскаго въ Царскосельскомъ Лицеѣ.

Въ отміткахъ, оставленныхъ намъ профессоромъ Россійской и Латинской словесности Николаемъ Кошанскимъ, за время съ 23 октября 1811 г. до 15 марта 1812 г. Комовскій поставленъ имъ 15 ученикомъ изъ тридцати. О немъ онъ пишетъ: «Сергѣй Комовскій, имѣеть очень счастливыя способности, его прилѣжаніе и усердіе къ наукѣ достойны истинной похвалы, а успѣхи въ обоихъ языкахъ очень надежны и тверды». Тотъ же профессоръ Кошанскій, въ отзывѣ объ успѣхахъ воспитанниковъ съ 15-го марта по 15 октября 1812 года, ставитъ Комовскаго уже 10 воспитанникомъ и даетъ почти дословно тотъ же отзывъ: «Сергѣй Комовскій *одаренъ* очень счастливыми способностями, его прилѣжаніе и усердіе къ наукамъ достойны истинной похвалы: а успѣхи въ обоихъ языкахъ очень надежны и *хороши*. (Мы подчеркнули тѣ выраженія, которыя не встрѣчаются въ предыдущемъ отзывѣ). Наконецъ, тотъ же Кошанскій въ своемъ спискѣ объ успѣхахъ воспитанниковъ съ 1 августа до 15 декабря 1813 года помѣщаетъ Комовскаго шестнадцатымъ воспитанникомъ по успѣхамъ и отзывается о немъ дословно такъ же, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ. Въ собственноручномъ спискѣ Кошанскаго объ успѣхахъ въ русскомъ и латинскомъ языкахъ отъ 9 іюля 1813 г.

¹⁾ Матюшкина.

²⁾ Я. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб. 1899 г., стр. 278—279.

онъ раздѣляетъ воспитанниковъ на нѣсколько категорій: первые—превосходные, вторые—отличные, третьи—хорошіе и четвертые—посредственные. Кошанскій ставитъ Комовскаго четвертымъ воспитанникомъ (изъ 9-ти) въ категорію отличныхъ.

Мартынъ Пилецкій въ Отчетѣ о поведеніи и свойствахъ г.г. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея отъ 19 ноября 1812 г. даетъ такой отзывъ о Комовскомъ: 1.

«Комовскій (Сергѣй) 13-ти лѣтъ. Съ изрядными дарованіями. Онъ благонаправенъ, скромнень, чувствителенъ, крайне ревнителенъ къ пользѣ своей, послушенъ безъ прекословія, любопытенъ, любитъ чистоту и порядокъ, пристрастенъ ко всѣмъ гимнастическимъ упражненіямъ, проворенъ, ловокъ, переимчивъ; въ обращеніи любезенъ и остороженъ при своей живости; весьма прилѣженъ» 1).

Гувернеръ Чириковъ, въ своемъ списокѣ о свойствахъ и поведеніи воспитанниковъ Лицея отъ 30 сентября 1813 года, аттестуетъ Сергѣя Комовскаго въ слѣдующихъ словахъ: «Благонаправенъ, искрененъ, чувствителенъ, вѣжливъ, ревнителенъ къ пользѣ своей, пристрастенъ ко всѣмъ гимнастическимъ упражненіямъ. Любопытство, чистота, опрятность и *насмтыливостъ* суть особенныя его свойства. Также весьма бережливъ».

Иностранные преподаватели даютъ о Комовскомъ слѣдующіе отзывы.

Гауеншильдъ, преподаватель нѣмецкаго языка, отъ 31 марта 1812 г. пишетъ о немъ: «Komoffsky. Très bon écoliers (sic), faisant toujours bien son devoir, et promettant de grands progrès».

Преподаватель французскаго языка де-Будри ставитъ Комовскаго въ третью категорію воспитанниковъ (всего четыре категоріи) и пишетъ о немъ слѣдующее: «Komofsky, Il a fait beaucoup des progrès, et son application ne s'est pas démontie un instant».

Гауеншильдъ въ своемъ второмъ рапортѣ, отъ 19 ноября 1812 г. помѣщаетъ Комовскаго въ число превосходныхъ воспитанниковъ и даже подъ однимъ общимъ номеромъ вмѣстѣ съ Кюхельбекеромъ, Гревеницемъ, Стевенемъ и Корфомъ.

Наконецъ, профессоръ историческихъ наукъ Иванъ Кайдановъ, за время съ 1 ноября 1812 г. по 1 января 1814 года, ставитъ Комовскаго пятнадцатымъ ученикомъ изъ двадцати девяти и даетъ о немъ слѣдующій отзывъ: «Сергѣй Комовскій, прилѣжаніемъ своимъ вознаграждаетъ недостатокъ великихъ дарованій, и сему прилѣжанію одолженъ очень хорошими успѣхами. Поведенія весьма хорошаго и во всемъ подаетъ о себѣ пріятную надежду».

Таковы отзывы профессоровъ и преподавателей за шестилѣтнее пребываніе Комовскаго въ Лицеѣ.

1) «Лицейскій Журналъ». Годъ восьмой IV, 1910—1911 г.г., стр. 30.

Къ сожалѣнію, Комовскій, какъ кажется, не принималъ участія въ литературной и поэтической дѣятельности своихъ однокурсниковъ. Въ изданіи журналовъ и къ другимъ литературныхъ «шалостяхъ» онъ былъ непричастенъ; по крайней мѣрѣ, намъ не привелось встрѣтить его имя среди поэтическихъ упражненій лицействъ.

Хотя Комовскій и не принималъ участія въ литературной и поэтической дѣятельности лицействъ, все таки онъ не былъ совершенно чуждъ литературы: въ стѣнахъ Лицея Комовскій писалъ дневникъ. Этотъ дневникъ былъ переданъ Комовскимъ въ 1875 году на лицейскомъ обѣдѣ академику Я. К. Гроту вмѣстѣ съ другими бумагами. Объ этомъ дневникѣ Гротъ говоритъ слѣдующее: «Въ этихъ запискахъ онъ является молодымъ человѣкомъ, очень добросовѣтнымъ, набожнымъ, искренно стремящимся къ самоусовершенствованію» ¹⁾).

Дневникъ Комовскаго относится къ 1815 году, и обнимаетъ время, начиная съ 14 марта по 18 апрѣля. Несмотря на восторженный отзывъ Константина Яковлевича Грота, на мой взглядъ, дневникъ этотъ вовеки не заслуживаетъ такого вниманія къ себѣ. Конечно, въ немъ разбросаны драгоценныя черточки Лицейскаго быта—и въ этомъ отношеніи онъ очень драгоцененъ для насъ, но въ общемъ онъ производитъ впечатлѣніе неискренности набора фразъ, по всѣмъ вѣроятіямъ заимствованныхъ, и разсужденій, отзывающихся риторикою во вкусѣ профессора Кошанскаго. Дневникъ этотъ начинается съ 14 марта, дня причащенія. Вначалѣ идетъ очень длинное разсужденіе о своихъ грѣхахъ, о всѣхъ проступкахъ, имъ совершенныхъ. Онъ касается въ своихъ грѣхахъ не только 14 марта, но и 15, 16, 17 и 18. Этотъ порывъ покаянія лишалъ его сна и онъ приписываетъ эту бессонницу святой волѣ Всевышняго, которая караетъ его за проступки, содѣянные имъ. Такая бессонница продолжалась у него нѣсколько дней. Ему приходитъ на умъ фактъ поступленія одного его знакомаго молодого человѣка въ духовное званіе и это даетъ ему поводъ восхвалять подобный поступокъ. Онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Ахъ! бѣдный человѣкъ, подумалъ я; какъ? перемѣнить ту живость, которая одушевляетъ свѣтъ, тѣ удовольствія, забавы, которыя соединены съ свѣтской жизнью,—все это перемѣнить на жизнь уединенную, единообразную, и отъ того унылую и скучную!—О, безумный! какъ могъ ты такъ разсуждать! Боже, прости моимъ заблужденіямъ. Что можетъ быть, напротивъ того, для человѣка блаженнѣе того состоянія, какъ когда онъ, удалясь отъ мірскихъ суетъ, посвящаетъ всю жизнь свою на служеніе единому Богу; когда онъ, какъ добрый пастырь, старается лишь о благѣ стада, ему самимъ Хри-

²⁾ Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб., 1899 г., стр. 281.

«томъ вѣрннана. Какихъ пропастей, коварствомъ и злобою поставленныхъ ему въ свѣтъ, избѣгнулъ онъ удаленіемъ отъ онаго».

Подобный аскетическій взглядъ, если онъ искрененъ, вполне ненормаленъ для здороваго мальчика. Разсужденіями душеспасительными наполнены и дальнѣйшія строки его дневника. Подобныя разсужденія являются риторическими фразами, къ тому же неискренними и вѣроятно заимствованными изъ чужихъ сочиненій. Но зато, какъ я уже сказалъ, среди этого болѣзненнаго бреда встрѣчаются бытовыя черты лицейской жизни. Такъ, напримѣръ, весьма интересны его воспоминанія о дружбѣ со своимъ товарищемъ Модестомъ Корфомъ... «гдѣ можемъ мы найти лучшаго друга, какъ не посреди тѣхъ, съ коими мы учимся, играемъ и забавляемся, — словомъ, посреди милыхъ товарищей счастливой юности нашей. Проводя съ ними часы, дни, мѣсяцы и цѣлыя годы, видя поступки ихъ во всевозможныхъ встрѣчающихся обстоятельствахъ, видя ихъ склонности и навыки, недостатки, потребности и вмѣстѣ хорошія свойства, видя и примѣчая все это, мы легко и съ вѣрностью познаемъ ихъ настоящій характеръ, ихъ душу и сердце. Ахъ! и мое сердце наслаждалось нѣкогда сладостями счастливой дружбы, и я имѣлъ друга въ Модестѣ Корфѣ. Это было въ первомъ году моего въ Лицеѣ пребыванія. Получивъ особенную и непримѣтнымъ образомъ одинъ къ другому привязанность, долгое время испытывали мы другъ друга, не зная еще взаимнаго расположенія. Между тѣмъ невинная страсть сія болѣе и болѣе воспламенялась въ юныхъ сердцахъ нашихъ, и мы, наконецъ, (об)изъяснились въ тайныхъ, но одинаковыхъ мысляхъ нашихъ и заключили вѣчный союзъ дружбы.

Съ сего времени судьба моя сплелась съ судьбою Корфа, всѣ радости сдѣлались для меня вдвое пріятнѣе, и всѣ горести гораздо сноснѣе. Тутъ уже ни на минуту не разставались мы другъ съ другомъ; каждая мысль, каждое даже намѣреніе было уже извѣстно другому. Его кроткій нравъ, его чистосердечіе, откровенность, чувствительность, простота, нѣжность и особливо невинность восхищали меня счастливымъ симъ выборомъ. Черты лица его были пріятны; какая-то откровенность, простота и невинность изображались на ономъ. Подобно свѣтлomu ручью, сквозь чистую воду коего можно видѣть все дно онаго, такъ чиста была душа его.

Бывъ четыре года въ такомъ училищѣ, гдѣ были всякаго рода дѣти, я зналъ всѣ опасности, предстоящія молодому неопытному юношѣ, когда онъ находится въ кругу другихъ, какъ добрыхъ, такъ и худыхъ дѣтей. Посему я всячески старался сохранить въ немъ безпорочность нрава и предостеречь его отъ пропастей, могущихъ ему встрѣтиться; онъ же съ своей стороны истреблялъ во мнѣ худыя наклонности и переселялъ, такъ сказать, хорошія свои качества изъ своего въ мое сердце. Такимъ образомъ счастье мое, казалось, утверди-

лось навсегда, я блаженствовалъ и почиталъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Всё находили удивительное сходство въ нашихъ нравахъ. Товарищи завидовали счастливой дружбѣ нашей и въ шутку называли насъ Демонѣмъ и Питіасомъ; но счастье непостоянно, и неожиданный переворотъ въ судьбѣ моей имѣлъ великое вліяніе на мой характеръ» ¹⁾).

Но дружба эта разстроилась подъ вліяніемъ товарищей, разѣдинившихъ друзей и Демонѣмъ искусителемъ бѣднаго Модеста Корфа былъ не какой-нибудь Гурьевъ, но самъ Иванъ Ивановичъ Пущинъ, которому это увлеченіе не мѣшало, однако, еще на лицейской скамьѣ, быть членомъ артели будущихъ декабристовъ. Въ біографическомъ очеркѣ Пушкина мы коснемся этого эпизода. Подобная измѣна друга вызываетъ на страницахъ дневника Комовскаго цѣлый потокъ самобичеванія и ригорическаго анализа своего душевнаго состоянія. Къ этому времени наступилъ великій постъ, Комовскій вновь впадаетъ въ религіозный трансъ и наполняетъ страницы дневника разсужденіями о высокыхъ матеріяхъ. Мы не станемъ цитировать далѣе содержаніе дневника Комовскаго. Сказаннаго совершенно достаточно, чтобы понять, что подобный юноша, будь онъ даже совершенно искреннимъ въ своемъ дневникѣ, не можетъ быть любимъ своими товарищами. И Комовскій не скрываетъ въ своемъ дневникѣ, что онъ не пользовался любовью своихъ товарищей. Они давали ему разные прозвища, называли его «смола», «листочка» и проч., за его два главныхъ порока, которыхъ онъ, впрочемъ, и не скрываетъ, за «насмѣшку» и «охоту привязываться». Пороки эти остались у него до старости. Несмотря на эти прелести своего характера, Комовскій разыгрывалъ изъ себя какого-то моралиста, цензора и исправителя нравовъ молодежи; онъ надѣдалъ своимъ товарищамъ своимъ непрощеннымъ менторствомъ. И если эти правочученія его не дѣйствовали на товарищей, то онъ «прибѣгалъ иногда къ помощи начальства, особливо открывался я во всемъ столь меня любящему губернѣру» (С. Г. Чирикову). За такое похвальное рвеніе товарищи, весьма резонно, величали его «фискаломъ» — и это Комовскій имѣетъ наивность или глупость не понимать. Мы читаемъ въ его дневникѣ: «дни эти протекли, какъ обыкновенно. Та же разсѣянность и то же невниманіе во время молитвы, которой продолжительность, вмѣсто того, чтобы, какъ бесѣда съ Богомъ, (должна) быть весьма пріятною, иногда мнѣ наскучала. Несмотря на то, что я сколько можно старался вести себя осторожно, насмѣшки и привязчивость не совсѣмъ меня оставляли. Пренебреженіе ко всему священному, неблагодарность, грубость и дерзкіе разговоры съ начальниками, надмонность, тщеславіе, раболѣпство, лесть, подлое обхожденіе и стремленіе ко всему худому, и множество подобныхъ по-

¹⁾ Дневникъ С. Д. Комовскаго изъ книги К. Я. Грота «Пушкинскій Лицей», стр. 14—15.

роковъ нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей вселяли въ меня такія худыя мысли и намѣренія, отъ коихъ нерѣдко я съ трудомъ только могъ освободиться. Иногда раздраженъ будучи сими гнусными поступками, я выходилъ изъ себя и бранился съ виновниками оныхъ; но увѣщанія отъ товарища не могутъ произвести никакого хорошаго послѣдствія; они только раздражаютъ надменность и безразсудное самолюбіе. Итакъ я прибѣгалъ иногда къ помощи начальства, особливо открывался я во всемъ столь меня любящему гувернеру¹⁾ и за сіе называли меня ябедникомъ, фискаломъ и проч. Но пустыя слова сіи нимало меня не огорчали, поелику я дѣлалъ это сіе единственно для ихъ собственной пользы и вмѣстѣ для общей; ибо худое поведеніе нѣкоторыхъ, какъ нѣкая язва, заражала и прочія, прежде невинныя сердца»²⁾).

9 іюня 1817 года Комовскій окончилъ курсъ Лицея и опредѣлился въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія съ чиномъ титулярнаго совѣтника.

Объ этомъ сообщаетъ Энгельгардтъ Матюшкину въ письмѣ отъ 20 декабря 1817 г. изъ Царскаго Села: «Стевенъ и Комовскій служатъ въ нашемъ Департаментѣ, гдѣ ими весьма довольны». «Нашимъ» Департаментомъ Энгельгардтъ называетъ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія.

При новомъ образованіи Департамента Комовскій помѣщенъ Старшимъ Помощникомъ Столоначальника—1818 г. февраля 13.

Награжденъ былъ единовременно:

300 р.	1819 г. Апрѣля 24.
500 >	1820 > Апрѣля 17.
250 >	1821 > Февраля 12.

Энгельгардтъ въ письмѣ къ Матюшкину отъ 13 марта 1818 г. сообщаетъ относительно этого слѣдующее: «Департаментъ нашъ получилъ новое образованіе, по которому наши Стевенъ и Комовскій сдѣлались старшими помощниками столоначальниковъ съ жалованьемъ по 1.000 р. Самъ же Департаментъ переведенъ въ Шукинъ домъ въ Чернышевъ переулокъ».

Когда въ 1820 году сгорѣлъ Лицей, то бывшіе его питомцы I курса пріѣхали къ своему старому Директору, чтобы раздѣлить съ нимъ ихъ общее горе. Въ числѣ ихъ былъ и Комовскій.

5 декабря 1821 г. Комовскій Всемилостивѣйше пожалованъ въ Коллежскіе Ассесоры, со старшинствомъ съ 10 іюня 1821 года.

Служба Комовскаго въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія не была оцѣнена по его заслугамъ. Изъ письма Энгельгардта къ Матюшкину отъ 10 сентября 1820 г. мы узнаемъ слѣдующее: «Комовскій бѣдный измучился Департаментскою работою и мистическими переводами, которыми его

¹⁾ С. Г. Чирикову.

²⁾ «Шукинскій Лицей», стр. 21.

завалили и за которые онъ въ 3¹/₂ года ничего не получилъ; поэтому неудивительно что Комовскій оставилъ службу въ Департаментѣ».

Изъ письма Энгельгардта къ Матюшкину отъ 9 февраля 1821 года мы узнаемъ, что по случаю прїѣзда Яковлева въ Царское Село, къ Энгельгардту, у него собралось нѣсколько однокашниковъ, въ числѣ ихъ, былъ и Комовскій.

Отъ 27 июня 1821 г. (кстати, письмо это Матюшкинъ получилъ 14 декабря 1821 г.) Энгельгардтъ, оканчивая письмо свое, дѣлаетъ слѣдующую довольно оригинальную приписку: «Вотъ благо попался подъ лапу Комовскій; садись! пиши.—Однако, къ кому?—Къ Матюшкину.—И Комовскій сидитъ и пишетъ, и объявлено ему, чтобы онъ непременно исписалъ всѣ 4 страницы. За этимъ дѣло не станетъ, онъ такой же болтунъ на бумагѣ, какъ и на языкѣ. Между тѣмъ, однако, доброй малый. Братъ его ¹⁾ нынѣ изъ пансіона выпущенъ съ золотою медалью, которую онъ грудью взялъ, ибо кромѣ истиннаго достоинства и заслугъ ничего не употреблялъ. Есть тамъ и люди, которые отличены за отцовскіе рубли».

По Высочайшему повелѣнію блаженнаго памяти Государыни Императрицы Маріи Феодоровны и всеподданнѣйшему докладу Совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ Комовскій 18 Августа 1823 г. былъ определенъ Правителемъ Канцеляріи отъ Совѣта, считая со дня состоянія Высочайшаго о томъ повелѣнія.

По представленію бывшаго Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Всемиловнѣйше пожалованъ Кавелеромъ ордена Св. Анны 3-го кл.—1824 г., февраля 3-го.

Объ этой наградѣ Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину въ письмѣ отъ 28 февраля 1824 г., въ которомъ пишетъ, что Комовскій получилъ Анну въ петлицу.

По его же Г. Министра приказанію, согласно собственному прошенію, уволенъ отъ должности старшаго помощника начальника стола съ оставленіемъ при Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія для разныхъ порученій безъ жалованья—1824 г., февраля 9-го.

Вслѣдствіе приказанія того же Г. Министра, объ отраженіи способныхъ чиновниковъ для производства дѣлъ по учрежденнымъ при Министерствѣ двумъ временнымъ Комитетамъ, назначенъ отъ Департамента дѣлопроизводителемъ такового Комитета для составленія инструкціи Визитаторамъ Университетовъ и для соображенія проектовъ плана народнаго просвѣщенія—1825 г., января 2-го.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества рескрипту, на имя бывшаго тогда Г. Министра послѣдовавшему, по примѣру прочихъ чиновни-

¹⁾ Василій Дмитріевичъ, о которомъ будетъ ниже.

ковъ для особыхъ порученій, назначено ему, Комовскому, сверхъ получаемаго отъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ жалованья, еще по 1500 руб. изъ хозяйственныхъ суммъ Департамента—1826 года, января 15.

По предстательству Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4 ст.—1826 г. апрѣля 13-го.

Согласно представленію Г. Министра за выслугу узаконенныхъ лѣтъ по опредѣленію Правительствующаго Сената Комовскій произведенъ въ Надворные Совѣтники со старшинствомъ съ 1826 г., іюня 10-го.

По приказанію Г. Министра назначенъ Правителемъ дѣлъ Высочайше учрежденнаго Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ пособій — 1826 г., іюля 2-го.

По предстательству Государыни Императрицы Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Анны 2-го класса—1828 г. марта 27-го.

По Высочайшему повелѣнію о распредѣленіи всѣхъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ изъ Департамента Народнаго Просвѣщенія перечисленъ въ Совѣтъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ—1831 года, января 21-го.

Съ разрѣшенія Г. Министра оставленъ при Комитетѣ безъ жалованья—1831 г., февраля 6-го.

За службу при Совѣтѣ Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2 класса съ Императорскою короною—1831 г., апрѣля 19-го.

По удостоеніи Комитета г.г. Министровъ объявлено Высочайшее благоволеніе чрезъ Министерство Народнаго Просвѣщенія—1832 г., января 30.

За выслугу лѣтъ произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники со старшинствомъ съ 1832 г., іюня 10-го.

Знака отличія безпорочной службы удостоенъ за выслугу въ 1832 году XV лѣтъ—1833 г., августа 22.

За службу при совѣтѣ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ—1835 г., апрѣля 7-го.

Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Станислава 3 степени—1837 г., апрѣля 18-го.

Пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3 степени—1839 г., мая 19-го.

Знака отличія безпорочной службы за XX лѣтъ, съ узаконеннымъ старшинствомъ, удостоенъ 1839 г., августа 22-го.

По случаю поѣздки за границу и въ южныя губерніи Россіи, съ Высочайшаго Государыни Императрицы соизволенія, получилъ на путевыя издержки 900 руб. сер. изъ кассеты Общества—1840 г., іюля 16-го.

По случаю увольненія отъ званія Правителя Канцеляріи Совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія получилъ въ единовременное награжденіе изъ кассетнаго капитала онаго Общества 942 руб. сер.—1841 г., декабря 13-го.

О службѣ Комовскаго въ Смольномъ Институтѣ мы имѣемъ свѣдѣнія въ перепискѣ Энгельгардта съ Матюшкинымъ и Вольховскимъ, а также въ письмахъ Яковлева къ Вольховскому за разные годы. Такъ напримѣръ въ въ письмѣ отъ 25 февраля 1829 г. Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину: «Комовскій-Мартышка—живетъ какъ сыръ въ маслѣ, между всеми дамами Смольнаго Монастыря».

Въ письмѣ отъ 7 апрѣля 1830 г. упоминается также о Комовскомъ. Энгельгардтъ говоритъ: «Комовскій-мартышка, какъ всегда, беретъ помаленьки (у) чинишки, крестишки и тому подобное и играетъ довольно важную роль; онъ правитель канцеляріи въ Смольномъ, правитель дѣлъ въ двухъ ученыхъ Комитетахъ и пр.».

Отъ 22 января 1831 г. Энгельгардтъ пишетъ: Комовскій управляетъ Смольнымъ монастыремъ; *il fait les délices de toutes les vieilles demoiselles de la communauté*—впрочемъ, въ двухъ крестахъ».

Товарищъ же Комовскаго Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ пишетъ о немъ Вольховскому въ письмѣ отъ 4 ноября 1829 г. слѣдующее: «Комовскій Надворный Совѣтникъ Анны 2 ст. и Владимира 4-й кавалеръ; Правителемъ Канцеляріи при Обществѣ благородныхъ дѣвицъ. На всѣхъ публичныхъ гуляньяхъ является верхомъ въ свѣтло-гороховомъ сертукѣ съ орденскою лентою въ петлицѣ, а обыкновенно ѣдитъ въ кабриолетѣ на монастырской водовозной лошади; впрочемъ, всегда добрый и услужливый товарищъ».

Въ 1826 г., 4 Января, Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ оповѣщаль своего друга Вольховскаго о служебномъ положеніи своихъ товарищей. О Комовскомъ онъ пишетъ слѣдующее: «Комовскій, лисичка, по прежнему служить хорошо, кромѣ должности по Смольному монастырю, онъ участвуетъ (Sic) въ занятіяхъ по Министерству Просвѣщенія.

Мы имѣемъ еще одинъ отзывъ о Комовскомъ, сдѣланный его товарищемъ М. А. Корфомъ въ своемъ дневникѣ. Вотъ что пишетъ о Комовскомъ Корфъ: «Сергѣй Дмитріевичъ Комовскій. Добрый малый, отличный сынъ и братъ, и вѣрный надежный пріятель. Числясь въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, онъ служилъ сперва въ разныхъ временныхъ комитетахъ, комиссіяхъ и проч., а теперь правителемъ Канцеляріи въ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, попросту, Секретарь въ Смольномъ Институтѣ¹⁾».

¹⁾ Изъ дневника барона (внослѣдствіи графа) М. А. Корфа. 1839 годъ (гл. II). «Рус. Стар.» 1904 г. т. СХVІІІ, іюнь, стр. 552.

Высочайшимъ указомъ, воспослѣдовавшимъ Правительствующему Сенату, Комовскій произведенъ въ чинъ статскаго совѣтника со старшинствомъ съ 10-го іюля 1836 года.—1841 г., Декабря 13-го.

На основаніи Высочайше утвержденнаго Государемъ Императоромъ въ 13-й день декабря 1841 года доклада Совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ уволенъ отъ службы, согласно собственному прошенію, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ—1842 г., мая 15 ¹⁾).

Таковъ оффиціальнѣйшій формуляръ Комовскаго по должности Правителя Канцеляріи Совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, т. е. попросту говоря, Смольнаго Института. Не слѣдуетъ, однако, думать, что жизнь Комовскаго въ этомъ мирномъ уголкѣ протекала безъ непріятностей и терній. Жизненный путь Комовскаго не былъ усыпанъ розами. На своемъ пути онъ встрѣчалъ, какъ недоброжелательное отношеніе къ нему, такъ и забвеніе его услугъ.

Изъ числа собственноручныхъ документовъ Комовскаго, находящихся въ дѣлахъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, т. е. Смольнаго Института, мы находимъ довольно оригинальное прошеніе или рапортъ на имя Начальницы Смольнаго Института; въ этомъ прошеніи онъ не только проситъ, но требуетъ на поѣздку въ Москву 1500 руб., въ видѣ пособія. Вотъ это курьезное прошеніе отъ 10 мая 1834 года: «Имѣя надобность, по домашнимъ обстоятельствамъ, съѣздить въ Москву, послѣ 10-лѣтней службы моей при помянутомъ Совѣтѣ впервые пріемлю смѣлость испрашивать благосклоннаго разрѣшенія о выдачѣ мнѣ, какъ надлежащаго вида для 28-дневнаго отпуска, такъ и необходимо нужнаго мнѣ притомъ пособія—тысячи пятисотъ рублей единовременно.

Мы имѣемъ также нѣсколько писемъ Комовскаго къ Начальницѣ Смольнаго Института, которыя настолько интересны, что мы позволимъ себѣ ихъ привести.

Милостивая Государыня
Марія Павловна.

«Вашему Превосходительству благоугодно было сказать мнѣ однажды, что быть можетъ найдется средство вознаградить меня за потери по службѣ. Принимая съ живѣйшею признательностью такое, ничѣмъ еще не заслуженное мною вниманіе Ваше, я не желалъ бы казаться предъ начальствомъ моимъ

¹⁾ Комовскій по Смольному Институту получалъ жалованья штатнаго 600 руб., 5-ти лѣтней прибавки 342 руб. 86 коп., столовыхъ 400 руб. и на разъѣзды 300 р., всего по 1642 руб. 86 коп. въ годъ, а какъ Правитель дѣлъ Высочайше учрежденнаго Комитета для рассмотрѣнія учебныхъ пособій при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія никакого содержанія не получалъ. Имущественное его положеніе въ то время было слѣдующее: обще съ братьями имѣлъ двухъ-этажный домъ въ С.-Петербургѣ, Литейной части, въ 1 кварталѣ, подлѣ 3-й гимназіи, подлѣ № 100—13, а также имѣніе въ Олонецкой губерніи, Вытегорскаго уѣзда, 349; Новгородской губ., въ Тихвинскомъ уѣздѣ 15 душъ».

неблагодарнымъ. Сколь ни жаль мнѣ, при нынѣшнихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, оставить занимаемое мною съ 1823 года мѣсто: но вотъ причины меня къ тому побуждающія.

Во-1-хъ самое ограниченное положеніе Канцеляріи, гдѣ сосредоточивается все дѣлопроизводство по части хозяйственной, полицейской, учебной и административной такого заведенія, которое по обширности своей превосходитъ многіе нѣмецкіе города и гдѣ между тѣмъ для изготовленія докладовъ, журналовъ, резолюцій, отношеній, выписокъ и справокъ изъ законовъ имѣется всего два чиновника, 2 писца и 1 кантонистъ съ жалованьемъ отъ 100 до 700 руб. не болѣе. При такой помощи Правитель Канцеляріи долженъ не рѣдко исполнять должность и архиваріуса и писца, собственно же для занятій по своему званію, при частыхъ поѣздкахъ къ Г.г. Членамъ и къ г-жѣ Начальницѣ и при многихъ объясненіяхъ съ родителями и прочими являющимися въ Канцелярію лицами принужденъ употреблять все послѣобѣденное время, несмотря на то, что ранѣе 5-го часа рѣдко уѣзжаетъ къ обѣду.

Во-2-хъ, весьма скудное содержаніе, которое тѣмъ болѣе чувствительно, что не только равныя, но и нисшія по разрядамъ должность (должности) лица, какъ-то Правитель хозяйственной части, Инспекторъ и Главный докторъ, поступили тотчасъ на гораздо высшіе оклады противу того, какой я со всѣми 5-ти лѣтними прибавками получаю, хотя послѣдніе двое имѣютъ возможность пользоваться въ то же время жалованьемъ и всѣми выгодами въ другихъ еще мѣстахъ и не подвержены той отвѣтственности, которая за малѣйшее иногда упущеніе слова или цифры прослѣдуетъ служащаго во всю его жизнь.

и въ 3-хъ невознаградимыя потери, понесенныя мною, особенно въ послѣдніе годы службы. Не пользовавшись не разу денежнымъ награжденіемъ и бывъ въ теченіе 16 лѣтъ только два раза въ отпуску, я не могъ получить даже обычнаго при поѣздкѣ за границу пособія, издержалъ на то собственный капиталъ и вошелъ въ долгъ, тогда какъ нѣкоторые сослуживцы получали изъ кассеты по 1500, 2000 и даже 10000, 12000 руб. безъ возврата. Не получивъ ни одного чина прежде выслуги лѣтъ и по аттестату своему надѣявшись черезъ четыре года получить чинъ статскаго совѣтника, я уже 8-й годъ Коллежскимъ, тогда какъ не только товарищи, но и поступившіе въ службу 3 и 6 годами послѣ меня уже Дѣйствительные Статскіе Совѣтники. Что касается до послѣдняго ордена, то я представленъ былъ къ оному еще въ 1832 году вмѣстѣ съ г. Аллеромъ, который между тѣмъ успѣлъ получить звѣзду и два чина. Не жаловаться, но оправдаться желаю предъ Вашимъ Превосходительствомъ, покорнѣйше прося принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности, съ коими честь имѣю быть

покорнѣйшею слугою С. Комовскій».

*

Вслѣдъ за этимъ письмомъ Комовскій препроводилъ Начальницѣ Института также и докладную записку по своему дѣлу.

«Изъ представленной при семъ копій съ Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго г. Статсъ-Секретаремъ Ея Высокопревосходительству Юліи Федоровнѣ 8 Апрѣля 1836 года за № 816, Ваше Превосходительство усмотрѣть изволите во 1-хъ что къ производству въ чинъ за выслугу лѣтъ никакая предшествующая награда препятствіемъ не служить; слѣдовательно тѣмъ менѣе при производствѣ за переслугу узаконеннаго срока и во-2-хъ чѣмъ долѣе откладываемо будетъ таковое производство, тѣмъ чувствительнѣе оно будетъ для того, кто прослужилъ уже 3 года болѣе срока и потомъ со дня полученія чина лишится на 2 года всякаго права на дальнѣйшую награду.

Что касается до вознагражденія, то оно, смѣю думать, тогда только покажется довольно умѣреннымъ, когда съ одной стороны Ваше Превосходительство изволите признать полезнѣйшимъ имѣть прежняго Правителя Канцеляріи вмѣсто новаго, а съ другой, когда Вамъ благоугодно будетъ взвѣснить и опѣнить всѣ претерпѣвшія первымъ потери и лишенія по службѣ. Еще не было въ заведеніи примѣра, чтобы кто-либо, кромѣ его, по 7-ми и 8-ми лѣтъ служилъ въ одномъ чинѣ (имѣя право получить слѣдующій тотчасъ при перемѣнѣ мѣста), столько же время носилъ одинъ и тотъ же орденъ (получивъ вмѣсто старшаго, какъ прочіе сослуживцы его даже за меньшую службу, младшій орденъ) и наконецъ въ теченіе 16-ти лѣтъ не имѣлъ никакой денежной награды, проживая при скудномъ содержаніи свое собственное состояніе.

Посему, если все это заслуживаетъ нѣкотораго уваженія, то я осмѣливался бы покорнѣйше просить Ваше Превосходительство, объ исходатайствованіи сравнить Правителя Канцеляріи хоть съ прочими сослуживцами его, а именно: 1) произвести его въ Статскіе Совѣтники за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ съ 10 Юня 1836 г. по праву его А. Патити(?), 2) назначить ему безбѣдное содержаніе и именно по 3000 руб. въ годъ штатнаго жалованья и по оному постепенную прибавку за выслуженныя пятилѣтія (по примѣру г.г. Инспектора и Главнаго Доктора, кои по разрядамъ должностей считаются ниже его) и сверхъ того 1500 руб. столовыхъ и на 3 лошади фуража (по примѣру г. Правителя хозяйственной части, который положенъ въ одномъ съ нимъ классѣ).

Если же начальство сочтетъ не справедливымъ сдѣлать для Правителя Канцеляріи то, что сдѣлано уже для другихъ, то я покорнѣйше прошу уволить меня хотя со слѣдующимъ чиномъ по примѣру г. Аллера.

Уже ли Правитель Канцеляріи менѣе имѣетъ обязанностей, чѣмъ Начальникъ Отдѣленія въ Комитетахъ о раненыхъ или заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, коего штатъ у сего.

С. Комовскій».

Не удовольствовавшись этимъ, Комовскій въ 1835 году обратился къ къ той же Начальницѣ съ нѣмецкимъ письмомъ, гдѣ излагаетъ свои нужды.

Hochzuverehrende Frau Superiorinn.

Ew. Excellenz sind allein mein unveränderlicher Chef seit 11 Jahren gewesen und daher Sie allein können mich gerecht attestieren, indem Sie, nicht 8 oder 10 Mal im Jahre, wie die andern Herrn Conseillers nur bey dem Sitzungen des Conseils meine Geschäfte kennen, sondern täglich und dabey also am Besten urtheilen können, was an mir schlechtes und vielleicht, wenn ich es sagen darf, auch manches gutes ist.

Da aber die Herrn Conseillers, die alle noch neu sind, mich für den frühern Dienst besonders bey der letzten Auslassung und Annahme der Eleven, jetzt durchaus nicht zum Orden vorstellen wollen, obgleich solcher, wenn Ew. Excellenz nur die Güte haben werden sich zu erinnern, mir noch im Jahre 1833 von Ihnen und von den Damaligen Herrn Conseillers versprochen wurde, wann ich nur die Schnalle bekomme: so erdreiszte ich mich Sie, hochgeschätzte Frau Superiorinn, ganz ergebenst zu schehen, mir die letzte Gnade zu erweisen und das liebeifolgende Schreiben, wenn Ew. Excellenz solches nach Ihrem Gewissen attestieren können, durch den Herrn v. Aller den Herrn Conseillers zur Beprüfung zu übersenden. Aber wo möglich noch heute, da Herr Kouschnirof und Herr von Novossiltzof gegen 1 Uhr im Lombard zusammen werden und der erste, wie auch der Graf Koutousof gewiss nichts dagegen haben werden.

Etwas aber aufs künftige Jahr zu verschieben, ohne jetzt den früheren 4 jährigen Dienst und besonders bey den letzten Auslassung von 1833 in Anspruch zu nehmen, bitte ich Ew. Excellenz inständigst nicht zu thun; denn ich kann nicht versprechen, ob ich bis 1836 leben, oder dienen werde.

Was das Geschenk betrifft, welches mir bey andern Angelegenheiten sehr schmeichelhaft seyn könnte, so kann solches jetzt, bei meiner gegenwärtigen Tage, nur höchst nachtheilig für meinen Dienst seyn; daher flehe ich, als eine Gnade, diese Belohnung, statt mir, jemand andern zu bestimmen.

Mit der vollkommensten Hochachtung und Ergebenheit habe die Ehre zu seyn.

hochgeborn Frau Superiorinn

Ew. Excellenz

ganz gehorsamster Diener

27 März 1835.

S. Komovsky.

Комовскій, не переставая хлопотать объ улучшеніи своего матеріальнаго положенія, на запросъ Начальницы Института представилъ ей въ 1839 г.

исчисленіе кассетнаго капитала, прибавивъ отъ себя нѣсколько пикантныхъ размышленій по поводу своего дѣла.

«Вашему Превосходительству угодно было знать какъ великъ кассетный нашъ капиталъ. Судя по отчету, съ коимъ онъ переданъ былъ отъ Н. П. Новосильцова О. О. Дюгашемо, билетовъ Комиссіи погашенія долговъ имѣется два

на сумму 676400 р. —

и здѣшней сохранный казны тоже два съ 1830 года

на сумму 819791 р. 32 к.

И т о г о 1496191 р. 32 к.

Сверхъ процентовъ съ сего получается еще жертвуемые ежегодно Августѣйшими Членами Императорскаго Дома, всего 19500 руб. Изъ нихъ болѣе 60000 руб. процентовъ отпускаются уже по особымъ Всемиловѣйшимъ рескриптамъ на пенсіи, добавочное жалованье и на разныя нужды заведенія, все прочее еще disponible; но не иначе какъ по особой милости Императрицы, такъ что покойной Государынѣ, сколько мнѣ извѣстно, не угодно было, чтобы кромѣ одного обременнаго Ея довѣріемъ Члена Совѣта, никто не зналъ о настоящемъ положеніи кассеты S. M. J. s'est réservé le plaisir d'en faire des secours, comme de sa propre poche.

Все это доношу Вашему Превосходительству для собственнаго Вашего соображенія. Быть можетъ и Вы найдете полезнымъ для заведенія хранить это въ той же тайнѣ для крайнихъ нуждъ онаго, когда уже не будетъ другихъ источниковъ для милости Царской, а покуда все слѣдуетъ надежду полагать на Московскій Ломбардъ, а наше поберегать для чернаго дня.

Если Ваше Превосходительство между прочими предметами разговора съ Ихъ Императорскими Величествами, улучите минуту и найдете возможность объяснить Ваше мнѣніе о выгодахъ перемѣны стараго Правителя Канцеляріи на новаго: то извѣстность моего положенія меня успокоила бы. Признаюсь, что я слишкомъ много потерялъ по службѣ передъ товарищами отъ того только, что долго вѣрилъ аих belles paroles и медленны были исполненія обѣщаній. Не взыщите за такую откровенность покорнѣйшаго слуги

С. Комовскаго.

30 Октября 1839 г.».

Наконецъ Комовскій возвращается опять къ своимъ невздамъ по службѣ и старается еще разъ разъяснить своему начальству все то, что онъ считалъ несправедливостью въ отношеніи своей служебной карьеры и своего положенія на службѣ въ Смольномъ Институтѣ. Поэтому 5 ноября 1839 г. онъ подаетъ «Записку о службѣ Коллежскаго Совѣтника Комовскаго» слѣдующаго содержанія:

«Коллежскій Совѣтникъ Комовскій, находясь въ службѣ государственной болѣе 22-хъ лѣтъ (съ 10 іюня 1817 года), служить Правителемъ Канцеляріи Совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ съ 18 августа 1823 года и въ послѣднемъ чинѣ состоитъ уже 8-й годъ потому только, что должность эту причислили къ 7-му классу по Высочайшему утвержденному 20 ноября 1835 г. распредѣленію (ст. 144) и что только однимъ классомъ можетъ быть выше (ст. 145 и 248). (Продолженіе Свода Законовъ о службѣ гражданской т. III).

Но если узаконеніе это, по примѣру другихъ, не должно имѣть обратнаго дѣйствія, то онъ, Комовскій, покорнѣйше проситъ обратить благосклонное вниманіе на то, во-1-хъ, что онъ по аттестату Императорскаго Лицея и по древнему дворянству своему, при дѣйствіи прежнихъ узаконеній имѣлъ право, на нынѣшнемъ мѣстѣ, произведеннымъ быть въ Статскіе Совѣтники за выслугу всего 4-хъ лѣтъ и до послѣдняго узаконенія (20 ноября 1835 г.) прослужилъ уже въ настоящемъ чинѣ 3 года, 5 мѣсяцевъ и 10 дней, во-2-хъ, что по мѣсту воспитанія своего принадлежа къ чиновникамъ 1-го разряда, кои даже при самомъ опредѣленіи въ службу считаются первыми кандидатами на занятіе мѣстъ, чинамъ ихъ соотвѣтственныхъ (ст. 146), Комовскій не можетъ воспользоваться и сею Монаршію милостью, потому что въ Обществѣ, гдѣ онъ теперь служить, нѣтъ мѣстъ выше 7 класса; въ-3-хъ, что не только всѣ сверстники, но и сослуживцы его давно уже произведены въ Статскіе Совѣтники и выше какъ-то: бывший Правитель хозяйственной части г. Аллеръ и инспекторъ г. Тимаевъ, хотя первый изъ нихъ тоже состоялъ въ 7 классѣ и 10-ю годами менѣе его служилъ при заведеніи, а второй по званію Суб-Инспектора состоялъ въ 9, а нынѣ какъ Инспекторъ въ 8 классѣ и пользуется разными окладами, чего онъ, Комовскій вовсе лишенъ, и наконецъ, въ-4-хъ, къ производству въ чинъ за выслугу лѣтъ (съ узаконеннымъ старшинствомъ) никакая награда препятствіемъ не служить, а напротивъ того, чѣмъ позже получится чинъ, тѣмъ болѣе лишаетъ онъ правъ на всякую другую награду. Притомъ же со времени перваго представленія его къ ордену, которымъ награжденъ онъ въ семь году, сослуживцы его успѣли уже получить кромѣ того два чина и звѣзду. Онъ же носилъ предшествовавшій орденъ болѣе 8 лѣтъ.

Что касается до денежныхъ наградъ, то не получая оныхъ иногда (никогда?) въ теченіе 16-ти лѣтней службы своей, Комовскій остался доселѣ на прежнемъ окладѣ, тогда какъ даже вновь поступившимъ въ заведеніе сдѣланы тотчасъ значительные прибавки, какъ-то: Главному Доктору Корнелиусу 1800 р. г. Инспектору 1900 руб., Законоучителямъ, Недешеву 1200 руб., Каменскому 900 руб. и даже учителю церковнаго пѣнія, несмотря на то, что всѣ

они, болѣе или менѣе имѣють другіе способы къ существованію, ограничиваютъ занятія свои только извѣстнымъ числомъ часовъ, не подлежатъ дальнѣйшей по службѣ отвѣтственности, каковыхъ всѣхъ выгодъ онъ Комовскій, по роду занятій своихъ, имѣть не можетъ.

Если же начальство не признаетъ возможнымъ сравнять его хотя съ прочими сослуживцами, не такъ долго и не съ такими потерями по службѣ, какъ онъ, при заведеніи находящимися: то не благородно ли будетъ, исходатайствовать ему слѣдующій чинъ, по примѣру г. Аллера, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ; но со старшинствомъ съ 10 іюня 1836 г. дабы онъ при такомъ переходѣ не лишился по крайней мѣрѣ дальнѣйшихъ выгодъ по службѣ».

Въ 1840 году, по случаю ходатайства Комовскаго о заграничномъ отпускѣ, въ дѣлахъ находится письмо Принца Ольденбургскаго слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь
Григорій Ивановичъ ¹⁾.

«Правитель Канцеляріи Совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ Коллежскій Совѣтникъ Комовскій имѣлъ необходимость еще въ Маѣ мѣсяцѣ сего года сопровождать за границу брата своего, Директора Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія Статскаго Совѣтника Василія Комовскаго ²⁾, который для излѣченія отъ тяжкой болѣзни уволенъ на 6 мѣсяцевъ въ отпускъ, но обманутый временнымъ его облегченіемъ и не желая безъ крайней нужды оставлять службу при означенномъ совѣтѣ, онъ отложилъ тогда это намѣреніе Между тѣмъ полученныя съ послѣдними двумя пароходами письма изъ Киссингена какъ отъ самого больного, такъ и отъ пользующихся тамошними водами русскихъ путешественниковъ удостовѣрили его, что сильныя припадки ипохондріи къ несчастію возобновились въ такой степени, что безъ соупутствія лица, къ которому бы больнои имѣлъ полное довѣріе дальнѣйшая поѣздка его можетъ сопряжена быть съ опасностью для жизни.

Принимая участіе въ столь затруднительномъ положеніи Правителя Канцеляріи Совѣта Комовскаго, я съ согласія г. Начальницы заведенія, обращаюсь къ Вашему Высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою исходатайствовать Высочайшее Государя Императора соизволеніе уволить его нынѣ же на 4 мѣсяца въ отпускъ какъ за границу, такъ и въ южныя губерніи Россіи съ выдачею изъ кассеты 900 руб. серебромъ на путевыя издержки;

¹⁾ Григорій Ивановичъ Вилламовъ, статсъ-секретарь по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Членъ Государственнаго Совѣта, умеръ въ 1842 г.

²⁾ Воспитанникъ благороднаго пансіона Императорскаго Лицея, III курса, вып. 1821 г., кончиль курсъ съ чиномъ 10 класса и золотою медалью, ум. въ 1851 г. въ чинѣ Д. Ст. Сов. и должности Директора Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія.

должность же сію на время отпуска поручить его помощнику Надворному Совѣтнику Гаку съ производствомъ ему положенныхъ Правителю Канцеляріи на разъѣзды экипажныхъ денегъ. Къ сему не лишнимъ считаю присовокупить, что г. Комовскій въ теченіе 17-ти лѣтней службы своей при Обществѣ, никогда денежной награды, сколько мнѣ извѣстно, еще не получалъ.

Въ надеждѣ на благосклонное Ваше, Милостивый Государь, содѣйствіе, съ отличнымъ уваженіемъ честь имѣю быть

Вашего Высокопревосходительства покорнымъ слугою

Принцъ Петръ Ольденбургскій».

Въ 1841 году мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ, весьма интереснымъ письмомъ Комовскаго:

«Въ Совѣтъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.

Правителю Канцеляріи Совѣта

Покорнѣйшее прошеніе.

«По случаю предстоящаго брака моего, ¹⁾ новыя семейныя обстоятельства шобуждаютъ меня оставить занимаемую мною должность. Но какъ для полученія высшаго мѣста, соотвѣтственно 24-хъ лѣтней службы моей, требуется нынѣ и высшій чинъ, то я и имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ, при увольненіи меня отъ должности Правителя Канцеляріи, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ, исходатайствовать мнѣ: за выслугу узаконенныхъ лѣтъ (еще въ 1836 г.) я для нѣкотораго сравненія съ моими сверстниками—чинъ Статскаго Совѣтника съ надлежащимъ старшинствомъ, а за свыше 18-ти лѣтнее при Обществѣ служеніе, если оно удостоится вниманія Совѣта, полное годовое мое содержаніе единовременно, снабдивъ меня притомъ и какимъ слѣдуетъ аттестатомъ.

Правитель Канцеляріи С. Комовскій.

Декабря дня 1841 г.».

Получивъ все, чего домогался, Комовскій уволился изъ Смольнаго Института 13 декабря 1841 года по собственному прошенію для опредѣленія къ другимъ дѣламъ ²⁾. Въ 1843 г. марта 16 Комовскому Высочайше повелѣно быть помощникомъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта.

¹⁾ Комовскій женился на графинѣ Комаровской. См. переписку Грота съ Плетневымъ. Спб., суббота 11 апр. 1842 г. Тамъ же стр. 517 письмо Грота къ Плетневу отъ среды 15 апрѣля 1842 г.

²⁾ Изъ письма Ивана Васильевича Кирѣвскаго къ брату своему Алексію Андреевичу Елагину отъ 26 сентября 1842 г. видно, что Комовскій былъ въ Берлинѣ и рассказывалъ Гриму о собраніи Кирѣвскаго, а Гриммъ высказалъ ему свое сожалѣніе, что такое драгоценное собраніе еще не издано. («Русск. Арх.», 1905 г. кн. 5, стр. 163). Вѣроятно въ промежутокъ времени между уходомъ изъ Смольнаго Института (конецъ 1841 г.) и назначеніемъ Помощникомъ Статсъ-Секретаря Госуд. Совѣта (16 марта 1843 г.) Комовскій могъ побывать за границей вмѣстѣ съ молодою женою.

Въ 1846 г., января 9, Комовскій Всемиловѣйше пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.

Въ 1846 г., августа 22, получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтнее достоинство при грамотѣ за № 295-мъ.

За усердные и полезные труды по званію Правителя дѣлъ существовавшаго при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ пособій, Всемиловѣйше пожалованъ подаркомъ въ 1 тыс. рублей серебромъ въ 1850 г. іюня 22-го.

Въ 1851 г., августа 22, получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтн. достоинство при грамотѣ за № 209.

Въ 1853 г., ноября 25, Комовскій Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Государственному Совѣту, уволенъ по разстроенному здоровью вовсе отъ службы, о чемъ и отдано въ Высочайшемъ Приказѣ 29 ноября № 235. При увольненіи въ отставку Комовскаго, тогдашній государственный секретарь Владиміръ Петровичъ Бутковъ, желая назначить ему пенсію, обратился къ Статсъ-Секретарю по дѣламъ управленія учреждений Императрицы Маріи, Андрею Логгиновичу Гофману съ слѣдующимъ письмомъ отъ 5 декабря 1853 г. № 1367.

«Милостивый Государь

Андрей Логгиновичъ.

По встрѣтившейся надобности имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство почтить меня увѣдомленіемъ: во 1-хъ, какое получалъ содержаніе по должности Правителя Канцеляріи Совѣта Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ состоявшій въ оной съ 18 августа 1823 по 13 декабря 1841 года, а впоследствии бывшій Помощникомъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Комовскій, и во 2-хъ, какая слѣдовала бы ему, по правиламъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, пенсія, если бы онъ прослужилъ въ означенной должности Правителя Канцеляріи 25 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности. В. Бутковъ ¹⁾).

Мы уже видѣли, съ какимъ вниманіемъ Энгельгардтъ слѣдилъ за разными перемѣнами по службѣ и въ жизни воспитанниковъ. Этого не избѣгъ и Комовскій. Кромѣ приведенныхъ уже выше выдержекъ, мы можемъ указать еще на нѣсколько другихъ писемъ, гдѣ Энгельгардтъ упоминаетъ о Комовскомъ. Здѣсь онъ сообщаетъ своимъ корреспондентамъ о томъ, какъ часто Комовскій его посѣщаетъ, о намѣреніяхъ Комовскаго жениться, о заботахъ Комовскаго о своихъ братьяхъ и сестрахъ.

¹⁾ Владиміръ Петровичъ Бутковъ, государственный секретарь, ум. въ 1881 году.

Такъ напримѣръ о томъ, что Комовскій бывалъ у Энгельгардта какъ свой человѣкъ, мы находимъ подтвержденіе въ письмѣ Энгельгардта къ Матюшкину отъ 18 марта 1831 г. Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину, что по случаю награжденія его чиномъ капитанъ-лейтенанта: «мы сегодня съ обѣдавшими у меня Стевенемъ и Комовскимъ пили за здравіе новаго капитанъ-лейтенанта».

Много интересныхъ свѣдѣній сообщаетъ намъ Энгельгардтъ о намѣреніяхъ Комовскаго жениться, о разныхъ перепитіяхъ его сватовства. Такъ напримѣръ, въ письмѣ отъ 4 декабря 1831 г. Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину: Комовскій въ двухъ крестахъ и коронѣ,—чуть ли не собирается на бракъ».

Въ письмѣ отъ 22 октября 1832 г. Энгельгардтъ пишетъ Матюшкину: «Комовскій сохнетъ, чахнетъ, жениться хочетъ, да какъ то все не дается на ладъ».

Энгельгардтъ въ письмѣ другому своему любимцу, воспитаннику также перваго курса Лицея, Владиміру Дмитріевичу Вольховскому, отъ 22 сентября 1832 г. сообщаетъ: «Комовскій живетъ да поживаетъ, хлопочетъ какъ отецъ о сестрахъ и братьяхъ: истинно доброй малой. Если не ошибаюсь, то что то у него на умѣ женитьба. Дай Богъ къ добру».

Отъ 31 октября 1832 г. Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину, что Корниловъ недавно женился; «Фрицъ (т. е. Стевень) и Комовскій, кажется, ладятъ то же».

Отъ 13 августа 1833 г. мы имѣемъ письмо Энгельгардта къ Вольховскому, гдѣ значитъ: «Комовскій, кажется, крѣпко помышляетъ о свадебномъ вѣнцѣ».

Въ письмѣ отъ 24 января 1839 г. Энгельгардтъ, рассказывая Матюшкину, что у него «былъ лицейскій обѣдикъ», сообщаетъ, что на немъ были «Суворчикъ (т. е. Вольховскій), Корфъ и Стевень и Малиновской съ женами. Комовскій одинъ безродный».

Насколько точны были свѣдѣнія Энгельгардта о вышедшихъ лицеистахъ, показывають, напримѣръ, письмо его отъ 10 іюля 1838 г. къ Вольховскому, гдѣ онъ пишетъ: «Комовскій съ сестрами поѣхалъ на пароходѣ на три мѣсяца куда нибудь въ нѣмецкую землю погулять». Это совершенно вѣрно, только съ маленькою оговоркою, что онъ уѣхалъ въ 1838 г. за границу на четыре мѣсяца, какъ это видно изъ его формуляра.

Въ письмѣ отъ 2 сентября 1840 г. Энгельгардтъ сообщаетъ Вольховскому: «Комовскій поѣхалъ съ большимъ братомъ въ Кіевъ; можетъ быть завернетъ и къ вамъ». И это сообщеніе Энгельгардта вполне совпадаетъ съ тѣми данными, которыя мы имѣемъ въ рукахъ. Такъ, напримѣръ, въ формулярѣ его значитъ,

что «въ 1840 г. былъ вторично за границу и въ южныхъ губерніяхъ Россіи тоже на 4 мѣсяца». Это также подтверждается письмомъ Принца Петра Георіевича Ольденбургскаго отъ 9 іюля 1840 г. за № 417, гдѣ принцъ ходатайствуетъ о разрѣшеніи Комовскому сопровождать за границу брата своего Василія, который былъ Директоромъ Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія.

О всякихъ перемѣнахъ по службѣ, о пожалованіи орденовъ своимъ бывшимъ воспитанникамъ и объ одобрительныхъ о нихъ отзывахъ начальства Энгельгардтъ спѣшилъ обрадовать своихъ корреспондентовъ и подѣлиться съ ними своею радостью. Такъ въ письмѣ отъ 28 мая 1832 г. къ Матюшкину Энгельгардтъ пишетъ: «Комовскій въ крестахъ и въ весьма хорошемъ щету у начальства». Энгельгардтъ считалъ Комовскаго вмѣстѣ съ Стевенемъ въ числѣ тѣхъ немногихъ своихъ бывшихъ воспитанниковъ, съ которыми можно сердце отогрѣть». Это подтверждается письмомъ Энгельгардта къ Матюшкину отъ 30 іюля 1833 г., въ которомъ Энгельгардтъ по поводу предполагаемой 19 октября чугунной сходкѣ пишетъ между прочимъ слѣдующее: «Хоть немного, говоритъ онъ, нашихъ, да есть съ кѣмъ сердце отогрѣть: Стевень, Комовскій, Малповскій, Корфъ, Яковлевъ, Иличевскій, Корниловъ—прочіе отшатнулись. Богъ съ ними».

Въ 1841 г. въ письмѣ отъ 12 сентября Энгельгардтъ сообщаетъ Матюшкину съ горечью, что старые воспитанники стали его забывать и что бываютъ у него «только одинъ Комовскій изрѣдка, а прочіе здѣсь: Корфъ, Масловъ, Бакунинъ, Яковлевъ—слишкомъ заняты, нѣкогда (sic) о старомъ директорѣ поминатъ».

Такимъ же пессимизмомъ звучитъ и письмо отъ 7 января 1845 г., гдѣ онъ пишетъ: «изъ первокурсныхъ, здѣсь живущихъ, у меня бываютъ только двое: Стевень часто, Комовскій иногда. Прочіе 3¹/₂ курса еще придерживаются стараго друга директора».

Этимъ письмомъ, къ сожалѣнію, оканчивается переписка Энгельгардта съ Матюшкинымъ.

Какъ мы видѣли въ только что приведенной перепискѣ Энгельгардта со своими воспитанниками, онъ упоминаетъ о желаніи Комовскаго сочетаться брачными узами. Объ этомъ самъ Комовскій говоритъ въ послѣднемъ письмѣ къ начальницѣ Смольнаго Института и указываетъ, что женитьба заставляетъ его покинуть Смольный Институтъ. Это не была простая угроза со стороны Комовскаго. Вскорѣ послѣ этого письма онъ дѣйствительно женился на графинѣ Софіи Комаровской. Отъ этого брака у нихъ были четыре сына и двѣ дочери, сыновья: Евграфъ, родившійся 19 декабря 1842 г., Дмитрій—14 февраля 1846 г., Сергій—23 іюня 1848 г. и Константинъ—21 мая

1851 г. (сыновья были зачислены въ пажы къ Высочайшему Двору); дочери: Евдокія родилась 27 марта 1847 г. и Елена—15 октября 1852 г. Какъ мать такъ и дѣти были вѣроисповѣданія православнаго.

Комовскій принималъ участіе въ лицейскихъ годовщинахъ, справлявшихся товарищами въ день 19 октября. Какъ кажется, самая ранняя изъ этихъ годовщинъ праздновалась въ 1825 году, на этой годовщинѣ между прочими былъ и Комовскій, другіе товарищи были—баронъ Корфъ, баронъ Дельвиго, Иличевскій, Саврасовъ и Яковлевъ; Пушкина между ними не было, онъ праздновалъ эту годовщину въ селѣ Михайловскомъ, гдѣ онъ и написалъ въ память 19 октября свою извѣстную Элегію «Роняетъ лѣсъ багрянный свой уборъ» ¹⁾.

Въ 1828 году Комовскій тоже праздновалъ лицейскую годовщину вмѣстѣ съ Тырковымъ, Дельвигомъ, Иличевскимъ, Яковлевымъ, Корфомъ, Стевенемъ и Пушкинымъ. Праздновалась она, какъ извѣстно, на квартирѣ у Тыркова, и протоколъ этой годовщины былъ написанъ собственноручно Пушкинымъ. Эта годовщина интересна въ томъ отношеніи, что всѣ восемь присутствовавшихъ товарищей подписались подъ протоколомъ своими лицейскими прозвищами: Комовскій подписался—«лиса». М. А. Корфъ въ замѣткѣ, сообщенной имъ В. Гаевскому, объясняетъ эту кличку такъ: «Комовскій, очень проворный и лукавенькій (въ школьномъ смыслѣ) мальчикъ-лиса» ²⁾.

Описывая лицейскую годовщину 19 октября 1829 года, Энгельгардтъ въ письмѣ къ Матюшкину отъ 18 ноября того же года пишетъ слѣдующее: «Я было хотѣлъ при сходкѣ 19 октября, чтобы написали къ тебѣ всѣ собранные *скоты-братцы* посланіе, но эта сходка по какому то недоразумѣнію не сошлась; у Тыркова было три человѣка, а у Дельвига четыре, я же, не зная, куда?—не былъ нигдѣ». Изъ дальнѣйшаго видно, что въ числѣ присутствовавшихъ былъ Комовскій и, кромѣ названныхъ Стевень, Корфъ, Яковлевъ и Иличевскій.

Въ 1836 г. на лицейской годовщинѣ присутствовалъ Комовскій и кромѣ него—Юдинъ, Мясоѣдовъ, Гревениць, Яковлевъ, Мартыновъ, Корфъ, Пушкинъ, Иличевскій, Стевень и Давзасъ. Протоколъ этой годовщины началъ было писать Пушкинъ, но не дописалъ, онъ былъ дописанъ Яковлевымъ, точно также на этой годовщинѣ Пушкинъ сталъ читать написанное на этотъ день стихотвореніе: «Была пора, нашъ праздникъ молодой»... но не докон-

¹⁾ Я. Гротъ: Лицейскія годовщины. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб. 1899 г., стр. 81, а также «Русск. Арх.» 1875 г. т. I, кн. 1—4, стр. 489—493.

²⁾ Отечественныя записки 1861 г. т. СХХХІХ, стр. 29—41. В. Гаевскій: «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время». См. также сочиненія А. С. Пушкина, изд. Литер. Фонда, Спб., 1887 г. т. II, стр. 54.

чилъ стихотворенія, извинившись передъ товарищами, что онъ его забылъ. Что же касается того, что будто бы при чтеніи первыхъ строчекъ этого стихотворенія изъ глазъ Пушкина брызнули слезы ¹⁾, онъ не могъ дальше продолжать и оно было дочитано другимъ товарищемъ, то все это относится къ числу легендъ. Яковлевъ, у котораго эта сходка состоялась, въ письмѣ къ Вольховскому отъ 24 ноября 1836 г. объ этомъ эпизодѣ выражается такъ: «Примѣтно старѣемъ мы! Никто лишняго уже не пьетъ, никто съ избыткомъ сердца не веселится. Впрочемъ время провели мы весьма пріятно.— Всѣ разошлись чинно въ 10 часу.—Пушкинъ было начиналъ читать стихи на 25-тилѣтіе, но не вспомнилъ. Обѣщаль ихъ докончить и доставить: Проходитъ мѣсяць, а обѣщаніе еще не выполнено. Боюсь—обманетъ».

Въ этомъ письмѣ много любопытнаго о Комовскомъ. Вотъ что пишетъ Яковлевъ: «Уже съ прошедшаго года положено собираться на этотъ день къ обѣду, а потому и прибыли всѣ ко мнѣ на квартиру къ 4^{1/2} часамъ. Комовскій сдѣлалъ намъ сюрпризъ. Онъ явился къ намъ въ собственномъ лицейскомъ мундирѣ, который у него до сихъ поръ хранится. Кромѣ того потѣшилъ онъ за обѣдомъ, показавъ письма, писанныя Кюхлемъ въ Лицеѣ къ Комовскому. Письма таинственныя, страстныя!.. преуморительныя»..

Въ протоколъ этой годовщины, въ той части, которая писана рукою Пушкина, въ параграфѣ 3-мъ значится: «Читали письма, писанныя нѣкогда отсутствующимъ братомъ, Кюхельбекеромъ, къ одному изъ товарищей», (т. е. Комовскому). Очень интересно сравнить эту статью протокола съ письмомъ Яковлева: у него глумленіе надъ личностью Кюхельбекера, у Пушкина видно сочувствіе къ горькой судьбѣ Кюхельбекера.

Выйдя въ отставку, Комовскій прожилъ еще довольно много лѣтъ. Эти годы онъ посвящаль литературѣ, между прочимъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: «Замѣтки и поправки С. Д. Комовскаго о Московскои присягѣ 1825 г. (въ «Рус. Арх.» за 1868 г. № 6, стр. 1038—1040).

Перу Комовскаго принадлежитъ записка о Пушкинѣ, которую онъ составилъ въ 1851 г. и даже начало біографіи Пушкина, обнимающее его дѣтство, чѣмъ воспользовался въ свое время Анненковъ, въ своихъ матеріалахъ о Пушкинѣ. Здѣсь мы перепечатаемъ эту записку Комовскаго о Пушкинѣ, со всѣми тѣми примѣчаніями, которыми она была снабжена. Исторія этой записки очень оригинальна. Анненковъ, собирая свои матеріалы о Пушкинѣ, составилъ вопросный листъ для предполагаемой имъ біографіи Пушкина и переслалъ эти вопросы къ шурину Пушкина, Николаю Ивановичу Павлицеву. Павлицевъ передалъ эту записку С. Д. Комовскому. Комовскій по поводу

¹⁾ Гаевскій: Лицейскія годовщины. «Отечественныя Записки» 1861 г., т. СXXXIX, стр. 29—41.

этихъ вопросовъ написалъ свою записку о лицейской жизни Пушкина. Желая ее провѣрить и добавить, Комовскій передалъ ее Модесту Андреевичу Корфу, Корфъ переслалъ ее Михаилу Лукьяновичу Яковлеву, а Яковлевъ въ свою очередь сообщилъ Александру Алексѣевичу Корнилову. Всѣ свѣдѣнія объ этой запискѣ Академикъ Гротъ почерпнулъ изъ подлинныхъ документовъ, переданныхъ ему Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Матюшкинымъ. Мы считаемъ вполне умѣстнымъ въ біографическомъ очеркѣ о Комовскомъ помѣстить записку Комовскаго о Пушкинѣ во-первыхъ какъ литературное произведеніе самого Комовскаго и во-вторыхъ какъ его воспоминаніе о пребываніи Пушкина въ Лицеѣ ¹⁾.

Записка С. Д. Комовскаго.
1851.

А. С. Пушкинъ, при поступленіи въ Лицей, особенно отличался необыкновенною памятью и превосходнымъ знаніемъ французской словесности. Ему стоило прочесть раза два страницу какого-нибудь стихотворенія, и онъ могъ уже повторить оное наизусть безъ всякой ошибки ²⁾. Будучи 12 лѣтъ отроду, Пушкинъ не только зналъ на память всѣ лучшія творенія французскихъ поэтовъ, но даже самъ писалъ довольно хорошіе стихи на этомъ языкѣ. Упражненія въ словесности французской и россійской были всегда любимѣйшія его занятія, въ коихъ онъ наиболѣе успѣвалъ. Кромѣ того, онъ охотно занимался и науками историческими, но не любилъ политическихъ и въ особенности математику ³⁾; почему вмѣстѣ съ другомъ своимъ бывшимъ Дельвигомъ ⁴⁾ всегда находился въ числѣ послѣднихъ воспитанниковъ второго разряда и при выпускѣ изъ Лицея получилъ чинъ 10 класса. Не только въ часы отдыха отъ ученія въ рекреационной залѣ, на прогулкахъ, но нерѣдко въ классахъ и даже въ церкви ⁵⁾ ему приходили въ голову разные поэтическіе вымыслы, и тогда лицо его то хмурилось необыкновенно, то прояснялось отъ улыбки, смотря по роду думъ, его занимавшихъ ⁶⁾. Набрасывая же мысли свои на бумагу, онъ удалялся всегда въ самый уединенный уголокъ комнаты ⁷⁾, отъ нетерпѣнія грызъ обыкновенно перо и, насупя брови, надувши

¹⁾ См. Я. К. Гротъ: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники Спб. 1898 г., стр. 218—221.

²⁾ Слова бывшего гувернера Сергѣя Гавриловича Чирикова. С. Комовскій.

³⁾ Математика — наука не политическая, а исторію, дѣйствительно, любилъ. М. Я. (Яковлевъ).

⁴⁾ Почему именно вмѣстѣ съ другомъ своимъ барономъ Дельвигомъ? М. Я.

⁵⁾ Это замѣчаніе, по мнѣнію моему, вовсе лишнее М. Я. Комовскимъ же сдѣлана подстрочная ссылка: Замѣчаніе того же гувернера С. Г. Чирикова.

⁶⁾ Лицо Пушкина, и ходя по комнатѣ и сидя на лавкѣ, часто то хмурилось, то прояснялось отъ улыбки. М. Я.

⁷⁾ Не правда. Писалъ онъ вездѣ, гдѣ могъ, а всего болѣе въ математическомъ классѣ. М. Я.

губы, съ огненнымъ взоромъ читалъ про себя написанное. Кромѣ любимыхъ разговоровъ своихъ о литературѣ и авторахъ съ тѣми товарищами, кои тоже писали стихи, какъ то съ барономъ Дельвигомъ, Илличевскимъ, Яковлевымъ ¹⁾ и Кюхельбекеромъ (надъ неудачною страстью коего къ поэзіи онъ любилъ часто подшучивать), Пушкинъ былъ вообще не очень общителенъ съ прочими своими товарищами и на вопросы ихъ отвѣчалъ обыкновенно лаконически.

Изъ профессоровъ и гувернеровъ Лицея никто *въ особенности* Пушкина не любилъ и не отличалъ отъ другихъ воспитанниковъ; но всѣ боялись его сатиръ, эпиграмчъ и острыхъ словъ ²⁾, съ удовольствіемъ слушая ихъ на счетъ другихъ. Такъ напримѣръ профессоръ математики Карцовъ отъ души смѣялся его пѣническимъ шуткамъ надъ лицейскимъ докторомъ Пешелемъ, который въ свою очередь охотно слушалъ его насмѣшки надъ Карцовымъ. Одинъ только профессоръ російской и латинской словесности Кошанскій, предвидя необыкновенный успѣхъ поэтическаго таланта Пушкина, старался все достоинство онаго приписывать отчасти себѣ и для того употреблялъ всѣ средства, чтобы какъ можно болѣе познакомить его съ теоріею отечественнаго языка и съ классическою словесностью древнихъ ³⁾, но къ послѣдней не успѣлъ возбудить въ немъ такой страсти, какъ въ Дельвигѣ. Самъ Пушкинъ, увлекаясь свободнымъ полетомъ своего генія, не любилъ подчиняться классному порядку и никогда ничего не искалъ въ своихъ начальникахъ.

Внѣ Лицея онъ знакомъ былъ съ нѣкоторыми *ошчаянными* ⁴⁾ гусарами, жившими въ то время въ Царскомъ Селѣ (Каверинъ, Молоствовъ, Саломирскій, Сабуровъ и др.). вмѣстѣ съ ними, тайкомъ отъ своего начальства, онъ любилъ приносить жертвы Бахусу и Венерѣ, волочась за хорошенькими актрисами графа Толстого и за субретками пріѣзжавшихъ туда на лѣто семействъ ⁵⁾; причемъ проявлялись въ немъ вся пылкость и сладострастіе африканской

¹⁾ Имя Яковлева зачеркнуто имъ.

²⁾ Не помню и не знаю, кто боялся сатиръ Пушкина; развѣ одинъ Пешель, но и этотъ только трусилъ. Остротъ Пушкинъ не говорилъ. М. Я.

³⁾ Такъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Кошанскій—особенно въ первое время—всячески старался отвлечь и удержать Пушкина отъ писанія стиховъ, частью, можетъ быть, возбуждаемый къ тому ревностію или завистію: ибо самъ писалъ и печаталъ стихи, въ которыхъ боялся соперничества возникающаго новаго генія. М. Корфъ.—Противъ того же мѣста приписано рукой Яковлева: «Русскимъ языкомъ Пушкинъ занимался не потому, чтобы кто-нибудь изъ учителей побуждалъ его къ тому, а по страсти, по влеченію собственному. Пушкина талантъ началъ развиваться въ то время, когда Кошанскій, по болѣзни, былъ устраненъ и три (?) года въ Лицеѣ не былъ. Дельвигъ вовсе не Кошанскому обязанъ привязанностію къ классической словесности, а товарищу своему Кюхельбекеру. М. Я.

⁴⁾ Это слово подчеркнуто, въ знакъ неодобренія Яковлевымъ.

⁵⁾ Эта статья относится не до Пушкина только, а до всѣхъ молодыхъ людей, имѣющихъ пылкій характеръ. М. Я.

породы ¹⁾. Но первую платоническую, истинно поэтическую любовь возбудила въ Пушкинѣ сестра одного изъ лицейскихъ товарищей его (фрейлина Катерина Павловна Бакунина). Она часто навѣщала брата своего и всегда прѣвѣжала на лицейскіе балы. Прелестное лицо ея, дивный станъ и очаровательное обращеніе произвели всеобщій восторгъ во всей лицейской молодежи. Пушкинъ съ чувствомъ пламеннаго юноши описалъ ея прелести въ стихотвореніи своемъ къ Живописцу, которое очень удачно было положено на ноты лицейскимъ же товарищемъ его Яковлевымъ и постоянно пѣто до самаго выхода изъ заведенія. Вообще воспоминанія первыхъ ечастливыхъ дней дѣтства Пушкина были причиною того, что Александръ Сергѣевичъ во всѣхъ своихъ стихотвореніяхъ, и до конца жизни, всегда съ особымъ чувствомъ отзывался о Лицеѣ, о Царскомъ Селѣ и о товарищахъ своихъ по воспитанію. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что учебные подвиги Пушкина, какъ выше сказано, не очень были блистательны; по страсти Пушкина къ французскому языку (что впрочемъ, было тогда въ духѣ времени), называли его въ насмѣшку *французомъ*, а по фязіономіи и нѣкоторымъ привычкамъ *обезьяною* ²⁾.

По выходѣ изъ Лицея Пушкинъ, сохраняя постоянную дружбу къ барону Дельвигу, коего хладнокровный и разсудительный характеръ ему нравился (несмотря на явное противорѣчіе съ его собственнымъ), посѣщала преимущественно литературныя общества Карамзина ³⁾, Жуковского, Воейкова, графа Блудова, Тургенева и т. п. Впрочемъ, онъ болѣе и болѣе полюбилъ также и разгульную жизнь ⁴⁾ служителей Марса, дѣвъ веселія и модныхъ женщинъ, нынѣшнихъ львицъ, или, какъ очень удачно выразился, кажется, Загоскинъ, вольноотпущенныхъ женъ («*femmes émancipées*»).

Когда въ 1880 году 8 мая готовилось открытіе памятника гениальному Пушкину въ Москвѣ, то Академикъ Гротъ поѣхалъ съ приглашеніемъ къ двумъ послѣднимъ оставшимся въ живыхъ товарищамъ Пушкина, воспитанни-

¹⁾ Пушкинъ былъ до того женолюбивъ, что, будучи еще 15 или 16 лѣтъ, отъ одного прикосновенія къ рукѣ танцующей, во время лицейскихъ баловъ, взоръ его пылалъ, и онъ пыхѣлъ, сопѣлъ, какъ ретивый конь среди молодого табуна. С. К. — Описывать такъ можно только арабскаго жеребца, а не Пушкина, потому только, что въ немъ текла кровь арабская. М. Я.

²⁾ И даже смѣсью *обезьяны съ тигромъ*. С. К. — Какъ кого звали въ школѣ, въ насмѣшку, должно оставаться въ одномъ школьномъ воспоминаніи старыхъ товарищей; для читающей же публики и странно и непонятно будетъ читать въ біографіи Пушкина, что его звали обезьяной, смѣсью обезьяны съ тигромъ. М. Я.

³⁾ Посѣщая его еще въ Лицеѣ, Пушкинъ написалъ, по совѣту его, куплеты, пѣтые въ Павловскѣ при празднованіи, сколько помнится, взятія Парижа, и за эти стихи удостоился получить отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны золотыя съ дѣпочкою часы при милостивомъ отзывѣ на имя *воспитанника Лицея, Пушкина*. С. К.

⁴⁾ Пушкинъ велъ жизнь болѣе беззаботную, чѣмъ разгульную. Такъ ли кутить большая часть молодежи? М. Я.

камь перваго курса Лицея, князю Горчакову и Комовскому. Очень интересно это свиданіе Грота съ Горчаковымъ, но мы не будемъ здѣсь касаться этого свиданія, скажемъ только, что Горчаковъ очень сожалѣлъ «что онъ лишень возможности принять участіе въ торжествѣ». Комовскаго Гротъ засталъ больнымъ, онъ хворалъ уже очень давно и поручилъ Гроту передать лицеистамъ, которые будутъ на этомъ торжествѣ его сожалѣніе, что онъ не можетъ присутствовать на открытіи памятника Пушкину и его радость, что это дѣло доведено до конца. Когда Федоръ Петровичъ Корниловъ ¹⁾ приглашалъ Комовскаго отъ имени Комитета по сооруженію памятника Пушкину въ Москвѣ пріѣхать лично въ Москву, то Комовскій въ отвѣтномъ письмѣ, между прочимъ, написалъ слѣдующія строки о своемъ великомъ товарищѣ:

«Пушкинъ, привезя съ собою изъ Москвы огромный запасъ любимой имъ тогда французской литературы, началъ ребяческую охоту свою—писать одни французскіе стихи—переводить на чисто-русскую, очищенную имъ самимъ почву. Затѣмъ, едва познакомившись съ юною своею музою, онъ сталъ поощрять и другихъ¹⁾ товарищей своихъ писать: русскія басни (Яковлева), русскія эпиграммы (Илличевского), терпѣливо выслушивалъ тяжеловѣсныя гексаметры барона Дельвига и снисходительно улыбался клопштокскимъ стихамъ неуклюжаго нашего Кюхельбекера. Самъ же поэтъ нашъ, удаляясь нерѣдко въ уединенныя залы лицея или въ тѣнистыя аллеи сада, грозно насупя брови и надувъ губы, съ искусаннымъ отъ досады перомъ во рту, какъ бы усиленно боролся иногда съ прихотливою кокеткою музою, а между тѣмъ мы всё видѣли и слышали потомъ, какъ всегда легкій стихъ его вылеталъ подобно «пуху изъ устъ Эола ²⁾»»

Слѣдуетъ замѣтить, что Комовскій былъ особенно друженъ съ Сергѣемъ Григорьевичемъ Ломоносовымъ и съ Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ. Въ книгѣ Грота: Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники (стр. 256—258) напечатаны письма къ Комовскому Ломоносова изъ Вашингтона отъ іюня 1820 г. и Кюхельбекера изъ села Закупа отъ 17 февраля 1823 г. Въ своемъ письмѣ Кюхельбекеръ извѣщаетъ Комовскаго, что онъ ѣдетъ въ Москву искать мѣста и замѣчаетъ: «Авось судьба перестанетъ меня преслѣдовать. Мысль же къ тому будетъ подана мнѣ тобою, и твоему сердцу, конечно, будетъ пріятно, если ты будешь первою отдаленною причиною перемѣны моего жребія»! Сергѣй Дмитріевичъ Комовскій умеръ 8 іюля 1880 г. на 83 году жизни.

Наконецъ намъ остается сказать о стихотвореніи Пушкина, гдѣ упоми-

¹⁾ Воспитанникъ XI курса благороднаго лицейскаго пансіона, вып. 1829 г.

²⁾ Я. К. Гротъ: Пушкинъ... стр. 221—222.

чается о Комовскомъ. Это стихотвореніе приведено въ книгѣ академика Я. К. Грота (стр. 280), и представляетъ варіантъ пьесы «19 октября 1825 г.»:

«Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ»...

По словамъ Грота, подъ копіею этихъ стиховъ была замѣтка Комовскаго: «Стихи эти доставлены мнѣ отъ служившаго при генералѣ Инзовѣ штабъ-офицера Алексѣева, на квартирѣ коего жилъ (одно время) нашъ поэтъ во время ссылки на югъ».

Вотъ само стихотвореніе:

«Вы помните ль то розовое поле,
Друзья мои, гдѣ красною весной,
Оставивъ классъ, рѣзвились мы на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?
Графъ Брольо былъ отважнѣе, сильнѣе,
Комовскій же проворнѣе, хитрѣе;
Не скоро могъ рѣшаться жаркій бой.
Гдѣ вы, лѣта забавы молодой!»

На это П. А. Ефремовъ въ т. VIII сочиненій А. С. Пушкина 1905 г. (стр. 223) замѣчаетъ: «между товарищами Пушкина по лицію былъ С. Д. Комовскій, о которомъ поэтъ *ни разу* не упоминаетъ ни въ перепискѣ своей, ни въ запискахъ, ни въ стихахъ, но который зато выставленъ въ запискахъ г. Павлищева безъ всякихъ основаній чуть ли не самымъ близкимъ къ поэту изъ всѣхъ его товарищей». По словамъ Ефремова, этотъ Комовскій, вѣроятно, желая самъ пополнить умолчаніе о немъ Пушкина, прислалъ Гроту это стихотвореніе, будто бы не вошедшее, какъ варіантъ, въ стихотвореніе «19 октября 1825 г.» Между тѣмъ, отрывокъ этотъ оказывается взятымъ изъ Гавриліады о борьбѣ добраго духа съ злымъ и съ замѣною перваго именемъ графа Брольо, а втораго — именемъ Комовскаго. Гротъ, какъ мы видѣли, напечаталъ эти стихи съ замѣткою, что Пушкинъ въ своихъ стихахъ только разъ упоминаетъ объ этомъ товарищѣ, именно въ этой строфѣ, между тѣмъ Пушкинъ ни разу не упоминалъ фамиліи Комовскаго; поэтому Комовскій пополнилъ умолчаніе о немъ Пушкина, вставивъ въ этотъ отрывокъ Гавриліады свою фамилію. Упомянемъ, что Комовскій получилъ ихъ отъ Алексѣева, онъ выдалъ себя, такъ какъ въ Кишиневѣ, гдѣ Пушкинъ жилъ съ Алексѣевымъ и была написана «Гавриліада» въ 1822, а не въ 1825. Вотъ этотъ отрывокъ изъ «Гавриліады»:

«Друзья мои, гдѣ въ прежніе дни, весной,
Оставя классъ, играли мы на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?
Усталые, забывъ и брань и рѣчи
Такъ ангелы боролись межъ собой»...

Съ этимъ мнѣніемъ П. А. Ефремова К. Я. Гротъ, въ своей книгѣ «Пушкинскій Лицей», не согласенъ, равно какъ, не согласенъ съ издателемъ Пушкина С. А. Венгеровымъ. Реабилитация Комовскаго Константиномъ Яковлевичемъ Гротомъ который, увѣряетъ, что отрывокъ Гавриліады, гдѣ упоминается о Комовскомъ, является вариантомъ къ тексту этой демонической поэмы, не выдерживаетъ строгой критики. К. Я. Гротъ замѣчаетъ: «Нечего и говорить, что заподозрѣваніе Комовскаго въ такомъ неблаговидномъ поступкѣ, какъ поддѣлка стиховъ Пушкина,—рѣшительно не вяжется съ благороднымъ характеромъ его и съ тѣмъ нравственнымъ обликомъ, въ какомъ онъ является въ отзыввахъ современниковъ». Въ этихъ словахъ Константинъ Гротъ глубоко ошибается. Комовскій могъ быть въ послѣдствіи весьма дѣльнымъ и порядочнымъ человѣкомъ, но въ молодости, судя по его дневнику, онъ является неискреннимъ мальчикомъ, ханжой и болтуномъ, къ тому же не пользовавшимся любовью своихъ товарищей за свое ябедничество, фискальство и хитрость. Недаромъ же товарищи сохранили въ національныхъ пѣсняхъ и другихъ стихахъ неблагопріятную для Комовскаго характеристику:

«Комовскій—маленькая птичка,
И смотритъ точно какъ лисичка»...

— — — — —
«Смотрите—вотъ и наша птичка,
Вотъ проповѣдница-лисичка»...

Поэтому, прочтя даже статью К. Я. Грота, я вполне согласенъ съ П. А. Ефремовымъ, который по справедливости отнесся неблагосклонно къ стихамъ Пушкина, гдѣ упоминается фамилія Комовскаго и призналъ въ нихъ, со стороны Комовскаго, желаніе хоть однажды видѣть свое имя среди стиховъ Пушкина.

10.

БАРОНЪ

ПАВЕЛЪ ФЕДОРОВИЧЪ

ГРЕВЕНИЦЪ.

Баронъ Павелъ Федоровичъ Гревеницъ.

(Род. 17 мая 1798 г.; † 10 мая 1847 г.).

«Человѣкъ съ дарованіями, образованіемъ и свѣдѣніями, но большой чудакъ, оригиналь и нелюдимъ».

Графъ М. А. Корфъ.

Le pilier du Ministère.

Гр. Нессельроде.

Родъ бароновъ Гревеницъ иностраннаго происхожденія. Они происходятъ изъ Герцогства Виртембергскаго. Приѣхавъ въ Россію, они были приняты въ русское подданство. Объ одномъ изъ нихъ мы имѣемъ Высочайшій указъ Императора Павла I слѣдующаго содержанія: «1 мая 1797 г. въ Москвѣ. Указъ Нашему Сенату. Герцогскаго Виртембергскаго двора камергера барона Гревеница, всемилостивѣйше принявъ въ службу Нашу Статскимъ Совѣтникомъ, повелѣваемъ счислять его при кабинетѣ. Павелъ»¹⁾).

Баронъ Гревеницъ, отецъ лицеиста, послѣ пожалованія его Статскимъ Совѣтникомъ, сдѣлался приближеннымъ лицомъ при дворѣ Императора Павла и Императрицы Маріи Ѳеодоровны. О немъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ Графъ Ф. Г. Головкинъ и говоритъ, что онъ принадлежалъ во времена Павла къ той придворной партіи, въ которую входили: Императрица, Графъ Паленъ, Панинъ, Петръ Головкинъ, Кампенаузенъ, г-жа Ливенъ и проч.²⁾ Баронъ Гревеницъ впоследствии получилъ мѣсто кавалера при Великихъ Князьяхъ. Это было въ родѣ дядекъ при Великихъ Князьяхъ. Гревеницъ, Саврасовъ и другіе были дядьками или кавалерами при Великихъ Князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ, сопровождали ихъ въ путешествіяхъ за границу и по Россіи и состояли въ корреспонденціи съ ихъ Августѣйшей

¹⁾ «Сенатскій Архивъ» т. I. Именные указы Императора Павла I, (пб. 1888 г. (192, листъ 7) стр. 208.

²⁾ «Рус. Старина» 1907 г., т. СХХІХ. февраль стр. 360.

матерью Императрицей Маріей Θεодоровной. Въ письмѣ отъ 2 августа 1815 г Императрица Марія Θεодоровна упоминаетъ о баронѣ Гревеницѣ ¹⁾. Эта близость ко двору дала возможность опредѣлить молодого Гревеница въ число воспитанниковъ въ только что образовавшійся въ 1811 году Царскосельскій Лицей. Семьи лицъ, близкихъ Императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ и Императору Павлу, въ царствованіе ихъ сына, Императора Александра, постарались выдвинуть кандидатуры своихъ сыновей въ новооткрытое высшее привеллягированное учебное заведеніе. Въ ихъ числѣ кромѣ семейства Гревеница, было семейство Саврасова, который занималъ должность тоже кавалера при Великихъ Князьяхъ, а также семейство Кюхельбекера, который былъ вторымъ Управляющимъ гор. Павловска и Завѣдующимъ дворцами и парками этой любимой мѣстности Императрицы Маріи Θεодоровны.

Лицействъ Баронъ Павелъ Федоровичъ Гревеницъ родился въ Петербургѣ 17 мая 1798 г. и былъ, какъ замѣтилъ еще академикъ Я. К. Гротъ; годомъ старше Пушкина ²⁾. Онъ былъ вѣроисповѣданія евангелическо-лютеранскаго и происходилъ изъ Мекленбургскихъ дворянъ, но въ формулярѣ его прибавлено: «Россійскій уроженецъ, представилъ въ 1842 г. метрику о рожденіи». Онъ былъ сыномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника ³⁾.

Экзаменъ въ Лицей Гревеницъ выдержалъ 12 августа 1811 года и результатомъ этого экзамена были слѣдующія отмѣтки: въ грамматическомъ познаніи языковъ: россійскаго—«довольно хорошо», французскаго и нѣмецкаго—«хорошо», въ арифметикѣ—«очень хорошо», въ познаніи общихъ свойствъ тѣлъ, т. е. физикѣ—«слабо», въ начальныхъ основаніяхъ географіи и исторіи—«изрядно» ⁴⁾.

¹⁾ Тоже 1904 г., т. СХІХ, июль, стр. 97.

²⁾ Свѣдѣнія о бар. П. Ф. Гревеницѣ находятся въ книгѣ Я. К. Грота: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб. 1899 г., стр. 188. Біографическія свѣдѣнія о Гревеницѣ Гротъ получилъ отъ одного изъ родственниковъ барона Статс-Секретаря Е. А. Перетца († 19 февраля 1899 г.); братъ Гревеница, Александръ Федоровичъ, былъ женатъ на Маріи Абрамовнѣ Перетцѣ). Онъ былъ воспитанникомъ лицейскаго благороднаго пансіона, VI курса, вып. 1824 г., кончилъ курсъ съ чиномъ X класса и второю серебряною медалью. Умеръ въ чинѣ Дѣйств. Тайн. Совѣтн. и званіи Сенатора. Свѣдѣнія, приводимыя Гротомъ о годѣ рожденія Павла Гревеница, вполнѣ совпадаютъ съ тѣми свѣдѣніями, которыя мы имѣемъ въ его формулярѣ. Формуляръ составленъ въ 1847 г. въ годъ его смерти, и въ немъ сказано, что Гревеницъ отъ роду имѣлъ 49 лѣтъ: слѣдовательно, онъ родился въ 1798 году. Между тѣмъ на основаніи «отчета о поведеніи и свойствахъ воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея», составленнаго въ 1812 году надзирателемъ по учебной части Мартыномъ Пилецкимъ-Урбановичемъ, можно полагать, что онъ родился въ 1799 г., такъ какъ Пилецкій въ 1812 г. считаетъ ему 13 лѣтъ.

³⁾ Матеріалы для исторіи Лицея. И. Селезневъ, 1856 г. стр. 29, см. Памятную книжку Лицея за 1856—57 годъ.

⁴⁾ Тамъ же, примѣчаніе къ стр. ХІ.

Такимъ образомъ Павелъ Гревеницъ поступилъ въ Императорскій Царско-сельскій Лицей. Что касается до ученія его въ Лицеѣ, то мы имѣемъ нѣсколько отзывовъ преподавателей и профессоровъ Лицея. Профессоръ русской и латинской словесности Николай Кошанскій (за время 23 октября 1811 года по 15 марта 1812 г.) ставитъ его изъ тридцати учениковъ двадцать вторымъ и пишетъ о немъ: «Баронъ Павелъ Гревеницъ, съ рѣдкими способностями и чувствами. Его понятливость, кажется, не можетъ утомиться ни вниманіемъ, ни прилѣжаніемъ, особенно поддерживается соревнованіемъ и нѣкоторымъ честолюбіемъ. Усиѣхи его въ обоихъ частяхъ очень хороши».

Тотъ же Кошанскій въ отзывѣ своемъ отъ 15 марта по 15 октября 1812 г. ставитъ Гревеница въ своемъ спискѣ одиннадцатымъ воспитанникомъ изъ тридцати и даетъ дословно тотъ же самый отзывъ.

Профессоръ нѣмецкой литературы Гауеншильдъ отъ 31 марта 1812 года аттестуетъ своихъ воспитанниковъ въ алфавитномъ порядкѣ и пишетъ слѣдующее о Павлѣ Гревеницѣ: «Grävenitz (B.). Fort bon écolier, ne donnant jamais la moindre raison de se plaindre de lui. Il connoissoit déjà la langue allemande à son entrée au Lycée, mais il a fait depuis des progrès très marqués et promet d'être toujours un des premiers de sa classe».

Профессоръ де-Будри, преподаватель французскаго языка, дѣлитъ своихъ воспитанниковъ на четыре категоріи и ставитъ Гревеница во вторую категорію, замѣчая о немъ: «Groewnitz (Baron). Son aptacation (?—application) se soutient et il est toujours parmi les bons».

Въ своемъ второмъ рапортѣ Гауеншильдъ отъ 19 ноября 1812 г. помѣщаетъ его въ рубрику наилучшихъ (classe de ceux qui excellent) и подъ однимъ номеромъ съ Кюхельбекеромъ, Стевенемъ, Комовскимъ и Корфомъ.

Мартынъ Пилецкій въ отчетѣ о поведеніи и свойствахъ гг. воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, представленномъ Директору Лицея 19 ноября 1812 г., даетъ такой отзывъ о Гревеницѣ: Баронъ Гревеницъ (Павелъ) (лютеранскаго исповѣданія) 13-ти лѣтъ. Съ хорошими дарованіями, весьма постоянно благонаравенъ, почти не требуя надзора, охотно прилѣжаетъ къ ученію, любитъ порядокъ и опрятность, всегда вѣжливъ, чувствителенъ и къ малѣйшимъ выговорамъ; скромнень, боязливъ и нѣсколько застѣнчивъ; въ поступкахъ своихъ и въ обращеніи весьма благороденъ и любезенъ ¹⁾.

Профессоръ Кошанскій отъ 9 іюля 1813 г. въ собственноручномъ спискѣ дѣлитъ всѣхъ воспитанниковъ на четыре группы: на превосходныхъ,

¹⁾ «Лицейскій Журналъ». Годъ восьмой, IV, 1910—1911, стр. 27.

отличныхъ, хорошихъ и посредственныхъ. Онъ ставитъ Гревеница въ рубрику хорошихъ вторымъ ученикомъ. Всего въ этой группѣ девять воспитанниковъ.

Гувернеръ Чириковъ въ своемъ спискѣ «о свойствахъ и поведеніи воспитанниковъ Императорскаго Лицея» отъ 30 сентября 1813 г. замѣчаетъ слѣдующее о Гревеницѣ: «Вѣжливъ, кротокъ, послушенъ, опрятенъ, терпѣливъ, любитъ ученіе».

Николай Кошанскій въ своемъ спискѣ отъ 1 августа до 15 декабря 1813 года, въ которомъ разбираетъ способности, прилежаніе и успѣхи своихъ воспитанниковъ, ставитъ Гревеница двѣнадцатымъ воспитанникомъ изъ двадцати девяти и даетъ опять-таки тотъ же отзывъ.

Наконецъ, профессоръ географіи, всеобщей и російской исторіи Николай Кайдановъ въ своей «вѣдомости о дарованіи, прилѣжаніи и успѣхахъ воспитанниковъ Императорскаго Лицея отъ 1 ноября 1812 года по 1-ое января 1814 года», ставя Гревеница двадцать первымъ воспитанникомъ изъ двадцати девяти, говоритъ о немъ слѣдующее: «Баронъ Павелъ Гревеницъ. Успѣховъ и дарованій довольно хорошихъ; уроки всегда слушаетъ со вниманіемъ; поведенія очень хорошаго».

Мы можемъ еще упомянуть объ отзывѣ гувернера Ильи Пилецкаго за ноябрь мѣсяца 1812 г. Мы уже болѣе подробно упоминали въ другихъ біографическихъ очеркахъ объ этомъ столкновеніи воспитанниковъ съ инспекторомъ, здѣсь же замѣтимъ, что Пилецкій записалъ о Гревеницѣ: «Гревеницъ. Въ продолженіи сего мѣсяца (ноября) велъ себя весьма хорошо. Никакого участія въ известномъ происшествіи не бралъ и обходился, какъ благородному и кроткому воспитаннику приличествуетъ»¹⁾.

Таковы были отмѣтки профессоровъ объ успѣхахъ Гревеница въ Царско-сельскомъ Лицеѣ.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, принималъ ли Гревеницъ участіе въ литературныхъ и поэтическихъ шалостяхъ юныхъ лицействъ. По крайней мѣрѣ ни у Гаевского, ни у Грота нѣтъ упоминаній объ этомъ.

Среди же куплетовъ лицейскихъ «національных» пѣсенъ, составлявшихся, какъ извѣстно, сообща веѣмъ классомъ, находится одинъ куплетъ, гдѣ упоминается о Гревеницѣ вмѣстѣ съ другими его товарищами:

«Стевенъ, Гревеницъ, Корфенокъ

«Будутъ рыцари чухонокъ.

«Мы-жъ нули, мы нули,

«Ай люли, люли, люли».

Надо полагать, что Гревеницъ былъ особенно друженъ съ Пушкинымъ. Къ Гревеницу относится стихотвореніе Пушкина «Мой портретъ» на француз-

¹⁾ И. А. Шляпкинъ: «Къ біографіи А. С. Пушкина» Спб. 1899 г., стр. 19.

скомъ языкѣ. Это стихотвореніе было сообщено самимъ барономъ Гревеницемъ въ «Маякѣ» 1840 г., издававшемся братомъ лицейскаго товарища Пушкина Петромъ Александровичемъ Корсаковымъ (1790, † 1844 г. ¹).

Гревениць скончилъ курсъ 9 іюня 1817 года съ чиномъ Титулярнаго Совѣтника (IX классъ) и получилъ слѣдующій дипломъ, или какъ его тогда называли свидѣтельство, объ окончаніи курса наукъ въ Лицеѣ за № 13.

«Воспитанникъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея Баронъ Павелъ Гревениць въ теченіе шестилѣтняго курса обучался въ семь заведеніи и при отличномъ благопріивіи оказалъ успѣхи: въ логикѣ, нравственной философіи и физикѣ, въ латинской, російской, нѣмецкой и французской словесности, въ правѣ естественномъ, частномъ и публичномъ, въ Государственной экономіи и финансахъ, въ Російскомъ, гражданскомъ и уголовномъ правѣ весьма хороше; въ чистой и прикладной математикѣ, въ исторіи всеобщей и російской, въ географіи и статистикѣ хорошіе. Во увѣреніе и чего и дано ему отъ Конференціи Императорскаго Царскосельскаго Лицея сіе свидѣтельство съ приложеніемъ печати. Городъ Царское Село. Іюня 9 дня 1817 года. Подписано: Директоръ Лицея Егоръ Энгельгардтъ. У сего свидѣтельства Императорскаго Царскосельскаго Лицея печать (м. п.) Конференцъ — Секретарь Профессоръ Александръ Кунининъ.—(Съ подлиннымъ вѣрно Секретарь Огіевскій, изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ) № 55 ²).

Покидая Липей, Гревениць по примѣру своихъ товарищей, внесъ слѣдующія строки на французскомъ языкѣ въ альбомъ А. Е. Энгельгардта. «Si toute séparation quelconque est déjà triste par elle-même, que ne l'est—elle davantage avec des personnes aux quelles on est lié tant par attachement inviolable, que par les sentiments du respect le plus profond et de la plus vive gratitude. Oui, Егоръ Антоновичъ, j'ose Vous assurer que ces paroles sont dictées par un cœur reconnaissant et quand même un dehors froid ne saurait les justifier, veuillez l'attribuer plutôt à un caractère malheureux, qui ne m'a privé que trop souvent de ces aimables soirées où tout le mond venait

¹) Мы отсылаемъ читателей, интересующихся этимъ стихотвореніемъ Пушкина, къ статьѣ С. Венгерова, помѣщенной въ книгѣ «Пушкинъ» подъ его редакціей, стр. 168—170.

²) По поводу этого свидѣтельства въ дѣлахъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ находится слѣдующій документъ.

«Доношеніе Титулярнаго Совѣтника Барона П. Гревеница въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ отъ 19 іюля 1821 г., № 17/3442:

«Представляя при семъ свидѣтельство, данное мнѣ въ 1817 году отъ Конференціи Императорскаго Царскосельскаго Лицея о познаніяхъ моихъ, покорнѣйше прошу Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ по списаніи съ сего свидѣтельства копию, подлинное мнѣ возвратитъ». Внизу написано: «Подлинное свидѣтельство получилъ обратно Титулярный Совѣтникъ Баронъ П. Гревениць».

puiser la joie au sein d'une famille chérie, heureuse et bienfaisante. P. Graevenitz. ce 9 de Juin 1817 г. ¹⁾).

Вмѣстѣ съ княземъ Горчаковымъ, Ломоносовымъ, Корсаковымъ, Кюхельбекеромъ, Юдинымъ и Пушкинымъ Гревеницъ поступилъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Опредѣленъ же онъ былъ на службу въ томъ же году, Іюня 13-го. Пожаловано ему въ награжденіе 800 руб. асс. 1810 г., Апрѣля 19-го.—Пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 3 степени—1820 г., 1 января.—Пажалованъ въ Коллежскіе Ассесоры со старшинствомъ съ 1821 г., іюня 13-го. —Пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4 степени 1821 г., 27 августа.—Пожаловано ему въ награжденіе 1200 руб. асс.—1824 г., 1-го января.—Причисленъ къ Министерской Канцеляріи—1824 г., 10-го іюня.—Пожаловано ему въ награжденіе 1000 руб.—1825 г., апрѣля 7-го.—Произведенъ въ Надворные Совѣтники со старшинствомъ съ 1826 г., іюня 13-го.—Пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2 степ. 1827 г., 5-го декабря. — Пожалованы ему знаки ордена Св. Анны 2 степ., Императорскою короною украшенные — 1829 г., 8-го октября. — Пожалованъ въ Коллежскіе Совѣтники—1831 г., 18-го апрѣля.—Пожаловано ему въ награжденіе 2000 руб. ассигн.—1833 г., 1-го апрѣля.—Награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ—1833 г., августа 22-го.—Пожаловано ему одновременно 2500 руб. ассигн.—1835 г., апрѣля 6-го—Назначенъ членомъ Общаго Присутствія Департамента Внѣшнихъ Сношеній Министерства Иностранныхъ Дѣлъ—1836 г., марта 18-го.—Въ 1837 г., февраля 19-го пожалованъ въ Статскіе Совѣтники со старшинствомъ съ 1836 г., марта 18-го.—Пожаловано ему одновременно 1250 руб. ассигн.—1836 г., 21-го марта.—Награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ—1838 г., августа 22-го.—Назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса—при томъ же Департаментѣ—1839 г., января 1-го.—Пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3 ст. 1839 г., 25-го марта.—Награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ—1843 г., августа 22-го.—Всемилоствѣйше пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники—1845 г., 14-го апрѣля.—Съ высочайшаго соизволенія опредѣленъ старшимъ Цензоромъ при Департаментѣ Внѣшнихъ Сношеній съ оставленіемъ его въ званіи чиновника особыхъ порученій 1845 г., мая 3-го.—Въ 1846 г. при наименованіи онаго Департамента особою Канцеляріею Министерства Иностранныхъ дѣлъ оставленъ въ тѣхъ же должностяхъ при означенной Канцеляріи. Скончался 10-го мая 1847 г.—Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству въ 8 день іюня, за № 104, исключенъ изъ списковъ.

¹⁾ См. Пушкинъ и его современники. Спб. 1908 г., вып. 7, стр. 4. Д. Θ. Кобеко: Альбомъ Директора Царскосельскаго Лицея Е. А. Энгельгардта.

Въ походахъ, въ штрафахъ, въ отставкѣ, не былъ. Въ графѣ о недвижимыхъ имѣніяхъ значится «не имѣлъ».—Холостъ. Получалъ жалованья 1143 р. 68 коп. с. и по званію цензора жалов. 857 р. 76 к. сер., стол. 428 р. 88 коп. сер., всего 2430 р. 32 коп.—Въ графѣ: «Къ продолженію статской службы способенъ и пр.?» написано: «Аттестовался способнымъ и достойнымъ».—Въ графѣ: «Не были въ отпускахъ и пр.?»—написано: «Былъ уволенъ въ отпускъ 1835 г. іюля 27 на 28 дней и возвратился въ срокъ».

Если мы обратимся къ дружеской перепискѣ Энгельгардта со своими любимыми воспитанниками Матюшкинымъ и Вольховскимъ, а также къ перепискѣ однокурсниковъ между собою, то мы можемъ извлечь кое-какія скудныя свѣдѣнія. Былъ ли Гревеницъ, какъ говоритъ Корфъ, чудакомъ, оригиналомъ и нелюдимомъ, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ онъ ни съ кѣмъ изъ товарищей своихъ не встрѣчался и даже на лицейскимъ годовщинахъ бывалъ очень рѣдко.

Такъ, напримѣръ, на празднованіе лицейской годовщины въ 1836 г. Гревеницъ попалъ совершенно случайно: только благодаря настойчивости пріѣхавшаго изъ провинціи товарища Мясоѣдова Гревеницъ былъ на этомъ торжествѣ, вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ Яковлевъ въ письмѣ къ Вольховскому отъ 24 ноября 1836 г. «Прежде всего надо сказать тебѣ, что къ этому времени пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ деревни Мясоѣдовъ и натворилъ много чудесъ. Онъ вытащилъ изъ норы Гревеница, который никогда не являлся къ намъ на праздникъ и отыскалъ Мартынова, словомъ, дѣйствовалъ мастерски. Въдъ насъ въ сборѣ было одиннадцать человекъ».

Еще раньше Яковлева Энгельгардтъ писалъ Матюшкину (23 октября 1832 г.): «Къ стати о 19 октября: была сходка годовая нелюдная, — Корфъ, Комовскій, Корниловъ, Стевенъ, Пушкинъ, Яковлевъ, Илличевскій, Данзасъ—итого 8 человекъ, Юдинъ, Гревеницъ, Мартыновъ не являются».

Точно также въ письмѣ отъ 18 ноября 1829 года Энгельгардтъ, рассказывая Матюшкину о лицейской сходкѣ этого года, на которую онъ между прочимъ не попалъ, перечисляетъ тѣхъ лицестовъ I курса, которые не посѣщаютъ эти сходки; таковыхъ онъ считаетъ заштатными; такими заштатными являлись Гревеницъ, Юдинъ, Мартыновъ и Костенскій.

Само собою разумѣется, что Энгельгардтъ зорко слѣдилъ за служебнымъ положеніемъ своихъ бывшихъ воспитанниковъ, поэтому въ его перепискѣ мы также находимъ свѣдѣнія о служебномъ положеніи Гревеница. Въ письмахъ Энгельгардта Гревеницъ и Юдинъ бываютъ неразлучны, какъ потому, вѣроятно, что они оба одновременно поступили въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и провели въ ней всю свою жизнь, такъ и потому, что они оба манкиро-

вали товарищескими сходками 19-го октября, что могло не нравиться Энгельгардту. Эта неразлучность обоих друзей была такъ характеристична для ихъ товарищей, что Яковлевъ, описывая Вольховскому въ шуточной формѣ служебное положеніе каждаго изъ товарищей, въ письмѣ отъ 24 генваря 1826 г. не нашолъ ничего характеристичнаго, какъ слѣдующую фразу: . . . «Юдинъ, Гревеницъ; Гревеницъ, Юдинъ und weiter nichts».

Энгельгардтъ, точно также сообщая въ своихъ письмахъ Матюшкину объ одномъ изъ нихъ, рядомъ ставитъ и другого. Если онъ говоритъ о Гревеницѣ, то тутъ же упоминаетъ и о Юдинѣ. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ: «Юдинъ флегматичаетъ (Sic) и получилъ Анну, равно какъ и Гревеницъ, который дикъ по прежнему» (10 сентября 1820 г.).

Уже 14 сентября 1823 г. въ письмѣ къ Кюхельбекеру упоминаются оба пріятели. Энгельгардтъ пишетъ: «Гревеницъ и Юдинъ—дипломатицируютъ». Въ цѣломъ рядѣ писемъ къ Матюшкину Энгельгардтъ, сообщая послѣднему свѣдѣнія объ этихъ двухъ пріятеляхъ, ставитъ ихъ фамиліи рядомъ другъ съ другомъ.

«Гревеницъ и Юдинъ пишутъ въ Канцеляріи графа Нессельроде», — говоритъ Энгельгардтъ въ письмѣ отъ 22 генваря 1831 г.

«Гревеницъ и Юдинъ канцелярствуютъ» (4 декабря 1831 г.).

«Гревеницъ и Юдинъ канцелярничаютъ, получаютъ иногда по кресту и награжденію» (28 мая 1832 г.).

«Юдинъ и Гревеницъ, какъ и прежде, невидимки» — письмо отъ 30 іюля 1833 г.

Но въ письмахъ Энгельгардта мы встрѣчаемъ также и одно имя Гревеница безъ упоминаній о Юдинѣ. Это случается тогда, когда Энгельгардтъ сообщаетъ о какомъ-нибудь особенно важномъ событіи. Къ такому событію можно отнести пожалованіе Гревеницу Императорской Короны на орденъ Анны, объ этомъ онъ даже упоминаетъ въ двухъ письмахъ. Такъ, напримѣръ, 3 генваря 1830 г. Энгельгардтъ сообщалъ Матюшкину: «Гревеницъ получилъ Императорскую корону на свою Анну», а 7 апрѣля того же года онъ писалъ: «Гревеницъ получилъ Анну съ короной, мы иногда встрѣчаемся на улицѣ, и онъ со мною говоритъ».

Корфъ въ письмѣ къ Вольховскому, отъ 17 февраля 1837 г. даетъ такую характеристику Гревеница: «Юдинъ и Гревеницъ стали, конечно, со всѣми другіе люди, нежели какими мы ихъ знавали въ Лицеѣ; но теперь, кажется, достигли своего зенита и болѣе не перемѣняются: я ихъ обоихъ сердечно люблю, хотя и видимся мы довольно рѣдко».

Въ 1835 г. въ письмѣ отъ 11 іюня Яковлевъ, расписывая служебное положеніе своихъ товарищей, даетъ слѣдующую характеристику Гревеница:

«Гревениць все съ прежними страстями къ бабочкамъ и букашкамъ. Служить хоть не счастливо, но на хорошемъ счету».

Эта страсть къ бабочкамъ и букашкамъ, о которой такъ иронически отзывался Яковлевъ, была однако не юношескою затѣю, а серьезною задачей для Гревеница. Вообще въ глазахъ товарищей всякій трудъ, выходящій изъ рамокъ обыденнаго, представляется чѣмъ-то страннымъ или граничащимъ съ чудачествомъ. Такъ было и съ Гревеницемъ. «Любимой наукой его была ботаника; по смерти его остались многотомные гербаріи растений, собранныхъ имъ самимъ въ окрестностяхъ Петербурга» ¹⁾).

Модестъ Корфъ даетъ слѣдующую характеристику барона Гревеница: «Баронъ Павелъ Федоровичъ Гревениць, человѣкъ съ дарованіями, образованіемъ и свѣдѣніями, но большой чудакъ, оригиналь и нелюдимъ. Онъ съ самаго выпуска изъ Лицея служить въ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ» ²⁾).

Оковчимъ этотъ слабый и неполный біографическій очеркъ барона Павла Федоровича Гревеница словами академика Грота: «Отличаясь скромнымъ и тихимъ нравомъ, онъ, несмотря на свои замѣчательныя способности, никогда не игралъ выдающейся роли. Съ самаго выпуска изъ Лицея и до смерти своей онъ служилъ въ Канцеляріи министра иностранныхъ дѣлъ, и будучи однимъ изъ лучшихъ редакторовъ, пользовался большимъ расположеніемъ главныхъ своихъ начальниковъ, графа Каподистріи и графа Нессельроде. Неоднократно были ему предлагаемы мѣста въ иностранныхъ нашихъ посольствахъ, но онъ всегда отказывался, не желая разстаться съ матерью и братьями, которыхъ нѣжно любилъ. Это былъ человѣкъ очень образованный. Читая почти все, что появлялось замѣчательнаго въ европейскихъ литературахъ, онъ былъ, такъ сказать, живую энциклопедіей...»

«Въ свободные часы баронъ Павелъ Федоровичъ занимался и поэзіею. Хотя произведенія его никогда не печатались, но многія изъ нихъ, писанныя какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкѣ, очень цѣнились его друзьями. На могилѣ покойнаго, на Волковомъ кладбищѣ, помѣщена весьма вѣрная эпитафія, написанная пріятелемъ его Вал. Петр. Свѣчинимъ:

«Онъ душу добрую и нѣжную имѣлъ;
Поэтъ между друзей, ученый въ кабинетѣ,
Природу онъ любилъ и въ ней найти умѣлъ
И мудрости плоды, и радость въ полномъ цвѣтѣ» ³⁾).

¹⁾ Я. К. Гротъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Спб. 1899 г., стр. 188.

²⁾ «Изъ дневника барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа». 1839 г., гл. 2. «Рус. Стар.», 1904 г., т. СХVІІІ, июнь, стр. 553.

³⁾ Гротъ, «Пушкинъ», стр. 188.

Въ журналѣ «Сѣверный Наблюдатель» за 1817 годъ мы находимъ нѣсколько стихотвореній юныхъ лицейство́въ, какъ-то: Пушкина и Илличевскаго (см. въ его біографическомъ очеркѣ). Безспорно и другіе лицейсты I курса могли помѣщать свои произведенія на страницахъ гостепріимнаго журнала П. А. Корсакова. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, если я предположу, что и Гревеницъ помѣстилъ на страницахъ «Сѣвернаго Наблюдателя» свои произведенія. Но писалъ ли онъ стихи? Въ этомъ убѣждаетъ насъ Я. К. Гротъ, который говоритъ про Гревеница: «въ свободные часы баронъ Павелъ Ѳеодоровичъ занимался и поэзіею. Хотя произведенія его никогда не печатались, но многія изъ нихъ, писанныя какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкѣ, очень цѣнились его друзьями» ¹⁾). Здѣсь установленъ тотъ фактъ, что Гревеницъ писалъ стихи, слѣдовательно, могъ ихъ писать и въ своей юности. Что же касается до того, что онъ ихъ «никогда» не печаталъ, то это вполне понятно. Послѣ Пушкина такіе поэты изъ Лицея какъ: Дельвигъ, Илличевскій, Корсаковъ и другіе терялись въ ореолѣ его славы, какъ и вообще всѣ поэты его времени, то подавно и Гревеницъ долженъ былъ ступеваться, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ не могъ печатать стихотворенія въ молодости своей въ литературныхъ журналахъ, хотя бы подъ псевдонимомъ. Если мы возьмемъ напримѣръ «Сѣверный Наблюдатель», то мы найдемъ тамъ автора, скрывшагося подъ псевдонимомъ «16. XI» — кто скрывается подъ этими цифрами? Это — Гревеницъ. Какъ извѣстно и Пушкинъ прибѣгалъ къ этому роду цифровыхъ подписей. Фактъ этотъ слышкомъ извѣстенъ, чтобы о немъ распространяться. Что означаютъ эти цифры въ псевдонимѣ Гревеница? Арабская цифра 16 означаетъ комнату, или лицейскую келью, которую Гревеницъ занималъ въ Лицеѣ. Малиновскій, указавшій на нумера комнатъ лицейство́въ въ зданіи царскосельскаго Лицея, указываетъ на № 16, какъ на комнату Гревеница, выходившую окномъ ко дворцу ²⁾). Что означаетъ римская цифра XI? Она означаетъ количество буквъ въ имени, отчествѣ и фамиліи Гревеница. Если откинуть «ъ» въ концѣ фамиліи, то мы получимъ Б(аронъ) П(авель) Ѳ(еодоровичъ) Гревеницъ равное одиннадцати, или П. Ѳ. Гревеницъ съ буквою «ъ» на концѣ, но безъ буквы Б., т. е. безъ титула баронъ тоже равное одиннадцати буквамъ. Это убѣждаетъ насъ, что подъ цифрами «16. XI» скрывался Гревеницъ и даетъ намъ право помѣстить здѣсь его юношескія стихотворенія, напечатанныя въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» за 1817 годъ, но написанныя, вѣроятно, еще въ Лицеѣ.

¹⁾ Я. Гротъ: Пушкинъ..., стр. 188.

²⁾ См. Я. Гротъ, Пушкинъ его товарищи и наставники, СПб., 1899 г., стр. 286.

Въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» 1817 годъ, часть I, въ № 2, на стр. 67 и 68 находится слѣдующее стихотвореніе:

Къ Филону,

стансы.

Не лести меня, Филонъ, мечтой напрасной,
Что для меня забавы разцвѣтутъ;
Что дни весны и юной и прекрасной
Въ отраду мнѣ веселость приведутъ.

Какъ бурный вихрь моя промчалась младость:
Едва узрѣлъ я счастья свѣтлый взглядъ;
Едва позналъ любви взаимной сладость —
И вслѣдъ за ней течетъ измѣны ядъ!

Мнѣ Музы путь къ Олимпу указали,
И я лечу на крыльяхъ суеты,
Забывъ любовь, измѣну и печали,
Въ чудесный міръ — въ страну златой мечты!

Но что! и тамъ препятствія встрѣчаю:
Мой лирный звукъ, какъ тихій шумъ ручья,
Былъ заглушенъ, и лиру я бросаю;
И пѣть Харитъ не смѣю больше я.

Живу — отрадь въ юдоли сей не знаю,
И дней моихъ блѣднѣетъ слабый свѣтъ;
И Парки длань — какъ будто бы скучая,
Вьетъ долгу нить моихъ протяжныхъ лѣтъ.

Одно лишь ты, о дружество любезно!
Сердочный миръ еще мнѣ можетъ дать;
Съ тобой бѣды моей судьбины слезной,
Какъ тяжкій сонъ, я сталь бы вспоминать.

Приди, Филонъ, утѣшь мой духъ унылой;
Не отрекись длань міра мнѣ простреть! —
Такъ, безъ тебя — мнѣ будетъ жизнь могилой;
Но близъ тебя — была бы жизнью смерть.

Въ № 9 на стр. 290 помѣщенъ Апологъ (переведенный съ французскаго изъ сочиненій г-жи де-ла-Сабліеръ) подъ заглавіемъ:

Сорванный листокъ.

Бѣдный сорванный листокъ!
Ты куда летишь? — Не знаю;
Бурей сломленъ твердый дубъ:
Въ немъ одну мою подпору
Я на свѣтъ потерялъ;
И съ тѣхъ поръ — Зѣфиръ превратный,
И Борей, и Аквилонъ,
Мчатъ меня съ дубовы въ поле,
Съ холма въ дальніе луга;
Безъ упрековъ и безъ страха
Я иду — куда меня
Вьюгой вѣтряной повѣетъ;
Я иду — куда идутъ
Вещи всѣ подъ небесами:
И листокъ поблеклой розы,
И лавровый пышный листь.

16. XI.

Въ № 10, на стр. 323, помѣщено двустипіе подъ заглавіемъ:

Минута отчаянія.

Элиза не вѣрна! — Собою не владѣю:
Пойду повѣситься... къ Эмили' на шѣю!

16. XI.

Въ томъ же году въ № 17, часть 2, стр. 114 находится стихотвореніе подъ заглавіемъ «Эпиграмма» слѣдующаго содержанія:

«Въ огонь, въ огонь скорѣй творенія Ослова»,
Кричалъ слугъ Ослова врагъ Душковъ.
«Теперь, сударь, морозъ: погода такъ сурова»,
Сказалъ слуга. — «Такъ чтожъ? въ каминь ихъ вмѣсто дровъ!»
«Не лзя сударь!» — «Молчать! нѣ слова!»
«Не лзя». — «Но почему?» — «Творенія Ослова
Такъ водяны, что отъ его стиховъ
Загаснетъ и огонь». — «Когда сказалъ Душковъ,

Такъ сильно дѣйствуютъ они противу жара,
Такъ береги же ихъ на случай — для пожара».

16. XI.

Наконецъ въ № 22, часть 2, стр. 274, мы встрѣчаемъ еще «Эпиграмму», слѣдующаго содержанія:

«Чтобы хвалить себя заставить,
Плутимъ стихи свои бранить,
И всѣмъ твердить,
Что ими средства нѣтъ ему себя прославить!
Но онъ того не думалъ, что сказалъ;
А я и думалъ, да смолчалъ».

16. XI.

Мы здѣсь привели нашу догадку о принадлежности нѣкоторыхъ стиховъ Гревеницу въ журналъ «Сѣверный Наблюдатель». Можетъ быть найдутся болѣе компетентные изслѣдователи, которые отвергнутъ нашу догадку и докажутъ, что мы ошибались. Подобное опроверженіе намъ доставить только удовольствіе.

Алфавитный указатель.

- Аали-паша, 337.
Аббасъ-Кули, 277, 278.
Аббасъ-Мирза, принцъ, 54, 56, 66, 231, 253.
Абмевъ, 269.
Абхазовъ, кн., 99, 264.
Абрамовъ, 67.
Аварцовъ, 270.
Аверина, М. П., 347.
Авганцовъ, 253.
Аврамовъ, полковн., 45, 47, 208, 209, 213.
Ага-Аджи, 277.
Адамовичъ, Ш. Ф., см. Корсакова.
Адамовичъ, 443.
Адлербергъ, гр., В. Ё., 228, 231, 273, 278, 281, 282, 325, 476.
Александровичъ, 262.
Александровъ, 386.
Александръ I, императоръ, 14, 30, 36, 43, 44, 58, 109, 171, 178, 203, 204, 205, 231, 290, 305, 310, 311, 330, 412, 440, 441, 484, 552.
Александръ II, императоръ, 289, 311, 323, 325, 327—343, 355, 478, 485, 498.
Александръ III, императоръ, 330, 340, 343, 344, 485.
Александръ, герцогъ Виртембергскій, 48.
Алексѣевъ, 547.
Алексѣй Александровичъ, великій князь, 485.
Алексѣй Михайловичъ, царь, 457.
Алисовъ, 281.
Аллеръ, 532, 535, 536.
Алливерди-Бекъ, 258.
Альбедиль, бар., 442.
Альфонсъ XII, король, 340.
Андреевъ, Н. И., 450.
Андрониковъ, А. Н., 124.
Андрониковъ, полковн., 249, 250.
Анжу, П. Ё., 42, 43.
Анна Иоанновна, императрица, 457, 458.
Анна Леопольдовна, правительница, 484.
Анна Павловна, королева Нидерландская, 387, 397, 447.
Анненковъ, Н. Н., 474.
Анненковъ, П. В., 18, 416, 417, 542.
Антоній, архим., 264.
Антонскій-Прокоповичъ, А. А., 4, 5, 6, 9, 10.
Антонскій-Прокоповичъ, М. А., 5.
Аникинъ, г.-м., 192.
Араго, Д. Ф., 449.
Аренбергъ, Я., 497, 507.
Аракчеевъ, гр., А. А., 194.
Аргеландеръ, Ф. В., астрономъ, 207.
Аргутинскій-Долгорукой, кн., М. З., 240.
Армфельдъ, гр., Алсд., 505, 508.
Армфельдъ, гр., Густавъ, 508.
Арнольди, полковн., 149, 150.
Арцуни, 277, 278.
Астье, 482.
Ахлестышевъ, 233—249, 256, 259, 264, 265.
Ахмедъ-Ханъ, 271.
Ахмедъ-Бекъ, 74.
Ашебергъ, 277.
Ашь, 52.
Аванасій (Вольховскій), еписк., 2.
Багратіонъ, князь, 234.
Бажановъ, В. Б., 349.
Базаровъ, І. І., 306, 316, 318, 319, 320, 321, 322, 343, 348, 349, 350, 351.
Базили, К. М., 92, 130—134, 280—285.
Байковъ, г.-м., 99, 230.
Бакунина, Е. П., 545.
Бакунинъ, Ал. Пав., VIII, 112, 151, 153, 175, 280, 291, 366, 367, 368, 386, 393, 499, 540.
Бакунинъ, И. М., 488.
Балкашинъ, прап., 42.
Балуганскій, М. А., 468, 469, 493.
Бальшъ, 386.
Баратовъ, князь, 236, 259.
Бартенева, П. И., 98, 289, 391, 474, 486, 488, 489.
Бартрамъ, Маргарита, въ зам. Стевень, 497.
Бартрамъ, Христіанъ-Дидрихъ, 497.
Батый, 289.
Батюшковъ, К. Н., 296.
Бауманъ, А. О., 355.
Баумеръ, полковн., 224, 237, 242, 252, 255, 261, 266, 273.
Бахметьевъ, 263.
Бебутовъ, кн., В. О., 66, 74, 242, 254, 256, 257, 262, 265.
Безакъ, Ал. Пав., 248, 257, 268.
Бенкендорфъ, гр., Ал. Хр., 107, 108, 136, 137, 176, 215, 216, 224, 233, 484.
Бенкендорфъ, К. Х., 53, 55.
Бенчаловскій, 266.
Бергъ, Н. В., 477.

- Бергъ, графъ, О. О., 27, 32, 41—44, 59.
 Березинъ, И. Н., 86.
 Берже, Ад. Петр., 95, 97, 99.
 Бессель, Ф. В., 207.
 Бестужевъ (Марлинскій), А. А., 45, 47, 48, 49, 97, 116, 165, 188, 209, 210, 212.
 Бестужевъ-Рюминъ, М. П., 50.
 Бетлингъ, см. Корсакова.
 Бетлингъ, Ф., 441, 442.
 Бетлингъ, Ш. Ф., 441.
 фонъ-Биберштейнъ, бар., 498.
 Бибииковъ, И., 51.
 Бильбасовъ, В. А., 2.
 Бинштокъ, В., 481.
 Биронъ, I. Э., герц. Курляндскій, 458.
 Бисмаркъ, канцлеръ, 332, 337, 345.
 Блудовъ, гр., Д. Н., 231, 479, 545.
 Бобринскій, гр., А., 311.
 Бобринскій, гр., А. А., 290.
 Бобринскій, 389.
 Богдановичъ, шт.-кап., 96, 97.
 Багинскій, 124, 143, 147.
 Бодэ, 257.
 Болдыревъ, А. А., 50.
 Бородинъ, М. М., 497.
 Борчевскій, 269.
 Брайко, 131.
 Брейко, Г. Л., 281.
 фонъ-дербъ Бриггенъ, декабр., 45, 47, 212, 213, 216, 217.
 Бриммеръ, Э. В., 69, 92, 109, 110, 131, 137.
 Броглю (Броліа, графъ Сильверій, шевалье до Косальборгоне), VIII, 328, 499.
 Брокъ, П. О., 474, 475.
 Бронеръ, 252.
 Брунновъ, графъ, Ф. И., 322, 386.
 Брунъ, въ зам. Стевенъ, 497, 498.
 Брунь, 198.
 Брусиловъ, 168.
 Брюлловъ, К. П., 397.
 Брюсовъ, В., 454.
 де-Брэ, гр., Оттонъ, 86.
 Будденброкъ, см. Корсакова.
 Будденброкъ, 442.
 де-Будри, 499, 522, 553, 291, 360, 378, 409, 459.
 Буксгевденъ, графъ, О. О., 202, 203.
 Булачъ-Ханъ, 235.
 Булгаковъ, А. Я., 135, 305, 309, 310, 313, 353, 387, 389, 390, 392, 393, 452.
 Булгаковъ, К. А., 309.
 Булгаковъ, К. Я., 39, 54, 55, 312, 316, 385—392, 435, 452, 469, 471.
 Булгари, гр., 386, 387.
 Булгаринъ, О. В., 61.
 Бурачекъ, С. А., 449, 450.
 Бурцовъ, И., 32, 45, 46, 47, 50, 65, 66, 74, 138, 159, 162, 208, 209, 210, 213, 214, 215, 216, 217.
 Буткевичъ, А. И., въ зам. Корсакова, 442, 447.
 Бутковъ, В. П., 538.
 Бутурлинъ, Д. П., 137, 386, 473, 474.
 Бутурлинъ, гр., М. Д., 131.
 Бухваловъ, П. Л., 146.
 Бычковъ, А. О., 404, 471, 477, 478, 479, 484, 494.
 Бычковъ, И. А., VI, XVI, 101, 443, 446, 450.
 Бычковъ, О. А., 404.
 Бѣгичевъ, кн., XVI.
- Бѣлинскій, В. Г., 296, 353.
 Бюлеръ, баронъ, А. Я., 465, 491, 492.
 Вадбольскій, кн., г.-л., 63.
 Вазашерна, Оскаръ, 497.
 Вакульскій, 229.
 Валуевъ, графъ, П. А., 333, 336.
 Вальберхъ, 449.
 Вальховская, Александра Егор., 201.
 Вальховская, Александра Конст., 201.
 Вальховская, Варв. Ив., рожд. Латынина, 201.
 Вальховская, Варвара Конст., 201.
 Вальховская, Ольга Яковл., 201.
 Вальховскіе, 201.
 Вальховскій, Влад. Яковл., 201.
 Вальховскій, Конст. Конст., 201.
 Вальховскій, Конст. Яковл., 201, 209.
 Вальховскій, Мих., родонач. Вальховск., 201.
 Вальховскій, Яковъ Мих., 201.
 Ванъ-Кеорнъ, баронъ, Менно, 95.
 Василій Дмитріевичъ, великій князь Московскій, 405.
 Васильковскій, 258.
 Васильчиковъ, г.-ад., 282.
 Васьковъ, 168.
 Вачнадзе, 246, 247.
 Вейденбаумъ, Е. Г., 67, 68, 69, 70, 71, 72, 94, 137, 138, 139, 188.
 Вейсъ, 171.
 Велепольскій, А., маркизъ, 332.
 Вельяминовъ, А. А., 95, 96, 102, 104, 110, 223, 232, 236, 248, 254—256, 258, 259, 271, 272, 274, 275, 276.
 Венгеровъ, С. А., 296, 303, 304, 307, 347, 353, 548, 555.
 Верстовскій, А. Н., 434.
 Веселовскій, К. С., 21.
 Вигель, Ф. Ф., 1, 20, 35.
 Вилламовъ, Гр. Ив., 200, 536.
 Вильбрагамъ, 134, 279, 285.
 Вильгельмъ, императоръ, 337.
 Висковатова, см. Корсакова.
 Вистингаузенъ, г-жа, 200.
 Виттенгеймъ, Отто, 465, 492.
 Владиміръ, св., вел. князь кievскій, 289.
 Владиміръ Александровичъ, великій князь, 485.
 Влангали, 228, 230, 234.
 Воейковъ, А. О., 61, 545.
 Военскій, К. А., 502.
 Волковъ, 55.
 Волконскій, Г., 453.
 Волконскій, кн., П. М., 24, 27, 28, 30, 33, 34, 203, 204, 205, 214, 240.
 Волконскій, кн., 270.
 Вольховская, Александра Матвѣев., 2.
 Вольховская, Анна Андріанов., 187, 199, 200.
 Вольховская, Анна Влад., въ зам. Носова, 173, 179, 180, 186.
 Вольховская, Анна Дм., 2.
 Вольховская, Аполлиарія Андріан., 199.
 Вольховская, Екат. Андріанов., 199.
 Вольховская, Маріамна Павл., въ зам. Руденкова, 202.
 Вольховская, Марія Андріановна, 199.
 Вольховская, Марія Вас., рожд. Малиновская, 46, 55, 92, 103—106, 146, 149, 161, 165, 166, 173, 177, 179, 180, 185, 186, 187, 267, 514.

- Вольховская, Марія Влад., 160, 173, 179.
 Вольховская, Надежда Дм., 2.
 Вольховская, Настасья Павл., въ зам. Си-
 моновская, 202.
 Вольховская, Наталья Серг., въ зам. Свѣ-
 чина, 201.
 Вольховская, Ольга Дм., 3.
 Вольховская, Софилксена Андриановна, 199.
 Вольховская, Соф. Алек., въ зам. Старын-
 кевичъ, 199, 200, 201.
 Вольховскій (Волховскій), Адрианъ Адриан.,
 1, 2, 3, 191—200.
 Вольховскій (Волховскій), Адрианъ Адриан.
 (сынъ), 199.
 Вольховскій (Волховскій), Александр. Адриа-
 нов., 199.
 Вольховскій, Андрей Павл., протоіер., 202.
 Вольховскій 1-й, Аѳанасій (въ міръ Адрианъ
 Павл.), † 1776 г., 2, 201, 202.
 Вольховскій 2-й, Аѳанасій, † 1801 г., 2, 201,
 202.
 Вольховскій, Влад. Влад., 179, 184.
 Вольховскій, Влад. Дм., VII, XV, 1—286, 291,
 300, 301, 312, 313, 315—317, 359, 361, 362,
 365, 366, 367, 377, 383, 388, 391, 393, 414,
 425, 436, 467, 468, 470, 471, 472, 499, 500—
 515, 521, 529, 539, 542, 557, 558.
 Вольховскій, Дм. Адрианов., 1, 2, 150, 191.
 Вольховскій, Дм. Дм., 2, 187.
 Вольховскій, Конст. Дм., 2, 187, 513.
 Вольховскій, Мих. Андр., 199.
 Вольховскій, Никол. Адриан., 199.
 Вольховскій, Пав., священ., 201.
 Вольховскій, Павелъ Никол., 199.
 Вольховскій, докторъ, 187.
 Воробьевъ, 258.
 Вороновъ, 275, 276.
 Воронцовъ, кн., М. С., 129, 137, 176, 177,
 207, 217.
 Воронцовъ, гр., 386.
 Врангель, бар., А. Е., 333, 341, 348.
 Врангель, проф., 183.
 Врангель, офиц., 236, 269.
 Вревская, бар., С. Вульфъ.
 Вревскій, бар., Б. А., 125.
 Всеволодъ, Черный, родонач. Горчаковыхъ,
 289.
 Вульфертъ, Анна-Христина, въ зам. Сте-
 венъ, 497, 498.
 Вульфъ, Евпр. Ник., въ зам. бар. Врев-
 ская, 125.
 Вяземскій, князь, П. А., 307, 308, 309, 313,
 347, 377, 381, 395, 430, 449, 479.
 Гавердовскій, 27.
 Гагарина, княг., К. С., рожд. Семенова, 396.
 Гагаринъ, князь, 396.
 Гагаринъ, кн. сенат., 464.
 Гаджи-Магмедъ, 278.
 Гаевскій, В. П., 19, 154, 295, 353, 363, 412—
 418, 428, 434, 435, 436, 488, 541, 542.
 Газіушь, 279.
 Гакъ, 537.
 Гамасъ-Али-Мирза, 56.
 Гамбургеръ, А. Ѳ., 345, 349, 355.
 Гангбловъ, А. С., 46, 67, 70.
 Ганефельдъ, 252, 258, 260.
 Ганъ, баронесса, 131, 279.
 Ганъ, баронъ, П. В., 92, 128—140, 280, 283.
 Ганъ, г.-м., 192, 197.
 Ганъ, почтъ-директ., 98.
 Ганъ, стр. XV.
 Гартингъ, 27.
 Гарунъ-Бекъ, 278.
 Гассанъ-Али-Мирза, 257.
 Гассанъ-Бей, 264.
 Гастфрейндъ, Н. А., стр. X, 402.
 Гатцукъ, А., 355.
 Гауеншильдъ, Ф., 11, 12, 291, 292, 360, 378,
 409, 417, 459, 499, 522, 553.
 Гваржмидзевъ, 272.
 Гежелинскій, 469, 470.
 Гейсманъ, П. А., 27, 28, 29, 30, 31.
 Гене, 271, 272.
 Георгій, епископъ, 264.
 Геричъ, 252, 258, 260.
 Германъ, 59.
 Гернетъ, 248.
 Гессе, 239, 259, 276, 281.
 Гиго-Ханъ, 263, 264.
 Гирсъ, Н. К., 343.
 Гитцигъ, 476.
 Глинка, Ѳед., 32.
 Глинка, 216, 217.
 Глиноецкій, Н. П., 25, 26, 27, 29, 31.
 Говень, Х. Х., 160, 229.
 Годаинъ, 217.
 Гозіумъ, 261, 263, 266.
 Голенищевъ-Кутузовъ, Пав. Ив., 10.
 Голицына, Е. А., см. Корсакова.
 Голицына, А. А., княгиня, 519.
 Голицынъ, кн., А., 432, 433.
 Голицынъ, кн., А. Н., 26, 33, 55, 502, 504.
 Голицынъ, кн., В. Н., 406.
 Голицынъ, кн., Д. В., 131, 305, 311.
 Голицынъ, 389.
 Голицыны, князья, 27.
 Головкинъ, П., 551.
 Головкинъ, Ф. Г., графъ, 551.
 Голубовъ, 249.
 Гольдгоеръ, 63, 182.
 Гордѣевъ, 236, 246, 247, 261.
 Горнеманъ, 449.
 Горсткіна, Е. Г., рожд. Ломоносова, 397.
 Горсткінь, 50, 210, 217.
 Горчакова, княжна, Алд. Мих., 353.
 Горчакова, княжна, Евд. М., 353.
 Горчакова, княг., Елена И., рожд. баронесса
 Ферзень, по перв. мужу бар. Остенъ-Са-
 кенъ, 289, 345.
 Горчакова, княжна, Елена Мих., 343, 353.
 Горчакова, княг., М. А., рожд. княж. Уру-
 сова, по перв. браку Мусина-Пушкина, 315,
 316, 318, 319, 331.
 Горчакова, княж. Софія Мих., въ зам. Хво-
 щинская, 353.
 Горчаковъ, князь, Ал. Мих., VII, IX, 10,
 12—14, 20—22, 112, 144, 250, 289—355,
 393, 432, 433, 436, 489, 499, 521, 546, 556.
 Горчаковъ, кн., Конст. Ал., 318, 319, 331, 350.
 Горчаковъ, князь, Мих. Ал., 318, 320, 331,
 350, 351.
 Горчаковъ, кн., Мих., г.-м., 289.
 Горчаковъ, кн., Петръ, 289.
 Горчаковъ, кн., 199.
 Горчаковы, 289.
 Горшковъ, 270.

- Горючко, П., 2.
 Гофманъ, А. Л., 538.
 Граббе, графъ, 51.
 Гревеницъ, А. Ф., бар., 552.
 Гревеницъ, М. А., рожд. Перетцъ, 552.
 Гревеницъ, баронъ, П. Ф., VIII, 12, 152, 154, 157, 383, 460, 499, 522, 541, 551—563.
 Гречъ, Н. И., 61, 429, 432, 444, 482.
 Грибовскій, А. М., 71.
 Грибоѣдовъ, А. С., 51, 54, 55, 57, 66, 165, 187, 188, 450.
 Гриммъ, 537.
 Гринфельдъ, 257, 262, 263, 265, 269, 277.
 Гротъ, Як. Карл., XV, XVI, 3, 10, 11, 17, 18, 21, 22, 88, 128, 146, 147, 154, 166, 184, 294, 301, 307, 308, 350, 359, 362, 364, 365, 377, 381, 385, 391, 395, 406, 409, 415—418, 430, 431, 437, 453, 459, 460, 463, 452, 454, 486, 489, 494, 498, 500, 506, 507, 508, 515, 520, 521, 523, 537, 541, 543, 545, 546, 547, 552, 554, 559, 560.
 Гротъ, К. К., 349.
 Гротъ, К. Я., 60, 98, 147, 160, 371, 378, 413, 414, 418, 425, 487, 497, 519, 523, 525.
 Грязовецкая, въ перв. бракѣ Ломоносова, 383.
 Грязовецкій, 383.
 Гумбольдтъ, 207, 389.
 Гурко, I. В., 51.
 Гурьевъ, 293, 380, 410, 461.
 Гуссейнъ-Али-Мирза, 242, 253.
 Гуттонъ, 449.
 Дадіанъ, кн., А. Л., 92, 130, 131, 132, 134, 135, 136, 139, 140, 144, 166, 176, 177, 255, 268, 283, 284.
 Данзасъ, Бор. Карл., 328, 359, 377, 418.
 Данзасъ, К. К., VIII, 10, 81, 154, 157, 168, 410, 414, 415, 417, 418, 462, 468, 487, 488, 499, 510, 513, 541, 557.
 Данзасъ, Т. Б., въ зам. Сѣмечкина, 418.
 Данненбергъ, 27.
 Данненбергъ, Маргарита, 497.
 Дашковъ, П. Я., IX, 22.
 Девирсери, 260.
 Девиеръ, гр., 269.
 Дегай, 452, 474.
 Дельвигъ, баронъ, А. А., VIII, IX, 10, 109, 146, 151, 163, 295, 296, 362, 380, 410—415, 431, 432, 436, 440, 462, 513, 515, 541, 543, 544, 545, 546, 560.
 Дельвигъ, баронесса, М. А., 428, 429.
 Демидова, А. Г., рожд. Энгельгардтъ, 148.
 Демидовъ, 58.
 Демидовъ, князь Санъ-Донато, 395.
 Демидовъ, Н. Н., 397.
 Державинъ, Г. Р., 430.
 Деруденко, 259.
 Дефо, 449.
 Джамбской, 244.
 Дибичъ, И. И., 27, 41, 42, 52, 57, 59, 84, 85, 90, 91, 144, 209, 210, 214, 217.
 Диванъ-Беги-Азимжанъ-Муминжановъ, 36.
 Дивовъ, П. Г., 87.
 Дизраэли, 342.
 Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И., 107.
 Дмитревскій, И. А., 412.
 Дмитріевъ, И. И., 430, 453.
 Додаевъ, 99.
 Долгорукая, О. А., рожд. Булгакова, 392, 393.
 Долгорукій, кн., 51.
 Долгоруковъ, кн., В. А., 333.
 Долгорукій, кн., И., 216.
 Долгоруковъ, кн., Сергѣй, 388.
 Дондукова, княжна, Вѣра, 451.
 Дондукова, княжна, Любовь, 451.
 Дондукова, Мар. Вас., см. Корсакова.
 Дондукова-Корсакова, княжна, М. Н., въ зам. Корсакова, 452.
 Дондукова, княжна, Надежда, 451.
 Дондукова, княгиня, (Джанъ), Софія, 451.
 Дондуковъ, кн., Алексѣй Іонов., 451.
 Дондуковъ-Корсаковъ, кн., Алексѣй Мих., 406, 454.
 Дондуковъ-Корсаковъ, кн., Владим. М., 402, 403.
 Дондуковъ, кн., I., 451.
 Дондуковъ-Корсаковъ, М. А., 454.
 Дондуковъ-Корсаковъ, князь, (прежде Корсаковъ), Никита Ив., 452, 453.
 Дондуковъ-Корсаковъ, кн., Петръ, 450, 451.
 Дондуковъ, князь, Ф., 451.
 Дондуковы, см. Корсаковы.
 Дондуковы-Корсаковы, князья, 401, 403, 405, 406 (см. Корсаковы).
 Дондукъ-Омбо, кн., родонач. Дондуковыхъ-Корсаковыхъ, 456.
 Дроздовъ, 193.
 Дубельтъ, Л. В., 474.
 Дубенскій, Н. П., 491, 492, 493.
 Дурново, Ал. Н., 397.
 Дурново, Н. Д., 397.
 Дюгамель, А. О., 44.
 Дюгамель, М. О., 35, 42.
 Дюгамель, 253.
 Дюгащенко, О. О., 534.
 Евстратовъ, 273.
 Екатерина Павловна, великая княгиня, герцогиня Виртембергская, 491, 492.
 Екатерина II, Императрица, 139, 191, 290, 343, 451, 483.
 Елагинъ, А. А., 537.
 Елена, великая княжна, дочь Іоанна III, 405.
 Еристовъ, 278.
 Ермоловъ, А. П., 35, 63, 64, 66, 102, 129, 137, 139, 176, 177, 217, 266, 451.
 Еропкинь, В. М., 130.
 Есаковъ, С. С., VIII, 12, 19, 151, 152, 305, 361, 414, 440, 499, 521.
 Еспего, 243.
 Ефремовъ, П. А., 1, 17, 69, 125, 303, 304, 309, 347, 353, 395, 418, 419, 428, 429, 438, 453, 547, 548.
 Жадовскій, 168, 488.
 Жандръ, А. А., 51.
 Жеребцовъ, 345.
 Жихаревъ, 249.
 Жомини, Ал. Г., 345.
 Жуковский, В. А., 3, 4, 200, 306, 317, 380, 389, 416, 418, 430, 436, 449, 450, 479, 545.
 Забѣла, гр., 146.
 Завадовскій, 270.
 Загоскинъ, М. Н., 404, 405, 434, 443, 444, 445, 446, 447.
 Загоскинъ, капит., 42, 43.
 Закревскій, Ал. Анд., 193.
 Залѣсовъ, Н. Г., 60.
 Замятинъ, Д. Н., 168, 468.

- Зассъ, 269, 272, 273.
 Заякинъ, Д., 150.
 Захарьинъ, И. Н., 44.
 Зинкевичъ, Е. Ѳ., въ зам. Малиновская, 46, 179.
 Золотаревъ, 132, 133, 134, 282, 284.
 Зотовъ, В. Р., 442, 448, 449, 450.
 Зотовъ, Р., 442.
 Зубаловъ, 275, 276.
 Зубова, гр—ня, 232.
 Зубова, графиня, см. Розенъ.
 Ивановъ, 27.
 Ивеличъ, гр., 237, 255.
 Игнатьевъ, гр., Н. П., 337, 341.
 Измайлова, Е. И., 38.
 Измайловъ, В., 295, 430, 432.
 Иконниковъ, Алексѣй Ник., 295, 363, 364, 412, 520.
 Илличевскій, А. Д., 1, 10, 17, 19, 152, 153—157, 290, 294, 295, 360—367, 380, 410—416, 424, 426, 430—432, 462, 487, 488, 515, 540, 541, 544, 546, 557, 560.
 Ильинскій, Д. В., 355.
 Ильяшенко, 242.
 Имеретинскій, кн., Н. А., 140.
 Инзовъ, 547.
 Иноземцевъ, 236.
 Ипсиланти, 35.
 Иса-Бекъ, 281.
 Исаевъ, 482.
 Искрицкій, 46, 138.
 Исленьевъ, 139.
 Ищенко, 277.
 Ищенко, 278, 279.
 Иоаннъ III, царь, 405.
 Иоаннъ IV Грозный, 457.
 Кавелинъ, А. А., 51.
 Каверинъ, 544.
 Казасси, полков., 244, 246, 251, 253, 257, 258, 260, 262, 265.
 Казбекъ, г-жа, 270.
 Казбекъ, офиц., 270.
 Кази-Муллы, 97, 98, 277.
 Кайдановъ, И. К., 13, 14, 21, 293, 361, 379, 380, 409, 460, 500, 522.
 Кайдановъ, Н., 554.
 Калбалай-Мамишъ, 242.
 Калининъ, Ф. П., 20, 149, 520.
 Калмыковъ, Н. М., 486.
 Каменка, С., 187.
 Каменскій, 535.
 Каменскій, гр., М. Ѳ., 206.
 Кампенгаузенъ, 551.
 Канкринъ, гр., Е. Ф., 170, 259, 492, 493.
 Капгеръ, И. Х., 168, 468.
 Капилети, 259, 263, 265.
 Каподистрія, гр., I. A., 119, 383, 559.
 Капцевичъ, 149.
 Карамзинъ, Н. М., 82, 430, 545.
 Каратѣевъ, 252.
 Карелинъ, 42.
 Карлейль, гр., 483.
 Карль, принцъ Виртембергскій, 317.
 Карниловичъ, 236.
 Карпеланъ, 497.
 Карцовъ, Я. И., 17, 18, 20, 23, 293, 341, 461, 544.
 Катакази, 35, 346.
 Катаржи, 250.
 Катенинъ, Ал. Андр., 140, 444.
 Катенинъ, 228, 231, 281.
 Катсъ, I., 441, 449.
 Кахничевскій, 241.
 Кашевъ, И., 150.
 Кашкинъ, 164.
 Кашутинъ, 276.
 Квитницкій, 90.
 Келбелей-Ханъ, 280.
 Кеппенъ, П. И., 498.
 Кеппенъ, Ѳ. П., 498.
 Керберъ, 497.
 Кеснеръ, 182.
 Кириловъ, Л., 150.
 Кирѣевскій, П. В., 537.
 Киселевъ, гр., П. Д., 33, 55, 115, 170, 214.
 Киселевъ, 388.
 Кишкинъ, 89.
 Клавезаль, 278.
 Кларендонъ, лордъ, 339, 345.
 Клейнмихель, гр., П. А., 124, 226, 229, 230, 235.
 Клеронъ, 419.
 Климентъ, 246, 272.
 Клюки-фонъ-Клюгенау, 235.
 Кнабенау, 15.
 Кобеко, Д. Ѳ., 300, 382, 463, 501, 556.
 Ковалевъ, 241.
 Кодинецъ, 247, 257.
 Козачковскій, 249.
 Козляниновъ, 248, 251, 252.
 Козодавлева, 316.
 Кокошкинъ, 388.
 Колачковскій, К., 89, 90.
 Колоколовъ, 124.
 Колошинъ, Пав., 46, 50, 143, 159—163, 165, 210, 213, 214, 215, 216, 217.
 Колошинъ, Петръ, 50, 51, 210.
 Комаровская, С., гр., въ зам. Комовская, 537 540.
 Комовская, Ев. С., 541.
 Комовская, Ел. С., 541.
 Комовская, С., см. Комаровская, графиня.
 Комовскій, А. Д., 519.
 Комовскій, В. Д., 527, 536, 540.
 Комовскій, Д. С., 540.
 Комовскій, Е. С., 540.
 Комовскій, К. С., 540.
 Комовскій, О. Б., 519.
 Комовскій, С. Д., VIII, 12, 127, 152, 154, 157, 367, 384, 392, 460, 487, 488, 499, 501—503, 511, 514, 515, 519—548, 533, 557.
 Комовскій, С. С., 540.
 Коновницынъ, графъ, П. П., 192, 193.
 Коновницынъ, 64.
 Константинъ Николаевичъ, Великій Князь, 51, 56, 447, 485.
 Константинъ Павловичъ, Великій Князь, 24, 43, 44.
 Коргановъ, 272, 277, 278.
 Корнеліусъ, 535.
 Корниловъ, А. А., VIII, 10, 112, 151, 177, 371, 391, 410, 425, 461, 515, 539, 540, 543, 557.
 Корниловъ, Ѳ. П., 546.
 Корсакова, А. И., рожд. Буткевичъ, 442, 447.
 Корсакова, Варвара Александр., 405, 406.
 Корсакова, Вѣра Іон., въ зам. княгиня Дондукова-Корсакова, 451, 452.

- Корсакова, Екат. Александ., въ зам. Висковатова, 405, 406.
- Корсакова, Елена Александ., въ зам. кн. Голицына, 406, 450.
- Корсакова, Марія Вас., въ зам. Дондукова, 451.
- Корсакова, Ш. Ф., рожд. Бетлингъ, по вт. мужу Будденброкъ, по трет. мужу Адамовичъ, 442.
- Корсакова, см. Буткевичъ.
- Корсаковъ, Александ. Александ., 404, 405, 406.
- Корсаковъ, Александ. Гаврил., 405.
- Корсаковъ, Александ. Степ., 404, 405, 406, 407, 443, 446, 452.
- Корсаковъ, Васил. (Басюкъ) Мих., 405.
- Корсаковъ, Воишь Семен., 405.
- Корсаковъ, Вячесл. Сигизм., 405.
- Корсаковъ, Гавр. Никит., 405.
- Корсаковъ, Григ. Сем., 401.
- Корсаковъ, Дм. Александ., 401, 402.
- Корсаковъ, Ив. Ассигкрит., 402.
- Корсаковъ, Илья Филип., 405.
- Корсаковъ, Иосифъ Никит., 405.
- Корсаковъ (впосл. кн. Дундуковъ - Корсаковъ), Мих. Александр., 402, 405, 406, 450—452.
- Корсаковъ, Мих. Оед., 405.
- Корсаковъ, (впосл. князь Дондуковъ-Корсаковъ), Никита Ив., 452.
- Корсаковъ, Никита Ильичъ, 405.
- Корсаковъ, Никол. Александр., VIII, IX, 312, 315, 362, 363, 380, 401—454.
- Корсаковъ, Николай Ив., 405.
- Корсаковъ, Павелъ Ассигкритов., 401.
- Корсаковъ, Петръ Александ., 402, 404, 405, 406, 429, 431, 434, 440, 444, 445, 446, 447, 448, 555, 556, 560.
- Корсаковъ, Семенъ Вас., 405.
- Корсаковъ, Семенъ Дм., 405.
- Корсаковъ, С. Р., 403.
- Корсаковъ, Степ. Тимоф., 405.
- Корсаковъ, Тимоф. Александ., 405, 406.
- Корсаковъ, Филиппъ Сем., 405.
- Корсаковъ, Оед. Венцеслав., 405.
- Корсаковъ, Оед. Сем., 405.
- Корсаковы, 401, 403, 406.
- Корсакъ, Жигмундъ или Сигизмундъ, 405.
- Корфъ, баронесса, см. Смирнова.
- Корфъ, Гейнрихъ (Андрей) Ульрихъ-Казимиръ, 458.
- Корфъ, бар., I. А., 457, 483.
- Корфъ, баронъ (графъ), Мод. Андр., VI, VIII, 1, 12, 17, 18, 20, 22, 127, 143, 151—158, 168, 187, 207, 300, 301, 315, 327, 349, 359, 363, 364, 367, 368, 377, 381, 392, 409, 410, 417, 431, 439, 457, 487—494, 499, 501, 510, 512—519, 522, 524, 525, 529, 539, 540, 541, 543, 544, 551, 553, 557, 558, 559.
- Корфъ, бар., Фридрихъ-Сигизмундъ, 458.
- Де-Косальборгоне, Шевалье (гр. Сильверій Брольа), VIII, 328, 499.
- Космовскій, Янъ, 519.
- Костенскій, К. Д., VIII, 152, 412, 440, 557.
- Костюшко, 25.
- Котень, 506, 508.
- Кохановская, см. Соханская.
- Кохановъ, 268, 272.
- Кохъ, 134, 273, 285.
- Коцебу, 64, 484.
- Кочубей, графиня, Н. В., въ зам. гр. Строганова, 418.
- Кочубей, А. В., кн., 491.
- Кочубей, кн., В. П., 491, 493.
- Кочубей, кн., 418.
- Кошанскій, А. О., 37.
- Кошанскій, Н. Ф., 11, 13, 143, 161, 290—296, 360, 361, 378—380, 407, 408, 411, 431, 459, 460, 499, 500, 521, 523, 544, 553, 554.
- Кошкуль, 217.
- Краббе, 242, 259, 260, 265, 268.
- Краевскій, А. А., 454.
- Красовскій, 272, 229.
- Крекшинъ, 15.
- Креницынъ, А. Н., 290, 294.
- Кроминъ, 255—257.
- Крузенштернъ, Н. Ф., 440.
- Крыжановскій, Н. А., 66.
- Крыловъ, 454.
- Ктиторовъ, Н. И., X.
- Кубасовъ, И., 35, 37.
- Кукольникъ, Н. В., 440, 442, 447, 448, 449, 450.
- Куликовскій, 153.
- Куницынъ, А., 368, 461, 555.
- Куралцовъ, 521.
- Кургановъ, 277.
- Кутановъ, И., 187.
- Кутузовъ, кн., 204.
- Кюхель, 542.
- Кюхельбекеръ, В. К., VII, VIII, 10, 12, 19, 40, 143, 160, 161, 163, 295, 306, 310, 311, 362, 366, 380, 410—416, 430—436, 460, 462, 483, 497, 499, 509, 522, 544, 546, 552, 553, 556.
- Кюхлемъ, 154.
- Ловровъ, 515.
- Лазаревъ, 153, 386.
- Лакомбъ, 259.
- Ламздорфъ, 442.
- Лангофъ, А. Ф., 497, 498.
- Ланскій, Д. С., 391.
- Ланскій, ген., 230, 234, 235.
- Ламбинъ, В. П., 101.
- Ламсдорфъ, 52.
- Лангеръ, В. П., 33.
- Латынина, В. И., см. Вальховская.
- Лачиновъ, 285.
- Лебедевъ, К. Н., 475, 476.
- Леванда, 192.
- Левашевъ, гр., В. В., 14, 15.
- Левицкій, о., 395.
- Левковичъ, 224.
- Ледярдъ, 449.
- Лееръ, Г. А., 83.
- Лелевель, Иоachimъ, 89.
- Леманъ, 34, 138.
- Леммъ, 42, 43.
- Ленцъ, А., 180.
- Леонова, 269.
- Леоновъ, 239.
- Лермонтовъ, М. Ю., 187.
- Летаръ, 239.
- Лещенко, Г. I., стр. X.
- Ле-Фло, 355.
- Ливенъ, г-жа, 551.
- Ливенъ, бар., 35, 42.

- Ливень, кн., 391.
 Линдебергъ, А. К., 511.
 Липранди, П. П., 27.
 Литке, О. П., 51, 447.
 Литле-Джонъ, 242.
 Лобановъ, кн., Д. И., 355, 463, 464, 466.
 Лобановъ-Ростовскій, кн., А. Б., 114, 148, 172, 201, 491.
 Ломоносова, рожд. княж. Гагарина, 396.
 Ломоносова, Е. Г., въ зам. Горсткіна, 397.
 Ломоносова, во втор. бракъ Грязовецкая, 383.
 Ломоносовъ, г.-м., 383.
 Ломоносовъ, А. М., 397.
 Ломоносовъ, Н. Г., 395.
 Ломоносовъ, С. Г., VIII, 10, 112, 153, 155, 168, 302, 304, 309, 310, 359, 377—398, 432, 433, 458, 546, 556.
 Лонгинъ, 431.
 Лоткаревъ, 441.
 Лузановъ, 279.
 Лукасъ, 449.
 Лукинъ, 268.
 Львовъ, 256.
 Людовикъ-Бонапартъ, король, 441.
 Людовикъ-Наполеонъ (Наполеонъ III), 322, 332.
 Людовикъ-Филиппъ, 84.
 Мавринъ, С. Ф., 491, 492.
 Магдональдъ, 55.
 Магницкій, 4.
 Магомедъ-Мирза, 270, 271, 272, 277, 279.
 Магомедъ-Шахъ, 241.
 Мадатова, княгиня, 279, 280.
 Мадатова, кн., рожд. Саблукова, 158.
 Мадатовъ, кн., 244, 251, 271, 277.
 Мазарини, 349.
 Майборода, 215, 216.
 Майковъ, Л. Н., 15, 16, 20, 25, 46, 69, 148, 162, 298, 353, 369, 396, 418, 427—429.
 Макаровъ, 266, 267.
 Макниль, 279.
 Максимилианъ (Иосифъ), Баварскій курфюрстъ, 42.
 Максимовичъ, П., 452.
 Малиновская, А. В., въ зам. баронесса Розень, 46, 55, 80, 81, 84, 92, 159, 181, 185.
 Малиновская, Мар. Вас., см. Вольховская.
 Малиновская, С. И., см. Штакеншнейдеръ.
 Малиновская, см. Зинкевичъ.
 Малиновская, см. Пушина.
 Малиновскій, Андр., 80.
 Малиновскій, Ант. Ив., 328, 380.
 Малиновскій, В. О., 291, 294, 304, 461.
 Малиновскій, И. В., VIII, XV, XVI, 1, 15, 16, 21—26, 46, 53, 60, 79—81, 99, 104, 105, 112, 114, 120, 123, 127, 143, 151, 155, 158—161, 166, 169, 172, 175, 177—179, 184, 185, 290, 327, 328, 364, 393, 424, 432, 509—515, 539, 540, 560.
 Малиновскій, П. И., 328, 360.
 Малиновскій, ген., 248, 257.
 Мандерстернъ, 14.
 Маницкій, 281.
 Мантейфель, 335.
 Манычаръ, 386, 389.
 Маратъ, 11.
 Марія Александровна, Вел. Княгиня, въ зам. герцог. Эдинбургская, 340.
 Марія ди Глорія, королева португальская, 397.
 Марія Павловна, Великая Княгиня, герцогиня Веймарская, 87.
 Марія Феодоровна, Императрица, 330, 484, 527, 528, 545, 551, 552.
 Маркевичъ, А. И., 511, 516.
 Маркевичъ, С. А., въ зам. Стевенъ, 510, 511, 512.
 Маркевичъ, 498.
 Маро, 237.
 Мартыновъ, А. И., VIII, 17, 152, 153, 154, 157, 360, 363, 414, 430, 432, 468, 469, 487, 521, 541, 557.
 Мартыновъ, А. М., 169.
 Мартыновъ, И. И., XV, 58, 431.
 Марченко, 471.
 Маръ, 279.
 Маслова, Е. Д., 371.
 Маслова, О. Д., 371.
 Маслова, С. Д., 371.
 Маслова, рожд. Мертваго, 371.
 Масловскій, 236.
 Масловъ, Д. Н., VII, 10, 19, 112, 153, 155, 230, 291, 359—371, 412, 414, 488, 540.
 Масловъ, Н. Д., 371.
 Матюшкинъ, О. О., VIII, IX, XVI, 10, 22, 37, 39, 41, 52, 56, 78, 85, 88, 92, 106, 112, 117, 118, 120, 121, 122, 127, 147, 148, 151, 152, 153, 168, 301, 304, 305, 313, 314, 316, 327, 349, 359, 360, 365, 366, 368, 371, 377, 382, 384, 385, 386, 389, 390, 393, 405—418, 424, 435, 461, 464, 468, 469, 471, 472, 473, 487, 488, 489, 502, 503, 505, 506, 508—511, 513—516, 521, 526, 527, 529, 539, 540, 543, 557, 558.
 Медемъ, М. М., баронесса, рожд. Балугьянская, 468.
 Межевичъ, 449.
 Мезенцовъ, 311.
 Мейендорфъ, бар., 37, 41, 158, 321.
 Мекленбургъ-Стрѣлицкій, герцогъ Георгій, 485.
 Меньшиковъ, кн., А. С., 51, 474, 480.
 Мертваго, въ зам. Маслова, 371.
 Мещерскій, кн., В. П., 332, 346.
 Мещерскій, кн., 510.
 Мивіусъ, 242.
 Микеладзе, 240.
 Миклашевскій, 45, 347.
 Милліотъ, 239, 240, 241, 242, 246.
 Милоновъ, 4.
 Милютинъ, Д. А., 336.
 Миницкій, 236, 280.
 Минщенковъ, 258.
 Мирза-Махмудъ, 253.
 Мирзоевъ, 278.
 Мирковичъ, 217.
 Миръ-Гейдеръ-Ханъ, 36.
 Митрофанія, игуменья, см. Розень, П. Г., баронесса.
 Митьковъ, М. О., 45, 47, 49, 208, 209, 212, 213.
 Михаилъ Николаевичъ, Вел. Князь, 326, 485.
 Михаилъ Павловичъ, Великій Князь, 39, 51, 452, 551.
 Михаилъ Федоровичъ, царь, 457.
 Михаилъ, князь Черниговскій, 289.

- Мищенко, 136.
 Модзалевскій, Б., 176.
 Моллеръ, 51.
 Молоствовъ, 544.
 Монтебелло, герцогъ, 336.
 Мордвиновъ, 217.
 Морозовъ, П. О., 428, 453.
 Мунго-Паркъ, 449.
 Муравьевъ, Алексд., 27, 46, 162, 216, 217.
 Муравьевъ, А. Н., 498.
 Муравьевъ-Апостоль, Матв., 208, 209, 213.
 Муравьевъ, Михаилъ, 27, 46, 50, 162, 210.
 Муравьевъ, гр., Мих. Никол., 333, 334.
 Муравьевъ, Никита Мих., 47—51.
 Муравьевъ, Никол. Никол., 29.
 Муравьевъ-Амурскій, гр., Н. Н., 333.
 Муравьевъ-Апостоль, С. И., 45, 47, 50.
 Муравьевъ-Карскій, Н. Н., 37, 54, 60, 64—
 66, 70, 74, 89, 92, 139, 210—217, 250.
 Муравьевъ, С., 216.
 Мурзакевичъ, Н. Н., 473.
 Мусинъ-Пушкинъ, гр., А. И., 191.
 Мусинъ-Пушкинъ, гр., И. А., 316.
 Мусинъ-Пушкинъ, г.-м., 107, 108.
 Мустафа-ханъ, 247.
 Мухановъ, В. А., XVI, 327, 355, 476, 480.
 Мыловъ, 224.
 Мысловскій, П. Н., 50.
 Мясоѣдовъ, П. Н., VIII, 152, 154, 157, 294,
 380, 414, 487, 489, 541, 557.
 Мѣховскій, М., 483.
 Назимовъ, М. А., 45, 47, 48, 210, 211, 212, 213.
 Наполеонъ I, императоръ, 28, 162, 204, 205,
 206, 221, 416, 440, 441.
 Наполеонъ III, 322, 332.
 Нарышкинъ, Алсд. Льв., 310.
 Нарышкинъ, Мануилъ, 480.
 Нарышкинъ, Мих. Мих., 45—48, 50, 159,
 209—217.
 Негри, А. О., 35, 36, 37.
 Недешевъ, 535.
 Нейдгардтъ, А. И., 41, 83, 85, 90.
 Нейдгардты, 27.
 Нессельроде, гр-ня, 87.
 Нессельроде, гр., К. В., 52, 57, 59, 87, 88,
 114, 322, 323, 332, 345, 383, 391, 432—434,
 452, 551, 558, 559.
 Нестеровъ, 269.
 Никитенко, А. В., 335, 355, 453, 473, 474,
 475, 479, 484.
 Николай I, императоръ, XV, 21, 36, 39, 86,
 92, 99, 101, 102, 107, 108, 114, 117, 122,
 128, 130—140, 144, 156—158, 178, 205, 214,
 222—228, 231, 233, 238, 243, 310, 323, 330,
 333, 383, 467, 469, 472—475, 480—486.
 Николай Александровичъ, Наслѣдникъ Це-
 саревичъ, 485.
 Николай Константиновичъ, велик. князь, 485.
 Николай Николаевичъ, великій князь, 485.
 Николай, баронъ, 389.
 Николаевъ, 50.
 Новосильцовъ, Н. Н., 200.
 Новосильцевъ, Н. П., 534.
 Норденстамъ, 271.
 Нордманъ, 515.
 Норовъ, А. С., 253.
 Носова, Анна Влад., см. Вольховская.
 Носова, М. А., въ зам. Хинджопуло, 180.
 Носовъ, А. А., 180.
 Носовъ, В. А., 180.
 Носовъ, С. А., 180.
 Нумерсъ, 80.
 Нумерсъ, Л. Ф., 171.
 Нуцаль-Ханъ, 271.
 Нэпиръ, лордъ, 335.
 Оболенскій, А. Ф., 182, 183.
 Оболенскій, кн., Евг. Петр., 47, 49, 159, 211,
 213, 214, 217.
 Оболенскій, М. А., 485.
 Обрѣзковъ, 55, 57.
 Огievскій, 433, 434, 555.
 Огюстъ, 449.
 Одоевскій, А. И., 166, 186.
 Одоевскій, В. О., 482.
 Озеровъ, 4.
 Оленины, 228.
 Оленинъ, А. Н., 41.
 Оленичъ, 259, 261, 263, 265, 277, 279, 281.
 Олсуфьева, гр-ня, А. А., 347.
 Ольга Николаевна, вел. княг., 317.
 Ольга Феодоровна, вел. княгиня, 326.
 Ольденбургскій, принцъ, П. Г., 183, 536,
 537, 540.
 Опперманъ, 52.
 Оранскій, 233, 244.
 Орбеліановъ, Юсифъ, 244.
 Орбеліановъ, 272, 278.
 Орловскій, 234, 259, 263.
 Орловъ, гр., А. О., 133, 224, 283.
 Орловъ, кн., Н. А., 391.
 Орловъ, М., 99.
 Остенъ-Сакенъ, бар., см. Горчакова.
 Остенъ-Сакенъ, баронесса, см. Энгельгардтъ.
 Остенъ-Сакенъ, бар., А. О., 114.
 Остенъ-Сакенъ, гр., Д. Е., 61, 65, 72, 73, 174.
 Фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, (Бетси) Елиза-
 вета, рожд. Энгельгардтъ, 86, 114.
 Фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, бар., Р. Ф., 86, 114.
 Остенъ-Сакенъ, бар., О. Р., 435.
 Остерманъ, гр-ня, 519.
 Остерманъ, 313.
 Павелъ I, императоръ, 1, 172, 201, 202, 440,
 551, 552.
 Павлищевъ, Н. И., 542, 547.
 Палавандовъ, кн., Е., 99.
 Палавандовъ, князь, 257, 271, 278.
 фонъ-деръ-Паленъ, баронесса, 98.
 фонъ-деръ-Паленъ, бар., П. А., 98.
 Паленъ, 90, 104.
 Паленъ, гр., 551.
 Пальчиковъ, В. П., 115, 168.
 Панинъ, гр., В. Н., 474, 475, 551.
 Панкратьевъ, 229.
 Пановъ, 192.
 Панчулидзевъ, С., 452.
 Паскевичъ-Эриванскій, кн. Варшавскій, И. О.,
 52—99, 124, 127, 128, 135—139, 143, 144,
 148, 158, 168, 171, 172, 224, 228, 231, 312.
 Паулуччи, маркизь, 307.
 Пашковъ, А. И., 406.
 Педро II, 397.
 Педяшъ, 73.
 Перетцъ, Е. А., 552.
 Перетцъ, М. А., см. Гревеничъ
 Перовскій, В. А., 44, 135.
 Перовскій, Л. В., 51.

- Перовскій, 390.
 Перовскіе, 27.
 Песталоцци, 40, 114.
 Поджіо, А. В., 45, 47, 48, 209, 210, 211, 212, 213.
 Подлиневъ, С., 26.
 Подчерковъ, 42, 43.
 Подушкинъ, Е. М., 50.
 Полавандовъ, князь, 239.
 Пестель, П. И., 50.
 Петровъ, 228, 234, 273.
 Петръ I, Императоръ, 483, 489.
 Петръ Николаевичъ великій князь, 257, 258, 259, 262, 263, 265.
 Пешель, Ф. О., 20, 544.
 Пешуровъ, А. Н., 306, 307.
 Пилецкій, И. С., 12, 18, 293, 362, 380, 410, 460, 554.
 Пилецкій-Урбановичъ, М. С., 12, 13, 292, 293, 361, 362, 371, 378, 408, 412, 460, 461, 498, 500, 519, 522, 553.
 Плескачевскій, 258.
 Плетневъ, П. А., 22, 166, 178, 406, 448, 452, 453, 454, 479, 497, 498, 506—508, 537.
 Пліовикетъ, 241.
 Плювинъ, 246.
 Побѣдоносцевъ, К. П., 179.
 Погодинъ, М. П., 475, 477, 485.
 Полетика, 384, 385, 452.
 Половандовъ, князь, 246.
 Полѣновъ, 433, 434.
 Понинскій, 265.
 Пономаревъ, С. И., 179.
 Поповъ, В. М., 504.
 Поповъ, М. М., 484.
 Поповъ, 243, 260.
 Порошинъ, 452.
 Потаповъ, А. Л., 90.
 Потемкинъ, гр., С. П., 443, 444.
 Потокскій, Н. Б., 68, 69, 70, 71.
 Потоцкій, гр., 255, 261, 264, 265, 270, 480.
 Похорскій, 446.
 Прибиль, 242, 267.
 Прозоровскій, кн., 194.
 Прокоповичъ-Антонскій, А. А., 5.
 Прянишниковъ, 398.
 Пулло, 237, 244, 281.
 Путятинъ, гр., 333.
 Пушкинъ, А. С., V, VI, VIII, XV, XVI, 3, 10—22, 25, 46, 52, 53, 58, 68—78, 88, 94, 98, 101, 125, 138, 143, 146, 147, 152, 154, 156, 157, 162, 166, 169, 172, 187, 188, 267, 293, 295—309, 346—369, 377, 380, 381, 385, 387, 391, 396, 404—439, 440, 448, 453, 454, 458, 459, 461, 462, 463, 486—489, 500, 501, 506, 515, 519, 521, 523, 541—548, 552—557, 560.
 Пушкинъ, В. Л., 381.
 Пушкинъ, Г. А., 154, 155.
 Пушкинъ, Л. С., 72, 147, 148, 233.
 Пушина, М. И., въ зам. Малиновская, 46, 162.
 Пушинъ, И. И., VIII, 15, 45—59, 112, 143, 151, 158—169, 210—217, 296, 298, 310, 311, 353, 368, 369, 387, 411—417, 429, 431, 483, 525.
 Пушинъ, М. И., 19, 25, 45, 64, 65, 66, 67, 69, 71, 72, 128, 138, 312.
 Пушинъ, Н., 167.
 Пѣженецъ, 270.
 Радзивиллъ, княг., С., рожд. княжна Урусова, 318.
 Радуновъ, 246, 248, 255, 258, 261.
 Раевскій, Н. Н., 45, 53, 64, 69, 70, 71, 72, 138.
 Разумовскій, гр., А. К., 359, 412.
 Рати (Рачи) Мантонъ, графъ, 239, 259.
 Ребиндеръ, бар., 504, 505, 510.
 Ребровъ, 113, 115.
 Ренненкампфъ, 60.
 Реуттъ, 230, 235, 239, 242, 258, 270, 277, 280, 282, Ржевскій, Н. Г., VIII, 10, 359, 363, 377, 414, 440, 500.
 Ризенкампфъ, 253, 254.
 Римскій-Корсаковъ, Алексѣй Александр., 402, 403.
 Римскій-Корсаковъ, Алексѣй Александр., 402.
 Римскій-Корсаковъ, В. А., 402.
 Римскій-Корсаковъ, Е. М., 402.
 Римскій-Корсаковъ, И. В., 402.
 Римскій-Корсаковъ, М. М., 402, 403.
 Римскій-Корсаковъ, Н., 402.
 Римскій-Корсаковъ, С. А., 402.
 Римскіе-Корсаковы, 401, 406 (см. Корсаковы).
 Рихтеръ, 265.
 Ришелье, герцогъ, 195, 196, 349.
 Роде, 427.
 Родофиникина, Ю. К., рожд. Фелейзенъ, 87.
 Родофиникинъ, К. К., 87, 88, 133, 284.
 Розановъ, Н. П., 451.
 Розановъ, 236.
 Розень, баронесса, А. А., 111.
 Розень, баронесса, А. В., 106, 107, 108, 123.
 Розень, баронесса, Е. Д., 140, 228, 234, 235, 236, 244, 245, 255, 260, 267, 268, 269, 270, 273, 279.
 Розень, баронесса, М. В., 106.
 Розень, баронесса, П. Г. (въ монашествѣ игуменія Митрофанія), 92, 222.
 Розень, баронесса, рожд. графиня Зубова, 131.
 Розень, баронесса, супруга Г. В. Розена, 176, 177.
 Розень, бар., см. Малиновская.
 Розень, баронъ, А. Г., 130, 136, 225, 227, 228, 231—233.
 Розень, бар., Андр. Ев., XVI, 21, 32, 41, 45, 46, 47, 50, 55, 64, 67, 81, 82, 84, 85, 92, 98, 100, 103, 106—109, 126, 129, 130, 138, 139, 166, 169, 172—175, 177, 179, 181, 186.
 Розень, баронъ, Г. В., XV, XVI, 85, 88—108, 110, 116, 117, 126—144, 147, 148, 165, 166, 175, 176, 179, 187, 219, 221—223, 229.
 Розень, бар., Д. Г., 131, 225, 226, 227, 228, 231, 235, 260, 269.
 Розень, баронъ, Евг. А., 106, 107, 155, 165, 181, 183, 185, 187.
 Розень, баронъ, М. Г., 267, 278, 279.
 Розень, бар., 167, 450.
 Рокасовскій, 35.
 Ростовцевъ, гр., 51.
 Руденкова, М., см. Вольховская.
 Румбольдъ, баронетъ, Горацій, 337, 339, 345, 346, 348.
 фонъ-Руммель, В. В., 3, 191, 199.
 Рылѣвъ, К. Ф., 50.
 Рѣдкинъ, 263.
 Рюрикъ, 289.
 Рязанова, въ зам. Корсакова, 405, 407.
 Рязановъ, Н. П., 440.

- Сабина, М. С., 87, 323.
 Де-ла-Саблеръ, г-жа, 562.
 Саблукова, см. Мадатова.
 Сабуровъ, 544.
 Савельевъ, А. А., 498.
 Саврасовъ, П. О., VIII, 22, 151, 159, 440, 509, 541, 551, 552.
 Сaitовъ, Вл. Ив., 101, 165, 307, 309, 381, 387, 519.
 Сакенъ, А. Ф., 180, 250.
 Сакенъ, Р. Ф., 60, 65, 66, 67, 88, 250.
 Саломирскій, 544.
 Саломонъ, А. П., XVI, 172.
 Салтыковъ, гр., 215.
 Самборская, Анна Андр., 103, 104, 105, 106, 115, 120, 121, 123, 126, 154, 155, 179, 180, 181, 183, 185, 186.
 Самборская, А. В., 155.
 Де-Сангленъ, 484.
 Санковскій, П. С., 69.
 Сапожниковъ, Д., 18.
 Сараджевъ, 238.
 Сафоновичъ, В. И., 3, 4, 6, 9, 10, 143, 144, 359, 371.
 Сахаровъ, В. В., 124.
 Свидригаило, 484.
 Свининъ, 469.
 Свистунова, рожд. графиня Сологубъ, 452.
 Свѣчина, см. Волховская.
 Свѣчинъ, А. И., 201.
 Свѣчинъ, В. П., 559.
 Севариемидзевъ, 277.
 Северинъ, Д. П., 317, 386.
 Селезневъ, И., 10, 13, 15, 19, 24, 26, 114, 182, 290, 293, 294, 300, 359, 364, 377, 382, 383, 407, 458, 463, 464, 498, 501, 503, 519, 552.
 Семенова, К. С., въ зам. княг. Гагарина, 396.
 Семеновъ, В. Н., 109.
 Семеновъ, 46, 47, 50, 162, 164, 210, 211, 217.
 Семичевъ, 72.
 Семчевскій, 248.
 Сентъ-Андре, 25, 26.
 Сенявинъ, 441.
 Серапинъ, Ф., 150.
 Сиверсъ, гр., 454.
 Сигизмундъ III, король Польскій, 289, 519.
 Симборскій, 118, 119, 120, 121.
 Симановичъ, въ зам. княгиня Циціанова, 246.
 Симоничъ, графъ, 241, 242, 246, 247, 254, 257, 258, 266.
 Симоновская, Н. П., см. Вольховская.
 Симонъ, 258.
 Сипягинъ, Н. М., 31.
 Сіяльскій, 242.
 Скалонъ, Д. А., 27, 35.
 Скворцовъ, 69.
 Скорятинъ, 210.
 Сленины, 482.
 Слинко, 259, 260, 263.
 Случевскій, 234.
 Смирдинъ, 488.
 Смирнова, А. О., 73, 316, 452.
 Смирнова, О. С., въ зам. баронесса Корфъ, 458.
 Смитенъ, 267.
 Смитъ, Ф., 90.
 Снѣгиревъ, Ив. Мих., 3, 199, 451.
 Соболевскій, С. А., 449.
 Соковнина, 389.
 Соколовъ, Г. А., 1, 2.
 Соколовъ, 50.
 Сологубъ, см. Свистунова.
 Сонинъ, 273.
 Софроній, архіеп., 241, 243.
 Софья Витовтовна, великая княжна, 405.
 Соханская (Кохановская), Н. С., 179, 180.
 Сперанскій, М. М., 146, 466, 467, 468, 469, 470, 473, 484, 485, 490, 491, 493.
 Старинкевичъ, И. А., 199.
 Старинкевичъ, Н. А., 200.
 Старинкевичъ, С. А., см. Вольховская.
 Стасовъ, В. В., 475, 478, 489, 494.
 Стевень, Александръ Христофоровичъ, 498.
 Стевень, Алексѣй Христіановичъ, 498.
 Стевень, рожд. Брунь, 497.
 Стевень, Маргарита, рожд. Бартрамъ, 497.
 Стевень, С. А., рожд. Маркевичъ, 510, 511, 512.
 Стевень, Ф. X., VIII, IX, 2, 12, 59, 63, 83, 84, 105, 106, 127, 151, 152, 154, 157, 168, 313, 367, 425, 460, 462, 487, 488, 497—516, 522, 539, 540, 541, 553, 557.
 Стевень, Христіанъ-Данииль, 497.
 Стевень, X. X., 497, 498.
 Стевень-Штейнгель, Александръ Христіановичъ, 497, 498.
 Степановъ, ген., 226, 227, 236.
 Столыпинъ, А. А., 484.
 Строганова, см. Кочубей.
 Строгановъ, С. Г., гр., 27, 474.
 Строгановъ, гр., братъ С. Г., 474.
 Струве, О. В., 35, 207, 453.
 Струве, 441.
 Суворинъ, А. С., 1, 17, 125, 303, 304, 309, 347, 353, 396, 438.
 Суворовъ, кн., А. А., 186.
 Сукинъ, 493.
 Сулима, 108.
 Сумбатовъ, князь, 249, 257.
 Сухонинъ, С. М., 341.
 Сухоруковъ, В. Д., 137, 138.
 фонъ-Сухтеленъ, гр., П. К., 24, 27, 28, 52, 55, 82, 83, 84, 148, 202, 203, 206.
 Сушковъ, Н. В., 443.
 Сѣмечкина, Т. Б., рожд. Данзасъ, IX, 418.
 Сюзанетъ, гр., 260.
 Талейранъ, 345, 346, 388.
 Татищевъ, воен. мин., 196, 210, 316.
 Таубе, 236.
 Тафаевъ, 43.
 Темиръ-Ханъ, 251.
 Теслевъ, 206.
 Теслевы, 27.
 Геннеръ, 27, 34.
 Тергукасовъ, 275.
 Тессеръ, 252, 276.
 Тимаевъ, 535.
 Тимашевъ, 476.
 Титовъ, А., 2.
 Титовъ, В. П., 322.
 Титовъ, 263.
 Тимофеевъ, 42.
 Толстая, гр-ня, 215.
 Толстой, гр., А. П., 41, 42.
 Толстой, В., 129.
 Толстой, гр., В. В., 412, 418.

- Толстой, гр., Л. Н., 111.
 Толстой, Ф., 216.
 Толстой, Я. Н., 391.
 Толстой, гр., 106, 192, 398, 544.
 Толь, графъ, К. О., 27, 89, 90, 130.
 Томашевскій, 230, 234.
 Торнау, бар., Ф. Ф., 52, 73, 74, 92, 99, 100, 128.
 Гормасовъ, ген., 193.
 Тратилевичъ, 99.
 Траубенбергъ, 171.
 Тройницкій, А. Г., 481.
 Трощинскій, 464.
 Трубецкой, кн., П., 216.
 Трубецкой, кн., С. П., 45, 47, 49, 208, 209, 212, 213, 216, 217.
 Трубецкой, кн., 391.
 Тургеневъ, А. И., 306, 389, 430.
 Тургеневъ, Н. И., 217, 306, 368, 545.
 Тургеневъ, П. Н., 430.
 Турнау, баронъ, 239, 241, 242, 243, 273.
 Тучковъ, А., 159, 164.
 Тырковъ, А. Д., VIII, 152, 155, 424, 541.
 Тютчевъ, О. И., 334, 345, 454, 479.
 Уайтекеръ, см. Энгельгардтъ.
 Убри, 342, 433.
 Уваровъ, 474.
 Урусовъ, кн., А. И., 306, 316.
 Урусовъ, кн., С. Н., 336.
 Урусовъ, князь, фл.-ад., 227.
 Урусовъ, кн., сенат., 370.
 Устиновъ, 25.
 Ушаковъ, 60.
 Ушаковъ, 282.
 Фавръ, Жюль, 337.
 Фадеевъ, А. М., 129.
 Фе, 273, 278, 281.
 Фези, 268, 277.
 Фелейзенъ, см. Родофиникина, 87.
 Ферзенъ, въ зам. Горчакова, 345.
 Фетхъ-Али-Шахъ, 35.
 Филаретъ, митроп., 475.
 Филипповъ, Г. И., 89.
 Филипсонъ, Г. И., 127, 131, 137.
 Фитцджермсъ-де-Бервикъ, 346.
 Фонвизины, 217.
 Фонтонъ, 54.
 Форбось, 153.
 Фридериксъ, бар., 60, 62.
 Фроловъ, П. А., 124.
 Фроловъ, С. С., 520.
 Фроловъ, г.-л., 108, 265, 237, 240, 242, 244, 250.
 Фурманъ, 313.
 Фуссъ, П. Н., 17, 431, 453.
 Харитоновъ, А. А., 21, 22.
 Хвостовъ, 258.
 Хвоцинская, см. княжн. Горчакова.
 Хвоцинскій, 310.
 Хертвинскій, 73.
 Хинджопуло, 180.
 Хинджопуло, М. А., см. Носова.
 Хинновъ, 124.
 Хитрово, 464.
 Ховень, 248.
 Фонъ-дерь-Ховень, бар., Х. Х., 100, 134, 284.
 Ходзько, 257.
 Хозревъ-Мирза, 75.
 Хомутскій, 259.
 Хотяновскій, 252, 260.
 Цебриковъ, 248.
 Цигенбейнъ, 441.
 Цициановъ, кн., П., 246.
 Цюхо, княгиня, 238.
 Цюхо, князь, 264.
 Цукато, гр., 226, 227, 269, 270.
 Чайковскій, полковн., 272.
 Чапманъ, 274.
 Чарыковъ, Н. В., 331.
 Чевкинъ, 229, 474, 475.
 Чевчевадзе, кн., 99.
 Чекменевъ, 224, 255.
 Черевинъ, 164, 216.
 Чириковъ, 460.
 Черкасовъ, 246.
 Черноглазовъ, 62.
 Черниковъ, 237, 249.
 Черняевъ, М. Г., 180, 339.
 Чернявскій, И. С., 69.
 Чернышевъ, гр., А. И., 83, 94, 95, 99, 102, 108, 124, 137, 138, 140, 144, 226, 229.
 Чертковъ, 391.
 Чертопудовъ, 192, 193.
 Чилаевъ, 278.
 Чилиевъ, Б. Г., 176, 233.
 Чириковъ, С. Г., IX, 13, 20, 293, 361, 379, 385, 408, 417, 500, 520 — 522, 525, 526, 543, 554.
 Шамиль, 97, 235, 270, 272.
 Шамшевъ, 445.
 Шаховской, кн., 264.
 Шварценбергъ, 204.
 Швейницъ, 339.
 Швейнфельдъ, бар., 6.
 Шевичъ, 53.
 Шегренъ, 108, 109, 115, 145.
 Шейнъ, бояринъ, 289.
 Шекспиръ, 307, 308.
 Шемиръ-ханъ, 234, 280.
 Шенингъ, Н. И., 41.
 Шепингъ, Э., 491, 492.
 Шилингъ, баронъ, 258, 386.
 Шильдеръ, Н. К., XVI, 101.
 Шимановскій, Н. В., 451.
 Шиповъ, И. П., 45, 51, 78.
 Широкий, 266.
 Сихъ-Али-Бекъ, 257.
 Шляпкинъ, И. А., 12, 54, 294, 362, 380, 454, 462, 554.
 Шостенко, 259.
 Штакельбергъ, гр., 269.
 Штакеншнейдеръ, В. А., 187.
 Штакеншнейдеръ, С. И., рожд. Малиновскаго, IX, 166, 179, 184, 187.
 Штейнгель, гр., 497.
 Шторхъ, Н. А., 349.
 Шуваловъ, гр., 342.
 Шульцъ, 77, 78, 113, 115, 145, 253.
 Шульцъ, 447.
 Шумлянская, О., 387.
 Шубертъ, О., 206.
 Шубертъ, О. О., 24, 27, 34, 35, 75, 77, 82, 83, 88, 206, 207, 208.
 Шумахеръ, 207.
 Щеголевъ, П., 296, 299, 304, 307.
 Щербаковъ, Г. Д., 187.
 Щербатова, княг., 316.
 Щербатовъ, кн., А. П., 52, 64, 99, 136, 138.

- Щербининъ, 27.
 Щолоковъ, 192, 194, 195, 196, 197, 198.
 Эверсманъ, 42.
 Эдинъ-Бекъ, 255.
 Эйлеръ, 431.
 Эксогльмъ, 64.
 Эльснеръ, XVI.
 Эльснеръ, бар., 25, 26.
 Энгельгардтъ, А. Е., 114, 118, 149, 150, 168, 314.
 Энгельгардтъ, В. Е., 98, 114, 173.
 Энгельгардтъ, Е. А., VI, IX, XV, XVI, 1, 14, 19, 21—24, 26, 33, 37, 39—41, 52, 53, 56, 58, 59, 61, 63, 75—78, 81, 82, 84—87, 89—94, 97, 98, 103, 105, 106, 108, 109, 111, 115, 122—125, 127, 128, 143, 166, 167, 168—170, 173, 177, 180, 183, 184, 199—201, 300, 301, 304—306, 312—317, 328, 350, 364—368, 382—386, 388—390, 393, 414, 424, 435, 436, 463, 464, 467—473, 497, 501—511, 513—516, 526, 527, 529, 538, 539, 555—558.
 Энгельгардтъ, Е. Е., 168, 180.
 Энгельгардтъ, Максимъ (Фридрихъ) Егоровичъ, 168, 171, 172.
 Энгельгардтъ, М. Я., рожд. Уайтекеръ (Витекеръ), по перв. браку Ганъ, 98, 180.
 Энгельгардтъ, Н. Е., въ зам. баронесса Остенъ-Сакенъ, 114, 168.
 Энгельгардтъ, О. Е., 114.
 Энгельгардтъ, Ю. В., 173.
 Энгельгардтъ, см. Демидова.
 Энгельгардтъ, см. фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ.
 Эристовъ, Д. А., кн., 468.
 Эсмонтъ, 116.
 Эсперо, 263.
 Эспехо, 274, 281.
 Эссенъ, 104.
 Юдинъ, П. М., VIII, 152—155, 157, 291, 313, 393, 487, 541, 556—558.
 Юзефовичъ, 72.
 Юра, гр., 273.
 Юрьевичъ, 406, 452.
 Явленскій, 241.
 Языковъ, 237, 240, 255.
 Яковлевъ, Мих. Лукьян., VI, VIII, IX, 10, 19, 38, 61, 106, 120, 143, 145, 151—155, 157, 163, 164, 179, 295, 359, 362, 366—368, 371, 391—393, 412, 414, 424, 425—428, 431, 432, 437, 468, 487, 488, 505, 506, 509, 511, 515, 519, 527, 529, 540—559.
 Яковлевъ, Пав. Лукьян., 35, 38, 39, 143, 146.
 Якубовичъ, 267, 268.
 Ярославъ, Мудрый, 289.
 Ячменевъ, 43.

Цѣна 3 рубля.

==== С К Л А Д Ъ И З Д А Н І Я ====
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА
==== С.-Петербургъ, Стремянная, 12, соб. домъ. ====